ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Народное

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ

ЯНВАРЬ
№№ 1-2

ПЕТРОГРАД
1918

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON, D.C. 20540
10 FIRST STREET SE.

СОДЕРЖАНИЕ:

		стр.
Распоряжения Временного Рабочего и Крестьянского Правительства		3
Итоги прошлого года	**В. Полянский.**	31
К вопросу о социалистической школе	**Н. Крупская.**	38
О преподавании русского языка в школах для взрослых	**Н. С.**	44
Задачи союза учителей интернационалистов	**В. Мрочек.**	47
Устав союза учителей интернационалистов		49
Интересная статья	**Н. С.**	51
Наше путешествие в Шанхай (перевод с немецк.)	**Х. Шарельманн.**	53
Библиография		56

Председатель Редакционной Коллегии
П. И. Лебедев-Полянский.

ного Собрания и почерпнув свежие силы в заседанияхъ 3 С'езда Советов, крепче свяжется с народными массами освобожденных им народностей, оно сможет более спокойно и уверенно продолжать свое великое дело разрушения устоев старого мира во всех его областях: в области труда, науки, искусства, техники, школы, воспитания, семейной жизни и т. д. и созидания новых начал, проникнутых великим духом социализма.

Пред нами стоит великая задача: не только понять мир, но и изменить его. И народ берется за это дело. Если он захочет, он сможет. Народ все может.

Заканчивая свой схематический обзор русской революции, при том же по необходимости сжатый до самой последней возможности, невольно хочется сказать «как мало прожито и как много пережито».

В феврале борьба с самодержавием. Общенациональное революционное празднество и целиком буржуазная власть.

Март и апрель полны борьбы Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с властью крупной буржуазии, с Милюково-Родзянковским режимом.

В мае коалиционное правительство из кадетов и мелкобуржуазных социалистов-оборонцев и начало борьбы с революционным пролетариатом.

Июнь. Пролетариат, как авангард революции, выдвигает лозунг «вся власть Советам». Широкая демократия в лице С'езда Советов отвергает этот лозунг. Борьба коалиционного правительства с пролетариатом разрастается.

Июль. Пролетариат с оружием в руках требует, чтобы Совет взял власть в свои руки. Правая мелкобуржуазная часть Совета, довольно еще значительная численно, отказывается от власти и вместе с буржуазией учиняет расправу над пролетариатом. Московское демократическое Совещание, где братаются мелкая и крупная буржуазия в союзе с явными контрреволюционерами, Церетелли, Керенский, Бубликов, Корнилов—выдающиеся фигуры этого совещания.

В августе пролетариат оправляется от своего временного поражения и продолжает наступление на мелкую и крупную буржуазию, требуя снова передачи власти Советам.

Победа в Петроградском Совете пролетариата над мелкой буржуазией; контрреволюционный заговор Корнилова—Керенского против пролетариата.

Сентябрь. Ликвидация Корниловского заговора и подготовка предпарламента.

Октябрь. Последняя борьба пролетариата с мелкой буржуазией. Роспуск предпарламента и диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Ноябрь и декабрь. Идет гражданская война с контрреволюцией на Украйне, на Дону, на Урале и других местах. Укрепляется повсюду власть Советов. Организуется Новая Рабочая и Крестьянская власть. Рушатся старые устои, закладывается новая жизнь. Начало социальной революции.

В феврале царствует Николай Кровавый, а в октябре правит страной подлинное народное правительство.

Действительность обгоняет мечты и желания.

Вся политическая ситуация текущего момента говорит, что в новом году Рабочее и Крестьянское Правительство сумеет отдать свои силы не столько борьбе с контрреволюцией, почти уже обезглавленной, сколько творческой, созидательной работе. Мы верим, что революционный народ во всей полноте проявит свою революционную волю и свою творческую инициативу; мы вступаем в полосу мировой войны международного пролетариата с капиталом. Мир распался на две части. И ничто уже не восстановит прежнего единства. Гордо реет буревестник. Пусть скорее грянет буря...

В. Полянский.

К вопросу о социалистической школе.

В буржуазном государстве—будь то монархия или республика, безразлично—школа является орудием духовного порабощения широких народных масс.

Цель школы в таком государстве определяется не интересами учащихся, а интересами господствующего класса, т. е. буржуазии, а интересы тех и других расходятся зачастую весьма существенно.

Цель же школы обусловливает всю организацию школьного дела, весь уклад школьной жизни, все содержание школьного обучения и воспитания.

Если мы будем исходить из интересов буржуазии, то цель школы будет различна, в зависимости от того, для какого слоя населения она предназначается.

Если она предназначается для детей господствующего класса, она задается

целью подготовить из них людей, способных наслаждаться жизнью и управлять. Типичным образцом подобного рода школ являются так называемые «сельские гимназии» или «новые школы», которые возникли теперь во всех почти странахъ Европы и где денежная и умственная аристократия воспитывает свое потомство. Плата в сельских гимназиях очень высока. Устраиваются они обычно в богатыхъ имениях, оборудованы с необыкновенным комфортом, по последнему слову науки. Дети окружены в этих гимназиях заботой и лаской. Они пользуются свободой, самоуправлением, доверием учителей. Наилучшие учителя раскрывают им глаза на красоты природы, искусства, вводят их во святое святых науки. На укрепление здоровья, ловкости обращено самое тщательное внимание. Вместе с тем в детях стараются развить волю, упорство в достижении намеченной цели, деловитость, уменье управлять собою и другими. В то же время воспитатели стараются заложить в учениках прочные основы буржуазного мировоззрения, обосновать его исторически, этически, философски. Это тем легче, что в сельских гимназиях дети отрезаны от живой жизни, с ее горестями, противоречиями, борьбой. Товарищем мальчика, воспитывающегося в сельском интернате, никогда не может очутиться сын рабочего, семья которого погибает от безработицы. Внушаемые ему воззрения на собственность не могут быть поколеблены рассказом любимой няньки, угадывавшей все его желания и умевшей рассказывать такие чудесные сказки, что вот-де радость была в деревне, когда неподалеку разбило вагон с чаем и все набрали себе чаю, кто сколько мог. Впечатления детства не заставляют его идти на помощь туда, где трудно дышется, где горе слышится.

Если школа предназначается для детей мелкой буржуазии—цель ее воспитать из них кадры бюрократии, кадры «интеллигенции», которая за право на определенную долю общественного пирога будет помогать господствующему классу управлять населением. Такова цель большинства средних и высших школ, вырабатывающих чиновников всех рангов и сортов, этих квалифицированных слуг буржуазии. В школах этого типа обращается особое внимание на воспитание в учащихся исполнительности, аккуратности, усидчивости. Зато подавляется способность самостоятельно мыслить, наблюдать, делать выводы. Большинство сообщаемых знаний носит отвлеченный, книжный характер. Такая школа отучает от физического труда, делает человека негодным ни на что другое, как на то, чтобы поступить на службу. Такой человек целиком зависит от раздающего места правящего класса, его хлеб кушает, его и слушает. Книжная наука отрывает от жизни, изолирует учащихся средних и высших школ от широких слоев трудящихся, делает их чуждыми массам. Особенно тщательно прививается ученикам этих школ культ буржуазного государства.

Что касается народной школы, то буржуазия стремится взять воспитание детей пролетариев целиком в свои руки, сохранить за собой исключительное влияние на подрастающее поколение. Она делает школу обязательной.

Народная школа до последнего времени была школой учебы. Она давала ученикам кое-какие элементарные знания: управлять грамотными массами легче, чем не умеющими прочитать правила внутреннего распорядка или правительственного распоряжения, не умеющими подписать свое имя, сделать самый простой расчет. И чем развитее в промышленном отношении страна, тем больше об'емъ знаний, который требуется от рабочего и крестьянина. Школа дает эти знания, но это дар данайцев, она дает их под условием усвоения учениками буржуазной идеологии. Данный буржуазный порядок установлен самим господом богом, он самый разумный, самый лучший, самый справедливый, внушается ученикам. Лица начальствующие, правящие — лучшие люди, им подлежит беспрекословно повиноваться. В школе ежедневно, ежечасно, ежеминутно ученик упражняется в послушании, в уважении к старшим. Преклонение перед силою, перед богатством, перед буржуазным образованием воспитывается в ученике с самых малых лет. Уроки родного языка, географии, истории служат средством воспитывать в детях самый неудержимый шовинизм. Школа стремится задушить в учениках чувство товарищеской солидарности. Система поощрений, наград, наказаний, отметок имеет целью внушить между учениками конкуренцию, «соревнование». Одним словом, задача народной школы пропитать учеников буржуазной моралью, притупить в них классовое самосознание, сделать из них послушное стадо, которым легко управлять.

Конечно, в зависимости от степени промышленного и исторического развития страны изменяются формы классовой школы. В передовых странах школы совершеннее, методы утонченнее, программа шире, цели школы более замаскированы, но суть дела остается та же. Возьмем, например, доступ среднего образования

для детей рабочих. У нас в России не так давно еще в среднюю школу просто напросто не принимали «кухаркиных детей». В Германии доступ в среднюю школу затрудняется не прямо, а косвенно: программы школ низшей и средней составлены так, что ученик, кончивший начальную школу, по некоторым предметам готов в 4-й класс гимназии, а по некоторым годен только в приготовительный, и вот, чтобы ученику начальной школы поступить в гимназию, ему надо затратить 2—3 года лишних. В Англии вовсе не затруднен переход из низшей школы в среднюю. Напротив, в Англии существуют многочисленные стипендии, которые помогают талантливым и послушным ученикам начальной школы поступить в средние и высшие школы. Английская буржуазия рассуждает так: цель средней школы подготовить кадры интеллигентных слуг буржуазного государства; рабочий класс, как таковой, состоит из людей физического труда, он не может воспитывать в массе своих детей в школах, отучающих от физического труда, в среднюю школу могут поступать лишь немногие избранные, тем самым они уходят из своего класса и вступают в привилегированный класс служащих государства. Если самые талантливые, самые даровитые уходят из рабочей среды, это только выгоднее буржуазии, рабочий класс теряет своих вожаков, обессиливается, обезличивается, а кадры слуг государства усиливаются. Так разрешается вопрос о доступе в среднюю школу. Решение вопроса различно, но суть дела везде одна и та же: средняя школа недоступна широким слоям населения, и знания продолжают оставаться классовой привилегией.

У нас в России буржуазия очень много говорила о всеобщем обучении, о реформе школьного дела, и не только говорила, но и работала в смысле проведения этих реформ в жизнь. Делала она это потому, что прекрасно понимала, что чем совершеннее буржуазная школа, тем более совершенным орудием порабощения народных масс может она быть. Не изменяя целей среднего и высшего образования, не отнимая у средней и высшей школы ее интеллигентского оторванного от жизни характера, не соединяя в этих школах обучения с производительным трудом, нельзя изменить классового характера школы.

Рабочее и Крестьянское Правительство, соблюдающее интересы народных масс, должно сломать классовой характер школы, должно сделать школу на всех ея ступенях доступной для всех слоев населения, но сделать это не на словах, а на деле. Образование будет оставаться классовой привилегией буржуазии до тех пор, пока не изменятся цели школы. Население заинтересовано в том, чтобы у начальной, средней и высшей школы была одна общая цель: воспитание всесторонне развитых людей, с сознательными и организованными общественными инстинктами, имеющих цельное продуманное мировоззрение, ясно понимающих все то, что происходит вокруг них в природе и общественной жизни; людей, подготовленных в теории и на практике ко всякого рода труду, как физическому, так и умственному; умеющих строить разумную полную содержания красивую и радостную общественную жизнь. Такие люди необходимы социалистическому обществу, без них социализм не может осуществиться полностью.

Какова же должна быть школа, чтобы быть в состоянии сформировать таких людей?

Во-первых, школа должна сделать все возможное, чтобы укрепить здоровье и силы подрастающего поколения: она должна обеспечить детям здоровое питание, здоровый сон, удобную и теплую одежду, гигиенический уход за телом, свежий, чистый воздух, достаточное количество движения. Все это господствующие классы обеспечивают своим детям, но необходимо, чтобы это было обеспечено всем детям, без различия имущественного положения их родителей. Летом школа должна переноситься в деревню. Школа должна с самого раннего детства укреплять и развивать внешние чувства: зрение, слух, осязание и пр., т. к. это те органы, при помощи которых человек познает внешний мир. От их остроты, совершенства, развития зависит сила и разнообразие восприятий. Педагоги, особенно Фребель, давным давно указывали на то, что необходимо с самых ранних лет давать детям достаточное количество слуховых, зрительных, мускульных и других впечатлений, систематизировать их, давать ребенку возможность постоянно упражнять свои внешние чувства. Очень рано ребенок стремится наблюдать. Надо научить его это делать. Система игрушек Монтессори и направлена к тому, чтобы не словами, а подбором игрушек приучить самых маленьких детей к наблюдению и к упражнению своих внешних чувств. Очень рано ребенок начинает также стремиться самым разнообразным образом выразить полученные им впечатления: движением, словами, мимикой. Надо дать возможность ему расширить область выражения складывающихся у него образов. Надо дать ему материал: глину для лепки, карандаши и бумагу, всякий материал для построек и т. п., научить, как обращаться с этим материалом. Материальное выражение сложившихся образов служит прекрасным средством проверки и обогащения их. Надо всячески поощрять детское творчество, в какой бы форме оно ни выразилось. Искусство и язык являются могучим орудием сближения между людьми, средством понять и самого себя и других.

Домашняя обстановка большинства населения не такова, чтобы она могла способствовать развитию внешних чувств ребенка и детскому творчеству. Потому необходимо такое количество детских садов, чтобы оно могло вместить всех детей. Эти детские сады должны быть устроены так, чтобы был дан простор индивидуальности каждого ребенка, они не должны быть казармами для малюток, которых заставляют маршировать по звонку, делать движения по указаниям учительницы, «обезьянничать», как выразилась одна французская работница на вопрос, что делают дети в материнской школе. При буржуазном строе детские сады для детей рабочих очень часто вырождаются в такие казармы, но им не место в социалистическом строе.

Когда ребенок научается выражать свои мысли или чувства, он заинтересовывается выражением чужих мыслей и чувств. В этот период развития (приблизительно от 7 ми до 12-ти лет, хотя индивидуальные колебания могут быть очень велики) самый интересный предмет для ребенка—это другой человек. В этот период развития особенно сильна подражательность, которая часто есть не что иное, как особая форма творчества—перевоплощение чужих мыслей и чувств. Этот период, когда у ребенка очень сильно начинают развиваться общественные инстинкты, и человеческая жизнь и человеческие отношения делаются центром его внимания. Школа должна укрепить и углубить проснувшиеся общественные инстинкты ребенка, раскрыть перед ним, что труд лежит в основе человеческого общежития, научить его радости творческого производительного труда, дать ему почувствовать себя частью общежития, полезным его членом. Повышенная подражательность облегчает приобретение разнообразных трудовых навыков, надо их дать ребенку, научить работе. Чрезвычайно важно, чтобы работа носила коллективный характер, так как это способствует выработке уменья сообща работать и жить. Работа дает правильную оценку своих сил, предохраняя и от переоценки и от недооценки их. Совместная работа, общие игры со сверстниками, участие, в различной форме, в труде и жизни взрослых дает богатый материал для выработки у ребенка общественной этики.

В этот период развития ребенка школа, продолжая работу детского сада, должна помогать выливаться непосредственному стремлению ребенка к творчеству в форму производительного, нужного другим труда. Она должна дать общие трудовые навыки, дать возможность широко наблюдать общественные отношения, дать возможность научиться жить с другими, помогая друг другу, переживая сообща многие впечатления. Период от 7-ми до 12-ти лет соответствует тому периоду, когда дети посещают начальную школу. Но что дает она им? Уменье писать, читать, считать, усвоение ряда чуждых, механически усваиваемых идей. Она не дает привычки к труду, не дает детям ни материала для труда, ни нужных указаний, ни времени. Современная школа—школа учебы, а не школа труда. Современная школа заглушает общественные инстинкты детей, а не развивает их, не обращая никакого внимания на игры детей, на их коллективную работу, на участие их в труде и жизни взрослых. Школа отрывает детей от жизни, от взрослых, суживая поле их наблюдения. Она отучает детей от организации, вмешиваясь в каждый их шаг. Начальная школа, общая, конечно, для всех, должна носить, главным образом, практический характер, широко применять трудовой принцип и укреплять общественные инстинкты.

Вторая ступень школы падает на возраст, когда идеть самоуглубление, переработка, систематизация приобретенных впечатлений. Это период изучения. Юноша или девушка изучают самих себя, общество, различные отрасли знаний и умений. Тут особенно сильно работает критическая мысль. В этот период формируется человек. Чрезвычайно важно, чтобы к этому времени у учащегося был достаточный запас впечатлений и фактов. Эти факты располагаются им в известную перспективу, является запрос на всестороннее их освещение, это период выработки мировоззрения. Это период, когда учащимся особенно важно дать метод, дать путеводную нить для организации приобретенных знаний. Это года, когда у учащихся замечается некоторое ослабле-

ние воли, складывающаяся окончательно индивидуальность уходит в себя, внешняя жизнь его идет по заведенному порядку. Чрезвычайно важно, чтобы к этому времени юношей или девушкой были приобретены прочные привычки к труду и общественной жизни. На этот период, когда творческое выражение своего Я несколько ослабевает, должно падать овладение самим механизмом труда в различных областях производства.

Средняя школа, охватывающая эти года школьной жизни, в настоящее время совершенно не обращает внимания на индивидуальность учащегося, на необходимость самостоятельной переработки им приобретенного опыта. Производительный труд, развитие общественных инстинктов играют в современной средней школе совершенно ничтожную роль, в ней царит та же учеба, что и в начальной, то же подавление индивидуальности, та же книжность, та же оторванность от общественной жизни.

Высшая школа преследуетъ уже специализацию, поэтому по сути дела она не может быть всеобщей, и мы тут не будем ее касаться.

Итак, детский сад, начальная школа и средняя школа все это тесно связанные между собою звенья общего развития. Самое главное, чемъ должна отличаться социалистическая школа от теперешней, это тем, что для нее единственная цель—возможно полное всестороннее развитие учащегося; она не должна подавлять его индивидуальности, а лишь помогать ей формироваться. Социалистическая школа—школа свободная, где нет места дрессировке, муштре, зубрежке.

Но, помогая формировке индивидуальности, школа должна подготовить учащегося к тому, чтобы он умел выявить эту индивидуальность в общеполезном труде. И потому второй особенностью социалистической школы должно быть широкое развитие детского производительного труда. Теперь много говорят о трудовом методе, но в социалистической школе должен применяться не только трудовой метод, но должен быть организован производительный труд детей. Социалисты против эксплоатации детского труда, но они, конечно, за детский посильный, всесторонний, развивающий труд. Производительный труд не только готовит из ребенка в будущем полезного члена общества, он делает его полезным членом общества в настоящем, и сознание этого факта ребенком имеет громадное воспитывающее значение. Буржуазная школа дала немало примеров того, как можно организовать производительный труд детей. Организация трудовых и огородных дружин, помощь в производстве статистики, в разноске и сортировке писем, шитье и вязанье теплых вещей для солдат, чистка улиц американскими школьниками, изготовление пищи, ведение счетоводства, определение фальсификации продуктов, расклейка афиш, разноска литературы, изготовление учебных пособий и пр. Все эти опыты организации производительного труда надо собрать, систематизировать, дополнить, развить, придать им как можно более всесторонний характер. Тут на помощь учителям должны придти профессиональные союзы, кооперативы, сельские организации крестьян. Дело это важное, вполне выполнимое, и за него надо взяться немедленно. Конечно, школа, которая будет организовать детский производительный труд, будет мало похожа на теперешнюю школу учебы, но зато она будет тысячами нитей связана с жизнью, с действительностью. Введение в обиход школы детского производительного труда, тесно связанного с обучением, сделает самое обучение во сто раз жизненнее и глубже. И такая школа будет готовить людей, всесторонне подготовленных к труду, умеющих взяться за каждую работу, приспособиться ко всякой машине, ко всяким условиям производства. И это будут люди, в одинаковой мере способные и к тому интеллигентскому труду, который был до сих пор достоянием особого привилегированного слоя и который должно уметь делать само населеніе, чтобы освободиться от зависимости от бюрократии и самому стать хозяином жизни.

Социалистическая школа мыслима только в определенных социальных условиях, ибо социалистической делает ее не то, что во главе ее стоят социалисты, а то, что цели ее соответствуют потребностям социалистического общества. И при капиталистическом обществе могли в отдельных случаях возникать школы, ставившие себе цели воспитания всесторонне развитых людей, с ярко развитой индивидуальностью, с сильно развитыми общественными инстинктами, способных одинаково как к физическому, так и к умственному труду. Но при капиталистическом строе такие школы могли быть лишь единичными явлениями, мало жизненными. Воспитанный въ такой школе юноша попадал, выйдя из школы, в атмосферу, которая очень быстро сводила на нет все плоды воспитанія. В обществе, построенном на делении людей на людей белой и черной кости, на людей «интеллигентского» и людей физического труда, ему приходилось выбирать тот или иной

род труда, и его способность к «всестороннему» труду атрофировалась. Причем выбор того или иного рода труда зависел не от него, а от его кошелька, от его связей в обществе. Неимущий, имевший «связи» лишь в рабочей среде, попадал, совершенно независимо от его жизни, в разряд людей физического труда, а, попав в этот разряд, должен был тянуть лямку людей, живущих продажей своей рабочей силы, и тут его ярко выраженная индивидуальность была лишь помехой, делала для него однообразный, подневольный труд еще тяжелее, еще невыносимее. Сильно развитые общественные инстинкты были применимы лишь тогда, когда у юноши была натура борца,—в других же случаях они являлись лишь источникомъ мучений. Борцов же социалистическая школа в капиталистическом обществе могла воспитывать лишь в исключительных случаях, т. к. борец должен пройти суровую школу жизни, а социалистическая школа, вкрапленная в буржуазный строй, не могла быть ничем иным, как экзотическим растением, как учреждением, оторванным от жизни. И так как социалистическая школа не могла быть при капиталистическом строе учреждением жизненным, в лучшем случае она была не более, как интересным педагогическим опытом. Она могла быть лишь частным предприятием, а не государственным, ибо физиономию государственной школы определял господствующий класс, класс буржуазии, а цели, которые он ставил, были совершенно иные. Класс буржуазии при организации школьного дела исходил из своих интересов, из необходимости обеспечить свое классовое господство, а не из блага индивидуума и блага общества.

Только народное правительство может при организации школы исходить из блага индивидуума и блага общества. Но блага индивидуума и блага общества будут пониматься различно, смотря по тому, в какой момент народное правительство оказывается у власти. Если оно оказывается у власти в период господства капиталистических отношений, тогда народное правительство заинтересовано лишь в том, чтобы создать возможно более демократическую школу, которая может лишь ослабить тот характер духовного порабощения масс, какой принимает школа в капиталистическом обществе. Демократизация школы демократизирует знание и мешает ему сделаться исключительным достоянием господствующего класса. Такой тип демократизированной школы мы находим в Америке, школы, созданной правительством, победившим в американской гражданской войне северных штатов против южных.

Но, когда народное правительство оказывается у власти в момент нарастающей социальной революции, оно, исходя из блага индивидуума и общества, должно сломать старую классовую школу, превратившуюся въ вопиющую несправедливость, и создать школу, которая соответствовала бы потребностям момента. А потребность нарождающегося социалистического строя заключается в том, чтобы воспитать людей, годных для этого строя. Если характерным признаком капиталистического строя было бессмысленное мотовство рабочей силы, чрезмерный труд одних и вынужденная праздность других, то характерным признаком социалистического строя должно быть разумное, планомерное, наиболее целесообразное распределение труда между всеми людьми, превращение труда из подневольного в добровольный. Для этого нужны люди, одинаково приспособленные и к умственному и к физическому труду, умеющие приспособляться к вечно изменяющимся условиям производства, умеющие накладывать на свою работу печать своей индивидуальности. Характер производства будет уже сам по себе воспитывать людей въ этом духе, перерождать их в этом направлении, но переход от подневольного труда к добровольному, от однообразного, узко специального к всестороннему представляет собой длительный процесс, очень трудный вначале, особенно в такой некультурной стране, как Россия, с таким низким уровнем общего образования, и могущий преобразовать все общество лишь при новом поколении, воспитанном в совершенно иных условиях. На социалистической школе и лежит задача воспитать это будущее поколение.

Н. Крупская.

овладеть тем условным «литературным» языком, языком господствовавшего привилегированного класса, на котором писаны и научные и художественные книги. Одна из задач занятий в группе грамотных и заключается в том, чтобы дать ученику возможность вполне понимать литературный язык и самому владеть им. В России пропасть между «интеллигенцией» и народом гораздо глубже, чем хотя бы в Европе, не говоря уже об Америке, поэтому там нет такой разницы в языке, каким говорит буржуазия и трудящийся класс. У нас они говорят на разных языках. Литературный язык в известной мере «иностранный» язык для ученика из народа. Только овладев вполне родным языком, можно переходить к изучению «иностранного». При изучении литературного языка у нас в России непременным пособием должны были быть всякого рода толковые словари, пользоваться которыми надо научить учащегося. Затем надо систематически изучать чуждые народу обороты языка, образы, формы построения фраз. На этой ступени необходимо изучение синтаксиса, который даст ключ к пониманию построения сложных, запутанных фраз литературного языка, изобилующего причастиями, деепричастиями и пр. Русский язык чрезвычайно неразработан, то, что называется у нас «словесностью», охватывает далеко не полно формы языка. Колоссальная разница в этом отношении между русским и французским языком. Там каждый оборот зафиксирован, учтен самым точным образом, имеет свою историю. Наши учебники «словесности» написаны обыкновенно очень сухо, книжным языком, и потому почти недоступны учащимся из народа, для которых они могли бы служить драгоценным пособием.

Конечно, задача занятий русским языком в группе грамотных не исчерпывается ознакомлением с формами литературного языка. На ряду с этим должны быть организованы занятия, помогающие ученику вообще пользоваться книгою.

Должно быть обращено внимание на изложение учениками все более обширных произведений. Сначала излагаются статьи из хрестоматии, при чем обращается внимание на передачу сущности, на уменье отделять ее от формы, на уменье передавать суть дела в сжатой форме. От чтения статей из хрестоматий переходят к чтению отдельных брошюр, которые сначала читаются совместно в классе, потом самостоятельно по указанию учителя; самостоятельно прочитанные брошюры затем излагаются в классе, при чем одну и ту же брошюру прочитывают все и все следят за изложением отдельного ученика, поправляя его, делая свои замечания. В дальнейшем класс подразделяется на группы, каждой группе дается читать особая брошюра, но все даваемые на прочтение брошюры касаются одной и той-же темы. Развивая работу в этом направлении, переходят к составлению небольших, несложных рефератов.

Одновременно с этой работой проделывается другая: разбираются художественные произведения, выясняется, в чем заключается художественность, разбираются литературные произведения с точки зрения художественной формы. Всю эту работу необходимо проделать, чтобы помочь ученикам и в свою речь (устную и письменную) вносить ясное, определенное содержание, придавать ей художественную форму.

Работа грамотной группы в области русского языка очень обширна и может продолжаться не год, а, может быть, гораздо дальше. Самое важное тут дать ученику методы работы.

История литературы не относится, собственно говоря, к области русского языка, она относится скорее к области «обществоведения». В истории литературы самое главное показать, как отражает то или иное произведение известную историческую эпоху (по форме и содержанию). Поэтому история литературы тесно связана с историей. Это уже скорее область углубления понимания общественных отношений, а не область изучения языка.

Вопрос о преподавании русского языка в школах для взрослых только начинает разрабатываться. В этой области предстоит громадная работа.

Н. С.

Задачи союза учителей интернационалистов.

Писать о задачах и целях какой-либо организации по общепринятому мнению нет ничего легче: сначала надо покритиковать старые порядки, а затем рассказать, как вводить новые. Но съ этою кажущеюся легкостью соединяется и громадное затруднение. В самом деле, время громких фраз, красивых жестов и широких обещаний миновало; нужны не слова, а дела, чтобы убедить изверившийся народ; в ответ на заманчивые посулы может последовать холодный упрек, что весь ад вымощен уже давно хорошими намерениями: «А ты вот вынь, да положь, что сделал».

Считаясь с этим, я всетаки думаю, что организации уже по своим задачам могут сразу обнаруживать, чего они хотят. Если эти задачи жизненны, насущны и необходимы, то организация сможет развить широкую и плодотворную деятельность; но эта деятельность может быть развита только в народе и через народ. К нему Союз и обращается.

I.

В ноябре 1917 года, когда русская интеллигенция, пребывая в либералах, испугалась проведенія в жизнь идеи власти народа, идеи, за которую она стояла на словах, среди Петроградского учительства обозначился раскол. Петроградский Учительский Союз, включавший в свой состав людей самых различных политических оттенков, обнаружил в деле политического сыска и ущемления недюжинные способности. На ряду с внешними выступленіями в защиту «порядка и права» господа педагоги ознаменовали свой «курс на Каледина» целым рядом внутренних нарушений школьной жизни. Учителя и учительницы, заподозренные или «уличенные» в большевизме и левом эсерстве, вынуждались к уходу, бойкотировались; у юношей старших классов выспрашивали, что им говорят на уроках; детей городских школ пугали рассказами, что большевики «всех перережут» . . . наконец, желая свалить ненавистное себе Рабочее и Крестьянское Правительство, Петроградский Учительский Союз сорганизовал пресловутую школьную забастовку, потерпевшую ныне такой крах и реальный, и моральный, и исключил из состава Педагогических Советов школ всех лиц, не желавших делать отчисления в забастовочный фонд и протестовавших против втягивания школы в политические распри.

Итак, в половине Ноября впервые собралась на частное совещание группа лиц, преследуемых за свои взгляды больше, чем в Романовские годы. На этом Совещании родилась мысль создать новый учительский Союз, сильный не количественно, а качественно, идущий вместе с трудовым народом и оберегающий школу от разлагающего влияния политиканства. 17 Декабря учредительное собрание Союза об'явило Союз созданным и приняло основные параграфы его Устава.

Союз об'единяет лиц, примыкающих к левым теченіям социальной мысли—левых эсеров, большевиков, интернационалистов, анархистов. Принадлежность к той или иной партии вовсе не обязательна. Название «Учителя Интернационалисты» подчеркивает, что на платформе союза могут об'единяться в совместной работе все, кому дороги общечеловеческие идеалы, кто ненавидит бойни трудовых масс, натравливаемых друг на друга услужающими капиталу, кто хочет вечно идти вперед вместе со всем передовым человечеством. Эта платформа Союза вполне ясно очерчена в первом параграфе Устава: «Союз Учителей Интернационалистов стоит на почве международного движения за социализм и в своих выступленіях действует солидарно с организованным пролетариатом. Для достижения основных социальных, педагогических и профессиональных целей Союз об'единяет всех деятелей в области образования и воспитания, стоящих на почве социальной революции и разрушения современной школьной системы».

II.

Часто приходится слышать, что разрушать школьную систему, разрушать школу—грех перед просвещением, что систему и школу можно лишь исправлять, обновлять, перестраивать. О вкусах не спорят. Любители Тришкина кафтана, конечно, будут протестовать против «разрушения основ, гибели на Руси просвещения» и т. п. Но кто осмелится добросовестно защищать старую школу, пичкавшую нас ненужными знаниями, превращавшую жизнерадостных детей в угрюмых «тупиц и лентяев»—по отзывам начальства, или в засохших буквоедов—на горе народу. Кто осмелится защищать систему, плодившую одних лишь чиновников, сидевших на шее трудового народа и прибегших к саботажу, когда эта многострадальная шея попробовала избавиться от части груза. Кто осмелится отрицать, что плодами русской системы образования

являются: больные глаза и согнутая спина, отвращение к тому, что осталось позади—в школе, и полная неспособность в жизни смело идти вперед.

Тут не помогут никакие частные реформы, никакие заплаты на Тришкином кафтане по рецепту: убавь 2 часа у одного учебного предмета, выброс второй, прибавь 4 часа третьему и т. д. Нужен другой дух школы, нужно не школить, а воспитывать, нужно переучиться самому, если кто сознает свою педагогическую неподготовленность. Но школу 1917 г., школу административной опеки и усмотрений начальства, школу, воздвигнутую на трех китах: *зубрении, долблении и повторении*, такую школу надо похоронить.

Союз знает, что далеко не все «педагоги» пойдут с ним в этом деле разрушения старой и создания новой школы. Но мы не жаловались и не хныкали, когда нас изгоняли из школ; мы не боимся и теперь вступить в бой и принимаем вызов всех узких и мелких патентованных учителей, прячущихся за груды учебников, задачников и хрестоматий и не видящих из-за них ни души ребенка, ни духовной жажды народа. Кто признает основное положение: «современная школьная система должна быть разрушена», тот обязан сделать все выводы из этого положения. И первым выводом является следующий: личный состав учащих должен быть обновлен. И поэтому Союз зовет к себе всех искренно любящих детей и юношество, не обращая внимания на их дипломы. Есть только один ценз—ценз первого параграфа Устава.

III.

Второй параграф Устава гласит:
«Ближайшими задачами Союза являются:
1) создание свободной школы;
2) ограждение прав детства и молодежи;
3) поднятие уровня культуры народа;
4) проведение в широкие народные массы идей свободного воспитания;
5) развитие в своих членах и в учащихся классового самосознания».

Первая задача стара, как мир. Кто не мечтал сделать школу свободной, создать такие условия воспитания подрастающего поколения, когда не будет начальства, циркуляров, опеки и всех прочих прелестей, услаждавших путь гражданина... Роль правительства сводится при свободе школы только к одному: помогать местным самоуправлениям и частной инициативе, поддерживать их материально, снабжать их техникой школьного дела, мертвой и живой. На последнюю сторону надо обратить особое внимание—первое десятилетие целиком уйдет на подготовку нового учительского состава и выравнивание—в педагогическом отношении—старого. Нужны курсы, лаборатории, музеи, нужна сеть педагогических институтов, только по названию похожих на прежние, нужна педагогическая Академия—готовить учителей учителя. И правительство, как аппарат финансового могущества страны, должно это могущество употребить на служение народу, на поднятие уровня его культуры.

Вторая задача—насущный вопрос нового воспитания, пробный камень всякой школьной системы. Ребенок вовсе не копия взрослого человека; у него свой душевный и духовный мир, а, следовательно, и свои права. В известном смысле ребенок—вечно движущийся, ферментирующий кусок жизни. Сущность жизни—жить и двигаться и хотеть жить и двигаться. А мы его засаживаем в парту, это орудие искривления позвоночного столба, принуждаем сидеть неподвижно («не вертись! куда смотришь!»). Ребенок—весь пытливость, весь вопрос; мы его встречаем окриками: «молчи и слушай! не задавай так много вопросов! учись и будешь знать». Детство и юность бессознательно переживает ход развития всего культурного человечества; детские игры—воспроизведение прогресса человеческой расы. Школа убивает эту потребность в корне своей системой классных уроков. Но вот уроки кончены, шумная ватага высыпала на улицу. Домой! Там наконец можно побегать, поиграть. Но дома грозная встреча: «А что задано на завтра? Покажи». И вот после обеда мученик садится готовить уроки, т. е. решать очередные задачи, списывать изящную прозу, учить не менее изящные стихотворения и басни...

Всякий народ хочет видеть своих детей более счастливыми; он через их головы смотрит с надеждою на светлое будущее человечества. Но для этого необходимо, чтобы права детства и юношества были ограждены, чтобы гармоническое развитие личности не подавлялось и не уродовалось в школе и семье. Надо предоставить свободу самому ребенку. Пусть воспитатель, действительно достойный этого имени, поможет ребенку самому воспитать в себе волю и характер; тогда мы получим поколение, умеющее стоять на своих собственных ногах и отражать удары людей и природы. «Единственная причина,—говорит крупный борец за свободное воспитание, Эльслендер,—мешающая людям жить здоровою и разумною жизнью, заключается в развращающем влиянии воспитания, наполненного заблуждениями и предрассудками. Из всех существ, населяющих мир, мы, люди, ведем жизнь, наименее соответствующую естественным законам, и лживые идеи и представления, которыми нас пропитывают с раннего детства, привели нас к тому, что мы даже не в силах понять, что беспорядок есть результат невежественной организации, нами управляющей, и учреждений, нас давящих, и что единственное средство вернуться к порядку заключается в попытке понять работу природы и согласоваться лишь с ее вечными законами».

IV.

Задача воспитания была бы неполна, если бы она не включала в себя и развития классового самосознания. Школа должна стать маленьким государством, где личность подготовляется к своей будущей деятельности в государстве крупного масштаба. Ученик и учитель должны одинаково совершенствоваться. Нельзя стоять на месте. Тогда невольно идешь назад.

Великая социальная революция потрясает Россию и пожар ее загорается во всем старом мире. Повсюду массы пробудились и готовятся идти сомкнутыми рядами на борьбу за лучшее будущее человечества. Учительство в этой борьбе титана не может не принять участия. Мы, члены Союза учителей интернационалистов, не потому порицаем наших товарищей из другого союза, ставших по ту сторону баррикады, что они вступили в политическую борьбу, мы их порицаем за то, что они пошли против народа, против трудящихся масс, против священного права угнетаемых завоевать свое место на земле. И в этой борьбе с защитниками буржуазного государства Союз не останется одиноким: Союз считает себя одним из отрядов пролетариата, несущим факел просвещения страждущего человечества.

Дело воспитания—дело всего народа. Если онъ разделит надежды и убеждения Союза, то деятельность последнего расцветет на благо России.

В. Мрочек.

Устав союза учителей интернационалистов.

I. Цели и задачи Союза.

§ 1. Союз учителей-интернационалистов стоит на почве международного движения за социализм и в своих выступлениях действует солидарно с организованным пролетариатом. Для достижения основных социальных, педагогических и профессиональных целей Союз об'единяет всех деятелей в области образования и воспитания, стоящих на почве социальной революции и разрушения современной школьной системы.

§ 2. Ближайшими задачами Союза являются:

1) создание свободной школы,
2) ограждение прав детства и молодежи,
3) поднятие уровня культуры народа,
4) проведение в широкие народные массы идей свободного воспитания,
5) развитие в своих членах и в учащихся классового самосознания.

II. Деятельность Союза.

§ 3. Для достижения указанных выше целей и задач Союз:

1) устраивает с'езды, курсы, митинги, лекции, выставки, экскурсии и т. п.,

2) основывает и ведет Педагогические Академии и Институты, опытные школы, педологические и психологические лаборатории, клубы детские и молодежи, мастерские учебных пособий, музеи, библиотеки и читальни, справочные бюро и т. п.,

3) выпускает периодические и непериодические издания, производит всевозможные анкеты, выясняет условия труда учителей и собирает сведения о деятельности аналогичных обществ в России и заграницей,

4) поддерживает тесную связь с аналогичными организациями в России и других странах,

5) поддерживает все начинания Рабочего и Крестьянского Правительства, направленные к поднятию народного просвещения,

6) посылает делегатов в Государственную Комиссию и Государственный Комитет по Народному Образованию,

7) организует кассу взаимопомощи и фонд безработных, учреждает стипендии имени Союза для членов Союза и выдает безвозвратные пособия.

III. Права Союза.

§ 4. Союз составляет юридическое лицо и пользуется всеми правами такового.

IV. Члены Союза, их права и обязанности.

§ 5. Членами Союза могут быть:

1) все лица, интересующиеся теоретической и практической разработкой вопросов народного образования и воспитания вообще и согласные с целями Союза,

2) научные и культурно-просветительные организации.

§ 6. Лицо, желающее вступить в число членов Союза, заявляет о своем желании Исполнительному Комитету Союза в письменной форме с приложением рекомендации или двух членов Союза, или соответственной платформе Союза организации.

Прием членов производится Общим Собранием.

Примечание. Порядок вступления, права и обязанности организаций, желающих войти в Союз, определяются в «Инструкции Исполнительному Комитету», утвержденной Общим Собранием.

§ 7. Член Союза обязуется платить ежемесячный взнос в размере $^1/_2$% своего заработка. Вступительный взнос 5 руб. Лицо, не уплатившее членского взноса в течение четырех месяцев, считается выбывшим из Союза, но может быть принято вновь без баллотировки по уплате причитающейся с него суммы.

§ 8. Исключение члена Союза может последовать только вследствие решения Общего Собрания (см. § 12) по письменному мотивированному заявлению, возбужденному перед Исполнительным Комитетом не менее, чем 10 членами.

V. Управление делами Союза.

§ 9. Делами Союза управляют:

1) Общее Собрание,

2) Исполнительный Комитет (Иксуин).

§ 10. Общие Собрания Союза бывают обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные собрания бывают не менее 6 раз в год и в сроки, определяемые предыдущими Общими Собраниями. Чрезвычайные Собрания созываются либо по постановлению И. К., либо по постановлению предшествовавшего Общего Собрания, либо по заявлению $^1/_2$ 10 членов Союза. В последнем случае И. К. должен созвать Общее Собрание в двухнедельный срок со дня подачи заявления.

§ 11. Предметами занятий Общих Собраний являются:

1) рассмотрение и утверждение отчетов и докладов И. К. и Ревизионной Комиссии и годовой сметы Союза;

2) чтение и обсуждение докладов, имеющих отношение к задачам Союза, рассмотрение предложений И. К. и отдельных членов Союза и обсуждение всяких вопросов, вытекающих из деятельности Союза;

3) избрание членов Союза, членов И. К. и Ревизионной Комиссии, а равно и других органов, если таковые будут учреждены;

4) утверждение «Инструкций» Органам Союза;

5) изменение Устава Союза;

6) исключение членов Союза.

§ 12. Общее Собрание открывается Председателем предыдущего Общего Собрания и начинается избранием Председателя и Секретаря данного Собрания. Дела решаются простым большинством голосов. Выборы производятся закрытой баллотировкой. Для решения вопросов под пунктами 5 и 6 § 11-го требуется большинство трех четвертей голосов присутствующих на Собрании членов Союза, но не менее половины всех членов Союза местной организации.

Примечание 1. Председатель И. К. и его заместитель не могут быть председателями Общих Собраний.

Примечание 2. Председатель каждого Общего Собрания выполняет свои обязанности до следующего Общего Собрания.

§ 13. Общее Собрание считается состоявшимся при наличии не менее одной десятой части всех членов Союза. В случае, если Собрание не состоится за неприбытием достаточного числа членов, то для решения поставленных на повестку вопросов созывается вторичное Общее Собрание, действительное при всяком числе присутствующих членов Союза.

§ 14. Общее Собрание избирает ежегодно, с правом отзыва во всякое время, Исполнительный Комитет в составе семи членов и двух кандидатов к ним. Члены Иксуина из своей среды избирают Председателя, его заместителя, Секретаря и Казначея Союза.

§ 15. Общее Собрание руководит всей деятельностью Союза. Иксуин ведет все дела Союза, направляет текущую деятельность и исполняет все постановления Общих Собраний. Подробные указания относительно деятельности И. К. предусматриваются «Инструкцией Исполнительному Комитету Союза», утвержденной Общим Собранием.

§ 16. Заседания И. К. созываются Председателем, или его заместителем, по мере надобности и считаются действительными при наличии 5 членов И. К., в том числе председательствующего.

Примечание. Кандидаты, если они не замещают членов И. К., участвуют в его заседаниях лишь с правом совещательного голоса.

§ 17. Для поверки отчета И. К. и для ревизии кассы и имущества Союза Общее Собрание избирает ежегодно Ревизионную Комиссию в составе трех членов и двух кандидатов к ним. Весь состав Ревизионной Комиссии может присутствовать на заседаниях И. К. с правом совещательного голоса.

VI. Средства и имущества Союза.

§ 18. Средства Союза состоят:

1) изъ ежемесячных членских взносов, вступительных взносов, пожертвований, дарственных записей и отказов в пользу Союза;

2) из доходов от предприятий Союза, сборов от устройства лекций, курсов, спектаклей и т. п.;

3) из процентных денег от имущества Союза, и

4) из Государственных средств, ассигнуемых Союзу на развитие его деятельности.

Утвержден Общим Собранием 21 декабря 1917 г.

Интересная статья.

В сент.—октяб. книжке «Вестника Воспитания» за 1917 г. мы находим чрезвычайно интересную статью *П. Блонского, Аксиомы педагогического дилетантства.* Многое в этой статье очень спорно, неверно, но она важна в том отношении, что ставит ряд коренных вопросов, ответить на которые так или иначе необходимо, вопросов, выдвинутых самою жизнью.

Первый вопрос—это вопрос *о создании новой школы.* Автор пишет. «Повсюду, как аксиому, мы слышим «нужно создать новую школу». «Нужно-ли сейчас создавать новую школу? нет, не только не нужно, но даже вредно, больше того, пагубно». «Если будет сломлена старая школа, и слабая, не слишком авторитетная власть предпишет по ея плану создавать новую школу, то не увидим-ли на местах пассивного сопротивления и, что еще опаснее для детей, педагогического саботажа? Сейчас создавать новую школу—значит идти на явный провал». «Общество право в боязни, что, разрушив старую школу и получив спешные и неавторитетные проекты новой, оно рискует остаться без всякой школы. Пока остра нужда в другом—освободить ныне существующую школу от сковывающих ее бюрократических пут. Правда, уже явочным порядком на местах старые циркуляры часто отменяются, но явочный порядок это—явный беспорядок. И во избежание подобного хаоса необходимо организованное сверху раскрепощение старой школы, чем лучше всего расчистится путь для осуществления новой русской школы. И лишь постольку и необходимо сейчас делать реформу школы. Делать иное—значит бросить школу в пучину борьбы и противоречий». «Создается не школа, а школьный проект; школа-же органически вырастает из истории народа и реальных условий его общественного быта». Реформа школы «сложный, трудный и медленный процесс. И для реформаторов встает задача, как сделать этот процесс более естественным, облегченным и безболезненным». «Реформируя старую школу, мы серьезно верим в возможность создания новой. Но учителя-то прежние, те, которые пропитаны духом школы старого времени. Но культура-то страны русская, которой еще слишком, слишком далеко до западной. Но мы-то сами с новыми-ли головами и сердцами?

Взгляд автора на возможность организации новой школы иллюстрирует парадоксальную возможность для человека, искренне интересующегося судьбами нашей школы и проблемами социального воспитания, сохранить в разгар великой революции старое сердце и старую голову. Человек с обновленным сердцем и обновленной головой не может не понять, что старая школа навеки умерла, так как это была классовая школа, школа, имевшая целью духовное порабощение народных масс. Народ сбрасывает господство буржуазии, он освобождается от рабства, и ему нужна школа, которая воспитывала-бы не господ и рабов, а свободных, сильных, умелых людей. Не легкое, конечно, дело при данных условиях создавать новую школу. Самое худшее, что нет еще кадра опытных учителей, понимающих задачи новой школы, готовых порвать со старыми педагогическими предрассудками и целиком отдаться творческой работе воспитания подрастающего поколения. Но такой кадр создастся и создастся скорее,

*

чем думают, ибо не будет бюрократических пут, тормозящих это дело. А дело живое, интересное, захватывающее. Отовсюду уже тянутся к нему новые силы, полные веры в свою миссию—воспитывать свободных людей. Скоро они об'единятся, сорганизуются, и работа закипит. Но новое вино нельзя вливать в старые мехи, и старую школу надо разрушить.

Автор боится, что школа будет повергнута в пучину борьбы и противоречий. Непонятно, как он ухитряется не видеть того, что школа уже превращена в арену борьбы, и не потому, что ее стали разрушать, а потому, что она была всегда орудием господства буржуазии, и в момент гражданской войны между классами это орудие особенно усиленно пускается в ход. Что же касается противоречий, то нет противоречия более вопиющего, как старая классовая школа учебы в лихорадочно перестраивающемся на демократических началах обществе. Автор прав, что школа должна быть органически связана с экономическими, политическими и общественными условиями страны, но разве он не видит, какой коренной переворот произошел во всей жизни страны, во всем укладе ее жизни, как глубок произошедший сдвиг и какой утопией было-бы желание повернуть назад колесо истории? Старая школа уже не соответствует экономическим, политическим, общественным условиям страны. И поэтому-то она и обречена на гибель.

Что же касается «безболезненности» школьной реформы, медленного процесса ее перестройки, то П. Блонскій совершенно забывает, в какую эпоху мы живем. Воспевать медленную эволюцию в период революции—дело довольно таки безнадежное. Когда ломает весенний лед и вскрывается река, смешно рассуждать на тему, что гораздо «безболезненнее» и естественнее был-бы процесс таяния льда от лучей весеннего солнца. Он и растает, но раньше его разломает река, разрушит и все то, что было на его поверхности.

В одном автор прав, конечно, не нужно прожектерства, все реформы должны органически вытекать из реальных потребностей текущей жизни, основываться на тщательном изучении существующей действительности. Но говорить это—значит повторять, что Волга течет в Каспийское море.

Однако, если мы расходимся с автором в вопросе о ломке старой школы, то согласны с ним в вопросе о необходимости подчинить учителя контролю населения.

Автор оспаривает утверждение, что *школа—дело учителя*, утверждение, постоянно повторяемое на учительских с'ездах и собраниях. «Школа есть общественное учреждение, говорит он, создаваемое обществом для общества. Школьное законодательство и школьное управление должно, как и вся страна, находиться в руках общественной власти, центральной и местной». И вот в органы центральной и местной власти «является учительство и просит для себя особого представительства в будущих органах школьного законодательства и управления». «Учитель не народный представитель, а служащий по назначению. И если мы признаем, что школа должна создаваться волей общества, выражаемой через народных представителей, то странно говорить об особом представительстве служащих по назначению в органах народного представительства. Тогда последние утрачивают свой характер, и идея представительства нарушена. На практике же это должно привести к ряду возможных нарушений общественной воли. В самом деле, представьте, что народ, в лице своих представителей, желает новой школы, но в органе школьного законодательства и управления засело 50% учителей, назначенных и подобранных еще господами старой школы. Представьте и другое—тот, в чьих руках назначение и увольнение учителей, фактически собственник половины голосов в якобы представительном демократическом органе. При чем здесь тогда воля общества?».

«Но голос учительства должен быть слышен. Конечно. Но громче и сильнее всего он будет слышен не тогда, когда в школьном комитете 5 учительских представителей будут спорить с 10 посторонними им. Путь иной, и в некоторых кантонах Швейцарии им уже идут. Там общественный школьный совет не имеет права выносить решения, не заслушав сперва мнения учительства данного района. Это и есть самый правильный путь: решает воля общества, но общество обязано выслушать мнение учительства».

Оспаривает автор и другую аксиому диллетантства, что *«школа должна быть автономна»*. Народное образование должно субсидироваться государством. «Ясно, конечно, что неизбежная экономическая зависимость школы неизбежно создает правовую ее зависимость». «Обогащать дефекты современной школы оторванностью ее от общественного влияния и варением современного учительства в собственном соку, было-бы странно. Школа осуществляет общественные задачи на общественные средства и все живые силы получает от общества—вот это положение скорее несомненно, нежели необходимость замаринования школы в ее «автономных» стенах в то время, как школа именно нуждается в сближении с обществом и жизнью». «В старинном учении об автономии начальной и средней школы есть та доля истины, что учительство боится, что демократия, подобно самодержавию, будет мелочным надзором и произвольными предписаниями стеснять работу учителя». «Учительство право в своем раздражении на предупредительный контроль, хотелось-бы сказать, былой инспекции. Полную отмену так наз. превентативного контроля должно оно требовать. Но оно часто идет дальше: «никакого контроля». Но это уже ночь реакции: учитель обязан отчетом агентам общества: безотчетных деятелей народу не нужно, раз он требует отчета даже от своих выборных представителей». «Учительство право в своем раздражении против мелочных циркуляров, трактовавших даже, кажется, о томъ, сколько времени думать перед выставлением отметки. Оно право, когда говорит: общество, поставь мне задачи, а технику исполнения этих задач предоставь ведать мне, как специалисту». «Но учительство идет дальше: полная независимость». И это опять ночь реакции—это желание учительского произвола. Конституционное право уже давно решило ту проблему, над которой бьется учительская мысль: всякий выборный представитель независимо (без наказа или императивного мандата), но так или иначе подотчетен; всякий служащий по назначению (т. е. и учитель) стоит в иерархическом отношении к тому, кто назначает его, но, в интересах дела, деятельность (компетенция) такого служащего должна определяться лишь с точки зрения цели (т. наз. система особых поручений), в данном случае определение в общих чертах целей учебной программы и предоставление полной свободы в выборе методов». «Мы видим, что учителю в его поисках прав и свободы очень мешает то, что он служащий по назначению». «Потому понятно, что учительство говорит о выборном начале. Под выборным началом учителя понимают выборы педагогическим советом нового члена. Но ясно, что это не выборное начало. Выборы обычно принято понимать, как выборы населением, т. е. получение своего мандата от народа». Выборъ же педагогическим советом нового члена—простая кооптация со всеми своими недостатками: «коллегия подбирает под стать себе товарища и не обновляется, большую роль играет и примитивная агитация чисто личного свойства в местном кругу с ее отрицательными сторонами». Авторъ сомневается, возможны-ли выборы учителей населением (он не указывает, почему эти выборы кажутся ему неосуществимыми), но отмечает, что в немецких и латышских местностях они практиковались и в самодержавной России. От себя скажем, что мы придаем громадное значение выборности учителей населением, т. е. непосредственному контролю населения над учительской деятельностью. Социалдемократия в своей программе всегда настаивала на выборности чиновников непосредственно самим населением, в том числе, конечно, и учителей. Учительство через-чур важная и ответственная функция, чтобы население могло отказаться от своего права непосредственного выбора и отзыва воспитателей молодого поколения. Выборность учителей практикуется и в Америке и в некоторых кантонах Швейцарии. В тех кантонах Швейцарии, где существует выборность, состав учителей гораздо выше, чем в тех, где выборности нет. Необходимо только хорошенько обдумать, как наиболее целесообразно организовать эти выборы. Выборы учителей имеют громадное значение и с точки зрения пробуждения в массах населения интереса к постановке школьного дела, к постановке преподавания, к проблемам педагогики. Пока у нас в России такой интерес почти совершенно отсутствует, а между тем он один лишь является гарантией того, что школа будет соответствовать своему назначению.

. *С.*

Наше путешествие в Шанхай.

Начиная с Пасхи 1910 года, мне пришлось в первый раз, в двух женских школах Гамбурга, учить 13—14-ти-летних девочек писать сочинения.

В обоих классах ученицы, видимо, привыкли стараться употреблять «красивые обороты», писать «литературным» языком. Это стремление давало иногда забавные результаты и всегда шло в ущерб образности и фактической точности. Поэтому своей ближайшей и самой важной задачей я поставил неумолимую борьбу съ фразой.

Желание научить детей как можно раньше говорить и писать бесцветнымъ, условным языком взрослого образованного человека ведет к тому, что дети

Цена 1 р. 25 к.

Государственная Комиссия по Народному Просвещению.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журнал

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

Подписная цена с пересылкою и доставкою в России: на год—18 руб.; на 6 мес.—9 руб.; на 3 мес.—4 руб. 50 коп.; на 1 мес.—1 руб. 50 коп.

ПРОБНЫЕ НОМЕРА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

Председатель Редакционной Коллегии
П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ.

Всякого вида корреспонденцию и денежные переводы направлять
по
АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
Петроград, Троицкая ул., дом № 11, кв. № 19.

Редакция просит авторов писать по новой орфографии и на машине, чтобы не затруднять набора и корректуры.

Телефон Редакции № 88-17.

1918.
Государственная Типография № 1.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ

ФЕВРАЛЬ

№ 3

ПЕТРОГРАД
1918

СОДЕРЖАНИЕ:

		стр.
Распоряжения Рабочего и Крестьянского Правительства		3
Наша революция	**В. Полянский.**	20
Место и роль интеллигенции в обществе	**А. Луначарский.**	24
О светской школе	**Н. Крупская.**	27
К реформе средней школы	**Н. С.**	30
Устав Социалистического Союза деятелей по внешкольному образованию		31
Библиография		34

Председатель Редакционной Коллегии
П. И. Лебедев-Полянский.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 4—5.

МОСКВА. 1918.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Официальный отдел.

I. Конституция Рос. Соц. Фед. Сов. Республики 3
II. Декреты и постановления 12

Общий отдел.

Реформа высшей школы ..... **Домов.** 31
Две или три ступени ..... **В. Орлов.** ... 37
Гора и Жиронда в среде современ. учительства. **П. П.** 38
Учебники и революция ..... **В. Невский.** . 42

Хроника народного образования.

Отчет о деятельности Литературно-Издат. Отдела 50
Обзор деятельности Библиотечного Отдела 56
Деятельность Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины 58
Отчет о деятельности Школьно-Санитарного Отдела 62
Отчет о деятельности Отдела Единой школы 68
Резолюции, принятые 1-м Всерос. С'ездом учителей 70
Резолюции С'езда учителей-интернационалистов 71
Декларация принципов социалистической школы 73

Внешкольное образование.

Внешкольное образование в новом строе .. **Н. Ульянова.** 74
Краткий обзор деятельности Отдела Внешк. Образования .. 77
Об'яснительная записка к проекту сметы расходов по внешк. образ. (Приложение I) 82
Конструкция Внешкольного Отдела. (Приложение II) 87
О работах Лит.-Изд. секции на 1-м Всер. С'езде по Просв. 89
К вопросу о С'езде по Внешк. Образованию. **Ф. Суханов.** 91
О Всерос. С'езде по Внешкольному Образованию 92
О работах секции по Внешк. Образованию на 1-м Всерос. С'езде по Просвещению 97
Библиография 102

Список книг, поступивших в Редакцию для отзыва. 105

Приложение: Инструкция о порядке составления и направления смет по Народному Образованию 106

Редакционная Коллегия.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 4—5.

МОСКВА. 1918.

ного округа для распределения между Центральным Управлением и Губернскими Отделами Народного образования.

3) Здание бывшего Учебного Округа закрепляется за Комиссариатом Народного Просвещения, весь инвентарь—книги и документы бывшего Московского Учебного Округа являются имуществом Народного Комиссариата по Просвещению.

4) Все функции и права Учебного Округа по отношению к учебным заведениям г. Москвы переходят к Отделу Народного Образования Московского Совдепа, а по отношению к губерниям, входившим в состав Московского Учебного Округа,—Отделам Народного Образования соответствующих Губернских Совдепов.

Заместитель Народного Комиссара по Просвещению *Мих. Покровский.*

23.

О закрытии учебных заведений в местностях, где об'явлена всеобщая мобилизация.

В местностях, где об'явлена всеобщая мобилизация, Советам Народного Образования при Совдепах, а там, где их нет, Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов предоставляется право закрывать учебные заведения, разрешать выдачу аттестатов и перевод в следующий класс на основании отзывов педагогических советов за истекшую часть года.

Народный комиссар по Просвещению *А. В. Луначарский.*

Секретарь *Дм. Лещенко.*

24.

Постановление Государственной Комиссии по Просвещению.

О выдаче аттестатов и свидетельств учащимся, принятым в Красную Армию и в санитарные отряды Красной Армии.

Все учебные заведения (в том числе и профессионально - технические) Народнаго Комиссариата по Просвещению, обязаны незамедлительно выдавать учащимся, принятым в Красную Армию и в санитарные отряды Красной Армии, аттестаты или свидетельства о переходе в следующий класс на основании отзывов педагогических советов об успехах за истекшую часть года.

Народный комиссар по Просвещению *А. В. Луначарский.*

Секретарь *Дм. Лещенко.*

27 февраля 1918 г.

25.

Постановление Народного Комиссариата по Просвещению.

О присвоении звания лекаря зауряд-врачам, имеющим 9 и 10 полных семестров и не менее года практики.

Все зауряд-врачи, имеющие зачет 9 и 10 полных семестров и не менее года врачебной практики в госпиталях и лазаретах, как на фронте, так и в тылу, получают степень лекаря.

Народный Комиссар по Просвещению *А. Луначарский.*

Председатель Совета медицинской коллегии *А. Винокуров.*

ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

Реформа высшей школы.

В своей университетской реформе Народный Комиссариат по Просвещению ставит себе тройную задачу.

Во-первых, демократизировать *науку*, ныне составляющую монополию небольшой кучки дипломированных ученых, тесно связанных своими интересами с буржуазией, из рядов которой они, по большей части, и вышли.

Во-вторых, демократизировать *знание*, то профессиональное знание врача, инженера или педагога, которое выделяет их из рядов других работников и дает им превосходство над другими работниками, делает их «начальством» над этими другими. До сих пор это профессиональное знание, даваемое университетами и другими высшими школами, было как бы наследственным уделом сыновей и дочерей зажиточного мещанства—детей чиновников, попов, лавочников, деревенских кулаков. Сын рабочего или рядового крестьянина попадал в университет только в виде редчайшего исключения, благодаря какой-нибудь счастливой случайности. Рабоче-крестьянская республика должна широко распахнуть двери университета перед *своей* молодежью—создать свою истинно-демократическую, рабоче-крестьянскую интеллигенцию, на место того «интеллигентного» мещанства, которое такой лютой ненавистью ненавидит теперь правительство рабочих и крестьян.

В третьих, демократизировать *просвещение*, до сих пор украшавшее жизнь все той же буржуазии и буржуазной интеллигенции, а «трудящимся» предлагавшееся в таком разжиженном виде, что усмотреть в этом пойле следы подлинной науки было нелегким делом. Завоевавший власть народ имеет право на настоящую науку, а не на жалкий суррогат. А уж дело ученых дать этой науке такую форму, при которой она была бы доступна всякому среднему нетупому человеку, пришедшему в университетскую аудиторию с серьезным желанием что-то узнать и чему-то научиться. Замечательно, что все великие и даже просто крупные ученые всегда умели говорить и писать просто—Дарвин, Гексли, Гельмгольц, Клод Бернар, Поль Бэр, у нас Тимирязев, Сеченов. Ключевский и др. Скрывать свое убожество под мудреным языком всегда было уделом ученых тупиц, всеми правдами—а особенно неправдами—забравшихся на университетскую кафедру.

И вот—в этом великая задача университетской реформы, покрывающая все остальные—тройная демократизация высшей школы, прежде всего другого, должна обеспечить место на университетской кафедре настоящим, крупным ученым, подлинному научному творчеству. Ибо, как классовое буржуазное хозяйство пережило давно само себя, и господство капитализма, самым фактом своего существования, искусственно *понижает* производительность труда, *задерживает* развитие производительных сил, так давно пережила сам себя и буржуазная университетская наука. Замечательно, что крупные ученые, еще встречающиеся и в буржуазной среде, хотя все реже и реже, бегут из университетов в разные специальные «институты», где они могут работать, не стесняемые академической китайщиной, мелкими дрязгами и интригами, убивающими всякий творческий дух, всякое желание, всякую способность плодотворно трудиться. Только полная доступность кафедры для всякого, могущего учить, полная доступность аудитории для всякого, желающего учиться, только близкое соприкосновение университета с широкими народными массами могут спасти университетскую науку от старческой дряхлости, признаки которой так явны уже не только у нас, но и на Западе. Там это более могучая и красивая старость, но все же старость—и там университетская академическая жизнь идет не вперед, а назад.

У нас это старческое окоченение очень рельефно выражается несколькими цифрами. Если мы возьмем научную производительность двух крупнейших наших университетов Петербургского и Московского за десятилетие 1907—1916 г.г., мы получим такую картину:

Число ученых работ, опубликованных за десять лет.

Университеты:	Годы:									
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Петербургский.	321	325	353	407	474	477	517	454	541	331
Московский.	819	449	763	908	450	462	594	467	410	456.

Особенно выразительны цифры ученых трудов Московского университета: за 10 лет

число их упало почти вдвое. В Петербургском зато рельефнее картина *застоя*: на протяжении 10 лет мы встречаем в конце снова почти ту же цифру, которою десятилетие началось, так что ученый, проспавший 10 лет, проснувшись, не заметил бы никакой перемены. Пусть на ученой работе университетов, под самый конец десятилетия, отразилась война, пусть резкое понижение кривой, специально для Московского университета, после 1910 г. отметило начало деятельности Кассо: ведь и Кассо, во-первых, не с неба упал, а вышел из рядов той же профессуры (до назначения министром он был профессором гражданского права в Московском университете), а что касается войны, так она науку некоторых других стран в известных областях, связанных, например, с военной индустрией, скорее подстрекнула не только в Германии, но даже и в отсталых государствах, вроде Франции: именно с войной связан целый ряд открытий в физике и химии. Но на работах Российской университетской науки трудно *заметить* это влияние войны: в Московском университете 1913 г. дал 141 работу по физико-математическому факультету, а 1915—124, цифру буквально повторившуюся и в 1916 г. Петербургский же университет, давший по этому факультету в 1913 г. 199 работ, спустился к 1916 г. до 115—на 40% слишком. Война у нас не оплодотворила «точных» наук, как это было на Западе — зато процвели история и филология (в Московском университете в 1913 г. — 79 работ, в 1916 — 115). Как тут не вспомнить патриотическое усердие Московских историков, выразившееся в знаменитом адресе Николаю? Уж не попал ли в число «ученых» работ и этот адрес?

Зная эти цифры, нетрудно было бы предсказать, *к чему* наиболее нетерпимо отнесется российская профессура

В *тезисах*, представленных совещанию по реформе высшей школы, открывшемуся в одной из аудиторий Московского университета в понедельник 8-го июля, было немало новшеств очень «радикальных» на обывательский взгляд: бесплатность обучения, уничтожение дипломов, ученых степеней, участие слушателей в управлении университетами. Против всего этого спорили (даже против бесплатности: пусть читатель не удивляется—из платы за ученье составляются так называемые «специальные» средства университетов, т.-е. средства, находившиеся в бесконтрольном распоряжении профессуры, которые можно тратить, не спрашиваясь начальства; нужно ли об'яснять, сколь это иногда удобно?). Но, в конце-концов, даже самая крупная кость—допущение учащихся в советы университетов—прошла благополучно, лишь слегка поцарапав горло. Принятая по этому случаю подавляющим большинством резолюция гласила:

«Признавая участие представительства студенчества в управлении университетом в некоторых случаях необходимым, а в других допустимым, совещание не возражает против введения представителей студенчества в органы университетского управления с правом решающего голоса во всех вопросах, за исключением избрания профессоров и преподавателей и присуждения ученых степеней. Формы осуществления этого участия (количество представителей, определение избирающих их групп и т. п.) подлежат ближайшему обсуждению при разработке устава на местах».

Даже такой удар обухом по лбу, как краткосрочность профессуры (по тезисам—5 лет), профессорство, только что обеспечивавшее себе, год тому назад, возможность сидеть на кафедре не 25 лет, как было в старое царское время, а целых 30, перенесло довольно твердо. Десятилетний срок (1/3 «завоеванного» российскому ученому мартовской революцией), повидимому, пройдет в Комиссии. Но чего перенести оказалось невозможно, это—создания в университетах особой *ученой* ассоциации, где профессора занимались бы не чтением лекций (раз навсегда составленных в дни молодости и перечитывавшихся до окончания тридцатилетия: сколько воспоминаний должны возбуждать у почтенных старцев пожелтевшие листки!), а самостоятельной научной работой. Слияние с университетом тех научных институтов, куда бежит теперь живая часть профессуры, как указано выше—это было слишком сильно для непогребенных мертвецов казенной науки. Как, помилуйте! Заставлять человека каждые 10 лет, а, может-быть, и каждые 7 доказывать, что он работает? Мешать ему мирно почивать, положив под голову свою докторскую диссертацию, написанную 20 лет назад? От этого российские университеты прямо таки погибнут. Лучше уж пустить в наши аудитории рабочего, уничтожив дипломы и вступительные экзамены. Рабочий, посмотрев да послушав нас, может еще и прочь уйдет, оставив нас в покое. А тут никогда покою не будет. Исследуй, пиши, издавай—можно ли снести такую каторгу?

Само собою разумеется, что Комиссариату по Просвещению никогда не приходило в голову *насильно* заставлять гг. университетских ученых предаваться научному творчеству. Насильно творить нельзя ни в какой области—в научной тем более. Ежели российской профессуре показалось уместно выдать себе свидетельство о научной бедности—ее дело. Научные институты будут основываться вне университетов, живые силы последних будут попрежнему бежать туда, около них будет скопляться та живая, талантливая молодежь, которой никакой скрытый ценз, в форме ли диплома, в форме ли платы за ученье не будет более заграждать дорогу к науке. А научившись сама научно работать, эта молодежь, верно, не забудет своих привычек и выйдет на кафедру, дорогу к которой, опять таки, не будет заграждать ей полусгнивший труп предшествующего научного поколения. Русские университеты сделаются крупными научными центрами, хотят этого или не хотят теперешние «хозяева» университетских кафедр. Но борьба этих «хозяев» против обязательности для них научной работы представляет собою глубоко поучительную страницу, страницу последнюю, истории нашего буржуазного университета. Подобно нашим купеческим династиям, наша буржуазная наука выродилась быстро. И какой скорбной тенью предстали бы перед только что закрывшимся совещанием Пироговы, Кавелины, Костомаровы, основоположники российского буржуазного университета, если бы они могли выйти из могил. Первый докладчик от Комиссариата их именами пытался заклясть университетскую рутину. Тщетно. Речи великих шестидесятников замерли на собрании их духовных внуков, не встретив отклика. Те добивались полной свободы научной работы—эти свято берегут свободу—научно не работать. Где тут понять друг друга?

Вопросом о «научной» ассоциации не исчерпывается, конечно, сущность противоречия между проектами Комиссариата и взглядами тех, кого Комиссариат созвал на совещание. Не исчерпывается этим и значение предпринимаемой реформы. Казовыми концами ее, несомненно, сделаются, с одной стороны, принятая на себя университетами повинность служить делу просвещения широких народных масс (это выразилось в создании особой «просветительной» ассоциации университетов), с другой—в замене выбора профессоров факультетами образованием широких, всероссийских конкурсов. Но к этим вопросам «Народное Просвещение» еще вернется. *Домов.*

Две или три ступени.

Среди вопросов школьной реформы одно из первых мест занимает вопрос об общем плане школьного строительства, вопрос о школьной системе. В огромном большинстве случаев, почти во всех культурных странах земного шара вопрос этот решается исторически: новые потребности времени, новые педагогические веяния вызывали к жизни новые типы школ, — высшие начальные, реальные, коммерческие училища, семинарии, технические сельскохозяйственные школы, эти школы находили себе какое-то место в жизни, в государственном бюджете, в педагогической литературе, но их появление оставляло нетронутой прежнюю школьную схему, их существование ни в какой мере не меняло государственного школьного плана. Отсюда та исключительная пестрота типов школы, то отсутствие всякой системы народного образования, которое существовало до сих пор у нас в России (да и не в одной только России!) и которое многими принималось и еще принимается, по какому-то роковому недоразумению, за самую настоящую систему. Такой „системы", логически продуманной, педагогически и психологически обоснованной, приноровленной к бытовым, культурным, экономическим и иным особенностям нашей России, — не было до сих пор; такую систему как раз надлежит нам построить, предпринимая общую реформу народного образования в государственном масштабе.

Основной идеей российской школьной системы должна быть идея *единой* общеобразовательной школы. Требование единой, однотипной, одной для всех классов страны школы, давно выдвинутое передовыми русскими педагогами, нашло живой отклик в широких слоях русского учительства и русской—социалистической и буржуазной — демократии. В этом вопросе не возникает споров, здесь нет разногласий, здесь единодушие полное. Но это единодушие сейчас же исчезает, лишь только заходит речь о конкретных вопросах организации единой школы, и в первую голову — о ее *ступенях*.

Две или три ступени? Два или три концентра общего образования? Три четырехлетки или две ступени с более продолжительным курсом? Вот различная постановка одного и того же, далеко не решенного вопроса. Какое же решение следовало бы предпочесть в данных конкретных условиях места и времени?

Я не ошибусь, если скажу, что господствующее течение русской педагогической мысли давно предпочитает систему американских четырехлеток всякой другой возможной системе организации народного образования. Больше того. Совсемъ недалеко то время, когда единая школа, разделенная на три ступени, считалась у нас, в России, единственно возможным рациональным типом государственно-школьной организации. Это была эпоха Обществ. Грамотности, 4-й Государственной Думы и „общественных деятелей" типа П. Д. Долгорукова. Тогда считалось бесспорным, самоочевидным, что для повышения уровня грамотности русского крестьянина и рабочего надо создать, рядом с существующей начальной школой, высшую начальную. Тогда было возможно принять с интересом педагогический выкидыш 4-й Думы—высшие начальные училища, — новые тупики для детей демократии. Наконец тогда было возможно мечтать о решении вопросов школьной реформы в России путем умножения этих самых пресловутых высших начальных училищ (Доклады Моск. „О-ва Грамотности" за $19^{10}/_{11}$ уч. год).

Эта эпоха педагогического младенчества оставила в наследие нашему времени определенную инерцию мысли: то решение вопроса школьной реформы, которое 10—8 лет тому назад было достоянием небольшой группы педагогов и общественных деятелей, в наши дни повторяется на все лады в широкой массе русского учительства и в различных группах социалистической демократии. Стоит вспомнить только учительские с'езды прошлого года и проект Государственного Комитета по народному образованию, намеревавшиеся отлить механизм русской школы по американским шаблонам. И только немногие одинокие голоса твердят нам о необходимости отказа от подражаний, о создании российской школьной системы применительно к российским историческим данным.

Защитники системы четырехлеток имеют в своем распоряжении, в сущности говоря, только один аргумент психологического характера. Они указывают на резко выраженные различия трех возрастов учащегося,—детства, отрочества и юности, и отсюда делают совершенно правильный вывод о необходимости различных методов, различного подхода и различного учебного и воспитательного материала применительно к возрастным особенностям учащихся. Такая индивидуализация воспитательной и образовательной работы школы соответственно возрасту может быть достигнута, по их мнению, только при существовании отдельных школ, с различными концентрами, для каждого возрастного периода.

Нетрудно видеть, что приведенная аргументация отнюдь не является неуязвимой. Конечно, возрасты развивающегося человеческого индивидуума—доотроческий, отроческий и юношеский—имеют свои особые психо-физические черты. Конечно, педагогика обязана знать и принимать во внимание эти различия и применительно к ним строить школьную среду. Но почему каждый возраст должен требовать не только особой, но и *отдельной* школьной организации, отдельного концентра знаний, даже отдельного школьного помещения? Почему *невозможно* об'единение педагогической работы над двумя смежными возрастными периодами в стенах одной школы? Ведь сторонникам *отдельного* существования школьных ступеней следовало бы доказать именно такую невозможность. В противном случае, вывод, который они делают, будет шире основания...

Да и по существу этой аргументации можно привести достаточно серьезные возражения. Если соображение о тех или иных возрастных периодах должно служить основанием к созданию особой школы для каждого возраста, то может явиться надобность не только в трех, но и четырех и более ступенях. Приведем в пример скандинавскую среднюю школу, которая считает необходимым создать особый концентр для старших классов (16—18 лет); если бы норвежские педагоги принимали слишком близко к сердцу доводы приверженцев трехступенчатой школы, они предложили бы существенную поправку к их схеме в виде четвертой ступени общеобразовательной школы для юношей в 16—18 лет. Очевидно, нельзя основываться на любых возрастных особенностях; необходимо сначала учесть их характер, значительность, их совокупность, их влияние на последующую жизнь личности и т. д., прежде чем говорить об особой школе для каждого возраста. И с этой точки зрения, наиболее научным будет деление школьного возраста на две ступени. Одну будет составлять возраст второго детства (7—14 л.), другую—ранняя юность. Демаркационной линией является переходный возраст, с его глубочайшими изменениями личности. Несомненно, между так называемым детством и отрочеством нет тех коренных, глубоких, физических, физиологических и психологических различий, как между ними обоими и периодом юности. И уж если необходимо создавать отдельные школы для различных возрастных периодов, то и целесообразнее и научнее было бы все-таки говорить о двух ступенях: для детей в возрасте от 7 до 13—14 лет и для юношей от 14 до 17—18 лет.

Впрочем, лишь очень немногие из сторонников четырехлеток решаются окунуться в дебри индивидуальной психологии. Огромное большинство довольствуется скромной ссылкой на Америку; Америка, мол, страна передовая, педагогика там тоже передовая, и американская школьная система может и должна считаться образцом научной и рациональной постановки школьного дела. Ergo — да здравствуют американские четырехлетки с их самодовлеющим характером, с их законченными в себе концентрами знания!

Посмотрим, однако, что означает американская система на русской почве, в русских условиях. В Соединенных Штатах школьный период начинается с 6 или 7-летняго возраста. Отсюда школьная лестница представляется в следующем виде: от 6 до 10 лет—начальная школа; от 10 до 14 — грамматическая и от 14 до 18—высшая (начальная) школа, соответствующая нашей средней. Как видим, в Америке дело обстоит достаточно гладко: три ступени по 4 года возможны потому, что ребенок с 6 лет уже принадлежит школе. [1])

В России посещение школы начинается с 8-летнего возраста, и при наших бытовых и культурных условиях (раскроссанность деревень; отсутствие детских садов или соответствующих им учреждений) вряд ли возможно предполагать в ближайшее время понижение возрастного ценза для народной школы. Такое понижение увеличило бы, кроме того, школьное население на сотни тысяч и потребовало бы новых кадров учителей. Отсюда всяческие шероховатости в построении ступеней и концентров: продолжительность первой ступени неминуемо будет равна трем годам; да и третья ступень вряд ли будет продолжительнее, если мы не захотим удерживать юношей в средней школе до 20 лет. Ясно, что при таком школьном плане пойдут на смарку все американские концентры, особенно, если принять во внимание разницу в подготовленности русских и американских детей. Ясно и другое: второй концентр в русских условиях грозит захватить в свои стены возраст от 11 до 14—15 лет, т.-е. объединить второе детство и раннюю юность, что будет ни больше ни меньше, как самоуничтожением „системы", поскольку она базируется на психологических предпосылках.

[1]) В некоторых штатах посещение школы начинается с 7 лет, и тогда начальная ступень укорачивается на год.

Но, положим, нам удалось преодолеть все трудности, связанные с понижением возрастного ценза школьников; положим, нам удастся в ближайшие же годы начинать обучение в школах с 7 и даже с 6 лет. Положим, стало-быть, что иноземная система может быть проведена *без всякой урезки*. Возникает вопрос: может ли она, вообще, быть проведена в современной России? Существуют ли для этого достаточные материальные предпосылки?

Двух ответов на этот вопрос быть не может. Материальных предпосылок для проведения в ближайшее время системы четырехлеток у нас нет.

В школьную сеть всеобщего обучения входит у нас около 200.000 начальных училищ, считая бывшие церковно-приходские школы. Это количество школ может обслуживать *менее половины детей* школьного возраста. Если же взять цифру высших начальных училищ различных типов, то наша образовательная скудость, недостаток материальных образовательных рессурсов станет еще очевиднее: у нас всего около 2000 тысяч школ повышенного типа! Ясно, следовательно, что перед нами большой и больной вопрос: что следует предпочесть в данных условиях,—интенсификацию народного образования или экстенсификацию его? массовое распространение начатков просвещения или выработку тонкого слоя народной интеллигенции? Другими словами,— сделать ли центром внимания существующую начальную школу, дать ей иное содержание, расширить, в меру возможности, ее курс, обставить ее возможно лучше вспомогательным материалом; или заняться усиленным насаждением высших начальных училищ, училищ, при всех существующих условиях, „для немногих"?

Далее. Уже для того, чтобы дать возможность хотя бы половине детей, оканчивающих ежегодно нынешние 200.000 начальных школ, пройти еще курс школы повышенного типа, необходимо около 100.000 новых школьных зданий и соответственное количество квалифицированных учителей. Можно ли серьезно говорить об этом в отсталой экономически и культурно стране, стране, истощенной в конец войной и разрухой? И не

будет ли лучшим доводом против увлечения чужеземными схемами и абстрактными проектами тот комический фарс, который разыграло покойное министерство Мануилова, потребовав у министерства финансов кредит на открытие в прошедшем году ...250 новых высших начальных училищ? Если таковы наши культурные возможности в год демократической революции, то не очевидно ли, что нам заманчиво улыбается впереди чудесная перспектива систематического увеличения числа детей-недоучек, ибо учащение высших начальных училищ будет явно отставать от прироста детского населения.

Мне скажут: но у нас есть такой огромный образовательный рессурс, именно для создания высших начальных училищ, как целые сотни учителей средних школ, остающихся без работы с преобразованием существующих средних школ в один верхний концентр, в составе старших 4 классов. Совершенно верно. У нас есть в данный момент очень значительный кадр готовых учителей; есть и определенное количество свободных школьных помещений (нисшие классы средне-учебных заведений), которые можно использовать хотя бы временно. Но ведь то и другое дано нам для *первого года*; а дальше? Сможем ли мы ежегодно возводить такое количество школьных зданий и прилагать к ним такое количество учителей, чтобы дать не только продолжение нисшей школы для счастливой половины детского населения, попадающей в существующие ныне 200.000 начальных школ, но и самую нисшую школу для второй, менее счастливой половины, для которой фактически были закрыты до сих пор двери *всякой* школы, несмотря на бумажный закон о всеобщем обучении и на пресловутые проекты учащения школьной сети? А ведь для нас, социалистов, конечно, неизмеримо важнее обеспечить *всем детям право на школу*, чем создавать небольшие кучки умственной аристократии.

Итак, у нас нет в наличности материальных условий, которые позволили бы говорить о системе четырехлеток, как о чем-то реальном, осуществимом. А без этих условий все толки об американской системе так и остаются толками, и все самые хорошие, самые стройные логические проекты будут не больше, как бумажным творчеством. Опасность остаться только на бумаге грозит этим проектам еще и с другой стороны. При малой культурности русского населения, при отсутствии прочной потребности в широком образовании, у массы русского народа будет слишком мало стимулов отдавать ребенка в какую-то другую школу после окончания начальной. Нельзя забывать того, что значительное количество детей (от $^1/_4$ до $^1/_2$), особенно девочек, не успевало кончить даже существующие начальные школы с трехлетним курсом. Причины этого и в недостаточно сознательном отношении к образованию и в бытовых условиях рабочего населения города и деревни. Мало-мальски взрослый ребенок нужен семье: мальчик, как помощник в сельско-хозяйственных работах, девочка — для присмотра за младшими членами семьи, когда мать занята работой. Прусский школьный закон, учитывая это обстоятельство, назначает семьям, нуждающимся в труде детей, определенное пособие на наем постороннего работника; и в этом гарантия действительности всеобщего обучения. Говорить о чем-либо подобном по отношению к современной России с ее и без того чудовищным бюджетом, с ее все растущим злоупотреблением печатным станком для финансирования государственной казны, не приходится совершенно. Так или иначе, необходимо признать, что широким слоям российской демократии будет чужда и далека наставка к существующей начальной школе; и что общественно-психологические и бытовые (экономические) условия одинаково будут удерживать огромную часть именно беднейшего населения от уступки школе детей еще на 4 года. Это тем более должно иметь место, что раздельное существование ступеней предполагает самодовлеющий характер каждой из них, т.-е. прежде всего вполне законченный и округленный в себе концентр знаний и для нисшей ступени. Доставивши, своему ребенку такое законченное образование (хотя бы и минимальное), огромное большинство родителей будет совершенно удовлетворено: ведь Ваня или Петя *кончил* училище. *Кончил*. Надо хорошо знать Россию, чтобы понимать все значение этого соображения.

Итак, насаждать высшие начальные училища, оставив существующую начальную школу в качестве нисшей ступени, значит фактически, *на дпль* оставить в России огромную массу трудового населения *с одной начальной школой, узаконить малограмотность*. Да и малограмотность тем более очевидную, что, если держать направление реформы на вторую ступень, и ее сделать центром внимания, да еще отделить ее от начальной школы территориально, то будет

слишком много данных для косности начальной школы. В самом деле, плодотворность педагогической работы, постоянное обновление школы, дух исканий вместо духа застоя требуют возможно более частого общения учителей; поэтому работа в коллективе большой школы содержит в себе больше стимулов для педагогического творчества, больше стимулов к реформе школы, чем работа в одиночку. Между тем, вводя в принцип высшие начальные училища, существующие отдельно от нисших, мы обрекаем учителя нисшей школы на прежнее одиночество в деревенской глуши.

Так обстоит вопрос о четырехлетках в русских конкретных условиях. Так суровая действительность калечит и убивает розовые мечты. Но ведь и в самой Америке далеко не все обстоит благополучно по части пресловутых четырехлеток. Прежде всего американская „система" отнюдь не может считаться ни новой, ни—тем более—передовой. Исторически ее происхождение относится к 40-м годам прошлого века,—эпохе, чрезвычайно далекой от современной педагогики. И, конечно, на основателя этой системы, Гораса Малла, гораздо более влияли отголоски средневековой европейской схоластической школы, чем психологические соображения относительно возрастных особенностей детей. Небезынтересно будет указать и на то, что как раз наиболее передовые течения заатлантической педагогики ведут достаточно яркую кампанию *против* этой устарелой системы. Всего чаще делается при этом указание на крайнюю искусственность 3-х концентров и на большую запутанность программ последнего концентра [1]).

Подведем теперь некоторые общие итоги, сделаем необходимые выводы. Если мы хотим строить школьную реформу не в безвоздушном пространстве, а в данных конкретных условиях места и времени, то нам следует, именно во внимание к этим условиям, предпочесть двухступенчатую общеобразовательную школу школе трехступенчатой. Такая школьная система была бы наиболее рациональной с точки зрения экономических, культурно-исторических и бытовых условий русской жизни. Именно двухступенчатая школа, с естественной гранью между ступенями — переходным возрастом,—с наилучшим образом обеспечит поднятие общего уровня массового просвещения. Нисшая ступень в 6 лет обучения и вторая ступень—средняя школа—с 4-годичным курсом, — так мыслится мне школьная система в России в ближайшие десятилетия. Реформа школы в таком направлении делает центром внимания *существующую начальную школу*, повышая ее тип, давая ей иное содержание, углубляя ее работу. Преобразованная начальная школа уже не будет выпускать беспомощных малограмотных детей — да еще накануне острого периода полового созревания — в шумную, трудную, обильную всякими соблазнами жизнь. Она успеет дать широкой массе детей более или менее законченное воспитание и образование, сообщит трудовой и общественный закал, более или менее вооружит их для предстоящей жизни. Начальная школа с расширенным курсом, как один законченный концентр, даст больше стимулов населению не обрывать работы школы на половине. Эта система таким образом наиболее демократична, так как имеет в виду прежде всего всю массу детей школьного возраста.

Такого рода реформа гораздо жизненнее, практичнее, гораздо ближе к наличным материальным ресурсам России. Ее конкретное осуществление можно мыслить таким образом. Существующая в деревне X начальная школа просто продолжает в текущем году свой курс на один год. Если для этого не хватит помещения в школе, можно нанять для одного класса избу. Если в школе был один учитель или учительница, к ним присылается еще один педагог. Если было 2 или 3 учителя, они могут временно, год — два, взять на себя по два отделения. В следующем году в школе открывается пятое отделение; затем, если условия позволяют, — шестое. Школы с четырехгодичным курсом будут первыми, перешедшими к новому строю. Между тем дети, поступающие в этом году, уже могут рассчитывать на весь 5—6-летний курс; занятия с ними ведутся по новым учебным планам, насколько возможно, по новым методам.

Так постепенно, органически из существующего материала вырастет новая народная школа. Совершенно очевидно, что этот план реформы, эта школьная система требуют меньших финансовых рессурсов и менее многочисленные кадры учителей, чем система из 3-х ступеней, предполагающая средние ступени в качестве отдельных школ со своим оборудованием и особым учительским персоналом.

В. Орлов.

[1]) См. П. Блонский. Аксиомы педагогического диллетантства. „Вестн. Восп.". 1917 г.

Гора и Жиронда в среде современного учительства.

(По поводу двух учительских с'ездов).

Везде и повсюду одна и та же картина. Подгоняемые хлестким бичем Немезиды, жестоко мстящей за нашу вековую отсталость, все общественные формации, все сословные, профессиональные или какие-нибудь иные исторически сложившиеся социальные группы быстро подвигаются по пути классового разложения. В процессе этого разложения складываются новые группировки, при чем все яснее и яснее вырисовываются физиономии двух главных полюсов, образующихся в протоплазме каждого ядра накануне его полного распада. С одной стороны, на одном полюсе отслаиваются защитники старых форм общественно-политического уклада, мощно потрясаемого революционными бурями и уже потрясенного в такой мере, что теперь не может быть и речи о возвращении к прежней трогательной идиллии мирного сожительства паука и мухи,—хищника-помещика и закабаленного им крестьянина, эксплуататора-фабриканта и обескровленного бессовестной эксплуатацией рабочего, помпадура-бюрократа и оглушенного полицейским своеволием обывателя. С другой стороны, около другого полюса идет энергичный процесс кристаллизации тех элементов, которые решительно порывают со старым порядком и все силы своего духа мобилизуют и направляют по линии строительства новых форм общественного бытия, еще неясных, еще окутанных гнилыми туманами, подымающимися из болота мещанских пережитков, но тем не менее представляющих уже совершенно реальную цель устремления для пролетарского авангарда.

Образовавшаяся между этими двумя антагонистами пропасть с каждым новым днем переживаемого нами революционного периода делается все глубже и все шире, а для питаемых некоторыми чувствительными гражданами надежд, что, авось, еще удастся перебросить соединительный мостик с одного края бездны на другой, шансов становится все меньше и меньше.

Разгорающаяся борьба двух миров захватила, наконец, и наше учительство. Только что прошедшие перед глазами москвичей два с'езда: один—учителей-интернационалистов и другой—Всероссийский учительский с'езд—с полной очевидностью обнаруживают наличность раскола и здесь, и в этой, еще так недавно, казалось, сплоченной, профессионально однородной среде.

Не далее, как в декабре прошлого года из недр Всероссийского Учительского Союза были выкинуты «уроды в семье»—несколько десятков «изменников», «ренегатов», «штрейкбрехеров», дерзнувших стать в оппозицию к предержащим властям Союза и не согласившихся пойти по предуказанному им пути саботажа и священной войны против рабоче-крестьянского правительства.

Подвергшиеся остракизму отщепенцы после этой хирургической операции, долженствовавшей предохранить учительский Союз от дальнейшей революционной заразы, оказались в положении одиночек, совершенно оторванных от учительской массы и окруженных враждебными стихиями.

Почти одновременно и независимо друг от друга образовавшиеся из выкинутых союзом элементов первые группы учителей-интернационалистов в обоих наших столицах далеко не сразу окрепли, как организации, способные дать бой своему мощному противнику; долгое время не выходя из своего эмбрионального состояния, они давали даже повод думать, что их миссия безнадежна и что в гуще русской учительской массы нет еще благодарной почвы для пропаганды социалистических идей левого учительства.

Но это оказалось не так. Да и можно ли было бы сомневаться в том, что, при нынешнем лихорадочно-революционном темпе жизни, даже такая косная среда, как наше учительство, не надолго сохранит свое блаженное состояние безмятежного покоя.

Уже прошло то время, когда можно было утверждать:

«В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там; во глубине России,—
Там вековая тишина»...

В переживаемый нами момент *там*, в отдаленных глубинах России, пробужденный от вековой спячки народ уже выявил и продолжает выявлять колоссальную мощь своего творческого духа. Весьма вероятно, что в некоторых отношениях, а в том числе, быть-может, и в области народного образования, коллективная работа мысли недавно зародившейся народной интеллигенции, протекающая в обстановке постоянного жизненного опыта в деле созидания новых форм бытия, развертывается более быстрым темпом в каком-нибудь Пошехонье, чем в крупном столичном центре с его шумихой речей и разглагольствованием витий старо-интеллигентского типа. По крайней мере, с'езд провинциальных учителей-интернационалистов доказал, что городское привилегированное учительство столиц не только не ушло вперед, а скорее даже отстало от сельской учительской массы,—и притом не только в смысле политической зрелости, но и по части чисто педагогического творчества мысли.

На с'езд учителей-интернационалистов с'ехалось около 150 человек—по одному, по два представителя с мест. Эта цифра, сама по себе еще далеко не внушительная, все же говорит о том, что теперь уже нет того сплошного черного или темно-серого цвета, которым еще так недавно отливало наше учительство; на этом темном фоне алеют уже там и сям вкрапленные красные точки, и эти точки растут, множатся, кое-где сливаются в красные островки и в недалеком будущем угрожают совершенно изменить масть одной из самых отсталых наших профессиональных групп.

Недостаточно было бы сказать, что большинство с'ехавшихся учителей интернационалистов не принадлежит к учительской аристократии. Правильнее будет с большей категоричностью утверждать, что на призыв московских инициаторов с'езда откликнулся и явился на с'езд только лишь народный учитель, тот именно серенький, незаметный человек, который, всходя на ораторскую трибуну, не умеет фейерверком трескучих фраз ослепить и оглушить невзыскательную аудиторию, не обладает искусством риторической фиоритурой или великолепно рассчитанным театральным жестом вызвать сочувственный гром рукоплесканий, но «волнуясь и спеша», в простых незатейливых формах речи выкладывает перед товарищеской средой все свое демократическое нутро.

Иную картину с внешней стороны представляет другой с'езд, созванный под флагом Всероссийского учительского союза. Когда-то на такие праздники всероссийского учительства с'езжалось много народу. Нынешний очередной с'езд сравнительно немноголюден и лишь в $1^1/_2$—2 раза больше, чем с'езд учителей—интернационалистов. Если судить по общему впечатлению, то можно с уверенностью сказать, что среди членов всероссийского учительского с'езда преобладают учителя средних школ, т.-е. учительская аристократия.

Но и эта «аристократия» находится в полной духовной зависимости от своих вождей, которые присутствуют на с'езде в полном сборе и, сидя в количестве нескольких десятков за председательским столом или в передних рядах, зорко опекают пасомое ими стадо невинных барашков от волчьих зубов хищника-большевика. Вот как, например, характеризует один из делегатов-учителей роль на с'езде этих «властителей дум», якобы «всероссийского» учительства.

«Руководители с'езда — великолепные ораторы, люди солидные и состоятельные, не только писатели, но и издатели. Чувствуется, что давят они своим авторитетом эту изголодавшуюся учительскую массу из Глухова и Несмеловки. Они всегда могут заставить мелюзгу смотреть на вещи так, как им нравится, как они хотят. Любую окраску дадут фактам. Любую ересь выдадут за истину»[1]).

Можно, конечно, не согласиться с автором, что изголодавшаяся учительская «мелюзга» совершенно бессильна противостоять давлению на нее со стороны того или иного «авторитета» и роковым образом обречена на идеологическое подчинение ему. Мелюзга мелюзге рознь. Но то, что товарищу Л-ко удалось наблюдать на с'езде, представляет действительно характерную черту этого с'езда. «Мелюзга», революционная, мелюзга, уже освободившаяся из-под власти кадетско-меньшевистской идеологии, на с'езд, созванный В. У. С., не пошла—просто не сочла нужным пойти (правильная ли то была тактика—это другой вопрос). Но часть «мелюзги», еще колеблющейся, еще не увлеченной революционным потоком, еще способной рукоплескать по поводу хлестких фраз какого-нибудь «вождя» из черно-желтого блока, была представлена на с'езде в таком количестве, что попавшая туда кучка народных учителей из оппозиции (в роде, напр., самого тов. Л-ко), могла чувствовать себя довольно-таки одинокой среди враждебной толпы.

Дирижеры Всероссийского учительского с'езда очень настаивали на том, что об'единяемое В. У. С. учительство аполитично, что и самый В. У. С. ставит перед собой задачу только профессиональной организации русского учительства, а не политической. Их-де миссия заключается в том, чтобы спасти русскую школу от разрухи и указать ей новые проспекты для развития. Их страшно возмущает то обстоятельство, что и их противники, интернационалисты, смеют говорить о новой школе, о трудовой школе, плагиируя, мол, таким образом давно уже выношенные г. г. Золотаревыми идеи.

Ну, конечно, это неверно, будто педагогическая позиция интернационалистов, их мысли, их концепции, их представления о том, чем должна быть новая школа, являются простым лишь повторением того, что уже давно было обмозговано господами маэстро из В. У. С. и изложено в их педагогических credo.

---

[1]) См. статью делегата Л-ко «Учительский с'езд» в № 5 еженедельного приложения к «Известиям В. Ц. И. К.»—«Народное Просвещение».

Вряд ли найдется хоть одно такое основное педагогическое положение, хоть один педагогический лозунг, в котором социалист мог бы подать руку кадету и сказать ему: «о да, гражданин, тут нам с вами совершенно по дороге». Но об этом несколько после. А теперь допустим на минуту, что г.г. Золотаревы, Душечкины и К° действительно могут упрекнуть людей, сочувствующих и помогающих работе Комиссариата по Просвещению, только в том, что в своей положительной программе интернационалистские новаторы вместе с комиссариатскими работниками повторяют целиком идеи г.г. Золотаревых, педагогов «божией милостью», своего же новаго ничего не дают.

Ну, что же, если это так, то отсюда можно было бы сделать только тот вывод, что г.г. Золотаревым надлежало бы последовать благому примеру интернационалистов и обратиться к представителям рабоче-крестьянской политики с предложением использовать для блага народного и их испытанные силы. Раз советская власть пред'являет спрос на их учительский опыт, на продукты их педагогического творчества, так чего же они кобенятся, отчего не идут с открытой душой на помощь советской власти, а лишь скрежещут зубами, ноют, скулят и ругаются нехорошими словами? Ответ на вопрос напрашивается сам собою. И в самом деле, стоило только прислушаться к 5-часовой декламации тех двух дюжин ораторов кадетско-меньшевистской и право-эсеровской марки, которые были мобилизованы для-ради «отповеди» трем интернационалистам, выступившим со своими скромными речами перед враждебной им аудиторией, чтобы политическая подоплека оппозиционности В. У. С. по отношении к советской власти была вне всяких сомнений. О чем говорилось в этих речах? О том ли, что интернационалисты неправильно понимают задачу реформы школы? О том ли, что их педагогические идеи не рациональны? О нет, не на эти темы раздавались соловьиные трели. Один, напр., из ораторов спешил рассказать, что он однажды сам, своими собственными глазами, видел в здании у Чернышева Моста в числе сотрудников Комиссариата по Просвещению такого выходца из черной сотни, что чуть было в обморок не упал от нахлынувших на него чувств ужаса, возмущения и изумления. К сожалению, имени этого таинственного инкогнито черной масти автор «сенсационного разоблачения» не счел нужным назвать.

Кто-то из «авторитетов», делая экскурсию «в область воспоминаний», очень кстати вызвал в своей памяти представление о тех лакированных сапогах, которые он когда-то наблюдал на ногах эс-деков. Огромным центром сочувственного внимания аудитории было сообщение одной девицы, что когда-то в их местности некто, оставшийся неразысканным, совершил гнусное насилие над учительницей, при чем местный советский орган в этом случае обнаружил преступное бездействие власти... и т. д., все в том же роде: анекдоты, злопыхательство, биение себя в грудь, причитания и глухие угрозы по адресу советского правительства...

Уже одной этой картинки было бы достаточно для того, чтобы не ошибиться в оценке политической физиономии той группы учительства, которая об'являет себя (не имея на то сейчас никакого уже права) всероссийским учительским союзом. В сущности говоря, перед нами типичнейшая жиронда, отметенная быстро мчащейся революционной колесницей в сторону, раздирающая в отчаянии свои либеральные ризы и с тоскою оглядывающаяся назад. Ей, несчастной жиронде, и самой хотелось бы немножечко поблагодушествовать и что-нибудь спеть приятным баритоном из тех песен, которые когда-то столь выгодно отличали ее от реакционного хора истинно русской обывательщины. «Но как запоешь песнь Господню в земле чужой?» Как тут затянешь либеральную волынку, когда кругом тебя осаждают враждебно-настроенные с каменными лицами пришельцы из подполья, не желающие слушать сладких песен, а требующие дела и работы в интересах «грядущего хама». О, с каким наслаждением эта бедная жиронда распяла бы на кресте всех этих большевиков, всех этих палачей гения старой культуры, если бы только у нее была силушка! Но—увы!—силушки-то как раз и нет... Не на кого опереться! Проклятый «Хам» об'явил себя творцом новой жизни и совершенно отбился от рук: не верит в старые святыни, отверг демократическую учредилку, по-хамски расправляется с банками, фабриками, заводами и помещичьими усадьбами, все реквизирует и национализирует, а когда благомыслящие элементы, преисполненные горячей любви к родине, во имя спасения этой последней, пытаются привести его к порядку, он немилосердно расстреливает этих патриотов пушками и пулеметами.

Но что особенно возмущает жирондистских дон-кихотов,—так это то, что «хам» перестает уже бояться интеллигентского саботажа и сам берется за решение новых проблем жизни. Он, напр., не просто ломает старые формы народного просвещения, а норовит еще при этом построить новое здание трудовой школы... «Да ведь вы же нищи духом и сами признаете свою бедность по части интеллектуального опыта», злорадно посмеиваются г.г. Золотаревы над представителями новой учительской формации — интернационалистского учительства: «Ведь трудовая школа не вами выдумана... вы просто напрокат взяли этот лозунг у нас и в то же самое время думаете, что обойдетёс без нас», возмущаются руководители В. У. С. Но учительская «Гора» не приходит в смущение ни от этой убийственной иронии ни от этого благородного негодования. Не церемонясь с «солью земли», в лице всех этих Золотаревых, Цветковых, Вахтеровых, Душечкиных и К°, интернационалисты отвечают учительской жиронде: «вы, действительно, обладаете опытом и знанием, но в какой области и для каких надобностей пригодными? Правда, вы—опытные прислужники буржуазии и великолепно знаете приемы обморочиванья масс, при чем такого опыта и такого знания у нас нет, да ведь они же нам и не нужны! Что же касается вашего опыта по части обновления школьной жизни и других форм просвещения народа, то в этом отношении вы безнадежно отстали от нас».

И говоря так, представители революционного учительства совершенно правы.

И в самом деле, каковы те положительные лозунги, которые с'езд В. У. С. кладет в основу своей платформы? Остановимся бегло на главнейших из них и сравним их с теми тезисами, которые характеризуют в данном отношении позицию Союза учителей-интернационалистов.

И тот и другой лагерь говорят как будто об одном и том же—об единой трудовой школе, но смысл в эти слова они вкладывают различный. Что означает в устах идеолога В. У. Союза термин единая школа? На чем здесь хотят обосновать принцип единства школы? Ответ на этот вопрос дает доклад Вахтерова на с'езде: «школа должна быть *национальной*», говорится в этом докладе. Как известно, об единой *национальной* школе мечтают и западноевропейские буржуазные новаторы школы (напр., Кершенштейнер, Гурлит и др.), при чем у них в этом лозунге был, до известной степени, и демократический оттенок, поскольку они оппозиционно выставляли его в противовес тем своим черносотенцам, которые оспаривали принцип равноправия всех элементов нации по отношению к школе. Что же касается наших доморощенных националистов, то у них курс на национальную школу может означать только чистейшее черносотенство. И в самом деле, в каком смысле могут сейчас выставлять у нас в качества боевого лозунга—требование построить новую школу на национальном принципе? означает ли это, что государство не должно препятствовать преподаванию родного для детей языка или на родном их языке? Но разве кто-нибудь после февральской революции оспаривал у нас и этот принцип, и еще более широкий—право на культурное самоопределение национальностей? Какая же надобность в таком случае ломиться в открытую дверь? Ясное дело, что не в этом собака зарыта, а в чем-то другом, при чем весьма легко догадаться, в чем именно. Выдвигая боевым лозунгом национальное воспитание, господа кадетствующие педагоги имеют, очевидно, в виду использование школы, как орудия для проведения их политических тенденций «национального» возрождения России под знаком отечественного империализма. Они мечтают о том, чтобы повторить старую историю собирания Руси в мощное политическое тело, дабы «русский народ» (лучше сказать, буржуазно-помещичьи группы, некогда благодушествовавшие под сению власти дома Романовых) смог, наконец, получить свою «национальную» долю добычи при разделе этой последней акулами мирового империализма. Вот что могут иметь в виду наши буржуазные реформаторы школы, примыкающие в своих политических взглядах и вожделениях к Милюкову Дарданельскому. Ну, конечно, в этом пункте у них с интернационалистами общего языка не найдется. С точки зрения интернационалистов, новая школа должна быть социалистической, и в деле воспитания молодого поколения на первом плане должна стоять идея братства всех народов, идея солидарности всех трудящихся, независимо от их национальных, вероисповедных и других особенностей. В этом-то и вся история, что в то время, как все обе'ктивные условия бытия народов толкают их на путь разрушения национальных и всяких других перегородок, в то время, как капитализм трещит по всем швам и социализм стучится в дверь, реакционеры всех толков и оттенков кричат: назад к монархизму, назад к национализму, назад к старым формам капиталистического производства и т. п. И как бы наша жиронда ни подслащивала эти лозунги,—все равно ей никого не удастся обмануть: это лозунги тех, относительно которых история уже изрекла свой приговор: morituri!

— Мы за трудовую школу!—расшинаются г.г. Золотаревы. Некоторые же из них при этом прибавляют: «но только не за школу-коммуну»... (этот «нюанс», эту разницу отмечает, напр., один из участни-

ков Всеросс. Учит. С'езда). «Ну, еще бы вы стояли за школу-коммуну!» могут сказать им учителя-интернационалисты. Да разве может быть и здесь общий язык между буржуазными и социалистическими педагогами? В то время, как мысль интернационалистов напряженно работает над проблемой о такой живой производительной связи между школой и окружающей жизнью, при которой вся жизнь в целом была бы школой и школа в тесном смысле слова была бы органическим кусочком этой жизни, а не изолированным самодовлеющим мирком,—буржуазные идеологи бормочут неясные слова о трудовой школе, лишенные и для них самих конкретного диалектического содержания, но зато очень ясно и членораздельно выговаривают: трудовая школа с *обязательным в ней преподаванием Закона Божия* для желающих... Трудно сказать, верят ли сами эти представители российского вольнодумства в бога или чорта, но, во всяком случае, они ничего не имеют против того, чтобы в трудовой школе поповщина процветала... В этом пункте они расходятся даже с западно-европейскими представителями буржуазной мысли, хорошо понимающими целесообразность отделения церкви от школы...

В вопросе об учителях?.. Опять-таки полное расхождение между верхами В.У.С. и интернационалистами. С точки зрения последних, принцип выборности учителей самим населением так же присущ всякой подлинной демократии, как и выборность всех вообще должностных лиц. Буржуазные реформаторы настаивают на том, чтобы «хам» не определял судьбы учителя. Учителя могут быть избираемы самими педагогическими советами — и этого с точки зрения гг. Золотаревых вполне достаточно.

А вопросы о просветительном аппарате, об Отделах и Советах Народного Образования? Ну, тут уж, кроме бешеной ругани и злопыхательства, от верхов В. У. С. нечего другого ожидать. Одним словом, какого вопроса ни коснись—между Жирондой и Горой учительства целая пропасть. И хотя Жиронда и спешит выкрикнуть несколько «передовых» словечек—единая, мол, трудовая школа, все это, дескать, наше изобретение, — остерегайтесь подделки и т. п.—эти выкрики никого надолго в заблуждение не введут: уже близок тот момент, когда от этих глашатаев отойдет все подлинно народное, подлинно живое учительство и сами пророки в отчаянии бросятся в тихие струи Леты и бесславно потонут в ней. Только бы уж поскорее, только бы не было того, что случилось с Устюшкиной матерью, которая

«помереть не померла,
только время провела»..

П. Л.

Учебники и революция.

Все согласны с тем, что в школе демократической республики не могут употребляться учебники, составленные для школ самодержавного строя, без существенных в них изменений.

В худших из них — преступное забивание детских голов всяким ненужным хламом и полнейшее игнорирование всех педагогических требований, *воспитание „верноподданных“ путем оглушения*. В лучших — прокрустово ложе официальных программ и вынужденная дань традициям „самодержавия, православия и народности“.

Все признают, что нужна хорошая метла, чтоб дочиста вымести из школьных учебников весь тот хлам, который был включен в них — волей или неволей—в целях воспитания в детях монархических, шовинистических и клерикальных чувств.

Никто не станет отрицать, что воспитание „послушного подданного, верного, надежного чиновника, этого печального, серого существа без идей и идеалов, которое живет только обязанностями и ничего не хочет слышать о правах“ (Л. Гурлит) [1], — что воспитание таких людей — не дело школ демократической республики.

Но, к сожалению, дальше этого большинство наших педагогов не идет. Уничтожение следов павшего *политического* строя в школьном деле они считают своей единственной задачей, совершенно игнорируя тот колоссальный *социальный* сдвиг, что принесла с собой революция (особенно, октябрьская).

Между тем, это обстоятельство является наиболее важным: революция принесла нам не только политическое освобождение и крушение полусгнивших форм государственной жизни, она развязала руки для ожесточенной классовой борьбы, она выдвинула на авансцену

[1] По О. Рюле: „Основные вопросы воспитания“; изд. Прибой, 1918 г., стр. 81.

исторической жизни новые общественные силы (рабочий класс и крестьянство).

Народной школе предстоит не только навсегда отречься от навыков и традиций старого политического строя, *ей нужно решительно примкнуть к трудовому народу*: нужно во всеоружии встретить *новый натиск на школу* — имущих слоев современного общества, стремящихся сделать народную школу одним из орудий своего классового господства. И с этой широкой социальной точки зрения нужно подходить сейчас к школьным программам и учебникам, а не с узкой задачей борьбы с уже умершим политическим строем и его пережитками. Не бледный налет „самодержавной пыли“ — коренное зло наших школьных учебников и программ (у лучших авторов этот налет едва заметен), *а самый „фундамент“ их*—та социальная психология определенного класса (буржуазии), которая пропитала их от корки до корки, — та психология, которая с очищением буржуазного строя от всех крепостнических пережитков может расцвести в России пышными и яркими цветами [1], как и в прочих „культурных“ странах.

Эта психология ставит свою карту *на отвлечение детей от современной социальной жизни, на однобокое изображение жизни трудящихся, на воспитание в детях узкой морали семейного эгоизма и культа отечества.*

II.

Возьмем наши школьные хрестоматии.

„Зима. — Лето. — Животные. — Растения“.—Такова наиболее обычная группировка заключающегося в них материала. Жизнь природы превалирует в них над жизнью людей, хотя малым детям недоступны в полной мере ни эстетическая ценность природы [2] ни ее об'ективное содержание [3]. В этом отвлечении раннего детского внимания от социальной жизни, от людских горестей и радостей—в сторону безликих стихий лежит, *может-быть, одна из главных причин поразительного равнодушия* взрослого человека к страданиям своих собратий, главная причина нашей душевной черствости и позорной снисходительности ко всем гадостям современной жизни... [4])

В тех же случаях, когда наши хрестоматии знакомят учащихся с жизнью людей, включая в себя шаблонные циклы „семья, школа, родина“, тогда это ознакомление носит, обыкновенно, совершенно определенный *классовый* характер.

Во-первых, дети народа знакомятся в таких случаях прежде всего с жизнью людей *имущих и богатых*, взятой в наиболее идеальных ее изображениях, а не с горьким бытом своих родных и близких.

Илюша Обломов—Гончаров, у которого „щечки такие круглые, что иной шалун надуется нарочно, а таких не сделает“, со „своим“ Захаркой. „Внук Багрова“ — С. Т. Аксаков со „своим“ Евсеичем. Николенька—(Лев) Толстой со „своим“ Карлом Ивановичем. Д. В. Григорович с целой кучей „своих“ дворовых людей („Приезд в родное гнездо“ в хрестоматии *Тулупова и Шестакова* „Бодрое слово“, ч. III, стр. 45). А. С. Пушкин со „своей“ кормилицей и няней. Некрасовская Саша, бегающая без дела по полям и лугам в том возрасте, когда уже „переросла колосистую рожь“. Маленький Чичиков (Гоголя), — увы, не имеющий еще ни „своего“ Захарки, ни „своего“ Евсеича, ни „своей“ кормилицы,—но, несомненно, „заработающий“

[1]) Увы и ах! *Ныне* эти цветы отцветут, должно-быть, не успевши расцвесть...

[2]) *Брауншвиг* („Искусство и дита“; изд. т-ва „Знание“) говорит, что детям совершенно недоступна красота картин природы: их интересуют только мелкие детали пейзажа. По данным *Метланда*, основанным на изучении 1570 рисунков калифорнских школ, в возрасте от 5 до 17 лет фигуры людей занимают 45—50% в *детских* рисунках, а неодушевленные предметы стоят на последнем месте.

[3]) — „До известного возраста в детских определениях фигурирует, *по преимуществу, назначение предмета*. По мнению маленького ребенка, говорит Бэрнс, все вещи существуют для того, чтобы удовлетворять какие-либо определенные его потребности напр., — „деревня—это, чтобы закупать в ней леденцы“,—„птицы—это, чтобы делать из них мясо“,—„волк—это,—чтобы иметь от него шкуру“ и т. д. (*Н. Рыбников.* — „Деревенский школьник и его идеалы“; М. 1916 г. Стр. 88).

[4]) — „Один из самых ужасных недостатков современных людей, это то, что в них очень мало человечности. Мы поразительно не чутки к чужим переживаниям и слишком безучастно относимся к людям. Мысль о заработке и связанных с ним преимуществах заняла так много места в сердце, что остальному в этом сердце негде поместиться. В 1917 году после Рождения Христа наш ближний может умереть от голода или тоски среди миллиона своих братьев, и они, если он не „их“, не заметят этого; в 1917 году после Рождения Христа ряд стран предается огню и мечу. И, именно, школа сейчас в слишком малой степени мастерская человечности; *в ней слишком мало говорят человеку о человеке*, в ней совсем не слыхать о братстве людей“ — (*П. Блонский.* — „Задачи и методы новой народной школы“.—Москва, 1917 г., изд. „Задруга“, стр. 33—34).

их в свое время, благодаря твердому уважению прописной морали: „не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце".

— Таковы постоянные образы школьных хрестоматий, неразлучные спутники школьной учебы. *Все это—дети привилегированных слоев населения*, нарисованные самыми радужными красками, дети той среды, где—

„Как только проснется
И откроет глазки,
Снова встретит солнце,
И любовь и ласки".—

(*В. Флеров* „Ясное утро", ч. II, стр. 10).

Дети тех семей, которые не разрушены капиталом, где двери „отворяет с улыбкой доброй няня", где отец „все что-то пишет в кабинете", где мама „по вечерам садится за рояль" и т. д.— таковы те художественные образы, которые наиболее часто встречаются в наших школьных хрестоматиях.

Поскольку же в школьных хрестоматиях изображается жизнь трудовых слоев населения, постольку изображение это, обыкновенно, носит очень однобокий характер, не выходя из рамок: трудолюбивого пахаря, терпеливо несущего свой тяжелый крест; голодного нищего, получающего милостыню из рук доброй барыни [1]); грубого и невежественного рабочего, для которого так нужны и просвещение и... „благодетельная опека" капиталиста и т. д. и т. д.—

Гончаровский *Захар* — „рыцарь лакейский без страха и упрека"; *пахарь* Григоровича,—„из числа тех трудолюбивых, деловитых пахарей старого века, которые, к великому сожалению (господ помещиков? — В. Н.), переводятся год от году"; его же *дядя Аким* — „из числа тех, которые весь свой век плачут и жалуются"; юродивый *Гриша* Л. Толстого; сердобольный *мужик Марей* Достоевского; кающийся Кулак — *Влас* „в армяке, с открытым воротом" Некрасова; забитый *Герасим* („Муму") Тургенева или неудачник *Касьян с Красивой Мечи*, у которого во всем „задачи в жизни не вышло"; *„Бобыль"* Никитина, который „без избы пригрет"; „сирота несчастная"—ремесленный ученик *Ванька Жуков* А. П. Чехова;—„сердцем добрая, ко всем жалостливая, нрава тихого, кроткого, сирота Груня"—*Мельникова-Печерского*, — таковы художественные образы трудящихся, даваемые нашими школьными хрестоматиями. Других — в них нет!

Народ, борющийся со своими угнетателями, народ — бунтарь, выявляющий свою групповую солидарность, народ—творец новых форм быта (революционные организации, профессиональные союзы, кооперативы и пр.) — *такого народа наши хрестоматии не знают!*

Кроме того,—как уже, вероятно, заметил читатель, — все художественные образы наших хрестоматий сильно отстали от жизни: они питаются произведениями наших классиков и взаимоотношениями середины прошлого века, игнорируя живую жизнь настоящего дня...

Главный моральный мотив наших хрестоматий это—*„все должны работать"*: и служанка Федосья, и пчелка, и птичка, и кучер Иван, и собака Дианка, и барчук Сережа, хотя бы и со слезами на глазах [1])—принцип безусловно хороший, но... каким возмутительным лицемерием, *какой колоссальной ложью звучит он в современном обществе*, где чрезмерный труд одних позволяет бездельничать всю жизнь другим, где дети трудящихся масс, нещадно эксплоатируемых, слышат от колыбели до могилы вечно одну и ту же песню, нередко сопровождаемую аккомпанементом кнута:

„Кто работает, тот сыт.
Кто к труду имеет ревность,
Бог того благословит".

(*В. Флеров* „Ясное утро", ч. I, стр 22).

Это лицемерие особенно выпукло выступает тогда, когда к нему прибавляется: „всяк — своего счастья кузнец" (хрестоматия Вахтерова), когда бедняк об'ясняет свою нищету тем, что он „с малых лет не приучился работать" (хрестоматия Флерова).

В системе этой буржуазной морали „божиим велением" провозглашается не крестный путь борьбы за свои идеалы, не святой гнев против угнетателей, не тоска по „звукам небес", а нудная повседневность земли—„трудиться до пота, хлеб для себя добывать". (*В. Флеров* „Ясное утро", ч. II, стр. 3).

В системе этой морали высшее счастье — счастье того человека, у которого нет ни одной рубашки, который в убожестве своем говорит: „наработался, наелся и спать лег; чего мне еще нужно" (Л. Толстой), — credo которого: „не родись богатым, а родись кудрявым" (не пяль глаза на „чужое" добро!): родись трудолюбивым, терпеливым, довольствующимся малым, смиренным и покорным—такова мораль наших школьных хрестоматий, которой пичкаются дети трудового народа (*в чьих интересах — ясно*!).

Те альтруистические, социальные чувства, которые пытаются воспитать в своих читателях—детях наши школьные хрестоматии, насквозь проникнуты *или* узко-семейным эгоизмом *или* национально-готтентотской моралью.

Это—*или:*

„Маму, Боже, ты помилуй,
Папу, няню и меня.
Дай нам в счастьи
светлом встретить
Утро радостного дня".

(*В. Ананьин*, ibid).—

Или:

„Родина святая,
Русь родимая моя",—

о коей, как полагается, — „со всех концов света белого... идет слава громкая", т.-е. тот же „Deutschland über alles", только в менее мажорном тоне.

Засилие великорусского материала в наших хрестоматиях [1]) также—плод вольного или невольного национализма, и если современная педагогика требует локализации учебного материала, приспособления его к местным особенностям и нуждам, то великодержавная политика русской буржуазии, вероятно, потребует от школы усиления, а не ослабления этого великорусского засилия...

Таковы школьные хрестоматии, по которым обучаются дети крестьян и рабочих.—*Не такими должны быть школьные хрестоматии для детей трудового народа*! Живые—борющиеся и страдающие — люди, а не безликая природа, должны быть главным материалом для них; люди всех социальных слоев современного общества *и настоящего дня* (а не трафаретные пахари „по Григоровичу" визави „Аксаковских" помещиков) в их борьбе и солидарности, *и люди трудящихся слоев населения, прежде всего*, на всех крестных путях своей жизни (рабочие, крестьяне, ремесленники, прислуга, ж.-д. служащие, прикащики, мелкие чиновники и др.).

Что касается „моральных тенденций", то готтентотскую мораль *семьи и отечества* должна сменить в школьных хрестоматиях новая истинно-человеческая мораль—мораль групповой солидарности и международного братства трудящихся всех стран: мораль *класса и человечества*... [1])

К услугам демократической (рабоче-крестьянской) школы должны быть „такие хрестоматии для чтения и заучивания наизусть, которые на примерах из истории, на образцах из литературы позволяли бы школьникам усваивать себе чувство творческой солидарности, способность свое „я" подчинять интересам коллектива, готовность жертвовать собой во имя класса и человечества, святое возмущение всякимъ гнетом, ненависть к войне, революционный дух, способный вдохновить их к борьбе за полное освобождение труда". (*К. Фриче:* „Задачи рабочего класса в области воспитания"— в „Изв. Москов. Совета Р. Деп". — за 1917 г.).

III

Если мы возьмем другие учебники, напр., *учебники истории*, то в них та же цель (отвлечение детского внимания от современности и воспитание семейно-национального эгоизма) достигается несколько иными путями.

Первый путь это—искусственный, насильственный отрыв „отечественной истории" от всеобщей, при чем изложение ее носит определенно-шовинистический характер.

Заграничная школа особенно далеко ушла в этом направлении: германские учебники истории для начальных школ,

[1]) В хрестоматии *Флерова* „Ясное утро", ч. II— на 12 листах (23—57 отр.) я насчитал 5 рассказов, в коих фигурируют нищие и сироты. Хрестоматия *Ананьина* — „Русское чтение" — (в. I, М. 1917 г.) еще прямее „бьет в цель". В ней автор счел нужным иллюстрировать известное стихотворение — „Вечер был, сверкали звезды"... — изображением барыни, подающей копеечку двум нищим детям!.. — Сахарными слезами этих „педагогов от филантропии" полны все наши хрестоматии для первого года обучения, материал для коих сочиняется самостоятельно авторами хрестоматий или берется напрокат у очень посредственных писателей.

[1]) *В. Ананьин*, ibidem стр. 64—65.

[1]) По словам *А. Тумима* („Инородческая школа" — собр. статей под общей редакцией Тумима и Зеленко; изд. Карбасникова, 1916 г.), из 160 просмотренных им хрестоматий в 71-ой совершенно не оказалось инородческого материала, а в остальных:—„в хрестоматиях для 1-го года обучения статей об инородцах почти нет. Во 2-ой и 3-ьей книгах инородческий материал носит чисто случайный характер... В некоторых книгах весь инородческий элемент ограничен двумя-тремя анекдотами о глупости, лени или вороватости какого-нибудь инородца" (222 стр.).

[1]) Мораль беспросветного труда, семейного и национального эгоизма настолько тесно срослась с школьным учеником, что даже на 3—4 страницах какого-нибудь жалкого букваря для взрослых автор считает своим первым долгом поучить рабочих и крестьян тому, что „скучен день до вечера, когда делать нечего", и что „велик и славен город Москва" (*В. Ладыженский*, „Букварь для взрослых". М. 1917 г.).— Учили бы Вы этому, г-да Ладыженские, того, кто издает Ваши буквари и кто наживается на народной темноте, а не тех, кто имел несчастье купить Ваш букварь: это не те люди, которым „от утра до вечера делать нечего!"

напр., представляют из себя сплошной перепев национального гимна; в некоторых французских учебниках географии Эльзас-Лотарингия до сего времени изучается вместе с Францией, а не с Германией, при чем не жалеется ни красок, ни слов для возбуждения чувства национальной нетерпимости („немцеедства"); страна молодой капиталистической культуры — Япония — в этом направлении „перещеголяла" даже наших западно-европейских соседей: все учебники истории и географии ее школ являют из себя сплошной дифирамб „монарху и отечеству"; в некоторых школах встречаются географические карты, на которых в одинаковый цвет с Японией окрашено все тихоокеанское побережье, Чукотский полуостров, Камчатка и Владивосток, с такой примерно надписью: „будущие владения Японии. Храни то, что имеешь и заботься о приобретении бо́льшего" [1]). Итти дальше, кажется, некуда.

Огромный вред школьного национализма начинают сознавать даже буржуазные педагоги: в той же Германии, напр., в 4-омъ номере журнала „Международное Обозрение" за прошлый год *Г. Винекэн* пишет: „При будущих мирных переговорах, я думаю, в договоры надо бы ввести пункт, в силу которого государство обязалось бы не возвеличивать войну, как таковую, запрещало всякую пропаганду войны в общественных школах и предписывало бы указывать на ужасы войны и говорить о ней, как о зле, которому надо противиться всеми силами, и не дозволять никоим образом разжигания ненависти к другим народам" [2]). Конечно, поскольку такой совет дается международным дипломатам, он звучит только иронией, ибо „разжигание ненависти к другим народам" составляет профессиональную задачу буржуазной дипломатии; но поскольку борьбу со школьным национализмом берут на себя широкие трудящиеся массы, постольку она приобретает огромное социально-педагогическое значение... Второй путь буржуазной обработки учащихся при преподавании истории в народной школе это—игнорирование новейшей истории, умолчание о всех проявлениях классовой борьбы пролетариата с буржуазией и углубление в отдаленное историческое прошлое.

Следуя этим путем, детям народа полагается, напр., *отчетливо представлять себе такие вещи*, как, напр.: — „Какой был повод ко второй пунической войне? Какой знаменитый полководец начальствовал над Карфагенским войском? Каким путем с Пиренейского полуострова Ганнибал дошел до северной Италии? Почему римский народ был недоволен своим диктатором Фабием Максимом и какое он дал ему прозвище?" и т. д. и т. д., (вопросник к учебнику всеобщей истории для высших начальных училищ *В. Ананьина*; изд. Сытина, М. 1913 г., стр. 172), *но не представляется возможным ознакомиться в школе* с историей Парижской коммуны, с чартизмом, с двенадцатилетним гонением на социал-демократию в Германии (закон против социалистов 1888—1900 гг.), с французским и итальянским синдикализмом, с английским тред-юнионизмом и профессиональным движением рабочих в других странах, с Бельгийскими рабочими кооперативами, с работой социалистов среди Венгерских и Сицилийских крестьян, с крестьянскими кооперативами в Дании и Норвегии, с анархическим движением в Италии и т. д.

Жизнь рабочих и крестьян и их борьба за лучшую долю совершенно игнорируются в школьных учебниках истории и, чем ближе к современности, тем старательнее и полнее!

Мы нарочно взяли здесь учебник *всеобщей* истории, один из наиболее порядочных, одобренный авторитетной педагогической критикой, так как при составлении его почти не было тех „независящих обстоятельств", которые не давали возможности излагать революционное и рабочее движение в учебниках, напр., русской истории,—т.-е. где все содержание учебника определялось той *социальной традицией*, которая неизбежно делает историю в школе орудием классовых целей путем игнорирования современной социальной жизни и борьбы трудящихся за лучшую долю.

В другом популярном учебнике, также одобренном педагогической критикой, *К. А. Иванова* (автора таких хороших книг для учащихся, как „Средневековый город", „Средневековый монастырь" и др.), мы в той же самой мере можем констатировать полное игнорирование современности. В нем также *ни слова* о социальном движении XIX века и те же *длинные, скучные и никому ненужные повествования* о „делах давно минувших дней", в таком, примерно, духе: „В начале XII века на английский престол вступил Генрих II Плантагенет, правнук Вильгельма Завоевателя по дамской линии. Он начал собою новую династию—Плантагенетов. Кроме Нормандии, он владел еще другими обширными землями во Франции... Но могущество Генриха было сильно ослаблено его борьбою с кентерберийским архиепископом Ѳомою Бекетом. Причиною раздора между ними послужили стремления короля, во-первых, ограничить ведомство духовных судов, подчинивши духовенство в мирских делах королевскому суду без права апеллировать к папе, во-вторых, установить, чтобы отлучение от церкви имело силу только после королевского утверждения, и в-третьих, оставить только право назначать высших духовных лиц в Англии". (151 стр.).—*Спрашивается:* не только детям крестьян и рабочих, но вообще-то, кому нужно, *кроме профессиональных историков*, знание всех этих исторических тонкостей из жизни Англии XII века?!.

Учебники *русской* истории для начальных школ, совершенно умалчивая о социально-экономических явлениях XIX века и заканчивая свои повествования обыкновенно на мученической кончине императора Александра II, также *с большим усердием*, достойным лучшего применения, копаются в „делах давно минувших дней, в преданиях старины глубокой" [1])...

Отказавшись от исторических анекдотов и бессмысленного перечисления царских имен и батальной хронологии, школьные учебники истории в лучшем случае перешли к курсу культурно-бытовой истории (с сильным перевесом политических фактов и с никчемным изложением всех тонкостей быта и внешней культуры), но не к социально-экономическому курсу, *не к истории классовой борьбы трудящихся за свою жизнь и счастье*. А только такая история может быть полезна детям народа, только такая история может их заинтересовать!

Безконечно далеки, конечно, все эти школьные учебники от социологического изучения истории, от *исторического материализма*, представляющего из себя наиболее законченное воплощение идеи исторической закономерности [1]).

IV.

В заключение позволим себе привести проект обращения к учащим начальных городских школ г. Минска, принятый по предложению автора настоящих строк школьной комиссией Минской городской Думы в октябре месяце прошлого года, по вопросу о школьных хрестоматиях. Это обращение намечает *первые шаги* на путях приспособления школьных учебников к новым условиям государственной и общественной жизни страны и может быть не бесполезным для многих работников по народному образованию на местах. Оно гласит следующее:

„Граждане учащие!

„Великая русская революция окончательно уничтожила старый самодержавный строй.

„В своей международной политике революция провозгласила великие принципы братства народов и право каждой нации на самоопределение.

„В своей культурной программе революция выставила одним из первых требований — отделение школы от церкви и полную светскость школы.

„Учитывая все эти обстоятельства, Комиссия по Народному Просвещению Минской Городской Думы предлагает вам на уроках классного чтения, — впредь до введения в школы новых хрестоматий, отвечающих всем требованиям революционно-демократического миросозерцания, — решительно избегать чтения с учащимися того материала, который может содействовать пробуждению и развитию в них *монархических, национально-шовинистических и мистических чувств*

---

[1]) См. книгу *Н. Дмитриева* „Национальная школа", который с восхищением перебирает этот шовинистический материал в иностранных учебниках для начальных школ, скорбя о слабости национализма в русской школе.

[2]) По статье *Н. Крупской*—„Дорогу таланту"—(„Летопись", 1917 г., № 5—6).

[1]) Не лишены русские учебники истории также и дифирамбов „царю и отечеству" даже лучшие из них. Так, напр., очень приличный учебник русской истории для начальной школы *проф. А. Я. Ефименко*, говоря об освобождении крестьян, употребляет такие выражения: „Государь непременно хотел (?) отменить крепостное право" (стр. 85) *или:* „Всюду, куда приходил манифест, его встречали, как светлый праздник: звонили во все колокола, встречные обнимали друг друга, поздравляя с радостной вестью о воле" (стр. 86) и т. д.,—что *и исторически неверно* (народ встретил манифест не колокольным звоном, а „дубьем": см. *В. Горн*, „Крестьянские движения за полтора века"; М., изд. „Польза" 1909 г., стр. 29 и след.) *и педагогически-нецелесообразно*, воспитывая в детях низкие „верноподданнические" чувства. К сожалению, этот „колокольный звон" и пр. встречается почти во всех школьных учебниках русской истории.

[1]) Подробнее о школьном преподавании истории см. нашу статью — „История в школе для взрослых" в „Сборн. статей по внешкольному образованию"—(изд. „Задруга", 1917 г.).—Вторая статья на ту же тему будет помещена в ближайших номерах журнала „Народн. Просвещение".

и идей, как, напр., старый национальный гимн, стихотворение Жуковского—„Слава на небе солнцу высокому", стих. Майкова—„19 февраля", стих Никитина—„Русь", отрывки из Гоголя—„Русь", славянофильские стихотворения Тютчева, „Бородино"—Лермонтова, „Полтавский бой"—Пушкина, народные песни о покорении Казани и Сибири (Вахтеров, 3 и 4 год обуч., 595 и 610 стр.), стих. Пушкина—„Галуб" и очерк Немировича-Данченко—„Веселая игра"—(там же 503 стр.), расск. Достоевского—„Мальчик у Христа на елке", стих. Жуковского—„Суд Божий над епископом Гаттоном", очерк Салтыкова-Щедрина—„Христос Воскрес!"—(Вахтеров, 155 стр.) стих.—„Всенощная в деревне"—С. Аксакова и тому под.—менее известных авторов.

„Хрестоматии Баранова („Добрые семена"), А. Рождественского, Гусевой („Родная Нива"), Кл. Лукашевич, Ф. А. Тарасыгина („Матушка-Русь") и др. им подобные, перенасыщенные шовинистическим и мистическим материалом, совершенно не должны употребляться для классного чтения.

„Считая борьбу *с „военной психологией"* среди детей одной из главных задач демократической школы, Школьная Комиссия Минской Город. Думы в особенности предостерегает Вас от всяких чтений, разговоров и бесед на военные темы, всемерно воспитывая в детях сознание международной солидарности и братства трудящихся всех стран, которых не могут потопить никакие реки братской крови.

„Далее Комиссия по Народному Просвещению Минской Городск. Думы обращает внимание граждан учащих на то обстоятельство, что художественный материал в существующих школьных хрестоматиях берется почти исключительно из произведений так назыв. „классиков" русской литературы, совершенно упуская из виду мировую литературу и произведения современных писателей, в результате чего, с одной стороны, суживается умственный кругозор учащихся узко-национальными рамками,—а, с другой, отдельные слои и классы соврем. общества (помещики, крестьяне, рабочие, торгово-промыш. буржуазия и пр.) даются учащимся лишь в художественно-устаревших образах (крестьяне—по „Запискам охотника", Григоровичу и стихотворениям Никитина и Кольцова, дворяне—по С. Аксакову, Гоголю, Тургеневу и Гончарову, купцы—по Островскому и Мельникову-Печерскому и т. д.), игнорируя дальнейшее развитие и современный облик социальной психологии отдельных обществ. групп. Желая устранить эти дефекты, Комиссия по Народному Просвещению Минской Городск. Думы предлагает Вам, по мере возможности, вести на уроках русского языка и рекомендовать учащимся для внешкольного ознакомления чтение *классиков мировой литературы и современных (русских и иностр.) писателей*, не замыкаясь в узкие рамки существующих школьных хрестоматий.

„Далее, учитывая то обстоятельство, что в существующих школьных хрестоматиях крайне бедно и односторонне представлена—в художественном отображении—жизнь широких трудовых масс, и совершенно не представлена их борьба за лучшую долю, и полагая, что будущее страны принадлежит именно этим трудовым массам, а не имущим слоям населения,—Школьная Комиссия Минской Городск. Думы предлагает Вам возможно всесторонне освещать на уроках классного чтения *жизнь и борьбу трудовых масс* (крестьян и рабочих), прибегая, помимо хрестоматий, к посторонним источникам, в виде чтения отрывков из таких произведений, как, напр.: произведения *М. Горького* („Враги", „Мать", „Лето" и ранние рассказы), крестьянские рассказы *Бунина* („Деревня" и др.), *Муйжеля*, *М. Пришвина*, *И. Шмелева*, *Вересаева*, *Белоконского*, („Из записок земского статистика"), *Арцыбашева*, („Кровавое пятно", „В деревне" и др.), *В. Дмитриевой*, *Милициной и И. Франко*, очерки *Тана*—„Новое Крестьянство", произведения *И. Вольнова* („Крестьянская хроника"), пьесы *Е. Чирикова* („Мужики", „Ефрем" и др.), пов. *Бибика*—„К широкой дороге", очерки *Н. А. Рубакина* („Среди борцов", „Перед рассветом" и др.), романы—*Француза*—„Борьба за право", *Золя* „Углекопы", *Шпильгагена* „Один в поле не воин", *Швейцера* „Эмма", *К. Фибиха* „Ради хлеба насущного", *У. Синклера* „Джунгли", *Дж. Лондона* „Железная пята", *П. и В. Маргерит* „Коммуна", *Швейхеля* „За свободу" (Кр. война 1525 г.), *Эркман-Шартриана* „История одного крестьянина", *Мериме* „Жакерия", пьесы—*Мирбо* „Дурные пастыри", *Гауптмана* „Ткачи", *Делле-Грация* „Катастрофа" и т. п.

„Особенное внимание рекомендуется обращать на те художеств. произведения и отрывки из них, в коих обрисовывается революционная борьба крестьян и рабочих за лучшую долю, примеры революционного самопожертвования и героизма, классовой солидарности и единения и пр.

„В заключение, учитывая разноплеменный состав Минского населения и исключительное внимание школьных хрестоматий к жизни и быту великоруссов, Комиссия по Народному Просвещению обращает Ваше внимание на необходимость классового и внеклассового ознакомления учащихся с жизнью и бытом белоруссов, евреев, поляков и других национальностей, населяющих Минскую губернию, путем чтения соответствующих художественных и популярно-научных произведений и отрывков из них. Указатель таких произведений к сему прилагается [1])".

Приспособление школьных учебников к интересам и миросозерцанию широких трудовых масс все местные деятели по народному образованию должны считать своей первой задачей в настоящее время. *В. Невский.*

(Кострома, Губ. Совдеп).

---

[1]) Составлен по книге *Тумина и Зеленко* (ред.)—„Инородческая школа".

6.

Резолюции, принятые Первым Всероссийским С'ездом учителей 8 июля 1918 г.

I.

О Всероссийском Учительском Союзе.

Заслушав сообщения членов Всероссийского Учительского Союза, командированных на Всероссийский С'езд учителей, созванный Комиссариатом по Просвещению,—С'езд, после всестороннего обсуждения вопросов, затронутых этими докладами и дальнейшими речами, постановил:

1) В виду того, что В. У. С., в лице своих руководящих органов, как это видно из оглашенных документальных данных, вошел в контр-революционный «Комитет Спасения Родины и Революции»;

2) Что он организовал преступную учительскую забастовку против народа и его детей;

3) Что он поддержи а сознательный и злостный саботаж учительства, с целью окончательно разрушить весь школьный аппарат;

4) Что он выступает против демократического принципа выборности учителей самим населением;

5) Что в противовес обще-человеческой и интернациональной школе он стремится построить школу на базе национализма;

6) Что, изменяя признанному даже радикальной демократией и обязательному для социалистов принципу светской школы, он сохраняет Закон Божий в качестве обязательного для школы предмета;

Всероссийский Союз учителей, перед лицом всего учительства, заявляет, что он не может иметь ничего общего с В. У. С. и горячо призывает всех товарищей, по примеру Бронницкого учительства Московской губернии, отшатнуться от этой организации, итти в ряды Союза учителей-интернационалистов или же в новые профессиональные об'единения, дабы об руку с органами народной воли и народной власти дружно и радостно строить светлое здание единой трудовой социалистической школы будущего.

Резолюция была принята большинством всех голосов против восьми.

II.

По вопросу об Единой школе.

Мы, учителя народной школы, участники 1-го Всероссийского С'езда учителей, созванного Народным Комиссариатом по Просвещению, не по наслышке лишь знающие о трудовой обстановке жизни рабочих масс и крестьянской бедноты, не можем не видеть той логической и органической связи, которая существует между общественно-организованным трудом и единой трудовой школой. Единая трудовая социалистическая школа, общедоступная, совместная, светская, гармонически развивающая личность ребенка и всемерно способствующая его социальному развитию, является одной из ближайших целей развертывающейся на наших глазах мировой революции.

В этой школе-коммуне производительный труд должен быть не простым педагогическим придатком к обучению, а является основным фактором, проникающим через все стороны школьного бытия ребенка. Общественный труд, общественный человек, общечеловеческие идеалы, а не националистические лозунги—должны быть осью воспитания молодого поколения.

В этом смысле борьба за трудовую социалистическую школу стоит на знамени и нашего, организующегося на началах интернационализма, народного учительства.

III.

По докладу „Борьба с туберкулезом в школе и семье".

1) В виду опасности всеобщего заражения туберкулезом и важности оздоровления каждого члена Российской Республики, борьба с туберкулезом необходима и должна быть делом обще-государственным и народным, а не филантропическим.

2) В борьбе с туберкулезом должны быть применены не паллиативные меры, а радикальные, и прежде всего, должны быть разделены на школы нормальные и на школы—санатории различного типа, соответственно проценту заболеваемости детей в каждой местности.

3) Самодеятельность населения в борьбе с туберкулезом лучше всего могла бы проявиться в форме широкой повсеместной организации «групп-содействия».

IV.

Обращение первого Всероссийского С'езда учителей к Совету Народных Комиссаров.

Всероссийский С'езд учителей обращается к Совету Народных Комиссаров с настоятельной просьбой, в интересах дела народного образования, в частности, школьного, ускорить проведение в жизнь декрета об удешевлении тарифа на провоз книг и учебных пособий.

V.

Заявление учащих Бронницкого уезда Московской губернии.

Учащие Бронницкого уезда Моск. губ., имеющие мандаты на настоящий Всероссийский С'езд учителей, просят огласить по окончании прений по докладам господ представителей Всероссийского Учительского Союза свой протест по поводу допущенной членом Всероссийского Учительского Союза, г-ном Богачевым, безцеремонной попытки опорочить постановление с'езда учащих Бронницкого уезда указаниями на сознательно якобы допущенные несоответствия между отдельными выражениями статьи по этому поводу в «Известиях Ц. И. К.». Такие приемы должны быть признаны недопустимыми. Точность цитированного сообщения подтверждается нами полностью и может быть установлена протоколом упомянутого с'езда Бронницкого учительства. Нет сомнений, что непрошенным и самозванным ревизорам и следователям из среды Всероссийского Учительского Союза Бронницкое учительство сумеет сказать самым решительным образом: «руки прочь».

Следует восемь подписей.

7.

Резолюции С'езда учителей-интернационалистов. Общая резолюция.

С'езд утверждает, что главною целью новой школы должно быть воспитание всесторонне развитой творческой личности.

Признавая, что наша школа всех типов, как школа словесно-книжного направления, не соответствует интересам трудового народа, с'езд считает необходимым дать образованию *политехническое направление*, а школу обратить в трудовую коммуну, основанную на самодеятельности, на производительном труде на общую пользу и приспособленную к местным условиям, стоящую на принципе: «Не от книги к жизни, а от жизни к книге» и на воздействии одного элемента школы на другой. Школа не должна противополагаться жизни, а, совпадая с нею, стремиться к созданию гармонически развитого человека.

Необходимыми условиями бытия школы должны быть: бесплатность, всеобщность, обязательность, единство, непрерывность и преемственность всех его ступеней.

С'езд считает необходимым немедленно же приступить к организации сети трудовых школ.

Признавая несостоятельность огромной массы педагогов прежней формации, С'езд считает, что насущнейшей необходимостью для создания кадра учителей в новые школы является создание краткосрочных учительских курсов политехнического направления, где учителю не столько говорили бы, сколько показывали на практике, как надо учить; теперь же необходима также организация Педагогических Академий, которые готовили бы учителей для школы всех ступеней.

Средняя школа существующих у нас типов должна быть, по возможности, скорее ликвидирована.

С'езд считает, что учитель должен ближе подойти к народу и вложить свою щедрую лепту в дело просвещения и взрослого населения.

Признавая огромную роль школы, как орудия классового господства, С'езд верит, что Советская власть положит свою твердую руку на руль школьной политики, а подлинно народное учительство придет своей организационной работой во всех областях просвещения народа (дошкольного, школьного и внешкольного) ему на помощь, чтобы разорвать желёзное кольцо империализма и окончательно свергнуть иго капитализма.

Будучи убежден, что так называемый «Всероссийский Учительский Союз» не удовлетворяет уже давно лучшую часть учительства, особенно народного, 1-й С'езд учителей-интернационалистов считает необходимым организовать Всероссийский Союз Учителей-Интернационалистов, который и привлечет наиболее чистый поток учительства из старого союза и учителей, стоящих на распутьи.

Одна из очередных задач учителей-интернационалистов,—как можно ближе подойти к работе Советских организаций, чтобы итти в ногу с революционным пролетариатом и беднейшим крестьянством.

Но С'езд учителей-интернационалистов, зная ужасающее материальное положение учителя, считает своим святым долгом напомнить Советской власти, что никакими новыми направлениями и типами школ, никакими методами и программами нельзя создать дело истинного народного образования при помощи голодных учителей, а потому необходимо поторопиться с улучшением материального положения учителя.

О создании дома В. С. Уч.-Интерн.

Признавая необходимым тесное единение всех учителей-интернационалистов и работников по строительству новой школы в центре Российской Советской Федерации

в г. Москве, С'езд учителей-интернационалистов постановил просить Комиссариат по Народному Просвещению немедленно приступить к созданию дома В. С. Уч. Ин., который мог бы быть центром для всех приезжающих из провинции учителей-интернационалистов, где бы учителя могли ознакомиться со всей текущей работой Комиссариата, с новыми школами, литературой по организации новых школ и по педагогике вообще, при чем этот дом мог бы обслуживать материальные нужды нуждающихся учителей. Дом В. С. Уч.-Ин. должен быть постоянным.

О текущем школьном моменте.

Приветствуя энергию Нар. Ком. по Пр. в деле школьной революции, Всероссийский С'езд левого учительства, со всей остротой, чувствуя грозное приближение нового учебного года, постановляет, что хотя бы для частичного проведения в жизнь новых педагогических идей необходимо немедленно озаботиться изданием в свет:

1. Учебников для школы, главным образом, народной.
2. Практических пособий для занятий.
3. Руководства для учителей с полным, простым и ясным изложением идей трудовой школы.
4. Руководства для учителей с полным, простым и ясным изложением методов школьной работы.

Об агитационно-пропагандистской роли учительства.

Признать, что агитационно-пропагандистская работа является одной из существеннейших задач учителей-интернационалистов.

Содействовать личным участием образованию при Центр. Комиссариате Коллектива агентов-миссионеров.

Служить той же цели агитации и пропаганды на местах.

а) уведомляя Центр о всех предстоящих с'ездах, которые можно использовать.

б) самостоятельно выступать везде в роли агентов-пропагандистов.

В интересах глубины и действительности этой агитации и пропаганды:

а) запасаться из центра всеми данными для информации местных работников.

б) организовывать на местах кружки агентов-пропагандистов, а также курсы для их подготовки.

в) приобретать опыт, необходимый для этой агитации, например, путем поступления на инструкторские курсы.

О перевыборах учителей.

С'езд признает, что наиболее целесообразным способом перевыбора учителей являются перевыборы их Губернскими или Уездными Советами Р. Кр. и Солд. Депутатов, при участии профессиональных организаций учителей, стоящих на Советской платформе и учащихся старших классов, при чем Совдепы принимают во внимание отзывы местного населения.

Об организационных задачах.

Признавая очередной задачей момента создание новой, социалистической, трудовой, единой, проникнутой духом интернационалистической культуры школы, 1-й Всероссийский С'езд учителей-интернационалистов считает необходимым немедленно приступить к образованию организаций Союза на местах, привлекая в свою среду идейных работников левого учительства, стоящих на платформе социальной революции. Средством к этому должны быть: 1) самая энергичная поддержка власти раб. и крестьян в борьбе за укрепление социализма; 2) активное участие членов Союза в деле создания интернационалистической культуры; 3) пропаганда идей, за которые борется Союз среди широких масс всего населения; 4) созыв конференций и с'ездов на местах; 5) развитие издательской деятельности; 6) защита интересов членов Союза от организаций и лиц, враждебно ему настроенных.

Об академии.

С'езд обращает внимание Народного Комиссариата по Просвещению на необходимость немедленной организации в Москве, при участии В. С. У. И., постоянного педагогического учреждения (Педагогической Академии), в котором все деятели по народному образованию и воспитанию могли бы находить источник обновления своих сил для творческой работы. С'езд полагает: 1) что Педагогическая Академия должна находиться в ведении Народного Комиссариата по Просвещению, и 2) что Народный Комиссариат по Просвещению приложит все заботы к тому, чтобы провинциальное учительство могло иметь широкий систематический доступ в Педагогическую Академию в виде краткосрочных командировок за счет государства.

Выражая эти пожелания, С'езд поручает Бюро В. С. У. И. войти по этому поводу в переговоры с Народным Комиссариатом по Просвещению.

8.

Декларация принципов социалистической школы [1]).

1. Социализм—воплощение в коллективной жизни человечества предельно-мыслимой для нашей эпохи разумной организации труда умственного, физического, организаторского и исполнительского.

2. Предельно-мыслимая в этой организации труда система организаций значения, как наилучшего средства углубления культуры и ее совершенствования — это единая, светская, безплатная, обязательная для всех детей и юношей, трудовая, основанная на методах самодеятельности, школа.

3. Идеал такой школы — провести каждого индивида, независимо от природных способностей, через полный цикл знаний от общеобразовательных, на первоначальных ступенях школы, до углубленных специальных на ее заключительных ступенях.

4. В трудовом обществе забота о ребенке становится обязанностью его членов с момента, определяемого наукой, как начального для возможно обособленного существования матери и ребенка. Поэтому младенческий возраст обслуживается коммунальными яслями; детский—так называемым детским садом; школьному соответствует школа-коммуна; юношеству—вольный университет.

5. Наиболее продолжительная по учебному времени школа-коммуна, стремясь в своей внутренней организации, как научной, так и бытовой, воплотить идеи синтетического знания и гармонического общежития, должна служить лабораторией тех общественных форм, какие мыслятся разумнейшими для современной культурной эпохи.

6. Роль государства, вездесущего в прежней научно-воспитательной системе, преследовавшего цели подчинения общества и управления им через школу, облегчается и облагораживается: из деспота науки оно становится ее покровителем, желательным в первые периоды забот о ребенке и необходимым для высших ступеней системы образования.

7. Первобытная борьба за существование, превращенная в нашу эпоху в борьбу классов, а внутри иных классов в борьбу индивидов, требующая власти человека над человеком, должна перейти в организованное сотрудничество для борьбы с природой и для завоевания новых истин. Усвоение основ главнейших наук, совершенное владение техникой одной, или немногих из них, т.-е. сочетание широты кругозора с глубиною знания,—делают человеческую личность наиболее приспособленной к руководящим функциям—в кругу ее специальных познаний и исполнительским—во всех остальных.

8. Условия современной переходной эпохи, финансовые и организационные трудности, ограничивают практическое применение принципа равенства образования. Необходим отбор.

9. Если старая лжеиндивидуалистическая дворянско-буржуазная школа проводила в своей системе образования отбор по экономическому признаку, именно,—по возможности покупать знания, лишь отчасти корректируя его в классовых целях выделением способнейших, то новая социалистическая школа безоговорочно отвергает этот признак.

10. Наоборот, с неуклонной последовательностью, вплоть до запрещения высшего образования сильным экономически, но мало способным лицам, новая школа проводит отбор по признаку интеллектуальной одаримости.

11. В целях рационального использования специальных дарований, имея в виду интенсивнейшее развитие производительных сил социалистического отечества, школа — однотипная в начальных стадиях, расчленяется по мере повышения, завершаясь рядом специальных факультетов.

12. Подобным же образом жизненный принцип социалистической школы, трудовое начало, уничтожающий буржуазные понятия о двух, якобы противоположных видах труда—умственного и ручного, высокого и презренного, получая характер политехнический в начальных стадиях, постепенно меняет его на специально-научный в высших стадиях.

13. Если старая школа была всегда националистической, то новая школа, с преподаванием на родном языке и углублением познания родной, физической и социальной среды, должна быть интернациональной по содержанию, по принципам и методам.

14. Стремясь к гармоническому слиянию широты образования с глубиной специального знания, воспитывая учащихся в идеях всемирной солидарности труда, только социалистическая школа имеет право сказать, что она не формирует квалифицированного работника, но создает человека.

---

[1]) Принята первым Всероссийским С'ездом учителей-интернационалистов. № 6 прилож. Изв. Ц. И. К.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Инструкция о порядке составления и направления смет по Народному Образованию.

(Принята на совещании представителей Отделов Народного Комиссариата по Просвещению 8 августа 1918 г.

Утверждена Коллегией Финансового Отдела Народного Комиссариата по Просвещению 13 августа 1918 г.).

1. Сметы доходов и расходов по народному образованию представляются в Народный Комиссариат по Просвещению только Губернскими Отделами Народного Образования, на время и в сроки, указываемые Народным Комиссариатом.

Примечание 1. Учреждения, подведомственные непосредственно Народному Комиссариату по Просвещению, представляют свои сметы в названный Комиссариат самостоятельно.

Примечание 2. При осуществлении Уездными и Волостными Отделами Народного Образования предоставленного им примечанием к ст. 12 „Положения об организации дела Народного Образования" права непосредственного обращения в Народный Комиссариат по Просвещению, сметные предположения о расходах, вызываемых новыми начинаниями, представляются согласно настоящей инструкции.

2. Сметы Губернских Отделов должны заключать в себе сведения о доходах и расходах по содержанию всех учреждений народного образования в пределах губернии, а именно: 1) учреждений, подведомственных непосредственно Губернскому Отделу, и 2) учреждений, подведомственных Уездным Отделам.

Примечание. Учреждения, представляющие, согласно прим. 1 к ст. 1 настоящей инструкции, свои сметы непосредственно в Народный Комиссариат по Просвещению, не включаются в сметы Губернских Отделов.

3. Основанием для составления Губернскими Отделами финансовых смет (по губернии) служат: во-первых, сметы учреждений, подведомственных непосредственно Губернским Отделам Народного Образования, и, во-вторых, сметы Уездных Отделов Народного Образования.

С этой целью Губернские Отделы требуют к устанавливаемому ими сроку сметы от подведомственных им учреждений и от Уездных Отделов Народного Образования.

Сметы Уездных Отделов составляются на основании материалов, полученных от всех просветительных учреждений, находящихся в пределах уезда.

Примечание. Города с населением не менее 50.000 жителей приравниваются к уезду, и их Отделы Народного Образования представляют сметы непосредственно Губернским Отделам.

4. Сроки доставления смет Губернские Отделы устанавливают с таким расчетом, чтобы от несвоевременного доставления их не последовало остановки в составлении финансовой сметы по всей губернии. Недоставление местными учреждениями и Уездными Отделами своевременно смет не должно останавливать представления Губернскими Отделами финансовых смет в Народный Комиссариат по Просвещению в сроки, установленные последним.

Примечание. Доходы и расходы учреждений и Уездных Отделов, не представивших своевременно смет, должны исчисляться на основании сметы за последний предшествовавший сметный период.

5. Губернские Отделы, проверив полученные ими от подведомственных учреждений и Уездных Отделов сметы и относящийся к ним дополнительный материал, согласовав их, исправив и дополнив новыми данными, не предусмотренными на местах, составляют общую финансовую смету доходов и расходов по губернии, в каковую смету вносят также сметные исчисления о средствах и расходах на содержание Губ. Отдела.

Соответственно с этим финансовые сметы Губернских Отделов по каждому роду учреждений (главному сметному подразделению) состоят из двух отделов: первого, заключающего в себе сметные исчисления о доходах и расходах на содержание Губернского Отдела Народного Образования и учреждений, ему непосредственно подведомственных, и второго, заключающего в себе сметные исчисления о доходах и расходах по содержанию Уездных Отделов Народного Образования и учреждений, им подведомственных.

Примечание. Финансовые сметы Губернских Отделов, прежде направления их в Народный Комиссариат по Просвещению, рассматриваются и утверждаются Губернским Советом Депутатов или его Исполнительным Комитетом.

6. Финансовая смета должна заключать в себе следующие части: 1) перечень доходов по главным сметным подразделениям (параграфам) подробной сметы, 2) подробную смету доходов по прилагаемой форме (приложение 2-ое), 3) приложение к смете доходов, 4) перечень расходов по главным сметным подразделениям (параграфам) подробной сметы, 5) подробную смету расходов по прилагаемой форме (приложение 3-е), 6) приложения к смете расходов и 7) общую об'яснительную записку.

Примечание. Сметы Уездных Отделов представляются в Губернские Отделы по этим же формам, при чем в главных сметных подразделениях (параграфах) исключается отдел первый (сметные исчисления о доходах и расходах на содержание Губернского Отдела Народного Образования и учреждений, ему непосредственно подведомственных).

7. Перечни доходов и расходов есть поименование параграфов подробной сметы доходов и расходов, с указанием по каждому параграфу ожидаемого поступления и испрашиваемого к ассигнованию кредита. В конце перечней приводятся общие суммы ожидаемых поступлений и испрашиваемых кредитов по всем параграфам сметы.

8. Подробная смета заключает в себе подробное исчисление всех доходов и расходов, показанных по параграфам. Параграф сметы распадается на отделы. Отдел распадается на статьи. Статья распадается на литеры.

Наименования и номера по порядку параграфов указываются в графе 3-ей; в этой же графе указываются наименования отделов, на которые распадается параграф наименования статей, на которые распадается отдел, и наименования литер, на которые распадается статья. Никаких расчетов и исчислений в графе 3-ей не приводится. Порядковый номер статьи в пределах каждого отдела параграфа, проставляется в графе 2-ой. В графе 1-ой проставляются по порядку номера статей в пределах всей сметы, отдельно доходной и расходной.

В графе 4-ой против наименования соответственной литеры (или статьи в том случае, когда она не распадается на литеры) проставляется цифра дохода или расхода по этой литере (или статье); по заключении всех литер отдельной статьи подводится итог всех доходов или расходов по данной статье путем суммирования цифр по литерам; по заключении всех статей отдела подводится итог всех доходов или расходов по данному отделу путем суммирования цифр по статьям; по заключении обоих отделов подводится итог по параграфу путем суммирования итогов цифр по отделам; по заключении всех параграфов подводится общий итог всей сметы путем суммирования цифр по параграфам. Никакие другие цифры, кромѣ указанныхъ (доходы или расходы по литере, статье, отделу и параграфу и общій итог по смете), в этой графе не показываются.

Все исчисления и расчеты, об'ясняющие и обосновывающие цифру дохода или расхода по литере (или статье в том случае, когда статья не распадается на литеры), приводятся против соответствующих литер в графе 7-ой. Расчеты и исчисления эти должны обладать такой полнотой, чтобы, указывая каждую отдельную цифру, из которой складывается доход или расход, они путем перемножения и суммирования отчетливо указывали происхождение каждого отдельного сметного назначения (всех цифр 4-ой графы, кроме итогов по статьям, отделам, параграфам и всей смете).

В тех случаях, когда расчеты и исчисления настолько обширны, что без нарушения ясности сметной формы, не могут поместиться в графе 7-ой, они переносятся целиком в приложения к смете, при чем в соответствующем месте графы 7-ой делается ссылка на № приложения.

В графе 5-ой и 6-ой против соответствующих цифр сметных назначений проставляются соответственно цифры сметных назначений за два предыдущие сметные периода. В том случае, когда вследствие различий в номенклатуре сметы, указание предыдущих сметных назна-

чений против каждой литеры не представится возможным, необходимо указывать, соответственно новой номенклатуре, назначения по группе литер, целой статье, группе статей, целому отделу или параграфу, оговаривая это каждый раз в графе 8-ой („Примечания").

Примечание. При составлении общего свода сметных исчислений цифры суммою до 50 коп. исключаются из сметных назначений; суммою же свыше 50 коп., но менее одного рубля, считаются за полный рубль.

9. В приложениях излагаются расчеты и соображения, полное приведение коих в подробных сметах, по значительному об'ему этих расчетов и соображений, было бы неудобно.

Примечание 1-ое. Оклады служащим должны быть подтверждены или указанием на тот или иной декрет, устанавливающий эти оклады, или на особое постановление Комиссариата Труда или же на постановление местной власти.

Примечание 2-ое. Материал в приложениях располагается в порядке параграфов подробной сметы, при чем каждое приложение помечается общим порядковым нумером, с указанием к какому параграфу, отделу и статье оно относится. В приложениях ко второму отделу параграфов сметы Губернскими Отделами обязательно должны прилагаться в подлинниках или в заверенных копиях полностью соответственные части смет Уездных Отделов со всеми относящимися к ним материалами.

10. Общая объяснительная записка должна заключать в себе обзор просветительного дела в губернии и пояснение доходов и расходов на мероприятия по народному образованию, подтверждающее необходимость испрашиваемых кредитов по существу, с точки зрения их целесообразности, правильности исчисления и т. п. В об'яснительной записке приводится каждый параграф сметы с указанием, изменяется ли он против предшествовавшего назначения и по каким общим основаниям.

11. Кредиты на капитальный ремонт, приспособление и оборудование существующих зданий и на постройку новых должны быть обязательно исчислены в особой технической смете, в коей надлежит приводить: подробный технический расчет, обоснования испрашиваемых кредитов об'яснения, подтверждающие необходимость производства тех или иных работ. Каждая техническая смета должна быть подписана ответственным техником, составлявшим смету, и утверждена, как Уездным, так и Губернским Исполнительным Комитетом.

12. Кредиты условные, а также на непредвиденные расходы в сметы не вносятся.

13. Открытые по сметам кредиты расходуются исключительно на предметы своего назначения. Никакое учреждение и должностное лицо не имеет права своей властью изменять назначение кредитов или относить на них какие-либо новые расходы, не имевшиеся в виду при утверждении сметы.

Примечание. Перемещение кредитов и употребление остатков кредита на другие потребности учреждения, без согласия Народного Комиссариата по Просвещению, не допускается.

14. Никакой новый расход, не предусмотренный сметой, не может быть произведен без испрошения на то дополнительного кредита в сверхсметном порядке.

15. В случае выяснившейся необходимости произвести расходы, утвержденной сметой не предусмотренные (экстраординарные расходы) или же, если бы по утверждении сметы открылись какие-либо расходы, являющиеся дополнительными к сметным назначениям, вошедшим в финансовую смету (дополнительные расходы), то для удовлетворения этих расходов испрашиваются дополнительные ассигнования в сверхсметном порядке.

Примечание 1-ое. Кредиты сверхсметные испрашиваются тем же порядком, как и сметные назначения.

Примечание 2-ое. Предметом кредита экстраординарного может быть только расход, который, по существу своему, не мог быть приведен при составлении или утверждении сметы действующей и без крайнего вреда не может быть отложен до сметы будущей.

Примечание 3-е. Экстраординарные и дополнительные расходы на строительные нужды испрашиваются в том же порядке с соблюдением правил, установленных ст. 11-й настоящей инструкции.

16. Ассигнование кредитов на заказы за границей не допускается без предварительного разрешения Совета Народных Комиссаров; в случае выяснившейся необходимости испросить означенный кредит, надлежит в общем порядке войти в Народный Комиссариат по Просвещению для возбуждения Народным Комиссариатом соответствующего ходатайства перед Советом Народных Комиссаров.

17. Губернские Отделы препровождают один экземпляр финансовой сметы со всеми относящимися к ней материалами в Финансовый Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, направляя в соответствующие Отделы Комиссариата одновременно в двух экземплярах отдельные части общей сметы (также со всеми материалами), заключающие в себе учреждения, подведомственные этим Отделам.

Примечание 1-ое. При составлении Губернскими Отделами финансовой сметы доходов и расходов надлежит располагать сметный материал в таком порядке, чтобы каждый род учреждений по народному образованию был представлен самостоятельной частью общей сметы, со всем относящимся к этой части материалом.

Примечание 2-ое. Соответственно с требованием примечания 2-го к ст. 9 настоящей инструкции, сметы Уездных Отделов со всеми материалами должны требоваться Губернскими Отделами в таком числе экземпляров, которое бы позволяло, сохраняя один экземпляр смет Уездных Отделов при делах Губ. Отдела, отсылать установленное настоящей статьей число их в Народный Комиссариат по Просвещению.

18. Настоящие правила вводятся в действие со дня опубликования их в „Известиях В.Ц.И.К." Сметы Губернских и Уездных Отделов, не удовлетворяющие требованиям настоящих правил и направленные в Народный Комиссариат по Просвещению до этого момента, принимаются Отделами Народного Комиссариата к рассмотрению, если только они заключают в себе все сведения, необходимые для суждения о целесообразности мероприятий и о правильности сделанных исчислений.

19. Сметы Уездных Отделов тех губерний, Губернские Отделы коих уже представили в Народный Комиссариат свои сметы, направляются одновременно в Губернский Отдел и Народный Комиссариат по Просвещению. В случае непоступления в Народный Комиссариат в двухнедельный срок заключения Губернского Отдела по смете Уездного Отдела, последняя рассматривается без такого заключения, при чем Губернский Отдел обязан сообщить в Народный Комиссариат о причинах происшедшей задержки.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение 1-ое.

Положение об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике.

Ст. 12. Все Отделы и Советы Народного Образования действуют в пределах, устанавливаемых общими законами Республики, согласуют свою деятельность с распоряжениями Государственной Комиссии по Просвещению и следуют указаниям Волостные—Уездных, Уездные—Губернских по Народному Образованию Отделов, Губернские—Областных Отделов.

Примечание. Все Отделы и Советы могут обращаться при новых начинаниях к любой высшей инстанции, минуя ближайшую, вплоть до Государственной Комиссии по Просвещению.

В этих случаях Отдел обязан одновременно с обращением в высшую инстанцию посылать копию своего обращения в ближайшую над ним инстанцию.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 6—7.

МОСКВА. — 1919.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Официальный отдел.

Основные принципы Единой Трудовой Школы 3
Положение о Единой Трудовой Школе 12
Положение об Архитектурном подотделе 15

Общий отдел.

Новая организация работников просвещения 19
Профессиональное объединение работников просвещения. **Л. Шапиро.** 27
Производительный труд в городской Советской школе. **И. А. Кан.** 34
Культурно-просветительные организации Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов . . . . . **Д. Б-в.** 46
Институты Народного Просвещения . . . . . **Кир. Левин.** 55
Постановка грамоты в детском саду . . . . . **Выгодская** 60
Усвоение детьми грамоты и счета в детском саду . . . . **Е. Тихеева.** 63
Национальные отделы при государственных библиотеках России. **С. Борский** 64
Аквариум 66
Научно-педагогическая ассоциация 69
Мебель для детских садов 73

Хроника народного образования.

Обзор главнейших моментов деятельности Статистического Отдела Народного Комиссариата по Просвещению с возникновения Отдела по 1 дек. 1918 г. 75
Отчет Отдела единой школы 79
Краткий отчет о текущей работе Дошкольного Отдела 81
Инструкция по ведению очага и детского сада 84
Конструкция Внешкольного Отдела Народного Комиссариата по Просвещению 86
Деятельность секции Общего Музыкального Образования 88
Изобразительные Искусства 89
Государственные Художественные Трудовые Коммуны 90
Освобождение художников от эксплуатации 90
Пояснительная записка к сметам Школьного и Внешкольного подотделов (секции Общего Музыкального Образования) Музыкального Отдела Н. К. по Просвещению 90

Съезды.

Всероссийское совещание деятелей по статистике нар. образования. 93

Стенографические отчеты.

Государственная Комиссия по Просвещению 113
Закрытие Всероссийского Учительского Союза 178
4-е заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 23 декабря 1918 г. . . . . —
Об отношении к современным надшкольным органам 180

Библиография. 187

Список книг, поступивших в редакцию журнала „Народное Просвещение“ за время с 11 сентября 1918 г. по 1 февраля 1919 г. 193

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 6—7.

МОСКВА. 1919.

LIBRARY OF CONGRESS
MAY 28 1934

МОСКВА.
Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой дом.
1919.

Официальный отдел.

Основные принципы Единой Трудовой Школы.

От Государственной Комиссии по Просвещению.

Наступает новый учебный год. При сколько-нибудь нормальных условиях внутри школы надо было бы ожидать в ней, как отражения великой октябрьской революции, коренной и плодотворной реформы, — реформы настолько всеобъемлющей, что она поставила бы русскую школу, по крайней мере, по принципам, положенным в ее основу, на первое место в цивилизованном мире.

Но, конечно, и при этих вполне нормальных условиях школа не может переродиться сразу, и действительность в первое время более или менее заметно отстала бы от планов.

Теперь же мы в праве надеяться лишь на частичную реформу, ибо мы не только встретим препятствие в недостаточном числе и оборудовании школ и неподготовленности учителей, но и в недостаточной разработанности планов, в результате полнейшей, вызванной саботажем, разрухи в центральном ведомстве и во всем школьном аппарате, из коей мы только в последнее время начинаем выходить. Отношение части учительства к Комиссариату, несмотря на все доказательства готовности последнего все силы положить на перерождение нашей многострадальной школы в подлинно народную, по политическим соображениям остается враждебным, что, разумеется, в огромной мере вредоносно в сложном и тонком деле школьной реформы, где столь настоятельно необходимым являлось бы искреннее и энергичное участие всех ее элементов.

Но если реальная реформа школы по необходимости будет частичной (что не мешает ей, как доказывают уже вышедшие декреты, быть все же наиболее радикальной из всех имевших до сих пор место), то тем более необходимым считает Комиссариат установить ту цель, к которой он стремится, и, рядом с перечнем отдельных реформ, подлежащих осуществлению немедленно, нарисовать картину той школы, к которой мы будем итти и которую единственно мы можем признать нормальной в обновленной России.

Школьная реформа после октябрьской революции имеет, очевидно, характер акта борьбы масс за знание, за образованность. Комиссариат Просвещения обязан как можно скорее разрушить и в этой, быть может, важнейшей области классовые привилегии. Дело идет при этом не только о том, чтобы сделать общедоступной школу, как она есть, ибо такой, какой ее сделал предшествующий режим, она для трудовых масс не годится; дело идет о коренной перестройке ее в духе школы подлинно народной.

В прежней школе низы ее страдали крайней запущенностью или даже отличались искусственно приданными вредными чертами, ибо то были школы „простонародия“: по отношению к ним налицо были не просто равнодушие, но прямая недоброжелательность, и, наконец, стремление по мере сил обратить их в орудие отравления сознания народного, в орудие распространения отвратительного верноподданничества. На верхних ступенях школа была не просто школой высших классов, как в Англии, наприм.,—она была еще и школой-муштрой для дрессировки не менее верноподданнических надсмотрщиков за простонародными рабами.

Новая школа должна быть не только бесплатной на всех ступенях, не только доступной и, как можно скорее, обязательной,—для того, чтобы она прочно укрепилась, она должна быть еще единой и трудовой.

Что значит, что школа должна быть единой?

Это значит, что вся система нормальных школ от детского сада до университета представляет собою одну школу, одну непрерывную лестницу. Это значит, что все дети должны вступать в один и тот же тип школы и начинать свое образование одинаково, что все они

имеют право итти по лестнице до ее наивысших ступеней.

Быть может, государство просто физически не осилит такой задачи, чтобы теперь же гарантировать за всеми русскими детьми грядущее вступление в университет, но во всяком случае переход с одной ступени школы на другую должен быть обеспечен прежде всего наиболее талантливым, при чем преимущество отдается детям пролетариата и беднейшего крестьянства.

Однако понятие единой школы не предполагает непременно ее однотипности.

Центральный Комиссариат, установив некоторые условия, выполнение которых признается абсолютно обязательным, предоставит вместе с тем широкий простор самодеятельности Отделам Народного Образования при Совдепах, которые, в свою очередь, конечно, не будут стеснять воспитательного творчества педагогических советов там, где оно не пойдет по линии борьбы с демократизацией школы.

Частной инициативе будет также предоставлен достаточный простор.

Программный минимум определяется Народным Комиссариатом по Просвещению для всех группировок.

Но, помимо того, что искания по нескольким путям не будут, таким образом, закрыты перед русскою школою, она не может сама на всех ступенях быть единой в горизонтальном направлении, как единой должна она быть в направлении вертикальном.

Государству нужны специалисты. Подростки сами имеют явно различные наклонности и дарования. Педагогика, как таковая, стоит за постепенное сужение круга знаний, за фиксирование внимания на специально выбранных предметах, ибо от идеала образованного человека одинаково далек и специалист, которому чуждо вне его специальности все человеческое, и ве хогляд, который знает все понемногу и ничего до конца.

Поэтому с известного возраста, лет с 14, в школе допускается деление на несколько путей или группировок так однако, что многие основные предметы остаются об'единяющими всех учеников, и преподавание в каждой отдельной группировке после этого разделения является только более ярко окрашенным в тот или иной специфический цвет. Группировки эти ни в каком случае не должны носить замкнутого характера.

Помимо этого новая школа будет, как то указано ниже, значительно менять свою физиономию, в зависимости от местных условий, отнюдь не теряя этого своего общего духа.

Новая школа должна быть трудовой. Для школы государства Советского, находящегося в процессе перехода от капиталистического к социалистическому режиму, это, конечно, еще гораздо более обязательно, чем для школ передовых капиталистических стран, а между тем и там сознана подобная необходимость и в некоторой степени осуществлена.

Требование введения труда, как основы преподавания, покоится на двух совершенно различных основаниях, результаты которых, однако, легко сливаются между собою.

Первым основанием является психология, научающая нас тому, что истинно воспринятым является только воспринятое активно. Ребенок жаждет подвижности, его держали в неподвижном состоянии. Он с чрезвычайной легкостью усваивает знания, когда они передаются ему в веселой, активной форме игры или труда, которые при умелой постановке совпадают,—а его учили на слух и по книге. Дитя гордится приобретением всякого практического умения, а ему их не давали вовсе.

С этой точки зрения трудовой принцип сводится к активному подвижному творческому знакомству с миром. Детский сад в идее Фребеля явился первым систематическим применением трудового начала, и мы должны требовать соответственного развития обучения по тому же принципу, разумеется, приспособленному к иному возрасту и более широкому кругу знаний, и на дальнейших ступенях школы.

Другим источником стремлений современной передовой школы к труду является непосредственное желание ознакомить учеников с тем, что больше всего нужно им будет в жизни, с тем, что играет доминирующую роль в ней в настоящее время,—с земледельческим и промышленным трудом во всех разновидностях его.

Надо принять во внимание, однако, что если мы отнюдь не против специального технического образования для старшего возраста, то мы энергически протестуем против всякого специфического сужения круга трудового образования на низших ступенях единой школы, т.-е., по крайней мере, до 14 лет.

На первой ступени преподавание покоится на процессах более или менее ремесленного характера, соответственно слабым силам детей и их естественным в этом возрасте наклонностям. На второй ступени на первый план выдвигается промышленный и земледельческий труд в его современных машинных формах. Но вообще цель трудовой школы отнюдь не дрессировка для того или другого ремесла, а политическое образование, дающее детям на практике знакомство с методами всех важнейших форм труда, частью в учебной мастерской или на школьной ферме, частью на фабриках, заводах и т. п.

Таким образом, с одной стороны, ребенок должен учиться всем предметам, гуляя, коллекционируя, рисуя, фотографируя, моделируя, лепя, склеивая из картона, наблюдая растения и животных, ухаживая за ними. Язык, математика, история, география, физика и химия, ботаника и зоология,—все предметы преподавания не только допускают творческий активный метод преподавания, но и требуют его.

С другой стороны, приближаясь к идеалу, школа должна преподать ученику главные приемы труда в следующих его областях: столярное и плотничное дело, токарная резьба по дереву, формовка, ковка, отливка, токарная обработка металла, сплавливание и спаивание металлов, накаливание, сверлильные работы, работы по коже, печатание и пр. В деревне, разумеется, центром, вокруг которого группируется преподавание, является столь разнообразное сельскохозяйственное дело.

Можно не жалеть часов, затраченных щедро на труд, посвятив ему десять недельных часов; американцы убедились, что дети не отстали при этом в знаниях по другим предметам, но выиграли, так что введение труда, помимо других предметов, по свидетельству американских педагогов, экономизирует время.

Оно, кроме того, благотворно действует на психический рост учеников, мощно развивая внимание, аккуратность, находчивость и т. п. Хорошее технически развитие руки ведет автоматически к развитию некоторых важнейших центров головного мозга.

Политехнически воспитанный 14-летний подросток, разумеется, окажется в состоянии с большей быстротой овладеть любой специальностью.

Бросим взгляд на то, как в школе, где доминирующую роль занял труд, будет итти преподавание в смысле усвоения знаний.

Границы между отдельными предметами преподавания сливаются, конечно, совершенно в элементарной школе, какой являются последние годы детского сада. Здесь почти все занятия сводятся к одному великому, еще недифференцированному предмету: трудовому знакомству с окружающей ребенка природой и общественной средой.

Игра, прогулка, беседа дают материал для коллективной и индивидуальной мысли в деятельности детей. Начиная с самого ребенка и окружающей его обстановки, все служит предметом вопросов и ответов, рассказов, сочинений, изображений, подражаний. Пытливость ребенка и его жажду движений без тени насилия учитель систематизирует и направляет таким образом, чтобы получались наиболее богатые результаты. Все это и есть основной предмет преподавания, как бы детская энциклопедия.

На более высокой ступени преподавания, очевидно, не ограничиваются ею. Систематическая работа над усвоением определенного цикла знания занимает главное место. Но это преподавание отдельных дисциплин не должно ни в коем случае вытеснять энциклопедию, продолжающую и здесь играть большую роль, но приобретающую несколько иной характер. А именно, она принимает теперь характер изучения человеческой культуры в связи с природой.

Преподавание энциклопедии, концентрирующейся вокруг трудовых процессов на 1-й ступени (от 8 до 13 лет), должно быть разбито на два цикла или концентра, различающихся расположением материалов и методом преподавания. В первый период преподавание ведется на основании серий заранее подобранных об'ектов. Ученикам предлагается на изучение тот или иной продукт производства или элемент культуры, который подвергается всестороннему рассмотрению, и как материал, данный природой, и как результат обработки.

Попутно приобретаются краткие сведения об его физических и химических свойствах, его происхождении и развитии. Затем описываются все относящиеся сюда данные по истории труда (способы обработки в прошлом) и, наконец, приемы современной промышленности для производства данного об'екта. Само собою разумеется, простой рассказ должен занимать самое последнее место, на первом же должно стоять усвоение активное, почему и об'екты должны быть выбраны с таким рассчетом, чтобы изучение их могло вестись путем экскурсий, живого наблюдения и самостоятельного воспроизведения большинства относящихся сюда трудовых актов: дети и сами могут находить для себя и подвергать

изучению при помощи учителя и старших товарищей любые заинтересовавшие их об'екты, но эти вольные занятия не должны мешать прохождению обдуманного курса с дидактически наисовершеннейшим подбором об'ектов, чтобы в результате получилось законченное, хотя и сокращенное знакомство с важнейшими моментами прошлого и попутно ряд данных естественно-научных.

Второй раз несколько более расширенный цикл приблизительно тех же знаний проходится в систематическом историческом порядке, т. е. дети знакомятся в живых очерках и всегда при помощи самостоятельной работы с историей труда, а на его фундаменте — с историей всего общества. Эволюция всей культуры на основе роста трудовых возможностей должна не только быть пройдена ими по книге или в рассказах учителя, но в некоторой степени и в жизни; не только ум их, но и тело, прежде всего руки, должны периодически быть вовлечены, насколько можно полнее, в быт дикаря, кочевника, первобытно-земледельческий, варварский (эпохи: великих речных царств, античная, средневековая и т. д.).

Преподавание этого предмета, т.-е. энциклопедии культуры, может легко принять нежелательный поверхностный характер, если не будет налицо достаточно подготовленных преподавателей. Изучение этого предмета и его методики должно быть немедленно введено в Педагогические институты, в школьные же заведения вводится постепенно, при наличности подготовленных преподавателей.

Тот же предмет, превращенный в курс социологии на основе эволюции труда и создаваемых ею экономических форм, при несравненно более технически точном и глубоком, словом, научно-техническом изучении усовершенствованных трудовых приемов (машины) и достаточно богатом статистическом и юридическом изучении современного общества и его полярности (труд и капитал, социализм и капитализм), составит содержание трудовой энциклопедии в школах второй ступени, где она должна слиться с систематическим изучением истории науки, тесно связанной с экономической жизнью как в происхождении своих воззрений и методов, так и в качестве источника дальнейших изменений экономики.

Всегда попутно поощряются и вольные занятия учеников особо заинтересованными их моментами: личные исследования, сочинения, рефераты, модели, коллекции и т. п.

Как мы уже сказали, чем выше поднимаемся мы по школьной лестнице, тем больше рядом с этой энциклопедией место занимают предметы, т.-е. систематическое изучение под руководством специалистов: родного языка, математики, географии, истории, биологии в ее подразделении, физики и химии, живых иностранных языков.

Занятия эти, разумеется, в свою очередь должны быть проникнуты трудовым методом усвоения. Кроме того, соответственные библиотеки, лаборатории, коллекции должны быть в известные часы доступны ученикам для вольных занятий. Особенно важное значение придаем мы тому, что труд, на котором покоится преподавание в новой школе, должен быть производительным, реальным трудом, реальным участием учеников в хозяйственной жизни страны.

Памятуя слова Маркса о превращении детского заводского труда из проклятия в источник здорового, целостного и активного познавания,—новая школа неразрывно свяжет себя с соседними производствами и поведет учеников на фабрику и завод, на железные дороги, промыслы—всюду, куда по местным условиям она найдет доступ,—поведет не на экскурсии только, не посмотреть, а на работу.

Однако работа эта, происходя под контролем учителей, никогда не потеряет педагогического характера; недопустимо, чтобы она приняла формы, вредные для здоровья, или чтобы она не сопровождалась все время расширением как физических навыков, так и познания.

Школы 2-й ступени могут быть очень разнообразны в отношении рода труда, положенного в основу изучения политехнической культуры.

Усвоить ее и в живой связи с нею весь цикл естественных и общественных наук можно, исходя из всякого почти производства, ибо все они в настоящее время тесно переплетены. Текстильная фабрика, заводы металлургические и сахарные, древообделочная мастерская, мореходство, широкое сельское хозяйство, железные дороги и трамвай, почта и телеграф и т. д.,—все может быть в отдельности положено в основу преподавания. При физической возможности к тому следует, конечно, за 4 года работы, варьировать ее, насколько удастся. В случае невозможности такого варьирования, взяв местное производство за исходный пункт, надо не допускать все же превращения данной школы в своего рода специальное учебное заведение, а стремиться к тому, чтобы, опираясь на конкретные производства, дать знакомство с трудовой культурой современности в целом.

Предметы эстетические—лепка, рисование, пение и музыка—отнюдь не являются чем-то второстепенным, какой-то роскошью жизни. Особенно рисование и лепка, как его вспомогательный предмет, должны занять выдающееся место. Ученик постепенно должен приобрести в своем карандаше новый орган особо точной и образной речи. Рисование преподается первоначально по методу свободного детского творчества, фантастического, по памяти и т. д. Затем оно переходит к зарисованию с натуры дидактически подобранной серии об'ектов и, наконец, разветвляется на точное, математическое черчение, с одной стороны, и художественное рисование, с другой. Только на этой третьей стадии допустимо и систематическое преподавание теоретических данных.

Рисование должно служить вместе с тем основой преподавания всех предметов как в руках учителя, так и учеников.

Эскиз, проект, иллюстрация должны сопровождать каждый урок. Рисование и лепка, особенно на первых стадиях обучения, должны быть одновременно, так сказать, гимнастикой глаза и осязания, устанавливать координацию зрительных впечатлений и двигательных реакций, давать конкретное знакомство с миром вещей, начиная с геометрически правильных тел. Глаз должно изощрить и в красочном отношении, развивая дальше методы, обычно употребляемые в хороших детских садах. Изучение красочного спектра во всех его любопытных соотношениях, развитие способности разбираться в нюансах и комбинациях и, наконец, работы акварелью так же обязательны, как чистое рисование, и ведутся параллельно ему. Равным образом пение и музыка должны быть связаны с изощрением слуха. Ритмике и хоровому началу здесь должно быть уделено самое важное место, как предметам, развивающим коллективные навыки, способность к общим об'единенным переживаниям и действиям.

Вообще под эстетическим образованием надо разуметь не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее. Трудовое и научное образование, лишенное этого элемента, было бы обездушенным, ибо радость жизни в любовании и творчестве есть конечная цель и труда, и науки.

Трудовое начало в школе в высокой мере способствует физическому развитию детей, но само по себе оно для этой цели недостаточно. Массовая ритмическая гимнастика, индивидуальное развитие мускулатуры под наблюдением врача, игра, переходящая постепенно в серьезный спорт, лишенный, однако, нездорового духа соревнования,— таков путь в этом отношении. Гимнастика и спорт должны развивать не только силу и ловкость, но и способность к отчетливым коллективным действиям, дух взаимопомощи и т. п. Гигиеническая обстановка школы, правильное распределение занятий, постоянное и пристальное участие врача-педагога в жизни школы,— все это необходимые условия правильного развития детей, которым школа же должна доставлять и здоровую пищу или, по крайней мере, завтрак.

Учебный год будет разделен на две категории занятий: зимние, нормальные, и летние с преобладанием работ на воздухе, работ сельского типа.

Школьный день должен быть лишь отчасти (не более 4 час. на 1-й ступени и 5—6 час. на 2-й ступени) занят программными работами, остальное же время должно быть предоставлено ученикам частью для свободного использования внутри школы с утилизацией ее ресурсов, частью для полного отдыха. Самое расписание должно составляться с таким расчетом, чтобы не утомлять учеников однообразием. Чрезвычайно важным принципом обновленной школы явится возможно более полная индивидуализация обучения. Под индивидуализацией надо разуметь анализ со стороны преподавателей склонностей и особенностей характера каждого ученика и возможно более полное приспособление к его личным потребностям того, что дает ему и что спрашивает от него школа

Мы просим отчетливо различать индивидуализацию в преподавании и дух индивидуализма. Воспитательная школа должна стараться устранить из детских душ, елико возможно, те черты эгоизма которые унаследованы человеком от былого и, приготовляя его к грядущему, стараться уже с школьной скамьи спаять прочные коллективы и развить в наивысшей мере способности к общим переживаниям и к солидарности.

Индивидуализация не стесняется этим. Высшей ценностью и в социалистической культуре останется личность. Но это

личность может развернуть со всей возможной роскошью свои задатки только в гармоническом и солидарном обществе равных. Школьный индивидуализм развивает стремление оставаться для себя всегда на первом плане и пользоваться другим ради себя. Социалистическое воспитание, соединяя устремление к строению психических коллективов с тонкой индивидуализацией, приводит к тому, что личность гордится развитием в себе всех способностей для служения целому. Целью здесь является—избежать задержки в развитии особо даровитых натур.

Но если цель эта почтенна и не должна быть никоим образом пренебрегаема, то гораздо более важной является другая—уменьшить, елико возможно, количество отсталых. Даже в передовых демократических странах количество неуспевающих громадно. Правду сказал американский педагог, который говорил, что, если бы какой-нибудь директор фабрики портил бы столько сырья, сколько процентов неуспевающих учеников насчитывают даже лучшие школы, то такого директора немедленно выбросили бы со службы.

Забота об отставших, это — первая забота демократической школы, ибо отсталость в подавляющем большинстве случаев об'ясняется не недостатком природных способностей, а худшими условиями домашнего обихода. Даже в буржуазной Америке задача эта оценена настолько по достоинству, что к работам в особых классах для отсталых допускаются только самые опытные преподаватели, наиб лее искусные, наилучше оплачиваемые и пользующиеся наибольшим почетом. Пусть лучше не сразу нам удастся осуществить меры в пользу особо преуспевающих, но пусть ни в каком случае отсталые не останутся без особых забот школы.

Институт особых классов для малоуспевающих обязателен в каждой малошльски правильно поставленной школе.

Нельзя окончить описание, хотя бы суммарное, преподавания, удовлетворяющего нашим первоначальным требованиям в школе, не остановив внимания еще на двух совершенно необходимых условиях ее развития: она должна быть светской и общей для обоих полов.

Аргументировать эти два положени здесь нет смысла. Отметим только настоятельную необходимость широкой пропаганды этих принципов в населении. Здесь новая школа встретит сопротивление широко распространенных и потому как будто нарочито демократических предрассудков; здесь нельзя почти ничего добиться силой, а между тем неисчислимы дурные результаты конфессиональной школы. Освобождение школы от влияния церкви является не только важным, но прямо таки существеннейшим завершением ее общего освобождения от того государственного пленения, при котором она являлась рассадником нравственных пороков, именуемых добродетелями рабов.

Совместное обучение дало повсюду, где оно введено, наилучшие результаты. „В настоящее время уже не доказывают,— говорит Уиппл,—что девушки не в состоянии выполнять тех же работ и так же успешно, как и мальчики; повседневный опыт доказал обратное: теперь стараются доказать, что они делают это в ущерб своему здоровью".

Доказать это, однако, невозможно: ведь умственные способности и физические силы очень неравны и у мальчиков. Вопрос о неравенстве сил соучеников решается только путем индивидуализации обучения, в которую войдет и принятие во внимание особенностей пола. Передовая педагогика требует обратить особое внимание на воспитательные функции школы, которые в последнее время приносились в жертву обучению, интеллект ставился на первый план, забывали о выработке характера, о развитии воли.

В этом повороте к педагогическому волюнтаризму много правды. Одновременно начала сказываться и другая тенденция: от индивидуализма, от заботы о том, чтобы получше вооружить воспитанника для грядущей карьеры, для жизненной конкуренции (чем особенно отличалась передовая буржуазная, сравнительно свободная школа), переходят к идеалам развития в подрастающем поколении начала солидарности и общественности.

К сожалению, однако, истинные причины, лежащие в основе этих исканий, крайне антипатичны. Они непосредственно связываются с империалистической фазой развития капитализма, с культом военного государства и вытекающей отсюда надобностью внушить подросткам с неслыханной до сего дня силой чувства дисциплины и самоотверженной преданности государственному Молоху. Именно это называется нынче гражданским воспитанием, и главным святилищем его является прикрашенный разными фразами шовинизм.

Мир буржуазии колеблется между двумя полюсами: индивидуализмом, которого требует мир частной собственности и конкуренции, и верноподданничеством, поглощением личности иерархическою, военно-промышленною машиной их государства. Поистине оба хуже. Мы, как выше уже указано, не забываем прав личности на своеобразное развитие. Нам не-зачем урезывать ее, обманывать и отливать в насильственные формы: прочность социалистического общества заключается не в казарменном однообразии и не в искусственной дрессировке, не в религиозном или эстетическом обмане, но в реальной солидарности интересов.

Вот почему нам доступно начало глубочайшего единства при максимальном разнообразии. Все же, насколько в обучении высокое место должно быть признано за индивидуализирующим методом, настолько же в воспитании самой прекрасной задачей является создание школьного коллектива, спаянного радостным и прочным товариществом, что заложит в душу подростка, развивая соответственные наклонности в нем, широкую общественность, способность реально, всем сердцем чувствовать себя солидарной частью великого целого. Добровольная дисциплина, дух взаимопощи, об'единенная работа, самоуправление на началах полного равенства, хоровое начало повсюду, где оно возможно, разнообразные трудовые акты, устремленные к созданию общего сложного результата,—вот принципы, которые рядом с изучением прошлого и настоящего человечества при свете научного социализма дадут нам того гражданина, какой нам нужен и какого никогда не воспитает буржуазная школа, умеющая плодить лишь эгоистов или баранов. Цели школы в буржуазных кругах отталкивающи, но, по крайней мере, некоторые методы, которыми идут при этом лучшие из буржуазных педагогов, заслуживают внимания. Действительно, умный и опытный педагог не мог не заметить, что на все три вопроса: как воспитать волю, как сформировать характер, как развить дух солидарности,— ответом является одно магическое слово: трудом.

Ест ственно, что волю нельзя развить иначе, как развивая активность разнообразную, целесообразную. А это, конечно, дается правильно поставленным преподаванием труда, в который в данном случае приходится влить игру и спорт. Какие черты характера должны мы считать наиболее желанными? Настойчивость, трудолюбие, дух солидарности и т. п.

Но все эти черты характера вытекают по категорическому свидетельству лиц, занимавшихся применением педагогического труда, совершенно естественно из трудового воспитания. Наконец, поскольку мы под трудовым воспитанием отнюдь не разумеем обучения индивидуальной ремесленной работе, а знакомство с трудовыми процессами в коллективной работе фабрично-заводского типа, постольку мы в самую школу вносим ту великую коллективирующую силу, которая спаяла и сковала единство современного пролетариата. Социалистическая школа в воспитательном отношении обязана развернуть во всю ширь трудовое начало, которое робко в искаженной форме вводится передовой буржуазной педагогикой.

Как ни важен, однако, трудовой принцип в деле воспитания воли, характера и солидарности,—благотворные результаты в этих отношениях могут быть достигнуты лишь при правильно налаженном школьном быте. Сюда относятся прежде всего братское, любвеобильное, ровное отношение учащих к учащимся. Уже отсюда следует, что никакая строгость, никакие наказания не могут иметь места в обновленной школе. Среди вопросов, задаваемых в Америке экзаменующемуся на учителя кандидату, имеется такой: „Считаете ли вы себя в силах без наказания поддерживать дисциплину в классе?" Этот вопрос должен задать себе каждый учитель в обновленной школе. Как доказал опыт американской норвежской школы, достаточно веселая и напряженная работа буквально истребляет в классе все те инциденты, которые в противном случае толкают учителя на дисциплинарные взыскания. „Умейте занять детей"—вот единственное правило школьной дисциплины.

Учителя должны входить в интересы учеников, но казаться для последних не начальством, не какой-то особой породой, скучной и рассудительной, ни в чем не родственной душе подростка, уметь быть старшими детьми, старшими братьями разновозрастной семьи, какой является школа.

Дети должны участвовать во всей школьной жизни. Для этого они должны пользоваться правом самоуправления и проявлять постоянную активную взаимопомощь. Готовясь стать гражданами государства, они должны возможно раньше чувствовать себя гражданами своей школы.

Школьно самоуправление учащихся можно разделить на три рубрики:

Во-первых, участие учащихся в руководящих советах школы, согласно правилам, указанным в прилагаемом Положении о Единой Школе.

Во-вторых, это—самоуправление чисто ученических групп. Здесь надо избегать того, чем в высочайшей мере грешит американская школа,—выделение на основе избирательного права своего рода маленьких тиранов или несменяемых олигархов, каковое зло еще усугубляется, если таковая олигархия назначается учителями. Класс, или какая-нибудь другая группа учеников, должны самоуправляться всею массою. Для этого учреждается возможно большее количество должностей; обязанности распределяются на несколько пунктов, начиная с эксперта по спорам, возникающим за игрою, судьи, представителя класса перед учителем, и кончая заведующим классной доской, чистотой классных полов, порядком в буфете с посудой и т. д., и т. д.

Должности эти не должны быть долгосрочными. Дежурить на них от одного дня до двух недель, смена должна происходить по очереди или по жребию. Мудрая афинская демократия из опасения избирательной интриги и псевдодемократического засилья провела эти начала даже и в трагически серьезное дело государственной администрации. Там они, конечно, могли приносить большой вред. В деле же самоуправления школьников, касающемся лишь маленьких вопросов их быта, добрые стороны такого обыкновения далеко превышают его невзгоды.

В-третьих, ученикам должен быть предоставлен полный простор в деле организации всякого рода обществ, постоянных или временных. Пусть устраивают они научные кружки, редакции журналов, политические клубы, общества для устройства выставок, для спорта, для организации балов, спектаклей, хоров, оркестров и т. д.

Здесь же ательно братское, на равных с учениками условиях, участие в этих обществах учителей. Среди этих обществ неоцененное воспитательное и учебное значение имеет и должен иметь школьный кооператив.

Такими в общем чертами определяется внутренний школьный быт. Общественное мнение учеников должно быть достаточно сильно и, когда нужно, должно проявляться в форме известного общественного приговора нарушителям того реального и свободного, но все же прочного порядка, к которому устремляется школа.

Что касается школьной администрации, то относящиеся сюда правила изложены в прилагаемом Положении о Единой Школе.

Изложенная здесь картина школы не столько идеальная, сколько, по крайней мере, вполне удовлетворительная и с нашей точки зрения может быть осуществлена сразу.

Задача настоящей декларации—путем установления общего типа школы, к которому мы должны стремиться в первую очередь, связать в этой единой цели до некоторой степени разрозненные черты определяемые декретами, уже вышедшими или сейчас впервые опубликованными и обязательными с начала нового учебного года.

Реальное выполнение намеченных здесь планов в огромной мере зависит от двух условий: во-первых, от средств, каким располагает государство, во-вторых, от степени подготовленности учительского персонала.

Центральная власть нигде в мире не содержит национальную школу целиком,—повсюду на помощь приходят: во-первых, плата за право учения, которая для всех ступеней школы еще не отменена нигде, а, во-вторых, и это гораздо важнее,—местное самообложение населения. При нынешних условиях в России мы добровольно отказываемся от платы за право учения, и вряд ли можно рассчитывать на сколько-нибудь существенное подспорье из местных касс.

Несмотря на это, однако, несмотря на гибельную разруху и отчаянную нищету, в которую ввергнута наша родина преступной войной и потрясениями революции, мы в праве ожидать от проснувшегося народа и созданной им государственной власти огромного напряжения сил во имя правильной постановки самой важной отрасли государственного хозяйства, употребляя это слово в широчайшем смысле, самого главного государственного дела—народного просвещения. При нынешнем падении покупательной силы рубля нам понадобятся сразу многие миллиарды, и мы уверены, что получим их от центральной Советской власти.

Но этим не исчерпывается дело. Разруха сказалась также и в крайней степени нужды в учебниках и в учебных пособиях; многие из них нельзя купить или создать ни за какие деньги. Особо учрежденные комитеты по учебным пособиям в Москве и Петрограде поставили своею целью борьбу с этой нуждой и в мере возможности начнут разрешать этот в своем роде роковой вопрос.

Определив нужды в этом отношении обновленной школы, мы не остановимся ни перед какими жертвами; путем массового производства и массовых закупок, в том числе и за границей, путем создания гигантского издательства, складов и мощной экспедиции мы пойдем навстречу этому специфическому голоду русского народа.

Но если даже у нас не будет недостатка не только в денежных, но и в реальных средствах, у нас, несомненно, будет огромный недостаток в учителях.

Мы уже говорили о том, что введение общего обязательного обучения, хотя бы простой грамотности, с этого же года недостижимо для нас по отсутствию достаточного количества сколько-нибудь подготовленных учителей. Будем говорить лишь о планомерном расширении школьной сети и о постепенном под'еме школ до высоты, намеченной в этой декларации, и тогда разница между тем, какого учителя мы должны иметь и какого мы имеем, чудовищно режет глаза. Если поставленная перед собой ясно обозначенная цель должна толкать нас браться за работу со всех концов обширного и сложного дела, то ясно, что концом, за который нужно ухватиться прежде всего, является подготовка учителей.

Для ознакомления наличного состава учителей с принципами трудовой школы, с новыми методами преподавания, мы уже устроили истекшим летом по всем губерниям более 100 краткосрочных педагогических курсов. С наступающим учебным годом эти курсы будут функционировать планомерно по всей России с таким расчетом, что через них в течение 3—4 лет пройдут все наличные учителя. Одновременно с этим в каждой губернии решено организовать показательные трудовые школы, в которых на живом примере можно будет видеть то, как следует вести новую школу.

С этого же учебного года будут предоставляться научные командировки учителям в высшие учебные заведения для усовершенствования как в педагогических, так и в общеобразовательных дисциплинах.

Но всего этого слишком мало для того, чтобы обновляемые школы получили нового учителя. Советская власть ни на минуту не забывает о том, что истинно социалистическую трудовую школу может создать и вести только революционный учитель-социалист. Создание кадров учителей-социалистов является одной из важнейших и ответственных задач Народного Комиссариата по Просвещению. Для достижения этой цели прежде всего решено открыть во все педагогические учебные заведения свободный доступ всем демократическим элементам, искренне желающим посвятить себя педагогической деятельности, независимо от их образовательного ценза. Общее развитие поступающих в педагогические учебные заведения будет устанавливаться путем коллоквиума.

При всех прочих равных условиях, кандидатам пролетарских организаций и комитетов бедноты будет отдаваться решительное предпочтение.

В деле создания нового учителя Народный Комиссариат по Просвещению является решительным сторонником организации такого типа высшего педагогического учебного заведения, которое окажется надежным рассадником учителей-социалистов, преданных интересам трудовых масс. К сожалению, полная замена существующих педагогических учебных заведений упомянутым типом единого высшего педагогического заведения—вопрос будущего. Теперь же в виде переходной меры мы приступили к преобразованию всех учительских институтов, семинарий и постоянных педагогических курсов в высшие педагогические заведения, которые должны выпускать глубоко образованных педагогов, способных преподавать целую группу родственных предметов. Эти же учебные заведения будут готовить деятелей по дошкольному воспитанию, внешкольному образованию и инструкторов по проведению в жизнь школы трудового начала.

Для быстрого создания новых кадров учителей мы намерены в том же учебном году открыть новую сеть годичных педагогических курсов, успешно использовав для этой цели все демократические силы преподавателей высших школ и педагогических учебных заведений.

Для научной разработки учебно-воспитательных вопросов и для подготовки профессоров для педагогических учебных заведений мы решили уже в наступающем учебном году приступить на первое время к созданию хотя бы одной Высшей Педагогической Академии.

Пропаганда среди взрослых не в состоянии переделать душу народа. Для активной помощи стихийным факторам, действующим в этом направлении, создаются новые школы. Создать нового учителя — значит наполовину создать новую школу и содействовать созданию новой демократии.

Народный Комиссар по Просвещению
А. Луначарский.

Положение о Единой Трудовой Школе.

I. Общие положения о Единой Трудовой Школе.

Статья 1-я. Всем школам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, состоящим в ведении Народного Комиссариата по Просвещению, за исключением высших учебных заведений, присваивается наименование: „Единая Трудовая Школа".

Примечание 1-е. Отдельные школы обозначаются сокращенным названием Советская, с указанием местности, номера школы и ступени, напр. 3-я Советская школа 1-й ступени Нарвского района гор. Петрограда.

Примечание 2-е. Разделение школ на начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные уч-ща, ремесленные, технические, коммерческие уч-ща и все другие виды низших и средних школ упраздняются.

Примечание 3-е. С 1-го октября 1918 года все учебные заведения всех ведомств переходят в ведение Народного Комиссариата по Просвещению („Собр. узакон. и расп. Раб. и Кр. Прав.", № 30, ст. 507).

Статья 2-я. Единая Школа разделяется на 2 ступени: 1-я — для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и 2-я — от 13 до 17 лет (4-летний курс).

Примечание 1-е. К Единой Школе присоединяется детский сад для детей от 6 до 8-летнего возраста.

Примечание 2-е. Органы школьного самоуправления могут отступать на год в сторону понижения возрастной нормы с утверждения губернского Отдела Народного Образования.

Примечание 3-е. Пребывание в школе учащихся дольше установленной нормы, а также прием детей возраста, превышающего нормальный, допускаются по постановлению школьного совета

Статья 3-я. Обучение в школе 1-й и 2-й ступеней—бесплатное.

Статья 4-я. Посещение школы 1-й и 2-й ступеней обязательно для всех детей школьного возраста.

Примечание. Для практического проведения этой меры в жизнь Отделы Народного Образования должны немедленно приступить к разработке плана школьной сети, учету всех детей школьного возраста от 6 до 17 лет, а также к составлению смет на постройку и оборудование школ, содержание личного состава, смет по организации питания детей и снабжению их обувью, одеждой и учебными пособиями. Обязательное обучение вводится немедленно всюду, где количество школ достаточно для обслуживания всего детского населения и где условия общедоступности образования имеются налицо. Для детей неграмотных, но по своим годам не могущих быть принятыми в школы общего типа, должны быть организованы или особые занятия при Единой Школе, или особые внешкольные занятия.

Статья 5-я. В школе 1-й и 2-й ступеней вводится совместное обучение („Собран. узакон. Р. и К. П.", № 38, ст. 499).

Статья 6-я. Преподавание в стенах школы какого бы то ни было вероучения и исполнение в школе обрядов культа не допускается („Собран. узакон. Р. и К. П.", № 18, ст. 263).

Статья 7-я. Разделение преподавателей на категории уничтожается. Все школьные работники (ст. 8-я) получают вознаграждение по ставкам 1-й категории декрета Сов. Нар. Комиссаров о нормах оплаты учительского труда („Собран. узакон. и распор. Р. и К. П.", № 17, ст. 552).

Примечание 1-е. Оплата учительского труда производится не поурочно, а помесячно.

Примечание 2-е. Особая оплата должностных лиц из числа школьных работников свыше установленной нормы не допускается.

Статья 8-я. Все школьные работники, т.-е. преподаватели, школьный врач и инструктора физического труда избираются в соответствии с постановлением о выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей от 27 февраля 1918 г. и инструкциями Народного Комиссариата по Просвещению.

Примечание 1-е. Заместители школьных работников допускаются к работе в школе Отделами Народного Образования и во время исполнения своих обязанностей пользуются всеми правами школьных работников.

Примечание 2-е. В случае невозможности удовлетворить хозяйственные нужды школы силами школьного коллектива (ст. 26), допускается приглашение технических служащих по найму, которые не участвуют в учебно-воспитательной работе, но могут быть привлекаемы к обсуждению хозяйственных вопросов.

Примечание 3-е. Участие школьных работников в работе других школ допускается с разрешения соответствующих местных Отделов Народного Образования.

Статья 9-я. При Народном Комиссариате по Просвещению и Отделах Народного Образования учреждаются должности инструкторов. На обязанности инструкторов лежит периодическое посещение школ для поддержания живой связи их с соответствующими Отделами Народного Образования и в целях оказания помощи преподавателям в их педагогической работе.

Статья 10-я. Число учащихся на одного школьного работника не должно превышать 25; таким образом, общее количество школьных работников в каждом учебном заведении следует определять, исходя из этой нормы.

Примечание. Отступления от указанных норм могут производиться по постановлению Отдела Народного Образования.

Статья 11-я. Настоящее положение (ст. 1—32) распространяется и на все школы, возникающие по частной инициативе. Этим последним может быть оказана государственная поддержка при условии признания ценности данной школы местными Отделами Народного Образования.

II. Основные начала школьной работы.

Статья 12-я. Основой школьной жизни должен служить производительный труд не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только как метод преподавания, но именно как производительный общественно-необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь. Постоянно осложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших.

Примечание 1-е. Трудовое начало станет мощным педагогическим средством в том случае, если труд в школе будет творчески радостным, свободным от приемов насилия над личностью учащагося и при всем этом планомерно и социально организованным. В этом последнем смысле школа является школьной коммуной, тесно и органически связанной по своим трудовым процессам с окружающей жизнью.

Примечание 2-е. Старая форма дисциплины, сковывавшая всю жизнь школы и свободное развитие личности ребенка, не может иметь места в школе труда. Но сами трудовые процессы будут воспитывать в детях ту внутреннюю дисциплину, без которой немыслим рационально поставленный коллективный труд. Дети принимают живое участие во всех трудовых процессах школьной жизни, в числе которых организационные моменты, вытекающие из принципа разделения труда, должны сыграть весьма существенную воспитательную роль. При этом учащиеся научатся оценивать способы планомерного расходования трудовой человеческой энергии и воспитают в себе чувство ответственности как за ту часть работы, которая выпадает на долю каждого из них в данном рабочем коллективе, так и за успех всей работы в целом. Короче говоря, коллективный производительный труд и организация всей школьной жизни должны воспитывать будущих граждан социалистической республики.

Статья 13-я. Обучение в трудовой школе носит общеобразовательный политехнический характер на обеих ступенях, при чем физическому и эстетическому образованию отводится видное место.

Примечание 1-е. Инструкции, примерные программы и об'яснительные записки будут изданы дополнительно.

Примечание 2-е. Учебный план как на 1-й, так и на 2-й ступени должен отличаться значительной гибкостью в применении к местным условиям. Кроме того, введение тех или иных предметов для отдельных групп учащихся является возможным при условии соблюдения целостности курса.

III. Порядок и условия школьной работы.

Статья 14-я. Школьные занятия в течение года распадаются на 3 категории: 1) обычные школьные занятия, примерно с 1-го сентября по 1-е июня; 2) школьные занятия под открытым небом, примерно с 1-го июня по 1-е июля: площадки, летние колонии, экскурсии для знакомства детей с природой и жизнью; 3) полные вакации, примерно с 1-го июля по 1-е сентября, с 23-го декабря по 7-е января и с 1-го по 14-е апреля. В школе празднуются установленные Рабоче-Крестьянским правительством гражданские праздники.

Примечание. Губернским Отделам Нар. Образ. предоставляется право как сокращать время полных вакаций, так и видоизменять распределение занятий в течение года.

Статья 15-я. Школы открыты для учащихся в течение 7 дней.

Примечание 1-е. Два дня в неделю, но не под ряд, выделяются из общего числа учебных дней, при этом один день является совершенно свободным от обычных занятий и должен быть использован для чтений, экскурсий, спектаклей и других самостоятельных детских занятий, для чего привлекаются новые педагогические силы. Другой день является полурабочим днем с обычным педагогическим персоналом и используется для клубных и лабораторных занятий, рефератов, экскурсий, ученических собраний.

Примечание 2-е. Каждый школьный работник имеет один свободный день в неделю.

Статья 16-я. Какие бы то ни было программные учебные занятия для учащихся в школе 1-й ступени не должны превышать в первые три года 4 часов, и в остальные два года — 5 часов, а на 2-й ступени—6 часов.

Статья 17-я. Задавание обязательных уроков и работ на дом не допускается.

Статья 18-я. Никакие наказания в школе не допускаются.

Статья 19-я. Все экзамены — вступительные, переходные и выпускные—отменяются.

Статья 20-я. Деление на классы по мере возможности должно быть заменено делением на группы по степени подготовленности учащихся к соответствующему роду занятий.

Примечание. Переход в несоответствующую возрасту высшую группу допускается лишь по выслушании заключения школьного врача.

Статья 21-я. Во всех школах всех типов вводятся обязательные горячие завтраки бесплатно, согласно раскладкам гигиенических норм для детей соответствующего возраста.

Статья 22-я. Все школы как 1-й, так и 2-й ступени должны состоять под регулярным наблюдением врачей.

Статья 23-я. При поступлении ребенка в школу необходим тщательный медицинский осмотр для определения состояния его физического и психического здоровья.

Статья 24-я. При недостатке вакансий в Единой Школе порядок замещения свободных мест определяется соответственными Отделами Нар. Образ.

Статья 25-я. Каждой школе должен быть отведен свободный от построек земельный участок, не менее одной десятины в сельских местностях, а в городах — по мере возможности, но не менее 500 к. саж.

Примечание. Земельный участок, отведенный вновь открывающимся школам, должен приближаться к нормам сельских местностей.

IV. Основные принципы самоуправления Единой Трудовой Школы.

Статья 26-я. Школьный коллектив состоит из всех учащихся данной школы и всех школьных работников.

Статья 27-я. Ответственным органом школьного самоуправления является школьный Совет, состоящий: а) из всех школьных работников, б) из представителей трудового населения данного школьного района в количестве $^1/_4$ числа школьных работников, в) в таком же отношении учащихся старших возрастных групп с 12-летнего возраста и г) одного представителя Отдела Народного Образования.

Статья 28-я. Внутренняя жизнь школьного коллектива в рамках постановлений центральных и местных органов Народного Комиссариата по Просвещению и Школьного Совета регулируется общими и групповыми собраниями школьного коллектива.

Статья 29-я. Исполнительным органом Школьного Совета является президиум, который об'единяет работу исполнительных комиссий, организуемых Школьным Советом и школьным коллективом.

Статья 30-я. Решения Школьного Совета, принимаемые им по всем вопросам школьной жизни, не должны нарушать общих положений об Единой Школе и постановлений Отдела Народного Образования Совдепа и могут быть опротестованы представителем Отдела.

Примечание. Протест не останавливает решения Совета, но вопрос вносится на рассмотрение Отдела Нар. Образования.

Статья 31-я. В компетенцию Школьного Совета входит рассмотрение и решение следующих вопросов:

а) распределение учащихся по группам и выпуск из школы;

б) представление в местный Отдел Народного Образования об освобождении учащихся от занятий в данной школе;

в) утверждение планов и программ занятий групп в пределах директив Народного Комиссариата по Просвещению и местных Отделов Народного Образования;

г) утверждение порядка и плана образовательных, производительных и хозяйственных работ школы;

д) составление годовых смет и отчетов о педагогической и административно-хозяйственной работе школьного коллектива;

е) рассмотрение и утверждение проекта школьной инструкции (о внутреннем строе жизни школьной коммуны).

Статья 32-я. Внутренняя жизнь школьной коммуны должна строиться на началах полной свободы об'единения всех членов коллектива в группы и кружки, преследующие образовательные и воспитательные цели, напр. союзы преподавателей, союзы молодежи и т. п.

V. Меры к проведению плана преобразования школ в жизнь.

Для проведения указанного плана в жизнь предлагается 3-классные и 4-классные начальные училища превратить в 5-летние школы 1-й ступени, для чего с начала учебного года ко всем начальным училищам добавить дополнительный год обучения. В дополнительную старшую возрастную группу привлекаются дети, окончившие в текущем году начальные училища. Так называемые 3-классные училища с 5-летним курсом в полном составе относятся к школам 1-й ступени.

Все средние учебные заведения, а также школы, приближающиеся к ним по типу, правительственные, общественные и частные, разделяются применительно к следующему плану разделения мужских гимназий: первые три нормальные класса с приготовительными превращаются в самостоятельные школы 1-й ступени и перестраиваются на общих для указанной ступени основаниях. В текущем году к ним прибавляется первый год обучения, а если встретится надобность, то и 2-й (до 5-летнего состава).

4, 5, 6 и 7-й классы образуют школы 2-й ступени, 8-й класс упраздняется.

Высшие начальные училища и приближающиеся к ним по типу, напр., торговые школы преобразуются в школы 2-й ступени, для чего от них отсекается 1-й год обучения и добавляется старшая возрастная группа для окончивших учебные заведения в текущем году.

Этот план преобразования бывших начальных и средних учебных заведений является примерным и может быть видоизменяем соответственными Отделами Народного Образования.

Председатель В. Ц. И. К. *Я. Свердлов.*

Заместитель Народного Комиссара по Просвещению *М. Покровский.*

Секретарь В. Ц. И. К. *А. Енукидзе.*

Положение об Архитектурном подотделе Отдела Изобразительных Искусств Народного Комиссариата по Просвещению.

Целью Архитектурного подотдела является:

I. Создание новой художественно-строительной культуры в связи с перестройкой государства на новых началах.

II. Организация и общее руководство архитектуроведения вообще и изучения русского зодчества в частности. (Ученая часть).

III. Подготовка и поднятие квалификации работников архитектурного дела в соответствии с новыми задачами государственного строительства. (Учебная часть).

IV. Распространение художественно-архитектурного просвещения среди широких масс населения. (Просветительная часть).

V. Общее художественное руководство и художественный контроль архитектурного дела в стране в общегосударственном масштабе.

Для осуществления этого Архитектурный подотдел осуществляет следующие задачи:

I. Строительство художественной культуры.

1. Теоретическая разработка планового распределения и планировки населенных местностей и создание нормальных планов городов и сел.

2. Разработка планового распределения и выработка нормальных типов общественных построек.

3. Выработка нормальных типов жилых помещений.

Для этого подотдел:

а) разрабатывает общие основы планировки и застройки населенных местностей;

б) производит обследование существующих населенных местностей;

в) разрабатывает эскизы, проекты планов и составляет сметы строительных преобразований существующих населенных местностей;

г) разрабатывает проекты создания новых поселений, согласно современным требованиям художественности, социальной гигиены и экономики;

д) изготовляет модели населенных местностей и частей их, как существующих, так и проектируемых;

е) разрабатывает эскизы, проекты, составляет нормальные планы основных типов общественных построек во всех областях архитектуры, как-то:

санитарного строительства (больницы, амбулатории, госпитали, лазареты, карантинные бараки и крематории);

строительства учебно-просветительного и научно-просветительных зданий (школы, университеты, консерватории, специальные учебные заведения, лаборатории, научные станции, обсерватории и пр.);

строительства художественно-просветительных зданий (театры, цирки, концертные залы, аудитории, кинематографы, народные дома, рабочие дворцы, музеи, галлереи и пр.);

тюремного строительства (тюрьмы, арестные дома, колонии-поселки);

военного строительства (казармы, военные магазины, склады, лагерные поселки);

строительства торгово-промышленных зданий (магазины, специальные и универсальные склады, галлереи, ряды, конторы и банки);

строительства фабрично-заводских зданий (фабрики, заводы и мастерские);

ж) разрабатывает эскизы, проекты и планы и изготовляет модели нормальных типов жилищных домов;

з) содействует изданию оригинальных и переводных книг, брошюр, посвященных вопросам социального строительства;

и) составляет и издает архитектурные альбомы (проектов, планов, эскизов);

к) организует архитектурные конкурсы;

л) организует архитектурные выставки, выставки эскизов, проектов и показательные выставки моделей зданий и частей зданий—в закрытых помещениях и на специально отведенных участках под открытым небом;

м) организует художественно-архитектурное инструктирование и контроль на местах.

II. Ученая часть.

1. Разработка научных основ архитектуры как в области основных законов ее, так и в области всех вопросов, связанных с проявлением и применением их.

2. Разработка истории архитектуры на основе научного понимания искусства.

3. Специальная разработка истории и теории русского зодчества.

4. Разработка вопросов эстетики и эстопсихологии в области архитектуры.

Для этого подотдел:

а) содействует об'единению всех творческих и научных сил в области архитектуры;

б) организует научную работу в области архитектуроведения, разрабатывая общую программу и планы научной работы и создавая кадры постоянных работников-искусствоведов;

в) организует лаборатории для экспериментального исследования вопросов, связанных с изучением архитектуры, и производит практические работы (обмеры и обследования) с целью накопления фактического материала, необходимого для научных работ;

г) организует ученые экскурсии по России для исследования русской архитектуры и издает труды их;

д) устанавливает связь во всероссийском и международном масштабе со всеми учреждениями, работающими в области изучения искусства вообще и архитектуры в частности;

е) организует всероссийские и международные конференции и с'езды по архитектуроведению в широком смысле этого слова;

ж) организует конкурсы на сочинения по отдельным вопросам истории и теории архитектуры;

з) издает труды по архитектуроведению, созданные в недрах самого Отдела в результате работ его учреждений;

и) издает книги, альбомы, сборники, брошюры, журналы и т. п., посвященные всем вопросам теории и истории архитектуры и специально по истории и теории русской архитектуры;

к) переводит и издает произведения иностранных писателей по всем отраслям архитектуроведения;

л) содействует проявлению частной инициативы в области работ по архитектуроведению;

м) изыскивает, собирает, систематизирует и разрабатывает исторические материалы по теории и истории архитектуры;

н) командирует ученых архитектуроведов за границу для производства ученых работ.

III. Учебная часть.

1. Организация школьного дела в области архитектуры.

2. Подготовка работников архитектурного дела, как-то: архитекторов, скульпторов, лепщиков, живописцев фрески, живописцев-декораторов, мастеров и рабочих строительного дела (землекопов, каменщиков, плотников, слесарей, монтеров, электротехников, водопроводчиков, маляров и др.).

3. Поднятие квалификации работников архитектурного дела.

Для этого подотдел:

а) разрабатывает и устанавливает общие положения и принципиальные основы методологии преподавания всех отраслей архитектуры;

б) устанавливает основные типы архитектурно-учебных заведений (архитектурные школы, инструкторские школы, курсы для строительных рабочих и др.);

в) разрабатывает программы и планы преподавания архитектурных учебных заведений;

г) организует сеть государственных архитектурных заведений;

д) осуществляет общее руководство и контроль в государственных архитектурных учебных заведениях;

е) осуществляет общее наблюдение за постановкой частного архитектурного школьного дела;

ж) подготовляет кадры преподавателей и инструкторов в области преподавания архитектуры и строительного дела;

з) организует местные, всероссийские и международные конференции и съезды педагогов и учащихся архитектурному делу;

и) организует учебные экскурсии по России и за границей;

к) рассматривает существующие и вновь появляющиеся учебники по всем отраслям архитектурного дела;

л) критически оценивает и составляет списки годных и желательных для преподавания;

м) разрабатывает и осуществляет программу и план издания учебников по всем отраслям архитектурного дела, составляя оригинальные руководства и переводя руководства иностранных авторов;

н) составляет и изготовляет наглядные пособия для изучения архитектурного дела.

IV. Просветительная часть.

1. Распространение художественно-архитектурных знаний в народных массах.

2. Организация и руководство книжным и библиотечным делом в области архитектуры.

Для этого подотдел:

а) разрабатывает программу и план преподавания архитектурных знаний в общеобразовательной школе;

б) осуществляет общее руководство преподавания архитектурных знаний;

в) составляет, переводит и издает специальные руководства применительно к постановке и объему преподавания архитектурных знаний;

г) организует лекционное бюро в столице и отделения в провинции для устройства циклов лекций и курсов по истории и теории архитектуры;

д) подготовляет кадр лекторов, организуя постоянные и эпизодические лекции и курсы;

е) подготовляет кадр инструкторов для организации и постановки лекционного дела в провинции;

ж) составляет, переводит и издает популярные книги, журналы, брошюры и пр. по архитектуроведению;

з) составляет и создает программы и планы самостоятельного изучения архитектуроведения;

и) осуществляет общее руководство и контроль книжным и библиотечным делом в области архитектуроведения;

к) разрабатывает, составляет и издает критические примерные каталоги по архитектуроведению для специальных и общеобразовательных библиотек;

л) разрабатывает и устанавливает систему регистрации книг в области архитектуры;

м) производит регистрацию и учет книжных богатств по архитектуроведению;

н) разрабатывает и осуществляет программу и план систематического распределения книг по архитектуроведению в общегосударственном масштабе;

о) организует архитектурный музей.

V.

1. Разработка строительного законодательства в плане новых задач строительной политики.

2. Организация художественного контроля в области архитектурного дела.

Для этого подотдел:

а) объединяет архитектурные и юридические силы для разработки художественных элементов строительного законодательства;

б) пересматривает все существующие законы, правила и положения в области строительного права;

в) вносит на утверждение надлежащих органов проекты изменений действующих строительных законоположений;

г) разрабатывает проекты строительных законоположений и вносит их на рассмотрение и утверждение надлежащих органов государственной власти;

д) выпускает периодические издания, посвященные строительному праву;

е) составляет и издает систематический сборник законоположения в области строительного права;

ж) организует художественный контроль всей строительной деятельности в стране;

з) организует сеть художественно-контрольных органов в центре, районах и провинции;

и) подготовляет кадр архитекторов-контролеров, организуя инструкторские курсы;

к) разрабатывает программы и планы преподавания строительного законодательства в архитектурных учебных заведениях;

л) устанавливает контакт со всеми правительственными учреждениями, работающими в области строительства;

м) устанавливает контакт с Высш. Сов. Нар. Хоз. и имеет в нем свое представительство, как в общих руководящих коллегиальных организациях В. С. Н. Х., так и в специально строительных организациях его (Комитет госуд. сооружений);

н) осуществляет архитектурный художественный контроль над проектами и работами правительственных строительных учреждений, в частности, Комитета госуд. сооруж.;

о) принимает участие в выборах персонального состава по архитектуре в упомянутых государственных строительных учреждениях;

п) осуществляет художественный контроль строительной деятельности муниципальных органов страны и провинции.

Организация подотдела.

Для осуществления своих целей и выполнения изложенных задач Архитектурный подотдел организуется на следующих основаниях:

I. Архитектурный подотдел Народного Комиссариата по Просвещению находится под общим руководством заведующего подотделом.

II. В состав Архитектурного подотдела входят далее: а) помощник (заместитель) заведующего подотделом, член Художественной коллегии; б) заведующий секциями и секторами; в) постоянные сотрудники, консультанты и специалисты; г) сотрудники учреждений и частей подотдела.

III. Заседания подотдела происходят периодически под председательством заведующего.

IV. Доклады и постановления представляются для согласования в коллегию Отдела изобразительных искусств и утверждаются народным комиссаром.

V. Подотдел имеет свои кредиты по особой смете.

VI. В состав Архитектурного подотдела входят:

А. Учреждения.

Архитектурная мастерская, являющаяся творчески-техническим органом подотдела и распадающаяся на секторы, соответственно специальным отраслям архитектуры: 1) сектор городского строительства; 2) сектор сельского строительства; 3) сектор санитарного строительства и т. д.

Секторы мастерской организуются по мере развития центрального Архитектурного Отдела в соответствии с планомерным разрешением основных задач Отдела. Каждый сектор состоит из отделения теоретического, в котором разрабатываются общие положения соответствующей отрасли архитектурного дела, и отделения технического, в котором выполняются планы, проекты и эскизы сообразно с установленными теоретической частью общими положениями.

Б. Секции.

1. Управления делами (секретариат, юрисконсульство, финансовая часть, внутренний контроль, хозяйственная часть подотдела);

2. Архитектуроведения (коллегия, искусствоведение, бюро художественной репродукции, бюро обмеров и обследований, архив);

3. Школьная (сеть архитектурных учебных заведений);

4. Просветительная (лекционное бюро с отделениями в провинции, организация составления популярной литературы);

5. Законодательных предположений;

6. Книжного дела (издательство, снабжения, библиотечное дело);

7. Художественно-контрольная (кадры архитекторов-контролеров организуются сообразно с Положением об Архитектурном подотделе).

По мере расширения своей деятельности подотдел организует новые части, секции и учреждения.

Представители (заведующие) секторов мастерских и секций образуют совещание (коллегию) при заведующем подотделом.

Народный комиссар по просвещению
А. В. Луначарский.

Правительственный комиссар
Д. П. Штернберг.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

Новая организация работников просвещения [1]).

Вопрос, который поставлен перед нами всем ходом развития нашей новой общественности, — вопрос колоссальной важности. Для того, чтобы вам не показалось, что это общее место и фраза, которых в настоящее время мы слышим сколько угодно, ибо в настоящее время всякий вопрос приобретает крупное значение и носит характер вопроса громадной важности, должен сказать следующее. Несомненно, победа пролетариата обеспечена, по крайней мере, в советской России. Ога совершенно не зависит и не связана с тем, что мы сейчас непосредственно будем делать, и как мы ни решили бы предстоящие задачи, это не потрясет основ социалистического здания, фундамент которого пролетариатом заложен. В этом отношении никакой катастрофы от того или другого правильного или неправильного решения не произойдет. Но вместе с тем, если мы сделаем сейчас неправильные шаги, это может на долгое время обессилить боевую энергию как раз того отряда в этом массовом пролетарском движении, который имеет, несомненно, огромное значение, того отряда, который должен был бы по существу стать одним из родников новых коммунистических идей и непосредственно обслуживать все пролетарское движение коммунистическими силами. Поэтому, если мы неправильно решим громадной важности вопрос, который перед нами стоит, мы не произведем катастрофы, поворота назад не может быть, но, несомненно, ослабим в этой области, в которой работаем, силу и натиск пролетарской революции и на долгие годы замедлим поступательное движение к социализму, которое является неизбежным и важным, как вы признаете и понимаете. Почему это не катастрофично, хотя бы и было неправильное решение? Потому что пролетариат так или иначе держит в своих руках самые основные устои власти и господства. В руках у него военная сила, в руках у него весь государственный аппарат, на всех руководящих постах находятся коммунисты, которые везде собираются на партийные съезды и в любой момент могут проверить и исправить неправильные шаги. Катастрофы произойти не может. Но отсюда не следует, чтобы мы собирались работать в области поднятия культуры и просвещения, могли проникнуться беспечностью и сказать: мы победили, мы всегда успеем исправить ошибки, если даже наделаем их. Этого мы делать не имеем права, потому что это означало бы задержку пролетарской революции. Затем эта беспечность может быть опасна в иные моменты, потому что, хотя мы глубоко убеждены в конечном торжестве социализма, но находимся в начальной части восходящей кривой социалистической революции и в настоящий момент в условиях развития мирового коммунистического движения и напряженной борьбы. Наша задача — все силы сосредоточить, чтобы увеличить мощь революционного движения. Все это мы можем сказать, поскольку мы будем рассматривать вопрос в мировом масштабе. Но если говорить о российском масштабе, то наша задача уже не самая победа, которая представляет совершившийся факт, сколько использование и удержание плодов этой победы, и это стоит колоссального труда и напряжения. Это потому, что социалистическая революция произведена в мелкобуржуазной, на три четверти крестьянской стране. Те трудности, которые мы переживаем, это не просто технические трудности,— результат экономической и технической разрухи буржуазного общества, как это обыкновенно принято изображать. Это определенный результат классовой борьбы, происходящей между пролетариатом и мелкой буржуазией, т.-е. крестьянством, вполне аналогичной борьбе крестьянства при подавлении революции 48-го года или Парижской коммуны 71-го года, с тем отличием, что теперь пролетариат не только держит в своих руках политическую силу и власть, но ему принадлежит и духовная гегемония. Он ведет за собой крестьянство, которое сопротивляется этому. Но если бы мировая революция не развивалась в таком масштабе

[1]) Доклад В. М. Познера на соединенном заседании коммунистических фракций съезда Губотделов и 2-го съезда Союза Учителей-Интернационалистов 12 января 1919 г.

Производительный труд в городской советской школе.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

I. Труд, протекающий в школе.

А. Цели и задачи производительного труда в школе.

1) Труд является незаменимым педагогическим методом, ведущим к наиболее действительному ознакомлению детей с элементами окружающей их социальной и природной среды.

2) Введением в школу производительного труда достигается приобщение и участие молодежи в общественном труде.

3) В результате производимых школьным коллективом работ, получается ряд материальных ценностей, удовлетворяющих некоторые потребности как самой школы-коммуны непосредственно, так и нужды *других коллективов*.

4) В связи и на основе трудовых процессов, протекающих в школе, усилиями юного коллектива создается ряд педагогических, художественных, научных ценностей.

5) Введение в школьный быт организованного, планомерного труда выявит для учащихся с неоспоримой очевидностью всеопределяющее значение труда для жизни в ее целом.

Б. Необходимые и желательные моменты при введении отдельных отраслей производства.

1) Основным и определяющим условием должен быть живой интерес детей к производимым работам.

2) Желательна постановка таких трудовых задач, выполнение которых требовало бы применения орудий не только ручного, но и машинного труда.

3) Желательна постановка таких трудовых заданий, разрешение которых в целом под силу только коллективу, где могла бы обнаружиться роль предварительной организации труда, значение его разделения между участниками и т. д.

В. Ограничительные условия при введении отдельных отраслей труда.

а) Ограничения, налагаемые гигиеной: 1) не вводить видов труда, вредных для здоровья; 2) не вводить видов труда, требующих чрезмерно больших физических усилий со стороны учащихся; 3) не вводить видов труда, при которых учащиеся не понимали бы полностью всех его отдельных этапов, смысл которых не был бы доступен детям до конца.

б) Ограничения, налагаемые условиями технической целесообразности: 1) техническая постановка труда, применяемые методы, виды орудий должны, по возможности, отвечать высшим требованиям технической целесообразности и, во всяком случае, удовлетворять средним техническим условиям данной местности; 2) как правило, школа не должна ставить себе задачей производство того, что на фабрике, заводе, ферме может быть сделано с значительной экономией сырья, двигательной силы или труда.

Г. План возможных трудовых процессов в школе в порядке возрастающей сложности и трудности для детей в возрасте от 12 до 15—16 лет.

1) Труд, направленный на удовлетворение очередных текущих нужд школы, как потребительной коммуны.

2) Организация более сложных видов труда, направленных на производство продуктов массового потребления школы или других коллективов.

3) Труд научно-организационного порядка, освещающий трудовые процессы в школе.

4) Труд, направленный на удовлетворение технически-научных, художественных или каких-либо иных просветительных нужд данного района, села, города, государства.

II. Труд, протекающий вне школы (последние 2 года).

1. Случайные и постоянные виды труда в школе: а) эпизодические работы, разрешаемые школьниками; б) систематическое прохождение школьниками ряда технически важных производств.

2. Виды труда, удовлетворяющие основные потребности в пище, одежде и жилище.

3. Виды труда, создающие орудия производства.

4. Источники механической энергии, типы двигателей, силовые установки.

5. Участие школьников в работах: а) по сельскому хозяйству, б) в текстильной индустрии, в) в строительном деле, г) в машиностроении.

6. Участие в указанных работах ознакомит молодежь: во 1) с основными видами сырья: а) хлопком, шерстью и льном, б) деревом, камнями и металлами, в) углем, нефтью и водой, как источниками механической энергии; во 2) с наиболее важными орудиями и методами обработки.

7. Работы школьников будут протекать непосредственно на фермах, стройках, фабриках и заводах.

8. По характеру эти работы будут напоминать обычную студенческую летнюю практику.

9. Содержание работ может быть сведено к организационному анализу производства.

10. Занятия по литературе, искусству, связанные с работами на заводе.

11. Научная подготовка школьников (курс технической пропедевтики).

12. Изучение развития основных отраслей техники; связанные с этим другие школьные работы.

13. Общая характеристика школьно-заводских работ.

14. Удлинение пребывания школьников 2-ой ступени на один год для реализации предложенных технически-научных работ.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ГОРОДСКОЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ.

I.

Чем можно мотивировать введение элементов производительного труда?

Для настоящего времени бесспорным является утверждение, что труд является в школе незаменимым, весьма достигающим цели педагогическим приемом, и нет надобности на этой его служебной роли дольше останавливаться.

Но если отвлечься от школьного труда, как метода, и подойти к нему с точки зрения его действительного значения в жизни, то трудовые усилия, затрачиваемые юной частью человечества, могут иметь известное значение и в общей экономии труда. При хорошо продуманной и планомерно организованной системе работ в школах, можно рассчитывать на то, что часть всех трудовых усилий страны, пусть даже незначительная сможет быть переложена на молодые группы населения. Взрослые будут освобождены от известного количества труда, а школа ближе подойдет к трудовой жизни, черпая в ней импульсы и для своих особых, педагогических целей.

Вводя таким образом те или иные производительные процессы, школа ставит себе целью создание известной суммы разнородных продуктов, имеющих целью удовлетворение некоторых нужд самой школы-коммуны. Возможно, однако, расширение круга обслуживаемых школой интересов, путем привлечения школьного труда к задачам, находящимся вне пределов каждой данной школы в отдельности. Производство продуктов потребления определенных материальных ценностей может в таком случае приобрести и большой размах.

Однако, созданием только таких ценностей задача введения производительного труда может оказаться суженной, и перспектива всего замысла будет искажена. Может создаться ложное впечатление, что школа полностью превращается в производительную коммуну, в мастерскую, ферму, что производительные процессы существуют в школе рядом, параллельно и даже независимо от общего потока научно-производительной школьной работы. Элементом, восстанавливающим стройность и архитектурное единство школьного коллектива, является создание школой аналогичного ряда «идеальных» ценностей. Понятно, не в том только отношении, что школа будет вооружать молодежь навыками, умениями или знаниями, необходимыми для будущей жизни школьников. Тут создание этих научных и других ценностей можно и должно связать непосредственно с самими трудовыми процессами, переплести элементы физического и духовного труда в одно неразрывное целое. Следует поставить перед школой задачу такого порядка, чтобы труд физический или умственный не стояли особняком, чтобы они не были вкраплены друг в друга отдельными пятнами. Таким синтетическим слиянием обоих видов труда может быть косвенно реализована еще одна задача большой важности. Не из книг или рассказов, но на основании живого опыта из своей практики, а, следовательно, наиболее убедительно молодежь в период своей наибольшей душевной восприимчивости убедится в том, что труд является центральным, всеопределяющим фактором жизни. Элементы трудового миропонимания и мировоздействия будут таким образом заложены в детской душе наиболее глубоко и прочно.

Было бы, однако, большой ошибкой вводить в школу всевозможные, любые виды труда. Необходим предварительный анализ и критический разбор того, какие виды в школе допустимы, какие желательны в большей или меньшей степени. Следует с известной осмотрительностью выявить как положительные, так и отрицательные критерии при решении вопроса о том, какие производства и в каком об'еме могут быть допущены или рекомендованы в трудовой школе-коммуне.

Основным и решающим условием является, понятно, живой интерес детей к тому труду, который вводится в школу.

Это условие необходимое, но не достаточное. В связи с определяющей ролью машинного производства, его первенствующим значением для всего хода исторического развития, было бы педагогически нецелесообразно вводить в школу элементы только ручного труда. Последний характеризует уже превзойденную ступень хозяйственного развития и вводится постольку, поскольку он является в школе незаменимым педагогическим методом и является естественной и необходимой предпосылкой машинного производства.

В непосредственной связи с происходящим у нас социалистическим переустройством страны, перед школой возникает необходимость постановки таких производительных задач, разрешение которых было бы под силу только коллективным усилиям коммуны. Действительная картина коллективной борьбы человечества против стихийных сил природы, затемненная и искаженная борьбой классов, государственных групп, в школе может проявиться с наибольшей наглядностью. Важные обусловливающие наибольшую успешность всякого дела моменты—предварительная организация всего технического замысла, разделение труда между участниками—с наибольшей легкостью могут проявиться при задачах, коллективно разрешаемых. Попутно здесь с большой очевидностью проявится значение согласованных или несогласованных усилий отдельных групп, коллективных по отношению друг к другу.

Если, однако, принять во внимание только положительный критерий,—анализ возможных производительных процессов в школе не будет исчерпан. В настоящее время замечается стихийное стремление ввести в школу всевозможные виды труда без всякого разбора. Печать труда на определенном явлении, однако, еще недостаточна, чтобы оно было введено в школу. Можно натолкнуться на ряд производств весьма различного хозяйственного или педагогического достоинства, начиная с элементарного самообслуживания учащихся или школ, вплоть до таких нестрых, малохарактерных производств, как работы по стеклу, коже, плетению, травосеянию и т. д. К этому беспорядочному потоку возможных трудовых актов следует подойти с детальным анализом.

Первое ограничительное условие сводится к тому, что не следует вводить отраслей труда, вредных для здоровья детей. Это основное гигиеническое требование, и с этой точки зрения некоторые отрасли химической технологии, горного дела, спичечного производства, табачного, работы над щетиной должны быть выключены из списка возможных производств полностью. Следующее ограничительное условие сводится к тому, чтобы не вводить видов труда, требующих чрезмерно больших физических усилий со стороны учащихся. Требование это существенное: легко может случиться, что излишняя затрата чисто физических усилий, помимо того, что может вредно отразиться на здоровьи детей, даст всему делу неправильное направление: вместо того, чтобы исследовать основные технические моменты той или иной отрасли труда, много усилий будет положено детьми на одно звено—далеко не самое важное—скажем, на перенос больших тяжестей, на изнурительную ручную отделку поверхностей напильником и т. д.

Аналогичным условием является требование того, чтобы учащиеся полностью, даже в совершенстве, понимали отдельные этапы производимых ими работ. И не только отдельные этапы, но весь функционально связанный ряд трудовых процессов, начинающийся с доставки сырья в школу, вплоть до замыкающего звена упаковки и распределения готовых продуктов. Все должно быть осознано каждым отдельным ребенком, и лишь при этом условии в школе будут протекать производительные процессы в более совершенном виде, чем на фабрике, где рабочий знает и понимает только отдельную деталь, а вся картина в целом ускользает от его внимания. С этой точки зрения многое из химической отрасли окрасильного дела должно быть выпущено. Даже примитивная окраска стен может оказаться под вопросом, если применение отдельных красок для различных случаев не сможет быть выяснено с большой очевидностью.

Дальнейшим ограничивающим моментом могут оказаться соображения экономическо-технического порядка. Не следует вводить отсталых видов труда. Если бы школа поставила себе целью производство платья или обуви ручным путем,—это было бы ошибкой. Производство этих вещей достигается теперь применением машин, порой—сложных, и введение ручного труда свелось бы к тому, что школа сеяла бы элементы технической безграмотности, фиксируя внимание учащихся на способах производства, уже превзойденных техникой. Для данного случая элементы механического производства обуви остались бы вне поля зрения учащихся...

Ограничивающим условием является и следующее положение: не следует вводить таких продуктов, которые могут быть произведены на фабрике, заводе, ферме и т. д. более совершенным образом, с большей экономией сырья, двигательной силы или рабочего времени. Было бы ошибкой, с этой точки зрения, дать школе задачу производства громоздкой школьной мебели или шитья платья и т. д. Производство свелось бы к ничем не оправдываемому расточению сырья, механической и физической энергии.

Считаясь с обоими критериями допустимости тех или иных видов труда—положительным и отрицательным, можно, однако, наметить для школы ряд трудовых процессов возрастающей сложности и трудности. Первым звеном в этой цепи будет постоянное, элементарное самообслуживание школой своих текущих нужд. Сюда входит изготовление пищи, уборка помещений, уход за школьным зданием, садом, огородом, школьными животными, пчельником и т. д. Словом, школа может следить за тем, чтобы ее хозяйственно-экономическая организация находилась на определенном уровне. Можно ведь смотреть на школьную коммуну с некоторой определенной и узкой точки зрения, как на самодовлеющий организм, и забота школьного коллектива заключается в том, чтобы он работал планомерно и отчетливо. Однако, самообслуживание может быть развернуто более широко и намечается, приблизительно, в следующих направлениях.

В поисках того, какие трудовые процессы более сложного порядка могут быть введены в городскую школу при соблюдении перечисленных выше критериев, легче всего натолкнуться на бумагу и всевозможные из нее изделия. Работа над бумагой не требует больших физических усилий или сложных машин, большой двигательной силы, и весь механизм выработки изделий из нее, начиная с начального звена—привоза бумаги с фабрики—до упаковки готовых изделий, протекает на глазах перед учащимися.

В первую очередь следует обратить внимание на тетради: они являются предметом массового и постоянного школьного потребления, и если бы оказалось возможным поставить производство тетрадей в крупном масштабе, то, между прочим, частично освободили бы от этого труда взрослых. Можно говорить параллельно и о чертежных тетрадях. В связи с настоятельной необходимостью двинуть дело графического просвещения страны, спрос на такого рода тетради может оказаться весьма значительным. Из той же бумаги возможно производимость блокнотов, записных книжек, конвертов и т. д. Ценным является и то обстоятельство что у учащихся имеется полная возможность проследить весь процесс во всех его деталях, фиксируя отдельные его моменты в таблицах, диаграммах и пр... Быть-может, преждевременно указание, что производимые продукты отнюдь не должны быть выпускаемы на «рынок»,—вопрос о распределении будет обсужден ниже в непосредственной связи с другими производительными актами.

В ближайшей связи с изделиями из бумаги могут оказаться картонажные и переплетные работы. Тут могут быть намечены для школьных нужд серии наглядных пособий из бумаги, картона для общего назначения или для специальных целей, скажем, математических и т. д.

Трудовая школа может обойтись без учебников, но количество книг, обращающихся в школе, окажется весьма значительным. В связи с этим обстоятельством, естественно, вытекает переплетное дело. Последнее силами учащихся практикуется, и теперь следует поставить это дело более широко и планомерно. Переплетные работы по типу и характеру своему близки к работам над бумагой, и указанные выше соображения могут быть приведены в защиту целесообразности введения этой отрасли труда. Естественным является указание, что элементы художественного тиснения по коже могут оказаться первым импульсом для артистического творчества.

Дальнейшим материалом возрастающей трудности для обработки является дерево. Тут можно наметить целый ряд изделий из него, нужных школе. В связи с намечающейся реформой школ, несомненно, возникает большая потребность в несложных чертежных принадлежностях из дерева, как-то: линейках, треугольниках, масштабах, самодельных простейших геодезических инструментах и т. д. Производство этих орудий школьного обучения вполне под силу школьному коллективу. Предметом массового потребления являются и школьные ручки; их выработка несколько сложнее, остается, однако, в пределах осуществимого. К той же категории из дерева относятся и пеналы, школьные счета и прессбювары. Тут возникнут технологически более трудные работы, связанные с применением токарных станков, нарезкой винтов и т. д. Однако, такого рода работы производятся у нас силами кустарей, а оборудование их мастерских несложно. В связи с возможными играми и развлечениями, вероятно производство шашечниц, шахматных досок и фигур, лото, крокета и т. д. Тут уже изредка в качестве материала вступает и

металл: железные винты, медная проволока. Но производство изделий из металла может быть поставлено и более широко: *на основе изучения кустарного дела в России.*

Анализ кустарных промыслов может быть произведен с точки зрения того, какие виды могли бы быть перенесены в школу, исходя из педагогической целесообразности и технологической осуществимости. Вероятнее всего придется остановиться на мелких металлических изделиях, как-то: перочинных школьных ножах, кое-чем из жести. Можно не сомневаться в том, что элементы артистического порядка, художественная сторона изделий должны привлекать наше особое внимание. Дело в том, что машинное производство предметов массового потребления накладывает на изделия печать обезличенности. Относительно некоторых кустарных изделий этого сказать нельзя. Тут порой проявляются элементы индивидуализированного творчества, а для жизни и школы это—обстоятельство большой важности. В условиях социалистического строя, на ряду с продуктами массового производства, должны пробивать себе дорогу предметы, созданные личными усилиями. Пусть это будут безделушки из бумаги, картона, дерева, камня,—чего угодно, но в них могут проявляться элементы артистической, облагороженной культуры.

Надо всячески обе гать школу от возможности превращения ее только в мастерскую, и все усилия должны быть приложены для того, чтобы поднять ее до уровня культурно-производительной ассоциации. Привнесение художественных элементов, заимствованных из искусства, из мира кустарных изделий, усложнит и обогатит производительные процессы в школе.

Опасения относительно чрезмерного, узкого профессионализма имели бы под собой серьезную почву, если предположить, что каждая школа в отдельности будет специализироваться на производстве того или иного отдельного продукта,—пусть тетради, пенала и т. д. *Более вредной концепции* в организации производительного труда нельзя и рекомендовать. Тут с особенной настойчивостью следует отклонить возможность какой бы то ни было специализации. Все то, что в данном районе или местности может быть произведено, должно синтетически об'единиться школой. Ни с какой точки зрения недопустимо, чтобы одной школой вырабатывались, допустим, тетради, другой—линейки и т. д. Каждая школа в отдельности пусть об'единяет всевозможные типы производства. В поле детского и юношеского зрения должны одновременно вступать производительные явления разных трудностей и оттенков, не всегда, не во всем совпадающих. Одновременное совмещение в одной плоскости различных типов производства со стороны основного материала, подвергаемого обработке, со стороны ряда применяемых орудий, методов обработки, способов сотрудничества выявит перед молодежью, что является общим в различных видах труда, в чем проявляются индивидуальные отклонения и особенности. Эти отклонения еще ярче подчеркнут перед сознанием учащихся то общее, что составляет основу всех трудовых процессов, дадут ребенку навыки обобщенного технологического мышления и действия. Пусть это выявится, допустим, в следующем утверждении: первая ступень в производстве тех или иных ценностей сводится вначале к тому, чтобы придать продукту грубые, несовершенные очертания; это достигается для металла литьем и отковкой, для дерева—приемами плотничьего искусства, для строительного дела—работой каменщиков, для ученого—черновыми набросками, для скульптора—работой молотка и т. д. Дальнейший этап более тщательной, тонкой обработки сводится к труду слесарно-токарному, столярному, работе штукатуров, более тщательной литературной обработке черновиков, применению более тонких инструментов скульптором и т. д.

Быть-может, в крупных центрах, по соображениям экономическим, нерациональным окажется постановка таких суммарных технологических работ при каждой школе в отдельности,—в таком случае могут быть организованы районные детские «дома труда», где смогут работать дети различных школ. Этой совместной работой учащихся различных школ может быть пробита первая брешь той изолированности, в которой пребывает каждая школьная организация по отношению к другой. Мало-по-малу школа сможет вступить в постоянную связь с аналогичными, родственными себе организациями, постепенно расширяя поверхность своего соприкосновения с неизмеримым простором жизни. Столь же существенно важно, чтобы каждый из учащихся последовательно проходил через все виды и этапы школьного труда. Уборка помещений, приемка с'естных продуктов, уход за печкой, включение лампочек в сеть, учет потребления школьных пособий, составление предварительных смет, резка бумаги, упаковка тетрадей, строгание досок, сверление. заправка инструментов, пуск мотора в ход, смазка трущихся поверхностей, художественная

отделка готовых изделий и т. д. Через все эти операции, число которых можно произвольно увеличить, следует провести *каждого из учащихся в отдельности.* Это существенно необходимое условие для того, чтобы производительный труд в школе не приобрел характера профессионально-практического.

В непосредственной связи с трудовыми процессами, могущими иметь место в школе, следует во всей широте и важности поставить занятия научно-технического порядка. В чем их задача, и можно ли их отнести к типу производительного труда? Труд обычно (в поле, на фабрике, верфи, конторе,—где угодно) протекает в значительной мере стихийно; организатором дела намечаются лишь основные вехи, заготовляются сырье, нужные инструменты или машины, определяется штат участников исполнителей, и большое, порой, колесо приводится в движение. Вслед затем все дело, в главном, живет стихийно—по инерции, лишь в отдельных точках системы, скажем, техническом бюро заводов, финансовом центре предприятия, бьется нерв всего дела, оттуда и получаются дальнейшие импульсы. Основная причина заключается, понятно, в том, что при любом не коммунистическом строе хозяйства имущие классы могли относиться к физическому труду только, как к об'екту эксплуатации, а подневольные, как к проклятию над человеком.

Если же обратиться к умственному труду, то связь его с физическим трудом в значительной степени скрыта для многих деятелей науки. Живая связь между коллективным трудом человечества и наукой может быть восстановлена, и даже в пределах школы первые связующие нити могут быть намечены. Более того, в школе это легче всего реализировать: здесь, в условиях, близких к идеальным, труд может быть предметом самого пристального, глубокого и любовного изучения. Такое тщательное изучение мельчайших элементов, как бы сквозь микроскоп, навряд ли осуществимо в полной мере на заводе, ферме, железной дороге. Говоря образно, это все—«передовые окопы» единого фронта человечества против природы, а на войне не до научных изысканий. Но в тылу, в научных институтах, лабораториях, школах, такие научно-технические изыскания—в условиях коллективизма—вполне осуществимы и крайне нужны. Какие же конкретные задачи научного порядка могут быть поставлены школе? Следующие примерные схемы намечают несколько возможных вариантов.

Перед школьниками может быть поставлена задача установления ряда функциональной зависимости между поступающим в школу количеством сырья и количеством выпускаемых продуктов. Пусть потребуется связать число готовых тетрадей с количеством привезенной бумаги, вес переданного в школу дерева—с весом изготовленных изделий. Несомненно, между одним и другим будет известная разница. Придется установить промежуточные, недостающие звенья и тем самым побудить участников труда более пристально вглядываться и учитывать отдельные моменты технического процесса, выявлять такие стороны, как учет обревков, стружек и т. д. Роль и значение отдельных машин, с точки зрения непроизводительного расхода сырья, может выступить достаточно выпукло.

Возможно также исследование затраты мускульной силы для каждого из этапов труда, расход времени на каждой ступени. Если будут применены машины, иногда возможен учет двигательной силы. Каждый станок в отдельности может быть изучен с наиболее легкой своей стороны, с установления связей между его элементами, допустим, числом оборотов первого и последнего звена, количеством нажимов ноги точильщика в минуту и числом оборотов точильного камня, вплоть до более сложных рядов. Нет сомнения, что такого рода работы вызовут сеть вопросов из математики, послужат темой для литературных работ и т. д.

Занятия такого порядка послужат могучим стимулом к развитию функционального мышления, заложат основы воистину «железной логики, чернающей свои законы не в зыбких построениях ума, а непреклонной логике» технологических процессов. В такой школе-мастерской необходима постановка экспериментов, связанных с изучением наиболее рациональных методов организации дела, допустим, с точки зрения разделения труда. Поднимается ли производительность школьного коллектива в случае максимального разделения труда между его участниками, не правильно ли поставить дело так, чтобы данный продукт полностью изготовлялся каждым в отдельности? Для каких производств верно то или другое положение? Нет ли возможности наметить для каждого индивидуального случая свою линию рационального действия? Нет возможности и надобности исчерпывать все могущие возникнуть здесь технически - организационные проблемы. Даже вопросы «тейлоризма» относительно наиболее экономной организации труда могут быть темой для школы.

При столь развитой системе научного изучения элементов труда, можно будет без преувеличения сказать, что даже са-

мая заХолустная сельская школа будет отделением Социалистической Академии Наук.

Параллельно и в связи с ведением такой разносторонней и сложной работы, само собой, возникают занятия по тщательному учету многоразличных сторон школьного бытия.

Естественно, возникает учетно-статистический отдел, в котором занятия могут протекать по типу конторских работ в любом государственном, научном, промышленном предприятии. При более развитой сети связи между отдельными школами, вероятно возникновение центральных учреждений такого типа, нечто в роде «юношеского банка», если пользоваться старой терминологией.

Везо всякой натяжки можно причислять такие научно-технические изыскания к разряду производительного труда.

Вышеприведенные трудовые акты, однако, всецело вращаются в рамках школы, обслуживая ее материальные и научные интересы. Важен, однако, и выход школы из своих «берегов», и тут возникают задачи обслуживания школьным коллективом некоторых нужд общегосударственных учреждений.

Тут прежде всего напрашивается вычерчивание диаграмм график, иллюстрирующих некоторые стороны деятельности Советов, поддающиеся количественному учету и графическому фиксированию. На школьников могут быть также возложены задачи по украшению городских зданий и т. д. Но школьные коллективы могут заняться работами по благоустройству городских скверов и садов; в этом направлении многое может быть сделано, вплоть до выращивания большого количества цветов, распределения таковых по отдельным районам, по фабрикам, заводам и мастерским. Более того, школы могут взять на себя труд изучения проблемы «города-сада», вступить в связь с соответствующими Отделами городских Советов для выработки организационных планов и реализации таковых в жизни.

Однако, вышеизложенными разнородными работами возможные виды производительного труда далеко не исчерпаны, и очень существенный момент для настоящих русских условий не выявлен. Говоря коротко, на городских школьников должна быть частично возложена работа по пропаганде начал трудовой школы в сельской провинции. Толчком к возникновению таких работ может оказаться «школьное» перепроизводство отдельных продуктов; тут выпирает наружу обилие тетрадей, ручек, ножей, и поневоле возникает потребность в «новых рынках». Представляется естественным, что в первую очередь можно будет снабжать ими сельские школы. Колоссальная емкость деревенских школ может оказаться неисчерпаемой. Организацией этого дела займутся городские школьные коллективы. Наш ряд работ, скажем, производство тетрадей, обогащается еще одним звеном—упаковкой, погрузкой, доставкой, распределением и т. д. Важным является соображение о том, что школы должны не механически разрешать эти проблемы, а путем личных командировок отдельных своих членов реализировать всю эту сложную работу. Несомненно, реформа сельской школы будет несколько отставать от городской: город во всех смыслах идет впереди деревни. Активным элементом по распространению идей новой трудовой школы могут оказаться юные школьники, прошедшие хотя бы кратковременный «трудовой» стаж. Вместе с треугольниками, линейками, моделями собственного изготовления городские дети понесут в деревню «новые идеи», новые навыки и умения. Ведь это—обычный путь «распространения идей». Городские школьники смогут показать, как то или иное делается, учась в то же время—не в искусственных условиях города—элементам сельского хозяйства. Эта городская молодежь, оказавшись на время в деревнях, поведет там пропаганду общекультурных или педагогических идей, совместно с товарищами сельчанами займется разрисовкой художественных плакатов с теми или иными лозунгами. В педагогическом отношении, крайне ценным может оказаться этот взаимный обмен сельского и городского «опытов» в условиях постоянного и живого контакта. Могут наметиться тысячи нитей, связующих страну школьников в одно неразрывное целое. Надо создать все благоприятные условия для того, чтобы учащаяся молодежь оказалась приведенной в «движение», а оценить значение этого явления в его целом нет даже возможности. К строительству новой школьной России будет привлечена наиболее заинтересованная в этом деле молодежь.

Производительный труд в школе, таким образом, приобретает весьма сложные и богатые очертания. Старое представление о том, что под производительным трудом следует понимать только акты, приводящие к созданию материальных ценностей, *должно быть отвергнуто*, и, быть-может, ближе к истине для условий нарождающегося коммунистического строя будет толкование производительного труда, развитое выше.

Намеченная программа работ захватит возрасты от 12 до 15—16 лет, и все работы будут протекать при школе.

II.

В последние два года школьной жизни перед молодежью должны возникать более сложные задачи, выходящие за пределы обычных школьных работ. Более того, реализация этих задач может протекать вне самой школы; связь с последней, однако, не порывается. Школа остается естественным, надежным тылом, куда каждый из учащихся обращается за нужными справками, раз'яснениями, где он сможет восполнить недостающие для того или другого дела знания или навыки. В какие формы могут вылиться эти задачи для молодежи, находящейся на рубеже между школьным периодом своей жизни и настоящей жизнью почти взрослых людей?

Тут могут возникать двоякого рода работы. Во-первых,—задачи «эпизодические», обусловленные случайными, преходящими обстоятельствами, с другой же стороны,—ряд систематических задач, в известном порядке расположенных.

К первым можно отнести задачи злободневного характера, вызывающие, допустим, необходимость привлечения учащихся к целу распределения каких-либо продуктов в городе. Теперь ведь обычны нарекания на то, что дело распределения плохо организовано. Почему бы не привлечь молодежь к этому делу? Пусть школьники каждого района окажут взрослым возможное в этом деле содействие. Часть—пусть даже самая незначительная—может быть поэтому командирована в советские распределительные пункты или вновь организуемые склады и магазины. Там, в живой жизни, на практике, они ознакомятся с конкретными условиями работы распределительных органов, испытают всю сложность и трудность организовать точный и отчетливо работающий механизм. Ту же молодежь можно привлечь к организации дела разгрузки железнодорожных станций от заторов; такое участие может вылиться в форму работ конторско-статистического порядка, ибо чисто механическая работа окажется не под силу. В случае заносов трамвайной или железнодорожной линии, школьники могут остаться не только безучастными зрителями: не менее важно уметь владеть, в случае надобности, лопатой так же хорошо, как карандашем или пером.

К тому же типу «эпизодических» задач могут быть отнесены и работы более длительные, обусловленные возможностью привлечения молодежи в возрасте 16—17 лет к неотложным работам взрослых,—пусть для летних или весенних работ в деревнях или городах. Там, где по техническим условиям кратковременное привлечение молодой рабочей силы может оказаться заметно полезным для всего коллектива, там вполне допустим отрыв молодежи от работ обычного школьного типа.

С этой точки зрения и «мобилизация» молодежи для заготовки перевязочных средств, боевых припасов или чего-нибудь аналогичного, в случае какой-либо внешней грозящей опасности, отнюдь не может быть отвергнута. Нет надобности подробнее указывать на работы более сложные, реализуемые школой: работы по приведению своей улицы или своего рай она в благоустроенный вид, даже в наиболее элементарной форме очистки от снега или пыли своего тротуара или мостовой. Если городом производятся какие-либо строительные или другие работы в районе школы, часть школьников может принять посильное и активное участие в этом деле. Многоразличные трудовые впечатления, полученные от этих работ, окажут свое известное влияние на формирование характера, воли и настойчивости. Нет надобности намечать хотя бы самый общий список возможных работ. Жизнь часто будет стучаться в двери школы, и чем неожиданнее будет этот стук, тем с большим вдохновением и горячностью молодежь возьмется за дело. Надо, однако, подчеркнуть, что все перечисленные работы в значительной степени апеллируют к молодежи просто, как к рабочей силе. В таких случайных, отрывистых задачах лишь изредка намечаются нити, связующие молодежь с коллективом взрослых, и *не в этих работах центр тяжести постановки производительного труда*. О работах такого рода пока приходится упоминать не из-за их педагогического или другого значения и достоинства. Оно весьма ничтожно. Однако, для переходного времени, до тех пор, пока в обиход школьной жизни сильным потоком не вольется труд, следует мимоходом остановить внимание и на таких задачах, отнюдь не пропагандируя их и не увлекаясь ими. Впоследствии такие эпизодические работы будут возникать и разрешаться почти автоматически, подобно тому, как мы пришиваем оторвавшуюся пуговицу, не задумываясь о том, трудовой ли это процесс или нет. Этими случайными заданиями не будет достигнута основная и главная цель введения различных видов труда. Для выяснения этой цели и указания методов ее разрешения придется детально выяснить характер «систематических» трудовых занятий, о которых раньше было вскользь упомянуто.

Схема этого ряда систематических трудовых заданий может быть в самом общем

виде формулирована так: «Следует молодежь школьного возраста провести через ряд наиболее важных технических отраслей труда. В результате молодежь может оказаться технически грамотной, усвоившей наиболее важные методы обработки сырья, овладевшей общими принципами постановки любого предприятия, способной на основе многостороннего технического опыта к известным организованным обобщениям». Важно выяснить детальнее, в чем заключается задача этого контакта мира школьников с миром техники, в какие области и производства желательно более глубокое внедрение, в какие формы может вылиться это ознакомление с индустрией, какой затраты времени и усилий это потребует от молодежи и т. д.

Можно было бы выставить общее положение такого рода: «Каждый молодой гражданин трудовой страны в течение школьного периода своей жизни может пройти через все возможные виды труда». Пока индивидуальность человека не вылилась в определенные очертания, в момент, когда закладываются наиболее важные, решающие основы его мировоззрения, мироощенки и исподволь, в поисках самоопределения, молодой человек намечает свое место в жизни,—как раз в этот переходный возраст особенно важно дать почувствовать и показать, каким великим запасом энергии, воплощенным в орудиях труда, располагает человечество. Пусть перед юношеством пройдет ряд заводов и фабрик, богато оборудованных мощными двигателями, станками с их своеобразной поэзией творческого и напряженного труда. Когда молодежь будет втянута в этот трудовой поток усилий, организующих непокорные, малоподатливые элементы природы, силой техники превращаемые в материальные ценности,—тогда педагогическое значение связи мира школьников с миром техники окажется неоспоримым. В процессе этого знакомства будут заложены основы коллективно-трудового мироощущения-воззрения и мировоздействия. С первого взгляда кажется почти одинаково важным: будет ли работа протекать с лопатой, напильником или молотком в руке, будет ли молодой труженик связывать оборвавшуюся при прядении нить, смазывать подшипники, натягивать ремень или обтесывать камень,—все эти и сотни других видов труда могут образовать канву для простейших технологических обобщений. Более того, чем полнее и глубже будут захвачены отдельные отрасли труда, тем больше данных для обобщений. Однако, излишняя углубленность может оказаться и нежелательной; не так важны детали (это дело специалистов), как общие очертания и основные вехи. Одновременно возникают серьезные опасения в том отношении, что беспорядочное накопление «трудовых» впечатлений, полученных от разных отраслей труда (зачастую мало характерных, значения второстепенного), может заслонить наиболее важные технические процессы. При случайном и беспорядочном нагромождении технических наблюдений, навыков и умений, наиболее важное может и не оказаться в поле юношеского труда и зрения. Важно поэтому при конструировании школьной программы производительных процессов заранее выявить наиболее важные виды труда. Внимание при этом придется, естественно, сосредоточить на отраслях труда, занимающих «командующее» положение в технической жизни. При изучении этих отраслей придется, в свою очередь, остановиться на наиболее характерных методах и приемах обработки, естественно, связав их с особенностями соответствующих видов сырья. Такую «экскурсию» по основным видам труда легко осуществить, приняв во внимание наиболее глубокие потребности человека. В порядке возрастающей важности, эти потребности располагаются в следующем ряду: потребности в пище, одежде и жилище. Отрасли труда, занятые удовлетворением этих потребностей, группируются вокруг сельско-хозяйственной техники, текстильного производства и строительного искусства. Это в то же время наиболее древние виды труда, глубочайшим образом связанные с историей материальной культуры. То обстоятельство, что три указанных типа весьма отличны друг от друга по характеру вводимого в дело сырья, применяемым орудиям, методам обработки, является с педагогической стороны высокополезным, если считаться с важностью развития разностороннего технического опыта.

Следует при развертывании программы трудовых процессов при школе принять во внимание еще два момента. Любая отрасль труда в основном определяется характером применяемых орудий. От их сложности или простоты, в сущности, и зависит весь характер производства; ими же определяются взаимоотношения людей, весь социальный уклад, в развитии движущая сила истории. Было бы поэтому большим упущением не провести молодежь через отрасли труда, создающие инструменты и орудия производства. В виду этого настоящая трудовая школа не может пройти мимо круга технических явлений, непосредственно связанных с машиностроением, механическим заводом. Еще

на одном техническом моменте, последнем, следует остановить внимание молодежи,—на источниках двигательной энергии, на том, что в технике носит название силовой станции или установки. Значение орудий-двигателей, пожалуй, еще большее, чем орудий-инструментов: их мощностью в значительной мере определяется самая возможность создания тех или иных машин и инструментов. В качестве примера достаточно вспомнить об изобретении паровой машины. Трудно не оценить значения этого изобретения, революционизировавшего не только весь технический уклад Англии до неузнаваемости. Ведь мощность двигателей, это—барометр, определяющий высоту власти человека над природой. На любом заводе, фабрике, при крупной сельско-хозяйственной организации, силовая установка является одним из важнейших звеньев всего технического целого, и изучение его в пределах нужных школьнику вполне доступно.

В непосредственной связи с работами в области сельско-хозяйственной технологии, текстильного дела, строительного искусства, машиностроения и основ силовых установок, перед взорами молодежи пройдут наиболее важные виды сырья. Настоящая мировая война, начавшаяся в известной мере из-за рынков, заканчивается из-за обладания источниками сырья. Вот каково их мировое значение! Такие виды сырья, как хлопок, шерсть или лен, перестанут быть пустыми, ничего не говорящими словами для всякого, кому придется входить с ними в трудовую связь в текстильном предприятии.

Кирпич, камень, изделия из дерева нам внешне более знакомы, мы чаще их видим; но о цементах, применяемых для строительных работ, представление куда смутнее. Между тем в каждой стране, где хозяином жизни является пролетариат, труду и всему, что с ним связано, должно быть отведено усиленное внимание. На машиностроительных заводах молодежь ознакомится с металлами в основных применяемых его видах—чугуне, железе и стали. Будет большим жизненным и педагогическим приобретением, если удастся во время работ проследить историю куска руды, поступающего сначала в доменную печь, затем переплавляемого в заводской вагранке. Дальнейшую его судьбу удастся проследить в литейной. Здесь продукт получает свои, пока грубые, первоначальные очертания. Дальнейшая судьба вчерне готового изделия может быть прослежена при обработке на станках в слесарно-токарном цехе; в сборочной готовое изделие иногда входит, как элемент в какую-нибудь сложную машину. Более тщательное знакомство с силовой станцией вводит учащегося в рассмотрение основных видов сырья, как источников двигательной энергии: угля, нефти и дерева—для тепловых двигателей, и воды, при определенных условиях,—для гидравлических. В естественной связи с этими основными видами двигателей в поле юношеского зрения войдут динамо-машины и электродвигатели—мир электротехники.

Рельефно выступят при этих работах технически важные методы обработки основных видов сырья. Так, для текстильной индустрии это будет трепание хлопка или шерсти, расчесывание пряжи и ткачество; для металлической промышленности—тепловая обработка в домне, вагранке, кузнице, обработка давлением и другие виды механической технологии, применяемые на различных станках.

Развитый выше технический «максимализм» теряет свои «устрашающие» очертания, если выявить заранее, как может быть реализована эта, с виду столь сложная, политехническая программа, каковы возможные результаты, какой затраты времени и сил это потребует от молодежи, в каком отношении все это скажется в научно-программной работе в школе.

Прежде всего приходится вырешить вопрос о том, где, в каком месте будет реализована сама программа. Естественно, что работы будут протекать не в школе, а непосредственно на ферме, фабрике, заводе, постройке, на силовой станции.

Нет оснований предполагать, что в каждом городе окажутся налицо все пять перечисленных типов технических предприятий; поэтому, в зависимости от местных условий, вероятны некоторые отклонения и замещения. Так, машиностроительный завод может быть замещен железнодорожными мастерскими или депо. Возможно изучение местной электрической или водопроводной станции, какой-нибудь образцовой городской пекарни и т. д. Такие отклонения, однако, мало желательны, и поэтому следует энергично выдвинуть соображения о командировках учащейся молодежи в другие места, где налицо имеются соответствующие технические предприятия. Но, так или иначе, эти технические занятия будут протекать не в школе, а в самой жизни, непосредственно в ее реальных условиях.

Работы учащейся молодежи по своему характеру внешне могут напоминать обычные летние практические занятия студентов со многими, однако, отличиями. Если принять, что на каждом из пяти технических предприятий достаточно пробыть

2—3 месяца,—это займет, в общем, около года. Указанный выше срок является вполне достаточным для тех целей, которые можно поставить перед школьником.

Результаты такой двухмесячной фабричной практики могут быть вкратце сведены к следующим моментам: у учащегося должна составиться вполне ясная картина хода производства в его целом, с отчетливым указанием его отдельных этапов. Если взять для примера суконную фабрику, то отдельными фазами обработки шерсти окажутся сортировка, мойка, сушка, трепание, чесание, прядение, ткачество и отделка. Вслед затем совершенно отчетливо должен выступить ряд машин и станков, применяемых для отдельных моментов производства: пусть это будут для данного случая шерстомойки, сушильни, трепальные машины, ассортимент чесальных машин, сельватор, ткацкий станок, валяльные, стригальные и т. д., вплоть до менее характерных, однако технически важных. Причем при таком перечне обязательно следует приводить и числовые данные.

Вслед затем, помимо основного сырья, в данном случае—шерсти, могут быть приняты во внимание многие добавочно входящие продукты, как то: масла, применяемые при трепании, крахмал или декстрин—при шлихтовке, краски и др.

Такой технический анализ производства касается преимущественно материальной стороны процесса: основных орудий труда и главных видов применяемого сырья. Этим, однако, ограничиться не следует, и анализ должен быть продолжен со стороны социальной. Можно изучить распределение рабочей силы: сколько рабочих участвуют в каждом отдельном этапе производства, каковы количественные соотношения между квалифицированным и неквалифицированным трудом и т. д.

Тут детально может быть выяснено, сколько на данном заводе инженеров, техников, чертежников, мастеров, сколько литейщиков, модельщиков, слесарей, токарей и т. д.,—словом, проследить организацию завода со стороны принимающих в нем участие людей. Особому анализу может быть подвергнуто техническое бюро, центр управления всего предприятия и т. д.

Молодой анализатор может выбрать одну какую-нибудь задачу по собственному усмотрению, допустим, задачу исследования какого-нибудь отдельного станка или машины со всевозможных точек зрения: его происхождения, стоимости, назначения, производительности, его роли в техническом целом, материала, связи и зависимости отдельных его элементов и т. д.

Такой технический анализ может быть развернут весьма полно. Цель его—не столько получить технически точный результат (хотя и это важный момент), как дать в руки учащемуся *навыки организационного анализа, умение и вкус к исследованию технических организмов,* как сложной системы сил. Такие исследования в будущем окажутся естественной базой для организационного строительства жизни, а это ведь самое главное.

Если произвести не только качественный анализ, но, по возможности, и количественный, — может получиться весьма ценный материал, характеризующий основные элементы данной отрасли труда. Точно такой же анализ может быть произведен и на механическом заводе, на стройке и т. д. В результате, когда все эти работы будут проделаны группами или каждым из учащихся в отдельности, можно будет рассчитывать на появление обобщений большой важности не только об узко технических процессах. Трудно не дооценить педагогического значения столь многостороннего технически - организационного опыта. Если впоследствии в жизни станут перед человеком серьезные организационные проблемы,—а чем дальше, тем чаще и сложнее такие проблемы будут возникать перед человечеством, в целом, и перед отдельными людьми, в частности,—то, опираясь на свой школьный опыт, легче будет подойти к их разрешению. Естественно, к возникшей жизненной задаче молодой человек подойдет хорошо вооруженным: он сумеет разложить задачу на ряд соподчиненных более мелких задач, проанализирует пути и методы их реализации, сконструирует общий план разрешения задачи и, опираясь на тщательный, разработанный проект, будет воплощать в жизнь свои замыслы...

Собранные на заводе данные могут получить математическую обработку в виде построения соответствующих диаграмм, график и т. д. «Практиканты» могут заняться составлением «технологических» коллекций на основе материалов, собранных на заводах.

В связи с практикой на заводах, занятия по литературе напрашиваются сами собой. Изучая какую-нибудь текстильную фабрику, естественно придется вспомнить «Ткачей» Гауптмана. Тут понятны будут, с одной стороны, попытки поставить эту драму в школьном театре, с другой,—знакомить рабочих данной фабрики с этой драмой. Глава из истории рабочего движения, выясняющая первые стихийные попытки борьбы против эксплуатации, здесь вполне уместна. Эти занятия могут

быть развиты дальше, вплоть до изучения основ теории и практики социализма. В связи с работами на механическом заводе можно вспомнить о скульптурах Менье, Гаршинском «Глухаре» или «Молохе» Куприна. В последнем произведении на фоне настоящей крупной металлургической промышленности, об'единяющей тысячи рабочих, особенно выпукло проявляется психология одиночки интеллигента. Этюды и изыскания из области общественной и индивидуальной психологии здесь сами собой напрашиваются. В другом, более живом свете покажется поэма Некрасова о железной дороге, иначе подойдем к «Углекопам» Золя и т. д. Теперь новые времена и поэтому новые песни. Гимны труду, создаваемые современными пролетарскими поэтами, куда полнее будут восприняты и пережиты нашей молодежью, если ей придется потолкаться и пережить «лучшие чудовища-заводы, бурлящие домны, смелые мосты, вызывающие краны» (А. Гастев «Чудеса работы»). Уместно вспомнить о литературных произведениях, в которых героям приходится разрешать крупные организационные задачи высокого напряжения. Таковы «Туннель» Келлермана и небольшой, но очень интересный со многих точек зрения роман А. А. Богданова «Инженер Мэнни».

Однако для технически-научных занятий на заводах, ферме и т. д. неизбежна и предварительная серьезная теоретическая подготовка.

Школа второй ступени должна поэтому получить в основе новое содержание, и передвижение центра тяжести, естественно, будет направлено в сторону технических наук—теоретических и прикладных.

В первую очередь напрашиваются основные технологии (дерева, камня, металла, волокна и пищи), затем—основы машиностроения (детали машин, учение о сопротивлении материалов, элементы графостатики и технического черчения). Программа этих занятий, создаваемая на основе производительного труда, может в зависимости от местных условий получить разные очертания. Однако курс технической пропедевтики во всех школах второй ступени безусловно необходим. Однако, как бы тщательно он ни был продуман, на практике часто может обнаружиться его недостаточность. Как может быть это обстоятельство преодолено? Следующий пример может пояснить, как следует поступить. Весьма вероятен случай, что группа учащихся, будучи командирована на завод, в процессе работы почувствует недостаточную подготовку по тому или другому техническому вопросу. Естественно, она покидает на время завод, возвращается в школу, чтобы там вооружиться недостающими знаниями или навыками. Чем живее будет такой контакт между заводом и школой, тем полнее будет связь между физическим трудом и наукой. Установление же этой связи—одна из главнейших задач современной социально-политической практики и теории.

Однако изучение современной постановки техники не явится достаточным. Существенно важно развернуть с детьми трудовой школы технически - научные работы, связанные *с историей орудий труда и эволюции основных отраслей техники* в методах обработки земли, возведения сооружений, в выделке одежды, в обработке металлов. Особняком окажется эволюция в методах организации силовых установок. Но и этому вопросу пусть будет уделено достаточно внимания. Важно развернуть вместе с детьми картину нарастания технической мощи человечества. Тут придется говорить о машинах, способах под'ема воды, руды и строительных материалов—этих важнейших работах древности. Придется изучать, а, главное, вместе с более молодыми группами детей восстанавливать примитивные под'емники глухой старины, водочерпательные колеса и т. д.,—словом, заняться «драматизацией» истории труда. Раскрываются широкие перспективы для ручного труда, в котором все школьники, в меру своих сил и интереса, смогут принять активное, творческое участие. Тут, естественно, могут выдвинуться перед школьниками задачи анализа литературных произведений древности, как-то: Илиады, Одиссея, Библии, с точки зрения упоминаемых там орудий мирного труда и войны. Если связать это параллельно с занятиями по археологии древнего искусства, можно добиться больших результатов в смысле проникновения в материальный, духовный и политический быт разных эпох. Самое же существенное,—может быть разбужен интерес и вкус к таким техническим историческим изысканиям, так будут заложены первые основы материалистического понимания истории.

Непосредственная работа на заводах может быть растянута с перерывами—очень частыми—для укрепления в школе теоретических позиций на два года. Один год школьники работают непосредственно на заводах, второй—при школе. Надо, однако, определенно оговориться, что это время не будет механически разбито на две равные части, сплошь занятые или работой на заводе или занятиями в школе. Тут вероятны и желательны самые пестрые сочетания, в зависимости от нужд самого

дела. Беспрерывное движение может установиться между школой и фабрикой.

Пребывание на постройке может длиться, скажем, две-три недели, затем группа практикантов возвращается в школу, в благоприятное для теоретических изысканий место. Тут разрешаются и выясняются возникшие проблемы строительного дела. Вслед за тем обратно направляются на стройку и т. д.

Техническая практика производства беспрерывно освещается научными занятиями в школах, а теоретические положения проверяются непосредственно на практике в обычных условиях труда. При такой организации дела участие молодежи в общем труде взрослых выразится не в том только, что усилиями молодых групп будут создаваться известные материальные ценности (не так уж это существенно),—важно, что школьники в течение известного длительного времени окажутся в настоящих трудовых условиях жизни и, с своей стороны, смогут воздействовать на эти условия, повышая общий уровень «научности» того или иного технического предприятия. Первые нити, связующие труд и науку, в наше переходное время должны быть закреплены таким взаимным внедрением жизни школы в школу жизни и наоборот.

Если учесть несомненную встречную тягу постоянных работников заводов в те школы, откуда являются молодые практиканты, то можно не сомневаться в беспрерывном росте связи между жизнью и школой, трудом и наукой.

Серьезные опасения относительно того, что время пребывания молодежи в школе второй ступени может оказаться недостаточным для проработки всех намеченных задач, устраняется следующим предложением: можно удлинить пребывание молодежи в школе второй ступени еще на один год.

Часть работ этого года будет протекать в самой школе, но большая доля, очевидно, будет поглощена непосредственно работой на фермах, заводах и фабриках. Переходный момент в жизни молодежи, когда она на пороге, на рубеже двух возрастов, получит свою внешнюю иллюстрацию в том, что она одновременно окажется и в школе и вне ее.

И. А. Кан.

Культурно-просветительные организации Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

(По данным анкеты, произведенной в апреле месяце в 20 губерниях Р. С. Ф. С. Р.) [1].

Из всех явлений переживаемой революции, быть может, самым ценным следует признать пробуждение творческой самодеятельности в глубинах широких социальных масс. В потоке исторического процесса могут сменяться течения, сталкиваться волны, приходить и уходить вожди, но если под этой бушующей поверхностью основная подводная масса остается спокойной и инертной, то это значит, что работа творческих сил пропадает даром,—это значит, что, когда утихнет буря на поверхности, все вернется к прежнему уровню, к прежнему застою.

В условиях переживаемой революции нет стимулов к возврату старого застоя, и порукой тому те здоровые струи творческой самодеятельности, которые пробудились и с каждым днем крепнут и усиливаются. Пусть эта самодеятельность идет иногда путем ошибок и заблуждений, подчас протекает в ненужно грубых и уродливых формах, но чем дальше идет работа, тем больше сглаживаются ошибки, тем меньше остается заблуждений. Грохот молота, которым работает кузнец истории, блеск огня, сверкающие искры, разлетающиеся от раскаленного и стонущего железа, пугают стороннего наблюдателя—сам работник не замечает их: они составляют необходимое условие его работы.

Но есть одна более мирная и спокойная область—область культурно-просветительной работы. Масштаб этой работы грандиозен, если сравнить его с тем, что было так недавно. Там, где до революции была, в буквальном смысле слова, культурная пустыня, там, где единственными просветителями были урядники, становые и исправники, где был только один культ—культ начальнического окрика и усмотрения,—там мы замечаем десятки и сотни работников, которые в течение немногих месяцев сделали больше, чем было сделано в течение 300 лет существования дома Романовых. Работники этой области многочисленны, они делают свою работу повседневно, незаметно, и их имена, может быть, останутся неизвестными истории, но сама история творится, благодаря этим людям,—это они закладывают фундамент нового строя и делают невозможным возврат к старому.

Оценка этой работы принадлежит истории. Но уже сейчас уместно осветить некоторые ее стороны. Для этой цели мы воспользуемся анкетой, составленной Культурно-Просветительным Отделом бывш. Московского Областного Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Анкета эта относится к концу апреля мес. т. г. и была обращена «ко всем Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Московской Промышленной области», но отвечали на нее и Советы, лежащие вне Московской Промышленной области.

[1] Владимирская губ., Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Саратовская, Самарская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская губ.

КРИТИКА МАТЕРИАЛА.

К сожалению, указанный материал страдает кое-какими недостатками. Прежде всего должны быть намечены самые технические недостатки рассылавшегося бланка, как-то: недостаточная точность формулировки вопросов, с одной стороны, обилие и, с другой, отсутствие некоторых важных вопросов. Далее недостаток этой анкеты заключался в том, что в ней смешан способ опроса экспертов со способом непосредственного опроса. Так, наприм., губернские Совдепы опрашивались не только об их непосредственной деятельности, но и о деятельности других учреждений губерний. Это могло повести к двойному счету ответов, так как одно и то же учреждение, наприм., волостной Совдеп, могло быть отмечено губернским Совдепом, как экспертом, и волостным Совдепом, как учреждением, непосредственно опрашиваемым. Весьма заметен недостаток исполнения, непонимание вопросов со стороны лиц опрашиваемых, зачастую—искажение этих вопросов и т. д.

Но самый главный недостаток этого материала,—недостаток, неизбежно сопряженный с анкетным способом обследования, — это малое количество ответов. В среднем, ответили лишь 45% губернских и 35% уездных Совдепов. Только некоторые губернии отвечали более или менее полно. Так, в Тульской губ. ответы дали 92,3% общего числа губернских и уездных Советов; в Рязанской — 84,6% того же числа губернских и уездных Советов; во Владимирской — 64,3%; в Ярославской — 63,6%; в Тамбовской — 53,8%. Из всех остальных губерний были получены ответы менее, чем от половины губернских и уездных Советов. (Абсолютное количество ответов см. в таблице 3.)

Количество ответов волостных и фабрично-заводских Советов совершенно ничтожно по сравнению с действительным количеством этих учреждений. От волостных Советов получено 140, от фабрично-заводских всего лишь 11 ответов.

Это обстоятельство, к сожалению, не может не отразиться на достоверности выводов, основанных на столь скудном материале и требует от нас большой осторожности при его использовании.

Прежде всего мы должны отказаться от мысли использовать полученный материал для установления количества культурно-просветительных учреждений. Только относительно количества культурно-просветительных учреждений при губернских и уездных Советах мы можем установить кое-какие гадательные предположения; относительно культурно-просветительных комиссий при других учреждениях можно лишь сказать, что количество их не меньше количества полученных от них ответов, т.-е. к апрелю месяцу было не менее 140 культурно-просветительных учреждений при волостных Советах и не менее 11—при фабрично-заводских; каково же число этих учреждений на самом деле,—мы установить не в состоянии.

Быть может, более достоверными окажутся цифры, характеризующие внутреннее строение и деятельность культурно-просветительных учреждений, но и здесь нужно воздержаться от распространения полученных выводов на те культурно-просветительные организации, от которых не было получено ответов.

Однако, несмотря на все указанные недостатки этого материала, мы решаемся опубликовать кое-какие данные, извлеченные из него. Оправданием такому опубликованию служит прежде всего редкость этого материала. С другой стороны, если в этом материале мы не найдем цифр, устанавливающих точное количество культурно-просветительных учреждений в 20 губерниях, то все же с известными оговорками из него могут быть получены относительные величины, которые могут характеризовать до известной степени деятельность и внутреннее строение культурно-просветительных учреждений, и, наконец, если даже не рассматривать этот материал, как характеризующий все культурно-просветительные учреждения страны, то им все-таки не следует пренебрегать, так как он содержит опыт учреждений, производивших культурно-просветительную работу, и опыт этот может послужить на пользу практическим работникам.

Таким образом, помня, что все—если противное специально не оговорено—выведен-

останавливаться и привыкать к простым красивым линиям, к гармонично подобранным краскам. Ничего вычурного, изысканно-изящного, роскошного не должно быть в детском саду так же, как и безобразного. Все должно быть очень просто, гармонично и красиво. Такого рода обстановка вместе со спокойным, ласковым обращением окружающих создаст тот необходимый радостный фон, на основе которого свободно и гармонично будут развиваться тело и душа ребенка, выявляться его индивидуальные творческие силы и заложенные в нем социальные инстинкты

На основании общих требований, выработанных Комиссией, были разработаны потом рисунки и чертежи детской мебели, по которым теперь исполнена мебель для детского опытного и показательного садов, открытых при Институте дошкольного воспитания.

Если практика покажет, что образцы эти вполне подходят, то они будут отпечатаны в большом количестве экземпляров и разосланы по провинции, в качестве руководящего принципа, на основе которого вполне возможна дальнейшая обработка и переработка деталей.

Хроника народного образования.

Обзор главнейших моментов деятельности Статистического Отдела Народного Комиссариата по Просвещению с возникновения Отдела по 1 дек. 1918 г.

Статистический Отдел Народного Комиссариата по Просвещению возник в мае месяце 1918 года. При Отделе была образована специальная Статистическая Коллегия, которой прежде всего пришлось заняться определением задач Статистического Отдела Народного Комиссариата по Просвещению. Сообразно с этими задачами предстояло уже выработать конкретные планы и программы статистических работ ближайшей и последующих очередей. В первом же заседании Коллегии был поставлен и вырешен вопрос о необходимости создания государственной статистики народного образования.

Вопрос этот имеет за собою большую историю. Существование в отдельных губерниях прекрасно поставленных статистических работ по народному образованию, на ряду с полнейшим отсутствием статистики народного образования в большинстве губерний и почти полным пренебрежением к ней прежних центральных органов как статистики (Центральный Статистический Комитет), так и министерства народного просвещения, создавало необычайную пестроту в постановке изучения явлений в области народного образования и исключительную неполноту этого изучения. Государственной статистики по народному образованию не было, не было единого плана работ. Разнообразность, а часто и произвольность построения программ делали невозможной какую-либо сводку или обработку полученных отдельными земствами материалов. Понятны поэтому постоянная неудовлетворенность статистиков существовавшим положением дела и их попытки найти разрешение вопроса в образовании какого-либо центра. Так неоднократно возникал в свое время вопрос о создании общеземского бюро по статистике народного образования. Харьковский съезд по статистике народного образования в 1911 году, явившийся в результате этой потребности, дал прекрасные плоды коллективной работы мысли в области статистики народного образования. Синтезируя и завершая весь предшествовавший опыт, он формулировал методы и программы по всем отраслям статистики народного образования.

Однако, существования хотя бы даже и прекрасных, всех удовлетворяющих программ и бланков далеко не достаточно для осуществления государственной статистики народного образования. Первее всего необходима сеть государственных органов по статистике народного образования, составляющих единую систему от центра до самой отдаленной периферии.

Комиссариат Просвещения и его Статистический Отдел, в силу своего положения, неизбежно должны были взять на себя задачу завершения отмеченного процесса и осуществление на практике системы органов по статистике народного образования.

Сообразно с этой задачей Статистическим Отделом были поставлены в порядок дня: а) выработка программ статистических работ, которые должны быть предложены всем местным органам в качестве обязательного общегосударственного минимума, и б) создание условий (сети местных органов по статистике народного образования), гарантирующих постоянное и систематическое наблюдение явлений в области народного образования.

Приближение учебного года ставило пред Статистическим Отделом задачу выработки бланков текущей школьной статистики. Эта задача, одна из многообразных задач, стоящих на очереди по статистике народного образования, естественно выдвигается на первый план и настоятельно требует своего быстрого завершения. Школьное дело составляет основу просветительной деятельности, и текущая регистрация явлений этой деятельности, проводимая в общегосударственном масштабе, является фундаментальной работой. Коллегия Отдела, конечно, не закрывала глаз на то, что параллельно с налаживанием текущего учета было бы чрезвычайно ценно провести основное обследование всего школьного дела, а именно—перепись. Однако необходимо было считаться с объективной невозможностью

проведения этой работы в данный момент, в период строения самого аппарата по народному образованию и в частности по статистике народного образования. Поэтому мысль о переписи была временно отодвинута. Коллегия Отдела остановилась на мысли о включении некоторых элементов основного обследования в бланк текущей статистики (вопрос о зданиях и учете всех учащихся).

При выработке бланков текущей школьной статистики Коллегия Отдела прежде всего учла и использовала статистический опыт прошлого, нашедший себе выражение в трудах Харьковского съезда. Вместе с тем необходимо было учесть особенности данного переходного момента. Для обсуждения этих вопросов Коллегии Отдела пришлось устроить ряд заседаний и внести многочисленные поправки и изменения в представлявшиеся проекты. По поводу введения в программу вопросов, возникающих в связи с реформой школы, Статистический Отдел вступал в сношения с соответствующими Отделами Комиссариата.

Создание Единой Трудовой Школы и объединение руководства всем школьным делом в руках Комиссариата Просвещения требуют объединения всей текущей школьной статистики в руках одного центрального статистического органа.

Организуя текущую статистику начальных школ, нельзя пройти мимо организации текущей статистики средней и высшей школ. Поэтому на ряду с текущей статистикой начальной школы (а теперь—школы первой ступени) Статистический Отдел считал необходимым положить начало текущей статистике средней школы (теперь—школы второй ступени) и высшей школы. Одновременно с выработкой бланков текущей регистрации для школ первой ступени было приступлено к выработке бланка для школ второй ступени и высшей школы. В октябре были закончены работы по выработке бланков школ первой и второй ступеней (осенний бланк). В настоящее время близки к окончанию работы по редактированию весенних бланков. Бланки (осенние) текущей статистики для школ первой ступени разосланы в качестве образцов в губернские Отделы, которым рекомендуется принять их в качестве обязательного государственного минимума. Бланки для школ второй ступени будут разосланы по отпечатании их в типографии.

Работы Отдела вообще и в частности—по организации текущей школьной регистрации сильно задержались благодаря той неопределенности и невыясненности вопроса о местных органах по статистике народного образования, которые создались в связи с декретом о местных статистических учреждениях, опубликованным 15 сентября. Об этом будет ниже.

Для обеспечения условий, необходимых для проведения статистических работ в общегосударственном масштабе, Отдел в самом начале своей деятельности поставил целью создание на местах при всех губернских Отделах подотделов статистики народного образования. В этих целях в Коллегии неоднократно поднимался вопрос о конструкции этих органов, о субсидировании их и их взаимоотношениях с центром.

Из практических шагов, намеченных в данной области, необходимо отметить следующие:

а) Подготовка созыва совещания деятелей по статистике народного образования, в задачи которого входят, главным образом, вопросы организации статистики народного образования и обсуждение программ предстоящих статистических работ.

б) Посылка на места инструкторов для помощи губернским Отделам в организации статистических аппаратов и для содействия проведению отдельных операций (перепись библиотек и читален, переписи наглядных пособий, учреждений дошкольного образования).

в) Устройство курсов для подготовки персонала, необходимого как для Статистического Отдела Комиссариата, так и для местных органов.

Часть этих начинаний уже осуществлена (курсы, посылка инструкторов, о чем будет ниже). Что же касается вопроса о создании сети государственной статистики по народному образованию, то этот вопрос неизбежно задержался, как указано выше, в связи с опубликованием 15-го сентября положения о местных статистических органах, по которому статистика народного образования отнесена к ведению Центрального статистического управления в центре, а на местах—к ведению губернских статистических бюро, подведомственных Центральному статистическому управлению.

В силу изложенного, Статистический Отдел неизбежно должен был отвлечься от проведения намеченной им программы и посвятить ряд заседаний выяснению создавшегося положения.

19-го октября при Центральном статистическом управлении была созвана статистическая конференция, в задачи которой входило обсуждение вопроса о проведении в жизнь положения о местных статистических органах. Необходимо было выждать решений этой конференции и до выяснения всех вопросов ведомственной статистики и ее взаимоотношений с органами общей статистики приостановить посылку на места инструкторов и вообще работы по созданию местных статистических аппаратов, так как многие неясные и спорные вопросы, порождаемые указанным положением, лишали возможности давать инструкторам на местах ясные и исчерпывающие разъяснения.

Статистическая конференция до известной степени положила конец создавшейся неопределенности положения. По постановлению конференции в ведении отдельных Комиссариатов могут оставаться те работы, которые тесно связаны с делопроизводством и отчетностью ведомства и от него неотделимы и не имеют общего статистического значения, при чем основание выделения и точное определение вопросов, остающихся в ведении Комиссариатов, составляют компетенцию местных губернских Советов; принятый же ими план разграничения ведомственной и общей статистики утверждается Центральным статистическим управлением. Это постановление открывает Отделу возможность вести дальше работу по созданию ведомственных статистических аппаратов и на практике выяснять вопросы о пределах компетенции и функциях ведомственной статистики.

Вслед за окончанием работ статистической конференции представилась возможность двинуть дальше работу по созыву совещания по статистике народного образования. Проект положения о совещании выработан, намечены и частью распределены между специалистами темы докладов. В первой половине декабря проект положения вместе с перечнем тем докладов будет разослан на места. Отдел надеется, что в первой половине марта совещание удастся созвать.

В конце ноября закончены организованные при Отделе курсы по статистике народного образования. На курсах, кроме лекций, задачей которых являлось дать общее представление как о статистике вообще и статистике народного образования в частности, так и о народном образовании, большое внимание было уделено практическим занятиям. Курсистами выполнялась работа по материалам местного земского обследования Пензенской губернии, долженствующая выяснить зависимость грамотности населения от экономических условий, а также разрабатывался материал текущей школьной статистики за 1914—1915 годы по Московской губ. Всего прослушало курсы 40 человек. Все курсисты состоят на службе Отдела.

За последнее время Отделом командированы инструктора, в первую очередь в одиннадцать губерний, в задачи которых входит выяснение общего положения о создании органов по статистике народного образования и условий образования статистических аппаратов, ведение по этому поводу соответствующих переговоров на основе приведенного выше постановления статистической конференции, собирание как опубликованных, так и неопубликованных статистических материалов за последние годы, а также организация переписи библиотек и читален, наглядных пособий и учреждений дошкольного образования и налаживание текущей школьной регистрации.

Параллельно с указанными основными задачами Статистическим Отделом намечен и частью выполнен ряд работ, среди которых особенно приходится отметить крупную работу по обследованию условий общедоступности начального обучения в России, предложенную П. А. Вихляевым. По плану докладчика, принятому Коллегией Отдела, работа эта должна лечь в основу при выработке школьной сети. Проект П. А. Вихляева рассматривался в Коллегии Отдела единой школы, которая признала эту работу необходимой для проведения всеобщего обучения, значительно расширила первоначальный проект и отпустила на ее выполнение 1.076.000 рублей. План работы и указанное ассигнование в настоящее время уже утверждены Коллегией Народного Комиссариата Просвещения. Для выработки оснований школьной сети при Статистическом Отделе образована специальная комиссия в составе представителей Статистического Отдела, Отделов единой школы, реформы школы и профессионального образования. Комиссия имела три заседания, на которых приняла проект положения об ее конструкции и рассмотрела и одобрила план работ по выработке оснований построения школьных сетей. Одно из заседаний комиссии происходило с участием представителя Центрального статистического управления и было посвящено обсуждению вопроса о плане работ по учету детей в возрасте от 6 до 16 лет. Для выполнения этой работы по соглашению с Центральным статистическим управлением и по совместно с ним принятому плану местными губернскими Статистическими бюро будут подвергнуты подсчету по отдельным населенным пунктам в погодных группах материалы Всероссийской переписи 1917 г. Кроме того, до окончания разработки школьных сетей признано необходимым в срочном порядке произвести предварительный учет предстоящих

к открытию школ и комплектов в поуездных суммарных итогах.

Для выполнения этой задачи в настоящее время Статистическим Отделом приступлено к производству работ по установлению коэффициента основных возрастных групп школьного населения по материалам переписи 1897 г., определению численности сельского населения, исходя из переписи 1916 г., по числу переписанных хозяйств и средней населенности отдельного крестьянского двора, по земским переписям предшествовавших лет и исчислению отдельных возрастных групп по материалам движения населения. Коэффициенты возрастных групп будут приложены к исчисленному населению по переписи 1916 г. и учтенному переписью 1917 г.

Кроме того, Отделом ведется специальная работа по выяснению влияния отдельных сторон школьной организации (помещения, педагогического персонала) на успешность первоначального обучения. В основание работ положены материалы школьной переписи 1911 г.

Для удовлетворения острой потребности в статистических данных, касающихся внешкольного образования, Статистическим Отделом по заданиям Отдела внешкольного образования был выработан бланк переписи библиотек и читален. Перепись эта стремится учесть распространение в стране библиотечного дела, а также включает в себя некоторые необходимые сведения о читателях, служащих библиотеки и ее бюджете. В настоящее время, как выше отмечалось, организуется проведение этой переписи через командированных в ряд губерний инструкторов Отдела. Кроме того, за последнее время возникла мысль о необходимости предварительного учета всех вообще учреждений внешкольного образования. К постановке на очередь этой работы побуждают, с одной стороны, как острая нужда в таком учете Отдела внешкольного образования Комиссариата Просвещения, так и потребности местных отделов народного образования. Московский губернский Отдел внешкольного образования возбуждает мысль о необходимости такого сплошного краткого обследования экспедиционным путем всех учреждений внешкольного образования. В некоторых губерниях самостоятельно приступлено к тем или иным статистическим работам в данном направлении, при чем, естественно, при таких самостоятельных «сепаратных» выступлениях теряется необходимая общность плана и единство программы. Предполагаемая краткая перепись удовлетворит острую нужду в статистических сведениях по внешкольному образованию и устранит эти отдельные работы.

По заданиям подотдела наглядных пособий Статистическим Отделом выработан бланк анкеты о наглядных пособиях. Обследование стремится учесть количество наглядных пособий к началу текущего учебного года, выяснить степень наглядности преподавания различных предметов в начальной школе, а также вопрос о том, какие наглядные пособия необходимы для единой трудовой школы и т. д.

Статистическим Отделом попутно были предприняты шаги к выяснению анкетным способом положения вопроса о создании на местах органов по народному образованию. С этой целью была разослана анкета о конструкциях, функциях и взаимоотношениях органов по народному образованию, и аналогичная анкета предпринята среди участников Всероссийского съезда по народному образованию 25 августа. Добытые этими анкетами данные разрабатываются и в ближайшее время будут опубликованы.

В течение последнего времени закончена небольшая работа, выполненная по данным анкеты культурно-просветительной комиссии бывшего Московского областного Исполкома, о культурно-просветительных учреждениях Совета. В недалеком будущем некоторые данные этой работы будут опубликованы в журнале «Народное Просвещение».

В помощь местным работникам по статистике народного образования Коллегия Статистического Отдела наметила издание популярного руководства. Труд по составлению этого руководства взяли на себя П. А. Вихляев и Н. Я. Казимиров. В настоящее время руководство это составлено и сдано в печать.

В заключение скажем несколько слов о конструкции Статистического Отдела. Все вопросы статистического характера разрешаются Коллегией, состоящей из ответственных работников Отдела и специалистов-консультантов. Отдел распадается на следующие части: общий отдел, состоящий из общего заведывания и секретариата и подотделов — организационно-инструкторского и справочно-статистического, Отдел статистической подготовки всеобщего образования, Отдел основных статистических обследований и Отдел текущей статистики народного образования.

В целях постоянной связи Статистического Отдела с другими Отделами Комиссариата в последних установлено представительство Статистического Отдела.

Отчет Отдела единой школы.

Деятельность Отдела единой школы, сосредоточившаяся первое время на вопросах внутренней организации, постепенно стала расширяться. Вопросы реформы школы, профессионального образования, оплаты учительского труда и др. стали все чаще и чаще обсуждаться на заседаниях Коллегии единой школы. На 73 заседаниях Коллегии до 15 августа поставлены и разрешены или приведены в движение 120 вопросов, которые распадаются на 12 главных групп.

1) Вопросы организационного характера (о слиянии с другими Отделами, об организации новых подотделов, о работе в подотделах и Отделах).

2) О переходящих учебных заведениях (о переходе заведений Комиссариата Земледелия и военных гимназий в ведение Народного Комиссариата по Просвещению, о кредите бывшим духовным учебным заведениям и др.).

3) Вопросы реформы школы (отмена обязательного изучения латинского языка, введение совместного обучения, отмена аттестатов, отмена отметок, реформа учительских институтов, семинарий, преподавание гигиены, об устройстве показательной зубоврачебной амбулатории, о летней школе, об уличных витринах с наглядными пособиями, о ступенях школы, об упразднении должностей помощников классных наставников, о тезисах по реформе школы, о школьной сети).

4) Профессиональное образование (обращение к преподавателям об обучении ремеслам, о преобразовании некоторых школ в ремесленные, о профессиональном образовании на первой ступени, об открытии ремесленных и сельско-хозяйственных учебных заведений, об учреждении при Ростовском техническом училище сельско-хозяйственного отделения).

5) Об учащих (выработка норм оплаты учительского труда, об уплате жалованья учителям военнопленным и беженцам, о голодных прибавках учащим, о страховании учительского труда, устройство курсов по подготовке школьного врача, о съезде учителей-интернационалистов).

6) Вопросы воспитания (о физической культуре юношества и военной подготовке, о трудовом начале в дошкольном воспитании и образовании, проект школы гармонического трудового воспитания).

7) Библиотечные и литературно-издательские вопросы (о школьно-библиотечном деле в России, составление списков рекомендуемых Отделом реформы школы книг для издания, о предложении группы научных сил Петроградского университета издать пособия по астрономии, физике и естествознанию, об отпуске кредитов на издание и переиздание школьных учебников и мн. др.).

8) Авансы, ассигновки на учебные цели (Брянскому заводу на нужды образования 1.245.000, субсидия на устройство радиошколы, субсидия разным учебным заведениям).

9) Об эвакуированных учебных заведениях (составление текста анкеты к эвакуированным учебным заведениям, составление списков эвакуированных учебных заведений).

10) Об учащих и учебных заведениях оккупированных областей.

11) Вопросы финансового характера (выработка смет для школ на 2-ю половину 1918 г., смет на доплату разницы с 1 марта по 1 июля и т. п.).

12) О низших служащих (об оплате их труда, о школьной прислуге и т. п.).

Из этого краткого перечня видно, что деятельность Отдела единой школы обнимала самые разнообразные стороны школьной жизни.

Сначала она была направлена на уничтожение отрицательных сторон старой школы: были отменены отметки, аттестаты, обязательное изучение латинского языка, отделение школы от церкви, упразднены должности директоров, начальниц, инспекторов, заведующих и т. п.; но постепенно она перешла к вопросам *организации* школы, к положительной творческой задаче.

Так, для развития профессионального образования, которое с момента проведения в жизнь принципов трудовой школы приобрело большую важность, открывались сельско-хозяйственные учебные заведения, ремесленные отделения при существующих уже учебных заведениях, намечен план открытия новых ремесленных школ и сельско-хозяйственных учебных заведений, при чем программа проводилась сообразно планам намеченной реформы. Было также выработано обращение к преподавателям об обучении ремеслам.

В связи с реформой школы обсуждались проекты переиздания и издания учебников, об устройстве школы гармонического трудового воспитания, о рациональной постановке физического воспитания юношества для военной подготовки и др.

Вся работа в Отделе велась через подотделы, которых до 15 августа было 10: школьно-трудовой, школьно-инструкторский, летней трудовой школы, отчетно-статистический, наглядных пособий, библиотечный, справочно-юридический, финансово-строительный, личного состава и секретариат.

Подотделы: школьно-трудовой, школьно-инструкторский и летней трудовой школы проводят принципы трудовой школы. Школьно-трудовой подотдел ведает профессиональными школами, организацией курсов в г. Москве для подготовки инструкторов по введению трудового начала в школах, разработкой плана организации и программы трудовых процессов в школе, принимает меры к снабжению учебных заведений необходимыми орудиями ремесла.

Школьно-инструкторский подотдел набирает и инструктирует кадры агитаторов, школьных инструкторов, которые должны на местах проводить применение трудового принципа в школах.

Подотдел летней трудовой школы вырабатывает общие нормы трудовой школы, применительно к летнему времени, определяет характер занятий, общее время рабочих часов, организацию детского самоуправления, ведает детскими площадками и летними колониями.

Подотдел отчетно-статистический собирает весь статистический материал, относящийся к единой школе, выясняет в картограммах и диаграммах количество школьного населения и количество школ по губерниям, уездам и волостям Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, определяет степень плотности школ, *процентное отношение детей, оставшихся без школ*, к общему числу детей, где какие школы более нужны (в зависимости от экономических условий данного места),—словом, все те данные, которые необходимы для целесообразного и равномерного распределения школ.

Работа подотдела наглядных пособий—путем наглядности довершить работу учителя—была поставлена в лучшие условия, когда было национализировано предприятие «Природа и Школа», одно из крупнейших предприятий, работающих в области приготовления школьных пособий. Путем учета наличных сил и средств, занятых производством наглядных пособий, подотдел намеревается объединить и более рационально использовать их. Собирая сведения о существующих музеях наглядных пособий, хорошо оборудованных кабинетах и лабораториях, он выясняет постановку наглядности обучения в России вообще. Кроме того, подотдел устраивает уличные витрины, которые должны познакомить улицу, широкую улицу с успехами науки, с пособиями и способствовать умственному развитию более широких кругов населения.

Подотдел школьно-библиотечный составляет списки книг для чтения применительно к новой школе; списки книг по вопросу о выработке рационалистического мировоззрения в школе, об отделении церкви от государства и советской школе; организует образцовую школьную библиотеку, составляет возрастный каталог для юношества [1].

Вопросы же, касающиеся профессиональных нужд учащих, учащихся, пособий, пенсии учителям и т. п. входят в ведение подотдела личного состава.

Но помимо этих подотделов, многие вопросы разрабатывались как на заседаниях Коллегии единой школы, так и в особых Комиссиях, избиравшихся для обсуждения более сложных вопросов.

В этих комиссиях обсуждались вопросы об окладе учащим, о частной школе, о преподавании половой гигиены в школе, о разработке тезисов по единой трудовой школе, о финансировании учебных заведений в оккупированных областях и др.

Всего комиссий было выделено 15, не считая тех, которые работали при участии консультантов при подотделе наглядных пособий.

Что касается финансовой стороны деятельности Отдела единой школы, то деятельность финансово-строительного подотдела лучше всего показывает ее. В течение июля месяца по губерниям, уездам и отдельным учебным заведениям ассигновано 218.745.084 руб. 66 коп., в том числе на средние учебные заведения—23.138.110 руб., из коих 13.081.470 руб.—на разницу за июль месяц между прежними и новыми окладами, а 10.056.640 руб.—на удовлетворение личного состава по прежним ставкам и на другие нужды учебных заведений; по высшим и низшим начальным училищам ассигновано 195.606.974 руб. 66 коп., из коих 164.876.530 руб. на разницу между прежними и новыми окладами и 30.730.444 руб. 66 коп. на удовлетворение учащих этих училищ разными видами содержания по прежним окладам, как за первое полугодие текущего года, так и за 1917 г.

Подотделом летней школы было ассигновано 2.349.402 руб. на устройство колоний, на 1.073.120 руб. предполагаются еще ассигновки. Выданы были

1) Совету Профессиональных Союзов (колония при ст. Баланда)	82.202 р.
2) Культурно-Просветительному Отд. Костр. Губ. Совдепа на 12 кол.	208.200 „
3) Орловск. Губ. Совд. на устройство 3-х площадок для игр и занятий	9.000 „
4) Отд. нар. обр. г. Калуги (колонии на 500 детей) . . .	50.000 „
5) Моск. Отд. нар. обр. на устройство 90 колоний для 19.000 детей (аванс)	2.000.000 „
Всего . .	2.349.402 р.

[1]) До 15 августа, момента составления отчета подотделом были составлены 2 списка книг, которые были опубликованы в прил. к «Изв. Ц. И. К.» «Народное Просвещение».

Такая широкая работа возможна была, конечно, при постепенном увеличении Отделов и развертывании подотделов. Имея всего штат в 10 человек при своем возникновении, Отдел Единой Школы вырос в настоящее время в огромный аппарат со 104 сотрудниками

Картина роста Отдела: 17 мая—10 сотрудников, 20 июня (по слиянии с Отделом Начальной Школы)—24, 6 июля (по объединении с Отделом Трудовой Школы)—66, а к 16 августа, т.-е. в день составления отчета—104. Встречавшиеся затруднения (не было, наприм., квалифицированных работников, из-за чего некоторые подотделы, как Финансово-строительный, долго не могли наладить своей работы) не могли все же оказаться непреодолимым препятствием, и технический аппарат приобрел теперь большую стойкость и пригодность при разрешении второй задачи Отдела Единой Школы—проведения в жизнь Единой Трудовой Школы-Коммуны.

Такова была деятельность Отдела Единой Школы с момента его возникновения по 15 августа.

Конечно, первая задача—ликвидация прошлого—разрешалась быстрее, чем вторая—создание новой трудовой школы. Последняя еще только намечена. Но «леса уже строятся, складывается материал, и на том месте, где еще так недавно возвышалась старая, ненавистная школа, напоминавшая не то казармы, не то острог», кипит работа. Зарождается в муках творчества новая социалистическая школа. Спешно вырабатываются программы и ряд конкретных мер, чтобы уже с начала текущего учебного года Единая Трудовая Школа была проведена в жизнь. Перед Отделом Единой Школы стоят, таким образом, две задачи: 1) окончательная и решительная ликвидация пережитков прошлого и 2) создание новой школы.

С этими задачами Отдел и вступает во второе полугодие 1918 г.

Краткий отчет о текущей работе Дошкольного Отдела.

(Ноябрь 1918 года).

В настоящее время, для более глубокой и систематической работы, Отдел дошкольного воспитания разбит на ряд подотделов, имеющих свои определенные функции и задачи.

Это формирование Отдела еще не закончено, еще даже не все намеченные подотделы сорганизованы, но в общих чертах уже можно обрисовать конструкцию Отдела.

Она такова: Отдел имеет семь подотделов, некоторые из последних в свою очередь делятся на секции.

Эти подотделы следующие: 1) дошкольных учреждений; 2) дошкольных работников; 3) Редакционно-издательский; 4) Справочно-статистический; 5) оборудования дошкольных учреждений мебелью, игрушками и пособиями; 6) Сметно-финансовый; 7) канцелярия.

1) Подотдел дошкольных учреждений ставит себе основной задачей насаждение и развитие целого ряда дошкольных учреждений на местах, поддержку уже существующих и разработку целого ряда теоретических вопросов, возникающих из практики.

Соответственно различным видам дошкольных учреждений, этот подотдел делится на ряд секций: а) детских садов и очагов; б) колоний; в) площадок; г) музеев и выставок и д) библиотек.

Центральное место в этом подотделе занимает секция детских садов, которая в настоящее время занята разработкой дошкольной сети. Все подготовительные работы производятся совместно в комиссии по обследованию условий проведения в жизнь всеобщего обучения.

В связи с педагогическими вопросами, возникающими при разработке сети, намечается комиссия из специалистов-педагогов для разработки этих вопросов.

Секция библиотечная занята выяснением вопроса о количестве библиотек по дошкольному воспитанию как педагогических, так и детских на местах. Так как в теперешнее время из-за недостаточного количества книг трудно организовать даже по одной библиотеке в каждом уезде, то предположено устроить центральную библиотеку в каждом губернском городе и передвижную—для уездов данной губернии. Таким образом, в ближайшее же время хоть отчасти будет удовлетворена та огромная нужда в книге, о которой то и дело говорит провинция.

Сверх того, организуется специальная библиотека при Дошкольном Отделе, которая будет обслуживать комиссии при Отделе.

Приняты меры для закупки книг за границей.

Разрабатывается библиотечная инструкция, которая будет разослана по провин-

в этом полугодии на 2 семестра — зимний и летний.

Устройству библиотек в Москве и провинции, собиранию, классификации и изданию материалов Школьный и Внешкольный подотделы придают очень большое значение, потому что невозможно выполнение всех их заданий без материалов для выполнения, а недостаток этих материалов, особенно в провинции, очень велик.

Музыкальные библиотеки будут в центрах оборудоваться совершенно вновь, и только в немногих—служить пополнением уже существующих. Предполагается организовать библиотеки в 28 центрах при школах и 28 центрах при внешкольных культурно - просветительных организациях.

Школьным библиотекам предназначаются бо́льшие суммы, чем внешкольным, потому что задачей их должно быть снабжение книжным и нотным материалом также и уездных школ.

Обследование музыкальных нужд в Москве и провинции должно служить вспомогательным средством для работы по удовлетворению этих нужд, правильному распределению помощи и целесообразному ее направлению. Такое обследование будет совершенно новым делом, ему придется уделить много сил и затратить на него значительные суммы, но это дело необходимо выполнить, чтобы работа по проведению общего плана народного музыкального просвещения могла выполняться сознательно и действительно плодотворно.

Число работников, постоянных и временных, в Школьном и Внешкольном подотделах на первое полугодие 1919 года предполагается увеличить в сравнении со вторым полугодием 1918 года.

Рост работы и расширение пределов ее применения требует большого увеличения сил, и только использование всех действительно способных к живому, творческому действию работников даст возможность выполнить те настоятельные и глубокие задачи, какие стоят перед культурно-просветительным органом, воспитывающим музыкальное чувство народа.

Съезды.

Всероссийское совещание деятелей по статистике народного образования.

Статистический Отдел Народного Комиссариата по Просвещению приступает к обследованию состояния народного образования. За время войны и после революции произошли глубочайшие изменения в народном хозяйстве. В области народного образования мы видим то же самое. Начинает строиться новая школа среди обломков и мусора, оставшихся от старой школы. Но, к сожалению, приходится, торопясь с постройкой, не ждать результатов серьезных расчетов, подсчетов и разрешать наитруднейшие государственные задачи предположительно, что называется, «на глазок». Как раз таким именно образом приходится по необходимости разрешать вопрос об Единой Трудовой Школе и всеобщем и обязательном обучении. И очень может быть, и даже наверняка можно это сказать, что в проектах о новой школе, построенных умозрительно, на одних предположениях, окажется много гнилых мест... Вот почему приходится торопиться и лихорадочно подводить под проекты по просвещению хотя бы небольшой математический фундамент.

Вся нравственная ответственность за новые государственные постройки, в конце-концов, ляжет на русскую статистику. Но кто знает, в каком состоянии она была при самодержавном строе, кто знает, что русской статистике приходится еще *рождаться* на русской земле, тот заранее извинит невольные ошибки в расчетах, основанных на примитивных статистических данных.

Для возведения величественного здания Единой Трудовой Школы нужно собрать и разработать солидный научный материал. Статистический Отдел Народного Комиссариата по Просвещению приступает к собиранию такого материала путем текущей статистики, подготавливая перепись учетного характера учреждений внешкольного образования и пр.

Но к этим работам, которые будут стоить стране миллионы, Статистический Отдел приступает с надлежащей осторожностью и бережностью. Первейшей работой Статистического Отдела является работа по организации в просветительных учреждениях такой регистрации, которая давала бы надежный статистический материал. У нас даже этого нет...

Для постановки регистрации и для организации хотя бы самой элементарной отчетности в просветительных учреждениях нужно прежде всего иметь соответственно подготовленных летописцев жизни, каковыми должны быть по-своему служебному положению учителя, библиотекари, лекторы и проч. И опять же, кому неизвестно, что эти непосредственные двигатели просвещения как раз и не подготовлены к такой работе. Их нужно еще настойчиво и долго, в этом отношении, инструктировать. Что же касается старых учителей, то их и инструктировать, кажется, бесполезно. По крайней мере, я, будучи заведующим Отделами народного образования в нескольких губерниях — уездных и губернских земских управ—всюду встречал явно враждебное отношение к статистической регистрации, как к делу, совершенно постороннему и даже ненужному и вредному.

Такое отношение к статистике народного образования воспитывала в учителях бывшая учебная администрация.

В своем обзоре, представленном Харьковскому съезду о состоянии уездной земской статистики, я подробно об этом рассказал, выявив знаменитую статью закона 3480, указ Сен. № 9245, распор. М. Н. Пр. и № 11257 и пр. (см. стр. 40—42 «Свод свед.»).

Принимая это во внимание, Статистический Отдел Народного Комиссариата по Просвещению решил созвать сначала совещание деятелей по статистике народного образования, с которыми подработать пока следующие основные вопросы:

1) *Выяснение необходимости* крайне спешно организовать в просветительных учреждениях такую регистрацию статистических данных, которая служила бы надежным источником для текущей, основной и монографической статистики народного образования.

2) *Установление* совместно с представителями местных деятелей народного образования минимума статистических данных, необходимых для государственной стати-

стики в области школьного, внешкольного, общего, специального и профессионального образования, физического и умственного воспитания и установления форм необходимой регистрации и отчетности.

Из ниже приводимого положения, программы и перечня основных тем совещания читатель убедится, что Статистический Отдел ставит совещанию как раз именно эти скромные, но необходимые, первоочередные задачи, не решив которых, нельзя тронуться дальше.

Одним из важнейших моментов совещания является, по мысли организационного бюро, сообщения с мест о положении статистики народного образования в настоящее время.

Статистический Отдел был бы, несомненно, весьма признателен местным деятелям по народному образованию, если бы они, не откладывая в долгий ящик, теперь же приступили к составлению своих докладов на тему № 4 «Состояние статистики народного образования в настоящее время», руководствуясь указаниями, сделанными в «Обращении к местным участникам совещания».

Доклады с мест должны быть обязательно представлены в организационное бюро совещания в начале февраля, чтобы предоставить бюро возможность успеть свести данные докладов, отпечатать и разослать своевременно всем участникам его основоположный труд совещания.

П. Казанцев.

ПОЛОЖЕНИЕ

о Всероссийском совещании деятелей по статистике народного образования.

А. Цель совещания.

1. Выяснение задач и организация статистики народного образования.

2. Обсуждение программы предстоящих работ по статистике народного образования.

Б. Состав совещания.

Членами совещания состоят:

1) статистики народного образования по одному от каждого губернского и каждого уездного Отдела народного образования, общей статистики или губернского статистического бюро, смотря по тому, при каком учреждении организована статистика народного образования;

2) специалисты-статистики, как московские, так и иногородние, по приглашению организационного бюро;

3) специалисты по вопросам народного образования, также по приглашению организационного бюро;

4) представители Отделов Комиссариата Просвещения;

5) представитель Центрального Статистического Управления;

6) лица, представившие доклады, принятые организационным бюро к рассмотрению на совещании...

В. Время и продолжительность совещания.

1. Совещание созывается в середине марта 1919 г. О дне совещания организационное бюро осведомляет не позднее, как за полтора месяца, все местные Отделы народного образования и статистические органы.

2. Продолжительность совещания—неделя.

Г. Организационное бюро совещания.

Для выполнения подготовительных работ по созыву совещания, рассмотрения и принятия докладов и для организации самого совещания учреждается организационное бюро в следующем составе:

1) Заведующий Статистическим Отделом.

2) Помощн. завед. Статистическим Отделом.

3) Заведующий Организационно-инструторским подотделом.

4) Секретарь организационного бюро.

Специалисты-статистики:

5) П. А. Вихляев.

6) Н. Я. Казимирова.

7) И. С. Самохвалова.

8) Ф. Е. Термитин.

9—13) Представители Отделов Комиссариата по Просвещению: Внешкольного, Дошкольного, Единой Школы (от каждой ступени особо: низшей, средней и высшей), от Отдела Съездов Народного Комиссариата по Просвещению.

14) Представитель университета Шанявского, один или два представителя от профессоров Московского университета.

Организационному бюро предоставляется право кооптации.

Организационное бюро избирает из своей среды председателя и ответственного секретаря.

На время совещания бюро пополняется председателем совещания и его товарищем.

Д. Порядок работ совещания.

1. Совещание открывается народным комиссаром по просвещению или его заместителем.

2. Совещание в начале работ рассматривает и утверждает наказ совещанию, предположенный организационным бюро.

3. Кандидат на место председателя совещания предлагается совещанию организационным бюро. Кандидаты на места товарищей председателя и секретаря на-

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ТЕМ И ДОКЛАДОВ К СОВЕЩАНИЮ.

№ № по порядку.	СОДЕРЖАНИЕ ДОКЛАДОВ.	Кому поручено составление докладов.
1	Задачи статистики народного образования — текущей, основной, монографической-государственной (Центр. Статистического Управления), ведомственной (Комиссариата Просвещения) и местной. Доклад осведом.	П. Н. Казанцев.
2	Программы и инструкции по выполнению основного обследования состояния народного образования в стране.	Доклад Статистического Отдела!
3	План организации статистики народного образования—государственной, ведомственной и местной и финансирование статистики. Доклад организ.	А. А. Кочетов.
4	Состояние регистрации в школах, в учреждениях внешкольного образования до войны и основные элементы регистрации на местах, необходимые для текущей и основной статистики народного образования.	П. Н. Казанцев.
5	Состояние статистики народного образования в настоящее время.	Доклады с мест и организац. бюро.
6	О задачах регистрации статистических данных в школе первой ступени.	Отдел Единой Школы Народн. Комиссариата по Просвещению.
7	То же в школе 2-ой ступени.	
8	То же в школе высшей.	
9	О задачах регистрации статистических данных в учреждениях внешкольного образования.	Внешкольн. Отдел Народн. Комиссар. по Просвещению.
10	То же — в учреждениях дошкольного воспитания и образования.	Дошкольн. Отдел Народн. Комиссар. по Просвещению.
11	Постановка регистрации в школах всех ступеней, в различных учреждениях внешкольного и дошкольного воспитания и образования и в Отделах народного образования (карточки, книги и проч.).	Л.В. Хавкина—по внешкольн. образованию. Дошкольн. Отд.—по дошк. воспитанию. П. Н. Казанцев—по шк. 1 ступ. и в Отд. нар. обр. Д. Н. Боряев и Н. В. Орлов—по шк. 2 ступ. и высш.
12	Отчетные бланки текущей статистики — школьной, внешкольной и дошкольной.	Н. Я. Казимирова—по шк. стат. 1 ступ. Д. Н. Боряев и Н. В. Орлов по шк. стат. 2 ступ. и высш. Ф. Е. Термитин—по дошкольн. и внешкольн. стат.
13	Организация статистико-справочн. бюро при Отделах народн. образован. и при центр. Статистическом Отделе Народного Комиссариата по Просвещению.	И. С. Самохвалова.
14	О сроках и порядке рассылки и возврата статист. бланков и формах и сроках публикации статистич. отчетов по народн. образован. на местах и в центре.	Н. Я. Казимиров.
15	Об основных группировках данных текущей школьной статистики. Об уездных, губернских и общероссийской сводках в связи с практическими запросами деятельности по народн. образованию.	Н. Я. Казимиров.
16	Об учете детей школьного возраста на местах.	П. А. Вихляев.
17	Общие основы и приемы построения сетей школьных, внешкольных и дошкольных.	
18	Об исследовании условий общедоступности начального образования в России.	П. А. Вихляев.
19	Изучение бюджетов отдельных типов школ и учреждений дошкольного и внешкольного образования в связи с проведением общедоступности образования и реформы школы.	А. А. Кочетов.
20	О программе переписи учреждений дошкольного и внешкольного образования.	Внешкольн. Отд. Моск. Губ. Совдепа.
21	О подготовке работников по статистике народн. образования: а) совещания, б) инструктирование, в) курсы, г) семинарии.	П. Н. Казанцев.
22	Об исследовании влияния войны и революции на народное образование.	П. Н. Казанцев.
23	Регистрация и отчетность по исследованию физического состояния учащихся.	Шк.-санитарный Отд.
24	Регистрация и отчетность по исследованию учебно-воспитательной части.	Отд. реформы школы.
25	О задачах 2-го съезда по статистике народного образования.	П. Н. Казанцев.

мечаются совещанием или указываются организационным бюро.

Е. Программа совещания.

1. Цели и задачи статистики народного образования—текущей, основной, монографической-общегосударственной (Центр. Статистического Управления), ведомственной (Комиссариат Просвещения) и местной.
2. Статистика народного образования до переворота.
3. Проект организации и финансирования статистики народного образования.
4. Основные элементы регистрации статистических данных и отчетности на местах.
5. Подготовка к работам по текущей и основной статистике.
6. Подготовка работников по статистике народного образования.
7. Об исследовании влияния войны и революции на народное образование.
8. Задачи второго съезда, время и срок созыва этого съезда.

Обращение к местным участникам совещания.

(К теме № 4).

Тема № 4—«Состояние статистики народного образования в настоящее время»—может быть освещена, главным образом, докладами с мест. Имея в виду, что таких докладов с мест будет настолько много, что уделить время на заслушание всех этих докладов совещанию едва ли представится возможным,— организационное бюро совещания просит местных участников совещания прислать свои доклады заблаговременно—не позднее начала февраля — для сводки их к совещанию. А для того, чтобы сводку докладов возможно было произвести быстро,—просьба составлять доклады по следующему однообразному плану.

1) Что именно регистрируется и в каких формах (книги, карточки и проч.) в школах, учреждениях внешкольного и дошкольного образования?

Примечание. Необходимо приложить все формы регистрации.

2) Что именно регистрируется и в каких формах (книги, карточки и проч.) в Отделах народного образования?

Примечание. Необходимо приложить все формы регистрации.

3) Какие введены отчетные бланки по школам, учреждениям дошкольного и внешкольного образования?

Примечание. Приложить бланки.

4) Срок и порядок рассылки и обратного получения бланков, контроль полученных бланков, сводка и обработка.

5) Кто стоит во главе статистических работ по народному образованию (его статистический стаж, труды по статистике)?

6) Из кого состоит рабочий аппарат статистического бюро по народному образованию и оклады содержания?

7) В каком отношении находится Статистический Отдел по народному образованию к местному губернскому статистическому бюро, и где находится этот Отдел: при губернском статистическом бюро или при Отделе народного образования?

Примечание. Все доклады должны быть напечатаны на машинке и только на одной стороне листа. Доклад должен быть подписан с указанием даты и адреса учреждения.

При этом просьба к участникам совещания — просмотреть сводку сведений по «Харьковскому съезду», по статистике народного образования, главным образом, указатель И. М. Богданова, затем указатели литературы по муниципальным вопросам: Караваева «Земское Дело», «Городское Дело», «Школа и Жизнь» И. С. Самохвалова (печатается), и, если в этих указателях окажутся ошибки, пропуски трудов по местному учреждению, то отметить это в своем докладе.

Кроме того, крайне необходимо, чтобы все члены совещания с мест привезли с собою по одному экземпляру отчетных статистических трудов по народному образованию, каждый—по своему учреждению, за все время существования каждого данного учреждения, если только имеются, конечно, в архиве или библиотеке дубликаты трудов. Во всяком случае, даже и то, что имеется в местном учреждении только в одном экземпляре или даже в рукописном или неразработанном виде,— и это должно быть оговорено в докладе. Весь привезенный с мест статистический материал: отчеты, доклады, исследования, бланки, книги и пр., поступит в организующуюся при Статистическом Отделе центральную библиотеку по статистике народного образования.

О Всероссийском Съезде по дошкольному воспитанию.

В настоящий момент коренной перестройки всей общественной жизни на новых началах перед государством встала огромная и сложная задача организации общественного воспитания детей дошкольного возраста в общегосударственном масштабе.

Выдвинутые современным моментом новые условия дошкольного воспитания выдвигают на первый план задачу вовлечения широких масс, а также интеллигенции, в строительство государственного дошкольного воспитания.

Полное отсутствие преемственности и организованности в дошкольной работе вызывает необходимость выработки отвечающего условиям момента общего плана организации дела дошкольного воспитания.

Для планомерного проведения в жизнь общего плана работы, для учета имеющегося в области дошкольного воспитания опыта и, соответственно этому, для координирования и распределения сил необходимо самое широкое взаимное осведомление о работе как центрального, так и местных органов.

В целях широкой постановки и правильного разрешения указанных задач, Дошкольный Отдел Народного Комиссариата по Просвещению считает необходимым созвать Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию.

Проект программы работ съезда по дошкольному воспитанию.

1.

Современное положение дела дошкольного воспитания.

Отчет о деятельности центрального и местных органов по дошкольному воспитанию.

2.

Новые задачи дела дошкольного воспитания в новых формах общественной жизни: а) общедоступность и обязательность дошкольного воспитания; б) вовлечение широких масс населения в строительство государственного дошкольного воспитания; в) создание дошкольных работников из рабоче-крестьянской среды; г) преемственность в деле дошкольной и школьной работы.

3.

Организация дела дошкольного воспитания в общегосударственном масштабе: а) план работы центрального и местных органов, ведающих дело дошкольного воспитания; б) организация планомерной сети дошкольных учреждений; в) организация учреждений по подготовке дошкольных работников; г) сметно-финансовые вопросы; д) вопросы издательства, оборудования и снабжения дошкольных учреждений литературой, пособиями, мебелью, игрушками; е) постановка отчетности дошкольных органов.

4.

Теоретические и практические вопросы постановки и ведения дошкольного воспитания (работа секций): а) постановка и ведение детских садов, очагов, колоний, площадок; б) организация и постановка музеев, выставок, библиотек; в) вопросы подготовки дошкольных работников и выработка типов курсов.

Предлагая намеченную общую программу Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию, Дошкольный Отдел обращается ко всем органам, организациям и работникам по дошкольному воспитанию с предложением обсудить ее и высказать свои соображения о характере, задачах, об общей программе, внести, по возможности, свои дополнения и наметить свои доклады.

Все соответствующие материалы Отдел просит прислать не позднее 10 февраля по адресу: Дошкольный Отдел Нар. Комиссариата по Просвещ., Остоженка 53, организационное бюро Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию.

Подробная программа работ съезда и примерный перечень докладов разрабатываются так же, как и анкета к съезду для местных учреждений о постановке дошкольного воспитания.

Съезд намечен на конец февраля — начало марта.

Съезд заведующих губернскими Отделами народного образования.

9—16 января 1919 г.

Основными задачами съезда заведующих губ. Отделами нар. образ., открывшегося 9 января с. г., были вопросы: о введении всеобщего образования в России, организации дела народного образования на местах, о проведении школьной реформы, об организации учительства.

На заседании 10 января выступил с речью о школьном работнике и о задачах школы т. А. В. Луначарский.

Съездом были заслушаны следующие доклады:

9 января—о введении всеобщего обязательного обучения (т. Вихляев), 10 января—по сметному вопросу (т. Сторожев); по пенсионному вопросу (т. Рубинштейн); 11 января—школьная реформа (т. Шапиро); о школьно-санитарном деле (т. Радин); новая организация дела народного образования (т. Познер; содокладчик—т. Кораблев).

Тезисы доклада тов. Вихляева „О введении всеобщего образования в России".

1. При практическом осуществлении всеобщего образования в России необходимо выполнить следующие задачи:

а) разработать план школьной сети для осуществления обязательного обучения детского населения в возрасте 6—17 лет, б) выработать строительный план по возведению, приспособлению и оборудованию школьных зданий, в) выработать план снабжения школ средствами преподавания, учебными пособиями и учебными принадлежностями, г) выработать план снабжения детей продовольствием, обувью и одеждой, д) выработать проект сети дополнительных классов для детей, не получивших образования, но по своим годам не могущих быть принятыми в школы общего типа, е) составить план подготовки педагогических сил, необходимых при осуществлении поставленной задачи.

2. Вся совокупность системы подготовительных мероприятий по осуществлению всеобщего образования должна быть охвачена единством общегосударственного плана, обеспечивающего для населения отдельных местностей одинаковую общедоступность пользования школьным просвещением.

3. Построение школьной сети, планы школьно-строительной деятельности и системы снабжения школ и учащихся средствами существования и образования должны опираться в своих построениях на общие принципиальные положения, вырабатываемые в центре общегосударственной деятельности по народному просвещению, объединяемые работой Комиссии по введению всеобщего образования в России.

4. При построении школьной сети предстоит разрешение двух задач: а) определение численности детей школьного возраста с размещением их по отдельным населенным пунктам, б) объединение отдельных населенных пунктов в школьные районы, при чем школьная сеть должна удовлетворять одновременно следующим условиям: 1) наибольшей успешности школьного обучения, 2) наименьшему расстоянию школы от местожительства детей, 3) наименьшей сумме расходов как на школьное строительство, так и на содержание школы. Господствующим принципом при построении школьной сети должна стоять педагогическая цель, т.-е. максимальная успешность обучения.

5. В силу господствующего организационного принципа, при построении школьной сети выдвигаются на первое место чисто педагогические вопросы, связанные с организацией всеобщего образования, как вопрос о минимальном числе комплектов, объединяемых одной школой, так и вопрос об установлении предельного числа учащихся на одного школьного работника в школах 1-й и 2-й ступени.

6. Предельный школьный радиус, как основной элемент в построении школьной сети, находится в зависимости от ряда условий как педагогических, так и социально-экономических и не может быть принят в качестве однообразной повсеместной нормы, а должен определиться в результате педагогических и социально-экономических исследований в области школьного обучения.

7. Разработка общих принципов построения школьной сети должна быть сосредоточена в Комиссии по проведению всеобщего обучения, учрежденной Коллегией Народного Комиссариата по Просвещению, и опираться в своих основаниях на объединяемую работу местных Отделов народного образования и губернских Статистических бюро.

8. Приведение общих принципов построения школьной сети к конкретному выражению в форме перенесения школьных районов на географическую карту выполняется в определенный срок в губернских организациях статистических и по народному образованию.

9. Карты школьных сетей, составляемые губернскими организациями, одновременно с представлением в центр для заключения о правильности принципиальных основ их построения передаются на заключение уездных и волостных организаций для получения замечаний в определенный срок о степени соответствия намеченной сети местным конкретным условиям.

10. При построении школьной сети и учете школьных мест необходимо также принять во внимание продолжительность времени, в течение которого намеченная школьная сеть подлежит осуществлению, и соответственно с тем учесть тот прирост школьного населения, который возникнет за период осуществлении школьной сети.

11. К плану школьной сети необходимо приложить программу ее осуществления во времени по отдельным местностям с обозначением по годам числа подлежащих открытию отделений, комплектов и школ.

12. В основу школьно-строительного плана необходимо положить строительные нормы, обеспечивающие в полном объеме требования школьной санитарии, гигиены преподавания и принципы социального воспитания.

13. На основе школьно-строительных санитарных норм необходимо выработать различные типы школьных зданий соответственно ступеням, комплектности и природным условиям местонахождения школ и наличности на месте запасов тех или иных строительных материалов.

14. Исходя из школьно-строительных норм и установленных типов школьных зданий, местные учреждения вырабатывают школьно-строительные сметы, включая в их содержание перестройку старых школьных зданий, не удовлетворяющих более вновь возникающим требованиям, а также план заготовки на местах строительных материалов.

15. В целях обеспечения школ необходимыми для них земельными участками надлежит детально нормировать размеры школьного земельного участка и поставить площадь школьных усадеб в зависимости от ступени и размеров школы.

16. В деле обзаведения школы необходимыми принадлежностями (необходимой школьной мебелью, наглядными учебными пособиями) необходимо стремиться к последовательному проведению системы самооборудованием школы трудом учащихся.

17. При снабжении школы необходимыми учебными принадлежностями и учебными пособиями следует руководствоваться заранее выработанными нормами, в основание и исчисление которых необходимо положить как предшествовавшую практику, так и новые программные требования.

18. Вопросы снабжения учащихся детей продовольствием находятся в связи с общими условиями снабжения населения продовольственными продуктами и разрешаются различным образом в зависимости от наличности или отсутствия собственных запасов у населения соответствующих школьных районов.

19. В районах, с избытком продовольственных запасов, снабжение детей продовольствием составляет обязанность населения школьного района и поставляется последним по разверстке и твердым ценам, установленным для соответствующей категории продукта.

В районах с недостаточными продовольственными запасами, отсутствием таковых заготовка недостающих продуктов входит в первоочередные наряды Наркомпрода, при чем выполненные заготовки не могут поступить на удовлетворение каких-либо иных продовольственных потребностей.

20. В связи с продовольственным снабжением стоит вопрос об организации приспособлений для изготовления горячих блюд и создания при школах надлежащей обстановки для принятия пищи.

21. Достигнуть цели планомерного снабжения учащихся одеждой и обувью возможно в результате совместной работы Народного Комиссариата по Просвещению и органов снабжения как центральных, так и местных, что и должно составить ближайшую очередную задачу работы органов Компрода и Народного Комиссариата по Просвещению.

22. При выработке сети дополнительных групп обучения для детей, не получивших образования, но по своим годам не могущих быть принятыми в школу общего типа, необходимо принять во внимание крупное различие в возрастном составе и степени предшествовавшей подготовки к продолжению образования, еще более осложняемое разнопрограммностью ранее существовавших школ, и выработать несколько типов начальных и дополнительных групп образования, в которых могли бы объединяться учащиеся, сближающиеся как по своему возрасту, так и по своей предшествовавшей подготовке, при чем обучение должно быть для соответствующих возрастных групп обязательным.

23. При планомерном разрешении вопросов необходимо исходить из количественного учета современного состояния народного образования страны, что может быть достигнуто при сплошном экспедиционном обследовании состояния школ всех типов и ступеней как со стороны обеспечения этих школ помещением, средствами обучения и преподавательскими силами, так и со стороны учебно-воспитательной постановки школьного дела. Выполнение такого основного обследования должно составить ближайшую задачу Народного Комиссариата по Просвещению и выполняться через посредство его местных органов.

„Очередные задачи школьного строительства". Тезисы к докладу т. Шапиро.

I.

1. На пути к социальному воспитанию детей с раннего возраста. Организация совместной детской жизни. Общее помещение, тепло, питание, одежда, обувь. Индивидуальные и групповые игры, занятия, работа, досуг; общение с детьми ближайшей, более старшей возрастной группы; соприкосновение с производительной деятельностью взрослого населения и участие в жизни младшей группы, как факторы духовного развития детей, значительно восполняющие недостаточные возможности специального работника-педагога.

2. Значительно увеличившиеся массы детей, вовлеченные в социально-воспитательную работу государства, выдвинут на первую очередь задачу устроения элементарных нужд организуемой совместной детской жизни. Работа, имеющая своей исходной точкой естественные нужды общежития, отодвинет на второй план преобра-

зовательную работу над традиционной практикой искусственной школьной рутины, которая является чрезвычайно неблагоприятной исходной точкой для нового строительства. Лишь на основе широко заложенного фундамента организуемой социальной детской жизни может естественно воздвигнуться соразмерная надстройка образовательной работы, как она должна быть в трудовой школе.

II.

1. Школа второй ступени характеризуется непосредственным участием подростков в общественном производительном труде и сотрудничеством со взрослым трудовым населением. Ликвидируя ограниченность школьной коммуны, вторая ступень вводит подростков в производительную деятельность, все более принимающую формы государственно-регулируемого и социалистически организуемого труда.

2. Нынешний состав школ второй ступени в первую голову не пролетарский, не крестьянский. Этот состав не имеет для своей образовательной работы опоры в трудовой практике и относится к перспективе фабрично-заводской и коммунальной сельско-хозяйственной работы сопротивленчески.

3. В центр работ школ второй ступени, перенимающей внешкольную работу с подростками, становится рабочая и крестьянская молодежь, для чего в рабочее законодательство вводится изменение, допускающее ограниченную работу подростков с 14—15 лет на фабриках, в сельском хозяйстве и учреждениях,—однако лишь тех, кто одновременно регулярно работает в школе второй ступени. Вместе с тем школа 2-й ступени открыта только для тех, кто участвует в общественном производительном труде. Педагогическое руководство производительным трудом подростков на заводе и в учреждениях принадлежит школе, которая обогащает их трудовую практику теоретическими и техническими средствами социалистической культуры.

4. В местах развитого промышленного труда школа преимущественно помогает осмыслить высоко-развитую промышленную практику, в местах отсталой промышленности и отсталой агрономической техники подростки совместно с инициативными элементами взрослого населения становятся пионерами развитого индустриального и сельско-хозяйственного труда и проводниками экономической политики советской власти.

Врач в строительстве трудовой школы.
(Доклад Е. П. Радина).

Вся жизнь школы протекает под постоянным наблюдением школьных врачей, и школьный врач играет активную роль в школьной жизни, как полноправный член школьного совета.

На ряду с этим желательно создание школьных амбулаторий, через которые проходило бы все детское население, поступающее в школу. В то же время эти амбулатории должны функционировать как консультативный орган, куда бы мог обращаться школьный врач в необходимых случаях. В этих же амбулаториях может быть сосредоточено и все лечение детского населения района.

Трудовая система физической культуры имеет своей задачей целостное развитие человеческой личности и подготовку ее к коллективному творчеству, осуществляя многообразие труда посредством использования детского возраста учащегося (когда вся личность формируется), направлением деятельности на труд, чуждый узкой специализации и узкого утилитаризма.

В виду важного значения физической культуры, которая должна лечь в основу трудовой школы, следует отметить, что трудовая система физического образования не должна подавляться утилитарным трудом учащегося в школе.

На ряду с этим необходима тщательная проверка различных отраслей труда по отношению их влияния на здоровье трудящегося и санитарной обстановки самого труда.

В Институте физической культуры должны быть выработаны те коррективы в области физического образования (процессы развития мускульной и нервной системы органов чувств), которыми уравновешивается вредное влияние некоторых отраслей труда и дефектов человеческого организма. Для подготовки пролетарской молодежи к коммунистическому трудовому строю организуются трудовые дружины юных коммунистов обоего пола. Ставя своей задачей физическое образование юношества в рамках трудовой жизни в коммунах, дружины эти дадут крепких телом и духом борцов за социалистический строй.

Рассматривая туберкулез как общественное бедствие, следует указать на необходимость организованной и планомерной борьбы государства с детским туберкулезом. Первым звеном в системе этой борьбы должны стать группы борьбы с туберкулезом у детей (диспансеры). Эти группы борьбы ведут работу среди населения, улучшают условия жизни пролетарских детей, и организуют летние колонии, школы-сады, лесные школы, ясли, школьные санатории для легочного и костного туберкулеза и больницы для туберкулезных детей.

Недостаточно основательная подготовка по туберкулезу слушателей в медицинских школах выдвигает необходимость учреждения в первую очередь самостоятельных кафедр по туберкулезу, а затем и создания особого института по туберкулезу.

Борьба с туберкулезом у детей не может быть проведена плодотворно и в должном масштабе, если в школе и вне школы не будет улучшено питание детей школьного возраста, для чего необходимо, чтобы Школьно-санитарные подотделы Медико-санитарных Отделов поставили одной из самых важных своих задач заботу об улучшении детского питания и скорейшем сборе фонда детского питания и распределении продуктов для детского питания.

Своевременно должны быть выделены из общей массы школьников случаи умственной и нравственной недостаточности, и недопустимо выбрасывание за борт обществом дефективных детей.

Все эти дети должны помещаться в создаваемые государством специальные медико-педагогические учреждения, вспомогательные школы, санатории и колонии, а организуемый Школьно-санитарным Отделом Институт дефективного ребенка должен быть центром, руководящим и направляющим всю деятельность по отношению к дефективности детского возраста.

Мероприятия государства по отношению к детям, обвиняемым в общественно-опасных деяниях, должны проходить при ближайшем участии врачей, психиаторов и педагогов, знакомых с психиатрией и психопатологией.

В виду недостатка в лицах, подготовленных в этой области, в число обязательных предметов преподавания во всех учебных заведениях для подготовки учителей и на курсах для школьных врачей должно быть введено преподавание психопатологии детского возраста, на ряду с нормальной психологией.

Преподавание гигиены, почти не существовавшее в прежних школах, должно быть обязательно в новой школе как в виде популярных бесед на первой ступени, так и научной дисциплины в последней группе школы 2-й ступени. Этому преподаванию должно предшествовать ознакомление с анатомией и физиологией.

Новые задачи в области школьно-санитарного надзора, стоящие перед Единой Трудовой Школой, выдвигают необходимость применения новых научных методов исследования психического и физического состояния ребенка и обязанность для деятелей новой школы разработки всех проблем, в ней возникающих.

Для осуществления школьными деятелями и врачами намеченных в ней задач организуются библиотеки, школьно-гигиенические музеи, обнимающие по возможности все стороны школьной жизни, и школьно-гигиенические лаборатории. С целью распространения гигиенических знаний среди широких слоев населения, организуются краткосрочные курсы, популярные лекции с использованием кинематографа, устраиваются подвижные выставки, витрины и т. п.

Для проведения в жизнь всех начинаний в области школьной санитарии и охраны здоровья всего детского населения в Советской Республике, при Школьно-санитарных подотделах организуются Школьно-санитарные советы с участием представителей пролетарских организаций и широких масс населения. Только тогда дело строительства новой пролетарской трудовой школы пойдет жизненно и плодотворно.

Тезисы доклада тов. В. М. Познера „Новая организация дела народного образования".

1. Всякая система организации дела народного просвещения и управления различными органами, являясь продуктом данного общественного строя, несет его неизгладимую печать.

2. Созданный Советской Республикой общий план организации дела народного образования, построенный на началах коллективистического централизма, является органическим продуктом новых общественных отношений и представляет собою устойчивый тип организации для всего периода диктатуры пролетариата.

3. Очередной задачей в области управления является периодическая проверка правильности конструкции всех аппаратов и точное установление взаимоотношений частей.

4. Преимущественное внимание в настоящее время должно быть обращено на динамику аппарата: периодические съезды, регулярные отчеты, методы контроля и инструктирования.

5. Важнейшей проблемой в деле усовершенствования работы является вопрос о привлечении ответственных квалифицированных сил и их рационального распределения.

6. Подходом к разрешению этой проблемы должен явиться учет в центре и на

местах всех квалифицированных работников.

7. В ответственные работники могут быть привлекаемы лишь лица, относительно которых существует максимальная гарантия наивысшей сознательности и понимания советской дисциплины.

8. Средством рационального распределения сил является периодическая мобилизация ответственных работников.

9. Мобилизация должна производиться на точных основаниях, вырабатываемых съездами соответствующих территориальных объединений и утверждаемых Коллегией Наркомпроса.

10. В центре должен существовать особый Организационно-инструкторский Отдел, главная задача которого заключается в систематизации отчетов местных центров, контроле, инструктировании и осуществлении мобилизационного плана.

РЕЗОЛЮЦИИ.

По докладу тов. Вихляева „О введении всеобщего обучения в России".

Присоединяясь к основным положениям, высказанным в тезисах доклада о введении всеобщего обучения в России, съезд находит, что осуществление системы, предложенной означенным докладом, потребует ряда экстренных подготовительных мер, для проведения которых необходимо установить различную степень срочности в порядке их осуществления.

1) В первую и ближайшую очередь необходимо направить все усилия как центральных, так и местных органов по народному образованию к созданию достаточного кадра политических и педагогических подготовленных школьных работников, опираясь на которых возможно было бы приступить к фактическому осуществлению всеобщего образования.

2) Срочной работой является также выработка школьной сети на основаниях, изложенных в докладе, с тем условием, чтобы работы по составлению сети могли быть закончены, по возможности, к 1 июля, но во всяком случае не позже 1 августа.

3) Надлежит также, в целях приведения в известность всех наличных средств народного образования, срочно выполнить намеченные докладом основные обследования состояния народного образования в стране.

4) В целях подготовки к осуществлению школьно-строительного плана необходимо выработать в центре школьно-строительные нормы, отвечающие санитарным и педагогическим требованиям, и вместе с тем установить основные типы школьных зданий Единой Трудовой Школы, удовлетворяющие различным ступеням и комплектам и соответствующие местным условиям.

5) Для обеспечения возможности возведения школьных зданий надлежит возбудить перед Высшим Советом Народного Хозяйства и местными Совнархозами вопрос о заготовке строительных материалов на ближайший строительный сезон и о подготовке достаточных технических сил для ведения школьно-строительного дела на местах.

6) При начале землеустроительных работ ближайшей весной, необходимо закрепить за школами достаточные земельные участки, о чем надлежит возбудить вопрос в центре перед Народным Комиссариатом Земледелия и на местах перед Земельными Отделами Совдепов.

7) Возбудить перед распределительными органами в центре и на местах вопрос о включении потребности школ в разверстку при распределении наличного запаса земледельческих орудий и семян.

8) Поставить на очередь практическое разрешение вопроса о составлении плана снабжения учащихся продовольствием, одеждой и обувью и о практическом выполнении этого плана, а также вопрос о снабжении школ орудиями и инструментами, необходимыми для производительного применения труда.

9) Составить нормальную смету по выполнению первоочередных требований, включая все расходы по снабжению школ и учащихся, в целях проведения этой сметы органами Финансового Управления.

Исходя из общих принципов, положенных в основание Единой Трудовой Школы, и стремясь к установлению равнодоступности школьного образования для всех слоев населения, съезд, считаясь с наличными материальными средствами и возможностью осуществления всеобщего обязательного образования, находит необходимым положить в основание текущей школьной политики начала преимущественного использования школы в целях распространения образования в пролетарских кругах населения, открывая в первую очередь новые школы в районах, населенных рабочим пролетариатом и беднейшим крестьянством.

В целях выполнения изложенных заданий школьной политики, при необходимости экономии педагогических сил и материальных средств и считаясь с стихийным процессом открытия новых школ на местах, съезд находит необходимым придерживаться при открытии новых школ, впредь до окончания выработки новой школьной сети, ранее выработанных сетей, при условии соответствия их новым требованиям школьной политики, а при отсутствии удовлетворительно составленной сети, следовать заранее составленной предварительной схеме предполагаемой сети, придерживаясь намеченного выше основания преимущественного содействия школьному образованию пролетариата и крестьянства.

10) С'езд находит необходимым немедленную организацию дополнительных групп при Единой Трудовой Школе для привлечения всех подростков до 17-летнего возраста к школьному образованию.

По докладу тов. Шапиро „Очередные задачи школьного строительства".

Вовлечение всего детского и юношеского населения в воспитательно-образовательную работу государства возможно лишь при условии перехода к массовым формам работы с детьми. При условии недостатка сил и технических средств, эти массовые формы не смогут всюду с самого начала достигнуть уровня работы нормального детского сада и школ 1-ой и 2-ой ступеней. Съезд предлагает поэтому Отделам народного образования не отказываться от создания повсюду, на ряду с нормального и повышенного типа учреждениями, также детских учреждений упрощенного типа, которые могли бы быть немедленно открыты и охватить сейчас же значительные массы детского населения и обеспечивали бы им элементарные условия гигиены и педагогики. Эти учреждения должны в первую очередь выдвинуть удовлетворение элементарных нужд организуемой совместно детской жизни, как-то: общее помещение, тепло, питание, одежда, обувь, игры, работы и занятия, привлекая в качестве сотрудников руководителей в большей мере, нежели до сих пор, взрослое рабоче-крестьянское население и старшие возрастные группы учащихся школы 2-ой ступени.

Организуемые упрощенные учреждения, группируясь вокруг районных показательных или нормального типа детских садов и школ 1-ой и 2-ой ступеней, в ходе постоянного организованного общения с последними (периодические конференции), неуклонно повышают характер своей работы, доводя его до уровня нормальных школьных и дошкольных учреждений.

В центр работы школ 2-ой ступени, которые характеризуются непосредственным участием подростков в общественно-производительном труде и сотрудничеством со взрослым трудовым населением, должна быть поставлена рабочая и крестьянская молодежь, для чего должна быть допущена ограниченная работа подростков с 14 лет на фабриках, в сельском хозяйстве и учреждениях, совместимая с физической и психической гигиеной,—однако, лишь тех, кто одновременно регулярно работает в школе 2-ой ступени. Вместе с тем школа 2-ой ступени должна быть открыта только для тех, кто участвует в общественном производительном труде, почему нынешний состав учащихся школ 2-ой ступени должен получить доступ к фабрично-заводской, сельско-хозяйственной и др. производительной работе. Педагогическое руководство производительным трудом подростков принадлежит школе, обогащающей трудовую практику их теоретическими и техническими средствами социалистической культуры.

Съезд выдвигает перед Н. К. П. задачу в срочном порядке разработать относящиеся сюда декреты и инструкции, которые должны лечь в основу практики местных Отделов народного образования.

По докладу „О новой организации дела народного образования".

Разделяя основные положения доклада о новой организации дела народного образования, съезд находит необходимым немедленное создание при Народном Комиссариате по Просвещению Организационно-Инструкторского Отдела с руководящей Коллегией из наиболее опытных и квалифицированных работников с мест.

Этому Отделу поручить разработку и немедленное проведение в жизнь по утверждению Коллегии Наркомпроса общего плана мобилизации ответственных работников Отдела для наиболее рационального распределения сил.

Ему же должна быть поручена разработка плана общей мобилизации всех работников просвещения.

Съезд считает необходимым периодический созыв Народным Комиссариатом по Просвещению совещаний представителей Губотделов образования для установления живой связи центра с местами, а также для обсуждения как принципиальных вопросов, касающихся организации дела народного образования в Республике, так и вопросов практического осуществления принятых положений.

Резолюция, предложенная тов. Кораблевым.

Признавая невозможность в настоящее время фиксировать конструкцию местных

Отделов, съезд вместе с тем считает неотложным проведение советской централизации в деле организации Отделов народного образования, как органов, координирующих и направляющих работу на местах.

Необходимо создать гибкие и работоспособные аппараты в виде губернских, уездных, городских и районных Отделов, построив их так, чтобы они могли действительно охватить все стороны просветительной работы и проявить должную инициативу; волостные и областные Отделы подлежат упразднению, при чем первые заменяются районными Отделами, число которых для каждого уезда определяется уездными конференциями работников по просвещению и утверждается Губотделами.

Коллегии Отделов составляются из ответственных работников Отдела. Состав Коллегии утверждается Исполкомами.

Отделы и их подотделы, являясь творческими аппаратами, в целях постоянного общения с массами, должны установить тесный контакт с пролетарскими организациями, привлекать все живые силы к работам как в самих Отделах, так и при них, в комиссиях, а также предоставлять возможность и обязывать своих сотрудников отдавать часть времени непосредственно школьной и внешкольной работе.

Необходимо поручить Народному Комиссариату по Просвещению срочно разработать и провести через Всероссийский съезд работников просвещения проект организации Отделов на местах и положений о взаимоотношении Отделов между собою и с Народным Комиссариатом по Просвещению.

В связи с мобилизацией ответственных работников по просвещению и необходимостью иметь в Отделах действительно специально подготовленных сотрудников, просить Народный Комиссариат по Просвещению войти в Народный Комиссариат Труда с ходатайством о разработке и декретировании новых ставок для ответственных работников Отдела.

2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов.

12—19 января 1919 г.

Открывшийся 12 января 2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов посвятил свою работу принципиальным и практическим вопросам организации Единой Трудовой Школы и организации учащих и учащихся. По текущему моменту произнес речь т. А. В. Луначарский, призывавший учительство к энергичному строительству новой школы.

Были заслушаны следующие доклады:

М. Н. Покровского—«Интеллигенция и социалистическая революция»,

В. М. Познера—«Организация работников просвещения»,

И. А. Кана—«Производительный труд в городской Советской школе»,

Н. А. Полянского—«Новые задачи общественного объединения»,

А. А. Окунькова—«Экономические предпосылки школьной революции»,

Каспаровой—«О культурно-просветительной работе в Красной армии».

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ:

М. Н. Покровского—„Интеллигенция и социалистическая революция".

1. Интеллигенция не есть самостоятельный общественный класс. По своему положению в производстве она является одною из составных частей мелкой буржуазии; отсюда—родство интеллигентских идеологий с мелкобуржуазными. По своей исторической роли данная разновидность мелкой буржуазии—как и эта последняя вообще—может быть и прогрессивной силой, и силой реакционной: отсюда—изменчивость интеллигентской идеологии.

2. Интеллигенция, как нечто обособленное, появляется не ранее наиболее старых форм капиталистического хозяйства (так называемый период первоначального накопления, характеризуемый преобладанием торгового капитала). В докапиталистическую эпоху интеллигенция сливалась с господствующим классом вообще; остатки этой феодальной интеллигенции дожили до наших дней в лице духовенства и чиновничества.

3. С переходом власти к денежному капиталу интеллигенция, в лице юристов, врачей, ученых, художников, попадает в разряд сил, обслуживающих этот капитал и в то же время им эксплоатируемых. Живописец, как и портной, должен отдавать плоды своего труда капиталисту. Интеллигент, как и всякий другой ремесленник, служа капиталу, ненавидит его как угнетателя. Отсюда—чуткость интеллигенции этого периода к народническому (мелкобуржуазному) социализму и ее симпатии революции.

4. С развитием промышленного, а позднее—финансового капитализма, интеллигенция становится необходима последнему как организующая сила. Из ремесленника, эксплоатируемого торговым капиталом, интеллигент превращается в контрметра, помогающего предпринимателю организовать производство и эксплоатировать рабочего. Интеллигенция этого периода становится анти-социалистической и в момент социальной революции неизбежно должна была стать реакционной силой.

5. С переходом власти к пролетариату роль интеллигенции, как организующей силы, не кончается, поскольку и для коммунистического общежития необходима техника в ее высших формах. В противоположность буржуазии интеллигенция не умирает в момент торжества социалистической революции. Мало того: ее объективная роль по существу остается та же; лишь то, что раньше она делала за счет капитала, теперь она делает для победивших капитал рабочих. Но идеология контр-метра не легко превращается в идеологию рабочего. Духовно интеллигенция продолжает итти на поводу у буржуазии, остается прикованной к ее трупу.

6. Разорвать эту связь может только трудовая школа, равняющая интеллигентную молодежь с пролетарской в физическом труде, и новый учитель, несущий в эту школу коммунистическое миросозерцание.

В. М. Познера—„Организация работников просвещения".

1. В эпоху социалистической революции, в условиях решительной ликвидации всех пережитков буржуазного строя и закладки основ коммунистического общества, все строительство в области просвещения, поднятия образованности и культуры масс должно находиться в руках сознательных и самоотверженных борцов за коммунистический строй.

2. Вместе с тем в переходный период диктатуры пролетариата перед пролетарской властью в области просвещения стоит чрезвычайно важная и требующая правильного решения задача исчерпывающего использования всех технически ценных культурных производительных сил в целях быстрейшего распространения знания в массах и поднятия общего культурного уровня.

3. Что касается того слоя интеллигенции, который обслуживает культурные потребности общества, то большая ее часть, близкая по условиям жизни и деятельности к народным массам, может переходить и действительно переходит на позицию пролетариата и, с каждым днем все ближе и теснее сливаясь с подлинно пролетарской интеллигенцией, выделяющейся из передовых рядов пролетариата, осуществляет интенсивное строительство социалистической культуры.

4. Совместная плодотворная работа с остальной частью интеллигенции возможна при условии ее честного и не скрывающего никаких задних мыслей содействия общей работе по борьбе с наследием буржуазного строя—массовым невежеством, по распространению необходимейших знаний культурных навыков и технических умений в широких слоях народа.

5. Вот почему новая организация просветительной армии должна быть построена таким образом, чтобы, предоставляя самый широкий простор индивидуальной групповой и общественной инициативе и творчеству, обеспечивала идейное руководство за сознательными, организованными, сплоченными партийной дисциплиной и находящимися под контролем партии коммунистическими ячейками.

6. Главной задачей последних является общее направление и координирование всей многообразной работы в деле просвещения, вовлечение все более широких масс в просветительное строительство, пропаганда идей коммунизма в рядах работников просвещения и организационное закрепление достигнутых результатов. При этих условиях такое широкое, планомерно построенное объединение может поставить себе и успешно разрешить ряд важнейших задач в области повышения сознания масс, борьбы с религиозной метафизикой, распространения идей интернационализма и укрепления коллективистических начал при организации культурно-производительной жизни подрастающего и взрослого населения.

7. Из всего этого с необходимостью вытекает то положение, что возникающие объединения работников просвещения должны как в своем названии, так и в пунктах регулирующего их деятельность устава отразить новый дух и характер коммунистического просвещения.

8. В этом случае самый устав является знаменем, программой и орудием пропаганды новых идей и кристаллизационным центром, вокруг которого будут сплачиваться все активные, живые силы, способные в передовых рядах пролетариата осуществлять великую работу коммунистического строительства.

И. А. Кана—„Производительный труд в городской Советской школе".

(Тезисы—см. стр. 34).

Тов. Окунькова—„Экономические предпосылки школьной революции".

1. Каждая школьная система является продуктом исторических общественно-экономических отношений.

2. Современный период хозяйственной жизни советской России можно характе-

ризовать как переходный период в процессе разрушения буржуазного строя и создания нового коммунистического хозяйства.

3. Этот переходный период в хозяйстве характеризуется, с одной стороны, уничтожением права собственности, уничтожением эксплоатации труда, разрушением старых основ семьи. В области народной культуры он характеризуется уничтожением прежних двигательных основ буржуазного воспитания и образования.

4. Переходное состояние общественно-экономических отношений в направлении к коммунистическому строю отражается в жизни школы как кризис ее прежних основ. Школьная революция отстает от революции экономической, но она уже развивается и не может не развиваться.

5. Дальнейшее движение школьной революции обусловлено революцией экономической, создающей благоприятную среду для введения производительного труда, как метода воспитания и образования.

6. Взамен старых основ новыми двигателями народной культуры должны являться осуществляемые советской властью обобществления производства и продуктообмена и распределение рабочей силы.

7. В городах, как вихревых центрах революции, резче и определеннее выявляется разрушение пережитков старого строя и создание новой экономической среды. Напротив, в деревне до сих пор еще неясны черты будущего хозяйственного коллективизма.

8. Современный антагонизм города и деревни, как одно из неблагоприятных условий для планомерного проведения в жизнь Единой Трудовой Школы.

9. Однако революция хозяйственных отношений в деревне в направлении обобществления неизбежна, и этот процесс должен влиять и на характер школьной революции.

10. Таким образом экономические предпосылки школьной революции обусловливают неизбежность обобществления школы, как неотделимой части коммуны. Школьная революция не только революция педагогическая,—она прежде всего революция социальная.

11. Перед работниками просвещения возникает задача предугадывать накопление и разряжение революционной энергии и соответственно регулировать жизнь школьной коммуны, спаивая для этой цели все организованные коммунистические элементы населения и планомерно объединяя в общей деятельности жизнь отдельных, до сих пор пока еще разрозненных школ.

РЕЗОЛЮЦИИ:

По докладу тов. Познера „Об организации работников просвещения".

Предложена от фракции коммунистов и принята большинством всех при нескольких воздержавшихся.

Заслушав доклад и прения по вопросу об организации работников просвещения и социалистической культуры, 2-й Всероссийский съезд Союза учителей-интернационалистов считает необходимым установить следующие положения:

1) Разрушение устоев буржуазно-капиталистического общества было воспринято верхним слоем наиболее квалифицированной интеллигенции как крушение и гибель всей европейской культуры.

2) Громадная масса, близкая к пролетариату и крестьянству, разночинной интеллигенции и народного учительства, воспитанная в подчинении авторитетам и покорности своим духовным вождям, отразила в своих переживаниях эту психологическую реакцию социально-политического крушения господствующих классов.

3) Активное противодействие торжеству пролетариата интеллигентских верхов, растерянность остальной массы и отсутствие ее в передовых рядах борцов посеяла недоверие пролетариата ко всей интеллигенции.

4) В настоящее время создаются благоприятные условия для ликвидации этого периода в истории интеллигенции и перехода ее значительной массы на позицию пролетариата.

5) Объективно этими условиями являются прочность власти пролетариата, развитие революции в мировом масштабе и возникновение некоторых форм социалистического уклада жизни.

6) Этими причинами обусловливается психологический перелом в рядах интеллигенции, ее стремление приблизиться к пролетарскому авангарду, чтобы пойти с ним по пути социалистического строительства.

7) Необходимо помочь интеллигенции и облегчить ей этот переход, создать наиболее благоприятные условия работы, сплотить ее с выдвинутой революцией молодой пролетарской интеллигенцией.

8) Почвой для перевоспитания интеллигенции являются новые повышенные социалистические формы ее работы в трудовой школе, сельско-хозяйственных коммунах, на социалистических фабриках и заводах, в создании основных условий нового трудового общества, естественно необходимое тесное сотрудничество с индустриальным и сельско-хозяйственным пролетариатом.

9) Новые формы объединения работников просвещения должны создать благоприятные условия коллективного и коллективистического творчества, не допуская, однако, возникновения корпоративного уклада и психологии.

10) Новое понимание профессиональных задач работников просвещения предусматривает не простое повышение технического уровня и улучшение материального положения работников, а в первую очередь объединение всех работников в коллектив, выполняющий совместно и под руководством органов пролетарской власти важную общественную функцию коммунистического просвещения и, таким образом, сознательно стремящийся к строительству социалистического уклада жизни.

В связи с этим 2-й Всероссийский с'езд учителей-интернационалистов находит, что наступил момент для создания широкого объединения всех работников просвещения и социалистической культуры на следующих основах:

Цели и задачи союза.

§ 1. Всероссийский Союз работников просвещения и социалистической культуры об'единяет всех работников просвещения, участвующих в деле социалистического строительства, и действует рука об руку с пролетариатом в его борьбе за полное торжество социалистической революции и международного коммунизма.

§ 2. Ближайшей его задачей в пределах Р. С. Ф. С. Р. являются:

1) Совместно с организованным пролетариатом и органами его власти работа по социалистическому строительству в области народной культуры и просвещения на основах борьбы с пережитками буржуазного строя и укрепления начал коллективизма.

2) Повышение уровня политической сознательности, образования и производительности труда работников просвещения.

3) Создание наиболее благоприятных технических культурно-правовых и экономических условий их труда.

4) Участие и создание новых коммунистических условий жизни и развития подрастающего поколения.

5) Содействие Народному Комиссариату по Просвещению и его Отделам в разработке и проведении в жизнь программ и планов народного образования.

6) Тесное взаимодействие с другими коммунистическими культурно-просветительными организациями, Пролеткультом, Союзом коммунистической рабочей молодежи и т. д.

7) Содействие Советам народного образования в деле создания тесного сотрудничества трудового населения с органами Народного Комиссариата по Просвещению с целью поднятия культуры и распространения образования.

8) Сплочение в организованные группы всех деятелей в области образования на основе платформы Союза.

Вместе с тем 2-й Всероссийский с'езд учителей-интернационалистов считает неотложной задачей очистить учительство от элементов, неспособных работать над построением Единой Трудовой Школы и поднять его уровень до требований времени и находит, что объединение всех работников просвещения и социалистической культуры в широкий Союз создает благоприятную почву для этой работы, полагая, однако, что предпосылкой для этого является сплоченная организация работников просвещения, коммунистов и тесно примыкающих к ним элементов, которая обеспечивала бы за ними руководящую роль в широком Союзе.

Поэтому 2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов рекомендует всем своим членам, разъехавшись по местам, развить интенсивную агитацию за образование широкого объединения работников просвещения и социалистической культуры и оказать энергичную поддержку инициативным группам коммунистов, действующим по директивам временного Исполнительного Комитета Всероссийского совещания коммунистов по организации широкого объединения работников просвещения и социалистической культуры.

2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов уполномочивает Центральное Исполнительное бюро Союза выполнять свои функции в полном контакте с временным Исполнительным Комитетом Всероссийского совещания коммунистов вплоть до окончательного конструирования организуемого им Всероссийского Союза работников просвещения и социалистической культуры.

Резолюция о текущем моменте.

(Предложена президиумом).

По вопросу о текущем моменте, получившему наиболее полное освещение в речи тов. А. В. Луначарского, съезд признает бесспорными следующие положения:

1) Четырехлетняя война оставила в наследие нам страшную разруху и повергла народы в бездну нищеты. Неизжитые еще силы старого буржуазного мира в лице империалистической Антанты и

белогвардейских банд всех мастей и национальностей пытаются и до сего дня ставить революционному пролетариату всевозможные помехи в деле его великой борьбы за социализм. В этой борьбе пролетариату и до сих пор еще приходится испытывать тяжелые неудачи; к числу таких неудач относится и та, которая недавно постигла наших немецких товарищей, давших бой на улицах Берлина мелкобуржуазным элементам, сгруппировавшимся вокруг разбойничьей шайки шейдемановцев.

Несмотря, однако, на все эти противопоказания, шансы на победу революционного пролетариата в борьбе за торжество коммунизма с каждым днем, с каждым часом растут. Это обстоятельство делает все более и более безнадежными позиции наших мелкобуржуазных масс, воодушевляемых и организуемых петлюровцами, меньшевиками, эс-эрами и тому подобными розово-окрашенными, так называемыми социалистами всевозможных оттенков.

2) Неудивительно поэтому, что в последнее время наблюдается в высшей степени симптоматический факт многочисленных попыток со стороны мелкобуржуазных противников пролетариата протянуть ему руку мира, которую великодушный носитель революционных идеалов не отвергает, но при условии сохранения всех своих революционных завоеваний и позиций, а также при наличности определенно выраженного честного обещания со стороны капитулировавшей перед ним мелкобуржуазной демократии не мешать ему в его великой борьбе за новый мир общечеловеческого счастья.

3) Хотя героический период этой мировой борьбы далеко еще не отошел в область прошлого и впереди много еще испытаний ждет борцов за социализм, тем не менее о передышке в этой борьбе не может быть и речи. Сегодня, как и всегда, единственный наш лозунг—«вперед».

4) Тяжелая и скорбная весть из Берлина об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, этих великих вождей немецкого и всемирного пролетариата,—об убийстве, задуманном подлыми предателями социализма и совершенном в грязной атмосфере разгула погромных инстинктов развращенной берлинской военщины,—эта страшная весть вызывает в нас чувство гневного возмущения; но эта весть не принижает нашего духа до степени отчаяния и упадка революционной энергии, а подсказывает нам единственный правильный в данном случае ответ подлым палачам: вы пролили реки крови борющегося за социализм пролетариата; вы бросили в кровавую пасть своего Молоха, нашего Либкнехта и нашу Красную Розу,—так знайте же, что отныне нет вам и всем вашим приспешникам никакой пощады. А товарищам, революционным борцам, мы бросаем клич: к оружию, товарищи! Спешите окончательно раздавить издыхающую, но не издохшую еще гидру контрреволюции, отрубайте ей сразу все ее рептильные головы, чтобы в конечном счете сэкономить таким образом свои силы, которые нужны человечеству для предстоящей гигантской созидательной работы строительства в царстве светлого, прекрасного, желанного и уже вошедшего в наш мир социализма.

Резолюция по текущему моменту.

(Предложена Зарайской уездной организацией ВСУИН'а, принята к сведению).

Зарайская (Рязанской губ.) уездная организация Всероссийского союза учителей-интернационалистов постановила просить Всероссийский съезд учителей-интернационалистов обратиться:

1) к учительству оторванных ныне от Советской России областей с призывом всеми доступными учительству мерами: пропагандой, организацией восстаний против буржуазных правительств содействовать быстрейшему и повсеместному образованию социалистических Советских республик;

2) к работникам науки и просвещения в Европе и Америке с товарищеским приветом и воззванием о том, чтобы они протестовали в своих странах против попыток удушения их империалистами молодой Российской Социалистической Республики, гарантирующей своим существованием мощный расцвет социалистической культуры.

Кроме того, Зарайская уездная организация ВСУИН'а просит съезд поручить Ц. И. бюро съезда принять подготовительные меры к созыву, как только позволит международная обстановка, международного конгресса работников науки и просвещения для солидарной выработки основ новой культуры.

Резолюция по докладу тов. И. А. Кана „Производительный труд в городской Советской школе".

Съезд признает, что в полном соответствии с нарождающимся социалистическим строем в жизни исходным моментом всей школьной работы должен быть труд.

Производительный труд в школах не следует суживать и сводить к созданию исключительно материальных ценностей; наоборот, в понятие производительного труда входит создание научных художественных и других аналогичных ценностей, удовлетворяющих многоразличные нужды как самой школы-коммуны, так и нужды других общественных коллективов.

Производительный труд в школах вводится с известными ограничениями, обусловленными гигиеной детского возраста и моментом технической целесообразности.

Производительный труд для молодежи старшего возраста (возраст 16—17 лет) протекает преимущественно вне школы, на фермах, заводах, фабриках и т. д. Особое внимание должно быть обращено на сельское хозяйство, текстильную индустрию, строительное дело, механический завод и силовые установки, как технические организации, удовлетворяющие основные потребности в пище, одежде, жилище, орудиях труда и механической энергии.

Задача работ молодежи в указанных пяти типах технических учреждений должна сводиться к трудовому ознакомлению с основными (командующими) видами сырья, важнейшими методами их обработки и в особенности к получению навыков, к организационному анализу сложных явлений, как основной предпосылке организационного творчества.

Во время работ в этих технических организациях учащимися поддерживается связь со школой в целях постоянного научного освещения протекающих трудовых процессов.

Большое внимание на обеих ступенях Единой Трудовой Школы должно быть обращено на изучение и по возможности воспроизведение эволюции орудий труда, как основы всей материальной и идеальной культуры.

Резюме по докладу Н. А. Полянского.

Оценивая настоящее положение школьного дела и его новые задачи, съезд находит, что:

1) единственный путь строительства новой коммунистической школы — путь революции и самого решительного уничтожения всех устоев старой классовой, буржуазной школы, целью которой было служение интересам и власти господствующего класса;

2) новая школа—школа общественно-трудовая, призванная осуществить свои педагогические задачи служения культу гармонически развитого человека, превращения биологической особи в социальную творческую личность;

3) новая школа — школа не только трудового метода, трудовых процессов, но и трудовой общественности. Ее цель—социальная творческая личность—осуществляется при условии, что настоящим педагогом в этой новой школе является педагогически организованная среда, а бывший педагог-учитель становится организатором этой среды;

4) строить новую школу—это значит строить организацию общественной жизни детей, это значит создавать коммуны молодежи с наиболее полно обновленными формами новой общественности и всеми ценностями старой и новой культуры;

5) в новой школе, в коммунах молодежи, должны иметь место все педагогически необходимые и экономически возможные социальные институты хозяйства, как производительного труда, права как самоуправления и просвещения, так и культурно-производительного труда;

6) институты общественности должны стать на место до основания разрушенных институтов старой школьной учебы: класса, как обстановки и коллектива образовательной работы, урока, как ее метода и предмета, как ее содержания. Классом-помещением в школе-коммуне будут домамастерские научного, общественного и технического труда; классом-коллективом будут все кружки и ассоциации, возникающие в процессе сотрудничества и общения на основе общности подготовки, способностей и интересов. Уроком будут все виды работ и общения, т. е. сама жизнь в школе-коммуне, и предметом будут все индивидуальные, кружковые и коллективные задания каждодневной эпизодической и систематической работы и творчества в области науки, искусства и техники;

7) исходным моментом решительной ликвидации старой системы школьного дела и перехода к новой необходимо принять, вместо программы старых школьных занятий, программу самого школьного строительства, создания ее важнейших и простейших институтов и, в первую очередь, школьного клуба, как домашнего очага всего школьного коллектива и почвы для первоначального развития самодеятельности всех его членов, его свободной и естественной дифференциации на группы и кружки для всех желаемых и необходимых работ и занятий. Лишь из этого первого и на первое время, быть может, единственного института новой школы-коммуны могут естественно вырасти все другие: хозяйственные (технической работы, питания и гигиены), общественные (дом советов, школьный театр, дома искус-

ства, игр и спорта) и образовательные (дома физики, биологии, социологии и психологии).

И потому съезд призывает работников просвещения к участию в строительстве новой школы, которая может быть кратчайшим путем к новому обществу и новой культуре. Разрушение старой школы и творчество новой есть первый этап новой непрестанной культурной революции, освобождающей человека от самого жестокого гнета—власти мертвых, власти невежества—и открывающей земле поистине новый путь в те дали, когда владыкой мира будет труд, как творчество и свобода,—этот идеал новой коммунистической общественности и культуры.

Съезд призывает все учительство стать тем, чем должен быть учитель жизни,—учителем вечного обновления духа, учителем революции, учителем коммунизма, как борьбы за идеалы творческой культуры.

Резюме по докладу тов. Окунькова „Экономические предпосылки школьной революции".

1. Настоящий переходный момент революции отражается на школе в форме крушения ее старых основ. Однако расширяющееся и углубляющееся обобществление собственности, производства и продуктообмена и новые формы распределения труда создали благоприятную почву для укрепления принципов Единой Трудовой Школы.

2. Вместе с тем эти новые условия коммунистического хозяйства наметили неизбежность социализации всей культуры, которая из классового орудия эксплоатации угнетенных масс должна сделаться достоянием этих масс в интересах всего общества.

3. Воспитание и образование, составляющие один из важнейших элементов культуры, тоже становятся неотъемлемой частью коммунистического строя жизни и в соответствии с новыми экономическими условиями жизни должны быть организованы на совершенно новых началах. Это обстоятельство уже вызвало напряженнейшую и многогранную творческую деятельность в области строительства Единой Трудовой Школы.

4. Объединение жизни всех школьных коммун в одно неразрывное целое, в единую трудовую школьную коммуну, согласование жизни единой школьной коммуны с коммунистическими условиями хозяйства и координация разнообразных проявлений ее творчества составляют теперь одну из главных задач работников просвещения и социалистической культуры.

5. Для плодотворного разрешения этой задачи должны быть созданы при Отделах народного образования и в центре особые органы учета, распределения и связи результатов коллективного творчества и потребностей единой школьной коммуны (коллекторы учета и распределения). Эти коллекторы ведут учет духовных и материальных нужд школ по районам в связи с местными условиями, сосредоточивают у себя сведения о коллективистическом творчестве, распределяют эти сведения по районам, регулируют обмен продуктов производства единой школьной коммуны, предлагают школам или их объединениям те или другие задания и помогают их осуществлению и т. д., объединяя всю свою деятельность через центральный коллектор, учреждаемый при Наркомпросе, аналогично Высшему Совнархозу.

Резолюции, принятые на объединенных заседаниях коммунистических фракций съездов Губотделов и Союза учителей-интернационалистов.

(8—23 января).

На соединенном заседании коммунистических фракций двух Всероссийских съездов (съезда С. У. И. и съезда зав. губ. Отд. нар. обр.) были брошены два лозунга по вопросу о создании нового учительского объединения, которые вызвали продолжительные дебаты среди членов фракции.

Первый лозунг — организовать всех истинных работников социалистического просвещения на коммунистической платформе, и второй — создать широкое профессионально-педагогическое объединение учителей. Обе точки зрения подробно освещены в двух докладах.

Защитник первого положения, докладчик Познер, считая, что строительство в области школы и культуры должно быть только коммунистическим, призывает все живое и чуткое учительство сплотиться в союз работников просвещения под знаменем коммунизма и опираться в своей строительской работе на все левые элементы, имеющиеся в учительской массе. Эта точка зрения оспаривалась, главным образом, как не дающая возможности организовать в союз широкое учительство. Кроме того, указывалось на неправильность названия «коммунистический» союз, объединяющего не только коммунистов, но и другие левые элементы учительства.

Позиция, занятая вторым докладчиком, т. Шапиро, считалась частью собрания несвоевременной, т. к. она, создавая широкий профессиональный союз всех работников по просвещению, строится на привлечении к работе мало революционного, но квалифицированного учительства.

После общих дискуссий по докладам был предложен ряд следующих резолюций:

1) Резолюция тов. В. М. Познера,
2) » » Л. Г. Шапиро,
3) » предложенная Московским Отделом.
4) Резолюция, предложенная тов. Аристовым.

Голосовались, как основа, две группы резолюций:

1) Резолюция тов. Познера и редакционно-объединенная с ней резолюция Моск. Отдела.
2) Резолюция тов. Шапиро.

Большинством голосов принята за основу резолюция тов. Познера.

Резолюция Моск. Отдела была присоединена к ней для редакционного объединения, и резолюция тов. Аристова приложена, как материал.

Законность этого заседания была оспорена по соображениям формального характера, и вопрос о новой организации учительства обсуждался на следующем фракционном заседании 17 января, где в результате прений была принята резолюция, предложенная А. В. Луначарским.

Резолюция, предложенная В. М. Познером на соединенном заседании фракций 12 января с. г.

(Принята за основу большинством 21 голоса против 9) [1]).

«Фракция считает необходимым приступить к интенсивному организационному строительству среди работников просвещения на коммунистической платформе. С этой целью она должна дать лозунг образования коммунистических ячеек внутри существующего Союза учителей-интернационалистов, агитировать за принятие коммунистической платформы этим Союзом с тем, чтобы члены этого Союза, разъехавшись по местам, развили такую же энергичную коммунистическую агитацию. Бросать лозунг образования широкого, так называемого профессионального союза фракция считает нежелательным».

К этой резолюции на 4 заседании 14 января В. М. Познером было предложено следующее добавление:

«и находит возможным создавать широкое объединение лишь после того, как будет создано коммунистическое объединение работников просвещения».

[1]) Правильность заседания была оспорена по формальным основаниям Д. А. Лазуркиной.

Резолюция, предложенная Л. Г. Шапиро на соединенном заседании фракции 12 января с. г.

(Не принята собранием).

«Фракция признает необходимым приступить к организации широкого профессионально-педагогического объединения всех участников культурно-просветительной работы, берущего на себя помимо профессиональных задач сотрудничество с советской властью в деле осуществления просветительных задач в социалистическом государстве.

Фракция призывает работников просвещения, коммунистов, войти в состав организуемого объединения и возлагает на них обязанность в объединении организовать коммунистическую фракцию, осуществляя с помощью партийных центров и советских органов роль авангарда и идейно-организационного гегемона».

Резолюция, предложенная Московским Отделом (С. И. Мицкевич) на соединенном заседании 12 января с. г.

(Присоединена для согласования к резолюции В. М. Познера, принятой за основу).

«Фракция полагает, что еще не настал момент обще-учительской всероссийской организации.

В настоящее время Отделы сплачивают работников по просвещению на повседневной работе под руководством коммунистических ячеек, которые должны быть повсеместно организованы».

Резолюция, предложенная тов. Аристовым.

(Присоединена, как материал, к резолюции, принятой за основу).

1. Объединение работников народного просвещения должно охватить широкие круги учительства, активно проводящего строительство Единой Трудовой Школы.

2. Необходимо внутри этого объединения построить организацию коммунистов и сочувствующих, которая должна являться идейным и политическим руководителем широкого объединения.

3. Союз учителей-интернационалистов, сохраняя свою организацию, вливается в широкую организацию.

4. Объединение работников по народному просвещению должно включать не только учителей, но и всех деятелей, выходящих из трудовой массы и ведущих в ней культурно-просветительную работу, и, таким образом, оно не может являться профессиональной организацией».

Резолюция, предложенная тов. Луначарским на четвертом (14 января) соединенном заседании коммунистических фракций съездов заведующих губернскими Отделами народного образования и Союза учителей-интернационалистов.

(Принята большинством всех голосов против одного [1]).

Ставя перед собой задачу очистить учительство от элементов, неспособных работать над построением Единой Трудовой Школы, и поднять его уровень до требований времени и считая, что объединение всех работников просвещения и социалистической культуры в широкий союз создает благоприятную почву для этой работы,—фракция полагает, однако, что предпосылкой для этого является сплоченная организация работников просвещения, коммунистов и тесно примыкающих к ним элементов, которая обеспечила бы за ними руководящую роль в широком союзе.

Поэтому неотложной задачей является—самоорганизация работников-коммунистов, для чего объединенные коммунистические фракции съезда губ. Отделов народного образования и Всероссийского съезда учителей-интернационалистов, пополненные коммунистами Центрального Совета профессиональных союзов, Пролеткульта, Центрального Исполнительного Комитета, Центрального Комитета партии, Московского Комитета партии, Военного Комиссариата, Народного Комиссариата по Просвещению (от Внешкольного, Дошкольного и Профессионального Отделов), Союза коммунистической молодежи школ II ступени и Союзов коммунистического студенчества, констатируют себя как Всероссийское Учредительное Совещание по организации широкого объединения работников просвещения.

[1]) В окончательной редакции комиссии.

Стенографические отчеты [1]).

Государственная Комиссия по Просвещению.

Шестое заседание от 12 сентября 1918 г.

Присутствовали: т. т. Альтер, Бонч-Бруевич, Балкашина, Вольберг, Коновалова, Луначарский, Коршаков, Кривцов, Каратеев, Ленгник, Лепешинский, Лазуркина, Лещенко, Левин, Лиштван, В. Р. Менжинская, Л. Р. Менжинская, Мандельштам, Мицкевич, Нечаев, Обух, Окуньков, Познер, Полянская, Потемкин, В. В. Покровский, М. Н. Покровский, Сторожев, Соколов, Скаткин, Темкин, Удовиченко, Финкельман, Фанштейн, Рождественская, Цырлина.

Заседание открывается в 4 $^3/_4$ часа дня под председательством Народного Комиссара по Просвещению *А. В. Луначарского*.

Луначарский. Объявляю заседание Государственной Комиссии открытым.

Сегодня у нас очень большой и массивный порядок дня, так что прежде всего надо было бы заняться установлением модуса, при помощи которого мы будем этот порядок выполнять. У нас сегодня на очереди принятие в окончательной форме декларации Народного Комиссариата Просвещения, или же, как мы, может-быть, потом назовем,—Государственной Комиссии по Народному Просвещению. Затем перед нами—все наше «Положение», как оно рисуется после трудов Всероссийского Съезда по Просвещению. Это—два довольно обширных документа, которые должны быть изданы вместе отдельною книгою, которая будет служить руководством в дальнейшем, так как в ближайшем будущем мы должны будем издать учебные планы, составить объяснительные записки и т. д. Эти выпуски трудов Съезда и Комиссариата составят прочный фундамент для реальной реформы школы.

Комиссариат предложил бы Комиссии заслушать сейчас и принять в окончательной форме текст как Декларации, так и Положения, с тем, чтобы в тех случаях, когда чтение будет происходить по пунктам и когда тот или другой пункт возбудит и на этот раз какие-нибудь серьезные недоразумения, тут же их обсудить. Можно сделать и иначе: так как Декларация читалась в прошлом собрании, то просто принять ее и огласить только изменения. Но я думаю, что это было бы не так удобно, т. к. со времени последнего заседания прошло довольно много времени, и представление сколько-нибудь целостное об этой декларации утратилось.

Для того, чтобы мы могли закончить эту большую работу на данном собрании, я просил бы поднимать дискуссию только тогда, когда для этого представляется серьезная надобность, когда членам Комиссии бросятся в глаза какие-нибудь недоразумения, вытекающие из неправильной редакции текста или положения, или явные противоречия; потому что, если мы будем останавливаться на всех тех случаях, когда кого-нибудь из членов Собрания не вполне удовлетворяет та или другая редакция, то или другое положение, и он будет против этого спорить, мы никоим образом не сможем сегодня кончить эту работу. Приходится считаться с тем, что жизнь исправит те ошибки и неточности, которые сюда могли вкрасться, и потому я предлагаю возбуждать дискуссию только тогда, когда недоразумение будет очень явное.

Таково мое предложение. Если возражений нет, то я приступлю к чтению декларации в ее последней форме, в той форме, которую она приняла после работ редакционной комиссии с учетом всех работ Съезда. Она все еще называется «от Народного Комиссариата Просвещения», но в конце мы этот вопрос обсудим, и она, может быть, пойдет уже «от Государственной Комиссии по Народному Просвещению». *(Читает декларацию).*

Если во время чтения кто-либо отметил места, возбуждающие серьезные сомнения, я прошу записываться. Экземпляр этой окончательной редакции сейчас имеется только у меня в руках. Все же остальные устарели. В декларации произведены весьма существенные перемены. В ближайшем будущем это будет приведено в полный порядок и издано так, чтобы и здесь и за

[1]) *Примечание:* Отчеты о прежних заседаниях Государственной Комиссии по Просвещению были помещены во вкладных листах. В виду того, что вкладные листы «Народного Просвещения» разошлись, редакция приступила к перепечатке их отдельным сборником. О дне выхода этого сборника и подписной плате будет объявлено особо.

границею могло служить для характеристики нашей школьной реформы.

Лазуркина. На Съезде было принято, что первая ступень считается от 6, а не от 7 лет.

Луначарский. В декларации ничего не говорится о возрасте.

Лепешинский. Здесь сказано: от 8 до 13 лет.

Лазуркина. На Съезде была принята резолюция о том, что первая ступень считается от 6 лет.

Луначарский. Я предложил бы голосовать следующее: «от 8 до 13 лет, с двумя годами подготовительного образования от 6 до 8 лет». *(Принято).*

Потемкин. Мы, представители Московского Городского Отдела, вносим несколько изменений. Прежде всего,—вопрос о полифуркации. Нам кажется, что здесь предрешается вопрос, который, казалось бы, должен был быть разрешен особо. Именно, указывается, что на старшей ступени допускается полифуркация, специализация образования, причем указывается на то, что здесь ощущается потребность государства в специалистах. Это идет вразрез с заданиями трудовой школы, и в этом отношении мы просили бы изменить редакцию, тем более, что в другом месте этой Декларации определенно указывается, что авторы этой Декларации не возражают против специального образования в старшей возрастной группе. Еще раз повторяю, что с нашей точки зрения это противоречит заданиям Единой Трудовой Школы.

Затем нам казалось бы, что вопрос о частной инициативе разрешается в неопределенной и общей форме. Казалось, было бы более уместно точно определить это и отнюдь не говорить о том, что частной инициативе будут предоставлены широкие возможности. Это может возбудить некоторые несбыточные надежды, как нам кажется, у частных предпринимателей, и было бы лучше эту часть декларации отбросить.

Вот два пункта, на которые я считаю нужным указать.

Луначарский. Что касается второго замечания, то я должен обратить внимание на то, что эта декларация выйдет в одной брошюре с Положением. В Положении вопрос о том, что разрешается частной инициативе, разработан достаточно. Но эта фраза, действительно, в высшей степени неопределенна. Человеку же, который заинтересовался бы внутренним содержанием этой формулы, было бы достаточно перевернуть несколько страниц и познакомиться с Положением о школе, чтобы узнать, в какой мере это допустимо. Когда мы перейдем к обсуждению этой конкретной формулы, мы этот вопрос обсудим более подробно; может быть, тогда возникнут какие-либо разногласия, а, может быть, Московский Отдел окажется удовлетворенным этой формулой. Но мы бы настаивали, чтобы это здесь имело место. В настоящее время государству приходится в гораздо большей степени определять жизнь школы, чем это было бы желательно, и мы говорим, что государство заинтересовано в том, чтобы привлечь частную инициативу, привлечь отдельные искания в школьном мире со стороны педагогических слоев или Советов народного образования в отдельных местах.

Я сейчас просил бы не обсуждать этот пункт, потому что он более конкретизирован в проекте, и мы могли бы потом обсудить его более подробно. Если бы та формула, которая рекомендуется нами, была неприемлема, и Государственная Комиссия уничтожила бы ее, было бы не поздно убрать ее и здесь. Но теперь она ни к чему не обязывает.

Относительно полифуркации сказано, что она применяется с необходимой осторожностью. Дальше указано, что государству нужны специалисты. Это не подлежит вычеркиванию. Вряд ли здравомыслящему человеку придет в голову утверждать, что специалисты не нужны. Дальше сказано, что мы против специальностей до окончания ступеней Единой Школы. Здесь сказано так: «Педагогика, как таковая...» *(читает).*

Каждое положение, которое здесь указывается, является таким же положением, как то, что Волга впадает в Каспийское море. Но вот с этого места начинается уже сомнение: «Несколько группировок...» *(читает, кончая словом «технический»).*

Выбор факультетов предрешается дальше. Какой смысл в это вкладывается? У учеников могут быть разные наклонности. Основные типы таких наклонностей могут быть предусмотрены. Предоставление ученикам права самим выбирать предметы, какие им угодно, поставит школу перед хаотической задачей, ибо нельзя будет подобрать соответствующего расписания занятий. Как бы далеко мы ни шли в уничтожении классов, уроков и т. д., мы будем, тем не менее, иметь по одному преподавателю или одному школьному работнику на 25 человек. Чтобы в школе был какой-нибудь порядок, чтобы она не превратилась в хаос, необходимо, чтобы каждый мальчик, выбравший определенные занятия, знал распорядок своего дня и знал, к кому ему обратиться, чтобы он не проваландался целый день, ища преподавателя, который преподает в это время в других группах

другие предметы. Необходимо как-нибудь согласовать расписание. Если каждый ученик будет придумывать себе собственную программу, то окажется невозможным создать какой бы то ни было план. Для всякого педагога ясно, что создание учебного плана, т.-е. распределение работ в дне таким образом, чтобы группы учеников и преподавателей не встречались между собой, возможно только тогда, если имеется какое-нибудь параллельное расписание, заранее упорядоченное. После нескольких попыток в американских школах дать полную свободу ученикам, убедились, что единственной возможностью обогатить школу является полифуркация, т.-е. выработка такого учебного плана, при котором каждый ребенок мог бы выбрать себе тот тип изучения, который ему свойственен. Например, у человека—несомненнейшая наклонность к литературе и исскуству, к истории, к гуманитарным наукам и меньший интерес к технике и к естественным наукам. Мы не можем позволить ему заявить: «Я не буду учиться математике, я не хочу учиться физике, я не желаю ходить на фабрику и в мастерскую». Мы этого ему не позволили бы, т. к. он только в силу своего молодого каприза уклонится от того интегрального образования, которое мы хотим ему дать. Но мы также не можем его вогнать в определенную укладку. Это была бы величайшая тирания и отказ от того принципа индивидуализации, о котором мы говорим. Средней линией между полной индивидуализацией и этим отсутствием индивидуализации является то, что мы создали такую полифуркацию, которая дала бы возможность мальчику заниматься меньше математикой и больше часов заниматься другими предметами: историей, чтением и т. д. Надо конкретно представить себе ту школу, какой она будет, и определить то, что должен делать мальчик каждый день после того, как он вошел в ее стены. Нужна такая система, чтобы он не имел возможности пропустить какого-нибудь урока, потому что был занят другим. Вот почему я рекомендую тот метод обогащения, который здесь указан. —Если мы скажем, что группировки не носят замкнутого характера, то что это будет значить? Если он захочет больше иметь математики, то он может это сделать. Он может комбинировать то, что комбинировать можно. Если мы не дадим школе такой полифуркации, то мы ее обедним. Чтобы сделать школу как можно богаче и пустить преподавание по трем руслам, среди которых можно выбирать, Комиссариат и предлагает эту полифуркацию. Наиболее идеальная школа та, которая имеет максимум предметов, из которых ученик может выбрать то, что ему угодно. Расписание школьной работы должно быть составлено так, чтобы можно было выбрать без ломки и внутреннего хаоса тот тип, который нужен ученику. Этим самым—педагогическим советам ставится задача так поставить школу, чтобы мальчики 15—16 лет могли заниматься более или гуманитарными науками, или естественными, или техническими. Это ничего общего не имеет со специализацией того типа, которая суживает знания человека, но это имеет связь с тем, что государству нужны специалисты. Подросток, который вольно в 15 лет выбрал технический труд, будет лучше подготовлен к нему, чем к чему-нибудь другому. Окончивши эту школу, он пойдет к технику. Это будет продолжением его развития. Никакого противоречия или неправильно понятой идеи о единой школе здесь нет. Здесь есть только переход, известная мягкая форма, возможность для ребенка и общее образование приобретать с окраской тех предметов, к которым его душа чувствует наклонность, вместо того, чтобы разрубать чисто механически: до второй ступени—никакой полифуркации, а потом сразу все специальности. Это, по-моему, вытекает из рационалистического принципа, из известного абстрактного мышления, а то, чего мы ищем и хотим реализовать, представляет более реальные и более мягкие и богатые формы.

Я бы настаивал на том, чтобы ничего отсюда не выбрасывать. Единственное, что я мог бы сделать, что я лично готов был бы сделать, это, вместо того, что здесь сказано: «Должна разделиться на несколько путей», — сказать: «Поэтому желательно, чтобы с известного возраста школа разделялась на несколько путей». Это было бы для меня приемлемо.

Мицкевич. Я хотел бы высказаться по вопросу о том, что переход с одной ступени школы на другую должен быть обеспечен прежде всего наиболее талантливым, могущим больше всего дать своему народу при широком образовании, совершенно независимо от происхождения ученика и степени зажиточности его семьи. По этому вопросу состоялось постановление Съезда, что в первую очередь право поступления должно быть предоставлено детям пролетариата и беднейшего крестьянства. Поэтому мне кажется, что это следовало бы сюда ввести, потому что Съезд единодушно поддерживал это положение. Мы полагаем, что нужно указать, что преимущество должно быть дано детям пролетариата и беднейшего крестьянства.

Луначарский. Я поставил бы это на голосование, как поправку.

Мицкевич. Теперь относительно спорта. Лучше было бы не употреблять слово «соревнование». Желательно было бы, чтобы физическое образование приняло у нас другой характер, нежели в американской школе. Поэтому лучше заменить это слово словами: «Физические упражнения, как-то: бег, прыгание, хождение на лыжах, катанье на коньках и т. п.»

Луначарский. Вы предлагаете избегнуть термина «спорт» и заменить его тем, что он должен выразить. Такое предложение вы делаете?

Мицкевич. Да, такое.

Л. Р. Менжинская. Здесь сказано, что занятия должны продолжаться не более пяти часов, но для второй ступени у нас указано шесть часов. Нужно устранить такое противоречие.

Луначарский. Это имеется в Положении. Нужно отметить, чтобы не забыть сделать эту поправку. Это просто упущение редакции. Декларация, конечно, должна совпадать с Положением.

Левин. Я сказал бы несколько слов относительно конца Декларации. Следовало бы вопрос о подготовке учителей поставить более ясно и в соответствие с революцией Всероссийского Съезда деятелей по народному образованию. Там этот вопрос конкретизирован, приведен в систему и указаны как переходные меры, так и идеальные цели этого вопроса. Я касаюсь формальной стороны этого вопроса.

Луначарский. Может быть, мы сделаем таким образом. Так как лица, редактировавшие конец этой декларации, не могли принять во внимание этой стороны дела, то, может быть, мы просто поставим на голосование: «Поручить тов. Левину эту часть, в которой говорится о подготовке учителей, перередактировать в соответствие с принятыми на Съезде решениями».

В. Р. Менжинская. Я считаю, что тут Декларация не противоречит положениям Съезда, следовательно, не зачем менять общую форму.

Луначарский. Может быть, тут есть некоторое несоответствие или менее точные выражения, чем те, которые должны быть употреблены, и с этой точки зрения, может быть, желательно участие тов. Левина в редактировании этого конца. Может быть, можно будет найти несколько более удачные выражения и формулировку.

Л. Р. Менжинская. Я хочу сказать по поводу той поправки, которую хотят ввести в том же месте, где сказано о доступе в первую очередь более талантливым ученикам. Я предложила бы этот абзац совершенно выкинуть и не заменять тем, что предлагает Московский Отдел. Мне кажется, что в Декларации, в которой говорится относительно обязательности, общедоступности и т. д. образования, делать такие вставки, которые показывают, что наше образование будет и необязательно и необщедоступно, раз приходится делать выбор, крайне нежелательно.

Луначарский. Это первый пункт, который подлежит голосованию,—выкинуть абзац: «Быть может, государство просто физически не осилит...» *(читает)*. Кто за то, чтобы выкинуть этот абзац, прошу поднять руки?—Четыре.—Кто против?—Большинство. Итак, абзац остается. В таком случае, как вы предлагаете конкретно: утвердить это «независимо от происхождения», т.-е., предлагаете такую форму: «Должен быть обеспечен прежде всего наиболее талантливым», и тогда отпадает это «независимо», или предлагаете просто: «Может быть, государство просто физически не осилит такой задачи...»? Словом, желаете ли вы, чтобы принималось во внимание, чтобы мы предуказывали то, что при равных условиях преимущество отдается детям пролетариата и беднейших крестьян, или переход должен быть обеспечен за наиболее талантливыми?

Мицкевич. Преимущество детям пролетариата и беднейших крестьян.

Луначарский. Тогда предлагается вместо слов «наиболее талантливым» сказать «преимущественно детям пролетариата и беднейших крестьян». Кто за эту поправку.

Мицкевич. Московский отдел, вообще, предлагает выбросить слово «талантливым».

Луначарский. Кто за эту поправку?—6. Кто против?—7. Поправка отвергается.

Познер. Здесь голосуют не все лица, имеющие право голоса решающего.

Луначарский. В таком случае установите, и после этого мы переголосуем. Список членов таков. *(Читает)*. Только эти лица имеют право решающего голоса и от Петроградского Комиссариата. Тогда я переголосую поправку еще раз. Кто за поправку Московскаго Отдела?—4. Кто против?—5.

Тов. Лепешинский предлагает поправку в другой форме, в такой: «Переход с одной ступени на другую должен быть обеспечен, прежде всего, наиболее талантливым, причем преимущество будет предоставляться детям пролетариев и беднейших крестьян. Кто за эту поправку?—7. Кто против?—Меньшинство. Эта поправка проходит.

Л. Р. Менжинская. Может быть, переголосовать и первое предложение?

Луначарский. Инициаторша этого предложения просит переголосовать. Кто за устранение всего этого параграфа, прошу поднять руки?—Мало. Он остается в этой форме. Что касается вашего опасения, что это может пониматься, как некоторый отказ от обязательности, то я считал бы, что оно неправильно. Здесь сказано: «Быть может, государство просто физически не осилит такой задачи». Оно может не осилить физически; зачем нам это скрывать? Теперь—дальше. Поправка, сводящаяся к тому, чтобы абзацы, касающиеся полифуркации, были устранены. Это идея относительно специализации для последних возрастов школы второй ступени.

Мицкевич. Московский Отдел вносит такую редакцию *(читает)*: «Поэтому с известного возраста допускается разделение на несколько группировок» и т. д.

Луначарский. Московский Отдел не просит устранить совсем, но сказать, что с известного возраста допускается разделение на несколько группировок или факультетов так, однако, что многие предметы остаются объединяющими всех учеников и преподавание после полифуркации является более ярко окрашенным в тот или иной цвет, а дальнейший абзац опускается. Это—предложение Московского Отдела. Кто за это предложение, прошу поднять руки?—4. Кто против?—2. Эта поправка принимается. Второй абзац устраняется. В первом же пункте вместо «должна разделиться»—«допускается деление». Кроме того, в предложении т. Лепешинского поправка относительно того, чтобы заменить 5 часов четырьмя часами на низшей и до 6-ти—на высшей, не встречает возражений и должна быть принята.

Мицкевич. Мы предпочли бы школьный день часов в шесть.

Л. Р. Менжинская. Мы очень настаивали в Петрограде, чтобы такого рода положения не допустить. Мы считаем определенно, что обязательные занятия в первый год обучения не могут длиться долго. Это приносит вред здоровью детей и не оставляет на вольные детские занятия никакого времени. Было бы желательно, чтобы в младшей группе занятия шли не более 4-х часов, затем пять, затем шесть.

Мицкевич. Мы считаем, что в школьный день входит не только то, что называлось обычно уроком, но и такие занятия, как игры, свободный труд и т. д., но мы хотели бы, чтобы был указан школьный день, как единое целое, без указания программных работ и т. д. Мы хотели бы, чтобы понятие о прежнем уроке было устранено совсем из этой декларации, чтобы во всем был проведен известный стиль, чтобы в школе был свободный труд, в который входят такие работы, как обслуживание школы, дежурство, приготовление пищи, игры, чтобы понятие об уроке было совершенно выброшено. Мы просили бы указания на то, что школьный день должен быть примерно часов в шесть. Здесь труд не будет утомителен в той форме, в какой он будет применяться.

Луначарский. Аргументы ясны, и можно просто голосовать

Голос. То, что предлагает тов. Мицкевич, и то, что говорит т. Менжинская о школьном часе, нужно иначе формулировать.

Луначарский. Если подвергнуть дело более глубокому анализу, то и в Петрограде и здесь это взвешивалось и комментировалось, и пришли к выводам. О школьных часах, в смысле сидения на партах, не может быть и речи, но говорилось, что школа должна быть открыта круглый день и ученики имеют право приходить в школьное здание, когда им угодно. Но нужно и указать время регулярных занятий под руководством учителей, когда ученики делают нечто предусмотренное, нужно указать школьный порядок и упорядоченное вмешательство в жизнь учеников со стороны учителей. Мы и думали, что следует ограничить день работы с преподавателями, но граница эта довольно шаткая, и беды не будет от той или другой формулировки. И это следует поставить на голосование. Я голосую первую формулировку тов. Лепешинского: «Не свыше 4 часов для 1 ступени и 5—6 часов для 2 ступени. Кто за нее, пр шу поднять руки?—5. Кто за формулировку Московского Отдела—указать школьный день, примерно, в 6 часов,—прошу поднять руки?—Меньшинство. Отклоняется.

Итак, я поставлю на голосование Декларацию в этом виде с пожеланием, чтобы конец был переработан при участии тов. Левина в духе решений Съезда. С этой поправкой, которая пока остается неопределенной, но смысл которой ясен, я предлагаю проголосовать Декларацию в целом. Кто против?—Принята единогласно.

Позволено ли будет Государственной Комиссией озаглавить ее и вместо приданного ей заглавия: «От Народного Комиссариата Просвещения» поставить: «От Государственной Комиссии по Просвещению». Кто против?—Никого. В таком случае, она принята, как «Декларация от Государственной Комиссии по Просвещению». Теперь приступим к рассмотрению «Положения». Прошу читать тов. Познера.

Познер. «Положение о Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Статья 1-я *(читает)*. Статья 2-я *(читает)*. Примечание 1-е *(читает)*.

Лазуркина. На съезде эта формулировка встретила возражение, и, вместо пункта «там, где это окажется возможным», была принята резолюция о том, что при каждой школе должно быть переходное учреждение—детский сад для детей от 4 до 6 лет.

Луначарский. Съезд высказал мнение о том, чтобы сделать при всех школах обязательной такую двухлетнюю подготовительную школу. Вопрос об обязательности нами разработан, и дальше говорится, в каком смысле эта обязательность понимается. Это не значит, что мы берем обязательство открыть немедленно. Мы открываем там, где это сейчас возможно, а где нельзя, мы должны предпринимать шаги, чтобы это выполнить. Кто присоединяется к мнению Всероссийского Съезда, прошу поднять руки?—7, т.-е. большинство. Прошу читать далее.

Познер. Примечание 2-е *(читает)*. Примечание 3-е *(читает)* Статья 3-я *(читает)*. Статья 4-я *(читает)*. Примечание *(читает)*.

Мицкевич. Тут следовало бы вставить то положение, которое мы приняли в Декларации относительно преимущества, при невозможности удовлетворить всех детей, удовлетворения некоторых.

Познер. Об этом говорится далее в ст. 24-ой: «При недостатке вакансий в Единой Школе порядок замещения свободных мест определяется соответственными Отделами народного образования». — Мне кажется, эта редакция обеспечивает тот интерес, о котором говорит Московский Отдел.

Мицкевич. Желательно было бы вставить все-таки, что при поступлении в школу преимущество будет предоставлено детям пролетариата и беднейшего крестьянства.

Луначарский. Предлагается вставить. Кто за эту вставку, прошу поднять руки?—Один. Кто против?—Большинство. Очевидно, разъяснение, данное Виктором Мих-чем удовлетворило всех.

Познер. Статья 5-я *(читает)*. Статья 6-я *(читает)*.

Луначарский. Мне представляется, что здесь в редакции в этом отношении следовало бы сказать: «Преподавание в школе какого бы то ни было вероучения или исполнение обрядов культа не допускается».

Лепешинский. У нас принято говорить: «В стенах школы» потому, что здесь часто говорили о том, что это будет не школьное преподавание не в школьных стенах.

Луначарский. Особенно важно сказать: «Преподавание в стенах школы», потому что нам известно, что по решению Совета Народных Комиссаров преподавание вероучения мыслимо, но не в стенах школы.

Познер. Статья 7-я *(читает)*. Статья 8-я *(читает)*.

Луначарский. Здесь есть изменения. Тут мы ссылались на декрет Совета Народных Комиссаров, а теперь на другие документы. И в этом есть разница.

Потемкин. Мне представляется, что при новом строе школы вознаграждение преподавательского труда, как оно проводится в декрете и разъяснении, немыслимо. Это подрывает дух основ новой школы. Преподаватель начинает гнаться за количеством часов занятий, а по смыслу реформы преподаватели должны быть все время заняты в учебных заведениях. Тут нужна другая формулировка. Надо перейти на месячное вознаграждение преподавателей и устранить эту расценку по часам за особые работы в школе, причем можно установить такое вознаграждение, которое ублаготворяло хотя бы самые насущные нужды преподавателя. Настоящая оценка без совместительства обрекает преподавателей на голодную смерть. Я предложил бы принять переход от урочного вознаграждения на помесячное.

Познер. Это—новый и самостоятельный вопрос. Если мы пойдем таким путем, мы можем целый год разрабатывать, а мы обязаны закончить сегодня. Я—против того, чтобы сейчас поднимать новые вопросы, хотя бы и очень цепные. Этот пункт преследует одну цель—устранить разделение преподавателей на категории. Эта цель достигается вполне, и на этом мы должны остановиться. Если тов. Потемкин или Московский Отдел находят, что оплата труда преподавателей неудовлетворительна, то этот вопрос тут попутно решить нельзя. Этот вопрос должен быть разработан самостоятельно и может быть предметом обсуждения одного из следующих заседаний Государственной Комиссии.

Потемкин. Я поднял вопрос относительно недостаточной нормы вознаграждения в количественном отношении, а затем относительно перехода к другой расценке. Я предложил бы поправку, что преподаватели всех учебных заведений оплачиваются помесячно, при чем прожиточный минимум устанавливается по первой категории; таким образом, все преподаватели сравниваются по вознаграждению, но вносится новая расценка, такая, какая устанавливается декретом по отношению к преподавателям начальных школ. Ее надо распространить и по отношению ко всем школам.

Л. Р. Менжинская. Та ссылка, на которую указано, относится к тому декрету, который устанавливает 600 рублей для первой категории. Там еще целый ряд других новых вознаграждений учительского труда, т.-е. поправка тетрадей и т. д.

Познер. Нет, там всего этого нет. Мы ссылаемся на основной декрет, а не на разъяснения.

Луначарский. Вопрос этот достаточно сложен. Я тоже в редакционной коллегии высказывал несколько раз раньше мысль, как и тов. Потемкин, что было бы желательно, вместо вознаграждения по часам, да еще всяких сверхурочных, ввести раз навсегда одно определенное учительское жалованье. Это было бы правильнее, хотя нужно сказать, что такая расценка имеется всюду, даже на заводах, где она очень сложна. Но факт тот, что, если мы сейчас к ней прибегнем, то, прежде всего, нам нужно будет немедленно же здесь оговориться о повышении заработной платы учителей, потому что фактически при таких условиях мы не только не улучшим положения учителей, но ухудшим его. Если мы введем расценку по декрету, то учителя, которые получали и некоторое дополнительное жалованье, не будут его получать. Не знаю,—получит ли вторая категория, но первая категория, несомненно, будет сильно урезана. Я не желал бы, чтобы наша обновленная школа и наше Положение внесло для преподавателей некоторое понижение уровня материальной жизни, в то время, как мы знаем, что он нуждается в повышении. Надо избегнуть этого результата, чтобы наша нивеллировка не оказалась нивеллировкой не вверх, а вниз. Мы хотим провести одну мысль: поскольку есть учителя, пользующиеся привилегиями, постольку эти привилегии нужно уничтожить,—и преимущества получают все преподаватели России. Эта мысль должна быть подчеркнута. И мы должны выразить ее так, чтобы не затронуть тех норм, по которым учителя получают существующие ставки. Нужно сослаться на существующие порядки и нормы и редактировать таким образом, что «все школьные работники получают вознаграждение, согласно принятым в настоящее время нормам оплаты учительского труда». Это не значит, что мы эти нормы не изменим. Мы их изменим, но это будет дальнейшими трудами Комиссариата и Государственной Комиссии. Сейчас же мы не можем изменить нормы оплаты учительского труда. Если мы к ним прикоснемся, мы их уменьшим. Поэтому нужно оставить нормы, которые есть, категорию вторую—перевести в первую, а дальше—заняться упорядочением положения учителей в таком духе, в котором говорит тов. Потемкин. Самому пожеланию тов. Потемкина о переведении на месячную оплату я глубоко сочувствую и думаю, что мы должны эту реформу провести. Но пока следует сказать так: «Согласно существующим нормам оплаты учительского труда».

Потемкин. Как будут расцениваться учителя, не стоящие на первой ступени? Сейчас расценка часами совершенно устраняется.

Луначарский. В настоящее время существуют нормы оплаты учительского труда, по которым оплачен учительский труд за июль и август месяц. Все остается по старому, за исключением того, что основное жалованье уплачивается для всех по первой категории. Это яснее ясного. Эту мысль надо выразить. Если мы скажем, что вводим другие нормы, то это будет означать, что мы вводим такие высокие нормы, на какие мы не имеем права, ибо повышать мы не можем,—это нужно проводить в сметном порядке,—мы можем только понизить, если наши указания разойдутся с теперешними нормами, а они несомненно разойдутся. Для Петрограда, для других мест производятся дополнительные оплаты труда учителей, и они получают высшее жалованье, чем то, которое указано в основном декрете. Мы их лишим этих прибавок, если скажем о нормах низшей школы. И тогда это будет не подарком для учителей, не улучшением их положения, а ухудшением. Мы имеем право перевести вторую категорию в первую, но не имеем права повысить жалованье первой категории. Не будем же его понижать. Мы скажем: «Согласно принятым нормам оплаты учительского труда». Нужно будет платить, как прежде, по второй категории, как—первой. В виду ссылки на нормы и декрет, нужно сказать: «Согласно принятым нормам».

Терехова. Значит, сообразно тем нормам, которые существуют сейчас. Значит, и впредь вы предлагаете такого рода оплату, что и учителя первой ступени будут получать такую плату.

Луначарский.—Нет, совершенно определенно в декрете сказано, что существуют такие-то и такие-то рубрики, градации, в учительском труде. Существуют первая и вторая категории, причем для первой установлено одно жалованье, для второй—другое. Вторая категория получает, кроме того, дополнительное вознаграждение, установленное определенными разъяснениями. Мы не касаемся этих дополнений, а только существа дела и говорим, что в этих пределах вторая категория получит, как первая. Я понимаю, что есть недостатки, но мы не нарушим часовой платы. Сейчас этим нельзя заниматься. Пройдет два-три месяца. За это время учителя, сведенные к основному жалованью и лишенные того, что им предоставляется получить, согласно этим

разъяснениям, получат по 200—300 рублей в месяц, т.-е. самый суровый шраф. Это не входит совсем в наши виды.

Терехова. Это очень печально для самого существа реорганизации школы. Если мы установим так, то и получится, что мы не сможем изменить режим школы и вводить там общественную жизнь и сделать это основным моментом для всей структуры преподавания. Значит, мы оставим все по-старому, ибо все будут стремиться преподавать по часам, как в старой школе.

Потемкин. Я хотел бы указать на то, что московские преподаватели к новому распределению не приступили и не приступят. А теперь этим путем они толкаются на то, чтобы все уроки распределить между собой и, таким образом, установить как раз те порядки, с которыми мы всячески должны бороться в новой школе. Для нас нет возможности вводить новые порядки, потому что естественно, что всякий преподаватель, который имеет 18 уроков и получает за 18 уроков согласно декрету, скажет, что 19-й час он не будет работать,—пусть работают его товарищи. Это будет неизбежно тогда, когда пройдет это распределение на новых основаниях. И, таким образом, от новой реформы, по существу, не останется, как говорится, ни духа, ни пера.

Л. Р. Менжинская. Я не понимаю, почему учитель является таким илотом, который должен работать те или иные неоплаченные часы. Ведь такой порядок немыслим для рабочего на фабриках и заводах. Там оплачиваются все часы работы, и то же самое мы должны ввести и по отношению к учителям. В настоящее время мы переходим к весьма глубокой реформе, к такой, при которой само понятие о часах, о предметах, о школьном времени совершенно изменяется. Мне кажется, что после трех—четырехмесячной работы по этой новой реформе, может быть, можно будет составить иную табель оплаты учительского труда, которая будет для них, как будто, выгодной, обеспечивающей их труд. Если мы уничтожим то, что было сделано до сих пор, за что долгое время боролись учителя, боролись в течение многих лет, и что в известной степени примирило их с новым режимом, то мы принесем большой ущерб самой реформе школы. Раз мы сейчас уничтожим для какой-то стройности эту лишнюю оплату учительского труда, мы этим ввергнем его в условия плохого существования. Мне сегодня пришлось быть на съезде учительском, и там говорили, что положение наших учителей не улучшено. Мы в настоящее время хлопочем, чтобы уезд был введен на положение города. Значит, положение учительства и сейчас, несмотря на все декреты, далеко не блестяще, а мы, вводя новые реформы, призывая учителей работать в новой школе, тем или иным способом, как бы стремимся урезать и то жалованье, которое они сейчас получают, и желаем их привести в положение каких-то бесправных людей, которые не могут держаться за положение, указанное в декрете и обеспечивающее тот или иной минимум, и при этом говорим, что, если мы этого не уничтожим, тогда самая реформа уничтожается. Нет, нам нужно держаться рамок определенного жалованья и так или иначе проводить это изменение расписания и всего прочего. Но нельзя до такой степени ни чего не установить, что учитель не будет знать, что он будет получать, и оставить его в руках местных Отделов без всякого указания центральной государственной власти. Это поведет к большому ухудшению положения учителей и к большому ухудшению в возможности проведения самой школьной реформы.

Лепешинский. Я просил бы установить то, что предлагает Анатолий Васильевич, и добавить, что положение об основании уравнения платы на началах хотя бы не часовой, а помесячной платы разрабатывается и будет опубликовано особо.

Луначарский. Я к этому присоединяюсь. Следует указать, что разделение преподавателей на категории уничтожается, все школьные работники получают вознаграждение согласно существующим нормам учительского труда, а в примечании: «Разрабатываются новые нормы оплаты труда, согласно принципам оплаты не часовой, а помесячной».

Познер. Я это считаю излишним. Декрет исчерпывает все и вполне отвечает на сомнения Московского Отдела. Если принять Ваше предложение, Анатолий Васильевич,—«согласно существующим нормам»—, тогда не устраните разделения преподавателей на категории. Эта фраза и преследует цель распределения преподавателей на сорта. А в остальном—редакцию можно изменить для внесения ясности.

Луначарский. Я и предлагаю «разделение преподавателей на категории»—оставить. «Все получают вознаграждение по ставкам первой категории и согласно нормам». Это я и хочу сказать.

Мицкевич. Я хотел бы еще сказать о школьном дне. Я говорил, что день должен быть шесть часов, потому что в начальной школе, когда нет разделения на часы, предполагается, что учитель только четыре часа будет с детьми. Такой день будет чрезвычайно мал для учеников.

Луначарский. Относительно распределения количества часов и т. п. мы это еще обсудим, а сейчас я предлагаю на голосование поправку *(читает)* и примечание: «Нормы последовательного проведения принципа месячной оплаты учительского труда разрабатываются».

Потемкин. Насколько я помню, декрет о норме платы разъяснил, что преподаватели до введения этого Положения о Единой Школе будут получать с момента опубликования помесячно, при чем сохраняются только пятилетние прибавки.

Луначарский. Но при этом и 24-часовой урок сохранятся, а если прибавят, то должны увеличить плату.

Потемкин. Я полагаю, что этот вопрос может быть разрешен в частном порядке.

Луначарский. Это другое дело. В этом отношении, товарищ Потемкин, Вы правы, что Отдел может увеличить количество часов, увеличив оплату, на основании предоставленных ему прав. Но ни в коем случае нельзя понимать, что Отдел имеет право увеличить количество часов без дополнительной платы.

Потемкин. Совершенно верно.

Луначарский. Я думаю, что 24 часа—это мало, но это декрет Совета Народных Комиссаров, и мы имеем право либо войти в частное соглашение с учителями, либо мы должны проводить мероприятия через Совет Народных Комиссаров. Сами мы не можем нарушить постановления Совета Народных Комиссаров.

Л. Р. Менжинская. Нельзя таких важных вопросов решать путем той или иной поправки. Как можно решить вопрос так, чтобы выразить пожелание, что бы был больший учительский час, чем в 24 часа? Каждый учитель скажет, что 24 часа, это—максимум продуктивной учительской работы, и, если мы хотим сейчас под тем или иным видом прибавить количество часов учительского труда, хотя бы и с оплатой, то это значит, что мы в этом отношении гонимся за ухудшенным учительским трудом. И этот вопрос, столь важный, надо решить не под видом того или иного примечания, а обсудить серьезно и отвести для этого определенное время и заняться этим вопросом вплотную.

Луначарский. Мы никоим образом никакого решения не принимали. Товарищ Потемкин высказал мнение, что, если бы стали повышать количество часов, они имеют право дать большее вознаграждение, т.-е. Отдел имеет право повысить учительские ставки и имеет принципиальную возможность увеличить количество часов. Но мы о количестве часов будем говорить при обсуждении соответствующего пункта. Но пока только попутно на мое возражение, что нельзя увеличивать количества часов, согласно декрету Совета Народных Комиссаров, тов. Потемкин сказал, что увеличивать расценку это в пределах власти Отдела. Прошу читать дальше.

Познер. Статья 8-я *(читает)*, примечания *(читает)*. Статья 9-я *(читает)*. Статья 10-я *(читает)*.

Луначарский. Имейте в виду, что здесь говорится не о преподавателях, а о школьных работниках, т.-е., в общем, при 200 учениках это означает, что такая школа имеет право поставить в штат 8 школьных работников, включая все категории.

Познер. «Содержание школьной работы». Статья 11-я *(читает)*. Примечание 1-е *(читает)*. Примечание 2 *(читает)*. Статья 12-я *(читает)*. Примечания *(читает)*. «Условия школьной работы». Статья 13-я *(читает)*.

Луначарский. В этом пункте произошли разногласия, или, вернее, их удалось устранить в редакционной коллегии. Петроградский персонал Народного Комиссариата Просвещения неоднократно и очень внимательно совещался между собой по этому вопросу, и многие из передовых педагогов примкнули к его мнению, что, как высказался один из таких педагогов, это является вредным посягательством на священность ваката. Количество времени, когда дети предоставлены самим себе, т.-е., когда жизнь их не регулируется никакими школьными принципами, чрезвычайно важно для роста их индивидуальности и для выработки из них свободных граждан. Как бы ни была облегчена обстановка школы в этом смысле, как бы мы ни заботились о том, чтобы придать больше свободы внутри школы,—школа все-таки есть школа. И в этом смысле достаточное количество времени, в известных пределах, должно быть предоставлено ученику, чтобы он на досуге совсем переработал усвоенное, чтобы он вполне отдохнул, чтобы он мог в это время уходить, как и куда ему угодно, чтобы он мог вполне, так сказать, вступать в жизнь. Это очень важно при самой даже лучшей, самой обновленной, самой образцовой школе. И преподаватели, конечно, тоже имеют большую нужду в соответствующем отдыхе, который даже не столько будет отдыхом, сколько необходимым временем для приобретения соответствующих познаний. Нам придется на ряду с отпусками в $1^1/_2$ месяца иметь и переутомленный преподавательский персонал. Поэтому в этом деле, требующем величайшего напряжения духовных сил, никакие ссылки на то, что преподавание в новой школе будет облегчено, не могут уничтожить того представления, что мы до крайней интенсификации доведем школьную

работу и уменьшим давление жизни. Петроградская комиссия выражает опасение, что такое расширение школьного времени является вредным. Мы настаивали, чтобы школьное время разделялось не на две категории, а на три, т.-е. на работы зимнего типа и на вакации более широкие, чем те, которые указываются здесь. Есть соответствующая редакция, которая может быть рассмотрена.

Лазуркина. Я присоединяюсь к мнению Анатолия Васильевича, но могу сделать добавление. Как бы мы ни хотели реформировать школу, при старом типе учителей нам трудно будет скоро создать новую школу. Утомительность детей будет достигать максимума, и поэтому на первых порах, в этом году, надо настаивать на таких вакациях.

Познер. Считаю нужным обратить внимание Государственной Комиссии на то, что этот вопрос подвергался обстоятельному рассмотрению на Съезде, где было представлено несколько сот деятелей с мест, в числе которых много было народных учителей. И там большинством голосов, чуть ли не единогласно, Съезд присоединился к аргументации Московского Отдела. Наша аргументация сводилась к следующему. Мы говорим не о школе, как об искусственном институте, который, очевидно, имеют в виду те, кто осторожнее относятся к плану. Мы говорим о социальном воспитании детей и о создании для всех подрастающих поколений таких условий существования, при которых они наиболее полно развертываются. Если мы можем принять во внимание все соображения, как педагоги, о необходимости индивидуальной свободы для ребенка, то почему этими самыми соображениями не могут руководствоваться педагоги, когда они будут воспитывать детей? Они, исходя из этих соображений, могут устанавливать какие угодно индивидуализации, какие угодно перерывы, но это будет действительная индивидуализация, а не совершенно механическая и единовременная. Если мы проанализируем, что означает для детей влияние жизни, то мы придем к тому выводу, что для классов буржуазных, пока они сохраняют существование, это означает, что они будут представлять детей воздействию буржуазии. Они, может быть, с радостью будут брать из школы детей, чтобы ничкать их и Законом Божиим и другими прелестями буржуазной идеологии. С другой стороны, для некоторых частей пролетарских это будет означать эксплоатацию детей, потому что дети являются для них подсобным элементом, по крайней мере, для малообеспеченного населения. И более сознательные элементы этого малообеспеченного населения нашу идею социального воспитания восприняли и поддерживали. Представители с мест на Съезде говорили, что воспитание детей взяло на себя государство, и всякое освобождение на продолжительные каникулы вызывало у некоторых совершенно определенные возражения, о которых я говорил. Мне представляется в высшей степени странным и ненормальным положение, если педагоги, передовые педагоги, взявшие в свои руки рулевое колесо, принимают ограничительные меры против самих себя. И это возражение тов. Лазуркиной мне представляется странным. Если мы не доверяем тем началам, которые мы закладываем в школе, то нам лучше отказаться от всего этого дела.

Мицкевич. Я поддерживаю тов. Познера. В Московском округе часть детей поехала в школьные колонии, где они работали, часть работала в летних школах в Москве. Это был все-таки громадный шаг вперед сравнительно с тем временем, когда дети были предоставлены самим себе. Быть предоставленными самим себе—это для пролетарских детей значит быть предоставленными, в большинстве случаев, плохому влиянию улицы. Мы просили бы Государственную Комиссию поддержать то постановление, которое было на Съезде. Я особенно хочу подчеркнуть то выступление представителя Комитета Бедноты, когда на малограмотном языке он сказал: «Учителя нас бросили на лето, а так нельзя. Пусть они будут на лето с нами. Наши дети нуждаются в воспитании и летом». И школа должна поддержать это положение в своих принципах. Здесь сказано, что отпуски между шестью неделями даются еще на четыре недели; следовательно, учителям дается десять недель отпуска. Мы в течение двух недель имеем отпуск, и мы кое-как живем при двенадцатичасовом рабочем дне. Почему же учителя не могут ограничиться десятью неделями?

Лепешинский. Я полагаю, что этот вопрос можно поставить несколько шире. Можно ли где-нибудь, как-нибудь и какой-нибудь кусочек трудовой жизни в каком-нибудь учреждении прекратить на целый месяц? Можно ли было бы сказать, что в виду огромного напряжения сил при работе Совдепы должны работать девять месяцев в году и на три месяца отпускаться? И жизнь будет тогда замирать. Ведь никто этого не говорит и не думает это говорить. Но ведь нет никакой принципиальной разницы между любым уголком жизни и школой. Что такое школа? Это есть подлинный кусок жизни. Поэтому мы стремимся к тому, чтобы между школой и жизнью не было

перегородок. А если так, то, как жизнь непрерывна, так и школа должна быть непрерывной. Это не значит, что та или иная группа преподавателей не должна время от времени переменять места для поправления здоровья, для отдыха и т. п., но это вопрос частный. Если принять во внимание, что не будет ни одной однокомплектной школы, то это будет значить, что изменения всегда возможны. Если я нуждаюсь в отдыхе, то я могу передать работу товарищу, а сам поехать в месячный отпуск. И всякая школа должна работать целый год непрерывно. Перерыв в занятиях школы—одно из одиозных явлений жизни. Народный Комиссариат Просвещения должен работать целый год и другие учреждения так же, и круглый год должна работать и быть открытой для детей школа. А по отношению к детям совершенно странным было бы сказать, что школа является чем-то в роде острога, каторги, где очень тяжело находиться, и поэтому три месяца надо дать детям возможность отдохнуть от школы, т.-е., от мира, который должен быть для них родной стихией. Мы этим опорочиваем школу. Мы так можем говорить о военщине, о казармах,—это другое дело. Но когда мы говорим о школе для детей, то было бы странным становиться на такую точку зрения, что детям от школы нужно отдыхать.

Л. Р. Менжинская. Я возразила бы прежде всего против того, что было сказано относительно Съезда. Съезд вовсе не был представительством учительства. Учителя там были, но гораздо больше было представителей Отделов народного образования, так что выдавать мнение этого Съезда за мнение учительства нельзя. Таково мнение местных Отделов, это верно. То, что было сказано о представителе деревенской бедноты, все-таки было мнение одного представителя. Мне кажется, что мы многие годы слышали одно и то же: что деревенских детей трудно удержать в школе, именно благодаря их родителям, представителям деревенской бедноты, которые берут из школы детей тогда, когда они еще не кончили занятий, для того, чтобы посылать их на сельские работы. Это прием довольно демагогический—говорить о том, что мы, петроградцы, не давали детям выходить из школы. Мы в Петрограде и не только в Петрограде, но и во всей Северной коммуне пробовали то, что и москвичи, т.-е. колонии и дальние и ближние, открывали площадки для городских детей, но мы не называем этого школами. Это—иное. Я считаю, что мы должны употребить максимум энергии на то, чтобы всех детей, которые остаются без деревни, послать в колонии, в крайнем случае устроить на те или иные площадки. Нужно устроить иные занятия, чем школьные, которые поневоле происходят в четырех стенах школы. Мы считаем, что для такого рода помещений, колоний, занятий на площадках, может быть, потребуются совершенно иные педагогические силы и учителя. И это, мы считаем, для детей является вакатом. Мы не утверждаем, что в той школе, которую мы создадим, нужно отдыхать несколько месяцев и не создавать никаких учреждений для бесприютных детей. Эти колонии и площадки должны быть и могут быть как-нибудь изменены, и это все устраивалось в Северной коммуне и устраивается в настоящее время. Но мы считаем, что школа не будет коммунистической. Коммунистической школы не будет, так как нет учителей коммунистов, и в самом Отделе по народному образованию, к сожалению, не сплошь коммунисты. С другой стороны, школа, несмотря на все усилия, не может быть оборудована настолько подвинутым учительским составом, что он сумел бы не утомлять детей. Затем мы должны дать возможность учителям (я не знаю, как дальше развернется дело) пока, по крайней мере, в течение лета проходить постоянно из года в год ряд курсов, которые им раскрывали бы эти новые педагогические идеи, которые им показали бы, каким образом нужно их проводить. Иначе школа будет поставлена хуже, чем мы здесь надеемся и предполагаем. Я думаю, что центральный Комиссариат и Московский Отдел, сами до сих пор не пославшие всех детей в колонии и на площадки, не имеют права утверждать, что у них были летние школы для всех детей. Они отложили до 1 октября занятия, объявив, что школы должны быть открыты в течение всего года, тем самым они косвенным образом подтверждают то, что мы говорили открыто: что учительский персонал не подготовлен и его нужно подготовить в течение лета. Если скажут, что учителя могут пользоваться отпуском, это другое дело, но ни один учитель не может спокойно пользоваться этим отпуском. И, вообще, против этих отпусков, когда они даются не по болезни, нужно бороться, насколько возможно. Но надо дать определенный вакат и для учителей и для учеников, причем для учеников этот вакат, по мере возможности, должен быть использован так, чтобы их устраивали в колониях и на площадках. Поэтому я предложила бы принять ту редакцию, которая указана петроградской Комиссией.

Познер. Я предложил бы прений по существу не развертывать, потому что при

малочисленном составе лиц с правом решающего голоса все рессурсы переубедить противника бесполезны. Если мы имеем здесь кворум, то следует просто проголосовать, если же кворума нет, то вопрос отложить.

Луначарский. Если нет трети всех имеющих право голоса, то придется поднять вопросы, вызывающие разногласие, в более полном составе Государственной Комиссии. Если бы мы приняли решение, то отсутствующее меньшинство имело бы право поднять вопрос в порядке конституционном и внести на следующее более полное собрание.

Голос. Установлен ли кворум?

Луначарский. В конституции Народного Комиссариата Просвещения кворум не установлен. Он может быть только установлен Коллегией Народного Комиссариата Просвещения, и перемены может делать только Коллегия.

Позер. Кворум нужно установить, потому что недопустимо, чтобы случайным перевесом одного голоса был решен такой важный вопрос. У нас имеется решение Съезда, которое имеет моральный вес, и нужно, чтобы вся Государственная Комиссия сказала, если мы хотим перерешать: «Мы решаем так-то».

Л. Р. Менжинская. Так как мы прибыли из Петрограда, чтобы принять участие в решении данного вопроса и, благодаря этому, пробыли здесь около месяца, мы просили бы, если такое решение относительно кворума пройдет, сделать завтра заседание Государственной Комиссии, чтобы мы могли уехать с тем, что проект реформы школы был принят.

Луначарский. Я предлагаю здесь проголосовать этот вопрос и поручить секретарю Государственной Комиссии обе редакции представить циркулярным порядком всем членам Комиссии, не присутствующим в сегодняшнем собрании, с запросом относительно мнения за ту или иную редакцию, и потом подсчитать голоса. Завтра созывать Государственную Комиссию мы не в состоянии. Меня в экстренном порядке вызывают в Петроград по делам государственным другого порядка. Я не могу остаться, а эти два дня буду завален рядом других дел. Предполагалось сегодня кончить эту работу. Если мы произведем голосование, не будем считать его окончательным, но недостающим членам разошлем обе редакции с просьбой высказаться за ту или другую, и после подсчета это будет разрешено. Полемизировать здесь вряд ли можно. Члены Государственной Комиссии настолько осведомлены, что трудно переменить их мнение, основанное на опыте или убеждении, которое вряд ли можно поколебать. Может быть, мы произведем поименное голосование? Слово тов. Мицкевичу.

Мицкевич. Я думаю, что следует прекратить прения.

Кривцов. Я тоже записан, но вношу предложение прекратить прения.

Луначарский. Кто за то, чтобы прекратить прения, прошу поднять руки. Большинством голосов прения прекращены. Принимается ли мое предложение голосовать присутствующим и опросить отсутствующих?—Принимается.

Позер. И не ответивших в течение двухдневного срока считать воздержавшимися.

Луначарский. Первая редакция ясна. На второй никто не настаивает. Третья редакция такова.

«Применительно к школьным занятиям год распадается на 3 категории: 1) время обычных классных занятий (примерно, с 1-го сентября по 1-е июня); 2) время, когда занятия ведутся под открытым небом (примерно, с 1-го июня по 1-е июля), при этом могут быть использованы площадки, полуколонии, колонии, могут устраиваться экскурсии для знакомства детей с природой и жизнью; 3) время полных вакаций (примерно, с 1-го июля по 1-е сентября, зимнее—с 23-го декабря по 7-е января и весенний перерыв—с 1-го апреля по 14-е апреля).

В школе празднуются установленные Рабоче-Крестьянским Правительством гражданские праздники».

Я произвожу голосование: 6—за петроградскую и 5—за московскую. Остальные будут опрошены.

Мицкевич. Я говорю от имени Московского Отдела. Мы считаем, что, если бы прошел петроградский проект, это внесло бы дезорганизацию в нашу московскую работу и, расходясь с мнением громадного большинства Съезда, внесло бы также разлад в ту работу, которая признана образцовой, и, таким образом, нарушило бы планомерность, которая намечалась.

Луначарский. Но, если пройдет то или иное решение, мы можем принять по этому поводу такие меры, как предоставить областным и губернским совдепам сделать тот или иной опыт. Москва попробовала бы работать 12 месяцев в году, а Петроград—девять, и мы подвели бы в результате итоги. Прошу читать дальше.

Позер. Статья 14: «Школы открыты для учащихся в течение 7 дней».

Л. Р. Менжинская. К этому пункту должно быть прибавлено о том, что седьмой день для учителя является свободным, т. е. учитель имеет один свободный день в неделю. Я не слышала этого при чтении пункта.

Мицкевич. На Съезде поручено это переработать.

Позер. Замечание, которое сделано Людмилой Рудольфовной, принято во внимание. Примечание и гласит так.

«Два дня в неделю (но не под ряд) выделяются из общего числа учебных дней. При этом один день является совершенно свободным от обычных школьных занятий, и этот день должен быть использован с привлечением новых педагогических сил для чтений, экскурсий, спектаклей и других самостоятельных детских занятий. Другой день является полурабочим днем с обычным педагогическим персоналом и используется для клубных и лабораторных занятий, рефератов, экскурсий, ученических собраний и т. д.»

Л. Р. Менжинская. Какая бы редакция ни прошла — петроградская или московская—необходимо это замечание внести в пункт.

Луначарский. Можно принять примечание: «В случае принятия обоих текстов».

Позер. Может быть, присоединить к статье 14-й?

Луначарский. Присоедините.

Обух. Съезд высказался против привлечения свежих сил. Учителя не могут воспользоваться одним днем в неделю, как свободным. Затем говорилось, чтобы не было перечисления экскурсий, спектаклей и т. д., чтобы, вообще, говорилось о свободных занятиях. Раз есть перечисление, то этим как бы говорится, что в другие дни этих занятий не нужно, а мы хотим, чтобы эти занятия были во все дни. Перечислений не нужно. Таково было желание Съезда.

Позер. Дело в том, что нельзя делать обратных заключений, внести обратное положение. Если эти дни обязательно должны быть использованы для такого рода свободных занятий, то неправильно было бы понимать, что остальные дни не могут быть для этого использованы. Здесь определенное желание два дня, по меньшей мере, выделить и придать этим занятиям своеобразный характер. Нет никаких опасностей в том, чтобы это оставить. Что касается перечисления, то оно носит примерный характер.

Луначарский. Если угодно вносить поправки, то вносить следует конкретно. Насколько я уловил, вы хотите выбросить четверг и воскресенье.

Потемкин. Московский Отдел внес свою редакцию для данного примечания и представил его так в измененном виде.

«Школа открыта для учащихся в течение 7 дней. Два дня в неделю, но не подряд, выделяются из общего числа дней. Эти дни являются совершенно свободными от обычных школьных занятий. Они должны быть использованы для клубных занятий, спектаклей, чтений, рефератов, ученических собраний и т. д.»

Привлечение свободных сил нам представляется фактически неосуществимым и не полезным. А затем прибавление—«четверг» или один из учебных дней и создание для него особых условий представляется нам не практическим: чем же будет воскресенье отличаться от четверга? По существу,—ничем. Те же клубные занятия, те же экскурсии, собрания, рефераты и т. д. Вы хотите здесь что-то отличить. Это совершенно невозможно провести. И тот и другой день должен быть посвящен разумным занятиям и разумному отдыху.

В. Р. Менжинская. Я нахожу, что дни тут могут различаться между собой. Они могут и совпадать по своему содержанию, но в нашем проекте они различались тем, что один день организовывается учительскими силами, а в другом дне проявляется, в особенности, ученическая инициатива. Скажем, они идут в этот день в театр самостоятельно, но школа не должна терять их из вида и, если школа предполагает, что ученики намерены посетить театр или кинематограф и т. д., то она указывает тот или иной театр, тот или иной кинематограф и предлагает его ученикам в том случае, если они хотят итти самостоятельно. Ученическая инициатива здесь гораздо ярче и сильнее может быть проявлена. Что касается других педагогических сил, то я думаю, что это вполне возможно. Я не знаю, почему на какую-нибудь экскурсию или при посещении театра нельзя привлечь студенческую молодежь, которая не имеет возможности заняться шесть или семь дней в неделю в школе, но которая может быть привлечена только для этого дня. Затем, тут есть возражения, что не надо оговаривать, что один день свободный должен быть определенным. Я стояла бы за это. То, что мы считали в жизни домашней прислуги особенно тяжелым, это—то, что она имела выходной день, а не вообще табельный день, который есть у всех рабочих. Мы этот день создаем для учителей. Я не знаю, почему мы учителей должны поставить в положение домашней прислуги, хотя положение этой последней теперь также улучшено.

Луначарский. Тов. Потемкин, вы предлагаете Вашу формулу?

Потемкин. Да.

Позер. «Два дня в неделю, но не под ряд, выделяются из общего числа дней».—Предложение Московского Отдела сле-

дующее: «Эти дни являются совершенно свободными от обычных школьных занятий. Они должны быть использованы для клубных занятий, спектаклей, чтений, рефератов, ученических собраний и т. д.»

Луначарский. Кто за эту формулу, прошу поднять руки?—4. Кто против?—4. Получается равенство голосов, так что придется разрешить вопрос путем опроса.

Познер. Статья 15-я: «Какие бы то ни было программные учебные занятия для учащихся в школе первой ступени не должны превышать в первой группе (первые 3 года) 4-х часов, во второй — 5-ти часов и на второй ступени—6 часов».

Луначарский. Так как Государственная Комиссия в более полном составе голосовала этот вопрос по поводу Декларации, то можно, я полагаю, считать это утвержденным.

Мицкевич. Здесь сказано «обязательные учебные занятия». Может-быть, там лучше сказано?

Луначарский. Там сказано «программные».—Заменим. Никто не возражает?—Никто. Итак, вместо «учебные»—«программные».

Познер. Статья 16-я: «Задавание обязательных работ и уроков на дом не допускается».

Луначарский. Здесь надо сказать, что статья Положения менее подробна, чем соответствующее место декларации. Замечается несколько парадоксальное перемещение подробностей.

Л. Р. Менжинская. Я вношу предложение выпустить эту статью.

Луначарский. Кто за то, чтобы выпустить статью? — Один. Кто за то, чтобы оставить?—Большинство.

Познер. Ст. 17-я: «Никакие наказания в школе не допускаются».

Статья 18-я: «Все экзамены—вступительные, переходные и выпускные — отменяются».

Статья 19-я: «Деление на классы, по мере возможности, должно быть заменено делением на группы по степени подготовленности учащихся к соответствующему роду занятий». Прим.: «Переход в несоответствующую возрасту высшую группу допускается лишь по выслушании заключения школьного врача».

Статья 20-я: «Во всех школах, всех типов, вводятся обязательные горячие завтраки бесплатно, согласно раскладкам гигиенических норм для детей соответствующего возраста».

Статья 21-я: «Все школы, как первой, так и второй ступени должны состоять под регулярным наблюдением школьных врачей».

Статья 22-я: «При поступлении ребенка в школу необходим тщательный медицинский осмотр для определения состояния его физического и психического здоровья».

Статья 23-я: «Участие школьных работников в работе других школ допускается с разрешения соответствующих местных Отделов народного образования».

Статья 24-я: «При недостатке вакансий в Единой Школе порядок замещения свободных мест определяется соответствующими Отделами народного образования».

Статья 25-я: «Каждой школе должен быть отведен свободный от построек земельный участок не менее 1 десятины в сельских местностях, а в городах—по мере возможности, но не менее 500 кв. саж». Прим.: «Вновь открывающимся школам отведенный земельный участок должен приближаться к нормам сельских местностей».

Статья 26-я: «Разделение школ на начальные, высшие начальные уч-ща, гимназии, реальные уч-ща, ремесленные, технические, коммерческие уч-ща и все другие виды низших и средних школ упраздняется».

«Основные принципы самоуправления Единой Трудовой Школы».

Голос. Я хочу задать вопрос. В статье 26 разделение школ на начальные, может быть, лучше перенести в примечание к § 1. В смысле кодификационном создается неудобство.

Луначарский. Тогда это переносится в примечанию 1-му.

Познер. Статья 27-я: «В состав школы входят все члены Школьного коллектива. Школьный коллектив состоит из всех учащихся данной школы и всех школьных работников».

Статья 28-я: «Ответственным органом школьного самоуправления является Школьный Совет, состоящий: а) из всех школьных работников, б) из представителей местного трудового населения данного школьного района в количестве $^1/_4$ части числа школьных работников, в таком же отношении учащихся старших возрастных групп с 12-летнего возраста и одного представителя Отдела народного образования».

Мицкевич. Я предложил бы так: «Школьный коллектив состоит из всех учащихся данной школы», т.-е. первую строчку выбросить.

Луначарский. Кто против?—Никто. Выбрасывается.

Познер. Статья 29-я: «Внутренняя жизнь школьного коллектива в рамках постановлений центральной власти и Школьного Совета регулируется общими и групповыми собраниями школьного коллектива».

Потемкин. Я хотел бы спросить. Желательно было бы точнее определить, что такое представители местного трудового населения данного школьного района. Как это будет выбираться несколько представителей? Это неясно. Нужно ли тут обращаться к местным Совдепам?

Луначарский. Здесь вводится понятие «школьный район», т. е. Совдепы должны разбить город на школьные районы по домам, тяготеющим к определенным школам, и, устроив эти школьные районы, трудовому населению данного школьного района, т.-е. тому, которое пользуется полноправием в Советской Республике, предоставить право состоять в Школьном Совете.

Л. Р. Менжинская. Я была согласна с этой редакцией, когда она в первый раз предлагалась, но в виду того, что чрезвычайно трудно будет произвести эти выборы, и местное трудовое население не будет иметь никакого влияния на ход дел в школе, я в настоящее время скорее присоединилась бы к тому, что раньше отрицала, а именно, что в этом случае лучше было бы, чтобы эта четверть состояла из родителей, которые более заинтересованы, конечно, тем, как дело идет в школе, и будут чаще приходить на собрания. Иначе будет только номинальная четверть трудового населения данного района, которая будет ходить на эти заседания. Это мы видели на заседаниях с участием местных Совдепов. Чтобы обеспечить эту четверть, лучше было бы ввести родителей.

Познер. Я думаю, что это отступление Людмилы Рудольфовны не в сторону улучшения, а ухудшения. Когда мы заменяли родителей представителями трудового населения, то этим мы сознательно делали шаг к новому строю. Мы не столько давали вес в направлении школьной жизни родителям, которые являются случайными властителями детей, а самому обществу в лице трудового населения, и это, несомненно, является во всех смыслах шагом вперед и более прогрессивным положением, когда само общество в лице трудового населения, т.-е., то, которое охраняет Советскую Республику, будет наблюдать школьную работу и жизнь. Что касается того, что должны быть родители, потому что они проявят более интереса к школе, то ведь это и не могут быть не родители. Трудовое население — это родители: их дети ведь будут учиться. Следовательно, такие случаи, что выбраны представители трудового населения, но не родители детей, будут исключительные. Когда все дети будут при обязательном обучении посещать школу, то большинство будет выбрано родителей. За редкими исключениями, могут быть сплошь буржуазные районы, где трудовое население мало представлено. Но, благодаря тем мерам, которые принимаются вне школьной жизни, это не трудовое население все более сокращается и делается трудовым, так что и для центральных районов, которые раньше по преимуществу были буржуазными, этой опасности нет.

Луначарский. Вносится поправка: «Допускается представительство родителей». Кто за эту поправку?—4. Кто против?—5. Таким образом остается «трудового населения».

Познер. Статья 29-я *(читает)*. Статья 30-я: «Исполнительным органом Школьного Совета является президиум, который объединяет работу Исполнительных Комиссий, организуемых Школьным Советом и Школьным коллективом».

Статья 31-я: «Решения Школьного Совета, принимаемые им по всем вопросам школьной жизни, не должны нарушать общих положений о Единой Школе и постановлений Отдела народного образования Совдепа и могут быть опротестованы представителем Отдела». Примеч.: «Протест не останавливает решения Совета, но вопрос вносится на рассмотрение Отд. Н. О.».

Статья 32-я: «В компетенцию Школьного Совета входит рассмотрение и окончательное решение следующих вопросов: а) прием, распределение учащихся по группам, перевод в другие школы и выпуск из школы; б) представление в местный Отдел народного образования об освобождении учащихся от занятий в данной школе; в) утверждение планов и программ занятий групп в пределах директив Государственной Комиссии по Просвещению и местных Отделов народного образования; г) утверждение порядка и планов образовательных, производительных и хозяйственных работ школы; д) составление годовых смет и отчетов о педагогической и административно-хозяйственной работе Школьного коллектива; е) рассмотрение и утверждение проекта школьной инструкции (о внутреннем строе жизни школьной коммуны)».

Потемкин. Этот перечень всех вопросов, которые входят в Школьный Совет, возбуждает сомнения. Если окончательное решение этих вопросов будет принято Школьным Советом, то дело централизации, необходимой подчас в школьном деле, будет затруднено. Если прием будет предоставлен исключительно Школьным Советам, то местным Отделам будет предоставляться право разрешать этот вопрос в общей форме. Поэтому мы полагали бы, что надо сделать оговорку в этом смысле.

Л. Р. Менжинская. Мне кажется, что для нас очень неудобно вносить этот вопрос об изъятии. Когда мы обсуждали вопрос о школьном коллективе, то указывалось на то, какую широкую автономию Комиссариат им дает. Там были некоторые противоречия с общей линией, но они это утвердили. Теперь после того, как мы согласились на целый ряд изменений в нашем петроградском тексте, прельщенные большей широтой объема прав Школьного Совета, оказывается, что тут предлагается редакция, которая сводит на нет всю свободу, которой Школьный Совет пользуется. Если те или другие вопросы не подлежат изъятию по представлении местного Совета, тогда не надо никакого перечисления и, вообще, ничего не надо говорить о компетенции. Можно вычеркнуть прием и сказать о распределении учащихся. Но говорить об изъятии, несмотря на то, что тут сказано, что представитель Отдела народного образования имеет право своими протестами, если не останавливать, то, во всяком случае, вносить на рассмотрение Отдела народного образования, что уже достаточно говорит об изъятии, это значит сделать наше положение подходящим к положению прежнего режима.

Лепешинский. Представителю Отдела предоставляется право протестовать и вносить вопросы на рассмотрение Отдела народного образования. Трудно предположить, что Школьный Совет будет работать не в духе Школьного Отдела.

Потемкин. Это создает совершенно невыгодную для Школьного Совета обстановку. Представьте себе: центральный Отдел народного образования предполагает организовать на общих началах прием учащихся. Если мы будем базироваться на праве представителя Отдела опротестовывать решения, надо ждать, чтобы Школьный коллектив принял учащихся, и опротестовать и снова передать Школьному коллективу. Надо было бы установить возможность общих изъятий. Бояться нарушить здесь автономию школы совершенно не основательно. Московский Отдел полагает, что решение вопросов о приеме будет производиться при самом непосредственном участии представителей школ. Это не будут распоряжения из центра. К этому распределению учащихся будут привлечены все живые школьные силы, но ставить преграды централизации школьного управления не следует. Все равно жизнь возьмет свое: вы будете издавать декреты, а жизнь потребует, чтобы мы дело приема централизовали. Это можно сказать и по поводу годовой сметы. Отдел всегда оставит право утверждать и рассматривать смету, а оказывается, что этот вопрос переносится на компетенцию Школьного Совета.

Л. Р. Менжинская. Я вношу предложение: что касается центра, напр., приема, вычеркнуть отсюда, все же остальное относится именно к действиям данной школы. То, что тут говорилось о смете, неверно. Тут говорится о составлении годовых смет и отчетов, но они должны составляться Школьным Советом. Значит, все, что тут говорится, касается внутренней жизни данного Школьного коллектива, кроме вопроса о приеме. Я считаю, что прием нужно выкинуть отсюда.

Луначарский. Есть два предложения. Одна—поправка: выкинуть из пункта а) слово «прием». Кто возражает? Возражающих нет. Вы настаиваете на своем предложении тов. Потемкин?

Потемкин. Мне кажется, что выбрасывать было бы нецелесообразно.

Познер. Если Михаил Петрович обратит внимание на редакцию статьи 31-й, то он увидит, что она оставляет достаточно полномочий за Отделом. Здесь сказано *(читает):* «Решения Школьного Совета...»

Потемкин. Отделы народного образования не могут принимать постановлений. Если за Школьными Советами будет признано право решения всех вопросов, Отделы, раз это право будет оговорено, не будут иметь права отменять или устанавливать новые порядки.

Луначарский. Но Государственная Комиссия только что приняла исключение приема. В этом отношении прием относится к прерогативам Отдела. Если Отдел пожелал бы прием передать в другие школы, он это сделает. Этим удалением слова «прием» мы предрешили этот вопрос. Что касается дальнейшего, относительно составления годовых смет, то явно, что тов. Потемкин впал здесь в недоразумение. В остальном не было предложено ни одного примера, а между тем такого рода примечания, как предлагает тов. Потемкин, нежелательны в каком бы то ни было законодательстве. Приводить ряд пунктов и говорить, что Отдел может их отменить, имеет одиозный характер. Получается как будто, что «власти предержащие все права могут и отобрать». Это производит неприятное впечатление. Ни одного живого примера, кроме приема, не было приведено, и остальное все можно оставить без перемен.

Мицкевич. Я вношу такое предложение: «О своих постановлениях Школьный Совет доводит до сведения Отдела».

Луначарский. Это само собой. В Совет входит член Отдела, который всегда может наложить «вето». Этот член Отдела присутствует на всех заседаниях Совета. Если он отсутствует, ему предоставляется право просмотреть протокол. Если же он не присутствует и протоколов не просматривает, то его, очевидно, нужно устранить.

Потемкин. Надо сказать еще относительно перевода в другие школы.

Луначарский. При первом чтении мне тоже бросилось в глаза, что это не совсем ладно. По существу, здесь нужно было бы сказать, что перевод в другие школы разрешается Советами подлежащих школ, но мне казалось, что тут дело ясно. Но я согласен с тем, что в редакции это не совсем правильно. Может быть, мы это выбросим?

Голоса. Выбросим.

Обух. Может быть, выбросим слово «окончательное?»

Луначарский. Я согласен это выбросить.

Познер. Статья 33-я: «Внутренняя жизнь школьной коммуны должна строиться на началах полной свободы объединения всех членов коллектива в группы и кружки, преследующие образовательные и воспитательные цели, напр., союзы преподавателей, союзы молодежи и т. п.».

«Меры к проведению плана преобразования школы в жизнь» *(читает)*:

«Для проведения указанного плана в жизнь предлагается трехклассные и четырехклассные уч-ща превратить в пятилетние школы первой ступени. Для сего с начала учебного года ко всем начальным училищам добавить дополнительный год обучения. В дополнительную старшую возрастную группу привлекаются дети, окончившие в текущем году начальные уч-ща. Так называемые двухклассные уч-ща с 5-летним курсом в полном составе относятся к школам 1-й ступени.

Все средние учебные заведения, а также школы, приближающиеся к ним по типу, правительственные, общественные и частные, рассекаются применительно к следующему плану рассечения мужских гимназий. Первые три нормальные класса с приготовительным превращаются в самостоятельные школы 1-й ступени и перестраиваются на общих для указанной ступени основаниях. В текущем году к ним прибавляются 1-й год обучения, а если встретится надобность, то и второй (до 5-летнего состава).

4, 5, 6 и 7 классы образуют школы 2-й ступени, 8-й класс упраздняется. Высшие начальные уч-ща и приближающиеся к ним по типу, напр., торговые школы преобразуются в школу 2-й ступени, для чего от них отсекается первый год обучения и добавляется старшая возрастная группа для окончивших учебные заведения в текущем году.

Настоящее положение распространяется и на все школы, возникающие по частной инициативе. Этим последним может быть оказана государственная поддержка при условии признания ценности данной школы местными Отделами народного образования».

Лепешинский. Мы имеем в виду развернуть нашу школу на все возрастные группы, чтобы была полная гамма. Вообще связь между взрослыми и детьми должна быть более полной. Зачем отделять маленьких детей? Говорят, что будут две администрации. Говорится, что не удастся провести меры относительно того, чтобы оба пола были представлены равномерно. Какое это имеет отношение к вопросу о том, чтобы принимались дети обоего пола? Подготовка не пострадает, будет ли она под одной или под различными кровлями. Все школы обращаются в школы двух ступеней, прибавляя к каждой по году.

Мицкевич. Этот вопрос мы считаем важным с политической точки зрения, с точки зрения школьной политики. Необходимо эти привилегированные учебные заведения—средние школы—уничтожить. Поэтому, если мы оставим все в старом здании с приготовительными классами, то как раз старый дух школы и вся конституция, и все привычки,—все сохранится по старому. Если младшие школы сольются, то получится единая младшая школа. Если же останется по старому, то этим мы оставим старые гимназии. В смысле слияния обоих полов также. Когда мы отрубим низшие классы, освободится известное число классов, и мы две гимназии—мужскую и женскую—соединим и сольем. Там будет то же число классов, но они смешаются, и будут два ряда параллельных классов. Мы считаем это важным и в московской инструкции мы это проведем.

Луначарский. Тов. Потемкин ставит вопрос о соединении мужских и женских училищ. Я знаю план о переводе мужских училищ в женские и о переводе женских училищ в мужские. При этом, насколько я помню, собрание, не помню, какого типа (кажется, комиссия по выработке этой программы), высказалось против этих мер, которые лично я считал бы в высокой степени рискованными и, может быть, даже пагубными. Несмотря на всю мою искреннюю симпатию и непоколебимое намерение провести дело совместного обучения, я считал бы, что внезапное и механическое соединение учебных заведений, внезапное и насильственное, может повести к целому ряду удручающих беспорядков, к возмож-

ному хаосу. Преподаватели мало к этому подготовлены, здания также, и в результате может получиться вместо хорошей реформы компрометирующий эту реформу хаос. Между тем, если бы следовали указаниям, которые даны в декрете, чтобы открыть свободный доступ мальчикам в женские учебные заведения, а девочкам — в мужские, мы имели бы постепенное врастание этой реформы. Это две различные точки зрения на тактические начала проведения этой реформы. Я хотел бы провести эту реформу таким образом, чтобы она не была скомпрометирована чрезмерною поспешностью и парадоксальными формами ее выполнения. Я хотел бы поднять этот вопрос и подтвердить этот план, т.-е. план полной доступности всех школ для учеников обоего пола и, преимущественно, прием мальчиков в женские училища и девочек—в мужские при новом приеме, но так, чтобы не было сделано серьезных ошибок и не было механического соединения старших классов вопреки настроению учеников и намерениям учителей, которые встретили бы, вероятно, это саботажем и вряд ли стали бы всю эту трудность и рискованность расхлебывать, а, наоборот, только раздувать. Мы имели бы тогда много скандалов и ломки. Я хотел этот вопрос специально поставить здесь, и мы к нему перейдем. Этим я не хочу сказать, что не может быть решения, которое предоставит тот и другой вопрос перерешению Отдела, как такового. Государственная Комиссия может не предрешать ни вопроса о разделении топографическом по зданиям, ни их соединения по полам. И в данном случае предложено было не говорить о разделении по зданиям. В уставе ничего не сказано относительно мер водворения в школе общего обучения, но я желал бы поставить этот вопрос. Я чувствовал бы себя спокойно, если бы знал, что реформа будет проводиться так, как она была задумана. Вы предлагаете ее в настоящее время в той форме, в какой она была?

Потемкин. Да.

Луначарский. Предлагается восстановить следующий пункт *(читает)*. Следует разделить этот пункт таким образом *(читает)*. Кто за восстановление этого пункта, прошу поднять руки. Кто против?— Большинство.

Познер. Я думаю, что нет необходимости даже с Вашей точки зрения этот вопрос пересматривать. Он решен определенно и в желательном для Вас смысле. Для первого класса желательный прием—смешать, а для старших классов просто открывается факультативно доступ.

Мицкевич. Мы—против этого порядка, потому что порядок постепенного поступления гораздо менее рационален, чем порядок смешения сразу. Появление отдельных лиц женского пола среди мальчиков, как отдельные исключения, внесет гораздо более любопытства, интереса, чем если все смешается сразу. Это будет обычным типом. Мы это сделали с начальной школой после революции и ничего, кроме хорошего, от этого не видали. Кроме того, москвичи равно привыкли к этой мысли. Тут много гимназий обоего пола, и московские родители к этому вполне привыкли. И теперь мы могли бы пойти навстречу такому пожеланию московских родителей в полной мере. Мы стояли бы за то, чтобы было смешение, и мы его проведем.

Луначарский. Что касается просьбы московских родителей, то я сегодня имел делегацию от московских родителей и частных и правительственных школ, которая умоляла, чтобы им была оказана защита от этой меры немедленного соединения. Я на это, конечно, не опираюсь, но все-таки такого рода заявление было сделано. Что касается Петрограда, то там было несколько больших собраний родителей и учителей, на которых было решено просить не делать этого. Если бы тов. Мицкевич произвел плебисцит, он убедился бы в этом. Такие гимназии уже имели место, начиная с младших классов, но это будет рядом естественных самопроизвольных желаний. Если к этому стремится общественное мнение, то произойдет естественное смешение. Но главный центр тяжести — в том, чтобы делать обязательным это смешение с младших классов.

Обух. Мы в отдельных школах уже производили опыты, и не было никакого хаоса. Ничего, кроме хорошего, мы в результате не получили. Мне случилось быть в школе, где несколько классов было перегруппировано, а несколько классов не было. И кончилось тем, что дети стали просить, чтобы всюду было совместное обучение. Родители вначале были против этого, но мы предложили им походить посмотреть, и, в конце концов, они успокоились и к совместному обучению отнеслись очень хорошо. Мы заметили вообще, что в тех школах, где было совместное обучение, дело шло гораздо лучше. Это—такая аксиома, что думать здесь что-нибудь о саботаже учащих совершенно невозможно. Они тогда оскандалятся в педагогическом отношении.

Луначарский. Чтобы хорошие результаты такого рода смешения были аксиомой,—в этом я сомневаюсь. Это—тонкий педагогический вопрос.

Л. Р. Менжинская. Мы в Петрограде имели большое собрание для обсуждения этого вопроса, и там среди родителей и учителей совершенно не было заметно направления в ту сторону, чтобы совместное обучение было осуществлено немедленно, и то, на что они шли с большим трудом,— это только на постепенное осуществление этой реформы. Я указывала на собрании редакционной комиссии, что мы совершенно разрываем тот коллектив детей, который образовался этим рассечением на две части, чтобы предложить поместить в освободившиеся места пополам мальчиков и девочек. Мы самопроизвольно, таким образом, разрушаем ту связь, которая в этом коллективе образовалась. Если мы вводим это положение, мы неправильно толкуем декрет о совместном обучении, который был утвержден Государственной Комиссией. Тогда тоже делалось предложение механического соединения и было отвергнуто. Мы прямо неправомочны это сделать.

Луначарский. Нет, мы правомочны, но тогда придется не добавлять, а изменить соответствующий пункт, который был прочитан, и, вместо ссылки на определенное распоряжение Народного Комиссариата Просвещения, восстановить план, который, может быть, Московский Отдел внесет в определенном виде.

Мицкевич. Здесь было сказано *(читает)*.

Луначарский. Для меня такая редакция нисколько неприемлема. Что значит: «Неукоснительно проводить план»? Слово «неукоснительно» никаких прав не дает. В данном случае требовалось бы, если бы Московский Отдел хотел этот план осуществить, чтобы постановление Комиссариата было Государственной Комиссией отменено; она имеет на это право. Надо сказать: «В школе первой и второй ступени вводится совместное обучение», как того требует Московский Отдел, т.-е. вводится приблизительно 50% учащихся другого пола.

Мицкевич. Да, в таком духе.

Луначарский. Значит в пункт 5-й внести *(читает)*: «...для чего смешиваются учащиеся составных учебных заведений разных полов в равной пропорции». Кто за это предложение Московского Отдела? Кто против?—8. Предложение отклоняется.

Потемкин. Здесь нет еще одного пункта, который утвердил Съезд: относительно перехода всех учебных заведений в ведение Народного Комиссариата Просвещения. Это умолчание создает тяжелое положение для Московского Отдела. Сегодня мне пришлось познакомиться с тем перечнем учебных заведений Комиссариата Торговли и Промышленности, которые нам уступаются. Ни одного сколько-нибудь солидного коммерческого училища в Москве. Нам дается 10—15 самых ничтожных учебных заведений, чтобы от нас отвязаться. Я полагаю, что такая политика будет продолжаться дальше, если не будет точно указано в Положении о необходимости перевода всех учебных заведений в ведение Народного Комиссариата Просвещения.

Луначарский. Я думаю, что тов. Потемкин здесь глубоко прав. Этот саботаж со стороны Комиссариата Торговли и Промышленности продолжается неукоснительно. Было бы очень недурно, если бы к этому параграфу о мерах к проведению плана преобразования школ в жизнь было прибавлено, что все учебные заведения передаются в ведение местного Отдела. Мы имели совещание по высшей школе, и это совещание признало правильной эту передачу при выполнении известных условий, которые мы сами предлагаем. Что же касается средней школы, мы должны встречать настоящий саботаж.

Л. Р. Менжинская. Этот пункт надо внести в начале Положения, как примечание к статье 1-й.

Луначарский. Никто не возражает? Согласны все. Итак, это ставится как примечание к статье 1-ой. Редакция такова: «Все учебные заведения какого бы то ни было ведомства, согласно декрета, с начала учебного года переходят в ведение Народного Комиссариата по Просвещению».

Мицкевич. Позвольте огласить заявление Московскаго Отдела *(читает)*:

«По вопросу о перерывах в школьной работе Отдел считает необходимым заявить, что московская редакция единодушно признана Съездом по Народному Просвещению, и целесообразность такого порядка уже проверена на московском опыте. Поэтому непринятие московской редакции не только будет свидетельством разногласия между Народным Комиссариатом по Просвещению и представителями с мест, но и внесет дезорганизацию в налаживающуюся уже работу ряда Отделов по народному образованию, в том числе и Московского. Внесение же поправки, в случае принятия петроградской редакции, что местным Отделам предоставляется устанавливать непрерывность работы (в смысле московского проекта), внесет неравномерность в работу учительства разных местностей».

Луначарский. Объявляю заседание Государственной Комиссии по Просвещению закрытым.

Седьмое заседание от 21 сентября 1918 г.

Присутствовали: М. Н. Покровский, Альтер, Познер, Ульянова, Артемьев, Клинин, Ленгник, Бонч-Бруевич, Коновалова, Лебедев-Полянский, Каменева, В. В. Покровский, Цырлина, Енукидзе, Кривцов, Квасников, Ган, Кашинцев, Балкашина, Вольберг, Кечекезян, Коршаков, Максимов, Рейснер, Скаткин, Удовиченко, Рождественская.

Заседание открывается под председательством заместителя народного комиссара по просвещению—*М. Н. Покровского.*

М. Н. Покровский. Объявляю заседание открытым. Первым пунктом порядка дня у нас стоит вопрос о высшей школе, вторым—вопрос о национальной школе. В связи с вопросом о высшей школе придется решить вопрос о Высших женских курсах в Москве. Итак, первый вопрос о высшей вколе.

Рейснер. Вопрос о реформе высшей школы назрел сам собой в силу целого ряда настоятельных причин. Останавливаться на этих причинах я считаю излишним, до такой степени они очевидны для всех. Чтобы приступить к этой реформе высшей школы, Коллегия Отдела высшей школы и Комиссариат избрали путь не исключительно реформирования сверху, и не реформирования сверху вообще, а путь известного добровольного соглашения с представителями высших учебных и ученых учреждений в надежде, что, так как Комиссариат никаких других целей в реформе высшей школы, кроме интересов науки и просвещения, не ставил, то те элементы из числа современной профессуры, которым дороги эта наука и просвещение, отзовутся на его проект и пойдут навстречу предположениям Комиссариата. Для этого были созваны два совещания. Первое совещание деятелей высшей школы было созвано в июне, и собрание это было довольно многочисленно. Это совещание, к которому профессура и ученая публика еще не успела соответственным образом подготовиться, произвело довольно благоприятное впечатление. На ряду с лицами, которые прямо изуверствовали на нем и устраивали бурную демонстрацию в целях отстаивания школы от всяких покушений на нее со стороны «варваров», «дикарей» и т. д., какими являются, по их мнению, представители советской власти, выдвинулись некоторые элементы, особенно из числа довольно выдающихся ученых, которые приветствовали комиссариатский проект и совершенно откровенно и прямо признали, что в этом проекте воплощены все самые лучшие и высшие мечтания и стремления, о которых когда бы то ни было могла думать высшая школа, и что в этом отношении проект Комиссариата является как бы завершением всего, к чему стремилась высшая школа во все время своего существования. Но это все же не помешало другой группе, объединившей академических преподавателей и создавшей академическую группу, выступить в особом совещании, где по большинству голосов были вынесены иные решения. Но, в конце концов, и от этого совещания удалось добиться значительных уступок по отношению к проекту Комиссариата, и была образована особая комиссия. Эта комиссия, состоявшая из представителей студенчества, Комиссариата и академической группы, выработала два проекта университетского устава. Но, если вы вглядитесь в них, то увидите, что разница между ними не так велика, и скажу больше: по существу, насколько Комиссариат пошел навстречу косности и консерватизму профессоров, настолько и они пошли навстречу Комиссариату в его, с их точки зрения, разрушительных тенденциях, так что, в конце концов, работа комиссии была закончена взаимными приветствиями и благодарностями, и был констатирован факт налаживания какого-то делового контакта в общей объединенной работе. В результате эти проекты были предложены второму совещанию; но оно создалось несколько иначе, чем первое: здесь правые элементы имели возможность подготовиться. Оба проекта были разосланы на места. Там пошла агитация, всевозможная работа в этом направлении, и косные, правые, реакционные элементы на местах почти во всех учебных заведениях, за некоторыми только исключениями, решительно победили. Были забаллотированы все более левые, склонные к принятию проекта, к принятию реформы, и ко второму совещанию был уже подготовлен особый подбор, который и проваливал на каждом заседании все важнейшие принципиальные пункты и решения комиссии, принятые академической группой. Таким образом, здесь, на втором совещании, пришлось встретиться с бойкотом правых профессоров. В этом отношении исключение представляла профессура высших технических учебных заведений, которая после первого совещания перешла на деловую почву, под влиянием известной части студенчества, и на втором совещании осталась на стороне проекта Комиссариата. Таким образом, насколько Комиссариат вышел победителем на первом совещании и в комиссии, настолько он потерпел некоторое поражение на втором совещании. После этого второго совещания комиссии выбирать не приходилось: реформа была бы похерена.

Вторым совещанием был принят целый ряд резолюций. С мест было дано более сорока отзывов, и с формальной стороны работа была сделана как бы настоящая, но на самом деле результаты ее были до крайности плачевны. Если говорить о положительных предначертаниях, то надо сказать, что они и были предложены Комиссариатом. Эти предположения были построены на следующих основаниях. В уставе, прежде всего, было предложено изменить коренным образом физиономию современных высших учебных заведений. Как известно, эти высшие учебные заведения выросли из классовых потребностей общества. Все эти мастерские, лаборатории были приспособлены для подготовки, преимущественно, различных профессионалов, техников, в которых нуждается буржуазное общество, и там все эти профессионалы и техники специализировались. Поэтому ученая деятельность отошла на второй, третий и даже десятый план. Главным, чем они занимались, была учебная деятельность, преподавательская. Главные силы и средства шли на это. Родилось, таким образом, засилие преподавателей и преподавателей, имеющих определенную цель—подготовку для буржуазного общества юристов, педагогов, инженеров, медиков и пр.,—одним словом, людей, в которых это общество нуждается. Само собой разумеется, университет старого типа, благодаря ремесленным, профессиональным задачам, совершенно потерял единство научной работы и разбился на отдельные университеты, как на отрезанные друг от друга школы профессионального характера, и между ними не осталось ничего общего. Университет также меньше всего мог думать о просветительной работе, о том, чтобы итти навстречу пролетарским массам, популяризировать науку и т. д. Когда мы предложили положить в основу университета эти три цели, которые не отвергались даже нынешними профессорами, ученой и учебной деятельности, когда мы предложили создать три ассоциации,— одну ученую, в которой специалисты могли бы заниматься наукой, пользуясь для этого всеми нужными средствами и возможным досугом,—когда мы предложили в каждом университете создать маленькиеа кадемии, которые как раз заполнили бы ту потребность в ученой деятельности, в ученом творчестве, которая особенно присуща пролетарской республике, мы встретили решительную оппозицию. Оказалось, что господам профессорам и нынешнему преподавательскому составу не нужны эти ассоциации. Они мотивировали этот отказ самым разнообразным образом, и от такого громадного по существу подарка университету они отказывались всеми возможными средствами и говорили: «Если вы устроите ученую ассоциацию, туда уйдут лучшие люди из учебной ассоциации, и в ней останутся только люди, ничего общего с наукой не имеющие». На втором совещании я им заявил, что ведь это—*testimonium paupertatis*, вы характеризуете свой состав печально. Но это не действовало и не мешало ничему. Они отбивались и руками и ногами от научной ассоциации и, если были уступки отдельных ученых, если ассоциация еще прошла в комиссии в комиссариатском проекте, то на втором совещании научная ассоциация была зарезана совершенно. О ней не желали и разговаривать. Говорили: «Если вы насильно навяжете, тогда другое дело, но сами мы не желаем. Мы желаем заниматься науками». Вот, в сущности, к чему люди пришли. Относительно просветительной ассоциации надо сказать, что просветительная ассоциация была вначале принята, как организация при каждом университете. И академическая группа проектировала устроить такого рода просветительную ассоциацию. Но на втором совещании и она была зарезана. Говорили: «Как мы были факультетами, так и останемся,—никаких новых ассоциаций и организаций мы не желаем». В этом отношении современная профессура осталась стоять на точке зрения старого уклада, старого порядка, к которому она привыкла, не желая считаться с новыми задачами и потребностями. Хотя и отчаянное, но все же меньшее сопротивление встретило наше предположение о том, чтобы профессорский состав обновился. На совещании были приведены печальные факты, которые показали, что наши профессора после двух диссертаций усаживаются на кафедры и затем читают из года в год один и тот же курс, совершенно не считаясь с новейшими данными науки, с новейшими требованиями жизни и т. д. Мы предложили поэтому, чтобы профессорские должности были срочными—лет на пять, на шесть, и после этого времени производились перевыборы. За эти пять-шесть лет профессора представят плоды научного творчества. Здесь мы встретились с чрезвычайным сопротивлением. Сопротивление это, в конце концов, свелось к тому, что в этом отношении могут быть сделаны с нашей стороны уступки в смысле увели-

чения срока, т.-е. может быть принят срок не менее 10—15 лет. Затем не меньше возражений встретил проект Комиссариата—устранить все формальные ученые степени, которые держали в стороне от университета наиболее выдающихся русских ученых, не имевших обыкновенно права читать в университете, не имея ученых степеней. Все это было признано правильным, но на ученых степенях они все-таки настаивали. Вопрос о конкурсе тоже был встречен оппозицией. В области устройства организации факультетов, где мы потребовали коллегиальных учреждений, тоже встретилось сопротивление: желали сохранить единоличные должности деканов, директоров и проч. Еле-еле согласились, чтобы звание декана носил председатель соответственной коллегии. Еще более было недовольства по поводу того, что мы решили ввести в состав факультетских коллегий всех академических граждан, начиная со студентов, не менее профессоров заинтересованных в нормальном течении академической жизни; но так как студенчество решительно стало на эту сторону, им пришлось сдаться, и они согласились на то, чтобы студенты участвовали в составе различных факультетских коллегий. Преобразования были предложены нами относительно самого устройства университета, именно по вопросу об устройстве хозяйственного комитета, куда мы ввели представителей от служащих, и который вообще мы организовали на представительных началах и проч. Но и здесь требовали, чтобы это оставалось в ведении профессоров. И когда выяснилось, что люди науки не могут быть вполне компетентными в хозяйственном деле, тем не менее они настаивали на том, что это есть академическое хозяйство, и поэтому оно должно быть в руках профессоров. Особенным сопротивлением было встречено наше предложение—все коллегии университета образовать на паритетных началах. Все профессора, преподаватели, студенты, служащие должны были входить сюда в равной части, и ни одна группа не должна была иметь преимущества. И здесь сопротивлялись жестоко: нам не было сделано уступок. Теперь о двух учреждениях: о совете старост, который признан официальным органом по студенческим делам, затем об особом учреждении—народном совете университета, который должен явиться совещательным органом и контролирующей инстанцией при университете и который раз в год выслушивает отчеты, делает замечания, высказывает пожелания и т. п. Состав этого народного совета под давлением отчаянной оппозиции пришлось изменить, но и он был отвергнут.

У нас сейчас положение очень тяжелое. Несмотря на то, что Луначарский неоднократно призывал к единению и стремился вызвать это единение и рассчитывал на деловую работу, перед нами в настоящее время следующая альтернатива: или проект Комиссариата в том виде, как он прошел в комиссии, где были сделаны самые большие возможные уступки академической группе, или остаться при старом порядке, как он на втором совещании совершенно определенно был поставлен в качестве pia desideria академической группой. Оба эти пути затруднительны. Первый затруднителен потому, что это может встретить оппозицию, образец которой мы уже видели. Такого рода демонстрация, какую мы видели на первом совещании, может перейти в саботаж, а затем придется ломать этот саботаж при помощи мер решительного характера. С другой стороны, мы не можем остаться при пожеланиях академической группы, раз эти пожелания сводятся к одному: «Оставьте нас в покое, нам не нужны ни советское государство, ни ваши пролетарские интересы, ни социальная революция». Вопрос этот серьезный и сложный. Придется здесь стать на линию для меня лично очень тяжелого и нежелательного компромисса, но компромисс этот будет диктоваться насущной необходимостью. В нем сильнейшей стороне, т.-е. советской власти и народным массам, казалось бы, возможно было получить больше, сделав минимальные уступки академической группе, но это вопрос необычайно сложный. И к сегодняшнему заседанию Коллегия Отдела высшей школы еще не может представить того окончательного проекта реформы университета, который желательно было бы провести до начала учебных занятий в законодательном порядке через Совет Народных Комиссаров и через Центральный Исполнительный Комитет. И Коллегия остановилась в этом отношении на следующих мероприятиях: в виду того, что дело с общей реформой затягивается и тут нужно очень многое взвесить, решено некоторые основные важнейшие пункты провести путем отдельных прелиминарных декретов, которые, размягчив почву, имеющуюся в настоящее время, произвели бы передвижку в самом составе университета и которые также являются необходимыми, в каком бы виде ни были приняты положение и проект, как чисто переходные меры. Эти переходные меры редко нужно будет применять, если будет принято положение об университете в том

или ином виде. И сейчас путем особого декрета прежде всего решено произвести соответственные перемены в составе профессуры, в частности,—разбить кастовое ее разделение на отдельные привилегированные группы и фракции и, известным образом, всю эту профессорскую среду подготовить к данной реформе. В этом отношении я позволю себе доложить и тот проект декрета, который намечен был в Коллегии Отдела высшей школы.

М. Н. Покровский. Я должен сделать некоторые дополнения к докладу. Я, с своей стороны, не считаю наш общий проект университетского устава снятым с очереди на основании того, что делалось на совещании деятелей высшей школы. Мы выслушали мнение этого совещания, а затем, мне кажется, мы можем вести дело так, как мы хотим. И было бы странно скрывать от Государственной Комиссии тот проект, который мы внесли в совещание. Если бы мы признали его несостоятельным, это имело бы смысл, и возражения деятелей высшей школы на совещании были бы разумны. Но ничего подобного не случилось, и Комиссариат и Коллегия Отдела высшей школы исполнили свои обещания. Этот материал имеется в руках у всех членов Комиссии.

Предлагаемый проект обсуждался не статья за статьей, ибо обсуждать таким образом в собрании, состоящем из 30—40 человек, заседающих редко, не представляется возможности, но он обсуждался по общим принципам, хотя и надо сказать, что такое обсуждение тоже было в Государственной Комиссии, ибо проект носит законченный, действительно выработанный характер. Принципы проекта были изложены мной на первом совещании по реформе высшей школы, затем соответствующие тезисы, в иной формулировке, были мною повторены в моем докладе на Первом Всероссийском Съезде по Просвещению, где они и были единогласно приняты, так что имеется действительно обоснованный материал.

Этих тезисов, к сожалению, у меня сейчас нет под рукой, но я легко могу их воспроизвести. Отчасти эти основные положения воплощены в декрете. Тезисов Съезда я не помню, но, если они у меня имеются, я могу их огласить. Позвольте огласить как тезисы, доложенные на первом совещании по высшей школе, так и на Первом Съезде по Просвещению. Тезисы к реформе высшей школы были следующие.

1. Бесплатность обучения.

2. Уничтожение дипломов как для поступления в университет, так и при окончании университета.

3. Уничтожение ученых степеней, как условия для занятия кафедры.

4. Обязательный, открытый для всех конкурс при замещении кафедр.

5. Выборность профессуры на краткий срок (не более 5-ти лет).

6. Обязательное участие учащихся в управлении университетом.

7. Коллегиальность управления университетом и всеми его учреждениями.

8. Обязательное участие университетов в распространении образования среди широких народных масс.

9. Создание факультета общественных наук, ставящего себе задачей распространение и разработку идей научного социализма и приложение материалистического метода во всех областях обществоведения.

10. Преобразование учебных планов других факультетов, в особенности,—юридического и историко-филологического, в направлении согласования этих планов с общими началами Единой Трудовой Школы, новыми требованиями народного хозяйства и теми переменами, какие произошли в политической организации страны.

11. Широкий обмен учеными и учебными силами между университетскими объединениями.

12. Автономия преобразованного на изложенных основаниях университета и отдельных его частей в деле дальнейшей организации учено-учебной части».

Из этих тезисов десятый тезис—преобразование учебного плана различных факультетов—не обсуждался вовсе ни на первом совещании, ни на втором. Девятый тезис: «Создание факультета...» *(читает)* отлился в несколько убогую форму. На первом совещании была принята резолюция, гласящая, что все университеты обязуются создать кафедру для изучения социализма. Кажется, резолюция была принята в такой форме. Это совершенно не то, что здесь говорится, но, кроме этой резолюции, об этом разговора не было. 9-й и 10-й тезис отпадают. Я должен сказать, что к числу этих вопросов относится и вопрос о народном совете в университете. Товарищ Рейснер был несколько неточен, говоря, что этот проект был отвергнут совещанием. Эта неточность объясняется тем, что тов. Рейснер не был на последнем совещании. Там, по нашему обоюдному соглашению, этот вопрос не обсуждался отчасти потому, что было ясно, что обсуждение его не приведет ни к чему, но формально это не было отвергнуто, при чем, повторяю, это было по обоюдному соглашению. Такой поря-

док был предложен мною и принят профессором Зерновым, к которому присоединилось и все собрание. Вот какова была судьба этих 12 тезисов, из которых фактически остается десять. Тезисы, предложенные мною Всероссийскому Съезду по Просвещению, несколько детальнее, так как нужно было познакомить Съезд и с отношением Комиссариата к этой реформе, уже ясной из моего доклада *(читает)*.

«1. Исключительно тяжелое положение Советской России налагает на всех ее граждан обязанность довести до максимума напряжение всех своих сил в борьбе с экономической разрухой и контр-революцией; эта обязанность ложится, между прочим, и на учащих и на учащихся школ всех ступеней, в особенности же на учащих и учащихся высшей школы.

2. Высшая школа, как общая (университеты), так и специальная (технические школы всех типов), должна быть организована таким образом, чтобы ее научная работа достигала максимальной продуктивности и чтобы она в возможно краткий срок смогла выпустить возможно большее число высоко квалифицированных работников.

3. Поперек дороги к достижению обеих указанных целей стоят недостатки, унаследованные высшей русской школой от предшествующей стадии ее развития, когда она была одним из орудий царского режима. Главными из этих недостатков являются:

а) бюрократизм высшей школы—бесчисленные формальности, которыми окутано как вступление в эту школу учащихся, так и достижение кафедры высшей школы учащим; в связи с этим:

б) олигархический характер управления этой школой, отдающей науку в распоряжение кучки специалистов, которые сами себя проверяют, сами определяют свои достоинства и способности и сами назначают друг друга на кафедры, по мере возможности, не допуская к ним свежих научных сил;

в) классовый характер студенчества, рекрутирующегося, благодаря обязательному требованию диплома средней школы, конкурсным экзаменам, плате за учение, малому количеству слишком скудных притом стипендий и т. д., почти исключительно из рядов зажиточного мещанства;

г) как результат всего этого, всегда низкая и, по мере приближения к нашему времени, все понижающаяся научная производительность русской высшей школы, всегда низкий и все понижающийся уровень подготовленности выпускаемых этой школой работников.

4. В связи с вышеизложенным реформа высшей школы Советской России должна быть построена на следующих принципах:

а) устранение всякой бюрократической формалистики при допущении в эту школу учащихся, как-то: отмена требований дипломов, упразднение конкурсных экзаменов, платы за учение и т. п.;

б) устранение тех же формальностей при замещении кафедр, что достигается отменой преподавательской иерархии (разделение учащих на ординарных и экстраординарных профессоров, доцентов, приват-доцентов и т. д.), упразднением ученых степеней, кооптацией преподавателей факультетами и т. п. и распределением кафедр на основе всероссийского конкурса, открытого для всех желающих с возможно частым, притом, обновлением состава профессуры, путем избрания преподавателей высшей школы на возможно краткие сроки не более 5—7 лет;

в) возложение на высшую школу специальной научной повинности, путем образования в этой школе особой ученой ассоциации, что давало бы возможность, с одной стороны, сосредоточить на научной работе те элементы как учащей, так и учащейся массы, которые обнаружили бы наибольшую способность и охоту к научному творчеству, с другой,—иметь постоянно на учете научную работу высшей школы и планомерно направлять ее в интересах всей страны;

г) возложение на ту же школу специальной обязанности популяризировать науку в народных массах путем создания при университетах и других высших школах особой просветительной ассоциации, ставящей себе задачей приобщить к научной работе широчайшие круги трудящихся.

5) Преобразование высшей школы на указанных принципах встречает упорное противодействие со стороны профессуры, желающей сохранить дарованные ей царским и буржуазным режимом привилегии и не перестающей надеяться на скорое восстановление павшего строя. Попытки воздействовать на профессуру путем убеждения до сих пор приводили лишь к чисто словесным с ее стороны уступкам, которые брались назад при первом успехе контр-революции».

Я должен сказать, что в дальнейшем произошли некоторые перемены, и о них необходимо осведомить Государственную Комиссию, чтобы она имела в руках все данные для решения этого, я сказал бы, очень деликатного и очень важного вопроса. Дело в том, что, действительно, на первом заседании второго совещания по реформе высшей школы дело имело характер саботажный. Была проявлена систематическая оппозиция правительственным проектам и явное желание их провалить и сделать осуществление их морально невозможным, так как совершенно ясно, что если подавляющее большинство собранного совещания, в котором участвовали не только профессора, но и студенты высшей школы, выскажется против наших проектов, то нам крайне трудно будет их осуществить, не вызвав такого впечатления, что мы навязываем высшей школе нечто такое, что специалистам этого дела представляется неприемлемым. Но это впечатление сгладилось в дальнейшие дни совещания, особенно, когда ушли представители университета и остались представители высшей технической школы. Тогда выяснилось, что разногласия между профессурой и Комиссариатом вовсе не так глубоки. Эта возможность легче столковаться с профессурой высшей технической школы оправдалась и потом в разных совещаниях, которые мы имели. Когда мы встретились лицом к лицу с профессорами технических учебных заведений, оказалось, что с ними можно столковаться, и мы друг друга понимаем, а когда налицо оказывались историки или юристы, выяснялось, что никакого общего языка у нас с ними не было и никакой общей платформы не оказалось. Это характерное различие объясняется, по-моему, всей историей высшей школы, где технические учебные заведения являются самыми молодыми и наиболее тесно связанными с современными способами производства типами, тогда как университеты и, особенно, юридический и историко-филологический факультеты, унаследованные от средних веков, представляют архаический тип высшего образования, и таким ископаемым все новое, конечно, кажется отвратительным и невозможным. Они отказываются понимать некоторые вещи, совершенно элементарные. Приведу такой пример из нашего последнего совещания. Когда обсуждался вопрос о том, что высшие учебные заведения могут быть лучше использованы с открытием их дверей перед широкими кругами, с отменой дипломов, и когда выяснилось, что это потребует от каждого преподавателя, даже при увеличении состава, восемнадцати часов недельной работы, университетская профессура пришла в ужас и стала говорить, что это конец высшей школы, а техники сказали: «Мы восемнадцать часов всегда работаем». Я спрашивал отдельных техников и старых профессоров технической школы: «Почему же вы можете, а ваши коллеги, историки и юристы, не могут?» Тут причина ясна. Одни читают деловые курсы и понимают, что работать нужно по восемнадцати часов, а университетские профессора привыкли читать в прохладку, не спеша, иметь большие каникулы и вакации. У них, оказывается, еле-еле хватает времени, чтобы приготовить иногда—в скобках скажу—компилятивный курс в две недели. Нам удалось столковаться с технической школой. Мы выяснили, что высшая техническая школа, где не требуется ученых степеней (там их нет), может развиваться, главным образом, при условии перехода этой высшей школы в ведение Народного Комиссариата Просвещения. Некоторые технические заведения переходят в Народный Комиссариат Просвещения из других ведомств. Тут в первое время нам приходилось преодолевать упорное сопротивление и со стороны профессуры технической школы, которая восставала против введения всей технической школы в ведомство Народного Комиссариата Просвещения. Но постепенно на совершенно непримиримой позиции осталось только ничтожное меньшинство, а большинство приняло резолюцию, которая гласила, что ведомственность абсолютно безразлична для высшей технической школы. Они указывали на то, что им чрезвычайно желательно быть сосредоточенными в одном ведомстве, и выражали только сомнение, что Народный Комиссариат Просвещения, о котором они, как наивно признавались, составили представление по старому министерству народного просвещения, окажется недостаточно чутким и понятливым к требованиям высшей технической школы, но как будто само это совещание рассеяло такого рода предубеждение и далее — подобных нот уже не слышалось. Так или иначе, в вопросе о том, в чьем ведении находиться высшей технической школе, мы столковались, и только ничтожное меньшинство осталось на непримиримой позиции относительно ведомственности нашей технической школы. Точно так же приемлемыми оказались для профессоров высшей технической школы наши требования о некоторых условиях приема в высшую техническую школу, которые воплотились в декрете Совета Народных Комиссаров от 6-го августа. Представители высшей технической школы признали, что диплом среднего учебного заведения совершенно не гарантирует тех сведений, которые должны иметь студенты высших технических учебных заведений. Что касается

конкурсных экзаменов, то у некоторых вырывались явные и прямо трогательные признания насчет того, до какой степени их обременяет этот несостоятельный способ проверки познаний поступающих в высшую школу,—таким образом, и от аттестатов и от конкурсных экзаменов они выразили готовность отказаться. Они заявили нам, что при достаточной емкости аудитории они не будут иметь ничего против того, чтобы всем был открыт доступ в высшие учебные заведения. Но ими был поставлен совершенно деловой вопрос относительно практических занятий, работ в лабораториях и мастерских и относительно того, сможет ли всякий с улицы туда приходить заниматься. Тут представители Комиссариата должны были признать, что этого не должно быть. Очевидно, в этом случае нужен известный переход, и вот этот переход и был спроектирован обеими сторонами в форме образования подготовительных курсов как в стенах высших технических учебных заведений, так и вне этих стен, при других учреждениях и т. д., таких подготовительных курсов, которые давали бы не общее образование, хотя сейчас Отдел внешкольного образования сильно подчеркивает необходимость и такого общего образования для слушателей этих подготовительных курсов, но, главным образом, они должны давать те навыки и приемы и те элементарные практические сведения, которые являются абсолютно необходимыми для работы в высшей специальной школе. К высшей специальной школе мы причисляем не только технические учебные заведения, но и медицинские факультеты. Там необходимо, напр., черчение, рисование, элементы высшей математики, физика, а также опытное умение обращаться с физическими и химическими приборами, химия с экспериментальной практикой и т. п. Вот, приблизительно, куда должна направляться эта подготовка,—и в этом кругу может производиться проверка знаний не у тех, кто приходит в аудиторию высшей школы, но у тех, кто начинает в ней работать, занимает определенное место за столом в лаборатории,—за столом семинария. Здесь должны быть другие навыки, а именно, осведомленность, хотя бы элементарная, в данной науке. Подобное требование представители Комиссариата должны были признать вполне правильным и дать на него определенный ответ, и он дается в форме создания сети подготовительных курсов разных ступеней—одной для менее подготовленных, другой—для более подготовленных, но цель одна—дать высшей школе в течение одного, двух, трех лет пролетарских студентов и открыть двери высшей школы перед пролетариатом, не юридически только (они открыты юридически декретом 6 августа), а фактически, чтобы рабочий мог действительно пользоваться высшей школой. Вот практические выводы, к которым мы пришли в результате наших совещаний по реформе высшей школы. Комиссариат считает, что он в этом пункте одержал крупную победу, ибо главная цель его заключалась в том, чтобы открыть двери высшей школы перед рабочим классом. Все остальное—второстепенно. Устав в целом, впрочем, преследовал, помимо этой, и другие цели, а именно: усовершенствование университета вообще и, как видно из тезисов, которые я здесь прочел, максимальное увеличение его, не учебной только, но и ученой производительности. Что касается учебной производительности, то мы были убеждены, что, раз пролетарское студенчество войдет в университет в качестве хозяина (это кардинальный пункт, потому что мы ему даем голос в решении университетских дел), то, поскольку оно войдет туда, оно заставит наших профессоров работать так, как это нужно. Это знает всякий лектор рабочей аудитории. Он знает, как подтягивает эта аудитория. Это я должен сказать по опыту не только о пролетарской, но и о всякой демократической аудитории. Меня самого приучила работать демократическая публика. Пролетарский студент, это—не тот студент, который числился у нас в университете и больше всего интересовался синим воротником, николаевской шинелью и т. д. Учебная производительность университета разовьется при этих обстоятельствах сама собой. Что же касается ученой производительности, то надо отдать справедливость нашим профессорам, что они сами себе испортили дело. Если бы они пошли на наше предложение создать ученые ассоциации, то они явились бы до известной степени монополистами науки. Нам пришлось бы все средства ассигновать через посредство этих ассоциаций, и я не знаю, было бы это плюсом или минусом для Советской Республики. Теперь мы будем организовывать эти ученые ассоциации вне академической корпорации, вне этой автономной Бастилии, которая от наших ударов забронирована своей автономией. Мы будем организовывать науку в вольных научных ассоциациях, которые будут создаваться профессорами университета по их почину, и, таким образом, опять будем иметь дело с ними. Подобный порядок оправдается быстрее, чем можно думать. Сейчас мы получили проект организации исторического института вне университета, проект географического института вне университета, затем имеется проект статистического, библиографического института и т. д. Специалисты не могут работать, не будучи организованными, а при современных условиях неоткуда достать денег для организаций, кроме советской казны. Дело поставлено так, что хозяевами науки остались мы, и, по-моему, тут беды нет. То же самое—относительно просветительных ассоциаций. Мы в нашем проекте устава заботились о том, чтобы сделать университет максимально производительным во всей стране, и предложили им эту задачу, но они отнеслись к ней холодно и говорили: «Пусть они будут прежде культурны». Прекрасно, все будет в руках пролетарского университета, но тогда он возьмет лучшие преподавательские силы из старого университета и высшей технической школы. И они продолжают в этом направлении свое упрямое поведение и выталкивают из своей среды более живые элементы. Но эти живые элементы будут читать у нас; они шли на это охотно и раньше. Что касается естественников, физиков, математиков, мы эти силы используем, но при помощи наших пролетарских и советских организаций. В конце концов, нет решительно никакой беды для советской власти и для будущего советского просвещения от подобного сопротивления. Я вижу эту беду только для них самих. Они сами ухитрились сделать так, что университет становится только высшей школой, не больше; его просветительные и ученые функции, его задания, как распространителя широкого образования среди масс, ослаблены. Это—их дело. Пусть они будут слабы, это нас совершенно не касается, и мы этим не огорчены. Таким образом, я не думаю, чтобы наше совещание по высшей школе дало такие минусы, которые, как будто, вытекали для тов. Рейснера. Совещание это дало большой плюс. Он заключается в том, что мы столковались с той разновидностью высшей школы, которая является для нас наиболее существенной, т.-е. с технической высшей школой. Поднятие уровня технического образования масс является самой жгучей и настоятельной задачей, и здесь у нас оказываются развязанными руки для новых форм организационного творчества в области как самого научного дальнейшего развития самой науки, так и распространения этой науки среди широких масс. Вот почему я склонен смотреть на положение более оптимистически, чем предыдущий оратор. Я присоединяюсь к речи тов. Рейснера постольку, поскольку она дает характеристику поведения профессоров на первом и втором совещании, в этом отношении краски сгущены не были. Но я не вижу, чтобы Народный Комиссариат Просвещения проиграл. В настоящий момент я предложил бы высказаться относительно тех общих принципов, которые заключаются в розданном всем на руки проекте устава и которые в сгущенном виде имеются в двух сериях тезисов, мною прочитанных. После такого обмена мнений, может быть, Комиссия придет к общим результатам и на основании их предоставит полномочия Коллегии Комиссариата выработать те или другие частные мероприятия. Дело в том, что мы пришли к убеждению в непрактичности проводить сейчас проект университетского устава, который был внесен, потому что обсуждение его взяло бы у наших высших законодательных учреждений, у Совета Народных Комиссаров и у Центрального Исполнительного Комитета, слишком много времени и затормозило бы реформу. Поэтому мы предпочли бы выделить в ряде мелких и отчетливых декретов основные положения предложенного устава и провести их в ускоренном порядке через оба указанные учреждения. В этом направлении Коллегия Комиссариата и просила бы особых полномочий у Государственной Комиссии, при чем в основу предлагаемых декретов должны лечь решения, принятые Государственной Комиссией.

Слово представляется т. Кривцову.

Кривцов. Я хотел бы сказать несколько слов о духе университетской реформы и о ряде неотложных мероприятий, которые выдвигаются на первую очередь, в частности у нас, в Московском университете.

Дело в том, что как раз у нас, в университетском кругу, очевидно, создается впечатление, что людей желают взять измором, и создается то пессимистическое настроение, о котором говорил Михаил Андреевич, именно в силу того, что никто не уступает. Мне приходилось говорить с некоторыми преподавателями Высших женских курсов, и они говорят определенно: «Нужно выждать недели две-три и—больше ничего: улита едет, когда-то будет».

Самый устав среди нас не вызывает никаких сомнений и колебаний, но один вопрос меня просили поднять мои товарищи по приват-доцентуре и лабораторные: в этом уставе не указано ничего об институте приват-доцентуры. Не менее остро у нас, естественников, стоит вопрос о лаборантах и ассистентах. Я не могу здесь не указать на следующее: сейчас в Московском университете пустуют две кафедры—неорганической химии и экспери-

ментальной физики, в виду чего происходит нечто невозможное не только в советской России, но и вообще в каком угодно государстве. И такое положение надо как-нибудь, возможно путем проведения известного декрета, прекратить. Вот, в частности, вопрос о физиках. Большинству присутствующих, конечно, известно имя профессора А. А. Эйхенвальда. В виду невозможных отношений, которые создались из-за саботажа старого профессора А. П. Соколова, Эйхенвальд вынужден был уйти из университета. С того времени вопрос о замещении кафедры продолжает висеть в воздухе. И сейчас этому престарелому профессору удалось создать свою комиссию, в которую вошел профессор Жуковский, он и Каблуков. Между прочим, эта комиссия выдвигает ряд кандидатур магистров физики, которые никакой научной ценности не имеют. И так как до сих пор в смысле замещения кафедр они основываются на постановлении мануйловского декрета, то они и стараются скорей заместить кафедру. Как же произойдет обновление университета? Когда в прошлом году прошли увеличенные ставки профессуры, пришли многие живые мощи, которые заявили, что они отказываются от пенсии и желают быть профессорами, и для них теперь открываются великолепные возможности. Без определенной ломки университета нам, конечно, не обойтись. Весь вопрос в том, как ее произвести. Здесь, я думаю, могли бы быть конкретные предложения, которые мы и заслушали бы. Теперь—относительно вопроса о приеме в университет. Если декрет о правилах приема будет соблюдаться, мы будем благодарны. Опыт Московского Народного университета имени Шанявского показал, что туда идут люди без образовательного ценза, сознательно понимающие, что они там будут делать. В техническое училище поступило от лиц, не имеющих официальных дипломов, всего восемнадцать прошений. Я думаю, что опасаться наплыва со стороны улицы мы не можем. В 1906 году, когда открылся Московский университет после первой революции, стены его вмещали колоссальное количество публики, шедшей послушать Ключевского, Муромцева и других. Характерен состав этой аудитории. Это была интеллигенция, которая вообще очень любит посещать все лекции и митинги в Политехническом музее. Пролетарского элемента я там не видел. Но важно, чтобы не было никаких формальных ограничений при поступлении в университет или высшее техническое учебное заведение. Относительно высших технических учебных заведений это было бы особенно нужно. Я думаю, что товарищ рабочий, который прошел известные формы литья, более будет приспособлен к техническим работам и легче освоится с ними, чем, скажем, я. Я поступил на физико-математический факультет, и мне пришлось проходить практически и физику и химию. У меня был диплом среднего учебного заведения, но я перебил такую массу посуды, что ужас. У нас, в университете, не было весов, и мы на глаз делали реактивы. С точки зрения формального критерия, это—невозможно. Нам придется прибегнуть к следующему: раз рабочие будут поступать в высшую школу, то естественно, что прямо итти на лекции по интегральному исчислению или по аналитической геометрии они не будут. Они пойдут на другие лекции для первоначального ознакомления с этими науками. Никто не возражает против требования определенного коллоквиума, который не будет замаскированным конкурсным экзаменом. В университете для практических занятий всегда существовал коллоквиум. Относительно боязни неграмотности слушателей позвольте напомнить следующее: профессор Лебедев, довольно хорошо всем известный, отметил, что в начале лекций он приглашал молодых студентов, которые только начинали изучение физики после Краевича, в свой коллоквиум. Я скажу про себя: я пошел туда, но вначале ничего не понимал и спрашивал своих товарищей, сразу ли они стали понимать. Они говорили мне: «Вы не можете понять сразу, но, если вы захотите понять и напряжете ваше внимание и пойдете четыре, пять раз на наш коллоквиум, вы войдете в нашу науку и вам станет все понятно». Студент, прежде чем приступить к теоретическому изучению науки, должен пройти определенную практическую школу. Относительно же декрета от 6 августа я должен сказать, что, насколько мне приходилось говорить с профессорами университета, у них создалось определенное впечатление, может-быть, неправильное, что декрет о приеме в университет будет взят обратно.

М. Н. Покровский. Я не слыхал ничего подобного. Кто это сказал? Не знаю, каким образом могло явиться подобное предположение. Может быть, это объясняется тем, что вы имеете в виду университетских преподавателей,—и они не были на совещании с профессорами высшей школы.

Кривцов. Я думаю, что нам целиком принять университетский устав сейчас не придется, и, очевидно, надо предпринять ряд частичных мер, которые подготовили бы почву для проведения его в жизнь. Как обновить сейчас университет, каким образом,—я не знаю. Есть элементы, которые будут мешать основным этим задачам. Я приведу такой пример: сейчас основывается Туркестанский университет. Представители советской власти обратились в Москву с просьбой посодействовать его образованию. В нашем университете была основана особая комиссия, которая уже распределила между собой кафедры этого будущего университета, и был уже поднят вопрос, кого уполномочить на их занятие. Еле-еле удалось аннулировать такого рода начинание. Попали туда, между прочим, молодые люди, никогда не работавшие в Московском университете. Было еще более пикантное заявление. Комиссия также выработала устав, который местный Совдеп начинает уже принимать.

М. Н. Покровский. Какой Совдеп?

Кривцов. Туркестанский. И, оказывается, декан заявил, что мы выработали для Туркестанского Совдепа особый устав. Это — устав 1884 года, несколько приспособленный к современной жизни. Эти люди заявляют откровенно: «Мы в Туркестан, конечно, не поедем, но мы подписали контракт на два года с усиленным содержанием». И получается, напр., следующее: агрономическая химия слушаться раньше 3-го курса не может, но, оказывается, кафедры распределены уже между всеми этими лицами. Надо же нам регулировать дело университетского обновления. Тот же профессор Соколов является директором кооперативных курсов в Тамбове, и у него работает несколько физиков. Московские женские курсы тоже хотят иметь возможность частного заработка. Надо пресечь это. Когда на первом университетском совещании собрались наши молодые преподаватели и из 57 человек мы выбрали 48, я не хотел поднимать этот вопрос, но сейчас мы встречаем определенный саботаж. Записка от 14 июля для некоторых преподавателей попала в повестку, но до меня и лиц, стоящих на моей позиции, она не дошла. Здесь мы определенно сталкиваемся с нежеланием выносить вопрос за предел своей среды. Нужны героические меры. В этом отношении нужно выразить пожелание, чтобы на факультете был представитель Комиссариата. Лекции сейчас оттягиваются намеренно, и я полагаю, что Государственная Комиссия должна определенно выразить пожелание, чтобы этот саботаж, подлинный саботаж — непроведение декретов в жизнь — как можно скорее был пресечен. В ноябре месяце я считал несвоевременным назначение комиссаров, но сейчас я нахожу, что это нужно. То же и относительно Высших женских курсов, где, напр., курсисткам юрьевских курсов отказали в приеме потому, что план этих курсов не совпадает с их планом.

М. Н. Покровский. Вопрос о Высших женских курсах стоит особо.

Тов. Кривцов. Я только хочу обратить внимание на это. Возьмите также нашу Социалистическую Академию общественных наук. Там прием без всяких поверочных испытаний. Мы только заранее предупреждаем, как в университете Шанявского, что требуются определенные знания, и разделяем слушателей на группы.

Я бы просил Комиссию прежде всего взять за непременные основы оглашенные здесь тезисы и провести ряд переходных мер, с помощью которых мы до некоторой степени подготовили бы почву. Если же даже и пройдет этот устав, то могут все-таки попасть заслуженные профессора, а они, как оказывается теперь, желают пройти. Вы знаете заслуженного профессора Сабанеева. Он пришел и говорит, что хочет читать...

М. Н. Покровский (прерывая оратора). Записались также и другие ораторы, поэтому нельзя ли говорить несколько короче и как-нибудь сократить Вашу речь.

Кривцов. Мое конкретное предложение: принять Ваши тезисы. Я бы лично думал также, что Комиссариат должен иметь в целях информации своих представителей в совете факультета и т. д. Потом по обсуждении устава в особой комиссии провести некоторые меры в декретивном порядке.

Рейснер. Я хотел только сделать несколько чисто практических замечаний. Дело в том, что когда мы предполагали ввести три ассоциации, то предполагалось, что и в научную ассоциацию мы проведем людей не через факультеты и не по выбору факультетов, следовательно, оставим эту научную ассоциацию не в их распоряжении, а проведем туда людей, которые до сих пор, может быть, оставались вне университета, но которые вместе с тем обладают высокой научной квалификацией. Таких примеров много, перечислять имена я не стану. Затем предполагалось, что в другой трети хозяином университета стали бы лектора просветительной ассоциации, т.-е. опять-таки не университетские преподаватели, а также люди, вошедшие в университет в среду университетских преподавателей из состава народных лекторов,—народные преподаватели и т. д. Таким образом, предполагалось, что если бы были проведены три ассоциации, то университет не только сам бы расширился и разбогател, но, провел

научную ассоциацию, с одной стороны, и просветительную ассоциацию—с другой, мы не удовлетворились бы введением только пролетарского элемента в число слушателей, но ввели бы совсем новый элемент свободных ученых и деятелей народных университетов в состав университетского совета. Таким образом, мы разбили бы сплоченную касту университетских профессоров, которая себя достаточно уже проявила и которая будет и впредь саботировать самым отчаянным образом. Они хотят только одного: никого нового в свою среду не вводить, оставить себе прежнюю власть, какой она была, остальное же их не касается. Вот почему я настаивал бы на проведении научной ассоциации и на образовании просветительной ассоциации в университете только при том условии, если образование состава той и другой ассоциации будет доверено не факультетам в нынешнем составе, а особому научному совету или особому ученому жюри или какому-нибудь другому учреждению, образованному при Народном Комиссариате по Просвещению, которое централизовало бы все конкурсы. Необходимо, чтобы на все вакантные кафедры, как в составе учебной ассоциации, так и в составе ученой и просветительной ассоциаций, только этот, я бы сказал, особый центральный орган при Народном Комиссариате по Просвещению проводил бы те или другие научные силы, и только при таком условии, конечно, мыслима вообще реформа университета.

Я должен сказать, что лично мое мнение, хотя оно имеет поддержку и в тех дебатах и в тех очень сложных и серьезных обсуждениях, которые шли в Коллегии Отдела высшей школы, сводится к тому, что если у нас не будет такого центрального аппарата по проведению конкурсов на все вакантные кафедры во всех установлениях университета, то нечего и начинать дело. В противном случае мы многого не достигнем, и все останется попрежнему, и гнезда,— я говорю это совершенно определенно,— контр-революции и саботажа останутся неприкосновенными. Опыт Социалистической Академии показал, что— увы!—на прилив пролетарских слушателей мы рассчитывать не можем. При существующих продовольственных условиях, условиях путей сообщения, условиях труда, нет возможности привлечь к себе эти пролетарские круги, раз вы будете в центре, отдаленном от них. Надо к ним ездить и читать лекции на фабриках, а здесь ничего не поделаешь. Если мы и откроем в университет самый широкий доступ, будет то, что случилось с Социалистической Академией. Мы в этом отношении констатируем с великим огорчением следующий факт: у нас громадное количество слушателей уже с высшим образованием, громадная масса остальных с законченным средним образованием, и только самое незначительное количество слушателей по своему цензу может приближаться к пролетарским группам. Таким образом, наше предложение, несмотря на то, что Академия находится при Ц. И. К., осталось без ответа. Пролетарские массы к нам не пошли, к нам пришла интеллигенция. Несомненно, и в университет пойдет интеллигенция более или менее дипломированная, более или менее подготовленная, и доверить эту интеллигенцию саботажникам и контр-революционерам, которые не стыдились и не стеснялись при существующих условиях на совещании вести речи, которые Михаил Николаевич охарактеризовал чрезвычайно ярко,— это значит отдать громадные народные средства людям, которые абсолютно не желают работать и которые, как верно отметил Степан Саввич, выжидают, что, может быть, через 1—2—3 месяца большевики провалятся, и они тогда примутся за свое старое ремесло. Реформа университета в этом отношении—дело неотложное, ибо новое Положение без перемены состава— ничто. Самое главное — ввести в университет такие элементы, которые бы нас поддерживали и не только со стороны слушателей, а и со стороны самого состава. Нужно, чтобы люди, которые близки к нам в этом отношении и которым близки и дороги народное просвещение и наука, могли войти в эту замурованную и закрытую для всех крепость, которую нужно как-нибудь разбить.

Мое предложение сводится к следующему. Я бы предложил Государственной Комиссии вынести такую резолюцию: приветствуя общую университетскую реформу, Комиссия выражает пожелание, чтобы сейчас же был принят ряд мер, при помощи которых возможно было бы обновить, расширить и дополнить нынешний преподавательский университетский состав силами, которые сейчас остаются за бортом университета. В частности, я должен сказать по поводу ученых институтов, которые сейчас весьма охотно учреждаются профессорами. Профессора охотно идут на то, чтобы остаться в университете, в старом неприкосновенном университете, и в то же время каждый профессор стремится учредить новый институт. Это значит, что он создает для себя маленькую крепость еще более крепкую, чем та, которая есть сейчас. Институты учреждаются иногда для вещей совершенно непостижимых, для

фотографии, а может быть, скоро будут и для кинематографии, для каких-то балетных изучений, для ритмической гимнастики по системе Далькроза, для каких-то эстетико-гимнастических целей и т. д. Конечно, Народный Комиссариат Просвещения отвергает эти предложения, но все же институты рождаются с быстротою грибов. На каждый институт требуются миллионы, и каждый из них учреждается для определенного профессора, все же они далеко не подлежат нашему контролю. В этом отношении я буду спорить с Михаилом Николаевичем, потому что к одному из таких институтов я был близок. Я был в составе преподавателей Психоневрологического института, где существовал целый ряд подобных институтов. Работа в этих институтах такова, что проконтролировать ее серьезно нет ни малейшей возможности. Если вы будете такому институту ставить отдельные малые практические задачи, то вы можете много от него потребовать, и работа будет исполняться. Но если этот институт будет существовать в том размере и на той высоте, как сейчас предполагается, то здесь будет необычайно трудно что-нибудь проверить. Выходит так, что человек для подготовки известной работы нуждается в пятилетнем сроке, и на эти пять лет ему нужны миллионы. Затем он будет разрабатывать предмет еще пять лет, и для этого опять нужны миллионы.

М. Н. Покровский. Очень просто: не дадим миллионов, и больше ничего.

Рейснер. Но если вы даете сейчас, то он начнет работу, а потом работа будет продолжаться, и затем ведь очень трудно, не будучи специалистом, входить в подобного рода обсуждение и что-нибудь предпринимать. Напротив, в ассоциации предполагался взаимный контроль, т. к. в нем окажутся заинтересованными сами саботажники. Я наблюдал в разных ученых и учебных учреждениях, где я занимал в свое время очень активные должности по администрации, что когда возникает вопрос о дележке, то Иванов заинтересован в том, чтобы уличить Петрова, чтобы он не получил денег для своих фантастических опытов, а с другой стороны, здесь же сидит Семенов, которому тоже нужны деньги, и столковаться им здесь всем в этом отношении гораздо легче, в особенности же, если будет дана известная общая сумма, поставлены известные пределы, и будет сказано: «Вот такая-то сумма будет отпущена на ассоциацию, — потрудитесь делиться». Они будут при таких условиях делиться и взаимно друг друга контролировать, а иначе вы их не проконтролируете никогда. Такие формы контроля бывают в действительности. Многие же институты, подобные тем, которые учреждаются сейчас, оказывались несостоятельными; из министерства их проконтролировать совершенно невозможно, и все эти бесчисленные институты вообще только лишняя крепость для саботажа. Это—мое личное мнение.

Резолюция моя—такого рода. Приветствуя все то, что говорил Михаил Николаевич,—в этом отношении с ним спорить не приходится: все сказанное им есть результат очень важного и серьезного опыта и серьезнейших оснований,—я бы предложил Государственной Комиссии вынести резолюцию, в которой было бы высказано пожелание возможно скорее принять меры к известным преобразованиям в самом университетском составе, в смысле его изменения и дополнения.

М. Н. Покровский. Хотя последняя речь Михаила Андреевича была возражением мне, но я позволю себе взять слово в самом конце.

Мицкевич. Я хочу сказать в том духе, в каком говорил свою последнюю речь проф. Рейснер. Сначала он говорил о поражении, которое потерпел Народный Комиссариат Просвещения, говорил о том, что нужно вступить на путь компромисса, но вторая его речь была противоположна первой. Я приветствую вторую его речь. Без обновления состава, мне кажется, дело не выйдет. В этом отношении нужно пойти по более решительному пути. В самом деле, возьмите историко-филологический и юридический факультеты. Чего нам бояться, что большинство профессоров этих факультетов уйдет? Мы слышали, что в университете Шанявского выдвигается старая программа, всякие «римские права» и т. д. Какие же программы могут выдвинуть университеты старого типа? Я думаю, что никакой беды нет в том, если все юристы и филологи уйдут в громадном большинстве и вместо этих двух факультетов образуется факультет общественных наук, который надо создавать заново. Относительно технических учебных заведений, а также естественных и медицинских факультетов бояться нечего, т. к. силы найдутся. Техники сами идут, как вы говорите. Что касается медиков, то преподаватели не слабей профессоров найдутся среди земских врачей, знающих дело лучше самих профессоров. Я думаю, что можно достигнуть чего-нибудь только при помощи обновления состава, и потому, по-моему, нет никаких оснований соглашаться на компромисс. Нужно решительное обновле-

ние. Это должно быть нашим принципом. Я предлагаю поступить так, как мы поступили уже с учителями. Я предлагаю уничтожить историко-филологический и юридический факультеты, создать общественный факультет, а профессоров провести через жюри.

Я хотел сказать еще относительно младших преподавателей. Состав преподавателей на медицинском факультете ниже всякой критики. Они подбирались из самых худших частей студенчества, поэтому обновление должно коснуться особенно—состава младших преподавателей.

Артемьев. Что касается настоящего положения дел в университете, то можно сказать, что мы имеем прямо трагическую картину, которая отчасти была уже здесь нарисована в речи тов. Кривцова, с одной стороны, и затем в речи товарища Рейснера. Если посмотреть на дело с исторической точки зрения, то создавшееся положение можно понять. Кассовское и другие господства, шварцовские реформы, которые он пытался провести, господство всяких военно-просветительных министров сделали то, что все лучшие силы или ушли из университета или остались в стороне, а все самые худшие профессора и преподаватели, все они были взлелеяны и культивировались по мере возможности. Эти-то так называемые кассовские ставленники и другие, подобные им, набрали младший преподавательский состав. Таким образом, большею частью, мы имеем очень плохой состав профессорский и довольно плохой—преподавательский. Но надо сказать, что в последнее время состав младших преподавателей, по сравнению с профессорским составом, стоит гораздо выше. В Московском университете, как я наводил справки, это обновление, хотя бы частичное, можно было бы провести в случае, если дать возможность младшему преподавательскому составу вступить действительно в университет в качестве его полноправных членов, при чем положение их ничем не должно отличаться от положения старшего преподавательского состава в худшую сторону, а, напротив, должно отличаться в сторону лучшую, т.-е. этот младший преподавательский состав должен занять первенствующее место. С такой целью при наших обсуждениях был выработан целый ряд положений (которые здесь имеются, и которые, может быть, потом Михаил Николаевич и огласит), где предусмотрен порядок, который ведет к тому, чтобы можно было бы теперь же избавиться от самой устаревшей части профессуры, которая действительно может быть признана только тормазящей дело преподавания и развития науки, и в то же время дать возможность более молодым силам проявить себя в научной и преподавательской деятельности. Я не думаю, чтобы весь младший преподавательский состав был настолько плох, как здесь говорили. Это, повидимому, не совсем так. На некоторых факультетах, напр., на медицинском, который я знаю меньше, может быть это и так. Там существуют особые условия подбора, и, вероятно, потому младший преподавательский состав действительно плох, но, в общем, про университеты и технические школы надо сказать, что в них есть такие старые элементы, которые тормазят и останавливают все дело. Они пользуются всеми способами для того, чтобы не отдать никакой частички своей власти, своего положения, которое они себе создали иногда даже подозрительным путем.

Первая задача, которая стоит перед Народным Комиссариатом Просвещения и перед Государственной Комиссией, это выработать такой способ, употребить такой прием, который мог бы сейчас же и сразу произвести эту внутреннюю университетскую революцию, революцию в высшей школе. Я считаю, что единственный путь, который произвел бы этот внутренний взрыв, это сейчас же дать все права младшим преподавателям и вполне сравнять их по положению во всех их функциях со старыми профессорами, сейчас являющимися хозяевами кафедр и положения. Для указанной цели необходимо уничтожить эти градации, уничтожить эти рамки, эти кастовые ячейки, которые имеются в данное время, с другой стороны, уничтожить второе зло университетской жизни — это единоличное заведывание учебно-вспомогательными учреждениями. Это—самое ужасное зло, которое только можно себе представить. В силу этого порядка человек, который сам ничего не желает делать, запирает двери к учебно-вспомогательным учреждениям, которые могут представлять крупнейшее научное богатство. Что касается Московского университета, то мне там известно несколько таких случаев. И теперь в данное время в нескольких учебных заведениях создалось такое положение: фактически целый ряд важных кабинетов естественного факультета заперт для научной работы. Заведующие этими кабинетами заперли шкафы и не позволяют ими пользоваться. Так как они хозяева этих учреждений, то они делают все, что им хочется и что им взбредет в голову: кого желают,—того пускают в кабинет, кого не желают, не пускают. Это явление наблюдается не только в настоящее время, оно наблюдалось и очень давно. Вероятно, многие помнят книгу теперешнего профессора Кольцова «Пасынки университета», где рассказана целая история того, что с ним проделал один из его учителей, который теперь находится с ним в прекрасных отношениях, при чем и сам Кольцов воспринял манеры своего учителя и проделывает то же самое, что было проделано с ним самим, с другими.

Нам нужно до проведения в жизнь этого нового университетского положения принять ряд мер, которые бы подготовили возможность наиболее продуктивного проведения его в жизнь, потому что, если бы теперь мы провели в жизнь это положение без предварительных мер, очень энергичных и решительных, то получилась бы, быть может, неожиданная картина: у нас был бы новый университет со старым уставом и со старыми профессорами. Это было бы нечто невероятное, при чем этот университет, как автономная школа, опять заперся бы, и профессора делали бы там, что они хотели. Наш проект является вводною частью к тому, чтобы провести новое положение, при чем мне кажется, что проведение в жизнь этого декрета нужно непременно осуществить в срочном порядке, не откладывая. Так как этот декрет представляет существенную важность, так как он ломает всю внутреннюю жизнь университета сразу, то мне кажется, что он должен подлежать обсуждению здесь, в Государственной Комиссии по Просвещению, и, очевидно, потом уже будет внесен в утверждение в Совет Народных Комиссаров.

Квасников. Прослушавши речь только что говорившего оратора, я буду краток. Независимо от того, что нужно обратить внимание на состав профессоров, который тормозит дело,—это ясно проявилось теперь, но это было и раньше (что всем известно)—следует сейчас же вынести такую резолюцию, которая дала бы возможность Государственной Коллегии по высшим учебным заведениям провести все эти положения как можно скорее, до начала учебного года, потому что только тогда, когда эти положения об университете будут декретированы, Народный Комиссариат Просвещения сможет принять те или другие меры, чтобы обновить преподавательский состав. Совершенно справедливо замечают некоторые, что саботажники выжидают неделю, другую, третью, думая, что там, может быть, события повернутся постарому. Так дело дальше оставаться не может. Сегодня указывали на то, что в одном из учреждений, куда ожидался наплыв слушателей из рабочей среды, попали большею частью молодые люди из интеллигентных семейств. Это не имеет особенно серьезного значения. Пожалуй, что и в университет и в другие учебные заведения и учреждения, которые возникнут в ближайшем будущем, попадут люди из той же среды. Это находится в зависимости от того, что просвещение у нас стояло так низко, что в рабочей среде мы не имели необходимого контингента, и потому я не считаю существенным замечание, которое мы здесь слышали. Важно поскорее вынести резолюцию, в которой было бы указано, что, соглашаясь с тезисами нашего председателя и принимая во внимание то положение, с которым мы могли бы все ознакомиться, мы находим необходимым провести устав как можно скорее, до начала учебного года.

М. Н. Покровский. Если больше никто не желает брать слово, то я оглашу текст первого из декретов, который предполагается Коллегией по высшей школе представить через Коллегию Комиссариата на утверждение в Совет Народных Комиссаров. Я не предлагаю обсуждать этот текст с деталями, но думаю, что он может быть предметом некоторого, если не принципиального обсуждения, то обмена мнений.

Вот его текст. *(Читает текст декрета).*

Это проект декрета, который мы предполагаем внести. Нами выработан и проект декрета о конкурсах, но по отношению к нему, к сожалению, Коллегия по высшей школе не пришла к соглашению, и он не может быть сейчас представлен Государственной Комиссии, но как раз этот декрет отвечает пожеланиям, высказывавшимся предыдущим оратором, так как имеет в виду вывести из университета те элементы, которые являются главным препятствием к осуществлению какой бы то ни было реформы высшей школы.

Голос. Разрешите спросить.

М. Н. Покровский. Пожалуйста.

Голос. Здесь не указано, кто будет выбирать на место выбывших.

М. Н. Покровский. Второй декрет о правилах конкурса и должен на это отвечать. Здесь говорится, что это будет производиться по конкурсу.

Голос. Значит, этот второй декрет должен последовать вскоре же, немедленно.

М. Н. Покровский. Позвольте изложить план этого декрета...

Кривцов. Разрешите внести такую поправку: там, где есть слово «конкурс», везде прибавить слово «всероссийский».

М. Н. Покровский. Это будет очень хорошо. Это—случайное редакционное упущение.

Денгник. Может быть, можно было бы этот срок еще более прибливить. Здесь сказано «к первому января». Может быть, можно было бы сказать «к 1 октября».

М. Н. Покровский. К 1 октября, очевидно, не состоится ближайший учебный год.

Кривцов. Я поддерживаю предложение относительно 1 октября.

М. Н. Покровский. Тогда второй срок будет 1 января, или остается все-таки 1 июня.

Денгник. 1 января.

М. Н. Покровский. Тогда мы рискуем, что первый учебный год не состоится. Для юридического факультета это даже желательно, для филологического факультета это беда не столь большая, но если этот учебный год не состоится в высших технических школах и на медицинских факультетах, то это будет довольно большая катастрофа с нашим высшим образованием.

Кривцов. Тогда, может быть, в декрете оговорить эти технические школы и медицинские факультеты. Их можно выделить, потому что ведь по конструкции нашего высшего технического образования технические школы ставятся всегда в несколько иной плоскости.

М. Н. Покровский. Совершенно верно, но тогда, как же это формулировать: «Те профессора и преподаватели высших учебных заведений, за исключением технических школ и медицинских факультетов...?» *(читает)*. Может быть, мы это в качестве поправки и будем голосовать, потому что относительно поправки, т.-е. прибавления слова «всероссийский», никто не спорил.

Внесены две поправки, которые обусловливают одна другую. Если мы введем ограничение относительно высших технических школ и медицинских факультетов, с одной стороны, то тогда 1 октября не представляет опасности, но тогда, повторяю, не состояться учебный год может только в таких учебных заведениях, которые для нас интереса и выгоды не представляют. Итак: «Те профессора и преподаватели, кроме высших технических учебных заведений и медицинских факультетов...» *(читает)*.

Против этого текста не имеет ли кто замечаний?

Рождественская. Сроки для технических школ и медицинских факультетов будут, таким образом, указаны. Не лучше ли это сделать в порядке примечания?

М. Н. Покровский. Да, конечно, это можно.

Рождественская. Или так сделать: указать, что для высших технических школ и медицинских факультетов сроки такие-то и такие-то.

М. Н. Покровский. Лучше это повторить два раза: «...а также медицинских факультетов университета и для медицинской академии».

Примечание 2-е гласит так: «Для высших технических школ, для медицинских факультетов, для медицинской академии и тому подобных учреждений сроки удлиняются на пять месяцев».

Дальнейших замечаний к этому проекту декрета не имеется?

Артемьев. Я предлагаю выбросить в последнем примечании слова: «однако, в общей сложности, не более, как за 6 дополнительных часов...» *(читает)*. Дело в том, что у нас имеется комиссия по оплате всяких таких дополнительных часов, и в этой комиссии это определенно и подробно разработано, как оплачивать, сколько часов, вообще, может иметь профессор и преподаватель, и какие это часы, по скольку им платится и т. д. Там эта норма устанавливается, в общем, в 18 часов занятий, ни в коем случае не больше, и оплата производится только за это число часов, так что мы это проведем, но в другом порядке, потому что это должно быть проведено вместе с изменениями нормы оплаты, а в данное время совершенно определенно предусмотрено, что совместительства быть не должно. Таким образом, конец примечания можно было бы выбросить, как не соответствующий тому, что решено в комиссии, что является более детальной и подробной разработкой 18 часов.

Кривцов. Предположим, что у приватдоцента или у профессора нет ни одного слушателя, и фактически он не читает ни одного часа. Он все-таки будет получать жалованье?

М. Н. Покровский. У нас имеются в виду курсы постоянные. Если профессор не имеет ни одного слушателя на его курсе, то это—явление такого рода, на которое должно быть обращено внимание теми комиссарами, которые должны быть назначены во все учебные заведения. Может быть, Степан Саввич внес бы резолюцию по этому поводу, хотя бы такого рода, что Государственная Комиссия признает желательным назначение Народным Комиссариатом правительственных комиссаров во все высшие учебные заведения, а в университетах на все факультеты?—правительственные комиссары присутствуют на всех заседаниях факультетов, правлений и т. д.

Артемьев. На всех заседаниях органов правлений, органов университета.

М. Н. Покровский. И имеют право наблюдать за правильным течением академической жизни. Так, что ли? Может быть, только прибавить «не вмешиваясь в преподавание»?

Кривцов. Это лучше оговорить.

Артемьев. Тогда на этом пункте там можно разводить, что угодно, если они не будут вмешиваться в преподавание.

М. Н. Покровский. Но представьте, что комиссар придет на лекцию и вступит в диспут с лектором, потому что он по своим убеждениям дарвинист, а в лекции профессора усмотрел витализм. Подобного рода вмешательство вполне возможно. Мы ведь не можем назначать комиссарами академиков. Мы можем назначать комиссарами только испытанных товарищей коммунистов, которые сами по себе часто не могли бы занять кафедру. Но такой факт, который был указан, что профессор читает лекцию, а ни одного слушателя нет,—это он во всяком случае увидит. Назначение комиссаров, конечно, будет встречено взрывом негодования в университете. Можно даже ожидать, что все они забастуют, при чем к ним присоединятся и студенты. Мы идем в данном случае на крупное нарушение порядка. Но что же делать?

Голос. Я хотел внести такое предложение: принять в принципе необходимость назначения комиссаров, но не разрабатывать их функции.

Кривцов. Поручить это Коллегии. Государственная Комиссия высказывает пожелание и поручает Коллегии разработку и проведение этого положения в жизнь.

Квасников. При наличности хорошо разработанного университетского устава явится ли необходимость в назначении такого большого числа комиссаров? Потому что, если устав хорошо разработан, то такой случай, что профессор не будет иметь ни одного слушателя, нельзя в данном случае принимать во внимание. Был приведен только один такой пример. Я слышал только один такой случай. Но если будут подобные другие, то можно будет назначать комиссаров, а пока я считаю это совершенно ненужным.

Ган. Я бы поддерживал ту оговорку, которая здесь предлагалась, что комиссар не должен вмешиваться в учебно-учную часть, но, с другой стороны, мне казалось бы, что необходимо более детально формулировать их функции или, по крайней мере, дать директивы Коллегии по высшей школе, чтобы были формулированы положительные функции комиссаров. Необходимо дать комиссару право налагать свое «вето» на те решения, которые направлены явно или косвенно против декрета. Эта функция должна быть присуща комиссару и оговорена так же, как и та отрицательная, которая здесь формулирована, как невмешательство в учено-учебную часть.

М. Н. Покровский. Вы ограничиваете функции комиссара только наблюдением за неисполнением декретов. Эта мера—более мягкая и совершенно оправдывается тем, что происходит. Есть целый ряд указаний на то, что профессора всячески стараются обойти декрет, и, значит, тогда комиссар будет специально наблюдать за исполнением декрета. Эта мера мне представляется легче проводимой.

Ган. Тогда функции комиссара будут ясны, и тогда нечего упоминать о его невмешательстве в учебную часть. Для этой цели надо предоставить комиссарам право присутствовать на всех собраниях факультетов и т. д., с правом налагать «вето» на те решения их, которые направлены явно или косвенно против декрета. В таком случае их решения переносятся на решение или пересмотр Коллегии о высшей школе.

Кривцов. На лекции он будет иметь право ходить?

Ган. Я считаю, что посещение им лекций нецелесообразно. Было указано, что комиссар, как компетентное лицо, почти не мыслится. Возлагать на него такие функции я нахожу излишним, а право посещать лекции ему принадлежать будет, потому что оно будет предоставлено всякому частному лицу.

М. Н. Покровский. Право посещать лекции странно оговаривать, потому что аудитория открыта для всех.

Итак, позвольте это принять. Я не формулирую точно, потому что даются сейчас только общие задания. Позвольте на этом обсуждение декрета закончить.

Я хотел изложить в общих чертах условия конкурса, но это заняло бы времени больше получаса, а мы должны решить еще один важный вопрос. Что же касается вопроса о национальной школе, то наше заседание настолько малочисленно, что позвольте этот вопрос не ставить и перенести его на следующее заседание Государственной Комиссии. Может быть, мы назначим специальное заседание Государственной Комиссии в будущую субботу?

Альтер. У нас есть еще вопрос о школьных программах.

М. Н. Покровский. Этот вопрос уже был рассмотрен.

Позвольте перейти к вопросу о женских курсах. Позвольте доложить выписку из протокола заседания Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению *(читает)*.

«По заслушании доводов профессуры Совета старост Московских Высших женских курсов о сохранении их, как чисто женского учебного заведения, поступают два предложения: 1) о возможности сохранения такого характера курсов, но только на старших курсах и при условии предварительного референдума для выяснения мнения настоящего большинства слушательниц; 2) о предоставлении средств курсам, но при условии соблюдения ими полностью декрета № 499 (о совместном обучении).

Постановили: Передать обсуждение вопроса Государственной Комиссии по Просвещению в виду равного количества голосовавших за то и другое предложение».

На этом заседании Коллегии слушательницы курсов, поддерживаемые профессорами, проводили теорию, которую странно слышать в 1918 г. и в особенности от представителей высших женских учебных заведений, — о необходимости охранения женственности в высшей школе. В целях охранения этой женственности предполагалось, что присутствие мужчин нежелательно в стенах этих учебных заведений. Виктор Маркович правильно указал на то, что занятия там, однакоже, ведут мужчины и даже защищать со слушательницами эту теорию явились профессора, а не профессорши. На это возражений встретить не пришлось. Я тогда должен был прийти на помощь сторонникам охранения женственности и указать на то, что большое внедрение женщин в мужские учебные заведения и мужчин в женские учебные заведения может повести, пока мы не стали еще коммунистами, к нежелательным столкновениям на этой почве. От медиков постоянно приходилось слышать такие возражения, что женщины отбивают у них хлеб и т. д. Так что, на наш взгляд, старшим курсам следовало бы остаться в том виде, как они были. Но этот аргумент, который мы тогда слышали в совещании, был приведен мною, а не профессорами и курсистками. После этого произошло голосование. Трое или четверо высказались так, что этот вопрос надо поставить на референдум слушательниц на старших курсах, а для вновь поступающей молодежи—открыть доступ всем желающим без изъятия и в этом отношении рекомендовать полностью декрет № 499. Трое же из членов Коллегии высказались против этого и требовали применения этого декрета полностью. Доводы в пользу моего предложения заключались не в том, главным образом, чтобы было соблюдено охранение женственности и т. д., а в том, что такой принудительный декрет произведет дурное впечатление на слушательниц и даст почву для распространения легенды о том, что мы будто бы ломаем что-то сверху, все проводим насильственно, ни с чем не хотим считаться и т. д. Я глубоко убежден в том, что референдум, которому будет предшествовать дискуссия, в которой примут участие представители и Комиссариата и студенчества, стбящего на более разумной точке зрения, — что этот референдум даст результаты в нашу пользу.

Таково мое мнение. Может быть, оно ошибочно, и вопрос этот, во всяком случае, надо поставить на решение Государственной Комиссии.

Кривцов. Может быть, этот вопрос настолько ясен, что его можно прямо голосовать?

М. Н. Покровский. Никто не высказывался в пользу второго мнения. Сейчас на заседании присутствует 10 человек с решающим голосом.

Кто за то, чтобы применить декрет 499 к Высшим женским курсам полностью?

Рождественская. Есть третий компромиссный выход: дать право референдума при обсуждении каждого отдельного случая, но каждый раз доводить об этом до сведения Коллегии по высшей школе. При рассмотрении вопроса она может это постановление аннулировать. Таким образом восторжествует точка зрения Комиссариата, а с другой стороны, может быть допущен референдум.

М. Н. Покровский. Это будет излишним осложнением. Компромиссом я считаю мое предложение, а то, что вы *(обращаясь к Рождественской)* предлагаете,—какой же это будет компромисс, раз Комиссариат всегда будет проводить свою точку зрения? Такой референдум будет только раздражать.

Кто за применение полностью декрета 499 к высшей женской школе? — 7. Кто против?—2. Нас, очевидно, 9, а не 10.

Большинством голосов это предложение принято. Это избавляет нас от всяких дискуссий.

Так как время уже позднее, то позвольте закрыть заседание Комиссии.

Восьмое заседание от 28 сентября 1918 г.

Присутствовали: М. Н. Покровский, Альтер, Познер, Артемьев, Ленгник, Лазуркина, Коновалова, Квасников, Мицкевич-Капсукас, Ган, Товстуха, Каменева, Коршаков, Левин, Рейснер, Скаткин, Тер-Оганесов, Турук, Удовиченко.

Заседание открывается под председательством заместителя Народного Комиссара по Просвещению *М. Н. Покровского.*

М. Н. Покровский. На очереди у нас сегодня вопрос о национальной школе, во-первых, а затем несколько декретов, продолжающих нашу реформу высшей школы. Я предложил бы на первое место поставить вопрос о национальной школе. Я думаю, что он очень много времени не займет, тем более, что как я представляю себе, у нас здесь больших разногласий нет. Позвольте только вкратце напомнить о двух аспектах, в которых представляется нам этот вопрос. Во-первых, речь идет о национальной школе русской, т.-е. о школе, предназначенной для русских граждан не русского языка. Типов таких школ может быть очень много. Таких типов у нас 19, а потом я слышал даже цифру 40. Во всяком случае, существует большое количество русских граждан, родной язык которых не русский. Это — один вопрос. Другой вопрос — об иностранных школах внутри России. Внутри России существует целый ряд школ, основанных иностранцами и обслуживающих нужды иностранных колоний. Большая часть учащихся в этих школах—не русские граждане. Содержатся эти школы опять-таки, большею частью, хотя и не исключительно, на средства иностранных подданных и, отчасти, иностранных правительств. Одно из этих правительств, то, на языке которого говорит большая часть населения этих иностранных школ,—германское правительство,—как раз третьего дня поставило этот вопрос совершенно формально. Оно указало на то, что в Москве, в Петербурге и в целом ряде других городов, преимущественно в Поволжье—в Симбирске, Самаре, Саратове,—а также, кажется, еще в Смоленске, существует ряд учебных заведений, основанных немцами, отчасти, правда, русскими немцами, но, как они называют их, балтами, т.-е. из тех провинций, которые в настоящее время от России отделены. Эти учебные заведения были созданы отчасти при поддержке германского правительства и учатся в них преимущественно немцы, хотя, должен сказать, не исключительно, так как нет такого закона, который запрещал бы принимать в эти учебные заведения русских граждан или граждан других национальностей.

Германское правительство, в лице своего здешнего представителя германского генерального консула, с которым я беседовал, указывает на то, что германское правительство не может допустить применения, в порядке обязательности, к школам этого рода всей декретной литературы Народного Комиссариата по Просвещению и Совета Народных Комиссаров, поскольку последняя также касается просвещения. Эти учебные заведения, говорят они, сконструированы по типу соответствующих германских учебных заведений, напр., по типу Petri-Pauli Kirchenschule, и мальчик, начиная учиться в России, только при условии полного согласования учебных планов здешней школы с германскими может беспрепятственно перейти в соответствующий немецкий класс. Но представьте себе, что русская система будет введена радикальным образом и в германских школах,—тогда германские родители окажутся поставленными в очень тяжелые условия и будут принуждены отправлять своих детей учиться в Германию, так как здесь они не найдут учебного заведения, начав которое их дети могли бы продолжать занятия на родине. Это—одно. Теперь другое. В Германии существует государственная церковь, не во всей Германии, но в отдельных германских странах. В Пруссии лютеранская церковь признается государственной, и Вильгельм, как прусский император, признается главой лютеранской церкви. Отсюда, говорят они, в нашей школе обучение Закону Божьему и лютеранскому богослужению есть государственная обязанность такая же, как платеж податей и все прочее. Само собою разумеется, указывают они, что мы не можем при таких условиях согласиться на отделение церкви от государства и школы от церкви в том виде, как это проектируется в вашем законодательстве, потому что тогда наши дети не в состоянии будут исполнять известные гражданские обязанности, ложащиеся на них, как на прусских подданных и как на членов лютеранской общины. Это—аргументация по существу. С формальной же стороны они упираются на одну из дополнительных статей Брестского трактата, который был подписан 27 августа, но который в отдельных своих статьях является еще предметом обсуждения в Берлине. Там сказано, что «благотворительные и иные учреждения, поскольку они содержатся на средства германского правительства или на суммы, пожертвованные когда-либо германскими подданными и т. д., не подлежат национализации». Это, конечно, не совсем то, о чем идет речь в данном случае. Мы не собирались национализировать Petri-Pauli Kirchenschule, но собирались только подчинить эту школу нашим общим нормам. Здесь юридический титул, на который они опираются, является спорным. Значительно более сильной является их аргументация по существу. Дело в том, что если бы мы вступ ли на путь признания известной экстерриториальности за школами, основываемыми иностранными

подданными на русской территории исключительно с целью обслуживания нужд иностранных колоний, то мы могли бы на этом основании требовать взаимности и сохранения русской национальной школы в полосе так называемого абсолютного захвата, именно на территории, оккупированной немцами. Если бы мы заняли в этом отношении непримиримую точку зрения, мы бы этой возможности лишились. Следует взвесить вопрос именно с этой стороны, но во всяком случае нужно твердо стоять на том, что это есть школа, предназначенная для иностранцев, что я и высказал германскому генеральному консулу. Я указал на то, что мы можем пойти на уступки, но лишь при условии, что в эти школы не будут приниматься дети русских граждан, хотя бы и немецкого происхождения. Потому что, как я ему объяснил,—и он это понял,—если мы допустим иной принцип, то достаточно пяти немецким семействам в г. Тамбове сговориться и открыть немецкую школу, хотя бы с преподаванием на немецком языке, как вся тамбовская буржуазия отдаст туда своих детей, и тем самым ей будет предоставлена возможность непризнания советской власти. Мы с ним, таким образом, толковали о школах для детей германских и русских подданных. Он подчеркивал, что теперь есть балты, поляки, литовцы, украинцы и т. д. Я говорил, что в настоящее время, к сожалению, это есть для нас иностранные подданные и что мы должны их трактовать как таковых.

Вот в какой плоскости стоит этот второй аспект о национальной школе. Придется эти аспекты рассмотреть отдельно. Но поскольку, по-моему, первый вопрос чрезвычайно прост, именно вопрос о национальной школе для русских граждан не русского языка, и не вызывает сомнений, постольку, наоборот, второй вопрос может подать повод к известным прениям, потому что, мне представляется, здесь могут быть разные точки зрения. Вполне возможно, что та точка зрения, на которой я стою, не встретит одобрения со стороны Государственной Комиссии.

Позвольте эти два вопроса поставить отдельно и сначала поставить вопрос о национальной школе для русских граждан не русского языка. Здесь дело просто и ясно. В силу принципа самоопределения национальностей, на котором мы все стоим, мы не можем никакой национальности запретить устраивать школы с преподаванием на ее собственном языке. Это не вызывает ни малейшего сомнения и колебаний. Вопрос здесь может быть только такой: может ли эта школа сохранить не только свой родной язык, но и свои бытовые особенности, как принято говорить. Под флагом этих бытовых особенностей чрезвычайно легко могут скрыться самые главные грехи старой школы: например, мы совсем изгнали из школы Закон Божий,—под флагом национальных особенностей и пр., еврейский раввин или татарский мулла могут проникнуть в соответствующую школу и начать преподавать по-старому. О попытках этого рода слухи доходили до Коллегии Комиссариата. Именно еврейские школы западного края возбуждали вопрос о том, чтобы им было разрешено преподавание на древне-еврейском языке. Преподавание на древне-еврейском языке, как мы понимаем, есть то же самое, что преподавание на церковно-славянском языке в русской школе; последнее же придало бы школе клерикальную окраску.

Мы отложили разрешение этого вопроса до сегодняшнего заседания Комиссии, в Коллегии же пришли к решению, что материнским языком должен считаться тот, на котором дети говорят дома, а так как на древне-еврейском языке не говорит никто, как никто не говорил на нем даже во времена Иисуса Христа, то в виду этого преподавание должно вестись только на жаргоне, так называемом «идиш», а древне-еврейский язык может быть только предметом изучения, преподавание же на нем вестись не может. Таким образом, под флагом бытовых особенностей могут укрываться особенности, о которых я только что говорил. Этот вопрос, конечно, может быть предметом прений. Затем предметом прений может быть вопрос о преподавании русского языка в национальной школе. Некоторые, и я принадлежу к их числу, думают, что все-таки язык подавляющего большинства населения должен изучаться во всех школах. В противном случае русские граждане, напр., не имели бы возможности прочесть советскую Конституцию и прочие декреты советского правительства в оригинале, и понимание всех подобных документов для них зависело бы всецело от толкования переводчика и его добросовестности. Такое явление совершенно недопустимо. Недопустимо также, чтобы в суде граждане имели не только право давать показания на своем языке, но чтобы для них было обязательно переводить всю судебную процедуру, а последнее будет непременно, если они окажутся отделенными друг от друга лингвистической стеной. Требование, чтобы для каждого свидетеля переводчик тут же все переводил на его язык,

сильно затруднит отправление правосудия и поставит дело в невозможное положение. Представьте, что в процессе участвуют 5 или 6 национальностей,—это будет настоящее вавилонское столпотворение. В интересах самого населения несомненно, чтобы государственный язык, если бы можно было так выразиться, хотя мы не будем употреблять этого названия, изучался в школах всех национальностей и был бы для них обязателен. Мы не будем употреблять названия «государственный язык». Я предлагаю термин—«язык большинства населения», который еще и потому является удобной формулой, что существующая в качестве постулата федерация может сделаться фактом. У нас могут быть большие инонациональные анклавы. Туркестан может сделаться такою анклавою завтра же. Тогда к Туркестану с подавляющим большинством не русского населения, конечно, этот термин не подошел бы. С какой стати сартам изучать язык большинства населения? Это была бы отдельная федерация, и для нее русский язык мог бы быть и необязательным. Точно так же и с Кавказом. Если Грузия, Армения и т. д. образуют анклаву, нет никакой необходимости вводить там, как обязательный, русский язык. Я в данном случае имею в виду советскую Россию в теперешних ее пределах, где в сплошную массу русского населения вкраплены инородные элементы: татары, евреи, немцы в Поволжье, финские племена на Севере, евреи и поляки в Западной области; белоруссов я считаю русскими и думаю, что в данном случае вопрос о языке не возникнет. Но в этих направлениях, по-моему, желательны два решения.

Позвольте сначала поставить вопрос о национальной школе в тесном смысле, т.-е. о школе для русских граждан не русского языка. По этому поводу у нас, между прочим, есть проект декрета. Я бы предложил заслушать этот проект декрета, хотя я должен оговориться, что не могу его рассматривать как текст, предназначенный служить для известного юридического документа. Это—скорее изложение взглядов той группы, которой было поручено составление декрета, нечто в роде ее «кредо», по своей форме. И потому, как проект декрета, он едва ли может быть принят.

Тов. Кашкаров имеет слово для оглашения этого декрета.

Кашкаров (читает проект декрета о национальной школе).

Проект этого декрета распадается на три части: первая часть принципиального характера, затем национальная школа и управление. Я предлагаю вести прения по каждой части в отдельности.

Диманштейн. Мне кажется, что было бы лучше рассматривать этот проект по пунктам. Когда товарищ читал его, то он мне был непонятен. Как проект декрета, это совершенно не подходит. В данном случае можно говорить только о принципах, в нем изложенных, которые и могут быть положены в основу будущего декрета.

Я хотел первым долгом указать на то, что здесь в § I национальности считаются чем-то в роде граждан. Здесь сказано: «Все национальности, признающие себя гражданами Р. С. Ф. С. Р....». Я думаю, что надо сказать «все лица», т. к. национальности не могут считать себя гражданами, и потому такое сочетание, как национальности и граждане, не может существовать.

Затем здесь было указано относительно древне-еврейского языка. В Комиссариате Иностранных Дел этот вопрос поднимался, и указывалось, что обучение на древне-еврейском языке недопустимо, как на языке, на котором не говорят. Но я должен сказать, что на этом языке говорят, напр., евреи-аристократия, которая не хочет говорить на еврейском языке. Если же запретить преподавание на древне-еврейском языке, то надо запретить и изучение Библии, между тем как Библия есть не что иное, как Закон Божий. Никакая угроза в этом отношении со стороны школы невозможна. Мы должны употребить все усилия, чтобы не допустить этого.

В этом проекте для меня имеется одна невероятная вещь, это—упоминание относительно 10%. Здесь сказано: «Национальные школы учреждаются там, где существуют национальности, составляющие не менее 10% прочего населения». Это—недопустимая вещь. В случае, если еврей захочет учиться на своем языке, он не сможет этого сделать в Петрограде, т. к. в Петрограде евреи не составляют 10%. В Шклове они составляют 50% всего населения, хотя их там всего 3.000 человек, и это количество значительно ниже количества евреев, живущих в Петрограде. Здесь, очевидно, какой-то nonsens: сказано «10%», но не сказано, с какого количества. Относительно этого можно сказать следующим образом: заменить слова «1 %» словами: «...там, где имеется достаточное количество детей, нуждающихся в обучении на родном языке». Здесь же говорится о какой-то 10%-ной норме. Это напоминает времена старого правительства, и в действительности окажется, что при создании такого рода школ придется искать место, где будет большее или меньшее количество рус-

ских. Это—вещь совершенно недопустимая.

Затем термин «национальная школа» и термин «инородческая школа» также неподходящие термины. Национальная школа, это—та школа, которая воспитывает в национальном духе, и она всегда так мыслилась. Для нас таковая школа не существует. Наши пролетарские школы не имеют националистического характера. Для нас это—только школы не русского языка.

Затем я хотел сказать относительно русского языка, как языка государственного или как языка большинства населения, о котором говорит тов. Покровский. В данном случае тов. Покровский говорит не как марксист. Он говорит о неудобствах на суде и т. д. Если бы для нас здесь играли роль неудобства на суде, мы заставили бы только иметь побольше служащих, которые бы знали языки. Но мы должны смотреть на дело не с точки зрения чиновников, а с точки зрения неудобства для масс. Исходя из этой точки зрения, я согласен с точкой зрения тов. Покровского. Рабочий для того, чтобы поступить на фабрику или на завод, где рабочие говорят на другом языке, встречает препятствие к поступлению в незнании языка тех, которые там работают, и незнание языка, на котором говорит большинство населения, неудобно для его культурного развития. На еврейском языке, напр., нет «Капитала». Чтобы получить образование, ему надо знать язык большинства населения, ему надо знать язык более богатый. Но я вместе с тем должен возразить против принципа, который здесь высказывается. В проекте декрета указано, что преподавание всех предметов ведется на родном языке, но, кроме этого, необходимо указать и на то, что всем нациям должно быть предоставлено не только научиться на своем языке читать и писать, но также изучать и на высших ступенях на том же языке все те науки, которые нужны гражданам этой национальности. На своем языке они должны обучаться и высшим наукам. Гражданин данной национальности не только два или три первые года должен обучаться на своем языке,—он должен изучать на нем, кроме первоначальных предметов, и все другие предметы.

Следующий вопрос,—в чьем именно ведении будут находиться эти школы,—я думаю, будет разрешаться в другом порядке. Затем я хотел отметить, что принципиально недопустимы в декрете советской России такие выражения, как—«в связи с национальным языком в национальной школе допускается преподавание национальной литературы и национальной истории». Само собой разумеется, что, когда школа станет трудовой, светской и советской, она не пойдет по другому пути, кроме обще-советского пути, и потому выражение «допускается преподавание национальной литературы и национальной истории», как нечто несвоевременное, является неприемлемым.

Рейснер. Я сейчас только впервые ознакомился с этим проектом. Я должен сказать, что он производит впечатление подготовительной работы, которая, может быть, только намечает какие-нибудь вопросы, ставит проблемы и т. д. По-моему, останавливаться на критике этого проекта и даже на его принципиальной стороне затруднительно, в виду спутанности терминологии, некоторых непонятных выражений и, с моей точки зрения, большого количества грамматических и логических дефектов. Перед некоторыми словами я даже остановился в недоумении. Если бы нам пришлось критиковать этот материал, нам пришлось бы очень долго сидеть, и мы все-таки не пришли бы ни к какому результату. Тем, которые ознакомились с этим декретом, ясно, что это,—как бы выразиться,—первоначальный набросок, что ли, который в собрании абсолютно обсуждаться не может. Я думаю, что следовало бы передать этот материал, так же, как и другие материалы, в особую комиссию или какое-нибудь особое собрание, где нам действительно выработали бы объяснительную записку, в которой принципиальная сторона была бы выражена более точно и определенно и было бы больше согласованности с основными принципами нашего строя. Здесь уже было указано на несколько грубых противоречий, встречающихся в декрете,—напр., говорится о 10% населения, не владеющего русским языком или затрудняющегося в нем. Значит, если население немножко владеет русским языком, то оно лишается национальной школы. Это все, конечно, недоразумения, но я бы полагал, что для нас совершенно невозможно иметь дело с данным проектом, и желательно, конечно, было бы подвергнуть затронутый вопрос более обстоятельному и более серьезному обсуждению.

Ган. Я хотел указать на то, что общие основные положения, которые здесь выражаются в первом параграфе на первой странице, касающиеся идеи интернационализма, не выдерживаются дальше. Если вначале говорится в общих, очень абстрактных выражениях о желательности проводить идеи интернационализма, то дальше, при переходе к конкретным формам, идея интернационализма как будто тускнеет, и на первый план выступает идея национализма. Я не буду упоминать

о том, что национальным языком ограничиваются на первой ступени, затем—об обязательности русского языка, о 10% и т. д. Но я хочу отметить противоречие, которое замечается здесь дальше,—противоречие с общим построением Единой Школы,—и которое заключается в упоминании о школах, содержимых на средства обществ церковных и других. Я не могу также не обратить внимания и на то, что административное управление, здесь намечаемое, мне кажется, построено на глубоком недоверии, которого не должны иметь советские органы по отношению к национальным школам. Если исходить из факта доверия (в настоящее же время советская власть стремится совершенно определенно стать на путь поддержки всякой школы, в том числе и национальной), то излишним является организация тех отделов и подотделов, на которые здесь указывается. Я не буду останавливаться на деталях. Здесь есть целый ряд противоречий между общими положениями, выраженными в абстрактной форме, и стремлением конкретно осуществить в деталях этот особый интернационализм, который вырождается здесь как раз в нечто совершенно противоположное.

Артемьев. Я бы поддерживал предложение, которое внес М. А. Рейснер о том, чтобы не обсуждать этого проекта и не критиковать его, потому что, если мы займемся этим, то потратим все время и не достигнем результата. Здесь может быть много всяких критических замечаний, возражений и т. д. Я, напр., не понимаю, что такое интернационалистическая народность. Для меня такие выражения совершенно непонятны. Потом почему тут бытовые особенности должны играть какую-то особую роль для того, чтобы можно было воспользоваться правом национального меньшинства в деле творения интернационалистической культуры и т. д? Здесь есть целый ряд странных мест, которые я и многие другие не сразу поймут, что именно они должны выражать. Это не проект декрета о национальной школе, здесь не указано даже откуда и как он явился, и, очевидно, это просто изложение общих принципов, на которых хотят создать возможность существования национальной школы, ее оправдание и ее особое строение. Что касается этой точки зрения, то здесь, по-моему, главным принципом, который должен быть положен в основу существования национальной школы, является тот принцип, что самая школа, по своему существу, не должна быть национальной. Она только постольку является национальной, поскольку в ней ведется преподавание, скажем, на языке меньшинства населения, и постольку, поскольку в ней существуют какие-то особые предметы, особые учения, преподавание которых обусловливается тем, что им обучаются специально люди, принадлежащие к определенной национальности. По правде сказать, я не вижу тех предметов, которые вообще не могли бы существовать в Единой Трудовой Школе и которые могли бы существовать только в этих национальных школах. Может быть, это будут какие-нибудь разновидности некоторых ремесл, некоторых прикладных искусств, так называемых национальных искусств, может быть здесь будут введены какие-то особые предметы или их разновидности. Но в общем, мне кажется, нужно только, чтобы эта школа была Трудовой Единой Школой во всех случаях и кто бы в ней ни обучался, совершенно безразлично. На первый взгляд мне показалось, что это положение здесь и проводится, но при более близком ознакомлении с текстом возникает сомнение, действительно ли это так. Школа должна быть Трудовой Единой Школой, кто бы в ней ни обучался. Разница только в том, что для некоторых преподавание ведется на русском языке, для других же — на других языках, в виду их незнания русского языка или просто желания знать еще, кроме русского языка, свой материнский язык. В подобном случае преподавание всех предметов может быть проведено на материнском языке, и в этом-то и будет заключаться национальная школа и единственное отличие от общей Единой Трудовой Школы. Дальнейшие же различия проводить я бы считал совершенно нежелательным. В проекте декрета говорится, между прочим, о национальных школах, содержимых на средства обществ церковных и других, члены которых являются иностранными подданными, а также о том, что они не финансируются советской властью; таким образом, выходит, что национальная школа может содержаться и на церковные средства и в то же время считаться в общегосударственной сети школ. Это—неправильно. Надо установить принцип интернациональной школы. Это и есть наша трудовая школа, национальными же школами будут только те школы, где употребляются методы и приемы Единой Трудовой Школы и обучение идет по тому же плану, как и в единой школе, но только оно ведется на другом языке. Вот главное различие. Потом я должен сказать, что все национальности, которые обитают в советской социалистической республике, все-таки все объединяются в Российской республике. Поэтому для них надо будет

провести и преподавание русского языка, в виду того, что большая часть населения владеет русским языком, а не отдельными языками. Если же оказалось бы, что эта большая масса населения владеет не русским языком, то национальной школой явилась бы не русская, а школа другого типа явилась бы общереспубликанской. Но в данном случае общереспубликанской школой будет Единая Трудовая Школа с преподаванием на русском языке. Все остальные единые трудовые школы будут обладать преподаванием на других языках, при чем там будет введено обучение русскому языку. Я так представляю себе эту схему. Вопрос же о том, какому количеству населения должно быть предоставлено право открывать такого рода школы, можно выразить в цифрах, а не в процентах. Можно выяснить, какое именно количество человек может на основании своего жительства в данном районе открыть школу с преподаванием на русском языке, и оно может быть определено, но ни в коем случае не должно определяться процентами. В этом отношении я совершенно присоединяюсь к тем, кто возражает против 10%-ной нормы.

Я бы предложил этот проект как проект декрета не рассматривать и не обсуждать его как нечто такое, что подлежало бы проведению в жизнь. Это общая схема, по поводу которой нам надо было бы обменяться мнениями и выработать общие принципы существования Единой Трудовой Школы с национальным преподаванием, именно с преподаванием на национальном языке.

М. Н. Покровский. Внесено предложение закрыть список ораторов. Записались три лица.

Квасников. Я бы предложил не обсуждать этот проект декрета о национальной школе, а принять его как материал для будущего декрета и в настоящем заседании дать высказаться представителям от национальностей, которые здесь имеются, с тем, чтобы они выразили свои пожелания и высказали бы, что именно они желают получить от той школы, которая будет называться национальной. Выслушав эти пожелания, авторы будущего проекта декрета имели бы известный материал. Я только хотел внести это предложение.— собрание должно дать возможность высказаться представителям национальностей, чтобы они сказали, как они себе представляют ту национальную школу, которая будет существовать в советской республике.

Мицкевич-Капсукас. Я присоединяюсь к высказанному здесь мнению, чтобы передать этот проект, как материал, в комиссию. Однако мне кажется, что необходимо дать комиссии не только материал, но и известные предпосылки, исходя из которых можно создавать новый проект декрета, который потом должен быть проведен в жизнь. В общем и целом, я не буду останавливаться на многих вопросах, которые здесь были затронуты. К критике, которая здесь была, я вполне присоединяюсь, но я подчеркиваю, что здесь есть несколько пунктов, на которые должно быть обращено особое внимание. Здесь неправильно говорится о национальных школах. Приходится говорить о школах национальных меньшинств. На это указал тов. Покровский, но мне кажется, что мы с тов. Покровским в этом отношении несколько расходимся. Нам кажется, что и сейчас в обширной Советской Федеративной республике имеется масса местностей и целых областей, где преобладает не русское население, где преобладает и будет преобладать, вне всякого сомнения, население других национальностей. И в этих областях, само собой разумеется, большинство будет не русское, а будет большинство той или иной национальности. Когда нам приходится говорить о языке и т. д., то в этом случае нельзя говорить, что русский язык должен где-то обязательно преподаваться, или желательно, чтобы он там преподавался. В декрете может быть разговор только о языке большинства населения, и затем, я думаю, всякий, кто имеет дело с отдельными национальностями, согласится, что язык большинства обязательно должен преподаваться в школах меньшинства на данной территории. Так что где-нибудь, скажем, в Туркестане возможно, что не русский язык будет языком большинства населения, а другой язык. Необходимо, чтобы это было отмечено в нашем декрете даже и в том случае, если бы сейчас Российская Социалистическая Федеративная республика представляла в смысле национальном нечто более однообразное. Необходимо это оттенить еще потому, что сейчас на декреты, особенно по строительству Единой Трудовой Школы, обращены взоры Европы и, в особенности, всех оккупированных областей, по нашему глубокому убеждению, только временно отошедших от России. Если мы обратимся к Литве или Польше или другой области, оккупированной немцами, то мы увидим отчаянную борьбу местного населения с немцами, именно из-за языка. Немцы полагают, что местный язык должен существовать, но должен быть также введен обязательно и немецкий язык, и все меры в печати принимаются

к тому, чтобы разъяснить населению не возможность обойтись без немецкого языка в Литве или Польше. Если мы будем говорить о языке большинства населения, то, само собой разумеется, мы этот вопрос, может быть, легко обойдем. Затем, конечно, все, что говорится на 2-й странице о допустимости преподавания национальной литературы и истории и об обязательности изучения русского языка и т. д., ни в каком случае неприемлемо. Далее мне кажется необходимым обратить особое внимание и на строительство самой школы. Здесь один из товарищей уже указал на имеющиеся в этом отношении противоречия; напр., в некоторых местах говорится, что при участии Комиссариата по Национальным Делам создаются какие-то подотделы. На самом деле это противоречие мы видим в несколько иной плоскости. В общем, Положение о национальной школе сейчас—в очень плачевном состоянии. Народный же комиссар по просвещению до последнего времени об этой национальной школе сведений не имеет и тем самым совершенно лишен возможности контроля над ней. И если бы мы сейчас обратились в Народный Комиссариат по Просвещению и просили бы дать сведения о национальной школе, то, вне всякого сомнения (мне пришлось уже иметь с этим дело), мы ничего не смогли бы получить. На местах мы, действительно, увидели бы плачевное положение. Сейчас в провинции, особенно в делах школы, всякий националист, говоря, что он интернационалист, сторонник советской власти, старается получить кредит. У нас, работающих в Национальном Комиссариате, есть факты, которые говорят, что после октябрьской революции сплошь и рядом местными Совдепами финансировались национальные клерикальные учреждения до самого последнего времени. Мы опасаемся, что это будет существовать и дальше на местах; в виду этого нам кажется необходимым при строительстве школы национальных меньшинств привлечь к работе Национальные Комиссариаты, которые наиболее близко с ней соприкасаются. Между прочим, у нас вопрос этот обсуждался неоднократно, и мы пришли к некоторым решениям. Я познакомлю товарищей с теми решениями, которые были приняты на различных заседаниях Коллегии при Народном Комиссариате по Делам Национальностей. Вот одно решение, еще от 20-го июля с/г. *(читает)*. В дальнейшем мы пришли к такому выводу, что это—переходная стадия. Теперь примечание *(читает)*. Это примечание было принято у нас в виду того, что нам пришлось сталкиваться с представителями национальностей: мусульманами, представителями Туркестана и др. Они присоединяются к нашей точке зрения, но, указывая на то, что ступень развития этих национальностей совершенно не такая, как у нас, находят нужным, в виду необходимости считаться с местными условиями, предоставить Национальным Комиссариатам,—мусульманскому или киргизскому и т. п.,—право самостоятельно организовать школы. В настоящее время ведение этими школами, насколько оно согласуется с работами Народного Комиссариата по Просвещению, и находится в руках таких Национальных Комиссариатов. Дальше: «Отделения Национальных Комиссариатов и отделения в центре и на местах обязаны...» *(читает)*, затем дальше положение: «Народный Комиссариат Просвещения и местные Совдепы...» *(читает)*. Мне кажется, что это тоже нужно иметь в виду, потому что, при незнакомстве с положением дел на местах, среди этих отсталых национальностей сплошь и рядом могут быть сделаны большие ошибки. Далее: «Народному Комиссариату по Делам Национальностей...» *(читает)*.

Вернемся к предложенному проекту декрета. Мы там тоже находим указание на Комиссариаты по Делам Национальностей, но там говорится только об учреждении подотдела (или секции) по управлению национальной школой, при участии Комиссариатов по Делам Национальностей и—для учреждений Народного Комиссариата по Просвещению в провинции—рядом с местным Совдепом. Если это необходимо для провинции, как переходная ступень, то это необходимо признать и для центра. На такие меры мы указываем, как на необходимые, именно теперь, при переходной ступени, когда нужно приступить к строительству, когда нужно действительно собирать сведения и материалы и т. п. Необходимо обращаться к тем органам, в руках которых сосредоточились эти данные, у которых такие сведения имеются. До сих пор даже смет для школ меньшинства у Комиссариата Просвещения совершенно не имелось. Правда, они были представлены, но не были должным образом составлены, потому что в руках Национальных Комиссариатов не было достаточно окрепшего для этого аппарата. Но все-таки пришлось обращаться именно в Национальные Комиссариаты и через них раздобывать эти сведения. К тем положениям, на которые здесь указывалось другими товарищами, необходимо присоединить и эти положения для руководства той комиссии, которую, вероятно, нам придется сегодня выбрать.

М. Н. Покровский. Слово предоставляется тов. Туганову.

Туганов. Нужно принять во внимание, что обязательность изучения русского языка, о чем говорил тов. председатель, для некоторых местностей неприемлема. Я, как представитель Кавказа, могу указать на то, что изучение русского языка едва ли приведет там к деловому результату. В глубоких ущельях Кавказа, в аулах, трудно будет обучать детей по книжке русскому языку, трудно будет обучать их какому-нибудь другому языку, кроме того, на котором там говорят. Если они будут изучать русский язык по обязанности, так, как мы прежде изучали латинский и греческий, то результаты этого изучения будут плачевны: Нам скажут: «Вы в наших школах учите детей и ничему не выучиваете». Нужно, чтобы слова о необходимости научать языку не были бы только голыми словами. Но я уверен, что русского языка дети в аулах знать не будут, а времени эти уроки будут отнимать порядочно. Все равно, на каком языке будут обучать детей,— важно лишь дать им возможность учиться и дать им умение работать; эта задача ведь является главной в советской школе, независимо от того, на чеченском языке или на русском будет вестись преподавание. Тов. Председатель мотивировал обязанность изучать в школе русский язык необходимостью знания его в судах и других учреждениях, во избежание столпотворения в суде, когда по одному и тому же делу будут собираться мелкие племена: чеченцы, кабардинцы, осетины, каждый говоря на своем языке, каждый имея своего переводчика. Так до сих пор и было; несмотря на то, что руссификация шла не так туго, нельзя было заставить чеченцев приучиться говорить по-русски. Они желали научиться русскому языку, но не могли. У них не было средств отправлять своих детей в города, в аулах же никто не говорит по-русски. По этому на судах и в других учреждениях всегда приходилось иметь дело с переводчиками, и это не представляет особых затруднений. Самое изучение какого-бы то ни было языка по обязанности будет трудно. Что касается пункта, где говорится, что управление школами от Комиссариата по Национальным Делам переходит к Комиссариату Просвещения, то он для меня не совсем ясен. Что значит: управление переходит? При существовании Единой Трудовой Школы в чем будет заключаться различие, если средства перейдут из Комиссариата по Национальным Делам к Комиссариату Просвещения. Или, быть может, средства на эти школы будут отпускаться через Комиссариаты по Национальным Делам? Неясно также, как будут издаваться декреты. Будет ли иметь силу то, что проходит через Комиссариат по Делам Национальностей? Если это просто затруднение в центре, тогда—другой вопрос. Самая идея перехода для меня неясна.

М. Н. Покровский. Слово тов. Кашкарову.

Кашкаров. В начале своей речи Михаил Николаевич сказал: «Этот вопрос принципиально слишком ясен и не займет много времени». Но оказалось наоборот: вопрос настолько сложен и запутан, что не может разрешиться и в данном собрании. Благодаря его сложности и большой запутанности, оказывается много неясностей в предложенном проекте декрета. Я не говорю про отдельные выражения, а вообще по существу. Я повторяю, что, благодаря сложности и запутанности самого вопроса, данный проект оказывается мало подходящим или подлежащим дальнейшей разработке. Мы слышали здесь несколько различных возражений. С самого начала я предложил для упрощения вопроса обсуждать его в той плоскости, в какой здесь выдвигаются основные три пункта: принципиальный вопрос о национальной школе, программа школы и ее управление. Возражать каждому оппоненту в отдельности было бы трудно. Поэтому я позволю себе вместо объяснительной записки, на необходимость которой указывает проф. Рейснер, сделать некоторые пояснения, которые были основаниями для составления этого проекта. Конкретное разрешение вопроса связано с принципиальным разрешением, с разрешением того, как мы смотрим на национальные меньшинства в пределах Советской республики. В советской Конституции национальное меньшинство получает одинаковые права с большинством; но мало провозгласить эту равноправность национальностей,—надо ее осуществить. Эту идею осуществления прав и имел, главным образом, в виду данный проект. Осуществить идею равноправности можно только тогда, когда каждая национальность имеет все средства осуществить для себя в полной мере социалистическую культуру, т.-е. когда она будет поставлена в одинаковые условия с национальностями другими и с национальностями большинства. Эти условия, прежде всего,— язык, который дает средства и возможность усвоить окружающую культуру и развивать ее в дальнейшем, бытовые особенности, с которыми приходится считаться, и, наконец, материальные условия. Но если каждая национальность имеет право осуществить социалистическую культуру своими национальными средствами, то мы все-таки смотрели так, что

эти национальные средства в данном случае преходящи, что они не являются чем-то ценным и что постепенно, в процессе развития культуры, они должны сглаживаться. Это сглаживание должно пойти возможно скорее и лучше всего достигнется при единстве управления, то-есть при сосредоточении всех управлений в одном центре — Комиссариате Просвещения. Таковы основные принципы, из которых мы исходили. Что касается школы национальной, то под национальной школой подразумевается та школа, где преподаются все предметы на национальном языке, потому что данные национальности, которые обслуживает школа, не владеют русским языком. Но русский язык, как господствующий,— язык наиболее сильной культуры в пределах Российской Советской республики, необходим и желателен. Поэтому он и вводится, как обязательный предмет, в национальную школу. Конечно, трудно его ввести с первой же ступени. Трудно представить, что национальность, не владеющая языком, уже в дошкольном воспитании настолько ознакомится с русским языком, чтобы на нем могло вестись дальнейшее преподавание. Поэтому наш проект предполагает ввести русский язык со второй ступени. В связи с национальным языком вводятся в национальную школу также и предметы, соответствующие данной национальной школе, т.-е. национальная литература и история. В чем же могут выразиться бытовые особенности? Во-первых, в том, что может нарушить основные идеи Единой Трудовой Школы: идеи о том, что школа должна быть светской, иметь совместное обучение, и обучение это должно производиться по методу трудовому, ибо все эти идеи должны распространяться и на национальную школу. Во-вторых, бытовые особенности могут выразиться и в частной инициативе конкретного осуществления основных принципов Единой Трудовой Школы. Что касается управления, то оно, согласно основным принципам, сосредоточивается в Народном Комиссариате Просвещения. Если теперь оно находится в разных руках и разбросано по Национальным Комиссариатам, по культурно-просветительным обществам, то желательно его сосредоточить в одном месте. Это не одна теория,—об этом говорят и заявления того же Комиссариата по Делам Национальностей, который часто поддерживает желание отдельных национальностей, как, напр., мусульманской, которая предлагала взять все управление мусульманской школой в ведение губернских Отделов. Насколько трудно справляться Национальным Комиссариатам с делом образования, следует из заявления их представителей о том, что им неизвестно, сколько существует национальных школ и какие школы. То же следует из фактов, сообщенных нам на наши запросы относительно положения национальной школы в Российской Федеративной Республике, наконец, из тех слабых сведений, которые были представлены Национальными Комиссариатами. Нужно признать, что в смысле продуктивности работы эта работа была бы гораздо успешнее, если бы она целиком сосредоточилась в Комиссариате Просвещения. В смысле единства всего школьного дела было бы гораздо целесообразнее отменить управление культурно-просветительными обществами, национальными комиссиями и сосредоточить все в Комиссариате Просвещения. В данном случае я не вижу противоречий с основными принципами интернационализма, которые при объединении всего управления в Комиссариате будто бы будут нарушены, и будто бы явится уклон к национализму. Точно так же и финансирование. Раз мы хотим все национальности поставить в одинаковые условия культурного строительства, мы должны взять все финансирование на себя и вести его через центр. Вот все, что касается объяснений в целом. Когда мы писали это, для нас все казалось ясным. Несомненно, что разные точки зрения, разные принципиальные отправные пункты приводят к различным заключениям, почему для некоторых будут казаться противоречивыми и неясными выдвинутые положения. По поводу одного возражения и выражения «интернационалистическая народность» я хотел бы сказать несколько слов. Вообще, мы не смотрим на народность как на нечто, уже выкристаллизовавшееся навеки, как на нечто непреходящее. Всякая национальность есть нечто преходящее, а не что-то предопределенное от начала к вечному существованию. Мы считаем, что те национальные меньшинства и большинства, которые составляют население Российской Федеративной Республики, в процессе выработки социалистической культуры, в долгом историческом процессе постепенно сольются и создадут особую народность. И из этой народности социалистической, в настоящем смысле этого слова, когда социализм проникнет, как культура, в народ, во все мысли его, во всю психологию населения, и создастся интернационалистическая народность.

М. Н. Покровский. Мне кажется, что основные вопросы не возбуждают никаких споров. Прежде всего, совершенно ясно, что перед нами декрета нет, он должен

быть выработан. Для этого должна быть избрана комиссия. Это—вопрос формальный. Я лично предложил бы, чтобы в эту комиссию вошли юристы. Я не знаю, как присутствующие представители этой науки, но у нас есть консультационное юридическое бюро при самом Комиссариате, которое годилось бы для редакционной работы. Его было бы желательно привлечь. Необходимо привлечь также представителей Комиссариата по Делам Национальностей. Мы просили бы его наметить одного или двух представителей для работ комиссии. Двух других дал бы Народный Комиссариат Просвещения в лице Отдела школьной политики и единой школы. Отдел единой школы должен иметь представителя. Что касается представительства Отдела школьной политики, то это легко осуществимо. У нас получится, таким образом, комиссия из пяти человек,—комиссия не слишком громоздкая, которая разработала бы проект декрета, при чем Государственная Комиссия дала бы полномочия Коллегии Комиссариата выпустить этот декрет на основании принятых сегодня общих положений, не подвергая его дальнейшему внесению в пленарное заседание Государственной Комиссии, так как это только напрасно затянуло бы дело, хотя Государственной Комиссии и придется снова собраться в будущую субботу для обсуждения сметы, так как смета не была заслушана, а она должна пройти через Государственную Комиссию. Но если декрет будет к субботе выработан удачно, то он возьмет немного времени, в течение которого он будет разрешен. Недельный же срок от субботы до субботы я считаю не слишком коротким и не слишком длинным для выработки этого декрета. Что касается оснований, которые должны служить базисом декрету, то такие основания, я думаю, сегодня наметились достаточно; мы говорили о школе национальных меньшинств. Тут права предоставлены Национальным Комиссариатам. Само собой разумеется, что эти национальные меньшинства никоим образом не могут быть ограничены ни процентной ни абсолютной цифрой. Всюду, где имеется достаточное количество русских граждан, материнский язык которых не русский, они могут открывать свою школу, хотя бы среди сплошной массы русского населения. Говорить надо об обязательном обучении языку не русскому и государственному, а языку большинства населения. И когда мне возражал представитель Комиссариата по Национальным Делам, указывая на Туркестан, он только повторил мой пример. В Туркестане язык большинства населения будет сартский, а не русский, и если Туркестан является одной из частей России, то там в русской школе будут изучать сартский язык. Но мне кажется, что мы не расходимся в этом. Четвертый наш принцип тот, что за исключением языка, на котором ведется преподавание и вообще лингвистской стороны, программа национальной школы должна быть абсолютно тождественна с программой Единой Трудовой Школы. Предметы там должны быть те же, что и в Единой Трудовой Школе. Школа эта должна быть светской, и лишь по отношению к некоторым национальностям возникает вопрос о совместном обучении. Мы натыкаемся здесь на предрассудок, религиозный в корне, но сделавшийся настолько бытовым, что сломать его трудно. Я говорю о совместном обучении в мусульманских школах. Там придется пойти на уступки, хотя бы временно, до тех пор, пока этот бытовой предрассудок не будет сломлен. Но такого рода частные указания могут быть и должны быть оговариваемы от случая к случаю. Я полагаю, что в будущем декрете ничего не должно быть об этом упомянуто, а на практике придется сделать изъятие для мусульманской школы. Что касается светскости школы, то тут нужно настаивать беспрекословно на этом принципе для всех без исключения школ. Ни мулла ни раввин не должны иметь входа в школу и там преподавать. Вот такие положения должны лечь в основу декрета. Может быть, есть какие-либо дополнения?

Голос. Нельзя ли вставить примечание относительно мусульманской школы? Если это не будет оговорено в декрете, то могут возникнуть затруднения.

М. Н. Покровский. У некоторых местных Отделов замечена склонность толковать слишком ригористически понятие о единой школе. До нас дошли слухи о том, что будто бы в некоторых городах западного края местные Отделы запрещают преподавание на еврейском языке.

Голоса. Это—факт.

М. Н. Покровский. В виду такого ригоризма желательно оговорить относительно мусульманской школы. Позвольте предоставить это комиссии. Во всяком случае, тот факт, что мы делаем некоторую бытовую уступку, по необходимости приходится принять, потому что иначе мы без настоятельной надобности создадим известное враждебное отношение в школе среди местного населения. Я повторю те основные положения, которые я высказал. Они заключаются в том, что всякое национальное меньшинство имеет право организовать школу на своем родном языке, при чем в данном случае не может быть никаких ограничений ни процентным ни абсолютным количеством этого иноязычного населения. Всюду, где есть достаточное количество иноязычных русских граждан, чтобы образовать школу, она может быть ими образована. Только одиночки не могут, конечно, требовать, чтобы их обучали в школе родному языку. Не может быть сделано обязательным обучение ни русскому языку ни государственному, каков бы он ни был; обязательным может быть и должно быть сделано только обучение языку большинства населения данной части Российской Федерации. В Москве, напр., конечно, будет сделано обязательным обучение русскому языку. Товарищ Диманштейн указывал правильно, что в Туркестане, в школах, должно быть обязательное обучение сартскому языку. Это — второе. Третье—то, что обучение в национальной школе должно вестись по той же программе, по тем же приемам, как в Единой Трудовой Школе, и должна быть одна и та же школьная организация, на каком бы языке ни велось преподавание, но с оговоркой, что для совместного обучения мусульман может быть сделано исключение, пока соответствующая пропаганда не даст там результатов. Пропаганда ведется в странах, где мусульмане составляют большинство населения, и там она уже дала заметные результаты. Например, в Туркестане было бы неслыханным сто лет тому назад, чтобы девочек посылали в школы вне дома, а в настоящее время они учатся в лицеях, основанных французскими миссионерами. Мы сломим и этот предрассудок, который мешает ввести там совместное обучение. То же—и с татарами. Если ввести совместное обучение сразу и сверху в виде декрета, то это вызовет у населения враждебное отношение к школе. Для разработки декрета на всех указанных основаниях создается комиссия в составе двух представителей от Комиссарита по Национальным Делам, трех—от Комиссариата Просвещения (одного от Отдела школьной политики, одного от Единой Школы и одного из членов Юридического Консультационного Бюро) для разработки редакции. Я присоединяюсь к предложению тов. Диманштейна, что, если эта комиссия придет к единогласному решению относительно текста декрета, то он вносится в Коллегию Комиссариата, не заходя в Государственную Комиссию: в противном случае он переносится на обсуждение Государственной Комиссии по Просвещению. Вот в чем заключаются мои предложения. Что касается Отдела по национальному образованию, то в принципе давно уже было принято в этом отношении решение Комиссариата Просвещения. Схемы этого Отдела позвольте здесь не обсуждать, а разработать в Коллегии, при чем в дальнейшем она может быть внесена на обсуждение Государственной Комиссии. Я предложил бы в течение остающегося у нас времени обсудить другие вопросы о разновидностях государственной школы, предназначенной для детей не русских граждан.

Это—вопрос международный и не является вопросом внутрикомиссариатским. Комиссариат Просвещения должен иметь свою точку зрения и высказаться по этому вопросу, что я и предлагаю сделать. Что касается поставленного на повестку декрета о высшей школе, то в виду того, что он является дальнейшим развитием положения, принятого на прошлом заседании Государственной Комиссии, позвольте просить полномочий для Коллегии выпустить декрет в виду крайней спешности, потому что в первой половине октября начинаются уже занятия, и поэтому его следует выпустить, не внося на обсуждение Государственной Комиссии по Просвещению. Эти положения принципиально не заключают ничего нового и являются только развитием тех основных положений, которые были приняты в прошедшем заседании Государственной Комиссии. Позвольте прежде всего решить первый вопрос. Не имеется ли возражений против образования комиссии для разработки вопроса о национальных школах для русских граждан в таком составе, который был здесь предложен?—Возражений нет. Позвольте считать это принятым. Теперь второй вопрос. Уполномочивает ли Государственная Комиссия Коллегию Комиссариата выпускать декреты по реформе высшей школы от себя, насколько это не выходит за пределы полномочий Комиссариата Просвещения, и вносить их непосредственно в качестве законопроектов в Совет Народных Комиссаров, поскольку требуется его санкция, и не внося эти декреты снова на обсуждение Государственной Комиссии, в виду спешности дела и в виду того, что декреты ничего нового в себе не заключают? Кто возражает против этого? — Возражений нет,—позвольте считать принятым.

Тогда переходим к вопросу об отношениях к школам не только русских граждан не русского языка, но и для не русских граждан, обитающих в России. За доклад позвольте считать здесь те разъ-

ясненія, которые я дал в начале заседания.

Сабель. Есть много польских и литовских школ на тех территориях, которые отошли от советской России. Для нас неприемлемо существование школ буржуазного типа. Тогда явится возможность для всех русских буржуазных элементов послать своих детей в эти школы, что весьма нежелательно.

Мицкевич-Капсукас. Я присоединяюсь к тому, что сказал тов. Сабель, и скажу следующее: здесь говорится о церковных обществах. Если эта лазейка будет оставлена, то все конгрегации будут делать свое дело и сведут на нет наше общее положение о трудовой школе, которое мы стремимся провести в жизнь. Нет сомнения, что клерикалисты примут все меры к тому, чтобы расстроить наше дело среди национальных меньшинств. Они обладают достаточными средствами, чтобы этого достигнуть. Необходимо быть сугубо осторожным, как и тов. председатель был осторожен, указывая на исключения для мусульман. В отдельных случаях можно пойти на известные уступки, но никоим образом в декрете об этих уступках не следует упоминать.

Дманштейн. Мне кажется, что ни у кого нет охоты иметь в России такие школы, которые были бы против наших принципов. Здесь вопрос стоит в другой плоскости. Поскольку это подпадает под Брестский договор, мы в этом не компетентны. Нам это, конечно, не желательно, но если вопрос сводится к тому, зачем немцы в России, то это уже область Комиссарита Иностранных Дел. Я считаю, что обсуждение этого вопроса здесь излишне. В административном порядке на основании Брестского договора такие-то школы допускаются, и мы ничего здесь сделать не можем. Что касается полунемцев, то надо вспомнить декрет о выходе из русского гражданства. Они в случае выхода из русского гражданства должны оставить русскую территорию: немцы должны уехать отсюда, вот и все. Я предлагаю этот вопрос передать на рассмотрение Комиссариата Иностранных Дел и совместно с ним постараться по мере возможности уменьшить это зло.

М. Н. Покровский. Я, собственно говоря, вполне согласен с говорившими сейчас товарищами. Это будет лазейка и для клерикализма и буржуазии, чтобы вбить клинья в нашу систему образования. Я старался район деятельности этих клиньев ограничить. Если всем вышедшим из русского гражданства предоставить эти права, то прежде всего тогда образуется огромное количество украинских школ. Затем эти национальные меньшинства, скажем, мусульманские, татарские школы, сейчас же подпадут под влияние таврического правительства, поскольку там эти мусульманские элементы есть. Тогда муллы будут преподавать арабский язык и т. д. Помоему, трудно на практике устроить так, чтобы эти национальные по имени школы, в государственном смысле, не превратились в классовые буржуазные школы. При свободе выхода из русского подданства сейчас, вероятно, целый ряд русских буржуа не затруднится потурчиться. Комиссариат Просвещения должен в этом отношении высказаться принципиально совершенно определенно и решительно в отрицательном смысле и в то же время, в действительности, войти в соглашение с Комиссариатом Иностранных Дел, с одной стороны, и с Комиссией по отделению церкви от государства, с другой стороны, и предложить им организовать комиссию для выработки на практике соответствующих мер. Если, как уверяют немцы (я в этом не судья и в Брестском договоре разбираюсь слабо), имеются статьи, которые обеспечивают легальное существование различным германским учреждениям в России, то ничего не поделаешь. Это подписано, и придется это выполнить. Но тогда придется толковать, каким образом ограничить зло. Может быть, что мы этим и ограничимся. Итак, позвольте принять следующее: «Государственная Комиссия уполномочивает Комиссариат Просвещения снестись по этому поводу с Комиссариатом Иностранных Дел и с Комиссией по отделению церкви от государства на предмет образования междуведомственной комиссии для разработки данного вопроса.

Маршевская. Здесь имеется опасность по отношению к польской национальности, так как до некоторой степени они составляют большое зло в правительственном отношении, и все наши старания могут быть парализованы. Поэтому, если Комиссариат Просвещения будет сноситься с Комиссариатом Иностранных Дел, он должен высказаться по отношению к полякам негативно.

М. Н. Покровский. Повидимому, в отрицательном отношении мы все сходимся. Если бы мы имели возможность не допустить образования таких школ, мы не допустили бы, потому что это значило бы создавать искусственно-отсталые с нашей точки зрения школы.

Позвольте объявить заседание закрытым.

Девятое заседание от 5 октября 1918 г.

Присутствовали: М. Н. Покровский, Альтер, Познер, Калинин, Лазуркина, Радин, Каменева, Каратеев, Мицкевич-Капсукас, Квасников, Головинский, Кечекеян, Кашкаров, Коршаков, Левин, Лилтван, Мандельштам, Мошковцев, Турук.

Заседание открывается под председательством заместителя народного комиссара по просвещению М. Н. Покровского.

М. Н. Покровский. Позвольте объявить заседание Государственной Комиссии по Просвещению открытым. В повестке дня стоит вопрос о смете Народного Комиссариата по Просвещению, но так как, к сожалению, междуведомственная комиссия еще не кончила обсуждения сметы, то позвольте сначала поставить пункт второй: о подготовке учительского персонала. Слово принадлежит докладчику тов. Левину.

К. Н. Левин. Товарищи, в настоящее время в вопросе о подготовке учителей на очереди стоит реформа учительских институтов и семинарий, создание целой сети новых педагогических курсов и открытие одной или двух высших педагогических академий. Это—минимум, который в ближайшем будущем нужно осуществить. Сегодня вашему вниманию мы предложим новое Положение об учительских институтах, временное—об учительских семинариях, и пока на этих двух вопросах мы остановимся. Положение об учительских институтах выработано было на совещании деятелей по подготовке преподавателей. Мне нет надобности подробно останавливаться на вопросе о том, до какой степени были в прошлом неудовлетворительны институты и как мало они соответствовали потребностям школы. Это положение сознавалось всеми передовыми педагогами и более всего воспитанниками самих учительских институтов. Весной этого года состоялся Всероссийский съезд учеников учительских институтов, и на нем было постановлено обратиться в Народный Комиссариат по Просвещению с просьбой приступить к реформе учительских институтов превратив их в высшие учебные заведения. После этого создалась комиссия по реформе учительских институтов, она выработала основные тезисы реформы, и мы вошли с ними на совещание деятелей по подготовке преподавателей. Секция учительских институтов выработала окончательный текст положения об учительских институтах, а также программу предметов, вернее—циклизацию их, и основные штаты этих институтов. В общем и целом реформа носит характер чрезвычайно односторонний. Попрежнему учительский институт готовит только учителей определенной дисциплины, определенных предметов. Объясняется это тем, что не было возможности и времени разработать Положение в более обширном виде, и пока вашему вниманию предлагается как бы один факультет этого учительского института. Здесь совершенно нет Отдела по дошкольному воспитанию, Отдела по внешкольному воспитанию и нет специальных Отделов, которые изучали бы трудовой процесс готовых деятелей. Здесь идет речь о подготовке учителей целого ряда предметов. Мы сознаем недостатки этой реформы, но оставить институты в прежнем положении мы не могли и должны были в порядке спешности превратить их в высшие учебные заведения, хотя бы только в отношении подготовки учителей определенной дисциплины. И за этим мы к вам и приходим, но то Положение, которое предложено вашему вниманию, нуждается в поправках. На эти поправки, если позволите, я и обращу ваше внимание. Прежде всего, с точки зрения Отделов подготовки учителей и реформы школы находится в полном несоответствии с общим Положением о Единой Трудовой Школе вопрос об управлении институтами. Совещание деятелей по подготовке преподавателей (секция учительских институтов) хотело в замаскированном виде восстановить должность директора учительского института в виде председателя педагогического совета, избираемого на целых 4 года. Названный Отдел Комиссариата по Просвещению,—к этому присоединился и Отдел единой школы, — единогласно постановил, что пункт об управлении институтами необходимо согласовать с общим Положением о Единой Трудовой Школе, т.-е. управление институтом должно быть коллегиальное, и должность председателя с такими большими полномочиями, как здесь предполагается, избираемого на четыре года, не должна существовать совершенно. Никаких разногласий между нами нет также в вопросе о приеме в учительские институты. Я не буду перечислять всех категорий лиц, как слушателей учительского института, но мы просим это Положение дополнить пунктом или, вернее, резолюцией, которая была принята на первом Всероссийском совещании деятелей по народному образованию,—именно, чтобы в учительские институты допускались все те демократические элементы, которые готовы отдать себя педагогической работе и выдержат условия коллоквиума,—словом, ни образо-

вательный ценз, ни педагогический стаж от поступающих в учительский институт не требуются обязательно. Это добавление к условиям приема, которые здесь обозначены,—необходимо. Кроме того, нам придется также просить обратить внимание на целый ряд пунктов, которые необходимо или изменить или совершенно даже выкинуть. Так, напр., в пункте 14 Положения об учительских институтах преподаватели делятся на профессоров, преподавателей и лаборантов. Отделы реформы школы и подготовки учителей находят, что это деление становится в известной мере архаическим. Пора прекратить деление преподавателей на категории. Это—просто преподаватели и руководители, а профессора и преподаватели, это, все-таки,—отзвук старых порядков, и мы против этого протестуем. В соответствии с этим должен быть изменен и § 15, где говорится, что профессорами институтов могут быть лица, имеющие право быть преподавателями высших учебных заведений. Потом относительно замещения преподавательских должностей мы с положением, которое выдвинуто совещанием деятелей по подготовке преподавателей, не согласны и считаем более приемлемым, как и Комиссариат Просвещения, замещение кафедр путем конкурса, как это будет введено и во всех высших учебных заведениях. В соответствии с этим и § 18 должен быть совершенно изменен и именно в духе условий, которые будут выдвинуты конкурсом по замещению кафедр и всех приватных должностей по институту. Дальше § 22 положения мы считаем неприемлемым, потому что здесь порядок и условия приема на имеющиеся в институте вакансии устанавливаются целиком советом института. В переходный момент, особенно в наше революционное время, представлять это право целиком институту мы считаем невозможным. Во всяком случае, местные демократические организации и сам Комиссариат Просвещения в этом вопросе должны иметь свой голос несомненно, и, во всяком случае, правила и условия приема нужно поставить в соответствие с теми требованиями, которые выдвинуты были Всероссийским съездом деятелей по народному просвещению,—именно, чтобы в институт был открыт доступ всем истинно демократическим элементам, желающим посвятить себя педагогической деятельности. Далее § 23, несомненно, должен быть изменен в соответствии с тем, что выдвигается Комиссариатом в области социального обеспечения слушателей всех учебных заведений страны. Именно здесь говорится о стипендиях в размере прожиточного минимума, устанавливаемых для данного района Комиссариатом Труда. В связи с этим пунктом придется принять положение, которое сейчас уже предопределено Комиссариатом, об обеспечении слушателей жилищем—общежитием—и питанием. В дальнейшем § 25 тоже возбуждает у нас некоторое недоумение,—именно, что слушатели отслуживают стипендии таким образом: за год стипендии—полтора года в должности учителя единой школы. Вообще относительно этого параграфа были разногласия. Одни склонялись к мысли, что нужно отслуживать стипендию, другие—что стипендию отслуживать не нужно, но большинством голосов было постановлено, что этот параграф, как профилактический, следует оставить: может быть, он удержит тех, кто не чувствует себя по призванию педагогом; иначе пойдут в институты многие только потому, что там будет стол и общежитие, а потом не пойдут на должность учителя. Мы решили этот параграф оставить, но установить за год пользования стипендией не полтора года службы, а год. § 29 у нас тоже возбуждает сомнения. «Слушателям института из числа учителей, окончивших курс института, время пребывания в институте зачисляется в срок выслуги пятилетних прибавок и пенсии». Если пятилетние прибавки вообще остаются, если признано, что для тех учителей, которые поступят в институт, это и следовало бы сохранить, то тогда почему же ученики учительского института должны быть какими-то счастливцами и для них будет создано привилегированное положение только тем, что они пробыли в институте четыре, пять лет. Большинством голосов у нас этот параграф решено изъять. В дальнейшем возбуждает не только сомнения, но и совершенно отрицательное отношение § 31. Его нужно полностью привести в соответствие с Положением о Единой Трудовой Школе. Но позвольте на нем не останавливаться и прямо автоматически его переработать. Это уже conditio sine qua non. Ясно, что Положения об учебных заведениях, которые готовят преподавателей для Единой Трудовой Школы, не могут не находиться в контакте с Положением о самой Единой Трудовой Школе. Таким образом, для нас вопрос о коллегиальном управлении институтом не подлежит сомнению, и разногласий по этому вопросу у нас не было. § 32 трактует о том, что совет руководит... *(читает)*. Это и есть наиболее для нас неприятный параграф. Он тоже в связи с § 31 подлежит аннулированию и замене всего этого коллегией. Далее § 38 опять-таки вызывает отрицательное отношение. Здесь говорится о том, что... *(читает)*: «Ведение административных и хозяйственных дел, на основании наказа, выработанного советом, возлагается на правление, в состав которого входят, кроме председателя совета, четыре члена, избираемые советом из своей среды на срок по его определению, при чем одним из членов правления является представитель от слушателей и один—от опытной при институте школы». Прежде всего само по себе правление тут не подотчетно. Опять оно является чем-то самодовлеющим, каким-то бюрократическим органом, который отчитывается только сам перед собой. Это—совершенно недопустимо. Этот параграф нужно переработать в духе Положения о Единой Трудовой Школе и в соответствии с Положением об учительских семинариях. Вот главные замечания относительно Положения. В разделе штатов института возбуждает сомнение пункт 10, именно *(читает)*: «Учитель опытной школы при институте получает по 450 р. за годовой час. Примечание: а) учитель опытной школы может иметь не более 18 учебных годовых часов при 6 воспитательских, за которые вознаграждения не получает; б) участие учителя опытной школы в конференциях, в связи с практическими уроками, оплачивается по расчету 720 р. за каждый годовой час (обсуждение уроков конференции); в) в остальных случаях оплата труда в опытной школе устанавливается по нормам Единой Трудовой Школы». Тут получается какая-то несообразность в том отношении, что в то время, как Положение о Единой Трудовой Школе всех школьных работников сравнивает в смысле вознаграждения,—для учительских институтов остаются какие-то привилегированные группы. Одни будут получать больше, другие меньше. Правда, здесь отмечен другой принцип вознаграждения—годовой час, но тогда надо труд всех работников учительских институтов оплачивать одинаково. И мы протестуем против того, чтобы учителей опытной школы с их хорошими знаниями и солидным стажем отделять от преподавателей института и оплачивать ниже. Это кажется для нас неприемлемым, и такое положение является недопустимым. Вот главные замечания, которые Отдел реформы единой школы и Отдел подготовки учителей высказали по поводу Положения об учительских институтах и также по поводу штатного расписания должностей в учительских институтах. Если признать, что подготовка учителей до настоящего времени была ненормальной и нужно поднять образовательный уровень будущих педагогов,—конечно, предлагаемый законопроект является огромным шагом вперед. Если вы посмотрите на программы, которые здесь прилагаются, то вы увидите, что по сравнению с прошлым они положительно неузнаваемы. Во-первых, вводится целый ряд новых дисциплин, обязательных для всех слушателей института, затем, по желанию, слушатели могут разбиваться для своих работ по циклам. Относительно циклов были некоторые разногласия: Отдел реформы школы находит, что циклов слишком много; их можно было бы уменьшить до четырех. Только в этом и вышли разногласия, так как Отдел реформы школы считает такое большое число циклов слишком дробным. Он находит, что в пределах четырех циклов родственных предметов и должно вестись изучение и преподавание окончившими учительские институты. Действительно, циклов тут значительное количество, и некоторые из выдающихся педагогов считают возможным некоторые циклы соединить вместе. Например, цикл физико-математический можно соединить с циклом физико-химическим. Это приходилось слышать в личных беседах с видными преподавателями высших учебных заведений. Многие считают возможным соединить даже циклы физико-математический, географический, химический и даже биологический, но это был бы слишком обширный цикл. Во всяком случае, специалисты говорят, что циклов дано слишком много, и некоторые циклы слишком узки. Географического цикла можно было бы не создавать и слить его с циклом биологическим. Останавливаться на объяснительных записках и программах нет возможности. Этот вопрос в свое время дебатировался в специальной комиссии, и было достигнуто соглашение как в предварительных работах, так и на совещании по подготовке преподавателей. И в этом отношении больших разногласий не было. Расхождения, которые имелись раньше, были сглажены согласительными работами. Остался не совсем вырешенным вопрос относительно некоторых социально-исторических дисциплин, но, так как мы мыслим будущие учительские институты высшими учебными заведениями, навязывать им совершенно законченную программу было бы неуместно. Поэтому и этот вопрос едва ли придется нам подвергать диспутированию. Заканчивая это краткое сообщение о реформе учительских институтов, я должен сказать, что эти учебные заведения в таком виде, в каком мы хотим их видеть, не являются совершенными. В ближайшем будущем, по мере того, как у нас окажутся школьные работники для высших учеб-

ных заведений, придется при учительских институтах открывать, где это возможно, и отделения по внешкольному образованию и отделения по подготовке руководителей по проведению трудовых начал в жизнь школы. Это—минимум того, что должны давать учительские институты. Но, повторяю, мы в порядке спешности приступили к реформе и желали хотя бы один будущий Отдел по подготовке преподавателей для второй ступени Единой Трудовой Школы поставить в совершенном виде путем расширения программы и создания циклов, которые здесь намечены. Сейчас эта цель достигается, и в течение ближайшего года, мы думаем, все 50 учительских институтов, которые имеются в зоне советской власти, удастся превратить в высшие учебные заведения. Сразу это делать было бы неосторожно, но в течение ближайшего года это удастся сделать. Прежде всего преобразования будут проведены в столичных городах и в тех городах, где есть университеты. Здесь вопрос обстоит легче, и возможность реформы для нас не вызывает сомнений, так как эти города обеспечены преподавательскими силами в полной мере. Труднее обстоит дело в тех городах, где нет высших учебных заведений, но и в городах, которые близки от столичных центров, есть возможность привлечь из столиц молодые преподавательские силы. Здесь идет речь о таких городах, как Тверь, Иваново-Вознесенск и другие. На этом я закончу краткое сообщение о реформе учительских институтов и отвечу на все вопросы, которые будут. Далее, если будет позволено, я приступлю к краткому сообщению о реформе учительских семинарий.

Голоса. Просим.

Левин. Относительно учительских семинарий я должен прежде всего сделать общее замечание. Судьба учительских семинарий предрешена как Народным Комиссариатом Просвещения, так и Всероссийским съездом деятелей по народному образованию. Учительские семинарии оставлены в их настоящем виде только на один год. Это не значит, впрочем, что они остаются неизменными: в этом году мы решили их сильно изменить. Во-первых, мы решили их приспособить таким образом, чтобы последующая реформа прошла более безболезненно. Реформа заключается в том, что первые три класса будут слиты с Единой Трудовой Школой, а старшие два класса учительских семинарий будут присоединены к будущим высшим учебным заведениям, которые сменят учительские институты. Мы здесь исходим из того, что нелепо готовить специалистов,—это вопрос общий,—с 13—14 лет. Когда человек войдет в возраст, он может почувствовать другое призвание, окажется плохим учителем, а между тем на это дело будут загублены 5—6 лет жизни. Мы решили, что будем открывать такие учебные заведения, куда будут приниматься молодые люди не моложе 17 лет, когда переходный возраст уже прошел, и человек может определить себя. Но недопустимо такое положение, когда начинают готовить людей к профессии с 13 лет. В течение этой зимы учительские семинарии будут подготовлены к реформе, так что с будущего года младшие три класса совершенно сольются с Единой Трудовой Школой. В этом году произойдет последний выпуск, и нынешний четвертый класс, перейдя в пятый, превратится в первый курс будущего учебного заведения, которое заменит учительские семинарии. Все 140 учительских семинарий, находящихся в зоне советской власти,—их всего 280 в России,—мы намерены преобразовать в новые высшие педагогические учебные заведения, которые будут готовить деятелей по дошкольному воспитанию для первой ступени школы и работников для проведения трудового начала в жизнь школы. Но, не дожидаясь этой реформы, мы решили ввести преподавание ряда новых предметов. Совещание деятелей по подготовке преподавателей нашло нашу программу несколько обширной. Мы решили ввести следующие предметы: социологию, политическую экономию, историю социализма, аграрный вопрос и учение о правовом государстве в связи с советской конституцией. Некоторые предметы введены там, где не будет самостоятельных дисциплин. С этого года мы попытаемся во всех учительских семинариях провести на принципе локализации осуществление преподавания политехнических знаний. Принцип локализации необходим, потому что учителя прикованы к определенной местности, и, таким образом, в разных полосах России требуются разные политехнические знания. Это была мысль Комиссариата, и она встретила сочувствие совещания деятелей по подготовке преподавателей. Таким образом, напр., в степной полосе будет преобладать цикл степных знаний сельского хозяйства, а в лесной—будет изучаться лесное дело, в горной—горное и т. д. Одновременно с мыслью о реформе семинарий и превращении их в высшие учебные заведения и с временным пока обновлением программы мы решили, хотя бы на один год, обновить и самое управление семинариями. Здесь предлагается проект временного положения об учительских семинариях. В этом проекте

вы не найдете никаких расхождений с Положением о Единой Трудовой Школе. Это объясняется тем, что проект положения, который вносился на совещание деятелей по подготовке преподавателей, носил следы той работы, которая совершалась в Комиссариате, и надо сказать, что совещание деятелей по подготовке преподавателей приняло проект в целом виде. Дополнений сделано лишь очень немного, и расхождение было только в одном пункте. На совещании пришлось прямо заявить, что по условиям революционного момента автономии дать семинариям нельзя. Нельзя допустить положения, чтобы педагогические советы выбирали преподаватели сами, т. к. в этом случае создалось бы такое положение, что все советы сами себя выбирали бы, и мы состава не обновили бы. Они настаивали на том, чтобы предоставить им право самим выбирать, и это было вполне естественно, но Комиссариат с этим не согласился, и пока не будет такого подбора преподавателей, который стоял бы в полном контакте с советской властью, полной автономии педагогическим учебным заведениям мы дать не можем. И здесь принят такой компромисс: учительские семинарии, как учебные заведения, обслуживающие нужды не уезда, а целой губернии, в буквальном смысле общегубернские учебные заведения, мы должны временно подчинить губернским Отделам по народному образованию. В этом отношении между Отделом реформы школы и отделом подготовки учителей разногласия не было. И я прошу утвердить положение о том, что учительские семинарии подчинены в смысле административном губернским Отделам по народному образованию. Это—единственное положение, которое вызвало разногласия на совещании, но Комиссариат от него отказаться не может. В будущем, когда нормальная жизнь в учебных заведениях восстановится и подбор преподавателей будет приемлем для советской власти, тогда можно будет осуществить и автономию всех педагогических учебных заведений в смысле избрания преподавателей самими заведениями. За советской властью останется право отвода и утверждения. Вот, в кратких чертах, те реформаторские замыслы, которые имеются в отношении учительских семинарий. Повторяю, не надо быть очень строгими судьями того временного положения, которое предлагается вашему вниманию, ибо в виду краткости времени, которое имелось у нас в распоряжении, и крайней необходимости реформирования учительских семинарий—другого исхода не было. Правда, съезд деятелей по народному образованию предлагал радикальную меру: в этом году все учительские семинарии закрыть и попытаться на их место открыть какие-нибудь педагогические учреждения, но с другим курсом и программой. Но на эту меру мы не могли пойти по следующим соображениям. Учительские семинарии нигде не носят чисто локального характера. Каждая учительская семинария имеет учеников из целого ряда уездов и из отдельных губерний. Если бы мы в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета» напечатали, что учительские семинарии закрываются и будут открыты новые учебные заведения, то создалось бы такое положение, что в этом учебном году ученики не явились бы на занятия, и был бы еще вопрос, создали бы мы желательные нам новые учебные заведения, уничтожив старые. Так как мы предполагали, что младшие классы учительских семинарий мы сольем с Единой Трудовой Школой, то не было надобности их закрывать. Единственная оборотная сторона та, что в этом году придется материально потратиться, именно—потратиться на стипендии для первых трех классов, что выйдет, правда, несколько дорого, но все же дороговизна эта не так велика, как кажется на первый взгляд, и никаких особых средств на это испрашивать не придется. Вот все замечания, которые я должен высказать по поводу проекта. В дальнейшем я укажу на то что необходимо в настоящее время приступить к созданию двух высших педагогических академий. Одна проектируется в Петрограде, другая откроется в Москве. В Москве мы намерены Шелапутинский институт превратить в академию. По проекту, эти академии будут заниматься научной разработкой учебно-воспитательных вопросов, будут готовить преподавателей для педагогических учебных заведений, для показательных школ, для детских садов, учителей по внешкольному образованию и учителей-практиков по народному образованию. Вот те цели, которые будут преследоваться новыми высшими учебными заведениями, именно высшими педагогическими академиями. С этого года, кроме того, закроются все восьмые классы женских гимназий, все епархиальные училища и педагогические классы в них. Кроме того, закрыты все привилегированные институты и все примитивные педагогические курсы при высших начальных училищах. Таким образом, все кадры учителей этих заведений больше не будут появляться на свет, и нам придется черпать учителей откуда-то из дру-

гих источников. Отдел подготовки учителей вошел в Коллегию Комиссариата с проектом открытия целой сети—до 200—педагогических курсов в стране. Нельзя знать, какое направление даст этому вопросу Коллегия Комиссариата. Может-быть, она его совсем отвергнет, но, во всяком случае, вопрос об открытии новой сети педагогических курсов дебатировался и на совещании деятелей по подготовке учителей и был разрешен положительно съездом деятелей по народному образованию. Последний вопрос, имеющий отношение к подготовке учителей, это—вопрос о краткосрочных курсах для обновления знаний существующего уже педагогического персонала. По нашей мысли, необходимо пропустить всех учителей через краткосрочные недельные курсы, по крайней мере, в три-четыре года. И это сделать возможно по подсчету, исходящему из наличия педагогического персонала: в один год пропустить через эти курсы всех учителей невозможно. Вот основные вопросы, которые приходится разрешить в настоящее время Комиссариату в области подготовки учителей. При этом мы имеем в виду одно обстоятельство,—именно, нам желательно иметь новых учителей для новой школы, и в области подготовки учителей главная задача—создать новых учителей. Если мы этих новых учителей не создадим,—новой школы мы не дождемся. В создании нового учителя главную роль играет вопрос о том, каков должен быть этот учитель. И мы его мыслим прежде всего как учителя-социалиста. В данном случае от беспартийности, от аполитичности нам приходится отказаться. Вот почему в тех Положениях, которые у нас под руками, вы будете встречаться с тем, что пролетарским организациям, Комитетам бедноты и всем вообще организациям чисто демократическим предоставляется доминирующее право на распределение стипендий в педагогических учебных заведениях, доминирующее право по проведению своих кандидатов, конечно, этого достойных. Это необходимо, и без этого невозможно подготовить новых учителей. Мы этих новых учителей будем черпать из низов народных, из рабочей и крестьянской массы прежде всего.

Квасников. Я могу только приветствовать все то, что я сейчас слышал, и не смею останавливаться на многих вопросах, потому что не имел возможности детально ознакомиться с предлагаемым здесь проектом; но я обратил внимание на § 3. Я полагал бы, что здесь необходимо внести такую поправку,—что и воспитанники институтов имели бы право оставаться на 5-й год. В практике учительских институтов я наблюдал желание некоторых учеников еще побыть год в учительском институте, чтобы окончить курс. И это сознание молодого человека следовало бы приветствовать. Затем мне кажется, что вообще в уставе до некоторой степени отразился старый взгляд, что можно и должно приготовлять особых учителей для средней школы. Это обстоятельство в прежнее время, еще до нашего знаменитого переворота, имело огромное значение, я сказал бы, вредное, и поэтому утешительно только то, что, как указал докладчик, этот устав учительских институтов будет основательно переработан зимой или вообще в течение учебного года. Считая учительские семинарии злом, но необходимым и неизбежным, нужно приветствовать, что они оставлены временно. Нужно также выработать такой устав учительских институтов, чтобы создавались учителя, пригодные для всякого типа школ первой и второй ступени. Нужно смотреть более серьезно на то, что детский и отроческий возрасты требуют более основательных педагогов, чем вторая ступень. Поэтому следовало бы приветствовать такую реформу учительских институтов, чтобы воспитанники их имели возможность выходить оттуда энциклопедистами. Как нам говорит история просвещения, в России был главный педагогический институт, который в царствование Николая I был закрыт, если не ошибаюсь, по чисто политическим соображениям. Многие деятели, окончившие этот главный педагогический институт, действительно являлись очень ценными и весьма дельными людьми в области нашего народного просвещения и сделали в этом отношении очень много. Я сам—воспитанник учительского института. Я учился и воспитывался там под руководством одного из воспитаников этого учебного заведения, некоего Беляевского. Он сумел поставить дело так, что дай Бог, чтобы оно было поставлено так и в других местах. Затем, мне кажется, здесь упущено еще одно обстоятельство: в этих учебных заведениях нет тех деятелей, тех работников, которые постоянно являлись бы старшими товарищами, помогали бы воспитанникам в той серьезной работе, которую они выполняют в учительском институте, где им приходится изучать не только целый ряд предметов, но осуществлять также известное творчество. Этот недостаток мы замечали еще в прежних учительских институтах, очень плохих, оставивших по себе тяжелые воспоминания. Но тем не менее мы знаем, что в них были и товарищи, поднимавшие целый

ряд интересных вопросов, на которые воспитанники наталкивались на пути своего обучения. Тех людей, которые должны помогать в этом отношении воспитанникам учительских институтов, я бы не назвал воспитателями. Но нужно, во всяком случае, отыскать таких людей и такие пути, при помощи которых каждый воспитанник института имел бы возможность разрешить всякий вопрос, который у него возникает. Насколько мне приходилось слышать и читать, за границею есть, между прочим, такие педагогические учебные заведения, где преподаватель или воспитатель не имеет права ответить воспитаннику «я не знаю» или «я не могу ответить»,—он должен непременно указать пути, по которым тот может получить ответ на свой вопрос. Я не нахожу, чтобы здесь на это было обращено внимание, между тем страдания таких молодых пытливых и даровитых людей очень велики, когда они не находят ответа на свои вопросы, часто очень серьезные,

Затем я обращаю ваше внимание на то, что у нас все-таки многое осталось от прежнего. Нам непременно почему-то нужен председатель педагогического совета, который бы играл начальственную роль. Я знаю опыт, который был применен даже в маленьких учебных заведениях старого типа,—не тех двух ступеней, которые так энергично и симпатично теперь проводятся, а именно в начальной школе, где мы избирали председателя педагогического совета только на один год. По прошествии учебного года можно было только приветствовать это обстоятельство,—там председатель педагогического совета не имел функций чисто начальственного характера. Товарищ докладчик, впрочем, сказал, что это будет исправлено и что во всяком случае не будет допущено, чтобы председатель избирался на 4 года.

Что касается циклов, то я нахожу, что они очень специализированы, но товарищ сказал, что и на это будет обращено самое серьезное внимание.

Что касается вознаграждения, то, мне кажется, его следовало бы просто уравнять.

Я обратил также внимание на деление на профессоров, преподавателей и т. д., но докладчик сам также отметил эту ненормальность, указав, что это надо изменить.

В общем я нахожу, что будущие учительские институты должны приготовлять отдельных педагогов, которые могли бы работать в единой школе на обеих ступенях.

Лазуркина. Я хотела только сказать о том, что и в учительских семинариях и в педагогических институтах необходимо было бы ввести кафедру по дошкольному воспитанию. Мы второй раз открываем курсы, но это очень мало дает в отношении обслуживания всей России. Поэтому необходимо и в педагогические институты и в учительские семинарии ввести семинарии для подготовки деятелей по дошкольному воспитанию. Это создаст связь между дошкольными и школьными работниками, ибо только тогда, когда педагог будет знаком и с возрастом, предшествующим определенному периоду, только тогда возможно будет поставить правильно педагогическую работу.

Мандельштам. Я хочу сказать несколько слов о положении искусства в программе институтов. Мне кажется, что есть некоторое несоответствие между тем местом, которое занимают искусства в плане единой школы, и тем местом, которое отведено искусствам в программе института. В программу единой школы искусство входит не как украшение, не как роскошь, а как органическая принадлежность школы. Соответственно с этим было бы желательно, чтобы в области искусств учителя получали не только общую теоретическую подготовку,—чисто пассивную, которую они получают согласно теперешних программ, т.-е. они слушают историю искусств, приобретают некоторые теоретические познания и т. д.,—а проходили бы также школу практическую, т.-е., обучались бы начаткам самих искусств активно, как своего рода художественным ремеслам, т.-е. обучались бы начаткам рисования, лепки, пения, музыки и т. д. Это особенно важно для школы первой ступени, для народных учителей, ибо народный учитель является, в силу чисто психологических условий школы первой ступени, энциклопедистом, мастером на все руки в то время, когда школа второй ступени будет иметь, весьма возможно, квалифицированных преподавателей, подготовленных инструкторскими курсами по музыке, изобразительным искусствам и т. д. Учитель первой ступени должен будет организовывать и школьный хор и преподавать начатки изобразительных искусств, рисования, лепки и т. п. Подотдел художественного воспитания в союзе с Коллегией изобразительных искусств и Музыкальным Отделом разработал тот план подготовки учителей общеобразовательной школы по искусствам, который он намерен представить. Так что материал по этому вопросу имеется, и было бы желательно, чтобы он был рассмотрен.

М. Н. Покровский. Меня удивляет самый доклад. Я не понимаю, почему Отдел

подготовки учителей нашел нужным докладывать, с оговорками и возражениями, о проекте, выработанном совещанием по подготовке преподавателей, и с которым, видимо, Отдел подготовки учителей и сам не вполне согласен. Совещание по подготовке учителей, как и всякое совещание, могло дать только известные материалы для выработки самостоятельного проекта. Если бы Отдел подготовки учителей поступил так, как поступил Отдел высшей школы, т.-е. воспользовался бы, как материалами, данными, которые дало совещание по подготовке преподавателей, и выработал бы свой проект, то мы имели бы нечто более стройное и не имели бы тех оговорок, которые показывают, что докладчик не согласен с текстом доклада, размноженного и розданного. Когда Кирик Никитич Левин излагал его, то он говорил часто, что в нем есть отзвуки старого. Получалось слишком объективное отношение докладчика к своему докладу. Я бы лично стоял за то, чтобы предоставить Отделу подготовки учителей, приняв этот доклад в принципе, произвести самостоятельную работу в смысле редакции, устранив то, что он считает нецелесообразным, устаревшим и т. д.; в этом отношении Отдел совершенно правомочен. Ему не нужно никакой санкции Государственной Комиссии на то, чтобы, если он найдет нужным, даже кассировать совсем тот проект, который выдвинут совещанием по подготовке преподавателей. Совещание по подготовке преподавателей есть только совещание, консультация, с результатами которой можно считаться целиком, а можно считаться только отчасти; воспроизводить же результаты такого совещания в качестве доклада с такими ротюрами, помарками я не вижу никакой надобности. И, кроме того, все эти ротюры и помарки не исчерпывают того, что нужно сделать. Я, главным образом, обращаю внимание на программу, которая здесь изложена немножко спутанно. Общеобразовательные предметы имеются в проекте устава, но я их не нашел в приложении к объяснительной записке. Я нашел в приложении № 5 такой предмет—«анатомия и физиология человека». Это—курс безусловно нецелесообразный. Он может быть поставлен так, что будет преподаваться рутинная анатомия и рутинная физиология, т.-е. нечто описательное и статическое. Между тем курс этот ценен и особенно в том случае, если он дает известную опору для миросозерцания учащихся,—поэтому желательно было бы вместо указанного курса иметь общую теорию эволюции. Это гораздо более подходящий курс. Можно «анатомию и физиологию человека» поставить отдельно, и мне кажется, что надо, по крайней мере, поставить отдельно «анатомию и физиологию детского возраста». Курс же по «теории эволюции» не может отсутствовать, иначе мы можем выпустить учителей со знанием того, какие есть мускулы у человека, каково устройство его пищеварительных органов и пр., но без известной точки зрения на органические процессы.

Далее я очень удивляюсь, что в программе, которую докладывал Кирик Никитич, отсутствует «история социализма». То совещание, которое вырабатывало эту программу, и физиономия которого не оставляла никакого сомнения для всех присутствующих, тщательно желало обойти этот в высшей степени неприятный для него подводный камень и, чтобы было хоть что-нибудь похожее на историю социализма, вставило «историю социальных наук». Что значит эта «история социальных наук»? Сюда может войти и «история государственного права» и «история экономических знаний». Это настолько растяжимое заглавие, что под этим заглавием заставить все педагогические институты ввести «историю социализма» нельзя, а между тем это нужно сделать. Из предлагаемого проекта видно, что учительские семинарии имеют программу более современную, чем педагогические институты, раз в них введено преподавание «истории социализма».

Далее, что это за «обзор конституций современных государств и Конституции Российской Федеративной Советской Республики»? В наших обычных курсах здесь стоит «общая теория права с обзором конституций современных государств»; только так это и можно ставить, а иначе под указанным курсом можно дать только удобную форму, чтобы прочесть дифирамб буржуазной демократии и потом сказать только несколько слов о том, что есть такая дикая страна, называемая советской Россией, и что есть там такие дикие учреждения. Это—совершенно недопустимо.

Что касается специальных циклов, то они есть как в объяснительной записке, так и здесь. Но опять-таки совершенно непоследовательно в цикл литературно-художественный и социально-исторический поставить на первое место литературу и эстетику. Здесь сказано: «общее языковедение», «история русского языка», между тем как «общее языковедение» лингвисты на наших предварительных совещаниях не находили необходимым. Они говорили, что в нем, как в отдельном предмете, необходимости нет в педагогических институтах, а вместе с тем сюда его включили. Далее идут: «теория и психология художественного творчества», «история русской литературы с методологией», «методика русского языка» и «пробные уроки». Это все, конечно, нужно. Но дальше идет: «история искусства», «история культуры» (первобытной и европейской), «история русской культуры». «История русской культуры»—чрезвычайно неопределенное название. Само собою разумеется, что и моя маленькая книжка называется «история культуры». Если там будет читаться такая «история культуры», то это один сюжет. Но под именем истории культуры можно читать и историю духовной культуры.

Далее идет «история всеобщей литературы XIX века» и, почему-то, «методология и методика истории с пробными уроками», каковой нет. Относительно истории культуры желательно употребить то название курса, которое дано в нашем проекте,—«общая история культуры»,—и ввести рядом «новейшую историю», как особый предмет. Тогда будет ясно, что история в числе этих предметов доминирует. «История искусств» есть отдельно, а «новейшей истории» в предлагаемой программе нет отдельно. Это—чрезвычайно характерно. «История всеобщей литературы XIX века» отдельно есть, а «общей истории XIX века», «новейшей истории, нет». Она отсутствует. «Политическая экономия», которая точно так же на социально-историческом цикле должна быть выдвинута на первое место или в «форме политической экономии» или же в форме «народного хозяйства», здесь опять-таки отсутствует. И «социологии» также нет. «Социология» загнана в социально-исторический цикл. Что-нибудь одно: или «социология», или «политическая экономия», или «история народного хозяйства»—что нибудь должно быть, и это просится на 6-й пункт. «Историю же искусств», которая стоит на 6-м пункте, можно отодвинуть на специальное место, а этот предмет—«социологию»—необходимо включить.

По поводу других циклов я не буду говорить, так как в отношении их я не компетентен. К сожалению, здесь нет проф. Артемьева, который вырабатывал эти циклы в нашей комиссии. Я нахожу, что эти циклы надо сильно изменить и сблизить их с той схемой, которую мы считаем более или менее нормальною для общего образования.

Затем еще маленькое замечание по поводу сметы. Оплата преподавательского труда по 720 р. за годовой час очень архаична, как и самая программа. С той поры, как выработана эта норма, рубль настолько упал, что сейчас, по всей вероятности, нам в высших учебных заведениях придется держаться оплаты более высокой. Междуведомственная комиссия отнеслась несколько строптиво к 900 р. за час, но я думаю, что тем не менее эту норму для высших учебных заведений провести придется. А тогда явится вопрос, почему преподаватели высших учебных заведений будут получать за годовой час по 900 рублей в университете и только 720 р. здесь. Практически на этот вопрос мне пришлось натолкнуться в переговорах с Тяхомировскими педагогическими курсами, на которые эта норма произвела неблагоприятное впечатление.

Вероятно, вы скажете мне, Кирик Никитич, какая установлена предельная норма, сколько часов?

Левин. Они просят 10 часов, но, вероятно, надо считать 12.

М. Н. Покровский. Я думаю, что надо считать 12. При 12-часовой норме вознаграждение это будет несколько выше, иначе же оно получается совершенно грошевое. Только при 900 рублях мы получим достаточное месячное вознаграждение, а 12-часовая норма для высших учебных заведений, это—норма средняя. Техники, которые берутся преподавать по 18 часов, рискуют перенапряжением сил, которое годится для переходной эпохи, но которое на длительное время едва ли годится. Так что с этой точки зрения я нахожу, что следовало бы поднять норму вознаграждения, примерно, до 900 рублей применительно к нормам, которые проектируются для университетов и других высших школ при 900-рублевой часовой оплате и при 12 часах, как норме для нормальной схемы.

Левин. В данном случае мы имели в виду ввести процентное дополнение по постановлению Ц. И. К.: 720 рублей, это—не статическая цифра.

М. Н. Покровский. На 720 рублей сколько процентов начисляется?

Левин. 25%. Я не считал нужным об этом упоминать.

М. Н. Покровский. Автоматически прибавки Ц. И. К. не распространяются на все оклады, а только на оклады советских работников. А под советскими работниками разумеются только сотрудники какого-либо осветского учреждения.

Левин. Но с того момента, когда власть признала преподавателей состоящими на ее службе, они стали советскими работниками.

М. Н. Покровский. Советский работник, это—термин, соответствующий прежнему термину «чиновник». Если вы поставите вопрос таким образом, является ли учитель чиновником или нет, то вам придется ответить, что он не чиновник. Это—человек, занятый общественно полез-

ным трудом, но это не советский работник. Сначала у нас в разных охранных грамотах стали писать, что данное лицо является советским работником, но потом мы обратили внимание на то, что нас могут спросить, какую должность он у нас в Комиссариате занимает. Учителя являются советскими сотрудниками, но не советскими работниками. На них автоматически это не распространяется. Но практически мы сходимся в том, что это слишком низкая оплата.

Вот те замечания, которые я хотел сделать. В общем они сводятся к тому, чтобы, приняв в принципе этот проект, поручить Отделу подготовки учителей немедленно его перередактировать сообразно с теми взглядами, которые считаются здравыми Отделом подготовки учителей, и против которых не возражает никто из членов Государственной Комиссии. Надо несколько модернизировать редакцию этого проекта, как уже отмечал один из предшествующих ораторов, в отношении конструкции педагогических институтов и затем в смысле программ, приняв во внимание и замечания, которые были сделаны товарищем Лазуркиной и другими—по поводу преподавания искусств. Все это надо проредактировать и окончательную редакцию не представлять на утверждение Государственной Комиссии, а за ответственностью Коллегии Комиссариата напечатать, когда она будет готова, доложив, если это понадобится, в Коллегии Комиссариата о тех изменениях, которые будут в нее внесены. Я думаю, что это надо сделать в порядке чрезвычайной спешности, потому что нам необходимо открыть педагогические институты в ближайшее время. Мы страшно запоздали с этой реформой. Все это должно было пройти еще месяц тому назад. Здесь есть и вина Коллегии Комиссариата, что она во-время не поставила на повестку этого вопроса. Но здесь есть и доля вины Отдела подготовки учителей, не обнаружившего достаточной назойливости, которую здесь надо проявлять в максимальной степени. Иначе мы попадем в положение синицы, которая и моря не зажгла и дела не доделала. До сих пор учительский институт на Полянке в высшее учебное заведение не превращен, а на превращение его в таковое понадобится больше месяца ср ки, и в нынешнем учебном году придется открыть какой-нибудь половинчатый курс. Я бы предложил Государственной Комиссии принять такое предложение: рекомендуется одновременно с перередактированием этого устава принять все меры к скорейшему проведению его в жизнь, так как относительно принципов возражений нет; а что касается редакции, то это дело касается частностей, и можно все это вести параллельно, т.-е. немедленно приступить к реорганизации учительского института и одновременно закончить редакцию. И тогда, по всей вероятности, дело у нас пойдет быстрее, чем оно двигалось до сих пор.

Познер. Я, к сожалению, за недосугом не мог ознакомиться с этим Положением и программой раньше, так что сейчас не могу в этом ориентироваться. Они к тому же немного плохо напечатаны. Поэтому я сделаю замечания очень суммарные. Эти программы производят на меня такое впечатление, какое было указано предыдущими ораторами. Они отличаются архаичностью и схематичностью. Здесь—явный перевес умозрительных предметов перед практикой. Учителя, которых вы выпустите, будут, быть может, высоко образованными людьми, но когда они подойдут к школе, то окажутся поставленными втупик. Из архаических предметов я отметил бы то, что здесь упоминается «элементарная математика с точки зрения высшей математики». Я не понимаю, что это значит. Я полагаю, что разделение на элементарную и высшую математики само по себе устарело с точки зрения теории науки, и здесь это фиксировать не следовало бы. Я думаю, что из дефектов этого проекта надо отметить то, что здесь производительному труду, его организации не отведено достаточного места, а между тем преподавателю в школе придется проводить главным образом это. В смысле книжек, он начитается и будет знать, откуда что взять, а как организовать труд, этого он не будет знать и в этом отношении будет совершенно беспомощен. Мне кажется, что надо было бы больше времени отвести на практику, на самостоятельную работу, а не на теоретические курсы. В программе есть очень туманные заголовки, как, напр., «история социализма». Мне кажется, что такой курс, как «история социализма», не может удовлетворить нас. Надо было бы в этом отношении разработать программу и детализировать ее, нужно включить и «историю социализма» и «теорию социализма», одним словом, сделать так, чтобы это не было такой скобкой, куда можно вложить все, что угодно. Но, главное, необходимо центр тяжести перенести на практическую работу, на изучение учащимися жизненных процессов, происходящих в обществе, и обратить внимание на организацию труда вообще, и т. д.

М. Н. Покровский. Если никто больше не желает взять слово, то я даю заключительное слово Кирику Никитичу.

Левин. Я должен сказать, что уж если делать замечания, то их можно было бы сделать еще гораздо больше. За краткостью времени я не хотел сделать всех замечаний, предполагая, что это—текст не окончательный. Почему мы в таком виде внесли его? Время не терпело. Нужно было скорей воспользоваться моментом; кроме того, соответствующие Отделы дали свои заключения только на днях. Только два дня тому назад в Отделе единой школы рассматривался вопрос об учительских семинариях. Петербург не дал еще своего заключения об учительских институтах. У нас не было технической возможности эту, в буквальном смысле, махину изготовить в окончательном виде. Мы желали только получить директивы от Государственной Комиссии. Михаил Николаевич правильно поставил вопрос. Если речь идет о замечаниях, то я категорически протестую, чтобы занятия продолжались более, чем где-нибудь в других школах. У нас принят срок в 40 недель. Против этого возражений никто не делал. У нас, в семинариях, принято 40 недель, в трудовой школе—40 недель, и у них тоже должно быть 40 недель.

Что касается указания относительно «истории социализма» и т.д., то я должен сказать, что у нас предполагалось ввести также аграрное движение, аграрный вопрос. В буквальном смысле слова, у меня средактировано так: «Учение о праве и государстве в связи с советской конституцией». Это все у меня в наличности имеется. И затем относительно часов я хотел сказать не 10, а—12. Это все имелось в виду, но на всех подробностях я не имел возможности останавливаться.

Предложение Михаила Николаевича я считаю наиболее приемлемым и думаю, что на нем мы и остановимся. Окончательную редакцию мы легко придадим, потому что она ясна для нас; это нужно выполнить только технически. Потребуется трое или четверо суток для того, чтобы все это размножить, а средактировать это можно и в течение одного вечера, потому что у нас все готово.

Других замечаний я пока не стал бы высказывать и только просил бы Положение об учительских семинариях принять в том виде, как оно внесено. Мы достигли полного контакта с представителями учебных заведений. Это—во-первых, а во-вторых, заключение по этим семинариям было дано раньше соответствующими Отделами. Я думаю, что это Положение можно было бы принять в окончательном виде, так как возражений против него не имеется. Здесь все согласовано с Положением о Единой Трудовой Школе, несоответствия ни в одном пункте нет. Остается только вопрос о штатах. Относительно этого наша мысль была такая. В тех классах семинарий, которые находятся в полном соответствии с Единой Трудовой Школой, вознаграждение должно быть такое же, как в Единой Трудовой Школе. Общее Положение, одинаковая работа, и поэтому должно быть одинаковое вознаграждение. Несколько иное положение замечается в чисто педагогических классах. Там работа очень важная и тяжелая. Эта работа может быть и сверх 24 часов. У нас заготовлен декрет об оплате сверхурочных. Может быть, эти работы, которые будут выполняться в этих классах, можно было бы приравнять к сверхурочным работам. Вот разница—по сравнению с Единой Трудовой Школой. В этих классах есть специфическая специальная работа. которую необходимо оплачивать, а во всем остальном штаты надо согласовать с Единой Трудовой Школой.

М. Н. Покровский. Дело настолько ясно и просто, что нет надобности производить формальное голосование.

Есть возражения против того, чтобы поручить Отделу подготовки учителей в недельный срок окончательно средактировать эту программу и представить ее на утверждение. Так как создается высшее учебное заведение, то мы должны представить проект на утверждение в Совет Народных Комиссаров через Коллегию, а может быть, Коллегия признает себя правомочной утвердить его. Для меня это не совсем ясно, но, может быть, мы не будем обсуждать этого вопроса сейчас. Практически обсудить этот вопрос мы сможем, и не дожидаясь окончательного средактирования устава во всех подробностях. В основных чертах этот проект приемлем. В основу его положены те идеи, которые были выработаны Комиссариатом. В нем есть нечто из старинки, что мы, конечно, устраним. Что же касается того, закончится ли судьба этого законопроекта у нас, в Комиссариате, или мы внесем его в Совет Народных Комиссаров, то я думаю, что подготовка учителей настолько связана со средней школой, что раз Советом Народных Комиссаров уже принято Положение о Единой Трудовой Школе, то едва ли есть надобность затруднять это учреждение республики подобными проектами. Позвольте все это решить в Коллегии.

Мое предложение сводится к следующему: «Поручить Отделу подготовки учителей в спешном порядке, в недельный срок, проредактировать настоящий

проект в связи с теми указаниями, которые были сегодня сделаны, и немедленно же приступить к осуществлению его в тех учительских институтах, которые находятся в наиболее благоприятных условиях для этого преобразования».

Кто против этого предложения, тех я прошу высказываться. Если возражений нет, то я буду считать это принятым.

Левин. Если посмотреть на дело с формальной стороны, то мы не обязаны вносить это в Совет Народных Комиссаров.

М. Н. Покровский. Этот вопрос мы решим в Коллегии. У нас есть правило, что уставы всех новых высших учебных заведений вносятся (как, напр., вносился устав Горной академии) в Совет Народных Комиссаров. Так как в лице педагогических институтов мы создаем новый тип высших учебных заведений, то, следуя традиции, нам и этот проект следовало бы внести в Совет Народных Комиссаров.

Левин. После утверждения Положения и Декларации о Единой Трудовой Школе стало законом, что учительские институты превращаются в высшие учебные заведения.

М. Н. Покровский Следующий пункт в повестке дня, это—смета. Я должен предупредить Государственную Комиссию, что у нас для обсуждения сметы, к сожалению, имеется в распоряжении только настоящий вечер, ибо в понедельник, в 11 часов утра, смета поступает официально на обсуждение в междуведомственное совещание и выходит из пределов Народного Комиссариата по Просвещению, становясь общим достоянием,—до известной степени публикуется, если можно так сказать. В виду невозможности задерживать эту операцию,—мы и без того опоздали со сметой,—мы не имеем абсолютно никакой возможности детально рассматривать и обсуждать ее. Я могу успокоить Государственную Комиссию, что смета была предметом детального изучения не только в Коллегии Комиссариата, но и в неофициальном междуведомственном совещании, которое закончилось сегодня, с представителями Комиссариата Труда и Государственного Контроля. Это неофициальное совещание, являющееся подготовительным к официальному междуведомственному совещанию, которое будет в понедельник, чрезвычайно внимательно прошло всю нашу смету, и по поводу целого ряда пунктов были длинные споры, дебаты и т. д., в результате которых она подверглась изменениям. Она сокращена, но не очень серьезно. Насколько она сокращена, мог бы сказать Мих. Вас. Сторожев.

Левин. В некоторых пунктах она сокращена на 25%.

Голос. Она вся сокращена на 25%, потому что проходит во 2-м полугодии.

М. Н. Покровский. Я не имел возможности следить за этим неофициальным совещанием. Мы вносим ее в размере 75%. Общая сумма сметы 3.769.859.480 рублей. Скидывая отсюда 25%, т.-е. 950 миллионов руб., мы получили около 2.850.000.000, от $2^3/_4$ до $2^9/_{10}$ милл. Приблизительно в таком виде эта смета войдет в Совет Народных Комиссаров, а предварительно—в междуведомственное совещание.

Левин. Стипендиальный фонд принят?

Познер. Стипендиальный фонд принят, но по некоторым статьям произведены урезки более значительные, чем на 25%, по некоторым же пунктам совещание к соглашению не пришло. На строительные нужды у нас было назначено 400 миллионов, а осталось в результате совещания только 100 миллионов.

М. Н. Покровский. Я не считаю эти сокращения, которые, быть может, мы еще восстановим в дальнейших инстанциях, столь губительными, так как я не думаю, чтобы в остающиеся три месяца нынешнего года нам удалось израсходовать эти внушительные цифры, стоящие в смете. Не с точки зрения агитационной, политической, в тесном смысле слова, было бы желательно оставить эти цифры в смете, потому что тогда все видели бы, какие суммы намеревается советская власть истратить на народное просвещение. А то, что Народный Комиссариат по Просвещению не успел бы эти суммы истратить, это есть факт абсолютно безвредный. Деньги эти будут истрачены, если не в декабре, то в январе, если не в январе, то в марте. Если же на три месяца позже, то для публики это будет совершенно безразлично и никакого значения иметь не будет. Только по чисто техническим условиям, которые ни для кого не интересны, смету на второе полугодие придется проводить по смете первой половины 1919 года. Люди, не посвященные в тайны финансовой техники, не обратили бы на это внимания, а на то, что предназначаются такие большие суммы на народное просвещение, на это они внимание обратили бы. Обрезывая эти суммы, финансовое ведомство и контроль ослабляют агитационное значение нашей сметы. Вот почему мы думаем, что мы сумеем отстоять в дальнейших инстанциях нашу смету. До сих пор мы имели дело, главным образом, с людьми техники, в дальнейшем же мы будем разговаривать с

людьми более политическими, в особенности в Совете Народных Комиссаров, и там, может быть, нам удастся доказать необходимость оставления наших цифр, чтобы не придавать нашей смете характера мизерности, которую она может получить, если будут обрезаны те цифры, которые предназначены на ведение трудовых процессов и на школьное строительство. Это—самая громадная смета по народному просвещению, которая когда-либо была в России. Это нечто неизмеримое, если даже принять во внимание, что ценность рубля в 12 раз ниже, чем в довоенное время. Если мы эту цифру, которая у нас есть, т.-е. 3 миллиарда круглым счетом, разделим на 12, то у нас получится 250.000.000 рублей золотых на полгода, т.-е. полмиллиарда золотом на год. Никогда еще никакое правительство в России не имело возможности ассигновать такую цифру. Это—факт, стоящий совершенно одиноко в русской истории. Так что смета даже со всеми урезками является тем не менее очень грандиозной.

Есть ли необходимость оглашать отдельные статьи этой сметы? Я полагаю, что литографированный экземпляр имеется у всех в руках. А если он не имеется, то, позвольте, я прочту эти три столбца, заключающие в себе указания на то, какие суммы были затрачены в 1917 году, в первом полугодии 1918 года и какие испрашиваются на второе полугодие 1918 года.

«Содержание центральных учреждений,—ассигновано на 1917 год 948.457 р., на январь — июнь 1918 г. 23.151.395 р., испрашивается на июль—декабрь 1918 г. 34.934.622 р».

Эти цифры производят такое впечатление, что расход на эту статью как будто бы сильно вздорожал. Но я должен обратить внимание Государственной Комиссии на то, что представление это совершенно иллюзорное. По некоторой неловкости составителей смет в эти 34 миллиона внесены 25 миллионов на различные культурные начинания центрального ведомства, в том числе более 20 миллионов на издательство. По соглашению с представителями Комиссариата и Государственного Контроля эта цифра и внесена на издательство в особом параграфе, а здесь остается около 9 миллионов, и если сравнить это с золотым рублем, то выйдет цифра совершенно разумная, в особенности если принять во внимание, что теперешний Комиссариат по Просвещению совмещает целых три старых министерства. Старое министерство народного просвещения было министерством школ—прежде всего. Дошкольного образования и воспитания в нем не было вовсе. Внешкольное образование было предоставлено частной инициативе и частным средствам. Начальная школа содержалась на средства местного самоуправления и земств. Весь колоссальный Отдел искусств отсутствовал в старом министерстве народного просвещения. Таким образом наше министерство народного просвещения, сравнительно со старым, по крайней мере, двойное, если не тройное. Это—двойное министерство, расходы которого выражаются на старые рубли в $1^1/_2$ милл., тогда как расходы прежнего одиночного выражались в сумме 1 миллиона рублей. Мы, таким образом, обходимся народу не дороже, а дешевле, чем обходилось старое центральное управление. У нас хотя и очень многочисленный персонал,—я с этим спорить не буду,—но мы сами образовали специальную комиссию для просмотра этого персонала. Сегодня в этом отношении обнаружились факты, заставляющие задуматься. Наша дешевизна объясняется тем, что нет у нас бесчисленной армии состоящих «при» и «по», которыми кишело старое министерство, т.-е. людей, которые не имели обязанностей, но которые получали оклады гораздо большие, чем люди, работавшие с утра до ночи. У нас таких людей нет. У нас есть только работники, которые на низших ступенях оплачиваются лучше, чем на высших. Выраженная в золотых рублях эта смета на содержание центральных учреждений дает даже некоторое сокращение, по сравнению с тем, что было в старом министерстве народного просвещения *(читает)*:

«Пособия на содержание местных учреждений, — ассигновано на 1917 год 4.103.112 р., ассигновано на январь — июнь 1918 г. 3.714.280 р., испрашивается на июль—декабрь 1918 года 87.392.000 р.» Эта статья—довольно печальная. Местные учреждения должны сами содержать себя, что в теории признано всеми, а также и Советом Народных Комиссаров, но наши уездные Совдепы, а также и губернские находят для себя более удобным и простым прийти сюда и заявить, что «мы ждем две недели, у нас там погибают с голоду»,—вместо того, чтобы собрать налоги на местах. Бывали на местах такие случаи, что кредиты на народное образование реквизировались местными Совдепами. Считаясь с тем, что Совет Народных Комиссаров примет энергичные меры против этого, мы тем не менее, идя навстречу фактическому положению вещей и желая, чтобы местные органы Народного Комиссариата Просвещения существовали в

действительности, а не только на бумаге, были принуждены пойти на такие крупные ассигнования на содержание местных органов народного просвещения, как 87 милл.

Дальше идут «Разные расходы администрации», которые позвольте не читать.

Далее идет «Содержание ученых учреждений» *(читает)*: «Ассигновано на 1917 г. 2.955.926, на январь—июнь 1918 г. 8.085.219, испрашивается на июль—декабрь 1918 г. 31.589.015 р.».

В таких цифрах выражаются заботы о содержании ученых учреждений правительства, как известно, поставившего себе целью истребить на Руси всякую культуру. Эта статья не имеет ничего общего с теми прикладными учреждениями, которые находятся в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства. Мы заботимся только о чистой науке, поддерживаем только такие учреждения, как археологический институт, географическое общество и пр., преследующие чисто научные цели, на каковые ассигновано в 14 раз больше, чем в 1917 году. Нет надобности оправдывать эту статью расхода, хотя теперь наше внимание и обращают на то, что ученые учреждения начинают злоупотреблять щедростью советского правительства и создаются дутые ученые предприятия, имеющие целью выкачать лишний миллиончик из советской казны. Но мы против этого принимаем все меры. Использовать высококвалифицированную интеллигенцию и всецело привлечь ее на свою сторону лучше всего можно именно этим способом. Люди науки любят науку, и, любя ее, они не могут относиться враждебно к той власти, которая обеспечивает ей успех. На этой почве приходится наблюдать, что целый ряд ученых, политически стоящих не на советской точке зрения, объективно работает с советской властью, потому что эта советская власть дает им возможность объективно работать. И в результате они должны признать, что как бы мы ни были скверны внутри, но поступки наши вполне целесообразны. Мы делаем то, чего они не могли дождаться от старых правительств и чего они долго ждали, ибо то правительство дрожало над всякой копейкой, ассигнованной не на удовлетворение непосредственных нужд. Полезно указать этим господам, что когда у власти стали рабочие, то вместо разгрома науки и искусств на эту науку и на искусства льется буквально золотой дождь, о котором они раньше и мечтать не могли. Сюда относятся и расходы на воспособление и поощрение научных трудов, составляющие 9 275.000 р., так что в общем на чистую науку ассигновано 40 миллионов рублей.

Дальше идет «Содержание высших учебных заведений». Здесь особенного увеличения незаметно, если в особенности принять во внимание изменение цены рубля *(читает)*:

«Ассигновано на 1917 г. 14.339.155 р., на январь—июнь 1918 г. 16.705.700, испрашивается на июль—декабрь 1918 г. 64.725.604 руб.»

Если принять во внимание, что первая наша годовая смета выразится в сумме 120 милл., и если принять в расчет, что с 1917 года деньги упали в цене приблизительно в три раза, если только не в 4, то большой разницы мы не увидим. Та разница в смысле плюса, который получается, объясняется возникновением новых высших учебных заведений, которые не были известны старой России. Правда, некоторые старые учебные заведения, напр., университеты, оставшиеся на Украйне и в Прибалтийском крае, отпали. В общем здесь прибавилось небольшое количество, но оно есть. Самым оригинальным из этих учреждений, самым крупным—не по бюджету, а по значению—является Социалистическая академия общественных наук, а самым крупным по бюджету явится Иваново-Вознесенский Политехнический институт,— учреждение, которого давно дожидался этот исключительно фабричный район. В общем эти расходы надо считать не повысившимися. Зато в колоссальной степени повысился расход на содержание единой школы. Вместо 139.291.703 р. в 1917 году и 282.618.260 р. в прошлом полугодии, мы имеем 2.555.504.315 р. Это— то, во что обходится России честь и, я надеюсь, счастье иметь первою из всех стран мира самую прогрессивную и самую передовую Единую Трудовую Школу в качестве общеобязательного государственного учреждения. Всем присутствующим, конечно, известно, что трудовая школа существует давно не на бумаге и не в головах педагогов-теоретиков, но также в виде отдельных образчиков в отдельных странах. Как общегосударственная школа, она существует только в России, и это обходится ей довольно дорого, но зато это есть та школа,— нет надобности об этом распространяться, потому что она была предметом суждения двух заседаний Государственной Комиссии,—которая будет достойна страны, первой вступившей на путь социализма.

Расходы на внешкольное образование повысились лишь вдвое, т.-е. они не повысились вовсе, если принять во внимание цену рубля, но они значительно повысились по сравнению с 1917 годом, когда было ассигновано 3.561.501 р., на

январь — июнь 1918 г. ассигновано 32.501.990 р., испрашивается на июль—декабрь 1918 г. 84.260.000 р. Попросту говоря, только советский Народный Комиссариат по Просвещению создал внешкольное образование, как крупную секцию народного образования вообще, а раньше это были расходы—между прочим, больше—субсидии частной инициативы, чем мероприятия правительственной власти. Расход, по сравнению с первым полугодием, нельзя считать увеличившимся, потому что цена рубля упала вдвое. Только советской властью создано точно так же и дошкольное образование, фигурировавшее в бюджете 1917 г. смешной цифрой в 465.000 рублей. В первом полугодии этого года уже было ассигновано на эту статью 9.285.700 р., испрашивается на июль—декабрь 1918 г. 26.779.000 р.

Расходы на учреждения и мероприятия Отдела Пролеткульта, т.-е. на просвещение пролетариата, на самообразование пролетариата, в смете на 1917 год отсутствовали. Сейчас они присутствуют в размере 10.000.000 р.

«Стипендии лицам, подготовляемым к ученой и профессорской деятельности,— ассигновано на 1917 г. 155.000 р., на январь—июль 1918 г. 276.700 р., испрашивается на июль—декабрь 1918 года 1.500.000 р.» В этом году расход этот в десять раз больше, чем в 1917 году, что свидетельствует только о том, насколько мы гоним науку, и с этой точки зрения он интересен.

«Расходы по подготовке профессоров и преподавателей для высших специальных учебных заведений,—ассигновано на 1917 г. 60.000 р. на январь—июнь 1918 г. 37.140 р., испрашивается на июль—декабрь 1918 г. 1.400.000 р.». Относительно этого можно сказать то же, что и относительно предыдущей статьи. Характерно сравнить расходы по подготовке профессоров и преподавателей в 1917 г. и во второй половине нынешнего года. С 37.140 р. этот расход увеличился до 1.400.000 р. Это объясняется тем, что у власти в настоящее время стоят марксисты, которые представляют себе все значение народного хозяйства и значение науки для народного хозяйства. В этом отношении эта цифра очень показательна. Сама по себе она не чрезмерно грандиозна, но профессора есть такого рода тип преподавателей, создавать который в очень большом числе не удается ни одной стране. Для этого необходимы талантливые молодые люди, а они не так часто встречаются.

«Расходы по подготовке учителей и инструкторов по народному образованию». С 476.100 р. в 1917 году они возросли до 28.428.848 р. во второй половине 1918 года. Это—стоимость той реформы, которая сегодня докладывалась вам и о которой позвольте не распространяться.

Далее идут расходы строительные *(читает)*: «Ассигновано на 1917 год 10.879.223, на январь—июнь 1918 г. 687.100, испрашивается на июль — декабрь 1918 г. 400.000.000». Эти расходы тесным образом связаны с единой школой.

Дальше идут расходы на мероприятия и учреждения Школьно-санитарного Отдела. В первой половине в бюджете 1917 г. Школьно-санитарный Отдел совершенно отсутствовал как особая статья. Во время с января по июнь 1918 г. расход его выразился в сумме 464.170 р., а во второй половине 1918 г.—в сумме 5.966.219 р.

Школьно-санитарный Отдел есть дело только что скончавшегося нашего товарища В. М. Бонч-Бруевич, и в этих цифрах выражаются результаты того чрезвычайно интенсивного роста, который приняла школьно-санитарная часть в нашем бюджете.

Дальше идет целый ряд цифр, которые не имеют себе решительно никакого эквивалента в сметах 1917 г. и в первом полугодии 1918 г. Это — Государственный Архив, расходы на мероприятия и учреждения Отдела изобразительных искусств, расходы на мероприятия Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусств и старины, содержание Кинематографического комитета, расходы на учреждения и мероприятия Театрального Отдела, на выплату недоданного содержания учителям за 1917 г. и первое полугодие 1918 года.

Как известно Государственной Комиссии, оплата учительского труда была повышена в июне месяце нынешнего года больше, чем вдвое, и в результате получилась эта цифра.

Левин. Для народных учителей это увеличено в 4 раза.

М. Н. Покровский. Итак, вот, в общих чертах, эта схема. Кроме этого, имеется докладная записка и детальная смета по Отделам, которых я позволю себе не читать, так как Государственная Комиссия вряд ли сможет заниматься такими деталями.

Познер. Позвольте мне сказать по поводу этой сметы. Мне казалось бы, что такая смета будет иметь огромное воспитательное и образовательное значение, будучи широко распространяемой между деятелями по народному образованию, апеллируя к общественному мнению страны и даже международному общественному мнению.

Ваш доклад *(обращаясь к М. Н. Покровскому)* весьма показателен и ярок. Если он войдет в протокол, то он будет иметь то значение, о котором вы говорили. Но было бы чрезвычайно важно, если бы эта смета сопровождалась подробной объяснительной запиской. Так как ее нет и нет надежды на то, что какой-нибудь наш орган как-нибудь автоматически ее создаст,—следовало бы Государственной Комиссии выразить пожелание, чтобы была создана особая комиссия, которая занялась бы выработкой объяснительной записки к смете. В этой комиссии могут и должны принять участие все заведующие Отделами, которые частично составляли смету, а также должен быть привлечен некоторый технический аппарат, потому что эта работа огромная и заведующие Отделами, при их перегруженности работой, которую они имеют, не могли бы справиться с таким делом. Работа эта, на мой взгляд, должна быть издана в виде книги.

М. Н. Покровский. Что смета должна быть издана в виде книги с подробной докладной запиской,—для меня это не подлежит сомнению. Но подобная книга, будучи чрезвычайно важным памятником нашей деятельности в этой области, едва ли сыграет ту роль широкой популяризации, которая в данном случае необходима. Я бы предложил напечатать ряд статей. «Приложение Народного Комиссариата по Просвещению» к «Известиям» пока не выходит, но в таком случае на страницах «Известий» должно быть предоставлено место для наших статей в общем порядке. Может быть, можно было бы напечатать в «Правде» и других органах статьи, толкующие смету. Эти статьи должны быть толковой сметой, как в старое время была «Палея». Каждый параграф сметы должен быть освещен. Таким образом был растолкован, напр., декрет о поступлении в высшую школу. Кто должен заниматься толкованием сметы, это—вопрос, который Государственной Комиссии решить довольно трудно. Если бы она приняла такого рода постановление, то, может быть, мы нашли бы таких литераторов, которые бы занялись этим делом. Я не знаю, как Кирик Никитич. Он, вероятно, занят.

Левин. Это было бы чрезвычайно трудно для меня в ближайшее время.

М. Н. Покровский. Это необходимо сделать в течение ближайших двух недель.

Лиштван. Если бы мы распределили между специалистами отдельные вопросы и отдельные статьи, то имелся бы у нас целый ряд статей, которые могли бы появиться в печати. Эту работу можно было бы разделить между рядом лиц. Я бы дал подробную объяснительную записку к строительству, другие—по другим вопросам. Мы бы таким образом смогли объяснить всю смету.

М. Н. Покровский. Я понимаю, но это более годится для той книжки, о которой говорит Виктор Маркович. Такая книжка должна быть издана, и к ней должна быть приложена подробная докладная записка. Что же касается того толкования, о котором я говорю, то это просто широкое популярное толкование. Вы могли бы взять на себя это толкование по части строительства?

Лиштван. Да, вполне.

М. Н. Покровский. Затем толкование по реформе Единой Трудовой Школы падает всецело на Виктора Марковича.

Познер. Падает на Отдел.

М. Н. Покровский. Который должен организовать это дело сам. Что касается статей, которые должны быть озаглавлены «Советская власть и наука», «Советская власть и искусство», то такие статьи предполагаются в юбилейном сборнике по поводу октябрьской революции. Одна из этих тем взята проф. Рейснером, и, кажется, Анатолий Васильевич собирается писать о советской власти и искусстве. Эти темы есть, но не применительно к бюджету. Может быть, вы уполномочите Коллегию составить такую комиссию? Как секретарь Государственной Комиссии относится к работе в этой комиссии? Он более свободен, чем мы.

Альтер. Я бы мог принять участие.

М. Н. Покровский. Нельзя ли просить секретаря Государственной Комиссии организовать комиссию специально для этого дела, привлекши к нему Отделы, ближайшим образом здесь затронутые; я бы думал, что надо привлечь Отдел единой школы и Отдел дошкольный, который обещал давно объяснительную записку, затем Отдел внешкольный. Необходимо привлечь эти три Отдела, затем также Отдел научный так или иначе должен был бы позаботиться об этом. Отдел высшей школы, может быть, не должен выступать отдельно. Отдел школьно-санитарный тоже мог бы дать кое-что. Руководствуясь этими принципами, я думаю, что Исаак Маркович мог бы собрать такую комиссию. Статьи должны быть газетного размера и должны быть очень популярными. Книжка должна быть сама по себе. Но я считаю особенно спешными эти статьи, популяризирующие смету.

Принимается это предложение или нет? Если возражений нет, позвольте считать это принятым.

Альтер. Комиссия будет прямо передавать эти статьи в прессу?

М. Н. Покровский. Комиссия, может быть, ознакомит Коллегию Комиссариата с результатами своей работы и своих трудов, или же Редакционная Коллегия, которая совпадает почти с Коллегией Комиссариата, займется этим в одном из своих заседаний.

Теперь по поводу самой сметы. Что прикажете с ней делать? Мы должны ее утвердить после тщательного рассмотрения, каковое сегодня иметь места не может, потому что в нашем распоряжении нет времени. Таким образом, в данном случае, может-быть, мы удовольствуемся моральной санкцией наличного состава Государственной Комиссии на то, чтобы эту смету внести на междуведомственное совещание и в Совет Народных Комиссаров от имени Комиссариата по Просвещению. Формально мы не имеем права этого делать без формальной юридической санкции Государственной Комиссии, но поскольку последняя собралась в недостаточном числе сегодня, а день сегодняшний последний, то, в конце-концов, наличный состав Государственной Комиссии может выразить в этом вопросе известное доверие Коллегии Народного Комиссариата; это—единственная форма, в которой дело может быть закончено. Если угодно, можно будет назначить следующее заседание Государственной Комиссии специально для указанной цели, постаравшись привлечь к нему большое количество членов, чтобы получить кворум. Но это заседание будет после того, как смета будет утверждена и приобретет силу закона. Я сейчас высказываю чисто теоретическое положение, которое может создаться. Если бы закон был отвергнут Государственной Комиссией, то получилось бы странное положение, что Комиссариат просит о смете, которую он сам отверг. Я думаю, что надо просить моральной санкции, а также сделать замечания по смете, которые имеются. Я бы только просил не делать этих замечаний тех членов Государственной Комиссии, которые участвовали в неофициальном междуведомственном совещании. Сейчас это только затянуло бы наши прения.

Познер. Я делаю такое предложение: несмотря на то, что эта смета будет утверждена раньше, чем Государственная Комиссия будет собрана, все-таки на ближайшем заседании поставить ее на детальное рассмотрение вот по каким соображениям: смету на следующее полугодие, то-есть, на первую половину 1919 года мы едва ли будем иметь возможность рассматривать заранее, предварительно. Чтобы это сделать, нужно было бы к ее рассмотрению приступить теперь же. Такое же опоздание, как теперь, будет и в 1919 году, а так как нам было бы важно установить и принципиальную точку зрения и получить некоторые технические замечания для составления сметы на следующее полугодие, то я бы и предложил эту смету поставить на детальное рассмотрение в следующем заседании Государственной Комиссии. Наша же работа, которую мы произведем по анализу данной сметы, будет иметь значение для будущей сметы, которую мы будем составлять в течение ближайших месяцев.

М. Н. Покровский. Рассмотреть смету не только с точки зрения ее цифр, но и с точки зрения ее принципов,—это было бы возможно, но для этого нужно, чтобы члены Государственной Комиссии заблаговременно получили экземпляр сметы. Этот экземпляр им разослан не был. Нельзя же с подобного рода документами ознакомиться бегло на заседании, придя уже сюда. Это—совершенно немыслимо. Нужно смету или сегодня раздать или заблаговременно разослать членам Комиссии, и только тогда можно ожидать от них замечаний. Если угодно, я снимаю свое предложение и присоединяюсь к предложению Виктора Марковича, чтобы сегодня никакого вотума, даже вотума морального доверия, не выносить, а поставить эту смету в порядок дня следующего заседания Государственной Комиссии, предварительно разослав ее всем членам Государственной Комиссии, дабы они могли с ней детально ознакомиться. Если против этого никто не возражает, позвольте считать это принятым?—Возражений нет. Это принято.

Следующий пункт повестки дня о переименовании подотделов школьной политики в Отделы. Хотя это—факт, подлежащий ведению Государственной Комиссии, но, тем не менее, позвольте снять его. Дело в том, что сегодня в Совете Народных Комиссаров ставится вопрос, который доктор Радин собирался поставить и здесь, но не поставил, вероятно, потому, что нас слишком мало, вопрос, сводящийся к свирепствующей сейчас эпидемии испанской болезни и к тому, как начинать сейчас школьные занятия, какие гигиенические меры будут приняты, если занятия решено будет начать в установленный срок, и об отсрочке этих занятий, если это возможно. В настоящем составе едва ли имеет смысл поднимать этот вопрос.

Радин. Я говорил с доктором Семашко о том, что целесообразнее этот вопрос решить в Совете Народных Комиссаров.

М. Н. Покровский. И так как в заседание Совета Народных Комиссаров нам с Виктором Марковичем желательно попасть к началу, то позвольте нас уволить от дальнейшего заседания и потому позвольте закрыть заседание. Мне без членов Коллегии затруднительно его вести. Я думаю, что на этом мы могли бы закрыть заседание.

Есть какие-нибудь предложения по этому поводу? Если нет, то позвольте условиться относительно срока следующего заседания Государственной Комиссии. Может быть, мы назначим его на будущую субботу? У нас есть еще проект декрета о национальной школе. Он, конечно, может быть принят Коллегией, но в таком случае в заседание Коллегии должны быть приглашены представители Комиссариата по национальностям. Затем у нас на очереди вопрос о смете.

Альтер. Это не такой спешный вопрос.

М. Н. Покровский. Это вопрос не спешный, раз это касается основных принципов, на которых должна базироваться смета будущего полугодия. Позвольте вопрос о том, когда будет созвано ближайшее заседание Государственной Комиссии оставить открытым в том смысле, что оно будет созвано не позднее, чем через две недели. Это наше основное правило — иметь каждые две недели одно заседание, но, может-быть, мы назначим заседание и в будущую субботу. Теперь позвольте закрыть заседание.

Закрытие Всероссийского учительского союза.

На заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 23 декабря 1918 г. рассматривался вопрос о закрытии Всероссийского учительского союза. Докладчиком выступил В. М. Познер.

После речей Ярославского, Покровского и Межлаука и заключительного слова докладчика, отвечающего на критику деятельности Наркомпроса, которую затронули ораторы при обсуждении вопроса о закрытии Всероссийского учительского союза, В. Ц. И. К. выносит постановление о закрытии Всероссийского учительского союза (см. «Народное Просвещение» еженедельник № 23—25).

Стенографический отчет этого заседания в той части, в которой рассматривался вопрос о закрытии Всероссийского учительского союза, приводится ниже.

4-е заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 23-го декабря 1918 г.

Познер. Товарищи, вопрос, который мы должны сейчас разрешить, встал перед нами, вашими уполномоченными в области просвещения, год тому назад, непосредственно после октябрьского переворота. Тов. Луначарский, которому было поручено организовать дело народного просвещения Советской республики, и собравшаяся около него небольшая группа сотрудников поставили первой своей задачей обратиться к массе передовой русской интеллигенции, которая всегда славилась своим идеализмом, с предложением прийти на помощь своими знаниями пролетариату теперь, после октябрьского переворота, когда сброшена власть капитала и открылись широкие перспективы в области поднятия культуры и просвещения. Какой ответ встретило это обращение, вам, конечно, хорошо известно: глумление, насмешка, издевательство были ответом на это обращение. Все призывы, которые делались со стороны Советской власти в этой области, встречали решительный отпор. Мы, марксисты, и раньше теоретически знали, что интеллигенция представляет собой мелко-буржуазную грушу, которая тогда перейдет на сторону пролетариата, когда у нее явится твердое убеждение, что власть его прочна. Но только когда мы на практике столкнулись с неодолимым сопротивлением этой среды, мы вынуждены были отказаться от своих интеллигентских иллюзий, приложить испытанные научные методы, вплотную изучить это общественное явление и соответственно с этим пришли к выводам, к которым мы должны были прийти заранее. Огромное, насчитывающее сотни тысяч человек, учительское море не представляет собой однородной в социальном отношении группы; учительство делится на неравные в качественном и в количественном отношении части: наверху стоит обособленная группа учителей городской школы, огромная же масса учителей народной школы представляет собой расплывленную демократию. В то время, как городское учительство средней школы находилось в привилегированном положении и ставилось в исключительно благоприятное в сравнении с народными учителями — положение,—учителя народные находились в положении загнанных париев. Первая группа, благодаря условиям жизни в городе, была более квалифицирована, могла

лучше сорганизоваться и поэтому естественно имела преобладание над всей огромной учительской массой. Народные учителя вынуждены были итти за своей верхушкой. Если бы мы задались вопросом, какие политические течения должны были преобладать в той и другой группе, то для нас решение этого вопроса не представило бы затруднений. Даже не сталкиваясь с этим вопросом на практике, мы наперед могли бы сказать, что в учительстве средней школы (если оставить в стороне чиновников и иметь в виду более общественно организованное учительство) должны были преобладать правые и либеральные течения. Ведь эта среда была плоть от плоти буржуазии и была связана с ней тысячью уз. Левые же течения наблюдались только в массе народного учительства, близкого по условиям своей жизни и работы к народной массе, ее нуждам и ее интересам. Отсюда понятно, почему наши обращения оказались наивными: верхушка нас слушать не хотела, а к остальной массе мы не имели доступа. Между народным учительством и Советской властью стояла глухая стена, и этой стеной была организация учительства, возникшая из освободительного движения 1905 года, как и некоторые другие интеллигентские объединения, и возродившаяся после февральского переворота в виде Всероссийского учительского союза. В пору своего расцвета он объединял до 70.000 учителей. По отношению ко всему учительству это—значительный процент, и понятно, почему вся учительская армия, предводимая кадетскими и социал-соглашательскими элементами, оказалась в стане врагов социалистического переворота; понятно, почему нам не удавалось раскрыть перед массой народного учительства те перспективы, которые раскрывались после падения власти капитала в области развития культуры. Что касается деятельности этого Союза, то она никогда не была узко-профессиональной, в чем сейчас стараются убедить массы вожди этого Союза. Политическая роль этой организации известна всем, а тем более тем из нас, кто сам принимал участие в создании этого Союза. Если эта политическая роль профессионального союза до октябрьского переворота была ролью прогрессивной, то после октябрьского переворота она стала реакционной. Не в том его вина, что он занимался политикой,— его беда в том, что политика эта была либерально-соглашательской политикой мелко-буржуазной верхушки. Для того, чтобы обратиться к документальным данным, я обращаю ваше внимание на то, что существует большая литература, где главари Союза с похвальной откровенностью воспроизводят всю картину своей политической деятельности, и она может быть представлена на ваш суд и на суд истории. Я несколько подробнее остановлюсь на одном документе, который рисует характер политической деятельности этой организации: этот документ напечатан и носит название «Политическая деятельность Совета Всеросс. Учит. Союза». Документ этот подписан председателем малого совета В. А. Гердом. В этом документе председатель Союза подробно рассказывает о том, какова была роль Союза после февральской революции 1917 года.

«Деятельность Союза в лице его центра на политической арене,—говорит автор документа,—разделяется на четыре периода, приуроченные к четырем моментам революции за последние месяцы: 1) государственное совещание, 2) демократическое совещание, 3) предпарламент и 4) борьба с большевиками—состояние, продолжающееся и поныне».

Я не буду останавливаться на первых трех, а перейду к наиболее интересующему нас последнему периоду. Эта борьба заключалась в том, что руководящий центр Союза после октябрьского переворота вступил в Комитет спасения родины и революции, активно поддерживая его путем распространения литературы и еще какими-то другими средствами, которые нам в точности неизвестны, так как, по словам автора этого интересного доклада, «еще рано давать отчет о работе этой организации». Таким образом, то, что они нашли нужным высказать, заключается в содействии распространению антибольшевистской литературы. Кроме этого, Союз развивал и самостоятельную «педагогическую» деятельность, к сожалению, самого реакционного свойства. Она заключалась в том, что Союз поддерживал чиновничий саботаж, организовал упорную забастовку в Москве и Петрограде и всяческими способами подрывал доверие к Советской власти и срывал все ее начинания в области культурного просвещения народа.

Товарищи, вы можете сказать, что этот документ относится к той эпохе, когда у большинства мелко-буржуазной интеллигенции еще была распространена уверенность, что большевистская власть—временное явление и лопнет, как мыльный пузырь, и что с течением времени они должны были изменить свою позицию и постепенно перейти к органической работе. Обратимся к событиям более позднего времени. Мы увидим, что надежда контр-революционного центра Союза, его общие лозунги и

директивы нашли себе отзвук в провинциальных организациях Союза. Чтобы не утруждать вашего внимания, я процитирую один из наиболее ярких документов, находящихся у нас в руках, который относится не к первому периоду борьбы с властью Совета Народных Комиссаров, а к последним месяцам и представляет протокол общего собрания казанского учительского союза, провинциальной организации Всероссийского учительского союза, датированный 14 августа текущего года, т.-е. относится к моменту через два дня после вступления чехо-словаков в Казань. Этот подробный протокол я процитирую только в той части, в которой говорится о роли, которую играла казанская организация Всероссийского учительского союза в чехо-словацкой реставрации, руководствуясь общими директивами из центра.

«Первая тревожная ночь, проведенная казанцами после изгнания большевиков, когда каждый момент можно было ждать появления злобного врага, окрепшего и собравшегося с силами, показала, что нужна немедленная помощь народной армии со стороны населения, помощь: а) в военном отношении, б) в питательном, в) в финансовом. И казанское учительство сумело немедленно дать эту помощь».

Можно им поверить! В этом отношении у нас имеются конкретные данные: наши товарищи из ликвидированного ими нашего Отдела Народного Образования просидели все это время в казанской тюрьме: впоследствии, после освобождения Казани, они и представили нам этот ценный материал. Таким образом, политическая реакционная деятельность Всероссийского учительского союза не подлежит никакому сомнению. Можно сказать, что борьба с этой контр-революционной деятельностью не представляет собою задачи Народного Комиссариата по Просвещению, а на ней особенно следовало остановиться тем специальным органам, которые Советская Республика выработала именно для борьбы с контр-революцией. Но для нас Всероссийский учительский союз представляет собою большую важность, потому что он не только контр-революционен в политическом отношении, но и в культурно-педагогическом отношении представляет крупную реакционную силу, и все наши реформы, направленные на то, чтобы покончить с остатками старого режима и заложить основу новой социалистической культуры, наталкивались на упорное сопротивление этой организации. Эта их реакционная позиция особенно явно выразилась на 7-м делегатском съезде, происходившем в июле. Я не буду останавливаться на всех выставленных ими лозунгах и положениях и процитирую только отношение к тем органам, которые созданы в области народного просвещения Советской властью, а также к вопросу о религии в школе и так называемому национальному принципу воспитания.

В противовес идее интернационализма этот 7-й делегатский съезд ставит задачей учительства «прояснять, развивать и укреплять национальную идею восстановления государственного организма России»,—иными словами, идею возрождения повергнутого социальной революцией буржуазного порядка. По вопросу о светской школе эта забывшая требования радикальной педагогической мысли организация находит, что «в условиях современной действительности обучение религии может быть признаваемо обязательным для школы». Что касается отношения к современным школьным органам, то оно представляет собою самую решительную, самую непримиримую и бесцеремонную борьбу со всеми начинаниями советской власти.

Вот яркая иллюстрация этого положения из резолюций 7-го делегатского съезда Вс. учит. союза (8—16 июня 1918 г.): *об отношении к современным надшкольным органам*. Заслушав сообщения и доклады с мест о взаимных отношениях между учительством и правительственной властью и выяснив картину большевистского управления школой, съезд констатирует, что школа быстро разрушается под руками людей неопытных и невежественных, действующих часто не столько в интересах народного образования, сколько в виду сохранения своей власти... В виду этого, 7-й делегатский съезд В. У. С. не находит почвы для общего постоянного продуктивного сотрудничества с Советской властью, в действиях которой нет ни принципиальной творческой мысли, ни общественно-демократической постановки школьного дела».

И это после того, как Советской властью не только провозглашено, но и фактически проводится в жизнь всеобщее обязательное обучение, созданы реальные условия общедоступности обучения, когда Советская власть не только отделила церковь от государства, но и школу от церкви,—они имеют дерзость говорить, что здесь нет принципиальной выдержки и демократических начал. Вся задача Всероссийского учительского союза в этой области аналогична тому, что представляет собой заботу и задачу российского пролетариата в рамках мировой революции. Как нашей задачей являлось ждать поддержки, продержаться до подхода международного пролетариата, так они своей задачей считают продержаться, отсидеться в «автономной школе» до лучших времен, до прихода англо-французов.

Казанская история и белогвардейские восстания показывают, что Всер. Учит. Союз представляет собой готовый аппарат для реставрации буржуазного строя там, где советская власть отступает под ударами империализма. Поэтому, товарищи, если Учительский Союз можно назвать профессиональным, то разве только в том смысле, что он сделал своей профессией борьбу с советской властью.

Изучив обширный материал, который у нас имеется, и рассмотрев доклад Союза учителей-интернационалистов, возникшего непосредственно после октябрьского переворота, Коллегия Народного Комиссариата по просвещению пришла к следующему заключению и предлагает вам принять следующую резолюцию:

«1. Всероссийский Учительский Союз в лице своих руководящих органов вступил непосредственно после октябрьского переворота в контр-революционный Комитет спасения родины и революции.

2. В. У. С. оказывал ему содействие, между прочим, путем распространения направленной против советской власти литературы.

3. Призывал учительство к саботажу и забастовкам, неподчинению советской власти и неисполнению ее постановлений.

4. Оказывал противодействие декрету о перевыборах преподавателей.

5. Всеми мерами стремился подорвать доверие в среде учительства к начинаниям Народного Комиссариата по Просвещению в области школьной реформы.

6. Занял реакционную позицию в деле освобождения школы от гнета религиозных предрассудков и шовинизма, настаивая на обязательности предмета Закона Божия для школы и на национальном принципе воспитания в противовес идее интернационализма.

7. Старался внушить учительству недоверие к советской власти и убедить его в необходимости всемерного противодействия школьной реформе в целях более легкой реставрации и

8. В лице провинциальных объединений, действовавших по директивам центра, В. У. С. принимал участие в контр-революционной реставрации в местах чехословацких и белогвардейских восстаний,—вследствие чего Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Всероссийский учительский союз в лице центральных и местных организаций распустить.

Печатные органы: «Известия В. У. С.», «Петроградский Учитель», «Учитель» (Изд. Моск. Обл. Бюро В. У. С.) и другие центральные и местные органы В. У. С. закрыть.

Все имущество и денежные средства В. У. С. передать на удовлетворение профессиональных и просветительных нужд учительства под контролем Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению.

Члены бывшего В. У. С. никаким преследованиям или ограничениям за свое участие в Союзе не подлежат».

Что касается членов Союза, то, так как это в большинстве масса, которая слепо шла за своими вождями и не имела возможности разобраться в подлинных интересах пролетариата и крестьянской бедноты, Народный Комиссариат полагает, что члены Союза никакому преследованию за участие в Союзе не подлежат, и мы уверены, что если будет положен конец верхушке Союза, то огромная масса учительства освободится от охватившего его маразма и того гипноза, которым давила его эта верхушка. Она уже прислушивается к голосу пролетарской власти и пойдет вместе с нами по пути социалистического строительства.

Председатель.—Слово имеет тов. Томский.

Тов. Томский.—Т. т., от имени Центрального Совета Профессиональных Союзов должен сделать некоторое заявление на этот счет. Подобные организации, как учительский Союз, нами никогда не рассматривались, не признавались как экономическая организация, тем, что мы понимаем под профессиональным союзом. Я считаю, что такой факт выплыл только потому, что подобные вопросы до сих пор нами до известной степени не урегулированы. В ближайшее время Народный Комиссариат Труда предложит Вашему вниманию проект декрета о союзах и обществах, и мы будем просить вас признать союзами только те организации, которые вошли во Всероссийское профессиональное объединение. До сих пор такие организации, как учительский союз, по существу ничего общего с Сов. Союзов не имеющие, ставящие себе другие задачи, не входившие в объединение с пролетарскими союзами,—не признавались. И по вопросу о раскассировании учительского Союза, рассматривавшегося нами как частное общество, ничего общего не имеющее с профессиональным объединением, возражений со стороны Всероссийск. Совета Профес. Союз не имеется. Все дело в том, что ошибочно

понимается профессиональная организация. Профессиональная организация, которая до октября преследовала цели повышения заработной платы и улучшения условий труда, не признавалась международными профессиональными объединениями. Международными профессиональными объединениями признавались только те союзы, которые стояли на почве международной классовой борьбы пролетариата. Союзы же, не ставившие себе целью борьбу за социализм, не признавались братскими союзами, и в настоящий момент наше Всероссийское объединение признает только те союзы, которые признают принцип классовой борьбы. Те же, которые не подчиняются пролетарской дисциплине, которые не координируют свою борьбу с общеклассовой борьбой пролетариата в это объединение не входят, и по настоящему вопросу со стороны Всеросс. Совета Проф. Союзов никаких возражений не встречается.

Покровский.—Товарищи! После тех фактов, которые сообщил тов. Познер, я думаю и признаю, что с вашей стороны уместно было бы спросить, почему мы говорим о закрытии ВУС'а,—так называется этот Союз,—и только сейчас после годичного терпения, которое испытывал у нас этот ВУС, решили его закрыть. Совершенно ясно, что этот Союз следовало, с точки зрения организационной, закрыть на другой день после октябрьской революции. Но я боюсь, что тов. Познер представляет этот Союз более страшным, чем он есть в действительности. Я боюсь разочаровать некоторых, может быть, думающих, что они убивают дракона: этот Союз—бумажный и никогда реальной опасности он не представлял и ничего серьезного он организовать не мог. Как мелко-буржуазная организация,—а печать мелко-буржуазности лежит на нем в самом начале,—он обнаруживал острую вражду к марксизму, и стоило появиться марксисту на его собрании, чтобы подымалось шипение против марксистов. Этот Союз представлял большое скопление людской пыли, вредить он не мог. Если в Казани он выступал против нас, то это потому, что за ним стояла пресловутая народная армия состоявшая из чехо-словаков. То, что люди, называющие себя патриотами, опираются на чехословаков,—очень пикантное явление, но на этом я сейчас останавливаться не буду. Само собой разумеется, что только там, где он нашел бы чехо-словаков, французов, англичан и т. п., он мог проявить себя чем-нибудь реально. Вы можете сказать, что его и не стоит убивать, что можно оставить его влачить существование. Наступил психологический момент, когда необходимо не убить его, потому что он, в сущности говоря, не живет и не действует, а вколотить в его могилу осиновый кол. Он сам по себе никакого реального значения не имеет, а только психологическое. Тот осиновый кол, который нужно вбить в могилу ВУС'а, заключается в том, что теперь произошел известный поворот в настроении интеллигенции, совершенно определенный. Интеллигенция, искренно или нет—неизвестно (чужая душа потемки), так или иначе начинает работать с советской властью. Существование в этот момент организации, которая всегда отрицала советскую власть, которая никогда не признавала ее формально, несомненно играет роль задерживающего элемента. На нее показывают и говорят: однако же не вся интеллигенция пришла; есть группа, которая вас не признает. Эта группа (ее можно было бы поместить в одном ряду кресел), это—маленькая кучка вожаков, они боятся нас смертельно и стараются уверить, что они ничего против нас не предпринимают. Я говорил им: «Вы ничего против советской власти не имеете?»—«Нет ничего». —«Напечатайте это совершенно открыто. Признайте свою старую политику ошибочной; признайте новую политику, на которую вступила интеллигенция с Горьким во главе». Этого они не сделали, потому что они знают, что это именно значит вбить в свою могилу осиновый кол. После того как они скажут—мы стоим на советской платформе, они останутся группой в 25 человек, которая не имеет значения. Они это знают; но пока они сидят в тумане и показывают нечто в роде кулака, масса относится к ним с уважением: «Вот эти люди не признают». Когда они будут ликвидированы,—а несомненно, что они ликвидированы будут фактически, потому что они не революционеры: революционеры не станут ходить к своим политическим противникам с заднего крыльца, а г.г. «Вусы» приходили чуть ли не каждый день, чтобы доказать, что они всегда были чисто профессиональной организацией, которая решительно ничего против советской власти не делала,—они потеряют свою позицию и весь смысл существования, они больше не будут говорить: «Мы боремся с большевиками, но мы ничего не делаем против советской власти. Мы когда-то приходили и к Луначарскому и т. д.» Да, вы все пороги обили, это мы знаем, а, несомненно, учительская масса еще верит в вас. Вместо того, чтобы обивать пороги, выйдите на трибуну, скажите: «Мы отказались от того, что они делали до сих пор». На это они не пошли. И вот эту операцию вбивания осинового кола необходимо исполнить. Раз этот мираж будет рассеян, этот призрак перестанет ходить по миру, искушать всяких слабых людей,—воздух сделается чище, интеллигентское движение будет избавлено от них. Это событие не торжественное, но это—необходимый шаг именно теперь. Если бы мы его предприняли год назад, когда вся интеллигенция стояла на антисоветской позиции, мы бы прибавили лишнего мученика против себя. Сейчас это—давно умершие люди, которых нужно похоронить,—конечно, политически. Политическое существование их нужно прекратить из психологических соображений, дабы этот призрак перестал смущать покой живых.

Председатель. Слово принадлежит тов. Ярославскому.

Ярославский. Вскоре после октябрьской революции мы видели целый ряд шагов выступления против революции как раз этого самого Вуса, который носила наша Советская школа. Этот самый Вус выступал во многих случаях совершенно открыто и портил всю нашу работу по созданию первой школы. Я получал, когда производил анкеты среди школьников и учителей, целый ряд писем, в которых указывались следующие случаи: когда обращались к директору гимназии, спрашивали, почему в социалистической республике в школьных библиотеках нет ни одной социалистической книги, он отвечал: «Им там и не место». Целый ряд других учителей здесь, в приютах Бахрушина и других, собирали детей специально для того, чтобы нарисовать большевиков дикими зверями, которых надо бояться, которых нельзя пускать в школу, и дети встречали большевиков с боязнью. Долго приходилось новым учителям, которые встали на место саботажников, приучать детей к мысли, что большевики—вовсе не звери. Сейчас эта операция, которую предлагают сделать, давно назрела, она необходима. Должен указать на следующее обстоятельство. Мы строим Единую Трудовую Школу, и если идейно, психологически к ней подготовлены коммунисты и другие социалисты, которые работают в школе,—а их меньшинство,—если год нашей борьбы начинает приучать нас к этой идее трудовой школы, и даже многим она начинает нравиться (не только среди социалистов), то все-таки остается громадный контингент этих учителей, которые состояли членами этого учительского всероссийского союза, которым чужда идея трудовой школы. Если мы не совершим эту операцию, они останутся и будут работать в этой трудовой школе, не веруя в нее, работая по чиновнически, только для того, чтобы получать жалованье. Я понимаю, что Народный Комиссариат по Просвещению находится в очень затруднительном положении за недостатком учителей, которые могли бы проводить начала Единой Трудовой Школы. Необходим довольно продолжительный промежуток времени, когда будет подготовлен достаточный контингент этих учителей. Но недостаточно ограничиться только тем, что мы закроем сейчас этот Союз учителей. Мы знаем целый ряд лиц из этого Учительского Союза, которые совершенно не подготовлены к этой школе, и мы должны сказать, что, если мы никаких репрессий по отношению к ним не будем принимать, то из школы их в возможно скорейшем времени нужно удалить. Лучше пусть школа будет временно закрыта, чем чтобы пичкали детей.

Сегодняшняя телеграмма из Вологды сообщает о том, что вологодский революционный трибунал привлекает учителей за то, что они закрыли школы за празднование 6-го декабря царского праздника. Я думаю, что это вполне подходит для тех учителей, которые в Казани примыкали к белогвардейским восстаниям и которые сбежали, как только большевики пришли. Тов. Лацис говорил, что, как только приехала Комиссия, вся буржуазия убежала, и даже профессора казанского университета и значительная часть учителей также. Таким не место в Трудовой Школе. Мы должны бороться с безобразными придатками, которые были в нашей школе. Мы должны получить новых учителей, новый кадр, который должен проводить новые идеи Трудовой Школы, мы должны удалить тех, кому чужда идея Единой Трудовой Школы.

Тов. *Межлаук* (казанский военный комиссар). Пять лет мне, товарищи, пришлось быть членом корпорации учителей. Больше, чем кто-либо, я хорошо знаю, из кого она состоит и откуда взят ее корень и все то, о чем мы сейчас рассуждаем.

При старом режиме учителя имели специальную привилегию. Военная служба для них не была военной службой. Вот источник того, почему они морально не несли этой повинности, которой подлежали все остальные. Если к этому прибавить полное бесправие и лакейскую атмосферу, которая господствовала в этих кругах, тогда вы поймете, почему учительство представляет из себя часть остатков старого, почему оно решительно не годится для теперешнего строительства, чтобы воспитывать новых граждан. Люди

эти были лакеями и создавались такими для определенной цели. Нет никакого сомнения, что этот Союз должен быть давно закрыт, а мы собираемся закрывать его только сейчас. Напрасно Народный Комиссариат по Просвещению воображает, что он вбивает осиновый кол и убивает бумажного дракона, нет, он вбивает бумажный кол в реального дракона. Это—ошибка, мы должны вести решительную борьбу, мы должны перейти в действительное наступление против этого Союза, а не думать, что мы уже с ним справились. В этом вся наша ошибка. В Народном Комиссариате по Просвещению далеко не все благополучно в этом отношении. В Казани я следил за тем, что делается в школах, и должен сказать, что средняя и высшая школа в этом смысле до сих пор служит капитализму и создает лакеев и людей в футляре. Учителя должны были до Рождества собраться, чтобы создать новую школу. Это все равно, что мы поручили бы старым инструкторам создать Красную армию. Результаты налицо. То, что я наблюдал в Казани, не 14-го августа, а в октябре и ноябре, просто возмутительно. Развал и саботаж. Они недавно еще пробовали доказать, что новая школа никуда не годится, и доказывали они это не без успеха. Все основания ими подрывались. Дисциплина трудовая была разрушена в корне, и трудно вообразить, к чему это все приводило. Такое же преступление и в высшей школе. Когда мы каждую копейку бережем с трудом, зная, как тяжело она достается,—создают еще футлярных людей в квадрате, читающих в настоящее время полицейское право, церковное право... Я сам—юрист и прекрасно знаю, что все это было анахронизмом и в прежнее время; между тем даже т. Луначарский мало интересуется этим. А они получают оклады, имеют неограниченное право... Только военный комиссар в Казани лишил их этого права. Пора давно закрыть учит. Союз, и мы скажем Народному Комиссариату Просвещения: «вбивайте реальный кол в реального дракона, разгоните такие высшие и реальные училища, давайте учить грамоте, а студентов, слушающих юриспруденцию буржуазную, заберем в армию. Гораздо важнее теперь школа красных офицеров. И вообще не должно быть университетов и средних школ; должна быть Единая Школа, и это нужно осуществить Народному Комиссариату по Просвещению.

Покровский. Народный Комиссариат по Просвещению ни на минуту не забывал и не забывает того, что касается средней школы, которая называется единой школой. Позвольте указать, что, может быть, неизвестно, что весь учительский состав был переизбран при участии местной советской власти, которая имела полнейшее право выбросить за борт всех неподходящих учителей—они этим правом пользовались, и подавляющее большинство местной советской власти на местах нашло нужным оставлять опытных учителей. Мы стоим под лозунгом: вся власть Советам, а вы хотите превратить нас в бюрократическое учреждение; это будет по старому. Если нам Советы на местах не помогают в этом деле, а я думаю, что помогают, что на самом деле товарищи преувеличивают. В учительской среде много лакеев, и политически они, как и все лакеи, бессильные люди, и подчинятся всякому режиму, какой бы он ни был, а потому подчинятся и нашему. Рабы лукавые и нерадивые. Позвольте заступиться за нашу народную школу. Что касается народных учителей, то преобладающее большинство страдает от политической бессознательности, и поэтому вместо того, чтобы бороться с ним средствами материального принуждения, нужно агитировать эту массу, и что можно поставить в упрек Народному Комиссариату по Просвещению, это то, что он все время сидит у себя в Москве и не посылает комиссаров, которые произвели бы агитационную работу среди учительских масс. Везде, где товарищи ни появлялись в провинции, везде они имели успех, и везде образовывались ячейки учителей-интернационалистов, но поездки наших товарищей редки. Объясняется это тем, что наша лучшая часть товарищей-коммунистов засажена здесь за бюрократическую работу. Это не секрет, что нам пришлось увидеть номер бумаги в одной канцелярии, который заставил меня положительно вздрогнуть: 17. 512! Номер бумаги, и это подписывал один из лучших наших агитаторов, который подписал 17.512 раз в течение 3 месяцев свою фамилию. После того неудивительно, что он превратился в человека, который все время сидит и пишет одну свою фамилию. В промежутки этого времени он успевает побывать на заседаниях по разным вопросам и поэтому ездить по России и агитировать учительские массы у него нет времени. Вы скажете: «Посадите нам, пока агитаторская работа идет, товарищей не коммунистов, которые бы выполняли канцелярскую работу». К сожалению, все наши попытки в этом направлении приводили к двум последствиям: это оказывались рабы лукавые и нерадивые, и наш Комиссариат поднимал крик, что он превращается в саботажническое гнездо, как только мы отрываем тов. коммунистов.

Мы в заколдованном кругу, и выход я вижу один: это не гнать учителей в Красную армию, а наоборот, если только есть возможность, посылать к ним хороших агитаторов. И во всяком случае, как только будет просвет в нашем военном положении, то необходимо агитационные силы отвлечь от фронта и отправлять их для агитации народных масс, ибо мы можем действовать пока только агитационными средствами, а пока мы будем подписывать бумаги, у нас будут царствовать саботажники. Не прав товарищ в своих упреках высшей школе. Дело в том, что эти люди дают торжественное обещание реформировать некоторые факультеты; на каждом совещании давались обещания что программа этих факультетов будет переделана. Когда они начали читать в нынешнем году все свои церковные права, мы пошли на ту операцию, дождались Рождественских каникул, которые начнутся завтра, а сегодня закрыли эти факультеты. Вместо них будет факультет общественных наук, и с будущего года начнутся работы на новых основаниях, но нам надо выбрать подходящий момент. Так что мы все-таки действуем довольно медленно, потому что много мучений мы пережили. Для того, чтобы изобразить положение коммуниста, который попал в атмосферу, в которой хорошо жилось старым чиновникам и где мы принуждены сидеть, потому что если не будем сидеть, то остановится вся наша машина на местах, для этого не хватит красок. Если бы вы знали, как трудно протолкнуть какую-нибудь ассигновку, нужно слонов своего рода для того, чтобы протащить ее через учреждение, которое может быть и полезно, но уже слишком преследует свои цели, так что уйти, расстаться с тачкой каторжника мы не можем, и вот мы обращаемся к вам с просьбой, как только у вас с фронта люди освободятся, посылайте работать к нам, это самое нужное поприще для деятельности после Красной армии (Аплодисменты).

Председатель: Заключительное слово имеет тов. Познер.

Познер. Т.т., речи последующих ораторов говорят, в общем, о признании правильности намеченной линии и поэтому заставляют расширить вопрос за рамки, которые были поставлены первоначально. Вместо скромного вопроса о Всероссийском учительском союзе, который оказывает нам сопротивление, встал большой вопрос о политике просвещения и нашей тактике в этой области, о чем необходимо было бы сделать самостоятельный доклад. Тогда мы могли бы оправдать нашу позицию и показать, что отсутствие тех или иных реформ в области просвещения является не нашей виной, а вызвано причинами, совершенно необходимыми. Я все-таки позволю себе указать вам (в частности, первому оратору), что мы не ограничили свою деятельность в области просвещения тем, что привели в движение бюрократическую машину. Наша деятельность распространяется и на область общественных учреждений; мы уделили немало сил и и на огромную строительную, организационную работу по созданию нового учительского объединения. Я позволю себе указать т. Томскому, что новый, возникший при нашим участии Союз, который стоит на почве международного движения за социализм и за достижение социальных задач в деле образования и воспитания совместно с организованным пролетариатом, встречает на своем пути совершенно неожиданные препятствия. Этот Союз не получил признания в Центральном Совете Профессиональных союзов на том основании, что у него слишком политическая платформа. Конечно, это представляет собой результат недоразумения, которое будет исчерпано при ближайшем ознакомлении товарищей с нашей деятельностью. Что касается указаний других товарищей на целый ряд недочетов в области просвещения, то необходимо признать, что они, к сожалению, многочисленны, но вместе с тем совершенно неизбежны. Мы вовсе не думаем, что новая социалистическая культура будет создана при помощи бюрократического аппарата. Это доказывается тем, что наша деятельность направлена в область общественного движения, и мы хорошо понимаем, что новая общественность, Союз учителей-интернационалистов, организация коммунистической молодежи и создадут новые условия распространения просвещения. На эту новую общественность мы и возлагаем, главным образом, свои надежды. Но есть еще одно условие, которое должно сыграть решающую роль в перерождении школы учебы в пролетарскую социалистическую школу. Вам всем, конечно, знакомо Положение о Единой Трудовой Школе. В этом Положении о единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики есть статья о школьных работниках. Она скромно звучит, ее содержание скрыто, оно будет раскрыто фактами. В число этих работников вводятся инструктора физического труда. Это будут сознательные пролетарии-рабочие, которые войдут в школу, внесут в нее подлинный

дух коллективизма, внесут ту стихию производительного труда, которая переродит эту школу. Это нельзя сделать никакими искусственными средствами. Это будет такой же стихийный процесс, как и та великая революция, которая бушует вокруг нас. И сейчас положение наше не столь безнадежно, каким оно могло казаться прежде, потому что мы уже ощущаем и чувствуем и являемся свидетелями того мощного движения и среди молодежи и среди народного учительства и пролетариата, что создаст атмосферу энтузиазма, без которого нельзя выполнить великой задачи, которую поставила перед нами социалистическая революция.

Библиография.

Зюкова. Воскресная школа. Книга для обучения взрослых. Ч. I. Азбука. Москва. Ц. 40 коп.

Казанцев. Букварь и первый курс внешкольного образования. Москва. Ц. 30 коп.

Спижарная. Букварь для взрослых.

Тумим. В добрый час. Букварь для взрослых. Изд. 1917 г. Ц. 1 р.

Флеров. Букварь для взрослых. Изд. 1918 г. Москва. Цена 30 коп.

Советский букварь для взрослых. Изд. Ц. И. К. 1919 г. Цена 2 руб.

Необходимость открытия возможно большего числа школ для взрослых выдвигает вопрос о букваре, как одном из основных пособий при занятиях. И хотя все чаще и чаще раздаются голоса против букварей вообще, а для взрослых в особенности, но тем не менее для широких групп учителей букварь необходим, и от качества его много зависит успешность обучения грамоте. До сих пор вообще немного написано по вопросу о преподавании грамоты взрослым, так как дело это сплошь и рядом велось кустарным образом; мало также и букварей для взрослых, удовлетворительных с методологической и принципиальной точек зрения. И поэтому совершенно недопустимо преподавание как по детским букварям [1]), так и по букварям для взрослых с устаревшим содержанием.

К букварю мы предъявляем два требования: во-первых, он должен быть составлен применительно к психологии взрослых людей и давать возможность сознательно обучаться грамоте, а не заучивать автоматически буквы и звуки и, во-вторых, по содержанию букварь должен быть жизненен, т.-е. черпать материал из «действительной жизни».

Все буквари для взрослых можно разделить на три крупные группы: 1) старые солдатские буквари, 2) буквари, составленные за нескелько последних лет для воскресных и вечерних школ, и, наконец, 3) новейшие буквари, появившиеся после революции. Первые из них, написанные во времена самодержавия для царских солдат, совершенно устарели большею частью в отношении метода, по которому они составлены, и совершенно неприемлемы по содержанию. Например, букварь Езерского начинается с молитв, затем весь пестрит военными рассказами и словечками, букварь Абазы мало чем отличается от первого, и т. д.

Но если буквари двух других групп не отличаются упомянутыми недостатками, то все они имеют ряд других дефектов, значительно понижающих ценность учебника. Сближает их со старыми солдатскими букварями оторванность от жизни, так что порой не верится, что некоторые из этих букварей написаны *в период революции для взрослых людей*. Только самый поздний по времени выхода в свет «*Советский букварь*» учитывает текущий момент и пытается использовать богатый жизненный материал, но и то в незначительной степени и не особенно удачно. Так, несколько последних страниц занято статейками, имеющими некоторое отношение к революции и социализму, затем несколько басен Демьяна Бедного и интернационал. Но весь этот материал неприемлем, так как статейки и басни трудны для чтения малограмотным как по размерам, так и по содержанию (фабула или основная мысль неясны, много иностранных слов и терминов). Помимо того басни вообще трудны для чтения и на первой ступени обучения, так как неровность размера и некоторая искусственность языка осложняют понимание содержания.

Статейки и фразы в первой (основной) части букваря также неудовлетворительны по другим причинам, в них нет ничего, что могло бы заинтересовать взрослого человека и дать пищу его уму. Для примера возьмем хотя бы следующее место: «Отец ловил рыбу. Вытащил леща и щуку. Мать думала: вычищу леща и щуку, угощу деток. А кот утащил леща и щуку. Остались детки без пищи». Право, для упражнения в чтении «щ» можно было бы подобрать более интересный для взрослых материал.

Точно так же неудовлетворительны и рисунки, так как ни в коем случае не могут помогать наглядному обучению, благодаря тому, что рисунок не вызывает представления об изображенном, и необходима значительная доля фантазии и соображения у учащегося, чтобы догадаться, что подпись под рисунком, изображающим мальчика с приложенными к щекам руками, обозначает «ау», а подпись под изображением старухи с клюкой и мешком за плечами—означает «ух». Подобные рисунки не могут, конечно, помогать наглядному обучению, и помещение их в букваре нецелесообразно.

Гораздо лучше рисунки в букваре *Казанцева*, да и вообще этот букварь удовлетворителен по содержанию и дает даже возможность заниматься по нему самостоятельно. Фразы содержательны и не поражают своей «детскостью»; параллельно идет сообщение некоторых необходимых грамматических правил, расположенных вполне правильно. Напрасно только письмо начинается с элементов букв: опыт в деле обучения взрослых грамоте показывает, что письмо следует начинать сразу с букв и слов, и только позже, когда учащиеся поймут сами необходимость четкого и ясного письма, можно показать им ряд упражнений в каллиграфии, познакомив с разложением букв на элементы. К недостаткам следует отнести и подбор статеек для чтения после азбуки: все эти басни, статейки по природоведению, истории и географии (т.-е. все то чем наполнены детские хрестоматии), сообщая ряд отрывочных бессистемных сведений по разным предметам, не могут быть образовательным материалом, и будет полезнее, если сообщаемые в них сведения будут даны на уроках по соответствующим предметам.

Букварь *Спижарной* написан для обучения по звукослиятельному методу, и это обстоятельство, пожалуй, говорит против букваря. Хотя вопрос о преимуществах того или иного метода обучения грамоте окончательно не решен, и в частности Вахтеров определенно указывает на то, что звукослиятельный метод наиболее применим при изучении русского языка, однако нам кажется, что едва ли звукослиятельный метод может быть применен в работе со взрослыми. Но тем не менее букварь Спижарной

[1]) Прекрасный обзор детских букварей сделан Т. Тумимом в его книжке «Об азбуках и букварях», вып. I.

очень содержателен и по качеству материала пригоден для взрослых. Необходимо указать, что обучение письму не идет здесь параллельно чтению, так как составитель находит, что в воскресной школе нет времени заниматься письмом в виду желательности в кратчайший срок ознакомить учащихся со всем алфавитом. О какого рода положением согласиться нельзя, так как немыслимо заканчивать обучение грамоте чтением без письма. Если же письму обучать после чтения, то на это придется затратить времени значительно больше, чем при параллельном обучении чтению и письму, не говоря уже о том, что в целях достижения орфографически правильного письма следует обучать тому и другому параллельно.

Очень интересен по методу (аналитико-синтетическому) букварь *Тумима*. Также и материал, составленный по преимуществу из пословиц, поговорок и загадок, занимателен и учащимися взрослыми должен быть принят не без интереса. К сожалению, и в данном случае приходится констатировать, что содержание, несомненно, устарело, а отдельные поговорки и пословицы совершенно неприемлемы с принципиальной стороны. Иллюстраций в букваре не имеется, но в них нет и особой нужды. Образцы таких иллюстраций в других букварях показывают их непригодность. Гораздо лучше, если преподаватель будет в случае надобности пользоваться стенными картинами, хорошо исполненными.

Букварь *Зюковой*, также без рисунков, не обладает достоинствами букваря Тумима: материал совершенно детский, чтение помещенных статей не может вызвать у слушателей никакого интереса, и обучение будет чисто механическим.

Последний из рассматриваемых нами букварей букварь *В. Флерова*—самый распространенный из существующих букварей для взрослых. Он отличается несколько от разобранных выше букварей, но как и они обладает довольно серьезными недостатками. Рисунки, помещенные в тексте, несовершенны, не дают ясного представления об изображенном и являются перепечаткой из букваря для детей того же автора, что уже само по себе неправильно (большая часть рисунков из букваря Флерова перепечатана в «Советском букваре», о котором мы говорили выше). Фразы и слова для чтения также взяты из детского букваря, и мы ясно представим механичность обучения чтению и отсутствие у слушателей интереса к читаемому, если вообразим себе крестьянина или рабочего, читающего с напряженным вниманием статейку, которую мы уже цитировали раньше из «Советского букваря» [1]) (по странной случайности эта статейка фигурирует в обоих букварях, так беден оказывается наш язык, что даже бессодержательные статейки о щуках и лещах приходится перепечатывать из одного букваря в другой). Широкое распространение букваря Флерова объясняется отчасти тем, что он был первым букварем для взрослых, написанным по новой орфографии. С другой стороны, метод, по которому написан букварь (без слияния звуков), и наличность чрезвычайно ценного руководства к обучению взрослых грамоте, написанного тем же автором применительно к этому букварю [2]), сыграли значительную роль в успехе букваря.

Резюмируя все сказанное, мы должны отметить, что вполне удовлетворительным нельзя признать ни одного из упомянутых нами букварей, каждый из них имеет те или другие более или менее крупные недочеты. Наиболее поздний по времени выхода («Советский») повторяет недостатки более ранних, не внося ничего существенно нового. Необходимо поэтому издать букварь, который по возможности был бы лишен недостатков существующих букварей и, что самое главное, по содержанию хоть немного удовлетворял бы практическим и идейным запросам учащихся, не делая обучение грамоте чисто механическим. Содержание для букваря должно черпаться из окружающей учащихся жизни, а также должно отразить в себе переживаемую революционную эпоху и социалистическое мировоззрение. Такой букварь будет полезен и практически и методически, так как сыграет огромную роль в деле развития у учащихся интереса к книге [3]).

Допуская условно пользование лучшими из перечисленных букварями, мы думаем, что при некоторой довольно солидной переработке (особенно это возможно в отношении букваря Казанцева) они могли бы отчасти удовлетворить теперешний, если так можно выразиться, букварный голод.

Вад. Смушков.

[1]) «Советский букварь», стр. 11, букварь Флерова, стр. 9.

[2]) В. Флеров. «Как обучать неграмотных взрослых» М. 1918 г. Ц. 2 р.

БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ РОДНОГО ЯЗЫКА.

А. Лебедев. Искусство чтения в школе. Изд. Думнова. М. 1918 г. 32 стр. 1 р.

Его же. Литературные чтения и беседы. Изд. то же. М. 1918 г. 32 стр. 1 р.

Его же. Устные и письменные сочинения. Изд. то же. М. 1918 г. 48 стр. 1 р. 80 к.

Редактором журнала «Родной язык в школе» А. М. Лебедевым предпринято издание интересной серии справочных пособий, выходящих под общим заглавием «Библиотека учителя родного языка». «Библиотека» эта ставит себе задачей «осведомить учителя в обширной литературе предмета и помочь ему быть в курсе современных методических исканий», при чем составитель особенно интересовался, с одной стороны, теми выводами, к которым пришли экспериментальная психология и педагогика в деле изучения родного языка, а с другой—теми пособиями и руководствами, которые «имеют в виду развитие творческого начала в детях и рекомендуют в занятиях активный метод живых бесед с учащимися».

Все издание рассчитано на 10 выпусков. Три первых выпуска отмечены выше, остальные охватывают следующие темы:

«Внеклассное чтение учащихся».
«Самодеятельность и творчество учащихся в занятиях родным языком».
«Обучение грамоте детей и взрослых».
«Грамматика и орфография».
«Преподавание литературы».
«Теория и психология художественного творчества».
«Языкознание и история русского языка».

Рассматриваемые первые три выпуска построены по одному общему плану: вначале идет небольшая вступительная статья, вводящая в вопрос и ориентирующая в методических исканиях, затем следует перечень методических руководств, практических пособий, указания на журнальную литературу.

Вступительные статьи не всегда, впрочем, удовлетворяют тем заданиям, которые поставлены выше. Так, напр., в первом выпуске «Искусство чтения в школе» автор выясняет лишь огромную важность правильной постановки в школе «Искусства чтения». Это, конечно, не только вопрос эстетики, это—вопрос большого общественного значения: «умение хорошо говорить — великое уменье, и жизнь высоко ценит его на всех поприщах общественного труда». В статье указывается между прочим, что во многих местах на Западе выразительное чтение вводится в

[3]) Подотделом школ взрослых Народного Комиссариата по Просвещению объявлен в настоящее время конкурс на составление букваря для взрослых (положение об условиях конкурса интересующиеся могут выписать по адресу: М., Остоженка, 53, комн. 18).

городские школы, как особый предмет, и что во Франции лица, готовящиеся к педагогической деятельности, подвергаются по этому предмету особому испытанию.

Гораздо больше существа вопроса касаются вступительные статьи к двум другим выпускам. По отношению к литературным чтениям и беседам автор устанавливает положение, что они должны иметь место только как свободные, возникающие по инициативе учащихся или учителя начинания: «всякая попытка втиснуть их в программу, внести в виде особой графы в расписание несет им смерть». Далее характеризуются две точки зрения на задачи литературных чтений и бесед: одни педагогические круги рассматривают их, как средство свободного живого общения для освещения интересующих молодежь вопросов, другие хотели бы видеть в них подсобное средство для выполнения внеклассным путем классных занятий. Останавливается статья кратко и на изложении наиболее типичных методов ведения литературных чтений и бесед в младших и старших классах. В заключение, отмечая, что русскому человеку в настоящее время нужно проявить особую активность духа и широкую инициативу, и обращая внимание на то, что литературные чтения и беседы могут, несомненно, посодействовать «развитию волевого начала и воспитанию государственно-социального чувства учащихся»,—автор горячо призывает к широкой постановке такой работы в школе: «Если сейчас много говорят о созидании у нас новой свободной школы, школы труда радостного, творческого, на котором гармонически будут развиваться все стороны человеческих способностей, то преподаватели родного языка не должны забывать, что литературные чтения и беседы в школе—лучшее применение трудового метода».

О необходимости установления в школе научного взгляда на человеческое слово, как на *творческий* фактор, о необходимости освобождения учащегося от роли «раба чужого текста и чужой мысли», о новых методах, нащупываемых сейчас педагогической мыслью и педагогической практикой в деле развития дара устной и письменной речи у учащихся говорится во вводной статье к третьей книжке. Странно только, почему автор, приводя на методических руководств отдельные планы ведения сочинений, оставляет группировку по рубрикам «начальная школа», «средняя школа» (со включением и младших классов), с отдельным даже выделением «женской гимназии». Отдельно говорится о сочинениях по картинкам, при чем из руководства В. Голубкова приводится расположенный по темам подробный перечень картин, пригодных для школы «Школьная жизнь», «Детская жизнь», «Дети-ремесленники и дети-нищие», «Жизнь крестьян», «Природа», «Исторические картины» и пр.).

Не останавливаясь на деталях (отдельных мелких недочетов можно всегда много указать в библиографическом труде), сделаем, заканчивая наш обзор, несколько общих замечаний по поводу рассматриваемой серии.

Прежде всего не вполне удовлетворяет нас самая структура ее построения: не чувствуется в ней какой-то полной законченности и закругленности. Впрочем, не давая нумерации выпускам, автор, повидимому, склонен и сам смотреть на намеченную схему, как на неокончательно еще закрепленную и законченную.

Весьма важно затем было бы иметь в каждой книжке хотя бы самый краткий обобщающий, *сравнительный* обзор приводимых пособий с указанием на главнейшие из них. Такой краткий сводный обзор мог бы следовать за вступительной статьей или составлять небольшие предварительные замечания к каждому отделу, хотя бы в виде голых указаний, на что следует более обратить внимание, как это найти, сделано на стр. 29 выпуска «Искусство чтения в школе». Правда, почти везде в указателях приводится или подробное содержание книги, или даются небольшие о них заметки, но это не всегда позволит читателю вполне ориентироваться и выделить важнейшее, особенно при том обилии библиографического материала, которое мы находим во всех выпусках.

Общая группировка материала возражений не вызывает, но расположение его в пределах того или иного отдела нельзя признать удачным. Здесь положен в основу путаный принцип. «В порядке распределения пособий и руководств составитель руководился научными и педагогическими достоинствами той или другой книги, а главное—возможностью ее приобретения в настоящее время на книжном рынке». Самое лучшее в данном случае было бы остановиться на систематически-хронологическом принципе.

В отделе журнальной литературы хотелось бы видеть более использованным материал после революционного периода (1917—1918 г.), вносящий новую, живую струю в литературу того или иного вопроса. Впрочем, принимая во внимание полное отсутствие библиографических работ в этой области, надо быть признательным автору и за тот большой труд, который он понес при составлении столь широко разработанных справочников, в которых каждый интересующийся вопросом найдет для своей работы богатый и ценный, почти исчерпывающий материал.

К рассмотрению других выпусков этой полезной серии, которая будет незаменимым настоящим справочным изданием у каждого преподавателя родного языка, нам еще придется вернуться.

И. В

ПОПУЛЯРНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Книга по русской истории для начальных школ и первых классов средних учебных заведений. Составили: К. О. Вейхель, М. Н. Ковалевский, В. А. Петрушевский и В. Я. Уланов. Изд. 4-е, исправл. и дополн., Т-ва «МИР». М. 1918 г. 5 руб. 50 коп.

«Книга» состоит из ряда маленьких рассказов далеко не одинакового достоинства. Положительная сторона «Книги» резко падает с того момента, когда авторы подходят к новому времени. Содержание «Книги» становится совершенно неудовлетворительным, когда составители подходят к нашему времени. Говорить что-либо о революциях 1917 года авторы сочли излишним, хотя «цензурные условия» едва ли мешали им в изображении этих «известных важных моментов русской истории».

В предисловии к 3-му (последнему) изданию авторы пишут, что их книга «была пасынком в школе старого строя. Она не только не была допущена и одобрена, но специальным распоряжением изъята из употребления в школах». Повидимому, этим авторы выдают своей книге как бы аттестат на известную долю революционности ее содержания. На деле же революционность книги не идет дальше умиления перед 1-й Думой, которой посвящена специальная статья (этой статьей и заканчивается книга).

XIX веку из 167 стр. отведено только 2½ страницы! При этом большая часть этих страниц по своему содержанию положительно нетерпима. Авторы преклоняются перед реформами Александра II и так, напр., описывают блага освобожденных крестьян: «по своей воле они могли теперь оставаться в деревне и обрабатывать землю, могли уйти в город на заработки, могли учить детей в разных учебных заведениях». Круговая порука, принудительные запашки и засевы, телесные наказания, циркуляры о «кухаркиных детях», церковно-приходские школы и т. д.,—об этих благах освобожденных крестьян авторы предпочитают молчать. Восхваляя суды Александра II, авторы в 1918 году пишут: «*Эти суды действуют и доныне*». И далее подробно расписывается весь судебный про-

цесс с царскими следователями, судьями, прокурорами и т. д., и даже указывается на то, что «на приговор суда можно жаловаться дальше, в палату, а на палату в сенат». Если эта книга предназначена для школ Крыма, Красновки или для царства Колчака, то это верно. Там сохранились и прокуроры, и палаты, а сенаты заново устроены. Однако на обложке обозначено, что книга напечатана в Советской России, в Москве. Но авторы и издательство делают вид, что они живут в царской России. По словам авторов, доныне продолжают действовать и остальные благодетельные реформы Александра II: думы, земства и т. д. Для полноты картины нехватает только одного, чтобы продолжал царствовать Николай II.

С XVIII веком дело обстоит несколько лучше. Но и здесь имеются отвратительные статьи (о Суворове) или совершенно ничтожные (о Ломоносове). О Пугачеве даже простого упоминания нет. Возникновению первой русской крестьянской революции (1605—1613) уделено всего 1½ строки: «При том же царе Борисе началась в русской земле смута. Появился первый самозванец». И ни слова не сказано о том, какие причины вызвали «смуту», какие силы ее двигали и т. д.

Однако справедливость требует сказать, что далеко не все плохо в «Книге по русской истории». Почти все бытовые рассказы написаны умно, просто, содержательно и местами даже красочно. Но ложка дегтя портит бочку меда, и мы думаем, что в советской школе «Книга» также сделается пасынком. Революционный учитель не даст эту «Книгу» в руки детей.

К. Н.

Е. Звягинцев. Краткий курс русской истории. Для двухклассных и высших начальных училищ. Изд. 2-е, Т-ва И. Д. Сытина. М. 1918 г. 4 руб.

Автор очень добросовестно перечисляет главнейшие события русской истории. В книга великое множество имен и дат, отмечены все важнейшие и даже многие второстепенные войны, описана преобразовательная деятельность всех князей и царей. Но на протяжении 132 стр. нет ни одного живого образа, ни одной яркой картины. Сухой, безжизненный рассказ Звягинцева едва ли может зажечь в ученике интерес к русской истории. Политические симпатии автора не идут дальше преклонения пред «Эпохой великих реформ». О революционных движениях, о крестьянском и рабочем вопросе он предпочитает молчать. Заканчивается книга царствованием Александра III. В ней нет ни слова ни о царствовании Николая II, ни о революции 1917 г. Между тем напечатана она в 1918 г.

К. Н.

В. Сивков. Русская история. Курс элементарный. Для младших классов среднеучебных заведений. С 52 рисунками и 2 картами. Ч. II. Изд. «Задруга». М. 1918 г. 238 стр. 7 руб. 50 коп.

К. Сивков обстоятельно излагает события из истории России, не давая ничего нового и оригинального. Скучное, однообразное изложение только в одном месте поднимается до пафоса. Рассказывая о реформе 19-го февраля 1861 года, автор восклицает: «свершилось великое дело: 20 миллионов крепостных крестьян стали свободными людьми». Все «великие реформы Александра II» представляются автору в такой мере совершенными, что он даже и не подозревает об их сословном характере.

По его уверениям, после 19-го февраля 1861 года «крестьяне стали пользоваться *самоуправлением*» (курсив г. Сивкова), «новый суд стал действительно *гласным и правым*» (id), «гимназии, реальные училища, университеты и высшие технические училища стали доступны для всех» и т. д. День открытия первой Госуд. Думы приводит В. Сивкова в восторг: «осуществилось то... к чему стремились многие поколения лучших русских людей».

При всей обстоятельности своего изложения о революционных движениях В. Сивков упоминает как-то мимоходом, вскользь. Революция и «преступники» (так автор называет революционеров) ему не по душе. О падении самодержавия он обмолвился всего лишь несколькими фразами, а октябрьскую революцию обошел полным молчанием, конечно, не по цензурным условиям.

Стиль и обороты речи у В. Сивкова отличаются местами своеобразием: помещики «*потом* в большие долги»; «*между прочим*, в Киеве был убит» Столыпин; «не успев ничего сделать для облегчения народной жизни, эта Дума вскоре была распущена», и т. п.

К. Н.

В. Львов-Рогачевский. Гонители еврейского народа в России. Исторический очерк. Изд. Московского Совета Рабочих Депутатов. М. 1918 г. 110 стр. 1 р. 50 к.

«Встань и пройди *по городу резни*,
И тронь своей рукой, закрепи во взорах
Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками: то—они»...

Такими жуткими строками откликнулся когда-то один из замечательнейших поэтов современности (Х. Бялик, «Сказанье о погроме») на организованный царизмом кишиневский погром.

Увы, как злободневно звучат эти строки и в наши дни, когда так до неузнаваемости изменилось все вокруг! Что значит это злодеяние умиравшего режима по сравнению с тем, что сейчас творится в водовороте европейской политической борьбы, чему мы сегодня являемся свидетелями хотя бы в этой же Галиции! Современной «демократической» культуре не изжить этого позора XX века. Наоборот, уходя с исторической сцены, господствующие классы постараются полностью использовать в борьбе со своими классовыми врагами это давно испытанное средство, подобно тому, как ранее использовал его в интересах борьбы с надвигавшейся революцией русский абсолютизм. В Галиции и в Польше, на Украине и в Германии, в Румынии и в Западном крае, везде, где разгорается и резко обостряется политическая борьба, вспыхивают и зловещие погромные огоньки. Еврейский вопрос есть вопрос международный, и более, чем когда-либо, становится всем понятным, что вне социализма нет путей для его окончательного разрешения.

«Перед социалистами, — пишет автор рассматриваемой брошюры,—открывается огромное поле работы: усталым, голодным, недовольным они должны указать истинного врага обездоленных—отживающий капиталистический строй, основанный на эксплоатации человека человеком. Они должны раскрыть воочию, что антисемитизм, это—крик темных людей, которые чувствуют боль, не знают ее причины и верят ловким людям, защищающим социальный гнет и подменяющим борьбу классов национальной травлей» (стр. 109).

На первый взгляд может показаться, что для нас этот больной вопрос не является острым вопросом сегодняшнего дня. Но это, конечно, не так. Загнанная суровой диктатурой пролетариата в подполье, погромная агитация усердно плетет там свои сети, отравляя ядом человеконенавистничества сердца и мозги наиболее отсталых слоев населения. Наследие прошлого уготовало для этого благоприятную почву. «Сейчас царизма нет, но еще смердит его гниющий труп, и смрад этот хуже удушливых газов» (В. Львов-Рогачевский). Семена, посеянные старым режимом, усиленно стараются взрастить его слуги, готовые поставить на карту все во имя борьбы с революцией.

Погромная агитация не умолкает, в последнее время она поднимает голову.

В той просветительной работе, которая должна такой агитации противодействовать, книжка В. Львова-Рогачевского сослужит полезную службу. Написанная чрезвычайно просто, с присущею автору живостью и большим подъемом, она может быть рекомендована для широкого распространения. Большим количеством удачно подобранного материала полезна она будет и лектору и агитатору. Автор довольно подробно очерчивает общее положение евреев в России и историю тех гонений, которым они подвергались, начиная с конца XVIII века. Приводится много интересных документов и выписок из источников. Особенно злободневной является вторая часть книжки, посвященная специальному разбору тех «легенд и наветов», которые возводились на еврейский народ: идущий из тьмы времен «навет ритуальный, получивший в XX веке такое яркое выражение в деле Бейлиса», «навет исторический», расцветший пышным цветом в период мировой войны 1914—1918 гг., «навет продовольственный», играющий на инстинктах темной массы, исстрадавшейся от современной разрухи.

В свое время 1 Всероссийский съезд Советов Р., К. и С. Д. вынес постановление: *вести неустанную агитационную и просветительную работу среди самых широких народных масс в целях борьбы с антиеврейской травлей, а своему Центральному Комитету поручить озаботиться изданием соответствующей литературы по еврейскому вопросу».*

К сожалению, постановление это остается до сего времени не проведенным в жизнь. Хорошей, вполне подходящей для массового распространения, литературы почти нет (краткий обзор послереволюционной популярной литературы по данному вопросу, составленной В. Терешкович и В. Львовым-Рогачевским ср. в № 1 журнала «Библиографический Ежемесячник» за 1918 г.).

Тем более заслуживает внимания изданная Московским Советом брошюра В. Львова-Рогачевского.

И. В.

НОВЫЕ КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.

«Мир сказок». Книгоиздательство «Мир» (Москва, Знаменка, 9) приступило к изданию серии сказок для детей под общим заглавием «Мир сказок». Общее редактирование серии взяла на себя Л. Б. Хавкина.

Э. Беббит. Сказки далекой Индии, под ред. Хавкиной. Изд. Т-ва «Мир». Стр. 98. Ц. 1 р. 80 к.

В книжечке семнадцать сказок. Все они несложны по фабуле и просты по изложению. От них веет бесхитростностью и наивностью ребенка. Душа народа, находящегося в младенчестве, с его несложною моралью и отношением к миру, говорит из них. В них выводится то благоразумие и житейская мудрость («В песчаной пустыне»), то благородство души («Олень»), то выгода содружества («Ссора перепелов»), то кроется совет жить своим умом («Слон», «Девичий лик»). В некоторых высмеивается глупость или трусость. Сказка «Обезьяна и крокодил» имеет сюжет общий с японской сказкой «Глупая медуза», но с другим концом, более наивным. Сказки будут понятны для младшего возраста, хотя мало интересны, так как здесь маленький читатель не встретит ни богатой фантазии, ни ярких красок, ни увлекательных приключений.

Джекобс Дж. Английские сказки. **Е. Рейдемейстер.** С рис. Д. Беттена. Перев. С. Займовского и Л. Б. Г. М. 1918 г. 131 стр. Ц. 3 р. 25 к.

В книжке 14 сказок, все народные английские, главным образом бытовые, только несколько фантастических; многие по содержанию сходны с народными русскими и Гриммовскими сказками («Три медведя», «Джек и бобовый стебель», «Осел, столик и дубинка» и т. д.); общий с другими народными сказками и тип дурачка, который в конце-концов оказывается удачливее и умнее других; особенность этих сказок—это их веселый общий тон, легкий юмор, которым они все проникнуты; и вся книжка легко и весело читается. Рисунков немного, но они тоже веселые: взяты с английского издания. Неприятное впечатление производит только последняя сказка «Джек—истребитель великанов»—слишком много в ней убийств; не будь этой сказки, сборник был бы совсем хорошим. Сказки пригодны для детей 9—11 лет.

Музеус. Немецкие народные сказки. Перев. Л. Хавкиной. Книга I—120 стр. 2 р. Книга II—127 стр. 3 р.

Эти сказки в этом же переводе (перевод сделан с немецкого изложения Гофмана) были раньше изданы кн-вом Сытина. В первой книжке помещены две большие сказки: «Три сестры» и «Ганс Бременский». Первая сказка—типичная народная фантастическая сказка с заколдованными людьми, чудесными превращениями и т. д. Содержание сказки увлекательно, действие развивается очень живо. Вторая сказка в том же роде, но фантастического элемента в ней гораздо меньше. Во второй книжке помещены пять легенд о духе Исполиновых Гор—Рюбецале: злой дух, которого так боятся люди, умеет понимать истинную нужду и горе хороших людей и умеет помогать им. Все легенды интересны для детей, только пятая им менее понятна. Все сказки годятся для детей среднего возраста (10—12 лет).

Киплинг. Маленькие сказки. Перев. Л. Хавкиной. 189 стр. М. 1918 г. 4 р. 50 к.

Эта книжка до войны существовала в нескольких русских переводах; настоящее издание—перепечатка с издания Сытина. Прекрасные сказки эти (большая часть их—из жизни животных тропиков) совсем не похожи на какие-либо другие сказки, и требуют от читателя известного развития, как по тем вопросам, которые в них затрогиваются, так и из-за тонкого, блестящего юмора, которым проникнуты они, а также иллюстрации самого Киплинга и подписи под ними. Маленьким детям эти сказки совсем недоступны; их следует давать детям не моложе 10—12 лет, а еще лучше читать их вслух: при чтении детьми про себя многое ускользнет от их внимания. Лучшие сказки—«Как кот гулял, где ему вздумается» и «Как было написано первое письмо»; впрочем, все сказки хороши.

З. Павлова-Сильванская.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ «ЮНОЙ РОССИИ».

Книгоиздательство Е. Н. Тихомировой «Юная Россия» (Москва, Б. Молчановка, 18) выпустило ряд новых книжек своей известной серии «Библиотека для семьи и школы». Внешность книг этого издания—скромная, но вполне приличная; цена сравнительно очень невысока.

Джек Лондон. Белый клык. Повесть. Перев. с английск. Р. Рубиновой. 192 стр. С рис. М. 1918 г. 3 р. 50 к.

Прекрасная повесть Дж. Лондона (история полуволка-полусобаки, дикие, волчьи инстинкты, которые

под влиянием человека постепенно сменяются более мягкими—«человечными») вполне доступна детям старшего возраста (от 12—13 л.), хотя книга эта написана автором не для детей. Настоящее издание дает хороший перевод (переводчик выпустил только несколько страниц, которые нашел не вполне подходящими для детей), и можно только приветствовать появление этой книги среди книг для детей. Рисунки дают мало: едва ли они нужны здесь; к тому же они плохо отпечатаны.

Шведер, Е. Апостол мира В. М. Гаршин. Биографический очерк. М. 1918 г. 31 стр. 80 коп.

Коротенькая бледная биография; доступна детям лет 12, но едва ли нужна: дети этого возраста не могут еще читать и понимать всего Гаршина, а для детей постарше такая биография дает слишком мало.

Шведер, Е. Как собирать и сушить лекарственные растения. М. 1918 г. 30 стр. С рис. 60 коп.

Брошюрка составлена с целью дать подсобный заработок собиранием и продажей лекарственных трав. Даны недурные рисунки трав и коротенькие указания, как их сушить. Совершенно излишни в книжке такого делового содержания (хотя бы она и предназначалась для детей) поэтическо-лирические вставки и отступления, стихи и т. п., которыми автор счел нужным «оживить» текст. Пригодна для детей 11—13 лет, но даст немного.

Шведер, Е. Черногория. Очерк (черногорские сказки, легенды и предания). М. 1918 г. 47 стр. С рис. 1 руб.

Поверхностный, элементарный этнографический и отчасти исторический очерк и 6 коротеньких сказок, мало характерных. Книжка доступна детям 11—12 лет, но составлена весьма малосодержательно. После чтения ее у детей не останется никакого представления о Черногории.

Шмелев, И. «Мэри» (маленькая повесть). М. 1918 г. 64 стр. С рис. 1 р. 50 к.

«Мэри»—молоденькая скаковая лошадь, которую купил на последние деньги состарившийся и получивший отставку, некогда знаменитый жокей. Он готовит ее к скачкам, чтобы получить первый приз, и получает его, но... ценою жизнью «Мэри»: она надорвалась и вскоре умирает. Повесть читается не без интереса. Для детей 11—13 лет.

З. Павлова-Сильванская.

В. А. Зеленко. Англия. Изд. культур.-просвет. кооп. тов. «Начатки знаний». П. 1918 г. 2 р. 50 к.

С особым интересом взяли мы для просмотра книжку работника по народному образованию и общественного деятеля В. Зеленко. Изданная в 1918 г., предназначенная для юношества, она, как нам думалось, должна была продемонстрировать собой *новый* подход, новый метод в научно-популярной литературе.

В наши дни популяризатору, ничем не связанному, нет надобности, как прежде, насиловать себя, сглаживать острые углы, обходить щекотливые вопросы, затушевывать истинные причины.

Отвечает ли этим требованиям книжка Зеленко?

Прежде всего бросается в глаза, что из пяти глав четыре посвящены истории Англии до XVIII века и лишь одна говорит о позднейшем периоде. Такая непропорциональность, слишком продолжительная экскурсия в глубь веков является типичным наследием прошлого и не отвечает запросам и настроениям современного читателя. Но это еще полбеды. Гораздо важнее самый подход к юному читателю и общее освещение материала.

В книжке, сильно напоминающей учебное пособие доброго старого времени, мы опять встречаем все те же сглаживания, расплывчатость, общие места. Приводится много фактов, примеров; страницы пестрят именами королевских династий, и в этой массе материала тонет и растворяется самое существенное.

Явления экономической жизни освещены или слишком примитивно, или неполно, или даже неверно.

Вот как, например, объясняет автор основные законы развития: «С новыми силами, с новыми открытиями в жизнь врываются новые мысли, новые веяния, меняется хозяйственный строй, изменяется и общественный» (стр. 31). Как видим, научное построение—*«бытие определяет сознание»*—перевернуто здесь вверх дном.

А вот обоснование возникновения и развития абсолютизма: «Усиление власти короля было подготовлено самой жизнью: борьба утомила людей, их хозяйственные дела расстраивались, все приходило в упадок. Для приведения всего в порядок нужна была сильная власть, необходимо было предоставить ее одному человеку».

Чьи дела расстраивались? Что приходило в упадок? За общими туманными фразами не разглядеть борьбы социальных групп.

Почетное место отводит автор королю Альфреду—человеку необыкновенному. «Альфред понял, чего требует жизнь... Альфред решил померяться силами с норманнами... Альфред принял меры... Наконец тому же Альфреду пришлось завести и флот и постоянное войско»... Как весь этот стиль напоминает наши учебники!

С надеждой смотришь на последнюю главу, где в подзаголовках обещан «рабочий вопрос», но выуживаешь несколько шаблонных строк: «Бывает иногда, что на требование рабочих изменить условия, хозяева отвечают отказом. Тогда рабочие отказываются от работы, объявляют стачку, или забастовку. В ответ на это хозяева закрывают свои фабрики и заводы, объявляют локаут» (71—72 стр.).

Оставлена в тени колониальная политика Англии, война не затронута совсем, безоговорочно восхваляется всеобщее избирательное право и не вскрыты его существенные дефекты. Странно звучат заключительные строки книги: «Граждане «не плохой страны» лучше и глубже других народов понимают независимость, скорее поэтому, чем кто-либо другой, англичане добьются полного и окончательного освобождения человека».

Вообще книжка производит впечатление написанной задолго до переживаемого времени,—быть может, еще до февральской революции. Запросам, которые должны предъявляться к новой школьной библиотеке, она не удовлетворяет. Это—обычная популяризация старого типа, сделанная, быть может, гораздо лучше, чем многое и многое из вращающегося на нашем детском книжном рынке, но не отвечающая заданию—воспитать *нового человека для новой жизни.*

З. Богомазова.

Список книг, поступивших в редакцию журнала „Народное Просвещение" за время с 11 сентября 1918 г. по 1 февраля 1919 г.

1. **Лебедев.** Искусство чтения в школе. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», Москва—Петроград.
2. **Лебедев.** Устные и письменные сочинения. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», Москва—Петроград.
3. **Лебедев.** Литературные чтения и беседы. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», Москва—Петроград.
4. **Лебедев.** Внеклассное чтение учащихся. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», Москва—Петроград.
5. **Лебедев.** Самодеятельность и творчество учащихся в занятиях родным языком. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», Москва—Петроград.
6. Советский букварь для взрослых. Изд. В. Ц. И. К. С. Р., К., К. и К. Д. 1918 г.
7. **Корнилов.** Дошкольное воспитание пролетарских детей. Кн-во «Практические знания». Москва.
8. **Карасевич.** Чтение книг поэтических и прозаических в школе и дома. Пособие для учащихся старших и младших классов и для лиц, ищущих самообразования. Москва. Типография М. Александрова.
9. **Соколов-Микитов.** «Исток-город»—план детской коммуны. Дорогобуж. 1918 г.
10. **Шмулевич.** Начальная алгебра для высш. нач. училищ и младших классов ср.-учебн. заведений. Изд. О. В. Богдановой. 1919 г.
11. **Шмулевич.** Элементарная арифметика для высш. нач. училищ и ср.-уч. заведений. Изд. О. В. Богдановой.
12. **Прогиус.** Тригонометрия. Курс ср.-учебн. заведений. Изд. О. В. Богдановой.
13. **Котельников.** Краткий учебник геометрии и собрание геометрических задач. Петроград. Лештуковская скоропечатня «Свобода». Лештуков. 1918 г.
14. **Карнаков.** Краткий практич. курс геометрич. черчения и землемерия в связи с необходимыми сведениями из геометрии. С.-Петербург. Книгопечатня Шмидт. 1919 г.
15. **А. Стольгане.** Зола.
16. Берегите картофель.
17. **Сельское хозяйство,** народная медицина и ветеринария. Изд. Крестьянск. Отд. Вс. Ц. И. К. Советов.
18. **Лесное дело.** Изд. Крестьянск. Отд. Вс. Ц. И. К. Советов. Приложение к № 10 газ. «Гол. Труд. Кр.», № 225.
19. **Сельское хозяйство.** Разведение подсолнечника. Прилож. к № 9 газ. «Гол. Тр. Кр.».
20. **Богданов и Степанов.** Курс. политич. экономии. Отд. издат. и кн. торговли М. С. Р. и Кр. Деп.
21. **Черневский.** Аграрный вопрос. Настольный справочник. Петроград. Изд. І. Р. Белопольской. 1918 г.
22. Декрет об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельско-хозяйств. продуктов. Изд. В. Ц. П. К. С. Р., С., К. и К. Д.
23. Астраханское рыболовство. № 5, 6, 7, 8.
24. Вестник Нар. Комис. Торговли и Промышлен. № 1, 2, 5—6, 7, 8, 11—12. Ноябрь 1918 г.
25. Профессиональный Вестник. Орган Всерос. Совета профес. союзов, № 7—16.
26. Известия Главлеса. Орган Главн. Комитета лесной политики и деревообрабатывающей промышленности, № 1—2.
27. Союз Потребителей. Изд. Всерос. Центр. Союза потребит. обществ, № 37. Москва.
28. Трудовой Путь. Изд. Костр. Союза потр. общ. и костромск. кредитн. союза кооперативов, № 19—20. Кострома. 1918 г.
29. «Пролетарская Культура», ежемес. журн. № 5. Ноябрь 1918 г. Издан. Всерос. Совета пролет. культурно-просвет. организации. Москва.
30. Просвещение и кооперация. Прилож. к № 10. «Изв. Сов. Всерос. Кооп. Съездов».
31. Известия Отдела внешкольного образования М. Г. С. Р. и К. Д., № 1, 2. Москва.
32. Известия государственных сберегательных касс. Орган сберегателей и страховой операции. Изд. Управл. гос. сбер. кассами. Москва.
33. Художественные известия отделения искусств. саратовск. совета нар. образ. № 22. 1918 г.
34. «Жизнь искусств».
35. Вестник по продовольствию. Орган Курского Губ. Продов. Комитета. № 6—7.
36. «Астраханский Край», журнал, издаваемый Сов. Нар. Хоз. под редакцией специалистов. Астрахань, 1918 г.
37. Известия Бюро Всерос Съезда по внешк. образованию. Изд. Внешк. Отд. Нар. Ком. по Просвещению. № 1.
38. Вестник Путей Сообщения. №№ с 9 по 30. Изд. Комис. Путей Сообщения.
39. Известия Государств. Контроля. №№ 1, 2, 3, 4. 5. Москва.
40. Волго-Каспийский Кооператор. Известия Астраханск. Совета Губ. Кооперат. Съездов. Двухнедельный общ.-эконом. журнал, посвящ. кооперации.
41. Вестник Центрального Ветеринарн. Отд. Нар. Ком. Вн. Дел. Москва.
42. Журнал «Пламя», еженед. обществ. научно-литерат. и худож.-иллюстриров. журнал под редакцией А. В. Луначарского.
43. «Высшая Школа», № 1. Январь 1919 г. Москва. Университет имени Шанявского.
44. Журнал «Техника», № 2, 3, 4. Орган Высш. Сов. Нар. Хоз. Отд. организации производства.
45. Журнал Нар. Ком. социальн. обеспечения, № 2. Москва. Типогр. Р. В. Васильева п/ф «Ломоносов» 1918 г.
46. «Искусство», № 6. Изд. худ. подотдела Отд. Нар. Просв. Моск. Сов. Раб. Депутатов.
47. Вестник Областн. Комис. Земледелия, № 4 и № 5—6. Изд. Ком. Земледелия Союза Коммун Сев. области.
48. Народное Образование. Орган Тверск. губ. Отд. нар. образ., № 1. Тверь.
49. Вестник Нижегородского Университета, № 7 (и приложение).
50. Летопись музея-города. Санкт-Петербург, 1919 г. Книга I.
51. Почтово-телеграфн. журнал. №№ 44—47.
52. Пролетариат и Просвещение. Декабрь, № 1.
53. Леса Республики С'езд Земотделов, Комбедов и Коммун.
54. **Фриче.** «Галилей». Историч. рассказ. Изд. Денница. Москва 1918 г.
55. **В. Либкнехт.** Роберт Оуэн. Отд. изд. и кн. торговли М. С. Р. и К. Д. Москва, 1919 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Общий отдел.

1. Задачи социального воспитания (Из доклада подотдела соц. восп. Нар. Ком. Просв.)..... 3
2. Организация работников просвещения..... **В. Познер**..... 7
3. С какого конца следует начинать строительство новой школы. **К. Левин**..... 9
4. Из практики работника провинциального Отдела (Рязань)... **М. Воронков**..... 11
5. Опыт культурной работы в деревне (Могилевская губерния). **П. Л**..... 14

II. Специальный отдел.

1. К вопросу о проведении всеобщего обязательного образования. **А. Кочетов**.... 20
2. Одно из условий успешности школьной статистики..... **Статистик**..... 24
3. Районный наблюдательно-распределительный пункт для детей. (Из доклада подотд. соц. восп. Нар. Ком. Пр.)..... 27
4. Задачи трудовой школы в области физического труда (Из доклада ком. по произв. труду при Нар. Ком. Пр.)..... 31
5. Самообслуживание в трудовой школе..... **С. Лапшин**..... 32
6. Наглядное пособие в новой трудовой школе..... **С. Соколов**..... 37
7. Естественно-научная мозаика (1. Примитив беспроволочного телеграфа. 2. Лягушки-карлики. 3. Аквариум)..... **Арбеньев и А. Каменцев**..... 39
8. Об искусстве художественного чтения..... **В. Сережников**.... 41

III. Библиография.

1. Трудовая школа (рецензии на книги Познера, Янжул, Кершенштейнера и Блонского и примерн. врем. прогр. Юхновского уезда)... **Шульгин и Вольберг**..... 48
2. Книги по математике и естествознанию (рецензии на книги Пальмера, Звягинцева и Бернашевского, Волковского, Львова и Никонова). **Вольберг, И. Ф., Колчин**..... 50
3. Запрещенные произведения русских писателей..... **И. В**..... 52
4. Журналы по народному образованию..... **И**..... 54

IV. Действия и распоряжения правительства.

1. Список декретов Народного Комиссариата по Просвещению по 1-ое января 1919 г. 56
2. Протокол 10-го заседания Государственной Комиссии по Просвещению (11/XII.18). 63
3. Отчет Отдела единой школы за май—ноябрь 1918 г. (Введение; краткие отчеты подотделов; приложения: 1) перечень наиболее существенных вопросов, обсуждавшихся в Коллегии единой школы; 2) рост школ; 3) сравнительные данные ассигнований на нужды народного образования; 4) список декретов и постановлений)..... 67

V. Хроника.

Ежемесячное обозрение (Что делается в центре?—Съезды, курсы и проекты.—Трудовая школа в провинции. — Организационные проекты Даниловского Отдела нар. образования. — Весьегонский уезд)..... 76

VI. Приложения из иностранной педагогической литературы.

1. Педагогика и социология (пер. с франц.)..... **Дюркгейм**..... 80
2. Нравственная ценность ручных и домашних искусств (перевод с англ. С. Спасской)..... **Нойсс**..... 88
3. Из „Руководства по наглядному обучению и отечествоведению“ (перев. с немец. С. Нестеровой-Рашевской)..... **Г. Шаррельман**... 96

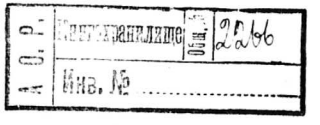
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 8.

Потд. №
Порядковый №



МАРТ.—1919.

LIBRARY OF CONGRESS
AUG 2 1934
DIVISION OF DOCUMENTS

I. Общий отдел.

Задачи социального воспитанія.

Народный Комиссариат по Просвещению, ставя своей задачей воспитание нового человека, члена социалистического общества, широко и интенсивно работает над переустройством школы на новых началах, много уделяет заботы и внешкольному образованию. Россия покрывается сетью культурных учреждений к услугам подрастающего поколению. Но, чтобы реформа воспитания была полной, она должна охватить собою всю жизнь ребенка не только в школе, но и вне школы,—должны быть изменены коренным образом те условия, при которых ребенок живет; иначе школа, как бы идеально ни была поставлена, не даст ожидаемых результатов. Те условия, при которых живут дети, слишком далеки от принципов, выдвигаемых Единой Трудовой Школой. До сего времени главным активным воспитателем ребенка была семья, на которую была возложена обязанность воспитывать своих детей. Но она не справилась с этой громадной задачей как в силу своей неподготовленности, так и потому, что существующий до сих пор институт семьи переживает трудный процесс реорганизации, ищет новых форм, более отвечающих духу времени и складывающейся общественной конъюнктуре. Поэтому жизнь ребенка в семье не дает и не может дать того, что ему нужно, а, самое главное, в силу самой структуры своей семья никогда не даст общественного воспитания. В то время, как некоторая часть детей имеет семью, громадная масса беспризорна, выбита из жизненной колеи, имеет своим домом улицу, кровом—небо, учителем—жестокую выучку уличной жизни. Много таких детей погибло и погибает, сломленные непосильной борьбой за жизнь. К этой массе относятся дети-сироты, полусироты, дети, совершившие антиобщественные проступки, воры, спекулянты, нищие, девочки-проститутки, наконец, дети, лишенные нормальной семейной обстановки в силу всевозможных причин. Часть таких детей нашла себе убежище в приютах и интернатах, которые до сего времени можно назвать своеобразными детскими тюрьмами, часть же детей не имеет и такого приюта. Одна из неотложных задач Народного Комиссариата по Просвещению—дать всем детям правильное социальное воспитание, без которого невозможна реформа школьного образования, невозможно развитие культуры. Ни одно правительство, бывшее у власти, ничего не сделало в этом направлении, либо сваливая эту обязанность на семью, либо создавая приюты, которые впитывали в себя детей-пасынков жизни и были, скорее, общественным преступлением, чем социальной помощью.

Народное правительство, считая своим долгом дать всем детям одинаковые условия жизни, обеспечивающие правильное развитие физических и нравственных сил, должно взять воспитание ребенка в свои руки, помочь развитию личности ребенка, дав совокупность необходимых для того условий.

В отношении физического здоровья, ребенок должен получать достаточное количество воздуха, света, тепла, пищи, сна, чистоты, физического здорового труда. В духовном отношении задачи должны быть таковы: развить ум, чувство, волю, любовь к труду, общественные инстинкты и дать для жизни моральные устои. Пусть ни один талант не заглохнет, пусть каждая способность получит должное развитие, пусть будет открыт широкий путь развития самодеятельности, инициативы, творчества! Наконец, ребенок должен быть все время в атмосфере ласки, любви и тепла, которые ему так необходимы. Нелегки эти поставленные задачи, но поставлены они быть должны, государство должно немедленно мобилизовать для этого все силы и средства. Все произведенные затраты с излишком покроются той материальной экономией, которая

явится следствием уменьшения преступности, числа неприспособленных и даже опасных для государства элементов, и тем громадным духовным богатством, при котором дети явятся светлым будущим своей родины. С лихвой возвратят они ей все понесенные на них труды и затраты, ибо будет она для них не мачехой, а любимой матерью.

О том, что семья не может дать социального воспитания, уже сказано выше. Также едва ли требуется доказывать, что постановка дела призрения несовершеннолетних была слишком далека от выполнений поставленных задач, более того,— условия жизни призреваемых были таковы, что с логической неизбежностью делали все, чтобы помешать им стать людьми. Ужасен факт, но слишком красноречив, чтобы о нем умолчать; дети-обвиняемые, т. е. как раз группа самых неуравновешенных, требующих особого внимания, заботы,—сидели по тюрьмам. Приюты для нормальных детей, за немногими исключениями, мало чем отличаются от тюрем. Начать с того, что ведали этими приютами лица без всякого понимания того великого дела, за которое взялись общества всевозможных названий и ведомств. Средства в некоторых случаях отпускались громадные, есть приюты богато обставленные, но эти средства тратились бесполезно. Причин такого печального положения много. Не касаясь всех, необходимо упомянуть о самых важных. Первая причина: в громадном большинстве случаев приюты были отданы в руки неподходящего персонала. Высшие учреждения, ведавшие приютами, не имели ничего общего с педагогическими взглядами и считали, что приют может быть удобным местом для пристройства лиц, почему либо очутившихся в трудном положении; если человека, как непригодного к работе, некуда было девать, его помещали в приют в качестве заведывающего, как в богоугодное заведение, ибо беспризорные дети все стерпят, никому не жалуются, за них заступиться некому, им благотворили и смотрели на них, как на нищих, которые поднимали брошенную им корку. Но не одни отдельные учреждения несут на себе вину,—в деле общественного воспитания детей виновато все общество в целом, которое мало уделяло внимания их судьбе. Здесь придется столкнуться с печальным фактом — отсутствием учреждения, которое готовило бы специально работников для ведения детских домов. А, между тем, детские общежития слишком широко захватывают жизнь ребенка, и для правильного ведения такого общежития недостаточно знания учительницы, садовницы, очажницы, именно потому, что ни школа, ни сад, ни очаг не охватывают жизни ребенка с такой широтой, как детский дом. Ведь у ребенка, который приходит в школу, сад, есть еще больший, по своему значению для ребенка, уголок его жизни, это—его семья, а у беспризорного ребенка семьи нет, и заменить ее должен детский дом. Конечно, не всякая мать может быть воспитательницей, но зато почти у всякой есть естественная любовь к своему ребенку. Нельзя научить любви, но должно и необходимо на место материнской любви поставить знания и привести работающих с детьми к сознанию важности и глубочайшей ответственности за взятое ими на себя величайшее дело воспитания будущего человека. Только при наличности подготовленного персонала можно надеяться на то, что народные деньги будут употреблены с действительной пользой.

Вторая, не менее важная, причина ужасного положения призрения детей совершенно неправильная конструкция—самих приютов и постановка в них дела воспитания. Способ приема детей в них был совершенно примитивным. Дети не распределялись по своим индивидуальностям и физическим свойствам. Начала, на которых строилась внутренняя жизнь приюта и интерната в закрытых учебных заведениях, были устаревшими, не соответствовали требованиям современной науки и жизни. Учреждения эти были абсолютно закрытыми и воспитывали своих питомцев вне всякого воздействия на них внешней и общественной жизни, которая поэтому оставалась для них чуждым и загадочным миром. Большие казенные здания приюта переполнены детьми до такой степени, что проводить педагогически-воспитательные цели и удовлетворять санитарно-врачебным требованиям являлось задачей почти невозможной. Персонал был перегружен работой, если хотел относиться к ней добросовестно; большое количество младших служащих деморализующим образом действовало на детей, у которых создавалась привычка существовать за счет труда другого человека.

Дух холодного формализма и принцип „начальства" с первых дней жизни встречали детей в приютах и общежитиях закрытых учебных заведений, навсегда, таким образом, лишая их естественной обстановки и воспитывая их людьми подобострастными, неискренними и лживыми. Надо отметить, что в результате жизни и воспитания в интернатах, бывших казенных закрытых учебных заведениях, не в пример таким же воспитанникам приютов, подрастающее поколение приобретало некоторые дисциплинированность и выправку; однако все это, не облагораживая характера и ума питомцев, исключительно касалось только внешности и легко исчезало при столкновении с действительной жизнью.

Третья причина — неорганизованность питания и снабжения предметами первой необходимости. Как бы ни малы были запасы, недопустимо, чтобы дети голодали, были босы, раздеты; невозможно, чтобы забота добывания продуктов и предметов первой необходимости падала на воспитывающий персонал, отвлекая его от прямой обязанности быть с детьми.

Четвертый недостаток положения дела социального воспитания, это—отсутствие статистического бюро, без которого лица, работающие в учреждениях социального воспитания, должны работать как в темном лесу, не имея никаких данных, указывающих о количестве беспризорных детей, о сделанной уже работе по социальному воспитанию. Поэтому работа эта никогда не может быть ни планомерной, ни удовлетворительной. Здесь надо указать еще на огромное значение прежней бессистемности работы учреждений детских приютов еще и в том отношении, что высшие учреждения, ведавшие ими, не имея точных данных о нужде социальной детской помощи и определенных сведений об имеющихся свободных местах, ставили в чрезвычайно трудное положение беспризорных детей, которым приходилось, прежде чем попасть в приют, перенести целый ряд скитаний по полицейским участкам, оставаться там не одни сутки в обществе воров и др. преступников, скитаться по тюрьмам, ночлежкам или просто под открытым небом. Да и вообще дело социальной помощи детям было поставлено так, что, чтобы попасть в приют или в общежитие учебных заведений, надо было преодолеть немало всевозможных препятствий. Чтобы поступить в один из них, нужна была принадлежность к какому-нибудь привилегированному классу, доступ же в другие был чрезвычайно затруднен отсутствием всякой организации, служившей связью населения с учреждениями, ведающими приютами.

Перед народным правительством стоит задача полной реорганизации дела социального воспитания. В этом отношении прежде всего должны быть отброшены элементы случайности и дилетантизма. Наоборот, вся деятельность должна строиться по определенному плану, строго продуманному и проведенному на научных основаниях. Выяснив и указав на то состояние, в котором находилось дело призрения беспризорных детей, а также на антиобщественное влияние на ребенка современной семьи, надо отметить, что придется почти все создавать вновь.

Деятели социального воспитания задачу воспитания всего подрастающего поколения представляют себе, с одной стороны, в реорганизации детских домов по новому плану и типу и, с другой стороны, в создании всевозможных вспомогательных учреждений для дела социального воспитания. Так, для наблюдения за правильной детской жизнью в стране и для извлечения детей из ненормальной обстановки, а также для установления тесной связи населения с детскими домами должен быть учрежден особый институт детской инспекции.

Чтобы поставить деятельность института детской инспекции на твердую почву, Отделом детского законодательства при Комиссариате Юстиции должны быть выработаны специальные законоположения. Для жизненности и правильности этих законоположений, они должны вырабатываться Комиссариатом Юстиции совместно со подотделом Соц. воспитания. Население должно быть широко ознакомлено с этими законоположениями.

Для получения кадра опытных и знающих сотрудников в детских домах необходимо создание постоянных курсов с образцовыми и опытными детскими домами для практического изучения всех предметов, читаемых на курсах. Чтобы принципы, на которых зиждется социальное воспитание, не оставались неподвижными и не отставали от современной научной мысли, сотрудникам подотдела Социального воспитания должна быть предоставлена возможность заграничных командировок с научными целями.

Затем организация органа снабжения продовольствием и предметами первой необходимости является почти самой главной задачей деятельности. Вопрос этот чрезвычайно труден и сложен, в виду обостренного современного общегосударственного продовольственного положения, поэтому к нему придется отнестись особенно старательно и продуманно. Здесь уже говорилось, что невозможно, чтобы дети голодали, и мы знаем, что сейчас в приютах и даже в общежитиях, бывших закрытых учебных заведениях, где питание и одежда детей были всегда довольно удовлетворительными, состояние недоедания детей дошло до такой сте-

пени, что у них развиваются в гораздо большей степени, чем раньше, всевозможные заболевания. Дети стали апатичными, вялыми и инертными, интересы их маленьких детских душ, раньше всегда полных энергии и творческой фантазии, теперь сводятся к желанию только поесть. Организация снабжения продовольствием и предметами первой необходимости должна быть такова, что заботы о ней не должны падать ни на самих детей, ни на персонал. Подотдел Социального воспитания, сообразно со своими городскими и областными районными органами, должен создать специальные органы, ведающие снабжением всех детских учреждений. Снабжение должно быть своевременное и аккуратное.

И, наконец, важная сторона намечаемой деятельности социального воспитания, это — полное переустройство конструкции детскихдомов. Реорганизация их должна коснуться коренного переустройства внутренней и внешней жизни детей, а также учреждения сети нового типа детских домов, отвечающих различным свойствам детской индивидуальности. Эти дома должны быть учреждены не только в городах, как велось до сих пор, но и быть рассеяны по всей стране, соответственно ее административному устройству, имея при каждом районном губернском, уездном Отделе народного образования подотдел Социального воспитания, ведающий всеми учреждениями Социального воспитания.

Организация приема детей должна быть разработана по следующему плану. Каждый ребенок, нуждающийся в социальном воспитании, прежде всего попадает в особый дом-коллектор (наблюдательраспределитель), в котором он будет находиться некоторое время под наблюдением врачей психиатров, педагогов-специалистов, для изучения его индивидуальности и физических свойств. Отсюда, по ознакомлении с ним, он будет направляться в свое будущее постоянное жилище — детский дом соответствующего типа. Таких домов различных типов должно быть учреждено: а) дом для нормальных детей в городах и деревнях; б) санатории или загородные дома для слабых и больных; в) дома для дефективных детей и г) дома для слепых и глухих. Дом-коллектор должен быть открыт круглые сутки, чтобы нуждающийся в нем ребенок мог быть туда приведен или прийти сам в любое время.

Постоянные детские дома, находящиеся в городах, должны иметь особые летние колонии, в которых полевые работы, по возможности, будут исполняться детьми, чтобы дать возможность, кроме задач трудового воспитания, укреплять их физическое здоровье на лоне природы.

Чтобы избежать недостатка системы воспитания детей в закрытых учебных заведениях, необходимо детей детских домов учить в общих учебных заведениях для детей данного района. Этим путем дети будут сливаться с общей детской семьею.

Для своего образования дети должны пользоваться следующими культурно-просветительными учреждениями: а) детскими садами для детей дошкольного возраста; б) школою 1-й и 2-й ступени; в) вспомогательными школами для отсталых; г) клубами для детей - школьников; д) клубами для детей-подростков; е) площадками для игр и спорта; ж) детскими синематографами и театрами; з) библиотеками и читальными залами; и) школами искусств.

В основу переустройства внутренней жизни детских домов должны быть положены принципы: 1) воспитание всех детей должно быть отдано в руки лиц, специально подготовленных; 2) условия жизни ребенка в детском доме должны быть таковы, чтобы личность ребенка могла правильно развиваться; 3) до поступления в постоянный детский дом, ребенка необходимо узнать как с физической, так и с психической стороны, для чего каждый должен пройти через особый наблюдательный пункт; 4) детский дом должен быть построен по принципу семьи, а не принципу возраста, количеством не более 24 человек в каждом, пользуясь системой павильонов или совершенно отдельных самостоятельных детских домов, смотря по местным условиям; 5) в детском доме не должно быть прислуги, все работы должны выполняться членами детского дома, соответственно с силами и способностями каждого; 6) детский дом ни в каком случае не должен быть закрытым учебным заведением; необходимое образование и все знания ребенок получает в общегосударственных культурных заведениях, сливаясь с общей детской семьей, живет в детском доме до окончания своего образования и выходит подготовленным к самостоятельной жизни; 7) работа педагогического персонала с детьми не должна превышать 6-ти часов в день и 8) в детских домах дети принимаются от 3-х-летнего возраста.

Само собою разумеется, что не только помещения, уже занятые приютами, но и инвентарь их могут быть целиком использованы в новых приютах — детских домах. В отношении оборудования особую сложность представляет коллектор, так как там должны быть оборудованы психологические кабинеты, все то, что относится к обучению детей, прачечная и т. п. Необходимо отметить, что использование прежних помещений потребует также затрат для приспособления к лучшим условиям жизни детей (напр., устройство плит для приготовления пищи, поправка полов, печей и т. п.); так же необходимо и пополнение инвентаря. Когда все указанные подготовительные работы будут окончены, один приют в районе объявляется разборочным для определенного числа детей. Половина этого количества предназначается для детей, уже призреваемых в приюте, другая половина — для новых детей, доставляемых со стороны. Если коллектор определяется в 98 человек, то 49 детей оставляется в нем из числа живущих ранее в этом приюте, остальные временно размещаются по старым приютам. По прошествии 3-х недель дети разместятся по детским домам, на освободившиеся вакансии принимаются в количестве 49 дети из старых приютов, другая половина пополняется с улицы; еще через 2—3 недели снова таким же образом набираются дети, и так постепенно ликвидируются все старые приюты, и найдут свой дом новые пасынки жизни.

В виду того, что сфера действий работников социального воспитания тесно соприкасается с деятельностью многочисленных учреждений иных ведомств, они (т.-е. подотдел Соц. воспит.) должны вести свою работу в тесном и дружном согласии со всеми заинтересованными учреждениями: 1) с Комиссариатом Социального Обеспечения, учреждения которого подотделу Соц. восп. предстоит принять, с Комиссариатом Здравоохранения, с Комиссариатом Юстиции — по поводу детского законодательства, 2) с Отделами Народного Комиссариата по Просвещению, Школьно - Санитарным, Единой Школы, Дошкольным, Реформы Школы, Внешкольного Образования и Отделом Дефективных Детей и 3) с продовольственными организациями.

Вся изложенная организация может пройти успешно лишь при условии интереса к ней как широких кругов населения, так, особенно, педагогов и врачей - психологов. Поэтому должно быть сделано широкое оповещение о предлагающейся реформе путем печати с призывом откликнуться и прийти на помощь своим опытом и знаниями. Все работающие в приютах и интернатах должны быть поставлены в известность об этом, и им необходимо дать возможность прослушать инструкторские курсы, после чего, в случае успешного окончания, они получают работу в организованных детских домах; в случае же непригодности для работы, в интересах детей, им будет отказано.

Организация работников просвещения. [1])

Затрогивая вопрос о задачах объединения работников просвещения, мы сразу становимся перед серьезными затруднениями: при новых, небывалых условиях данного революционного момента, мы должны создавать нечто, отвечающее требованиям именно данного момента, нечто совершенно новое и даже никогда небывалое.

И только пользуясь компасом марксистского метода и революционным чутьем, мы нащупываем правильный путь.

Обратимся к прежним формам организации, исследуем их предпосылки, их содержание и тогда наметим схему той новой организации, которая должна превратиться в могучий фактор строительства новой жизни. При помощи искусственного аппарата нельзя направлять бушующее море, имеющее свою самостоятельную жизнь; надо изучить эту общественную стихию, в частности надо исследовать, какие задачи ставило себе профессиональное движение в прошлом, какие стоят перед ним сейчас, какие намечаются в будущем.

Очень часто деятели народного образования, не задумываясь, копировали рабочие профессиональные союзы, с гордостью говоря, что, будучи членами великой пролетарской семьи, труженики просвещения должны строить свои организации по типу организаций рабочих.

Это некритическое отношение, это перенесение форм и содержания пролетарского профессионального движения в область интеллигентских объединений имеет свои отрицательные стороны. Мы ви-

[1]) Настоящая статья представляет собою доклад, прочитанный 29 декабря 1918 г. на конференции инструкторских курсов.

Автор.

дим в истории рабочих союзов три типа профессионального объединения.

Первый тип—общества взаимопомощи, ставящие себе задачей улучшение материального положения своих членов, повышение их культурного уровня и т. д. Принцип такого объединения тот, что коллектив гораздо быстрее и полнее достигает тех улучшений, которых добивается каждый индивидуум, чем если этот индивидуум будет добиваться их в одиночку.

Единица не может сделать того, что сделает коллектив.

Эти союзы проникнуты мелко-буржуазной идеологией, доступной каждому обывателю, каждому буржуа, и сплачивают своих членов на узкой платформе повседневных материальных интересов. Разумеется, эти союзы не могли играть большой роли в рабочем движении.

Второй тип—германские профессиональные союзы. Эти союзы не политические, но их члены являются также членами партии. Это были боевые школы, где выковывалось и закалялось чувство пролетарской солидарности, школы классовой борьбы пролетариата, приводившие к быстрому росту его сознательности и боевой энергии. Но эта прикрытая и затушеванная форма политической деятельности имела свои роковые результаты: тот патриотизм, то увлечение войной, которое наблюдалось в Германии, объясняется, главным образом, тем воспитанием, которое дало рабочему германское социал-демократическое профессиональное движение, создавшее привычку отказываться от определенных политических лозунгов, от присоединения к открытой политической борьбе за конечные цели и порождавшее приниженную, сдавленную психологию.

Третий тип—синдикалистское движение, имеющее довольно крупное развитие во Франции. Отрицательной его чертой является то, что оно воспитывает психологию замкнутых коллективов, носящих цеховой характер, объединяет в союзы мелкого ремесленного хозяйства, мешающие широкой государственной организации производства и всей экономической жизни страны.

Но каковы бы ни были формы объединения, профессиональные союзы не могли привести рабочий класс к конечной цели; их заслуга другая: они представляли известную школу для широких слоев пролетариата, создавая навыки коллективной работы и борьбы. Однако, они не могли дать быстрого поступательного движения к полному освобождению рабочего класса от ига капитала.

Только политическая партия пролетариата, ее сознательный боевой авангард, охватывая, объединяя и координируя все стороны рабочего движения, может привести рабочий класс к его конечной цели—через социалистическую революцию к торжеству коммунизма. Какой же характер носят интеллигентские профессиональные союзы? Особенности условия труда интеллигенции наложили свой отпечаток и на ее объединения. Продавая имущим классам свой труд и будучи близкой в этом отношении к пролетариату, она все же не создает прибавочной ценности. Борясь за увеличение своей заработной платы, она борется за увеличение своей доли прибавочной ценности, вырванной капиталистом у рабочего. Таким образом интеллигентское профессиональное объединение питалось при помощи других корней и создавало другую психологию, чем рабочее движение.

И поэтому нельзя основывать интеллигентские объединения исключительно на экономических принципах,—их необходимо строить на вполне определенной политической платформе: „нейтральные" союзы или будут свидетельствовать об абсолютной социальной инертности их членов, или будут служить убежищем для тех, кто, под флагом чистого профессионализма, будет вести сознательную противопролетарскую, контр-революционную работу или дожидаться возврата добрых старых времен.

Всероссийский Учительский Союз также был идейным, политическим союзом,—либеральным при самодержавии, буржуазно-демократическим и право-социалистическим после февральской революции. После октября, став в ряды врагов пролетарской революции, он тщательно маскировал свою политическую физиономию; всякое же объединение, не намечающее ясно свои цели, является тормозом революционного движения: оно делается прибежищем для всего отмирающего общества.

Каковы же настоящие задачи интеллигентских организаций?

Вся область духовных ценностей капиталистического строя не может быть сразу отброшена. Но эта старая культура насквозь пропитана идеологией буржуазного строя. Буржуазия создавала ее, культивировала и сознательно тщательно накладывала на нее свою печать, чтобы накопленное знание не превратилось в оружие против самой буржуазии, поднимая классовое самосознание пролетариата и повышая революционную активность.

Всякое строительство в области культуры должно быть глубоко продумано, так, чтобы оно могло служить стимулом для более активного участия в социалистической революции, в творчестве коммунистического строя.

И потому-то выступление маленькой группы интеллигентов, учителей-интернационалистов, после октябрьской революции сыграло свою роль: создание политико-профессионального союза представляло правильный тактический шаг. И год тому назад правильно был избран ударный, чисто-политический лозунг: *Интернационал.*

Сейчас же, в условиях существования в течение года торжествующего коммунистического творчества, работники просвещения, активные участники этого творчества должны объединиться под ярким идеологическим, но в то же время реально-педагогическим и экономическим лозунгом: *Коммунизм.*

Другого строительства, кроме коммунистического, не должно и не может быть.

Если не сплотить учительство под этим лозунгом, мелко-буржуазная масса или стихийно уклонится в сторону от чисто пролетарского движения, или пойдет по пути чрезвычайно медленного приспособления к новым условиям, а между тем мы видим в учительской среде усиливающееся стремление к коммунизму. Нужно воспользоваться этим и вокруг крепкого сплоченного коммунистического ядра объединить для общей работы—строительства коммунистической культуры—всю массу работников просвещения.

В. Познер.

С какого конца следует начинать строительство новой школы.

Старая школа, вместе с старым политическим и социальным порядком, умерла.—Ее место должна занять новая школа — Единая Трудовая Социалистическая Школа.

Старая школа умерла, но и новая все еще не родилась. Переход от затхлой схоластики прошлого к социалистическому школьному строительству сопряжен с величайшими трудностями. Самое трудное в этом революционном процессе то, что приходится в мехи старые вливать новое вино. Ведь никто не будет оспаривать того, что наше учительство совершенно не подготовлено к созиданию той школы, которую решила построить советская власть. И одновременно с этим приходится считаться с тем, что новых учителей, способных теперь же провести в жизнь принципы советской школьной политики, в наличности нет. Более того,—мы должны прямо сказать, что такие учителя в большом количестве появятся только через 4 — 5 лет, после того, как будет в корне изменена вся система подготовки учителей.

Однако жизнь не ждет, и нужно изо дня в день вести обычную школьную работу.

Как же идет теперь повседневная школьная жизнь?

Было бы нелепо закрывать глаза на действительность и утверждать, что в школьной жизни все обстоит благополучно. Наоборот, нам прекрасно известно, что школа переживает тяжелый кризис и что жизнь в ней идет нормально только при одном условии, если у школьного дела стоит революционный учитель, истинный друг трудящихся, политически развитой человек, способный не только к восприятию нового, но и к самостоятельному строительству. К великому сожалению, такие учителя встречаются как исключение. Масса же учительства инертна, политически неразвита и с очень ничтожным общим и специальным образованием.

Но это—не его вина, а его несчастие.

Все затруднения советской власти в деле построения новой школы сводятся к тому, что революционную идею — создание социалистической трудовой школы—приходится осуществлять при помощи старого учительства, закосневшего в школьной рутине. Что же делать советской власти в данном случае?

Ясно одно,—что выбросить из школы все старое учительство невозможно. Очевидно, что, пока не создан новый учитель, приходится в переходную пору пользоваться силами старого учительства. Советская власть не в силах всюду поставить своих людей. Так называемые „специалисты" теперь работают на самых ответственных постах—в Высшем Совете Народного Хозяйства, на фабриках и заводах и даже на фронте. Естественно, что и школу можно спасти от полного разрушения только одним средством: на-

до, в качестве технической силы, использовать то учительство, которое мы имеем в наличности, но не все полностью, а ту его часть, которая честно желает работать в школе и не стоит в открытой вражде к советской власти.

Было бы ошибочно думать, что учительство в массе своей враждебно настроено к новой школе и что оно упорно держится за старую школу. Нет, все честные, искренние педагоги превосходно понимают недочеты прежней школы и от всей души желают приступить к строительству новой школы. Но они не знают, как к этому приступить. В этом весь трагизм положения современной школы и массы современного учительства.

Что же нужно сделать для того, чтобы советская власть могла целесообразно использовать силы лучшей части старого учительства?

Ответ один: надо без промедлений организовать показательные трудовые школы, надо без промедлений приступить к систематической и углубленной подготовке инструкторов школьного дела.

Покажите учителю на примере, на деле, как надо строить новую трудовую школу,—и он, по мере своих сил и способностей, будет проводить в жизнь принципы новой школы. Но и этого мало,—пошлите к нему в школу не прежнего инспектора-держиморду, а инструктора, старшего товарища, который помог бы ему на месте, в текущей работе разрешить наиболее трудные и наиболее важные задачи в созидании новой школы.

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, в переходную эпоху школьного строительства перед советской властью стоят две очередные и неотложные задачи: организация показательных трудовых школ и подготовка образованных инструкторов школьного дела.

Мы превосходно знаем, что при разрешении этих задач встретятся серьезные затруднения. Но эти затруднения необходимо преодолеть во что бы то ни стало. В первую очередь следует открыть в каждой губернии хотя бы по одной показательной школе и далее, во вторую очередь, в каждом уезде—по одной показательной школе. Это — минимум, без которого нельзя и думать о проведении в жизнь Положения о Единой Трудовой Школе.

Подготовку школьных инструкторов следует теперь же организовать в столицах и в нескольких крупных провинциальных центрах. При энергии можно было бы к началу будущего учебного года иметь не менее 500 — 600 новых школьных инструкторов. Народный Комиссариат по Просвещению уже имеет некоторый опыт в деле подготовки инструкторов. Этот опыт показывает, что при тщательном подборе лиц, желающих отдать свои силы инструкторскому делу, можно в сравнительно короткий срок делать выпуски инструкторов, вполне пригодных для осуществления тех целей, для которых они предназначены.

Организация показательных школ и подготовка школьных инструкторов не терпят никаких отлагательств.

Показательные школы и школьные инструктора, одновременно с целесообразной подготовкой нового учительства,—вот с чего нужно начинать строительство новой школы.

Если советская власть не сумеет создать показательных школ, приготовить достаточное количество школьных инструкторов и новых учителей, то тем самым она выдаст себе testimonium paupertatis, покажет полную несостоятельность в построении социалистической шлолы. И тогда наступит полный крах всей школьной политики Народного Комиссариата по Просвещению.

Но мы вперед уверены, более того—мы знаем, что этого не случится. Советская власть в великом и жизненном деле созидания новой школы с каждым днем приобретает новых сторонников. И нет никаких сомнений в том, что, когда мы примем твердое решение приступить к устройству показательных школ, — эти школы появятся, и когда мы обратимся к стране с призывом дать нам кандидатов на должности инструкторов, — эти кандидаты придут к нам в изобилии.

И с того момента, как мы приступим к организации показательных трудовых школ и к углубленной подготовке школьных инструкторов, — только с того момента начнется широкое строительство трудовой социалистической школы.

Кир. Левин.

Из практики работника провинциального отдела.

Предоставленная после октябрьского переворота 1917 г. самой себе на довольно долгое время, советская провинция, имевшая весьма скудные культурные силы, все же неустанно творила революционное дело и кропотливо работала над созданием нового государственного строя на местах, руководствуясь, с одной стороны, отрывочными указаниями центра, а, большею частью, полагаясь на собственное понимание хода революции. Такое состояние (отсутствие единого ясного плана, бессистемная работа) было чрезвычайно тяжелым, в особенности для мало - опытных советских работников, впервые подошедших вплотную к власти, и вызывало сплошь и рядом совершенно неожиданные затруднения и случайные препятствия, тормозившие работу, но зато только при таком состоянии можно было сообразно с местными условиями вести революционное наступление на старый мир и, исходя из них же (местных условий), создавать новый; только при таком состоянии, с одной стороны, могли быть подобраны и использованы лучшие местные силы, создавшие прочную опору центру, и, с другой стороны, удалось избежать распыления крупных центральных сил, которые целиком были брошены на колоссальную работу по созданию грандиозного плана управления, хозяйственной жизни, просветительной и другой работы в масштабе всей Советской Республики. Только благодаря последнему обстоятельству, в самое последнее время центральной властью вообще и Народным Комиссариатом по Просвещению в частности даны временные, наскоро выработанные правила и планы работы, сглажены многие недочеты общего характера, определенно выявлены цели и идеалы советской политики. Все это безусловно значительно облегчит работу на местах и поможет выбраться из того хаоса, который создался в результате коренной революционной ломки. Много, еще очень много трудного впереди, но уже в данный момент провинциальные работники имеют счастливую возможность воочию наблюдать первые серьезные признаки того, что стоят на верном пути. Особенно это очевидно для работников по народному образованию, хотя в общей картине провинциальной просветительной работы, которую я постараюсь посильно набросать ниже [1]), есть еще много неясного, неточного, недовершенного, а порою и искаженного.

Все отделы народного образования по Рязанской губернии, в том числе и губернский Отдел совершенно задавлены тем огромным количеством требований и запросов, которыми их осаждают со всех сторон. Отдавая почти все свое внимание заново строющейся трудовой школе, губернский Отдел (работу которого я исключительно буду иметь в виду в дальнейшем изложении) стремится исполнить хоть небольшую долю и того, что также близко входит в его обязанности и дорого ему и о чем так настоятельно просят волости и отдельные села и деревни. Надо сознаться, к нашему несчастью, что даем мы слишком мало; деревня просит книг, картин, лекторов, инструкторов просветительных организаций, она хочет иметь здоровый, настоящий (а не любительский, это уже шаг вперед) театр, библиотеку, просветительные клубы, народные дома, передвижную выставку и т. д. и т. д. Трудно пересказать о той горечи, которая остается на душе, когда после всех этих требований мы шлем в деревню на 50 — 60 руб. бесплатной литературы и только. Больше дать нечего. Сил для работы не хватает. Не только нет нужных лекторов, особенно по вопросам политической грамоты, или дельных инструкторов,—нет даже достаточного кадра опытных и энергичных сотрудников для Отдела. Канцелярия ест почти без остатка все время, которого слишком мало остается для творческой и организационной работы. У нас мало опыта, но и тем, что имеется, невозможно поделиться с теми, кто работает в медвежьих углах, так как выезжать на места, до самого последнего времени, не удавалось. Некому руководить даже такими учреждениями в самой Рязани, как учительские девятимесячные курсы, Государственные художественные мастерские, Дом ребенка Советский театр, Советская библиотека и т. д. Все способные к революционной

---

[1]) Я буду говорить о работе по Рязанской губ., которая, насколько удалось проверить, идет в общих чертах так же, как и в целом ряде других губерний.

работе культурные силы по горло завалены делом, остановить которое или замедлить невозможно. В силу подобного рода обстоятельств стоит вся внешкольная работа Отдела, и до боли обидно, что на запросы с мест приходится отвечать отказом. Недостаток опытных сотрудников зачастую не дает возможности вырабатывать сколько-нибудь определенные планы и полностью осуществлять готовые; поэтому и творческая работа Отдела сплошь и рядом носит случайный, бессистемный характер: вспыхнула удачная мысль, или поднят кем-либо интересный вопрос,—сейчас же мобилизуются, если можно это, силы, или работа раскладывается на людей, и без того перегруженных ею.

Много вредит работе та продовольственная, в широком смысле слова, разруха, которую мы переживаем. Нет продуктов для горячих завтраков, не хватает обуви и одежды для учеников, слишком мало книг и пособий для школ, инструментов для мастерских достать почти невозможно, острый недостаток в бумаге, перьях, карандашах, особенно цветных, нет красок и многого другого.

Часто поэтому ответственному работнику Отдела приходится добиваться самому где-нибудь в Совнархозе или Горисполкоме получения двух фунтов гвоздей или пол-листа стекла для школы. К тому же инициативы у учительства слишком мало, да и те, кто имеет ее, часто не могут ничего сделать, так как слишком много сплошь и рядом ненужных рогаток в местных учреждениях. Надо упомянуть также к слову, что продолжающийся призыв в армию, очевидно, вырвет самую активную и способную часть учительства, и этот вопрос является до боли острым для Отдела.

Необходимо упомянуть о финансовой неразберихе, которая еще не ликвидирована. Кредиты продолжают поступать миллионами в последние дни перед закрытием срока их пользования, и на местах приходится часами ломать голову, как бы и „невинность“ перед декретом соблюсти и „капитал“ приобрести. Есть еще один факт в работе Отдела, о котором необходимо упомянуть: это—полное обидное отсутствие школьного строительства. Центром на этот предмет еще ни разу не отпускались средства; больно видеть, как школы занимаются войсками, часто портятся и помещения, нового же ничего не создается. Здесь на месте чувствуется неотложная необходимость как можно скорее приступить к фактическому, материальному, если можно так выразиться, строительству, с какими бы трудностями это ни было сопряжено; при известной настойчивости, а главное, любви к делу, многое можно создать.

За это говорит вся предыдущая работа Отдела, которая доказывает, что революцией созданы такие условия, при которых появляющиеся затруднения всякого рода все же возможно побороть дружными усилиями революционного коллектива. Трудно когда-либо забыть то глубочайшее удовлетворение, которое испытывали мы, работники губернского Отдела, когда удавалось после упорного и подчас затяжного труда открывать такие учреждения, как Педагогический институт, губернский Историко-Художественный музей, Картинную галлерею, Художественную студию, развернувшуюся теперь в Государственные художественные мастерские, больницу для учащих и учащихся и т. д. Все это начиналось, по обыкновению, с незначительного. В студии, рассчитанной на 30—40 человек, никогда не предполагалось обучать имеющихся теперь 250; губернскому книгохранилищу, содержащему 20,000 экземпляров редких исторических и художественных изданий и рукописей, положено было начало двумя-тремя ящиками книг, вывезенными в марте 1918 года из одного имения Рязанского уезда, и т. д. Словом, по практической повседневной работе мы видим, что мы способны к творчеству, для которого, несмотря на трудное время, раскрыты широчайшие возможности и которое чем далее, тем еще более будет развиваться в связи с притоком новых свежих сил. А эти силы начинают уже понемногу прибывать, и это бодрит нас и укрепляет. То самое учительство, которое враждебно или безразлично встречало нас в апреле 1918 года,—в январе 1919 г. заявляет резолюцией губернского съезда, что задачи Отдела—его задачи. За прошлый год мы имели возможность внимательно понаблюдать процесс освежения и некоторой переработки миросозерцания как у сельского, так отчасти и городского учительства, которое теперь, в январе 1919 года, представило губернскому Отделу возможность мобилизовать для работы лучшие учительские силы губернии, что в скором времени и будет проведено. Сельское учительство определенно и охотно идет на работу в Отделы—в волостные и уездные, что можно только приветствовать, ибо всюду не хватает сил. Великую роль в деле сближения Отделов и учительства сыграли губернские и уездные курсы и съезды по просвещению, которые к тому же пополняли пробелы информационной работы, давая живой и доказательный материал с мест. В отдельных случаях совместная работа учительства и советских работников часто не налаживается, потому что не умолкла еще вражда к интеллигенции, как саботирующей общественной группе.

Большим событием Отдел считает создание Союза учащихся, сорганизованного для проведения в жизнь принципов трудовой школы. При помощи этой организации, которой передано теперь руководство устройством горячих завтраков, вечеров-концертов, митингов, издание журнала учащихся и т. д., удалось всколыхнуть дремавшую (за отдельными исключениями) учительскую массу школы 2-ой ступени, заставить ее сорганизоваться и подумать над вопросами трудовой школы.

Сразу же атмосфера освежилась: послышались разговоры о новых методах преподавания, начались собрания учителей по специальностям для обсуждения программ трудовой школы и т. д. В жизни школы стало заметно значительное оздоровление: появилась товарищеская дисциплина среди учащихся, значительно упал процент манкировок, прекратились наблюдавшиеся ранее случаи неприкрытого хулиганства. В данный момент, прислушиваясь к тому брожению, которое наблюдается у учащихся, Отдел начинает среди них просветительно-политическую работу.

К светлым сторонам жизни Отдела необходимо отнести еще следующее: несмотря на слабую агитацию и незначительность широких плановых работ по губернии, Отдел все же держит тесную связь с трудовым населением губернии. Деревенские делегаты или представители профессиональных рабочих союзов—частые гости в Отделе: первые приходят за указаниями по вопросам театра, устройства народных домов, за литературой; вторые, главным образом, интересуются устройством профессиональных и общеобразовательных школ для рабочих. Такими школами пришлось заменить громоздкий и трудный по программе „Пролетарский университет“, вопрос о котором в ближайшие дни вновь встанет в организующемся при губернском Совете профессиональных союзов отделении Пролеткульта.

По отношению к введению всеобщего обучения Отдел до сих пор придерживался такого взгляда: необходимо, не считаясь пока с будущими планами школьной сети и статистическими выкладками, удовлетворять все запросы с мест на открытие школ. Такая политика, как показывает жизнь, будит инициативу самого населения и заставляет его принимать близкое участие в создании школы. Только за последнее время удалось губернскому Отделу уделить достаточно внимания и на разработку еще одного чрезвычайно важного вопроса—вопроса о контроле и инструктировании уездов. Для контроля и ревизии постановки дела народного образования с технической стороны и для инструктирования решено привлечь лучших и опытнейших учителей; знакомиться с работой уездов вообще и по существу будут члены коллегии губернского Отдела. Если удастся осуществить задуманное, то учительство и работники волости и других Отделов, недостаточно подготовленные, будут выведены из положения, при котором приходится работать осторожной ощупью и наугад.

Расширяющаяся с каждым днем и усложняющаяся работа в провинции, несмотря на целый ряд недостатков и огромных затруднений, все же с удивительной ясностью доказывает жизненность и правильность просветительной политики советской власти, дающей максимум того, что можно дать в настоящее время. Политику эту целиком разделяет и поддерживает—это бесспорно—трудовое население республики; за нами чувствуют правду широкие учительские массы и постепенно становятся на нашу позицию; мы сумели завоевать горячие симпатии значительной, если не большей части, подрастающей учащейся молодежи. Силы наши растут, а с ними вместе крепнет уверенность, что в самый короткий срок мы справимся со своими недочетами и приступим к осуществлению тех огромных возможностей, которые развертываются перед нами в процессе величественного хода мировой революции.

Мих. Воронков.

Рязань.

Опыт культурной работы в деревне.

В только что вышедшей в свет интересной книге тов. Блонского („Трудовая Школа"), в связи с основной идеей этой книги, что новая трудовая школа должна быть школой индустриальной, органически слитой с машинным производством в стране, сделан, между прочим, очень последовательный вывод из этого положения: „Наша школа—дочь промышленного города", говорит автор книги. Что же касается деревни, то, с его точки зрения, индустриально-трудовая школа возможна в ней лишь постольку, поскольку и деревня входит в стадию индустриальной культуры. К этому он прибавляет: „Нам кажется, что допотопные медвежьи углы вряд ли могут быть благоприятной педагогической средой, и бегству юношества в культурные центры мы только сочувствуем. Во всяком случае, эти углы не станут рассадниками новой школы, особенно высших ступеней ее".

Если принять во внимание, что процесс индустриализации нашей страны еще весь в будущем, что сейчас, в данный момент, наблюдается не то, чему т. Блонский готов сочувствовать,—не бегство юношества в культурные центры, а как раз наоборот, —распыление таких центров, как Москва и Петербург, растворение пролетариата больших городов в массе сермяжного крестьянства, то придется либо надолго отказаться от таких desiderata, как захват под интегральный знак школьно-трудового строительства всех медвежьих углов России (т.-е. 0, 9 ее населения), или внести какую-то поправку на „индустриализм" этой новой школы. Как бы ни казался правильным курс на индустриальную трудовую школу, тем не менее и там, где никаких сложных машин в процессах производства (если не считать такого бытового явления нашей деревни, как традиционные „ветряки") нет еще и в помине, школы должны приблизиться к типу трудовой, насколько только это возможно, и вопрос о том, как это сделать, должен стать таким же, если только не более значительным, центром школьного реформаторства, как и судьбы школы городской, окруженной фабриками и заводами. Весьма было бы ошибочным хотя бы, напр., такое рассуждение: перед нами маячит чистый, наиболее рациональный тип индустриально-трудовой школы; поэтому постараемся не раскидывать нашего внимания и наших квалифицированных сил по беспредельным просторам деревенской России и ее хозяйственно-экономическим примитивам, а сосредоточим все наше внимание на городской школе, преобразуем ее в подлинно трудовую, а уж это обстоятельство предопределит затем и эволюцию деревенской школы: она-де сама по мере индустриализации деревни потянется вдогонку за городской школой и постепенно преобразует, таким образом, свою природу (оговариваюсь во избежание недоразумений, что такого рассуждения в книге тов. Блонского нет, но весьма возможно, что иной читатель, исходя из некоторых посылок, допускаемых в этой книге, придет именно к такого рода выводам). Эта мысль была бы в такой же мере ошибочной, как и та, в силу которой предполагалось бы, что сначала можно и должно социализировать фабрично-заводское производство в крупных центрах, а потом уже в свое время поставить на очередь вопрос и о социализации труда в деревне. Но это в скобках. Рассчитывать ли на то, что все наиболее инициативное, живое, молодое, чем могла бы похвалиться деревня, не останется незатронутым новыми веяниями, так как без всякого принуждения само потянется в городские центры за выучкой, за культурой, за яркими переживаниями,—рассчитывать на такой „благополучный" фактор при разрешении сложной проблемы о повышении культурного уровня деревни было бы не очень-то сильно. Как ни целительна силоамская купель городской культуры, но доступ к ней не менее труден, чем и к библейской купели, и пассивно ждать того момента, когда деревенская молодежь приобщится к культуре посредством паломничества в города,—это, собственно говоря, означало бы сдать в архив вопрос о распространении социалистической культуры в наших „Нееловых" и „Неурожайках".

Поэтому призывный лозунг—итти культурным походом на „медвежьи углы", итти в деревню, чтобы прежде всего изучить ее, этот источник колоссальной силы инерции, до сих пор еще парализующий напряженнейшие усилия революционного пролетариата, сдвинуть старый уклад жизни с мертвой точки, узнать ее слабые стороны, найти в ней самой ту опорную точку, которая позволила бы с помощью архимедова рычага перевернуть

весь мир,—этот лозунг я бы склонен был отнести к числу весьма здоровых и для настоящего момента вполне уместных.

Руководствуясь такого же рода соображениями, небольшая группа педагогов (а в том числе и пишущий эти строки) осенью прошлого года двинулась в намеченный ею один из глухих уголков нашей тогдашней окраины с тем, чтобы произвести лабораторный, так сказать, опыт приложения в жизнь деревни зачатков социальной культуры.

Место нашего пионерства—большое белорусское село с 1500 жителей. Население забитое, запуганное, видавшее у себя в гостях и текинцев, и польских легионеров, и воинствующие анархические банды, действовавшие под флагом красноармейских дружин. Налетит какая-нибудь этакая черная туча, деревня мгновенно съежится, „притулится", откупится покорностью и данью, какая с нее потребуется, и опять затем „дышит" до нового порыва вихря. Однако ни война, со всеми ее последствиями, ни наступление немцев, задержавшееся в каких-нибудь 30 верстах от села, ни драгонады текинцев и польских легионеров,—ничто не могло затронуть здесь старого уклада жизни сколько-нибудь глубоко. Все та же убогая церковь, продолжая исправно функционировать, служит и до сего дня центром духовной жизни прихода. Все тот же „пастырь"—настоящий, классический тип попа-хищника и ультра-реакционера—продолжает еще пользоваться своим „апостольским" правом „разрешать и связывать" на земле и на небеси своих пасомых; все та же привычка у бедноты итти на поводу у своего кулака. Одним словом, мы не только не нашли и признаков местного „октября", но тут не было еще своего „июля", а иногда нам казалось, что даже мартовские дни лишь слегка всколыхнули поверхность этого стоячего болота.

Имея специальное поручение от Комиссариата Просвещения организовать в этом месте показательную школу, я принял по наследству то, что застал там готового по части школьной работы (школьное здание с одним большим классом, где 4 приглашенных уже местным Отделом народного образования школьных работника собирались обучать около сотни ребятишек). Прежде всего нам предстояло озаботиться постройкой одного или двух новых школьных зданий. С лихорадочной поспешностью мы взялись за это дело. А так как при осуществлении его нам нужна была коллективная помощь наших односельчан (напр., для перевозки бревен), то у нас сразу же оказалась живая реальная связь с окружающей нас средой. К сожалению, весьма скоро выяснилось, что даже в этом отношении у нас нет общего языка с нашими односельчанами. Многих из них беспокоило то обстоятельство, что равенству условий „по строительной повинности" не будет соответствовать различие при использовании школьных благ: у одного—большая куча детей, которые будут ходить в школу, а у другого—их мало или даже совсем нет ребят школьного возраста. Очень многих смущало то обстоятельство, что если обстоятельства изменятся, да из-за лесу вдруг выскочат немцы, или текинцы, или поляки,—ну, тогда уж держись,—никому не поздоровится за содействие „большевистским затеям".

Если к этому, наконец, прибавить, что железный голод, все более и более болезненно переживаемый русским крестьянством, обратил в весьма распространенное бытовое явление тот своеобразный деревенский коммунизм, в силу которого ни один вбитый вами в стену гвоздь не просуществует долго на своем месте, то картина нашего союза с местным населением на почве наших общих культурных достижений будет достаточно полна.

Но атмосфера стала еще более насыщенной всякими недоразумениями, когда мы стали производить в школе первые опыты трудового воспитания детей. Вокруг нас стали раздаваться сердитые протесты: „Ребята наши и дома не гуляют без дела, а в школу мы их пущаем не для работы, а учиться по книжке". Некоторых шокировало то веселое оживление, которое стало постоянным спутником школьных занятий. „Это—пустая забава, а не ученье", презрительно отзывались по этому поводу наши критики. Многие, настраиваемые на оппозиционный лад попом, не могли нам простить „изгнания Бога" из школы. Одним словом, —нечего греха таить—родительской среде мы с первых же шагов нашей работы не сумели угодить.

Что же касается самих детей, то здесь нам пришлось испытать гораздо меньше разочарований. Хотя и ребята очень часто являлись в школу с большими зарядами настроений, навеянных на них „критикою" взрослых,—„отчего, мол, нас не учат закону Божию, да зачем эта еще работа в школе, да нам мало времени остается писать под диктовку" и т. д. и т. п.,—тем не менее соблазны новых школьных методов делали свое „развращающее" дело: детей такое охватывало оживление, когда в класс приносился ми-

кроскоп, они с таким удовольствием проделывали разные игры, в основе которых лежал счет, им так казался привлекательным процесс выпиливания лобзиком, рассказы о дикарях до того были полны для них интереса,—что наши маленькие, тоже в некотором роде, дикари совсем забывали о неизлечимых пороках новой школы и не очень спешили настаивать на том, чтобы преподавался Закон Божий. Гораздо более оппозиционно они настраивались в тех случаях, когда на очереди была какая-нибудь работа, требовавшая от них пребывания на воздухе (напр., экскурсия за мелом для побелки класса, носка воды из речки для мытья полов, кладка дров и т. п.), Но это последнее обстоятельство имеет свои естественные объяснения: дети так плохо одеты и обуты, их плечи так „ажурно" прикрыты какой-то рванью, что они боятся холодного зимнего воздуха, как самого заклятого своего врага.

Недавно, после того, как постройка нового здания была закончена, нам удалось, наконец, наладить ряд трудовых процессов, пользующихся симпатиями и взрослой крестьянской массы, предъявляющей к школе исключительно утилитарные требования (переплетное дело, столярное, слесарное, шитье из домашнего холста одежды для школьников, плетение ковров и т. д.). Но в начале нашей работы приходилось итти ощупью и решать ad hoc разнообразные задачи о привнесении трудовых методов в школьное обучение. Приведу пару примеров.

Вот что, между прочим, пишет в своем дневнике наш школьный врач (у нас завелся обычай между педагогами вести дневник с записью своих переживаний в связи со школьной работой): „Беседа о вшах.... (следует затем программа беседы): демонстрировала детям вошь под лупой и затем под микроскопом. По пути давала объяснения о том, что такое—лупа и что такое—микроскоп, его назначение. Дети сами просят дать им посмотреть через микроскоп гниду, волос, бумагу, нитку, волос рядом с ниткой. При рассматривании вши под микроскопом дети поражены отвратительным видом вши. Раздаются возгласы; „У, какая страшная. Глянь-ка, какие у нее щипцы, во, ими она нас и кусает". „Стригите нас поскорей", делают они сами практический вывод после „основательного" „теоретического" ознакомления с головными паразитами.—„А кто же вас будет стричь?—спрашиваю.—Я одна не смогу вас всех остричь". Дети просят показать, как надо обращаться с ножницами и машинкой, которые я прихватила с собой, и выражают желание сделать самостоятельный опыт стрижки друг друга. После того, как я показала способ стрижки, дети сами приступили к этой работе. С помощью четырех ножниц и одной машинки в течение двух-трех часов (мы и не заметили, как время пролетело) все мальчики в школе были острижены. При этом дети сами соблюдали очередь—кому и кого стричь, а несколько более ловких мальчиков выделились даже в качестве инструкторов, которые уже брались обучать других искусству стрижки. Урок прошел очень оживленно, никаких поранений не было. У некоторых при стрижке оказались „плеши", вызывавшие веселый взрыв смеха, но эти дефекты тут же исправлялись машинкой. В то время, как дети стригли друг друга, я демонстрировала остальным под микроскопом вшей, гниды, волос и другие предметы".

А вот и другая страничка из того же дневника: „Привезенные нами из Москвы тетрадки имеют одиозную этикетку: „Императорский Лицей в память Цесаревича Николая". Прежде чем раздать эти тетрадки для пользования, старую этикетку нужно заклеить. С детьми намечается план этой работы. Отсутствие клея наводит детей на мысль (при помощи подсказок со стороны педагогов) приготовить самим клей в классе. Каждый из ребят принес по картошке из дому, и дети сами приготовили под наблюдением Любови Васильевны картофельную муку, сделали из нее клей и заклеили нежеланную надпись, из остатка же картофельной муки и яблоков сварили себе кисель и с удовольствием съели. Почти для всех детей впервые выявились полезные свойства крахмала и способ приготовления его. Затем с небольшим количеством картофельной муки и картошкой дети пришли ко мне"... (следует рассказ о демонстрировании картофельной муки и клетчатки под микроскопом, о том, как отсюда возникла оживленная беседа о клетке, как был затем рассмотрен лист от комнатного цветка с его хлорофиловыми зернышками и как детям больше всего понравились опыты с реакцией иода на крахмальные зерна).

Не буду умножать моей заметки другими примерами такого рода маленьких „изобретений" в области нашего трудового преподавания,—скажу только, что в нашем педагогическом мирке было много своих маленьких радостей и огорчений по этому поводу: дети оживлены, у них искрятся глаза, они заинтересованы, ажитированы,—ура, победа! Ребята реагируют

вяло на усилия учителя или учительницы расшевелить их ум, воображение и пробудить в них инстинкт трудового творчества, выражают недовольство уроком,—тоска и огорчение! Вот что, напр., пишет одна молодая учительница в своем дневнике: „Нужно было побелить класс. За мелом уже была раньше экскурсия, и оставалось только раздобыть для замазки глины. Кстати, хотелось принести глины и для лепки. Когда я предложила ученикам устроить экскурсию за глиной, они стали ворчать и отказываться. С большим трудом нам удалось их уговорить, но все-таки половина ребят разбежалась по домам. Когда пришли к реке, с нами стали копать только два мальчика, остальные же—мрачные или насмешливые—стояли на берегу и смотрели. Но вот принесли глину и стали ее отмучивать, а тем временем, пока глина осаждалась на дно ведра, стали детей знакомить со свойствами глины, песка, с почвой, после чего перешли к изменению земной поверхности, но все это дети слушали, ухмыляясь и недоумевая, для чего это с ними обо всем этом говорят. Недоверчивый и насмешливый вид они оставили только тогда, когда им стали рассказывать про землетрясения, вулканы, их возникновение, про коралловые острова. Здесь уже дети слушали с интересом. Один мальчик буркнул: „Во, кабы книжку про это прочесть, так запомнил бы, а то, — что рассказывать!" Я тут же к нему и пристала, предлагая дать ему книгу из нашей школьной библиотеки, какую только хочет. У нас завязался оживленный разговор о книгах, а потом перешли на другие темы. Рассуждали, как бы нам после побелки разукрасить класс. Я предложила посадить в горшках различные растения, устроить аквариум (конечно, об аквариуме дети услышали в первый раз), потом предложила приручить несколько птиц, при чем дети закричали: „Синиц, синиц наловим!" Я стала рассказывать, как в одном коммерческом училище была устроена ботаническая и зоологическая комната. Там, среди растений, у нас стояли аквариумы и террариумы. По веткам порхали птицы. Дети с большим интересом слушали этот рассказ, изредка прерывая замечаниями. Потом рассказала, какие экскурсии в поисках за животными и растениями мы делали с нашей учительницей. Все то же самое мы решили устроить и у себя, при чем я с удовольствием прислушивалась к оживленной болтовне ребят. Одни мечтали приручить белок, другие—завести „трусиков". На мой вопрос, не будут ли они мучить животных, последовал хоровой ответ: „Не будем! Не будем!" Так мы с ними еще долго болтали, пока не разошлись с экскурсии по домам".

Другая учительница в своем дневнике пишет: „От двух до трех часов я занималась с третьей группой чистописанием. Осталась сама собой недовольна. Мне показалось, что дети плохо пишут, устали выводить одни и те же слова, и я предложила им нарисовать у себя в тетрадках стог, обнесенный плетнем. И из этого ничего интересного не получилось, а чувство недовольства собой у меня прибавилось. Не лучше ли было бы предоставить детям писать слова, так как дети меньше всего устают за письмом,—они очень любят писать".

Так, переходя от надежды к отчаянию или к унынию, а потом при первой же удаче снова воскресая духом, педагоги нашей школы разрешают нашу задачу ощупью и очень часто с ошибками, но исполненные честного желания овладеть тайною искусства воспитывать детей, и воспитывать при этом так, как того требует воспринятое ими задание. Школа уже существует три месяца. Работа по созданию трудовой школы еще только что начата. Впереди много еще препятствий, которые нам придется преодолевать „шаг за шагом",—препятствий и внешних, зависящих, главным образом, от материальной и духовной нищеты крестьянской среды, и внутренних, заключающихся в недостатке у нас самих опыта и соответствующих педагогических навыков в нашем строительстве новой школы. „Но,—спросит меня читатель,—что же вы считаете показательным и заслуживающим внимания в вашей „показательной школе"? На этот вопрос я позволил бы себе гордо ответить: „Все". Показательно и то, как при добром желании и честном отношении к делу, пользуясь известными, быть может в общем и целом, довольно скромными рессурсами собственных сил и умений, небольшая кучка работников *уже* взяла приступом первый ряд окопов, отделяющих ее от намеченных целей. Еще ее знамя не развевается на центральной башне цитадели. Но и этот первый приступ показателен и поучителен. Показательно и то, как эти работники с каждым днем, с каждым часом в процессе работы организуют постепенно свой собственный опыт и все полнее и полнее выявляют в данном отношении свое творчество; показательна и реакция на эти опыты со стороны окружающей темной массы. Показательно, наконец, и то, как дети школы уже на-

чинают отражать на своей психологии и на своих интеллектуальных благоприобретениях то новое, что недавно ворвалось в их школу. Для иллюстрации того весьма заметного сдвига, который уже можно наблюдать за последнее время в духовной жизни наших ребят, я позволю себе снова сослаться на „документ", т.-е. на живую страницу из дневника одной из учительниц:

„Павел Жуков,—пишет она,—начинает как будто чуточку оживать и развиваться. Он учится при мне четыре года, да без меня, говорят, ходил в школу столько же. Кажется, все учительницы признали его неспособным, даже больше того,—тупоумным. Это был всегда забитый мальчик, жалкий. Оставлять его на повторительный год в каждой группе не было возможности. И он был приговорен к исключению. Но преобразовалась наша школа, и в нее влилась новая струя чистого воздуха. Я замечаю, что отсталые мальчики повеселели, ожили и стали вследствие этого сообразительнее, в то время, как старые хорошие ученики, бравшие зубрежкой, недовольны, так как новая школа все поравняла и зубрить нечего. Андрей Витов был самый последний ученик, но что с ним сделала новая школа!.. Я так приятно удивлена, что не верю, не могу поверить, что это тот самый мальчик, о котором я раньше имела очень плохое мнение. Я не успела заметить, как произошла в нем эта перемена. В одном он только не изменился, а был таким, как и всегда: он никогда не отличался усидчивостью и не любил однообразных занятий".

Замечу в скобках, что этим последним своим замечанием автор с трогательной наивностью выдает с головой старую школу. Оттого-то все эти Андреи Витовы в доброе старое время (не очень, впрочем, старое) и считались „безнадежными тупицами", что их живой дух, их необычайная подвижность (их „неусидчивость"), их многогранный интеллект (они не любят „однообразных занятий"),— словом, их великолепная здоровая природа была пригнетаема и задушаема всей мертвящей обстановкой старой учебы, между тем как новая школа дает особенно благоприятную почву для расцвета именно таких живых, „беспокойных" натур.

Наиболее же ценным в приведенном отрывке я считаю тот штрих, который совершенно правильно отмечает факт более глубокого воздействия новой школы на самые отсталые элементы школьного населения: „Отсталые дети повеселели, ожили, а бывшие хорошие ученики недовольны новой школой". Именно так,—бросовый, забракованный старой системой учебы человеческий материал, погибавший когда-то от недостатка света и воздуха, теперь вдруг, пересаженный на другую почву, обливаемый живительными солнечными лучами подлинного, не фальсифицированного и извращенного поповщиной знания, на свежем воздухе школьной свободы сразу пустил пышные ростки и обещает великолепно созреть. В то же время благонамеренные убогости, приспособившиеся к гнилой, душной атмосфере старых теплиц, теперь недовольно поеживаются от „холода" (слишком уж стало „свежо!"!) и охотно бы спрятались от непривычных для них солнечных лучей в полумрак своих прежних школьных трущоб.

Итак, в общем и целом, мы уже достигли кой-каких положительных результатов в нашей школьной работе. Я уверен, что еще через 3 — 4 месяца у нас будут новые поводы отметить свое поступательное шествие вперед в данном деле.

В то же время все более и более выясняется, что успех нашего школьного строительства будет все-таки иметь очень ограниченные пределы, если нам не удастся раздвинуть рамки нашего социального опыта по преобразованию всех сторон окружающей нас жизни — и в политическом отношении, и в культурном, и в хозяйственном. Все эти стороны жизни до такой степени связаны между собою вообще и в частности с делом школьного образования, что неуспех работы в каком-нибудь одном отношении сейчас же сказывается, как возможный источник неудач в других направлениях работы. Сейчас мы уже организуем дошкольное воспитание у себя в деревне (детский сад) с полным сознанием той огромной пользы, которая обнаружится для нашей школьной работы от того обстоятельства, что 8-летний ребенок попадет в школу уже психологически обработанный, уже полуоторванный от своей семьи, уже, так сказать, социализированный и подготовленный для восприятия школьных форм развития. С другой стороны, мы усиливаем свои рессурсы по части внешкольного образования. Главная же цель и,—если хотите, — будущий центр всего нашего опыта, взятого во всем его универсальном объеме, еще впереди. Мы еще подготовляем только предпосылки, но не заложили еще фундамента для этого центрального пункта нашей работы: я говорю об устройстве сельско-хозяйственной коммуны в нашем селе. Местное население совершенно не приемлет идеи такого рода коммуны, считая вообще все попытки деревенской социализации покушением с негодными средствами на вековые устои деревенской жизни. Отрицательно к коммунам относятся не только представители состоятельной деревенской буржуазии, но и крестьянской бедноты. Единственная в этом случае надежда у нас, это—на городской социалистический пролетариат. Подойдут к нам из столицы товарищи, готовые быть в нашем медвежьем углу пионерами по части устройства коммуны, — и мы кричим: ура!—не подойдут,—и это будет для нас большая неудача, — неудача тем более обидная, что и судьба нашей показательной школы тесно связана с судьбой вопроса о попытке обобществить и рационализировать труд окружающего населения. Но какова бы ни была история этого последнего вопроса, трудовая наша школа должна итти своим путем. Пусть это будет путь тернистый, сопряженный с большими трудностями и не всегда усыпанный розами, пусть шествие по нем будет иногда напоминать восхождение на Голгофу, но будь, что будет! От старой школы мы все-таки уйдем настолько далеко, что с чувством удовлетворения, оглядываясь назад, скажем: feci quod potui, faciant meliora potentes.

П. Л.

Могилевская губ.,
Рогачевский уезд.

II. Специальный отдел.

К вопросу о проведении всеобщего обязательного образования

Всеобщее образование есть дело, с которым особенно необходимо спешить. Оно поставлено на очередь не сегодня, но и сейчас, как и десяток лет тому назад, составляет больной вопрос русской жизни. Революция с ее лозунгами строительства новой социальной жизни, новых экономических отношений, с ее могучим порывом к самой широкой просветительной работе, устранила одно из существеннейших препятствий старого строя и отживших государственных и народно-хозяйственных отношений: боязнь просвещения — с одной стороны, „экономия“ и „бережливость“ в отношении расходования „народных“ средств преимущественно на народное же дело — с другой. Устранение этих препятствий составляет громадный шаг вперед, оно открывает необозримые горизонты, способствует пробуждению широкой инициативы в просветительной работе как самих масс, так и тех учреждений и лиц, которые стоят у руля этой работы. Однако можно ли сказать, что вместе с падением указанных препятствий отпадают и многие другие? Конечно, нет. В особенности те из них, которые питаются недостатком культурных сил и слабым развитием производительных сил, обострением глубокой экономической разрухой, составляют и еще долго будут составлять громадное зло и громадный тормаз, борьба с которым потребует самой напряженной мобилизации всех сил. Помимо этих препятствий, и вся вообще грандиозность задачи всеобщего образования потребует в ближайшее время небывалого напряжения и небывалой мобилизаци. Что это за мобилизация, какие средства и силы должны быть приняты во внимание и привлечены сейчас же,—вот вопрос, на который необходимо дать посильный ответ.

Но прежде всего несколько слов о фактическом положении вопроса о всеобщем образовании в настоящее время.

Декретом об Единой Трудовой Школе устанавливается, что посещение школы 1-й и 2-й ступени обязательно для всех детей школьного возраста. В этой краткой формуле закона, для всякого ясно, скрывается громадное содержание. Прежде всего, декретируя обязательность образования, необходимо, очевидно, предоставить населению необходимые условия для выполнения требования закона об обязательности образования. При этом декрет распространяет обязательность на школы не только первой, но и второй ступени, и, следовательно, указанные условия должны быть созданы в гораздо более широких пределах, чем это мыслилось до революции, когда речь об обязательности поднималась в отношении лишь первоначального обучения. Чтобы понять всю сложность и ответственность этой задачи, необходимо вспомнить некоторые общеизвестные данные о положении нашего народного образования и грамотности населения. По данным 1908 года число неграмотных в России составляет 65,7%. По последующим годам и отдельным губерниям и группам населения этот процент, правда, значительно ниже. Так в 1910 году в Харьковской губернии грамотных новобранцев было 66%, а грамотность всего населения губернии без детей дошкольного возраста равнялась 44%, — следовательно, среди всего населения губернии в 1910 году не знающих грамоты было более половины. В Московской губернии в 1911 году грамотность среди крестьян-отрубников равнялась 42%, при чем грамотных мужчин было 58, а грамотных женщин 26%. На ряду с недостатком школ, на слабую развитость грамотности оказывали громадное влияние неблагоприятные социальные факторы. Нищенские заработки рабочего заставляли посылать детей вместо школы на выучку к мастеру; слабосильная, маломощная семья сплошь да рядом отрывала детей от школьных занятий для помощи занятиям в сельском хозяйстве. Особенно низка у нас грамотность среди лиц женского пола. По данным П. А. Вихляева—„Экономические условия народного образования в Московской губернии“—в 1908/9 учебном году % девочек в общем числе учащихся в губернии составлял только 38,4. Конечно, за последующие годы грамотность населения школьного возраста значительно возросла в связи с введением обучения и осуществлением школьных сетей, но это, с одной стороны, в различных губерниях, земских, неземских и т. д., выражалось в различных степенях приближения к идеалу всеобщности в смысле количества и оборудованности учебных заведений, с другой стороны и в губерниях, наилучшим образом количественно обслуженных школами, при отсутствии обязательности обучения оставались в наличности, со всем своим отрицательным влиянием на развитие грамотности, все те условия полукрепостнического хозяйственного строя, которые играли, как сказано выше, часто роковую роль в деле народного просвещения.

К изложенному необходимо добавить, что идеал всеобщности, поскольку он находил выражение в земских школьных сетях, не шел дальше обеспечения населению первоначальной грамотности, в пределах первоначального низшего образования. С другой стороны, для характеристики самой грамотности населения, ее качественной стороны, а следовательно, в значительной мере, качественной стороны организации дела народного образования, необходимо иметь в виду, что по данным земской статистики около половины учащихся не идет дальше первого отделения школы и по выходе из нее едва умеет нацарапать свою фамилию. Вот в общих чертах та картина, на фоне которой советская власть приступает к введению всеобщего *обязательного* образования.

При всей сложности объективной обстановки, необходимо еще учесть и всю сложность задач, поставленных властью. Декрет об Единой Трудовой Школе предписывает Отделам народного образования республики немедленно приступить к разработке плана школьной сети, составлению смет на постройку и оборудование школ, содержание личного состава, смет по снабжению детей обувью, одеждой, учебными пособиями, по организации питания детей, а также к учету всех детей школьного возраста от 6 до 17 лет.

Как видно из указанного перечня, практические меры по созданию необходимых условий для осуществления всеобщности и обязательности образования, с одной стороны, заключаются в выработке и осуществлении удовлетворяющей всю потребность в образовании школьной сети, а с другой стороны, в борьбе с теми неблагоприятными социальными условиями, которые лишали население возможности полностью использовать даже существовавшие образовательные учреждения.— Это вторая задача, заключающаяся в организации содержания детей школьного возраста за счет государства, в снабжении их одеждою, обувью и питанием, целиком вытекает из взгляда на строящуюся новую школу, как на школу социалистического государства-коммуны, в котором, в идеале, новым хозяйственным отношениям, полной эмансипации труда от ига капитала сопутствуют неизбежные изменения в области семейного быта, где дети составляют достояние и заботу всей коммуны и где, наконец, трудовой процесс, лежащий в основе организации производства, неразрывно переплетается с образованием, вернее, последнее становится в тесную связь со всей производственной деятельностью, обеспечивая личности широкое гармоническое развитие.

Из изложенного ясно, что вторая задача, в сущности, далеко выходит за пределы чисто ведомственной подготовки условий всеобщности и обязательности образования; она неразрывно связана со всей системой социальных мероприятий и разрешается исключительно в плоскости общего решения вопроса о новой экономической организации, о государстве, построенном на коммунистических началах. И поскольку бесспорным является факт, что создание новых экономических отношений, перестройка хозяйственных форм и хозяйственной организации составляла всегда в истории длительную задачу, задачу эпох,—постольку и полное разрешение вопроса о школе-коммуне, о переложении с плеч семьи на плечи государства-коммуны забот о детях есть длительный и, в большей части, производный процесс от процесса более общего.

Иначе обстоит дело с вопросом о самой школьной сети. Если питание детей и вообще широкое снабжение за счет государства значительной части населения

не может быть разрешено вне решения общих экономических и социальных проблем и является в сущности слагаемым общей экономической политики, то постройка зданий, подготовка персонала и т. п. уже во всяком случае составляют чисто ведомственные задачи первоочередного характера и организационно, — что не может не интересовать нас в данном вопросе,—разрешаются гораздо проще вне органически неразрывной связи с полнейшим преобразованием общества.

Само собою разумеется, при разрешении этой громадной ведомственной задачи мы прежде всего упираемся в потребность статистического изучения вопроса. Те примеры, которые мы приводили выше о грамотности населения, свидетельствуют прежде всего о глубоких несовершенствах наших статистических данных. Но если несовершенны наши данные о грамотности населения, то столь же несовершенны и недостаточны наши сведения о населении вообще и в частности населения школьного возраста. В данный момент мы можем только сказать на основании имеющихся сведений, что грамотность наша низка или что значительная часть населения не попадает в школы и не имеет возможности попасть прежде всего из-за недостатка школ, но каков этот недостаток, каково должно быть в идеале количество школ и комплектов, чтобы удовлетворить всю потребность в образовании,—на этот вопрос мы готового ответа не найдем. Следовательно, основная потребность, с которой мы прежде всего сталкиваемся при разрешении вопроса о построении школьной сети, заключается в учете детского населения.

Эту задачу, в числе прочих, наметил, как показано выше, и декрет об Единой Трудовой Школе, и, согласно указаний этого декрета, некоторые Отделы народного образования уже приступили к учету детей школьного возраста.

Безусловно было бы чрезвычайно неправильно думать, что столь крупная работа, как учет детей школьного возраста, может быть выполнена местными Отделами помимо центра, вне общего плана и общей программы, как не может каждая губерния отдельно и самостоятельно устраивать переписей населения и их разрабатывать на свой образец. Но не только учет детей школьного возраста, а и все работы по установлению оснований школьных сетей требуют централизации. В центре должны быть выработаны основы построения школьных сетей, а на местах эти общие основания должны быть согласованы с местными условиями, приноровлены к ним.

К выполнению этих задач ныне и приступает центр. По постановлению Коллегии Комиссариата при Статистическом Отделе образована Статистическая Комиссия по введению всеобщего образования. Задачи Комиссии заключаются в производстве всех необходимых статистических работ по составлению школьной сети и финансового плана ее осуществления. Комиссия уже имела ряд заседаний, на которых приняла проекты о ее конструкции и рассмотрела и одобрила план работ по выработке оснований построения школьных сетей. В частности, что касается исходного момента предстоящих работ,—учета детей школьного возраста,—то для этой цели признано возможным воспользоваться данными переписи 1917 г. По этому вопросу состоялось соглашение с Центральным Статистическим Управлением, и по совместно с ним выработанному плану губернские Статистические Бюро должны приступить в срочном порядке к подсчету по отдельным населенным пунктам в погодных группах материалов Всероссийской переписи 1917 г. Работа эта потребует от 3 до 4 месяцев. Вместе с тем сейчас же признано необходимым произвести предварительный учет предстоящих к открытию школ и комплектов в поуездных суммарных итогах. Для выполнения этой задачи Статистическим Отделом начата работа по установлению коэффициента основных возрастных групп школьного населения по материалам переписи 1897 г., определению численности сельского населения, исходя из переписи 1916 г., по числу переписанных хозяйств и средней населенности отдельного крестьянского двора, по земским переписям предшествовавших лет и исчислению отдельных возрастных групп по материалам движения населения. Коэффициенты возрастных групп будут приложены к исчисленному населению по переписи 1916 г. и учтенному переписью 1917 года. Вместе с исчислением общего числа детей школьного возраста предстоит определить, как это население размещается по отдельным населенным пунктам и, наконец, объединить отдельные населенные пункты в школьные районы.

Вот та громадная статистическая работа, которая должна быть выполнена как центральными, так и местными органами по общему плану. Но, конечно, не этими только задачами ограничивается предстоящая работа по установлению школьных сетей. Основания их построения требуют с одной стороны учета целого ряда школьно-педагогических данных и соображений. При каком количестве учащихся на одного школьного работника школьные занятия могут дать наибольшие результаты в смысле успешности, каково это соотношение должно быть отдельно для школ первой и для школ второй ступени? Этот вопрос, бесспорно, придется разрешать в связи с задачами новой школы и особенностями ее построения. При этом, если принять во внимание, что опыт новой трудовой школы очень невелик и слишком много еще здесь неизвестных, то станет ясно, что затруднений в этой предстоящей работе будет немало и немало потребует эта работа усилий.

При разбросанности наших населенных пунктов сельских местностей и малонаселенности особенно важное значение имеет и вопрос о школьном радиусе. Нельзя создавать школу в каждом маленьком поселке для небольшой группы учащихся, да еще школу второй ступени. Такие школы, бесспорно, будут плохи, ибо в этом случае невозможно будет даже в течение очень продолжительного времени подготовить годных для дела школьных работников, невозможно и нерационально вместе с тем строить усовершенствованные и приспособленные к занятиям здания. Нужно принять во внимание, что обучение в трудовой школе должно носить общеобразовательный политехнический характер на обеих ступенях, а эту задачу школа может выполнить только при минимальной оборудованности и приспособленности. Школьное здание должно отвечать новым требованиям. Сейчас мы, правда, очень бедны, экономические рессурсы наши подорваны. Однако это не всегда будет так. Школьная сеть рассчитана не на год, как не в год может быть осуществлена глубокая реформа преподавания и не в год проведена в жизнь школьная сеть. Поэтому и расчеты о школьном строительстве и техническом оборудовании придется строить, исходя не из фактического положения, а из необходимых теоретических, технических и педагогических предпосылок. Вместе с тем принцип организации школьных зданий в соответствии с уровнем требований, предъявляемых научной, технической и педагогической мыслью, необходимо согласовать с задачей наименьшей отдаленности школ от тех малонаселенных пунктов, в которых не может быть школ.

Приведенными задачами не исчерпывается вся сложность программы предстоящих работ по выработке школьной сети и плана ее осуществления. Не менее сложным, чем вопрос о радиусе, о школьном строительстве, представляется вопрос об обеспечении новой школы педагогическим персоналом; вместе с тем ныне же должен получить полную и всестороннюю разработку вопрос о снабжении школ учебниками и наглядными пособиями. Способ наглядности преподавания в трудовой школе подразумевается сам собою, и план школьной сети, учитывая школьное строительство, соответствующее запросам новой школы, должен вмещать также снабжение новых школ соответствующей школьной обстановкой, кабинетами, наглядными пособиями.

Нечего и говорить, что каждый из перечисленных вопросов, за исключением вопроса об учете соответствующих возрастных групп населения, требует не только подсчета, не только соображений финансово-сметного характера, для которых необходимы соответствующие количественные выражения, но нуждается вместе с тем в обсуждении и разработке по существу. Можно указать в качестве примера, что вопрос о наглядных пособиях вовсе не окончательно решенный вопрос, так, чтобы только оставалось подсчитать и оценить с финансовой стороны все необходимые элементы. Вопрос о наглядных пособиях, бесспорно, нуждается в более углубленной обработке и должен быть подработан для включения в общий план с точки зрения педагогической. Точно так же вопросы строительства должны быть обсуждены во всей полноте с технической, гигиенической и с педагогической точек зрения. Вопрос о проведении в жизнь пока еще по преимуществу имеющихся только в декрете и соответствующих декларациях принципов трудовой школы, как мы говорили выше, не может не оказать того или иного влияния на выработку основ построения школьной сети и ее финансового плана. Поэтому в процессе предстоящей и уже начатой работы, очевидно, предстоит взвесить те практические указания и те сведения, которые занятия на местах практики школьной работы могут дать на основании опыта осуществления трудовой школы.

Мы не претендуем сейчас разрешить, в каких организационных формах наиболее удовлетворительно могли бы быть выполнены все эти задачи, но одно утверждение, нам кажется, возможным высказать. Мы полагаем, что вся работа по

координации и использованию всех указаний опыта школьной практики, всех данных из области разных специальных знаний, должна быть объединена в каком-то одном общем центре, в специальном органе Комиссариата по Просвещению. Этот орган не может и не должен брать на себя чисто-технических функций, не может и не должен заниматься, скажем для примера, хотя бы снабженческой деятельностью или заготовкой наглядных пособий и вообще школьного оборудования и т. д. Задачи этого органа должны лежать в плоскости исключительно всесторонней академической подготовки вопроса, с одной стороны, в плоскости объединения научной и общественной мысли вокруг данного вопроса,—с другой. Этот орган должен быть органом *пробуждения самого широкого общественного, народного* интереса вокруг дела осуществления всеобщего обязательного образования. Мы наметили выше только в самых грубых чертах те многообразные вопросы, которые возникают в связи с разработкой и построением школьной сети. А сколько еще вопросов возникнет в будущем при первом же приступе к делу! Но их возникнет тем больше, чем больший круг людей разных специальных знаний и практических работников в центре и на местах будет вовлечен в предстоящую работу. И, несомненно, при нормальной обстановке придется созвать не один съезд, устроить не одно совещание и специалистов-строителей техников и школьных работников по разным отраслям и т. д. Потребуется написать не одну научную работу, может быть, даже организовать издание того или иного органа, бюллетеней и т. п., обеспечить работникам школьного дела в центре и на местах возможность участия в литературных дискуссиях по тем или иным спорным вопросам построения школьной сети.

Одно пожелание нельзя не высказать в заключение настоящей статьи, а именно, чтобы приведенные в ней положения нашли тот или иной отклик с мест на страницах „Народного Просвещения". Там, ближе к жизни и практической работе, возник, вероятно, уже не один вопрос, имеющий прямое отношение к трактуемой теме. Было бы непростительной растратой опыта хоронить и замалчивать все эти возникающие в ходе работы вопросы.

А. Кочетов.

Одно из условий успешности школьной статистики.

Школьно-статистические обследования, — если не считать пока еще мало распространенного монографического обследования,—разделяются, как известно, на два вида: на основные и на текущие статистические обследования.

Харьковский съезд по статистике народного образования следующим образом определяет цели основного обследования:

„Основные (периодические) статистические обследования по народному образованию должны давать всестороннюю характеристику положения дела народного образования на данной территории, не ограничиваясь рамками текущей деятельности местных просветительных учреждений. В соответствии с этим основные обследования выполнятся по более широкой программе, чем текущие, дополняя при этом материал текущей статистики изучением явлений более устойчивых, подвергающихся заметным изменениям лишь после значительного периода времени, а также и явлений второстепенных, хотя и резко изменяющихся за год, но не учитываемых ежегодно. Основные обследования производятся каждые 10 лет" (Пост. 16 июня).

Основная статистика занимается изучением явлений устойчивых, подвергающихся заметным изменениям лишь после более значительного периода времени.

Наоборот, текущая статистика является средством для изучения неустойчивых явлений и потому должна вестись в идеале непрерывно или, по крайней мере, через настолько короткие промежутки времени, чтобы изменяющиеся условия были ею уловлены. В частности текущая школьная статистика выясняет движения в течение определенного времени (напр., полгода) числа учащихся, школьных работников, развитие педагогической стороны школьного дела и т. д. и т. д. Правильно организованная текущая статистика является чутким барометром, отмечающим все изменения развития школьного дела.

При принятом в России способе ведения текущей школьной статистики роль статистических органов сводится к восприятию уже зарегистрированных школьными работниками фактов. Статистические органы дают последним программу обследования в форме так называемых бланков, которые содержат целый ряд вопросов, касающихся школьной жизни. Школьный работник, получив такой бланк, дает на поставленные вопросы ответы, сообразуясь с теми сведениями, которые у него имеются. Статистический орган, разрабатывающий бланки, в отношении достоверности полученных сведений принужден положиться на школьных рабтников. Правда, если лицо, разрабатывающее бланки, обладает достаточным опытом и знанием губернии, оно может всегда вскрыть наиболее грубые ошибки,—для этой цели во всяком бланке имеются проверочные вопросы; но в конце концов статистику удается установить только так называемую внешнюю достоверность, т.-е. установить отсутствие противоречий между ответами одного и того же бланка или между бланками по одной и той же школе за ряд лет. Внутренняя же достоверность, т.-е. правильность сообщаемых фактов по существу, может быть проверена только путем экспедиции,—путем посылки специального лица в данную школу, что обыкновенно при текущей статистике не делается, в виду большой стоимости экспедиции, недостатка людей, времени и т. д.

Таким образом, одним из самых главных условий успешности текущей статистики является отношение к ней лица, заполняющего бланк; от того, будет ли это отношение небрежным или внимательным, отрицательным или доброжелательным, зависит как полнота, так, главным образом, и достоверность получаемых сведений.

В настоящее время производится обследование школьного образования при помощи бланков текущей статистики. Статистическим Отделом Народного Комиссариата по Просвещению выработаны соответствующие бланки, признанные обязательным минимумом для всех губерний; эти бланки разосланы в губернские Отделы Народного Образования, откуда растекаются по многочисленным школам; из некоторых губерний уже начинают поступать заполненные бланки. Поэтому чрезвычайно важно остановиться на отношении школьных работников к текущей статистике, на этом частном организационном вопросе, который, однако, в связи с производимым обследованием, имеет большой актуальный интерес.

Уже на основании старой земской практики приходится констатировать, что отношение школьных работников к текущей статистике оставляет желать много лучшего. Количество бланков, содержащих в своих ответах противоречивые сведения, иногда достигало половины всех полученных бланков. Не отдавая себе отчета во всей важности точного статистического учета, многие школьные работники давали сведения по статистической поговорке „с потолка", т. е. не давая себе труда порыться в своих журналах и записях или не считая нужным напрягать память, просто, „поглядевши на потолок", записывали первую попавшуюся цифру, более или менее вероятную.

За последние годы начинает развиваться новое прискорбное явление: школьные работники совершенно перестают давать какие-либо ответы. Уже с 1914—15 г., т. е. с началом войны, земские статистики, которые вели текущую регистрацию, указывают на падение количества ответов на статистические бланки. И хуже всего то, что с каждым годом количество ответов становится все меньше и меньше: за прошлый год по некоторым губерниям были получены ответы всего лишь от 40—50 % школьных работников, и если это явление будет прогрессировать, то на судьбе текущей школьной статистики за нынешний год придется поставить крест.

В самом деле, количество ответов всего лишь от 40—50 % школьных работников лишает почти всякой ценности получаемый материал. При таком количестве ответов совершенно нельзя установить столь необходимые в настоящее время сведения об абсолютном числе учащихся и школьных работниковъ, да и те относительные величины, которые могут быть выведены на основании такого скудного материала, лишаются в значительной мере своей достоверности.

В чем корни этого абсентеизма? Какие меры борьбы с ним?

Вот два вопроса, над которыми должен задуматься каждый статистик и, мало того, каждый школьный работник, которому дорого развитие дела народного образования, который желает скорейшего достижения всеобщего образования в России и который понимает, что без статистических данных, без точного статистического учета, невозможно никакое государственное школьное строительство в сколько-нибудь значительном масштабе.

Причины этого абсентеизма лежат отчасти в тех тяжелых условиях суще-

ствования, которые выпали на долю русского учителя в связи с переживаемым тяжелым временем. За время войны много старых школьных работников было призвано в ряды армии. Их места не всегда удавалось заполнить другими лицами, и на долю оставшихся учащих выпадала непосильная работа, потому что за время войны рост учащихся сильно увеличился. Статистические данные по многим губерниям показывают, что для многих учащих приходилось вести непосильную работу с комплектом в 80—100 человек вместо обычных в старое время в начальных школах—50 чел. Продовольственные условия последнего времени тоже не могли способствовать особенной активности, и, наконец, настроения учительства за последний год не могли создать атмосферы для спокойной работы. С другой стороны, абсентеизм по отношению к текущей статистике коренится в отсутствии у школьных работников сознания важности и необходимости статистики народного образования. Нельзя скрыть того, что в России даже среди интеллигенции знакомство со статистикой является исключением.

Какие бы ни были корни этого абсентеизма,—с ним нужно бороться. Необходимо прежде всего обратиться к школьным работникам с разъяснением всей важности статистики для развития дела народного образования; необходимо указать, что, каковы бы ни были условия личного существования, может быть, и весьма тяжелые,—дело народного образования не должно приостанавливаться ни на мгновение, ибо с каждым годом из школьного возраста выходят громадные количества людей, которые впоследствии не смогут вернуться в школу; в деле народного образования упущенного возвратить нельзя. То же самое и относительно статистики. Грандиозный аппарат ее, раз пущенный в ход, не может быть остановлен ни на мгновение так же, как не могут быть остановлены, напр., доменные печи. Остановка в работе статистического аппарата означает невосполнимый пробел статистических данных. Эти данные и без того скудны в России, и нельзя допустить мысли, чтобы школьный работник, преданный делу народного образования, сознательно стремился воспрепятствовать статистической работе. Какое бы ни было отношение к современному положению, нужно помнить, что работа по народному образованию не должна быть брошена, нужно помнить о будущих поколениях, для которых должна быть готова школа.

Необходимо поэтому уже сейчас поднять в печати, на съездах и совещаниях агитацию за заполнение бланковъ. В этой работе должны принять участие местные работники по статистике народного образования и работники губернских и уездных Отделов Народного Образования. Средством могут послужить местные периодические губернские и уездные органы, в которых должны быть даны по этому вопросу руководящие статьи, разъясняющие моральный долг каждого школьного работника дать сведения о школе, в которой он работает.

Вместе с тем нужно обратиться и к местным администраторам народного образования и спросить у них, всюду ли приняты меры для того, чтобы обеспечить школьным работникам спокойную и плодотворную работу, всюду ли предприняты шаги для облегчения и без того переобремененного работой школьного работника и всюду ли считаются с его достоинством, как человека и педагога. Если поискать, то и в этом отношении найдется многое, что нужно исправить.

Другим средством улучшения текущей статистики должна явиться постановка правильной регистрации в школе. При этом условии школьным работникам не придется тратить много труда на заполнение статистических бланков, на припоминание фактов, вычисления и т. п. Постановка регистрации в школе должна быть возложена на заведующих подотделами статистики при губернских Отделах Народного Образования, на их обязанности должна лежать дача руководящих указаний в этом отношении.

Вопрос о постановке регистрации в школе уже обсуждался на харьковском съезде по статистике народного образования; он будет поставлен и на мартовском совещании статистиков, созываемом Статистическим Отделом Народного Комиссариата по Просвещению в Москве.

Статистик.

Районный наблюдательно-распределительный пункт для детей.

Задача этого учреждения—немедленно приютить всякого ребенка, вышедшего из грудного возраста, т. е. умеющего ходить и говорить. Ребенок может быть сюда доставлен комиссариатом, членами социальной инспекции, всяким частным лицом, увидевшим безвыходное положение ребенка; сюда может обратиться за помощью сам ребенок по собственному желанию Двери пункта должны быть открыты дни и ночи для всякого, имеющего в нем нужду. О существовании такого пункта с точным указанием его адреса, телефона широко оповещается население всеми возможными способами. При существовании наблюдательно-распределительного пункта, который так же, как больница, должен быть открыт во всякое время, не будет надобности сидеть бездомному ребенку в комиссариате, в обществе пьяных, воров и проституток. Комиссариат доставляет такого ребенка немедленно в районный наблюдательно-распределительный детский пункт. Итак, первая задача пункта—оказание немедленной помощи бесприютному ребенку. Вторая его задача, не менее важная это —возможно полное распознавание всякого ребенка как с психической, так и с физической стороны. Прежде всего, при принятии ребенка администрация пункта должна озаботиться доставлением всех возможных о нем документов, должны быть записаны подробно все данные, какие только можно получить от лица, доставившего ребенка, или от самого ребенка; в случае полного незнания условий его жизни, записать хотя бы те условия, при которых был взят ребенок. Как биографические сведения, так и фотография, которая снимается с ребенка, остаются в делах пункта, копии же пересылаются в то учреждение, в которое впоследствии попадает ребенок. В наблюдательно-распределительном пункте ребенок находится столько же времени, сколько потребуется врачам и педагогам для определения его индивидуальности, но не менее двух недель. Самое ознакомление производится как путем наблюдения, так и путем применения всех существующих методов психологического исследования личности. Относительно каждого ребенка ведется дневник так же, как в больнице ежедневно ведется история болезни, куда заносятся все наблюдения над ребенком и все заключения лиц, его наблюдающих. Дневник остается в наблюдательно-распределительном пункте, копии же его отсылаются вместе с ребенком. Процедура принятия ребенка такова: по снятии с него фотографии и опросе, ребенок осматривается врачом. Если он оказывается больным, то немедленно отправляется в больницу и принимается в детский дом по выздоровлении; если здоров, то ему делается ванна, производят измерение и взвешивание, он одевается во все чистое и отправляется к воспитательнице. В дальнейшем администрация должна озаботиться отысканием родителей и в подходящих случаях возвращать детей на их попечение. Должна быть сделана немедленно публикация в определенных газетах о нахождении ребенка на пункте и заявление о том во все комиссариаты. Если родных не окажется, то ребенок, смотря по его психической и физической индивидуальности, помещается в один из подходящих для него постоянных детских домов. В этом скажется особенное значение набл.-распред. пункта: он, заручившись необходимыми данными о личности ребенка, может помочь более правильно сконструировать те детские дома, в которых ребенок будет жить вплоть до его совершеннолетия. Здоровые будут отделены от больных, дефективные от нормальных, те и другие будут поставлены в более подходящие для них условия, будет возможно более правильное сочетание и взаимоотношение индивидуальностей, как то признают наиболее целесообразным врачи и педагоги. Дети в самом набл.-распр. пункте распределяются на отдельные группы, не более 15 человек в каждой на 3-х воспитательниц, в целях наиболее успешного ознакомления с личностью ребенка. Группы составляются по возрастам—дошкольному, школьному; подростки,—согласно возрастным подразделениям Единой Школы.

I. Примерный штат работников районного наблюдательно-распределительного пункта на 90 человек детей.

1) 18 воспитателей или воспитательниц. Коллектив воспитателей образует совет коллектора, выбирающий из своей

среды председателя совета; председатель совета утверждается соответствующим районным отделом социального воспитания и является перед последним лицом ответственным. В некоторых случаях отдел оставляет за собою право назначать ответственное лицо. Председатель совета живет при набл.-распр. пункте. 2) 5 запасных воспитательниц. 3) 2 врача специалиста по детской психологии и невропатологии, знакомые с методами психологических исследований. 4) Врач интернпедиатор, на обязанности которого лежит ежедневный осмотр вновь прибывающих и общее наблюдение за санитарным состоянием как питомцев набл. - распр. пункта, так и самого пункта. 5) 2 фельдшерицы. На обязанности фельдшериц лежит текущая работа по амбулатории, аптеке и изолятору пункта, а также ночные дежурства попеременно с врачом. 6) Заведующий хозяйственной частью. 7) Экономка. 8) Заведующий канцелярией. 9) Его помощник. 10) 13 нянь. 11) Одна кухарка или поваръ. 12) Кухонный служитель. 13) Одна судомойка. 14) Привратник. 15) Помощник привратника (1 мальчик). 16) Дворник, он же рассыльный. 17) Истопник. 18) Две прачки. Воспитатели-цы со своей группой проводят ежедневно безотлучно по 4 часа в день, записывая свои наблюдения над детьми, и, кроме того, несут ночные дежурства по одной на спальню: 1) у маленьких, 2) у остальных детей (через 6 дн. на 7-й). Воспитатель—ца имеют свободный день и его (ее) заменяют запасные. Чрезвычайно желательно иметь среди персонала мужской, что важно особенно для ночных дежурств у подростков-мальчиков. Подбор воспитательниц для каждой группы должен быть особый; для группы дошкольной — садовницы, для школьной — с учительской практикой, для подростков – опытные в занятиях с взрослыми детьми. Врачи-специалисты проводят в пункте столько времени, сколько им потребуется, но непременно должны видеть своих детей каждый день.

Имея в виду особую цель н.-р. пункта —распознавание, а не воспитание, текучий состав детей, всегда новый и незнакомый элемент,—участие детей в хозяйственной жизни не может быть настолько полно, чтобы возможно было обходиться без наемных низших служащих.

II. Помещение для 90 детей.

1) Спальни, 2) 6 комнат для занятий, по одной комнате для каждой группы в 15 человек, 3) общий зал, 4) столовая, 5) раздевальная, 6) умывальная, 7) ванная, 8) две уборных, 9) врачебный кабинет, 10) аптека, 11) изолятор, 12) приемная комната, 13) запасная спальная для вновь прибывающих, 14) комната для старшей руководительницы, (предс. совета), 15) комната для врача интерна, 16) комната для фельдшерицы, 17) комната для заведующего хозяйств. частью, 18) кладовая, 19) бельевая, 20) сушильня, 21) сарай для дров, 22) ледник, 23) чулан, 24) комната для ручного труда, 25) комната для прислуг, 26) сад и двор, 27) кухня, 28) баня.

Здание должно удовлетворять современным требованиям гигиены. В виду того, что н.-р. пункт в силу своего назначения никогда не может быть вне города, он должен быть непременно с садом и двором.

III. Инвентарь.

Кроме всего необходимого в хозяйственном отношении, должны быть все приборы и приспособления, нужные для психологического исследования, весы для взвешивания, приспособления и материалы для всех возможных видов ручного труда, библиотека, музыкальные инструменты, принадлежности для летнего и зимнего спорта, гимнастические приспособления, из занятий—лото, домино, шашки, шахматы, волшебный фонарь и т. д. Мебель в детских комнатах должна соответствовать возрасту детей, сами комнаты — иметь уютный, радующий взор вид и предметами своей обстановки и украшениями способствовать развитию хорошего вкуса и чувства прекрасного.

IV. Распорядок дня.

В главных чертах распорядок дня должен быть одинаков во всех детских домах. Разница лишь в том, что из н.-р. пункта дети не ходят в общие сады, школы и мастерские, а проводят целый день со своими воспитателями, с ними гуляют и совершают образовательные экскурсии. Выделение в этом отношении н.-р. пункта необходимо в силу следующих причин: 1) в виду главной его цели — распознавательной, для чего ребенок должен находиться все время под наблюдением одних и тех же лиц, 2) в силу временности пребывания детей в н.-р. пункте, почему невозможно никакое прочное устройство каждого в детском саду или школе, 3) во избежание занесения заразы в общественные детские учреждения. Следует выделить распорядок дня для подростков. Здесь особое внимание следует обратить на совершение всевозможного рода образовательных экскурсий: в музеи, библиотеки, на художественные выставки, фабрики, заводы, в типографии, на спектакли, музыкальные вечера и т. п. С одной стороны, это необходимо для того, чтобы подростки, привыкшие к безграничной свободе и быстрой смене впечатлений, не чувствовали гнета одних и тех же стен; с другой—такое широкое знакомство с новыми сторонами жизни значительно расширит их кругозор, пробудит инициативу, отвлечет ум от больных и тяжелых сторон жизни. Воспитателям же такие экскурсии дадут весьма ценный материал для правильного определения индивидуальности. Само собою разумеется, что эти экскурсии должны брать только часть времени, предполагая, что, наряду с этим, в стенах самого учреждения занятия с подростками будут организованы так, что дадут возможность им активно проявлять свои силы и способности.

V. Участие детей в хозяйственной жизни.

Оно весьма желательно, но, как уже раньше было указано, не может быть проведено в полной мере. Особенно следует быть осторожным в назначении дежурств, каковое является уже обязательным, так как, в виду полного незнания детей и непривычки их к регулярному труду, введение сразу резко проведенного трудового начала может отпугнуть детей и вызвать много нежелательных последствий. Поэтому в н.-р. пункте участие детей в хозяйственной жизни должно быть вполне добровольно, без всяких признаков принуждения.

VI. Питание.

Питание должно быть организовано одинаково для всех детских домов. Питание и домоводство должны быть поставлены рационально, научно, под особое наблюдение лица, — ответственного врача, заведующего хозяйственною частью. Сотрудники детского дома могут пользоваться общим столом только во время суточного дежурства, при чем необходимо, чтобы паек для служащих прибавлялся к пайку, отпущенному для детей; ни в коем случае недопустимо питание взрослых за счет детских пайков. Пища должна быть всем одинакова. Нормальный паек вырабатывается врачами, и меню составляется применительно к этому пайку. Для слабых и особо истощенных, по указанию врача, назначается особая усиленная диета. Продукты должны доставляться в каждое учреждение органом снабжения при подотделе социального воспитания (ни в коем случае не менее нормы).

VII. Воспитание.

Система воспитания должна быть одинакова для всех детских домов. Она должна сообразоваться с принципами, выработанными реформой школы, и являться укреплением и расширением тех знаний, которые дети получают в школе. В отношении воспитания, н.-р. пункт должен служить переходной ступенью от жизни беспорядочной, беспринципной, часто аморальной, к жизни трудовой и условиям, обеспечивающим ребенку правильное умственное и физическое развитие. Талантам и ярким способностям должны быть открыты широкие пути к развитию.

Распределение детей по постоянным детским домам.

В вопросе о личном составе будущей семьи принимают участие все работающие в наблюдательно-распределительн. пункте. Для выяснения этих вопросов устраиваются общие собрания, на которых лица, имеющие дело с ребенком, дают перед собранием его характеристику, составленную путем наблюдений и психологических исследований. При распределении детей особого внимания заслуживают отношения между детьми, их взаимная симпатия или антипатия, родство, может быть, определенно заявленное желание жить с тем или иным товарищем. Когда группа более или менее наметилась, дети должны познакомиться с их будущими приемными матерями. Необходимо, чтобы они почувствовали связь с их будущим домом еще до переезда в него. Это возможно сделать путем бесед с детьми их приемных матерей, и, самое главное, дети должны принимать участие в самом устройстве дома вместе с воспитательницами. Дети должны почувствовать, что они уже не бездомные, покинутые, никому не нужные, что они нашли свою семью. С этим чувством они должны войти в свой дом.

I. Детский дом для нормальных детей.

Состав детей—24 человека, по возможности, с равным количеством мальчиков

и девочек: 8 подростков от 13 лет, 8 школьников от 8—13 лет и 8—дошкольного возраста. Дети живут до окончания своего образования. В дальнейшем судьбу и выбор специальности определяют: сам субъект и его домашние воспитательницы и школьные преподаватели, врач-психиатр. Когда воспитанник может и желает встать на самостоятельный путь, детский дом устраивает его или в общежитие, или в знакомых семьях. Должны быть употреблены все усилия к тому, чтобы связь с приютом не прервалась. Для материальной помощи должен быть организован особый фонд

II. Штат работающих.

Три руководительницы и одна запасная. Одна из них, по выбору товарищей и с согласия соответствующего районного подотдела, считается старшей воспитательницей и ответственна перед Отделом. Руководительницы распределяют обязанности по своему усмотрению. Их обязанности, это — обязанности матерей большой трудовой семьи. На воспитательницах лежит как воспитательная сторона работы, так и хозяйственная. Они следят за развитием ребенка, занятиями, помогают развитию его способностей, участвуют разумно и ласково во всей жизни ребенка, как душевной, так и физической. Помимо занятий с детьми, чтения, игр, экскурсий, вся организация внутреннего быта лежит на руководительницах. Они должны присутствовать при вставании, умывании, одевании детей, при еде, должны провожать детей в школы и сады, должны вести хозяйство, запись приходов и расходов, инвентаря, записи имущества. По отношению к детям они являются воспитательницами: приучают детей к труду, следят за их занятиями, опрятностью, чистотой, как-то: купаньем, умыванием, чистотой зубов, ног, ногтей, рук, ушей, головы, белья.

Они своевременно доводят до сведения врача о заболевании и неукоснительно выполняют рекомендованные врачом меры: наблюдают за чистотой помещения и его вентиляцией, заботятся вместе с детьми об украшении и уютности помещения, наблюдают за приготовлением пищи. Заведующая неотлучно находится в спальнях, пока дети не уснут. Один день в неделю воспитательница свободна, только не в воскресенье. Когда она свободна, ее заменяет запасная. Врачебный надзор поручается районному врачу, который регулярно, в определенное время осматривает детей, производит взвешивание и измерение.

Так как все работы по дому будут производиться самими детьми, то наемных низших служащих в детском доме не будет совсем.

III. Помещение.

1) Три спальни: а) для мальчиков, б) для девочек, в) для маленьких, 2) общий зал, 3) столовая, 4) комната для занятий детей школьного возраста, 5) для детей дошкольного возраста, 6) комната для заведующих, 7) кухня, 8) раздевальная, 9) две уборных, 10) 1 умывальная, 11) ванная, 12) другие службы.

IV. Распорядок дня.

Встают около 8-ми часов утра, после чая уходят в сад и школу, обедают там же, по окончании занятий возвращаются домой; по возможности, все гуляют до 4-х часов дня, в 4 часа дня пьют чай, после чая занимаются зимой и осенью в комнатах до 7 часов, в 7 часов ужин, в 8 часов ложатся все спать, кроме подростков, которые будут ложиться в 10 часов. Воскресенье и другие праздничные дни дети проводят по своему желанию; к их услугам должны быть все руководительницы - воспитательницы. По воскресеньям очень желательно устройство общих развлечений, общение между детьми всего района.

V. Участие детей в хозяйственной части.

Состав в 24 человека—несколько большой для семьи, но главный и единственный мотив для такого именно количества, это — проведение принципа трудового начала в жизни без наемного труда, где все работы исполнялись бы легко и радостно, без утомления, самими детьми и давали бы душевное удовлетворение от выполнения необходимой работы. Каждый вид работы должен выполняться каждым членом семьи сообразно с силами его и в зависимости от оборудования помещения и его технических приспособлений.

В детских домах недостаточного оборудования, где вся тяжесть несовершенной техники легла бы на детские плечи, необходимо приглашение вспомогательного персонала. В хозяйстве значительная часть работ не может быть выполнена самостоятельно детьми дошкольного возраста, а также, в большинстве работ, одному работать было бы не по силам; следовательно, каждый день по одной работе будут заняты двое — один из средней, другой из старшей группы; в неделе — 6 рабочих дней, при наличности шести детей из каждой группы, на каждого падало бы одно дежурство в неделю, но тогда, в случае заболевания кого-либо, пришлось бы дежурить чаще — раза два в неделю на одной и той же работе, а это было бы утомительно; потому и введено по 8 человек каждой группы. На воскресенье и другие праздники дежурства должны быть составлены совершенно отдельно от остальных дней недели.

Ежедневные дежурства следующие: 1) по кухне, 2) по столовой, 3) по дому, 4) по двору, 5) экономa, 6) рассыльного. Ни одно из этих дежурств не может быть вполне обслужено детьми дошкольного возраста. Кроме того, еженедельные дежурства: 1) по белью, 2) по ванной. Постоянные, но сменяемые дежурства по уходу за детьми дошкольного возраста.

VI. Дополнения.

Детский дом на летнее время, по возможности, переселяется за город, и его питомцы принимают участие в сельскохозяйственных работах. Для детей ослабленных, городских районов, должны создаться загородные детские дома. Питомцы этих детских домов, по примеру своих городских товарищей, принимают участие в общей детской жизни, посещая детские сады, школы близлежащих деревень. Там, где местные условия (отсутствие учреждений, дальность расстояния) не способствуют такому участию, при детском доме-колонии создаются соответствующие учреждения (детские сады, школы, мастерские), куда привлекаются и дети местного населения.

Для детей больных и ослабленных (анемичных, скрофулезных, слабогрудых, рахитичных) создаются детские санатории, куда дети поступают временно и, по выздоровлении, возвращаются в свои детские дома.

Задачи трудовой школы в области физического труда [1]).

Необходимо вначале установить твердо и окончательно, какую роль следует отводить физическому труду в школе. Все согласны, что труд должен быть положен в основу всей школьной системы. Но этим вопрос не исчерпывается. Имеет ли физический труд самодовлеющую ценность, как один из предметов преподавания или нет? Является ли обучение физическому труду, как самостоятельному предмету, равноценным обучению, скажем, родному языку, или нет? Ответ должен быть ясен и определенен, ибо от него зависит все дальнейшее развитие концепции трудовой школы.

Комиссия по этому вопросу высказывается со всей решительностью за признание полноправности физического труда, как предмета обучения в новой школе. Комиссия целиком разделяет точку зрения, рассматривающую школу, как социальное учреждение, долженствующее подготовить будущих граждан к их будущей работе, которая для большинства из них будет состоять в применении физического труда. В наше время ограничить задачи школы чисто интеллектуальным развитием ребенка, хотя бы используя при этом труд, как метод обучения, означает целиком предназначить школу для обслуживания лишь верхушек общества. Демократизация школы обозначает раньше всего приспособление ее к потребностям широких масс, т. е. к возможно полной подготовке воспитанников к их будущей роли — непосредственных производителей ценностей как умственного, так и материального характера.

Поэтому Комиссия считает, что Единая Трудовая Школа должна дать в области физического труда такие же подготовительные общие познания, как те, которые старая, но хорошо поставленная школа давала в области чисто умственного труда. Эту общую задачу можно конкретизировать следующим образом:

1) Умение обращаться на практике с основными орудиями производства, начиная с самых простых (молотков и т. п.) и кончая современными машинами не специализированного типа;

2) Знакомство с основными материала-

[1]) Извлечено из доклада Комиссии по производительному труду в школе при Нар. Ком. Прос.

ми производства, их свойствами и обычным применением.

3) Знакомство с основными процессами производства, дающими возможность видоизменить форму или свойства данного материала (напр., влияние огня на железо).

4) Осмысление каждого отдельного случая применения физического труда, иначе говоря, развитие, „культура" этого труда. „Культура" эта состоит: а) в точном, хотя и иногда подсознательном (в несложных случаях), усвоении себе причин выбора тех или иных орудий, материалов, процессов и продуктов производства и их свойств; б) в усвоении известных основных приемов работы, являющихся сконцентрированным выражением накопленного десятилетиями опыта; в) в знакомстве с лучшими образцами произведений физического труда и в умении их анализировать в отношении отделки, прочности, внешнего вида, целесообразности, экономии труда и т. п.; г) в знакомстве с элементарной историей техники и эволюцией основных орудий производства.

5) Развитие „интуиции" физического труда, путем сочетания „культуры" и самостоятельного творчества в этой области,—творчества, поощряемого и вызываемого руководителями школы. „Интуиция" не только дает возможность применить фантазию и эстетический вкус в области физического труда, но позволяет также предвосхищать некоторые данные, вытекающие из довольно сложных теоретических вычислений (напр., линии одинакового сопротивления).

6) Умение подойти самостоятельно к несложным техническим задачам, выдвигаемым реальной жизнью, навык к розыскам всех недостающих данных, установление и организация самого процесса производства, словом,—развитие „инициативы" производительного труда;

7) Укрепление связи между теорией и практикой, между умственным и физическим трудом, путем выявления прикладного характера всех знаний теоретического свойства.

8) Развитие навыка к общественной организации труда путем широкого применения коллективных производительных процессов в школе.

Осуществление всех этих задач предполагает наличие известной программы, аналогичной программе по математике, естествознанию, географии и т. д. Комиссия полагает, что в общих чертах программа эта может свестись к следующему:

Школа должна дать своим воспитанникам известный синтез основных отраслей производства деятельности человечества. К таким основным отраслям следует причислить:

а) сельское хозяйство;
б) обработку дерева;
в) обработку металлов;
г) строительное искусство;
д) устройство и использование источников энергии (двигатели).

Поскольку же речь идет об остальных отраслях производства (текстильное, электротехническое, сапожное, часовое и пр.), то придется удовлетвориться лишь случайным ознакомлением с некоторыми из них и ограничиться задачей подготовить воспитанников так, чтобы они были в состоянии самостоятельно изучать то или иное производство, когда это им понадобится. Что же касается основных отраслей, то необходимо будет установить для каждой из них основное орудие, материалы и процессы производства, а также и основные приемы работы. Цикл работ в школе должен будет охватить все эти установленные элементы.

Необходимым подспорьем и даже предметом самостоятельного изучения должны будут явиться школьные музеи образцов работы и эволюции техники, а также и школьная библиотека по этим вопросам.

Самообслуживание в трудовой школе. [1])

Прекрасной ареной производительного труда является так называемое „самообслуживание". В школе и домашнем обиходе протекает масса процессов, совершаемых без приглашения специалистов мастеров, а, так сказать, собственными средствами: приготовление кушанья, топка печей, ставление самовара, стирка белья и проч. В этой области ученик встретится с массой разнообразных материалов, инструментов и явлений, и, поистине, здесь производительный труд может приобрести политехнический характер. В то же время эта область, удовлетворяясь работой домашнего характера, не требуя ремесленного совершенства отделки, даст возможность ученику, затрачивая немного времени, достигать результатов, вполне пригодных для использования.

[1]) Печатаемая статья является выдержкой из обширного доклада тов. Лапшина „Трудовые процессы в единой школе". Болезнь автора помешала Редакции войти с ним в соглашение относительно напечатания других частей доклада.

Благодаря обильному и разнообразному ряду явлений, материалов и орудий при самообслуживании, явится много возможностей почерпать материал для школьной науки. Следует обратить внимание на следующее чрезвычайно важное обстоятельство: на арене самообслуживания работа диктуется жизнью, что крайне желательно для здоровой психики трудового процесса в школе. Этой здоровой психики мы не получим, если введем предлагаемый иногда пресловутый „ручной труд". Там мы сразу встречаемся с программою, которая составляется или по произвольным соображениям отдельных лиц, или мотивы для нее диктуются преподавателями тех или иных предметов; такая постановка производительного труда совершенно недопустима, так как преподаватели предметов должны почерпать мотивы из жизненно целесообразного труда, а не наоборот.

Чтобы дать более или менее ясное представление о поле деятельности учащегося при самообслуживании, здесь приводится перечень некоторых работ и требующихся при этом инструментов и материалов. Кроме того, приводится ряд вопросов при работах, которые могут быть поставлены руководителями школы или могут возникнуть самостоятельно у учащегося. Несомненно, что и самый перечень работ далеко не полон, а ряд вопросов, могущих возникнуть при работе, прямо ничтожен по количеству, но то и другое приводится здесь только для характеристики, а отнюдь не для полного исчерпания вопроса. Перечень работ имеет в виду обслуживание внутреннего домашнего хозяйства; работы же по огороду, полю, лесу должны составить предмет особого рассмотрения.

1. Плотничье и столярное дело.

Затесать конец бревна на конус. Вытесать из бревна квадратный брус. Отобрать четверть. Четыре стояка перевязать по верху простым сквозным шипом перекладными с выверкой по отвесу и ватерпасу; поставить стропильные ноги. Наточить топор, пилу, долото. Сделать ручку для топора, долота, молотка и произвести насадку. Сделать садовую скамейку и стол.

Ящик из теса на брусках, прибитых гвоздями. Маленький сундук с крышкой из обстроганного теса на вырезных шпонках, привернутых шурупами. Варка клея. Сломанный наискось брусок (ножка стола, табуретки) соединить шурупами. Такой же ремонт при помощи клея. Брусок, сломанный поперек, соединить клеем на шканту. Отломанный край щитка (крышка стола) склеить при помощи цвинок. Сделать наусник. Рамка из готового багета. Приготовить простой формы багет (плоский с одним полуштабом, полугалтелью или фаской) и сделать из него рамку. Оторванный от шкафа карниз или плинтус приклеить на железных шпильках. Легкий ремонт классной и домашней мебели.

Инструменты. Топор, пилы, молоток, киянка, долото, клещи, шерхебель, рубанок, фуганок. Угольник, малка, ремус. Галтель, штаб. Стамески. Цикля. Коловорот, сверла, перки. Отвертка. Рашпиль, трегранок, буравчик, шило.

Материалы. Сосна, ель, береза, дуб, в кряжах и в разделке. Гвозди, шурупы, клей. Лак, политура. Пемза, песочная бумага.

2. Слесарно-паяльное дело.

Разобрать и собрать замок. Необделанный ключ пригнать к замку. Изготовить замочную пружину и закалить. Изготовить круглую пружину и закалить. Сделать к ножницам потерянную заклепку. Запаять худое ведро. Запаять тар в клозетном танке. Запаять цинковый ящик. Вылудить самовар. Установить электрический звонок.

Инструменты. Пилы, молоток, зубило. Ручные тиски. Дрель, сверло. Ножевка. Паяльник, паяльная лампа. Французский ключ, пассатиж.

Материалы. Чугун, железо сортовое и проволока, сталь, медь, латунь листовая и литая, бронза. Олово, свинец. Тиноль. Соляная кислота.

3. Малярное, кровельное и стекольное дело.

Побелить потолок. Окрасить оштукатуренную стену колером. Шпатлевка трещин. Разведение олифой белил и других красок. Окраска табуреток, скамейки, стола. Окраска железного ящика. Покрытие лаком двери, шкатулки. Оклейка оштукатуренных и деревянных стен обоями. Сделать противень. Форма для кулича. Самоварная труба и угол к ней. Кровельный замок. Желоб. Отрезать по линейке простое и двойное стекло алмазом. Составить замазку. Вставить стекло

в оконный переплет. Выставить стекло из переплета.

Инструменты. Кисти, шпатля, трафарет, стамеска. Кровельные ножницы, квадратное и круглое железо. Молотки, зубило, пробойник, плоскогубцы. Алмаз.

Материалы. Мел, известь, клей, крахмал. Сухие краски: сажа, охра, мумия, зелень. Олифа. Тертые краски: свинцовые и цинковые белила, железный и свинцовый сурик, ярь-медянка, милорь, охра. Лаки масляные. Скипидар, обои, картон, пемза. Кровельное железо, толь. Гвозди кровельные и толевые. Проволока, крючки, ухватики. Замазка.

4. Печное дело.

Проломать глину. Приладить зубилом одну половину кирпича к другой. Сложить маленькую плиту. Выложить при ней трубу на два аршина, дополнив гжельскими трубами, обделанными железом. Выкладка небольшого цилиндрического свода. Укрепление приборов.

Инструменты. Лопаточки, отвес, гладилка, молотки и зубила.

Материалы. Кирпич красный, гжельский, шамотный. Глина. Проволока, гвозди

Приборы: дверцы, вьюшки, отдушники, заслоны, колосники, движки, плиты, коробки, котлы.

Переплет книг, делание папок.

Приготовление кушаний. Варка, жаренье, печение. Постановка опары на дрожжах и на закваске. Печение хлеба и пирогов. Заготовка материалов в прок.

Стирка, глажение и вывод пятен. Починка белья и платья. Починка обуви, резиновых галош.

Подметание, мытье и натирка полов.

Некоторые вопросы, могущие возникнуть при работах.

Разница топора от колуна. Закрепление топора на топорищах ударом последнего об пень или что-либо неподвижное. Для чего разводятся пилы? Почему молоток держат за конец ручки? Почему не надо молотком стучать, а следует давать ему свободный размах? Почему при работе долотом употребляется киянка вместо молотка? Почему шерхебелем при одном и том же усилии можно снять материала больше, чем рубанком? Почему железка рубанка освобождается при ударе в тыльную часть колодки, а при ударе в переднюю вылезает в отверстие? Какие две простые машины представляют из себя клещи?

Почему брусок точит стальные инструменты? При употреблении отвеса, ватерпаса следует рассмотреть вертикальную и горизонтальную линию, горизонтальную плоскость; определение положения плоскости двумя пересекающимися линиями. Почему гвоздь крепко держится в дереве? Отчего на шурупе нарезка делается не во всю длину? Почему перед покрытием дерева смолой следует дерево предварительно нагреть? Что такое гниение дерева? Рассмотреть укрепление полотна в станке у лучковой пилы. Поверка угольника. Разметить в наружнике черты для пропила. Разница стамески и долота. Какую простую машину представляет коловорот? Все ли лезвие отвертки работает? Отчего зависит сила сжатия в цвинках и в струбцинках? Разница дрели от коловорота. Объяснить действие паяльной лампы. Почему клей прочно соединяет два куска дерева? Почему перед склеиванием дерево нагревают? Состав лака и политуры. Что такое пемза? Различие чугуна, железа и стали по составу и свойствам. Краткое понятие о литье, ковке и закалке. Особые свойства проволоки, полученные при волочении. Состав латуни и бронзы. Наклепывание латунных пластинок. Свойства олова и свинца, третник. Основные свойства сплавов. Действие кислоты на металлы и их соединения. Причины употребления кислоты перед пайкой.

Что такое мел? Получение извести, гашение. Понятие о декстрине; казеин, как склеивающее вещество. Состав красок.

Нагревание пилы от пиления. Запах опилок. Какое дерево труднее рубить, сухое или сырое? Что вреднее в шипе или в проушине,—бугорок или ложбина? Как лучше врывать столбы в землю, напр. для забора,—комлем в землю или наоборот? Почему двойной рубанок стругает чище ординарного? Проверка рамки, связанной на шипах, применением равенства диагоналей. Рассмотреть значение шпонок. Произвести опыт откалывания дерева при усиленном забивании шпонки.

Значение сувалдин в смысле трудности отпереть замок не хозяйским ключом. Определить, сколько комбинаций ключей будет при 6-ти сувалдинах. Заклеенная стальная пластинка обладает высокой степенью твердости, упругости и хрупкости; рассмотреть, всегда ли в других твердых веществах эти свойства имеют место одновременно. Какую посуду надо лудить и какую не надо? Зачем оцинковывают внутри водопроводные трубы? Почему надо спаивать шар в клозетном

танке? Плавание. Нельзя ли для избежания паяния устраивать не шар, а полушар?

Какие удобства и какие неудобства в смысле гигиены имеются при клеевой окраске стен и какие при масляной? Для чего перед масляной окраской стену предварительно олифят? Рассчитать, сколько надо кусков обоев для оклейки данной комнаты.

Какое железо долее держится на крыше,—мягкое или жесткое и почему? Прорезает ли алмаз стекло во всю толщину? Зачем употребляются двойные рамы? Каково должно быть расстояние между рамами? Хорошо ли его делать очень большим? Следует ли класть вату между рамами?

Зачем нужно перед кладкой печи как можно более промачивать кирпич? Значение колосников и поддувала. Значение изразцов. Устройство русской печи, камина и голландской печи. Когда печь будет более целесообразна,—в случае ли большого количества кирпичей, употребленных на ее сооружение, или малого количества? Не было ли бы выгодно вместо голландских печей употреблять колонки, которые устраиваются при ванне? Краткое понятие о центральном отоплении и его преимуществах. Что такое духовой отдушник? Где следует устраивать вытяжные отверстия,—вверху или внизу? Какие дрова более пригодны для голландской печи,—березовые или еловые? Сырые дрова бывают оттого, что они недавно срезаны, и бывают также от долгого стояния под дождем,—какие хуже для отопления? Убыток тепловой, получаемый при топке сырыми дровами. Укладка дров в топке, не имеющей колосников. Как лучше класть дрова,—ближе к дверце или дальше? Следует ли вьюшечное отверстие открывать вполне или только отчасти? Что выгоднее для получения большего теплового эффекта,—быстрое окончание топки, или медленное? Почему отверстие в трубе закрывается двумя приборами: вьюшкой и крышкой? Что такое горение? Что такое тяга? Что такое угар, и при каких условиях он получается? Как можно использовать золу в хозяйстве? Состав золы. Топка при герметически закрытой дверце. Экономичность такого способа. Осенью, когда в первый раз затапливают печь, часто бывает, что тяга не появляется; отчего это происходит? Как установить в таком случае тягу? В каком отношении квартира, имеющая две или даже три наружных стены не выгодна и в каком отношении выгодна? Должна ли самоварная труба соответствовать диаметру самоварного кувшина, или может быть и шире? Почему не следует ставить трубу, не снявши канфорки? Лучинки или жар следует класть вначале и на него насыпать уголья, или наоборот? Отчего происходит шум в самоваре во время его поспевания? Зачем делается в самоварной крышке отверстие? Когда кран плохо течет, то продувают его ртом; нельзя ли устранить этот способ и достигнуть результата иным путем?

Паркетные полы делаются только с целью достигнуть красоты или с иными целям? Где и в каком отношении удобны каменные полы? Состав мастики, употребляемой перед натиркой полов, и ее роль. При мытье полов удаляют излишнюю воду с пола в ведро тряпкой; объяснить ее роль. Сушка пола после мытья: многие для высушивания топят жарче печь, считая это главным средством для высушивания; так ли это? Полезно ли для самих полов (деревянных) мытье водой и гигиенично ли это?

Какие результаты достигаются при варке супа накрыванием кастрюли крышкой? Когда следует при изготовлении бульона класть мясо в воду,—когда вода холодная или когда вода горячая? Краткое ознакомление с составом мяса и других главнейших продуктов питания. Средняя норма основных питательных веществ, необходимых длл человека в день. Что такое опара, квашня? Понятие о брожении и условиях, благоприятствующих ему. Роль свода печи при печении хлебов: одинакие ли бывают своды? Роль шкафа в плите. Какие дрова лучше употреблять для плиты? Над плитой делают большой железный зонт; есть-ли смысл в этом зонте? Зачем при жарении мяса на сковороде, при печении блинов и в других случаях употребляют масло? Что древнее, — варка мяса или жарение? Каков был первобытный очаг? Случайно или нет совпадение слов: „печь", в смысле очага, и „печь", в смысле процесса? Что древнее в печи, — свод или труба? Почему кирпичи из свода не выпадают? Чтобы растопить печь употребляют спички; как получали огонь до изобретения спичек? Краткие понятия о растительных и животных ядах, встречаемых в продуктах питания, и средства избежать их вредного действия.

Состав и способ приготовления мыла. Почему белье моют в двух водах: в холодной и горячей? Состав грязи на рубашке. Простейшая дезинфекция грязного белья. Сушка белья.

С. И. Лапшин.

Наглядное пособие в новой трудовой школе.

Метод наглядного обучения за последние годы настолько завоевал себе видное место в школьной практике, что среди некоторых отдельных преподавателей стали даже раздаваться предостерегающие голоса против того широкого, порой крайнего применения готовых наглядных пособий при преподавании. Одновременно с этим направлением уже намечались другие пути наглядного применения, это—различного вида практические занятия, которые должны были вызвать самодеятельность ученика и развить у него критическое отношение к работе своей и работе своего товарища; кроме того, такие работы, естественно, давали большой простор проявлению инициативы у ученика, будили в нем дух искательства, творчества и пр. В связи с этим направлением, уже меньше места оставалось различным кабинетам по тем или другим предметам: часть этого кабинета предлагалось делать самим ученикам, появились самодельные приборы, различные коллекции, сделанные самими учениками, и проч.

Как же подойти к вопросу о наглядных пособиях и к их применению в новой трудовой школе? Нам кажется, что разобраться в этом вопросе нам помогут, во-первых, те новые течения педагогической мысли, которые уже естественным образом намечали новые пути постановки и этого дела в школьной практике, это—пути различных самостоятельных работ самих учеников, это—те трудовые процессы, которые должны самым коренным образом затронуть и область наглядных пособий. Во-вторых, разрешение с практической стороны этого вопроса при проведении в школе метода наглядного обучения тесно связывается с новыми программами, но так как программы новой школы еще не оформлены, да, в сущности, и трудно дать для всех мест точно фиксированную программу новой школы [1]), — для них нет еще некоторого опыта жизни, они еще не закреплены школьной практикой,—то естественно, что здесь могут быть намечены пока только общие штрихи работы в области трудовых процессов по наглядным пособиям. Более обширный материал для этого даст нам опыт этого года, опыт, который в чудовищно неслыханном до сих пор масштабе производится в Советской России новыми учителями. Мы говорим смело—„чудовищном масштабе", так как школа в этом году отдана на опыт самих школьных работников; без всяких препон, без всяких циркуляров начаты искания новых путей, и мы верим, что живой и новый учитель, вдохновленный новыми условиями жизни, ошибаясь, спотыкаясь, все-таки прокладывает новые пути в школьной жизни и выйдет в своих исканиях сам и поможет другим выйти на торную дорогу трудовой школы. Эта дорога укрепится после годовой работы путем обмена и в литературе и на съездах и на различных совещаниях своими мнениями, ошибками и созидательным опытом по работе в Единой Трудовой Школе. Сделаем попытку поделиться в общих чертах своими соображениями по поводу наглядных пособий в новой трудовой школе. Прежде всего, приходится установить следующие положения:

1. Наглядное пособие должно быть в школе такое, которое познается целиком и усваивается во всех своих частях и моментах тем, кто его обозревает.

2. Наглядное пособие не должно содержать таких частей и моментов, которые мало доступны или совсем недоступны учащемуся.

3. Каждое наглядное пособие должно содержать в себе, помимо материала, закрепляющего какое-нибудь явление, еще и элемент художественный: пособие должно быть красиво.

4. Наглядное пособие, которое не представляет труда для воспроизведения самим учеником, не должно приобретаться школой, оно не должно висеть на стене, чтобы ученик по этому чистенькому образчику не повторял своими руками шаблонов и тем не губил своей творческой инициативы.

5. Наглядное пособие (особенно естественно-историческое и географическое) должно отражать прежде всего местную природу.

Исходя из этих соображений, мы в этой заметке разберем некоторые виды наглядных пособий. Мы будем, может быть, излишне подробны, но сношения с учительской массой и разговор с ними об этих предметах заставляют нас дать этот материал школьным работникам I-й ступени. Мы рассмотрим так наз. технологические коллекции. Нам кажется, что в новой трудовой школе вовсе не должны приобретаться технологические коллекции („Береза, и что из нее делается", „Сосна, и что из нее делается" и пр.): эти коллекции должны в одну из первых очередей изготовляться самими учениками в новой трудовой школе. На этих коллекциях легко и удобно провести прежде всего принцип „беспредметности", при изготовлении и обучении на этих коллекциях легко черпать материал из области почти всех предметов школьного преподавания. Для примера разберем коллекцию: „Дуб, и что из него делается". При изготовлении этой коллекции, прежде всего, можно рассмотреть дуб с ботанической стороны; нельзя при этом упустить из рассмотрения и области географического распространения этой породы дерева; возможно, следовательно, при таблице создание карточки распространения дуба, чего не было на готовых таблицах; затем можно познакомиться с орешками на листьях, это—элемент зоологии; технология же этого дерева откроет такую картину, которая займет на значительный промежуток времени всю группу учащихся и даст весьма осязательные и плодотворные результаты. Сравнение при этом теплотворной способности различной древесины и других видов топлива поведет к различным математическим вычислениям. Литература же предоставит возможность познакомиться с картинами природы в описаниях их мастерами слова. Не следует при этом забывать кисть, краски и карандаши самих учащихся для воспроизведения тех или других моментов изучения этого вопроса или картин природы в разное время года, связанных с этим деревом. Когда материал таким образом проработан, надо его закрепить, надо его собрать на отдельной таблице, на отдельную коллекцию,—и здесь начинается новая работа,—работа по картону с клеем, с нитками и пр. Надо подойти и к самому картону с тем же исследованием самого картона, с его изучением; то же по отношению к клею и к нитке и проч. Раньше, при показывании таких готовых технологических таблиц,—обычно в один урок,—получался красивый момент „выступления самой таблицы" перед классом, но конечный результат от таблиц был очень поверхностный и неглубокий; здесь была работа только глаза и уха, но не принимала участия рука, творческая инициатива и пр. Совсем не тот результат может получиться при таком постепенном изучении дуба в связи со всеми работами при изготовлении учениками коллекции: „Дуб, и что из него делается" (изготовление коллекций должно даваться как отдельным ученикам, так и небольшим группам). Разделение же изучения различных деревьев, с этой точки зрения, между всем классом и по группам, когда одна группа изучает дуб, другая—березу и т. д., может расширить и углубить конечный результат. При работах таких коллекций руководителем должен быть представлен и исторический элемент изучаемого вопроса, и дана соответствующая литература по этому вопросу, освещающая тот или другой вопрос, по возможности, со всех точек зрения; здесь должны быть даны и естественно-историческая книга, и особый справочник, и энциклопедический словарь; ученик должен учиться разбираться, должен пытаться составлять из этих книг краткое резюмэ, отчет; по этим же книгам ученик должен составлять и тексты для тех или других объектов таблицы, должен также составлять и объяснительные тексты к таким таблицам в целом. Еще больший интерес может вызвать при таком подробном, постепенном изучении работа по созданию таблиц „пищевых продуктов", обработки льна, конопли, гончарного производства и пр. Таким образом, в части школьных технологических коллекций, которые до сих пор в массовом количестве изготовлялись различными мастерскими и закупались почти всеми школами, вопрос обстоит просто и ясно. *Технологические коллекции должны изготовляться в школах самими учениками.* На долю же мастерских остается для этих таблиц рынок внешкольного образования—различных показательных музеев, народных домов и проч. Для того, чтобы учащиеся могли создавать такие коллекции сами, центральный Народный Комиссариат Просвещения должен обеспечить школе различные материалы для изготовления таких пособий (картон, пробирки, пробки и проч.), а школьный работник должен теперь же, этой весной, запасаться в достаточном количестве сырым естественно-историческим материалом; запасы этого сырья должны быть сделаны с таким рассчетом, чтобы можно было вступить с центральным складом при Народном Комиссариате по Просвещению в обмен этого на другой материал.

[1]) Мы горячо рекомендуем ознакомиться с временными программами, составленными школьными работниками г. Юхнова (Смол. губ.). Надо только высказать здесь же пожелание, чтобы различные работы этого года в других городах и уездах были закреплены в общих кратких докладах и сообщены в Центр. Комиссар. по Просвещ. для общей сводки и для широкого обозрения. Материалы по нагл. пособиям просим присылать в подотдел наглядных пособий.

Наконец, разрешению вопроса о „наглядном пособии“ в новой трудовой школе помогает и самое Положение о Единой Трудовой Школе. Мы рассмотрим самое существенное место этого Положения, которое и постараемся связать с применением наглядных пособий и их видами в новой трудовой школе.

Интересующее нас в этом направлении положение, это—ст. 12: „Основой школьной жизни должен служить производительный труд..., он (производительный труд) должен быть тесно-органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь..., он (произв. труд) должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства..., он (произв. труд) должен быть творческим, радостным, свободным от приемов насилия над личностью учащегося и планомерно и социально организован“. Итак, все обучение в школе должно покоиться на производительном труде. Во главе всего в школе должен лечь труд, трудом ученик должен начинать свое дело, трудом и заканчивать его. Это не значит, конечно, что ученик должен заниматься целый день только уборкой комнат, переноской дров и пр., как это стали понимать некоторые „большие педагоги“ столичных школ,—нет и нет, ибо труд школьника должен быть прежде всего радостным и свободным. Как же подойти к этому производительному труду с точки зрения „наглядного пособия“ в других явлениях? Нам кажется, что всякое наглядное пособие прежде всего как бы отсутствует перед глазами учащегося,—оно должно само вытекать из совместной деятельности, совместного обсуждения любого явления природы, того или другого факта и проч.; ведь каждое явление в школьной жизни дает богатейший материал и для обучения. Например, один из элементов „кухни“—топка печей—дает колоссальный образовательный материал. Можно, конечно, эту хозяйственную потребность произвести при помощи учеников (как простое обычное механическое явление), но это будет „саботаж большого педагога“, это будет тупой механический трудъ, но можно при этом явлении развернуть такую картину, что не хватит и нескольких недель для этого вопроса и для различного рода наблюдений. Дрова, сравнение их по теплотворной способности,— и здесь само собой выплывает самостоятельное приготовление коллекций, плакатовъ, здесь же можно осмысленно подойти с учениками к вопросу, сколько нужно того или другого топлива для печи, для всей школы, и произвести соответствующий рассчет и вычисление и пр. Другие виды топлива и их сравнение; чем топят в других странах; устройство печей и эволюция печи от простого очага до сложных паровых котлов и центрального отопления (опять можно получить самостоятельные чертежи, рисунки видов печей; при этой работе ученики могут, по возможности, проследить неведомый им до сих поръ дымоход). А какое впечатление может оставить в их умах наблюдение над строящейся где-нибудь в районе или в селе печью, или установкой центрального отопления! [1]) При этой работе, если во-время дать ученику в руки чертежи и справочники, непременно обнаружатся склонности и задатки „инженеров по природе“ [2]). Самая топка печей дает громадный материал в части физических и химических явлений, и только надо умело в это время наталкивать на все эти явления, поставив вопросы, напр., о тяге, о смене воздуха в помещении, что делать с форточкой во время топки (лучше ли одновременно топить все печи или в разное время) и пр. Надо вместе с учениками разыскивать ответы на эти вопросы в различных книгах, руководствах, энциклопедических словарях, справочниках и пр. Но ни в коем случае не рассказывать про эти явления, как это раньше делалось на урокахъ; надо только помогать ученику доходить самому до получения ответов на поставленные вопросы, подталкивать, во-время направить на правильный путь. Все это пути самостоятельного наблюдения, самостоятельного исследования и самостоятельного объяснения, а вместе с этим и постоянная работа рук и творческая инициатива в изготовлении той или другой модели, плаката и пр. Нам кажется, что нет никакой беды, если и сам учитель не знает объяснения того или другого явления,—незнание того или другого вопроса, при живом интересе самого учителя, может повести его вместе со всеми учениками по правильному пути за получением ответа на вопросы окружающей жизни и природы.

[1]) После таких, даже поверхностных ознакомлений ученики смогут самостоятельно, особенно в сельских школах, приступить к изготовлению небольших печей, например, для коровника, для избы при пчельнике (См. планы Даниловского Отд. Нар. Образов. Ярославской губернии).

[2]) В старой школе обычно такие „искры“ с трудом обнаруживались, но и то вскоре „порции“ „наук“ и „предметов“, мало интересных такому самородку, забивали ему голову, сбивали с толку, и искра угасала, ученик становился в общую шеренгу будущей чиновной рати.

Дым идет,—сажа остается, сажа пачкает, а заявление какого-нибудь ученика, что „в ваксу сажу кладут“,—непременно поведет к попыткам ознакомиться, как приготовляется и самая вакса. В печи осталась зола,—что это такое? И тут опять вопросы о золе и о ее применении, сбережении для своего школьного огорода до весны для получения зольного эффекта на лугах и полях; а стоит этот эффект увидеть учащимся сельской школы хотя раз, можно быть уверенным, что в дальнейшем зола не будет у нас так небрежно расходоваться и просто выбрасываться. Во время топки печей ставили самовар: что такое полуда, накипь в самоваре, „самовар отпотел“, „самовар закипел“? Ученик насыпал углей полную трубу, а сверху положил горячих углей; другой ученик насыпал раньше горячих углей и сверху добавил холодных; в другой раз стал растапливать самовар горящими лучинками,—лучинки тухнут,—почему, отчего? Все эти вопросы роем закружатся около таких окружающих нас явлений, это—уже явления из области физики и химии. При всех этих явлениях, конечно, необходимы исторические справки и экскурсии в историю культуры; подобные экскурсии сильно оживят изучение окружающих явлений, и можно утверждать, что результат будет самый благотворный, самый положительный,—здесь будет и интерес, и самостоятельная работа самих учеников обнаружит проявление отдельных их склонностей, и будет коллективная работа. На этих примерах мы и остановимся для установления положения, что каждое окружающее явление можно богато и широко иллюстрировать путем создания в школе самими учениками различных таблиц, плакатов, коллекций, моделей, чертежей и пр.

Для правильного проведения трудовых процессов в области наглядных пособий руководителю нужно, конечно, знать основы самой техники изготовления наглядных пособий. В этом направлении подотдел наглядных пособий предполагает устроить в 1919 году курсы по технике изготовления наглядных пособий для создания инструкторов в уездные Отделы Народного Образования. Программу курсов, практические занятия и темы работ на этих курсах мы сообщим в одном из следующих №№.

С. Н. Соколов.

Естественно-научная мозаика.

1. Примитив беспроволочного телеграфа.

В этой коротенькой заметке мы остановимся на одном свойстве электрической искры, могущем возбуждать электрические волны. Поднося к небольшой лейденской банке шарик (лучше,—смазанный вазелином), получаем короткую искру, которая и служит толчком к образованию концентрически расходящихся в пространстве электрических волн. Ту же картину мы наблюдаем, но лишь с видимыми водяными волнами, при бросании камня на спокойную поверхность воды.

Лейденская банка может служить станцией излучения электрических волн. Нам только нужно уловить эти волны, установив антенны или щупальцы, которыми в данном случае нам будет служить небольшая цепочка, дюйма в $1\frac{1}{2}$ (лучше,—стальная), прикрепленная к какой-либо деревянной подставке. Верхний конец цепочки соединяется посредством проволоки с электрическим элементом, второй зажим которого идет к электрическому звонку. Нижний конец цепочки тонкой проволокой соединяется также со звонком. Таким образом цепочка является включенной в цепь со звонком и электрическим элементом. При таком соединении звонок не действует, так как свободные звенья цепочки, покрытые окисью, представляют большое сопротивление току. Теперь остается настроить, сделать более чувствительной для восприятия электрических волн приемную станцию. Для этого тонкую проволоку, идущую от звонка к нижнему концу цепочки, не прикрепляем, но, дотрагиваясь до звеньев цепочки, постепенно подвигаем ее все выше и выше до тех пор, пока звонок не начнет звонить. После этого проволоку отпускаем на одно или два звена ниже и здесь закрепляем. Подобная система готова к восприятию волн. Стоит только извлечь из головки лейденской банки искру, как звонок начинает звонить. Легкий удар пальца по

цепочке заставляет умолкнуть звонок, и система готова принять новую волну.

Можно нижний конец цепочки соединить ниткой с шариком звонка, и тогда получается автоматический прерыватель. На всякую искру звонок будет отзываться непродолжительным звонком, но лишь отрывочным.

Подобный примитив беспроволочного телеграфа можно установить на довольно большом расстоянии (аршин 8—10), и он может служить прекрасной демонстрацией в школах.

Арбеньев.

2. „Лягушки-карлики".

На мир растений и животных оказывают громадное влияние среда, свет, температура, влага, состав почвы и питание. Вспомним жалкие низкорослые деревья и кустарники севера или растительность пустынь.

На развитии животных еще ярче отражается недостаток пищи, света и тепла. Весною можно проделать интереснейшпопыт с развитием лягушек: поместив икру лягушки в 2-х банках, поставим одну из них на окно южной стороны комнаты, другую—из темного стекла—в полутемное место, давая в первую банку пищу в обилии (дафнии, сушеное тертое мясо, крошки хлеба), другую же оставляя почти без пищи. И вот, когда заканчивается цикл развития, в первой банке получаем крупных нормальных лягушек, во второй же правильно развитых, но карликовой формы.

Мне удавалось получать миниатюрных лягушек, размером всего в один сантиметр.

Арбеньев.

3. Аквариум.

Для знакомства детей с живой природой одним из простейших и более доступных наглядных пособий в школе является *аквариум*. Если не имеется на лицо аквариума с вмазанными стеклами, то его могут с успехом заменить в школе круглые банки или четырехугольные, вместимостью от 1 до 2-х ведер воды банки из под варенья, четвертные бутыли из-под спирта со срезанной верхней частью; стаканчики, ставящиеся между окнами (от сырости) могут также служить вместилищем для мелких представителей местной флоры и фауны и дать значительный интересный биологический материал: дафнии, циклопы, водяные клопы, личинки водяных насекомых, плавающие водяные растения: ряска лягушатник, элодея будут жить и служить объектами для наблюдений даже в таких неприхотливых вместилищах.

Каждый пруд, болотце, заводи рек представляют, особенно весной, чрезвычайно богатую картину жизни. Все удивительные метаморфозы, стадии развития различных водяных обитателей не могут быть прослежены в природе; в маленьком искусственном уголкеприроды—аквариуме—эти стадии развития животных, как, напр., постепенное развитие лягушки из икры, различные метаморфозы плавунцов, водолюбов, могут быть наблюдаемы с большим успехом и доставить много интересного биологического материала.

В трудовой школе, выдвигаемой сейчас жизнью, такие простые наглядные пособия, как аквариум, должны получить широкое распространение, тем более, что руководитель и учащиеся, связанные в таковой школе общими трудовыми процессами, самую проработку таких пособий могут производить с начала до конца путем общей совместной работы.

Общие принципы при устройстве аквариума:

1) принцип биологического равновесия между растительным и животным царством—взаимное полезное сожительство животных и растений в аквариуме;

2) предварительная посадка в аквариуме водяных растений;

3) вред для животных и растений в аквариуме от частой перемены воды;

4) вред для водных животных резких перемен температуры;

5) осмотрительность и постепенность при заселении аквариума животным царством;

6) затенение аквариума летом от ярких полуденных лучей, защита его от развития плесени.

А. Каменцев.

Об искусстве художественного чтения.

(О дикции, декламации и многоголосной декламации).

В настоящее время коренного переустройства всей школьной жизни было бы большим упущением не определить отношение школы к одному из интереснейших искусств (к сожалению, еще малооцененному у нас) — искусству художественного чтения, или, что то же, искусству декламации, и к его новорожденной сестре: многоголосной или полифонической декламации,— новому искусству, зародившемуся на моих первых московских курсах дикции и декламации в 1915 году.

Художественное чтение, или декламация, есть искусство выявления логической и психологической сущности поэтических произведений в художественной (музыкальной) форме живого слова. В отличие от других искусств, в декламации содержание дается *поэзией*, тоже искусством (что указывает на высокое значение нашего искусства), и средством исполнения является живое слово. В той же роли живое слово выступает в ораторском искусстве и в суммарном искусстве сцены, на ряду с мимикой, живописью, скульптурой и др. Таким образом, в сценическом творчестве выразительными средствами служат и слово, и звук, и жест, а в декламационном—только лишь *слово* (жестикуляция, и то ограниченная, допускается лишь в исключительных случаях). Несмотря на участие в других искусствах, декламация является вместе с тем *самостоятельным* искусством, подобно тому, как живопись, архитектура, музыка не теряют значения самостоятельных искусств от того, что входят как составные части в искусство—театр. Декламация к тому же—более почтенное по возрасту искусство, так как появление лирики предшествовало появлению драмы. Проф. Б. В. Варнеке говорит: „Декламация родилась в один день с поэзией, потому что древности было чуждо наше дикое обыкновение читать стихи про себя, и вольное поэтическое произведение произносилось самим автором, а потом посторонними художниками, непременно вслух" [1]).

Различие лирической и драматической литературы определяет и разные приемы и формы выражения того и другого вида произведений. Сценическая речь отличается от декламационной большей дозой естественности, непринужденности. Здесь нет той педантичной определенности читки, той строгой архитектоники исполнения, базирующейся на музыкальной квинт-эссенции естественной речи, какая характерна для декламационного слова. У чтеца нет, как у актера, дополнительного „антуража", у него все лежит исключительно в тоне: одним лишь *голосом* он передает все богатство идей и настроений поэта. Какою же он должен обладать скульптурностью фразировки и силой тональной выразительности, чтобы не только воздействовать на *слух*, чаруя его разнообразием мелодических и ритмических рисунков, но и на *душу*, обогащая ее разнообразием переживаний. В введении к „Пропилеям" Гёте убеждает художников иметь прежде всего в виду, что они обращаются к *внешнему чувству*. Поэтому преимущественно нужно удовлетворять это последнее. В противном случае художественное произведение не будет в силах подействовать и на душу [1]). При чтении благотворное воздействие на внешнее чувство слуха достигается музыкальной формой речи. Но что это за музыкальная форма речи? Откуда она?

Мы знаем, что истинное искусство имеет свои корни в природе. „Искусство через жизнь"—вот его принцип. По мнению Шиллера, настоящее искусство „не может довольствоваться одним призраком истины; на *самой истине*, на твердом глубоком основании *природы* воздвигнет оно свое идеальное здание [2]). Действительно, к природе обращает свой взор художник, вернее,—„к тому, что в этой природе наиболее совершенно" (Дж. Рескин). Последнее добавление вполне понятно, потому что искусство—не фотография природы, а нечто самостоятельное, хотя и имеющее связь с при-

[1]) Журнал „Голос и Речь", 1913 г., № 9.

[1]) Сакетти. „Эстетика в общедоступ. изложении", т. I, стр. 174.

[2]) Шиллер. „Об употреблении хора в трагедии". Брокгауз и Эфр., т. 3.

III. Библиография.

ТРУДОВАЯ ШКОЛА.

В. Познер. Единая Трудовая Школа. Москва, 1918 год.

Ек. Янжул. Трудовое начало в школах Европы. Издание 2-ое, „Нар. Учитель", Москва, 1918 г. 2 р. 50 коп.

Кершенштейнер. Трудовая школа. Издание 4-ое, „Задруга", Москва, 1918 год.

Цель книги Ек. Янжул—предостережение от превратного понимания идеи трудовой школы. Как же автор понимает трудовую школу? Как школу самодеятельности учеников в наблюдениях, опытах и умозаключениях, при чем „истинная трудовая школа добивается умственной работы учеников, работы самостоятельной, еще больше даже, чем ручной". Так думает автор. Но для того, чтобы трудовая школа достигла той цели, которую она себе ставит, она должна иметь план, основанный на запросах детей, и метод, вытекающий из свойственных им форм активности. Целью школы должно быть счастье ребенка; это достигается тем, что предмет и метод обучения в школе покоится на наличных в данное время нуждах и интересах ребенка. Этим же достигается и лучшая подготовка к последующей жизни ребенка, так как тот лучше всего подготовлен к последующей жизни, кто наиболее полно исжил предыдущие фазы жизни. Вот основные принципы трудовой школы. Их-то и пытаются, и не без успеха, как говорит Ек. Янжул, проводить в школе Оберлесница. Не в ручном труде, как отдельном предмете, здесь дело; нет, ручной труд проходит через всю школьную работу. „Ребенок должен изучить географию. Ему надлежит производить опыты над испарением жидкостей и обратным сгущением пара, создавать (в ящике с песком) подобие речек, уносящих своим течением твердые частицы, для того, чтобы уяснить себе образование (силой размывки) гор и долин. Ребенок, предполагается, должен научиться в школе элементам естествознания. Для этого ему надо наблюдать различные формы в природе и приспособлять их к целям точного исследования. Он должен производить опыты и составлять план наблюдений, затем он должен делать количественные оценки и определения, для чего требуется точная и аккуратная работа рук, он должен сам изготовлять и прилаживать аппараты и приборы". Итак, везде и во всем—самостоятельность, самодеятельность. Форма ручных работ, как мы видим, чрезвычайно многообразна. „Новейшие американские учебные программы включают в себя работу над сортировкой, выделением, сравнением и определением объектов природы: работу с палочками, спичками; раскладывание и скрепление их; работу с бумагой; складывание, сгибание, отмеривание, разрезывание и наклейку ее; работу над изображением в пластичном материале, лепкою форм естественных и условных; работу по приспособлению и, во многих случаях, изготовление орудий, с помощью которых можно все это делать. Школьные программы включают в себя, наконец, работу над изображением сделанных предметов и их частей на бумаге посредством карандаша или рисовальной кисти". Все это необходимо потому, что „в процессе возникновения вещей и явлений лежит сильный образовательный фактор, а вовсе не в конечных результатах творений природы и человека. Если ученик познает ход образования и создания небольшого ряда вещей, то это будет бесконечно важнее, чем знание бесконечного ряда предметов, возникновение коих он не в состоянии проследить".

Совершенно другую позицию защищает Кершенштейнер. Цель воспитания для Кершенштейнера—воспитание годных для государства граждан. Итак, „первое требование от отдельного человека в государстве—работать в какой-нибудь профессии, первая задача школы—задача профессионального образования или, по крайней мере, подготовка к нему; вторая задача—задача нравственного облагораживания общественного союза, внутри которого профессия выполняется". „Школа", думает Кершенштейнер, „должна вырабатывать механически, но целесообразно направленные навыки, которые дадут жизненной продуктивной работе всегда готовых, верных и добросовестных слуг для исполнения продиктованных творческим духом дел". Первенствующее значение Кершенштейнер придает формированию характера: „Трудовая школа есть организация школы, для которой важнее всего формирование характера". А отсюда он выставляет требование обучения ручному труду, как специальности. „Обучение труду, как принцип, поскольку оно должно содействовать не только поверхностной наглядности, но и образованию характера, а не становиться непосредственно опасным этому последнему, настоятельно требует обучения труду, как специальности", говорит он. Занятия детского сада, движения для выработки ручных навыков, старые требования самодеятельности и т. д. вели, само собою разумеется, к поверхностному пониманию обучения труду, как принципа. Так как обыкновенно работа есть деятельность рук, то думали, что решили проблему трудовой школы, соединивши с каждым обычным учебным предметом какую-нибудь деятельность рук. Даже преподаванию истории в высших классах народной школы думали придать характер обучения труду при помощи склеивания по образцам рыцарских замков, выпиливания по образцам построек всех стилей, черчения планов... и т. д. Но как, срисовывая портрет Канта, не усваиваешь категорический императив, так все упомянутые ручные работы не осуществляют духа трудового принципа. Всякое преподавание, которое должно опираться исключительно на завещанный традицией фактический материал, как преподавание языка, истории, религии, может только благодаря умственному труду стать продуктивным и формирующим характер. Ручная работа только там имеет ценность, где понятия и познания вырастают из фактов ежедневного опыта, а материал представленный должен быть приспособлен из чувственных наблюдений". Обучение труду, как принцип, и обучение труду, как учебный предмет, связаны друг с другом, как рукоятка и клинок ножа. Отрицать вообще обучение труду—последовательно; но допускать его как методический принцип, а как специальность изгонять,—бессмысленно.

Во введении производительного труда в школу и школы в производительный труд видит В. Познер сущность трудовой школы. Производительный труд должен быть в школе общественно-необходимым, органически связанным с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь, он должен быть планомерно и социально организован. Первоначально он подчинен непосредственным нуждам школьной общины, постепенно расширяясь и усложняясь, он должен выходить за пределы непосредственной обстановки детской жизни с тем, чтобы знакомить детей с самыми разнообразными формами производства вплоть до самых высших. Но утверждение порядка и планов образовательных производительных и хозяйственных работ школы принадлежит школьному совету. Таким образом, производительный труд, будучи связан с жизнью учащихся, становится им близким и радостным; будучи направленным на достижение определенной понятной для учащихся цели, он способствует выработке внутренней дисциплины и личной ответственности у учащегося; будучи достаточно сложным, он толкает учащихся на объединение своих сил и тем способствует развитию социальных навыков, выработке чувства коллективной ответственности, умению организоваться. Так коллективный производительный труд и организация всей школьной жизни должны воспитывать будущих граждан социалистической республики.

В. Шульгин.

П. Блонский. Задачи и методы новой народной школы. Изд. 2-ое, Москва, 1918 г.

Задача школы, по Блонскому, состоит в том, чтобы создать морально-ценную автономную личность. В народной школе ребенок прежде всего должен жить. А жить—значит „познавать действительность и преобразовывать ее". А раз так, то „методы познания и труда — два основных предмета школы". Способы овладевания методами познания состоят в первой половине курса в приучении называть, классифицировать, находить специфические отличия; во второй—в умении делать из наблюдений правильный вывод и в умении пользоваться предлогами, как средством для точного выражения отношения предметов. Задача арифметики в начальной школе—быть средством точного познания наблюдаемых вещей: ее функция однообразна отчасти с функцией языка—стимулировать к точному познанию и давать возможность точно выражать полученные из опыта выводы. Предмет познания—окружающая ребенка действительность. Но она изучается им „прежде всего как окружающая его человеческая жизнь, а природа познается не как нечто самодовлеющее, но как то, в чем живет человек". Последовательность изучения—школа, семья, квартал или деревня, родной народ, родина. Исходная точка — наличное сознание ребенка. А оно ближе к сознанию дикаря, чем к нашему сознанию. Вот почему наши истины—не истины ребенка. И так

как история развития ума ребенка есть история развития ума человеческого, то единственное, что может сделать нашу истину живой, пережитой и осознанной для ребенка истиной, это—такое построение урока, при котором ребенок сам делает ряд открытий. Как ребенок овладевает методами труда? Посредством активного участия в жизни школы, семьи, деревни. Итак, ребенок сперва организатор, под руководством учителя, школьной жизни и помощник семье; затем он маленький крестьянин или рабочий. Остается еще последний круг—маленький русский. Этот цикл совпадает с изучением ролиноведения.

Изучая с ребенком окружающую действительность, учитель, который должен жить, как и ребенок, в школе, должен творить и любить жизнь в этой действительности, вместе с ребенком будет искать красоты и героизма. Таким образом, наша школа, говорит Блонский,—школа мысли, человечности, социального труда и поэтического чувства. Каково же место ручного труда в школе? „Я замутил бы только," отвечает Блонский,—что ручной труд в школе должен быть не отдельным учебным предметом, но лишь естественным элементом трудовой жизни ребенка". Так решает автор сложную проблему трудовой школы. Можно соглашаться и не соглашаться с его выводами, но нельзя отказать ему в большой продуманности вопроса и стройности выводов. Каждому интересующемуся вопросами трудовой школы мы настойчиво рекомендуем ознакомиться с книжкой Блонского.

В. Шульгин.

Примерная временная программа для начальных школ Юхновского уезда на 1918—19 учебный год. Юхнов (Смоленской губ.), 1918 г., 75 стр.

Сборник программ для начальных школ Юхновского уезда представляет собой интересный пример самодеятельности местных педагогических сил. Идея трудовой школы живо воспринята педагогами Юхновского уезда и достаточно полно и правильно отразилась на первой статье сборника—„Общие принципы Трудовой Школы". К сожалению, взамен дальнейшей конкретизации заданий, указанных в этой статье, составители сборника занялись разработкой программ по родному языку, арифметике, геометрии, истории, природоведению, географии и даже чистописанию, в значительной степени проникнутых духом старой школы. Приветствуя попытку местных сил разрешить проблемы трудовой школы, не ожидая рецептурных указаний из центра, позволяем себе остановиться более подробно на некоторых недостатках проделанной ими работы, потому что взаимная товарищеская критика поможет в конце концов нащупать правильную дорогу к осуществлению школьной реформы.

Главный недостаток предлагаемых программ—оторванность их от работ учащихся и от всей жизни школы. Правда, в объяснительной записке к программе по родному языку говорится о ручном труде на уроках родного языка,—зарисовка, лепка, вырезывание букв, приготовление картинок на разноцветной бумаге и т. д. Но все эти работы не выходят за пределы обычных лабораторных занятий. Что касается свободных бесед с учащимися, свободных рассказов их о виденном и слышанном, записи собственных наблюдений, деловой переписки, пользования научно-популярной книгой для получения нужных для работы сведений и т. п.,—все эти моменты сгушевываются перед обычными школьными занятиями. Не то чтобы авторы совсем упустили их,—кое-что об этом говорится в записке,—но все такие работы явля-

ются, по мысли авторов, дополнением к хрестоматии, к пересказу, диктанту и т. п. схоластическим приемам школьного обучения. Совсем по-старому выглядит программа занятий по грамматике. Противоречие между научной и школьной грамматикой сохраняется в полной силе. Программа по геометрии является обычным пропедевтическим курсом, который понимается как введение в будущую „настоящую“ геометрию. Обычное рассматривание геометрических тел, приготовление их, изучение элементов этих тел, которое должно обогатить учащихся такими „ценными“ сведениями, как знание терминов: куб, плоскость, грань, ребро, угол, перпендикуляр и т. д.,—к чему все это? Геометрия на первой ступени нужна там и постольку, где и поскольку она встретится при работах учащихся. Нужны измерения длины площадей и объемов при очень многих работах в мастерских, в саду, огороде, поле, затем прямой угол, отвес, перпендикуляр—при работах картонажных и строительных; угол—при наблюдениях за движением солнца и при простейших геодезических измерениях, и т. д. Не к чему гнаться за полнотой обычного пропедевтического курса. Предпочтительнее научить учащегося пользоваться линейкой или натянутым шнуром для проведения прямых, научить измерять, снимать планы, провешивать прямые в поле и производить простые землемерные работы, пользоваться наугольником, циркулем и т. д.

Гораздо удачнее составлена программа по арифметике. В ней чувствуется настоящая, нужная ребенку арифметика, связанная с практической жизнью. Приходится, пожалуй, пожалеть, что совершенно упущена алгебра: ознакомить учащихся с элементами алгебры, хотя бы с линейными уравнениями, значит не только не усложнить курса, но, наоборот, значительно облегчить его, дав в руки детей прекрасный метод решения задач.

Пожалуй, самой слабой стороной сборника является программа по истории, составленная со всем по старинке. Напрасно объяснительная записка пытается оживить историю и влить новое содержание в самый уродливый из школьных предметов,—самая программа возвращает нас вподне к старым учебникам, составленным по Иловайскому. После нескольких кратких слов о первобытной культуре и о жизни древних славян, программа снова втискивает историю в рамки различных царствований и вместо истории народа, т.-е. истории развития материальной культуры, экономики, политических форм и идеологии, программа по-старому говорит об истории царей и войн. Тут и летописное предание о первых князьях, и походы Олега и Святослава, и Владимир Мономах, и Иван Калита, детство и юность Ивана Грозного и пр. и пр., вплоть до Николая II. Характерно, что даже октябрьский переворот и образование Советской Социалистической Федеративной Республики попали в рубрику, отведенную..... Николаю II. Уж если придерживаться схемы авторов исторической программы, следовало бы начать после падения монархии новые рубрики, примерно так: „Керенский“, потом „Ленин“ или что-либо в этом роде. Мы, конечно, отнюдь не рекомендуем подобной нелепости, но не менее нелепа сохраненная в программе старая система.

В противоречии с первым тезисом объяснительной записки, который считает нужным дать на первой ступени краткий, но не эпизодический, а связный курс истории,—мы полагаем, что от связного, т.-е. систематического курса истории в начальной школе следовало бы вовсе отказаться. Учащимся важно ориентироваться в текущей жизни, в частности понять тот великий переворот, который сейчас происходит... С него и нужно начать. От революции к тому, чем она обусловлена,—к строению общества, капитализму и империализму и к тому, как такое строение сложилось,—такова схема истории на первой ступени.

Более подробно можно остановиться на освободительных движениях и не только в России,—выделение России, как это проводится в программе, абсолютно неприемлемо. Все мелочи и детали и торического процесса вовсе не должно затрогивать, а такая вещь, как детство и юность Ивана Грозного и т. п., едва ли нужны кому-либо вообще, а школьнику первой ступени тем более.

В программе по природоведению хотелось бы видеть больше элементов труда. В ней вовсе нет изучения производств, а между тем ребенок вращается все время не столько среди чистой природы, сколько в мире вещей, созданных человеком. Неужели производство одежды, пищи, постройка жилища, приготовление посуды, мебели, изделий из железа, машины, телеграф, телефон, и пр. и пр. заслуживают меньше внимания, чем, например, состав воздуха или понятие о трех состояниях вещества?

В программе по географии также отсутствует человек и его труд. Природа—только обстановка, в которой живет и работает человек,—а об этом работающем человеке как раз и забыли авторы программы. В географии, как и всюду, следовало бы исходить из труда людей в данной родной местности и перейти к более отдаленным пунктам, руководясь теми естественными связями, которые соединяют данное место с другими пунктами России и всего мира.

Программа по чистописанию, пожалуй, и вовсе излишня. Пусть учащиеся сразу пишут все, что им нужно, чисто и аккуратно. А в особом уроке чистописания надобности нет.

Несмотря на все указанные погрешности (особенно в программе по истории), нельзя не приветствовать живой работы преподавателей над обновлением школы. Но более всего нужны сейчас не программы, а практическая работа. Пусть будет у преподавателя одна цель—наладить живую, естественную жизнь школы, и пусть он смело выбрасывает все то, что мешает достижению этой цели. Пусть почаще ведет детвору туда, где кипит человеческая работа. Тогда после гола непрерывных исканий товарищи-учителя смогут дать много интересного и свежего материала, быть может еще не в форме программ, а в виде заметок, записок, соображений по поводу живой, свободной школьной работы.

О. Вольберг.

2. КНИГИ ПО МАТЕМАТИКЕ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ.

К. И. Пальмер. Техническая математика. Перевод инж. Б. В. Аронова, под ред. инж. Б. В. Дюшена. Часть I-ая. Арифметика. Часть II-ая. Алгебра. Техническое издательство инж. Н. Кузнецова. Петроград, 1917—18 г.

Техническая математика К. И. Пальмера, проф. математики Технологического института в Чикаго, представляет собой руководство для рабочего (техника или механика), который хотел бы приобрести навык в некоторых расчетах, могущих пригодиться ему в деле. Среди деятелей профессионального образования существует течение, представители которого считают целесообразным давать рабочим знания в точно ограниченной пропорции,—ровно столько, сколько нужно для выполнения их функций, как рабочих механизмов.

Вместо науки преподносится нечто упрощенное, принижение, вульгаризированное иногда до последней степени,—правила и формулы без выводов, ряд научно-неверных, но простых и, в пределах грубого опыта, достаточных определений, и т. д. Отражением такого взгляда являются книги Пальмера. Если иметь в виду рабочего, послушного исполнителя чужих предначертаний, раба машины и предпринимателя,—все это вполне логично. Но для рабочего—строителя жизни, для рабочего, организующего промышленность, управляющего страной, такая постановка вопроса о внешкольном образовании, конечно, совершенно неприемлема.

И все же следует обратить внимание преподавателей Трудовой Школы на книги Пальмера, как на сборники задач, среди которых очень многие взяты из области техники. Для индустриальной школы, где учащиеся проводят значительную часть своего времени в мастерских, многие задачи из технической механики Пальмера будут весьма жизненны.

Первая часть (арифметика) предполагает уже некоторое знакомство с четырьмя действиями и является, таким образом, повторительным курсом. Сверх обычного материала в ней имеется глава о степенях и корнях. Во второй части рассматриваются треугольники, круг, призмы, цилиндры, пирамиды, конусы, шар и некоторые др. тела. Приведем для примера несколько технических вопросов, затронутых Пальмером. В I-ой части, в главе об обыкновенных дробях,—шаг и ход винтовой нарезки, винтовые зацепления; в главе о десятичных дробях—размеры головок винтов; в главе об отношениях и пропорциях—размеры паровых котлов, рычаг, гидравлические машины и т. д.; во II-ой части, в главе о треугольниках,—конусность, стальной угольник, стропила и крыши, винтовая нарезка; в главе о круге—скорости резания, ременная и зубчатая передача, круглый и квадратный миль; в главе о призмах—каменная и кирпичная кладка и т. д.

Перевод сделан довольно небрежно. Много опечаток; встречается, например, такое выражение: „следующие правила действительно для твердых тел“; „объемы шаров относятся, как кубы их радиусов“. Можно подумать, что для жидкого масляного шара в опыте Плато это правило не действительно. На ряду с русскими и метрическими мерами для чего-то оставлены английские. Технические данные приведены по принятым в Америке нормам.

О. Вольберг.

Звягинцев и Бернашевский. Задачник взрослых по арифметике для воскресных школ, классов и курсов взрослых. 2 части. Изд. „Совета Всерос. Кооп. Съездов“., М. 1918 г.

Имя названных авторов весьма часто встречается на обложках целого ряда книжек и популярных брошюр, по большей части весьма интересно составленных. Несколько лет тому назад под их руководством и при их ближайшем участии были составлены задачники для городских и отдельно для сельских школ под общим названием „Живой счет“, эпиграфом которых служат слова Ушинского: „У хорошего преподавателя дело выходит так, что арифметическая задача есть вместе занимательный рассказ, урок сельского хозяйства или домашней экономии, или историческая или статистическая тема и упражнение в языке“. Эти же слова Ушинского могут служить в качестве эпиграфа и к данному задачнику для взрослых. Проникновение словами нашего, еще до сих пор как следует не оцененного, педагога и выполнение их на деле является самым главным достоинством задачника. Подбор тем задач, построенных на реальном материале и на реальных соотношениях, наиболее подходящ к интересам и запросам взрослых учащихся. Удачна и мысль (проведенная в „Живом счете“)—соединять задачи по группам, объединенным общей темой; благодаря этому, действительно, как указывают составители, вырабатывается у учащихся подход к определенным фактам обыденной жизни с числовой стороны. С целью дальнейшего развития числового подхода к данным жизни, составители предлагают некоторый цифровой материал (правда, небольшой и желательно было бы использовать его в большей мере) для самостоятельного составления задач самими учащимися. Некоторые задачи своим содержанием, наверное, побудят учащихся изменить условия сообразно текущему времени До некоторой степени учащиеся познакомятся с составлением диаграмм и график.

В о это показывает, что задачник заключает интересный материал. Очень жаль, что мало использован геометрический материал, с которым приходится сталкиваться взрослому и деревни и города. Необходимо только отметить, что задачник по содержанию приноровлен по преимуществу для жителя деревни; для городского (рабочего) населения соответствующих тем очень мало, и очень они бледны; почти не использован богатый материал фабрично-завод кой техники, нет материала, рисующего сколько-нибудь ярко социальное взаимоотношение городских классов.

Сторона методическая, поскольку вообще она мало разработана на курсах для взрослых, несколько страдает и здесь. Хотелось бы видеть упражнения в устном беглом счете; нет указаний на сокращенные приемы вычислений. Казалось бы возможным ввести знакомство с деся ичными дробями раньше, чем это сделано составителями: во французских учебниках, напр., действия над десятичными числами проходятся параллельно с действиями над целыми. Знакомство с простыми дробями надо провести более методично, более основательно.

Во всяком случае, попытку подобного построения задачников для взрослых необходимо приветствовать. Остается только пожелать, чтобы поскорее появился в свет аналогичный задачник, более рассчитанный по материалу на городской рабочий класс.

И. Ф.

Д. Л. Волковский. Книга первого десятка для детей дошкольного возраста. С рисунками. Изд. „Задруга“. М., 1918 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Эта новая книжечка Волковского по своему содержанию так напоминает его же задачник „Детский мир в числах“, вышедший в 1914 году в изд Сытина. Методическая система, положенная в основу „Детского мира“, осталась той же и в новом задачнике: это—попытка найти золотую середину между методом числовых образов и методом счета в деле развития числовых представлений. С этой целью автор вводит картинки, на которых ребенку предлагается определить путем непосредственного восприятия те или иные числовые фигуры, составленные из точек, кружков и т. п., или число медвежат в лесу, собак в комнате, и т. д. С другой стороны, он дает целый ряд упражнений на присчитывание и отсчитывание с целью всестороннего изучения определенного числа.

Как и в первом своем задачнике, Волковский

не помещает задач с условием: он полагает, что дети того возраста, для которого предназначены задачники, е умеют читать (что особенно справедливо относительно данного задачника); помещение подобных задач в тексте задачника значительно удорожает, также его цену—второе обстоятельство, на которое указывает автор. Вводит автор на этой ступени обучения и еще новшество: знакомство с элементарными дробями—половинками и четвертями.

Таковы, можно сказать, методические достоинства задачника Волковского. Но можно и должно поставить следующия возражения по существу. Во-первых, почему однородные по содержанию и даже по форме два его задачника предназначены для разных групп детей? Второе возражение касается содержания картинок и числовых фигур: всестороннее изучение числа путем числовых образов требует изображения числовых фигур и групп в возможно более разнообразных комбинациях и притом, по возможности; естественных; думается, что в этом направлении автором сделано недостаточно. Недостаточно хорошо выполнение самих картинок: на многих из них отдельные изображения выделяются недостаточно резко, чтобы можно было охватить числовую группу сразу. Правда, увеличение числа картинок и фигур, равно как более лучшее их исполнение, потребовало бы увеличения цены книги, но зато это увеличение окупилось бы сторицей впоследствии благодаря твердому, отчетливому представлению начальных основ арифметики.

В третьих, зачем эта книга-задачник при первоначальном обучении счету, тем более для детей дошкольного возраста? Неужели детям этого возраста, которым место еще только в детском саду, эти несчастные „столбики"? Ведь задачник предназначен для того, чтобы раздать его по рукам, т.-е. чтобы им пользовались именно дети, а не учитель. Не лучше ли было воспользоваться этими лишними страницами для того, чтобы насчет „столбиков" увеличить число картинок? И не лучше ли вместо „столбиков" ограничиться действительным присчитыванием, отсчитыванием, взвешиванием и т. п. различных предметов,—одним словом, изучение с отвлеченной почвы должно быть перенесено на почву практическую. Работа должна вестись лабораторным методом, при котором подобные задачники излишни. „Школы суть не что иное, как мастерские, в которых работа кипит", слова Амоса Коменского, о которых приходится напоминать еще и еще.

И. Ф.

В. Ч. Львов. Как мы познаем природу. Изд. В. Ц. И. К. Совета Р. С. и Кр. депутатов. Москва, 1918 г. Ц. 60 к.

На 22 страницах автор касается вопросов, что такое наука, что значит „объяснить" явление, что такое причинность, закон, роль эксперимента и гипотезы в науке и т. д. Несмотря на микроскопические размеры книжки, автор недурно справился со своей задачей—дать конспективное и совсем популярное введение в методологию естествознания в духе школы Эр. Маха. Кое где излишняя краткость вредит ясности и может повести к нежелательным толкованиям. Встречаются и промахи. Так, на стр. 19 автор говорит: „единственное подобие абсолютно прямой линии, данное нам в опыте, это—путь распространения света. Но эксперименты показали, что и этот путь является не точно прямым". Если путь света есть единственное подобие прямой линии, данное в опыте, но и это подобие оказывается ложным, то является вопрос: что же такое прямая? Ведь для того, чтобы утверждать, что путь света не прямолинеен, нужно иметь какой-то критерий для суждения о том, что является прямой линией и что не является таковой. Автор этого вопроса не замечает. Пожалуй, в маленькой популярной брошюре не следовало бы вовсе касаться проблем методологии математики или, во всяком случае, сделать это не между прочим, перескакивая через самую проблему.

Несмотря на небольшие недостатки, книжка может быть весьма полезна для читателя, начинающего интересоваться вопросами методологии точного естествознания и немного знакомого с физикой.

О. Вольберг.

Л. Н. Никонов. Жизнь растения. Изд. „Книга" 1918 г. 75 стр., с 58 рис. Ц. 4 р.

В рассматриваемой брошюре автор желает выяснить роль растений на з мле и ту пользу, которую они приносят человеку. Для этого он вводит читателя в систематический очерк о растениях и последовательно излагает внутреннее строение растений (семя, корень, лист, стебель, цветок, плод), а в заключение говорит о смене растений. В своем изложении он держится, таким образом, установленного плана того же, что проводится им в его учебнике ботаники. Самая манера изложения та же самая, сухая для популярного издания и излишне методическая. Некоторые детали, не существенные сами по себе, как, например, выяснение значения микроскопа, выяснение химических превращений, происходящих в растениях, и др. подобные, освещены недостаточно полно, даже совсем кратко и мало понятно. Условия прорастания семян, связь растений с почвой и взаимоотношения их изложены без желательной связи и неравномерно. Словом, на всем протяжении брошюры автор проводит целиком структуру обычных руководств по ботанике, лишь вводя сокращения общего характера. И так как „Жизнь растения" является одним из выпусков культурно-просветительной библиотеки, имеющей в виду широкие массы недостаточно подготовленных читателей то, быть может, и самый характер изложения и общий план его должны бы быть иными, при чем методичность должна бы уступить место жизненным, чисто реальным задачам. Равным образом, необходимо было бы оживить и самое изложение и возможно упростить его. Приведенные рисунки устарели и примелькались по всем изданиям, посвященным ботанике; впрочем, появление новых затруднено сейчас материальными условиями. Остается еще отметить, что вопрос о пользе, приносимой растениями человеку, разобран недостаточно полно и отчетливо. Несмотря на указанные недостатки, книжка все же будет полезна в общедоступных библиотеках.

М. Колчин.

3. ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. 1) **А. Пушкин.**—Собрание запрещенных стихотворений. Петербург, 1918 г. Ц. 2 р. 2) **Т. Шевченко.** Запретный Кобзарь (в переводах собрал И. А. Белоусов). Изд. т-ва „Грань". Москва, 1918 г. Ц. 2 р. 3) Запрещенные произведения русских писателей. Вып. I. Изд. П. Сойкина, Петербург, 1917 год. Ц. 1 р.

Революция вновь вызывает к жизни произведения, которые абсолютизм держал в состоянии своеобразного анабиоза долгие годы и десятилетия. Когда-нибудь историк литературы сделает специальной темой своего научного исследования все эти материалы, представляющие столь глубокий интерес и в таких ярких красках отражающие картину нашего прошлого.

Сейчас не время для такой историко-литературной работы, не время для обширных, исчерпывающих изданий. Для широких кругов демократии нужны сейчас издания, охватывающие наиболее яркое и ценное из этих материалов, и притом издания так обработанные, чтобы они могли иметь действительно образовательное значение. Здесь необходимы и известные историко-литературные комментарии, без которых останется многое непонятным для широкого круга читателей, и общая обрисовка исторического фона эпохи.

Этим требованиям мало удовлетворяют лежащие перед нами издания.

Неизвестно кем собранный и неизвестно кем изданный небольшой сборничек стихотворений Пушкина оставляет впечатление наспех скомпанованного, преследующего коммерческие цели издания. Материал вошел в сборничек и недостаточно полный, а главное—совершенно случайный. Почему некоторые стихотворения и отрывки отнесены к числу „запретных", остается известным только составителю сборника. Что „запретного" в стих. „Друзьям" („Среди беседы вашей шумной один уныл и мрачен я") (стр. 41) или в таком, напр., четверостишии (стр 85):

„Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю,
Исполню ли,—Бог весть".

Действительно ценное тонет среди отрывков, представляющих интерес лишь для историков литературы, тем более, что большинство стихотворений представляет „плоды игривой музы" поэта, отнюдь не рассчитанной на широкий круг читателей. В сборнике нет ни вступительной статьи, ни примечаний к отдельным стихотворениям. Весь материал расположен по алфавиту заглавий или первых слов стихотворений. Издание должно быть признано совершенно никчемным.

Гораздо больший интерес представляет собрание „запретных" строк Шевченковского „Кобзаря". Те немногие издания (из них наиболее полное под ред. М. Славинского), которые доступны были русскому читателю, содержали в себе далеко не все написанное „гениальным украинским горемыкой". Только прочитывая „Запретный Кобзарь", может русский читатель понять всю глубину той пламенной и острой ненависти к абсолютизму, которую в мрачную пору беспросветной реакции выносил в своей груди народный поэт, взывавший к народу:

„Царей, кровавых шинкарей,
Ты в цепи крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй";

страстно ждавший того дня, когда

„Люди сумеют справиться с царями—
Их к плахе повлекут";

с сарказмом, с тоскою настрадавшегося человека восклицавший:

„О, люди, бедные вы люди!
На что же вам дались цари?
На что же вам дались псари?
Вы ж таки люди—не собаки!"

К сожалению, если вообще перевод никогда не может равняться по красочности и силе с подлинником, то особенно это приходится сказать о наших переводах из Шевченко. Большинство их грешило всегда излишней близостью к подлиннику, „излагая" его строку за строкой, сохраняя украинизмы и в отдельных словах и во всем построении речи. В результате, то, что по-украински звучит певуче и гармонично, чаруя своей истинно-народной непосредственностью и простотой стиля, то по-русски, будучи выражено почти теми же словами, звучит как-то натянуто, нелитературно, неблагозвучно.

На каком, напр., наречии, пользуясь каким синтаксисом пишет переводчик (П. Тулуб) (стр. 79):

„Иду однажды я *в ночи*
По-над Невой и, *идучи*,
Веду беседу сам с собою".

Другой переводчик (И. Белоусов) дает, близко придерживаясь подлинника, такой перевод (стр. 4) (приводим для сравнения украинский текст):

„А вот щедрый, всем довольный—
Храм сооружает,
И „отечество" так любит,
За него страдает"...

или (стр. 5):

„А с тобой, моя Украйна,
Бедная вдовица,
На совет и на беседу
Будем мы сходиться"...
„А той щедрый, та раскишний,
Все храмы муруя,
Та отечество так любить,
Так за ним бідкує"...
„А ти, моя Україно,
Безталанна вдова.
Я до тебе літатиму
З хмари на размову,
На размову тиху, сумну,
На раду с тобою"...

Обидно становится и за поэта, и за читателя, которому приходится знакомиться с гармонией шевченковского стиха по таким переводам.

Язык, которым писал Т. Шевченко, настолько прост, настолько может быть понятен большинству русских читателей, что нужно было бы раз навсегда отказаться от издания его переводов иначе как с приведением параллельного текста подлинника: только в таком случае сможет русский читатель по достоинству оценить высоко-художественную поэзию певца Украины. Большинство переводов настоящего издания, принадлежащих Белоусову, впервые появляются на русском языке. Жаль, что книге не предпослано вступительной статьи, вводящей в понимание эпохи и творчества Т. Шевченко. Во всяком случае, рассматриваемое издание заслуживает полного внимания и должно попасть и в общедоступные библиотеки и в школьные (старшие классы II ступени).

Не бесполезна будет в такого же рода библиотеках и последняя книжка, дающая ряд стихотворений и прозаических отрывков. Правда, предлагаемый материал в достаточной мере случаен, непонятно, на основании какого принципа подобран и на основании какого принципа сгруппирован, но ознакомиться с ним читателю следует. Сюда вошли „Порог" И. Тургенева, стихотворения А. Пушкина, М. Лермонтова, К. Рылеева, И. Никитина, Н. Огарева, отрывки из А. Радищева, И. Аксакова, М. Михайлова и других. Есть примечания и небольшие пояснительные статейки. Рассматриваемый сборник помечен первым, последующие, повидимому, не появлялись в свет. Во всяком случае, продолжает оставаться неудовлетворенной потребность в хорошо составленных, рассчитанных на широкие круги сборниках, охватывающих важнейшие из находившихся под запретом произведений русских писателей и вообще

русскую революционную поэзию вплоть до наших дней. Тем более своевременным является начинание издательства Моск. Центр. Рабоч. Кооп., подготовляющего к печати (под редакцией В. Львова-Рогачевского) трехтомное издание такого типа.

И. В.

4. ЖУРНАЛЫ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Обостренная борьба внутри страны не дала возможности в первое время советской власти уделить народному просвещению столько внимания и сил, как то было бы нужно. Ныне, когда власть достаточно укрепилась, когда жизнь все более и более настойчиво требует работы созидательной и творческой, которую нельзя воплотить в жизнь, не вооружив массу силой знания,—наблюдается заметное оживление в области культурной работы.

Одним из показателей этого оживления может служить возрождение журналов по народному образованию. Мы говорим—„возрождение", потому что, действительно, почти все из выходящих ныне журналов, перечень которых мы ниже приводим, несколько месяцев тому назад или не существовали совсем или существовали лишь номинально. Теперь они начинают выходить более регулярно, и число их непрерывно и довольно быстро возрастает.

Правда, большинство этих журналов не блещет ни особенной содержательностью, ни выдержанностью плана и направления, но уже определенно чувствуется устойчивость этих начинаний. Задачи предстоят огромной трудности. Делаются пока первые неуверенные, нащупывающие почву шаги. Лишь постепенно, в процессе еще только начинающегося строительства социалистической культуры будут новые органы накоплять свои силы и прокладывать новые пути. Тип новых журналов по народному образованию еще не наметился. Необходима широкая дискуссия по этому вопросу. Необходима оживленная взаимная критика и обмен мнений. Подробному критическому разбору всех вновь появляющихся журналов должно быть уделено серьезное внимание.

Такие обзоры, посвященные разбору отдельных журналов, и будут помещаться на страницах *„Народного Просвещения"* со следующего номера. А пока сообщаем ниже краткую библиографическую справку о всех выходящих в настоящее время изданиях. За последние месяцы появился целый ряд новых журналов по внешкольному образованию. На них мы прежде всего и остановимся.

В Петрограде начал выходить журнал *„Внешкольное Образование"* — орган Внешкольного Отдела Народного Комиссариата по Просвещению Северной области. Журнал предполагает выходить два раза в месяц, книжками в 3—4 печ. листа, подписная цена на год 25 рублей, на полгода — 15 руб. (адр: П., Чернышова пл., № 2). В первом № помещены статьи: „О ближайших задачах внешкольного образования", „Центральный народный университет", „Экскурсии, как метод внешкольного образования и организация их во Внешкольном Отделе Н. К. П. Северной области", „Рабочие клубы и задачи клубной секции" и др.

Органом Внешкольного Отдела центрального Народного Комиссариата по Просвещению является московский журнал *„Внешкольное Образование"*. Журнал выходит не реже одного раза в месяц, книжками в 5—6 печ листов, подписная цена на год — 36 руб., на полгода — 18 руб., на три мес.— 10 руб. (адр.: М., Остоженка, 53). В вышедшем на-днях первом номере находим статьи: „Задачи внешкольного образования в советской России" (Н. Крупской), „О координировании и разделении работы по внешкольному образованию" (П. Григорьева), „Пролетарский университет" (С. Кривцова), „Об организации курсов по внешкольному образованию" (М. Селищенского), „Организация лекционного дела" (Н. Шапошникова), „К вопросу о постановке лекционного дела" (В. Потемкина), „Клубы рабочих подростков" (М. Белокопытовой), „Внешкольное музыкальное образование" (Н. Брюсовой).

При центральном же Коммисариате по Народному Просвещению выходит временный журнал *„Известия Бюро всероссийского съезда по внешкольному образованию"*. Вышло два №№; всего до съезда (перенесенного на апрель месяц) предполагается издать 6—8 №№ (подписная цена 14 руб.).

Московским губ С. Р. и К. Д. издаются *„Известия Отдела внешкольного образования М. Г. С. Р. и К. Д."*. Журнал выходит небольшими тетрадками в $1^1/_2$— 2 печ. листа. В двух вышедших №№ встречаются, и мимо материала, имеющего местное значение, и статьи общего характера: „Очередные задачи внешкольного образования", „О демократизации красоты" (В. Тихоновича) и неск. др.

Органом, и священным разработке вопросов пролетарской культуры, является двухнедельный журнал Пролеткульта *„Пролетарская Культура"*, издающийся Организационным бюро по созыву Всеросс. конференции пролетарских культ.-просветит. организаций (подп. цена 2 р. 50 к. в мес., адр.: М., Воздвиженка, № 16). Журнал дает много разнообразного и интересного материала. Отметим статьи А. Богданова („Что такое пролетарская поэзия", „Наша критика", „Наука и рабочий класс" и др.), А. Луначарского („Пролетариат и искусство"), Н. Ульяновой-Крупской („Идеалы социалистического воспитания") и др.

Целых три журнала, специально посвященных вопросам внешкольного образования, издаются в настоящее время кооперативными организациями. Кооперативным Союзом просветительных организаций Нижегородского края издается под ред. Е. Медынского ежемесячный журнал *„Внешкольное Образование"* (подписная цена на год—16 руб., на полгода— 9 руб., выходит книжками в 4—5 печ. лис.; адр.: Н.-Новгород, Варварская площ., д. Кудрявцева). Журнал уделяет преимущественное внимание разработке вопросов чисто практического характера. В вышедших 4 №№ напечатаны статьи: „Беседы по истории на курсах взрослых" (Н. Ковалевской), „Костромская губ. студия народного театра (опыт планомерной постановки народного театра)" (С. Мошкова), „Ловучая агрономическая и культурно-просветительная выставка" (А. Евдокимова), „Новые правила регистрации культурно-просвет. обществ" (С. Авцентова) и др.

Культурно-просветительным бюро объединенных кооперативов и общественных организаций начал издаваться в Харькове ежемесячный журнал *„Внешкольное Просвещение"* (Харьков, Московская, № 4, кв.18; подп. цена — 10 рубл.). Наконец, в Москве Советом Всероссийских кооперативных съездов совсем недавно выпущен № 1 нового журнала *„Просвещение и Кооперация"*. Выходит непериодически (цена первого №, размером в 36 стр., побивает рекорд всех теперешних расценок: на тощей тетрадке Советом Всероссийских кооперативных съездов поставлена цена 4 рубля).

Из журналов, посвященных не только внешкольному воспитанию, но народному образованию вообще, в Москве Комиссариатом по Просвещению издаются: настоящий ежемесячник, в котором пишутся эти строки,—*„Народное Просвещение"* и еженедельник того же названия (*„Народное Просвещение"*, подп. цена на 1 мес.—2 р. 50 к., адр.: М., Остоженка, 53). Кроме того, в ближайшее время начинает выходить специальный журнал по статистике народного образования: „Ежемесячник статистики народного образования", издающийся статистическим Отделом Народного Комиссариата по Просвещению (адр.: Остоженка, 53, ком. 94; подп. цена—15 руб. на полгода).

В Петрограде давно уже вышел первый номер „Вестника Народного Просвещения Союза Коммун Северной области"(П., Чернышова пл. № 2; подписн. цена—30 руб. в год). Дальнейшие номера, повидимому, не выходили в свет.

Вопросам культурно-просветительной деятельности на железных дорогах посвящен орган „Цепуткульта" (Центральный Совет культурно-просветительных железно-дорожных организаций) „Знание—сила" (М., Петровские линии, гост. *Элит*), представляющий нередко специальный интерес. В вышедших номерах есть статьи о профессиональном образовании и трудовой школе, ст. „Народ и искусство", „Карл Маркс, как ученый и педагог" (В. Жаворонков) и др. Высшей школе посвящен издающийся университетом Шанявского двухнедельник —журнал „Высшая Школа" (с января 1919 года; подписная цена на 2 месяца—8 р., на 1 мес.—4 руб.; адр.: М., Ул. 19 февр., университет Шанявского). Довольно регулярно выходит „Вестник Нижегор. Университета"; последний 7-й номер весь посвящен И. П. Кулибину— по случаю 100-летия со дня его смерти. Все старые органы университетов и других высших школ прикончили свое существование и в настоящее время не выходят. Не выходит также и почти все ежемесячные педагогические журналы —„Русская Школа", „Вестник Воспитания", „Педагогический Сборник" и др. журн. „Свободное Воспитание" И. И. Горбунова-Посадова после некоторого перерыва начал выходить по несколько расширенной программе под заглавием „Свободное воспитание и свободная трудовая школа" (подп. цена на №№ 8 и 12 за 1918 г.—10 р., на 1919 г.—25 р.; адр.: М. Царицынская площ., Трубецкой пер., № 8). До последнего времени выходили возникшие в 1918 году два больших педагогических журнала: „Педагогическая Мысль" в Петрограде и „Новая Школа" в Москве, объединяющие преимущественно несоциалистические педагогические круги. Почти исключительно информационный материал дает небольшой журнал О. Смиронова „Народный Учитель", продолжающий еще существовать, но выходящий, впрочем, довольно нерегулярно. После полугодичного перерыва вновь начинает выходить, вступая в 5-й год существования, содержательный журнал „Родной язык в школе" (адр.; М., М. Лубянка, № 5). Заслуживает еще быть отмеченным интересно задуманный журнал „Игра" — непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры (адр.: Издание Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению; Петроград, Дворцовая набер., № 30; цена № 1-го 2 руб. 50 коп.) Остается еще сказать о провинциальных начинаниях. Нам уже известен целый ряд их, но, конечно, действительное число таких журналов гораздо больше того: так трудно сейчас быть вполне точно осведомленным о том, что делается в провинции [1]). Осинским уездным С. К. Р. и С. Д. издаются „Бюллетени Отдела Народного Образования" (в виде вкладного листа к местным „Известиям"). Рязанским губернским Отделом народного образования издается журнал „Просвещение" (подписн. цена на первое полугодие 1919 года—25 рубл.). В Самаре начал выходить с декабря двухнедельный орган губернского Отдела народного образования „Пролетариат и Просвещение". В Вологде издавался журнал „Народное Образование". В Вольске—„Вестник Вольского Отдела Народного Образования". Довольно много интересного материала дают иногда „Известия" Комиссариатов — наприм.: „Известия Олонецкого Губернского Комиссариата" и др.

Как можно видеть из вышеприведенного краткого перечня журнальной литературы по народному образованию, мы не так бедны ею, как это может показаться на первый взгляд и как имеют склонность утверждать некоторые недоброжелатели советской власти.

Приходится констатировать несомненное оживление в этой области, особенно в области внешкольного образования, где издается уже целый ряд журналов (дореволюционная Россия, как известно, совершенно не знала специальных журналов по вышеуказанному образованию).

Остается только пожелать, чтобы вновь нарождающиеся органы скорее стали прочно на ноги и скорее поставили свою работу так, как того требуют вопросы новой жизни и исключительность переживаемого времени.

И.

---

[1]) Редакция „Народное Просвещение" убедительно просит тов. на местах поддерживать регулярный обмен изданиями.

IV. Действия и распоряжения Правительства.

Список декретов Народного Комиссариата по Просвещению по 1-ое января 1919 года.

I.

Об учреждении Государственной Комиссии и Народного Комиссариата по Просвещению.

1) Об учреждении Государственной Комиссии по Просвещению.
Собр. Узак. № 3 от 8 декабря, ст. 32. Распубликовано 12-го ноября 1917 года.
2) О роспуске Петроградского Комитета по народному образованию
Собр. Узак. № 3, ст. 44. Распубликовано в № 16 „Газеты Врем. Раб. и Крест. Правит." от 23/XI—17 г.
3) Об организации дела народного образования в Российской республике.
Собр. Узак. № 46, ст. 551. Распубликовано в № 130 „Известий" от 26/VI—18 г.
4) О реорганизации Комиссариата Просвещения.
„Известия" № 130 от 25/VI—18 г.
5) Об образовании Отдела Народного Просвещения М. С. Р. и К. Д.
„Известия" № 102 от 23/V—18 г.

II.

Постановления и распоряжения по Народному Комиссариату Просвещения.

1) О переходе Книжной Палаты в ведение Нар. Ком. Просвещения.
Собр. Узак № 6, ст. 104. Распубликовано в № 21 „Газеты Времен. Раб. и Кр. Правит." от 30 XI—17 г.
2) О передаче межевой части Министерства Юстиции в ведение Нар. Ком. Земледелия, эмеритальной кассы—в ведение Нар. Ком. Просвещения, Константиновского Межевого института и всех землемерных училищ — в ведение Нар. Ком. Просвещения.
Собр. Узак. № 8, ст. 115. Распубликовано в № 31 „Газеты Времен. Раб. и Кр. Правит." от 13/XII—17 г.
3) Об объединении деятельности Народных Комиссариатов по просвещению и по имуществам республики.
Собр. Узак. № 10, ст. 157. Распубликовано в № 36 „Газеты Врем. Раб. и Кр. Правит." от 21/XII—17 г.
4) О предоставлении всех зданий и помещений низших, средних и высших учебных заведений и благотворительных обществ во время, свободное от занятий, для культурно-просветительных целей.
Собр. Узак. № 12, ст. 172. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 38 от 21/XII—17 г.
5) О введении нового правописания.
Собр. Узак. № 12, ст. 176. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 40 от 23/XII—17 г.
6) Об образовании новых Отделов при Нар. Ком. по Просвещению.
Собр. Узак. № 12, ст. 183. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 4 от 24/XII—17 г.
7) Об упразднении Рижского окружного учебного округа.
Собр. Узак. № 15, ст. 214. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 5 от 9/I—18 г.
8) Об упразднении Виленского учебного округа.
Собр. Узак. № 15, ст. 224. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 6 от 20/I—18 г.
9) Об упразднении должностей директоров, инспекторов нар. учил. и губерн. дирекции и инспекции.
Собр. Узак. № 17, ст. 251. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 14 от 21/I—18 г.
10) Об упразднении попечителей учебн. округ. и их помощников, главн. и окружн. инспекторов, состоящих при них секретарей и помощников секретарей, а равно попечит. совет. и канцелярий при учебн. окр.
Собр. Узак. № 17, ст. 259. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 14 от 21/I—18 г.

11) О передаче Педагогического музея военно-учебн. заведений в ведение Нар. Ком. Просвещения.
Собр. Узак. № 19, ст. 286. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 17 от 25/I—18 г.
12) Об упразднении Петроградск. музея прикладн. знаний.
Собр. Узак. № 24, ст. 337. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." от 17/I—18 г.
13) Об учреждении центрального Педагогического музея.
Собр. Узак. № 24, ст. 338. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 26 от 17/II—18 г.
14) Об отмене форм и учебных знаков всех учебных заведений.
Собр. Узак. № 28, ст. 361. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 29 от 21/II—18 г.
15) О передаче всех учебных заведений в ведение Наркомпроса.
Собр. Узак. № 28, ст. 367. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит." № 31 от 23/II—18 г.
16) О введении обязательного совместного обучения.
Собр. Узак. № 38, ст. 499. „Известия Ц. И. К." № 109 от 31/VI—18 г.
17) О передаче в ведение Нар. Комиссариата Просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств.
Собр. Узак. № 40, ст. 514. „Известия" № 1 от 8/VI—18 г.
18) О реорганизации и централизации архивного дела.
Собр. Узак. № 40, ст. 514. „Известия" № 118 от 8/VI—18 г.
19) О представлении проекта смет на полугодие 1 июля—31 декабря 1918 года всеми лицами и учреждениями, подведомственными Нар. Комиссариату по Просвещению.
„Известия" № 118 от 11/VI—18 г.
20) Об упразднении Московского учебного округа.
Постановление Большой Государственной Комиссии по Просвещению. „Известия" № 140 от 7/VII—18 г.
21) Инструкция проведения в жизнь декрета о переходе всех учебн. заведений в ведение Нар. Ком. Просвещ.
„Известия" № 142 от 9/VII—18 г.
22) Приказ всем учебным заведениям бывш. ведомства Госуд. призрения о представлении смет.
„Известия" № 150 от 13/VII—18 г.
23) О ликвидации Московск. учебного округа.
„Известия" № 152 от 20/VII—18 г.
24) Об обязанности представления смет как по расходам, так и по доходам учреждений Нар. Комиссариата Просвещения с приложением объяснительной записки.
„Известия" № 166 от 6/VIII—18 г.
25) Об обязанности представления смет как по расходам, так и по доходам учреждений Нар. Ком. по Просвещению.
„Известия" № 173 от 14/VIII—18 г.
26) О представлении сведений в Организационный Отдел Нар. Ком. Просвещения о необходимом количестве бланков ассигновок, прямых, авансовых, оборотных.
„Известия" № 185 от 28/VIII—18 г.
27) О введении новой орфографии.
Собр. Узак. № 74, ст. 804. „Известия" № 223 от 13/X—18 г.
28) Постановление Нар. Ком. по Просвещению о школах национальных меньшинств.
„Известия" № 238 от 31/X—18 г.
29) О представлении описи движимого и недвижимого имущества, составленной на 1 сентября, учреждениями, подведомственными Наркомпросу.
„Известия" № 210 от 27/IX—18 г.
30) О въезде учащихся в Москву.
„Известия" № 213 от 2/X—18 г.
31) О порядке заказов и отпусков товаров, материалов промышленным, ремесленным и профессиональным училищам.
„Известия" № 228 от 19/X—18 г.
32) О переходе учебн. заведений ведомства Комиссариата Торговли и Промышленности в ведение Комиссариата Просвещения.
„Известия" № 241 от 3/XI—18 г.
33) Постановление Коллегии Комиссариата Просвещения о предоставлении смет на первое полугодие 1919 г.
„Известия" № 249 от 15/XI—18 г.
34) Поправка к опубликованным:
а) в № 138 Постановлению Коллегии Н. К. П. о школах национальных меньшинств.
б) в № 246 Постановлению Коллегии Н. К. П. Отдел. Единой Школы и Реформы Школы Н. К. П.
„Известия Ц. И. К." № 252 от 19/XI—1918 года.
35) О школьных зданиях и помещениях от Междуведомственного подотдела Наркомпроса.
„Известия" № 255 от 22/XI—18 г.
36) Об освобождении школьных работников от призыва в количестве 50%, прослуживших не менее года.
„Вечерние Известия" № 129 от 21/XII—1918 года.
37) Всем губернским и уездным Отделам народного образования о немедлен.

ной организации годичных курсов (педагогических).
„Известия“ № 288 от 31/XII—18 г.
38) Об освобождении от реквизиции помещений Наркомпроса.
„Известия“ № 139 от 6/VII—18 г.

III.

Постановления и распоряжения по Отделу переходящих учебных заведений.

1) Об отпуске переходящ. учебн. заведениям в ведение Наркомпроса различных видов довольствия.
Собр. Узак. № 48 от 4/VII, ст. 570. „Известия“ № 136 от 3/VII—18 г.
2) О переходящих учебных заведениях.
„Известия“ № 152 от 12/VII—18 г.
3) Об обратном приеме воспитанниц московских институтов, находящихся в данное время в провинции.
„Известия“ № 157 от 26/VII—18 г.
4) Переход училищ в ведение Нар. Ком. Просвещения.
„Известия“ № 259 от 9/X—18 г.

IV.

Постановления и распоряжения по высшей школе.

1) О присвоении звания лекаря зауряд-врачам, имеющим 9 и 10 полных семестров и не менее года практики.
Собр. Узак. № 28, ст. 365. „Известия“ от 28/II—18 г.
2) Об упразднении Нижегородского политехнического института.
Собр. Узак. № 47, ст. 557. Распубликовано 29/VI—18 г.
3) О назначении комиссаром Лазаревского института тов. П. Макинциан.
„Известия“ № 130 от 26/VI—18 г.
4) О правилах приема в высшее учебное заведение.
Собр. Узак. № 57, ст. 631. „Известия“ № 166 от 6/VIII—18 г.
5) О Социалистической Академии общественных наук (Положение).
Собр. Узак. № 49, ст. 573. „Известия“ № 145 от 12/VII—18 г.
6) О принятии экстренных мер к увеличению числа вакансий в высших учебн. заведениях и о приеме в эти заведения на первое место лиц из среды пролетариата и крестьянства.
„Известия“ № 166 от 6/VIII—18 г.
7) Об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института.
Собр. Узак. № 58, ст. 645. „Известия“ № 172 от 13/VIII—18 г.
8) О задачах и программах института физической культуры и условиях приема в институт.
„Известия“ № 182 от 24/VIII—18 г.
9) Об учреждении Московской горной академии.
Собр. Узак. № 65, ст. 716. „Известия“ № 196 от 11/IX—18 г.
10) Об учреждении высшего института фотографии и фототехники.
Собр. Узак. № 66, ст. 724. Распубликовано 14/IX—18 г.
11) Положение о Московской горной академии.
Собр. Узак. № 67, ст. 130. „Известия“ № 200 от 15/IX—18 г.
12) Об условиях приема учащихся высш. учебн. заведен. в 1918 — 1919 учебном году.
Собр. Узак. № 71, ст. 771. „Известия“ № 210 от 27/IX—18 г.
13) О порядке перехода студентов из одного высш. учебн. заведения в другое.
Собр. Узак. № 71, ст. 770. „Известия“ от 27/IX—18 г.
14) О реформе зубоврачебного образования.
Собр. Узак. № 71, ст. 777. „Известия“ № 212 от 1/X—18 г.
15) О реорганизации Лазаревского института.
„Известия“ № 217 от 6/X—18 г.
16) О продлении срока подачи прошений в высш. учебн. зав.
„Известия“ № 219 от 9/X—18 г.
17) О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высш. учебн. завед. Р. С. Ф. С. Р.
Собр. Узак. № 722, ст. 789. „Известия“ № 219 от 9/X—18 г.
18) О прохождении курсов и практических занятиях в высш. учебн. завед. Р. С. Ф. С. Р.
Собр. Узак. № 73, ст. 800. „Известия“ № 221 от 11/X—18 г.
19) О праве поступления школьных фельдшеров на 3-й семестр реорганизованных зубоврачебных школ.
„Известия“ № 233 от 25/X—18 г.
20) Положение о всероссийских конкурсах на замещение кафедр высш. учебн. завед. Рос. республики.
„Известия“ № 238 от 13/X—18 г.
21) О порядке допущения студентов высших учебных заведений к практическим занятиям и о продолжении срока подачи прошений для зачисления в студенты.
„Известия“ № 247 от 13/XI—18 г.
22) Постановление Народного Комиссариата по Просвещению об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высш. учебн. завед. Р. С. Ф. С. Р.
„Известия“ № 259 от 27/XI—18 г.

V.

О школьной санитарии.

1) О горячих завтраках в школах.
Пост. Ц. И. К. „Известия“ № 166 от 6/VIII—18 г.
2) О принятии мер в школах при появлении холеры.
„Известия“ № 169 от 9/VIII—18 г.
3) О холере.
„Известия“ № 169 от 9/VIII—18 г.
4) О взятии на учет манной крупы, какао и шоколада и распределении их между детьми по карточкам.
„Известия“ № 173 от 14/VIII—18 г.
5) Об усилении детского питания (Постановление Совнаркома).
Собр. Узак. № 68, ст. 732. „Известия“ № 201 от 17/IX—18 г.
6) О школьной санитарии.
Собр. Узак. № 69, ст. 745. Распубликовано 20/IX—18 г.
7) Циркуляр об усиленном детском питании.
„Известия“ № 235 от 27/X—18 г.

VI.

Об учителях и нормах оплаты учительского труда.

1) Об ассигновании 12.520.000 руб. для выдачи единовременных пособий народным учителям.
Собр. Узак. № 13, ст. 194. „Известия“ от 3/I—18 г.
2) О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей.
Постановление Госуд. Комис. по Просвещению от 27/II—18 г.
3) Инструкция о выборах на учебные и научно-административные должности в школах.
17/VI—1918 г. утверждена Государственной Комиссией. „Известия“ № 126 от 21/VI—18 г.
4) О нормах оплаты учительского труда.
Собр. Узак. № 47, ст. 552. „Известия“ № 130 от 26/VI—18 г.
5) О пенсионной кассе народных учителей и учительниц.
Постан. Коллегии Н. К. П. „Известия“ № 152 от 26/VI—18 г.
6) О штатном расписании по оплате учительского труда для учительских семинарий с 1-го марта по 1-ое июля.
„Известия“ № 159 от 28/VII—18 г.
7) О применении декрета Совнаркома от 25 июня о нормах оплаты учительского труда.
„Известия“ № 176 от 17/VII—18 г.
8) О развитии и дополнениях к инструкции о выборах на учебные и учебно-административные должности в школах.
„Известия“ № 140 от 7/VII—18 г.
9) Положение об оплате труда школьных работников Единой Трудовой Школы.
„Известия“ № 239 от 1/XI—18 г.

VII.

Постановления и распоряжения по Единой Школе.

1) О реформе средней школы.
Собр. Узак. № 5 ст. 75. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит.“, № 21 от 30/XI—17 г.
2) О праве воспитанников средней школы принимать участие в выборах.
„Известия“ № 240 от 30/XI—17 г.
3) О свободе союзов и собраний учащихся.
„Известия“ № 240 от 30/XI—18 г.
4) Об уничтожении денежных отчислений, производимых низшими и средними учебными заведениями в центральное и окружное управление бывшего Министерства Народного Просвещения.
Собр. Узак. № 17, ст. 250. Распубликовано 20/I—18 г.
5) О выдаче аттестатов учащимся, принятым в Красную армию.
Постановление Государственной Комиссии по Просвещению от 27/II—18 г.
6) Об отмене отметок.
Собр. Узак. № 38, ст. 501. „Известия“ № 109 от 31/V—18 г.
7) Об отмене обязательного изучения латинского языка.
Собр. Узак. № 38, ст. 500. „Известия“ № 109 от 31/V—18 г.
8) Об отмене специальных бланков для аттестатов.
„Известия“ № 137 от 4/VII—18 г.
9) Об отсрочке начала учебных занятий до 1-го октября.
„Известия“ № 175 от 16/VIII—18 г.
10) О шестинедельных курсах для подготовки учителей.
„Известия“ № 178 от 20/VIII—18 г.
11) О преподавании гигиены.
„Известия“ № 181 от 23/VIII—18 г.
12) Временное Положение об учительских семинариях.
Утверждено Государственной Комиссией по Просвещению от 5/X—18 г.

13) Положение об Единой Трудовой Школе.
Собр. Узак. № 74, ст. 372. „Известия“ № 225 от 16/X—18 г.
14) О преобразовании всех учебных заведений, носящих технический, промышленный и профессиональный характер.
„Известия“ № 237 от 30/X—18 г.
15) Разъяснение о том, что сельскохозяйственные школы преобразованию в Единую Трудовую Школу не подлежат до особого распоряжения.
„Известия“ № 242 от 5/XI—18 г.
16) Как коллективу создать трудовую школу.
Постановление Коллегий Отделов Единой Школы и Реформы Школы. Распубликовано в „Известиях“ № 246 от 12/XI—18 г.

VIII.

Постановления Отдела народного образования М. С. Р. Д.

1) Об обязанности учебных заведений представления документов на право владения недвижимостью, капиталами и %%% бумагами.
„Известия“ № 149 от 17/VII—18 г.
2) Разъяснение о порядке уплаты учащим разницы между оплатой труда, существовавшей в обществ. частных б. средних учебных заведениях, и новыми ставками, установленными С. Н. К.
„Известия“ № 173 от 14/VIII—18 г.
3) О проведении в жизнь начала Единой Трудовой Школы.
„Известия“ № 201 от 17/IX—18 г.
4) О нормах по отношению к педагогам при реорганизации московских школ.
„Известия“ № 206 от 22/IX—18 г.
5) О школьных советах.
От Отдела народного образования. „Известия“ № 211 от 29/XI—18 г.
6) О роспуске педагогических советов гимназий Фишер, Констан, Адольф, Самгиной, Потоцкой, реального училища Анастасьева и Махаева, Поливанова, торг. школы Поливанова и товарищества педагогов.
„Известия“ № 212 от 1/X—18 г.
7) Дополнительное разъяснение о советских школах I и II ступени.
„Известия“ № 225 от 16/X—18 г.
8) О форме штемпеля и печати.
„Известия“ № 232 от 24/X—18 г.
9) Положение об управлении Единой Трудовой Школой 2-ой ступени г. Москвы.
„Вечерние Известия“ № 126 от 18/XII—18 г.
10) О переизбрании школьных врачей.
„Вечерние Известия“ № 134 от 27/XII—18 г.

IX.

О внешкольном и дошкольном образовании.

1) О значении дошкольного воспитания.
„Известия“ № 256 от 20/XII—17 г.
2) О передаче музея прикладных знаний в ведение Отдела внешкольного образования.
Собр. Узак. № 17, ст. 260. „Газета Врем. Раб. и Крестьянск. Правит.“ № 14 от 21/I—18 г.

X.

Об охране памятников искусства и старины.

1) О приеме и описи дворцового имущества Петрограда, Царского Села, Гатчины и Петергофа.
„Известия“ № 219 от 8/XI—17 г.
2) О передаче трофеев украинскому народу.
Собр. Узак. № 5, ст. 76. Распубликовано 1-го декабря 1917 г.
3) О выдаче Краевому мусульманскому съезду Священного Корана Османа.
Собр. Узак. № 6, ст. 103. Распубликовано 10-го декабря 1917 г.
4) Об управлении имущества дворцов.
„Известия“ № 259 от 23/XII—17 г.
5) Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу.
Собр. Узак. № 17, ст. 244. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит.“ № 12 от 19/I—18 г.
6) О возвращении польскому трудовому народу эвакуированного из Польши культурного, научного и исторического достояния.
Собр. Узак. № 45, ст. 543. „Известия“ № 125 от 20/VI—18 г.
7) О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины.
Собр. Узак. № 69, ст. 751. „Известия“ № 207 от 24/IX—18 г.
8) О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений.
Собр. Узак. № 73, ст. 794. Распубликовано 10/X—18 г.
9) Об обязанности магазинов, комиссионерских контор и отдельных лиц, производящих торговлю предметами искусства и старины, зарегистрироваться в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса.
„Известия“ № 223 от 13/X—18 г.
10) О регистрации памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений.
Собр. Узак. № 78, ст. 794. „Известия“ № 225 от 16/X—18 г.
11) О постановке памятников борцам революционерам и писателям в гор. Москве.
„Известия“ № 228 от 19/X—18 г.
12) О регистрации учреждений и лиц, имеющих монументальные и вещевые памятники искусства и старины.
„Вечерние Известия“ № 127 от 19/XII—18 г.

XI.

Постановления и распоряжения по Отделу изобразительных искусств.

1) Об упразднении Академии художеств, реорганизации Высш. художеств. училища и передаче в ведение Наркомпроса Академии художеств.
Собр. Узак. № 31. „Известия“ № 74 от 14/IV—18 г.
2) Об образовании комиссий по произведениям современных художников и постановке художественного образования в средней школе.
„Известия“ № 110 от 1/VI—18 г.
3) Об ассигновании одного миллиона рублей на сооружение памятника Карлу Марксу.
Собр. Узак. № 39, ст. 508. Распубликовано 5/VI—18 г.
4) О национализации Третьяковской галлереи.
Собр. Узак. № 39, ст. 511. „Известия“ № 114 от 6/VI—18 г.
5) Циркуляр во все музеи, библиотеки и другие художественные и научные хранилища Р. С. Ф. С. Р. о передаче польскому народу национального имущества.
„Известия“ № 114 от 6/VI—18 г.
6) О закрытии Моск. художествен. общества.
Собр. Узак. № 50, ст. 580. „Известия“ № 150 от 18/VII—18 г.
7) О постановке в Москве 50 памятников революционным и общественным деятелям в области философии, литературы, наук и искусств.
„Известия“ № 155, от 18/VII—18 г. (докладная записка).
8) Об открытии в помещении Строгановского училища кратких инструкторских курсов изобразит. искусств.
„Известия“ № 158 от 27/VII—18 г.
9) Об утверждении списка памятников великим деятелям социализма, революции и проч. в г. Москве.
„Известия“ № 163 от 2/VIII—18 г.
10) Список лиц, которым предположено поставить монументы в Москве и др. городах Р. С. Ф. С. Р.
„Известия“ № 163, от 2/VIII—18 г.
11) О представлении театрами, коммунальными и государственными, сведений о своем репертуаре в Театрально-Декорационную секцию.
„Известия“ № 193 от 7/IX—18 г.
12) Инструкция приема учащихся в свободные государственные художественные мастерские.
„Известия“ № 193 от 7/IX—18 г.
13) Инструкция выборов руководителей свободных государственных художественных мастерских.
„Известия“ № 193 от 7/IX—18 г.
14) О переименовании Строгановского училища в Свободную государственную художественную мастерскую.
„Известия“ 193 от 7/IX—18 г.
15) О национализации художественной галлереи Щукина.
„Известия“ № 242 от 5/XI—18 г.

XII.

Постановления и распоряжения по Музыкальному Отделу.

1) О переходе Петроградской и Московской консерваторий в ведение Наркомпроса.
„Известия“ № 150 от 18/VII—18 г.
2) О доступе народных учителей в специальн. музык. учебн. заведен.
„Известия“ № 195 от 10/IX—18 г.
3) О регистрации музыкальных учреждений.
„Известия“ № 208 от 25/IX—18 г.
4) Об учете инвентаря музыкальн. учреждений.
„Известия“ № 208 от 25/IX—18 г.
5) О национализации нотных и музыкальных магазинов, складов, нотопечатен и нотоизданий.
„Известия“ № 288 от 31/XII—18 г.

XIII.

Постановления и распоряжения по Театральному Отделу.

1) О временном самоуправлении Петроградск. госуд. театров.
„Известия“ № 262 от 29/XII—17 г.
2) Об учреждении Моск. Театрального Отдела.
„Известия“ № 166 от 6/VIII—18 г.

3) Положение о Театральном Отд. Наркомпроса.
„Известия“ № 166 от 6/VIII—18 г.
4) О центральном Театральном Отделе Наркомпроса.
Собр. Узак. № 68, ст. 740. Распубликовано 19/IX—18 г.
5) О воспрещении вывоза театрального имущества из Москвы.
„Известия“ № 229 от 20/X—18 г.

XIV.

Постановления и распоряжения по Кинематографическому комитету.

1) О запрещении некоторых кино-лент.
„Известия“ № 176 от 17/VIII—18 г.
2) О конкурсе инсценировок произведений И. С. Тургенева.
„Известия“ № 176 от 17/VIII—18 г.
3) Обязательное постановление Кинематографического комитета Н. К. П. о воспрещении продажи, покупки и передачи кинематографических картин, негативов и кинематографических пленок.
„Известия“ № 242 от 5/XI—18 г.
4) Обязательное постановление Кинематографического комитета Н. К. П. об учете фото и кино-театров, предприятий, лабораторий, мастерских, магазинов и складов.
„Вечерние Известия“ № 110 от 28/XI—18 г.

XV.

О Государственном издательстве.

1) О Государственном издательстве.
Собр. Узак. № 14, ст. 201. Распубликовано 4/I—18 г.
2) Об издании сочинений русских писателей.
„Газета Врем. Раб. и Крест. Правит.“ от 19/XII—17 г.
3) О предоставлении права Литературно-Издательскому Отделу Наркомпроса реквизиции переводов монополизированных государством авторов.
„Известия“ от 26/III—18 г.

XVI.

О книжной торговле.

1) О выяснении состояния книжного рынка, учебников и учебных пособий.
„Известия“ № 142 от 9/VII—18 г.
2) Об общем учете учебников и учебных пособий.
„Известия“ № 208 от 19/IX—18 г.
3) О муниципализации книгоиздательств и книжной торговли (Постановление М. С. Р. Д.).
„Известия“ № 233 от 25/X—18 г.
4) Об обязанности владельцев частных книжных складов, магазинов, лавок, библиотек общественного пользования в Москве сообщать свой адрес Отделу изд. и книжной торговли М. С. Р. и К. Д.
„Известия“ № 234 от 26/X—18 г.
5) Обязательное постановление Отдела изд. и книжной торговли М. С. Р. Д.
„Известия“ № 235 от 27/X—18 г.

XVII.

Постановления и распоряжения по Отделу библиотек.

1) Об охране библиотек и книгохранилищ.
Собр. Узак. № 52, ст. 592. „Известия“ №153 от 21/VII—18 г.
2) О проекте декрета о библиотечном справочном бюро.
„Известия“ № 163 от 2/VIII—18 г.
3) О недопустимости реквизиций обществ. и частных библиотек отдельными лицами и учреждениями вне контроля Библиотечного Отдела Наркомпроса.
„Известия“ № 195 от 10/IX—18 г.
4) Об обязанности бывш. владельцев, служащих и сотрудников библиотек общественного пользования явиться для регистрации в Библиотечную секцию Отд. Нар. Просвещения М. С. Р. и К. Д.
„Известия“ № 235 от 27/X—18 г.

Приложение.

Воззвания и обращения Государственной Комиссии и Народного Комиссариата по Просвещению.

1) О народном просвещении.
Собр. Узак. № 2, ст. 16. „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит.“ № 3 от 1/XI—17 г.
2) О недопустимой травле некоторыми представителями средн. учебн. заведений по отношению своих коллег.
„Известия“ № 221 от 10/XI—17 г.
3) Ко всем учащим.
Собр. Узак. № 5 „Газета Врем. Раб. и Крест. Правит.“ от 15/XI—17 г.
4) К учащимся.
„Газета Врем. Раб. и Крест. Правит.“ № 22 от 15/XI—17 г.
5) К товарищам-учителям.
„Известия“ № 233 от 23/XI—17 г.
6) От Врачебно-Санитарного Отдела Госуд. Комис. по Народному Просвещению.
„Известия“ № 234 от 24/XI—17 г.

7) От Дошкольного Отдела Госуд. Комиссии по Просвещению.
„Известия“ № 236 от 26/XI—17 г.
8) Об организации бывших чиновников под названием Министерство Народного Просвещения.
„Известия“ № 255 от 19/XII—17 г.
9) О школьной забастовке.
„Известия“ № 256 от 20/XII—17 г.
10) О передаче в ведение Временного бюро Союза Учителей-Интернационалистов делопроизводства пенсионной кассы.
„Известия“ № 258 от 22/XII—17 г.
11) Ученикам 5-го и 2-го Петроградск. реальных училищ.
„Известия“ № 262 от 29/XII—17 г.
12) Об отношении к Всероссийскому Учительскому Союзу.
Постановление Госуд. Комиссии по Просв. „Известия“ № 118 от 2/VI—18 г.
13) О выборе текста для досок в целях монументальной пропаганды.
„Известия“ № 152 от 20/VII—18 г.
14) Докладная записка Моск. Художественной Коллегии при Наркомпросе в Совнаркоме о постановке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусства.
„Известия“ № 155 от 24/VII—18 г.
15) Основные принципы Единой Трудовой Школы.
„Известия“ от 16/X—18 г.

Протокол 10-го заседания Государственной Комиссии по Просвещению

от 11 декабря 1918 г.

Присутствовали: А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, В. М. Познер, Ф. И. Калинин, Л. Г. Шапиро, Д. А. Лазуркина, Н. К. Ульянова, Финкельман, Лебедев-Полянский, Кривцов, Ф. Ленгник, Н. Скаткин, Тер-Оганесов, Петухова, Корсаков, Турук, Левин, А. Кленицкий и Рафес (представители Комиссариата Труда), Туржанский (предст. Комисс. Пут. Сообщ.), Коновалова.

Порядок дня:

1. О смете Народного Комиссариата по Просвещению на 1-ю половину 1919 года.
2. О реформе профессионального образования и о создании междуведомствен. комиссии по професс. образов.

Заседание открывается под председательством А. В. Луначарского.

1. О смете Народного Комиссариата по Просвещению на 1-ю половину 1919 года.

А. В. Луначарский указывает, что настоящая смета составлена при более ненормальных условиях, чем сметы прежние. В настоящее время в связи с общим падением курса рубля самое составление сметы является очень затруднительным. К тому же Комиссариат Финансов назначил слишком короткий срок для составления сметы, и поэтому некоторые Отделы составили весьма спешно свои финансовые предположения.

Переходя к вопросу об оглашении сметы, А. В. Луначарский находит, что чтение всей сметы в целом не является необходимым, и предлагает ограничиться чтением сметы по основным параграфам.

Зачитывая смету в порядке ее параграфов, А. В. Луначарский требует разъяснений и дополнений со стороны некоторых Отделов. В § 7—расходы на содержание Единой Трудовой Школы—А. В. Луначарский не находит цифры ассигнований на 1 и 2 полугодия 1918 года.

По заявлению *В. М. Познера* на текущее полугодие испрошено было 1.474.051.977 р.

В пояснение роста цифр сметных ассигнований А. В. Луначарский указывает на причины общего характера, как падение ценности бумажных денег; с другой стороны, отмечает расширение учреждений по народному образованию рядом новых предприятий, как, напр., большой Отдел социального обеспечения; наконец, обращает внимание на огромный размах в деле просвещения.

При этом А. В. Луначарский поясняет, что Народн. Комиссариат по Просвещению даже сократил сумму в отношении некоторых своих Отделов. Так некоторые Отделы представили на утверждение сумму в 20 раз уменьшенную против предположенной ими. Вместе с этим главнейшие сметы все были обоснованы убедительными соображениями заведующих Отделами.

М. Н. Покровский отмечает большое увеличение состава сотрудников Нар. Комиссариата по Просвещению, а с ним и расходов на содержание. По заявлению М. Н. Покровского, при обсуждении штатов Стола личного состава Комиссариата выяснилось, что число служащих Комиссариата с 1-го сентября за 3 месяца увеличилось с 1.230 до 2.137. В это число не входят Управление архивом, Кинематографический и Театральный Отделы, что в общем составит около 3.000 чело-

век. Для того, чтобы избегнуть в дальнейшем увеличения числа служащих, образована штатная комиссия, которая и должна регулировать прием служащих, и принято постановление, что приглашение того или иного служащего сверх выработанного штата может допускаться только с согласия Коллегии Комиссариата.

А. В. Луначарский указывает, что в смете Нар. Комиссариата по Просвещению в последний раз проходит и бывшая смета бывш. Министерства Двора (бывш. Комисс. Имуществ Республики, а ныне Хозяйственный Отдел при Народном Комиссариате по Просвещению). Кроме того, около 24 миллионов ассигновано на 6 месяцев на Государственные театры. Это—одна из наиболее здоровых сметных статей, так как убыток от Госуд. театров выразился в Москве в размере 700 тысяч рублей и в Петрограде также в размере 700 тысяч. В будущем полугодии убыток может дойти до 2 миллионов в Москве и до 2 миллионов в Петрограде, и все же мы тратим на театры меньше, чем на некоторые канцелярии, тогда как театры имеют колоссальное значение для государства. Есть еще одна статья в смете. Это—издательство, которое поставлено теперь на здоровых началах. Мы будем требовать, чтобы здесь был учрежден оборотный капитал,—тогда расходы будут значительно меньше. Школа в настоящее время лишена какой бы то ни было оплаты. В будущем тот же принцип бесплатности необходимо будет распространить и на театр и на книгу.

Тов. Мицкевич запрашивает, входит ли в смету также и содержание приютов социального обеспечения.

В. М. Познер отвечает, что входит, и полагает, что в основу сметы положен статистический метод, так как не успели получить всех губернских смет. Действовали таким образом: учли все население, учли вероятный прирост населения и на основании этих расчетов построили смету, и поэтому учреждения социального обеспечения покрываются этой сметой.

А. В. Луначарский указывает, что смета Нар. Комисс. по Просвещению имеет целью удовлетворить все школьные надобности советской России. Читать всю смету, разбирая ее по частям, не следовало бы, ибо это будет большая, но бесполезная работа, а потому предлагает занести в протокол такое постановление, что *в виду большой спешности Государственная Комиссия, заслушав параграфы сметы и познакомившись с сметными суммами по сравнению со вторым полугодием 1918 года, смету в общем одобряет.*

Постановление единогласно принимается.

Тов. Макинциан (представитель Отдела национальн. меньшинств) сообщает, что Отдел просвещения национальных меньшинств только что сорганизован и потому не мог представить смету своевременно, и ходатайствует перед Госуд. Комиссией, чтобы из соответствующих Отделов общей сметы производились ассигновки на дело просвещения национальных меньшинств. До сих пор некоторые Отделы в этом отказывали, напр., Издательский Отдел, получивший более 20 миллионов на издательское дело, ничего Отделу не дает, между тем как с мест и в особенности с фронта поступают многочисленные требования на литературу. Отдел просит у Совещания внести корректив, что из суммы, ассигнованной на нужды Народного Комиссариата по Просвещению, также удовлетворяются и просветительные нужды национальных меньшинств каждой отдельной области; с другой стороны, дать возможность представить дополнительную смету и получить необходимые кредиты.

А. В. Луначарский.—Этот вопрос даже не подлежит обсуждению, ибо все просветительные нужды должны быть обслужены, и каждый Отдел должен выделить ту или иную сумму на дело просвещения национальных меньшинств; что же касается права представить дополнительную смету, то это право всегда остается за Отделом национальн. меньшинств, тем более, что здесь имеется формальное основание, так как Отдел только что сорганизован.

Тов. Луначарский предлагает перейти ко второму вопросу, а именно: о реформе профессионального образования и о создании междуведомственной комиссии по профессиональному образованию и предоставляет слово для доклада тов. Ленгнику.

Тов. Ленгник.—Вопрос о существовании профессиональных школ находится в настоящее время в критическом положении. Отдел реформы профессиональ. ного образования, совместно с Отделом Единой Школы, выработал некоторые нормы для урегулирования этого вопроса.

Затем докладчик читает положение о составе и задачах подотделов по профессиональному образованию, образуемых при Отделах по народному образованию губернских Совдепов.

Во время оглашения выяснилось, что

читается первоначальная редакция Положения. Поступило предложение оглашение не продолжать, поручив особому органу детально разработать этот вопрос.

Н. К. Ульянова предлагает поручить обсуждение этого Положения тому органу, о котором говорилось на съезде профессиональных союзов. Сейчас же надлежит заняться вопросом об организации этого органа. Этот орган все равно должен быть сорганизован, и представляется невозможным накануне организации органа, которому надлежит ведать делом профессионального образования, принимать настоящее Положение.

В. М. Познер предлагает закончить чтением Положения и считает необходимым выяснить точку зрения Госуд. Комиссии на дело профессионального образования.

А. В. Луначарский.—Когда мы приступали к чтению Положения, мы еще не были знакомы с ним, теперь же, когда большая часть Положения, хотя бы и не в окончательной редакции, уже оглашена, некоторые члены комиссии находят, что они уже достаточно ознакомились с Положением, и предлагают обсуждение этого Положения не продолжать. Это вполне естественно. Мы можем либо перейти к постатейному чтению, либо передать обсуждение Положения особому органу. Не потому мы хотим передать обсуждение особому органу, что Государственная Комиссия не компетентна разрешить данный вопрос, но, быть может, потому, что то учреждение, которое предлагает нашему вниманию настоящее Положение, не компетентно разрабатывать данный вопрос накануне создания органа, которому специально надлежит ведать вопросом профессионального образования. В настоящее время при каждом Комиссариате имеется Отдел профессионального образования, что создает чрезвычайно хаотическое положение дела профессионального образования. И на съезде) профессионального образования вполне рационально возникла мысль о создании особого органа, который должен объединить в себе все дело профессионального образования. В этом органе должны быть представители от Высш. Совета Народного Хозяйства, от Комиссариата Путей Сообщения, Земледелия, Труда, Народного Образования и представитель профессиональных союзов. И мне представляется крайне неудобным накануне образования органа производить ту работу, ради которой, главным образом, он и создается.

Тов. Ленгник возражает, указывая, что этот орган еще не скоро образуется, а дело профессионального образования так и будет стоять на мертвой точке. Было бы более целесообразно обсудить сейчас Положение и затем передать его, в качестве уже разработанного материала, будущему специальному органу. Такой предварительной работой мы только облегчим работу этого органа.

В. М. Познер заявляет, что он не видит, в чем здесь неудобство. Если мы отложим обсуждение настоящего Положения, то сотня учреждений не будут знать, что им делать.

Тов. Ленгник. — Вопрос о профессиональном образовании стоит слишком остро, и мне не представляется возможным откладывать это дело в долгий ящик, тем более, что профессиональное образование является чрезвычайно важным для дела народного хозяйства.

Тов. Туржанский (представитель Комисс. Путей Сообщения) считает, что особенно заинтересованным в деле профессионального образования является Комиссариат Путей Сообщения. Нужны технические агенты - специалисты для постановки на правильную ногу дела эксплоатации железных дорог. Он соглашается с предложением тов. Ульяновой. Он полагает необходимым как можно скорее создать специальный орган и поручить ему в экстренном порядке представить разработанный проект Положения о профессиональном образовании; именно потому, что это дело является чрезвычайно важным, нельзя его решать сгоряча без предварительного всестороннего обсуждения в особом органе.

Н. К. Ульянова.—Ведь здесь предлагается полная реорганизация дела профессион. образования. Обсуждать наскоро такой вопрос чрезвычайно затруднительно, и потому я еще раз поддерживаю свое предложение и предлагаю в недельный срок созвать то совещание, которое займется этим вопросом.

Тов. Фенкельман полагает, что нельзя обсуждать этого вопроса, не выслушав мнения профессиональных союзов.

А. В. Луначарский.—Ставлю на голосование вопрос: приступить ли к обсуждению настоящего Положения, или обсуждать вопрос об образовании упомянутого органа. (Большинством 7 против 2 принято: обсуждение Положения прекратить и приступить к обсуждению вопроса об образовании особого органа).

Н. К. Ульянова.—В прежних профессиональных школах учились только до 16 лет., и такая школа давала сведения узко-специального характера. Внешколь-

ный Отдел смотрит широко на профессиональное образование и хочет поставить его на должную высоту. Новая профессиональная школа должна дать законченное профессиональное образование, хозяина делопроизводства, знакомого с делопроизводством в целом и ролью его в экономическом быту России. Для проведения реформы профессионального образования создается руководящий междуведомственный орган, в состав которого входят 3 представителя от Народного Комиссариата по Просвещению, 3 представителя от Центрального Совета профессиональных союзов; 1 представитель от Совнархоза, по 1 представителю от Комиссариата Труда, Торговли и Промышленности, Путей Сообщения, Земледелия, Социального Обеспечения и Московского Городского Совдепа. Нужно поспешить с устройством и правильной постановкой дела профессионального образования, так как 16 января 1919 года будет съезд профессиональных союзов, и хорошо бы, чтобы к тому времени разработка вопроса была закончена.

А. В. Луначарский предлагает заслушать „Положение о Комитете по профессиональному образованию при Нар. Комиссариате по Просвещению".

Тов. Ленгник оглашает „Положение" (см. приложение).

При обсуждении проекта по пунктам пункт 1-й принимается без возражений.

В пункт 2-й вносятся поправки: увеличивается количество представителей в составе Комитета, а именно, принимается: 4 представителя от Нар. Комиссариата по Просвещению (1—от Отд. Единой Школы, 1—от Высшей), 1—от Внешкольного Отдела, 1 – от профессионального образования; 6 представителей от Центр. Совета профессиональных союзов; 2 представителя от Комиссариата Труда (1—от Биржи Труда, 1—от Комиссариата Труда).

Отклоняется представительство от Московского Губернского Отдела народного образования и от Комиссариата почт и телеграфа.

Пункт 3-й принимается без возражений.

При обсуждении пункта 4-го задается вопрос, будет ли создаваемый Комитет иметь решающее или совещательное значение.

А. В. Луначарский разъясняет, что как и всякий Отдел, ведающий тою или иною отраслью просвещения, Комитет будет иметь в тех же пределах решающее значение. Важнейшие вопросы, имеющие принципиальное значение для Народного Комиссариата по Просвещению, вносятся на утверждение Коллегии Нар. Комиссариата по Просвещению.

Пункт 4-й принимается без изменений.

Тов. Левин напоминает о необходимости поставить на обсуждение вопрос о кворуме Комитета.

А. В. Луначарский предлагает внести в Положение пункт 5-й: „Заседания Комитета считаются действительными при наличности 7 членов его".

Н. К. Ульянова предлагает собрать Комиссию в недельный срок и поручить сделать это Отделу по реформе профессионального образования и передать проект на рассмотрение вновь созданного органа.

Постановили: **Государственная Комиссия, заслушав Положение о Комитете по профессиональному образованию при Народном Комиссариате по Просвещению** (см. приложение), **предлагает товарищу Ленгнику в течение недели созвать первое заседание по созданию Комитета по профессиональному образованию.**

Заседание закрывается в 8 час. 10 мин.

Приложение к Постановлениям Госуд. Комиссии (10 заседание) от 11 декабря 1918 года.

Положение о Комитете по профессиональному образованию при Народном Комиссариате по Просвещению.

1. В целях объединения и координирования мероприятий, касающихся профессионального образования всей страны, учреждается Комитет, который является высшим руководящим органом в деле профессионального образования всех видов и состоит при Народном Комиссариате по Просвещению:

2. *Состав Комитета*:

4 представителя от Наркомпроса: Отд. профессион. образования, Единой Школы, Высшей, Внешкольного;
6 представителей Ц. С. професс. союзов;
2 „ от Народн. Комиссариата Труда;
1 „ от Высовнархоза;
по 1 „ от других Комиссариатов: Торговли и Промышленности, Земледелия, Путей Сообщения.
1 представитель от Отдела народн. образов. Московск. Совдепа.

Вышеперечисленные представители избираются соответствующими учреждениями сроком на ½ года.

3. В круг ведения Комитета входит:

а) составление общего плана развития профессион. образования;

б) установление примерных типов школ и учреждений профессионального характера;

в) согласование потребностей районов в профессион. образовании с имеющимися для того данными края;

г) рассмотрение общих смет профессиональн. образования страны и отчетов Секции профессиональн. образования;

д) решение вопросов о подведомственности тех или иных учреждений по профессиональн. образованию;

е) рассмотрение особых вопросов, вносимых в Комитет Секцией профессионального образования;

з) объединение и содействие ученотехническому издательству.

4. Постановления Комитета по профессион. образов., имеющие важное принципиальное значение для Н. К. по Пр., вносятся на утверждение Коллегии Народн. Комиссариата по Просвещению.

5. Заседания Комитета считаются действительными при наличии 7 членов его.

Секретарь *Акимов.*

Постановление 10 заседания Государственной Комиссии по Просвещению

11. XII. 18 г. в 4½ ч. дня.

Слушали:

1. О смете Народного Комиссариата по Просвещению на 1-ю половину 1919 года.

2. О реформе профессионального образования и о создании междуведомственной комиссии по профессиональн. образованию.

Постановили:

1. В виду большой спешности в проверке сметы, Государственная Комиссия, заслушав параграфы сметы и познакомившись с сметными суммами по сравнению со вторым полугодием 1918 г., смету в общем одобряет.

2. Государственная Комиссия, заслушав Положение о Комитете по профессион. образованию при Нар. Комиссариате по Просвещению (см. прилож.), предлагает товарищу Ленгнику в течение недели созвать первое заседание по созданию Комитета по профессиональному образованию.

Заместитель секретаря Государственной Комиссии по Просвещению

Н. Скаткин.

Годовой отчет Отдела единой школы.

Считая крайне важным возможно подробную информацию провинции о всех мероприятиях центра, Отдел единой школы Народного Комиссариата по Просвещению предполагает периодически сообщать губернским Отделам народного образования о текущей работе Отдела.

Первым сообщением такого рода является отчет о деятельности Отдела единой школы *за май—ноябрь 1918 года.*

Отчетный период начинается только с 14-го мая, ибо лишь к этому времени относится начало существования Отдела единой школы, возникшего путем слияния Отдела начальной и средней школы Народного Комиссариата по Просвещению. Вопрос о слиянии поднят был впервые на заседании совещательной коллегии по организации средней школы (14/V), где был назначен план организации Отдела и разделение его на подотделы: финансовый, секретариат, инструкторский, личного состава и библиотечный. Результатом этого слияния явилось унаследование тех задач, которые ставились Отделу средней школы, т.-е. быстрая и решительная ликвидация пережитков прошлого и проведение в жизнь мероприятий по созданию новой школы.

Борьба за эту новую школу,—так можно формулировать задачу, которая стала перед новым Отделом. 7 месяцев работа Отдела шла в направлении разрушения школьной рутины, с одной стороны, и строительства новой школы – с другой. Плодом этой работы явилось Положение о Единой Трудовой Школе, разработанное при ближайшем участии руководителей Отдела и принятое Всероссийским съездом по просвещению.

Школьная революция, открывшая простор для развития и творчества пролетариата, встретила горячий отклик сочувствия в среде рабочих масс, и теперь, подводя итог деятельности Отдела за истекшие 7 месяцев, приходится сказать, что перед ним стоит все та же задача—пойти навстречу пробудившейся жажде знания и претворить в жизнь всеобщее обязательное бесплатное обучение в Единой Трудовой Социалистической Школе.

К I/XII Отдел единой школы вместо намеченных пяти имеет 10 подотделов: школьно-инструкторский, школьно-трудовой, наглядных пособий, школьно-библиотечный, всеобщего обучения, личного состава, летней трудовой школы, социального воспитания, сметно-финансовый и секретариат. К перечисленным

подотделам надо прибавить возникающий школьно-санитарный подотдел и уже существующий при Отделе единой школы Институт инструкторов физического труда. В течение короткого времени при Отделе единой школы был еще информационно-справочный или юридический подотдел.

Руководство Отделом единой школы принадлежит коллегии в составе двух членов по назначению Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению.

Всего за отчетное время коллегия единой школы имела 160 заседаний (первые шесть назывались заседаниями совещательной коллегии по организации средней школы). Коллегией рассмотрено 422 вопроса; из них наиболее существенных 59 (см. приложение № 1).

I. *Школьно-инструкторский* подотдел (существует с 1-го апреля) является органом связи с провинцией.

Деятельность Отдела распадается на два периода. Основная задача 1-го периода,—до 15-го сентября, когда школьно-инструкторский подотдел был *самостоятельным административно-инструкторским Отделом, а потом вошел в состав Отдела школьной политики*,—заключалась в организации органов управления по народному образованию на местах. Мероприятия Отдела за это время: информирование центра о положении дела народного образования на местах, инструктирование местных органов о практических мерах по использованию старого аппарата и налаживание новых органов по народному образованию, пропаганда идей новой школы среди учительства.

Для проведения в жизнь этих мероприятий в конце мая организованы были курсы для подготовки инструкторов-организаторов Советов и Отделов народного образования. Окончившие курсы инструктора получали командировки в различные губернии Республики.

С 15-го сентября инструкторский подотдел работает уже *как часть Отдела единой школы* (под названием Школьно-инструкторского).

Основная задача этого периода—проведение в жизнь принципов трудовой школы:

1) При подотделе образована комиссия педагогов, инструктирующая по всем вопросам школьной реформы.

2) Наиболеее важная работа за это время—*организация курсов для ускоренной подготовки школьных инструкторов.*

Курсы открылись 25/XI. Сейчас насчитывается 200 чел. курсантов, делегированных Отделами народного образования, и вольнослушателей.

Подотдел принял близкое участие в курсах, организованных школьно-трудовым подотделом.

Особенное внимание было обращено на политическую организацию слушателей; им же была организована на курсах выставка книг по трудовой школе.

Благодаря постоянной связи с провинцией, в распоряжении Отдела имеется весьма ценный материал, рисующий положение дела народного образования на местах.

II. *Школьно-трудовой* подотдел (возник I/VII) занят разработкой вопросов, связанных с постановкой трудовых процессов в школе.

Подотделом выполнены следующие задания:

1. Разработан проект Положения о трудовых процессах в школе.

2. Организованы курсы по подготовке инструкторов по трудовым процессам (с 3/IX по 15/X).

3. Разработан, принят и разослан по Отделам народного образования проект учебного плана и сметы подобных же краткосрочных курсов в провинции.

4. Разработаны примерные списки оборудования школ инвентарем по обработке дерева, металла, переплетного дела, портняжного, сапожного, сельского хозяйства, прядильно-ткацкого.

5. Приступлено к учету рынка материалов для трудовых процессов.

6. Сделаны сношения с В. С. Н. Х. о предоставлении Отделу единой школы орудий, инструментов и материалов для оборудования трудовых школ на сумму до одного (1) миллиона рублей.

7. Организуется центральный склад материалов и орудий для трудовых процессов в Москве.

8. Сделаны заказы мастерским учебных пособий Нижегородского Отдела народного образования на массовое изготовление орудий для трудовых процессов на сумму до 100.000 рублей.

9. Разработано Положение о реформе ремесленных училищ и классов в трудовой школе.

10. Создан подотдел при Отделе снабжения со специальной задачей по закупке и распределению инструментов.

11. Разработан примерный предварительный список технической популярной литературы по трудовым процессам.

12. Выработана инструкция по составлению сметы на оборудование школ.

III. Работа подотдела *наглядных пособий* с момента его возникновения (в июле) должна была направиться по следующим путям:

1) Оценка наглядных пособий старой школы с точки зрения новой трудовой школы.

2) Выработка новых пособий в духе новой школы.

3) Создание центральных учреждений, как-то: Центральный физический кабинет, Центральный Естественно-исторический кабинет, Центральный Педагогический кабинет, Музей графических искусств и др.

4) Затем временное концентрирование производства наглядных пособий в национализированных предприятиях: „Природа и Школа“, „Сотрудник школ“, „Остеологическая мастерская“ и др.

Для осуществления означенной работы созданы комиссии из лиц, известных педагогическому миру:

1) Физико-техническая комиссия.

2) Естественно-историческая комиссия.

Кроме того, отдельные задания поручаются авторитетным лицам, как-то: проф. А. В. Цингеру, проф. Кожевникову, проф. Иванову, проф. Кречетовичу и др. лицам. Комиссии разбиваются на подкомиссии и отдельные секции.

В настоящее время уже существуют следующие центральные учреждения: *Центральный физический кабинет*, к руководительству и оборудованию которого приглашены: А. В. Цингер, П. А. Симагин, Н. Н. Златовратский, И. Ф. Усагин, П. К. Мейер, Д. Д. Галанин и И. Г. Саркин; *Таксидермическая мастерская* под руководством Ф. Ф. Шиллингера. Центральный физический кабинет будет находиться при Политехническом музее, а в настоящее время временно помещается на Петровке, № 10, и при нем функционирует выставка по физике для 1-й ступени единой школы.

Остальные центральные учреждения в скором времени начнут свое существование при Политехническом же музее.

При подотделе существует *экскурсионное бюро*, которое теоретически разработало экскурсионные вопросы во всероссийском масштабе, и к весне разработанные вопросы будут проведены в жизнь. Вопросы популяризации также являются предметом забот подотдела; разработаны темы для уличных витрин, некоторые из них уже осуществлены и будут осуществляться неуклонно и впредь во всероссийском масштабе.

К этому следует прибавить:

1. Выставку наглядных пособий на Всероссийском съезде по просвещению.

2. Курсы для учителей школы 1-й ступени по технике изготовления наглядных пособий.

3. Подготовительные работы по созданию музея по психологии.

IV. Школьно-библиотечный подотдел (возник 22-го мая) работает в контакте с соответствующими подотделами Отделов реформы школы и Литературно-издательского.

Вот вкратце работа этого подотдела за отчетный период:

1. Устройство показательной школьной библиотеки, которая в настоящее время насчитывает 1404 названия (1732 тома) наиболее ценных школьных пособий.

2. Организована выставка на Всероссийском съезде по просвещению.

3. Составлен ряд указателей по различным дисциплинам.

4. Организовано рецензированье книг по физике, астрономии и метеорологии, математике, истории, детским книгам и др.

5. Разработано (утвержденное коллегией Отдела единой школы) и разослано по Отделам народного образования при губернских Совдепах Положение о центральных и районных школьных библиотеках.

Произведено обследование книжного рынка.

Ассигновано 10.000.000 на организацию центральных библиотек. Разработан план сети этих библиотек.

V. Подотдел всеобщего обучения (возник в начале июня) производит работу по учету школ 1-й и 2-й ступени и решает вопросы, связанные с проведением в жизнь обязательности и всеобщности обучения.

Подотделом исполнено несколько заданий коллегии Отдела единой школы.

Для выяснения того, что сделано советской властью в деле народного образования за время ее существования, подотдел:

1) произвел выборку материалов из смет, представленных губернскими и уездными Отделами народного образования; по этому материалу удалось составить список существующих и проектирующихся школ 1-й ступени 30 губерний республики (см. прилож. № 4);

2) выработал и разослал анкету о числе школ 1-й ступени на 1-е сентября 1917 г. и 1-е сентября 1918 года;

3) разослана другая анкета о численности населения в связи с численностью детей школьного возраста.

Подотделом давались справки: 1) о числе обучающихся в школах республики, 2) о государственных расходах на народ-

ное образование, 3) о числе школьных комплектов, необходимых для обеспечения всем детям начального обучения.

Кроме того, подотделом был представлен в коллегию ряд проектов, докладов и заключений по вопросу о введении всеобщего и обязательного обучения.

Подотдел всеобщего обучения располагает данными о существующих и предполагающихся школьных комплектах в 30 губерниях (см. приложение № 2).

VI. Подотдел личного состава (функционирует с начала июня) возник из существовавших до него отдельных делопроизводств: 1) учащих, 2) учащихся, 3) частных учебных заведений.

Работа шла в направлении разрешения и удовлетворения всех нужд и вопросов, касающихся учащих и учащихся. Здесь сосредоточены все сведения о профессиональном движении учащих, их организаций, о правильной постановке условий труда школьных работников, все декреты и инструкции, касающиеся личного состава, все вопросы, касающиеся отдельных школьных работников, конфликтов с Отделами народного образования и т. д.

В подотделе организовано несколько комиссий для разработки законопроектов.

Закончены работы по следующим законопроектам:

1) Об оплате учительского труда.
2) Об ассигновании добавочных средств по декрету I/XI.
3) О пенсионной кассе.
4) О мобилизации учащих и учащихся.
5) О реэвакуации учебных заведений.

В периоде разработки находятся законопроекты:

1) О количестве школьных работников.
2) Основное положение о правах, обязанностях и условиях труда школьных работников.
3) Инструкция к Положению об оплате труда школьных работников.
4) О распределении учительского труда.

Намечено к разработке:

1) О врачах—школьных работниках.
2) Школа и продовольственный вопрос.
3) О пленных и беженцах.
4) О профессиональном государственном объединении деятелей по народному образованию.
5) Об организации Отдела при Народном Комиссариате по Просвещению, ведающего Отделами народного образования.
6) О снабжении фабрикатами школьных работников в местностях, где введено положение о товарообмене.
7) О пособиях.
8) Об организации домов, клубов школьных работников.
9. Об организации санаторий-колоний для школьных работников.

В контакте с Союзом учителей-интернационалистов разрешен ряд организационных вопросов об объединении школьных работников.

Подотдел имеет громадную переписку. За отчетное время в подотдел поступило 1273 дела.

VII. Подотдел летней трудовой школы возник 20-го июня в виде стола школьно-санитарного Отдела, ведавшего делами летних колоний. Лишь с 16-го июля приходится вести начало самостоятельной работы подотдела.

Подотдел принимал деятельное участие в колонизации школьников и их летней работе в провинции. Для этой цели при подотделе существует небольшой (4—6 чел.) кадр инструкторов-контролеров, которые сейчас заняты систематизацией и теоретической разработкой опыта прошедшего лета и подготовкой планомерной организации летних школ.

Много энергии у подотдела поглощает дело реэвакуации детей петроградского и московского пролетариата.

Этот же подотдел разрабатывает вопрос о школьных клубах, площадках и др.

VIII. Сметно-финансовый подотдел (фактически существует с 5-го июля) является органом финансирования школьных нужд провинции.

В течение июля подотделом ассигновано по губерниям, уездам за 1-е полугодие 1918 года 218.745.084 руб., из них на бывшие средние учебные заведения 23.138.110 руб., по бывшим высшим и низшим начальн. училищам 195.606.974—66. Между I/VIII и I/XII шла параллельная работа по разассигнованию кредитов, отпущенных на 2-ю половину 1918 года; всего ассигновано по смете 1.474.051.977 р.

Разассигновано по местам на открытие новых учебных заведений:

На 1-ю ступень	27.558.000 р.
„ 2-ю „	11.083.000 „
На уплату недополученного учительского жалованья за 1-ю половину 1918 года и за 1917 г. .	91.540.075 „
На организацию горячих завтраков по губерниям .	400.000.000 „
На введение трудовых процессов	100.000.000 „
На выплату школьным работникам разницы между старыми и новыми ставками.	166.279.017 „
Удовлетворено ходатайство отдельных школьных работников о выдаче им недополученного жалованья, пятилеток, разницы между старыми и новыми окладами.	110.000 р.
С начала ноября в подотделе происходила работа по составлению сметы Отдела единой школы на 1-ю половину 1919 г. в размере	5.897.456.046 „

Особой комиссией выработана инструкция губернского Отдела по разассигнованию отпущенных им сумм; инструкция разослана на места.

Недостаток работников в этой области и общая неналаженность финансового аппарата сильно тормозили работу этого подотдела. Только сейчас приступлено к его коренной реорганизации.

IX. Подотдел социального воспитания (возник 15-го октября) ставит своей задачей разработку вопросов социального воспитания и общее заведывание всеми приютами, закрытыми учебными заведениями и интернатами и их реформирование по типу Единой Трудовой Школы.

Подотделом произведена следующая работа:

1) выработаны и разосланы: декларация подотдела и циркуляр об организации подотделом социального воспитания на местах;

2) выработаны основные положения, по которым должно быть построено детское законодательство;

3) выработана программа двухмесячных курсов для подготовки руководителей детскими коммунами и приступлено к организации курсов на 200 чел.;

4) организован орган снабжения;

5) приступлено к организации районной сети показательных детских домов; заканчивается организация коллектора;

6) приняты меры к прекращению уличной спекуляции и торговле детей в Москве;

7. выработаны: 1) опросный лист для поступающего в коллектор ребенка; 2) анкетный лист и план наблюдения и исследования ребенка педагогического, психологического и медицинского в коллекторе;

8) система ведения дневника о ребенке в коллекторе.

X. *Секретариат* совместно с Коллегией Отдела является органом, объединяющим всю работу. В состав Секретариата входят следующие части:

1) секретариат Коллегии, 2) стол личного состава сотрудников, 3) стол хозяйственного отдела, 4) общая регистратура, 5) архив, 6) стол печати, 7) стол учета работы, 8) стол исполнения, 9) стол контроля, 10) информационно-справочный стол.

По данным общей регистратуры ежедневно в Отдел поступает от 8—100 бумаг и выходит 100—175. *Всего* за отчетное время по Отделу единой школы поступило 9213 бумаг, вышло 9326.

Общее число сотрудников Отдела к 1/XII—208 чел. (приложение № 1).

Месячный расход на содержание сотрудников Отдела за 15/XI—1/XII 167.051 руб. (приложение № 1).

XI. *Институт инструкторов* физического труда.

Вопрос об организации Института принципиально решен был Коллегией Комиссариата 14/IX.

Прямая и непосредственная задача Института заключается в подготовке инструкторов физического труда. Одновременно с этим Институт должен выполнять следующие задачи:

1) Изыскание нового материала (и данных) и разработка методов синтезирования труда и знаний, по крайней мере, в пределах соответствующих общеобразовательных и прикладных знаний, связанных с работой новой трудовой школы.

2) Разработка программ и учебных планов, разработка научных методов трудовых процессов для курсов и для трудовой школы.

3) Создание *своеобразно-подвижного* музея трудовых процессов.

4) Создание соответствующей учебно-методической литературы.

Для создания необходимого кадра инструкторов приступлено было к организации *курсов и школы*.

Были приняты следующие положения:

1) Задача курсов—подготовка инструкторов трудовых процессов в трудовой школе 1-й ступени.

2) Характер деятельности будущих инструкторов, преподавание трудовых процессов в трудовой школе 1-й ступени.

3) Для обслуживания трудовой школы в ближайший момент необходима подготовка инструкторов двух категорий: инструктора из *рабочих* и инструктора из *педагогов*.

4) Курсы в первую очередь должны обслуживать слушателей 1-й категории.

5) В виду того, что организация производительного труда и преподавание трудовых процессов должны быть основаны на местном производстве и приспо-

соблено к его задачам, *состав слушателей—представителей 3-х доминирующих в Москве и Московск. губ. производств*: 1) столярно-токарного, 2) слесарно-кузнечного (машинного и ручного) и 3) прядильно-ткацкого.

6) Программа курсов должна уделить максимум времени практическим работам и минимум—аудиторным.

7) При курсах должны быть опытные мастерские и лаборатории.

8) Краткосрочность курсов (3 месяца) не должна быть в ущерб успешному выполнению программы.

9) Необходимо постоянное пребывание на курсах слушателей, т.-е. *необходимо организовать общежитие.*

10) Необходим *постоянный состав преподавателей*. Большинство преподавателей должно находиться на курсах значительную часть дня и все лекционное время.

11) Желательно устройство курсов при каком-нибудь техническом учебном заведении или вблизи его, в виду трудности в настоящее время вновь оборудовать мастерские и лаборатории.

В виду невозможности устройства курсов без общежития и без организации питания, там же институтом было занято помещение бывш. Екатерининского института.

Курсы для инструкторов в школе 1-й ступени открылись 26/X. Ряд условий задержал своевременное открытие курсов: сильно запоздали курсанты, делегированные провинцией; общая неналаженность хозяйственной жизни страны (продовольствия и топлива, недостаток материала для оборудования мастерских и лабораторий); вспыхнувшая эпидемия испанской болезни, канцелярская волокита. Весьма несовершенно протекала работа по организации курсов и оборудованию мастерских благодаря тому, что принцип самоуправления и самообслуживания (т.-е. требование устройства и оборудования всех учебно-вспомогательных учреждений при курсах трудом самих курсантов), положенный в основу всего дела, столкнулся с полной неподготовленностью курсантов. Необходимо отметить также недостаточное количество преподавательского персонала и недостаточное количество времени, уделяемого наличным составом преподавателей. При курсах находится опытная школа на 100 детей в 4 группы для практических занятий курсантов и 2-я трудовая школа в 5 групп, в задачу которой входит опыт обучения при максимальном количестве детей на одного школьного работника. Эпидемия испанской болезни заставила временно прекратить работу. Теперь занятия возобновились. В настоящее время оборудована картонажная мастерская и столярная. Производится работа с научными объяснениями на образцовой кухне. Работа по уборке помещений, по отоплению и в швейной мастерской. Теоретические занятия ведутся в связи с работами по домоводству. Во всех группах ведутся занятия по рисованию, музыке; для желающих устроены вечерние классы, где ведется рисование, черчение, лепка, выжигание, выпиливание, резьба по дереву. Из экскурсий, за отсутствием теплой одежды, проведены только две—в своем районе и в Исторический музей.

Отдельные группы детей устраивали по своей инициативе вечера.

В праздник революции дети устраивали сцену, расписывали знамена, устраивали процессии. В обеих школах составлены советы, которые работают над выработкой программы занятий, методов учебных и воспитательных и над составлением смет. Учителя и деги вместе несут дежурства по контролю на кухне и по раздаче кушаний в столовой. Дети часто устраивают по группам и по школам собрания для обсуждения различных вопросов. Существует комитет для решения общих дел; организован литературно-художественный кружок. Приходится констатировать, что организация школы идет все-таки крайне медленно и не вполне удовлетворительно. В настоящее время в школах находится 350 человек детей.

XII. В ведении только что возникающего *школьно-санитарного* подотдела будет находиться проведение в жизнь всех школьно-санитарных мероприятий, рассмотрение смет расходов на организацию санитарного надзора в школах всех типов и наименований (Единой Трудовой Школы, школ для детей умственно и физически дефективных), инструктирование провинции по всем вопросам школьной санитарии, разрабатываемым школьно-санитарным Отделом Народного Комиссариата Здравоохранения. Установление связи между Народными Комиссариатами по Просвещению и Здравоохранения также возлагается на этот подотдел.

Отдел единой школы сообщает, что, благодаря техническим затруднениям, отчет печатается с весьма ограниченным количеством приложений. Остальные приложения будут рассылаться при 1-м номере предполагаемого бюллетеня Отдела.

Приложение № 1.

Вопросы, обсуждавшиеся в коллегии единой школы за период с 17-го мая по 1-е декабря.

(Отмечены наиболее существенные).

О реформе школы.

1. О национализации „Природы и Школы". 23/V, 29/V, 31/VI, 1/XI, 2/XI, 4/XI.
2. Об отмене обязательн. изучения латинского языка. 24/VI, 29/V.
3. О совместном обучении. 24/V, 29/V.
4. Об отмене отметок. 24/V, 29/V.
5. О ступенях школы. 20/V, 23/V.
6. О частных учебных заведениях. 13/VII, 23/VI.
7. Законопроект о домов. церкв. при школах. 4/VII.
8. О школьной сети. 11/VII.
9. О реформе учительск. институтов и семинарий. 14/VII.
10. Об уличных витринах с наглядными пособиями. 18/VII, 25/X.
11. Обсуждение декрета о национализации авторских прав. 3/X.
12. Об организации столовых. 4/X, 19/XI.
13. Об основных положениях для введения всеобщности и обязательности обучения в Единой Трудовой Школе (организована комиссия с предст. от школьно-инструктор. подотдела). 1/XI.
14. О национализации предприятия Залесской „Сотрудник школ". 2/XI.

Вопросы финансового характера (авансы, ассигновки).

15. О разработке сметы Комиссариата на 2-ю половину 1918 года. 21/V, 28/V, 29/V, 30/V, 16/VII, 2/VIII.
16. О порядке удовлетворения смет, 12/VI.
17. О составе сметы на доплату разницы с 1-го марта по 1-ое июля. 18/VI, 19/VI.
18. Ассигновка Брян. зав. 1.245.000 р. на нужды образования. 29/VI.
19. О субсидии на устройство радиошколы. 23/VII.
20. Об авансе на Отд. единой школы на 2-ое полугодие. 16/VIII, 19/VIII.
21. Об авансе на Отд. единой школы 310.000 р. 19/VIII.
22. О выдаче средств подотделу наглядных пособий для постановки дела на местах. 8/X.
23. Об авансе подотделу социального воспитания в 250.000 р. на устройство коллектора. 6/XI.
24. О сметных предположениях подотделов единой школы на 1-ю половину 1919 года. 9/XI, 16/XI, 18/XI, 20/XI, 21/XI, 26/XI, 28/XI.

Вопросы организационного характера.

25. Разделение Отдела на подотделы: финансовый, секретариат, инструкторский, личного состава, библиотечный, статистический и переходящ. уч. заведений. 14/V, 1/VI.
26. О создании Коллегии единой школы—слиянии Отделов начальн. школы со средней. 10/VI.
27. О слиянии школьно-санитарного Отдела с Отдел. средней школы. 11/VI.
28. О штатах и планах Отдела единой школы. 12/V, 8/VI, 2/XI, 4/XI, 9/XI, 16/XI.
29. О слиянии подотделов школьно-инструкторского и летних колоний. 17/VIII.
30. Об организаци подотдела всеобщ. обучения. 24/VIII.
31. О школьном строительстве. 13/IX.
32. О слиянии трудового подотдела Отдела реформы школы с подотделом школьно-трудовым Отдела единой школы. 28/IX.

Об открытии учебных заведений курсов.

33. Об устройстве курсов по изучению трудовых процессов (ассигнов. 10 миллионов). 29/VIII, 23/IX.
34. О курсах для рабочих (для создания кадра рабочих-инструкторов по преподаванию физического труда). 6/IX.
35. Об организации школьно-инструкторских курсов при школьно-инструктор. подотделе (о расширении программы, о занятии курсами здания бывш. жен. медицинск. института). 4/XI, 6/XI, 7/XI, 8/XI, 11/XI, 21/XI.
36. О краткосрочн. курсах школьно-трудового подотдела. 11/XI.

Об учебных заведениях оккупированных местностей. 18/VII.

Об учащих.

37. Об уравнении оклада для всех видов педагогического труда. 20/V, 20/VI, 21/VI.
38. О нормах оплаты учительск. труда. Схема оплаты труда в зависимости от района и типа школы. 21/V, 25/V, 27/V.
39. Декрет о нормах оплаты учительского труда. 30/VII.

40. О бюро учительск. труда, о страх. учительского труда. 25/VI, 10/VII, 18/VII, 13/XI.
41. Проект инструкции к положению об оплате труда школьных работников. 30/XI.
42. О мобилизации учительства. 4/X, 21/X, 24/X.

Библиотечные, литературно-издательские вопросы.

43. О школьно-библиотечном деле в России. 6/VI, 23/VII.
44. О выписке заграничн. пособий и печатных произведений. 8/VI.
45. О регулировании вывоза книг за границу. 8/VI.
46. Об отпуске кредитов на издание и переиздание школьных учебников. 10/VII.
47. Об издании учебников. 13/IX.
48. Проект школьно-библиотечн. Отдела о скорейшем изъятии из обращения вредных книг. 25/X.
49. Положение о центральн. школьн. библиотеках (принято). 21/XI, 22/XI, 27/XI, 29/XI.

О сотрудниках Отдела единой школы.

50. О квалификации и окладе сотрудников. 9/VII.
51. О способе учета непосещаемости службы. 17/VIII.

О низших служащих.

52. Об оплате труда низших служащих. 11/VI.

Анкеты.

53. Об эвакуированных учебных заведениях.
54. О степени нужды в учебных заведениях.
55. О наглядных пособиях.
56. „Дети и революция".
57. О ликвидации учебного округа. 28/V, 29/V, 30/V.
58. Доклад по работе Отдела единой школы. 29/VI.

Текущие дела.

59. О праздновании революции. 17, 23, 24, 25, 29/X, 2/XI, 7/XI.

Приложение № 2.

Число низших школьных комплектов и высших начальных училищ, извлеченных из сметных предположений.

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ГУБЕРНИЙ.	Число существующих комплектов в низших нач. шк. на 1 января 1918 года	Число предполагаемых к откр. шк. комп. в низших нач. уч. с 1 сентября 1918 года.	Высш. нач. (число сущ. шк. на 1 января 1918 года).	Высш. нач. (число предполагаем. к открыт. с 1 сентября 1918 года).
1	Архангельская.	940	—	38	—
2	Астраханская...	1.423	—	33	—
3	Витебская.....	1.729	—	—	—
4	Владимирская..	3 807	538	39	25
5	Волгодская...	1.535	67	15	—
6	Воронежская...	5.193	543	27	40
7	Вятская.....	6.532	939	57	64
8	Казанская.....	4 303	389	56	75
9	Калужская.....	2.729	634	30	35
10	Костромская...	3.188	773	43	56
11	Курская.....	3.373	499	13	10
12	Могилевская...	2.360	360	26	10
13	Московская....	3.722	469	51	79
14	Нижегородская	4.573	71	118	7
15	Новгородская..	1.987	457	21	—
16	Олонецкая.....	1.192	1.714	13	44
17	Орловская.....	3.748	725	27	161
18	Пензенская....	2.631	446+223 мусульм.	35	41
19	Пермская.....	6.324	—	—	—
20	Петроградская.	—	—	—	—
21	Псковская.....	—	—	—	—
22	Рязанская.....	4.005	500	75	83
23	Самарская.....	6.022	563	123	2
24	Саратовская...	5.623	344	18	16
25	Симбирская....	2.961	576	29	52
26	Смоленская....	3.930	366	37	113
27	Там овская.....	5.109	406	34	27
28	Тверская.....	4.756	245	42	4
29	Тульская.....	3.549	258	33	1
30	Ярославская....	2 372	173	41	14
	ИТОГО.	99.616	12 276	1.074	959

Приложение № 3.

Сравнительные данные ассигнований на нужды народного образования по единой школе.

	На 1917 год.	На январь—июнь 1918 года.	На июль—декабрь 1918 года.	По смете на первое полугодие 1919 года.
	139.291.703	232.618.260	1.474.051.977	5.697.466.046

Приложение № 4.

Декреты и постановления.

Постановление об отмене отметок. 3/V.
" " о введении обязательного совместного обучения.
" " об отмене обязательного изучения латинского языка.

Постановление о пятилетних прибавках учащим мужских учебных заведений. 1/VI.

Декрет о передаче в ведение Народного Комиссариата по Просвещению учебных и образовательн. учреждений и заведений всех ведомств. 5/VI.

Декрет об отпуске переходящих в ведение Народного Комиссариата по Просвещению учебных завед. различных видов довольствия. 7/VI.

Декрет об упразднении Московского учебного округа 14/VI.

Постановление об отмене специальных бланков для аттестатов и удостоверений. 18/VI.

Постановление об организации дела народного образования в Российской Федеративной Советской Республике. 22/VI.

Декрет о нормах оплаты учительского труда. 26/VI.

Постановление Народн. Комиссар. по Просвещению о применении декрета Совнаркома о нормах оплаты учительского труда. 6/VIII.

Декрет об упразднении дипломов учебных заведений.

Постановление об отсрочке начала учебных занятий до 1-го октября нов. ст. 13/VIII.

Декрет о совместной службе родственников (не распространяется на учащих и служащ. учебн. заведений). 7/IX.

Инструкция об обязанностях школьного врача. /X.

Положение об Единой Трудовой Школе. 16/X.

Декларация подотдела социального воспитания. 23/X.

Циркуляр о организации подотделов социального воспитания на местах. 30/X.

Постановление о преобразовании всех учебных заведений, носящих технический, промышленный и профессиональный характер. 30/X.

Постановление о школах национальных меньшинств. 31/X.

Положение об оплате труда школьных работников Единой Трудовой Школы. 1/XI.

Положение об учебных заведениях, перешедших из ведомства Народн. Комис. торговли и промышленности. 3/XI.

Постановление о сельскохозяйственных школах (не преобразовываются в Единую Трудовую Школу). 5/XI.

Постановление — как коллективу создать трудовую школу. 12/XI.

Положение о проведении в жизнь начал Единой Трудовой Школы. 16/XI.

Положение о центральных школьных библиотеках [1]). 27/XI.

---

[1]) Приложение № 5 будет напечатано в следующем номере журнала.

Хроника.

Ежемесячное обозрение.

Что делается в центре? — Трудовая школа в провинции. — Организационные проекты Даниловского Отдела нар. образования. — Весьегонский уезд.

Что делается в центре? Москва еще полна впечатлениями от съездов. Из этих съездов три оставили наиболее яркое впечатление. Во-первых, бывший съезд губернских представителей поставил лицом к лицу центр и провинцию. Сам по себе этот съезд не был из блестящих, было много дефектов и в организации его. Пожалуй, нельзя сказать, чтобы он дал и отчетливую картину учета работы на местах. Но не в этом было его главное значение. Самое основное значение его состояло в том, что он сблизил работников разных мест Российской республики друг с другом, способствовал их взаимной информации и более интимному общению. „Пожалуй, самое главное делалось в часы, свободные от заседаний, когда мы просто знакомились друг с другом и делились своими впечатлениями от работы", пишет один из участников съезда. Сознание необходимости обмениваться впечатлениями и живыми силами выступило на съезде вполне ясно. Все же другой съезд—учителей-интернационалистов—несравненно сильнее всколыхнул общую массу школьных работников. Всероссийский Учительский Союз, ярко политический на деле и скромно профессиональный на словах, был сравнительно недавно распущен, хотя он и ранее уже погибал естественной смертью, резко разойдясь с настроением широких учительских масс. Встал вопрос о принципе новой организации. Былые боевые эн-эсы широко муссировали принцип аполитизма и жаждали скрыться под защитный цвет профессионализма, чтобы с головой утопить учительство в дрязгах житейских личных забот. Но съезд выставил иной принцип—строительство коммунистической культуры. Статья т. Познера, идущая в этом номере, живо освещает этот принцип. Пожалуй, несколько неожиданно бывшие съезды привлекли внимание профессиональных союзов, особенно металлистов и текстильщиков. Эти съезды уделили значительное количество внимания вопросам просвещения, при чем развернули эти вопросы во всей их широте. В тезисах т. Кассиора защитники индустриально трудовой школы нашли себе новую поддержку.

„Социалистическое профессиональное образование, как одно из могущественнейших средств в общей системе культурно-промышленного воспитания рабочего класса, может достигнуть своей цели при том условии, если на ряду с обучением рабочего квалифицированному труду, оно будет давать ему и общее промышленное воспитание, знакомя с общими вопросами состояния техники и промышленности, экономической политикой, экономической географией, а также с вопросами административно-технического управления предприятиями".

Сейчас Москва вновь готовится к съездам. Особенно лихорадочно кипит работа по подготовке 1-го Всероссийского съезда по внешкольному образованию (см. „Известия Бюро Вс. С. по Вн. Обр."), который имеет состояться в апреле. Более скромно, но все же весьма напряженно идет подготовка к съезда по дошкольному воспитанию (см. № 6—7 наст. „Народное Просвещение").

Что же еще затевается в центре? Организуется центральный Естественно-педагогический институт Н. Ком. по Пр. при Политехническом музее (естественно-педагогический музей; кабинеты и лаборатории для преподавателей по ботанике, зоологии, геологии с минералогией, физиологии растений и животных и географии; экскурсионный отдел; информационное бюро; библиотека; ферма; курсы для преподавателей по естествознанию; мастерская для обслуживания института и выработки новых приборов). В начале марта организуются курсы потехнике изготовления пособий по широкой программе на 300 человек, будущих инструкторов (подробные справки можно получить: Москва, Остоженка, 53, Н. Ком. по Пр., подотдел наглядных пособий, комн. № 86, у т. Арбеньева). Также и при статистическом Отделе Нар. Ком. по Просв. открывается постоянный семинарий по статистике народного образования, к участию в котором привлекаются, главным образом, работники по народному образованию из местных губерских органов управления. Сейчас при ближайшем участии известного педагога С. Левитина идут специально для рабочих школьно-инструкторские курсы (Площадь Коммуны, б. Екатер. институт), сведения о которых читатель отчасти найдет в печатаемом отчете Отдела единой школы. Возобновились в здании б. Поливановской гимназии, на Пречистенке, и дошкольные курсы.

Вопрос о подготовке работников просвещения вступил в новую фазу—централизации. На местах происходило невероятное распыление. В одном и том же городе часто функционировали и педагогический институт, и б. учительская семинария, и ряд разных педагогических курсов. Особенно, конечно, этой пестротой щеголяла Москва. Теперь решено сконцентрировать подготовку в одном учреждении — Институте народного просвещения с рядом отделений. Так получится экономия средств и, главное, живых сил. В частности, в Москве наиболее жгучий вопрос сейчас—создание педагогической академии на месте бывш. Шелапутинского института и Тихомировских курсов.

Но довольно о Москве! Как обстоит дело с трудовой школой в провинции? Статья т. Левина в этом № нашего журнала верно рисует положение вещей. На святках произошел ряд учительских съездов. На многих из них воочию предстала педагогическая беспомощность провинции. Линейная

книг, пров ция о трудовой школе имеет самое неясное понятие. В подавляющем большинстве случаев за трудовую школу принимается обыкновенная учебная школа, только с развитием иллюстративного метода. Отчасти такую путаницу внес и Всер. Учит. Союз, усиленно противопоставляющий в своем органе такую школу подлинной трудовой. В некоторых местах проводниками „трудовой" школы оказались ремесленные учителя. Наконец, некоторые в простоте душевной думают, что если дети возятся с грязной водой, моя пол, или носят дрова, то это и есть трудовая школа, тогда как здесь и вовсе никакой школы нет. Впрочем, большинство попрежнему учит „по старинке". И все же сдвиг произошел. До лета 1918 г. лидерами учительства были гимназические учителя, а старые инспектора выбирались председателями Учительского Союза. Теперь уже средняя школа ходит, жалуясь, что „народная школа ее не понимает", а старые инспектора перестали бороться за „автономию школы". „Нам нравится трудовая школа, мы хотим в ней работать",—такие заявления теперь не редкость. Больше того. На одном из провинциальных рождественских съездов пишущий эти строки наблюдал интересную сценку: учительство напало на представителя местного Отдела за то, что тот не содействует проведению в жизнь трудовой школы, „ничего не делает". Правда, это, скорее, еще исключительный случай.

В общем, школа еще не имела своего октября. Попрежнему жалкие помещения и (часто слабо мотивированная) реквизиция школьных зданий. Попрежнему власть парт и тетрадок. Особенно цепка средняя школа. Не редкость царские портреты под белой простыней, „забытые" иконки, молитва „по желанию учеников". Уроки на дом и „столбики" задач, как „труд", идут вовсю. Саботаж в бывшей гимназии царит еще во многих местах.

Но горизонты проясняются. Ряд местностей вступил на путь коллективного планомерного строительства трудовой школы. Интересным примером такого строительства является план проведения сельскохозяйственных навыков и знаний в школе 1-й и 2-й ступени, выработанный в г. Данилове (Ярославской губ).

Перед местным Отделом встал вопрос, как практически осуществить снабжение школ всем необходимым, имея в виду, что 1) в школах ничего нет, 2) некоторых предметов оборудования на рынке совсем не достанешь, другие страшно дороги. В идеале школа-коммуна должна иметь лабораторию и мастерскую для осуществления всех возможных пониманию ребенка трудовых процессов.

Но для создания такой подходящей обстановки в каждой школе потребовались бы огромные единовременные затраты. Тогда Отделом был поставлен вопрос—каким путем итти: снабдить ли школы все одинаково только самыми необходимыми предметами для трудовых процессов, оборудовать ли их полностью или установить последовательность в порядке снабжения. Отдел избрал последний путь, так как прежде всего теснота и неприспособленность помещений, затем совершенная неподготовленность учащих, наконец, обстоятельства, указанные выше,—создают условия, при которых трудно осуществить трудовые процессы во всех школах в достаточной полноте.

Трудовые процессы в школах можно разделить на три категории: ручной труд, занятия природоведением, понимая это слово в широком смысле, и сельское хозяйство.

I. По части ручного труда.

1) Школы первой очереди снабжаются в нынешнем году набором инструментов таких, без которых совершенно нельзя обойтись в трудовой школе-коммуне; эти инструменты постоянно требуются при ремонте классной обстановки, для изготовления несложных учебных пособий и приборов.

2) В школах 2-й очереди занятия ручным трудом можно расширить,—здесь возможно будет более детальное участие самих учащихся в деле снабжения своей школы необходимыми пособиями.

3) Дальше, в школах 3-й очереди ручной труд приобретает до некоторой степени ремесленный характер; здесь уже недостаточно оборудования 2-й очереди: оборудование должно быть солидное и разделяется на ремесла, при чем ремесла в каждой школе вводятся такие, которые наиболее подходят к жизни данной местности. При этом школа, помимо обслуживания себя, оказывает помощь и соседним, например, переплетает книги для соседних школ и пр.

4) В школах 4-й очереди 2-й ступени вводятся по три ремесла в каждой. Эти школы находятся в населенных пунктах; здесь можно устроить классы ручного труда, которые могут в некоторых случаях обслуживать и школы 1-й ступени, находящиеся в тех же пунктах. Основные ремесла—слесарное и столярное.

II. При занятиях природоведением оставлены также четыре очереди, и порядок снабжения—тот же, что и для ручного труда.

При этом Отдел нашел возможным вводить более полное оборудование, так как, имея основной набор материалов и приборов, учащим предоставляется полная возможность изготовить целый ряд пособий для изучения природоведения своими средствами. К тому же в первых двух классах сложных приборов и не потребуется.

Для школы 2-й ступени необходимо оборудовать общие классы ручного труда. Занятия можно распределить так, чтобы все учащиеся могли посещать мастерские и лаборатории. При таком устройстве получится большая экономия в оборудовании, так как все школы хорошо оборудовать мастерскими за первое время не представляется возможным.

III. Переходя к занятиям сельским хозяйством, следует установить факт, как это ни странно, что здесь имеется наименее благоприятная обстановка для осуществления трудовых процессов этого рода, так как только поздно осенью местными земельными Отделами были отведены земельные участки.

Таким образом, никаких подготовительных работ в этих школах не удалось сделать. Затем крайняя неосведомленность учащих в сельском хозяйстве заставляет вообще подойти к этому вопросу крайне осторожно, так как всякие неудачи на школьном участке будут рассматриваться населением в том смысле, что школа не за свое дело взялась, и получатся только нарекания на школу. Между тем как хорошо оборудованный участок с правильно поставленным хозяйством может служить проводником сельскохозяйственных знаний среди населения: тут возможны всякого рода опыты с разного рода культурами, и агрономические силы уезда и сами крестьяне будут пробовать производить эти опыты на школьном участке, тогда как на своей земле они это делают неохотно.

Таким образом, первоначальное оборудование школ начнется с весны будущего года. Для школ Отделом был уже заготовлен посадочный материал, заготовляются инструменты, приобретаются ульи и кролики. При школах устраиваются образцовые сельскохозяйственные участки. С весны будущего года оборудование продолжается, осенью следующего года возможно построить образцовый скотный двор и осуществить другие постройки; в нынешнем же году возможно обойтись постройками, имеющимися при школах. На таких участках имеется возможность вначале устроить сад и огород, полевые участки присоединяются впоследствии, по мере развития школы-коммуны.

IV. Что касается трудовых процессов, как пле-

тение, шитье, корзиночное производство и пр., то они во многих школах уже применялись и не вызывали каких-либо затрат.

План организации сельскохозяйственных школьных участков на 1918—19 уч. год.

Расчет на 1 шк.

Осень. **Весна.**

I очередь.

10 кустов смородины.
10 „ малины.
20 „ клубники.
Семян огородных.
3 лопаты.
2 мотыги.
1 вилы.
1 грабли.
1 лейка.
3 садовых ножа.

II очередь.

10 плодов. деревьев. 3 ножа садов.
10 кустов смородины. 1 ножевка.
20 „ малины. 1 ножницы садовые.
30 „ клубники.

Огород.

Семян огородных.
Рассады.

Инструмент.

2 лопаты железн. 3 лопаты железн.
5 мотыг.
2 вилы.
2 грабли.
2 лейки.

Пчельник.

1 улей. Инструмент для пчеловождения.
1 рой.

Кроличник.

1 пара кроликов. 3 клетки.
1 клетка. Кормушка.

III очередь.

Сад.

40 плодовых деревьев. 5 ножей садовых.
20 кустов смородины. 1 ножевка.
40 „ малины. 1 опрыскиватель.
100 „ клубники. 2 щетки стальных.
600 „ жив. изгороди. 1 ножницы садовые.
40 кольев для плодов.

Огород.

50 жердей. Семян огородных.
240 кольев. Устр. насоса и оросит. канавы.

Подготовка почвы.

Вспашка земли. 60 тел. навоза.

Инструмент.

5 лопат. 5 лопат.
5 мотыг. 5 мотыг.
5 вил.
5 грабель железных.
5 леек.

Парники.

Бревна. 6 рам.
Устройство.
Подвозка навоза и земли.

Пчельник.

2 улья. Инструмент для пчеловождения.
2 роя.
Устройство омшанника.

Кроличник.

2 пары кроликов. 5 клеток.
3 клетки. Приспособление сарая.

Коровник.

Корова.
Дойник.
Цедилка.
Посуда для молока.
Сепаратор с принадлежностями.
Маслобойка.
Термометр.

Постройки.

Устройство складов сарая
Погреб.
Коровник и маслодельня.

Даниловский уезд не является единственным оазисом. Передо мною ряд номеров „Красного Весьегонца“ и „Известий Весьегонского С. Р. и Кр.-арм. Д.“ В этих газетах отдел „Народное Пр.“ занимает большое место. И это типично для многих провинциальных органов. Я беру эти газеты не как исключительные, но как типичные. Видно по ряду статей, как упорно и энергично ведется борьба за новую школу. „Саботаж учащих“, „поповские дочки“,—все это темы, жгучие повсюду. Но „зорька света вспыхнула и победно рвет окутавшие деревню тучи тьмы“. Остановимся, как на типичном примере, на деятельности Никольского волостного Совета по нар. образованию (из доклада учит. Москвиной на съезде в Весьегонске 25—27 декабря).

„В Никольской волости организован только еще волостной Совет по народному образованию, волостного Отдела же нет. В состав Совета вошел весь Исполком, представитель от населения и три от учащих, и подбор членов в нем можно считать очень хорошим. Совет всегда стоит на защите интересов школы, всегда идет навстречу желаниям учащих, и с последних сняты хозяйственные заботы о школе. Все школы обеспечены дровами, нужный ремонт произведен, учащие снабжены хлебом, керосином, во всех школах устроены горячие завтраки. Вначале, правда, некоторые члены протестовали против затрат на школы. Говорили, что надо пережать такой тяжелый год и воздержаться от каких-либо издержек, но председатель Исполкома т. Яблоков сумел доказать им, как важно и необходимо образование и как мы отстали в этом деле от других волостей. „Жалеть средства на образование не надо; затраченная на это дело копейка возвратится сторицею“, говорил он. Личность председателя Исполкома имеет в волости слишком большое влияние, так что, говоря о деятельности волостного Совета по нар. обр., нельзя умолчать о деятельности т. Яблокова. Ему же учащие обязаны и нравственной поддержкой. Его обращение к учащим, его отзывы о них всегда полны глубокого уважения к труду и личности последних. Родители, раньше безнаказанно оскорблявшие учительницу, теперь не смеют этого сделать. Учитель в своей работе и своих стремлениях—не один: с ним заодно рука об руку идет волостной Совет, который помогает нам, учащим, и в деле проведения всеобщего обязательного обучения. Мы всеми силами стараемся провести в нынешнем году всеобщее обязательное обучение. Родители, не пустившие детей в школу по неуважительной причине, вызываются в Исполком для того, чтобы выслушать строгий выговор, а если снова повторятся пропуски, то родители караются штрафом. Как ни мал штраф, но крестьяне боятся его, и пропусков почти нет, исключая случаев заболеваний.

„Громадную поддержку в проведении всеобщего обучения оказывают нам, учащим, родительские комитеты. Эти последние сорганизованы при каждой школе из родителей учащихся. Мы, учащие, возлагаем на родительский комитет большие надежды, думая, что эти комитеты явятся связывающим звеном между школой и семьей и помогут нам в деле воспитания детей и в проведении в жизнь школьных реформ. Без родительских комитетов нам трудно было бы провести всеобщее обязательное обучение. Население, пожалуй, не поняло бы необходимости этого, и на нас, учащих, были бы всевозможные нарекания, а мы, сорганизовав родительский комитет, оказались как будто в стороне. Если ребенок, пропустивший учебный день, не явится в школу, он должен представить от родительского комитета записку с указанием причины, по которой он не явился в школу. Уважительная или неуважительная причина,—в этом опять разбирается родительский комитет, и пропусков, повторяю, пока нет.

„Для горячих завтраков мы изыскали средства, и завтраки устраиваются во всех школах нашей волости. От Исполкома нам дали мяса, а остальные продукты: хлеб, грибы, картофель, крупу, соль—приносят нам сами ученики. Средства пока нашли на завтраки, но найдем ли их в будущем—не знаю, и помощь от уезда необходима.

„Родители сначала протестовали, думая, что эти завтраки очень дорого им обойдутся, а в некоторых местах думали, что у них будут отбирать коров и т. п., но волостной Совет разъяснил, что страшного в этом деле нет ничего, и тогда население успокоилось.

„Я хочу еще указать на некоторые шаги волостн. Отдела по нар. обр. В нашей волости устроена волостная центральная библиотека. В нее вошли имеющие громадную ценность книги Родичевых и Заворовой (бывш. помещицы). Уже приглашен библиотекарь, уже положено основание библиотечному фонду в 500 руб., отчислено 100 руб. на выписку газет и журналов, но нет пока подходящего здания для библиотеки, и придется несколько шкафов поместить в прихожей в здании Исполкома.

„В ближайшем будущем необходимо построить народный дом, где могла бы помещаться библиотека с залом-читальней.

„Если бросить общий взгляд на деятельность волостного Совета по нар. обр., то можно сказать, что все, что было в силах сделать, он сделал; а в будущем предполагаются еще шаги, и если уезд придет к нам на помощь, то многое будет приведено в исполнение“...

„Мы, учащие волости, приступая к занятиям в нынешнем учебном году, чувствовали себя неподготовленными, слабыми к выполнению всего того, чего требует новая трудовая школа. Преобразовав школу, нужно было дать подготовку и учащим. Перед началом занятий, собравшись вместе, мы решили работать, как умеем, и что будет по силам, то сделать. Решили учиться друг у друга и помогать друг другу. К каждому очередному собранию один из учащих готовит реферат на тему педагогического характера. После рождественских каникул думаем ездить друг к другу на уроки. Это заставит учащих относиться к делу серьезно. Это будет самый строгий товарищеский контроль над товарищем-учителем. Таким образом мы хотим учиться друг у друга. Конечно, с тремя отделениями одному учащему трудно провести новые начала в школе, да и подготовки нет у него, но мы думаем, что нашей задачей в настоящий момент является сделать для детей уроки интересными, чтобы их неотразимо тянуло в школу, чтобы на уроках не зевали, как раньше, а жили—в полном смысле этого слова. Нашей задачей является пробудить в ребенке жажду знаний, открыть в нем творческие способности. Не имея нужной подготовки для проведения трудового начала в школе, мы работаем, как умеем, занимаемся рисованием, плетением из соломы, из прутьев, работаем над деревом, рукодельничаем, и на Масляной неделе хотим устроить выставку детских работ. Затем просим выслать инструктора кустарных изделий, так как население волости не знает никакого ремесла.

„Желая приучить ребенка к обязанностям гражданина, мы организовали при школе совет учащихся.

„Дети сами устраивают собрания и учатся разбираться в своих делах. Дисциплина, наблюдение за порядком в школе,—все это перешло в руки детей. В некоторых школах, где нет вечерних занятий со взрослыми, будут устроены детские клубы.

„Пока еще это дело—дело детских организаций—новое, и оно только налаживается, но первые пробные шаги уже сделаны, благодаря поддержке волостного Совета по народному образованию и родительских комитетов. В учителе проснулся творец. Он не одинок в своих стремлениях, поддерживается и своими товарищами и населением. И дети теперь стали доверчивее, бодрее держатся в школе. Они сами говорят, что *теперь стало интересно учиться*. Если в детях пробудится интерес к учению, любовь к школе и учителю, то нам будет легче влиять на них. При организации родительских комитетов родителями было высказано решение поддерживать учителя в его воспитательных мероприятиях. Все мы знаем, как это необходимо. Раньше, когда земья и школа как-то жили врозь, особой жизнью каждая, когда родители не знали, что делается в школе, а мы, учащие, что—в их семье, когда то, что запрещалось в школе, поощрялось семьей, и наоборот,—трудно было воспитывать детей. Ребенок не знал, кого слушаться. В школе—покорный учителю, дома—является совсем в другой оболочке. Теперь этого, надеемся мы, не будет. То, что будет запрещаться в школе, будет запрещаться и в семье, и наоборот, что будет поощряться в школе, то будет поощряться и семьей, так как теперь между школой и семьей устанавливается тесная связь.

„Имею передать просьбу детей: выдать небольшую сумму на краски для рисования. Ввести рисование и не дать красок,—это все равно, что помазать по губам и не дать попробовать. Дети любят красить, они любят яркое, да и правильно: нельзя поставить этот предмет без раскрашивания“.

Издается в Весьегонске и еженедельная газета „Юный Коммунист“. И этот скромный уезд Тверской губернии—далеко не исключение. В тверском журнале „Народное Образование“ мы находим очерк проведения трудовых начал в школе-коммуне для беспризорных детей в с. Власьеве, Щербининской волости, Тверского уезда. Проводятся они и в других местах. Описав Никольскую волость Весьегонского уезда, мы описали типичную современную провинцию в ее порыве к новой школе. Так налаживается постепенно дело трудовой школы в уездных углах Российской республики.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общий отдел.

Стр.

1. **А. Луначарский**—Проблемы социалистической культуры 3
2. **И. Ломакин**—Крестьянская молодежь и культурно-просветительное дело в деревне 6
3. **Д. Лазуркина**—К вопросу об общественном воспитании. 8
4. **А. Каменцов**—Дошкольное воспитание 9
5. **В. Александров**—Сущность и ближайшие задачи профессионального образования (текущий момент). 14

II. Специальный отдел.

1. Проект организации дошкольного подотдела народного образования. . . . 19
2. **З. Боярская**—Роль центрального инструктора. 21
3. **Р. Прушицкая**—Центральные детские сады. 22
4. **А. Гелина**—Детские площадки. 23
5. **Т. Всесвятская**— Коля Соколов (воспоминания о колонии). 27
6. **Е. Радин**—Врач и педагог на поприще школьной санитарии. 30
7. **Л. Титова**—Постановка санитарного надзора в новой трудовой школе. . . 32
8. **Е. Радин**—Гигиена трудовых процессов. 34
9. **С. Соколов**—Музей местного края. 36
10. **А. Борзов**—Географический музей 38
11. **Н. Золотницкий**—Географический садик. 41
12. » » —Лабораторные занятия по биологии. 43
13. **Б. В. Игнатьев**—Инструменты и материалы, необходимые для работ на пришкольных участках. 45
14. **Зам.**—Чем заменить цветную бумагу. 46
15. **Б. Лопатинский**—Изготовление школьниками пособий при занятиях изобразительными искусствами. 47
16. **С. Вышеславцев**—Ритмическое воспитание. 51

III. Библиография.

1. **Вад. Смушков**—И. Г. Хольман. Высшая крестьянская школа в Дании. Перев. с немецк. Е. А. и В. А. Герман под ред. С. Т. Шацкого. Изд. Сов. Вс. Кооп. Союзов. 55
2. » » А. Евдокимов—Крестьянское образование. „Библиотека Крестьянского Вестника" 1918 г. . . . . —
3. » » Всеволод Флеров. Как обучать неграмотных взрослых . . . 56
4. **К. Л.**—Н. Рожков. Учебник русской истории для сред.-уч. зав. и для самообразования. Изд. 4-е доп. Н. Рожков. История России за последнее столетие. . . . . —
5. » » Ник. Андреев. Древнейшие времена человеческой культуры.
6. » » » » По большой дороге истории (краткий очерк всеобщей истории) 57
7. » » Е. Ефимова и В. Перцев. Учебник новой истории . . . . . —
8. » » Е. Звягинцев и А. Бернашевский. Века и люди . . . . . —
9. **В. Г.**—Из журнальной литературы последних лет (Музейно-экскурсионное дело) 58

IV. Постановления и распоряжения правительства.

V. Хроника.

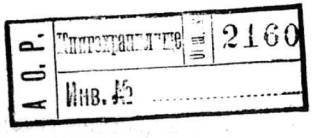
1. Деятельность Народного Комиссариата по Просвещению (октябрь 1917 г.—ноябрь 1918 г). 69
2. Краткий отчет о деятельности Отдела дошкольного воспитания за 1918—19 г. Ц/НП. 83
3. Отчет Отдела Единой Школы (окончание). 85
4. Деятельность подотдела наглядных пособий. 87
5. **Б. Лопатинский**—Работа Секции эстетического развития при Отделе реформы школы. 89
6. Обзор состояния народного образования в местах, освобожденных от немецкой оккупации. 90
7. Очерки современного состояния учительства. 94

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 9.



МОСКВА. 1919 г. АПРЕЛЬ—МАЙ.

LIBRARY OF CONGRESS
AUG 2 1934
DIVISION OF DOCUMENTS

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

Проблемы социалистической культуры.

Вопросы пролетарской культуры и социалистической культуры ставились неоднократно и решались вкривь и вкось, при чем зачастую смешивались с довольно разнородными понятиями. Так, например, находились остроумные люди, которые говорили: социалистическая культура не находится ни в какой связи, собственно говоря, с культурой пролетарской.

Всякое представление о возможности осуществить хотя бы частично социалистическую культуру в недрах капиталистического общества есть пошлый оппортунизм, бернштейньянство в культурной области.

Социалистическая культура начинает осуществляться лишь вместе с целостным социалистическим хозяйством. Но тогда она приобретает пролетарский характер, ибо социализм ведь и означает собой уничтожение классов, а стало быть, и пролетариата; социалистическая культура может быть только общечеловеческой.

В такой постановке имеется, несомненно, больше игры ума, чем подлинного желания понять трактуемую нами важную проблему.

Пролетариат является носителем социализма. Осуществлять его он будет постепенно, потому что социализм не может быть вызван в жизнь вдруг. Социалистическая революция может произойти даже в один день, но претворение хотя бы и носящего в своих недрах этот социализм перезрелого капиталистического строя в тот обновленный строй, который нам рисуется, есть, разумеется, дело длительное, и совершенно нелепо представлять себе, будто бы только после классовой победы пролетариата наступает его социальное творчество. Свою культуру он творит и тогда, когда он находится под внешним игом капитала, но уже осознал себя, как носителя социалистической идеи. Равным образом и после победы он вовсе не становится тем демиургом, который создает новый мир, но и после этой победы, как мы это ясно ощущаем на себе самих, ведет упорную и напряженную борьбу. Хотя после этой победы в его руках находится оружие государственной власти, но еще долго, долго объективный наблюдатель не может сказать, явится ли, тем не менее, пролетариат сильнейшим и удастся ли ему закрепить за собой победу.

Конечно, социалистическая культура творится одним способом и в малом масштабе, пока пролетариат является угнетенным и бунтующим классом, — другим способом и в более широком масштабе, когда он является диктатором смешанного и полного контр-революционным прошлым общества,—третьим способом и в огромном светлом масштабе после того, как он может отправить государство в археологический музей и перестать существовать, как пролетариат, преобразив в трудовое единство все человечество.

Когда Россия стонала еще под скипетром царей, я установил эти истины и спорил с г-ном Вотесовым относительно пролетарской культуры. Он доказывал то, что пролетариат ни в какой мере не способен создать ее в период политической борьбы, что культура есть пролетарский подход к проблемам науки, а пролетарское художественное творчество, выработка основ пролетарской этики являются роскошью для этого класса. Выковать это оружие ему не особенно нужно, к тому же это и просто невозможно. Буржуазия, правда, в период подготовительный к своей революции умела создать такую культуру, но она не была никогда классом обездоленным настолько, насколько обездолен был пролетариат. Я же указывал на то, что оружие пролетарской культуры, что глубокое сознание социалистического идеала, выражение его во всех областях человеческой жизни есть чрезвычайно важное дело и что пролетариат инстинктивно не может отодвинуть его в задний угол, что недостаточное внимание к нему, конечно, является отчасти горькой необходимостью, но что его не следует отправлять, махая рукой на данную задачу, а что, напротив, следует всемерно подчеркивать необходимость направить и в эту сторону силы высоко растущего класса.

В настоящее время проблема ставится в новом освещении. С одной стороны, про-

летариат не созрел в культурном отношении. У него нет вполне своих идеологов или их очень мало. Никто из нас, положа руку на сердце, не может сказать, что нового, радикально интересующего вносит пролетариат в те области философии и естествознания, которые, конечно, будут приведены в гармонию с высокими основами пролетарской социологии и экономии, но в которых еще мало работала пролетарская мысль. Чем будет в руках пролетариата искусство? На то есть только намеки в произведениях, правда, часто очень талантливых,—тех первых ласточках пролетарской поэзии, которые бороздят сейчас над нашими головами, полное туч и молний грозовое небо.

Пролетариату, стало быть, необходимо продолжать работу по выработке пролетарской культуры, для того чтобы внести возможно более широкой рекой в готовящийся в будущем строй повсюду торжествующего социализма возможно более определенные ценности, носящие на себе рабочую печать.

Социализм осуществится в наиболее тонких областях, стряхнет с себя остатки буржуазной грязи и мелко-буржуазный налет тем скорей, чем больше сил приложит в эту сторону гений пролетариата.

Но вместе с тем пролетариат не может пройти мимо всех тех культурных сокровищ, которые оставило ему в наследство прошлое, он не может не использовать огромный научный и учебный аппарат, каким располагали государство и общество даже в России.

Гигантская задача постепенно наполняться социалистическим духом, это чрезвычайное по размерам скопление всякого рода действительных и сомнительных ценностей без того, чтобы разрушить их, это—задача пролетариата, как диктатора, пролетариата постольку, поскольку он стоит у государственной власти. Надо использовать академии, университеты, музеи, лаборатории, школы, театры, концерты, выставки и т. д., и т. д.

Нельзя приостановить их действие, нельзя отмахнуться от них, заявивши, что они не соответствуют нашему классовому духу. Соответствующего нашему духу у нас так мало, что, оставив в России только эту часть источника света, мы рисковали бы погрузить ее во тьму.

Да и этот светильник, зажженный буржуазной рукой или рукой полубуржуазного интеллигента, почти бессильно чадит, почти все они тусклы, но их много, и дело заключается не в том, чтобы гасить их, а в том, чтобы заставить их гореть ярче и путем процесса такой трудности и медленности, которая колет глаза всякого наблюдателя, переработать этот механизм в подлинное орудие социалистической культуры.

Можно ли спорить, что рядом с этим пролетариат не только имеет право, но обязан искать свои собственные пути, что рядом с использованием всего ценного, что есть в академиях и университетах, рядом с медленным перерождением их в новые формы он может и обязан создавать свои университеты, которые слишком малы и которые слишком слабы, чтобы претендовать на роль в массовом просвещении народа, но которые необходимы, как лаборатории грядущей культуры, и являются важными органами для советского государства в его борьбе за знания и красоту для масс. Можно ли отрицать, что было бы крайне опрометчивым срывать старый пролетарский организм, проводить какие-нибудь рискованные реформы в области этих тончайших структур в то время, как каждый из нас видит, какой огромный интерес проявляет пролетариат в деле всевозможного ознакомления со всем, что только есть хорошего в старой культуре,—а ведь хорошего имеется очень и очень много.

Посмотрите, что больше всего имеет успех у пролетариев. Вкусы у них верные; правда, их часто развращают всякими фарсами или дребеденью, в которой бездарные писаки подлаживаются к митинговому жаргону, но стоит только пролетариату увидеть классическую трагедию или комедию или прекрасную оперу, чтобы он сразу чувствовал всю разницу. Государственный театр переполняется пролетариями. Мариинский театр в Петрограде в течение двух месяцев был посещен 80.000 рабочих. В Александринском театре мы наблюдали овации со стороны рабочих в наиболее красивых спектаклях. Малый театр полон, и значительным контингентом его зрителей является рабочий.

Знание искусства, хотя бы отнюдь не пролетарского, но мастерски сложившегося, у которого есть чему научиться, импонирует пролетариату больше, чем крикливые и внутренне уверенные в себе искания разного рода «футуристов», которые в области театра не создали ничего, кроме разного рода пакостей и пряностей для утомившегося, оставшегося прекрасным, окрасившегося формами... театра зрителя, но было бы в высшей степени печально, если именно этот театр, хотя бы он и достигал образцовых результатов, как Мариинский театр в Петрограде, Малый и Художественный в Москве, оказался бы выразителем дум пролетариата.

Необходимо, чтобы пролетариат вместе с этим отыскивал свои собственные пути, которые вряд ли совпадут с исканием интеллигентской молодежи.

Интеллигентская молодежь внесет много своей свежести, оригинальности в школу, которую проходит пролетариат, но и ей самой придется многому научиться у пролетариата. Только в том случае, если эта интеллигенция сумеет поставить себя в положение идейного ученика высокого класса, она сможет сыграть известную культурную роль.

Я взял наиболее яркий пример: жизнь нынешнего театра; но то же самое видим мы повсюду во всех областях культуры.

Вот почему я со всей твердостью заявляю, что следует с осторожностью подходить ко всем экспериментам со старыми учреждениями культуры, демократизовать их, делать доступными, изгонять из них враждебный или негодный для пролетариата элемент, постепенно наполнять их новым содержанием, избегать при этом ненужной ломки и ненужной торопливости.

Такова была в этой области политика Народного Комиссариата Просвещения, и такой она останется, пока руководство в этой области доверено мне.

Я не хочу сказать этим, что мы склонны были к кустарничеству,—вряд ли кто обвинит нас в этом, кроме людей, мало знакомых с деятельностью Нар. Ком. Просв.,—скорей, я боюсь, что в области школы мы сделали местами слишком стремительный прыжок вперед. В этом смысле я призываю моих товарищей—коллег и помощников—к известной осмотрительности. Так в стремлении к созданию единой трудовой политехнической школы мы, несомненно, способствовали преждевременному ущербу для школ профессионально-технических.

Можно привести и другие примеры увлечения идеалом и неосторожным максимализмом в той области, где так же нелепа механическая скорость процесса в росте нового, как нелепо-механически тащить цветок вверх, чтобы он поскорей вырос.

Повторяю, скорей мы в этом отношении торопимся, чем медлим, медлить мы не будем и впредь и со всей энергией будем работать над использованием и перерождением органов культуры, унаследованных нами от прошлого, заботиться о том, чтобы не причинить им существенного вреда и не прекратить их существования в то время, когда на смену им ничто другое еще не готово; но так же точно со всей энергией я буду отстаивать права пролетариата на совершенно самостоятельное, даже от советского государства независимое лабораторное строительство своей особой культуры. Пусть пролетариат самостоятельно переоценивает все, что ему дается, пусть пролетариат ищет новых форм в области искусства, новых методов в области науки.

Быть может, Пролеткульты не всегда ясно понимают свои задачи, быть может, иногда не ведут параллельную работу с работой советских органов. Мало ли что, все советские органы перепутываются между собой, нельзя избежать междуведомственных трений, но ведь никому не приходит в голову, что из столкновений каких-нибудь двух ведомств, например, Совнархоза с Компродом, следует, что одно из них должно быть устранено. Для Пролеткульта есть совершенно своеобразное место. Я поддерживаю всецело право Пролеткульта на особое существование и на широкое государственное субсидирование.

Я радуюсь тому, что это движение имеет пролетарский характер, я одобряю тех товарищей интеллигентов, которые помогают ему, понимают, как опасно было бы навязывать этим молодым организациям свои мысли и свои вкусы, верят, что они явятся им только помощниками, расчищающими дорогу грядущему творцу.

Вот те предварительные мысли об условиях создания социалистической культуры, которые я хочу изложить в этой первой статье.

Это—та тяжкая работа, тяжкая, но вместе с тем бодрящая, которую нам предстоит выполнить как на путях советского культурного строительства, так и на путях пролетарского искания.

Но хочется, конечно, бросить взгляд вперед и на основании пополненных теперь данных постараться обрисовать, какими чертами будет отличаться социалистическая культура, когда она отольется с некоторой полнотой.

Много ценных мыслей по этому поводу высказал товарищ Богданов, на сочинения которого—и прежние и новые—я обращаю особое внимание всех интересующихся этими вопросами, но в следующей статье я выскажу несколько моих мыслей на эту тему.

А. Луначарский.

ственного спасения; душа народа освобождается от цепей порока, от мрака невежества, дети обретут там свой «Дом». Новые поколения идут навстречу новой эре, когда нищету будут не оплакивать, но побеждать; когда гнусные притоны порока и скорби отойдут в прошлое, и среди живых не останется от них и следа, лишь отзвук их в бессмертных образах поэтов».

В Россию еще в 60-х годах прошлого столетия занесены были семена детских садов. Довольно долгие годы эти семена давали единичные, этиолированные всходы. Только Петроградское Фребелевское Общество являлось таким ростком, который, выпуская из своего питомника все новые и новые кадры детских садовниц, не давал глохнуть на местах этой идее. В 90-х годах неустанными трудами нашего талантливого профессора Лесгафта кладется прочное основание сначала преимущественно физическому, а затем и нравственному, умственному и эстетическому воспитанию детей. Под его влиянием и воспитанных на его курсах образованных садовниц мы видим развитие в России детских садов, площадок, летних колоний.

Далее в Петрограде возникает педагогический институт, при Психоневрологическом Обществе расширяется программа Фребелевских курсов. В Киеве возникает Фребелевское Общество, О-во народных детских садов. В Москве основывается С. Т. Шацким сетлемент, под влиянием американских учреждений такого же характера, закрытый старым правительством и возродившийся под другим названием «Детский труд и отдых».

Общие принципы, положенные ныне в основание хороших детских садов в Петрограде и в Москве, основываются на стремлении создать еще на дошкольной скамье маленького человечка, давши простор его индивидуальным качествам, его творчеству, активности, самодеятельности. Интерес—вот импульс для работы-игры ребенка. Правильное физическое развитие, пользование ежедневно свежим воздухом, игры на дворе и в саду, общая спокойная и уравновешенная атмосфера, которую вносит интеллигентная любящая детей садовница, правдивость, отсутствие лжи, искренность, общественные инстинкты, подавление детского эгоизма на почве общих интересов всего детского коллектива, изощрение сенсорных чувств ребенка, которые служат для дальнейшего умственного развития его, воспитание эстетических и моральных эмоций—вот основания, которые кладут в деле формирования человека в детском саду наши лучшие садовницы. Путем устройства собеседований с матерями детей, путем постоянного участия матерей в выработке норм для детского сада, благотворное влияние хорошей, спокойной и любящей атмосферы детского сада переходит и на семью. Семья в таком случае делается для руководительницы сада помощницей в водительстве ребенка. Воспитанный в такой атмосфере, попадая в школу, в которой должны проводиться те же принципы, как это мы видим в новой школе, основанной М. Х. Свентицкой, ребенок и здесь будет итти в благотворной атмосфере активности, самодеятельности и творчества.

«Вы поручаете воспитание вашего сына,—говорит Руссо, когда он уже вполне развит, а я хочу, чтобы он имел воспитателя еще до рождения». «Степень совершенствования общества всего вернее определяется степенью сознательного участия в заботах о детях, их благе», говорит Лесгафт.

А. Е. Каменцев.

Сущность и ближайшие задачи профессионального образования.

Текущий момент.

Развитие производственных сил страны и подъем продуктивности труда составляют насущную задачу настоящего момента. Выполнение этой задачи невозможно без вооружения всего трудового населения техническими знаниями, позволяющими производить работу осмысленно, ввести в нее все технические улучшения и механические методы, какие только возможны при настоящем уровне техники, и заменить тем ту убыль в населении, материалах и инвентаре, которую произвела мировая война.

Задача эта стоит во весь рост перед всеми народами мира и имеет особую важность для молодой Российской республики, где примитивные методы обработки земли и всегда отсутствовавшее должное развитие промышленности превращают недостаток живой силы и соответствующих знаний в катастрофическое явление, угрожающее превращением рабочего и крестьянского населения страны в послушное орудие иностранного капитала, который может, воспользовавшись нашей беспомощностью, захватить в свои руки все богатства страны, предоставив русскому населению роль низшей рабочей силы.

Борьба с подобными стремлениями, могущими погубить только что начавший крепнуть социальный строй страны, возможна, и именно путем широкого профессионального образования, к которому должны быть привлечены все силы страны.

Декрет о трудовой школе предоставил всему населению страны возможность получить трудовое политехническое образование для молодого поколения в возрасте до 16 лет, почему специальное образование для дальнейшей подготовки к трудовой жизни должно базироваться именно на трудовой политехнической школе.

Поэтому целый ряд специальных учебных заведений, типа техникумов, политехникумов, постоянных курсов и пр., дающих специалистов по избранной узкой отрасли технических знаний (инженеров, агрономов и пр.), должен покрыть строго продуманной сетью страну применительно к потребностям того или другого района.

Но практическое выполнение этой огромной задачи требует создания большого количества новых школ и значительного периода времени для проведения через школу молодого поколения, прошедшего предварительно политехническую трудовую школу.

Вся же масса населения в возрасте свыше 16 лет, в настоящее время уже участвовавшая так или иначе в трудовой жизни, конечно, не может, да и не должна остаться в стороне ни от общего, ни от профессионального образования, так как жизнь требует принятия немедленных мер к подъему производительности труда. Вот почему в связи с этим и притом безотлагательно необходимо устройство профессиональных образцовых учреждений, курсов и лекций для взрослого населения, не прошедшего политехнической трудовой школы для массового создания так необходимых теперь производству работников.

С этою целью должны быть намечены курсы или школы для подготовки мастеров-техников по данной специальности или определенному ремеслу, которые должны явиться ближайшими руководителями квалифицированных рабочих в производстве.

Но и первичные категории труда требуют не меньшего внимания в целях улучшения постановки дела и выработки сознательности в отношении, так как идея трудовой деятельности основывается не на приказе или страхе увольнения, а на ясном понимании целей производства и методов его улучшения. Создание квалифицированных рабочих для различных производств требует поэтому особого типа курсов, главным образом краткосрочных.

Профессиональное образование не может, однако, ограничиться только установлениями с систематическим обучением, так как быстрые успехи техники, при отсутствии кадра местных постоянных работников, вызывают потребность в пропаганде технического образования в виде эпизодических курсов и лекций (главным образом с выездными лекторами), ознакомления с методами улучшения производства, устройстве местных промышленных музеев, где должны быть собраны образцы лучших изделий и лучших орудий производства, в показательных школах-заводах, школах-фабриках и образцовых хозяйствах, наконец, в показательных мастерских и лабораториях, где желающие могут не только смотреть, но и учиться улучшенным методам работы и знакомиться с новейшими станками и приемами работы.

Все эти типы школ и курсов должны связываться между собою так, чтобы возможен был легкий переход от одной ступени знаний к другой, при чем типы школ должны быть гибкими и легко приспособляемыми как к местным условиям развития жизни и труда рабочего населения, так и к потребностям местного хозяйства, для обслуживания как крупной, так средней и мелкой, а равно и кустарной промышленности (от которой долгое время не удастся, быть может, отказаться), но еще больше для нужд сельского хозяйства.

Таким образом вся сеть школ, курсов и других внешкольных профессиональных установлений должна представлять гибкую стройную систему, применяющуюся к особенностям каждого района. Местные организации, в лице Отделов народного образования, Советов народного хозяйства и профессиональных союзов, должны немедленно выяснить как потребные виды школ и курсов, так и пункты их учреждения и способы привлечения к занятиям в них трудящихся масс, которые окупятся сторицей подъемом производительных сил страны.

Общий план реформы профессионального образования, исходя из указанных соображений, мог бы быть намечен следующий.

Для подготовки специалистов-инженеров или агрономов создаются особые высшие школы, построенные на базе знаний полной трудовой школы, при чем одни из них получают уклон в сторону практики и задаются целью подготовления узких

специалистов по отдельным отраслям знаний, другие получают научный уклон. В первый тип легко могли бы быть преобразованными бывшие средние технические училища, а также хорошо оборудованные училища ремесленные, при условии организации в их мастерских производства по специальности. Осуществление задач школ 2-го типа могло бы быть предоставлено бывшим высшим техническим институтам.

Полный курс обучения в таких школах не должен продолжаться более 4-х лет, включая сюда и практику, при чем школы с узкой специализацией в сторону практики могли бы иметь и менее продолжительный курс (напр., 2—2½ года).

Конечно, учебные планы, состав предметов, объем и продолжительность практических занятий должны быть выработаны местными организациями в зависимости от специальности и местных условий, имея ближайшею целью удовлетворение местных нужд в смысле сообщения технических знаний, необходимых для развития местной промышленности и подъема производительности труда.

Для каждой такой школы следует, однако, считать обязательным: применение новейших лабораторных методов работы, практические занятия вне школы на фабриках, заводах или строительных работах соответственно специальности, знакомство с организацией промышленных предприятий по специальности и с историей труда, культуры и рабочего движения, а также с политической экономией.

Нет сомнения, что связь этих школ с местными фабриками и заводами для организации практики и с целью использования их оборудования для обучения обязательна как в том, так и в другом типах высших специальных школ. После прохождения слушателями полного курса желателен хотя бы годичный стаж их вне школы, после которого по защите отчета в особой комиссии их можно было бы считать получившими законченное техническое образование.

Поступление в такого рода школы должно быть поставлено на общих принципах с поступлением в высшие учебные заведения, при чем при организации вечерних занятий следует обратить особое внимание на привлечение к ним рабочих и подростков с обязательным для последней категории освобождением на 2 часа от работы в мастерских и других учреждениях.

Являясь рассадниками технического образования и факторами подъема производительности и улучшения техники рабочего труда, упомянутые школы должны приложить все силы к привлечению всего рабочего населения к профессиональному образованию. С этой целью независимо от предоставления возможности обучения в них рабочего населения, могущего по проверке знаний следовать за курсом занятий, они должны обрастать рядом профессиональных курсов по родственным их специальностям всех ступеней, давая этим возможность рабочему населению постепенно пройти все степени технической подготовки, используя этим наиболее полно существующее оборудование лабораторий, кабинеты и помещения.

Конечно, соответственные подготовительные курсы должны быть организованы также и для рабочих, желающих, но не могущих по своему развитию следовать за общими занятиями в школе.

Для перехода к нормальному плану те из существующих технических училищ, контингент учащихся в которых не имеет знаний полной трудовой школы, вводят в действующий ныне учебный план предметы, дополняющие их программу до объема знаний полной трудовой школы.

Ремесленные училища (как женские, так и мужские) с хорошим и полным оборудованием мастерских и учебных пособий при наличии местных условий, конечно, могут быть преобразованы подобно училищам техническим.

Все же остальные ремесленные училища и ремесленные школы (как мужские, так и женские) могут быть использованы для целей Единой Трудовой Школы—главным образом для 2-й ступени ее и районных мастерских, обслуживающих школы 2-й ступени, при которых мастерских не имеется. Те же из этих школ, которые находятся в местностях, где в интересах благосостояния трудящихся является необходимым путем улучшения качества и увеличения производительности труда развитие и укрепление промышленности, могут быть преобразованы в профессиональные курсы соответствующих местным потребностям специальностей, имеющие целью подготовить профессионально развитых квалифицированных рабочих и их ближайших руководителей, а также и инструкторов по трудовым процессам для Единой Школы.

Подобные курсы могут быть вечерние, воскресные, дневные и сезонные, в зависимости от рода тех ремесл и профессий, для которых они служат, считаясь с необходимостью привлечь к обучению по возможности большую часть рабочего населения.

Курсы могут быть и многолетними (2—3 года), но в этом случае учебные планы их должны быть сконструированы концентрически так, чтобы каждый цикл давал законченные профессиональные знания и чтобы учащиеся, по тем или иным причинам не могшие продолжать занятий, могли бы использовать полученные знания.

Возраст учащихся на курсах не должен быть ниже 16-ти лет, но следовало бы думать, что в тех случаях, когда в данной местности создание достаточного количества трудовых школ 2-ой ступени встречает почему-либо непреодолимые затруднения, вследствие, напр., недостатка преподавательских сил или оборудования, можно было бы допустить на курсы временно и лиц в возрасте от 14 лет, что соответствует декрету о труде подростков в фабричных и заводских предприятиях.

Имея главной задачей поднятие производительности труда, профессиональные школы и курсы должны по возможности объединять вокруг себя все трудовое население, не только удовлетворяя его технические запросы, но и пробуждая в нем интерес к приобретению профессиональных знаний путем устройства лекций, бесед, экскурсий и пр.

Нет сомнения, что на этих лекциях и беседах каждый раз должно быть подчеркиваемо, что все виды профессионального образования преемственны, благодаря чему каждому предоставляется возможность пройти все ступени образования от низшей до высшей.

К видам профессионального образования первой очереди можно также отнести школы-мастерские, школы-коммуны, школы-заводы, школы-фабрики, школы-фермы и пр., организацией которых следует заняться безотлагательно.

Школы эти основывать можно и особо, но лучше при существующих фабриках, заводах, фермах или хозяйствах с надлежащим оборудованием их по каждой специальности, отвечающим последним требованиям техники, при чем работа в этих школах должна протекать в условиях правильно поставленного современного промышленного производства или хозяйства.

Помимо основной цели этих школ—создания квалифицированных рабочих в различных отраслях народного хозяйства и инструкторов-руководителей, помощью их устанавливается жизненная связь между местным производством и всякого рода учреждениями, способствующими развитию дела специального образования путем взаимного выяснения нужд в профессиональном образовании и способов их удовлетворения, путем обучения научным методам производства в самых промышленных предприятиях и хозяйствах, путем откомандирования специалистов для инструктирования и чтения лекций и т. п.

Что касается до использования средств для профессионального образования, то, имея в виду затруднительность изготовления в настоящее время необходимых пособий на местах и получения их из-за границы, следует не только бережно, но и разумно и всесторонне использовать все, что имеется в стране и может помочь развитию профессионального образования.

С этою целью 1) все оборудования и помещения профессиональных школ и курсов должны быть использованы до максимума путем занятий в несколько смен (с утра до вечера); 2) музеи, библиотеки технического характера или техническая часть общих библиотек должны быть предоставлены в пользование всему трудовому населению страны с устройством при них комнат для чтения, выставок, лабораторий, бесед, лекций пропаганды и пр.; 3) должны быть устроены в различных районах государственные мастерские для изготовления пособий и моделей для нужд школ и курсов; 4) существующие мелкие промышленные предприятия должны послужить для организации при них соответственных курсов, школ-мастерских и пр., либо используя их оборудование для иных школ и курсов; 5) существующие фабрики, заводы, фермы и хозяйства должны быть рассадниками профессиональных знаний, организуя различного рода курсы, лекции, беседы, связанные с производством, создавая показательные музеи, коллекции, библиотеки, мастерские, лаборатории, превращаясь в своей части или в целом в школы-заводы, школы-фабрики, школы-фермы, школы-хозяйства и пр.

Настоящая необходимость быстрейшего подъема производительных сил страны требует немедленно энергичного ускорения процесса формирования, теперь же, достаточных кадров работников всех ступеней из наиболее способных, энергичных и преданных делу рабочих и крестьян.

Для того же, чтобы дать возможность наиболее способным быстро продвинуться в ряды высших руководителей технического дела, необходимо особое внимание отдать созданию целой сети курсов для подготовки в высшие специальные учебные заведения. Слушатели подобных курсов должны быть разбиты на группы соответственно уровню общих их знаний и развития, находящиеся между собою в преемственной связи и дающие в совокупности подготовку в объеме политехнической трудовой школы, но с уклоном в сторону специальности высшего учеб

ного заведения, в которое слушатель готовится.

Для большей успешности в занятиях наиболее выдающихся слушателей курсы должны быть устраиваемы дневные, имея в виду соответствующее социальное обеспечение курсантов.

Нет сомнения, конечно, что такое крупное дело, как перестройка всего профессионального образования на основах поднятия производительности труда, связанной с условиями текущего момента, требует спешной мобилизации всех технических сил страны, которые уже декретно приравнены к военнообязанным и взяты на учет. Теперь только приходится сплотить их в дружную армию, спаять общей идеей и двинуть в нужном направлении.

I. С целью подготовления нового преподавательского персонала и освежения сил старой школы новыми должны быть спешно организованы преподавательские курсы, через которые следовало бы, как через контрольный аппарат государственной важности, пропустить, так или иначе, всех существующих преподавателей и параллельно заняться формированием новых кадров из производительных сил заводов, фабрик и хозяйств, привлекая не только заводских инженеров и техников, но и рабочих в качестве будущих непосредственных руководителей в новой профессиональной школе, при чем в основу формирования новых кадров должно быть положено непременное установление связи преподавательского персонала с промышленностью в виде службы или периодических откомандирований для пополнения и освежения знаний.

II. Для установления же общих точек на местах необходимы районные совещания, организацию которых могли бы взять на себя губернские Отделы народного образования, с тем чтобы в ближайшем будущем был созван 1-й Всероссийский съезд по профессиональному образованию.

В. А. Александров.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ.

Проект организации дошкольного подотдела народного образования.

Трудно из центра предложить определенный тип организации Отделов, не имея возможности учесть все местные условия, но все же общую схему желательно представить. Губернские подотделы должны быть центром, объединяющим всю работу данного района, а посему организация его должна быть построена таким образом, чтобы, соответственно этому руководящему началу, служить помощью уездам и волостям в их начинаниях. Исходя из бедности страны силами и материалами, приходится губернским Отделам учесть имеющийся во всей губернии запас как живых сил, так и пособий и оборудований, и правильно распределить их по всей губернии таким образом, чтобы обслужить все места более или менее равномерно. Трудно, при отсутствии соответствующей обстановки и отсутствии педагогического персонала, поставить по всей губернии дело дошкольного воспитания на должную высоту,—придется, считаясь с неблагоприятными условиями, итти на компромисс, чтобы удовлетворить коло сальные потребности, вызванные социально-экономическими условиями в дошкольных учреждениях.

Однакоже эти компромиссы, на которые мы пойдем, должны быть приняты со следующими оговорками: с одной стороны, должны быть соблюдены минимумы гигиенических и педагогических требований, с другой—на эти минимумы надо смотреть как на дело временное, все время изменяющееся с силу стремления к более совершенным формам в строительстве дошкольного воспитания. Исходя из этого, приходится местным губернским Отделам строить свои организации таким образом, чтобы были организованы, в первую голову, эти источники света, распускающие свои лучи по всем учреждениям, вызванным жизнью и лишенным этого светлого начала. Для этого необходимо при каждом губернском Отделе и в крупных городах организовать хотя бы по одному детскому очагу-саду, в которых принципы дошкольного воспитания были бы соблюдены полностью как в смысле обстановки, так и со стороны внутреннего содержания. С внешней стороны этот детский очаг-сад должен быть обставлен таким образом, чтобы все, начиная с дома, стен, обстановки сада, материала и кончая каждой мелочью, находящейся в этом учреждении, соответствовало бы как гигиеническим требованиям, так и педагогической постановке дела.

В этих образцовых детских учреждениях должны быть лучшие руководители, вокруг этих учреждений должны группироваться все силы, эти очаги-сады должны стать центром пропаганды и агитации правильной постановки дошкольного дела. Должен быть открыт широкий доступ как всем работающим в примитивных детских садах, так и вообще всем готовящимся к работе в детских учреждениях. При таких садах-очагах должны быть организованы библиотеки, музеи, которые должны быть не мертвым инвентарем, загромождающим полки, а живым языком, разъясняющим жизнь и творчество детей.

Чтобы удовлетворить этому своему назначению, необходим при таком учреждении специальный инструктор, в обязанности которого должно входить разъяснение и использование в смысле пропаганды каждого предмета детского учреждения.

Для повышения уровня в примитивных учреждениях необходимо всех работников-примитивов сгруппировать вокруг этого детского образцового учреждения, устраивать семинарии и собеседования по постановке детских учреждений, и инициатива в этом деле должна исходить из образцового сада. Главным вопросом, подлежащим обсуждению на этих (желательно еженедельных) совещаниях, должны быть вопросы и сомнения, выдвинутые из практической работы, и здесь, путем коллективного товарищеского обмена мнений руководителей малоопытные получают массу ценных сведений, облегчающих им дальнейшую работу.

Организация и правильная постановка курсов для подготовки дошкольных работников требует сейчас как со стороны центра, так и со стороны губернского Отдела народного образования самого серьезного отношения.

Ясно, что без подготовленного кадра дошкольных работников дело двигаться не может. Необходимо, идя навстречу растущей потребности в дошкольном воспитании, открыть целую сеть дошкольных курсов различных типов и видов, как долгосрочных—для повышенного типа работников, так и краткосрочных—для работников в примитивных детских учреждениях. До сих пор существовавшие курсы по подготовке дошкольных работников были неудовлетворительными по своей постановке. Они, с одной стороны, отличались излишней теоретичностью и громоздкостью программ, мало отвечающих потребностям практиче-

4) Размер ежемесячного пособия не может превышать размера той суммы, какая в местожительстве нуждающегося в пособии принята как норма оплаты труда по должности данной категории.

5) При определении размера пособия принимаются во внимание: а) степень утраты трудоспособности просителя (частичная и полная), б) его семейное и материальное положение и в) условия жизни в данной местности.

6) В Народном Комиссариате по Просвещению при финансовом Отделе для рассмотрения всех ходатайств о пособиях учреждается «Комитет по назначению и выдаче пособий» в составе пяти представителей: 1) от Отдела высших учебных заведений, 2) от финансового Отдела Народного Комиссариата по Просвещению, 3) от Отдела единой трудовой школы, 4) от Отдела внешкольного образования и 5) от Всероссийского Союза работников просвещения и социалистической культуры. В заседание Комитета приглашаются также, в случае нужды, представители других Отделов Народного Комиссариата по Просвещению, сведущие лица и представитель Государственного контроля.

7) Нуждающиеся в пособиях должны направлять свои ходатайства в Народный Комиссариат по Просвещению (Москва, Остоженка, 53, Финансовый Отдел), присоединяя к ним следующие документы: а) свидетельство о своей педагогической работе (родственники, находившиеся на иждивении умершего работника по народному просвещению, представляют удостоверение об этом), б) удостоверение от больничной кассы или медицинского отдела при местном Совдепе об утрате трудоспособности, в) удостоверение от местного административного учреждения: 1) о своем семейном положении с обозначением числа нетрудоспособных членов семьи, живущих на иждивении просителя, 2) о своем материальном положении и 3) об условиях жизни в данной местности, и г) удостоверение от Комиссариата Труда и Социального Обеспечения и Государственного Казначейства о неполучении просителем пенсии из этих учреждений.

8) Пособия по настоящему «Положению» могут быть выдаваемы не ранее, как с 1 ноября 1918 г.

Настоящее «Положение» вступает в силу с момента опубликования.

Заместитель Народного Комиссара по Просвещению *М. Покровский*.

Секретарь Коллегии *В. Маркус*.

ХРОНИКА.

Деятельность Народного Комиссариата по Просвещению.

(Октябрь 1917 г.—ноябрь 1918 г.).

ВВЕДЕНИЕ.

Октябрьский переворот, создавший громадный социальный сдвиг, произведший решительную ломку старых буржуазных и полуфеодально-буржуазных устоев экономической и политической жизни России и приведший к политической власти пролетариат и беднейшие передовые массы крестьянства, естественно, не мог пройти мимо и не вовлечь в свой бурный водоворот такие важные области, как, например, народное просвещение. Новые принципы социализации—социализации экономической и хозяйственной жизни, социализации права—должны были пройти глубже, дальше, захватить все рычаги, которыми силен буржуазный строй. На ряду с другими ценностями—силами и средствами классового господства и классового угнетения, в руки восставшего и овладевшего властью рабочего класса должны были перейти и культурные блага: школы, библиотеки, музеи, наука, искусство.

Большое, богатое наследство—буржуазная культура. И много ценностей человеческого духа, переходящих за грани того или иного века или народа, великих и «вечных», несмотря на их классовый характер и на цели групповые, классовые, которым они служили, дала эта культура, конечно, на ряду со многими ценностями другого порядка, когда они служили могучим, страшным по силе, по своему гнету орудием духовного порабощения народных «низов», классового закабаления их, усмирения, власти тьмы.

Октябрьская революция не была бы великой, народной, социальной, если бы эту твердыню народного угнетения не тронула одновременно с другими рычагами буржуазного мира и не попыталась бы переустроить на революционно-социалистических (коммунистических) началах народное образование, как одну из сторон и притом одну из важнейших—социально-политической жизни, как предпосылку торжества и закрепления своих завоеваний. Год, теперь уже больше года со времени октябрьского переворота—время тяжелой работы и непомерного труда Народного Комиссариата по Просвещению в обстановке ликвидации внешней мировой империалистической войны и в разгаре внутренней гражданской войны, в обнищавшей стране, при разрухе экономической и хозяйственной, при абсолютно и относительно, в сравнении с западно-европейскими государствами, низком культурном уровне народных масс, наконец, в тяжелых условиях первоначального одиночества пролетариата и еще слабой организованности и активности крестьянских масс, когда, наконец, от пролетарской революции шарахнулась интеллигенция и пошла на бешеный активный и пассивный саботаж против революции,—этот год пережит. И Народный Комиссариат по Просвещению вступил во второй год своего существования, преодолев многие внешние и внутренние препятствия инерции, косности и саботажа, с радостным чувством им содеянного, с бодрой верой в будущее уже начатой, уже проводимой им революции в области просвещения трудовых масс, в сферах науки, искусства, техники, при активной поддержке, все более растущей и сильной, населения.

В задачи настоящего отчета входит дать краткую сжатую схему наиболее важнейших этапов минувшей деятельности Народного Комиссариата по Просвещению, преимущественно отмечая политическую и организационную сторону и суммируя факты революционно реформаторского творчества Комиссариата в отдельных отраслях его. И прежде всего необходимо остановиться на общей обрисовке работ Комиссариата, с историческими параллелями наиболее характерных моментов, и уже затем привести отчеты по отделам, идя от одного к другому и последовательно углубляя содержание произведенных Комиссариатом работ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

С самого начала деятельности Народного Комиссариата по Просвещению во главе его стала Государственная Комиссия по Просвещению, учрежденная декретом 9 ноября 1917 г., а еще раньше декларированная в первом обращении народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского от 29 октября, намечавшего общее направление и программу просветительной деятельности. В Государственной Комиссии, как в фокусе, преломлялась вся протекавшая работа по просвещению: здесь часто были и первоначальные истоки, и здесь окончательно завершались все основные течения мысли и воли, направленные к одной общей цели творчества новых социалистических ценностей человеческого знания и искусства. Это, конечно, отнюдь не отрицало большой и трудной работы всего остального аппарата Народного Комиссариата по Просвещению: отделов, секций, коллегий, а также работы на местах, где все более вырастали в помощь Комиссариату и советским организациям массовые—групповые и классовые—инициатива и самодеятельность. В декрете об учреждении Государственной Комиссии определенно указывалось, что Государственная Комиссия не собирается стать центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все местное дело должно быть передано органам местного самоуправления. Самостоятельная работа классовых—рабочих, солдатских, крестьянских культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономностью, как по отношению к государственному центру, так и к центрам муниципальным. Дело Государственной Комиссии—служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственно-общенародном масштабе. На-

конец, в декрете отмечалось, что «сотрудничество педагогов и сил общественных—вот что будет преследоваться Комиссией во всей ее деятельности».

Общественные силы, пролетарские и демократические, разнообразные по социальному строению, привлекались по декрету и в самый состав Государственной Комиссии: 3 представителя от Исп. Ком. Советов Р. и. С. Деп., 2— от Исп. К-та Всерос. Совета Крест. Депутатов, по одному представителю от Центр. Бюро профес. союзов, от Всерос. Центр. фабрично-заводских комитетов, от Ц. К. петроградских пролетарских культурно-просвет. организаций (впредь до создания подобного же всероссийского органа). Далее намечались: 2 представителя от Всероссийского Учительского Союза, по одному—от Академического Союза, от Всерос. Студенч. Союза (когда таковой образуется), от Всероссийского Союза городов, от Всерос. Земского Союза, от Всерос. организации художников (как только она возникнет), от Государственного Комитета по народному образованию, все эти делегированные лица должны были войти в состав Государ. Комиссии на ряду с народным комиссаром по просвещению — председателем Комиссии, секретарем Комиссии и 15 лицами по назначению Совета Народных Комиссаров: заведующими 15 Отделами Комиссариата, представлявшими и исполнительный аппарат Госуд. Комиссии, ведущий текущую работу Комиссариата.

С 21 ноября 1917 г. стала функционировать Государственная Комиссия. Ее работу можно разделить на три организационных периода, до некоторой степени совпадавших с политической стороной ее деятельности и общей политической конъюнктурой: первый период—работы в Петрограде,— до эвакуации Комиссариата в Москву; второй—с момента переезда в Москву, со второй половины марта 1918 г. до 22 июня, явившегося последней гранью существования Государ. Комиссии на старом основании уже изжитого—по содержанию работ и конструкции Государ. Комиссии—декрета 9 ноября 1917 г. и кануном нового бытия Государственной Комиссии, на основании конституции (основного закона) Рос. Соц. Фед. Советской Республики 10 июля 1918 г. и выработанного в соответствии с нею положения «об организации дела народного образования в Российской республике», распубликованного 26 июня. В новом своем составе Государственная Комиссия начала функционировать с 20 июля и этим открыла третью стадию своих работ.

Первый ноябрьско-февральский, завершившийся к середине марта 1918 г., период характеризуется преимущественно негативными моментами: преодолением мервости запустения и саботажа в Народном Комиссариате по Просвещению и в его учреждениях; ликвидацией наиболее ярких или, скорее, темных сторон старой организации народного образования,— пережитков самодержавия и власти церкви,— раскрепощением школы, знания и искусства от мертвящих тисков рутины, косности и бюрократизма. Было ясно, что завоевания революции в политической и экономических областях лишь тогда можно считать прочными, когда «мертвый» строй не будет хватать «живого» не только в сферах политики и экономики, но и лишится силы влиять на умы и понятия, держать в плену дух, сознание пробудившихся народных масс. Было ясно, что для этого необходима, например, не школьная реформа, а пересоздание школы, перевоплощение самого идеала и коренное изменение принципов и методов образования в сторону создания идеологических предпосылок социалистического переустройства страны. И так во всех областях, какие перешли или должны были отойти в ведение Народного Комиссариата по Просвещению. Но для этого нужно было прежде всего сбросить сковывающие творчество нового содержания жизни путы старого строя. И через Государственную Комиссию прошли: постановление о передаче в ведение Народного Комиссариата по Просвещению дела воспитания и образования из духовного ведомства (опубликовано 11 декабря 1917 г.), об упразднении должности законоучителей всех вероисповеданий с 1 января 1918 г. (Пост. Гос. Ком. 10 января; опубликов. 17 февр.), об упразднении учебных округов и должностей попечителей учебных округов и попечительских советов, об упразднении должностей директоров, инспекторов и начальниц в средних учеби. заведениях и директий и инспекций в народных училищах (опубл. 21 янв.). Все делопроизводство народных школ передавалось Отделам народного образования при местных Советах Р., С. и К. Депутатов, а в средне-учебных заведениях создавались педагогические советы с выборными должностями председателя, его товарища и секретаря. 10 января 1918 г. Государ. Комиссией был принят проект декрета о светской школе (утвержденный Сов. Нар. Ком. 21 января), а 23 января был издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Таким образом, раскрепощение школы сразу пошло по двум направлениям: секуляризации и освобождения от остатков полицейско-административного гнета. И рядом с этим, даже уже в только что отмеченной работе, производилась и положительная творческая деятельность.

«Наследство» по народному просвещению, оставшееся от царизма и почти нетронутое Временным Правительством, находилось в состоянии слишком хаотичном, крайне запущенном, без объединения каким-либо общим планом, разбросанное почти по всем ведомствам, и «для преобразования учебно-воспитательного дела, в целях объединения и обновления его на началах новой педагогики и социализма», было 23 февраля постановлено, что «все учебные заведения—высшие, средние и низшие, — общеобразовательные и специальные,—числящиеся в различных ведомствах, переводятся в ведение Народного Комиссариата по Просвещению, со всеми помещениями, имуществом и капиталами, находящимися в их пользовании, а также ассигновками и кредитами. Для проведения в жизнь всех необходимых по этому вопросу мероприятий» учреждалась «Междуведомственная Комиссия из представителей Народ. Комиссариата по Просвещению и всех других ведомств, из которых переводились учебные заведения».—Этим постановлением начиналась работа Комиссариата и в частности Государственной Комиссии, очень большая и трудная, завершившаяся дополнительным декретом о переходе учебных заведений в ведение Нар. Комиссариата по Просвещению лишь 5 июня 1918 г.

«Лишь в силу исторических условий» не принадлежали до октябрьской революции к ведомству Народного Просвещения театры, музеи, академии художеств, исторические дворцы и другие ценности эстетического воспитания, равно необходимого всему народу, как и воспитание и образование умственное и физическое. И 16 декабря 1917 г. Народным Комиссариатом по Просвещению совместно с Народным Комиссариатом по Имуществам республики (быв. Двора) было опубликовано соглашение о совместном управлении «всеми смежными учреждениями», а затем эта «историческая» привилегия бывшего дворцового ведомства и аристократических групп была вовсе уничтожена, и искусство, демократизированное, раскрепощенное от духа касты и от рутины и получившее все возможности связаться органически с насущными потребностями народных трудовых масс и художественно перевоплотить в себе их идеалы, наконец, совершенно утвердилось, в числе пяти Отделов искусств, 25 мая в Народном Комиссариате Просвещения, в первоначальной же организационной стадии своей войдя в недифференцированном виде в разряд Отделов Комиссариата сейчас же после упомянутого соглашения с Комиссариатом Имуществ республики 24 декабря 1917 года. Революция, пробудившая дремлющие силы титана—русского трудового народа—и поставившая его, без предварительной «выучки», без необходимого практического общественного стажа перед громадными организационными задачами рабочего контроля и рабочего управления производством в стране, разоренной империалистической войной и хищнически истощенной капиталом, когда, однако, продовольственная, экономическая и финансовая разруха настоятельно диктовала необходимость регулирования и обмена и распределения, потребовала от Народного Комиссариата по Просвещению максимального напряжения сил. «Народ не может руководить хозяйством и жизнью государства, если он не просвещен», говорил на 1-м Всероссийском съезде по просвещению тов. А. В. Луначарский. А в этом отношении «наследство» после октябрьского переворота было поистине удручающе: громадный процент безграмотных и малограмотных; школа учебы, но не образования, узкая, убогая школа грамоты, но не широкого, развивающего знания школы, убивавшая инициативу и самодеятельность учащихся и учащих и вместо общественной и товарищеской солидарности способствовавшая развитию индивидуализма и эгоизма, соревнования и конкуренции; школа «любви к отечеству», угодному буржуазии, и уже с первых шагов школьника заражавшая его ядом национализма и шовинизма, учащая уважению к власть имущим и к их собственности и нравственности; школа «умственная», интеллектуальная, но не развивавшая чувства, а еще менее воспитывавшая волю; наконец, школа, построенная с искусственно, нарочно поставленными перегородками между низшим и средним образованием и между образованием средним и высшим, из которых каждое имело свою замкнутую программу и тем самым затрудняло переход от одного из них к другому, делая, таким образом, среднее, а еще более высшее образование классовой привилегией,—такова была постановка школьного дела, таков уклад школьной жизни, вот—содержание школьного народного образования при царизме. Внешкольное образование находилось в еще более худших условиях. Непременное условие его успешного развития—самодеятельность населения. Но известно, как самодержавие относилось к этому жупелу: сколько рогаток оно ставило частной и общественной инициативе в этой области, с какой опаской встречало всякий народный университет или народный дом. И если здесь все-таки пробивались наружу ростки новой жизни, в особенности с 1905 года и еще сильнее с начала европейской войны,— это свидетельствует лишь о величине стихийной тяги народных масс к образованию, о безостановочном росте воли их к свету, к знанию, к освобождению. Преимущественно в дореволюционную эпоху успела выявиться идея народного дома и прежде всего как отдушины к общественной жизни, как культурно-просветительного центра. Но действия в этой области кооперативов, затем земств были разрознены, кустарны, средства крайне ограничены... То же почти надо сказать и про дошкольное воспитание, еще более являвшееся делом частной инициативы, к которой общественные силы пришли уже в момент войны, с какого момента и вошли в «сферу влияния» этого воспитания дети пролетариата, лишившиеся взрослых членов семей. Надо ли здесь указывать, что меры и в этой области были далеко недостаточные: не было достаточных средств; еще более, чем в школьном деле или даже внешкольном, ощущался острый недостаток в педагогических силах и т. д., и т. д.

Февральская революция, казалось, открывала широкий простор государственному и общественному творчеству в триединой области народного образования. Но путы соглашательства, нерешительная колеблющаяся политика Временного Правительства, проявившаяся хотя бы в отношении к вопросу об отделении школы от церкви, не привели ни к чему революционно-реформаторскому. Государственным Комитетом по народному образованию, предшественником Государственной Комиссии по просвещению, правда, был принят основной принцип предстоящей работы по народному образованию—децентрализация. Но, как констатировалось в декрете от 20 ноября 1917 г. о роспуске Комитета, «ни один законопроект этого Комитета не увидел света». И это обстоятельство, так же как указанная выше политическая и экономическая обстановка октябрьского переворота, ставило перед Народным Комиссариатом по Просвещению трудные задачи.

Запросы восставшего пролетариата, требования момента уже частью отмечались в данном очерке. Как правильно формулировала их на 1-м Всероссийском съезде по просвещению 26 августа 1918 г. тов. Н. К. Ульянова в своем докладе о внешкольном образовании, вопросе, всего острее вставшем перед рабоче-крестьянской властью: «центр тяжести работы заключается теперь не столько в том, чтобы будить массы от векового сна, чтобы будить в них новые запросы, сколько в том, чтобы немедля, как можно скорее, удовлетворить уже проснувшиеся запросы, уже назревшие потребности»... На ряду с необычайной тягой к знанию, к общему образованию, вырос гигантский спрос на знание прикладное, на профессиональное образование. И к последнему устремились массы, вполне сознательно отдавая себе отчет, что для того, чтобы овладеть производством, мало одних «умелых рук», что давалось уже и прежней постановкой профессионального образования, что для этого необходимо знание самого процесса производства, кроме техники—экономика, знание истории всего производства в целом и не только производства: процессов мирового обмена и распределения и законов, ими управляющих, знание культуры человеческой, научное освещение и научное разрешение вставших практических вопросов. Не дожидаясь руководящих директив и планов от центра, рабочие и демократические организации на местах стихийно повели «свою», кустарную, работу культурного строительства, что создавало вредный параллелизм, излишнюю затрату личных сил и материальных средств, несогласованность и перебой в работе, трения...

Но, как указывалось уже, первый период

деятельности Комиссариата по Просвещению ушел на преодоление центробежных сил, на упорную тяжелую борьбу с саботажем учительства и прочих кругов интеллигенции, преступно отказавшейся от совместной работы с советской властью. И слова—«нет людей для работы в общегосударственном масштабе», произнесенные на 3-м заседании Государственной Комиссии одним из ее членов (тов. Лазуркиной) 24 ноября, можно считать лейт-мотивом всего первого периода деятельности Государственной Комиссии и Отделов Народного Комиссариата по Просвещению, а также работы советских органов на местах. Характерно, что в течение всего этого периода и часть второго—до 15 августа 1918 г., когда для разгрузки работ Государственной Комиссии по управлению Народным Комиссариатом по Просвещению образовалась малая Государственная Комиссия, большая Государственная Комиссия выполняла функции и законодательного и исполнительного характера, подготовляя (вместе с Отделами Комиссариата) и проводя законодательную работу и управляя всеми обще-государственными делами Народного Комиссариата, одновременно с этим неся организационную и текущую работу по Комиссариату. Все это не могло не отозваться на положительной творческой деятельности Комиссии.

И все же эта работа началась после первых двух организационных заседаний Государственной Комиссии. На 3-м заседании—24 ноября—был заслушан и принят доклад А. В. Луначарского о проекте Государственного Издательства, опубликованный в виде декрета 30 декабря. Им был заложен широкий фундамент для издательской деятельности Народного Комиссариата по Просвещению и, прежде всего, для дешевого народного издания русских классиков; уничтожался срок посмертного права наследников на творения литературы и науки, и в руки народной массы, единственного законного, подноправного наследника культурных благ и средств, передавались сочинения всех авторов. А кроме Отделов Комиссариата к работе по издательству привлекались, как силы педагогические, литературные и научные, так и от рабочих организаций и, таким образом, дело государственного издательства ставилось под организованный общественно-трудовой контроль. Через Государственную Комиссию прошло и постановление о Техническом Совете по управлению государственными типографиями, опубликованное одновременно с декретом о Государственном Издательстве. Уже на 5-м заседании Государственной Комиссии состоялось постановление об образовании комиссии по организации социалистической школы (29 ноября 1917 г.), а с 15 декабря Государственная Комиссия вплотную подошла к вопросам дошкольного воспитания. И один за другим последовали доклады о введении нового правописания (декрет распубликован 23 декабря), о музыкальной академии, о выставке революционно-декоративного искусства и т. п.

Учительство злостно саботировало работу советской власти. Но Государственная Комиссия сумела отделить «вину» от «беды», политическую несознательность и мещанскую, мелкобуржуазную психологию от действительных нужд, материальных и духовных, учительства, историческое наследие бывшего пария буржуазного строя от требований момента и пошла на создание человеческих условий положения учительской массы, положив начало нарождения нового учителя. На основании постановления комиссии от 8 декабря, 2-го января 1918 г. последовало распоряжение Совета Народных Комиссаров об ассигновании Комиссариату Просвещения 12,520.000 рублей для выдачи единовременного пособия народным учителям. За этой мерой последовал ряд других—и по улучшению материального положения учительства, и по духовному раскрепощению его из тенет буржуазной культуры, для подготовки его к новым задачам социалистического переустроения жизни (постановление Государ. Комиссии от 28 января об образовании комиссии для рассмотрения вопросов об улучшении быта учителей, по докладу Отдела подготовки учителей).

Из других работ Государственной Комиссии за первый период ее деятельности следует отметить: по внешкольному образованию—обсуждение (8 января) вопроса о съезде и инструкторских курсах; приняты положение и программа курсов, смета; по дошкольному воспитанию—создание постоянной комиссии из врачей, художников и педагогов для рассмотрения вопросов о создании детских колоний (22 декабря—по докладу о превращении Константиновского дворца в Павловске в «Рабочий дом пролетарских детей»); обсуждение вопроса об экскурсиях для общения детей с природой и о показательных экскурсионных станциях (29 января). По школьно-санитарному—рассмотрение «Проекта реорганизации физического воспитания и охраны здоровья учащихся» (утверждение проекта организации главного школьно-санитарного Совета при Наркомпросе. Комиссариате по Просвещению и местных шк.-санитар. Советов, с широким привлечением к работе как представителей науки, так и представителей пролетарских организаций и родительских комитетов; 9 января); обсуждение доклада о нравственно-дефективных детях (29 января). По другим отделам—постановление об организации Отдела привлечения научных сил к делу государственного строительства (15 янв.), постановление об учреждении Централ. педагогического музея (31 янв.) и т. д., а также постановление Государственной Комиссии о выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей (27 февр.), еще одна из мер к построению нового, близкого к народным массам, учительства.

После разгона Учредительного Собрания, Государственной Комиссией было постановлено (8 января) об образовании комиссии для разработки вопроса о переходе дела образования от органов самоуправления к Советам. Конечно, переход к советскому строю должен был произойти постепенно, без излишней ломки работы по народному просвещению на местах. И Государственной Комиссией, на заседании 15 января, были высказаны взгляды, что «там, где органы самоуправления стоят на платформе советской власти, они внесут свой опыт и свои знания»; и, таким образом, «с ликвидацией таких земских и городских самоуправлений спешить не следует». Но «суммы им должны итти уже и теперь исключительно через Советы». В принципе был решен вопрос о необходимости перехода *всех дел* народного образования к Советам. И, согласно этого решения о переходных мерах, Государственная Комиссия удовлетворила целый ряд ходатайств отдельных земств о выдаче средств на открытие и содержание школ, семинарий, на устройство библиотек и другие просветительные нужды (Казан. губер. земства 9 января, Орловской зем. управы 20 янв., Яренского уезд. земства Вологод. губернии 20 янв. и т. д.) Еще весной 1918 г., по данным, приведенным в сентябрьском докладе заместителя народного комиссара по просвещению

М. Н. Покровского, «из 74 губернских и областных просветительных организаций лишь 67, т.-е. 90% были в руках советских учреждений: приблизительно же 1/10 заведывалась еще на старых началах». В августе «таких организаций оказалось 79, и все они без исключения советские. Еще рельефнее картина по уездным просветительным организациям: весной их было на учете всего 178, из них только 77% советских. В августе месяце их зарегистрировано 583, в том числе советские составили 99%».

В связи с тем же переходом к советскому строю встал вопрос и о возможности дальнейшего самостоятельного существования пролетарских классовых организаций, вопрос о пролеткульте. По мысли тов. Луначарского, высказанной в заседании Госуд. Комиссии 8 января, «Пролеткульт в будущем должен слиться с советскими просветительными организациями, став как бы министерством просвещения при Советах». Другие возражали (напр., член Государственной Комиссии тов. Полянский), указывая, что «работа Пролеткульта—чисто классовая и потому должна стоять отдельно». Еще раз вернулась к этому вопросу Государственная Комиссия при обсуждении сметы Центрального Комитета Пролеткульта 26 января. Вопрос дебатировался и впоследствии (31 марта, 8 апреля), наконец, 13 апреля принято окончательное решение о Пролеткультах (резолюция т. Луначарского, с поправкой тов. Шапиро): «Государственная Комиссия, обсудив вопрос о Пролеткультах, высказывается за то, что организации эти должны существовать впредь, как строго классовые и отдающие свои силы исключительно делу развития чисто пролетарской социалистической культуры на совершенно автономных началах. Советская власть берет на себя дело широкого ознакомления пролетариата, как и всего трудового населения, с завоеваниями культуры, ставя своей задачей дальнейшее развитие ее в социалистическом духе». Эта резолюция, разграничивая «сферы влияния» государственного (советского) и «самочинного» классового строительства культурно-просветительной работы, как бы санкционировала уже проводимую в этой области практику деятельности Отдела пролетарской культуры (Пролеткульта) Народного Комиссариата по Просвещению, поставившего своей задачей в этом вопросе «ни руководить, ни направлять, но внимательно изучать, объединять, оформлять и проявлять», связаться с пролетарскими массами и организациями, ими созданными и действительно обслуживающими их классовые интересы (подробно см. ниже).

Второй период деятельности Государственной Комиссии по Просвещению начинается со времени эвакуации Народного Комиссариата Просвещения в Москву, при тяжелом международном положении советской России, но уже в обстановке все большего внутреннего укрепления советской власти и перелома в отношении к ней в настроениях интеллигентных слоев,—в частности учительства. И чем дальше шло углубление классовых антагонизмов в общественной жизни, чем более таяли ряды промежуточных мелко-буржуазных групп и оголялись и очищались идеи и принципы от наслоений и пережитков павшего строя и его культуры, наконец, чем сильнее нарастали, за счет «золотой середины» мещанства, полюсы двух столкнувшихся в жестокой схватке,—нового мира социализма и интернационализма, с одной стороны, и старого буржуазно-империалистического — с другой,—тем быстрее пошла необходимая дифференциация интеллигенции и «возвращение» лучших, передовых, действительно социалистических представителей ее к народу и народной власти. Еще в декабре 1917 г.—сначала в Петрограде, затем в Москве и провинции—возникли небольшие группы учителей-интернационалистов из среды преимущественно народных учителей, поведших энергичную борьбу со старым Всероссийским Учительским Союзом, вернее—с его верхами, вдохновителями саботажа. Они же, учителя-интернационалисты, пришли в наиболее тяжелые дни в Народный Комиссариат по Просвещению и приняли участие как в работах Государственной Комиссии, так и во всякого рода коллективных органах, созданных при Отделах Комиссариата, а также и вне Комиссариата, при культурно-просветительных организациях в центре и на местах (посылая своих представителей в провинцию). С течением времени ряды учителей-интернационалистов пополнились, и в начале июня их молодой союз смог провести первый Всероссийский съезд учителей-интернационалистов (2—6 июня 1918 г.), давший новый импульс к организации учительства и новые верные силы советской власти, помимо нравственной поддержки и санкции уже произведенной работы по переустройству школьного дела. А 4 июля собрался, созванный по инициативе Народного Комиссариата по Просвещению, I Всероссийский учительский съезд, съезд всего учительства, закончившийся еще бо́льшим триумфом левого учительства: отколовший от Всероссийского Учительского Союза подавляющую часть учительской массы, решительно осудивший эту отжившую организацию учительства и призывавший последнее—«перед лицом всего учительства»—«итти в ряды учителей-интернационалистов или же в новые профессиональные объединения, дабы об руку с органами народной воли и народной власти дружно и радостно строить светлое здание»—уже тогда в основных своих контурах намечавшейся—«единой трудовой социалистической школы будущего». (Эта резолюция была принята съездом большинством всех голосов против восьми. См. прилож. к Известиям Ц. И. К.—«Народ. Просвещение» № 9).

Перелом наметился и в других группах интеллигенции. Все увеличивалось участие ее в работах и Государственной Комиссии и возникавших при ней и при Отделах Комиссариата всякого рода комиссий и совещаний, участие специалистов по педагогике, различным отраслям науки и искусства, по школьной гигиене и труду, на ряду с представителями профессиональных союзов и рабочих просветительных организаций. И в этих комиссиях и совещаниях, зачастую заседавших ежедневно, рождались вновь или коренным образом перерабатывались идеи, которые легли в основу воздвигаемого здания социалистического знания и воспитания.

С самого начала своей деятельности (с ноября 1917 г.) всю работу Народного Комиссариата по Просвещению Государственная Комиссия построила на коллегиальном принципе, и это здоровое демократическое начало способствовало широкому развитию инициативы Отделов Комиссариата и приобщило к общей работе и общей ответственности за нее всех работников, все творческие силы, готовые работать. Сотрудничество же специалистов и представителей пролетарских организаций, одних—как представителей теоретической преимущественно области, других — как знатоков быта народного, еще больше должно было оживить реформаторско-созидательную деятельность Комиссариата Просвещения. И чем дальше

наблюдать эту деятельность Комиссариата к концу 2-го периода, тем в отчетах Отделов все сильнее изображается интенсивность и многообразие произведенных в них и в функционировавших при них совещаниях и комиссиях подготовительных работ, тем все значительнее удельный вес и самих комиссий и совещаний. А этим, в свою очередь, обусловливалось изменение в характере и содержании деятельности Государственной Комиссии, которая теперь могла, наконец, освободиться от текущей работы Комиссариата и других функций рабочего органа и вернуться к своему первоначальному назначению: быть органом, центром, объединяющим и направляющим работу Народного Комиссариата по Просвещению, дающим разрешение или направление наиболее важных, принципиальных вопросов, по которым необходим широкий обмен мнений и высшая санкция. В этих целях 9 апреля 1918 г. была создана Малая Государственная Комиссия, начавшая функционировать с 15 апреля и, как орган управления Комиссариата, значительно разгрузившая работу Б. Государственной Комиссии от функций управления. В конце апреля (на заседании Б. Государ. Комиссии 27 апреля) Малая Государств. Комиссия в свою очередь была разгружена от чисто финансовых вопросов, для рассмотрения которых учреждалась постоянная сметная комиссия.

Что сделано Государственной Комиссией (Большой Государ. Комиссией) за 2-й период работ, кроме тех из них, которые хотя и завершились в этот период, но уже были отмечены при характеристике первой стадии?

В области реформы школы Комиссией приняты (27 мая) проекты декретов: 1) о совместном обучении, 2) об отмене обязательного изучения латинского языка, 3) об отмене отметок (декреты опубликованы 31 мая 1918 г.). Если к этим мерам присоединить уже отмеченные при описании первого периода деятельности Государств. Комиссии, в особенности секуляризацию школы, а также в том же раннем периоде произведенные Комиссариатом по Просвещению распоряжения (11 декабря 1917 г.)— о полной свободе союзов и собраний учащихся, о праве учащихся с 18-летнего возраста принимать участие во всех выборах в муниципальные и государственные учреждения и т. д., то можно с убедительностью констатировать, как одна часть за другой, и большего и меньшего значения, вырывались из старой школы, а рядом строилась новая свободная единая школа,— единая не только в смысле уничтожения перегородок пола, единая потому, что создавалась непрерывность от нивших ступеней образования до самых высших, и таким образом разрушались прежние классовые рогатки между начальной «народной» школой и средне-учебным заведением и между средней и высшей школой, при чем оставались лишь группы возрастные и, по необходимости еще, по способностям, успешности усвоения курса. И новый принцип кроме всеобщности и бесплатности и т. п. вводился в школу, отчасти проводимый, но далеко не до конца, половинчато, на Западе, но естественно необходимый, обязательный для перехода к социалистическому строю,—трудовой принцип, тот принцип, который уже с детства должен приучить ученика к планомерному труду, дающий на практике знакомство с методами всех важнейших форм производительного труда и от труда, радостного и творческого, через возбужденную им любознательность, приводящий к книге, к которой за ответами живыми и ясными явится школьник с вопросами, возникшими из непосредственного наблюдения природы и общественной жизни. Эта школа, наконец, вырисовывалась в работах Отделов (совещаний) и Государственной Комиссии, как школа синтетического — всестороннего, гармоничного развития не только познавательных способностей, но и правильной оценки жизни, не только развития ума, но и воспитания чувства и воли, эстетического образования на ряду с интеллектуальным, физического одновременно с духовным развитием, школа с самоуправлением учащихся, с самообслуживанием, школа-коммуна.

Естественно, эта школьная реформа должна была связаться с дошкольным воспитанием, и через Государственную Комиссию прошел (29 мая) выработанный Дошкольным Отделом проект организации центрального всероссийского учреждения «Институт ребенка», имеющий своей задачей всестороннее изучение и распространение знаний о природе ребенка и его воспитании, главным образом, в дошкольном возрасте, с опытными и показательными детскими садами и показательными колониями, с целями пропагандистскими и учебными, с строго научным изучением вопроса.

Вообще центральные показательные учреждения были признаны Государственной Комиссией чрезвычайно ценными для строительства новых основ народного образования, и в практике деятельности Отделов Народного Комиссариата по Просвещению они насаждались во всех случаях, где в них возникала необходимость. Так, 24 апреля Комиссией принят проект организации двух трудовых показательных школ городского и деревенского типа. В «Народном Просвещении» № 12 (приложение к «Известиям Ц. И. К.») уже подведены некоторые итоги деятельности 1-й показательной трудовой школы (Отдела реформы школы), открытой 19 июня. За небольшой срок существования школы опыт ее работы дал немало ценных результатов для проведения в жизнь школьной реформы. Задачи школы чрезвычайно разносторонни: 1) изучение детей школьного возраста: биологическое и социологическое, 2) физическое воспитание и образование, 3) опыты в области широкой трудовой организации школы, 4) экспериментальное исследование методов образовательной работы, 5) общественное воспитание, 6) эстетическое воспитание. Для осуществления этих задач школа организована как учебно-трудовая коммуна (интернат) с целым рядом образованных при ней научно и учебно-вспомогательных учреждений: мастерских, учебных кабинетов и лабораторий, кабинетов для исследования—медицинского, антропологического и психологического.

29 мая Государственной Комиссией утвержден выработанный подотделом физического воспитания Школьно-санитарного Отдела «План организации Института физического образования» (иначе—«Института физической культуры»),—научного учреждения, обещающего дать многое в экспериментальном исследовании и разработке вопросов физического образования и гигиены. Планомерная организация показательных учреждений по физическому образованию поставлена во главу угла и всей деятельности подотдела физического воспитания; показательные площадки для детей дошкольного и школьного возраста, показательная постановка физической культуры для подростков и взрослых, создание «групп содействия» для борьбы с детским туберкулезом, «лесных школ» и т. п.

И еще одна больная сторона буржуазного строя была поставлена на очередь в работах Государственной Комиссии: 17 июня был утвержден в принципе проект организации создаваемого в Москве «Института дефективного ребенка». Если еще в либеральных веяниях сознающей разумную практическую необходимость оздоровления общества передовой буржуазии был затронут и отчасти разрешался вопрос о «малолетних преступниках», об «умственно-отсталых детях» и о борьбе с детскими нервозами и психическими заболеваниями, и из среды буржуазной и демократической интеллигенции выходили гуманисты-реформаторы, теоретически и практически способствовавшие некоторому разрешению этой трудной проблемы, то социализм, вскрывший наиболее глубоко социальные причины ее, должен употребить радикальные профилактические меры, конечно, на ряду с устранением самих причин болезни общественного организма. Так, в общем, и определились задачи «Института дефективного ребенка»: 1) всестороннее исследование дефективности, ее причин, симптомов, методов диагностики и лечебного воспитания и изучение социальных факторов дефективности, 2) собирание необходимых материалов, разработка их и печатание, 3) предоставление медицинским и педагогическим силам широкой возможности ознакомления с методами всестороннего исследования, воспитания и лечения дефективных детей путем устройства курсов, бесед и практических занятий в учреждениях и лабораториях института и т. д. Отделения института—опытный наблюдательно-испытательный пункт, с амбулаторией при нем, куда прежде всего и поступает ребенок для первого исследования; опытно-вспомогательная школа, преимущественно предназначенная для умственно-отсталых детей; опытная лечебно-вспомогательная колония для детей уже с более ярко выраженными и более тяжелыми формами дефективности, особенно нравственной; опытная санатория—школа для врачебно-санитарного ухода и лечения длительных нервозов и психических заболеваний; опытная лечебница для детей, мало поддающихся перевоспитанию, и, наконец, учебный отдел института с постоянными курсами для подготовки специалистов-врачей и педагогов, с практическими занятиями.

Подготовка персонала для обслуживания, для проведения в жизнь новых идей и планов, изучения и пропаганды новых методов и т. п. составила вторую серию вопросов, также остро вставших перед Народным Комиссариатом по Просвещению. Для новой школы,—ясно было,— необходим новый учитель. Его же надо сперва обеспечить материально «не ниже прожиточного минимума» (постановление Государственной Комиссии от 30 марта 1918 г.), «сравнить, по возможности, ставки окладов учителям всех типов школ, включая и среднюю школу и приняв за исходную точку оклады высших начальных училищ» (директивы, данные Государ. Комиссией комиссии по выработке учительских окладов 24 мая); «включить в схему окладов учительского труда работников по дошкольному воспитанию, преподавателей семинарий и инструкторов» (из тех же директив Государ. Комиссии на заседании 24 мая). Декрет Совета Народных Комиссаров о нормах оплаты учительского труда, опубликованный 26 июня, повысил сразу вознаграждение народных учителей более, чем вдвое, с выплатой им разницы с марта. И эта мера, справедливая и необходимая, поднявшая соответствующую статью расхода в смете по народному просвещению за 2-е полугодие 1918 года почти до миллиарда и обещающая в зависимости от развития сети новых школ и еще большего повышения содержания учительского персонала Единой Трудовой Школы поднять эту цифру расхода до нескольких миллиардов, правильно охарактеризована в докладе заместителя народного комиссара по просвещению тов. М. Н. Покровского 1-му Всероссийскому съезду по народному образованию, как мера исключительная, «стоящая совершенно особняком в летописях школьной истории не одной только России».

Однако, помимо повышения материального положения учительства, необходимо было и поднять учительскую массу духовно, поднять до понимания новых задач народного образования и перевоплощения идей школьной революции, произвести подлинную педагогическую революцию. Надо было спешно создавать и новые дополнительные массовые кадры школьных работников, а также работников по дошкольному воспитанию и внешкольному образованию, отряды инструкторов. Прежние учреждения для подготовки этих работников совершенно не отвечали новым задачам. Здесь необходима была решительная ломка, огромная работа почти заново: выработка новых планов учительских семинарий и институтов, преобразование последних в высшие учебные заведения, создание краткосрочных и более длительных, на ряду с постоянными педагогических курсов и т. д., и т. д. И за рассматриваемый период произведена большая организационная и подготовительная работа Отделом по подготовке учителей, Отделами реформы школы, дошкольного и внешкольного образования, инструкторским Отделом, Отделом профессионального образования и другими, а также комиссиями, работающими при Государственной Комиссии.

Проведенное еще в первом периоде работ Государственной Комиссии (27 февраля) постановление о перевыборе всех педагогических и административно-педагогических должностей вызвало на местах ряд недоразумений и новый взрыв саботажа учительства, в виду отчасти недостатков самого декрета: недостаточной ясности указаний на техническую сторону выборов учителей. В разъяснение Государственной Комиссией издана (17 июня) «инструкция о выборах на учебные и учебно-административные должности в школах»...

Реформа общего образования шла на ряду с реорганизацией профессионального образования: «правильная постановка профессионального образования в России,—говорил на заседании Государственной Комиссии 11 апреля тов. А. В. Луначарский,—послужит залогом процветания ее промышленности». И программа деятельности Отдела профессионального образования при Народном Комиссариате по Просвещению явилась предметом живого обмена мнений Государственной Комиссии, постановившей (25 марта) о реорганизации Отдела в направлении создания единой политехнической школы.

В строительстве нового знания и образования оставался, однако, еще один существенный пробел, который настоятельно необходимо было заполнить. «В России,—писал М. Н. Покровский в № 1 «Народного Просвещения» (приложение к «Известиям В. Ц. И. К.»),—пролетариат завладел не только государственной властью, но, по крайней мере, отчасти и аппаратом буржуазного хозяйства: он взял в свои руки такую твердыню последнего, как банки,— и он попрежнему в плену у буржуазной науки! Если пролетариат хочет серьезно учиться государственному праву, истории, философии, он должен брать книжки, написанные буржуазными профессорами. Ибо своей литературы, кроме «популярной», почти нет. Этому давно

пора положить конец»... И праздником, радостным и большим, было для Государственной Комиссии и научного Отдела Народного Комиссариата по Просвещению, когда (14 мая) Отделом был внесен на утверждение Комиссии проект положения о Социалистической Академии общественных наук. И Государственная Комиссия постановила: «приветствовать начинания научного Отдела об открытии Социалистической Академии, как крупный шаг социалистических побед». Главная задача Социалистической Академии наук—разработка общественных наук с социалистической точки зрения. Академия распадается на две секции: 1) научно-академическую, ставящую себе целью пересоздание общественных наук на социалистических началах, и 2) учебно-просветительную или факультет общественных наук при Академии, назначение которого в подготовке новых кадров преподавателей и социалистической профессуры, с уничтожением прежней иерархии академиков и т. п. Социалистическая Академия общественных наук, утвержденная декретом 25 июня, уже функционирует в настоящее время.

Из других работ 2-го периода деятельности Государственной Комиссии следует отметить, хотя бы путем одного перечисления, ряд поручений (данных комиссией на заседании 6 апреля) по государственному издательству: Отделу реформы единой школы—создать несколько комиссий по изданию учебников, также и Отделу внешкольного образования—организовать комиссию по изданию книг по внешкольному образованию, наконец, научному Отделу—организовать научно-популярное издательство; затем постановление о принципиальной желательности учреждения физико-технического института (3 июня); ассигнование средств (100 т. р.) для производства конкурса на составление учебников для созидаемой единой трудовой школы (13 июня) и т. д.

Работа на местах, интенсивная и разнохарактерная, безусловно творческая, но вместе с тем с чертами «самобытности» и кустарничества, вносящими перебой и параллелизм,—работа без достаточной организационной спайки и согласованности в планах и методах, не могла не обращать на себя усиленного внимания Народного Комиссариата по Просвещению. С другой стороны, постановления и инструкции центра не всегда находили на местах должное исполнение, что нередко объяснялось недостаточным пониманием на местах этих директив или отсталостью, малой сознательностью демократии (конечно, на ряду и с злой волей, саботажем отдельных групп). На первом Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, например, приводились факты «острого и болезненного» проведения в жизнь декрета о светской школе (отделения школы от церкви). Этот декрет встретил оппозицию и непонимание не только со стороны отсталой части демократии в родительских комитетах и не только среди учительского персонала, преимущественно средней школы: были случаи, когда даже местные комиссариаты по просвещению (как-то Смоленский, Ялтинский и другие) ходатайствовали «от имени населения» об оставлении закона Божия в школах. В других же местах декрет не признавался совсем (приводились примеры Архангельской и Олонецкой губерний)... (см. протоколы съезда). Между тем в конце марта 1918 года при Народном Комиссариате по Просвещению сорганизовался инструкторский Отдел. Основная задача учреждения его и заключалась в том, чтобы координировать деятельность центра с местами, помочь правильной и целесообразной организации дела народного образования на местах, инструктировать местные органы о деятельности Народного Комиссариата по Просвещению и быть проводниками педагогических идей центра. В целях той же координации инструкторским Отделом был разработан целый ряд инструкций чисто вспомогательного характера для местных органов народного просвещения. В конце же мая 1918 г. Отделом было решено открыть краткосрочные курсы для подготовки инструкторов-организаторов. И курсы дали уже работников, опытных, энергичных, с достаточной подготовкой, как по вопросам теоретического принципиального характера, так и для работы практической, организаторов и пропагандистов, явившихся одним из главных и прочных звеньев, связующих «места» с центром. В этом же направлении работа инструкторского Отдела велась и дальше. Но не только из центра на места направлялись силы: одновременно создалось и обратное течение—в инструкторском тделе перебывало много делегатов и ходоков с мест, приходивших за разъяснениями, советами, за справками. Как уже отмечалось выше, подготовкой инструкторов были заняты и другие Отделы Народного Комиссариата по Просвещению, преследуя свои специальные, задачи, например—в области внешкольного образования или физического образования и т. д. Но общие организационные задачи и в особенности задачи государственной (в общегосударственном масштабе) организации народного образования были как бы монополизированы в инструкторском Отделе.

«План организации дела народного образования в Российской республике», положение о котором (декрет) было опубликовано 26 июня 1918 г. и которое завершило 2-й период работ Государственной Комиссии, явился в результате длительной и тщательной разработки, начиная с марта месяца. Первоначальная идея этого плана—об организации на местах советов народного образования, которые представили бы собой «организации народной массовой инициативы и самодеятельности в области культурного развития и просвещения, вовлекая самую массу народа в работу над собственным просвещением», и благодаря этому, должны были бы «стать одним из наиболее мощных факторов подъема культуры» (см. статью В. М. Познера «Новая организация дела народного образования» в № 5 «Народн. Просвещения» приложение в «Изв. В.Ц.И.К.»),—эта идея, явившаяся в результате данных опыта разноборья в работе и нестроты в организации Отделов народного образования и других местных советских органов просвещения, как наиболее желательный и необходимый корректив, как средство для привлечения к строительству народного образования на местах широких масс населения, выковалась в итоге разногласий, кончившихся затем междуведомственным соглашением между Народными Комиссариатами по Просвещению и Внутренних Дел: по вопросу об удельном весе на местах Отделов и советов народного образования и в частности о пределах компетенции советов народного образования, так как Комиссариат Внутренних Дел неохотно пошел навстречу поднятому Комиссариатом Просвещения вопросу о создании советов народного образования, относясь к ним с опаской и предпочитая работу одних Отделов народного образования.

Однако «план организации народного образования» на этом не закончился. Идея демократического советского централизма, продиктованная всем ходом работы советов в исключительных условиях современной русской жизни уже входила в основание изготовлявшейся конституции советской республики, с верху до низу перестраивая аппарат жизни. С этой точки зрения и в виду отклонения от первоначального плана своей организации подошла вновь к вопросу «о плане организации народного образования в республике» Государственная Комиссия на заседании 1 июня, расширив рамки реформы самореконструированием. На заседании указывалось на «неуспешность предшествующего опыта и медленный темп работы» Народного Комиссариата по Просвещению (т. Познер). Указывалось, что в «Государственную Комиссию не вошли ни представители демократии, ни представители учительства», между тем как «введение в Комиссию тех общественных элементов, которые идут навстречу работам Комиссариата, крайне желательно» (т. Луначарский)... А «на ряду с таким органом, общественным, с выборным представительством, служащим для обмена мнений, необходимо создание делового аппарата-коллегии, наподобие других комиссариатов», которая бы и разрешала все текущие дела, предоставляя Большой Государственной Комиссии обсуждение лишь крупных вопросов» (тт. Луначарский, Покровский). «Коллегия должна стать вместе с тем и направляющим политическим центром, которым перестанет быть Государственная Комиссия» (т. Познер). Наконец отмечалось, что и «Отделы должны приобрести большую самостоятельность; задуманная реформа разрабатывается в соответствующей комиссии и лишь в обработанной форме вносится в коллегию, которая может передать дело на рассмотрение Большой Государственной Комиссии» (т. Луначарский). «Вообще, коллегия должна быть в курсе работ всех Отделов и явиться недостающим в Комиссариате Народного Просвещения аппаратом, объединяющим все Отделы» (т. Ульянова)...

Положение об организации дела народного образования в Российской республике, как уже было сказано, распубликовано 26 июня. В противоположность декрету 9 ноября «об учреждении Государственной Комиссии по просвещению» оно строит организацию народного образования на началах демократического централизма. «Общее руководство делом народного образования в Р. С. Ф. С. Р. принадлежит Государственной Комиссии по просвещению, председателем которой состоит народный комиссар просвещения» (ст. 1 Положения). Управление Народным Комиссариатом Просвещения возлагается на коллегию (ст. 3). К ведению Государственной Комиссии относятся: выработка общего для республики плана организации народного образования и установление общих принципов последнего, а также основ школьного устройства; объединение просветительной работы на местах; составление общегосударственной сметы и распределение средств, назначаемых на общефедеральные просветительные нужды, а равно всякие иные вопросы, имеющие принципиальное значение и передаваемые на рассмотрение Государственной Комиссии коллегией Народного Комиссариата (ст. 6). Народный Комиссариат Просвещения а) непосредственно заведует учеными и учебными учреждениями, имеющими общегосударственное значение, и б) окончательно разрешает спорные вопросы и конфликты, возникающие между отдельными органами просвещения (ст. 7).

Высшим органом является Всероссийской съезд по просвещению, периодически созываемый и открываемый Государственной Комиссией и которому Государственная Комиссия «представляет отчет о своей деятельности и на обсуждение коего вносит важнейшие из вопросов, входящих в круг ее ведения» (ст. 8).

Наконец, на местах руководство делом народного образования, как-то: дошкольного, школьного и внешкольного, за исключением высшего, ведают Отделы народного образования, соответственно образуемые при исполнительных комитетах областных, губернских, уездных и волостных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов (ст. 10). Совет народного образования состоит, как контрольно-совещательный орган, при каждом Отделе народного образования (ст. 11). Все отделы и советы народного образования действуют в пределах, устанавливаемых общими законами республики, согласуют свою деятельность с распоряжениями Государственной Комиссии по просвещению и следуют указаниям: волостные—уездных, уездные—губернских по народному образованию отделов, губернские—областных отделов (ст. 12). «Положением» определяются затем пределы компетенции каждого отдела и каждого совета народного образования, устанавливается контакт в деятельности отделов и советов, порядок отчетности периферических органов к их центрам, наконец, определяется состав каждого органа.

Во главе Отдела народного образования становится коллегия, избираемая исполнительным комитетом соответствующего совдепа. Советы народного образования образуются: а) из представителей всех объединений, пользующихся правом посылать делегатов в местный совдеп и в той же пропорции, в какой они (эти объединения) представлены в Совете Р. и Кр. Депутатов; затем б) из представителей учащих и учащихся и в) из сведущих лиц, приглашаемых с правом совещательного голоса.

Коллегия Народного Комиссариата по Просвещению образуется в составе народного комиссара, избираемого Ц. И. К., заместителя народного комиссара и пяти членов, избираемых, по представлению народного комиссара по просвещению, Советом народных комиссаров

Состав Государственной Комиссии — смешанный. По выборам в нее входят: 3 представителя от Всероссийского Центр. Испол. Комитета Советов, 3 представителя от профессиональных объединений учителей, стоящих на платформе советской власти, 2—от Центр. Бюро профессиональных союзов, по одному представителю от Центр. Бюро рабочих кооперативов и от Центр. Совета железнодорожных просветительных организаций (Цекульт). По должности входят: члены Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению, все заведующие отделами Комиссариата, а также управляющий делами Комиссариата и секретарь Госуд. Комиссии (все они работают в Комиссариате по назначению Коллегии). Третью группу составляют представители от ведомств: по одному от Высшего Совета народного хозяйства и от Народного Комиссариата по делам национальностей. По мере образования областей в состав Госуд. Комиссии входят, по одному на область (с правом решающего голоса), представители областных Отделов народного образования. Кроме того, Государственной Комиссии предоставляется право включать в свой состав представителей и других организаций, просветительных и профессиональных, организаций учащихся и т. п., если эти организации имеют всероссийский характер и стоят на платформе советской власти (см. ст. 2, с примечаниями).

Наконец, Всероссийский съезд по просвещению образуется: а) из выборных представителей от отделов и советов народного образо-

вания каждой губернии в следующем соотношении: от каждого губернского отдела и совета по одному представителю, от всех уездных отделов и советов губернии по 2 от отделов и 2 от советов и от всех волостных советов и отделов—также 2 от советов и 2 от отделов каждой губернии, б) из Государственной Комиссии в полном составе и в) из сведущих лиц, приглашаемых с правом совещательного голоса (ст. 9).

Такова организация народного образования, с которой, будучи соответственно ей перестроена, Государственная Комиссия вступила в третью стадию своей деятельности.—Стройная, безусловно демократическая, с верху до низу построенная на выборном начале и коллегиальном управлении, строго централистическая система. В то же время здесь и несомненная органическая связь идущей последовательно от периферических концов широко организованной творческой инициативы народных масс,—даже от «медвежьих углов»,—с объединяющей, идейно и практически организующей инициативой от «центра». Наконец, не менее живая связь—или, по крайней мере, предпосылки к ней—со всеми другими заинтересованными в деле народного образования организациями... Разве это—не серьезный шаг вперед к завоеванию стихийных бурных устремлений пробудившихся к широкой жизни сил русской демократии и русской жизни? И не залог ли будущих побед и завоеваний света, знания,—нового знания, озаренного лучами восходящего нового мира человечества—социализма (коммунизма), грядущей культуры,—внесение в анархическую неорганизованную стихию организации, планомерности и открытие возможностей дальнейшего развития и расцвета? Возвращаясь вновь к советам народного образования, для организации которых декрет подвел прочный правовой фундамент и дал конкретное содержание для их деятельности, тем самым устраняя некоторые аномалии и эксцессы первоначального «самобытного» и «самочинного» их сторительства на местах (напр., тенденцию захватить все руководство и заведывание делом народного образования, вплоть до упразднения Комиссариатов по Народному Просвещению и объявления себя Советом народного образования,—на основании должного толкования дошедшего до них проекта плана народного образования—единственными полновластными хозяевами этого дела и т. п.—см. «Народн. Просвещение» № 3 от 8 июня, ст. «Работа Комиссариата»), надо сказать, что, конечно, аномалии еще возможны некоторое время и в будущем при организации советов. Но попытка организовать самодеятельность трудовых масс и ввести ее инициативу и творчество в планомерное русло должна увенчаться успехом. Необходимо только усиление пропаганды идей организации советов народного образования и расширение, возможно максимальное, работы центра по инструктированию провинции, но прежде всего и больше всего преодоление психологии самих ответственных советских работников, все еще подозрительной, все еще не отрешившейся окончательно от опаски перед силами и способностями, сознанием народных масс...

Переходя к характеристике *третьего периода деятельности Государственной Комиссии*, следует отметить, что, если для юридического бытия Комиссии между вторым и третьим периодами ее работ легла резко очерченная «Положением об организации дела народного образования» организационная грань, то в отношении к содержанию деятельности Государственной Комиссии было бы трудно и невозможно разграничить эти стадии. И та и другая, в отличие от первой (ноябрьско-февральской) стадии существования Государственной Комиссии, характеризуются одинаковыми положительными творчески-созидательными моментами работы. И то, что было начато или что разрабатывалось во второй период, или получило свое завершение в третьем или же все еще находится, в той или иной мере, в состоянии организации, разработки как в Отделах, так и в самой Государственной Комиссии. Взять хотя бы школьно-библиотечное дело, общее ведение которым лежит на школьно-библиотечном подотделе «единой школы, но над коренной реорганизацией которого работают и Отдел внешкольного образования (ведь каким громадным рычагом внешкольного образования народных масс является книга!) и другие Отделы. Здесь работы еще «непочатый край»: рациональная постановка школьно-библиотечного дела, при расстройстве и скудости книжного рынка, при мертвенности, хаотичности и неумелой постановке ведения оставшихся от старого строя библиотек, еще при недостаточности опытного и инициативного персонала, может быть,—одна из труднейших задач, стоящих перед Народным Комиссариатом по Просвещению. То же надо сказать и про дело наглядных пособий, также весьма важное и совершенно еще новое вспомогательное учреждение по просвещению широких народных масс, составляющее предмет особых работ подотдела наглядных пособий и т. д. То же—и про статистику народного образования. Статистический Отдел Народного Комиссариата по Просвещению является одним из молодых: возник в мае 1918 года. А задачи государственной статистики по народному образованию настолько трудны, настолько неограниченны по объему и «целинны», вследствие скудного наследства от прошлого, а нужды просвещения, хотя бы для проведения всеобщей единой трудовой школы, или внешкольного образования, или воспитания дошкольного, когда во всех этих областях необъятного широкого творчества настоятельно диктуется разработка, статистическая разработка, прежде всего, сети необходимых учреждений, координирование для уничтожения параллелизма и кустарничества, для экономии сил и средств, работ местных органов по статистике народного образования, настолько огромны, что про деятельность в этой области можно сказать, что она только начинается...

Но в организационной части—в организации Народного Комиссариата по Просвещению—наступил новый момент. 25 июня произошло первое заседание избранной на основании «Положения об организации дела Народного Образования» Коллегии Комиссариата, до 20-го июля, т.-е. до сконструирования Государственной Комиссии в новом составе, выполнявшей некоторые функции последней. Для рассмотрения же текущих дел Комиссариата и для разгрузки от них коллегии, была избрана «Комиссия текущих дел» (конечно, Малая Государственная Комиссия перестала с июня функционировать). Из работ коллегии Комиссариата за этот переходный момент следует отметить принятие проекта организации библиотечного дела в республике (5 июля), проекта декрета о воспрещении продажи и вывоза за границу предметов искусства и старины (25 июня), постановление о национализации Аэродинамического Института (28 июня), обсуждение сметы ассоциации положительных наук (того же, 28 июня) и т. д.

Ассоциация положительных наук,—это новое учреждение или даже пока не учреждение, а (как ее охарактеризовал на заседании Государственной Комиссии докладчик тов. Тер-Оганесов) «ассоциация лиц», крупных научных сил, возглавляемая М. Горьким,—по размаху напоминает научные организации Западной Европы, охватывая целый ряд научных дисциплин. И на ряду с Социалистической Академией она является весьма ценным вкладом в новое строительство знания.

Наступила, наконец, очередь за высшей школой. Из всех элементов русской общественности, можно сказать, нигде реформаторская работа Народного Комиссариата по Просвещению не встретила такой глухой стены косности и «традиции», как в профессорской среде и, главным образом, университетов. И с другой стороны ни в какой другой сфере той же реформаторской деятельности Комиссариата Просвещения не было проявлено им столько осторожности, бережности к автономии, столько уступок, сделанных в сравнении с первоначальным планом реформы образования, как по отношению к высшей школе. Когда революционный шквал сорвал плотины, преграждавшие учащейся молодежи пути к знанию, и когда справедливость требовала открыть двери науки и знания классам, для которых они были до сих пор почти вне пределов достижения, и прежде всего—пролетарским массам,—уважая автономию высшей школы, Народный Комиссариат по Просвещению вначале сдерживал возникшую массовую стихийную тягу к ней. Так, 4 декабря 1917 г., рассмотрев прошение одного лица без полного среднего образования о разрешении поступить вольнослушателем в Петроградский университет, который ему в этом отказал, Государственная Комиссия постановила: «чтобы не нарушать автономии высшей школы, нельзя предписать университету принять просителя». Университету был лишь высказан «взгляд Комиссии на право каждого быть вольнослушателем, без всяких ограничений», с ссылкой «на опыт Западной Европы». Другой раз, 29 декабря, Государственной Комиссией также было постановлено: «ходатайства об уравнении в правах вольнослушателей со студентами и о приеме в университет без ценза пока отложить». И лишь «в случаях конфликтов, носящих явный характер, оставить за Комиссариатом по Просвещению право вмешательства, как органа высшего контроля».

Собственно говоря, вопрос о реформе высшей школы был сдвинут с мертвой точки лишь в июне 1918 г. Но и тут Народный Комиссариат по Просвещению, все еще надеясь встретить сочувственный отзвук со стороны профессуры, пошел по пути «соглашательства». 8 июля было созвано совещание по реформе высшей школы, и сразу обнаружилось, что до могут не договориться с профессурой. Представленные Комиссариатом по Просвещению в совещание тезисы положения о русских университетах подверглись ожесточенной критике со стороны академической (профессорской) группы: возражали против всех «радикальных» новшеств, даже против бесплатности обучения, возражали против сокращения времени пребывания профессуры, несомненно, без перевыборов, на кафедре, а в создании в университетах для усиления их научной деятельности особой ученой ассоциации, тут уже определенно узрели «поход», «потогонную систему», здесь категорически уперлись. Представительство студентов в управлении университетом было признано «как в некоторых случаях необходимое, а в других допустимое»... но в общем прошло благополучно. В конце концов была избрана паритетная комиссия из представителей профессуры, студенчества и Народного Комиссариата по Просвещению. Затем решено было рассмотренные Комиссией проекты (один—составленный Комиссариатом, другой — от академической группы) «в редакциях, принятых составителями, с вариантами различных статей, предложенными в Комиссии», препроводить на места, как материал для обсуждения и заключения, после чего должно было собраться вторичное совещание по реформе высшей школы в августе. И, как тов. М. Н. Покровский охарактеризовал на Всероссийском съезде по просвещению последующие перипетии в вопросе о реформе высшей школы, «началась сказка про белого бычка». «Признавая, что барщина, принудительная работа, ни в какой области, а тем более научной, добрых результатов дать не может, Народный Комиссариат по Просвещению должен был согласиться на значительное сужение своего первоначального плана» *).

Прежде всего реформу высшей школы пришлось вводить по частям. И в распубликованных 6 августа «Правилах приема в высшие учебные заведения» (декрет) была, наконец, осуществлена общедоступность высшей школы: «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы», говорилось в 1-й статье декрета. «Взимание платы за учение в высших учебных заведениях Российской Социал. Федерат. Советской Республики отменяется»—объявлялось в декрете 5-й статьей. Первая брешь в старой классовой высшей школе была, таким образом, пробита... Затем последовало постановление Народного Комиссариата по Просвещению «о порядке перехода студентов из одного высшего учебного заведения в другое» (от 24—27 сентября), обеспечившее студентам свободный переход. В дополнение и развитие декрета «о правилах приема в высшие учебные заведения» (тогда же 27 сентября) издано положение, увеличивающее пропускную способность существующих высших учебных заведений и, кроме того, «для обеспечения возможности выполнения практических занятий и упражнений для всех студентов, не обнаруживших достаточной подготовки на испытаниях» (преимущественно, для бывших парий высшей школы—пролетарских детей и детей крестьянской бедноты), предлагавшее высшим учебным заведениям организовать «как в стенах школы, так и вне их, подготовительные курсы». Новое постановление Комиссариата Просвещения (от 11 октября) «о прохождении курсов и практических занятий в высших учебных заведениях», исходящее из тех же целей—«дать возможность всем желающим трудящимся обучаться в высшей школе»—установило, в зависимости от степени уплотнения того или иного учебного заведения, занятия в две и даже в три смены или же лишь вечерние лекции и практические работы (с 5 часов). Наконец, постановлением от 13 ноября выработка «условий и порядка допущения студентов к практическим занятиям, а равно и способов наиболее рационального использования лаборатории» передана студенческому старостату. Тем же постановлением срок подачи прошений о зачислении в студенты продлен до 1 января 1919 года.

Другая сторона университетской жизни до сих пор менее подверглась изменениям. Все же и здесь необходимо отметить имеющее большое

---

*) Там же, см. речь М. Н. Покровского.

значение для будущего русской науки и высшего образования «положение о всероссийских конкурсах на замещение кафедр высших учебных заведений» (опублик. 31 октября 1918 г.), уничтожающее препоны к доступу на кафедры свежим молодым силам, демократизирующее преподавательский персонал высшей школы. А раньше того (9 октября) был издан того же принципиального значения декрет «о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», уничтожающий академическую иерархию, с ее разделением преподавательского персонала высшей школы на докторов, магистров и адъюнктов, ординарных и экстраординарных профессоров, приват-доцентов и т. п. и предоставляющий «право на занятие профессорской кафедры (по всероссийскому конкурсу) всем лицам, известным своими учеными трудами или иными работами по своим специальностям, либо своей научно-педагогической деятельностью», без ученых степеней... Остается еще отметить два постановления Государственной Комиссии: 1-е—от 21 сентября—о желательности назначения Народным Комиссариатом по Просвещению правительственных комиссаров во все высшие учебные заведения. Комиссару предоставляется «право присутствия на заседаниях факультета, налагать свое вето на все пункты, противные декрету. Решения, принятые Комиссариатом, передаются на окончательное обсуждение Коллегии высшей школы». Второе постановление Государ. Комиссии—от 28 сентября—уполномочивает Коллегию Народного Комиссариата по Просвещению «выпускать от своего имени декреты о высшей школе, поскольку они служат развитием тех положений, которые приняты на заседании Государственной Комиссии от 21 сентября».

Особняком от общей реформы высшей школы стоят постановления об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института (опубликован. 13 августа), об учреждении Московской горной академии (опубликован. 11 сентября), Высшего института фотографии и фототехники (опуб. 14 сент.) и т. д. Все эти учебные заведения учреждаются на основании специальных положений, возникают «в целях удовлетворения спроса рабочих масс на образование и в виду особой потребности в высшем техническом образовании» и открывают собой целые серии им подобных, в организации которых и провинция не отстает от центра, не останавливаясь ни перед какими жертвами, строя и общее и профессиональное образование,—новые университеты (в Тамбове, Воронеже, Нижнем и т. д.), народные университеты (Кронштадт, Царицын, село Алексеевка Острогожского у., Воронеж. губ. и т. п.), пролетарские университеты (Калуга, Орел), народные консерватории (Пенза), рабочие политехнические курсы (Саратов) и художественные мастерские (Иваново-Вознесенск), дворцы пролетарской культуры (Кологрив) и другие большие и малые центры всяческого культурно-просветительного движения народных масс, какие бы разнохарактерные наименования эти учреждения ни принимали...

В третьем периоде работ Государственной Комиссии принят проект положения о Единой Трудовой Школе (12 сентября; положение опубликовано 16 октября). Обсуждение его и предпосланной ему декларации заняло 1-е, 3-е, 4-е и 6-е заседание вновь сконструированной Государственной Комиссии.

Основные принципы Единой Трудовой Школы уже были приведены при характеристике работ 1-го периода Госуд. Комиссии. Создавшиеся в результате борьбы двух пониманий, двух программ-проектов Петербургской и Московской Коллегий, включив в себя систематизированные материалы, уже частью претворившиеся в жизнь, из прежних основных постановлений Государственной Комиссии, эти принципы явились, по справедливому замечанию члена Комиссии тов. П. Н. Лепешинского, имеющими огромное «революционное» значение, какое в свое время имела «Декларация прав человека и гражданина» (см. протокол 1-го заседания Гос. Комиссии от 20 июля 1918 г.). Государственная Комиссия вполне отдавала себе отчет и не закрывала, а, наоборот, постаралась возможно больше открыть глаза всему трудовому народу на все трудности, все препятствия, какие предстанут в практической жизни перед воплощением в нее этих новых идей школьного строительства. В своей декларации—«Основные принципы Единой Трудовой Школы»—она указала наиболее серьезные из препятствий: недостаточное количество и недостаточное оборудование школ, огромный недостаток и неподготовленность учительского персонала, недостаточную разработанность планов и другие страшные следы векового народного рабства и невежества, на преодоление которых, конечно, еще нужно много работы, напряжение всех творческих сил демократии и... время, ибо «и при вполне нормальных условиях школа не может переродиться сразу, и действительность в первое время более или менее отстала бы от планов». Но,—говорилось в декларации,—«если реальная реформа школы будет по необходимости частичной (что не мешает ей, как доказывают уже вышедшие декреты, быть все же и наиболее радикальной из всех имевших до сих пор место), то тем более необходимым считает Комиссариат установить ту цель, к которой он стремится, и рядом с перечнем отдельных реформ, подлежащих осуществлению немедленно, нарисовать картину той школы, к которой мы будем итти и которую единственно мы можем признать нормальной в обновленной России... в духе школы подлинно народной»...

«Реальное воплощение намеченных здесь планов,—далее говорилось в декларации,—зависит в огромной мере от двух условий: во-первых, от средств, какими располагает государство, во-вторых, от степени подготовленности учительского персонала. Нигде в мире центральная власть не содержит национальную школу целиком. Повсюду на помощь приходят: во-первых, плата за право учения, которая для всех ступеней школы не отменена нигде, а, во-вторых,—и это гораздо важнее—местное самообложение населения. При нынешних условиях в России мы добровольно отказываемся от платы за право учения, и вряд ли можно рассчитывать на сколько-нибудь существенное подспорье из местных касс». Но именно как раз это, а также «гибельная разруха и отчаянная нищета, в которую ввергнута наша родина преступной войной и потрясениями революции», еще больше заставляют «ожидать от пробудившегося народа и созданной им государственной власти огромного напряжения сил во имя правильной постановки самой важной отрасли государственного хозяйства, самого главного государственного дела — народного просвещения. При нынешнем падении покупательной силы рубля нам понадобятся сразу многие миллиарды, и мы уверены, что получим их от центральной советской власти»...

Другое существенное условие реформы школы—это снабжение ее необходимыми учебниками и учебными пособиями, которых сейчас почти нет. «Путем массового производства и массовых за-

упок, в том числе и за границей, путем создания гигантского издательства, складов и мощной экспедиции мы пойдем навстречу и данному специфическому голоду русского народа». Однако этого мало. «Если поставленная перед собой цель должна толкать нас браться за работу со всех концов обширного и сложного дела, то одно, что, конец, за который нужно ухватиться прежде всего, является подготовка учителей». Здесь одна из труднейших проблем—в создании краткосрочных или постоянных педагогических курсов. «Истекшим летом уже открыто по всем губерниям более 100 краткосрочных курсов. С наступающим учебным годом эти курсы будут функционировать планомерно по всей России и с таким расчетом, что через них в течение 3—4 лет пройдут все наличные учителя». А «одновременно с этим в каждой губернии решено организовать показательные трудовые школы»... И, кроме того, с текущего учебного года «будут преставляться научные командировки учителям»... Одна из труднейших проблем,—и о ней «советская власть ни на минуту не забывает»,—это «создание кадров учителей-социалистов», ибо «только революционный учитель-социалист может создать и вести истинно-социалистическую школу», ибо «создать нового учителя—значит уже наполовину создать новую школу и содействовать созданию новой демократии»... (см. «Основные принципы Единой Трудовой Школы»).

Что же, кроме отмеченного только что и ранее на страницах данного отчета за второй и третий период деятельности Государственной Комиссии), сделано Народным Комиссариатом по просвещению в этой области? В декларации частью подведены итоги: «в виде переходной меры мы приступили к преобразованию всех учительских институтов, семинарий и постоянных педагогических курсов в высшие педагогические заведения, которые должны выпускать глубоко образованных педагогов, способных преподавать целую группу родственных предметов. Эти же учебные заведения будут готовить деятелей и по дошкольному образованию, и инструкторов по проведению в жизнь школы трудового начала. Для быстрого создания новых кадров учителей мы наметили в этом году открыть новую сеть годичных педагогических курсов... Для научной разработки учебно-вспомогательных вопросов и для подготовки профессоров для педагогических учебных заведений решено уже в настоящем учебном году приступить на первое время к созданию хотя бы одной высшей педагогической академии»...

Эта схематично, в общих чертах, характеризованная в декларации Государственной Комиссии работа Народного Комиссариата по Просвещению конкретно выразилась как в деятельности преимущественно Отдела по подготовке учителей, так и в трудах созванного по инициативе Отдела 18 августа 1918 г. Всероссийского совещания деятелей по подготовке учителей. «Существующие семинарии в настоящем учебном году подверглись сильному изменению. В них введено коллегиальное управление, созданы комитеты учащихся. В программах введены социология, политическая экономия, история социализма, учение о праве и государстве в связи с советской конституцией, аграрное законодательство советской России» (см. краткий отчет о работе Отдела по подготовке учителей в № 20 «Народн. Просвещение»). «За последнее время Отдел разработал проект открытия 200 новых годичных педагогических курсов. Положение об этих курсах уже утверждено Коллегией Комиссариата, и к открытию их на местах уже приступлено... Отделом обращено серьезное внимание на подготовку преподавателей по социально-историческим дисциплинам. И с этой целью решено открыть при социальной академии общественных наук специальные курсы. В ближайшем будущем открываются курсы по подготовке инструкторов, по насаждению искусства художественного чтения. Начато преобразование Московского Шелапутинского института в педагогическую академию... В последнее время отдел приступил к разработке проекта педагогического учебного заведения, которое должно собой заменить закрывающиеся в будущем году учительские семинарии» и т. д., и т. д. (См. там же, «Нар. Просв.», № 20).

Следует еще отметить утвержденное Государственной Комиссией (5 октября 1918 г.) временное положение об учительских семинариях, и можно без преувеличения, без скрашивания сказать: может быть, дело народного образования организуется и медленно, преодолевая неисчислимые трудности в настоящем и инерцию прошлого, но живая жизнь вошла в него, свежие силы, богатые, разнообразные, творческие, прилили и продолжают приливать к нему,—и это залог благоприятного будущего советской России.

Чтобы закончить описание последнего периода деятельности Государственной Комиссии, остается охарактеризовать лишь ее работы по выработке смет. Все остальное можно просто перечислить: это—положение об оплате труда школьных работников Единой Трудовой Школы (опубликовано 1 ноября), переводящее всех их в отношении окладов к первой категории I ступени, согласно декрета от 18 октября о заработной плате в советских учреждениях; постановление Государственной Комиссии (28 сент.) о разработке проекта декрета о национальной школе русских граждан не русского языка; положение о центральном театральном Отделе Народного Комиссариата по Просвещению (опубликов. 19 сентября) и проч.

Переходя к последнему вопросу—о смете, надо сказать: смета—это нерв всякого дела, всякого учреждения. Правильно составлена она,—и учреждение имеет много данных функционировать нормально, без потрясений в механизме, конечно, на ряду с правильной работой и других частей его. Но смета является еще и наиболее простым, сжатым и ярким показателем жизни и деятельности учреждения, переводя все на удобопонятный язык цифр... Вначале в этом отношении деятельность Народного Комиссариата по Просвещению хромала «на обе ноги». В особенности большие затруднения испытывали вновь сформированные Отделы, как, например, Отделы дошкольный и внешкольного образования, неимеющие за собой старой статистики и других необходимых средств, в течение долгого времени лишенные возможности связаться со всей советской Россией, а потому находившихся буквально в критическом положении, как хотя бы приблизительно выяснить сметы по местам. И, конечно, о неорганизованности, о большой слабости механизма работы свидетельствовало постановление Государственной Комиссии от 12 апреля 1918 года о рассылке на полгода авансов по губерниям применительно к приблизительному расчету по прошлогодним сметам, или—еще больше—постановление (тогда же) о предоставлении в распоряжение внешкольного и дошкольного Отделов сумм, «которые по мере надобности будут распределены из центра». 31 мая 1918 г. на заседании Государственной Комиссии тов. Луначарский информировал: «Положение финанс-

вого дела печально. В отдельных местах школы поддерживались собственными скудными средствами. Нас осаждают просьбы о деньгах, но ассигновок нет». И большую, мучительную работу пришлось произвести Комиссариату по Просвещению, чтобы сколько-нибудь наладить финансовый вопрос. Теперь и это препятствие, поскольку, конечно, здесь не угрожают еще общие условия финансового положения страны, преодолено, и венчающая истекшую деятельность Комиссариата смета его на 1-е полугодие 1918 г. является чуть ли не самой показательной страницей всей массы произведенной им организационной работы. Вот некоторые из общих цифр. На 1917 год по смете министерства народного просвещения было ассигновано около 205 миллионов рублей. А уже в первой половине 1918 года эта цифра по Народному Комиссариату Просвещения повысилась до 465 мил. руб., по смете на 2-е полугодие 1918 г. достигла 2.436 мил. руб., таким образом, почти в 12 раз смета на 1-е *полугодие* 1918 г. превысила смету 1917 *года*. Конечно, здесь необходимо принять во внимание катастрофическое падение ценности бумажного рубля, учесть и тот массовый переход в ведение Народного Комиссариата по Просвещению различных культурно-просветительных (в широком смысле этого слова) учреждений из других ведомств и, с другой стороны, суженную территорию советской России; принять во внимание и другие условия, иногда взаимно сталкивающиеся, иногда усиливающие, другой раз ослабляющие тот или иной вывод, уже как будто готовый явиться в результате подсчета, но для нашего бурного времени могущий быть опрокинутым каким-нибудь новым фактором... А все же факт роста сметы, а следовательно, и роста самого дела народного просвещения бьет в глаза, сколько бы скептический и аналитический разум наш не подыскивал всякого рода нивеллирующих обстоятельств.

В особенности этот факт показателен, если взять сравнительные данные ассигнований на нужды народного образования по единой школе. На 1917 год было ассигновано 139,3 мил. руб., на первое полугодие 1918 г.—282,6 мил. руб., на второе полугодие 1918 г.—1.474 мил. руб., наконец, по смете на 1-е полугодие 1919 г. предположено уже около 6-миллиардов (5.897,5 м. р.). Из почти полутора-миллиардного кредита по смете единой школы на второе полугодие 1918 г. (что составляет около 60% всей сметы на это полугодие по всему Комиссариату Просвещения) на одно лишь открытие новых учебных заведений ассигновано 38,6 мил. руб. (на 1-ю ступень—27,6 мил. руб., на 2-ю ступень—более 11 мил. руб.), на ведение трудовых процессов—100 мил. руб., на организацию горячих завтраков по губерниям—400 мил. руб. и т. д. По дошкольному воспитанию—на организацию и содержание только детских садов—22,6 мил. руб., на колонии для детей дошкольного возраста—около 3,3 мил. руб., общая же сумма на 2-е полугодие 1918 г. выразилась в сумме около 26,8 мил. руб. По внешкольному образованию ассигновано на 2-е полугодие 1918 г. около 50,3 мил. руб., из них около 12 мил. руб. на библиотеки и читальни, 7,4 мил. руб.—на школы и курсы для взрослых, 10 мил. руб.—на одно только оборудование народных университетов и т. д. На расходы по подготовке учителей и инструкторов по народному образованию по смете на 2-е полугодие 1918 г. ассигновано более 28 мил. руб. Если снова взять сравнительные данные ассигнований по приведенным статьям сметы за 1917 год, за 1-ю и 2-ю половины 1918 г., то пропорция выразится в следующих цифрах.

Расходы по подготовке учителей и инструкторов по народному образованию: пропорция—1:1,9:59 (ведь по смете на 1917 год было ассигновано по этой статье всего лишь около полумиллиона). Расходы по дошкольному воспитанию: пропорция—1:19,9:57 (абсолютные цифры—465 тыс. руб., 9,3 мил. руб., 26,8 мил. руб.). Расходы по внешкольному образованию: пропорция—1:4:6,2. Абсолютные цифры—8,1 мил. р., 32,5 мил. руб., 50,3 мил. руб.

Из других параграфов сметы на 2-е полугодие 1918 г. по народному просвещению крупные ассигнования падают на содержание кинематограф. комитета—36,9 мил. руб. (до 2-го полугодия 1918 г. ассигнований по этой статье не было), на мероприятия и учреждения Отдела изобразительных искусств—16,2 мил. р. (ассигнование начато с первого полугодия 1918 г., но за это время ассигновано всего около 200 тыс. р.); на Государств. архив—11,2 мил. руб. (тоже новая статья); на расходы по издательству—25,2 м. р. (на 1-е полугодие 1918 г.—14,5 мил. руб.; в 1917 г. ассигнований не было); на учреждение и мероприятия Отдела Пролеткульта—10 мил. р. (новая статья—с 1-го полугодия 1918 г., когда ассигновано было 9,3 мил. руб.); на учреждения и мероприятия школьно-санитарного Отдела—около 10 мил. руб. (в 1-м полугодии 1918 г. всего около ½ миллиона, а в 1917 году ассигнований не было) и т. д.

Нет, однако, надобности продолжать перечисление статей и проводить аналогии между сметами: детальная разработка и характеристика отдельных частей будут даны в других местах—в отчетах по Отделам. Надо думать, задача—немногими, наиболее яркими цифрами изобразить общую картину развития дела народного образования и его основных тенденций—уже достигнута. Не только с субъективным элементом веры, но и с основанным на приведенных фактах и цифрах, этих объективных показательных моментах еще короткой деятельности Народного Комиссариата по Просвещению, объективным же предвидением: еще большего развития, еще большего успеха дела народного образования, несмотря на предстоящие трудности, Государственная Комиссия по Просвещению подошла к концу отчетного года,—подошла уже с санкцией произведенной Народным Комиссариатом по Просвещению работы в резолюциях 1-го Всероссийского съезда по просвещению, заседавшего в Москве с 25 августа по 4 сентября 1918 г. Вот одна из резолюций, подводящая общие итоги деятельности Комиссариата по Просвещению:

Резолюция (I-я), принятая 4 сентября 1-м Всероссийским съездом по просвещению.

Заканчивая свои занятия, 1-й Всероссийский съезд по просвещению с чувством глубокого нравственного удовлетворения подводит итоги своей напряженной коллективной работы.

Со всех концов республики, собравшись в центре, деятели народного образования констатируют, что во всех областях предстоящего им творческого труда перед ними открываются самые грандиозные перспективы.

Лишь с водворением власти революционных масс возможно стало осуществление идеалов единой трудовой школы—школы светской, смешанной, воспитывающей гармонически телесно и духовно развитого члена нового социалистического общества.

Лишь с укреплением этой власти мыслимо приобщение широких масс населения к сокровищам знания и искусства, доныне оставшемся монополией буржуазных классов, сделавших из них средства своего социального владычества. Лишь при дальнейшем развитии этой революционной власти достижимо создание нового мира—мира интернационального братства, подлинного равенства и истинной свободы всех трудящихся.

Горячо сочувствуя преобразовательным начинаниям Народного Комиссариата по Просвещению и обещая им самую действенную поддержку на местах, члены 1-го съезда сознают, что успех этой работы мыслим лишь при окончательном и полном торжестве начал социальной революции. Прочной эта победа может быть лишь тогда, когда слабеющее сопротивление старого буржуазного строя будет сломлено сокрушительным натиском пролетариев всего мира, объединенных в великой международной борьбе.

1-й Всероссийский съезд по просвещению, ведущий свои занятия под сенью знамен с бессмертными лозунгами коммунистического манифеста, исполнен веры в близкое наступление этого конечного торжества.

С этими чувствами, завершая свою коллективную работу, съезд приветствует единодушными возгласами грядущий день мирового переворота:

Да здравствует международная пролетарская революция!

Да здравствует Третий Интернационал!

До 1 декабря в новом своем составе Государственная Комиссия имела всего 9 заседаний. Последнее из них состоялось 5 октября, а 10-е заседание, происходившее 11 декабря 1918 г., уже выходит за рамки данного отчета. Работа Комиссариата по Просвещению все больше отходит к коллегии и в Отделы по мере углубления организационных и других задач, по мере улучшения, усовершенствования в самоорганизации, в конструкции Народного Комиссариата. С принятием на заседании коллегии Комиссариата от 2 ноября 1918 г. нового положения о коллегии и секциях дан новый организационный импульс для деятельности в области просвещения. Все близкие по выполняемым функциям, «родственные» Отделы объединены в секции школьную, внешкольную, научную, художественную и профессионального образования (высказано пожелание и об организации 6-й секции, куда бы вошли Отделы литературно-издательский и снабжения). «На заседаниях секции должны разрешаться все вопросы, выходящие за пределы компетенции Отделов, текущие и сверхсметные ассигнования, не превышающие 200 тыс рублей». И этим путем не только объединяется работа Отделов, но и разгружается деятельность коллегии...

В самое последнее время Отделы Народного Комиссариата по Просвещению, в числе 28, были следующие:

Отделы Народного Комиссариата по Просвещению:

I. Государственных театров. II. Театральный. III. Музыкальный. IV. Изобразительных искусств. V. По делам музеев и охране памятников искусства и старины. VI. Кинематографический. VII. Литературно-издательский. VIII. Пролеткульт. IX. Московское библиотечное отделение. X. Управление делами. XI. Финансовый. XII. Единой школы. XIII. Реформы школы. XIV. Съездов. XV. Школьно-санитарный. XVI. Дошкольного воспитания. XVII. Внешкольного образования. XVIII. Научный. XIX. Высших учебных заведений. XX. Переходящих учебных заведений. XXI. Снабжения. XXII. Статистический. XXIII. Главное управление архивным делом. XXIV. Профессионального образования. XXV. Строительный. XXVI. Подготовки учителей. XXVII. Отдел просвещения национальных меньшинств. XVIII. Организационно-инструкторский.

Краткий отчет о деятельности Отдела дошкольного воспитания за 1918–1919 год.

Дело дошкольного воспитания в дореволюционное время находилось в загоне. Отдельные группы и общества, правда, вели кое-какую работу по дошкольному воспитанию, но это носило чисто случайный характер. Государство не только не помогало этим организациям, но часто даже старалось препятствовать их работе (группа Шацкого). В воспитании нового поколения людей свободных и крепких, как физически, так и духовно, самодержавие видело шаг вперед, чем оно, конечно, не было заинтересовано. Великая русская революция разорвала цепи, сковывавшие по рукам и ногам все живое, стремившееся к переустройству всей нашей жизни.

Перед нами открылись широкие горизонты и в области общественного дошкольного воспитания.

С небогатым опытом пришли мы после октябрьской революции в огромные, но опустевшие помещения министерства народного просвещения. Наши старания найти какие-нибудь сведения о положении дела дошкольного воспитания не привели ни к чему. Между тем жизнь настойчиво требовала, чтобы был положен конец физическому и духовному вырождению пролетарских детей—следствие социально-экономических условий. Жизнь требовала, чтобы рабоче-крестьянская власть позаботилась о детях—будущих творцах новой, свободной жизни и взяла на себя планомерную организацию сети дошкольных учреждений.

В сознании всей ответственности и громадности этой задачи дошкольный Отдел, в лице 1—2 товарищей, на долю которых выпала эта тяжелая, но благодарная работа, приступил к своей деятельности, в первое время носившей преимущественно организационный характер. Организационный период не закончен еще и до сих пор, хотя Отдел параллельно с этой организационной работой развернул и огромную строительную работу.

Медленно, один за другим, вырастали подотделы, из которых каждый имел свои определенные функции и задачи.

В общих чертах конструкция Отдела в настоящее время такова:

Отдел имеет 7 подотделов, некоторые из последних в свою очередь делятся на секции.

Эти подотделы следующие:

I. Дошкольных учреждений.

II. Музейно-библиотечный.

III. Литературно-издательский.

IV. Справочно-статистический.

V. Оборудования и снабжения дошкольных учреждений мебелью, игрушками и пособиями.

VI. Инструкторский.

VII. Канцелярия и счетно-финансовый стол.

I. *Подотдел дошкольных учреждений* ставит себе основной задачей—насаждение и развитие

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

целого ряда дошкольных учреждений на местах, поддержку уже существующих учреждений и разработку целого ряда теоретических вопросов, возникающих из практики дошкольного воспитания.

Соответственно различным видам дошкольных учреждений этот подотдел делится на ряд секций:

а) детских садов и очагов,

б) колоний,

в) площадок.

Центральное место в этом подотделе занимает педагогическая комиссия, которая в настоящее время занята разработкой теоретических вопросов, возникающих из практики. Подготовительные работы по разработке сети дошкольных учреждений производятся совместно с комиссией по обследованию условий проведения в жизнь всеобщего обучения.

Подотделом разосланы инструкции по ведению очагов, детских садов, колоний; им разрабатывается инструкция по площадкам.

При подотделе детских учреждений намечаются комиссии по разработке вопросов, связанных с постановкой музыки в детских садах, по игрушкам и по мебели для детских садов.

II. *Подотдел музейно-библиотечный* занят выяснением вопроса о количестве библиотек по дошкольному воспитанию, как педагогических, так и детских на местах. Так как в настоящее время из-за недостаточного количества книг трудно организовать даже по одной библиотеке в каждом уезде, то предположено устроить центральную библиотеку в каждом губернском городе и передвижную для уездов данной губернии. Таким образом, в ближайшее же время хоть отчасти будет удовлетворена та огромная нужда в книге, о которой то и дело говорит провинция. Сверх того, организуется специальная библиотека при дошкольном Отделе, которая будет обслуживать комиссии при Отделе, на что получен аванс в 10.000 руб. Принимаются меры для закупки книг за границей. Разработана библиотечная инструкция, которая будет разослана по провинции; уже составлен каталог книг, необходимых для местных библиотек.

Подотделом разослан список книг для библиотек по дошкольному воспитанию, куда вошло 37 книг по физическому воспитанию и гигиене, 42 книги по школе, 54 книги по общим вопросам воспитания, 7 книг по рисованию и лепке, 10 книг по ручному труду, 4 книги по практике детского сада, 12 книг об играх, 4 сборника песен, 30 книг по грамоте и счету, 44 книги по педагогике и дидактике, а также о дефективных детях и 35 книг по вопросам социально-политическим и общественным.

Подотделом разосланы инструкции по организации постоянных библиотек с отделами:

1) Педагогической литературы: изучение ребенка, справочники общепедагогические.

2) Отдел литературы по теории и практике детского сада: сборники и труды, периодическая литература, справочники по вопросам дошкольного воспитания.

3) Отдел общеобразовательной литературы.

4) Отдел детской литературы.

Разослана также разработанная схема организации подвижных библиотек, а также и анкета по вопросам пользования передвижной библиотекой. Разослан специальный список книг для руководителей по всем вопросам дошкольного воспитания. При подотделе работают комиссии по выставкам и музеям. Разрабатываются общие принципы собирания материалов для выставок в провинции и т. д.

III. Редакционно-издательский подотдел.

Подотдел организовался в конце октября. Содержание его работы обусловливается следующими основными задачами:

1) возможно более глубоко и всесторонне осветить перед народными массами все вопросы дошкольного воспитания, в связи с новой постановкой его в советской России путем широкого издания агитационно-пропагандистской литературы, и,

2) всесторонне обследовав всю существующую литературу по дошкольному воспитанию, а также детскую для этого возраста, сделать отбор лучшей части ее в целях немедленного переиздания и широкого распространения.

Исходя из этих задач, редакционно-издательский подотдел и начал свою деятельность с того, что организовал комиссию для просмотра и рецензирования литературы. В члены этой комиссии приглашены специалисты, много лет работавшие в этой области. Комиссия собирается еженедельно и ведет планомерную работу.

В первую очередь она занялась пересмотром всех так называемых «книжек-картинок», как необходимого пособия для детских садов, а также детских книг для самого младшего возраста.

Отобрав все лучшее, комиссия наметила около 30 книг для ближайшего переиздания, а также разработала ряд тем для новых книжек-картинок, которые передала в художественную секцию Отдела реформы школы для исполнения их художниками-педагогами.

На ряду с этим комиссией просматривается педагогическая литература по дошкольному воспитанию, некоторые рецензии на которую помещаются в журнале «Народное Просвещение».

Одним из членов комиссии составлен и будет скоро издан «Каталог избранных книг для детей дошкольного и младшего возраста с краткими рецензиями». Для ближайшего издания комиссией составлен список книг, который утвержден Коллегией Отдела, и теперь редакционно-издательский подотдел приступит к осуществлению этого издания, поскольку это будет возможно при современных условиях издательской техники.

Помимо самостоятельного издательства, в задачи редакционно-издательского подотдела входит также и участие Отдела в журнале «Народное Просвещение». Для этой цели подотделом разработан общий план этой работы, согласно которому сотрудниками пишутся статьи, как организационного характера, так и по общим вопросам дошкольного воспитания.

В настоящий момент подотдел занят также подготовкой издания справочника, который предполагается издать к предстоящему Всероссийскому съезду дошкольников. Материал для него уже собран, и на-днях приступлено будет к печатанию его.

IV. Справочно-статистический подотдел.

Подотдел ставит своей задачей установление тесной связи с провинцией.

Новое дело дошкольного воспитания начинает заинтересовывать широкие массы. Важность и необходимость общественного дошкольного воспитания начинает глубоко проникать в сознание масс; даже в глухих уголках России открываются сейчас детские сады, колонии, ведутся беседы и разрабатываются различные вопросы дошкольного воспитания.

Но не осведомленные о работе центра, почти при полном отсутствии на местах людей, уже знакомых с задачами дошкольного воспитания, при отсутствии необходимых пособий—провинциальные работники делают ошибки, которых можно было бы избежать.

Не связанные общностью работы с центром, путем огромных усилий провинциальные работники часто доходят самостоятельно до решения давно уже решенных вопросов, тратя на это энергию, которую можно было бы употребить с большей пользою для дела.

Таким образом, во избежание напрасной траты энергии на местах справочно-статистический подотдел ставит себе следующие задачи: 1) осведомлять провинцию о том, что сделано и делается в центре, путем рассылки по губернским и уездным отделам народного образования отчетов о деятельности дошкольного Отдела Народного Комиссариата по Просвещению, интересных докладов, протоколов заседаний и 2) выдавать приезжающим делегатам справки по всем отраслям дошкольного воспитания и вести переписку с местными органами и с отдельными лицами по вопросам педагогического характера.

Такова работа справочно-статистического подотдела для провинции.

Для центра же работа справочно-статистического подотдела заключается в том, чтобы дать по возможности полную картину положения дела на местах, выяснить путем переписки, анкет и бесед с делегатами взгляды местных работников на дошкольное воспитание, постановку дела на местах, количество сорганизованных подотделов, количество детских учреждений и пр. Кроме того, в задачи этого подотдела входит: составление и разборка анкет—музеев, выставок, курсов, библиотек, собирание и группирование материала, сводки по газетным вырезкам, изображающим работу в дошкольной области, составление таблиц и диаграмм по различным вопросам, освещающим положение дела дошкольного воспитания в провинции.

Отделом уже были разосланы анкеты для выяснения положения дела на местах, и в данное время полученные данные разрабатываются, результаты будут опубликованы.

V. Подотдел оборудования и снабжения учреждений мебелью, пособиями, игрушками и прочими принадлежностями пока еще несорганизован в виду технических затруднений, а также за отсутствием опытных лиц. Но Отделом ведутся переговоры со специалистами по игрушкам о закупке у кустарей Нижегородской губ. изготовляемых ими игрушек и пособий.

VI. Инструкторский подотдел.

Подотдел преследует цель—установить постоянную живую связь между центром и местами путем посылки инструкторов, как для взаимной информации, так для организации местных сил и помощи им в тех случаях, когда работа еще совершенно не налажена. При подотделе имеется коллегия инструкторов, которые командируются в разные губернии на 2—3 месяца, потом возвращаются обратно в Москву, дают отчет и едут в следующую губернию. Сейчас обслуживаются губернии: Могилевская, Витебская, Самарская и Орловская. Инструктора присылают отчеты о своей работе на местах и получают от подотдела указания и новые материалы. При подотделе существует еще секция подготовки инструкторов. Ее задачей является привлечение новых сотрудников и подготовка их к инструкторской работе по определенному, заранее выработанному плану. В настоящее время подготовляется небольшая группа лиц, знакомых уже теоретически и практически с дошкольным воспитанием. Их педагогические познания несколько углубляются и систематизируются, а затем им дается подготовка чисто организационного характера. Подготовка этой небольшой группы является как бы пробой, первым опытом, а в будущем, пользуясь им, учитывая все недостатки и ошибки, можно будет открыть уже специальные курсы для центральных инструкторов, так как количество их должно дойти до 20—30 человек. Только тогда установится настоящая связь с провинцией и будет возможность обслуживать провинцию в надлежащих размерах.

VII. В подотдел канцелярии входят: секретарь, делопроизводство, регистратура, стол личного состава, архив и сметно-финансовая часть. На долю сметно-финансовой части выпала особенно тяжелая задача. Местные органы почти не имели представления о формах составления смет на содержание разных типов дошкольных учреждений; вся эта работа чрезвычайно затруднялась еще и тем, что каждый уезд и часто город непосредственно обращались в центр со своими, часто до абсурда преувеличенными сметами.

За 1918 год отпущены были следующие суммы на дошкольное воспитание (ведомость 1918 г. прилагается).

Теперь кредиты отпускаются лишь губернским подотделам. В виду того, что сметы на содержание учреждений в течение первой половины 1919 г. поступили только от небольшого количества губернских отделов, Отдел рассигновал губернским отделам лишь часть средств, остальные суммы дополнительно проводятся лишь по получении смет.

В апреле 1919 г. дошкольный Отдел созвал Первый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию, о котором будет дан отчет в следующем номере.

Отчет Отдела единой школы за 1918 г.

(Май—ноябрь).

Список наглядных пособий и материалов для занятий по математике.

А. Необходимые.

Клетчатая и миллиметровая бумага.
Толстая бумага для черчения (большие листы).
Тонкий и толстый картон для вырезывания.
Логарифмические линейки (для второй ступени).
Транспортир (дешевый бумажный).
Циркуль (классный и для каждого ученика).
Рейхсфедер.
Меры метрической системы (как образцы для приготовления мер самими учащимися).
Образцы геометрических тел (для определения объемов).
Прибор для определения площади круга.
Компас.
Весы и граммовые разновески.
Термометр.
Глина или пластелин.
Справочники с таблицами статистического, физического и технического характера.
Таблицы скоростей, питательных веществ и проч.

Ножницы, нож, молоток, металлич. линейка, гвозди, клейстер.

Набор столярных и слесарных инструментов.

Набор красок и цветных карандашей.

Б. Полевые.

Счеты (русские и шведские), аббак, арифметический ящик (кубический).

Проволочные модели геометрических тел.

Развертки геометрических тел.

Разборные плоские фигуры для доказательства теоремы Пифагора и для вычисления площадей.

Разборные модели геометрических тел.

Подвижной тригонометрический прибор, показывающий изменения тригонометрических величин.

Существующие справочники, пригодные для пользования в школе.

1) **А. Николаев.** «Таблицы физических величин».

2) **Дворников и Соколов.** «Географический справочник».

3) **Астафьев.** «Инженерный календарь».

4) **Линде.** «Календарь-справочник для электротехников».

Пособия для составления новых справочников, приспособленных для употребления в трудовой школе.

1) «Справочная книга для инженеров, техников и студентов».

2) **Нетыкса.** «Упрощенная справочная книга в 2-х частях».

3) **Цингер.** «Начальная физика».

4) **Цингер.** «Задачи и вопросы по физике».

5) **Бачинский.** «Физика».

6) «Русский, астрономический календарь», изд. Нижегородского кружка любителей астрономии.

7) **Ранке.** «Человек» (2 тома).

8) **Лассар-Кан.** «Химия в обыденной жизни».

9) **Кимминс.** «Химия жизни и здоровья».

10) **Кэтлэ.** «Социальная физика».

11) **Дементьев.** «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет».

12) **Рамзин.** «Топливо-снабжение города Москвы».

13) «Новые идеи в технике», сборник № 2 изд. «Образование».

14) **Дей.** «Очерки экономической географии», ч. 1. Сельское хозяйство.

15) **Туган-Барановский.** «Русская фабрика».

16) **Вебге.** «Рост городов в XIX столетии».

17) **Озеров.** «Атлас диаграмм по экономическим вопросам».

Список пособий по природоведению («неживая природа») на первой ступени.

I. Посуда.

1. Колба на 100 кб. см.—3 шт.
2. Колба на 250 кб. см.—2 шт.
3. Колбы на 500 кб. см.
4. Колба на 1000 кб. см. (в литр.)
5. Стаканы химическ. (250 кб. см.—200 кб. см.).
6. Стакан широкий.
7. Стакан высокий.
8. Кристаллизатор диаметром в 9 см..
9. Кристаллизатор диаметром в 6 см.
10. Воронка с прямым концом диам. в 9 см.
11. Воронка с косым концом диам. в 9 см.
12. Воронка с косым концом диам. в 4 см.
13. Воронка длинная.
14. Пробирки равные—25 шт.
15. Тугоплавкие пробирки—2 шт.
16. Капельница на 50 кб. см.
17. Банки—2 шт.
18. Склянка с двумя горлами в 500 кб. см.
19. Банка для получения углекислого газа.
20. Бутылка без дна.
21. Фарфоровая чашечка диаметром в 9 см.
22. Фарфоровая чашечка диаметром в 3 см.
23. Тигель фарфоровый диаметром в 4 см.
24. Толстая капиллярная трубка.
25. Стеклянные трубки диам. в 6 мм.—2 фун. (800 гр).
26. Стеклянные палочки—½ фун. (200 гр).

II. Приборы, принадлежности к ним и инструменты.

1. Складной метр.
2. Кубический сантиметр } полые
3. Кубический дециметр }
4. Литр (кружка).
5. Децилитр (кружка).
6. Сантилитр (кружка).
7. Трубка для приготовления термометра.
8. Термометр ртутный (комнатный).
9. Термометр точный от—10° до—120° С.
10. Весы.
11. Равновес.
12. Мензурка.
13. Спиртовка.
14. Разборный железный таган.
15. Медная сетка (тонкая и толстая).
16. Сетка асбестовая 10×10 см.
17. Прибор для расширения газов.
18. Железная пробирка для получения кислорода.
19. Колба с медной сеткой и каучуковой трубкой.
20. Склянки для собирания кислорода—2 шт.
21. Ложечка для сжигания в кислороде.
22. Жестяная ванна с мостиком.
23. Трубка с поршнем.
24. Запаянная колба с иодом.
25. Ливер.
26. Пробирка с поршнем.
27. Пористый цилиндр.
28. Барометрическая трубка.
29. Каучуковая пробка с двумя отверстиями и одним резиновым (другой запасной)
30. Штатив железный.
31. Штатив деревянный.
32. Подставка для пробирок на 6 шт.
33. Пробок к пробиркам—10 шт.
34. Пробок к колбам на 100 кб. с.—10 шт.
35. Пробок больших—3 шт.
36. Пробок к остальной посуде—10 шт.
37. Деревянная пробкомялка.
38. Сверло для пробок диам. 6 мм.
39. Щетка для мытья пробирок.
40. Стальная проволока.
41. Резиновая трубка 1½ метра.
42. Асбестовый картон (18×18 см.).
43. Этикетки 1 лист.
44. Фильтровальная бумага 1 десть.
45. Держалка.
46. Роговая ложечка.
47. Ложечка большая металлическая.
48. Подшипок трехгранный.
49. Подшипок круглый.
50. Щипцы.
51. Плоскогубцы с кусачками.
52. Зажим.
53. Молоток минералогический.
54. Молоток геологический.

55. Зубило малое.
56. Зубило большое.
57. Шкала твердости.
58. Магнит подковообразный.
59. Магнитная стрелка.

III. Вещества химические.

1. Фуксин—5 грамм.
2. Селитра—100 грамм.
3. Квасцы порошком—250 грамм.
4. Квасцы кристаллами—250 грамм.
5. Сода порошком—250 грамм.
6. Сода кристаллами—250 грамм.
7. Мрамор—250 грамм.
8. Медный купорос—250 грамм.
9. Каменная соль куском—250 грамм.
10. Ртуть—400 грамм.
11. Окись ртути—25 грамм.
12. Бертолетова соль—100 грамм.
13. Перекись марганца—100 грамм.
14. Смесь для получения кислорода—500 гр.
15. Фосфор—5 грамм.
16. Известь гашеная—250 грамм.
17. Известь негашеная—250 грамм.
18. Магний (лента 1 метр).
19. Сера куском—100 грамм.
20. Сера порошком (серный цвет)—100 грамм.
21. Железо порошком—100 грамм.
22. Свинец—100 грамм.
23. Кальций металлический—100 грамм.
24. Натрий металлический—5 грамм.
25. Натр едкий—250 грамм.
26. Серная кислота—250 грамм.
27. Соляная кислота—250 грамм.
28. Лакмус—5 грамм.
29. Гипс—250 грамм.
30. Известняк в кусках—250 грамм.
31. Кремень в кусках до 50 грамм.
32. Полевой шпат порошком—50 грамм.
33. Трут.
34. Парафин—250 грамм.
35. Воск—25 грамм.
36. Вазелин—650 грамм.
37. Бензин—100 грамм.
38. Спирт для горения—1 бутылка.

Список необходимых ученических принадлежностей при занятиях рисованием.

Список 1 (младшая группа 8—10 лет).

1 черный графит средней мягкости.
1 резина мягкая.
1 палитра жестяная эмальированная на 10 красок.
10 акварельных красок (в плитках).
1 кисть для акварели двухсторонняя (средний размер).
1 алюминиевый стаканчик для воды.
1 коробка цветных карандашей (10 шт.).
1 тетрадь для рисования из плотной бумаги в картонном переплете (8×5 вершк.) в 10 листов.
1 альбом из писчей бумаги для вспомогательных зарисовок (5 верш.×3½ верш.) в 50 листов.

Список 2 (средняя группа 10—13).

2 черный графит—средней твердости и весьма мягкий.
1 итальянский тушевальный карандаш.
1 пачка углей (50 шт.).
1 резина мягкая.
1 палитра жестяная эмальированная на 10 красок.
10 акварельных красок (в плитках).
1 кисть для акварели двухсторонняя.
1 алюминиевый стаканчик для воды.
1 блок-нот для рисования из плотной бумаги в картоне (10 вершк.×6½ вершк.) в 20 листов.
1 альбом из писчей бумаги для вспомогательных зарисовок (7 верш.×4½ верш.) в 50—75 листов.
1 папка из твердого картона с клапанами для хранения рисунков (12½×8½ верш.).

Примечание.

1. Наборы акварельных красок в обоих списках отнюдь не должны быть однообразны; предполагается составить несколько палитр разных цветовых гамм (яркой, притушенной, холодной, матовой, с преобладанием желтых цветов, синих и т. д.), чтобы дать маленькому художнику возможность свободного выбора колорита, согласно его внутренним влечениям и склонностям.

Этот же принцип подбора цветов относится и к разноцветным карандашам списка первого.

2. Тетрадь первого списка и блок-нот второго имеют своей целью обслуживать самодовлеющее классное рисование различных видов: творческое, иллюстративное, декоративное, техническое и т. д.

3. Альбомы для вспомогательных зарисовок обоих списков предназначаются для графических занятий учеников на уроках природоведения, географии, на экскурсиях и т. д.

4. Белый и цветные мелки (рисование на классной доске), измерительную линейку, фиксатив для угольных рисунков и проч. принадлежности общего пользования предлагается иметь руководителю занятий при каждом классе в необходимом количестве.

5. Список принадлежностей для старшего возраста (13—17 лет) мы не даем, предполагая, что учащиеся этой группы будут пользоваться соответствующими принадлежностями при занятиях рисованием, сообразно своим индивидуально-складывающимся техническим навыкам, художественным вкусам, с одной стороны, отдельным советам и указаниям руководителя—с другой.

Деятельность подотдела наглядных пособий Отдела единой школы.

(Мероприятия Нар. Ком. по Просв. в деле наглядных пособий).

Работа подотдела наглядных пособий с момента его возникновения (июль 1918 г.) шла по следующим трем направлениям:

1) Оценка наглядного пособия, существовавшего в прежней «школе учебы» и употребляющегося по сю пору с точки зрения новой трудовой школы.

2) Создание нового наглядного пособия для новой школы.

3) Организация центральных педагогических учреждений, ставящих себе целью всемерно служить идее наглядного обучения.

Не вдаваясь в критическую оценку правильности принятых подотделом направлений и достигнутых в том или другом направлении успехов, в настоящем очерке мы постараемся ознакомить с теми результатами, которых достиг подотдел в своей работе и которые объективно могут быть предложены вниманию наших читателей.

Предварительно мы должны указать, что подотдел наглядных пособий сгруппировал во-

круг себя целые кадры специалистов работников, которые поделили между собой соответственно своим специальностям различные стороны работы подотдела. Таким образом выделились комиссии: физико-техническая, естественно-историческая, гуманитарно-историческая, комиссия по сбору сырья, бюро школьных экскурсий; организовались группы: по устройству уличных витрин, курсы по подготовке школьных работников в деле изготовления простейших приборов и наглядных пособий, мастерской наглядных пособий, склада сырья и т. д., и т. д. В результате такой усиленной организационной работы аппарат подотдела наглядных пособий единой школы настолько разросся и настолько расширил свои функции, что было признано целесообразным поделить его между тремя Отделами Нар. Ком. Просв. Все задачи подотдела, связанные с производством наглядных пособий в массовых количествах, были переданы Отделу снабжения: в силу этого такие учреждения, как мастерские наглядных пособий, склад сырья, национализованные предприятия, производящие наглядные пособия, отошли Отделу снабжения (в подотдел наглядных пособий). С другой стороны все вопросы в деле наглядных пособий, связанные с теоретической разработкой реформы школы, перешли к Отделу соответствующего наименования, в силу чего комиссии,—как естественно-историческая, физико-техническая, комиссия по сбору сырья,—стали работать в тесном контакте с Отделом реформы школы, и даже физико-техническая комиссия перешла совершенно в Отдел реформы школы.

После такого указания становится возможным употребление соответствующих терминов, и, переходя к описанию результатов, достигнутых в деле наглядного обучения *Наркомпросом*, мы будем придерживаться того подразделения подотдела на части по специальностям, как эти части сложились в действительности.

I. Физико-техническая часть.

В истекшем 1918 году по инициативе подотдела наглядных пособий основан Центральный физико-педагогический институт. Цель этого института как учебно-педагогического учреждения заключается главным образом в том, чтобы предоставить самую широкую возможность преподавателю быть в курсе всех вопросов научно-педагогического характера, как теоретически, так и практически, и при этом предоставить полную возможность преподавателю проявлять свою инициативу в деле улучшения и изобретения приборов, необходимых для преподаваемых предметов.

Для проведения в жизнь намеченных целей учреждается Центральный физико-педагогический институт со следующими отделами: 1) физический кабинет, обслуживаемый кадром специалистов, дающий полную возможность во всякое время приступить к работам по любому вопросу научно-педагогического характера; 2) физическая примерная лаборатория, оборудованная возможно совершенно; 3) физический музей для приборов, чтобы дать возможность проследить историческое развитие научно-педагогического дела, в котором были бы приборы конструкции известных физиков, в первую очередь Столетова, Лебедева, Умова и др. известных педагогов.

При Центральном физико-педагогическом институте учреждаются: 1) справочное бюро по всем вопросам, касающимся научно-педагогической работы преподавания; 2) библиотека, состоящая из книг на всех языках как по физике, так и по всем областям примыкающих к ней наук с собранием всех каталогов и проспектов.

При Центральном физико-педагогическом институте имеется мастерская, которая должна быть оборудована настолько, чтобы обслуживать кабинет и поддерживать его на должной высоте, а для конструкции новых приборов по инициативе преподавателей учреждается особый технический отдел, который и будет обслуживать Центральный физико-педагогический институт в этом направлении.

Наконец, при Центральном физико-педагогическом институте должны устраиваться ежегодно курсы для преподавателей для вышеуказанных целей.

В настоящее время часть этих предположений уже осуществляется на деле. Во главе института становится известный всему педагогическому миру проф. А. В. Цингер и уже сконструировалась коллегия по управлению институтом из лиц, входивших в состав физико-технической комиссии подотдела наглядных пособий, а также привлеченных со стороны дополнительно. Институт получил на первое полугодие 1919 г.—1.000.000 руб. и занял помещение в здании Политехнического музея в Москве (а именно: подвальный этаж, 1-й и 2-й этаж левого крыла). В его распоряжение переданы физические кабинеты бывшего лицея, бывшего Варшавского института и бывшего Суворовского корпуса. Энергично составляется библиотека, насчитывающая уже свыше 1000 названий.

II. Естественно-историческая часть.

На ряду с физико-педагогическим институтом подготовляется создание центрально-естественно-педагогического института. Выработан проект, по которому названный институт имеет целью:

1) помочь выявлению заданий трудовой школы и претворению этих заданий в жизнь путем привлечения школ России к выполнению общественно-полезных работ, требующих применения естествознания;

2) дать возможность преподавателю трудовой школы ознакомиться с методами изучения природы;

3) проявить инициативу и приобрести навыки в выработке наглядных пособий по естествознанию и в устройстве школьных кабинетов естествознания;

4) быть в курсе всех вопросов научно-педагогического характера, как теоретических, так и практических в области естествознания;

5) способствовать организации аналогичных учреждений в различных пунктах Р. С. Ф. С. Р., а также местных краевых и общеобразовательных институтов-музеев по естествознанию.

В этих целях институт издает популярные брошюры, книги, хрестоматии, инструкции, устраивает выставки и сносится с аналогичными учреждениями в России и за границей.

При институте устраиваются:

1) естественно-педагогический музей;

2) кабинеты примерно обставленные, с лабораториями при них для практических работ школьного характера (по зоологии, ботанике, геологии с минералогией, физиологии животных, географии с этнографией и антропологией, физиологии растений);

3) при них же организуется экскурсионный отдел;

4) при институте устраивается в одной из подмосковных местностей сельско-хозяйственная ферма—питомники для животных и растений, сад, огород, пасека, теплица, опытное поле и проч., и школьно-сельско-хозяйственное бюро для инструктирования школ по всем вопросам, связанным с участием школьников в сельско-хозяйственных работах;

5) при институте учреждается бюро для инструктирования школы по всем вопросам научно-педагогической работы. Так же, как и при физико-педагогическом институте, и при естественно педагогическом должны быть организованы библиотеки, опытные мастерские и курсы.

Получив устав, кредиты и организовав уже коллегию сотрудников, институт еще не начал своих работ за отсутствием подходящего помещения.

III. Гуманитарно-историческая комиссия работает над созданием аналогичного института в своей области научной педагогики, но ни устав не получил еще утверждения, ни помещение для этого института еще не подыскано.

Работа секции эстетического развития при Отделе реформы школы.

Задача, которую себе поставила секция эстетического развития с первого же дня своего возникновения, была—поднять уровень эстетического развития широких пролетарских масс путем школьного воспитания детей и подростков. Если старая школа могла довольствоваться тем, что выкидывала из своих стен юношей и девушек, изуродованных мертвой схоластической «учебой», бессильных творчески воспринимать жизнь, лишенных инициативы, «не умеющих видеть и слышать», то новая школа, создающая всесторонне-развитую творческую личность, не могла оставить в стороне вопрос эстетического развития школьника, которому современная педагогика придает такое громадное значение.

Теоретическая работа, которую секция вела в этом направлении, заключалась в выработке примерного плана занятий различными искусствами в школе, составлении объяснительных записок, собирании библиографических данных. Наконец, секция наметила к изданию целый ряд книг (переводных и оригинальных). Книги эти носят главным образом характер методологический. Часть книг, намеченных в издательской программе секции, уже печатается, но, к сожалению, в виду недостатка в настоящее время бумаги и технических средств приходится пока отложить попытки полностью выполнить намеченный план.

Но уже очень скоро секция пришла к убеждению, что одной теоретической работы недостаточно. Жизнь властно требовала от нее ответа на вопросы текущего дня. Старое учительство, привыкшее к работе в совершенно другой обстановке, ни в какой мере не приспособлено к тем требованиям, которые к нему должны быть предъявлены. Нельзя же ждать от «учителя чистописания и рисования», чтобы он сумел помогать развитию «глаза» у школьника первой ступени, или указал бы школьнику второй ступени пути к творческому восприятию сущности художественного произведения: картины, статуи. Старый «учитель рисования», даже при всем со своей стороны добром желании к этому, совершенно бессилен выполнить поставленную перед ним задачу. В совершенно таком же положении находится и «учитель пения».

Учитывая эту полную неподготовленность преподавателей искусств в старой школе, секции стало ясно, что, какие бы планы эстетического развития школьника ею ни строились, они осуждены остаться только в области теоретических пожеланий, без всякой надежды на реальное осуществление в жизни. Единственный выход из этого тупика открывается в создании нового кадра школьных работников по искусству, которые оказались бы в силах сознательно и любовно вести среди детей ту важную работу приобщения их к великой искусства, которую открыла перед ними трудовая школа. И по этому пути инструктирования школьных работников секция эстетического развития принуждена была пойти, толкаемая на него властным требованием жизни.

Подсекция изобразительных искусств при секции эстетического развития еще в августе месяце прошлого года открыла краткосрочные подготовительные курсы изобразительных искусств для школьных работников. Слушателей записалось 207. Курсанты занимались практическими работами, живописью и скульптурой, знакомились с задачами трудовой школы, с постановкой школьного театра, постановкой экскурсионного дела, слушали лекции по естествознанию и истории стилей. Рабочий день курсанта был исчислен в 6 часов. По воскресеньям совершались экскурсии по московским музеям. Состав руководителей был следующий: тт. Ноаковский, Назаревский, Крахт, Ленский, Бабачев, Иванов, Моргунов, Малевич, Константинов, Манганари, Лопатинский.

Хотя за полтора месяца занятий больших результатов достигнуть было невозможно, но из обмена мнений между курсантами и руководителями стало ясно, что главной своей цели курсы достигли. Им удалось всколыхнуть учительские массы, пробудить в них сознание важности задачи, поставленной перед ними, и, что важнее всего, убедить их в правильности производимой ломки школы. В организации этих курсов подсекция работала в полном контакте с Отделом изобразительных искусств Наркомпроса.

Убедившись на первом опыте в совершенной правильности намеченного пути, подсекция задалась целью расширить свою деятельность в этом направлении. Был выработан проект создания курсов изобразительных искусств в Москве продолжительностью в три месяца, с таким расчетом, чтобы все преподаватели искусств Москвы и ближайших окрестностей имели бы возможность проработать на них три месяца. Курсы эти ставят себе задачей:

1) подготовить инструктора изобразительных искусств для первой ступени;

2) создать руководителя по искусству для второй ступени;

3) ознакомить слушателей с постановкой в школе различных ремесл;

4) освежить художественные навыки преподавательского состава и

5) вселить в курсантов веру в целесообразность проводимой школьной реформы и тем сделать из них сознательных работников новой школы.

Соответственно этим поставленным целям на курсах будут вестись практические занятия живописью, скульптурой, ремеслами, читаться теоретические курсы по искусству, выясняться связь изобразительных искусств со всеми занятиями школьников. Кроме того, в специальной мастерской курсантам будут показаны способы изготовления школьных пособий, диапозитивов и т. д.

Программа этих курсов уже принята Коллегией Отдела реформы школы и школьной сек-

цией Наркомпроса, и уже приступлено к практическому осуществлению ее.

Такие же курсы предположено открыть и в провинции, так как там школьные работники по искусствам, благодаря своей отдаленности от центра, находятся в еще более тяжелых условиях, чем москвичи. Рассчитывать же на приезд провинциальных преподавателей в Москву едва ли было бы возможно. Поэтому подсекция предлагает организовать в Москве 3 инициативные группы из 5 специалистов каждая (инструктор по общим задачам трудовой школы, скульптор, живописец, искусствовед, специалист по школьным ремеслам), которые бы совершили определенный маршрут, открывая в намеченных пунктах курсы полуторамесячной продолжительности, всячески стараясь использовать местные силы. Маршрут этих инициативных групп намечен следующий:

1-я группа: Тверь, Смоленск, Могилев, Калуга, Тула, Рязань.

2-я группа: Владимир, Ярославль, Нижн.-Новгород, Казань, Симбирск, Самара, Мелекес.

3-я группа: Орел, Курск, Воронеж, Тамбов, Пенза, Саратов.

Таким способом подсекция надеется занести даже в самые медвежьи уголки нашей провинции те идеи трудовой школы, которая в настоящее время строится Наркомпросом.

Мысль об устройстве таких областных курсов принята Коллегией Отдела реформы школы и встретила со стороны местных Отделов народного образования намеченных городов (в ответах на анкетный запрос подсекции) полную поддержку. Некоторые отделы даже послали в Москву специальных лиц, с просьбой открыть в их городе курсы в первую очередь.

Кроме того, подсекцией предположено открыть в Москве 4 мастерских педагогического рисования на классной доске по системе Вебера для вечерних занятий руководителей по общим предметам в школе. Организация этих мастерских поручена художнику Липкину. Две из них начнут функционировать уже в ближайшие дни.

Подсекция ритмики при секции эстетического развития создает в настоящее время «Институты ритмического воспитания» для подготовки специалистов в область ритмического воспитания по системе Далькроза. Кроме основных предметов—ритмики, импровизации, сольфеджио, в программу института ритмического воспитания входят физическая гимнастика, упражнения в музыкально-классической выразительности, дыхание и постановка голоса, хоровое чтение, игры, хороводы, лекции по вопросам искусства и пр. В работах по организации института принимают участие все московские ритмисты с Волконским и Александровой во главе. В совет института наметили своих представителей Отделы—музыкальный, театральный, изобразительных искусств, единой школы, дошкольный, школьно-санитарный. Мысль об устройстве института встретила поддержку со стороны Коллегии Наркомпроса, и подсекция ритмики надеется в ближайшее же время практически осуществить ее.

Подсекция школьного театра при секции эстетического развития с первых же дней своей деятельности была завалена массой запросов в области школьных постановок из провинции. Провинция требовала чисто практических указаний, как организовать школьную труппу, как устроить сцену школьного театра, как изготовлять костюмы и т. д. Это заставило секцию заняться организацией опытно-показательной школьной студии с образцовой сценой. Такая студия в настоящее время уже организована при 106-й трудовой школе. Начинание это встретило горячую поддержку со стороны артиста В. Ф. Лебедева, который занимается художественно-технической подготовкой спектаклей. Художник К. Н. Кандауров практически разрешает вопрос об устройстве образцовой сцены школьного театра. Декоративную часть взял на себя художник А. Г. Якимченко. Ритмической частью руководит артист К. Н. Баранов. В контакте с школьной секцией театрального Отдела разработан примерный образцовый репертуар для школьного театра, и студия возьмет на себя в ближайшее же время устройство утренников для школьников Москвы.

Кроме образцовых постановок, студия предполагает отвести свою сцену для самостоятельных исканий, возникающих по инициативе самих школьников. Кроме работы студии, подсекция школьного театра совместно со школьной секцией театрального Отдела разрабатывает проект института для подготовки инструкторов, которые будут посылаться по провинциальным городам.

Что же касается постановки в новой школе музыки и пения, то вопросы эти разрабатываются в музыкальном Отделе Наркомпроса в контакте с секцией эстетического развития Отдела реформы школы.

Секция эстетического развития уверена, что еще разрозненная (что вызывается острыми требованиями момента) работа подсекций изобразительных искусств, ритмики, школьного театра в деле подготовки школьных работников будет объединена в одной Академии школьного искусства, которая будет давать опытного инструктора по всем вопросам проявления жизни искусства в школе. Создание такой Академии может считаться в настоящее время только задачей будущего, но секция эстетического развития уже теперь занялась выработкой плана такого института, который в два-три года мог бы дать школе руководителя, умеющего нести функции творческого возбудителя и корректора художественных импульсов в трудовой школе.

Б. Лопатинский.

Обзор состояния народного образования в местностях, освобожденных от немецкой оккупации, и ближайшей к ним области.

Географический район описываемого очерчивается городами Вильно, Рига, Псков и Витебск с примыкающими к ним уездными городами. Все это, за счастливым исключением Витебска и некоторых ближайших к нему уездов,—область, лишь недавно освобожденная от немцев. Область очень пострадала от близости театра военных действий. В Двинске, например, грандиозное разрушение зданий, частью расхищен даже инвентарь школ, так что начинать дело приходится с ремонта построек, что также затрудняется отсутствием технических и денежных средств; население бедно, разорено, раздето, разуто, местами изголодалось, появились эпидимические заболевания, вызвавшие даже закрытие школ (Полоцк); обеднели целые культурные и благотворительные общества, содержавшие раньше на свои средства школы (Вильна).

При таких условиях налаживать культурно-просветительную деятельность чрезвычайно трудно, ибо в большинстве случаев не выше шаги

просветительных организаций выражаются тщетными обращениями к Компроду об отпуске одежды и обуви. Наконец, и психическое состояние масс, в частности учительства, понижено и инертно вследствие пережитых жестоких испытаний, материальных неурядиц.

Правда, в крупных городских центрах, как Вильна, заметно сказывается общий повышенный уровень культуры, но культуры своеобразной, носящей сильный отпечаток католического клерикализма. Отдел народного образования получил здесь в свое распоряжение огромное книгохранилище в 200.000 томов, но по разборке выяснилось, что значительная часть книг, как церковных и иезуитских, должна быть сдана в архив. В самом центре отсрочивается даже опубликование декрета о светской школе, ибо ксендзы усиленно настраивают население против. Дело доходило даже до драматических сцен. Когда власть предложила одному из ксендзов за погромную и антисоветскую агитацию покинуть пределы города, он укрылся в церкви, забаррикадировался, и сочувствующая ему толпа окружила его. Так прошли целые сутки, и только залп в воздух разогнал толпу, после чего можно было арестовать ксендза, хотя такие явления далеко не повсеместны; вообще светское начало не вызывает многочисленных протестов. В Невельском уезде, где советская власть действует с июня месяца, только $^1/_5$ волостей протестовала против уничтожения Закона Божия и удаления икон, но и здесь конфликты в конце концов были улажены.

Другой характерной особенностью местной культуры является резкая постановка национальных вопросов, часто вырождающихся в шовинизм. Даже в учительских записках, поданных на митинге, предлагаются вопросы о национальных школах. Декрет советской власти об интернациональной школе понят был даже социалистическими элементами как прикрытая руссификация. Элементы: польский, литовский, латышский, еврейский разно сказываются в различных местах, но везде преобладают над русским. Здесь даже деятельность официальных органов советской власти направляется по руслам этих национальных течений. В Вильне Отделом выпущен литовский журнал, набираются польский и еврейский, а для русского не подыскан еще редактор. Это разделение проникает и в глубь провинции. В Двинске детские сады разделяются по национальностям, и только тогда население идет навстречу и на помощь; только для своего латышского детского сада латыши собрали денежные средства и дали инвентарь. Еще резче эта тенденция сказывается в Риге, где Отделом издан был декрет об обязательном разделении школ по национальностям. Этот любопытный документ заслуживает быть приведенным целиком.—«В виду того, что прежними частными училищами еще не исполнено распоряжение о подразделении учеников по национальностям, Отдел образования уведомляет всех владельцев и содержателей школ, что за неисполнение упомянутого распоряжения до 28 января с. г. они будут привлекаться к ответственности. Национальность решается удостоверением личности родителей. Если родители разных национальностей, то вопрос о том, который из языков следует считать родным, решают родители или заступающие их место своею подписью. Те ученики, которые кончают в текущем году 7 или 8 классы женских средних учебных заведений и 7 реальный и 8 гимназический классы мужских учебных заведений, должны заявить о неисполнении сего распоряжения Отделу образования. В младших классах учебных заведений никаких исключений не допускается, и потому на ходатайство родителей ответа не последует. Завед. Отделом *И. Пекшис*».

Ясно, что национальное разделение проводится в первую голову.

Эти местные условия тормозят работу советской власти. В Вильне не совсем налажен даже административный аппарат. Однако сразу намечается широкая постановка обще-просветительной деятельности в области издательской, библиотечной, в разных видах искусств. Школьная сеть в самом городе очень развита, и старая школа, особенно национальная, в частности еврейская, стояла здесь очень высоко. Для проведения реформы успели организовать особую комиссию, куда привлечены учителя интернационального союза и члены бюро производственных союзов. В Риге, за исключением проявлений шовинистического характера, советская власть налаживается быстрее. Административный аппарат уже организован. Декретирована единая трудовая совместная и советская школа, но практическое осуществление получает очень немногое. Совместное обучение проведено неполне, трудовой принцип выражается только самообслуживанием школы. Составлен проект показательной трудовой школы-коммуны I ступени, и выработана программа курсов для подготовки учителей. Здесь на 4-х или 6-недельных курсах предполагается познакомить учителей с общими вопросами о научном социализме, конституции Р. С. Ф. С. Р. и Латвии, а по школьно-педагогическим вопросам намечены: история школы, принципы новой школы, практические указания по организации школьной коммуны, трудовые процессы.

Мелкие города: Двинск, Псков, Люцин, Режица, Остров, Полоцк, дают довольно однообразную картину. Везде налажен административный аппарат в форме Отделов народного образования, успевших выделить подотделы: школьный, дошкольный, внешкольный, местами специальные отделы для организации школ-мастерских. Всюду отделы образовались из назначенных лиц, которым предоставлено было право кооптации; в Пскове можно отметить особую комиссию по проведению реформы, выделенную местным отделом с участием учащих и учащихся; в Режице председателем местного отдела является местный уездный учитель. Однако осуществить что-нибудь крупное не удалось; все начинания только в проектах и предположениях. Тем более, что отделам приходится сталкиваться с массой затруднений. Здесь на первом плане надо поставить недостаток школьных работников и неподготовленность наличного учительства. Поэтому организуются съезды учителей, предполагаются краткосрочные курсы.

По впечатлениям инструкторов учительство, утомленное материальными неурядицами, держится в общем инертно и обнаруживает растерянность в практике новой школы. Есть один любопытный документ, в котором непосредственно звучит голос учителя: это записки, поданные инструктору на съездах после доклада. Вопросы, предлагаемые учительством, действительно обнаруживают практическую растерянность, вытекающую из теоретической, научной неподготовленности. На островском уездном учительском съезде докладчик-инструктор забрасывается записками с досадными вопросами: «Как ведется обучение грамоте на первой ступени? Также путем бесед? А обучение письму? Как приступить к занятиям в новой школе? Как преподавать новые языки? Укажите

краткий план нашей новой работы». Но есть и более серьезные запросы, указывающие на вдумчивое отношение,—учительница ставит вопрос о школьной дисциплине, о мастерских, предлагая использовать силы учителей; просит книг и программ по курсу социологии и истории труда во II ступени и т. д.; спрашивает, как надо держать себя в случае конфликта на религиозной почве; в какой мере участвовать в работе Отдела по народному образованию. Но все эти вопросы указывают, что роль научно-образованных руководителей детской жизни учительству не под силу. Личные впечатления инструктора отмечают анекдотические случаи добровольно взятой на себя зависимости. При личном посещении одной школы инструктор, пораженный неприглядностью школьной обстановки, спросил, почему учитель не украсит стен школы хотя бы рисунками учеников, и получил исчерпывающий ответ: «такой инструкции, об украшении стен, не было». Местами, в глухой провинции, положение учительства отягчается еще отношением к нему самих Отнаробов, зачастую позволяющих себе грубые и незаслуженные упреки по адресу педагогов. Если к этому прибавить массовые разрушения в городах и очень редкую школьную сеть по деревням, то ясно, что отделам глухих провинциальных углов невозможно будет в ближайшее время установить всеобщее обучение, тем более, что население раздето и разуто, да и статистический учет еще не налажен.

В этих мелких городах безболезненно, видимо, проводится светское начало, разделение на ступени; совместное же обучение в большинстве случаев устанавливается постепенно.

Трудовому принципу стараются уделить много места, но своеобразно. Прежде всего удаляется прислуга, и дети самостоятельно обслуживают школу, подчас это делается нерационально—детям приходится носить воду в школу версты за полторы. Везде отделы проектируют устройство мастерских, применяясь к местным условиям: деревообделочные, гончарные, ткацкие; в Пскове хотят приспособить существовавшие в городе частные мастерские, взятые теперь на учет (столярные и шапочную). Местные отделы придают большое значение организации мастерских. Так, Режица отправила в Москву соответствующего заведующего. Общая культурная жизнь идет вяло, однако как раз в мелких городах инструктор отмечает большое революционное оживление среди учащейся молодежи, живо откликающейся на призыв к самоуправлению, к организации, принимающей участие в налаживании культурно-просветительной работы среди населения. Это настроение с некоторым пафосом звучат в записках учащихся: «Ученицы новой школы приветствуют вас, товарищ!»

Эти данные характеризуют местности, только что освобожденные от немецкой оккупации. Любопытно сопоставить с тем, чт происходит в территориально близко примыкающей сюда области Витебска и немногих его уездах, совершенно не затронутых немецкой оккупацией. В Витебске советская власть имеет известную давность. Учесть разность исходного и конечного моментов, зафиксированных документами, возможно. Мы располагаем инструкторским отчетом о положении в начале июля, инструкторскими наблюдениями в середине февраля, подкрепленными некоторыми, правда, скудными документальными данными, касающимися деятельности Отделов народного образования; сюда присоединяются некоторые анкеты и протоколы, позволяющие заглянуть не только в уездную, но и в волостную жизнь.

В Витебске Отдел народного образования сконструировался в июне, после разгона правоэсеровского и меньшевистского Совдепа; заведующий Отделом был назначен новым Советом и подобрал себе сотрудников. Несмотря на недоверчивое отношение советской власти к массе мелкобуржуазного населения города, местная интеллигенция была вовлечена в работу Отдела, так что в половине февраля инструктор вновь отмечает «засилье» интеллигенции, выражающееся в повышенном требовании на квалифицированных работников по просвещению.

Отдел имеет подразделения, установлено взаимодействие губернских и городских организаций. В Витебске ясно отмечается несомненное культурно-просветительное оживление.

Велась целая кампания против книжного голода: организовалась закупка книг в центре, устраивалось собственное печатание книг, брошюр, учебников и периодической прессы, национализировались местные книжные запасы.

В результате Отдел снабжения отпустил:

Городу	11.263 экз.
Уездам	17.610 »
Непосредственно школам	2.117 »
Всего	30.990 экз.

Для правильного снабжения уездов в пяти уездных городах открыты были книжные магазины.

Имеющиеся в нашем распоряжении периодические издания указывают на связь с центром, на внимательное отношение к нему. Вторая витебская советская типография перепечатывает «Положение об Единой Трудовой Школе» с добавлением характерного для постановки чисто-школьного дела «Доклада секции по родиноведению на 2-м губернском учительском съезде»; в периодических «Записках витебского пролетарского университета» печатаются стихи Уитмана, «Двенадцать» Блока, но главное место уделяется планам университетских курсов, спискам рекомендуемых книг. Все поднятые вопросы (по русской истории, истории литературы, культуры, социализма и т. д.) трактуются серьезно, хотя указываемые пособия не всегда свежи. Витебский пролетарский университет стоит в центре просветительной деятельности среди взрослого населения, но заполняется главным образом учащейся молодежью. Для обслуживания беднейшего населения на окраинах уже действуют четыре школы и пятая намечена к открытию. Число слушателей в них распределяется следующим образом:

Общее число слушателей.	Из них: мужчин.	женщин.
67	22	45
37	7	30
61	27	34
100	33	67
Всего.. 265	89	176

С решительным преобладанием —90%—пролетариата.

На ряду с этим действуют и частные культурно-просветительные организации, свое принципиальное отношение к которым Отдел формулирует несколько неясно: «не стеснять инициативу, но регулировать».

Библиотечному Отделу осталось в наследство значительное количество библиотек, и деятельность его направлялась главным образом на перегруппировку и правильную организацию. Был разработан план Центральной публичной библиотеки, действующей в контакте с районными, и окраинными библиотеками-читальнями. Основной принцип работы—дать высокую по качеству книгу, не гоняясь за количеством. Состояние библиотечного дела можно характеризовать следующей таблицей:

Название библиотек.	Количество книг.	Количество подписчиков
Центр. публ. библиотека	15.000 томов	1100
Районная библ.-читальня	2.462 «	500 *)
4 окраинных библиотеки-читальни	по 300 том. в каждой	1044 **)
Библиотека-читальня при Пролетарском университете ***).	2.700 томов	150 ****)
Библиотека при Марковщ. народн. доме	500 томов	200
Полоцкая библ.-читальня	1.650 «	452

Всего томов 22.612

Клубная секция открыла ряд клубов, из которых более или менее энергично действует пролетарский клуб 1 мая (50—60 человек).

В деятельности художественного Отдела надо отметить один очень интересный момент. Подотдел устроил, между прочим, художественную мастерскую, где обучается 400 учеников, сюда же вошли все живописцы вывесок. Мастерская принимает заказы на вывески, обслуживает провинцию, исполняла работы к годовщине революции и т. д. Самый факт соединения в одних стенах мастеров-ремесленников и учеников школы, ставящей себе и эстетические цели, очень показателен. Тем более, что руководители школы-мастерской (Добужинский и Шагал), на первый план выдвигают именно художественные задания, так что вопрос о прибыли совершенно отпадает.

Что касается собственно школьного дела, то в июне месяце работа находилась в самом зачаточном состоянии, еще не была сорганизована статистическая часть, чтобы осветить общее положение и в связи с этим наметить план деятельности. К августу удалось установить некоторые приблизительные цифры, указывавшие, что для введения всеобщего обучения в губернии количество школ пришлось бы увеличить вдвое. Но некоторые уезды оказались в более счастливом положении: так, в Велижском школьная сеть могла бы удовлетворить почти всеобщее обучение. Очень удовлетворительна сеть и в самом Витебске, в феврале здесь функционировали: 10 школ I и II ступени, 10 школ II ступени, 39 школ I ступени, в общем—59 школ, которые обслуживали 13.174 учащихся. Общую постановку школьного дела в Велижском уезде можно осветить полнее в сравнении с другими, потому что мы располагаем январскими протоколами заседаний местного уездного Отдела по народному образованию. Выясняется, что Отдел занят был такими вопросами по школь-

*) Ежедневно 100 читателей.

**) Из них: рабочих—417 чел., учащихся низших школ—493; преобладает интерес к беллетристике и книге научного содержания; социально-политические темы не затрагиваются.

***) Ее цель—«вводить в лабораторию научной мысли», состав ее книг—научно-популярный.

****) Малая цифра объясняется тем, что в данный момент функционирует только отдел русской беллетристики.

ному строительству, как ремонт старых и поиски новых помещений для вновь открываемых, борьбой с недостатком школьных работников. В связи с разделением школ на ступени Отдел много времени потратил и на перевод учителей для рационального распределения сил. Для подготовки учительства были назначены районные инструктора, и в пяти пунктах открыты школы-коммуны, порученные инструкторам; они имели значение образцовых. Кроме того, в январе созывался съезд учителей с серьезно поставленными вопросами школьной жизни и работы (о трудовой школе, методике преподавания родиноведения, арифметике, о преподавании природоведения в связи с новыми программами, общие методы внешкольного образования и т. д.). Эта сравнительно утешительная картина уездной деятельности должна значительно омрачиться, когда спускаешься в пущу волостных отделов. У нас имеются заполненные анкеты о волостных советах народного образования и о постановке дела народного образования по волостям Невельского уезда. Здесь многое указывает на низкий уровень школьных работников, начиная зачастую с заведующих отделами. Анкета обнаруживает вопиющую нужду в школьном персонале и во всех предметах школьного оборудования. Не избежал той же участи и городской витебский Отдел, который не имеет кого отправить на петроградские курсы «за отсутствием работников вообще». На вопрос о нуждах в педагогических силах прямо указывается на недостаток педагогов-преподавателей II ступени.

Поэтому, думается, можно понять грустное замечание инструктора, наблюдавшего школьную жизнь в Витебске в середине февраля, что, несмотря на проведенные внешние реформы, «школа стоит себе такая же, как и раньше». В Витебске на ряду с другими объяснениями документы позволяют отметить еще одно явление. Это—настроение местной молодежи. Инструктор отмечает такие факты, как редкая непосещаемость, малая самодеятельность; все это подкрепляется документом, к которому я уже не раз обращалась, записки учащихся на митинге. Здесь звучат ноты сочувствия, но преобладают, несомненно, протест и высмеивание. Молодежь, видимо, внимательно прослушала доклад инструктора: по темам, поднимаемым ею, намечаются даже тезисы доклада, но она прежде всего выставляет несколько скептиков, которые не видят пользы в бесконечных митингах, заканчивающихся выборами комиссий, а педагоги попрежнему держат себя в школе; другие берут под свою защиту старые задачники, литературу; третьи, вдумчиво относясь к прослушанному, не могут уяснить принципов Единой Трудовой Школы и негодуют. «Неужели *вы* не признаете науки как таковой? Неужели наука существует только для практических применений? По-моему, наука—для науки». Есть и такие, которые не возражают против принципа новой школы, но с раздражением указывают на старую практику нсвой школы и не без иронии спрашивают о практических путях осуществления школьного идеала.

Нельзя, однако, целиком принять замечание инструктора о неподвижном состоянии школьной жизни. Есть основание предполагать, что только временно школа оказывается на положении невольного пасынка Отделов народного образования. Отделы как в Витебске, так и в уездах, затрачивая массу сил на устройство чисто материальной стороны школьной жизни, находят время для разработки серьезно поставленных чисто педагогических вопросов.

Я уже указывала на программу учительского съезда в Велиже. Хочется остановиться подробнее на упомянутом уже «докладе секции по родиноведению, сделанном на втором губернском учительском съезде в г. Витебске». Здесь рельефно подчеркивается важность метода, развивающего активное начало ребенка, указывается, что вообще метод важнее объема знаний, рекомендуется давать материал «из первых рук, без книжных очков», близко подводя учащихся к действительности. К проекту приложены разработанные программы по родиноведению для городских и сельских школ. Те же глубокие вопросы внутренней школьной жизни намечены Отделом для конференции учащих и учащихся города Витебска, созываемой 15 февраля. Если теперь вспомнить, что все эти доклады, съезды вызывают хотя и недоуменные, но все же вдумчиво серьезные вопросы и педагогов и молодежи, то необходимо напрашивается вывод, что реформа, начатая сверху, проводимая вначале главным образом через административный аппарат, увлекает в свой поток главных деятелей школы, учащих и учащихся, и что застояться на старой заветной черте или вернуться назад школа уже не может.

Очерки современного состояния учительства.

Очерк I.

Взаимоотношение провинциального учительства и местных Отделов народного образования.

(По протоколам уездных Отделов народного образования).

Предлагаемый очерк должен послужить началом выяснения вопроса о взаимоотношении в настоящее время государства и школы, поскольку это можно сделать в потоке переживаемых событий. Взяв протоколы заседаний коллегий уездных Отделов народного образования, попытаемся указать, как разграничивается компетенция учительства и местной власти и в каких рамках может проявляться инициатива и самодеятельность учащих.

Изучая документы, мы увидим, что представители государственной власти на местах—уездные Отделы народного образования—сосредоточивают у себя все вопросы, какие только возникают или связываются с учительством и школой. Так они заведуют:

Приглашением учителей. Это явствует уже из инструкции о выборах на учебные должности в школах от 17 июня 1918 г. Это же видим мы и из повсеместной практики. Хвалынскому уездному Отделу нар. обр. приходится принять за собирание рассеявшихся после гражданской войны учителей: одни из них были мобилизованы белогвардейцами, другие попали в красную армию, учительницы просто разъехались по домам. Отдел справился со своим заданием и к 1919 году смог найти достаточное количество преподавательских сил. Как происходило замещение учительских должностей, мы можем видеть хотя бы по следующим примерам: Егорьевский отдел (Рязанская губ.) сообщает: «Произведены перевыборы учащих города и уезда, служивших при старом режиме, при чем о каждом из них были собраны и тщательно проверены сведения, как в отношении педагогических способностей, так и политической деятельности путем анкет, опроса подлежащих лиц и учреждений, путем личных бесед, собраний и вынесения учащими резолюций, а в некоторых случаях, весьма немногих, путем подписки о желании работать в полном согласии с советской властью». Далее: «При ходатайствах занять учительские должности выяснилось, что духовное сословие двинулось в школы массами, почему Отделу пришлось особо бдительно стоять на страже интересов республики», дабы в школах не имело преобладающего влияния духовенство, почему приходилось иногда отказывать даже волостным Советам в их ходатайствах «особенно за старых жен попов». В г. Смоленске к занятию учительских должностей допускаются педагоги лишь по заполнении именной анкеты, содержащей изложение политических и педагогических взглядов кандидата (отношение к советской власти, партийная принадлежность, какой путь считается наиболее целесообразным в развитии среди учащихся идей коммунизма). В Елецком уезде, Орловской губ., вырабатываются следующие правила приема учителей: а) лица, не разделяющие взглядов советской власти, не могут служить в советской школе, б) лица, принадлежащие к эксплоататорским классам (помещики, купцы, духовенство и т. п.), не могут быть воспитателями пролетарских детей, в) допущение на учительскую службу лиц, принадлежащих к эксплоататорскому классу, возможно только при наличии у кандидата революционной работы, как в прошлом, так и в настоящем, что должно быть доказано документально. Список кандидатов утверждается Коллегией Отдела. Испытательной комиссией по приему и фильтровке школьных работников признана комиссия, избранная Союзом учителей-интернационалистов. Следовательно, при приглашении учителей уездные Отделы нар. обр. руководствуются своими постановлениями, издаваемыми ими в дополнение к инструкциям центра, и нигде не видно, чтобы в выработке руководящих принципов участвовали бы школьные со[illegible], учительские или родительские организации. Напротив, можно указать на весьма выразительную инструкцию корочанского уездного Отдела нар. обр., Курской г., волостным и сельским Исполкомам, где говорится: «Назначение учителей, удаление не отвечающих своему назначению, наблюдение над хозяйственной частью училищ,—все это находится в полном ведении Отделов и Советов. Общественные приговоры не имеют решающего значения в деле народного образования, потому что общество не может быть признано компетентным судьей в сложной педагогической области. Поэтому волостные и сельские Исполкомы должны незамедлительно поставить свои общества в известность, что всем делом народного образования ведают выборные органы, и что попытки некоторых обществ к решению тех или иных педагогических вопросов и к приведению их в исполнение—незаконны. Общество не может удалять и назначать себе учителей, не может распоряжаться школьным помещением и имуществом, но оно может заявлять о своих недовольствах и нуждах Отделам народного образования, которые отнесутся к таким заявлениям с должной осмотрительностью и вниманием».

Перемещения и увольнения учителей производятся Отделами по своему усмотрению, то как органи зационная, то как карательная мера. Так вежицкий уездный, Отдел. нар. обр. (Витебской губ.) вменяет в обязанность заведующему школьным подотделом представить доклад о перегруппировке преподавательских сил с указанием тех, кто *желает* отправиться в уезд. В противном случае произвести эту перегруппировку *насильственным* путем. Со случаем насильственного, и притом немотивированного перевода встречаемся мы и в Дмитровском уезде, Орловской губ. В Хвалынске руководствуются при переводе следующими соображениями: а) если лицо прослужит на месте не менее трех лет, б) если оно переводится ближе к родным или к тем местам, с которыми у них есть родственная или имущественная связь.

Чем руководствуются уездные Отнароб ы при увольнении учителей? Помимо декретов центральной власти мы видим выработку собственных правовых положений на местах, а порою и отсутствие всяких норм. Иллюстрируем это примером увольнения преподавательницы по словесному обвинению одного лица, притом заподозренного самого, без проверки обвинения, или выслушивания обвиняемого. В Хвалынске по *словесному* заявлению некоего т. Щ., вызванного в Отдел для дачи объяснений по поводу самовольной реквизиции им пианино и вмешательства его в школьные дела, что одна учительница преподает Закон Божий, а другая раздает книги монархического содержания, постановлено первую учительницу уволить, а второй объявить строгий выговор, при чем непонятно, почему вина первой признана большей вины второй. В ряде уездов видим мы массовое увольнение от школьных должностей жен и детей священников, дьяконов и других лиц духовного сословия. С этим расширительным толкованием декрета об отделении церкви от государства встречаемся мы в ряде волостей Рязанской и Тамбовской губ. Тамбовский Губотдел вынужден даже разъяснить, что увольнение жен и детей священников, только как таковых, при наличии прочих положительных данных недопустимо.

Установление образовательного ценза для учителей зависит часто также от уездного Отдела народного образования. Пример можно привести из Саратовской губ.: Хвалынский Отнароб сообщает, что он пригласил учащих с весьма разнообразным образовательным цензом: начиная с лиц, не имеющих даже звания учителя начального училища (4 учителя из бывших церковно-приходских школ), до лиц с высшим образованием. Но, приглашая лиц с недостаточным, по мнению Отдела, образованием, Отнароб ставит им определенные условия: так, из протокола заседания коллегии Хвалынского уездного Отдела 24 декабря 1918 г. усматриваем, что «Отдел тогда только находит возможным назначать на учительские места окончивших 7 кл. женской гимназии, если они прослушают курсы, организуемые Отнаробом, затем необходимо иметь месячную практику, выдержать испытания в знании методики, дидактики, дать пробный урок».

Отделы осуществляют надзор за учителями и применяют к ним административные меры взыскания. Обратимся опять к обстоятельному отчету хвалынского уездного Отнароба; там мы читаем: «...немалым (ст. 5) тормозом в правильном развитии дела народного образования являлся саботаж учителей. Многие из них позволяли себе самовольные отлучки из школ по своим личным делам; многие без всяких уважительных причин не приступали к занятиям, а если и приступали, то, особенно в первое время, вели дело спустя рукава, пользуясь отсутствием надзора»... Кроме гуманных мер воздействия на учителей, ему приходилось прибегать к репрессиям: переводам, удержанию жалованья за пропущенное время и даже увольнению.

Кроме того, Отдел обратился с просьбой к районным Коллегиям и инструкторам, чтобы они возможно чаще объезжали находящиеся в их районах школы и следили за непрерывностью занятий в них. Перечисленные меры оказали должное воздействие, и школы в настоящее время функционируют более или менее правильно. Для постоянного и систематического контроля за деятельностью учащих решено «по возможности еженедельно задавать учащим методически-воспитательные задачи; запросить учащих I ступени, как они смотрят на предлагаемый в докладе инструктора метод преподавания математики». Выговоры учителям, как административная мера воздействия, применяются повсеместно; приведем следующий характерный случай в Выксунском районе (Нижегородской губ.): «На заявление члена комиссии о недопустимом и крайне реакционном выражении учительницы, которая на его вопрос: «у вас в школе еще висят боги» ответила: «Они нам не мешают», постановлено предписать о немедленном удалении икон из классных комнат, а учительнице сделать строгий выговор. В том же районе произошла в одной школе ссора учителей между собою. Поэтому поводу Отделом выносится постановление, что «мелочи и дрязги школьных работников пагубно отражаются на ходе работы в школе», а потому выражается порицание всем школьным работникам выксунской советской школы, и впредь за подобные явления Отдел обещает принимать репрессивные меры вплоть до удаления от должности.

Отделы берут на себя заботу о поднятии культурного уровня учащих. Повсеместно констатируется недостаточная подготовленность учителей к проведению реформ. Например, арзамасский съезд советов по народному образованию признает, что саботаж учителей закончился, и большинство их готово работать в новой школе, но недостаток подготовки и непривычка к самостоятельности мешает проведению новых начал. Поэтому повсеместно Отделы стремятся устраивать съезды учителей и открывать самостоятельные курсы для подготовки учителей, но так как это во многих местностях сделать невозможно из-за отсутствия ряда необходимых средств, особенно из-за недостатка лекторских сил, то учителей командируют на курсы в губернские или даже столичные города. Можно указать некоторые уезды, где это дело поставлено сравнительно удачно. Так, доклады читались и самостоятельно учителями в Макарьевском у. Нижегородской губ., где уровень преподавателей, по отзывам инструкторов, вообще сравнительно высок, а в Хвалынске районными Отделами и школьными инструкторами устраивались районные съезды учителей, на которых инструкторами читались и обсуждались доклады по различным вопросам школьного преподавания, а также задавались различные темы по ним для разработки самими учащими. Всего районных съездов учителей до январских каникул было 5, на которых прочитано 14 докладов («Старая и новая школа», «Воспитательное чтение» и т. д.) и предложено 19 тем для разработки (самоуправление учащихся, участие детей в общественной жизни, кружки и общества среди учащихся, школьный журнал, как соединить родной язык с лепкой и рисованием и т. д.). Мамадышский уезд, Казанской губ., оказывает материальную помощь лицам, отправляющимся на курсы в Казань. Если невозможно устроить курсы или командировать на курсы в другие города, то Отделы стремятся созывать съезды, на которых освещались бы воспитательно-просветительные задания новой школы. В Елецком уезде предположено информировать школьных работников по вопросам школы через местную газету, открыв в ней отдел «Народное Образование», в котором помещать все, что касается школы и других видов просвещения, как присланное из центра, так и добытое местными силами.

Кроме того, Отдел заведует разработкой программы. На нем лежит: забота об ученике

ских и учительских библиотеках, издание книг, учебников и приобретение учебных пособий, даже организация учительских кружков, что, кажется, должно было бы составлять функцию самих учащих, утверждение уставов культурно-просветительных кружков, разбор конфликтов с населением (но это уже должно составить самостоятельный очерк), ограждение школьной жизни от посторонних влияний; так, например, хвалынский уездный Отнароб, узнав, что агитаторы вмешиваются в школьную жизнь в уезде, поручает заведующему Отделом войти в комитет партии с соответствующими разъяснениями. *На Отделе лежит также мелочная и точная регламентация хозяйственной жизни школы;* мы видим повсеместно, что уездные Отделы входят во все детали хозяйственной жизни школы, ее ежедневных, будничных интересов; из Московской, Ярославской, Рязанской, Саратовской, Смоленской и др. губерний приходят документы, свидетельствующие, что распределение учащихся данной местности по школам, вопросы о собраниях в школьных помещениях, приглашение или увольнение школьного сторожа, выработка инструкции его обязанностей, устройство декорации для ученического праздника, приобретение нескольких фунтов керосина для вечерних занятий 2-й смены или нескольких фунтов ржаных отрубей для прокормления школьных кур и прочие бесчисленные мелочи ежедневного обихода входят в уездные или городские Отделы и там находят свое разрешение.

Отделы мобилизуют учащих для культурно-просветительной работы. Так, в Арзамасе уездный Совет напоминает учащим, что они являются «единственно грамотными людьми в деревне» и потому нравственно обязаны содействовать населению путем чтения лекций. В Балашовском уезде, Саратовской губ., учащих, освобожденных от занятий по случаю эпидемии сыпного тифа, мобилизуют для организационной работы в канцелярии Отнароба и для устройства популярных лекций и просветительных кружков.

Отделы осуществляют политический надзор за учителями. Выше уже указано было, что в Смоленске от учителей требуется заполнение анкеты с изложением своих политических взглядов, как от вновь поступающих, так и от состоящих на службе; лиц же, отказывающихся заполнить эту анкету, постановлено уволить со службы. Арзамасский съезд Советов по народному образованию выносит резолюцию: «относительно проявления политической недоброжелательности» (учителей) необходимо сообщать немедленно в уездный Отнароб или Комитет Р. К. П.» В Елецком уезде, Орловской губ. об учительнице, назвавшей К. Маркса «сумасшедшим», постановлено донести в Чрезвычайную Комиссию.

Отделы решают вопросы принципиально педагогического характера о том, допустима ли служба детей школьного возраста, трудовые повинности для учащих и учащихся, и когда допустимы.

Что касается инициативы учителей и их самодеятельности, то протоколы уездных Отделов народного образования сообщают нам лишь очень редкие и мелкие факты. Приходится слышать, что учителя разбирают в свое частное пользование книги, реквизированные местным Отнаробом от частных владельцев и купленные на книжном рынке для музея и Отдела (Саратовская губ.). Уездному Отнаробу приходится разъяснять им незакономерность их действий. Одна учительница устроила в школе выставку игрушек и просила выдать ученику, сделавшему лучшие игрушки, приз. Коллегия Отдела поблагодарила учительницу за устройство выставки, но сообщила ей, что выдача призов непедагогична. В данном случае мы видим, что Отдел с благодарностью отнесся к проявленной инициативе школьной работницы.

В Елецком уезде, Орловской губ., выборрайонных инструкторов предоставляется местным учительским объединениям: за Отделом остается лишь право отвода, но выбирать инструкторов можно лишь из членов Союза учителей-интернационалистов. Но этими фактами, конечно, далеко не исчерпывается вопрос, и мы надеемся посвятить инициативе и самодеятельности учащих самостоятельный очерк, воспользовавшись другими материалами.

Подводя итоги, можно сказать, что *все* вопросы, связанные со школой от самых крупных и до мельчайших, какие только ставятся жизнью,—все возникают, обсуждаются и решаются центральной или местной властью, учителя же являются лишь исполнителями более или менее добросовестными, более или менее ревностными предписаний власти. Однако эти стеснения самодеятельности и инициативы учащих были вызваны, с одной стороны, условиями политической борьбы, в которых приходилось формироваться и работать Отделам нар. обр., с другой же,—тем обстоятельством, что инициатором школьной реформы явился центр, которому и приходилось ее осуществлять через подчиненные ему органы управления в среде неподготовленного и не ожидавшего такой реформы населения и учительства. Теперь же в некоторых местностях—укажем хотя бы на Арзамасский уезд—раздаются иные голоса: съездом Советов по нар. обр. вносится резолюция о том, чтобы «наблюдение за работой учащих не переходило в стеснение или вмешательство в их работу, прямые указания допустимы лишь в случае неисполнения декретов советской власти, или предписаний центра», поэтому предлагается «предоставить широкий простор работе учительства, поддерживать их в каждом новом начинании и при этом быть в курсе их работы, контролируя их деятельность». Обсуждение же всех кажущихся недостатков их работы и вообще все имеющиеся замечания переносить *на местные совещания учащих* и в коллегии уездного Отдела. Эти постановления Арзамасского съезда Советов по народному образованию вносят новую струю в существовавшую до сих пор атмосферу взаимоотношений учительства и местной власти.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общий отдел.

Стр.

1. О задачах профессионально-технического образования в России (декларация Народного Комиссариата по Просвещению) . . . . . А. Луначарский . . 3
2. Необходима не только реформа школы, но и реформа науки. П. Блонский 7
3. Новая организация работников просвещения (1. Доклад на II съезде Союза учителей-интернационалистов. 2. Заключительное слово к докладу). В. Познер 13
4. Срочная подготовка учителей . . . . . К. Левин 28

II. Специальный отдел.

1. Задачи подотдела физической культуры (доклад на I Всероссийском съезде по школьной санитарии школьно-санитарного Отдела Народного Комиссариата здравоохранения) 31
2. К вопросу об организации курсов по дошкольному воспитанию. Д. Лазуркина . . . 35
3. Из практики курсов по дошкольному воспитанию (1. Отчет о дошкольных курсах при Цекульте. 2. Беседы о рисовании. 3. Работа с деревом. 4. Беседы по играм дошкольного возраста Н. О Масалитиновой. 5. Итоги курсов) 38
4. Организация постоянных и передвижных библиотек по дошкольному воспитанию (1. Объяснительная записка. 2. Инструкция) 47
5. О здании трудовой школы . . . . . Б. Лопатинский . . 51
6. Задачи подотдела наглядных пособий при Отделе единой трудовой школы. А. Яхонтов 54
7. О заготовке и снабжении школ наглядными пособиями . . . С. Соколов 58
8. Павильон для насекомых (инсектарий) . . . . . Н. Золотницкий . . 64
9. В дедушкином плодовом саду . . . . . Н. Золотницкий . . 68
10. Детское творчество . . . . . И. Ломанин 76
11. Два мировоззрения . . . . . О. Вольберг . . . 81
12. Социально-историческая мозаика (1. Социальный вопрос. 2. Пьеса „История русского крестьянина“. 3. Первая критика. 4. Мнимо-аполитичный учитель) Н. Балин 86

III. Библиография.

А. Трудовая школа. (Рецензии на книги П. П. Блонского—„Трудовая Школа“; Р Ридера—„Трудовое воспитание“; М. Штейнгауза—„Летние детские колонии“; Н. Филитиса—„Подвижные игры детских садов“ . . . . . И. Гудзь, В. Шульгин, М. Свентицкая, Н. Кирпичникова 87

Б. Естествознание. (Рецензии на книги Н. И. Яковлева—„Краткая химия“; И. Каблукова—„Основные начала неорганической химии“; Н. Соколова—„Элементарная физика“; Н. Дрентельна—„Физические опыты в начальной школе“; К. Дубровского—„Простые физические приборы“; Власовых, М. и П.—„Растения, дерево, животные, недра земли“) . . . . . П. Л., П. Л., И. Ф., И. Г., В. Добровольский 90

В. Журналы по народному образованию . . . . . З. Б. 92

IV. Хроника.

А. Центр.

1. Два съезда по школьной санитарии . . . . . Л. Титов 94
2. Деятельность Отдела изобразительных искусств 96
3. Обзор деятельности подотдела художественной промышленности 98
4. К вопросу о международном языке (по поводу „Комиссии по разработке вопроса о факультативном преподавании международного языка“ при школьной секции Народного Комиссариата по Просвещению. . . . . Л. Титов 102

Б. Провинция.

1. Школьное дело в Олонецкой губернии (1918 г. и начало 1919 г.) 104
2. Дело школьного образования в Саратовской губернии 113
3. Дело школьного образования в Симбирской губернии 120
4. Черты внутренней жизни школы в связи с реформой ее 132
5. Постановка трудовых процессов в реформируемой школе по отчетам инструкторов физического труда 139
6. Культурное строительство в провинции . . . . . И. Ломанин 142

V. Приложения из иностранной педагогической литературы.

1. Сущность индустриального образования (перевод с английского С. Спасской) Эггерс и Ман-Мурри 147
2. Больше свободы в работе (перевод с немецкого С. Нестеровой-Рашевской) Эртли 150
3. Враги ручного труда (перев. с нем. С. Нестеровой-Рашевской). . Эртли 152
4. Строительные работы в Мэрилендском институте (перевод с английского С. Спасской). . . . . Гопкинс 155

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№№ 11—12.

МОСКВА. 1919 г. ИЮНЬ—ИЮЛЬ.

Gift
Hon E F Ladd
Sept 12 1925

Тип. „Московское Издательство", Остоженка, Савеловский пер. 13.

Общий отдел.

О задачах профессионально-технического образования в России.

(Декларация Народного Комиссариата по Просвещению).

Прежде чем быть педагогами, сторонниками того или другого идеала воспитания, мы, люди, поставленные рабочими и крестьянами во главе освободившейся России, являемся революционерами.

Воля трудовых масс ясна. Власть взята народом в свои руки. Источники богатства вырваны из лап хищного капитала для того, чтобы в творческом процессе как можно скорей и как можно прочней создать новое всенародное хозяйство, объединенное, упорядоченное, основанное на научных началах, технически растущее, способное служить опорой для великой международной политики пролетариата и почвой для дальнейшего расцвета жизни, для разумного счастья людей.

Все мы прежде всего—строители социализма.

Создание социалистического строя есть задача экономическая, хозяйственная. Политика расчищает путь для этого строительства, политика объединяет волю народную внутри, держит щит над нею, обороняющий ее от ударов извне, но самое сердце революции, это—хозяйственный переворот.

Величайший хозяйственный переворот, какой когда-либо видел мир, может быть выполнен лишь людьми знания и умения.

Получив в наследие, хотя скудное, но все-таки чрезвычайно ценное капиталистическое оборудование, мы должны теперь суметь при трудных условиях и царящем развале предохранить его от дальнейшего разрушения, начать постепенно повышать его производительность и мощно направить все части этого до сих пор разъединенного хозяйства к целостному единству.

Кто сделает это? Сколько сил, сил просвещенных, сил, стоящих на высоте всех экономических и технических знаний, накопленных человечеством до сих пор, должно быть пущено в ход, чтобы осуществить этот колоссальный план?

Россия бедна такими силами. Количество инженеров у нас ничтожно, и не на всех можно притом же полагаться. Количество людей со средним техническим образованием до отчаяния недостаточно. Квалифицированных рабочих тоже мало. Общий уровень технического знания в России скуден. Мы в этом отношении, как и во многих других, виною ужасного режима, который мы так долго сносили, плетемся в хвосте Европы. А между тем мы победили и в смысле близости к социализму, и в смысле реальности социалистической строительной задачи для нас, находимся, напротив, в голове Европы.

Какой же вывод из этого? Вывод может быть только один,—с напряжением всех сил надо учиться.

Мы знаем, что общее миросозерцание дает человеку уверенность и душевную стройность, мы знаем, что вне широкого общего образования человек не может обрести себя; невозможен гражданин, революционер, социалист, не отдающий себе отчета в том, что такое мир, история человечества, какое место в пространстве и времени занимает он сам, какую обязанность налагает на него это место его в мире. И мы никогда, конечно, не оставим в стороне этого общего образования.

Мы не можем позволить, чтобы какая бы то ни была наука была заброшена в России, ибо все они, в конце концов, причудливо переплетаясь между собой, являются не только высшим духовным наслаждением, но и прочной опорой, на которой строит человек свое господство над стихиями.

Но в каждый данный момент приходится выполнять то, что особенно настоятельно выдвигается действительностью.

Неужели для социалиста имеет какое-нибудь значение учиться систематическому убийству людей? И однако, вынужденные сейчас обороняться от старого мира, мы должны выдвинуть военное обучение на одно из первых мест. Это обстоятельство, конечно,—проклятие нашего времени. Благоговея перед тем революционным мечом, который сейчас производит блистательную операцию, отсекая гангренозные члены от здорового тела трудового человечества, мы тем не менее с вожделением думаем о той поре, когда мечи воистину перекуются в серпы.

Не так обстоит дело с хозяйственным и техническим образованием. Действительность требует от нас, чтобы мы для нынешнего времени отдали главную часть своих сил, могущих быть посвященными делу образования, именно работе над снабжением страны возможно большим количеством знающих техников всех ступеней.

Но чрезвычайное внимание, любовное отношение к труду, к строительству не есть нечто преходящее,—оно останется навеки главной заботой человека-творца.

Когда Народный Комиссариат по Просвещению добился перехода в его ведение всех решительно учебных заведений России, дабы дело просвещения велось на одних и тех же началах, некоторые техники и экономисты высказали опасение, чтобы мы, педагоги, не уронили как-нибудь чуждого нам дела обучения специальным профессиональным навыкам, чтобы мы не принесли в жертву профессиональные стороны обучения стороне общечеловеческой.

Народный комиссар по просвещению на съезде представителей высших технических учебных заведений указал на незаконность таких опасений.

Он заявил, что стоящая у власти коммунистическая партия понимает господствующее положение, которое хозяйственные задачи занимают в жизни, и что дело для Народного Комиссариата по Просвещению идет не о том, чтобы, разрушив технические школы, заменить их учебными заведениями гуманитарного типа, а о том, чтобы все наши школы, низшие и средние, превратить в школы технические.

Да, в школы технические. Но эту задачу технического, т.-е. трудового, образования всех детей и подростков в России мы ставили в терминах *политехнического* их образования.

Как научное образование вообще, так и трудовое, теснейше с ним связанное, согласно декларации Государственной Комиссии о Единой Трудовой Школе, не может быть исключительным и специальным.

Явилось бы искажением всех принципов социализма, который ограждает личность, который стремится к созданию многогранного человека, сделать, хотя бы и в государственных потребностях, тех или других детей обреченными, ставить на их молодых лбах клеймо специальности, без всякого внимания к их естественным склонностям, которые могут проявиться только позднее,—клеймо, не могущее быть стертым никогда и являющееся потом проклятием их жизни. Когда буржуазия относилась ко всей рабочей и крестьянской массе как к своему скоту, она могла метить их детей в сапожники, слесаря или парикмахеры, в зависимости от своих потребностей. Мы же должны дать ребенку и подростку до 17-ти лет то широкое образование, которое откроет перед ним позднее все дороги.

Из этого не следует, чтобы мы были против специалистов. Наоборот, мы отвергаем, конечно, идеал народа, разделенного по узким специальностям, государство, построенное по типу организма, где функционирующие порознь клетки, искаженные в своем образе человеческом, перестают уже понимать, что делает другой орган того же организма; но мы с неменьшим отвращением отвергаем идеал народа-дилетанта, где всякий знает всего понемножку и ничего не знает глубоко и ничего не умеет делать мастерски.

С 17-ти лет, достаточно рано, по нашему мнению, должен начать человек специализироваться. Но после длительного стажа общего и политехнического образования он, сделавшись специалистом и мастером своего дела, уже не потеряет связи с другими специальностями и мастерствами и никогда ничто человеческое не станет ему чуждо.

Итак, профессиональную специализацию мы отодвигаем на возраст 17-ти лет. Мы полагаем здесь всемерно усилить профессионально-техническое образование; необходимо в ближайшем же будущем развернуть возможно более стройный план школ для лиц этого возраста, неразрывно связанный как с некоторыми прежними средними, так и с некоторыми прежними высшими учебными заведениями технически-профессионального типа.

Нам приходится торопиться. Нам приходится возлагать огромные надежды на сравнительно краткое обучение, которое дало бы возможность в спешном порядке, в военном порядке, повышать общий уровень технических знаний и умений народа. Поэтому рядом с широчайшим использованием высших учебных заведений, путем создания в них рабочих факультетов, и многих средних учебных заведений—технических и специальных, путем превращения их в специальные школы для юношей от 17-ти лет, мы должны еще создавать возможно более богатую сеть внешкольных технических курсов.

Мы не можем при этом согласиться с тем, что в этом отношении страна будет достаточно обслужена теми узко-специальными школами и курсами, которые будут устраивать отдельные ведомства.

Во-первых, стремление к техническому знанию, к поднятию своего умения очень сильно даже в рабочих средней сознательности. И наш внешкольный аппарат должен использовать эту практически привлекательную сторону внешкольного технического образования для того, чтобы спаять обще-научное и политическое воспитание с техническим и приблизить таким образом наш внешкольный аппарат к симпатиям масс.

Во-вторых, узко-специальные школы для подростков и взрослых, значения которых мы отнюдь не отрицаем, сами, конечно, чрезвычайно выигрывают при несколько более широкой и научной постановке дела и должны постепенно уступить место более разносторонним и более глубоким типам внешкольного образования.

Но возвратимся теперь к детям до 17-летнего возраста. Мы уже сказали, что для них мы стремимся создать Единую Трудовую Школу, в которой политическое образование является основным стержнем всего преподавания. Распространяться о духе политехнического образования нам не приходится, ибо все важное сказано уже по этому поводу в Декларации о Единой Трудовой Школе.

Мы допускаем некоторую фуркацию в последних годах второй ступени, где наклонности детей уже сказываются и где они могут выбирать себе по сердцу то или другое любимое дело.

Но мы ни на минуту не закрываем глаз на то, что дело превращения всех низших и средних школ России в школы типа Единой Трудовой—дело грандиозное и медленное, что оборудование школ необходимыми орудиями или сближение их с мастерскими, фабриками и заводами, что реальное превращение сельской школы в школу-ферму при нынешнем оскудении России есть вообще большой труд, в ближайшее время прямо безнадежный, а в дальнейшем бесконечно сложный.

Мы неуклонно будем итти в эту сторону, мы будем приветствовать все школы, реализирующие наш идеал хоть отчасти, но мы не посмеем никогда утверждать, что политехническая школа уже существует, потому что идеал ее ясно понят всеми; мы никогда не скажем, что мы уже создаем тот кадр политехнически подготовленных людей, из которого будут потом черпаться специалисты.

При сознании этого факта, который не должен обескураживать нас, но который должен постоянно стоять перед нашими глазами, мы не можем относиться к техническим школам, к профессиональным училищам, унаследованным нами от прошлого, как к чему-то устарелому, подлежащему простому упразднению или замене Единой Трудовой Школой.

В наследии этом мы различаем прежде всего так называемые низшие ремесленные училища.

Этот круг ада для маленьких бедняков должен быть раз навсегда уничтожен. Об этом нет у нас никакого спора. Но рядом с этим возникают другие вопросы. Крестьяне и рабочие во многих местах требуют технической профессиональной школы для своих детей, которая обучала бы их какому-нибудь для данной местности полезному ремеслу или промыслу.

И нет никакого сомнения, что там, где такие школы существуют, мы обязаны их поддерживать, там, где их нет, насаждать.

Мы должны, однако, заботиться о том, чтобы методы преподавания в таких школах возможно скорей поднимали их к типу Единой Трудовой, чтобы специальность бралась с ее общеобразовательной стороны, чтобы она связывалась с возможно большим кругом занятий и приемов. Пренебрегать же этой ступенью, думая сразу, как из головы Зевса, родить мудрую Афину—Единую Школу, значило бы во многих случаях восстанавливать против себя население, в практических требованиях которого сказывается настоящая мудрость.

Поэтому созданные из этих школ единые трудовые школы I ступени должны обязательно положить в основу политехнического обучения ремесло или виды ремесла, которые являются необходимыми по условиям жизни данной общественной среды..

Мы, марксисты, не принадлежим к людям, которые стремятся вписать на белый лист жизни наши прекрасные мысли

Мы—люди, которые, беря действительность в истинно-трудовом процессе, приближаем ее постепенно к тому идеалу, который из нее самой вытекает.

Среди технических школ, особенно средних, имеется некоторое количество прекрасно оборудованных училищ.

С горестью, однако, нужно констатировать, что благодаря неправильно понятому принципу Единой Трудовой Школы, в некоторых местах в провинции такие драгоценнейшие для нас училища закрывались под предлогом замены их едиными трудовыми.

Это—громадная опрометчивость. Каждой школе, в которой есть техническое оборудование, мы должны радоваться. Это есть опорный пункт для осуществления Единой Трудовой Школы. Подобные школы либо должны переводиться в разряд высших, т.-е. открываться в качестве специальных училищ для юношей после 17-ти лет, либо являться ячейками Единой Трудовой Школы.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что классическую гимназию, или обычное низшее училище бесконечно труднее превратить в единую трудовую школу, чем самое специальное профессиональное училище среднего типа, в котором все-таки есть техническое оборудование и технический преподавательский персонал.

Образцы политехнической школы мы скорей получим от естественного округления такого рода технических школ, чем от превращения с головы до ног старой школы.

Итак, такие школы должны быть тщательно сохраняемы. Надо заботиться лишь о том, чтобы они не коснели в своей узкой специальности, чтобы в них как можно более густой волной вводилось то начало общего образования и те методы научного освещения трудовых процессов, которые предуказаны в Декларации о Единой Трудовой Школе.

Секция профессионально-технического образования получит отныне более широкий круг полномочий, будет всемерно усилена специалистами.

Все профессиональные школы и техникумы всех видов и родов, включая сюда в первую очередь бесконечно для нас важные средние и высшие сельскохозяйственные школы, а также низшие для взрослых и подростков с 14-ти лет, будут поставлены в зависимость от секции профессионально-технического образования в центре.

Ей будет поручено блюсти за тем, чтобы ни одна из этих школ не оказалась разрушенной, а равно за тем, чтобы ни одна из них не застыла в своей специальности, но росла бы в горячей атмосфере революции, приближаясь к идеалу Единой Трудовой Школы.

Вместе с тем техники, как профессора высших школ, так и инженеры-практики, должны быть широко привлечены к разработке плана:

а) постепенной реформы профессионального образования, даваемого в специальных училищах для детей от 14-ти до 17-ти лет, в духе приближения их к Единой Трудовой Школе;

б) создания рациональной сети специальных училищ для юношей после 17-ти лет, всемерного усиления внешкольного технического образования с постоянным стремлением к слиянию его с образованием общим и политическим;

в) устройства рабочих факультетов во всех, в Петрограде, напр., столь опустевших, высших технических и профессиональных учебных заведениях;

г) рационального и возможно ускоренного внедрения трудового образования, по возможности в политехнической форме, во все учебные заведения России.

На место, заслуживающее особого внимания, ставим мы также сельскохозяйственную школу всех ступеней.

Выработка типа сельской школы, являющейся в крестьянстве одновременно рассадником нового свободного гражданского сознания, сельскохозяйственных умений и обще-научного образования, начиная с грамоты, и декларация об этом основном типе сельской школы стоят в настоящее время на очереди перед Народным Комиссариатом по Просвещению.

Рядом с этим сельскохозяйственные курсы всех типов и разной глубины даваемых ими знаний, агрономические училища для юношей и взрослых должны быть поставлены в центре внимания с ярко выраженной тенденцией нигде и никогда не отрывать сельскохозяйственное образование от обще-научного и обще-гражданского.

Нет никакого сомнения, что Народный Комиссариат по Просвещению будет бессилен выполнять все эти работы, стоя одиноко, даже если бы ему удалось привлечь к сотрудничеству множество первоклассных специалистов.

Цель не была бы им и тогда достигнута.

Первым помощником, которого Комиссариат ищет, является рабочий класс. Глубочайшая кровная связь секции профессионально-технического образования Народного Комиссариата по Просвещению с рабочими и профессиональными союзами должна быть установлена немедленно, с сознанием, что секция в первую голову должна удовлетворять нужды профессиональных союзов.

Равным образом во всем, что касается городской промышленной школы, необходим глубокий постоянный контакт с Совнархозом, а во всем, что касается школы сельской и агрономической,—с Наркомземом.

Создавая конституцию секции профессионально-технического образования, Народный Комиссариат по Просвещению свяжет ее неразрывными узами с профессиональными союзами, Совнархозом и Наркомземом и по некоторым специальным вопросам с теми Комиссариатами, которые специально обслуживаются теми или другими учебными заведениями, и вступит со всей энергией в полосу напряженной борьбы за сохранение и развитие профессионального образования в России.

Народный Комиссар по
Просвещению *А. Луначарский.*

Необходима не только реформа школы, но и реформа науки.

I.

Однажды мне пришлось присутствовать на докладе „Преподавание психологии по трудовому методу". Автор доклада, взяв за исходный пункт обычное содержание психологической науки, показывал, как посредством трудового метода может быть изучена эта наука. Не знаю, как на других, но на меня этот доклад произвел впечатление чего-то неестественного, вымученного, жалкого: казалось, я вижу ворону в павлиньих перьях—изжитую схоластическую лженауку в совершенно несоответствующем ей свете. Схоластика может быть преподаваема только по схоластическому методу.

Для нас уже аксиома, что реформа метода обучения органически связана с реформой всей школьной организации и школьного управления. Такая же аксиома и то, что нельзя реформировать школу, не спросив, какой науке она учит, какую истину она дает.

Наука должна быть истиной, но из этого не следует ни то, что современная наука, в ее целом, есть истина, ни то, что она, в своей совокупности, честно и верно стремится к истине.

Мы высоко ценим научные завоевания и глубоко чтим имена Галилея, Ньютона, Канта, Джоуля, Дарвина, Маркса, Менделеева, Маха. Мы правы в этом, но мы глубоко ошибаемся, представляя науку чем-то единым и ассоциируя *всю* ее с этими великими именами. Нет, наука — борьба, и творцы новой науки — предмет гонения со стороны представителей современной им науки. Разве не ученые опровергали Колумба и содействовали тюрьме Галилея и костру Бруно? Разве не ученые травили Ньютона и Канта? Кто признал труд Джоуля малонаучным, как не лондонское королевское общество? Петроградские и парижские академики отвергли Менделеева и Дарвина. Маркс и Мах были встречены сначала упорным молчанием, а потом ожесточенной критикой со стороны ученого мира. Именно в гуще толпы представителей науки мы легче всего можем найти самых заклятых и самых опасных врагов науки.

Наука может быть не только светом, но и тьмою. Ученые диссертации могут не только раскрывать истину, но и укреплять ложь. Но раз ученый не только Дарвин, но и тот, кто отверг его, тогда, прежде чем мы отдадим наше уважение данному ученому, мы должны спросить себя, не отдаем ли мы уважения врагу науки. В науке больше, чем где-либо, доверять слепо и некритически — величайшая опасность.

Я давно уже привык спрашивать себя, глядя на какого-либо ученого, в чьих рядах был бы он, живя в век Бруно и Галилея, Джоуля и Дарвина. Эту привычку я приобрел еще на первом курсе университета. Тогда у меня было юношески-благоговейное чувство к творцам современной науки, и университет поразил меня одной своей тенденцией, которую я бы назвал борьбой против гениев современной научной культуры. Одна из самых первых лекций, встретивших меня, содержала жесточайший разнос декартовско-ньютоновского механистического миросозерцания. В философской аудитории усиленно читались доклады на темы: „критика Спинозы" или „критика теоретической философии Канта". Историки и юристы тренировались в „критике Маркса". Бо-

гослов читал „критику Толстого“, а через полгода мой товарищ-естественник укоризненно говорил мне: „ты, кажется, дарвинист“. И первый реферат по педагогике, услышанный мною, был: „критика Руссо“.

Беда не в критике, но в том, что вся эта критика звала наши молодые души назад—от Ньютона и Декарта к телеологии и наивному теизму, от Канта к метафизике и догматизму, от Маркса к буржуазной политической экономии, от Толстого к православию, от дарвинизма к витализму, от Руссо к дрессирующей педагогике. И я понял тогда, что наука может быть огромной реакционной силой. Нет, это не точно: современная наука именно и есть великая реакционная сила.

II.

Она не только кричит молодежи: „назад!“—она совершает гораздо худшее дело, на котором я остановлюсь подробнее, исходя опять из автобиографических замечаний. Студентом мне пришлось начать уже самостоятельное научное исследование. Темою для этого исследования послужила философия известного английского идеалиста XVIII века Беркли. К счастью для себя (это, как известно, не частое явление в ученом мире), я начал свое исследование с изучения подлинных сочинений Беркли, а не с книг о Беркли. И... полгода я ходил ошеломленным: в книгах самого Беркли я нашел совершенно не то, что писалось в книгах о нем. Я был наивный мальчик. Я не мог и подозревать, что наука может лгать и лгать упорно и открыто, и в своей юной работе я был сдержан. Лишь спустя 9 лет я решился выступить с своей критикой традиционной истории философского идеализма, напечатанной в „Сборнике Г. Челпанова“. Здесь, конечно, я не стану излагать этой критики, и не в ней дело. Дело в том, что из года в год в университетах всего земного шара учат лжи,—лжи, легко обнаруживаемой и, тем не менее, до крайности упорной и тенденциозной. Тенденция эта определенная: убедить молодежь, что философия опыта неизбежно или приходит к христианскому идеализму или запутывается в противоречиях и сомнениях. Эту спасительную для христианской души истину вы найдете почти в любом учебнике истории новой философии; демонстрирование обилия той лжи, посредством которой насильственно связали эмпиризм с христианским неоплатонизмом Беркли, вы найдете в моей статье.

Итак, история новой философии — тенденциозная фальсификация, выяснил я, и обратился к истории древней философии. И здесь предо мною открылось море той же фальсификации и еще более яркой неправды. Об этом также, конечно, не здесь писать, тем более, что об этом мною много уже написано в книге „Философия Плотина“ и в статье „Кн. С. Трубецкой и философия“ (в сб. „Мысль и Слово“, I). Но несколько выводов я все же приведу, чтобы иллюстрировать цели этих фальсификаций. Как известно, философы-идеалисты глубокомысленно думают над „идеями“ и выводят свой идеализм из платонизма. Оказывается, что „идея“—простое греческое слово, написанное русскими буквами и „для тумана“ не переведенное,—иными словами, это „жупел“ островской купчихи. Платонизм ни о каких особых идеях никогда не учил, хотя эта историко-философская сказка внушена „учеными“ всему образованному миру, и нет человека, который бы не верил ей. На самом деле наивные древние греки, исходя из тех геометрических настроений, которые были за 2000 лет назад, учили о „видах“ или „формах“ вещей, привходящих в соответствующий „материал“ с „того“ света из-за небес. Но такой „исторический корень“ современного идеализма несомненно шокировал бы и изобличал последний, и потому понадобились разные мистификации и жупелоподобные „идеи“. Мистификация необходима, иначе окажется, что современный философский идеализм и спиритуализм—пережиток уже неосознаваемых мифологических образов прежней религии света и живого дышащего мира (см. стр. 311 моей „Философии Плотина“).

Но мистификации необходимы не только для того, чтобы замазать столь примитивно-наивное происхождение современного идеализма. Мистификации необходимы и с другой целью. Приведу один пример. Кто не знает, как любят наши „богоискатели“ разглагольствовать о „Логосе“, противополагая его рассудочному рационализму нового времени? С легкой руки С. Трубецкого московский философ Эрн в свое время много шумел об этом. Читателю, вероятно, трудно будет сразу поверить мне, что все это просто развязная христианская спекуляция на плохое знание читателем греческого языка, ибо жупелообразный „Логос“ по-русски и есть пресловутый „рассудок“ (не разум!), который наивным греческим мышлением овеществлялся в виде низшей мировой силы — „семени“ огневидного бога. Этот первобытный научный бред и выдается за высшую мудрость, при чем не брезгают и научным подлогом, переводя низший и прозаический „рассудок“ через высший и мистический „Разум“ (см. стр. 277 моей книги о Плотине, где приведено много таких христианских подлогов, и гл. V—VIII и X статьи о С. Трубецком).

Итак, история философии — сказка, мистификация, подлог. „Идеалисты“ затуманили и спрятали свои концы в воду. Благонамеренные христианские ученые вместо истории человеческой мысли дали кривое зеркало ее. И пока человечество, благодаря всему этому, отрезано от понимания действительного хода человеческой мысли, реакционеры всех толков могут спать спокойно. Но мы не хотим мистифицироваться и впредь: история человеческой мысли должна быть переизучена и переделана. Все эти Целлеры, Трубецкие, Виндельбанды и пр.—аккумуляторы ошибок.

III.

Я остановился на истории философии лишь ради удобств автобиографического изложения. Но демонстрировать читателю, как лгут ученые, лучше всего, конечно, на педагогике. Вероятно, читатель знаком с какою-нибудь историей педагогики. Если в руках его не была книга Монро, далеко превосходящая все остальные, то, я уверен, в его руках был фантастический роман, а не история. Разница только в том, что, например, читатель Демкова имеет черносотенный фантастический роман (см., напр., изложение Толстого), а читатель М. Рубинштейна имеет энесовскую фантазию. Я уверен, например, что читатель почти ничего не читал о педагогических проектах Великой французской революции и решительно уже ничего не знает о педагогах-социалистах, начиная с Оуэна и Фурье. В то время, как всякая революционная эпоха была полна педагогических мыслей (1830 и 1848 г. во Франции, 1830-ые и конец 1860-х гг. в Англии и т. д.), наши историки-педагоги об этом целомудренно молчат. Ну, конечно, куда говорить о социалистической или революционной педагогике, когда беззаветно замалчивается даже просто демократическая американская педагогика, точно у нее нет истории. Даже набожный Горас Манн не встречается. Настоящая оскопленная история педагогики!

А как излагается даже то, что имеется? Руссо? Ну, конечно, моментальная критика его—он писал „Эмиля“, не считаясь с психологией, хотя вы, читатель, смело можете описать по „Эмилю“ научную психологию XVIII века; далее, Руссо выставляется каким-то абсолютным фанатиком свободного воспитания, хотя Руссо дает его лишь для дошкольного возраста, который, правда, у Руссо затягивается до 12 лет; наконец, часто Руссо фигурирует как индивидуалист, хотя уже имеются диссертации на тему „Руссо, как классик социальной педагогики“; и, самое главное, яркая педагогика с 12 лет и до зрелости, имеющая у Руссо огромное значение, столь будирующая, затрагивается только вскользь (там, напр., говорится о трудовом, социальном, половом, религиозном воспитании и все—в революционных тонах).

Бедняга Песталоцци страдает еще похуже Руссо: он излагается обычно применительно к тем „избранным сочинениям“ его, которые рекомендованы в изд. Тихомирова для гимназистов. Увы, читатель, вам и понять трудно, почему Песталоцци—почетный гражданин французской революционной республики и вдохновитель Оуэна: просто сантиментальный и скучный, но добрый старичок.

Но самая главная причина, почему я назвал большинство историй педагогики фантастическими романами, даже не все вышеперечисленное. Чтобы читателю стала ясна эта причина, я приведу несколько цитат из Рубинштейна: „Мы в истории возьмем прямое направление на современность... *Наша история педагогических идей не совпадает с историей педагогики*... Когда отпало временное, преходящее, тогда обнаруживаются настоящие исторические элементы, способные войти в непреходящий инвентарь истории... Такими элементами большею частью оказываются общие педагогические идеи“ (стр. 4—5). Здесь каждая фраза—вздор: историю надо изучать как историю, а не как модернизованную старину; педагогические идеи должны браться исключительно в контексте истории педагогики; в педагогике, как и повсюду, отрешенных от времени элементов нет; „общие“ абсолютные истины — общи лишь в смысле той эффектной, но бессодержательной и плоской реторики, какая получается обычно в „историях педагогических идей“.

Каждая педагогическая идея — дочь своего времени и своей выдвинувшей ее социальной группы. Педагогика всегда была классовой теорией, потому что всегда воспитывался член того или другого общественного класса. Вот эта классовая перспектива стерта в ходячих книжках. Несколько веков назад педагогический рынок завален был книжками о воспитании принцев и придворных, но вы, читатель, много знаете от своих „историков“ об этих книжках? А между

тем там было высказано много идей, иногда хороших, часто гадких и возмутительных. Или читателю не полагается это знать? Но о гуманистах, Монтэне и Локке вы, наверное, читали. Вам преподносили из них „вечные истины", но сказали ли вам, что их книги — *специальные* трактаты „о благородном воспитании" „жантильома" и „джентльмена", и воспитывать, например, пролетария XX века по идеалу английского дворянина XVII века значит совершенно сойти с ума? Все „классовое" смазано вопреки законам природы, ибо нельзя же из цельного плана воспитания выхватывать отдельные черточки, а общие принципы и суть типично классовые принципы. Наконец, что особенно характерно, педагогические идеи XIX века в подобных „историях" развиваются в особенно бесплотном пространстве, даже идеи Спенсера, который сам так ярко подчеркивал классовый характер своей торгово-промышленной педагогики. И эту оторванную от истории „историю" зовут наукою!

В результате все педагоги поют в один тон. Никто ни с кем не борется... на страницах наших „баснописцев", разве только с средними веками. Совсем не так, как в действительной жизни, где борьба за школу и будущее поколение была слишком реальна! Ровный розовый цвет падает на все, даже, в большей или меньшей степени, на иезуитов и изуверов — пиетистов. И читатель, закрывая книгу, полон благоговения ко всем педагогам, которые только о том и думали, как создать идеальную человеческую личность, тогда как, на самом деле, воспитание всегда было искажением этой человеческой личности в интересах господствующего класса. Вот, пожалуй, единственная вечная истина, да и то становящаяся как будто уже бывшей вечной истиной.

И подобную малиновую воду, подобную смесь невежества и шарлатанства, ошибок и лжи выдают за науку! Читатель, вы незнакомы и с тенью истории педагогики, вы читали лишь действительно „устремленные на современность" „сочинения" фантастического содержания.

IV.

Я не стану писать ничего о самой педагогике, так как ее научность у многих в подозрении. Я всегда с принуждением читаю курсы педагогики и не люблю читать педагогические статьи: в моей библиотеке большинство педагогических журналов не разрезаны. Все это, в большинстве случаев, удивительно скучная литература: я не знаю статьи скучнее педагогической статьи. Притом большая часть их рассчитана на читателя без воображения: для иного читателя это— или мейлановская мозаика, или бесцветные тягучие трактаты „О воспитании пошлого человека".

Перехожу к психологии. Казалось, со времен Вольфа и Канта психологи разделили свою науку на науку о душе и науку о душевных явлениях и, подарив метафизикам науку о душе, удержали для себя эмпирическое исследование душевных явлений. Но на самом деле психологи и наших дней с усердием изучают „духовную субстанцию" и проблему влияния „души" на тело и обратно, хотя история культуры уже имела время втолковать им, вследствие каких ошибок ума первобытного человека возник миф о душе. Но разве психолог не добрый христианин?

Впрочем, так называемая эмпирическая психология еще хуже: отвергая душу, она изучает явления... души. Но—одно из двух: или есть явления души, и тогда надо изучать душу, или нет души, и тогда нет и явлений души. Иначе будет то, что я десятки раз наблюдал у психологов-экспериментали стов: для них обычно самое трудное—отдать себе отчет в том, что собственно они изучают; например, восприятие, или внимание, или непосредственное запоминание, ощущение или апперцептирующее восприятие, внимание ли или волю, или чувство интереса и т. д.

Научная психология есть наука о поведении живого существа, но, увы, таковая наука только намечается и в Европе пока замалчивается. Больше того, и здесь нет тех глупостей, которые не были бы „общепризнанными истинами". Например: „поступки их всегда направлены к цели, при чем препятствия вызывают еще более настойчивое стремление". Вы думаете, речь идет о поведении человека с железной волей? Нет, это один из лучших современных психологов, Мак-Дауголл, описывает, чем отличается поведение животных от вещей. Что, разве он никогда не видел бесцельных поступков или опускания рук? Нет, ему надо спасти „сознание". Другой пример: „инстинкт в отличие от рефлекса есть движение всего организма". Так проф. Вагнер определяет инстинкт; по-моему, к счастью для нас, если мы не больны хореей, у нас таких инстинктов нет. Третий пример: в любом учебнике вы прочтете, что причина рефлексов—внешняя; спрашивается, какая принципиальная разница между рефлексом

в виде крика от боли в пальце и в желудке? Для чего же повторяются все эти глупости?—Чтобы создать возможно больший промежуток между рефлексом и сознанием. Почти все психологи в своих курсах начинают с реально несуществующих ощущений и с увлечением трактуют о познании, откладывая чувства и инстинкты на конец, тогда как именно инстинкты и чувства—основа поведения человека. Но психологи старого типа правы: для них это единственное средство спасти свой старый метод—самонаблюдение, потому что попробуйте посредством самоанализа и самопознания изучать чувства и бессознательные инстинкты! Это самонаблюдение — возведенный в научный принцип примитивный эгоцентризм. Метод научной психологии—исчисление вариаций и корреляций различных черт поведения. Научная психология — строгая математическая наука, но таковая наука только в зародыше.

Изучите сто психологий современных ученых, и вы так же плохо будете понимать поведение человека, как и раньше. Поведение человека, основные инстинкты которого—инстинкты питания, защиты и размножения,—иными словами, социальная психология человека, как экономического политического и семейного деятеля, — разве это, в первую очередь, изучается современной „научной" психологией? Читатель, будь же сам немножко психологом и постарайся понять, почему „ученые" психологи не давали тебе точного познания и объяснения поступков людей, а вместо этого кормили сказками про белого бычка--духовную субстанцию!

V.

Под еще незаглохший гром октябрьской революции в Московском университете доживалась одна традиция. Молодой ученый защищал диссертацию о Гегеле. Тема была самая современная — учение Гегеля о Боге Метод исследования соответствовал теме: почти вся книга состояла из слов самого Гегеля, взятых из... разных мест и... разных фраз. Факультет оценил диссертацию так, как это мог сделать только он один: за эту божественную диссертацию он, перескочив через магистра, дал сразу высшую степень доктора не богословия, но... государственного права. Честное слово, то, что я описываю, быль на самом деле!

Впрочем, московские ученые, занимающиеся наукой о праве и государстве, уже давно вместо государства исследуют Бога. Кружок Евг. Трубецкого славился своим богоискательством в десятилетнем антракте между двумя революциями, потрясшими то государство, которое ушло из-под его кругозора. В эпоху создания новых государств и разрушения старых наши „ученые" государствоведы и правоведы рассуждали о христологии теократии Вл. Соловьева. Поистине, баснословные государствоведы. Как хорошо знают они право и государство!

За ними или впереди их шли ученые, создавшие „научные" системы бюргерского и полицейского права. Бедных этих ученых постиг анекдотический случай: исчезли самые предметы их высокоученых исследований, исчезли с лица земли и, может быть, навсегда. Увы, исчезает бюргерство, исчезает полиция, но юрист не даром хочет быть юристом: он и в 1919 г. хотел читать о праве наследства по гражданским законам Николая II и о полиции того же императора. Да, наука не смотрит ни на что, по крайней мере, высокоученая академическая наука! Она идет в уровень с жизнью.

Но одну из этих исчезающих наук мне все-таки хочется проводить в ее гроб проклятием. Это — уголовное право. Я очень часто спрашивал себя, как могут люди строить тюрьмы и сажать в них людей, как могут люди быть настолько бессмысленными и жестокими. Я помню, как, попав первокурсником впервые в тюрьму, я первых полтора дня непрерывно смеялся, до того все в ней казалось мне сплошной нелепостью. А потом у меня появилось уже другое чувство, то, руководясь которым, я говорил впоследствии, что любой преступник лучше сажающего его в тюрьму судьи. Но кто воспитывал этих судей? Кто воспитывал тюрьмостроителей? Кто с научной точки зрения обсуждал прелести одиночки, „Крестов", карцеров, каторги и т. д.?— Высокоученый и высококультурный профессор уголовного права. Он и был профессиональным учителем преступлений, освящая авторитетом лженауку.

VI.

Я не стану писать ни о политической экономии, ни об истории, так как классовая подкладка этих наук давно уже показана. Я не стану писать и о медицине, научность которой доказать труднее, чем опровергнуть.

Но филология? Какой славной была некогда эта наука, и сколько истин открыла она человечеству! Это человечество так долго дурачили всякими подделками, и все эти подделки филология

вывела на чистую воду. Прячась под авторитет Пифагора, Платона, Аристотеля, Цицерона, пытались под их знаменем провести свои плохие мысли. Наконец, с этою же целью спрятались под авторитет самого Бога. Но филология и этот самый высший обман открыла. Да, это очень великая наука.

Но этой ли великой науке учили вас? Производили ли ваши „ученые“ с вами это? Учили ли они вас критиковать текст наиболее авторитетных современных книг? Учили ли они вас, например, критиковать текст синодского Евангелия? Критиковали ли вы с ними текст суворинского Некрасова? Вряд ли! Эти лже-филологи производили с вами, самое большее, бесцельную, скучную и механическую критику „вподряд по 20 строк“ какой-нибудь уже безобидной и малоактуальной книги. Они беззастенчиво лгали вам, говоря, что учат вас критике текста. Нужной вам критики текста вам не дали.

Эти ловкие малые свели великую науку к статистике „ради чистого искусства“ винительного падежа у Аристофана и т. п. анекдотическим „научным“ исследованиям. Они ничего не понимают в филологии, а вы считали их учеными филологами. Простаки, как легко вас обманывать!

Да, великие филологи умели толковать текст и выяснять скрытую в нем правду. Вы знаете уже, среди какого моря лжи современной науки вы живете, так как в начале статьи уже говорилось, что сделали наши ученые историки с текстами философов. Но тексты писателей-художников перевраны еще больше. Читатель, вы во многих своих суждениях просто загипнотизированный человек. Есть много прекрасных писателей... замолчанных, хуже того, оклеветанных пред потомством. Есть много скверных, которых вы, с мудростью попугая, хвалите. Что же, научили вас филологи толковать текст самостоятельно, разоблачать налганное на него, вскрывать истину? Нет, толкование текста по манштейновской филологии означало совсем иное... От вас спрятали настоящую филологию те, кого вы считали учеными филологами. А между тем, как необходима сейчас научная филология и сколько новой правды открыла бы она! Эх, вы, горе-филологи, как профанировали вы науку!

И еще об одной науке скажу я несколько слов в заключение. Это—о математике. Нигде не ведут себя такими авгурами, как в математике, хотя именно математика наиболее легко могла бы выяснить себе свое положение. Математика—наука об обусловленно изменяющихся явлениях, при чем под явлениями следует понимать просто любые совокупности; она исследует отношения между всевозможными разнообразиями. Если мы так определим математику, тогда мы не напишем тех резолюций, которые вынес „компетентный“ математический московский кружок против математических программ Наркомпроса, протестуя против выведения математики из ее изолированного положения в старой школе.

Московские „ученые“ математики, оказывается, мало знают свою науку. Ведь если математика, в том числе геометрия, действительно то, что мы сказали, тогда ее нельзя отделять от других наук по той простой причине, что математика и есть наука, единственная наука, как единствен человеческий рассудок, ибо все существующее—совокупность, многообразие, относительное и обусловленное изменение; все остальные науки, поскольку они науки, суть только приложения математики, т.-е. научно мыслящего рассудка, к различным сторонам действительности. Декарт и Лейбниц, с их идеей о Mathesis Universalis, Ньютон—с его временем в качестве независимой переменной, древние гении, назвавшие математику просто наукой, современные Больцано, Кантор, Рессель и обоснователи новой геометрии не стали бы писать о математике таких архаизмов, как московские специалисты-ученые, публично демонстрировавшие свое математическое невежество. Изучать математику ведь и значит анализировать изменения наблюдаемых совокупностей в их отношениях друг к другу. Но такое изучение математики есть полная реформа традиционного математического образования, которым одним только, повидимому, владеют московские „ученые“ математики, по крайней мере, судя по их резолюциям.

Здесь не место развивать мысли о математике, которой я посвящаю сочиняемую мною в настоящее время книгу: „Опыт построения Mathesis Universalis“, но один из выводов я все же приведу. Если математика—анализ вышеуказанного, тогда ясно, что математика, т.-е. научное познание, развивается преимущественно из экспериментирующего наблюдения и технической деятельности, ибо именно там мы имеем дело с отношениями между изменяющимися и изменяемыми явлениями: экспериментальное естествознание и техника—источники математического познания мира. Ясно тогда и то, почему математика, т.-е. анализ изменения, и техника, т.-е. способ изменения, так тесно фактически связаны друг с другом. Ясно, что только в индустриально-трудовой школе с ее лабораториями возможно научное изучение математики, как науки.

Последнее мое замечание отнесется к представителям так называемых прикладных наук. Я пишу „так называемые прикладные науки“, потому что нет ни чистых, ни прикладных наук, ни теоретических, ни практических знаний: есть просто наука и научно обоснованная активность человека. Но эта активность обусловливается именно наукой в самом простом смысле этого слова. Блюстители же науки составляют, в виде суррогата, какую-то кашу из бессвязных обрывков науки, преимущественно останавливаясь на конкретных примерах, а не на осознанных научных формулах, и называют эту нелепую пеструю фальсификацию... прикладной наукой. В то же время другие столь же ученые люди из оставшихся без содержания формул создают словесные упражнения, не всегда осознаваемые даже тем, кто производит их, и называют это теорией. Возьмите для примера так называемую теоретическую математику, и вы увидите печальные последствия этого на любом сочинении хотя бы по анализу: на каждом шагу грубейшие и произвольные скачки мысли, например, в традиционных изложениях учений о рядах и интегралах; повсюду аберрации и уклонения мысли, ясно выдающие, что не автор владеет мыслью, но она стихийно им, и он почти не чувствует, куда она ведет его; много неточных, я бы сказал, слепо сделанных определений, напр., в учении о комплексных величинах, где все слатано из разноценных кусочков из разных областей. Подобных примеров—масса, и все они говорят, как бессмысленно, хотя социально и очень понятно, деление науки на „чистую“ и „практическую“. Представители той и другой лженауки одинаково опасны для настоящей науки...

Итак, необходима не только реформа школы, но и реформа науки, точнее, не реформа, но революция науки. И мы должны произвести эту революцию: она легка и благодетельна. Ошибки традиционной науки, охраняемой современными схоластиками и, на их счастье, типографскими затруднениями, слишком легко изобличаемы. Наука должна стать научной, т.-е. новой.

П. Блонский.

Новая организация работников просвещения.

(Доклад на II съезде Союза учителей-интернационалистов).

Товарищи, вопрос, который стоит сейчас перед нами и который подлежит нашему решению, принадлежит к числу трудных вопросов не только в силу своей технической сложности, но и в силу того, что он захватывает сейчас ту проблему, которая связана с основными чертами переустройства нашего общества. Во всяком случае мы находимся в самой гуще перелома и ломки, разрушения старых форм старой культуры, старых социальных отношений, мы находимся на границе, в начале нарождения новых форм, нарождения иных условий существования, иного общественного строя, на границе совершенно новой культуры. Нам, в значительной своей части являющимся продуктом этих старых условий и общественных отношений, пришлось взять на себя задачу передового отряда великой просветительной армии строящегося социалистического общества; мы должны проложить сознательно пути к развитию этого общества, заложить его краеугольные камни. Перед нами стоит серьезная и важная теоретическая задача—исследовать общие условия возникновения культуры, определить роль тех или иных общественных групп и слоев в этом процессе и в этой области общественных явлений, наметить свои ближайшие конкретные задачи,—построиться в совершенно оформленные отряды. Это нужно для того, чтобы наша работа не была случайной, не распылялась, не носила стихийного характера, а развилась в мощную организованную работу нового нарождающегося общественного порядка. Теоретические обоснования, какие следовало бы подвести под нашу деятельность, в сущности уже очерчены и даны, мне кажется, и в речи М. Н. Покровского и в целом ряде выступлений, которые здесь имели место. Я думаю, что останавливаться на этом вопросе означало бы утруждать ваше внимание. Я не буду поэтому заниматься подробным и тщательным обоснованием тех или иных взглядов. Я выставлю несколько тезисов, которые, мне кажется, по своей бесспор-

ности не должны встретить возражений в нашей среде. Первый тезис такой: культура, просвещение не являются чем-то совершенно оторванным от того общественного строя, от того экономического уклада и быта, от тех государственных форм, в которых культура и просвещение зарождаются и развиваются. Вы можете сказать, что в такой общей форме это положение настолько бесспорно, даже банально, что его не следовало бы и приводить. Это—так. Ни с чьей стороны вы никогда в такой общей форме возражений против этого положения не встретите. Но совершенно другое дело, когда вы захотите более конкретно определить, в чем выражается эта связь между культурой и просвещением и той общественной структурой, в которой они зародились. А когда вы пожелаете сделать соответствующие практические выводы, вы тут встретите крупные возражения, большие несогласия. Стоит выставить второе утверждение, которое, можно сказать, логически вытекает из первого общепризнанного и бесспорного положения, если вы выдвинете положение, что вся культура и просвещение предшествующей эпохи выражали интересы и носили на себе отпечаток интересов господствующих классов, то тут, как вы уже знаете, мы встретим целый ряд сомнений, оговорок и возражений. Но я полагаю, что в этом собрании, в той среде, которая привыкла и в теории и на практике помнить то, что называется марксистским методом, это не встретит больших возражений. Я поэтому свою аргументацию обращаю не к тем, кто этим методом владеет и для кого это является совершенно бесспорной истиной, а я готов обратиться с доказательством этих положений ко всем тем, кто не стоит на марксистской точке зрения, а стоит на какой угодно точке зрения, и попытаюсь защитить высказанные положения. Можно ли теперь говорить о каком-нибудь самостоятельном, независимом, имманентном росте этой культуры и просвещения, можно ли утверждать, что эта культура и просвещение не носит никакой окраски, что они представляют сумму отвлеченных абсолютных истин, которые выявляются сами собой, из непосредственного внутреннего творческого развития человеческого духа? Если прежде находилось немало людей, которые это отстаивали, то теперь, в переживаемую нами эпоху, я думаю, подавляющее большинство лиц, которые этим вопросом интересуются, которые над этим вопросом задумывались, должны будут прийти к заключению, что нет ничего самопроизвольно возникшего, нет ничего независимого, свободно развивающегося и не связанного с классовыми интересами и в первую очередь с интересами господствующих классов. Эти господствующие классы держат в своих руках не только всю власть фактическую, все материальные средства данного общественного порядка, но сознательно и бессознательно и, конечно, в большинстве случаев вполне сознательно стараются наложить определенную печать на все духовные ценности. Для них далеко не безразлично, какой вид, какой характер, какой штамп имеют эти духовные ценности, ибо они волей или неволей вынуждены раздавать и распространять эти блага культуры и просвещения в массах народа, среди которых они представляют численно ничтожную верхушку и по отношению к которым они всегда чувствовали себя поработителями и угнетателями. Они понимают, что в любой момент могут потерять свое господство, ибо их ненавидят угнетаемые массы; они заинтересованы в том, чтобы глубокие обобщающие знания возможно медленнее проникали в массу, потому что высокий уровень сознательности, организованности и культурности становится опасным для устоев буржуазного общества. Поднявшаяся на высшую ступень культуры масса, конечно, не пожелает сохранять прежнего, в сущности варварского строя, основанного на угнетении и эксплоатации одного класса общества другим. Наше время, теперешние условия представляют собою благоприятную почву и в высокой мере способствуют усвоению даже средним, обывательским умом тех истин, которые прежде являлись исключительным достоянием научной теории. Тот социальный катаклизм, который мы переживаем, взрывает устои общества, обнажая все скрытые пружины и весь механизм, дает возможность каждому заглянуть в те недра, где творится общественный процесс, дает возможность каждому понять то, что при прежних условиях могло быть только продуктом теоретического отвлечения и обобщения изучаемых фактов. Как во время землетрясения обнажаются пласты и недра массива, на котором покоится почва, так и здесь социальные взаимоотношения делаются столь очевидными, осязательными, что всякий, кто способен непосредственно видеть, наблюдать и умозаключать, приходит к одинаковым, неизбежным выводам. Эти счастливые условия и позволяют сейчас без особых доказательств считать бесспорной и эту истину, что вся культура и просвещение, вся сумма воззрений, взглядов, обобщений и истин носят отпечаток интересов господствующих классов. Что касается носителей этой культуры и просвещения, то на этом вопросе детально останавливаться сейчас не приходится, так как я считаю, что теоретическое освещение этого дела в докладе М. Н. Покровского исчерпывает все проблемы, которые могли бы возникнуть в этой области. Это—основной вопрос о роли и значении интеллигенции, вызывающий споры и привлекающий сейчас внимание. При изучении этих социальных явлений мы должны прилагать наш марксистский метод и поставить себе прежде всего определенный вопрос: представляет ли собой интеллигенция класс, или определенную общественную группу, какова ее роль, потому что, только решив этот основной вопрос, мы сумеем и дальше обстоятельно и правильно ответить на вопрос относительно идеологических устремлений этого общественного слоя. Давным-давно установлена истина, что интеллигенция в экономически-производственном отношении не представляет собою особого класса. Если мы можем говорить о классе земельных собственников, о классе собственников орудий производства, о мелких собственниках, о пролетариате,—это все общественные классы в том строгом смысле слова, который установлен экономической наукой. Что касается интеллигенции, то она представляет собою известную общественную группу промежуточного характера, она не владеет орудиями производства и в этом отношении не может быть причислена ни к одному из буржуазных классов, т.-е. она не представляет буржуазии, но вместе с тем она и не производит прибавочной ценности, которая отчуждается у пролетария капиталистом; следовательно, она не может быть подведена и под понятие класса пролетариата. Если интеллигенцию называют мелко-буржуазной группой, то главным образом в том смысле, что она представляет социальный слой, связанный своими интересами с мелкой буржуазией. Конечно, только фигурально можно говорить, что интеллигенция владеет орудиями производства и может быть подведена под понятие кустарей на том основании, что письменный стол и перо в ее руках. Нельзя приравнивать производство материальных ценностей и духовных ценностей в экономическом смысле, ибо те и другие дают разные результаты. Если интеллигенция не представляет самостоятельного общественного класса, следовательно, ее основные интересы не могут быть столь глубоки, столь первозданны, чтобы в непрекращающейся борьбе классов она должна была бы занимать во что бы то ни стало одну какую-нибудь определенную позицию. Действительно, мы видим, как показывают исторические исследования и наш собственный небольшой исторический опыт, что эта группа не обладает самостоятельной устойчивостью, что она вынуждена колебаться и присоединять свою активность то к одной, то к другой стороне в зависимости от данной политической конъюнктуры, от взаимоотношения сил, от создания тех или иных условий, которые могут определить ее более полное развитие или привести к упадку. Все проявления этой общественной группы вполне аналогичны и проистекают из тех же источников, как и проявления любого настоящего подлинного класса, т.-е. они объясняются и обусловливаются обычными реальными и материальными интересами этой группы, ибо это есть основная почва, на которой вырастает идеология и психология масс. Вместе с тем психология и идеология интеллигенции, вытекая из ее материальных интересов, не обладает той устойчивостью, тем постоянством, той определенной линией развития, какой обладает психология и идеология крупных и коренных основных классов. Идеология буржуазии в общем и целом всегда будет окрашена и неизбежно связана с мыслью о необходимости удержания господства этого класса, как такового, а идеология пролетариата, вырабатываясь в процессе жизни, работы и борьбы, все более и более должна приводить его к мысли о необходимости уничтожения такого порядка вещей, когда он эксплоатируется. В то же время идеология интеллигенции, будучи продуктом условий ее быта, не может быть столь устойчива, ибо самые условия ее существования—колеблющиеся, видоизменяющиеся в зависимости от соотношения сил, от результатов борьбы и столкновений двух гигантов, которые долго оспаривали господство и право на существование и которые сейчас подошли к решительной схватке. И вот интеллигенция, которая в период устойчивого существования буржуазного общества является всецело преданной его интересам и выделяет из себя лишь небольшую идеологическую группу, которая, отражая растущее недовольство масс, служит предостерегающим зеркалом для господствующих классов, регулятором их нажима, их давления на народные низы,

чтобы более тонко обеспечить свое господство и продолжать эксплоатацию, хотя бы и в смягченной форме, чтобы не вызвать окончательного взрыва, — эта интеллигенция может коренным образом менять свою позицию. В переходные моменты она может менять свою роль, и мы это видим и наблюдаем. Правда, не вся интеллигенция в целом. Интеллигенция в целом тоже не представляет собой совершенно однородной группы. Разные ее слои обладают не одинаковыми интересами. Интеллигенция хорошо обеспеченная, хорошо оплачиваемые инженеры, адвокаты, врачи—настолько тесно сливаются с буржуазией, что между этим слоем и подлинной буржуазией пропадают и теряются всякие границы, они тоже превращаются в средних, иногда крупных собственников. И этот слой интеллигенции, конечно, никогда, ни при каких условиях на социальное самоубийство не пойдет и своих интересов от интересов буржуазии не отделит. Но мы не про этот слой интеллигенции говорим. Нас в данном случае интересует масса трудовой интеллигенции, так называемого народного учительства, в частности третьего элемента земства и всей разночинной интеллигенции, которая занята трудом в области строительства культуры, создания ее аппаратов и производства ее ценностей. Этот слой интеллигенции, преимущественно народное учительство, более близко и более тесно связанное с народными массами, неизбежно в своих переживаниях отражает судьбы и переживания народных масс. Этот слой интеллигенции представляет собой благоприятную почву для пропаганды идей социалистических и может воспринять эти идеи с большой искренностью и не только искренне воспринять, но и вполне активно перейти на позиции угнетенных классов и представить собой один из боевых отрядов этих классов. В этом отношении, пожалуй, споров нет нигде, ни в каких лагерях. Можно ли, однако, рассматривать учительство как прирожденного носителя социалистической пролетарской идеологии? Конечно, нет. Я не берусь этого доказать, для этого потребовалась бы, может быть, статистика, для этого потребовался бы целый ряд наблюдений бытового свойства, но я утверждаю, что своим положением, самим процессом своей общественной деятельности народное учительство должно было связываться со средними слоями крестьянства, на них строило и опирало все свои надежды. В самом деле, в условиях буржуазного общества для развития, распространения, расширения просветительной деятельности народного учителя, как профессионала, он должен был искать опоры и сочувствия в этих слоях среднего крестьянства. В виду малой численности у нас промышленного пролетариата по сравнению с крестьянской массой нам приходится видеть и наблюдать, что психология этого слоя интеллигенции определяется интересами именно крестьянских масс. Непосредственную связь учительства с рабочим движением и влияние этой группы на всю остальную учительскую массу надо признать незначительными. В силу определенных исторических и социальных причин, которые освещались в литературе, вождем всего учительства являлось городское учительство, представляющее собой мелко-буржуазную группу, в которой идейная гегемония принадлежала меньшевикам, правым эсэрам и либералам. Что касается народного учительства, то при всей склонности его к социалистической идеологии оно все-таки не могло никоим образом представлять собой опоры для левых течений. Нужно признать, что огромная его масса, задумываясь над вопросом о наиболее благоприятных условиях своей работы, не могла приходить к мысли об уничтожении буржуазного строя, ибо у него, как и у группы не заинтересованной непосредственно в этом уничтожении, не могло родиться такой идеологии. Задумываясь над улучшением своей профессиональной деятельности, оно мысленно опиралось на среднее крестьянство. Что же касается крестьянской голытьбы, крестьянской бедноты, то в условиях сохранения буржуазного общества этот слой представлял собой социально совершенно неоформленную, совершенно некультурную, не подающую никаких надежд на культурный подъем общественную среду. Поэтому народное учительство в своих надеждах не могло опираться на пролетарский элемент деревни,—оно обращало свои взоры к среднему крестьянству. Вот почему в народном учительстве господствовало право-эсэровское течение, которое, конечно, как это теперь ясно всем, не могло наметить верной дороги к социалистическому обществу. Но при теперешних условиях, когда на сцену активно выступил пролетариат, когда этот пролетариат стал в тесную связь с крестьянством, когда крестьянство в лице своей большей части, не заинтересованной в сохранении кулацкой собственности, признало пролетариат своим вождем, конъюнктура меняется коренным образом. Меняются все условия, а потому может

меняться и психология различных общественных групп. И вот, при таких условиях вся масса народного учительства за изъятием небольших обособленных частей или, по крайней мере, большая часть этой массы может представить из себя кадры лиц, которые в короткое время в самом процессе работы по социалистическому строительству сольются с передовой пролетарской интеллигенцией и представят собой прообраз той интеллигенции, которая, выполняя очень важную общественную функцию, выполняя функцию мозга, активности и сознательно направляемой воли, вместе с тем не замыкается в особую социальную группу, стоящую над остальной массой. Тесно сливаясь, тесно переплетаясь с пролетариатом, она уже сейчас, в переходное время представит собою благоприятную почву для образования новой интеллигенции. Решение этого вопроса о новой интеллигенции будет правильно и его можно назвать диалектическим, если будет принята во внимание не только социальная статика, взаимоотношение отдельных общественных групп, но и социальная динамика, учитывающая условия их изменения и развития. Было бы неправильно идеализировать народное учительство и заявлять, что по отношению к нему эпитет мелко-буржуазное, это—просто оскорбление и обида. С другой стороны будет столь же неправильным и неумелым применением метода марксизма или совершенным отказом от применения этого метода, если бы мы стали говорить, что мы должны на народном учительстве, как на одном из отрядов мелко-буржуазной интеллигенции, поставить крест, что мы, конечно, будем вынуждены использовать его, как техническую силу, но что на него совершенно нельзя возлагать никаких надежд, как на сотрудников и союзников. Я думаю, что мы должны избежать и той и другой крайности, детально изучить вопрос и вместе с тем рассматривать это дело в процессе развития. Мы, собравшиеся здесь учителя-интернационалисты, хорошо знаем и помним свою историю, и, разбираясь в условиях своей собственной эволюции, должны признать, что наше прошлое дает достаточно материала для тех выводов, которые были сделаны сейчас. Несомненно, народное учительство представляло собою благодарнейшую почву для распространения наших идей. И если оно не сразу воспринимало их, то этому были особые причины и условия, нам опять-таки хорошо известные и которых я здесь перечислять не буду. Эти причины заключались главным образом в воздействии определенной организации, что и мешало всей массе слиться с процессом революционного перерождения общества. Но сейчас эти условия уже изменены. Они изменены самым ходом нашей революции, и тот последний революционный акт, которым мы завершили нашу борьбу, роспуск учительского союза, дал нам возможность демобилизовать прежнюю армию учительства и приступить к созданию новой армии работников просвещения. Теперь, при закладке нового организационного здания, при выработке взаимоотношения частей, при учете динамики этого аппарата, т. е. сил, движущих его, нам важно создать наибольшую ясность и максимум возможного согласия относительно нашей задачи в этой области. Этим путем, товарищи, мы с вами и пойдем. Положение о том, что та культура, которая сейчас вырабатывается, и тот общественный строй, который сейчас создается, есть строй коллективистический, социалистический или, иначе говоря, коммунистический, совершенно бесспорно. Можно подвергать сомнению прочность этого строя, можно сомневаться, что он будет осуществлен в такой короткий срок, как мы надеемся, но едва ли среди здесь собравшихся найдется хоть один, который усомнится в том, что складывающийся сейчас общественный строй, есть строй коммунистический. Экономические предпосылки его на лицо, орудия производства находятся в руках пролетариата, который творит общественную жизнь, не создавая класса собственников и этим самым создавая социалистический строй. Все это, конечно, совершенно бесспорно. Не подлежит сомнению, что та культура и просвещение, которые нами создаются здесь, не могут быть никакими иными, как окрашенными в коммунистический цвет. Это ясно с точки зрения той теории, которой мы с вами придерживаемся и которую мы научились применять на практике. Это несомненно и в результате обобщения нашего повседневного опыта. Мы знаем, что культура и просвещение, которые вырабатываются на почве новых общественных отношений, представляют собой культуру коммунистическую. Сомнения могут возникнуть относительно нашей собственной роли. И здесь необходимо создать полную ясность и установить максимальное согласие. Мы должны смотреть на себя, как на передовой отряд, боевой авангард в области культурного строительства. Прекрасно понимая и зная, что создаваемая нами сейчас культура носит преходящий

характер, мы должны все же вносить в это дело максимум сознательности. Мы не можем принижать своих задач, увлекаясь, например, мыслью простого распространения грамотности, для чего к нашим услугам оказалось бы очень много представителей старой культуры. Конечно, это была бы жалкая политика просвещения. Все эти носители старой культуры внесли бы с собой и весь старый строй мысли, так как все элементы человеческой психики переплетены между собой и складываются в общее миросозерцание. Вся старая культура, которую мы захотим переносить на новую почву, должна быть нами переработана. Нельзя попросту взять прежнюю культуру и понести ее в массы в таком виде, в каком она есть, в беспечной надежде, что когда-нибудь сама собой вырастет настоящая культура. Это показывало бы, что мы не доросли до разрешения стоящих перед нами задач. Как авангард, мы обязаны позаботиться, чтобы этот процесс происходил возможно быстрее, чтобы эти поднимающиеся ростки новой культуры, новой общественности и просвещения могли получить свое законченное выражение и приобретать ту силу, на которую они должны и могут претендовать. Поэтому нам приходится подвергать тщательной критической проверке весь тот материал духовных ценностей, которые достались нам в наследие от прежнего строя, и каждый раз продуманно и сознательно вносить драгоценные зерна в подымающуюся новую общественность, в среду пролетарской молодежи. И то просвещение и та культура, которые мы с вами пытаемся создавать, должны быть просвещением коммунистическим, социалистическим. Не нужно делать ошибки, придавая этому слову партийную окраску. В данном случае этот термин применяется мною в самом общем теоретическом смысле слова. Я хочу сказать, что создаваемая нами идеология, есть сознательный продукт нашей мыслительной работы над фактами и условиями будущего общества, теоретическое предвосхищение будущей идеологии человечества, и сейчас, распространяя это просвещение, мы планомерно выбираем то, что действительно формирует новое сознание и способно пролагать новые пути. Другими словами, мы совершенно сознательно приступаем к тому коммунистическому строительству, о котором мы говорили прежде. Но мы должны отбросить прежний образ о просвещении, как о светоче, рассылающем лучи света и знания во все стороны. Мы теперь говорим о культурном строительстве в подлинном смысле слова. Камень за камнем, как каменщики и архитекторы, закладываем мы в области сознания начатки новой коммунистической культуры.

Теперь я подхожу к выводам из того, что мне представляется сейчас так или иначе обоснованным и бесспорным. Я должен заранее извиниться, если это не столь убедительно и не столь ясно, как бы этого мне хотелось. За последние дни мне приходилось столько раз говорить на эту тему и для меня все это приобрело такой характер непререкаемой бесспорности, что я просто не нахожу слов и мыслей для развития и обоснования выдвинутых положений. Все надежды я возлагаю на те дискуссии, которые развернутся по поводу доклада, и тогда я, освеженный теми вопросами, сомнениями, возражениями, которые встретятся с мест, попробую более обстоятельно обосновать высказанные мною утверждения. Я позволю, в заключение, процитировать эти тезисы, чтобы таким образом подвести итог тому, что мною было сказано и тогда перейти к вопросу о том, какие отсюда мы должны сделать выводы. Итак, я утверждаю: в эпоху социалистической революции, в условиях решительной ликвидации всех пережитков буржуазного строя и закладки основ коммунистического общества, все строительство в области просвещения, поднятия образованности и культуры масс должно находиться в руках сознательных и самоотверженных борцов за коммунистический строй. Здесь я говорю не о партийных коммунистах исключительно. Сейчас процесс развития коммунистического общества идет как процесс стихийный, этим и объясняется приток новых сил. Очень часто говорят: вот, мол, к интернационалистам столько-то примазалось. „Примазался“ целый уезд, „примазалась“ целая губерния, и, надеюсь, скоро вся Советская Россия „примажется“ к интернационализму. Это—обывательская точка зрения. Надо ясно помнить и сознавать, что сейчас идет стихийный процесс в среде мелко-буржуазной интеллигенции, тяготение к коммунизму и интернационализму, связанному с ним тесно. При этих условиях формальный рост партии, который дает нам кристализованное ядро выделяющихся из этого процесса лиц, не может поспевать за этим процессом. Поэтому немудрено, что у нас создается значительный кадр лиц, настроенных и думающих по-коммунистически и еще не вошедших в партию. Я говорю не только о пролетариате, который коммунистичен в силу классовой подоплеки, но это происходит и в рядах мелко-буржуазной интеллигенции. Всякому приходилось это видеть и наблюдать. В этом отношении, я думаю, у нас разногласий не должно встретиться. Вместе с тем, в переходный период диктатуры пролетариата, перед пролетарской властью в области просвещения стоит чрезвычайно важная и требующая правильного решения задача исчерпывающего использования всех технически ценных культурных, производительных сил в целях быстрейшего распространения знаний в массах и поднятия общего культурного уровня. Я уже во вступительном слове, приветствии к вам, выставил положения, которые хочу еще раз подтвердить и обосновать, а именно, что мы ни под каким видом, как бы мы отрицательно ни относились к прежней буржуазной культуре, не должны расплескать из этой чаши культурных ценностей ни одной капли. Мы заинтересованы в этом больше, чем может это казаться, ибо мы сейчас в периоде самой острой борьбы, которая требует напряжения всех сил и той технической высоты, того технического уровня, которого вообще достигла культура, ибо мы знаем и чувствуем на своем теле, что нам приходится бороться с очень жестоким и очень квалифицированным врагом. Мы знаем, что империализм накопил все эти завоевания культуры и ему нужно противопоставить такую же силу. Было бы утопией думать, что мы это сделать в состоянии, мы знаем, что наша истинная сила лежит не в этом, что стихийный рост революции, интересы, которые объединяют сейчас весь пролетарский океан всего мирового целого в одну массу, устремляющуюся к конечной цели, является условием, обеспечивающим нашу победу. Но все-таки мы, сознательные элементы, не в праве становиться на точку зрения стихийности, на точку зрения, что нам победа обеспечена, какие бы ошибки мы ни делали. Нет, наш долг перед классом, в рядах которого мы боремся за новый строй, состоит в том, чтобы произвести максимум полезного действия и использовать все средства, какие у нас имеются. И само собою разумеется, что такие средства, как культурные ценности, образованность, технические знания и навыки и пр., нами должны быть использованы полностью, без остатка. Что касается носителей этой культуры, того общественного слоя, который обслуживает культурные потребности общества, то большая часть этой интеллигенции, по условиям жизни и деятельности, может переходить и действительно переходит на позицию пролетариата, и, с каждым днем все ближе и теснее сливаясь с подлинно пролетарской интеллигенцией, выделяющейся из передовых рядов пролетариата, осуществляет интенсивное строительство социалистической культуры.

К этому я не буду ничего прибавлять. Но теперь самый трудный вопрос: остальная часть интеллигенции, которая не идет на это, которая не может по условиям своей психики действительно проникнуться всем тем подъемом, которым захвачены эти слои, о которых я говорил, — что с ней делать? Я полагаю, что и с остальной частью интеллигенции вести войну не приходится; поскольку она оказывала политическое сопротивление, она сломлена, и это признано ею открыто и засвидетельствовано во всех выражениях и заявлениях. Она не хочет оказывать политического сопротивления и готова работать. Такая совместная плодотворная работа с этой частью интеллигенции возможна при условии честного и не скрывающего никаких задних мыслей содействия общей работе в борьбе с наследием буржуазного строя — массовым невежеством, в работе по распространению необходимейших знаний, культурных навыков и технических умений в широких слоях народа. Это место часто подвергалось нападкам, что это будто бы обывательское выражение. Что такое честное и нескрывающее задней мысли содействие? Как это узнать? Здесь речь идет о нашем отношении к той части интеллигенции, с которой при известных условиях работать можно. Как это определить, это — вопрос другой. Что такое слово „честное“ — это понятно, это слово взято в самом обыкновенном житейском смысле. Что такое „не скрывающее задних мыслей содействие“,—я позволю себе иллюстрировать. Часть интеллигенции говорит сейчас, что хорошо, мы будем работать с вами, но, если вы присмотритесь и поставите это заявление в связь с их поступками, с их другими заявлениями, то вы увидите, что они готовы работать, но только, как они выражаются, для того, чтобы остановить разрушение школы. Они надеются на грядущие „благоприятные“ условия, придут чехо-словаки, союзники или кто-либо другой, и настанет время для развития их идеалов, и тогда они сумеют восстановить все прежнее. Это и есть задняя мысль. Если люди подходят к нам с такими намерениями, то у нас общее дело не пойдет. Мы знаем, что это будет тормозом в нашей работе. Это значит, что активные наши противники не могут быть допущены к ответ-

ственной работе. Теперь, как определить, существует ли лакмусовая бумажка, которая может дать показание на красный и синий цвет, — это вопрос практики. Для распространения грамотности и технических навыков мы можем опираться не только на друзей, но и на гораздо более широкие слои, лишь бы приведенные выше условия были соблюдены. Мы можем найти много и не наших сторонников, которые могли бы помочь в борьбе с массовым невежеством; люди, которые в течение 20 — 40 лет проповедывали о пользе грамотности, теперь могут почувствовать даже известный подъем, известное воодушевление. И я допускаю, что такие лица есть. Отчего бы их не использовать? Они нам не будут опасны, если мы сумеем разобраться в каждом отдельном случае.

Вот почему новая организация просветительной армии должна быть построена таким образом, чтобы, представляя самый широкий простор индивидуальной, групповой и общественной инициативе и творчеству, обеспечивала идейное руководство за сознательными, организованными, сплоченными партийной дисциплиной и находящимися под контролем партии коммунистическими ячейками. Мне могут сказать и почти это говорили, что это хорошо, кто же этого не пожелает, чтобы был и полный простор инициативе и творчеству и полная гарантия, что это действительно будет работа на пользу коммунистического строя. Это задача трудная, и недостаточно только пожелать этого. Но ведь нигде не сказано, что мы должны разрешать только легкие задачи, перед нами стоит теперь трудная задача, и мы должны уметь разрешить ее правильно, до конца и диалектически. Но это не значит, что нам не нужно создавать никаких законченных форм, это не значит, что мы можем непрерывно менять наши решения в зависимости от обстоятельств. Нет, рассуждая, размышляя, обобщая явления, мы должны рассуждать диалектически, но, когда мы начинаем действовать, должны действовать прямо и решительно. Здесь диалектика должна быть заменена каким-нибудь оружием более прочным, более закаленным. И вот эти орудия, которые нам дают возможность воплощать в жизнь наши общие идеи и принципы, эти орудия выливаются в определенные законченные формы и рамки, в инструкции, уставы и т. п. И эти формы, рамки и уставы, мы и должны создать. Они не являются чем-либо незыблемым и мертвым, но и не должны меняться произвольно в каждый момент, а меняются только в определенные моменты, через определенные промежутки времени, коллективом, достаточно правомочным и сильным и призванным для этого дела. Я думаю, что этот широкий простор индивидуальной групповой и общественной инициативы даст возможность нам, во первых, выявить всякое новое творчество, которое нам может быть ценно, и в этом отношении мы должны смело и широко черпать из океана массового творчества. Там, где речь идет об инициативе и творчестве, там не может быть никаких опасений. Тут не страшно и то, что произведет буржуазная культура. Тут эксперименты и опыты мы должны производить, пользуясь кем угодно. Исторический процесс идет стихийно, и новая культура будет вырастать не только на базисе новых экономических отношений, она будет вырастать из всей сложности и противоречивых условий современного общества и она может произрастать совершенно неожиданно для нас там, где мы не ожидаем. Мы не должны заглушать ни одного ростка. Кроме того, мы должны дать возможность прежней культуре отработать себя всю целиком. Мы должны выявить все полезное действие, которое может произвести пар прежней культуры и выпустить его в виде отработавшего, мятого пара. Полезную нам энергию мы должны тщательно сохранять и использовать. Мы должны, например, по отношению к прежним педагогам, педагогам старой школы, проявить максимум терпимости. Предоставим им объединяться в научно-педагогические общества, дадим им возможность выявить свое содержание и производить всякие педагогические ценности, которые они способны произвести. Но мы, конечно, не можем допустить их попыток восстановить свое былое господство и влияние на массы. Это не было бы полезно тому делу, которому мы служим и для них это было бы мучительным процессом. В числе своих наиболее умных представителей они это великолепно понимают. И когда хирургическая операция над Всероссийским учительским союзом была произведена, облегченно вздохнули, главным образом, не мы, а они, ибо они сами чувствовали, насколько их это тяготило, так их оппозиционное положение лишало их возможности принять участие в общей работе строительства и заставляло во что бы то ни стало, в силу группового самолюбия, повторять те лозунги, которые они считали устаревшими и несоответствующими требованиям великого времени. Разумеется, вся эта работа должна протекать

при условиях полной гласности и общественного контроля. Переходя теперь к вопросу о руководящей роли сознательных организованных элементов, находящихся под контролем партии, я должен сказать несколько слов и относительно партийности. Для нас, находящихся здесь коммунистов, значение партийности настолько понятно и хорошо известно, что об этом не следовало бы и говорить. Я обращаюсь поэтому к товарищам по работе, не стоящим в рядах нашей партии. В слове партия, партийность для интеллигентской и обывательской психологии есть много неприемлемого в силу причин, о которых мы говорили выше. Интеллигенция создала идею самоценности независимой свободной личности, и поэтому среди средней обывательской интеллигенции слово партийность, указывающее на ограничение индивидуальной свободы, всегда представляется одиозным. Правда, в настоящее время в нашем обществе мы видим большую перемену, но и сейчас вы встретите интеллигентных лиц, которые с гордостью заявляют: я—беспартийный, рассматривая это как особую заслугу, как свидетельство независимости их мысли. Но мы знаем, что эта независимость мысли только номинальная, в действительности же эти самые, кичащиеся своей независимостью, лица отражают психологию и идеологию той среды, того общества, которому служат, ибо, если бы это было не так, то средний интеллигент показывал бы чудеса творчества, но, увы, как мало таких творцов среди этой интеллигентской обывательщины! Если же этот чуждающийся партийности интеллигент даст себе труд серьезно и добросовестно подумать о значении партийности, то он должен понять, какое колоссальное, великое значение имеет партийность в том общественном процессе, который развертывается перед нашими глазами. Партийные группы представляют собою естественно выделившийся из общества, сплоченный авангард, который служит наиболее надежным оплотом, наиболее надежной гарантией того, что общественный процесс будет направляться быстрейшим образом в интересах того класса, которому данная партия служит. И так как сейчас класс, в интересах которого мы действуем и работаем и по уполномочию которого мы здесь с вами находимся, есть пролетариат, то ясно, что наиболее верное и сильное направление всей борьбе класса может дать партия, которая подлинные, глубокие интересы этого класса и выражает. Могут встретиться голоса: почему вы, коммунисты, претендуете на руководящую роль? Между нами есть интернационалисты, левые эс-эры и т. д., которые имеют равное право с остальными. Но здесь вопрос деловой, вопрос факта, а не формальный. Все должны видеть и признать, что пролетариат, и именно пролетариат, обеспечивает развитие социалистической революции к конечным целям освобождения общества от прежних рамок и условий жизни, и именно партия пролетариата, идущая во главе, и есть та партия, которая это движение направляет. Для нас сейчас это—вопрос не формальный, не теоретический, не какой-нибудь вопрос того или иного отвлеченного принципа, а вопрос факта. С этой точки зрения мы говорим: в интересах наибольшей продуктивности и плодотворности работы, в интересах наибольшей быстроты в достижении наших целей, мы должны признать и сознательно обеспечить руководство коммунистической партии. Эта партия сейчас имеет полную возможность, руководя борьбой, производить непрерывную проверку всех шагов, обобщать опыт пролетариата, учиться даже на его ошибках. Поэтому именно сплоченные и находящиеся под контролем партии ячейки сумеют быстро и прочно положить фундамент того здания, которое мы хотим с вами возвести, и вместе с нами в кратчайший срок достичь великих результатов. Конечно, всякий партийный человек будет защищать то, что он считает правильным. Но это будет субъективная точка зрения, а я пытаюсь здесь рассматривать это положение совершенно объективно. Я рассматриваю его в настоящий момент не с отвлеченно-теоретической точки зрения, а с точки зрения практики, учета сил, с точки зрения реальной действительности. Если я в этом отношении ошибаюсь, то я хотел бы услышать возражения. Я обращаюсь не к чувству, а к разуму и на этой почве хочу вас убедить. С товарищами, пришедшими к нам в первые дни после коммунистического переворота, работа шла настолько солидарно и дружно, что нам просто не приходилось, за исключением отдельных конкретных случаев, когда дело касалось личного самолюбия, улаживать какие-либо недоразумения, настолько дружно все подошедшие в первую очередь и подходившее потом шли вместе с нами к нашей общей великой цели. Нашей главной задачей является общее направление, координация всей многообразной работы в деле просвещения. И совершенно неправильной была бы мысль, что нам с нашими не-

большими силами удастся справиться со стоящими перед нами колоссальными задачами. Никакой самый совершенный административный аппарат этой задачи не разрешит. Мы должны научиться управлять стихийными движениями, более того, вызывать их там, где их еще нет. Мы должны уметь заинтересовать в деле просвещения массы, мы должны привлечь их к культурному строительству. Правда, и без того небольшие силы мы принуждены при этом дробить, но перед нами эта задача стоит, и мы должны разрешить ее во что бы то ни стало. Одной из форм вовлечения масс в работу просвещения являются Советы народного образования, о которых здесь, к сожалению, не будет предполагавшегося доклада Н. К. Ульяновой в виду состояния ее здоровья. Другой формой является то организационное строительство, которым мы с вами заняты сейчас. Мы работаем сейчас над организацией просветительной армии и над созданием того общественного течения, которое служит тем же целям и задачам, которым служит и деловой административный аппарат. В числе этих задач перед нами стоит вовлечение широких масс работников просвещения в общую организацию. В моих тезисах с самого начала говорилось о широком объединении. Иначе не возникнет того общественного движения, которое нам нужно вызвать, если бы даже его не было, и которым мы должны научиться руководить, чтобы оно дало значительные результаты. Вот почему новая организация просветительной армии должна быть построена таким образом, чтобы, предоставляя самый широкий простор индивидуальной, групповой и общественной инициативе и творчеству, она обеспечивала идейное руководство за сознательными, организованными, сплоченными партийной дисциплиной и находящимися под контролем партии коммунистическими ячейками. Главной задачей последних является общее направление и координирование всей многообразной работы в деле просвещения, вовлечение все более широких масс в просветительное строительство, пропаганда идей коммунизма в рядах работников просвещения и организационное закрепление достигнутых результатов. При этих условиях такое широкое, планомерно построенное объединение может поставить себе и успешно разрешить ряд важнейших задач в области повышения сознания масс, борьбы с религиозной метафизикой, распространения идей интернационализма и укрепления коллективистических начал при организации культурно-производительной жизни подрастающего и взрослого населения. Тут говорится о культурно - производительной жизни. Моя мысль заключается в том, что эта новая культура пропитана духом объединения, связью между образовательным процессом и производственным процессом. Если бы мы хотели расшифровать эти формулы, мы могли бы многое сказать относительно тех условий, которые создаются в новом социалистическом строе. Я надеюсь, что другие товарищи в своих докладах это сделают лучше, чем я, они покажут, каким образом мы сейчас будем создавать эту связь между процессами образовательного характера и производственного характера. В этой области мы идем путем объединения, который лежит в основах трудовой школы. Вся наша работа в этой области сводится к тому, чтобы разрешить эту задачу в конкретной форме. Переходя к заключительным выводам, я должен предварительно отметить, что оглашенные здесь тезисы были написаны до съезда, не учитывали указаний работников с мест и подлежат кое в чем изменению. Вместе с тем не из ложной скромности, а в интересах истины я должен отказаться от авторства и добавить, что то, что называется докладом т. Познера, представляет собою сводку коллективной работы товарищей членов президиума центрального бюро Союза учителей-интернационалистов.

Таким образом, подводя итог всей предыдущей и произведенной совместно с вами коллективной работы, мы должны признать, что из всего анализа общественных явлений, всех соображений и доводов с необходимостью вытекает то положение, что возникающее объединение работников просвещения должно, как в своем названии, так и в пунктах регулирующего его деятельность устава, отразить новый дух и характер коммунистического просвещения. В этом случае самый устав является знаменем, программой и орудием пропаганды новых идей и кристаллизационным центром, вокруг которого будут сплачиваться все активные, живые силы и в передовых рядах пролетариата осуществлять великую работу коммунистического строительства.

В. Познер.

Заключительное слово к докладу на II съезде учителей-интернационалистов.

В надежде на то, что вы на это не посетуете, тем более, что мое заключительное слово будет очень кратким, позволю себе коснуться того вопроса, который не был затронут моим докладом, но который интересует собрание; это— вопрос об организации молодежи. Я не берусь вам сейчас дать какого - либо законченного плана организации молодежи или подробно обосновывать необходимость такой организации с теоретической и практической точки зрения, но я полагаю, что было бы желательно затронуть и осветить этот вопрос.

Приступая к рассмотрению какого-нибудь общественного явления, нужно уметь очертить его рамки. Необходимо исследовать его природу, понять его сущность, направление и движение, и после этого, уже в зависимости от этого предварительного анализа, вы можете делать те или иные правильные практические шаги. Я не хочу сказать этим, что на практике мы всегда должны руководиться правилом „семь раз примерь, один раз отрежь". Очень часто жизнь нас заставляет действовать непосредственно, итти путем революционным и на своих ошибках учиться. Но, если у нас в распоряжении есть время, мы должны все продумать и все взвесить. И я предлагаю задуматься над этим вопросом.

Как у нас обстоит дело в школе? Перед нами стоит проблема ввести детей пролетариата и беднейшего крестьянства в школу II ступени. Это не значит, что мы школу II ступени считаем каким-либо идеалом. То, что мы предполагаем создать, совершенно не будет похоже на прежнюю школу, но в настоящее время эта школа существует, и мы должны определить к ней свое отношение. В праве ли мы сказать, — эта школа плоха, и детей пролетариата и крестьянства мы вводить в нее не будем, а построим для них новую школу? Как бы благородно ни было такое задание, но оно было бы утопией: в ближайшие месяцы нам не удастся создать достаточно новых школ. Это дело требует для своего осуществления целого ряда лет. Перед нами стоит некоторая житейская проблема: оставить детей пролетариата и крестьянства вне этой школы на том основании, что она нас не вполне удовлетворяет. Но это значило бы, что мы отдаем средства государства детям буржуазии. Правда, это— дело необходимое, потому что дети буржуазии и интеллигенции превращаются в необходимых для государства техников. Но этим самым мы лишаем пролетариат плодов его побед и не даем возможности его детям воспользоваться накопленными духовными и материальными ценностями.

Как выйти из этого затруднения? Раз задача правильно поставлена, она этим самым уже резрешена. Мы не можем выбросить из школ II ступени детей средней буржуазии и трудовой интеллигенции. Мы не в праве поставить крест на молодом поколении хотя бы и отживающего класса. Такое упрощенное решение вопроса было бы неправильно. Жизнь перед нами ставит задачи большой сложности, и мы должны разрешать не только легкие, но и трудные вопросы. С этими предпосылками мы должны подойти к вопросу об организации учащейся молодежи, которая в настоящий момент находится в школе II ступени. Часто говорят, и справедливо говорят, что не нужно эту молодежь завлекать в политику, в том смысле, чтобы ставить на ее разрешение такие вопросы, до которых она еще не доросла, не созрела. Но, с другой стороны, было бы глубоко ошибочным думать, что мы можем изолировать ее от влияния жизни и лишить ее права и возможности интересоваться общественно - политическими вопросами, которые обычно, в особенности при прежних условиях, считались выходящими за пределы компетенции молодежи. Мы знаем, что молодежь вовлечена в стихийный процесс жизни. Мы должны признать тот факт, что внутри школы, в среде молодежи, идет отражение той великой классовой борьбы, которая кипит за стенами школы. Поэтому не приходится говорить о внесении классовой борьбы в школу. В школе идет отражение и изживание тех процессов общественного развития, которые за стенами школы принимают форму гражданской войны и кровавых столкновений. Вместе с тем мы должны осторожно относиться к молодежи потому, что эта мелко-буржуазная молодежь менее связана корнями с буржуазией, чем взрослое поколение, менее закостенела, более чутко и непосредственно воспринимает уроки жизни; у нее есть влечение к прогрессу, и она представля-

ет собой благоприятную почву для восприятия новых идей. Вот почему на эту молодежь следует обратить внимание. Но, с другой стороны, если мы, исходя из таких благородных побуждений и симпатий к молодежи, будем закрывать глаза на факт социальной разнородности школьного состава, мы совершим другую ошибку. Школа не изолирована от жизни. В ней так же, как и в жизни, можно наметить два крупных течения: одно прогрессивное, связанное с классом, которому принадлежит будущее, проникнутое стремлением к производительному труду, творчеству новых форм жизни; с другой стороны придется еще долгое время считаться со слоем, находящимся под влиянием буржуазной среды. Наличность двух течений заставляет нас наметить определенную тактику по отношению к школьной молодежи. В школе будут элементы, готовые к восприятию коммунистических идей, но там также будет и отсталая молодежь. Вы знаете, что в вопросах выработки миросозерцания молодежь развивается очень рано, и возраст 15—16 лет часто служит критическим возрастом, когда очень сильно проявляются запросы духовные внутреннего самоопределения, и в этот период неизбежно будет происходить расслоение школьного коллектива. Наша задача—помочь самоопределению наиболее чуткого элемента, способствовать созданию коммунистических ячеек, которые послужат в одно и то же время и ферментом и кристаллизационным центром, вокруг которого будут группироваться лучшие части разночинной и деклассированной молодежи. Из среды этой молодежи выйдут элементы, которые сольются с пролетарской коммунистической молодежью. Конечно, на плечи этой коммунистической молодежи мы не должны возлагать непосильных задач. Мы не можем облекать коммунистические ячейки какими-либо полномочиями, давать им какую-нибудь власть или, еще менее, диктатуру в школе. Этого не будет, скорее мы можем опасаться, что они окажутся в невыгодном положении, что они будут подвергаться нападкам и гонениям со стороны более отсталой части и занимать позицию обороняющихся. Лучшая и более сознательная часть молодежи явится тем авангардом, на который может опереться взрослая сознательная часть населения при проведении идей трудовой школы. Прежде мы производили в школе деление на способных и неспособных, на ленивых и активных. Сейчас деление пойдет по другой линии: социально-прогрессивные и социально-отсталые. Это обстоятельство будет играть чрезвычайно важную роль в переустройстве школы. Этот новый слой и станет тем социальным базисом, на котором будет строиться новая социалистическая школа. Вот какие обстоятельства, факты и точки зрения необходимо принять во внимание, когда мы подходим к вопросу об организации молодежи.

Перехожу теперь к самому докладу. Большинство ораторов, строго говоря, не возражало против основных положений моего доклада. Одни из них, как, напр., тов. Полянский, развивали и обосновывали некоторые из тезисов, выясняли понятие коммунизма и отвечали тем ораторам, которые указывали на будто бы узко партийный характер новой платформы. Противоположные речи нейтрализовали друг друга. Другие возражения носили частичный характер или указывали на пробелы в докладе. Недоразумением является указание, будто докладом пренебрегаются материальные интересы учительства. Самым важным и основным возражением является соображение о партийном характере союза, который сузит его рамки.

В этом случае чрезвычайно важно выяснить, что понятие „коммунизм“ применяется здесь не в узко партийном смысле, а выдвигается как платформа социалистического преобразования жизни. Тот строй, который создается сейчас, представляет собою строй коллективистический, социалистический или, в конечном счете, коммунистический. Но почему же, спрашивают оппоненты, вы говорите только о коммунистах и коммунистическом строительстве в то время, как есть и ряд других социалистических партий, которые могут и должны принять участие в работе социалистического преобразования общества? Разумеется, никто не станет отрицать право за этими лицами и партиями принимать участие в общей работе. Речь тут идет лишь о том, что в силу определенных общественно-политических причин эти партии в момент, когда назрел социалистический переворот, не поставили перед собой и пролетариатом задачи захвата власти, осуществления диктатуры пролетариата. И теперь, когда они ходом событий оказались отброшенными назад, уже поздно поднимать вопрос о равном праве на управление. Конечно, никто не будет отрицать права на любое свободное убеждение. Но отсюда не следует, что каждый член коллектива может делать все, что ему вздумается. Мы должны быть терпимы ко всевозможным убеждениям, мы можем быть

весьма различных взглядов, пока тот или иной вопрос находится в стадии обсуждения, но мы должны выступать совершенно сплоченно и единообразно в действии.

Вот почему мы обращаемся сейчас ко всем искренним социалистам и говорим: никакое другое строительство, кроме коммунистического, невозможно, и всех, кто хочет делать с нами одно и то же дело, мы готовы привлечь к этой работе независимо от их партийных взглядов и убеждений.

Вот окончательный вывод из нашей позиции, и я мог бы этим закончить, огласив предварительно тезисы новой платформы, но я хочу еще остановиться на одном вопросе, который пытался углубить тов. Городской.

Сначала я не вполне уяснил себе, почему этот оратор счел нужным заявить с кафедры, что он—коммунист, но, дослушав до конца, понял. В самом деле, на основании речи оратора не всякий бы догадался, что оратор—коммунист. Он проповедывал широкое профессиональное объединение, исходя из идей узкого профессионализма, при этом без достаточных оснований. В подкрепление своей позиции опирался на сказанное здесь Владимиром Ильичем слово. Но вы сами слышали слово товарища Ленина и знаете, что там, кроме указаний на значение профессионального объединения, было еще и нечто другое, чего тов. Городской, к сожалению, не заметил: указание на диктатуру пролетариата.

По этому случаю мне хочется напомнить слова известной басни с небольшими лишь изменениями: „Не дай Бог никого сравненьем мне обидеть, но как же критика оппортунистом не назвать, который что ни станет разбирать, имеет дар один профессионализм видеть“ (смех, аплодисменты).

Напрасно этот товарищ пытается извлечь подкрепление для своего профессионализма из речи одного из виднейших теоретиков революционного марксизма. Один из близких сотрудников тов. Ленина, т. Зиновьев в своей брошюре разбирает обстоятельно интересующий нас вопрос. Так как я уже обращал внимание на эту книжку, то не буду здесь утомлять вас воспроизведением цитат, которые показывают, какая связь должна быть между профессиональным движением и политической борьбой пролетариата, чтобы первое не привело к принижению задач и забвению конечной цели классовой борьбы. Если дело обстоит так по отношению к рабочему движению, которое инстинктом направляется к социализму, если мы находим, что сознательное его слияние с политическим движением ускоряет этот процесс, делает его определенным, быстрым и безболезненным, с наименьшими потерями, то тем более это справедливо по отношению к интеллигентскому объединению. Если оно не поставило себе сознательно этой цели на первый план, если не изменится его социальная природа, оно неизбежно будет представлять собою мелко-буржуазную организацию, воспитывать мелкобуржуазную психологию и находиться под руководством либерально-буржуазных или правых социалистических партий. Свои предыдущие доклады я посвящал доказательству этого положения и не буду повторяться здесь, в надежде, что большинство собрания разделяет эту точку зрения и присоединилось к ней. Если же мне не удалось убедить тов. Городского и еще одного или двух товарищей, то тут я уже ничего не могу поделать. И до сих пор продолжаю думать, что задача у нас не в том, чтобы мы сейчас с вами нашли ту или иную приемлемую форму организации. Мы должны гораздо шире понять свою задачу, мы должны уяснить себе характер исторического общественного движения, переход интеллигенции на новые позиции, и этим поставить себе задачу перестроить эту интеллигенцию вместе с передовым пролетариатом в одну просветительную армию. Вы видите, что речь идет здесь о весьма широком объединении.

Это объединение должно охватить всех до последнего работников просвещения и сплотить их на одной платформе. Вне этого объединения не может быть другого, так как оно должно охватить все массы и аморфные слои, о которых здесь говорилось. Не вполне одинаковую мерку мы должны применять к несознательным массам и к квалифицированной интеллигенции. Если по отношению к первым мы будем терпеливо ждать роста сознательности, то от второй мы можем требовать—открыть и ясно определить свою позицию. Конечно, и интеллигенция живет в условиях своей среды, и ее сознание не может внезапно выскочить из определенных рамок, но нужно принять во внимание, что условия сейчас совершенно исключительные, условия революционной жизни, когда вокруг все кипит и движется, когда обстоятельства и отношения меняются с каждым часом. Сейчас должно быть более гибким сознание и более быстрым осознание многого и многих. Когда здесь говорили, что товарищи учителя переходили целыми уездами на новую платформу и

записывались в коммунистический союз, то я никак не могу согласиться с мнением о недоброкачественности этого явления. Совершенно не нужно перечитать целые тома экономических и социальных наук, чтобы искренно и честно работать с коммунистами. Я знаю, что отдельные щепетильные люди, может быть и очень долго, удерживаются от того, чтобы от совместной работы перейти к формальному объединению, но что касается масс, то к ним такой мерки предъявлять нельзя.

Итак, заканчиваю и еще раз повторяю: здесь речь идет о выборе между двумя линиями, или мы будем заботиться о квалифицированном учительстве и, щадя его самолюбие, стараться привести его к работе через профессиональный союз, или же все свое внимание мы сосредоточим на задаче сплочения всех крайних, левых и социалистических элементов на сознательной платформе вовлечения массы учительства в социалистическое строительство.

А тем товарищам, которые боялись за чистоту коммунистического знамени, отвечу: наше знамя боевое, оно закопчено пороховым дымом и прострелено насквозь. Мы поднимаем его, призывая вас всех на борьбу со всеми пережитками буржуазного строя.

Предлагаю вам, товарищи, принять резолюцию, которая является завершением нашей совместной работы. Резолюция эта такова:

„Заслушав доклад и прения по вопросу об организации работников просвещения и социалистической культуры, 2-й Всероссийский съезд союза учителей-интернационалистов считает необходимым установить следующие положения:

1) Разрушение устоев буржуазно-капиталистического общества было воспринято верхним слоем наиболее квалифицированной интеллигенции как крушение и гибель всей европейской культуры.

2) Громадная масса, близкая к пролетариату и крестьянству, разночинной интеллигенции и народного учительства, воспитанная в подчинении авторитетам и в покорности своим духовным вождям, отразила в своих переживаниях эту психологическую реакцию социально-политического крушения господствующих классов.

3) Активное противодействие торжеству пролетариата интеллигентских верхов, растерянность остальной массы и отсутствие ее в первых рядах борцов поселили недоверие пролетариата ко всей интеллигенции.

4) В настоящее время создаются благоприятные условия для ликвидации этого периода в истории интеллигенции и перехода ее значительной массы на позицию пролетариата.

5) Объективно этими условиями являются прочность власти пролетариата, развитие революции в мировом масштабе и возникновение некоторых форм социалистического уклада жизни.

6) Этими причинами обусловливается психологически перелом в рядах интеллигенции, ее стремление приблизиться к пролетарскому авангарду, чтобы пойти с ним по пути социалистического строительства.

7) Необходимо помочь интеллигенции и облегчить ей этот переход, создать наиболее благоприятные условия работы, сплотить ее с выдвинутой революцией молодой пролетарской интеллигенцией.

8) Почвой для перевоспитания интеллигенции являются новые повышенные социалистические формы ее работы в Трудовой Школе, сельскохозяйственных коммунах, на социалистических фабриках и заводах; в создании основных условий нового трудового общества естественно необходимо тесное сотрудничество с индустриальным и сельскохозяйственным пролетариатом.

9) Новые формы объединения работников просвещения должны создать благоприятные условия коллективного, коллективистического творчества, не допуская, однако, возникновения корпоративного уклада и психологии.

10) Новое понимание профессиональных задач работников просвещения предусматривает не простое повышение технического уровня и улучшение материального положения работников, а, в первую очередь, объединение всех работников в коллектив, выполняющий, совместно и под руководством органов пролетарской власти, важную общественную функцию коммунистического просвещения и таким образом сознательно стремящийся к строительству социалистического уклада жизни.

В связи с этим 2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов находит, что наступил момент для создания широкого объединения всех работников просвещения и социалистической культуры на следующих основах:

I. Цели и задачи Союза.

§ 1. Всероссийский Союз работников просвещения и социалистической культуры объединяет всех работников просвещения, участвующих в деле социалистическаго строительства, и действует рука об руку с пролетариатом в его борьбе за полное торжество социалистической революции и международного коммунизма.

§ 2. Ближайшей его задачей в пределах Р. Ф. С. Р. являются:

1) Совместная с организованным пролетариатом и органами его власти работа по социалистическому строительству в области народной культуры и просвещения на основах борьбы с пережитками буржуазного строя и укрепления начала коллективизма.

2) Повышение уровня политической сознательности, образования и производительности труда работников просвещения.

3) Создание наиболее благоприятных технических культурно-правовых и экономических условий их труда.

4) Участие в создании новых коммунистических условий жизни и развитие подрастающего поколения.

5) Содействие Народному Комиссариату по Просвещению и его Отделам в разработке и проведении в жизнь программ и планов народного образования.

6) Тесное взаимодействие с другими коммунистическими культурно-просветительными организациями, Пролеткультом, Союзом коммунистической рабочей молодежи и т. д.

7) Содействие Советам народного образования в деле создания тесного сотрудничества трудового населения с органами Народного Комиссариата по Просвещению с целью поднятия культуры и распространения образования.

8) Сплочение в организованные группы всех деятелей в области образования на основе платформы Союза.

Вместе с тем 2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов считает неотложной задачей—очистить учительство от элементов, неспособных работать над построением Единой Трудовой Школы, и поднять его уровень до требований времени и находит, что объединение всех работников просвещения и социалистической культуры в широкий Союз создает благоприятную почву для этой работы, полагая однако, что предпосылкой для этого является сплоченная организация работников просвещения—коммунистов и тесно примыкающих к ним элементов, которая обеспечивала бы за ними руководящую роль в широком Союзе.

Поэтому 2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов рекомендует всем своим членам, разъехавшись по местам, развить интенсивную агитацию за образование широкого объединения работников просвещения и социалистической культуры и оказать энергичную поддержку инициативным группам коммунистов, действующих по директивам Временного Исполнительного Комитета Всероссийского Совещания коммунистов по организации широкого объединения работников просвещения и социалистической культуры.

2-й Всероссийский съезд учителей-интернационалистов уполномочивает Центральное Исполнительное Бюро Союза выполнять свои функции в полном контакте с Временным Исполнительным Комитетом Всероссийского Совещания коммунистов впредь до окончательного конструирования организуемого им Всероссийского Союза работников просвещения и социалистической культуры.

Что касается целей и задач Союза, то я предлагаю принять это целиком. Тут уже многие ораторы показали и доказали, что эти цели и задачи являются развитием тех целей, которые были поставлены Союзом учителей-интернационалистов, и являются дальнейшим этапом в нашем движении. Если кому-нибудь покажется, что этот этап мы проделали очень быстро, то не надо забывать, что революция, это—локомотив истории, что мы идем с невероятной быстротой, и на что прежде требовались столетия и десятилетия, то теперь совершается в годы и месяцы. Мы теперь действительно увидели воочию, что означает эта борьба за социализм, и не только мы, с самого начала принимавшие участие в этой борьбе, не только мы, но и те элементы, которые были по ту сторону баррикад, убедились на своем горьком опыте, что в этом великом состязании, в великой борьбе, которая происходит между пролетариатом и буржуазией, не может быть каких-нибудь промежуточных решений. Либо—либо. Либо победит одна сторона, либо другая. И вследствие этого хотя и мелко-буржуазные, но честные социалисты поняли, на чью сторону они должны стать; их научили чехо-словаки, Колчак, прочие белогвардейцы. Поэтому мы на основании нашего краткого, но необыкновенно содержательного исторического опыта можем сказать, что торжество тех идей, которые близки всем социалистам-утопистам, интернационалистам и социалистам всех других оттенков, обеспечивается только борьбой и победой пролетариата.

Теперь остается не вырешенным вопрос, что делать Союзу учителей-интернационалистов, как таковому. Объявлять ли его закрытым? Я думаю, что для это-

го оснований нет. Говорят, в него вошли нежелательные элементы. Нежелательные элементы могут проникнуть в любую организацию, и каждая организация может найти средства и способы самооздоровления, самоочищения, и найдет эти способы и наш Союз. Ему сейчас прекращать своего существования не приходится. Ему, как и прежде, нужно итти нога в ногу с представителями пролетариата, с партией коммунистов, пока мы не подготовим широкого объединения. Союзу учителей-интернационалистов не следует ни менять своего названия, ни прекращать своего существования. Он его прекратит тогда, когда будет обеспечено создание широкого союза на коммунистической платформе, на коммунистических основах. Союзу учителей-интернационалистов, сохраняя временно свое существование, надо оказать содействие инициативным группам, которые должны стать кристаллизационными центрами нового широкого объединения.

Поэтому, приняв предлагаемую резолюцию, он должен сказать в дополнение, что он считает необходимым развить самую энергичную агитацию за широкое объединение работников просвещения и социалистической культуры на основании новой платформы, которая здесь прочитана.

И я предлагаю вам принять эту резолюцию и, разъехавшись по местам, заняться энергичной агитацией для создания новой великой просветительной армии, которая пойдет под знаменем, поднятым пролетариатом (аплодисменты).

В. Познер.

Срочная подготовка учителей.

(К вопросу о введении всеобщего обучения).

Проведение в жизнь идей всеобщего обучения не всего населения советской России, а хотя бы только детей школьного возраста, потребует увеличения существующего учительского персонала приблизительно в два раза. В настоящее время за дверями школы никак не менее половины детей школьного возраста. Ясно, что для их обучения потребуется то же число учителей, которое работает в данную минуту в школах 1-ой ступени. Другими словами, если бы материальные средства (помещения, учебные пособия и др.) нам позволили принять в школы всех детей школьного возраста, то теперь же нам понадобилась бы новая армия учителей в 150.000 человек, при этом считая на каждого учителя не 25 чел., а 40 чел. учащихся. Если же признать выполнимым идеальное требование декларации о Единой Трудовой Школе,— 25 школьников на одного учителя,— то пришлось бы к существующему учительскому персоналу добавить никак не менее 300.000 учителей 1-ой ступени Единой Трудовой Школы.

Если бы мы решили осуществить идею всеобщего обучения для всех возрастов и пропустить всех подростков через 2-ю ступень Единой Трудовой Школы, то количество новых школьных работников нам пришлось бы поднять до колоссальной цифры—приблизительно до 2-х миллионов человек.

Но оставим без рассмотрения вопрос о введении всеобщего обучения для всех возрастов, а также и вопрос о возможности влить всех подростков во 2-ую ступень Единой Трудовой Школы; эти вопросы при настоящих хозяйственно-экономических и культурных условиях относятся к области благочестивых пожеланий. Поэтому будем говорить только о возможном, выполнимом и достижимом в ближайшие годы.

Всеобщее обучение детей школьного возраста—вопрос огромной государственной важности. Положительное разрешение его является вопросом чести для рабоче-крестьянской власти. В этом случае мы будем откровенны до конца и скажем прямо: если советская власть не исчерпает всех средств для всеобщего обучения детей школьного возраста, то этим она совершит преступление перед рабочими и крестьянами, именем которых и во имя которых она правит страной.

Советская власть не жалеет средств на народное образование. Она щедрой рукой дает их решительно на все отрасли просвещения. Но одних денежных средств для просвещения народных масс мало. Одновременно с этим нужны работники просвещения. Откуда их взять? Вот вопрос, без разрешения которого лишь одним бюджетным способом мы никогда не придем к поставленной нами великой цели—социалистическому просвещению всех рабочих и всех крестьян.

Существующая выпускная способность педагогических учебных заведений, сравнительно с потребностью в учителях, ничтожна. В прошлом году она была около 2.000 человек. В этом году, благодаря открытию 150 новых педагогических курсов, выпуск учителей достигнет до 9.000 человек. Но ведь это же—капля в море по сравнению с тем, что нужно стране. В ближайшие годы возможно поднять ежегодные выпуски новых учителей до 15.000 человек. Это — предел, дальше которого мы не сможем пойти, так как у нас слишком мало педагогических сил, пригодных для подготовки нового учительства.

При таких условиях осуществление идеи всеобщего обучения, хотя бы только для детей школьного возраста, отодвигается на очень отдаленный срок. Если таким темпом пойдет подготовка учителей и дальше, то все дети школьного возраста попадут в школу лет через 10—12, не ранее. Но такое положение будет позором для советской России. Советская власть обязана исчерпать все средства, чтобы на протяжении ближайших 5—6 лет принять в школы всех детей школьного возраста.

Что же для этого нужно сделать? Откуда же взять новых школьных работников?

В военное время, когда не хватало кадровых офицеров, на скорую руку готовили зауряд-прапорщиков, на которых фактически и держалось военное дело.

Советская власть должна объявить непримиримую войну невежеству и темноте народных масс. В этой войне все средства будут хороши, раз они поведут темную массу к свету знания. Но для того, чтобы в этой войне фронт был сплошным, придется к кадровому, квалифицированному учительству придать еще и зауряд-учителей.

Пусть все Отделы народного образования — губернские, городские и уездные—обратятся к местной рабочей и крестьянской демократии с призывом мобилизировать на борьбу с народной тьмой лучших своих представителей. Ведь устраиваются же мобилизации по борьбе с голодом, с расстройством транспорта. Ведь идут же люди добровольно на войну с Колчаком, с Деникиным и др. Неужели пролетариат и крестьянство не дадут достойных представителей для крестового похода против кромешной тьмы народной?

Вскоре после октябрьского переворота В. И. Ленин, обращаясь к рабочим, говорил: „Рабочие, учитесь управлять государством. Иначе, саботажники и враги советской власти погубят все завоевания революции". Слова В. И. Ленина оказались пророчески справедливыми, особенно в сфере просвещения. Здесь саботаж и враждебное отношение к советской власти не изжиты и по сие время. И поэтому вполне уместно обратиться к трудовой демократии с призывом: „Рабочие и крестьяне, учитесь просвещать своих детей, не рассчитывайте на интеллигенцию из чуждых вам социальных групп, а усиленно создавайте свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию, которая крепко возьмет в свои руки народное просвещение и поднимет его на должную высоту".

Скажут, что пролетариат и крестьянство не в силах выделить из своей среды готовых сил на великое и ответственное дело просвещения. Это верно. Но в этом никакой беды нет. Лишь бы нашлись охотники, готовые всеми своими помыслами служить делу просвещения, а остальное—приложится.

Вопрос — как приложится? — решается чисто практически. Всех рабочих и крестьян, искренно и честно желающих отдать себя просветительной работе, следует поместить непосредственно на живое дело, т. е. откомандировать в школы 1-ой ступени, в дошкольные и внешкольные учреждения. И пусть они там, в самой гуще жизни, учатся приемам и технике просветительной работы. Сначала они будут изучать методы работы на глаз и на слух, а потом их осмыслят и сумеют приложить их на практике.

Сначала они будут пассивными зрителями, а потом понемногу сделаются помощниками школьных работников, и, наконец, придет время, когда они вступят на путь ответственной самостоятельной работы.

В короткой заметке немыслимо перечислить все разнородные пути и великие возможности такой чисто практической подготовки учителей. Все зависит от энергии и понимания задачи теми, кто возьмется за ее выполнение. Однако ряд беглых руководящих указаний можно сделать даже и в настоящей заметке.

Прежде всего для практики в просветительном деле должны отбираться люди абсолютно честные и совершенно не запятнанные в общественно-нравственном отношении, искренно преданные интересам трудовой демократии и дающие себе ясный отчет в том, на какое важное и великое служение они идут. Помещать их на практику следует в лучшие школы,

к лучшим учителям,—наиболее опытным и идейным. Время от времени практиканты данного города, местности, округа собираются на беседы, в которых принимают участие и учителя тех школ, в которых они начали свою практику. К руководству работами практикантов следует привлечь также и те педагогические силы, которые заняты длительной и углубленной подготовкой учителей. В промежутки между практическими работами, по мере возможности, с практикантами ведутся занятия образовательного характера, но преимущественно на основе самодеятельности практикантов.

Участие практикантов в школьной жизни и в ее трудовых процессах, а также практическое знакомство их с политической, хозяйственно-экономической жизнью безусловно обязательны.

Занятия практикантов по подготовке к самостоятельной школьной работе должны продолжаться не менее 2-х лет, в течение которых государство обязано обеспечить им прожиточный минимум.

Степень подготовленности практикантов к ответственной самостоятельной работе определяется товарищеским коллективом при участии учителей тех школ, где они практиковались, и тех лиц, под руководством которых они учились практике просветительного дела.

Дальнейшее совершенствование практикантов должно происходить на разнообразных краткосрочных педагогических курсах и, где возможно, в командировках в центры, более же всего—в их коллективной работе на педагогических конференциях.

Если наша идея жизненна и за ее исполнение возьмутся люди, преданные делу просвещения, любящие и понимающие его, то лет через 5—6 советская Россия доведет численный состав школьных работников 1-ой ступени до того минимума, который необходим для всеобщего обучения детей школьного возраста.

Тогда за дверями школы не останется ни одного ребенка. И только тогда можно будет серьезно говорить о приступе к полной ликвидации безграмотности в стране.

Кир. Лезин.

II. Специальный отдел.

Задачи подотдела физической культуры.

(Доклад подотдела физ. культуры шк.-сан. Отдела Н. К. Здрав. на I Всероссийском съезде по школьной санитарии).

Задача оздоровления населения едва ли не важнейшая задача республики.

В здоровом населении залог прогресса. В здоровом теле здоровый дух. От целостной личности, гармонически развитой, можно ожидать и максимум проявления свойств человеческой натуры, всестороннего проявления ее на общее благо.

Как же добиться создания этой гармонической личности, создания целостного человека?

Казалось бы, медицина со своим научным багажом для исправления недочетов в человеческом организме могла следить за восстановлением его к норме, restitutio ad integrum, за его усовершенствованием.

Врачевание зародилось с первыми страданиями человечества. Освободиться от страданий—вот что было главным стимулом, тем двигателем, который заставлял его отыскивать способы и орудия помочь организму в его самоизлечивающей способности. История медицины показывает, что человечеству приходится убеждаться, что многочисленные болезни, с которыми ему приходится познакомиться, не излечиваются. Невероятные усилия в отыскании способов и средств при попытках стать здоровым показывают, что не здесь разрешение вопроса оздоровления.

Если не удалось добиться многих и прекрасных орудий в борьбе с недугами, если в стремлении к здоровью и довелось познакомиться со средствами, являющимися благодеянием человечества, то все же эти попытки—паллиативы, ими достигается лишь успех для данного индивидуума. Данный страдалец освобождается от недуга и становится здоровым. Спрашивается, можно ли такими путями добиться оздоровления всего населения. Излечившийся от недуга, ослабевший в борьбе со страданиями, даст больное поколение. И это больное поколение повторит нам историю прошлого, а к этому прибавим старый общественный строй, бедноту масс, хроническое недоедание, ненормально тяжелые условия труда, неправильное воспитание нового поколения. Все это ослабляло организм, ослабляло человечество, и ясно, что новое поколение не могло быть здоровее старого. Человечество мало-по-малу вырождалось. Новые социальные условия, новые условия труда, безбедное существование, широкие санитарные условия, новые условия труда, широкие санитарно-гигиенические мероприятия, новое воспитание—здоровое воспитание молодого подрастающего поколения, в духе культа тела и духа, в духе гармонического их развития, проводимое широко на ряду с широкой культурно-просветительной деятельностью, разъясняющей задачи оздоровления,—вот пути, вот этапы для разрешения вопроса нового здорового поколения. И на первом месте проведения с раннего детства физиче-

занное школой, но это и понятно, так как дети в течение 3—4 лет до этого систематически воспитывались в буржуазных понятиях, усвояли буржуазные идеалы.

Отдел художественный занимает в детских журналах значительное место. Некоторые журналы выдвигают рисунок на первый план, отводя рассказам, стихам второстепенное место, как комментарию к рисункам. Другие чередуют литературу с рисунком. И только один детский журнал (Нестеровской школы) является бедным рисунками.

Исполнены рисунки чаще цветными карандашами, иногда простым графитом, изредка чернилами. Темой рисунков являются цветы, деревья, животные, часто рисунки иллюстрируют рассказ, стихотворение, сказку.

Достоинство рисунков неодинаковое. В большинстве случаев они слабы, но даже и тогда нельзя не видеть в них интереса и известной ценности, так как отдельные штрихи все же свидетельствуют и о наблюдательности детской, и о способности детей метко передать в образе, в рисунке характерную черточку изображаемого лица, явления. Есть, однако, рисунки, не оставляющие требовать ничего лучшего от детского карандаша. Таков, напр., „Детский Мирок", журнал Спасоугольской деревенской школы: журнал является альбомом рисунков, выполненных с большой любовью, тщательностью, а вместе с тем со вкусом и с уменьем. Интересна также по своим рисункам „Ясная Звездочка", издание Чебсарской школы. Заглавный рисунок, изображающий „Ночь в парке", хотя и является подражанием, но отмечен печатью несомненной художественной чуткости и вкуса.

Недурны также наброски простым карандашом в журнале „Забава". Наброски сделаны самыми небрежными штрихами; это не рисунок, а будто шутка или проба карандаша. И между тем, всматриваясь в рисунок, вы видите, что при всей общей небрежности рисунка в нем имеются такие характерные черточки, которые схватывают и передают самые существенные особенности изображаемого лица, предмета, явления.

Таковы „детские журналы", дошедшие к нам из далекого Вологодского края.

Мне могут возразить:

Ну, что же отсюда следует? Где же тут детское творчество? И что в таком творчестве ценного, когда слабость детских работ очевидна? Чему же тут подражать?

Не буду спорить с теми, кто так сурово оценивает детские дневники и журналы. Допустим на минуту, будто и впрямь приведенные детские опыты ничего не стоят. Я напомню, однако, первые уроки письма в школе, когда дети нетвердой и неумелой рукой силятся изобразить букву, слово и пишут только жалкие каракули. Это не мешает им впоследствии настолько овладеть искусством письма, что их возмужалая каллиграфия по сравнению с первыми опытами письма является истинно чудесной.

Я напомню также те усилия, с которыми ребенок выговаривает первые слова, те уродливые искажения, каким слово подвергается в его первой речи. Это также не мешает тому, что впоследствии тот же ребенок, сделавшийся взрослым, доводит свою речь до изумительной звучности, красоты и совершенства.

Вот единственная разумная точка зрения, с которой должна производиться расценка детских трудов. На детские журналы и дневники надо смотреть, как на первые опыты детского творчества. Если эти опыты слабы, то это и естественно. Так и должно быть. Но за первыми слабыми опытами последуют вторые, третьи, десятые опыты, которые будут все лучше, удачнее. И в этих опытах будет развиваться не одна техника ребенка, его слова, его рисунка, вместе с тем постепенно будет развиваться и способность художественного восприятия, художественная передача впечатлений.

Сомневаться в таком значении детских опытов может только тот, кто привык думать, будто творчество есть дар „божьей милости", что это свойство только людей, отмеченных особой печатью, что без такой печати нельзя приобщиться к истинному творчеству и, наоборот, что для отмеченного „божьей печатью" не нужно ни школы, ни упражнения, ни опыта, что его творческая способность проявится сама собою, как плод находящего свыше, „святого вдохновенья". Но это одно из крупных старых заблуждений. Теория божественного озарения творческого духа есть теория буржуазного, оторванного от труда творчества,—такого творчества, которое даже тогда, когда оно блестяще, как месяц светит, но не греет. Такая теория сложилась и могла существовать только в буржуазном обществе, где творческим считается только труд поэта и художника, где поэты и художники выходили из кругов обеспеченных, нетрудовых, и потому могли воображать себя людьми особой породы, созданными будто бы „для сладких звуков и молитв".

Этой теории буржуазного творчества мы должны противопоставить теорию творчества трудового,—творчества, начинающегося в труде, насыщенного трудом и зреющего в труде. Только труд есть истинный источник творчества, и только в труде возникает творчество. В труде и из труда родилось слово, речь человеческая, песня; трудом создалась письменность, первые начатки и проявления всякого искусства; трудом создавались и создаются все жизненные ценности, вся жизнь человека. И потому-то, как только жизнь отрывается от труда, она неизбежно делается „пустой и глупой шуткой"; точно так же искусство, отрываясь от трудовой основы, делается экзотическим, теряет свою живую натуральную окраску, как растение, пересаженное в чуждую ему почву, и превращается то в псевдо-классическую напыщенность и ходульность, то в декадентское манерничанье, то в уродливую футуристическую гримасу.

Итак, не надо бояться ни слабости первых детских опытов словесного и художественного творчества, ни труда, с которым соединяются они. Этот труд, как выявления личного творчества, доставляет детям величайшее удовлетворение и радость. Не даром одна девочка трогательно пишет:

Я субботы дожидаю
И журнал свой получаю.
И когда я прочитаю,
Все об нем тогда мечтаю.

(*„Детский Мирок"*).

Надо только связать эти детские опыты с трудовым началом, напитать их трудовыми впечатлениями, осветить разумным трудовым миросозерцанием,— и тогда детское творчество получит ту благодатную почву, которая таит в себе неисчерпаемый источник непосредственных реальных впечатлений, живых стимулов, творческих настроений и в которой детское творчество раскроется прекрасным душистым цветком.

И. Ломакин.

Два мировоззрения.

Московский математический кружок отозвался на „Проект примерного плана занятий по математике", составленный естественно-математической комиссией при Отделе реформы школы. Это—первый отзыв старого кружка педагогов на реформу школы, проводимую советской властью вместе с передовым учительством советской России. Поэтому резолюция Московского математического кружка получает сугубый интерес, тем более, что вынесенная по частному вопросу—о плане занятий по математике—она затрагивает основные принципы реформы школы. Интересна она также благодаря исчерпывающей ясности, строгой логичности построения, подобающей математикам.

Московский математический кружок в основу своей оценки проекта кладет три условия, соблюдение которых необходимо, по мнению кружка, для успешности реформы преподавания. Этими условиями должны быть:

1) отсутствие предпосылок, неприемлемых для большинства преподавателей, которым придется проводить реформу в жизнь;

2) недопущение таких принципов преподавания, которые могут привести к устранению из школы преподаваемой науки;

3) отсутствие неопределенности в установлении целей преподавания, соответствующих природе преподаваемого предмета.

Этой недостаточной, но необходимой системой аксиом определяется все содержание резолюции. Конечно, без всякого труда резолюция обнаруживает ряд противоречий между аксиомами 1, 2 и 3 и критикуемым „проектом". Не нужно большой остроты логического анализа, чтобы обнаружить эти противоречия, по той простой причине, что в основу „плана занятий" (будем лучше говорить не „плана занятий", а школьной реформы, потому что речь идет, конечно, о самых общих принципах реформы школы), в основу школьной реформы положены диаметрально противоположные предпосылки. Я постараюсь столь же последовательно и кратко, как математический кружок, формулировать наши аксиомы, но сперва одно второстепенное замечание.— Аксиомы математического кружка не независимы: аксиома первая содержит в себе некоторый икс — „предпосылки, которые неприемлемы для большинства преподавателей",—значение которого раскрывается отчасти во второй и третьей аксиоме, главным образом во второй. Желая придать нашим предпосылкам характер совершенно аналогичный аксиомам математического кружка, чтобы облегчить их сопоставление, я вынужден точно так же формулировать их в виде не независимой системы. Вот они:

1) Отсутствие предпосылок, не соответствующих научным положениям, т. е. выводам революционного марксизма относительно развития идеологий.

2) Устранение из школы самодовлеющего изучения каких бы то ни было наук.

3) Отсутствие неопределенности в установлении роли образовательной работы в школьной жизни.

По необходимости условие 3) не выражает собой ничего положительного. В виду этого я тут же раскрою, какова должна быть роль образовательной работы в школьной жизни.

4) Образовательная работа в жизни школы служит рационализации школьного быта и целесообразной организации труда школьников.

Конечно, последние две аксиомы не исчерпывают всех предпосылок, а первая содержит в себе некоторую загадку— выводы революционного марксизма,—которую едва ли разгадают авторы резолюции. Поэтому я пополню нашу систему еще одной аксиомой — четвертой.

5) Школа в коммунистическом обществе есть организация жизни детей. Наши положения 2, 3 и 4 логически выводятся из 1-го. Вот этот вывод. Мы, марксисты, полагаем, что „наука есть организованный коллективно-трудовой опыт и орудие организации коллективного труда" (Богданов, „Методы труда и методы познания"). Это значит, во-первых, что наука организует в стройную систему сырой материал опыта, накопленный коллективом в процессе труда, и, во-вторых, служит дальнейшему повышению организованности общественного труда. Научные методы, т.-е. методы организации трудового опыта, вырабатываются в процессе трудовой практики. Поэтому мы полагаем, что задача пролетарской школы заключается в организации трудовой практики детей. Эта трудовая практика по мере выработки научных методов организуется в более совершенные, более целесообразные формы путем применения к ней научных методов. В этом мы видим сущность и смысл образовательной работы в трудовой школе. Поэтому мы говорим: образовательная работа в жизни школы служит рационализации школьного быта и целесообразной организации труда школьников. И чтобы не осталось никаких сомнений насчет характера образовательной работы, мы прибавляем:

самодовлеющее изучение каких бы то ни было наук вовсе изгоняется из школы.

Наши принципы, как видите, прямо противоположны принципам Моск. математического кружка. Реформировать-то реформируйте, но предметов не уничтожайте,—говорит резолюция. Вот этого-то мы и не хотим—оставить реформированные предметы. Наша задача—изгнать их совершенно. „Возможность, логически вытекающая из принятых проектом предпосылок,—говорит резолюция,—грозит школе устранением из нее математики как учебного предмета". Именно так: даже не грозит, а вынуждает устранить из школы математику как учебный предмет; и это не „возможность", а *необходимость*, логически вытекающая из принятых нами предпосылок. „Проект" прямо говорит: в школе „образовательная работа заключается не *в обучении*, а в решении проблем, выдвигаемых жизнью", и далее: „из факта существования настоящего плана не следует заключить, что в школе должен быть учебный предмет „математика". Смею уверить членов математического кружка, что это не опечатка и не какая-то сложная метафора, а вполне серьезное мнение авторов проекта, и не нужно было авторам резолюции самостоятельно делать не совсем точные логические выводы, которые в более определенной форме, совсем категорически, сделаны в самом „проекте".

Но, может быть, авторы резолюции хотели сказать, что школьная работа (подчеркиваем: *работа*, а не обучение) может иной раз обойтись и вовсе без математики, что „случайные" проблемы, выдвигаемые жизнью, не потребуют вовсе применения „математических методов". Если бы „случайная" необходимость есть и пить, получать продукты, приготовить обед, вести хозяйство и т. д., и т. д. могла быть рационально удовлетворена помимо математики, если бы члены математического кружка могли предложить другие, не математические, более простые и более целесообразные способы, как составить меню согласно нормам питания, как определить влияние того или иного удобрения на урожайность (если школьники „случайно" занимаются огородными полевыми работами), как распланировать огород или сад и т. д., и т. д., тогда, конечно, и речи бы не было о математике в школьной работе. Но, пока этого нет, увы, приходится говорить о математике.

Далее Моск. матем. кружок не усмотрел в проекте определенных целей преподавания математики. Это правда: в проекте цели преподавания нет... Едва ли стоит говорить, почему, тем более, что сами авторы резолюции почти поняли это. „После такого заявления, быть может, и нельзя предъявлять требования, чтобы цель обучения математике была определена", говорит резолюция. Конечно, нельзя. Раз нет обучения математике, нет, конечно, и особых целей ее преподавания, „соответствующих природе этого предмета". Но если так, то зачем может понадобиться математика в школьной работе? Математ. кружок и на этот вопрос нашел ответ. „Повидимому, цель занятий по математике „проект" полагает в выдвигаемых им приложениях математических методов к исследованию жизненных проблем". Почти правильно. Мы бы только сказали немного иначе: жизненные проблемы требуют приложения к ним математического метода.

Пока дело идет об анализе „проекта", дело обстоит сравнительно благополучно. Авторы резолюции выдвигают свои принципы, выявляют противоречащие им принципы „проекта", все это с почти безупречной логической последовательностью: чувствуется мастерская рука математика. Но дальше дело идет хуже.

Определив цель занятий математикой, выдвигаемую „проектом", авторы резолюции восклицают: „Но такая цель в правильном и серьезном понимании

оказалась бы настолько широкой, что была бы недостижимой в преподавании". Это, конечно, требует доказательства. Вот оно:

„Связь научного мышления с интересами жизни,—гласит резолюция,—захватывая все достижения культуры, настолько сложна, что не может быть положена непосредственно в основу преподавания науки в школе.

„Напротив, задача школы и состоит в подготовке соответствующих ассоциаций и синтеза конкретного с отвлеченным, необходимых для восприятия этой связи". Сознание определяется бытием, полагаем мы, марксисты. Для нас поэтому очень понятно сознание членов математического кружка, людей, замкнутых в рамках самодовлеющего научного мышления, строящих отвлеченные схемы в уединении своих кабинетов. Нам понятно, что для людей такого бытия связь науки с жизнью рисуется весьма и весьма туманно, как сложнейшая проблема, как „синтез конкретного с отвлеченным". Но трудно было предвидеть, что московские математики в XX веке так мало испытали на себе влияние даже родственных им по своему положению групп технической интеллигенции.

Послушать московских математиков,—окажется, что наука предшествует практике, отвлеченное независимо от конкретного, и только вторичным моментом является их синтез. „Сырой материал, где возможно применение математических методов исследования,—говорит резолюция,—для школы должно схематизировать, чтобы выдвинуть математические контуры, а такая схематизация, для которой необходима высокая степень математического развития, не может быть достигнута самодеятельностью учащихся". Бедное человечество не знало, что для схематизации сырого материала, который ему приходилось преобразовывать в своей трудовой практике, необходимо высокое математическое развитие, и грешным делом шло обратным путем от схематизации, очень неполной и несовершенной, облегающей трудовую практику, к более совершенной схематизации, приближаясь таким путем к „высокому математическому развитию". Экспериментальная педагогика говорит, что путь развития мышления ребенка повторяет в этом отношении путь развития мышления человечества. Поэтому смеем полагать, что тот путь, который предлагает Московский математический кружок, противоречит данным современной науки.

Нам остается рассмотреть два последних возражения резолюции. Возражение номер первый гласит:

„Введение новых идей из области разнообразных приложений в план занятий учащих (?) предполагает наличность универсальных сведений у преподавателя, которых немыслимо требовать у каждого руководителя первой ступени, если понимать серьезно такое требование, да и подготовить новые кадры таких энциклопедистов едва ли возможно".

Конечно, руководители первой ступени, прошедшие школу педагогов математического кружка, совсем не подготовлены к новому строю школы; и не в том беда, что эти руководители недостаточно знакомы с новыми идеями из области разнообразных приложений науки, а в том, что они вовсе не умеют отказаться от *преподавания*,—безразлично, с приложениями или без таковых — и заняться организацией жизни детей, повышая уровень их практической деятельности путем приложения к ней научных методов. Поэтому задача создания кадра новых педагогов заключается не в подготовке „энциклопедистов", как думают авторы резолюции, а в привлечении педагогов к практической работе в различных областях строительства жизни,—в санитарном деле, в сельско-хозяйственных работах и в различных других отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности и общественной деятельности. А кто будет преподавать математику, кто физику, кто ботанику? Никто. Ведь мы условились, что преподавание предметов не должно найти себе места в школе. Каждый педагог-работник будет применять математику, физику, биологию и т. д. там и постольку,

где и поскольку целесообразная постановка дела этого потребует. И только. А что касается современных педагогов, которым приходится строить школу сейчас, то им придется, конечно, многому переучиваться. Многое пойдет не так, как следует, многое будет уродливо, неудачно на первых порах. Но самый процесс организации трудовой школы будет для них лучшей подготовкой к ней: это будет их трудовая школа.

Второе возражение: „Проект развивает такую программу, которая при неоднородности своих частей, взятых из различных областей математического знания, включая вопросы неодинаковой ценности и доступности для понимания, требует от учеников непосильного для их возраста напряжения мысли". Что вопросы, затронутые въ проекте, не одинаковы по своей ценности для членов математического кружка,—нас не удивляет и не печалит. Но что они требуют от учеников непосильного напряжения мысли,—это, простите, не то. Наука, которая призвана помочь организовать жизнь наиболее целесообразно, преобразуется в старой школе в „учебный предмет", который бывает сам по себе то труден, то легок, но от которого ничто не делается легче, ничто не делается лучше, который ничему не служит и который поэтому чужд и не нужен ребенку. В старой школе обучение есть преодоление некоторой трудности, подъем в гору к вершинам предсказанной педагогами школьной премудрости, а не радостный спуск от проблем, которые бывают трудны, но которые выдвигает сама жизнь, к решению их, которое облегчает жизнь. Это, пожалуй, самый большой парадокс старой школы. Отсюда та вывихнутая точка зрения, на которой, повидимому, стоят члены математического кружка, которым кажется, что наука развивается сама по себе, сама из себя, дабы затем отчасти и между прочим прийти на помощь бедной практике в так называемых приложениях. В трудовой школе наука должна служить жизни, в каждый данный момент облегчать ее, делать более целесообразной и разумно организованной. Поэтому трудная наука есть нечто противоречащее сущности науки и сущности трудовой школы. Никакая наука не трудна и не легка. Наука всегда есть *облегчающая* наука.

Но, быть может, те проблемы, которые примерно указаны в проекте, неразрешимы для детей в возрасте до 14 лет?

Трудно спорить по существу против такого предположения, пока нет практики трудовой школы [1]). Но конечно, если подходить к решению этим проблем с схоластическими методами традиционной педагогики математики, танцующей от Эвклида, то можно a priori быть уверенным в их абсолютной недоступности не только для детей первой ступени, но, пожалуй, и для подростков второй. Нам однако кажется, что работы Лезана и Пери отчасти пробили брешь в старых традициях,—брешь, которая будет расширяться и дальше, прокладывая царскую дорогу или, правильнее говоря, демократическую дорогу для широких масс к овладению наиболее продуктивными научными методами.

На этом можно покончить анализ резолюции Московского математического кружка.

На грани настоящего столкнулись два мировоззрения: мировоззрение умирающего прошлого и нарождающегося будущего. Между ними не мелкие разногласия в деталях педагогической работы, но коренное расхождение по самым основным не только педагогическим принципам, но и наиболее общим научным предпосылкам. Одно—мировоззрение оторванного от производства класса, другое—мировоззрение класса революционного, преобразующего мир. Для одних наука служит целям неопределимого „познания мира", другие ви-

---

[1]) Поэтому „проект" отнюдь не настаивает на объеме выдвигаемых им вопросов.

Следует заметить, что „проект" лег в основу брошюры „Математика в школьной работе на первой ступени", в которой авторы брошюры, они же авторы „проекта", на ряду с углублением основных принципов, о которых мы говорили выше, несколько сократили самый объем „проекта" в смысле устранения из него некоторых второстепенных и сравнительно сложных вопросов.

дят в ней могучее орудие преобразования его. Одни пытаются в школе предварительно организовать психику, подготовить ряд ассоциаций для будущей жизни и работы; другие говорят, что впереди организуемого школой сознания должно быть поставлено бытие организованного труда [1]), потому что бытие определяет сознание, а не наоборот. В настоящей статье не место развернуть во всю ширь спор об основных предпосылках наших противников. Мы подождем, пока они сформулируют систему своих аксиом. В этой статье мне хотелось только указать на ту пропасть, которая нас разделяет. Это было не трудно. На этом я и покончу.

О. Вольберг.

Социально-историческая мозаика.

1. Социальный вопрос.

Наша школа переехала на лето в роскошную дачу-особняк. Дети спросили, кто был прежний владелец. „Догадайтесь, как он разбогател". Были перебраны чуть ли не все причины, при чем честный труд был единогласно отвергнут: „с него не разбогатеешь". Мой ответ: „Водочник", все же вызвал взрыв возмущения: „Ишь, спаивал народ, от того и разбогател". Одна девочка стала рассказывать старую историю о папаньке: „Все пропивал, дрался, теперь, слава Богу".—„Не везде", ответил я и прочитал газетную заметку о пьянстве в оккупированных местах.

2. Пьеса „История русского крестьянина".

Драматизация начинает входить в обиход школы, но часто драматическое творчество детей тратится на сказки и пустячки. А разве не поучительна и не драматична история русского „Ивана"? Сначала—смерд, попадающий в наймиты и холопы. Затем—закрепощенный „беглец". Потом—спаиваемый и законом и кулаком запутываемый „вольный". Наконец—революционер. Вот материал для четырех „актов" этой драматической истории, которая так и просится в инсценировку. Педагогическая ценность и легкость ее очевидны.

3. Первая критика.

Однажды я, рассказывая подросткам о Реформации, долго остановился на защите католицизмом латинской Библии. „Да ведь ее не понимали". — „Мне кажется, что поэтому и защищали: а то будешь понимать,—не станешь верить". Подростки запротестовали. В ответ я предложил прочитать описание воскресения Христа по четырем Евангелиям. Больше ничего не было нужно, но подростки еще очень долго уже сами читали Библию с увлечением по-русски и критически, как и подобает реформаторам. И соответствующий вывод был сделан ими же самими: „У нас тоже читают по-славянски,—теперь мы знаем, зачем".

4. Мнимо-аполитичный учитель.

О, он не политик: в 1919 г. он изучал законы России по „старым учебникам". Он не касается новых тем: это — „политика". Но разве воспитывать детей слепыми по отношению к окружающей социальной действительности не политика? Нет большего политика, как наш политически невинный учитель, держащий и сейчас детей под гнетом гипноза старого времени. Его политика — политика того момента, на котором он, „боясь политики", застыл.

Н. Балин.

[1]) См. ст. Л. Шапиро: „Вопросы школы в программе партии коммунистов". „Народное Просвещение", Еженедельник № 29.

III. Библиография.

1. ТРУДОВАЯ ШКОЛА.

П. П. Блонский: „Трудовая школа". Часть I. Изд. Нар. Ком. Просв. Москва. 1919 г. 114 стр. 3 р. 50 к.

Русский книжный рынок в отношении литературы по трудовой школе находится в весьма неблагоприятном отношении.

Во-первых, оригинальных книг по трудовой школе у нас очень мало, а, во-вторых, большинство книг по данному вопросу, обращающихся на рынке, неудовлетворительны. Неудовлетворительность эта заключается в том, что, с одной стороны, авторы их не особенно ясно представляют сами, что такое трудовая школа, почему суждения их о трудовой школе и страдают чрезмерной общностью, полны неопределенностью и совершенно не могут удовлетворить запросов практических работников; с другой стороны, большинство авторов имеет в виду исключительно материалы, относящиеся к описанию школ, созданных в неподходящих для нас условиях, в условиях Западной Европы или Америки; наконец, обычно имеется в виду школа, созданная исключительными педагогическими талантами. Эти описания также мало дают рядовому работнику по той причине, что то, что удается большому таланту, часто совершенно недоступно и не удается рядовому работнику. Наконец, переводная западноевропейская и американская литература всегда несвободна от целого потока буржуазных идей, которых, в большей или меньшей мере, конечно, не чужды и выдающиеся педагоги буржуазного общества, почему этим новаторам и не удается (да они к этому и не находят надобности стремиться) трактовать школу, как элемент и средство социалистического творчества. По всем этим причинам появление новой оригинальной книги по трудовой школе русского автора, притом автора-социалиста, представляет незаурядное событие на нашем книжном рынке. И действительно, новая книга П. П. Блонского представляет ценный вклад в литературу по трудовой школе.

Это у нас первая книга с конкретным материалом о трудовой школе, какой она может мыслиться и создаваться в обычных условиях нашей русской действительности,—с нашими городскими и деревенскими детьми, с нашим учителем, с нашими естественно-историческими условиями и той политической средой, которая дает возможность широко развернуть школьно-педагогическое творчество, избавляя его от необходимости считаться с буржуазными переживаниями и предрассудками.

В книге определенно отражено влияние Фребеля, Песталоцци, К. Маркса, Дьюи и Шаррельмана, но не в этом достоинство книги; главная ее ценность заключается в том, что в книге, как это указывает и сам автор, отразилась живая работа мысли и тех многочисленных деятелей, которые сейчас в своей творческой работе пытаются создать новую школу. „Эту книгу, — говорит П. П. Блонский,—родили вопросы провинциальных деятелей просвещения и массовые педагогические собрания".

В этом, по нашему мнению, самая важная причина того успеха, который встретила книга в среде практических рядовых работников.

В ней каждый практический работник найдет обоснованные и часто чрезвычайно находчивые и остроумные ответы на свои вопросы в строительстве новой школы. Автор весьма обстоятельно отвечает на вопрос, что такое трудовая школа, с каким материалом в отношении трудовых процессов она должна и имеет возможность оперировать, с какими приемами и какими подходами надо начинать новую школу, и т. д., и т. д.

Мы горячо рекомендуем книгу всем интересующимся вопросами новой школы. Иногда не соглашаясь с некоторыми мыслями автора, как практическими директивами (автор подчеркивает в предисловии известную спешность работы, вызванную неотложными запросами жизни), читатель в критике положений автора будет находить ответы, с чего же ему начинать, что надо делать и в какой постепенности.

И. Гудзь.

Р. Ридер. Трудовое воспитание. (Как живут и учатся двести детей-сирот). Изд. „Библиотеки свободного воспитания и образования и трудовой школы" Горбунова-Посадова. Москва. 1918 г. 2 р. 50 к.

Один великий принцип воспитания занимает у Ридера центральное место: „необходимость надлежащей мотивации", называет он его, „или, выражаясь иначе, необходимость достаточного стимула, достаточно сильного побуждения". Создать надлежащие стимулы—вот главная задача при воспитании детей.

Чрезвычайно любопытно увидеть из очерка те стимулы, какими пользуется Ридер для достижения тех или иных воспитательных целей. Наиболее часто он пользуется вкусовым стимулом. „Вкусо-

вой стимул может заставить действовать весьма показным образом — также в связи с рядом других занятий вне стен дома", говорит Ридер. „Радость, испытываемая ребенком, когда он превращает часть своего урожая в деньги, а потом покупает на часть этих денег апельсин, леденец или содовую лепешку, есть здоровый признак вкусового стимула". Не менее часто пользуется Ридер и другим стимулом, стимулом „материального интереса". Это видно из чрезвычайно развитого в приюте денежного обращения. Ридер придает этому „экономическому воспитанию" большое значение. Он говорит: „экономическое воспитание", которое мы даем мальчикам и девочкам в нашем приюте, включает 3 фактора: 1) как зарабатывать деньги, 2) как сберегать деньги, 3) как тратить деньги. Работа за деньги в самом приюте и местная сберегательная касса содействуют первым двум целям. В соответствии с размерами заработка установлен список вещей, которые дети должны покупать на собственные деньги, больше того—„денежная ответственность может быть отлично использована как средство наказания, а также как средство нравственного контроля над собой". „В нашем приюте, — говорит Ридер,—мы ведем запись всех налагаемых штрафов, и они не вычеркиваются, пока не будут уплачены". Чтобы правильно оценивать этот факт, достаточно вспомнить, что Ридер признает еще только одну форму наказания—„временное лишение чего-нибудь, и это наказание,—говорит он,—применяется у нас часто". Положительную сторону материального интереса он видит еще в том, что „интерес к заработку не только заполняет полезным трудом значительную часть их свободного времени, которое иначе было бы проведено в шалостях или в сытном безделье, но развивает также личную инициативу и самодисциплину и таким образом способствует нравственному воспитанию и образованию характера". Развитию чувства чести, ответственности, социального чувства Ридер придает большое значение. „Среди детей, как и среди взрослых, могучим фактором является также общественное чувство", говорит Ридер, но „из всех действующих сил, которые создают или портят будущность ребенка, личность тех, с кем они приходят в тесное соприкосновение, значительно перевешивает все остальные влияния".

Но как же живут и учатся эти 200 детей-сирот? Живут они в маленьких домиках, коттеджах, по 20—25 человек. Приют находится вне города, так как, „чтобы ребенок рос и развивался нормально, ему нужна обстановка, которая сама меняется и растет. Такую обстановку дает только природа". Дети, живущие в приюте, принимают участие в самообслуживании: девочки учатся штопать, чинить, шить белье, ходить за птицей, разводить цветы и овощи, заботиться о младших детях. Но они только помогают: в каждом коттедже помещаются одна „мамаша" и одна прислуга,—за исключением коттеджа старших девочек, которые исполняют всю работу по дому.

Что можно сказать о книге Ридера? Нас она не удовлетворяет. Слишком много в приюте прошлого, слишком далеко зашло приспособление к старой жизни. Из этого приюта не выйдут борцы за лучшее будущее. Мало в нем искания нового, не бьется мысль, не пытается воля творить новых форм жизни, искать неотысканное, думать недодуманное. Слишком много мещанского довольства и сытости, нет ни порывов, ни дерзаний, ни упорной решимости найти, наконец, идеальную форму общежития. Эти вопросы далеки от приюта и от мысли Ридера. А между тем эти вопросы— вопросы юности красивой и дерзающей. И когда же, как не в это время, надо запасаться бодростью духа, верой в лучшее будущее, силой воли для борьбы за него?.. А между тем в приюте Ридера нет данных для этого. Не для будущего, а для прошлого воспитываются в нем дети.

В. Шульгин.

М. М. Штейнгауз. Летние детские колонии. Изд. Общества охранения здоровья еврейского населения. Петр. 1918 г. 191 стр. С рис. 8 р. 40 к.

„Необходимость совместного опыта, совместной работы и взаимного осведомления никогда еще не ощущалась так, как теперь,—в эпоху исканий новых путей и методов в педагогике".

Так начинает автор свое предисловие и, основываясь на этой верной и живой мысли, дает ряд очерков из жизни летних колоний для детей, пользуясь записями, дневниками, отчетами и т. п. материалом различных организаций (главным образом колоний, устраиваемых Обществом охранения здоровья еврейского населения). К этому „опытному" материалу приложен и научный,—в форме мотивированных указаний педагогов и врачей-специалистов.

Нужны ли такие книги? На этот вопрос, мне кажется, не может быть двух ответов. Опыт наш главный учитель вообще, а в педагогике—в особенности, так как здесь вся работа должна основываться на тщательном и умелом наблюдении и изучении как природы ребенка во всем его целом, так и тех влияний на физическое и интеллектуальное развитие его, которое является результатом тех или иных условий его жизни, тех или иных методов и приемов воспитания.

Вот здесь-то и нужна та „взаимопомощь", о которой говорит автор.

Если бы практики-педагоги чаще и больше делились своим опытом в деле воспитания, своими наблюдениями над результатами работы, своими успехами и ошибками,—особенно ошибками,—они могли бы дать много ценного для развития педагогических знаний.

Что же дает книга М. М. Штейнгауза? В виду большой важности книги приведем полностью ее содержание. Оно таково:

1. *Значение колоний.*
2. *Жизнь в колонии.*

Первые дни. Распределение домашних работ. Дежурства. Порядок дня.

Знакомство с природой. Занятия в огороде и в саду. Ручной труд, игры, пение. Детские праздники. Драматизация. Юные сочинители и поэты.

Детские собрания и суд. Религиозное настроение детей.

3. *Медицинское обследование детей и результаты его.*
4. *Питание детей.*
5. *Возникновение и развитие летних колоний.* (Краткий обзор). Колонии в Западной Европе и в Соединенных Штатах. Колонии в России. Колонии, организованные Обществом охранения здоровья еврейского населения и при содействии его.
6. *Устроителям летних колоний.* (*Инструкция*).
7. *Совещание сотрудников-колонистов в 1916 г.*
8. *Курсы для подготовки руководительниц площадками и колониями, устроенные в 1917 г.*

Главы: „Медицинское обследование детей", „Питание" и „Возникновение и развитие летних колоний"—дают чисто фактический материал и с этой стороны очень ценны для практических работников по колониям.

„Инструкция" разработана чрезвычайно тщательно и подробно; решительно ни один из практических вопросов не оставлен без внимания: состояние помещения, полное оборудование его на 50 детей, аптечка, советы врачебно-санитарного характера (уборные, помойные ямы, смена белья и стирка его, купанье и послеобеденный отдых, стрижка волос и пр.); даются указания, как вести отчетность, какие сведения давать о колонии; даются и мотивированные советы относительно обязанностей сотрудников, участия детей в устройстве и общем ведении хозяйства. Много говорится о режиме в колонии, о характере занятий, игр, прогулок и экскурсий; не забыты и детские праздники, и значение общения с семьей и пр., и пр.,—одним словом, инструкция охватывает все стороны детской жизни в колонии, ставя основной ее целью—„поднятие жизненных сил ребенка" и содействие развитию в нем „бодрости, жизнерадостности и жизнеспособности".

Чтобы дать читателю представление о характере „советов", приведу здесь некоторые.

„Соединение детей дошкольного возраста со школьниками в многолюдных колониях создает большие затруднения в воспитательном отношении. *Как тот, так и другой возраст требуют внимательного отношения* к своим нуждам и особенностям. А так как нужды и особенности эти разные, то и удовлетворить их одновременно трудно".

„Познакомив детей со всем помещением и всеми службами и заинтересовав их всем виденным, руководитель предлагает *сообща обсудить новый строй их будущей жизни.* Сообща намечают места в дортуарах, обсуждают предстоящую большую и разнообразную работу, распределяют ее между собой на ближайшие дни и т. д. Важно в первый же день пробудить в детях сознание, *что они хозяева* и что это положение дает им известные права, но и налагает определенные обязанности. „Занятия должны быть так обставлены, чтобы заинтересовать детей явлениями природы, приблизить к самой природе; мир чудес откроется им постепенно, не надо для этого сообщать им целый ряд отвлеченных сведений, надо лишь дать возможность проявиться их любознательности, пробудить их внимание". „Знания не должны затмить понимания красоты природы. И в этом отношении придется только руководить, прислушиваясь к непосредственному чувству детей. Это чувство красоты можно воспитать и вырастить. Нужно лишь, чтобы оно жило в нас самих, взрослых" (стр. 172). „Определенной, строго преследуемой *программы занятий* в колонии не может быть. Руководитель должен обладать известным запасом знаний (особенно в области природоведения) и уменьем черпать из этого запаса во всякий нужный момент. Любознательность детей легко пробуждается окружающими их новыми явлениями природы. Этим надо пользоваться, *направлять их интерес к самостоятельному мышлению, исканию и экспериментированию*" (стр. 181).

„Совещания сотрудников колоний в 1916 г. дают также немало интересного материала для руководителей. Обсуждались следующие вопросы:

1. *Прием детей.* (Состав, число, продолжительность пребывания в колонии).
2. *Оборудование колонии и заготовка припасов.*
3. *Медико-санитарный надзор.*
4. *Гигиена и физическое воспитание.*
5. *Питание детей.*
6. *Внутренняя жизнь колонии.* (Трудовой принцип и самодеятельность детей. Порядок дня. Занятия, прогулки и экскурсии. Праздники. Посещения родителей и гостей).
7. *Содержание колонии.*
8. *Педагогический персонал.*

Очень интересен отчет о курсах для подготовки руководительниц площадками и колониями. Курсы были организованы Обществом охранения здоровья еврейского населения два года под ряд,—в 1916 г. в Екатеринославе и в 1917 г. повторные, (в Петрограде) исключительно для работников на площадках и в колониях. (О последних и дан отчет).

На курсы принимались слушатели Психо-неврологического института, курсов Лесгафта, Бестужевских, Фребелевских и др. курсов. В программу занятий входило: природоведение, огородничество и садоводство, игры, пение, рассказывание и ручной труд. Рассчитаны были курсы на два месяца, но по некоторым обстоятельствам были сокращены до 6 недель. Кроме лекций и практических занятий, на курсах происходили беседы по вопросу об организации колоний и площадок, давшие очень ценные выводы.

Самая интересная глава в книге—„Жизнь колонии", так как она вся построена на фактических данных,—на дневниках и записях руководительниц, искренно, тепло и правдиво описывающих свои переживания, свои наблюдения, достижения и ошибки. Эти отрывки из дневников дышат такой правдой, такой искренней любовью к детям, что читать их—истинное удовольствие.

Передавать содержание этой главы я не стану, ее надо прочесть, что, конечно, и сделают все, интересующиеся работой с детьми вообще и летними колониями для детей в частности. И не только эту главу,—прочтут и всю ценную и хорошую книжку М. М. Штейнгауза. Издана она очень хорошо. Изложение оживляют отчетливые фотографии с натуры.

М. Свентицкая.

Н. Филитис. Подвижные игры детских садов. Изд. „Практич. Знания". Москва. 1918 г. 70 стр. 3 руб.

Сборник игр для детских садов Филитиса является единственным руководством по играм, какое мы имеем в нашей литературе для дошкольного возраста, и, как такое „единственное" руководство, он получил большое распространение среди детских садовниц. Но разберем более детально его содержание.

В начале книги автор делает вступление, в котором говорит о значении игры в жизни ребенка. „Игра проходит красной нитью через всю жизнь детского сада, через все его занятия, как бы серьезны они ни казались". „Игра дает ребенку отдых, и в ней же он расходует избыток сил; в игре же он укрепляет и совершенствует приобретенные наследственные инстинкты, с помощью которых приспособляется к жизни". Из вышесказанного видно, что автор базируется на новейших теориях значения и происхождения игр. Мы ждем, что за этим последует разбор разных типов игр, указание, как они должны проводиться в детском саду, каким играм отвести преобладающее значение, какова роль руководимых игр и, в частности, подвижных и какое место в них принадлежит руководителю или руководительнице.

Но когда мы переходим к самому сборнику, то первое, что бросается нам в глаза, это—то, что сборник мало чем отличается от сборников игр для детей-школьников; мы видим описание игр, несколько более легких, чем в других сборниках,— и только. Как же должны руководители вести эти игры, как вводить ребенка в мир новых игр, еще ему неизвестных, какое место отводится в детском саду подвижным и вообще „руководимым" играм? Ответов на это сборник не дает. А между тем игра, руководимая взрослым, это—не та свободная, творческая игра, значение которой придают педагоги. Это—игра, в которой есть элемент принуждения, искусственности. Пусть подвижные игры развивают физическую силу и ловкость, сообразительность и находчивость. Но как сде-

лать, чтобы они самопроизвольно вошли в обиход жизни ребенка, чтобы это была действительно „игра", а не „урок игр"? И на это книга Филитиса не дает прямого ответа, а те косвенные ответы, которые мы находим в самом описании некоторых игр, нас не удовлетворяют. Так, на наш взгляд, слишком велика роль, отведенная руководительнице. Она ведет игру в „обезьянок", она снята во главе цепи в „золотых воротах", и везде чувствуется ее руководство. В правильно поставленном детском саду должна быть „атмосфера" игры. Дети играют все время, сами создают игры, и роль руководительницы—только натолкнуть детскую мысль на то или другое явление жизни, могущее претвориться в игре. Несомненно, детские „подражательные" игры, как проявление истинно детского творчества, должны быть вполне свободны. Некоторые дети, действительно, играют в путешествия, но пусть они играют в это сами, если у них есть соответственный запас наблюдений. Учить их этой игре не следует. Так же игра в лошадки: пары, тройки, метелица, пожарная команда, все это—игры подражательные. Их можно предложить детям, дать толчок их мысли в этом направлении, но учить ходить „как кучер", „как коренник", „как пристяжка"—в этом возрасте не требуется. Это будут выученные движения, а не бессознательное, но ценное выявление запаса накопленных наблюдений.

Но предположим, что руководитель ясно представляет себе свою работу по играм, знает точно, какое место отвести тем или иным подвижным играм, и нуждается только в материале. В сборнике такого рода необходима система, по которой можно было бы разобраться в играх, остановить свой выбор на той или иной. Но и этого сборник не дает. Например, нет указаний хотя бы на то, что игры: „пятнашки", „черный человек", „мужичок", „у медведя на бору", „кошка и мышка", „коршун и наседка"—являются разновидностью одной и той же игры, в которой обнаруживается древний охотничий инстинкт в виде элементов ловли и убегания. Разница в них чисто внешняя. Игры: „пустое место", „горелки", „золотые ворота"—добавляют еще некоторый ритуал, ограничительное правило, благодаря которому в игру вносится дисциплинирующий элемент.

Наиболее ценен в сборнике материал, трактующий о подготовке детей к партийным играм, так как в нем чувствуется постепенное усложнение характера игры. Жаль, что нет ссылки на возраст детей, для которого он применим.

Укажем на две игры, которые, по нашему мнению, совсем не пригодны для детского сада: „хромая лиса" и „попрыгунчик" для большинства детей очень трудны и потому не прививаются, не нравятся дошкольным детям. Некоторые дети охотно прыгают на одной ножке, но далеко не все и не так долго, как это требуется игрой.

Последний отдел сборника содержит 6 игр с пением. Эти игры обладают двумя общими всем им недостатками. Во-первых, все они низводят пение на ступень аккомпанемента к играм. Между тем пение вместе с движением прежде всего негигиенично, так как заставляет детей усиленно дышать и вдыхать пыль, поднимаемую движениями детей. Во-вторых, само пение очень страдает при этом. Дети привыкают петь крикливо, не музыкально, так как пение здесь заменяет барабан в солдатском оркестре. Оно нужно только для ритма. О музыкальном пении не может быть и речи. Кроме того, по содержанию все игры с пением, в сущности, драматизации, но драматизации искусственные, не созданные детьми, а навязанные им извне по одному скучному шаблону. Их лучше было бы заменить музыкальными играми, т.-е. играми под музыку, которыми бы оттенялись ритм и высота звука, но в которых точно так же необходимо было бы указать, как их дать детям, чтобы это было не заметно и не искусственно.

В указанном направлении и можно пожелать переработки в новых изданиях полезной в общем книжки Н. Филитиса.

Н. Кирпичникова.

2. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Н. И. Яковлев. Краткая химия. „Культурно-Просветительная Библиотека". Вторая ступень знания. Изд. „Книга". Петроград. 1918 г. 84 стр. 4 руб.

Небольшая книжка, по внешности—типа Роско из серии начальных курсов „Научно-Образовательной Библиотеки" и др. Книжка не блещет оригинальностью ни по материалу, ни по педагогическим приемам. Несколько торопливый переход к писанию химических формул вряд ли будет способствовать сознательному пользованию ими учащегося. Автор, видимо, спешит сообщить учащемуся краткие сведения по неорганической химии вплоть до периодической системы Менделеева на 84 страницах и потому пишет без дальнейших поправок и оговорок формулы: $H_2O - H_2 - O$; $KCEO_3 - KCE - O_3$ и т. д. Конечно, O_3 в данном случае неверно, писать же H_2 и O — обычная, к сожалению, небрежность.

На стр. 20 — не совсем верное утверждение, что „определение действительного веса атомов невозможно по их бесконечной малости".

Странно звучат такие фразы, как: „При изучении химических явлений простые тела обозначаются обыкновенно у *всех народов* начальными буквами их латинских названий".

Книжка пестрит подобными неточностями и обмолвками. За всем тем при бедности нашего книжного рынка популярными изданиями появление ее небесполезно.

П. Л.

Ив. Каблуков. Основные начала неорганической химии. 7-ое исправленное и дополненное издание. С приложением статей: „Радиоактивные вещества" и „Краткий очерк органических соединений". Москва. 1918 г. 262 стр. 8 р.

Книга является очень хорошим руководством по химии преимущественно для учащихся в высших учебных заведениях, хотя ясное и доступное изложение дало возможность автору этой заметки с успехом применять „Основные начала химии" и в старших классах коммерческого училища.

Книга стоит на высоте современного знания. Проф. Каблукову удалось, несмотря на дополнения и исправления, сохранить размеры книги, вполне соответствующие ее назначению,—быть руководством в руках учащихся первых курсов высшей школы и старших классов средней.

Не засыпая, что книга представляет из себя учебник именно *неорганической* химии, а не физической, автор в то же время сообщает необходимые сведения и по физической химии.

Не приводя полные воззрения, что теперь явилось бы, может быть, уже своевременным, автор в ясной и доступной форме дает изложение теории электролитической диссоциации и соприкасающихся с ней областей.

Для учащихся тех учебных заведений, где проходится лишь краткий курс органической химии, приложен „Краткий очерк органических соединений" (16 стр. убористого текста).

Необходимейшие сведения по технологии также нашли себе место в рецензируемой книге.

В реформированной школе книга И. А. Каблукова может быть указана, как пособие на второй ступени школы.

Уничтожение твердого знака и более убористый шрифт позволили сократить объем издания по сравнению с предыдущим на 70 стр., что дало возможность назначить за книгу весьма умеренную цену—8 руб.

Внешность издания сохранилась вполне удовлетворительная.

П. Л.

Н. Соколов. Элементарная физика. Курс высших начальных училищ. 7-ое исправленное издание Карчагина. М. 1918 г. 6 руб.

С радостным ожиданием берешься за книжку, помеченную 1918 годом,—годом, когда открылись широкие горизонты для проявления творческой инициативы во всех областях человеческой деятельности. По внимание настораживается, когда замечаешь пометку „7 е исправленное издание". Таким шаблоном ведь веет от всех этих 7-х, 20-х, 30-х изданий различных учебников, которые и выходили-то в таком количестве изданий благодаря марке одобрения Учен. Ком. Министерства Нар. Пр.

Перед нами один из таких учебников: „Физика" для высших начальных училищ, т.-е. учебник, предназначенный для преподавания физики в так называемой I ступени. Мы уже имеем подобные пропедевтические курсы физики Баранова, Цингера, Кашина, и сравнение с последними говорит далеко не в пользу Соколовского учебника. Представьте себе по духу, по методу изложения уменьшенную копию ходовых учебников физики Краевича, Киселева, Малинина, и вы получите „Элементарную физику" Соколова для высших начальных училищ. И такой учебник появляется в 1918 году, после того, как всероссийское совещание преподавателей физики, химии и космографии (1917 г. 5—9 июля) постановило, что построение курса физики I ступени должно происходить на основе практических занятий, выполняемых самими учащимися в школьных лабораториях.

Вместо того, чтобы дать книгу, соответствующую действительным потребностям духа времени, составитель попрежнему отвлеченно излагает теории физики, давая факты, как примеры, подтверждающие теорию. Между тем, повидимому, он сознает возможность иного построения курса, когда переходит к отделу химических явлений: здесь он указывает на опыты, а потом уже переходит к теории.

Иллюстрации опытов, о которых говорит в своей книге Соколов, мало характерны, не оригинальны (в этом отношении трудно превзойти иллюстрации Цингера); самые опыты могли бы быть сконструированы так, чтобы их могли проделать сами учащиеся (примеры подобного конструирования смотри у Баранова, Индриксона, Дрентельна, Дубровского); теория должна быть построена на предварительных опытах (Кашин, „Учебник физики" I ступени).

Такой отжившего типа учебник не должен иметь место в новой школе, задачи и методы которой так сильно разнятся от прошлой. И вообще надо пожелать, чтобы в возможно скором времени была произведена основательная чистка всего книжного наследства, оставшегося нам от старого режима, с тем, чтобы впоследствии бумага не уходила зря, а шла на перепечатку действительно ценных книг, могущих должным образом воспитать ум и волю нашей молодежи.

И. Ф.

Н. Дрентельн. Физические опыты в начальной школе. Руководство для учащих, содержащее подробное описание приемов производства простейших опытов. Изд. 2-е, дополн. „Жизнь и Знание". П. 1918 г. 340 стр. С 309 рис. 10 руб.

К. Дубровский. Простые физические приборы. Изд. 4-е „Задруга". М. 1917 г. 144 стр. С 248 рис. 2 р. 75 к.

Обращаем внимание школьных работников на появление в новых дополненных изданиях известных двух трудов. Написанные чрезвычайно просто и популярно, содержащие разнообразно подобранный материал и много ценных и фактических указаний, обе книжки будут весьма полезны при постановке начальных практических занятий по физике.

При переживаемой разрухе и трудности получения необходимых приборов и материалов особенно важно отметить, что оба автора останавливаются как раз на таких опытах, приборы для которых могут быть в большинстве случаев изготовлены простыми домашними средствами.

Настоящее посмертное издание книжки К. Дубровского, написанной еще в 80-х годах, проредактировано П. Дрентельном. Кроме описания физических приборов и указаний относительно постановки опытов, книжка отводит еще десяток страниц на описание наглядных пособий по космографии.

П. Г.

Власовы, М. и П. 1) Растения. Что они дают человеку. 2) Дерево. Что оно дает человеку. 3) Животные. Что они дают человеку. 4) Недра земли. Что они дают человеку. Москва. 1918 г. По 2 р. 50 к. книжка.

Все 4 книжки по мысли авторов связаны одной целью—дать представление о том, что окружает нас. Однако, не только между книжками, но и между отдельными статьями в одной и той же книжке связь весьма слабая. Изложение отрывочное, местами несколько слащавое, местами сухое, содержащее лишь голый перечень того, что делается из данного продукта. При описании разных производств более подробно рассказывается о деревенских и кустарных способах, о машинах же и фабричном производстве только упоминается, за редкими исключениями. Все книги весьма богато иллюстрированы фотографиями с натуры, представляющими отдельные стадии производства; некоторые из них, впрочем, недостаточно ясны и мало дают читателю, не видевшему дела в натуре, а некоторые иллюстрируют слишком обычные явления (замазка окон, базарная торговля и пр.). Картин, относящихся к фабричной жизни, почти нет.

В частности, по отношению к отдельным книжкам можно сказать следующее:

Наиболее удачной книгой является книга о дереве (160 стр.), начинающаяся довольно живыми описаниями строения и жизни дерева сведениями о рубке и сплаве леса и о работе лесопильного завода; иллюстрации к последней работе, к сожалению, почти не поясняют самого процесса распилки и устройств, служащих для этого, а дают фотографии складов, штабелей и пр., т.-е. того, что бросается в глаза при наружном осмотре завода. Затем идет описание постройки дома, производства гнутой мебели (довольно подробно), ложек, игрушек и т. п. Между прочим, рисунки, представляющие *разрывы* некоторых установок, например, печи для перегонки, названы „планами". Затем идут производства изделий из коры деревьев и беглый обзор эфирных масл, резиновых изделий, плодовых деревьев и производства бумаги и картона и изделий из них.

Книжка о растениях открывается „историей кусочка хлеба" и перечислением хлебных растений; каждому растению посвящено 1—3 стр. В главе об овощах говорится, между прочим, и о производстве крахмала, сахара, растительных масл, спирта, пива и табака. Отсутствие схем заводских установок, к сожалению, лишает возможности глубже ознакомиться с этими производствами. Подробнее всего сказано о хлопке и его обработке; здесь приведены даже схемы машин на прядильной и ткацкой фабрике.

Книга заключается обработкой льна и конопли, маленькой главкой о значении травяного покрова и двумя страничками о торфе.

Книжка о животных очень кратко трактует сначала о друзьях и врагах человека, о выделке и обработке кож, более подробно—о сапожном и шорном ремесле. Затем на 18 стр. рассказывается о мясе, молоке, масле, сыре, изделиях из козеина, сале, свечах, мыле и даже нитроглицерине и динамите. Приготовление мехов, шерстяных тканей, войлочных изделий занимает 20 стр., а обработка рога, конского волоса, щетины, костей и пр.—14 стр. Далее на 15 стр говорится о рыбе и на 15 стр.—о птицах; в этой же главе говорится и о червяке, дающем шелк, и о пчеле. Принимая во внимание, что половина книги, если не более, занята картинками, надо признать текст весьма недостаточным; такое краткое и пестрое изложение приучает к поверхностности, если не дать указаний на более подробную литературу предмета.

Самая краткая книжка—о недрах земли; изложение ее—более других неудовлетворительное; видно, что это—мало знакомая авторам область, и особенности в сфере заводского производства. Есть сведения о доменных печах, о литейном заводе, о прокатке, прессовании, влочении проволоки, об изготовлении иголок, булавок, перьев, замков. О других металлах, кроме железа, сказано очень мало. Несколько подробней говорится о самоварном и ювелирном деле. Глине и гончарным изделиям отведено несколько страниц. О соли, каменном угле, нефти, извести, цементе и гипсе сказано очень кратко. Несколько подробней говорится о стекле и по страничке посвящено минеральному удобрению и аспиду.

Все книги в руках умелого учителя могут принести пользу, дав толчок к дальнейшему чтению.

В. Добровольский.

3. ЖУРНАЛЫ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ [1]).

В № 8 нашего журнала дана была библиографическая справка о выходящих в настоящее время периодических изданиях по народному образованию. Теперь мы приводим дополнительный перечень тех из новых журналов, которые нам пришлось обнаружить в последнее время.

Из журналов специально по внешкольному образованию, кроме перечисленных раньше, появился еще один—„*Внешкольное Образование*", издающийся подотделом Харьковского губернского Отдела народного образования (цена не обозначена). В первом номере этого небольшого по объему журнала помещены краткие статьи: „Ближайшие пути и цели внешкольного просвещения" (Г. Гринько), „Общие задачи школы для взрослых" (И. Л), „Современное положение и ближайшие задачи библиотечного строительства в деревне" (Л. Ланде), „Рабочие художественные мастерские" (В. Рыжикова), „О занятиях в литературных мастерских" (О. А.), „Внешкольное профессиональное техническое образование" (Н. В.), „О статистике народного образования".

Из журналов, посвященных народному образованию вообще, в Москве издается еще журнал: („Трудовая Школа") „*Бюллетени Отдела Народного Просвещения*" Московского Совета рабочих депутатов, цена отдельного № от 3 р. 50 к. до 4 руб. Журнал состоит из четырех крупных отделов: общего, специального, библиографического и хроники. Главное внимание уделяется в нем вопросам трудовой школы. Статьи теоретического характера подкрепляются постоянным стремлением перенести вопросы на практическую почву, что особенно ценно для начинающих работников. Вышедшие номера (№ 4—последний за апрель) дают ряд содержательных статей, заметок и указаний. Из статей общего характера отметим: „Нравственное воспитание и текущий момент" (П. Блонского, № 3), „Светлые идеалы социалистической школы будущего" (Лебедева, № 4). Есть несколько переводных статей: „Основы и предпосылки социалистической педагогики"—Рюле и „Личность воспитателя"—Линде. Вопросам трудовой школы посвящен почти весь первый №, в № 2—статьи „О преподавании родного языка, мироведения и математики на I ступени Единой Школы"; в № 3—„Мастерские в трудовой школе", „Трудовая математика" (введение математики в связи с работами на кухне, статья Калашникова); „Снег" (работа на снегу и со снегом, И. Русакова); в № 4—„Сельскохозяйственные работы в летней школе" (Арефьева). По дошкольному воспитанию: „Оборудование детского сада", „Материал для занятий в детском саду ранней весной", „Май в детском саду". По вопросам внешкольного образования: „Как подготовить работников по внешкольному образованию" (Д. Элькиной), „Занятия по литературе с рабочими" (В. Львова-Рогачевского), „Трудовое начало и клуб рабочих подростков" (П. Блонского) и др. Библиография дается главным образом в виде списков книг по отдельным вопросам, что также чрезвычайно ценно для работников с мест: напр., в № 3 даны: „Избранная литература по педагогике ребенка дошкольного возраста" (П. Блонского), „Краткий указатель к проведению эстетических экскурсий" (Дзейвер) и пр.

Из журналов провинциальных (губернских) имеем—орган Тверского губернского Отдела народного образования „*Народное Просвещение*" (выходит 2 раза в месяц, подписная цена на 1 год—35 руб., на 3 мес.—10 руб., отд. №—2 р. 50 к. Тверь, литер.-изд. подотдел, Миллионная, 17). Задачей журнала является стремление пробудить среди трудового населения активный интерес к вопросам народного образования, разъяснить смысл и задачи нового строительства в этой области, указать практические пути к его проведению в жизнь. В первых двух номерах помещены статьи: В. Чистякова—„Школа и жизнь", „Школа и социализм"; Л. Шапиро—„С чего начинать" (№ 1), „Ждать ли программы" (№ 2); В. Познер—„Единая Трудовая Школа"; В. Шульгина—„Школа будущего"; А. Аскоченского—„Очерк проведения трудовых начал в трудовой школе-коммуне"; Е. Ярославского—„Благодарная почва—непочатый край" и пр. Журнал, как видим, состоит главным образом из статей, перепечатанных из столичных изданий.

[1]) См. начало обзора в № 8 „*Народное Просвещение*".

В Саратове издается журнал „*Просвещение*"—орган Саратовского губернского Отдела народного образования, цена отдельного №—5 р. 50 к. Как особенность, следует отметить, что журнал начинается не с передовой статьи, связанной с вопросами народного образования, как это обычно практикуется, а с очерка, знакомящего с местным краем: „Наш Край"—Б. Зайковского.

Из статей двух первых номеров отметим: „Организация школьно-санитарного дела в уездах и городах Саратовской губ."; „Роль ручного труда и трудовых процессов в единой школе в освещении гигиены" (И. Робсман); „Зимняя экскурсия и зимовье растений" (В. Девяткова); „К руководству детским чтением" (Кизичева); „Рабочие семинарии и передвижные библиотеки (Д. Аронович); „Интеллигенция и рабочий класс" (И. Данковского). В отделе „Библиография" дан список книг для учащихся по первобытной культуре.

В Пскове Отделом народного образования Губисполкома издается журнал „*Единая Школа*" (2 раза в мес., цена не обозначена). В № 2 (февральском), кроме местной обширной хроники, имеются следующие статьи: „Трудовой метод на уроках естествознания"; „Математика в новой школе" (Н. Эрн); „Школьное зубоврачевание" (А. Галацер); „От Аполлона к вывеске" (об искусстве будущего) (А. Т.) и пр.

В Смоленске издавался „*Журнал Отдела Народного Образования Западной Области*" (2 раза в месяц, на ½ года—16 руб., цена отдельного №—1 р. 50 к. Б. Пролетарская, Отд. нар. обр. Зап. обл.). Статьи: „К вопросу о реформе начальной школы" (В. Р.); „Статистика в школе" (В.), „О пролетарской культуре" (Леднев), „Драматические кружки рабочих" и др.

Из журналов по народному образованию, издающихся в уездных городах, находим следующие:

В г. Новохоперске, Воронежской губ., уездным учительским союзом издавался двухнедельный журнал „*Народная Школа*" (подписная цена—15 р. в год, отд. №—75 к.).

В г. Севске, Орловской губ.,—„*Школа, Знание и Хозяйство*". („Севский журнал работников мысли и знания"). На ряду со статьями по народному образованию встречаются и такие, как, например, „О поднятии производительности труда".

В г. Орлове, Вятской губ., издается еженедельный журнал „*Учитель-Коммунист*"—орган Орловского уездного Коммунистического Союза учителей по народному образованию и Отдела народного образования (подписная цена—5 р. в мес.). Кроме вопросов профессионального объединения, в первых двух номерах помещены статьи: „О Единой Трудовой Школе", „К вопросу о детском саде, как первой ступени в школе", „О детских работах по ручному труду", „Что ставится в театре деревни" и др.

Этим дополнительным перечнем пока ограничимся. О новых журналах по мере их обнаружения будем давать периодические дополнительные сведения.

З. Б.

IV. Хроника.

А. Центр.

Два съезда по школьной санитарии.

В марте и мае текущего года состоялись съезды по школьной санитарии: в марте в Москве—1-й Всероссийский, устроенный школьно-санитарным Отделом Наркомздрава, а в мае—1-й Нижегородский губернский, созванный Нижегородским Отделом народного здравия.

На обоих съездах был затронут жгучий вопрос, остающийся еще без окончательного разрешения,—вопрос о том, где быть школьно-санитарному делу: в Наркомздраве или Наркомпросе?

Оба съезда (на Нижегородском присутствовали кроме врачей и деятели по народному образованию) постановили, что школьно-санитарное дело должно быть сосредоточено в одном месте, именно в Наркомздраве, что таким образом не должно быть вредно отражающегося на деле параллелизма, и что между органами здравоохранения и просвещения должен быть установлен тесный контакт, так как объект один: школьники.

Нижегородский съезд признал, что деятельность шк.-сан. Отдела Наркомздрава должна быть расширена: он должен заботиться об охране физического и психического здоровья детей, начиная со дня их рождения и кончая временем окончания ими школы. Поэтому этот Отдел должен быть переименован в Отдел охраны детства. Сообразно с этим медико-санитарные отделы должны быть также преобразованы в аналогичные. Всероссийский съезд констатировал, а Нижегородский подтвердил, что школьные здания повсеместно находятся в крайне антисанитарных условиях, что их захватывают то военное, то другие ведомства, так что приходится вести занятия в две или три смены, что врачебный надзор в виду мобилизации врачей все ухудшается.

Нужны экстренные меры по охране школьных зданий, по приведению их в порядок. Нижегородский съезд считает ремонт школьных зданий „делом срочным", первостепенной важности.

И вопрос о самообслуживании подвергся обсуждению. Не отрицая самого принципа, съезды отмечают, что неправильное применение этого принципа повлияло отрицательно на санитарное состояние школ и здоровье учащихся. Нижегородский съезд считает необходимым, чтобы для тяжелых и вредных для детского здоровья работ была постоянная прислуга.

Следующий вопрос, которым занимались оба съезда,—это вопрос о физической культуре.

Нижегородский съезд констатирует, что в этой области в губернии до сих пор ничего не сделано. Едва ли сделано что-либо и в других губерниях. Но сделано должно быть, и притом многое, так как развитие тела, идя совместно с развитием духа, дает гармоническую личность, к чему и нужно стремиться.

Полагая, что все руководство делом физического развития должно лежать в школьно-санитарном Отделе, в центре и подотделах на местах, программа физического образования и трудовых процессов должна быть выработана шк.-сан. Отделом совместно с представителями Наркомпроса. Всероссийский съезд считает, что для объединения и согласованности действий различных организаций и ведомств должен быть образован Совет физической культуры из представителей: а) шк.-сан. Отдела (подотд.), б) Отдела нар. обр., в) Всевобуча, г) социальн. обесп., д) професс. союзов, е) спортивных и гимнастических организаций, ж) Пролеткульта, з) Отдела труда [1]).

Следующим вопросом на обоих съездах был вопрос о дефективных детях: телесно, умственно и нравственно дефективных.

Воспитание и образование таких детей, а также борьба с детской дефективностью должны лежать на государстве и осуществляться через органы Народ. Ком. здравоохранения.

В отношении глухонемых Всероссийский съезд принял следующие положения: интересы государства требуют, чтобы глухонемые пользовались благами обучения, ибо необученный глухонемой есть обуза для государства, тогда как обученный является полезным гражданином, содействующим благосостоянию страны, и что для воспитания и обучения глухонемых требуются специальные заведения, соединяющие в себе тип детского сада и школы.

В отношении слепых съезд высказался, что для слепых мальчиков и девочек с 4-летнего возраста необходимо организовать детские сады и учредить школу II ступени (одну для всей России).

Для работы по отделению умственно и морально дефективных детей и для организации соответствующих вспомогательных учреждений съезд признает необходимым привлечение врачей-психиатров, взяв их на учет и освободив от военной службы.

Резолюции по вопросу о туберкулезе касаются детей с одной стороны и педагогов—с другой.

В отношении детей Всероссийским съездом приняты следующие постановления: невозможность допущения в нормальную школу детей с открытым туберкулезом; в виду того, что лесная школа есть лучший тип школы с санаторной стороны, желательно приблизить нормальную школу к типу лесной; для успешной и планомерной борьбы с туберкулезом необходима организация на местах след. учреждений: а) группы борьбы с туберкулезом (диспансеры), б) яслей, в) детских садов для туберкулезных детей, г) лесных школ, д) школ на открытом воздухе, е) школ-санаторий для детей с костным туберкулезом, ж) школ-санаторий для детей с легочным туберкулезом.

Противотуберкулезная пропаганда должна вестись через школу и коснуться как учащихся, так и учащих и родителей, и осуществляться путем внедрения в учащихся гигиенических навыков, снабжения школы противотуберкулезными плакатами и т. п.

Резолюции, касающиеся педагогов, на обоих съездах одинаковы:

„Так как педагогическая деятельность принадлежит к числу наиболее угрожаемых по туберкулезу профессий, съезд считает необходимым в интересах охраны здоровья школьных работников, в том числе и школьных врачей, принять следующие мероприятия:

а) переведение школьных работников в первую категорию классового пайка,

б) облегчение школьным работникам жилищных условий, получение топлива, обуви и пр.,

в) предоставление школьным работникам завтрака по себестоимости при школах с удвоенной по сравнению со школьниками нормой и качеству дополнительного питания,

г) устранение всех обстоятельств, вызывающих задержку в своевременной выдаче школьным работникам жалованья.

В интересах здоровья детей все школьные работники должны быть исследованы врачом и в случае обнаружения открытого туберкулеза должны быть удалены из школы с принятием мер к их мате-

---

[1]) Имеется особая докладная записка о „Сов. физ. культ."

Б. Провинция.

Школьное дело в Олонецкой губернии.

(1918 г. и начало 1919 г.)[1]).

I. Условия проведения реформы.

Экономическое положение. В декабре 1918 года 2-ой съезд заведующих уездными и городскими Отделами народного образования Олонецкой губернии относит к числу главных причин, задерживающих проведение школьной реформы в этой местности,— малочисленность школ, отсутствие учебных и наглядных пособий, неудовлетворительное и несвоевременное снабжение губерний и уездов денежными средствами, невозможность снабжения учащихся продовольствием, неприспособленность, а иногда и полное отсутствие школьных помещений. Имеющиеся материалы отчасти подтверждают и разъясняют приведенные факты, но отчасти и смягчают их.

Школьные помещения. Действительно, со школьными помещениями дело обстоит плохо: Вытегорский уезд констатирует, что жилищные условия школ не удовлетворяют самым минимальным элементарным требованиям, и поэтому предполагает к постройке 8 зданий для школ II ступени (из них 4 в первую очередь и 10—во вторую) и 31 здание для I ступени (21 в первую очередь и 10—во вторую); из Пудожского уезда пишут, что занятия ведутся в дымных избах. Собственных зданий у школ, повидимому, имеется мало, по крайней мере, съезд заведующих „считает возможным пока пользоваться выработанной уже практикой найма помещений у крестьян".

Учебные пособия. Что же касается книг и учебных пособий, то, с одной стороны, действительно имеются факты, что до конца 1918 года многие школы функционировали без книг, учебных пособий и письменных принадлежностей. На съезде заведующих говорилось, что если уездным Отделам и удалось кое-где справиться с бумажным и чернильным кризисом, то „лишь благодаря случайным обстоятельствам, как-то: закупка Отделами бумаги, перьев и чернил в местных кооперативах и использование чистых листов в тетрадях прошлых годов, частичные покупки самими учащимися указанных материалов" и т. д. С другой стороны, надо указать, что в Петрозаводске в ведении Отдела народного образования с начала 1918 года имелось 3 типографии (в феврале им была дана ссуда в 50.000 р. на покупку бумаги) и книжный склад, купивший еще в марте 1918 г. книги в Петрограде на 1.000 руб. и имевший ссуду в 10.000 руб. на дальнейшую закупку книг. От июня месяца имеем сведения, что книжный склад, покупая, продавал и раздавал бесплатно книги премущественно политического, сельскохозяйственного и беллетристического содержания. Из педагогических книг на складе имелись „Практический курс правописания", составленный Леонтьевым, и „Изменение правописания и новые правила", „Известия Олонецкого Губернского Комиссариата Просвещения", учебников на 310 руб. и книг для детского чтения на 1.282 руб. Во всяком случае, губерния, имеющая минимум три типографии, книжный склад и собственный журнал по вопросам народного образования, не может занимать последнего места по снабжению школ учебными пособиями.

Изыскание местных средств. Любопытно, что в июле 1918 года все надежды Г. С. Н. О.—на финансирование из центра, а местные средства признаются несуществующими, так как

[1]) Эта (равно как и следующие четыре) статья доставлена секцией по разработке материалов при Отделе единой школы.

главное богатство края—лес—национализировано. Но под давлением жизни некоторые Отделы (именно Вытегорский) приходят к мысли изыскивать средства на местах для поддержания существующих школ и открытия новых. И волости стали откликаться на этот призыв. Так трудовая артель одной из волостей ассигновала 1.000 руб. на ремонт школ. Средства для горячих завтраков были изысканы также на местах.

Финансовое положение. Вытегорский уезд, наиболее полно освещенный имеющимся у нас материалом, дает следующую картину финансового положения народного образования:

Выписка из описи смет расходов по народному образованию в Вытегорском уезде, Олонецкой губ., на 1-ое полугодие 1919 г.

На содержание советских школ I ступени	4.608.294 р. — к.
На содержание 1-ой Вытегорской советской школы II ступени	132.280 „ — „
На содержание 2-ой Вытегорской советской школы II ступени	249.596 „ 33 „
На содержание профессиональных классов при 1-ой Вытегорской советской школе II ступени	19.298 „ — „
На расходы по подготовке учителей и инструкторов по народному образованию.	409.364 „ — „
Итого . . .	5.418.832 р. 33 к.

Между тем до октября (время это нам пришлось установить лишь приблизительно) 1918 года от Исполкома и Отдела народного хозяйства, самих переживавших острый финансовый кризис, Вытегорскому у. Отнаробу удалось получить 9.000 руб. В Пудожском уезде бюджет школы на 1-ое полугодие 1919 года определялся в миллион рублей; скольким он располагал фактически—нам неизвестно.

Война. Война, ведущаяся в настоящее время в Олонецкой губернии, на имеющихся у нас пока материалах отразилась разве только в том, что школьные помещения как в губернском городе, так и в уездах от времени до времени захватываются военными частями, что ведет нередко к очень резким конфликтам с губернским Отделом народного образования.

Продовольственный вопрос. Продовольственный вопрос не дает себя проследить по всем уездам. Из Пудожского уезда пишут, что „экономические условия, в каких приходится работать, невыносимы как для учащих, так и для учащихся. Бывают частые случаи неаккуратного посещения учащими школ только из-за недоедания". В Повенецком уезде продовольственный вопрос обстоял очень остро. По имеющимся к 1-му сентября 1918 года сведениям, запасов продовольствия в уезде нет, и нет даже надежды на скорое поступление хлеба. Только две волости обеспечены хлебом на 3—4 месяца, в других волостях (пяти) хлеба хватит на 1—$1\frac{1}{2}$ месяца, а в двух волостях весь урожай погиб от июльских морозов, и население голодает. Это вынуждает уездный Отдел народного образования ходатайствовать перед губернским Отделом о возможно скорейшем удовлетворении учащих продовольствием, которое поступит в центральный уездный запас; до тех же пор уездный Отдел предоставляет учащим право не выезжать на места службы, в связи с чем приходится отложить школьные занятия в ряде волостей.

В декабре кризис все еще продолжается. Нормальный ход занятий нарушен: учителя не получают даже следуемого им по норме хлебного пайка, отмечен случай непосещения школы детьми из-за отсутствия хлеба. В виду этого уездный Отдел опять обращает внимание губернского Отдела на бедственное положение учащихся и просит об отпуске продовольствия в первую

очередь на организацию горячих завтраков в школах уезда.

В Вытегорском уезде в отдельных волостях продовольственный кризис также столь тяжел, что население, а с ним, разумеется, и школьные работники буквально голодают. Но в марте 1919 г. Вытегорский уезд получает от продовольственного комитета 200 пудов муки для горячих завтраков, которые распределяются так: 100 пудов для города и 100 пудов для деревень. В общегубернском масштабе затруднения со снабжением продовольствием учащих и учащихся отчасти вызваны были, повидимому, тем, что кредиты на этот предмет были переведены в Комиссариат социального обеспечения, но так как у названного Комиссариата нет организации на местах, то отсюда и произошла задержка. Это заставило съезд заведующих принять резолюцию о необходимости отпуска сумм на горячие завтраки непосредственно через Народный Комиссариат по Просвещению.

Культурное состояние. Школьная реформа застает Олонецкую губернию в момент, когда в ней уже проявились стремления преобразовать систему преподавания. По инициативе преподавателя Олонецкой гимназии, будущего комиссара по народному просвещению Парфенова, устраивается „Свободная демократическая школа о-ва педагогов" гор. Петрозаводска, устав которой, выработанный еще в апреле 1917 года, предвосхищает многие положения трудовой школы, как-то: трудовое начало (сельское хозяйство, огородничество, домоводство), совместное обучение, самоуправление и самодеятельность учащихся, выборность педагогического и служебного персонала. Начинание это осталось на бумаге, но школа начала действительно организовываться, привлекая к себе сочувствие педагогических сил и граждан города. Кроме того, в губернии в 1917 г. из общего союза учащих Олонецкой губернии выделяется демократическая группа учащих, объединившая уездное учительство в противовес беспартийной группе, объединившей городское учительство и меньшинство уездного. Таким образом заметно, что какие-то ростки имелись уже в той почве, которая должна была вырастить Единую Трудовую Школу. Население в губернии, повидимому, разнохарактерное: так, из Пудожского уезда пишут, что сельские граждане стоят на низком культурном и политическом уровне, учащему приходится даже вести борьбу со взрослым населением. В Вытегорском уезде такие жалобы смягчаются известиями о благожелательном отношении крестьянства к школе и о материальной помощи, оказываемой им ей.

II. Органы Народного Комиссариата по Просвещению.

В 1918 году существовал в петрозаводске особый школьный комитет. Время образования его и деятельность не дают себя проследить по имеющимся у нас материалам. Распущен он был с образованием Советов нар. образ. В январе 1918 года назначается народный комиссар по просвещению Парфенов, в феврале постановлено организовать Советы по народному образованию, которые начинают функционировать с мая месяца в пяти уездах из семи. Волостные Советы к этому месяцу организовались лишь в одном уезде, в другом предполагалось их устроить, в остальных пяти ничего о них не слышно. По вопросу об организации, полномочиях и функциях губернского, уездных и волостных Советов было много прений и разговоров среди олонецких деятелей по народному образованию, но мы на них останавливаться не будем, так как учреждение это оказалось нежизненным. Уже в июле, т.-е. через два месяца после их образования, функции их были переданы Отделам по народному образованию, в связи с получением из центра декретов относительно организации дела народного образования, а в 1919 г. на съезде заведующих уездными и городскими Отделами постановляется упразднить совершенно Советы, как слишком громоздкое и не оправдывающее надежд учреждение, заменив их периодическими и регулярными съездами губернских, уездных и волостных деятелей по народному образованию с участием учащих. Эти съезды, осуществлявшиеся уже в Олонецкой губернии, являются действительно очень чутким органом, внимательно прислушивающимся как к вопросам, возбуждаемым в центре, так и к голосу местной жизни.

Что же касается Отделов народного образования, то, организовавшись в июле месяце, они к началу 1919 года имеются уже в таком составе: губернский с 9-ю отделами, семь уездных с числом отделов, колеблющимся от 3-х до 7-ми, и один городской с 3-мя отделами.

III. Ход реформы.

Из доклада губернского комиссара по просвещению 4-му съезду депутатов мы видим, что губернский Комиссариат, стоя перед альтернативой: быть или агентом-передатчиком воли центрального правительства, или заняться самостоятельной творческой работой, выбрал последнее и, не дожидаясь указаний, начал самостоятельно исправлять дефекты школьной жизни. Так, по сообщению местного периодического органа:

„1) В постановлении от 14-го января 1918 года предписано всем учебным заведениям при выборах должностных лиц представлять копии протоколов в Народный Комиссариат по Просвещению на предмет утверждения избранных лиц; постановление это подтверждено Комиссариату Государственной Комиссией по просвещению от 27-го февраля 1918 года.

2) В постановлении от 25-го февраля 1918 года указано, что преподаватели учебных заведений, избранные на должность педагогическими советами, должны утверждаться в должности Советами по народному образованию.

3) Постановлением от 8-го марта отменено обязательное преподавание в средних учебных заведениях латинского языка и введено в старших классах, как обязательный предмет, преподавание социальных наук.

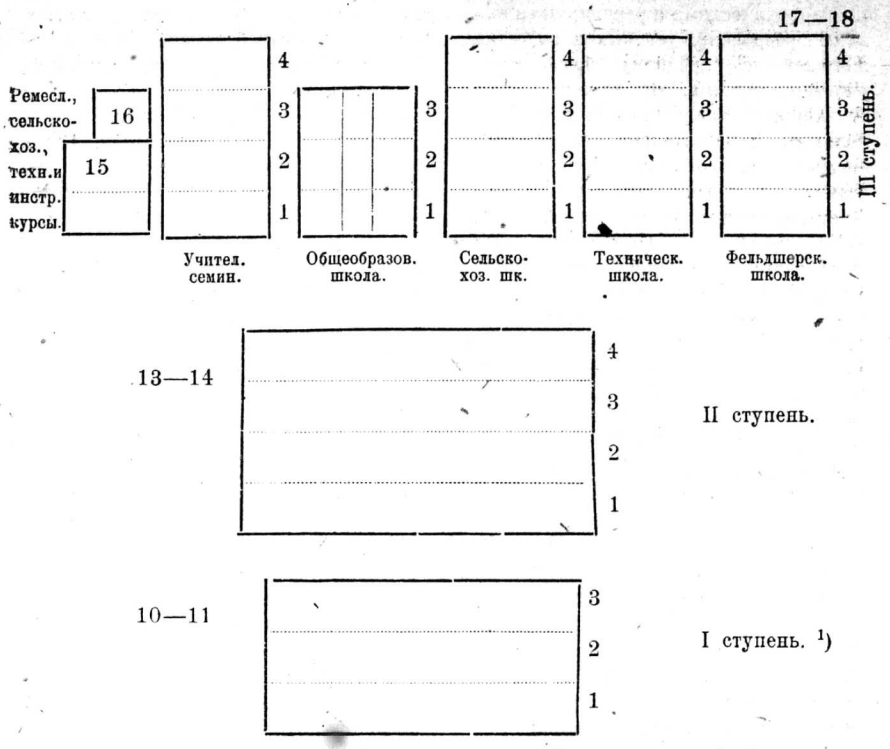
4) Постановлением от 25-го марта упразднена во всех видах в школах балльная система и заменена только отзывами об успешности или неуспешности учащихся.

5) Постановлением от 26-го апреля предоставлено право учащимся, окончившим одноклассные нормального типа школы, поступать без всякого поверочного испытания в 1-й класс средних учебных заведений, а окончившим высшие начальные училища при поступлении в 5-й класс средних учебных заведений держать испытания только повесьма немногим предметам".

С июня начинается обсуждение проведения школьной реформы. В Олонецкой губернии сначала было разделение школы на три ступени по нижеприведенной схеме (см. табл. на 108 стр.).

Однако пока было решено отступить до некоторой степени от предполагаемого плана, так: „существующие в школах I ступени, при наличии двух учащих и достаточном количестве учащихся, четвертые отделения до открытия в большинстве волостей высших начальных училищ пока сохранить"; „школа I ступени с инородческим составом учащихся обязательно должна быть с двухгодичным курсом".

В пояснение этой схемы надо сказать, что школа II ступени должна была носить характер высших начальных училищ, для чего все двухклассные и второклассные школы должны быть к осени 1918 года преобразованы в школы II или III ступени. Относительно последней говорилось: „В целях придания общему образованию большей разносторонности, доставления возможности каждому учащемуся удовлетворить свои наклонности к тому или иному циклу наук, съезд признал наиболее желательным организацию школы III ступени со всеми факультетами, имеющими общеобразовательное значение, но, считаясь с обстоятельствами, съезд в настоящее время находит возможным открытие школы III ступени и с одним факультетом, наиболее отвечающим спросу со стороны местного населения, при усло-



вии, однако, сообщения на этом факультете минимума знаний и из предметов других факультетов". Курс в общеобразовательной школе должен быть трехгодичным, а в специальных — четырехгодичным. Обучение совместное. Бесплатность обучения вводилась для I и II ступени, для III плата сохранялась.

Эта местная реформа школ на три ступени заменяется общей реформой в двухступенную школу осенью 1918 года, и переформирование это, насколько возможно судить, заканчивается лишь к январю 1919 года. В самом конце 1918 года на съезде заведующих поднимаются вопросы *о слиянии малолюдных школ*, в связи с необходимостью экономить школьные помещения, и о возможности *дальнейшего существования профессиональных и технических школ*.

По первому вопросу принимается постановление:

„Считая дальнейшее самостоятельное существование малолюдных школ в районах с количеством детей от 8 до 13 лет менее 70 и в особенно неблагоприятных случаях менее 50 человек нецелесообразными, признать необходимым слияние подобных школ в центральные с пятьюгодичным курсом обучения при том только условии, если для детей из сливаемых школ в центральных школах будут открыты общежития и столовые; в силу же местных условий допустить, однако, как временную меру, существование и открытие в районах этих школ до трех парных параллельных классов соседней центральной школы".

[1]) Схема перепечатана из „Известий Отдела Народного Образования" при Олонецком губ. Исп. К-те Советов К., Р. и Кр. Д., № 4—5 1918 г.

По поводу второго вопроса поднимаются на съезде оживленные и страстные прения: „Среди участников съезда определилось два течения,—сообщалось в местном органе.—Большинство стояло на той точке зрения, что, в виду повсеместного в школах проведения принципов трудовой школы существование ремесленных, технических и всяких иных профессиональных школ является уже совершенно излишним; меньшинство отстаивало законность временного, до открытия специальных учебных заведений, предусматриваемых положением о Единой Трудовой Школе, существования таких школ и при наличии общеобразовательной школы".

В принятой в результате обсуждения этого вопроса резолюции было указано, что „существование профессиональных учебных заведений для школьного возраста первых двух ступеней (технических, ремесленных, сельскохозяйственных, лесных школ и т. п.), как таковых, с организацией Единой Трудовой Школы, долженствующей иметь политехническое направление, не представляется необходимым; следует такие школы преобразовать в Единую Трудовую Школу с введением в курс ее предметов, специально необходимых для данного края или местности и сохранением имеющихся при ней мастерских, необходимых для занятия той или другой специальностью".

Говоря о ходе реформы в Олонецкой губернии, необходимо указать и на препятствия, встретившиеся при проведении в жизнь декрета о светской школе.

Декрет об отделении церкви от школы. Губернский Комиссариат Просвещения при проведении в жизнь декрета о светской школе считался как с постановлением Государственной Комиссии по просвещению, так и с решением 3-го олонецкого губернского крестьянского съезда; немедленно по получении декрета во все уездные Советы, а также и в отдельные школы было разослано извещение о том, что „преподавание Закона Божия, как обязательного предмета, в стенах школы должно быть прекращено, а также и исполнение религиозных обрядов. Постановление это сразу, и в первую очередь в городах, встретило противодействие со стороны родителей учащихся, главным образом под влиянием реакционной части духовенства и родителей из буржуазного класса. Полностью постановление было проведено в гор. Петрозаводске, более или менее в иных городах и только в Вытегре не было проведено в жизнь, отчасти вследствие резолюции, разосланной уездным комиссаром просвещения и главным образом вследствие агитации вытегорского священника—контр-революционера. Некоторые уездные Советы стали в этом вопросе на неправильную точку зрения (олонецкий, вытегорский), допустив значительное отступление в пользу духовенства и тем самым затруднив твердое проведение его в жизнь. Произведенная по школам по этому поводу анкета показала, что при проведении постановления на местах приходилось встречать значительные трудности; всякий раз, как только учитель, получив постановление, объявлял его местному населению и разъяснял его смысл, собиравшийся сход, большею частью под влиянием „разъяснения" местного священника, требовал обязательного преподавания Закона Божия в стенах школы, видя в исполнении декрета изгнание и даже уничтожение православной веры".

Результаты анкеты были таковы: „на 311 ответов, полученных от различных школ уезда (Каргопольский и Лодейнопольский уезды ответов не дали), оказалось, что только в четырех случаях население отнеслось к декрету сочувственно, в 45 случаях оно приняло декрет частично, и в 133 случаях декрет населением принят не был,—это составляет 40%.

Что касается учительства, то оно в 172 случаях выполнило декрет полностью и в 137 случаях, т.-е. опять около 40%, не выполнило по воле „граждан" [1]). К концу 1918 года декрет все же был проведен в жизнь.

[1]) См. „Известия Отдела Народного Образования" при Олонецком губ. Исп. К-те Сов. К., Р. и Кр. Д. № 4—5 1918 г.

IV. Достигнутые результаты.

2-й съезд заведующих констатирует факт полного проведения школьной реформы с внешней стороны к началу 1919 года по всей Олонецкой губернии и подготовку почвы к проведению ее и с внутренней стороны.

Всеобщее образование. Увеличилось ли число школ в губернии? Из таблицы подотдела всеобщего обучения видно, что число школ на 1-е сентября 1918 года сравнительно с 1917 г. даже сократилось на 13 школ, но число комплектов увеличилось на 102. В 1919 году предполагается к открытию еще 30 школ с 202 комплектами. Несмотря на проведенную на местах (неизвестно, всюду ли) регистрацию детей школьного возраста, всеобщее обучение нельзя еще назвать осуществленным.

Олонецкая губернія.

Название уездов.	На 1-е сентября 1917 года.		На 1-е сентября 1919 года.		Предполагается к открытию на 1918-19 г.	
	Число школ.	Число компл.	Число школ.	Число компл.	Число школ.	Всего вновь открыв. комплект.
Вытегорский.	112	163	119	178	7	91
Каргопольский.	158	208	152	213	1	36
Лодейно-польский. . .	102	127	102	127	10	19
Олонецкий.	84	111	88	173	—	—
Петрозаводский, без города	168	230	168	230	—	—
Повенецкий	96	119	83	107	5	46
Пудожский	84	106	79	138	7	10
	804	1064	791	1166	30	202

Трудовые процессы. Что касается трудовых процессов, то они не введены еще в жизнь школы, как на то указывает 2-й съезд заведующих в конце 1918 года, но для них подготовлена уже почва. Более подробные сведения мы можем привести лишь из Вытегорского отчета, весьма обстоятельно составленного. „Трудовое начало, в форме преподавания различных видов ручного труда, пока проведено только в учительской семинарии, во всех городских школах I и II ступени (работы по дереву, металлу, картону) и в трех школах уезда". В остальных сельских школах трудовое начало не проводится из-за двух главных препятствий: отсутствия необходимого инвентаря для оборудования и недостатка инструментов. Руководительство преподается во многих школах, но тоже тормозится отсутствием материалов. В Лодейно-польском и Повенецком уездах трудовые принципы также лишь вводятся в школу.

Учащие. Состав. Количество и состав учительства мы в состоянии определить только по двум уездам: Пудожскому и Вытегорскому.

В первом из них школьных работников 150, из них с высшим образованием ни одного, с средним—90% и остальные 10% с низшим образованием. Человек 40 из всего состава слушали краткосрочные курсы (3-недельные) о трудовой школе летом 1918 года в Петрозаводске, 5 человек слушали курсы в Москве, а остальные совсем незнакомы с теорией трудовой школы.

Большинство школьных работников с малолетним педагогическим стажем. Из всего числа учащих несколько человек принадлежат к партии коммунистов, остальные—сочувствующие и беспартийные. В Вытегорском уезде к началу 1919 года всех школьных работников было 245 (до перехода всех школ в ведение Отдела народного образования их было 193), из них учащих I ступени—218, II ступени—27 человек.

Финансовое положение. В январе 1918 года только что назначенный комиссаром просвещения Парфенов телеграфирует в Петроград, что народные учителя Олонецкой губ. голодают, и просит указать, как им помочь. В мае на заседании уездных комиссаров по просвещению Олонецкой губ. поднимается вопрос об улучшении материального положения учительства всех ступеней и принимается резолюция, в которой говорится: „Съезд, учитывая до ужаса отчаянное материальное положение олонецкого народного учительства при настоящих экономических обстоятельствах, вынуждающее многих учащих чуть не побираться по миру при своем трагически мизерном жалованьи, единогласно установил следующие оклады: а) все учащие школ I ступени должны получать минимум по 350 руб. в месяц основного жалованья плюс 4 прибавки в размере 10% этой суммы за каждое 5-летие; б) ограждая в частности интересы сельских школ I ступени, находящихся вблизи проходящих по Олонецкой губернии железных дорог, где жалованье учащих доведено до 6.000 руб. в год при сравнительно дешевых продуктах и готовой квартире, съезд признает справедливым и крайне нужным, во избежание естественного массового бегства учащих сельских школ в железнодорожные школы (бегства этого, заметим от себя, однако, не произошло), уравнять оклады учащих этих двух категорий". При чем новые ставки учащим желательно ввести с 1-го мая 1918 года. Кроме того, за заведывание школами I ступени в том случае, когда школа имеет собственное здание и когда число учащих в ней не менее двух человек, полагается плата в 10 р. в месяц. Относительно учащих II ступени съезд выражает мнение, что материальное положение их в той же мере требует улучшения, как и I ступени, так как на установленное для них жалованье семейному учителю можно лишь исправно голодать. Поэтому съезд постановил увеличить эти оклады.

Новые ставки, повидимому, были проведены в жизнь, так как в докладе губернского комиссара по просвещению 4-му съезду кр., раб. и солд. депутатов говорится, что советская власть исправила свою ошибку по отношению к учителям I ступени, увеличив их содержание до 300—500 р., а II и III ступени до 400—600 руб. в месяц.

Взаимоотношения с советской властью. Хотя в материалах Олонецкой губернии и говорится кое-где, что учителя саботировали сначала советскую власть и лишь к концу 1918 года стали совместно с ней работать, однако резкой борьбы учительства с советской властью мы не видим, напротив, общая и дружная работа или, по крайней мере, стремление к ней дают себя не раз отметить. Правда, мы имеем резолюцию каргопольского учительского съезда от 22-го мая 1918 года, где признается наиболее дальновидной и преданной крестьянам партия с.-р., мы знаем также, что большинство губернского учительства входило во Всерос. Учит. Союз, однако ни то ни другое не препятствовало Комиссариату и учительству работать сообща и даже уважать друг друга. Докажем фактами.

В феврале 3-й губернский крестьянский съезд, заслушав доклады комиссаров просвещения, принимает резолюцию по народному образованию в духе предполагавшихся реформ, в которой об учащих говорится, что они „должны принимать с правом решающего голоса самое деятельное участие во всех организациях, ведающих делом народного образования". В мае на съезде уездных комиссаров народного просвещения воз-

буждается вопрос об отступлении от принципа состава Советов по народному образованию в смысле усиления его представителями от учительства, и съезд высказывает пожелание, чтобы в Совете участвовало два представителя от демократического союза учащих с решающим голосом и два—с совещательным. Лодейно-польский уездный Совет включил даже пять человек учительского союза. В Петрозаводске с июля 1918 года организована была комиссия учащих школ I ступени при городском Отделе народного образования. Вся деятельность комиссии была, согласно представленному ею в ноябре отчету, „направлена к наиболее безболезненному проведению реформы школы в жизнь", при чем все вопросы, поднимаемые и разрешаемые в комиссии и на общих собраниях учащих, находили всегда сочувствие в коллегии народного образования. „Распределение учащихся по школам согласно декрета, оборудование и снабжение школ как новых, так и старых, выработка программ — вот вопросы, которые часто стояли на повестке дня". Много времени у комиссии отнял вопрос о распределении учащихся по школам, тем более, что это пришлось делать два раза в связи с местным делением школ на три ступени, а потом согласно общей реформе—на две. Комиссия эта ежедневно выдавала справки и разъяснения родителям учащихся. Для оборудования школ всем необходимым комиссией были собраны и подытожены сведения о классной мебели, составлены сметы, найдены мастера. Комиссия, кроме того, выработала и провела через общее собрание учащих программы для I ступени с 3-годичным курсом по русскому языку, арифметике, географии, истории, природоведению, пению. Совместно с учащими Петрозаводска была исполнена перепись детей школьного возраста в городе. Для объединения учащих устраивались заседания и доклады по педагогическим вопросам. Прочитаны были, например, доклады „Жизненное начало в трудовой школе" (всего пять докладов за $3^1/_2$ месяца). Устраивались экскурсии для учащих. Комиссия в общем служит связующим звеном Комиссариата с городским учительством. В Пудожском уезде в проведении задач, намеченных школой, помогает Отделу уездная коллегия по народному образованию, в состав которой входят представители от местного учительства. В Вытегорском уезде учащие также являются активными работниками, входя в волостные Отделы народного образования, участвуя в комиссии, городском Отделе и вырабатывая программы для школы I ступени, доложенные затем на местном съезде школьных работников.

Перевыборы учащих. На перевыборы учащих олонецкие деятели смотрели лишь как на формальность, так как находили, что демократизация учительского состава может быть достигнута путем просвещения учительских масс, подготовкой нового кадра преподавателей и улучшением материального состояния их, а никак не отбором. В таком духе вынесена резолюция на 1-м съезде комиссаров по народному просвещению в мае 1918 года, и этот взгляд отразился на организации и результатах выборов учителей. От учителей не требовалось в 1918 году прямого ответа на их отношение к советской власти, и потому главным, если не единственным основанием при перевыборах была педагогическая деятельность данного лица. По отдельным городам и уездам результаты перевыборов представляются в следующем виде:

В Повенецком уезде: 29-го августа 1918 года в заседании Совета народного образования слушались заявления учащих школ I ступени о желании продолжать службу в обыкновенной школе. Всех постановлено утвердить в занимаемых должностях. Что же касается ряда учащих, не изъявивших желания продолжать службу, то Совет постановил утвердить их временно, до выяснения причины неподачи ими заявлений, за исключением одной учительницы, которая признана была не имеющей достаточной подготовки.

Лишь в сентябре и октябре в Совете рассматривается ряд аналогичных заявлений с указанием о признании советской власти, поданных с опозданием вследствие несвоевременного получения на местах отношения Отдела.

В Лодейном-поле 10 января 1919 г. происходят перевыборы учащих городских школ I и II ступени, в виду того, что выборы, произведенные в августе месяце, признаны губернским Отделом народного образования неправильными. Переизбирала специальная комиссия по выборам учащих. В результате из 13 человек забаллотирован лишь 1 учащий. Остальные переизбраны вновь огромным большинством голосов, и только председателю школьного совета школы II ступени собрание нашло нужным сделать пожелание о более аккуратном отношении к своим обязанностям и более понятном преподавании уроков, в соответствии с духом трудовой школы.

В Вытегорском уезде в заявлениях о желании продолжать службу большинство учащих „указывало на свою принадлежность к Всер. Учит. Союзу и на солидарность с его платформой. Других кандидатов, именно сторонников советской власти, почти не было (на весь уезд всего человек 5—6). Поэтому вытегорский уездный Отдел народного образования не побоялся назначить членов Всер. Уч. С. на учительские должности; действительно, постепенно разногласия сгладились, и в настоящее время учительство начинает работать „в соответствии с указанным Отделом народного образования".

Подготовка учителей и инструктирование. Что реформа застала учительство в массе неподготовленным, не требует доказательств. Деятели Олонецкой губернии обратили на это явление внимание еще в феврале 1918 года, высказывая пожелание о скорейшей и правильной постановке дела подготовки учителей. В 1918 году в губернии функционировало 4 учительских семинарии и краткосрочные педагогические курсы в Петрозаводске. В 1919 году посланы от губернии делегаты на инструкторские курсы в Москву.

По вопросу об инструктировании учащих нам известно пока только то, что по всей губернии ощущается недостаток в инструкторах, особенно по проведению трудовых принципов и преподаванию искусств. Из Пудожского уезда пишут: „Что касается школьного инструктирования, то оно за неимением в уездах даже одного инструктора по школьному делу сводилось только к неопытной проверке знаний учеников в школах самим заведующим Отделом народного образования, отличающейся от прежней инспекторской деятельности лишь человечным обращением с учащимися и учащими".

В заключение скажем, что Олонецкая губерния в проведении школьной реформы представляет две главных особенности: во-первых, самодеятельность местных культурных сил, выразившуюся в изыскании местных средств и в опережении центра в некоторых начинаниях, как-то: организация в 1917 году новой трудовой школы и в других более мелких вопросах (упразднение балльной системы, утверждение Комиссариатом председателей педагогических советов и пр.), а во-вторых, активную, организаторскую и согласованную с губернским комиссаром народного просвещения работу местного учительства, входящего в советы, отделы, коллегии и комиссии и содействующего по мере своих сил проведению в жизнь идей новой школы.

Секция по разработке материалов при Отделе единой школы.

Дело школьного образования в Саратовской губернии.

Исследуя проведение школьной реформы, необходимо отметить условия, в которых протекала работа.

Административные органы. Главным органом, ведающим всем делом

школьного образования в Саратовской губернии, первоначально являлся Совет народного образования, признанный центром правильно сконструированным и правильно действующим. Первым губернским съездом он был преобразован в августе 1918 г. в Отдел народного образования, совмещавший функции губернского и городского исполнительного органа. В январе 1919 года выделился самостоятельный городской отдел.

Прифронтовое положение. Прифронтовое положение губернии и внутренние контр-революционные выступления (Вольский уезд) тормозили деятельность губернского и уездного Отделов народного образования, так как препятствовали установлению связи между собою, а иногда и совсем прерывали работу. Школьные здания занимались для военных надобностей.

Школьные здания. В наследие от прошлого остались чрезвычайно неудовлетворительные школьные здания, в особенности в уездах. Инструктор пишет: „Среди них есть такие клетушки, к которым название школа совершенно не подходит; даже школы, созданные в последний период строительства—1912 13 гг., на деле оказываются совсем непригодными". В Саратове все школьные здания не видали полного ремонта в течение пяти лет. Из 67 школьных зданий I ступени имеется 9 школ-дворцов, 2 школы улучшенного типа, 7 школ в специальных зданиях; остальные представляют развалившиеся руины, кое-как приспособленные под школы (Отчет Губотдела от 6-го февраля 1919 г.). Аналогичное положение наблюдается в Саратовском уезде: 27% школ находится в наемных помещениях, представляющих из себя простые крестьянские избы; 20% бывших церковно-приходских школ помещаются за редким исключением в сторожках или монастырских домах; остальные школы имеют собственные здания, которые не в состоянии вместить всех учащихся (Саратовские „Известия" от 6-го марта 1919 г.). Занятые ранее войсками помещения и ныне освобожденные нуждаются в большом ремонте. В Хвалынском уезде школьные здания после ухода белогвардейцев были в самом бедственном положении. „Мечтать об открытии новых было невозможно, приходилось налаживать старые". (Отчет уездного Отдела от октября 1918 года).

Вопрос о школьных зданиях в Балашовском уезде обстоит очень серьезно: были случаи занятия школ под лазареты без ведома уездного Отнаробраза и с помощью вооруженной силы (занята школа I ступени под лазарет № 137, занята 4-я Турковская школа под заразный барак), так что уездный Отдел заявил о снятии с себя всякой ответственности за нарушение течения занятий, целость школьных зданий и школьного имущества и постановил обратиться в Военный Комиссариат с просьбой оградить себя от посягательств и насилий со стороны красноармейцев. Отдел народного здравоохранения и Военный Комиссариат в самом Саратове забирали школы-дворцы, где находилось по 1.000 и более учащихся, несмотря на то, что эти школы с неимоверными трудностями пришлось только что отремонтировать. Губернским Отделом принимается ряд мер для выхода из такого критического положения, в каком очутились школьные здания. Он постановил использовать в бывших имениях все жилые дома, надворные постройки под школьные здания и для нужд просвещения. При губернском Отделе организуется подотдел школьного строительства для разрешения тех задач, которые возникли в связи с новым периодом в школьном строительстве.

Финансовое положение школьного дела. Постройка новых школ отчасти задерживалась отсутствием кредитов. Отчеты губернских Отделов констатируют, что финансовое положение школьного дела в начале учебного года (сентябрь 1918 года) было весьма затруднительное: в Балашовском уезде этот вопрос обстоял так остро, что временно было разрешено взимать плату за право учения; в Саратове Отделу народного образования приходилось проводить бесплатность обучения в то время, когда в его распоряжении „не было ни единой копейки", кроме весьма недостаточных сумм на оплату содержания учащим. С большими трудностями в ноябре и декабре удалось добыть для губернии кредиты, которые были распределены по уездам для удовлетворения школьных нужд.

Школьная реформа. Перестройка школьной жизни началась в сентябре 1918 года, когда постановлением единой школы были уничтожены все начальные, торговые, железнодорожные школы, гимназии и т. д., и вместо них была объявлена Единая Трудовая Школа с разделением на ступени. В Саратове совместность обучения была проведена в полной мере; при размещении детей по школам были соблюдены их интересы: близость их квартир от школ и т. д. Для проведения всеобщности в городе было открыто столько школ, что Отделу неизвестно ни одного случая, чтобы кто-либо из желающих учиться не получил возможности удовлетворить свое желание. В уездах всеобщность и обязательность обучения в проведении задерживается недостатком помещений и педагогического персонала. В некоторых уездах (Балашовском, Петровском) вопрос об обязательности разрешен положительно. Для реального осуществления всеобщности обучения еще в июле и августе 1918 года в каждом уезде предполагалось открытие новых комплектов и школ.

Питание, снабжение обувью, мануфактурой. Питание школьников в губернии в 1918 году не было организовано за отсутствием средств; в 1919 году они были получены, и дело стало налаживаться. В городе Саратове организация горячих завтраков была возложена на школьно-санитарный Отдел, который и проводил их в жизнь по всем школам. Из уездов сообщают также о введении горячих завтраков по школам. В Балашовском уезде родители отказались от организации горячих завтраков при школе, ссылаясь на то, что дети их достаточно хорошо питаются дома. Снабжение детей обувью, мануфактурой обстоит неудовлетворительно и после получения кредитов. Было получено: в Саратове—вален. обуви — 1.451; галош—965 пар, кожаной обуви—400; в Камышинском уезде—всего 100 пар обуви; в Сердобском—465 пар обуви, 600 пар чулок. Из уездов сообщают, что слабая посещаемость школ объясняется отсутствием у детей обуви и одежды.

Школьные пособия. Повсюду недостаток в пособиях; объясняется это частью отсутствием необходимых средств, частью же ненормальным положением снабжения, которое наблюдается в центре. В Сердобском уезде Чрезвычайная Комиссия вмешивалась в снабжение школ учебными пособиями, при чем деятельность ее в этом направлении нельзя назвать целесообразной: например, когда было получено художественное издание картин музея императора Александра III, все они были сожжены потому, что в заголовке стояла надпись: „картины музея императора Александра III". Губернским Отделом для смягчения этой нужды предприняты шаги: он ходатайствует в центре об организации в Саратове в крупном размере книжного издательства; данные к этому уже имеются: типография найдена, средствами можно воспользоваться теми, которые отпущены на общедоступность обучения. Для правильной организации закупки учебников Губотнаробраз будет иметь в центре своих постоянных представителей, которые будут высылать книги на места. Для снабжения губернии книгами, наглядными пособиями сделан в Москве и Петрограде заказ на $1^1/_2$ миллиона рублей. Уездные Отнаробразы с своей стороны стараются улучшить положение, выдают авансы, посылают делегатов в центр, открывают писчебумажные магазины (Хвалынский уезд).

Трудовые процессы. Трудовые процессы в губернии (по отчету губернского Отдела—декабрь 1918 г.) осуществляются неодинаково: в городе в меньшей степени, чем в уездах, в школах

II ступени меньше, чем в школах I ступени. В уездах в школах I ступени для осуществления идей трудовой школы приглашаются инструкторы, которые дают уроки по сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству, пчеловодству, вводится преподавание ремесл и основ огнестойкого строительства. Уездные земские Отделы отводят для школ участки земли, помещичьи сады и даже целые усадьбы. Уездные Отнаробразы предполагают силами школьных коллективов производить обработку полей, организовывать устройство плодовых, ягодных садов, парников, огородов. Несмотря на ряд неблагоприятных условий (отсутствие нужных материалов, инструкторов), реальное проведение трудовых процессов в школах осуществляется, и имеются данные, указывающие на практические результаты в этой области. Так, в дер. Лопуховке, Вольского уезда, в столярной мастерской при школе дети прекрасно выучились делать скамейки, вешалки, корыта и т. д. Обучение этому ремеслу имеет большое значение для населения, так как оно, за небольшим исключением, не было знакомо с этим ремеслом. В деревне Чеботаревке, Сердобского уезда, ученики делают колеса и обслуживают ими жителей. В столярных мастерских при школах учащиеся делают скамьи и столы для общежития; в переплетных мастерских учащиеся переплетают свои книги, книги, присылаемые Отделом народного образования для школ и по заказу. В некоторых уездах, в школах которых введено столярное ремесло, достигнутые успехи в этой области объясняются тем, что от Совета народного хозяйства получаются материалы без всяких затруднений.

Материал, относящийся к более позднему времени (март—апрель 1919 г., „Отчеты инструктора физического труда) выясняет, что при обследовании городских школ гор. Саратова инструктором были обнаружены разнообразные формы проведения трудовых процессов. Так, в 1-й школе II ступени, имеющей значение образцовой, имеется оборудование и ведутся работы: столярные, токарные, слесарные, переплетные, ткацкие (ручной станок); имеется кузница; есть мастерская для выпиливания, занимаются резьбой по дереву. Не во всех школах встречается такое разнообразие видов трудовых процессов, но даже в рядовых школах имеются различные мастерские. Всюду работа ведется под руководством специалистов, иногда одиночным, иногда коллективным порядком; работы ведутся группами, по сменам, при самостоятельной и свободной группировке учащихся. Отнаробраз отмечает недостаток материалов и оборудования; это подтверждается на практике в тех школах, где дело налаживается. В городе 67 школ I ступени и 17 школ II ступени (сведения городского Отнаробраза): столярное ремесло в школах I ступени — 30 школ; II ступени — 10 школ; слесарное в I ступени — ни одной школы, во II ступени — 3 школы; переплетное I ступени — 21 школа, II ступени — 8 школ; сапожное ремесло—I ступени — 4 школы; II ступени — 3 школы; рукоделье — во всех школах.

Самообслуживание. Что касается самообслуживания, то в некоторых школах оно проводится в полной мере, в других школах—частично, так как уездные Отделы признают, что колка дров, топка печей, если она происходит рано утром, вредно отражаются на детском организме, а потому постановлено производить эту работу с помощью наемного труда. Самообслуживание применяется во всей полноте в 3-ей советской школе I ступени в Сердобском уезде; учащиеся там сами колют дрова, моют полы во всей школе, сами готовят и подают горячие завтраки; сами же топят еженедельно свою баню. Такая же работа производится учениками в общежитии школы II ступени гор. Сердобска; ученики в этом общежитии делают все сами: пекут хлеб, готовят обед и т. д., и везде чистота образцовая.

Проект организации 1-й вспомогательной школы. При губернском Отделе возник также проект организации 1-й вспомогательной школы. Необходимость устройства такой школы была признана губернским Отделом для детей, слабо-одаренных в умственном отношении. Цели вспомогательной школы определяются губернским Отделом следующим образом: 1) дать, по крайней мере, элементарное образование в объеме I ступени Единой Трудовой Школы; 2) возможность закончить общее образование в нормальной школе по окончании вспомогательной, 3) дать специальную подготовку тем из них, которым не представляется возможным продолжать образование в нормальной школе.

Образцовые трудовые школы. По инициативе губернского Отдела в городе на окраинах в рабочих районах для детей пролетариата возникли образцовые трудовые школы. Так здание бывшего Мариинского института использовано для железнодорожного района рабочих. В нем устроен „Дом труда и просвещения“, где имеется хорошо оборудованная школа I и II ступеней с мастерскими, садом, прудом, огородом, библиотекой и т. д. III советская школа на противоположном конце города носит такой же характер.

Говоря вообще о деятельности губернского Отдела, следует отметить, что он справляется со своей задачей по мере возможности.

Школа-коммуна в городе Вольске. Реальное осуществление коммунистических начал наиболее полно достигнуто в Вольской образцовой трудовой школе, получившей название „Школы труда и знаний“. Эта школа была создана также и для той цели, чтобы учащие могли в ней знакомиться с новыми методами преподавания, изучать постановку новой трудовой школы. Эта школа с внешней стороны обставлена вполне благоприятно для правильного проведения принципов Единой Трудовой Школы. Площадь, занимаемая ею, равняется 21 дес. При школе имеется огород, сад, пруд с рыбами, садками, цветники, парники и т. д.; мастерские: столярная, швейная, токарная, картонажная, сапожная. Положено начало организации пасеки и фермы. Организуются общая читальня, художественная студия, детский клуб. Весною большая площадь двора, фруктового сада и остальная часть усадьбы дадут возможность завести самые разнообразные работы по сельскому хозяйству, огородничеству и т. д. Занятия учащихся происходят в целом ряде рабочих комнат-лабораторий; лаборатории обставлены не партами, а столами, украшены цветами и портретами соответствующих ученых деятелей. Пока существуют следующие лаборатории: по физике, математике, естествознанию, химии, агрономии, по родному языку, истории, географии, графическому искусству, лепке, резьбе по дереву, по музыке, пластическим танцам, гимнастике. Большинство этих лабораторий уже в данное время прекрасно оборудовано пособиями, имеют значительные помещения и соответствующую мебель. Учащиеся в школе имеют свободный выбор заняться тем или иным предметом, той или другой отраслью знания.

В школе на 25 января 1919 года насчитывалось 280 учеников, из которых в интернате состоит 100 учеников—сирот и полусирот. При школе имеется коллектив учащихся, который начинает проявлять активность в вопросах школьной жизни, вплоть до открытой критики школьных работников, не проводящих декретов о Единой Трудовой Школе и придерживающихся старых приемов работы. Школьные коллективы распределяют работу среди своих членов, при школе организовались следующие трудовые дружины: библиотечная, по кухне, столярная, гигиеническая, по организации разумных развлечений, театральная, по уборке сада, огорода и т. д. Школа открыта в течение семи дней; для воскресных дней имеется свой кадр школьных работников, которые ведут организацию игр, школьных театров, вечеров. Основной принцип, который в этой школе осуществляется, это—самодеятельность учащихся; руководители стараются, чтобы детям принадлежала инициатива, чтобы дети не были задавлены авторитетом педагогов (Записка о „Школе труда и знаний“ от 20-го января 1919 г.).

Отношение населения к трудовым процессам. Отношение населения к введению трудовых процессов в школе с одной стороны весьма сочувственное, когда дело касается занятий детей различными ремеслами и знакомства их с теми трудовыми процессами, которые имеют утилитарное значение; с другой стороны население возмущается введением других видов труда, напр., самообслуживания. Так, в Сердобском уезде крестьяне говорят: „мы посылаем детей учиться, а не для топки печей", и сами наняли сторожа, платя ему 15 руб. в месяц. К введению в школе рисования, лепки и др. ручных работ крестьяне относятся также недоверчиво: все это, мол, одно баловство, напрасная трата времени (село Макарово, Балашовского уезда). В Хвалынском уезде введение в программу рукоделия, рисования и т. д. имело то последствие, что родные стали брать детей из школы.

Светское начало в школах и отношение к нему населения. Отделение церкви от школы вызвало в уездах ходатайства сельских обществ перед уездным Отнаробразом о допущении преподавания Закона Божия в стенах школы. Материал позволяет констатировать, что в тех уездах, в которых вопрос об отделении церкви от школы всесторонне освещался путем ряда бесед, население брало назад свои ходатайства, говоря, что оно их послало „по своей темноте", не проявляло никаких резких выходок и примирилось с реформой. Следует отметить, что население стремится к знанию, отзывается на школьные нужды, например, граждане села Салтыковки обложили каждую душу по 50 коп. на покупку учебных пособий; сбор не был произведен только потому, что было разъяснено, что государство отпускает достаточно средств, но пособий невозможно достать в нужном количестве. Во многих уездах открываются школы, при чем расходы по оборудованию школьных зданий, отоплению, освещению население принимает на свой счет; за счет сельских обществ открываются вечерние курсы. Крестьяне нескольких сел Саратовского уезда сделали добровольное пожертвование на народное образование в сумме 100.000 руб.

Учащие. Учительство в своем политическом настроении и в своей педагогической работе переживает эволюцию. Первоначальная неподготовленность, не только педагогическая, но и общеобразовательная, которую отмечают губернский и уездные Отделы, постепенно сглаживается.

Так, в начале прифронтовое положение губернии превратило скрытое недовольство учительства против советской власти в явное. Совет народного образования сообщает, что учительство действовало против советской власти, для чего пользовалось агитацией среди родителей и учащихся. Этот же Совет пишет, что учительский союз, стоящий на платформе Всероссийского Учительского Союза, признал необходимым вхождение своих членов в советские организации по народному образованию для подрыва пролетарской власти („Совет народного образования", апрель 1918 г.). Реакционно-активное настроение учительства отражалось в том, что, напр., в Вольске часть его принимала участие в белогвардейском мятеже. Учащие средних учебных заведений гор. Саратова резко отказались от участия в празднествах 1-го мая 1918 года; эти же учащие сочли для себя унизительным подавать в Совет народного образования прошения об оставлении их на прежней службе. Совет народного образования отмечает, что учительство создает такую разруху, „такую новую трудовую школу", в которую дети перестанут совсем ходить. Характерным является отношение учительства к уничтожению преподавания Закона Божия; значительная часть его при объяснении этого вопроса населению ссылается на начальство; большинство находит, что отмена его нецелесообразна.

С течением времени связь, которая существовала между местными учительскими союзами и Всероссийским Учительским Союзом, порвалась. Союзы

учителей приняли окраску профессиональных организаций, потом постепенно из профессиональных союзов стали выходить и образовываться ячейки учителей-интернационалистов. Союз учителей-интернационалистов был реорганизован: все учителя-коммунисты были зачислены во фракцию при губернском Отделе. Остальная часть учительства объединилась в союз работников по народному просвещению; цель этого союза: планомерная работа по проведению принципов Единой Трудовой Школы и полное сотрудничество с Отнаробразами. Уездный и губернский Отделы отмечают, что учительство искренно стремится работать совместно с советской властью: оно принимает участие в организации Единой Трудовой Школы, в устройстве популярных лекций, курсов. Так, учащие Сердобского уезда для более правильной организации Единой Трудовой Школы издали „Руководящие указания"—сборник всех постановлений и программ о Единой Трудовой Школе. Этот сборник имеет каждый учитель Сердобского уезда; этими же учащими был подготовлен к напечатанию комментарий к руководству, но не был издан за неимением средств. В Хвалынском уезде учащие организовали кружок, цель которого—совместная разработка вопросов, относящихся к трудовой школе.

Учительство, чувствуя свою беспомощность, когда дело коснулось введения трудовых принципов, стало приглашать мастеров для обучения их различным ремеслам, которые они думают преподавать в школах. Ряд резолюций учительских съездов выражает стремление учителей прийти на помощь советской власти в области строительства новой школы. Так, резолюция учителей Сердобского уезда от 16-го апреля 1919 года гласит: „Учительство, являясь плотью от плоти трудового народа, должно напрячь свои силы, дабы объединить труд масс, поднять культурный уровень и повести их к светлое царство социализма". Резолюция учительского съезда Вольского уезда (Сосновской волости) говорит: „Мы сознаем свой долг итти вперед и нести свет и пробуждение в слои деревенской массы, а потому признаем необходимым устраивать лекции на научные и политические темы и открывать вечерние курсы для взрослых". Аналогичные заявления были от учительских съездов Камышинского и Хвалынского уездов.

Курсы. Для подготовки учителей в связи с реформой школы губернский Отдел в декабре 1918 года предполагал открыть почти во всех уездах одногодичные курсы учащих I ступени. Уже имеются сообщения, что с января такие курсы открыты в некоторых уездах: в Балашовском, Саратовском, Хвалынском, Петровском. Программы этих курсов указывают на понимание задач текущего момента; напр., в программу курсов Хвалынского уезда входит: история социальных учений в связи с советской конституцией, принципы трудовой школы, физика (преимущественно практические занятия), сельское хозяйство, химия, ботаника, рисование и т. д. Съезды учителей в губернии часто принимают характер курсов; докладами с мест выясняется, что сделано в школах для проведения в жизнь начал трудовой школы, рассматриваются вопросы о трудовых процессах весной и летом, о мерах удержания учащихся летом в школе, о самоуправлении учащихся и т. д.

Учащиеся. Самоуправление учащихся вводится по школам уезда; оно выражается в участии учеников в руководящих органах школы: так, в Сердобском уезде учащиеся входят во все комиссии в значительном количестве. Дети весьма интересуются введением самоуправления: они устанавливают в классах порядок и дисциплину. Ученическая организация школы II ступени гор. Сердобска имеет свою конституцию, которая является сколком с конституции Р. С. Ф. С. Р. Все учащиеся этой школы объединены в одну организацию трудовой коммуны. Коммуна имеет совет ученических депутатов и центральный исполнительный

комитет. Есть данные, указывающие, что все-таки самоуправление учащихся должно быть взято под непосредственное наблюдение учителей,—напр., в Балашовском уезде дети стали уклоняться от выполнения тех правил, которые сами установили, и пришлось учителям вмешаться ради поддержания дисциплины. Имеются другие факты, указывающие на падение дисциплины среди учеников: так, в Саратове в школах II ступени замечено, что ученики старших классов дурно влияют на младших товарищей. Поэтому членам уездных Наробразов вменяется в обязанность вести с учениками беседы на тему поднятия дисциплины.

Учащиеся в губернии создают разного рода кружки: литературно-художественные, драматические, издают журналы, газеты. В Сердобске учащиеся издают журнал „Первые шаги"; они его не только сами писали и редактировали, но даже сами и набирали. В Саратове учащиеся от 9—15 лет издают газету „Детская Правда"; в редакцию этой газеты ежедневно поступает много рукописей. Среди молодых сотрудников происходят оживленные собрания; на этих собраниях вынесено постановление, чтобы взрослые в газетах не писали, чтобы газета чаще выходила и чтобы она была во всех школах.

Секция по разработке материалов при Отделе единой школы.

Дело школьного образования в Симбирской губернии.

Симбирская губерния принадлежала к числу прифронтовых губерний. Близость театра военных действий накладывала известный отпечаток на всю работу местной власти по школьному делу, отрывая всех видных работников на более серьезное и ответственное в то время дело организации обороны и подавления восстания. Например, губернский комиссар по просвещению был в то же время и членом военного штаба, членом комиссии по борьбе с контр-революцией, и в связи с этим он несомненно не мог уделять работе по народному образованию достаточно времени. Все это, конечно, должно было отражаться на ходе школьной реформы.

В июне почти вся территория губернии была захвачена чехо-словаками. Оставшаяся небольшая часть представляла собою военный лагерь, так что о проведении реформы не могло быть и речи. И только в сентябре, когда удалось очистить ее от врага, представилась возможность приступить к осуществлению тех положений, которые были выдвинуты в деле строительства новой школы. Таким образом проведение реформы сильно задержалось и началось с запозданием.

Восстание чехо-словаков разделило весь ход школьной реформы на два периода: первый—с февраля 1918 года, когда образовался губернский орган, в ведение которого перешло школьное дело в губернии — Народный Комиссариат по Просвещению, как он именовался тогда, и до июня — июля, когда почти вся губерния была захвачена врагами, и второй — с сентября, после очищения территории от чехословаков и по настоящее время.

Следует сказать несколько слов о населении этой губернии. На ряду с чисто-русским элементом здесь живут и другие национальности: мордва, чуваши, татары и евреи. Соотношение этих элементов в разных уездах различно; в одних они составляют меньше половины населения, но есть и такие уезды, в которых русский элемент составляет меньшинство. Это вносит характерные для данной местности особенности в деятельность органов школьного управления.

I. До чехо-словаков.

(Февраль—июнь 1918 г.).

В феврале 1918 года был образован губернский Комиссариат по Просвещению. Первым его делом было оповестить все учреждения губернии о своем возникновении, с предложением по всем вопросам народного образования обращаться к нему. Однако, только с образованием соответствующих органов по народному образованию в отдельных уездах удалось наладить некоторую работу. При этом сфера компетенции уездных Комиссариатов по Просвещению и губернского была точно разграничена. На губернском Комиссариате лежало общее руководство в деле народного образования, координирование работы; он же взял на себя заведывание средними школами; непосредственное же заведывание начальными училищами было возложено на уездные органы. Однако следить за выполнением распоряжений губернского Комиссариата по средней школе и предварительно разрабатывать различные вопросы учебно-воспитательной части в ней и т. д., а также целый ряд вопросов, требовавших немедленного разрешения, должны были ведать и уездные органы.

Прежде всего пришлось столкнуться с недостатком людей. За отсутствием надлежащим образом подготовленных работников долго не удавалось пригласить даже заведующих отделами. Политическая обстановка отрывала, как это говорилось уже выше, всех видных работников. Во главе симбирского уездного Комиссариата по Просвещению стоял по убеждениям анархист, который таким образом смотрел на реформу школы: „реформа — дело хорошее, мы ей сочувствуем, но это все для будущего, когда увеличатся наши материальные средства". Видную же роль в этом органе играли представители Всероссийского Учительского Союза. Такое же положение было, повидимому, и в уездах, например, в алатырском уездном Комиссариате по Просвещению. По словам инструктора, полное несоответствие его состава и тех требований, которые предъявлял текущий момент, сказывались весьма ярко, и необходимость преобразования Комиссариата чувствовалась в самой его среде.

После ликвидации органа по народному образованию при губернском земстве, должностей директоров и инспекторов народных училищ, после того как все дела, касающиеся народного образования, были приняты у них, а также и дела Казанского учебного округа, куда с этой целью был командирован особый представитель, пришлось столкнуться с необходимостью составления денежной сметы по школьному делу на 1918 год. Однако материалы, которые перешли в ведение губернского Комиссариата, находились в таком хаотическом состоянии, что по ним не представлялось возможности сделать это, и Комиссариату пришлось командировать своих представителей в уезды для собирания всех необходимых сведений, и только после этого смета была составлена. Этот факт уже достаточно ярко показывает на те препятствия, с которыми приходилось сталкиваться органам по народному образованию на первых порах своей деятельности.

Среди образованных отделов при губернском Комиссариате большая роль выпадала на долю инородческого отдела, который распадался на подотделы: чувашский, мордовский, мусульманский. Школьное дело среди национальных групп, которые, как уже отмечалось, были весьма многочисленны, находилось в самом плачевном состоянии. На съезде учащих Корсунского уезда, состоявшемся в мае 1918 года, прямо указывалось на то, что, например, мусульманские школы находятся в таких условиях, что не может быть и речи о их включении в школьную сеть, а нужно говорить об организации мусульманского образования заново. Не в лучшем положении находилось дело народного образования и у других национальных групп. Таким образом, работа, выпадавшая на инородческий отдел, была в высшей степени серьезна и ответственна. Необходимо было много энергии, чтобы поставить тут дело на должную высоту. Второй задачей было привлечь на эту работу самих инородцев. Для этого Комиссариат в самом начале своей деятельности обратился к местному мордовскому населению с при-

глашением их на совместную работу; однако из отчета о деятельности губернского Комиссариата за этот период не видно о результатах этого приглашения. У татар был особый орган „*шуро*“ с отделом по народному образованию, который работал прежде в контакте с губернским земством. Они проявили тенденцию быть автономными и не сделали шагов к сближению с Комиссариатом. Ранее всего был образован чувашский подотдел (10-го марта 1918 года), в ведение которого входит руководство и наблюдение за школьным и внешкольным образованием среди чувашского населения губернии. Кроме текущей работы, которая требовала большого напряжения, ему удалось организовать выпуск газеты на чувашском языке, разработать сеть библиотек среди чувашского населения в губернии и т. д.

С самого начала Комиссариатом была поставлена на очередь и реформа школы. Проект преобразования школы в смысле изменения ее программы и методов преподавания озабочивал губернский Комиссариат. Было решено сначала подготовить к этому школьных работников и „всех, кому дорога начальная школа“ (отчет губ. Комисс. по Просвещению), и только уже после этого приступить к радикальным переменам. Предполагалось выполнить это в свободное от занятий время, а именно летом; этот же учебный год довести до конца без больших изменений, хотя некоторые шаги в этом направлении были предприняты уже тогда. По всем учебным заведениям губернии был послан циркуляр о том, что преподавание в школах Закона Божия считать необязательным и что впредь оно должно вестись лишь на частные средства. Была проведена также некоторая реорганизация педагогических советов в том направлении, что должности директоров и начальниц уничтожались, и всем педагогическим советам было предложено избрать вновь председателя, его товарища и секретаря. Педагогические советы были расширены и пополнены представителями учащихся и родителей, служащих, педагогов и представителями Комиссариата. Выборы состоялись недели за три до конца учебного года; срок полномочия выборных лиц был установлен по 1-е сентября. Из всех избранных лиц 60% оказалось новыми.

Для организации управления средней школой было предположено при губернском Комиссариате образовать отдельный орган—Большой совет, в который входили бы представители учащих, учащихся, родителей, служащих, педагогов, врач, представители губернского и уездных Комиссариатов и другие представители советской власти. Большой совет должен был собираться периодически, сессиями; для управления он избирал из своей среды Малый совет, в состав которого входили представители наиболее значительных групп.

Было решено коренным образом реорганизовать духовные учебные заведения в целях придания им характера общеобразовательных школ, при чем некоторыми из духовных учебных заведений, как, например, сызранским духовным училищем, были представлены со своей стороны проекты такого преобразования.

Предполагалось также изъять школы из ведомств военного, призрения и пр. и передать их в ведомство народного просвещения. Наконец, самое серьезное внимание было обращено на увеличение грамотности. Количество существовавших школ было, как и повсюду, совершенно недостаточно, и с этой целью для скорейшего осуществления всеобщего обучения было решено открыть в ближайшем будущем 140 новых начальных училищ с 560 комплектами, довести число высших начальных училищ с 29, имевшихся в то время, до цифры 103, преобразовав в высшие начальные училища также и все имевшиеся второклассные церковно-приходские школы, с каковой целью было постановлено не производить в них в этом году выпуска учеников.

Пожелание в этом духе вынес и учительский съезд Корсунского уезда.

Для развития профессионального образования было решено преобразовать и открыть вновь до 20 ремесленных училищ. Этот же вопрос, между прочим, затронул тот же учительский съезд Корсунского уезда, который вынес по этому вопросу пожелание об увеличении профессиональных школ.

В области среднего образования дело обстояло так. Из 34 училищ, имевшихся в Симбирской губернии (сюда включены, кроме реальных и гимназий, также коммерческое училище, землемерное училище и духовные заведения разных типов), половина находилась в Симбирске, а другая половина была сосредоточена в уездных городах. Ненормальность такого положения вещей бросалась в глаза, и Комиссариат поставил себе задачей приблизить среднюю школу к населению, открывая их по возможности не только в городах, но и в селениях и деревнях. В частности новые высшие начальные училища, предполагавшиеся к открытию в этом году, было решено открывать в селах. С целью увеличения средних учебных заведений были включены в смету на 1918 год кредиты на открытие новых четырех гимназий и четырех реальных.

Также предполагалось оказывать всяческое содействие частной инициативе по открытию школ и по возможности субсидировать такие учебные заведения.

В целях снабжения училищ книгами, наглядными пособиями и т. д. были предприняты шаги к организации книжного склада: с этой целью в Симбирске был реквизирован магазин „Семья и школа“, и были командированы отдельные лица для закупки всех необходимых пособий для училищ губернии. Все это через книжный склад распределялось по губернии.

Одним из самых важных вопросов, для регулирования которого пришлось немедленно принять самые радикальные меры, был вопрос о материальном положении учительства. Положение его было весьма критическим, в особенности положение учащих начальных школ. Они получали жалованье попрежнему —47 руб. в месяц, и на эту сумму часто должны были содержать и семью. Жалованье к тому же выдавалось крайне неаккуратно, иногда задерживалось по месяцам, и в связи с этим среди учительства начали свирепствовать голодный тиф и цынга. Уездные Комиссариаты извещали, что учителя покидают школы, стремясь найти более обеспеченные места.

В целях улучшения их положения Комиссариат немедленно провел в жизнь декрет центра, увеличивавший жалованье учащим до 100 рублей в месяц, и, кроме того, постановил дополнительно выдать по 100 рублей за ноябрь и декабрь 1917 года и за январь, февраль и март 1918 года, при чем соответствующие кредиты были также немедленно разассигнованы по уездам. На 1918 год были выработаны новые оклады, увеличившие жалованье учащим городских начальных школ до 300 руб., а сельским до 240 руб. в месяц, и эти суммы были внесены в смету на 1918 год.

Наконец, к числу вопросов, требовавших самого внимательного к себе отношения, принадлежал вопрос о подготовке учащих. Он был весьма больным. Из специальных педагогических учреждений существовало на губернию всего три учительские семинарии, при чем две из них были в городе Симбирске (чувашская и женская) и одна в селе Порецком. Главный контингент учащих давали епархиальные училища, педагогические курсы при высших начальных училищах, 8-й класс гимназии. Еще съезд деятелей по народному образованию, созванный губернской земской управой в октябре 1917 года, высказался в том смысле, что, кроме учительских семинарий, другие учреждения, выпускающие учителей, совершенно неудовлетворительны и могут быть лишь терпимы, пока нет достаточного количества учительских семинарий. На съезде учащих Корсунского уезда также

обращалось внимание на неудовлетворительность педагогических курсов при высших начальных училищах, которые давали большой % учителей. „Организация педагогических курсов при высших начальных училищах вообще,—говорилось там, — а особенно в глухих углах, где нет средних учебных заведений, которые могли бы снабдить курсы достаточно подготовленным составом преподавателей, является паллиативом и очень слабым", и настойчиво указывалось на необходимость коренным образом реорганизовать это дело.

Особенно строго стоял вопрос о подготовке учащих у отдельных национальных групп. Например, у мусульман из всех учителей в Корсунском уезде лишь один имел педагогическое образование, а все остальные были просто малограмотны. Однако необходимость заставляла допускать подобных лиц к отправлению учительских обязанностей.

В соответствии с этим пожеланием Комиссариат постановил увеличить число учительских семинарий, с таким расчетом, чтобы каждый уезд обслуживался своей семинарией. И в смету на 1918 год были включены кредиты на устройство педагогического института в Симбирске.

С целью несколько смягчить этот вопрос было решено летом открыть для пополнения знаний учащих учительские курсы в Симбирске, при чем было решено оказать самую деятельную поддержку тем уездам, которые нашли бы возможность устроить такие курсы и у себя.

Таким образом, на первых шагах всем органам по народному образованию пришлось приняться за расчистку почвы для строительства новой трудовой школы, создать условия, чтобы это строительство могло проводиться в жизнь. Эта ликвидационная работа старого была выполнена Комиссариатом, нужно было приступить к новой созидательной работе, но почти накануне пришлось прервать все это, так как наступление белогвардейцев парализовало работу, а захват почти всей территории Симбирской губернии естественно повлек за собою полную приостановку работы.

II. После чехо-словаков.

(Сентябрь 1918—март 1919 года).

Тотчас же после освобождения Симбирска от чехо-словаков было приступлено к прерванной работе. Большой перерыв в работе, вызванный захватом территории, оказал немалое влияние на дело народного образования, и многое приходилось начинать снова.

В первую очередь было приступлено к восстановлению того, что уже было проведено советской властью и отменено властью Самарского Комитета Учредительного Собрания. Снова были ликвидированы дирекции и инспекции начальных училищ, подтвержден декрет о светском начале, второклассные школы опять преобразованы в высшие начальные училища и т. д.

Немедленно же были приняты меры к установлению связи с уездными Отделами по народному образованию, для чего с целью информации их посылались декреты и распоряжения, а при губернском Отделе был образован литературно-издательский подотдел, задача которого заключалась в снабжении в будущем уездных Отделов программами, проектами и другими материалами по народному образованию. Для того, чтобы занятия в школах возобновились без запоздания, были приняты соответствующие меры. С большим трудом удалось начать их в школах гор. Симбирска с 20-го сентября. Однако дело с этим наладилось не сразу, и на заседании 3-го октября Губотнаробразу приходится считаться с фактом непосещения учащимися школ, для устранения чего он выносит следующее постановление: напечатать в газетах сообщение, что с 10-го октября все учащиеся должны приступить к регулярным занятиям. Гораздо труднее было начать во-время занятия в уездах, и там они возобновились не ранее второй половины октября.

На одном из первых заседаний Губотнаробраз принимает постановление о настоятельной необходимости скорейшего проведения в жизнь всеобщего обучения и в связи с этим меры к скорейшему собиранию всех нужных для этого статистических сведений по губернии. Однако для осуществления всеобщего обучения придется затратить еще много сил, так как ни количество учащих, ни число школ не являются достаточным для этого. Например, в Алатырском уезде имеется всего 285 комплектов; чтобы осуществить всеобщее обучение там, понадобилось бы 437 комплектов, так что недостает еще 152 комплектов. Положение дела в этом уезде не представляет чего-нибудь исключительного.

Первые шаги на пути школьной реформы. С течением времени, когда жизнь потекла более нормально, представилась возможность приступить к реформе согласно принципам Единой Трудовой Школы. Подготовительные шаги были приняты, впрочем, в самом начале, и 3-го октября Губотнаробраз выносит постановление о необходимости созвать возможно скорее совещание с представителями педагогических советов для обсуждения этого вопроса. До этого жизнь в школах продолжала итти без больших изменений в программах; так, например, в 1-й гимназии гор. Симбирска в начале октября преподавание велось по старым учебникам, продолжал преподаваться Закон Божий, так что губернскому Отделу снова пришлось подтвердить о недопустимости этого, об упразднении всех богослужебных обрядов в стенах школы, и на ряду с этим он постановил немедленно изъять из школьных библиотек все книги патриотического и догматическо-религиозного характера.

Постепенно были проведены декреты об отмене платы за учение, о переходе всех школ в ведение Отделов народного образования; духовные училища были преобразованы; в школах взамен латинского языка и Закона Божия было введено преподавание политической экономии, законоведения и т. д. Во всех школах было приступлено к ознакомлению учащихся с метрической системой.

Чтобы подготовить преподавателей по этим предметам, в Симбирске были устроены краткосрочные курсы, которые прошли с большим успехом, дав значительное число учащих. Чтобы работа по народному образованию не тормозилась отсутствием кредитов, всем уездным Отделам были переведены авансы в счет смет.

Наконец, в ноябре была утверждена инструкция о преобразовании школ в Единую Трудовую Школу, которая была немедленно разослана всем Отделам народного образования. Для выработки программ в новой школе и для практического проведения реформы были созданы при губернском Отделе 16 комиссий, в состав которых были привлечены и учащие. Среди этих комиссий была выделена особая центральная комиссия, функции которой заключались в общем контроле над деятельностью всех других комиссий, и в ее состав были включены президиумы всех комиссий. Учащие, принимая участие в этих работах, ближе знакомились с тем, как должна быть организована трудовая школа. С этой целью в декабре были вызваны от каждого уезда представители Отдела и учащих, и после совещания было решено энергично приняться за проведение в жизнь принципов новой школы. С января в школах Симбирска было постановлено ввести совместное обучение, и тотчас же после совещания начали приниматься подготовительные меры. В Ардатовском уезде практическое проведение положено было начать тотчас же по окончании рождественских каникул, с 9-го января. Для популяризации идей трудовой школы устраивались митинги для учащихся и родителей, и в школах читались доклады по этому же вопросу.

Светская школа. Довольно болезненно в некоторых местах проходил декрет о светском начале. Съезд учащих Корсунского уезда в мае 1918 г. констатирует факт недовольства насе-

ления тем, что преподавание Закона Божия не допускается в стенах школы. Боясь враждебного отношения с его стороны, съезд принимает резолюцию в его же духе: „Считаясь с распоряжением советской власти об исключении из школьных программ Закона Божия, в котором народ видит основу религиозного воспитания, Корсунский 1-й делегатский учительский съезд высказывает пожелание, чтобы стены школы предоставлялись для занятий с детьми Законом Божиим во внеурочное время, раз этого пожелает само население, находя это пожелание не противоречащим декрету о свободе совести". Учительство, несомненно, несколько терроризовано неприязненным отношением к декрету населения, и инструктор Симбирского уезда, например, передает такой факт из своей практики. Приехав в одну из школ уезда, он обратил внимание, что икона продолжает висеть в ней. На его удивленный вопрос учительница ответила, что она сама не может снять ее, а никто не хочет сделать этого. Инструктору тогда пришлось сделать это самому; однако его просьбу передать икону в церковь учительница категорически отказалась исполнить, мотивируя свой отказ страхом перед крестьянами. Губернский Отдел с целью ознакомления учащих с вопросами, проистекающими из этого декрета, предложил школьным советам выписать журнал „Революция и Церковь" и принять все зависящее для правильного объяснения этого декрета населению.

Трудовое начало. С целью скорейшего осуществления трудовых процессов было решено использовать ремесленные школы как мастерские для изготовления необходимых инструментов и других материалов для трудовой школы. С течением времени дело начинает налаживаться. При школах начинают создаваться мастерские, и дети привлекаются к работам. При одной из школ города Ардатова учреждается класс корзинноплетения. Ардатовский Отнаробраз принимает меры к закупке для школ города и уезда сельскохозяйственных орудий. Наконец, условия позволяют вынести постановление (3 февраля 1919 г.) о введении во всех школах города плетения соломенных шляп и корзин, как наиболее легких процессов. С целью снабжения школ губернии предметами для трудовых процессов в Симбирске образуется специальная мастерская, а при школьном подотделе Губотнаробраза образуется специальная секция по введению трудовых процессов, в состав которой вошли специалисты-инструкторы по ручному труду (большая часть бывших учителей ремесленных школ) и представители школьного подотдела. Эта секция приступила к работе и уже наметила целый ряд положений, которые предполагается провести в жизнь. Во-первых, она признала необходимым учреждение курсов для подготовки инструкторов по трудовым процессам, затем решено взять на учет во всех городах губернии все помещения при школах, годные для занятий ручным трудом, весь инвентарь, инструменты, станки и другие предметы оборудования ремесленных школ и классов ручного труда. Наконец, постановлено закупить все нужные инструменты, поскольку это представляется возможным. Нужно сказать, что неподготовленность учащих в этой области служит большим тормозом для успешности дела. В Корсунском уезде, когда начали проводить в школах трудовое начало, было отмечено оставление своих должностей многими учащими, и нужно было особое распоряжение Отдела, чтобы принять меры к недопущению такого ухода.

Показательные школы. Для осуществления на практике принципов трудовой школы были приняты меры к открытию целого ряда показательных школ. Первой была открыта школа *Карла Маркса* в Симбирске. Для нее было очищено здание одной из бывших гимназий, и в число учащихся были включены дети-сироты, дети рабочих, беднейшего крестьянства и вообще беднейшего населения, дети советских работников. Здесь первые

классы были заменены кабинетами. В настоящее время уже функционируют хорошо оборудованные физический, химический, технологический кабинеты, мастерская столярная и слесарная, две студии для рисования, два кабинета родного языка и литературы, кабинеты исторический и географический, гимнастический зал. При школе учреждено общежитие.

Подобная же школа открыта и в селе Порецком. Принимаются меры к открытию еще целого ряда таких школ. Так, предположено открыть подобную школу в зданиях, принадлежавших ранее колонии малолетних преступников в Симбирске, где имеется громадный плодовый сад, парники, теплицы, есть подходящие для мастерских помещения и т. д. В Симбирске же в одном из частных домов открывается опытная школа I ступени, с целым рядом учреждений: детским садом, библиотекой-читальней, мастерской наглядных пособий, педагогическим музеем. Ардатовский Отнаробраз также решает создать подобную школу в селе Апраксине и переводит туда лучшие педагогические силы.

Школьный городок-коммуна. Специальная комиссия при губернском Отделе вырабатывает примерный план школьного здания. Предполагается создать его в виде городка-коммуны с павильонными постройками. Школьный городок устраивается за городом. При нем должны быть общежитие, кухня, баня, прачечная, столовая, детский клуб и т. д. Конкурс на такое здание уже объявлен.

Школьные здания. Однако успешное проведение реформы сильно тормозится неблагоприятными условиями. Весьма остро, а в некоторых местах прямо катастрофически обстоит дело со школьными зданиями. Школы помещаются часто в плохих, полуразвалившихся хатах. Инструктор ардатовского Отнаробраза указывает на одну из таких школ (Тихоновскую), которая помещается в холодной угарной избе, и находит, что лучше было бы совсем прикрыть ее. Под школы заняты многие барские дома, однако наплыв желающих учиться так велик, что не хватает никаких помещений. Обучаются в две смены. Норма учащихся на одного учителя значительно превосходит указанную в „Положении о Единой Трудовой Школе". При этом недостаток школьных зданий чувствуется не только в уездах, но и в городах. В самом Симбирске ни одно из зданий бывших средних учебных заведений не удовлетворяет самым примитивным требованиям санитарии. Ардатовский Отдел в заседании 24-го ноября констатирует, что „отсутствие помещений является главным препятствием к осуществлению намеченных мероприятий для рациональной постановки дела народного образования", и ему приходится обращаться в Исполком с просьбой предоставить для школьных нужд два частных здания в городе. В Алатырском уезде, например, имеется не более десяти зданий, вполне удовлетворяющих школьному строительству; большинство же школ помещается в наемных зданиях, не отвечающих требованиям гигиены.

Чтобы поставить здесь дело на должную высоту, понадобилось бы построить здание на 310 комплектов. Серьезность этого вопроса подчеркивает съезд учащих Буинского уезда (в ноябре 1918 г.). К тому же положение осложняется переездом сюда разных военных учреждений. „Приезд штаба восточного фронта (в Симбирск), — пишет инструктор в марте 1919 года, — осложнил квартирный вопрос, и одно помещение за другим отходит под нужды штаба". Приходится ликвидировать и самую показательную школу *Карла Маркса* в Симбирске, о которой пришлось говорить выше, так как здание ее берется военным ведомством. Предполагается перевести ее в другое помещение, но очевидно, что от этого она значительно проиграет и потеряет свой образцовый характер.

Топливо и освещение. Приходится считаться и с недостатком топлива и

освещения. Так, в заседании 29-го ноября 1918 года Губотнаробразу пришлось столкнуться с фактом недостатка дров для школ Симбирска и во избежание могущих быть неблагоприятных последствий перераспределить все имеющиеся запасы между всеми школами. Через несколько дней (17-го декабря) Губотнаробраз столкнулся с недостатком освещения, так как электричество с 18-го декабря предположено было отпускать в уменьшенном количестве, что должно было отразиться на занятиях во вторую смену. Губотнаробраз возбуждает ходатайство об отпуске керосина.

Оборудование школ. Нет книг, наглядных и других учебных пособий. Доклады инструкторов, протоколы заседаний Отделов указывают на это обстоятельство. Однако все возможное для устранения этого недостатка делается Отнаробразами. Ардатовскому Отнаробразу удалось закупить в конце 1918 г. 900 пудов книг.

Горячие завтраки. Не мало усилий было потрачено и на введение горячих завтраков для учащихся. Ардатовский Отнаробраз выносит постановление (в ноябре 1918 г.) созвать комиссию с представителями Отдела социального обеспечения и комитетов бедноты для разработки вопроса об организации горячих завтраков. Однако дело это долго не налаживалось, и только в последнем своем докладе (март 1919 года) инструктор отмечает, что дело принимает благоприятный оборот, и в некоторых уездах завтраки начинают выдаваться для неимущих.

Снабжение учащихся обувью и одеждой. Параллельно с этим шла работа по снабжению учащихся обувью и одеждой. Отнаробразы возбуждали целый ряд ходатайств перед продовольственными отделами, и в некоторых случаях эти ходатайства удовлетворялись, что позволило, например, в Симбирске снабдить бесплатно беднейших учащихся всем необходимым.

Школьно-санитарное дело. Много забот требовало школьно-санитарное дело. В этой области еще много придется потратить сил, чтобы поднять это дело на должную высоту, так как тут сделано еще слишком мало. Дети в школах лишены всякого медицинского надзора. С другой стороны, как уже приходилось отмечать выше, школьные здания находятся в таком положении, что требуют самого серьезного внимания. Кубическое содержание воздуха, условия освещения и отопления, вентиляция и т. п. оставляют желать лучшего. На этот вопрос в последнее время обращено серьезное внимание. При Отделах здравоохранения начинают возникать особые школьно-санитарные отделы, в ведение которых и переходит это дело.

Финансовый вопрос. Наконец, к числу вопросов, с которыми все время приходится считаться, является финансовый вопрос. Уже в первой части настоящей работы приходилось говорить о том, сколько сил было положено на составление сметы. Однако дело не улучшилось, и в заседании 19-го ноября Губотнаробразу приходилось считаться с фактом, что смету на второе полугодие 1918 года представили лишь 5 уездов из 8, а смета на первую половину 1919 года представлена всего двумя уездами. Решено было пригласить лиц, которые смогли бы инструктировать уездные Отделы. Несомненно, что в связи с этим стоит и задержка жалованья учащим, что отметил и учительский съезд Буинского уезда (в ноябре 1918 года). Вероятно, этим же объясняется и срочная просьба сенгилеевского Отдела немедленно перевести 300,000 руб. на содержание учащих. Расходы на народное образование настолько велики, что не хватает никаких средств на это. Считаясь с этим фактом, губернский Отдел в конце октября избрал из своей среды комиссию, которой поручает составить проект обложения населения на нужды просвещения. В Алатыре в начале октября была взыскана с буржуазии города и уезда контрибуция в 80.000 рублей; Губнаробраз высказался за поддержку

ходатайства местного Отнаробраза, чтобы деньги были обращены на народное образование, и предпринял соответствующие шаги перед Исполкомом. Здесь же следует упомянуть о постановлении учебной комиссии при Ардатовском Отнаробразе от 31-го декабря 1918 г., которая предполагает отнести на местные средства расходы по следующим пунктам: 1) на содержание волостных отделов, 2) оборудование и снабжение книгами уездной центральной библиотеки, 3) половину расходов на дошкольное и внешкольное образование, 4) на пособия беднейшим ученикам школ I и II ступени и 5) 10% и 4% отчисления в кассу социального обеспечения для тех работников, которые получают содержание на местные средства.

Школы национальных меньшинств. Выше уже был отмечен разнородный состав населения и деятельность Губотдела в связи с этим. У нас нет подробных сведений, которые могли бы всесторонне осветить школы национальных меньшинств, однако из тех сообщений, которыми мы располагаем, можно составить себе некоторое представление о положении этого вопроса. Распоряжение центра о преподавании в этих школах на родном языке находит живой отклик у народностей, и представители их на учительском съезде в Буинском уезде следующим образом высказывают это: „Национальная секция общего съезда учащих Буинского уезда, выслушав о постановлении национального Отдела Комиссариата Просвещения об организации школ национальных меньшинств с преподаванием на родном языке во всех ступенях трудовой школы, приветствует это постановление, выражает полную надежду, что это послужит не к разъединению, но к более тесному объединению всех национальностей и ускорит торжество интернационала". В прениях представитель мусульман высказывает мнение, что „для мусульман советская власть самая лучшая. Советская власть освободила от гнета и темноты и открыла им широкий простор к просвещению". Представитель чувашей также высказывается за поддержку советской власти.

Интересны пожелания, вынесенные отдельными национальностями на том же съезде учащих Буинского уезда. Чувашская секция высказалась за желательность преподавания гигиены в школах I ступени, за необходимость учреждения в уезде чувашских клубов, народных домов и библиотек, в которых, по ее заявлению, чувствуется большая нужда, об обязательном преподавании пения и музыки, где это представляется возможным, так как чуваши очень любят музыку, и, наконец, признала настоятельно необходимым созыв особого съезда учащих-чувашей и устройство курсов для последних с тем, чтобы лекторы на них были приглашены по рекомендации центрального чувашского подотдела культуры и просвещения. Мусульмане обратили внимание на насущную необходимость открытия для мусульман районных библиотек и библиотек при школах, а также на учреждение педагогической академии. Наконец, мордовская секция высказала пожелание иметь литературу на родном языке, и это было горячо поддержано всеми национальными группами, которые констатировали полное ее отсутствие.

Жажда к просвещению, охватившая широкие слои населения, особенно проявляется у мордвы. Инструктор Симбирского уезда говорит, что едва успевают приспособить под школу какое-нибудь здание в селении, где обитает мордва, кажется, что вопрос этим несколько разрешается, однако оказывается, что школа уже переполнена учащимися, а между тем далеко не все удовлетворены. У мусульман по закону Магомета все обязаны учиться, и это правило по мере возможности соблюдается ими. Страшный недостаток учителей служит серьезной помехой при этом. Приходится прибегать тут к самым решительным мерам, в роде постановления Ардатовского Отдела вернуть обратно в мусульманскую школу одну из учительниц, перешедшую из нее в Казань и поста-

вившую этим в безвыходное положение школу. Отделы идут навстречу пожеланиям национальных меньшинств и стараются, насколько представляется возможность, удовлетворить их. В заседании 24-го октября губ. Отнароб принимает в свое ведение все еврейские школы, постановляет изъять из них обучение Библии и предполагает детально познакомиться с постановкой преподавания в них, учреждает при Отделе четыре самостоятельные секции: мусульманскую, чувашскую, мордовскую и еврейскую, субсидирует чувашскую учительскую семинарию, находящуюся в Симбирске, ассигнует деньги на издание литературы на родном языке и т. д.

Учительство. В связи со школьной реформой большое значение приобретает вопрос об учительстве.

Настроение учащих было враждебным по отношению к советской власти. После восстания ряды педагогов значительно опустели, так что в некоторых школах не осталось и половины педагогического персонала. Во время господства белогвардейцев многие учителя принимали активное участие в их работе. С течением времени начался перелом в настроении учительства, и 2-го ноября инструктор отмечает, что „саботаж учительства падает и уступает место совместной работе". Однако этот перелом совершался весьма медленно, так что 18-го ноября губ. Отнароб еще характеризует настроение учительства Буинского уезда как „саботажническое". Через неделю снова приходится поднимать этот вопрос, так как собрание учащих города Симбирска, состоявшееся 25-го октября, было настроено весьма враждебно по отношению к советской власти.

Тут снова приходится сталкиваться с полной неподготовленностью учащих к тем задачам, которые выдвинуты переживаемым моментом. Еще в самом начале губернский Отдел отмечает, что необходимо освежить преподавательский персонал, так как теперешнее учительство не сможет провести в жизнь принципа трудовой школы. „Учительство почти в полном своем объеме не осведомлено о принципах трудовой школы", констатирует он. И целый ряд отзывов подтверждает это положение. „Во всех школах преподавание ведется по старым, архаическим методам, только в некоторых школах есть намёки на введение трудовых процессов". „Учащие, за самыми редкими исключениями, не подготовлены к новой школе, и идея об единой трудовой школе у них отсутствует". „Работа в школах ведется старотипным порядком". „Успехи учащихся ниже всякой критики, там (в школе) до сих пор царит старый дух". Вот целый ряд красноречивых отзывов, которые можно было бы привести без конца. И все это заставляет инструктора (Ардатовского Отдела) таким образом охарактеризовать учащих: „Учительство можно подразделить на две категории: ищущих и стремящихся к проведению в жизнь принципов единой трудовой школы и совершенно безнадежных—косных, пассивных и инертных". Пробуется дать объяснение всему этому. „Учащие перегружены всякого рода работами и, главным образом, работами по внешкольному образованию, поэтому у них нет времени ни для чтения, ни для подготовки к своим занятиям", отмечает один из инструкторов. Причины этого на самом деле надо искать гораздо глубже.

Неподготовленность учащих вместе с индиферентным, а в некоторых случаях и прямо враждебным, отношением к реформе является одной из главных причин того, что жизнь в школе не может итти нормально. Создавшееся положение угнетает учительство, и отзывы говорят, что среди них царит „полная растерянность". (Прот. заседания Ардатовского Отнароба.)

Курсы для учащих. Чтобы несколько смягчить остроту вопроса, Отделами устраивались курсы для учащих. Для ознакомления учащих с предстоящей реформой в декабре 1918 года были организованы краткосрочные курсы в Симбирске, на которые были вызваны по 11 учителей из каждого уезда. Там же 20-го февраля открылись годичные курсы для учащих. В этом же направлении шла работа и на местах. Известия из целого ряда уездов сообщают, что работа Отделов над открытием курсов увенчалась успехом и занятия на них уже начались.

Педагогический институт. Параллельно с этим шла работа и над созданием Педагогического института, и в конце января его удалось открыть в Симбирске. Важность настоящего вопроса побудила губернский Отдел учредить особый подотдел подготовки учителей.

Недостаток учащих. Недостаток преподавателей постоянно дает себя чувствовать. Выше уже приходилось отмечать те меры, к которым приходилось прибегать для устранения этого. Часто Отделам приходится относиться без большого разбора к кандидатам на должности учителей и назначать на них мало-мальски образованных людей. Этот же вопрос заставляет, например, Ардатовский Отдел вновь назначить на место учительницы лицо, незадолго уволенное им же. Приходится прибегать к решительным мерам, в роде предписания, отданного тем же Отделом врачам уезда, чтобы ими выдавались свидетельства о необходимости предоставления отпусков школьным работникам лишь в крайних случаях, когда данное лицо действительно не может вести занятий. В связи с этим стоит и тот факт, что занятия в учебных заведениях были начаты с большим запозданием, так как Отделам пришлось затратить много сил, чтобы заполнить после ухода чехо-словаков пустовавшие места в школах.

Материальное положение учащих. Кое-где весьма остро стоит вопрос о материальном положении учащих. На заседании 29-го ноября 1918 года губ. Отнаробу приходится столкнуться с фактом исключительного положения, в котором очутилось учительство Симбирска, в связи с дороговизной жизни, и для устранения этого приходится принять срочные меры к выплате учащим добавочного содержания.

Союзы учителей-интернационалистов. Во всех уездах организовались союзы учителей-интернационалистов; в октябре 1918 года возник губернский союз учителей-интернационалистов. В Корсунском уезде учительство в мае 1918 года на своем съезде высказалось за совместную работу с Отделом и в сентябре образовало союз учителей-интернационалистов, число членов которого быстро достигло цифры 300. Учительство этого уезда приняло самое горячее участие в деле переустройства школы на новых началах. В Алатыре союз учителей-интернационалистов возник в сентябре 1918 года, когда еще большая часть губернии была в руках белогвардейцев. Учащие, состоявшие членами В. У. С., вынесли резолюцию, в которой указывали, что он „не проводит в жизнь идеал трудящихся", объявили уездную организацию распущенной и на этом же собрании решили образовать союз учителей-интернационалистов. В Буинске в состав союза вошли коммунисты, сочувствующие им и народники-коммунисты. В одном из своих заседаний губернский союз принял постановление, „что все его члены должны принимать самое активное участие в происходящих работах по реформе школы", и организовал комиссию для выработки и проведения в жизнь программы политической деятельности союза.

Учащиеся. Сведения об учащихся скудны, но все же несколько освещают их жизнь. Повсюду в школах образуются классные комитеты учащихся, которые следят за порядком, дисциплиной и чистотой помещения. Кое-где организовались культурно-просветительные кружки, деятельность которых проявляется в издании журналов, в устройстве литературно-музыкальных вечеров, чтений, рефератов, спектаклей, лекций, митингов и проч. (Отчет инструктора за март 1919 года.) Там, где помещение в школах позволяет это, устраиваются сцены, для учащейся молодежи отводятся комнаты под клубы. 22-го ноября 1918 г. губ. Отнароб утвердил

устав музыкально-драматического кружка учащихся при одной из школ и предполагает отпустить ему деньги на сцену, декорации и электрическое освещение. 19-го декабря он же утвердил, с некоторыми изменениями, устав кружка учащихся при одной из школ Симбирска, устраиваемого с культурно-просветительными целями, и передал в его распоряжение 3,000 рублей. В связи с этим губ. Отнароб поручил одной из комиссий выработать примерный устав таких кружков. Принимаются меры к созданию союза учащихся коммунистов, при чем ячейки этого союза уже существуют.

С целью ознакомления учащихся с реформой школы устраивались митинги. На одном из таких митингов (10-го октября 1918 года) после выступлений представителей (в гор. Симбирске) губернского Отдела и инструктора учащиеся вынесли резолюцию, в которой заявляли следующее: „Мы, учащаяся молодежь, получая образование в школах советской республики, содержимых на средства трудового народа, являемся будущими носителями коммунистических начал", говорили „о своей солидарности с пролетариатом и беднейшим крестьянством всех стран" и выражали сочувствие и одобрение „мерам, принимаемым Комиссариатом Нросвещения в строительстве школ по типу единой трудовой школы-коммуны", считая ее „наилучшим питомником для воспитания граждан в коммунистическом духе".

Однако отмечаются и отрицательные стороны в жизни учащихся. Дисциплина значительно понизилась, были отмечены манкировки учащихся, в особенности в школах II ступени, отсутствие заботливости в поддержании внешнего порядка, и губернскому Отделу приходится принимать соответствующие меры к устранению подобных случаев.

Таковы сведения о положении школы в Симбирской губернии.

Секция по разработке материалов при Отделе единой школы.

Черты внутренней жизни школы в связи с реформой ее.

Понятный интерес к жизни школы заставляет приняться за учет внутренней школьной действительности, несмотря на отсутствие пока еще планомерных документальных данных; имеющийся материал, может быть, несколько незакономерно захватывая, освещает одни территории, оставляя в тени другие, и представляет необычайную пестроту деталей, зачастую не позволяющих отделить общее от частного, но он все-таки дает возможность установить некоторые черты школьной действительности, типичные для всей территории советской республики.

Внутренняя жизнь школы прежде всего, несомненно, находится под ударами общего хозяйственного и в частности продовольственного кризиса. Даже поверхностное знакомство с протоколами определенно устанавливает, какую массу энергии тратят Отнароб ы на добывание продовольствия, на организацию горячих завтраков, на распределение одежды и обуви, на заготовку дров и т. д. И все же неотопленное школьное помещение отпугивает детей, вызывая массовую непосещаемость, и это одинаково, как в центре (пример—хотя бы Хамовнический район Москвы), так и в глухих деревеньках периферии. В докладах с мест на съездах сквозят жалобы на удручающее действие холода. Отсутствие продовольствия в неменьшей мере расстраивает внутреннюю жизнь школы; правда, организация горячих завтраков, представляющая в благоприятных условиях очень хорошую обстановку для нового метода обучения, проявляется исключительно в связи с продовольственным кризисом. Так, в протоколах Пензенского общегубернского съезда заведующих Отделами народного образования читаем, между прочим: „Проводим декрет о детском питании. Открыты при каждой школе в городе горячие завтраки. В деревне пока завтраки не введены, потому что там питание лучше". Конечно, дезорганизующее влияние этого фактора значительно: понижается жизнедеятельность школьных работников, создается ничем больше не оправдываемая подвижность школьного персонала. Арзамасский Отнароб отмечает уже в 1919 г.: „В начале учебного года большая часть подающих прошения желала иметь места в городе или близко к городу, теперь—подальше от города. В городе, несмотря на все старания Отдела, в школе II ступени места (учителей) пустуют". Саратовский губ. Отнароб отмечает такой наплыв заявлений о переводе из голодающих губерний, что, предвидя возможность полного обезлюдения голодных губерний, решает производить перевод только с согласия местных Отнаробов. На заседании Богородского у. Отнароба от 4-го марта 1919 года (Московская губ.) представитель учительства заявляет: „Вследствие общей усталости учительство инертно, не стремится уяснить себе идеи трудовой школы".

Таково же положение и детей. В школах Хамовнического района Москвы замечается массовое отсутствие постоянных учеников в день выдачи какого-нибудь нового продукта. Наконец, неизменные спутники недоедания—тифозная и другие эпидемии—вызывают просто закрытие школ. Понятно, что в борьбе с этим злом приходится прибегать к особенным мерам. Отметив, что „отсутствие в продовольственных учреждениях необходимых товаров и трудность получения продуктов лишают Отдел возможности использовать кредиты в полном размере, что уже и случилось с кредитами прошлого года" (Нижегородская губ.), или „что Отдел продовольствия сам находится в крайне затруднительном положении в своих стремлениях обеспечить население только продовольственным пайком", Отнароб ы стремятся получить право „на самостоятельную закупку в порядке внеплановых нарядов" (Егорьевский у. Отнароб от 8-го марта 1919 г.). Понятно, эти факторы хозяйственного порядка поглощают львиную долю бюджета Отнаробов, их духовных сил и в то же время дезорганизуют внутреннюю школьную жизнь и тормозят развитие школьной сети.

Эти могущественные и суровые стороны жизни необходимо отметить, чтобы правильно ориентироваться во внутренних, чисто педагогических отношениях новой школы, вся перестройка которой рассчитана на энергичные искания, на приподнятую инициативную деятельность всех живых элементов школы. Может быть, грядущему, поставленному в лучшие условия поколению уже не так понятны будут и жалобы богородских учителей, и ускорится самый темп перехода к новому порядку.

Обратимся к основному принципу школьной перестройки—трудовому принципу, который при всестороннем проведении должен определить весь внутренний строй школы. Что же отмечают документы? В Нижегородских протоколах по отдельным уездам читаем: „преподавание трудовых процессов в школе не проведено, только вводится рукоделие, но нет материалов" (Балахнинский у. Отнароб за 1918 г.), или „за отсутствием инструкторов по введению в школу трудового начала сделано мало" (Лукояновский уезд), или „вследствие отсутствия подготовленных педагогов характер занятий в школе не изменился" (Семеновский уезд), или „реформа проводится слабо за неимением декрета о единой школе" (из отчета инструктора о Лукояновском уезде за XI и XII мм. 1918 г.) и т. д. Такие заявления, варьируясь лишь в формулировке, идут отовсюду, рисуя по существу однообразную картину. Но более поздние материалы? Может быть, они скажут что-нибудь более утешительное? Костромской губ. Отнароб от 26-го марта 1919 г. пишет уже несколько пространно: „Несмотря на все декреты и постановления центральной и местной власти, жизнь школы II ступени шла по существу старым путем, и нововведения, в роде школьных мастерских и т. п., уподоблялись заплатам на школьном кафтане. Все примерные планы, программы, обращения в руках старых преподавателей и, главное, в старой

атмосфере становились старыми циркулярами на новый лад или вовсе не могли быть выполнены" (Отношение губ. Отнароба от 26 марта 1919 г.). Должны ли мы поверить этим заявлениям? Да. Потому что здесь отмечается не только лишь факт, но приводятся убедительные объяснения: „за неимением декрета о единой школе, за отсутствием материала", „за неподготовленностью учительства", „за отсутствием инструкторов" и т. д. Остается обратиться в центр, располагающий лучшими педагогическими силами, с более приспособленной внешней обстановкой. Вот что рассказывают о занятиях в районных групповых мастерских Хамовнического района города Москвы: „Школа является (в мастерские), детей размещают около тисков, дают напильник и кусочек железа: одним — в виде гвоздей, другим — пластинку. И теперь велят им пилить известным образом. Спрашиваю у детей: зачем, что, для чего эта работа, сказали ли им об этом, но дети совершенно не знают. Потом уже выяснилось, что из гвоздя надо сделать шило, а из пластинки циркуль. Не в меньшем недоумении учителя, пришедшие с детьми. Стоят и наблюдают за порядком" (Из доклада школьного инструктора о состоянии школьного строительства в Хамовническом районе).

Все эти явления находят объяснение в том, что намеченный центром тип школы не имел никаких корней в старой школе, не вырастал органически. Его осуществление требовало специально подготовленных исполнителей и специального материала. Естественно, что на первых порах вся деятельность по проведению реформы выражалась в подготовительно-организационной работе, которая велась главным образом административными органами с единичными случаями самостоятельного выступления школьных и педагогических советов и отдельных педагогов. Повсеместно Отнароб более или менее планомерно, более или менее энергично заботятся о подготовке учительства, устраивая краткосрочные курсы и съезды учителей, о снабжении школ, производя закупки, отстраивая мастерские, приурезывая к школам земельные участки и т. д.

Елатомский у. Отнароб, планомерно развивавший подготовительную работу, в докладе о трудовых процессах от 17-го марта имеет уже некоторые положительные данные, отмечая оборудование мастерских, которые должны явиться благоприятной средой для развития школьных начал; в тех школах, где прежде имелись классы ручного труда, с самого начала учебного года функционируют мастерские и ведется обучение ремеслам. В Гридинской, Веряевской, Каргашинской и Безводно-Трудищенской школах I ступени открыты такие мастерские и ведется обучение ткацкому ремеслу. В Елатомской школе № 2 имеются две мастерские: столярная и дамско-портновская.

Отнаробом приняты меры к тому, чтобы расширить эти мастерские и дать возможность воспользоваться ими всем четырем елатомским школам, так что „в самом непродолжительном времени трудовые процессы будут введены во всех школах города Елатьмы". Далее отчет перечисляет школы, где введены разного рода ремесла и организованы соответствующие мастерские. Такие известия об оборудовании мастерских, о приспособлении их в центральные идут и из других мест; можно указать на отдельные уезды Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Симбирской гг. и т. д. Любопытно отметить несколько случаев, когда инициатива исходила от школьных советов. Так, Самарский губернский Отдел народного образования утвердил ходатайство 39 и 41 школ об отпуске аванса на оборудование переплетной мастерской; такой же случай имеем и в Липецке, Тамбовской губернии. Но внутренний строй этих учреждений совершенно не освещается, остается абсолютно неизвестным, осуществляют ли они те задания, ради которых возникают. Приведенный уже пример Ермаковского училища Хамовнического района города

Москвы способен только сгустить мрачные краски. Если мы обратимся теперь к снабжению школ пособиями вообще и пособиями для проведения трудовых процессов в частности, то встретим целый ряд указаний на крайнюю недостаточность школьного оборудования. Симбирские учителя-интернационалисты отмечают отсутствие учебных пособий, орудий, инструментов, материала. Но в центральных губерниях, где непрерывно существует советская власть, дело обстоит не лучше. В смысле снабжения пособиями школа безусловно является неблагополучной. Ни один учительский съезд по губерниям, уездам и волостям не обходился без указаний на дефекты в этом отношении. В пример приведу некоторые вопиющие факты. На заседании Богородского (Московской губернии) у. Отнароба от 4 марта 1919 г. представители учительства заявляют, что „даже Глуховская школа, находящаяся в центре мануфактурного производства, не может получить клочка материала, несмотря на то, что крысы грызут его в кладовых". Обращение в центр ничему не помогает. Конференция учащих Дмитриевского уезда от 27-го февраля 1919 года констатирует, что „недостаток учебных пособий, руководств и материалов для проведения принципов трудовой школы также грозно стоит перед центральным правительством, ибо этот факт не только тормозит работу преподавателя, но грозит создать в населении недоверие к учителям и резкую антипатию к новой школе".

Поставленное в такие неблагоприятные внешние условия учительство ищет выходов в упрощенных формах, но удачные результаты немногочисленны. Одна из учительниц Ивашкинской волости выделяется и заслуживает особой благодарности Отдела за то, что сумела поставить при школе приготовление сорных трав для корма. Учительский съезд подхватывает этот удачный опыт, возводит его в степень особенно желательного вида трудового процесса. Часто учительство направляет свое внимание на пчеловодство и огородничество, но больше всего на пение, рисование и лепку. Два последние предмета, может быть, неумело поставленные, как раз оправдывают только что приведенное заключение дмитриевского учительства. Лепка в отдельных местах вызвала такое возмущение, что от нее пришлось отказаться: население в характерных выражениях, дает свою оценку: „баловство", „трудиться дети и дома трудятся, а в школе надо учиться". Ведь это значит, что нововведение не используется как образовательное средство и не имеет определенного характера. Это отношение населения отзывается на жизни школы, вызывая массовую непосещаемость, иногда до 75%.

Благодаря внешним препятствиям на первый план выдвигается самообслуживание школ, самый распространенный вид трудовых процессов в данный момент. Простое указание на их введение, конечно, еще не говорит об их образовательном использовании, но иногда встречаются определенные указания на нерациональную постановку дела. Так, в заседании Выксунского Отнароба слушался доклад „О нежелании учеников II ступени исполнять трудовые процессы в школе". Отдел постановил сделать предупреждение, а затем прибегнуть к карательной мере — распустить классы (протокол заседания Выксунского Отдела от 17-го февраля 1919 г.). Очевидно, здесь не все обстояло благополучно, потому что уже 27-го января Отделом издан был циркуляр, в котором предлагалось школьным работникам „проводить самообслуживающий труд в школе организованным путем, сделав его личным и приятным" (Циркуляр Выксунского района Нижегородской губ. от 27-го января 1919 г.). Некоторые Отделы стараются даже предупредить такие явления: Балашовский у. Отнароб постановил 7-го марта 1919 г. производить мытье полов и топку печей в I ступени наемным трудом, заботясь о детском здоровье. Аналогично постановление елатомского съезда. Таким образом мы не имеем пока ука-

заний на здоровую постановку трудовых процессов в школе. Наоборот, неумелый подход к ним вызвал недовольство со стороны населения, отлив учеников от школы и даже дискредитировал новую школу в глазах населения.

Остается посмотреть, как используется прежний образовательный материал, насколько новые методы проникают его.

Есть единичные указания на то, как распределяется работа по отдельным отраслям знания. Оказывается, что в школах II ступени гор. Василя (Нижегородской губернии) один учитель совмещает: естественную историю и гимнастику, другой — русский язык, географию, естественную историю, физику, третий — геометрию, естествоведение, садоводство и огородничество, четвертый — русский язык, географию, естественную историю, физику, рисование, пение и т. д., причем те же протоколы с очевидностью обнаруживают, что такое совмещение вовсе не обусловливается универсальным образованием, а „вызывается крайней необходимостью, отсутствием особых специалистов". Видимо, наученный горьким опытом Отдел предостерегает, что „ведение уроков по ответственным предметам должно поручаться лицам, имеющим соответственную подготовку и педагогический опыт", и наоборот: „дополнительные предметы, как-то: пение, физические упражнения, бухгалтерия, иностранные языки имеют очень мало часов, и приглашение специалистов, отчасти за неимением таковых, а главным образом по материальным соображениям является невозможным" (Протокол Васильского Отдела народного образования от 25-го января 1919 г.). Правда, что такие указания редки, единичны. Но так как жалобы на недостаток школьных работников несутся отовсюду, то можно предположить, что такое распределение школьной работы за отсутствием специалистов встречается и в других местах.

Обратимся теперь к самым методам разработки образовательного материала. В противовес постоянным припевам инструкторов о неподвижности школьной действительности, о безусловном господстве старых методов, материал за март месяц по мере своего поступления обнаруживает отдельные оазисы, где можно отметить, что методы наблюдения и исследования не создают в учительстве беспомощной растерянности, что оно начинает ориентироваться в их применении, вступая на путь самостоятельных исканий. Указания на это мы находим в „Отчете об учительском съезде-курсах Дмитриевского уезда" (Курской губ.) от 27-го февраля 1919 г. Из коллективного отчета по отдельным волостям видно, что сведения по географии, естественной истории, астрономии и арифметике сообщались на прогулках, в живой беседе; прямой и обратный счет усваивался на живых предметах после двух-трех прогулок; пробуют американский метод обучения грамоте, метод Лая в математике, производят опыты с добыванием крахмала, применяют рисование и лепку с иллюстративными целями. Местами учительницы, отказываясь от старых приемов, стараются подвести новое основание под школьную дисциплину. Правда, часто эти начинания, по признанию самих педагогов, не дают хороших результатов, часто это новое не представляет ничего действительно нового. Так, из доклада Фокинской волости оказывается, что по русскому языку „применяется объяснительное чтение, иногда с применением наглядных пособий, то-есть указывается на предметы, о которых говорится в рассказе". Подчеркивание таких фактов объясняется перспективой местного учительства, вынужденного обучать правописанию по старым руководствам. Доклад о состоянии городских школ говорит, что опыт убедил всех „в превосходстве классного преподавания над предметным". Таким образом школьная жизнь начинает несколько оживляться с тех пор, как учительство, освоившись с новыми данными, несколько усвоив их, приступает к самостоятельной работе. Что касается учащихся, этой второй живой силы школы, то материалы по данному вопросу позволяют установить лишь общие виды настроения и поведения учеников, не позволяя в виду своей малочисленности определить наиболее распространенное, типичное. Может быть, именно отсутствие широко распространенной организации учащихся и объясняет молчание этой группы. Зато имеющиеся материалы ценны своей определенной выразительностью. В самом деле, на ряду с буйным поведением детей, заставляющим Отделы ставить на повестку заседаний вопросы „о мерах борьбы с хулиганством учащихся" и предоставлять школьным советам право временного удаления учеников из школы, мы встречаемся со стремлением учащихся заранее установить нормы своего поведения, связать себя определенными правилами. Так, учащиеся требуют обязательной работы на дом, так что Отделам часто приходится повторять толкования статьи 17-й „Положения о единой трудовой школе". Некоторые документы, не передаваемые по своему тону, заслуживают быть приведенными целиком. Таковы „Правила для учащихся Починковской трудовой школы II ступени.

Правила для учащихся Починковской трудовой школы II ступени.

(Приложение к докладу инструктора Тихомирова за ноябрь 1918 года).

1) Учащиеся должны точно и добросовестно исполнять всякие требования „Совета учащихся" и преподавателей.

2) К преподавателям и воспитателям учащиеся должны быть почтительны; при встрече с ними вне здания школы учащиеся должны приветствовать их поклоном, а в классе вставанием с мест.

3) По отношению к посторонним лицам учащиеся обязаны соблюдать вежливость и должны быть корректными гражданами Российской Федеративной Социалистической Республики.

4) По отношению друг к другу учащиеся должны вести себя постоянно дружелюбно, вежливо и с полной готовностью помогать товарищам во всем хорошем.

5) Учащиеся должны бережно обращаться с учебниками, с учебными пособиями, классной и прочей мебелью и вообще со всеми предметами, которыми они будут в училище пользоваться. Книги, тетради и другие учебные пособия, а также все свои вещи учащиеся должны сохранять в опрятности и порядке.

6) За порчу школьных вещей, а также вещей товарища, хотя бы не умышленно, учащийся должен возместить причиненный ущерб в размере, определенном „Товарищеским судом".

7) Учащиеся должны наблюдать постоянно за чистотой своего тела, опрятностью и исправностью одежды, заботясь о том, чтобы всегда иметь приличный вид.

8) На уроках учащиеся должны быть безусловно внимательными, сидеть прилично и вести себя так, чтобы не мешать классным занятиям. Уходить со своих мест во время уроков воспрещается, лишь в случаях крайней необходимости дозволяется испрашивать на это разрешение преподавателя.

9) Во время перемен и в свободное от занятий время учащиеся должны вести себя прилично, не производя излишнего шума, а тем более беспорядка.

10) В свободное от занятий время учащиеся могут устраивать игры, соблюдая при этом полнейшую осторожность и аккуратность в движениях. Кроме игр, учащиеся могут заниматься музыкой, пением и танцами под руководством преподавателя и ответственного товарища, которому преподаватели могут поручить дело.

11) Безусловно воспрещаются учащимся карточные и другие азартные игры и всякие денежные и корыстные сделки.

12) Курение абсолютно воспрещается всем учащимся первых трех классов и разрешается всем учащимся последних трех классов, но только в особо отве-

денных для этого помещениях, входить в которые воспрещается учащимся трех первых классов и вообще всем некурящим.

13) Все учащиеся должны являться в класс заблаговременно.

14) После звонка перед уроком учащиеся должны тотчас занимать свои места в классах, при чем должны оставаться там и в том случае, если преподаватель не может быть на уроке. В последнем случае учащиеся должны вести себя согласно правилам поведения на уроках.

15) После каникул или каких-либо отпусков учащиеся должны являться в школу аккуратно и в срок. Нарушившие без уважительных причин это правило будут преданы „Товарищескому суду", как самовольно просрочившие время отпуска и пропустившие учебные занятия.

16) В случаях, не предусмотренных этими правилами, учащиеся должны за разрешением обращаться к „Товарищескому суду".

17) Учащиеся должны ознакомиться с настоящими правилами и училищными порядками, незнанием которых отговариваться не должно.

18) За несоблюдение изложенных правил и различные проступки учащиеся будут подвергаться „Товарищескому суду".

Противоположным по своему настроению можно считать выработанный группой учащихся в гор. Костроме „Кодекс" требований. Начинаясь объявлением бойкота старому методу преподавания и заканчиваясь провозглашением прав учащихся, „Кодекс" в сущности повторяет „Положение о Единой Трудовой Школе" и требует расширения прав учащихся в выборе воспитателей и замены классов группами. Иногда мы застаем учеников и за серьезной работой внутри школы, как в направлении просветительно-образовательном, так и в деле поддержания порядка и дисциплины.

Однако самостоятельное выступление в серьезном организационном строительстве видимо редко, так что Отнароб вынуждены насаждать самоуправление учащихся сверху, давая план организации, указывая на возможные задания, тогда как сами дети остаются пассивными.

При проведении светского начала обычно прекращаются уроки Закона Божия, выносятся иконы, священники и вообще лица духовного звания отстраняются от преподавательских мест; местами издаются распоряжения об изъятии соответствующей литературы из школьного обихода. Княгининский у. Отнароб 31 января предлагает школам и библиотекам литературу патриотического и тенденциозного содержания представить в Отдел „кроме евангелия, которое пока разрешено оставить", но уже 12-го февраля он идет дальше и постановляет: „уведомить, что все книги религиозного содержания, в том числе и евангелия, должны быть доставлены в Отдел". Курский Отнароб от 8-го марта делает распоряжение об изъятии из обращения всей литературы, противоречащей духу новой школы, подразумевая под такими: 1) книги патриотического содержания (история царствования дома Романовых), 2) сочинения догматически-религиозного характера. Таким образом принцип по своей внутренней сущности светского начала тесно соприкасается, почти сливается с политическими заданиями, которые ставятся школе, долженствующей воспитать гражданина-коммуниста.

За этим внешним изъятием книг в школу проникает и борьба мировоззрений, мы встречаемся с диалогами в роде следующего: „О чем ты молишься"?—спрашивает учитель, видя молящегося ученика.—„Вот у тебя нет тетради и карандаша, даст тебе это икона?"

„Нет", получается ответ. На место старого понимания жизни выдвигаются новые начала, которые и составляют политические задания, постановленные центром.

Секция по разработке материалов при Отделе единой школы.

Постановка трудовых процессов в реформируемой школе по отчетам инструкторов физического труда.

Помещаемые ниже данные извлечены из отчетов инструкторов физического труда, обследовавших в марте—апреле 1919 года постановку трудовых процессов в устраиваемой на новых принципах школе.

В настоящий момент, когда приходится подводить итог годовой работе, важно отметить те положительные результаты, которые удалось достичь почти в героической борьбе с чрезвычайно неблагоприятными обще - культурными условиями, и противопоставить местности с непрерывной и бдительной работой советской власти тем, где работа только начинается.

Курск. В самом губернском центре чувствуется уже общая налаженность работы, в результате чего можно отметить некоторые достижения в частности и в области трудовых процессов. Широко распространены по школам процессы самообслуживания, которые проводятся ученическими коллективами в атмосфере оживленной и дружной детской суеты и хлопотливости, способной порадовать глаз всякого школьного работника. В одной из школ относительный мотор приводит в движение станки слесарного отделения и таким образом открывается возможность познакомить детей даже с машинным производством. Но это сравнительно редкие, исключительные случаи. Чаще встречается такое оборудование слесарных, столярных, токарных, переплетных и других мастерских, которое обслуживает постановку лишь ручного труда в области этих видов ремесл. К сожалению, и здесь недостаток инструментов и материалов препятствует широкому и полному проведению намеченных и желанных планов. В большинстве сельских школ трудовые принципы выливаются поэтому в незатейливую форму вырезывания, наклеивания, лепки и рисования. И новизна самого принципа трудовой школы, и обычные недостатки первоначального периода осуществления беспокоят привычные понятия обывателей, голоса которых иной раз грубым окриком раздаются вокруг школы. Противники нового выступают на митингах с резкими заявлениями: „игрушки лепите да петухов рисуете, по этому можно научиться и без учителя".

Саратов. Городские получили более или менее широко-оборудованные мастерские, которые следующим образом распределяются (всего школ в городе—81. См. табл. на 140 стр.).

Это внешнее оборудование выгодно отмечает городскую школу от сельской, где зачастую совершенно не оказывается даже элементарных инструментов, хотя иногда даже имеющийся инструмент не удается использовать из-за недостаточного отпуска денежных средств.

Вообще уездные города и села в Саратовской губернии переживают еще первую подготовительную стадию по введению трудовых процессов, так как в Аткарске еще только организуются курсы для учителей со слесарно-токарной и кузнечной мастерской и с пасекой. Губернский центр в этом отношении чувствует себя лучше, хотя и здесь городской Отнароб постоянно указывает на недостаток материалов; отсутствие земледельческих орудий, например, очень затрудняет осуществление намеченного плана по сельскохозяйственным работам. Однако в губернских школах видно большое оживление среди самих учащихся, заявляющих себя журналами, кружками, разнообразной деятельностью коллектива.

Кострома. Некоторые основы для проведения трудового начала уже положены. При 6 школах I ступени, 8 школах II ступени и 8 клубах оборудованы мастерские в таком процентном отношении:

Мастерских переплетных.	42%
„ деревообделовочных.	33%
„ сапожных.	16%
„ корзиноплетения. . .	6%
„ картонажных.	3%

РЕМЕСЛО.	Количество школ. I ступ.	Количество школ. II ступ.	ПРИМЕЧАНИЕ.
Столярное	30	10	В остальных не введено за отсутствием инвентаря, и органы снабжения отказали в выдаче, ссылаясь на потребность армии.
Слесарное	—	3	В первой ступени не вводится по принципиальным соображениям.
Переплетное. . .	21	8	Резко чувствуется отсутствие как инвентаря, так и материалов, в особенности ниток.
Сапожное.	4	3	В других не введено за отсутствием инструментов и материалов.
Рукоделие	Все	школы.	В некоторых школах имеются швейные машины, но занятия не могли начаться за отсутствием мануфактурных материалов.

Бродит интересная мысль о приспособлении закрытой фабрики под образцовую паучную текстильную мастерскую.

Однако внутренний строй уже существующих мастерских оставляет желать много лучшего.

Идеал политехнического образования еще как далекий огонек мелькает впереди, и, может быть, для большинства школьных работников пути к нему остаются неясными.

Орел. В работе местных сил и учреждений чувствуется какая-то досадная неналаженность, разброд. На докладе инструктора из центра местные учителя ручного труда обнаружили понимание задач ручного труда в школе и приемы их выполнения; выяснилось, что ими составлены уже программы ручного труда в школе, смета на устройство мастерской; возбуждено ходатайство о лесных материалах перед Совнархозом; по указаниям учителей, дело тормозится именно отсутствием материалов и инструментов; а между тем предложение местного Совнархоза использовать пустующий столярный завод, обеспеченный и инструментами и материалами, оставалось неосуществленным из-за неотпуска средств, и потребовалось вмешательство инструктора для того, чтобы Отдел перевел имевшиеся в его распоряжении деньги. Так, недостаточно использовав местные средства, Отдел напрасно тратит время на поездки в Москву. В результате трудовые процессы ведутся только там, где они существовали и раньше; их постановка с внутренней стороны неудовлетворительна, ибо очень преобладает ремесленное направление.

Могилев. К началу апреля удалось открыть центральную мастерскую, которая сможет обслужить 25 школ из имеющихся 69. Мастерская расположена в центре города, в двухэтажном здании площадью в 80 кв. аршин; помещающиеся здесь столярное и слесарное отделения оборудованы инвентарем

бывших ремесленных школ; занятия производятся группами под руководством инструкторов в две смены от 9—13 часов; мастерской дано практическое задание—приготовить верстаки для других школ; такие же центральные мастерские появляются и по уездным городам. Однако учительство стоит в стороне от школьных нововведений, и его некомпетентность и неумение губят новые начинания в школе, иссушая их и превращая в непонятную обузу для детей. Такое настроение не представляет чего-нибудь оригинального, потому что советская власть существует здесь только с ноября, когда город был освобожден от немцев.

Екатеринослав дает типичную картину недавно начавшейся работы советской власти. Местный Отнароб еще не сорганизовался, не установил связи ни со своим центром (Харьковом), ни с уездной провинцией; нет никакой информации из Москвы. В окружающей среде мало сочувствия: сотрудники Отнароба — прежние земцы, работа с которыми, по мнению заведующего, невозможна; учительство, совершенно не осведомленное, или пассивно, или даже враждебно настроено; союз учителей-коммунистов насчитывает только 30 человек, тогда как в Екатеринославе 116 школ; крестьянство заявляет себя отрицательным отношением к советскому началу, направляя в отдел веренницы ходоков, сагитированных противниками советской власти; разъяснения заведующего всегда вносят успокоение, так что это явление объясняется недостатками агитационной и просветительной работы; вообще население заваливает массой „прошений“, которые лежат неразобранной грудой; прибавьте к этому прифронтовое положение, „энергию“ военных властей, с такой быстротой выселяющих школы из занимаемых помещений, что выселенные утеривают связь с Отделом; бывали случаи, что инструктору приходилось целыми днями отыскивать выселенную школу, переходя из одного конца города в другой.

За неимением помещений пришлось отказаться от организации мастерских при школах и районных и положить немало сил на выработку проекта нового здания для образцовой районной мастерской, в которой предполагается 9 мастерских (кузница, слесарная, токарня, столярная, прядильная, переплетная, картонажная, гончарная, керамичная) при собственном двигателе, кухня и столовая, библиотека. Осуществить постройку положено в строительный период 1919 года.

Для Екатеринослава характерны еще резкие столкновения национальных групп. Застрельщиками в этом отношении являются учителя-самостийники, линия поведения которых направляется против великороссов (неприязненное отношение ко всем с фамилией на „ов“), евреев и советской власти. На почве национальной розни создаются такие инциденты, в которые втягиваются и родители и которые удается ликвидировать лишь закрытием школ.

То же положение и та же работа по первоначальному налаживанию и осведомлению отмечается и в таких городах, как Полтава, Чернигов. В последнем следует отметить три ремесленных школы (мужская и женская ремесленные и средняя техническая), хорошо оборудованные; пока они, конечно, заняты ремесленной выучкой, но, несомненно, могут быть использованы для воплощения принципов трудовой школы. В Полтаве (на Шведской могиле) имеется учительская семинария со столярной и переплетной мастерскими и пасекой; но все это в очень плохом состоянии: в мастерских нет инструментов, сельскохозяйственные орудия в неисправном виде; внутренняя работа также слаба. Любопытно, между прочим, что полтавский Отнароб долго не хотел признавать инструктора на том основании, что он послан из Москвы, а не из Харькова, распоряжениям которого только и должен подчиняться, по его понятиям, полтавский Отнароб.

Секция по разработке материалов при Отделе единой школы.

Культурное строительство в провинции.

Как ни нова идея трудовой школы, как ни мало подготовлены к ней старые школьные работники, все же жизненность и убедительность идеи настолько велика, что самые косные умы не могут оказать ей длительного сопротивления и скоро признаются в превосходстве новой школы перед старой, принимают новую школу, ее начала, ее методы, ее требования. Из самых отдаленных и захолустных окраин идут вести, подтверждающие это.

Так, из Вытегорского уезда, Олонецкой губернии, школьный инструктор пишет:

„Школьная реформа на первых порах встретила недоверчивое отношение со стороны широких масс населения, зараженных вековою темнотою и невежеством. Особенно остро стоял вопрос об отделении школы от церкви и изъятии из стен школы предметов религиозного культа. В некоторых местах под влиянием поповско-кулацкой агитации появлялись попытки бойкотировать советскую школу. В целом ряде волостей выносились постановления о необходимости преподавания в школе закона Божия. Особенно печально было то, что даже среди учительства находились элементы, защищавшие эту невежественную точку зрения. Но благодаря твердой политике Отдела народного образования, умелой энергичной агитации лучших элементов учительства, декрет в советской школе был проведен быстро и безболезненно, учебный год начался в октябре уже под знаком освобождения школы от религиозных предрассудков.

„В городе некоторые трения со стороны обывательской среды вызвал декрет о совместном обучении. Но в общем инцидентов на этой почве также не произошло.

„Привлечение детей к участию в трудовых процессах школьной жизни вызывало порою неодобрение со стороны мелко-буржуазных слоев и наиболее некультурных масс. В школах II ступени наблюдались единичные случаи уклонения от труда со стороны учащихся, происходящих из буржуазных семей.

„Несмотря на все первоначальные трения, в настоящий момент Единая Трудовая Школа уже успела завоевать доверие довольно широких масс населения. Во многих волостях население оказывало значительную поддержку школе путем доставки отопления, производством мелких ремонтов и т. д. В некоторых случаях, несмотря на голод уезда, удавалось собрать некоторое количество съестных продуктов, каковые пошли на поддержание детских общежитий и приютов“.

Не менее характерно сообщение другого инструктора из Оренбургской области.

В Оренбурге в связи с оставлением города советскими войсками и занятием его Дутовым создалось чрезвычайно любопытное положение: дело реформы школы дутовским правительством было всецело отдано в распоряжение местного учительского союза. Таким образом здесь, в дутовщине, учителя получили ту „автономию“, о которой так хлопотал Всероссийский Учительский Союз. На полной свободе они могли выявить те „истинные“ реформы, то „подлинное“ строительство, которое Всероссийский Учительский Союз противопоставлял „грубому большевистскому разрушению“.

Увы, реформаторский размах профессионального союза оказался очень убогим.

„За основу были взяты так называемые „игнатьевские“ программы, местами их чуть-чуть подправили, местами отпечатали целиком, сдобрили так называемыми „практическими работами“, и на том успокоились. Осталось прежнее разделение школ на начальные, высшие начальные, средние: гимназии, реальные, коммерческие и пр., только вместо кадетских корпусов появились военные гимназии, вместо благородных институтов—женские гимназии. Осталось раздельное обучение для мальчиков и девочек; закон Божий, признанный обязательным для школ и необязательным для учеников, фактически преподавался всем, так как не нашлось среди родителей таких смельчаков, которые заявили бы, что этого предмета не надо для их детей. Преподавание осталось попрежнему книжным, отвлеченным, основанным на задавании и спрашивании уроков. Словом, прежняя „школа-учеба“ оставалась неизменной, хотя оренбургское учительство не без самодовольства считало, что им уже сделаны большие шаги по реформе школы“.

Описанное настроение оренбургского учительства восполнялось настроением родителей, имевших самое нелепое представление о советской трудовой школе.

„Многие думали, что в трудовой школе только и будут заниматься обучением ремеслам, умственный же труд будет совершенно заброшен; некоторые уверяли, что у родителей отберут детей, поместят их в общежитие, куда родители совсем не будут допускаться; все были убеждены, что с отменой задавания уроков на дом и с уничтожением наказаний дети совсем перестанут учиться и превратятся в шалопаев и бездельников“.

В такой атмосфере пришлось выступить в Оренбурге инструктору Наркомпроса. И что же? После нескольких собраний, докладов, лекций энергичному инструктору удалось отколоть громадное большинство учителей на свою сторону. Правда, близость к фронту и общая неустойчивость политического положения не позволила приступить немедленно к коренному преобразованию школы, тем не менее и учителя и учащиеся чрезвычайно горячо отозвались на призыв приступить к весенним работам в огороде, в саду, в поле. Из состава школьных работников выделена комиссия, на которую возложена специальная задача разработать план коллективной обработки школами земельных участков.

Удалось инструктору успокоить и родителей; даже вопрос о преподавании закона Божия, всего больше волновавший родителей, после толкового объяснения декрета был принят безболезненно.

Впрочем, провинциальная хроника не чужда фактов и иного порядка.

„В Грайворонском уезде (Курской губернии) удаление из школ икон во многих местах вызвало противодействие не только со стороны населения, но и со стороны учительства, насажденного старым епархиальным советом и попами.

„Учительница Калегаева наотрез отказалась подчиниться декрету об удалении иконы из класса. Свою фанатическую преданность культу иконы Калегаева засвидетельствовала и на собрании учителей, категорически заявив здесь, что она ни в каком случае не снимет икон в своей школе.

„Несмотря на фанатизм Калегаевой, большинство учительства склонилось на сторону декрета и постановило немедленно осуществить его. Но тут возникло совершенно непредвиденное осложнение: грайворонский Отдел, очевидно, неправильно и односторонне информированный сторонниками Калегаевой и особенно попами, в значительном количестве засорившими канцелярию Отдела, вынес решение, которым предложил циркулярно всему учительству воздержаться до поры до времени от удаления из школьных помещений икон.

„Легко понять, какие последствия имело такое постановление: темные массы крестьянства, натравливаемые попами и Калегаевой, обрушились свирепым преследованием на учителей и учительниц, имевших смелость высказаться за удаление икон, как безбожников и иконоборцев.

„А Отдел, вместо того, чтобы прийти на помощь этой части учительства, наоборот, обрушился против учителя Корякина, председательствовавшего в том собрании, которое осудило поступок Калегаевой, и предназначил его к увольнению“. Sic!

Как ни грустно положение, создавшееся в Грайвороне, все же ясно, что оно совершенно исключительное и объясняется с одной стороны исключительными условиями захолустности города, с другой—слабостью советских сил в местном отделе и нераспорядительностью губернского центра, до сих пор не удосужившегося обслужить Грайворон своими инструкторами. Несомненно, как только это будет сделано, грайворонское учительство также втянется в общую созидательную работу нового школьного строительства.

Если в Грайворонском уезде школьное дело пребывает еще в старом дореволюционном состоянии, зато в других местах, где освобождение от белогвардейских и немецких войск последовало сравнительно раньше, мы видим не только принятие принципов новой школы, но и опыты по осуществлению их,—видим часто картину громадной, напряженнейшей созидательной культурной работы.

Так, в Вологодской губернии, освободившейся от белогвардейцев только поздней осенью, дело народного образования стоит на такой сравнительной высоте, что многие центральные губернии могли бы позавидовать Вологде. Особенно напряженная работа идет в области внешкольного образования, по просвещению пролетарской массы и крестьянского населения.

„В самой Вологде открыт пролетарский университет, в котором аудитории всегда переполнены. Существует две школы для взрослых I и II ступени.

„В Тотемском уезде имеется три школы для взрослых, в Вельском—две, в Кадниковском—десять.

„Во всех этих школах на ряду с общей грамотностью дается грамотность политическая.

„При школах имеются клубы, где устраиваются концерты, лекции по текущему моменту.

„Учащиеся взрослые участвуют в митингах, ведут агитационно-просветительную работу в красной армии.

„В школах существуют коммунистические ячейки, развивающие партийную работу.

„В Вологде существует также народный дом, именующийся „Дворцом Свободы". В нем устраиваются, между прочим, сеансы научного кинематографа, сопровождаемые лекциями по известной отрасли знания.

„Здесь же еженедельно организуются музыкальные вечера серьезной музыки, где исполнение музыкальных пьес сопровождается докладами по истории музыки.

„Еженедельные митинги ставят целью систематическое ознакомление населения с текущими политическими событиями и важнейшими социальными вопросами.

„В губернии, в уездах культурно-просветительную работу ведут кружки и общества, в которых главными работниками является крестьянская молодежь. Благодаря энергии молодежи, почти в каждом селе устроены избы-читальни. Время от времени ставятся спектакли, возбуждающие среди населения громадный интерес".

Еще показательнее положение дела народного образования в Сердобском уезде, Самарской губернии.

„При введении в школу трудовых процессов сердобский Отдел народного образования, считаясь с местными условиями, центр тяжести переносит на сельское хозяйство и те отрасли, которые ближайше с ними связаны. Для каждой школы отводятся участки земли для полевых посевов, огородов, садов и пасек.

„При многих школах устроены мастерские. Так, при Сердобской школе II ступени открыты мастерские: столярная, слесарная, сапожная, переплетная и по набивке чучел, при Боковской школе—столярная и переплетная мастерские, при Чеботаевской—слесарно-кузнечная, при Дуровской—столярная, при Ст.-Никольской и Пяшенской—корзиночные, при Ртищевской—сапожная, при Поливаповской—переплетная.

„Во всех безусловно школах преподается конституция Р. С. Ф. С. Р.

„Принцип самообслуживания осуществляется во всех школах.

„Учащиеся имеют свои организации, кружки, суды чести.

„В области внешкольного образования надо отметить прежде всего открытие в Сердобске народного университета, где имеются школы I и II ступени для взрослых, а также профессиональные группы: педагогическая, бухгалтерская, строительного искусства; последняя имеет целью подготовление десятников.

„В уезде открыто 29 школ для взрослых, 26 библиотек-читален, 15 народных домов, 48 культурно-просветительных кружков, около 30 пунктов, где читаются эпизодические лекции".

В области специально школьного строительства чрезвычайно любопытна работа покровского Отдела народного образования. В городе Покровске (бывшая слобода Покровская Самарск. губ.) имеется 29 школ, в том числе 4 школы II ступени и 25 школ I ступени. Учащих—150 человек, учащихся—до 4.000. Между тем свободных школьных зданий имеется всего 10, остальные помещения заняты войсками. Занятия ведутся в три смены, но, несмотря на это, школьное строительство не только не стоит на мертвой точке, но идет чрезвычайно интенсивно и успешно.

„Показателем творческой работы новой школы явилась весенняя выставка ученических работ Единой Трудовой Школы, открытая 2 мая текущего года. Выставка расположена в трех залах. В первой демонстрировался „ручной труд" учащихся, во второй—„искусство" учащихся (лепка, рисование, литературные издания), в третьей — под заголовком „через труд к познанию"—представлены планы, модели и картины, характеризующие главные моменты каменного века, средневекового быта и современных промыслов.

„Выставка по закрытии будет положена в основу детского школьного музея".

С началом весны главное внимание работников направлено на организацию хозяйственных ученических работ по садоводству, огородничеству и полеводству. В этом отношении особенно важны и показательны организации школы-коммуны и ученической трудовой колонии.

„Школа-коммуна представляет организацию, включающую 45 учащихся I ступени в возрасте от 9 до 14 лет. Школа помещается в бывшей помещичьей усадьбе верстах в трех от города. При усадьбе имеются два домика дачного типа, кухня, необходимые хозяйственные постройки. Богатый плодовый сад занимает более пяти десятин. Часть садовой площади отведена под ученические грядки, на которых школьники под руководством опытного инструктора посеяли разные овощи и злаки.

„Трудовая колония включает до 200 учеников I и II ступени в возрасте от 10 до 16 лет. В распоряжение колонии земельный Отдел предоставил 40 десятин земли, из которой ученикам удалось обработать своими руками 15 десятин, в том числе 4 дес. засеяно пшеницей, 3 — просом, 4 — картофелем, остальная площадь отведена под бахчу и огороды.

„Для работ колонии из школы-коммуны земельным Отделом предоставлены 4 лошади, 4 верблюда, 2 коровы и весь необходимый инвентарь".

Важно отметить, что покровский Отдел народного образования обращает серьезное внимание и на политическую жизнь школы.

„Во всех без исключения школах объясняются основы советской конституции; в школах II ступени преподается политическая экономия, социализм. Школьники привлекаются к участию во всех политических гражданских праздниках и манифестациях. 1-е мая было ознаменовано торжественным шествием и устройством школьных митингов в пяти пунктах. Так же торжественно праздновалась годовщина Парижской Коммуны, февральская и особенно октябрьская революция".

Опыт покровского Отдела народного образования обещает, что новая трудо-

вая школа из очага общей трудовой культуры превратится и в средство экономического влияния на широкие трудовые массы, как образец коллективистической обработки земли и коммунистического уклада жизни. Развитие же политического сознания учащихся послужит залогом и политического воспитания трудового населения через трудовую социалистическую школу.

И. Ломакин.

V. Приложение.

Сущность индустриального образования.

Георга Вильяма Эггерса, Оскара Линкольна Мак-Мурри.

(Перевод с английского).

1. Дух индустриального образования.

При введении какого-нибудь ремесла в курс общественных школ чрезвычайно важно тщательно исследовать его образовательные возможности, чтобы в точности узнать, в чем заключаются его ценности, и сделать выводы относительно того, в какой приблизительно мере потраченное время может быть вознаграждено. Необходимо ясно представить себе в уме верное мерило образовательных возможностей, хотя бы этот предмет никогда раньше не измерялся этим способом, и игнорировать всякие другие мерила, какие бы ни существовали вокруг нас.

Недавно было движение в пользу того, чтобы свести значение промышленного образования к идее выучки данному ремеслу. Всегда была на деле, а теперь и на словах, все возрастающая склонность смешивать промышленное образование—эту широкую идею, смотрящую на всякое пользование индустриями как на орудие общего образования,—с профессиональным обучением, предполагающим специфическое обучение какому-нибудь отдельному ремеслу. Самая непосредственная опасность, угрожающая промышленному образованию в общественных школах, заключается в настоящее время в смешении его целей, его идеалов и методов с целями, идеалами и методами профессионального обучения.

Метод профессионального обучения по необходимости родствен методу фабричной работы. Мальчик, чтобы быть подготовленным занять свое место рядом с опытным рабочим, должен быть окружен во время своего обучения известными условиями и идеалами, окружающими указанного рабочего. Метод промышленного образования—во многих отношениях полная противоположность методу фабрики, так как фабричные условия и идеалы не всегда способствуют росту характера, что составляет сущность духа воспитания. Это может быть ясно видно из рассмотрения любой отрасли промышленности, сначала как фабричной проблемы, а затем как орудия общего образования.

Фабрика намечает целью своих стараний предмет, более или менее превосходный, произведенный самым экономическим по возможности способом. Это значит, что ее задача — расходовать наивозможно меньшую сумму материала (так как материал есть один из элементов издержек), наивозможно меньшую сумму времени (так как время может быть элементом еще больших издержек) и заключать в себе наименьшую по возможности сумму ума, так как на фабрике ум—элемент самый дорогой. „Одна хорошая шишка стоит девяти человек“. Фабрика, следовательно, нанимает одну шишку, или заведующего, или надсмотрщика, *одну голову*, чтобы делать мыслительную часть работы (составление планов или „выкла-

на листе высшего общепринятого размера. Таким образом мы старались сохранить всю силу их техники и в то же время ограничить работу областью доступного совершенства. Если они еще имели надежду в дружеском соревновании превзойти своих товарищей по классу, они нашли свои задачи скорей обогащенными, чем осложненными необходимым признанием общественного духа, внесенного установленными простыми ограничениями. Так, предложенные им проекты они разделили между собой по жребию, разумно предоставив единственной женщине в классе возможность разработать женский клуб.

Результаты всего этого старания обнаружились в целом годе несравненного энтузиазма и в выставке работы, которая была более единообразна, чем когда-либо раньше, по образцу и технике. Не только были выставлены на вид тщательно исполненные листы, но и модели строений, сделанные в известной стадии в течение года, были также на выставке в таком распределении, которое напоминало первоначальную распланировку города, предложенную в первый вечер сессии.

Проводя этих учеников через четырехлетний курс, мы старались поставить работу на базис, который привлекал бы ремесленников. Работа изучалась в таком духе, который мог бы существовать, если бы в классной комнате первого курса сидел каждый вечер на платформе мастер-плотник и следил за тем, чтобы ученики учились разбирать чертежи; на второй год было так, как если бы самый опытный мельник оглядывал комнату, чтобы видеть, делают ли ученики детали, которые он принял бы и на основании которых мог бы работать на своей мельнице; на третий год дух обучения был такой же, как если бы присутствовал строительный надзиратель, чтобы наблюдать, достаточно ли практична производимая работа по каменной кладке и по конкретным постройкам, и как если бы каждый вечер в комнате четвертого курса сидел первый в городе по широте ума архитектор, наблюдая за тем, приобретают ли ученики то уменье, которым он мог бы основательно воспользоваться в своей собственной конторе.

Перев. *С. Спасской.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общий отдел.

Стр.

1. О задачах профессионально-технического образования в России (декларация Народного Комиссариата по Просвещению) . . . . . **А. Луначарский** . . 3
2. Необходима не только реформа школы, но и реформа науки. **П. Блонский** 7
3. Новая организация работников просвещения (1. Доклад на II съезде Союза учителей-интернационалистов. 2. Заключительное слово к докладу). **В. Познер** 13
4. Срочная подготовка учителей . . . . . **К. Левин** 28

II. Специальный отдел.

1. Задачи подотдела физической культуры (доклад на I Всероссийском съезде по школьной санитарии школьно-санитарного Отдела Народного Комиссариата здравоохранения) 31
2. К вопросу об организации курсов по дошкольному воспитанию. **Д. Лазуркина** . . . 35
3. Из практики курсов по дошкольному воспитанию (1. Отчет о дошкольных курсах при Цекульте. 2. Беседы о рисовании. 3. Работа с деревом. 4. Беседы по играм дошкольного возраста Н. О Масалитиновой. 5. Итоги курсов) 38
4. Организация постоянных и передвижных библиотек по дошкольному воспитанию (1. Объяснительная записка. 2. Инструкция) 47
5. О здании трудовой школы . . . . . **Б. Лопатинский** . . 51
6. Задачи подотдела наглядных пособий при Отделе единой трудовой школы. **А. Яконтов** 54
7. О заготовке и снабжении школ наглядными пособиями . . . **С. Соколов** 58
8. Павильон для насекомых (инсектарий) . . . . . **Н. Золотницкий** . . 64
9. В дедушкином плодовом саду . . . . . **Н. Золотницкий** . . 68
10. Детское творчество . . . . . **И. Ломакин** 76
11. Два мировоззрения . . . . . **О. Вольберг** 81
12. Социально-историческая мозаика (1. Социальный вопрос. 2. Пьеса „История русского крестьянина“. 3. Первая критика. 4. Мнимо-аполитичный учитель) **Н. Балин** 86

III. Библиография.

А. Трудовая школа. (Рецензии на книги П. П. Блонского—„Трудовая Школа“; Р. Ридера—„Трудовое воспитание“; М. Штейнгауза—„Летние детские колонии“; Н. Филитиса—„Подвижные игры детских садов“ . . . . . **И. Гудзь, В. Шульгин, М. Свентицкая, Н. Кирпичникова** 87

Б. Естествознание. (Рецензии на книги Н. И. Яковлева—„Краткая химия“; И. Каблукова—„Основные начала неорганической химии“; Н. Соколова—„Элементарная физика“; Н. Дрентельна—„Физические опыты в начальной школе“; К. Дубровского—„Простые физические приборы“; Власовых, М. и П.—„Растения, дерево, животные, недра земли“) . . . . . **П. Л., П. Л., И. Ф., И. Г., В. Добровольский** 90

В. Журналы по народному образованию . . . . . **З. Б.** 92

IV. Хроника.

А. Центр.

1. Два съезда по школьной санитарии . . . . . **Л. Титов** 94
2. Деятельность Отдела изобразительных искусств 96
3. Обзор деятельности подотдела художественной промышленности 98
4. К вопросу о международном языке (по поводу „Комиссии по разработке вопроса о факультативном преподавании международного языка“ при школьной секции Народного Комиссариата по Просвещению. . . . . **Л. Титов** 102

Б. Провинция.

1. Школьное дело в Олонецкой губернии (1918 г. и начало 1919 г.) 104
2. Дело школьного образования в Саратовской губернии 113
3. Дело школьного образования в Симбирской губернии 120
4. Черты внутренней жизни школы в связи с реформой ее 132
5. Постановка трудовых процессов в реформируемой школе по отчетам инструкторов физического труда 139
6. Культурное строительство в провинции . . . . . **И. Ломакин** 142

V. Приложения из иностранной педагогической литературы.

1. Сущность индустриального образования (перевод с английского С. Спасской) **Эггерс и Мак-Мурри** 147
2. Больше свободы в работе (перевод с немецкого С. Нестеровой-Рашевской) **Эртли** 150
3. Враги ручного труда (перев. с нем. С. Нестеровой-Рашевской). . **Эртли** 152
4. Строительные работы в Мэрилендском институте (перевод с английского С. Спасской). . . . . **Гопкинс** 155

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общий отдел.

			Стр.
1.	Единая трудовая школа	**В. Познер**	3
2.	Задачи и методы современной педагогики	**О. Вольберг**	10
3.	Организационная техника и машинизм	**Л. Шапиро**	27
4.	Задачи новой науки	**Ст. Кривцов**	42
5.	Наука и техника	**П. К. Энгельмейер**	44
6.	Рабочий и техника	**Е. Деревей**	49

II. Специальный отдел.

1.	Статистическая регистрация в школах	**А. Кочатов**	52
2.	О наиболее типичных педагогических ошибках при организации трудовой школы. **П. Блонский**		55
3.	О детской драматургии. (Несколько мыслей)	**Влад. Филиппов**	64
4.	О детском рисунке	**В. Воронов**	69
5.	Искусство и производственно-художественные мастерские		74
6.	О развитии художественной промышленности	Аберянцев	76
7.	Производственные мастерские	**М. Егоров**	78
8.	О художественной металлообрабатывающей промышленности	**Фед. Козлов**	79
9.	Реорганизация и расширение Музея прикладных знаний	**Ю. Зограф**	80
10.	Центральный физический кабинет	**А. Цингер**	94
11.	Институт наглядных пособий	**М. Богуславский**	100
12.	Что должно самостоятельно изготовляться из основной коллекции „наглядные пособия“	**С. Н. Соколов**	102
13.	Типы школьных аквариумов и террариумов	**Н. Золотницкий**	104
14.	О значении научных библиотек	**В. Брюсов**	108

II. Библиография.

1.	Метод рассказывания и его применение на практике. (Рецензии на книги: *А. К. Покровской.* „Рассказывание в библиотеке, в школе и в народной аудитории“.— Сборн. под. ред. *Н. Е. Румянцева.* „Художественное рассказывание детям“.— *А. Калмыковой* и *О. Капица.* „Что рассказывать детям“	**Н. Татаринова, З. Павлова-Сильванская**	111
2.	Исследование книг в гигиеническом отношении и санитарный контроль над ними. (Рецензия на книгу *А. Никитина* „Исследование учебных книг в гигиеническом отношении и его методика“)	**И. В.**	115
3.	Библиотека учителя родного языка. (Рецензии на книги *А. Лебедева:* „Самодеятельность и творчество учащихся в занятиях родным языком“ и „Внеклассное чтение учащихся“)	**И. В**	116
4.	Популярные книжки по истории. (Рецензии на книги: *Ст. Слетова.* „Сто лет борьбы за народное дело“.—*А. Гизетти.* „От декабристов до наших дней“.—*В. Пичеты.* „Первые русские социалисты“.—*С. Лазарева.* „Как крестьянам дали волю“.— *Д. Рязанова.* „19 февраля (освобождение крестьян)“. — *К. Левина:* „Первый борец за свободу русского народа (жизнь и деятельность А. Н. Радищева)“ и „Декабристы. История вооруженного восстания 14 декабря 1825 года“.	**К. Н., И. В.**	117
5.	Естествознание и математика. (Рецензии на книги: „Труды Всероссийского Совещания преподавателей физики, химии и космографии“. — *А. К. Тимирязева.* „Что такое физика и какую пользу приносят физические инструменты“.— *Г. К. Шмулевича.* „Элементарная арифметика для высших начальных и средних учебных заведений“	**И. Ф.**	119
6.	Новые издания для детей и юношества: (Рецензии на книги *К. Куприна:* „Конокрады“, „Лесная глушь“ и „В недрах земли“.— *А. Куприна.* „Слон“.— *Н. П. Черепнина.* „Иван Сергеевич Тургенев“.—„Школа, дружба и товарищество“.	**Е. Рейдемейстер, И. В., Н. Гольденвейзер, З. Павлова-Сильванская**	121
7.	Обзор журналов по народному образованию	**Н. Ломакин**	122

IV. Хроника.

1, В Центре.

	Отчет о деятельности Отдела Единой Трудовой Школы от 1 декабря 1918 г. по 1 апреля 1919 г.	**В. Познер**	124
	Деятельность Междуведомственной Комиссии по распределению книг.	**Б. М.**	131

2. Провинция.

	О реформе школы в Нижегородской губернии		133
	О реформе школы в Пензенской губернии		137
	Положение школьной реформы в Самарской губернии		141
	Единая Трудовая Школа с точки зрения десяти провинциальных съездов		148
	Практика трудовой школы	**И. К. Школин**	150

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 13—14.

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА. — 1919 г.

Никем из книгопродавцев означенная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Gift
Hon E F Ladd
Sept 12 1925

Общий отдел.

Единая трудовая школа *).

Новая школьная программа — не продукт кабинетного творчества теоретиков, как думают одни, и не простое логическое завершение и воплощение „идеалов передовой педагогики", как утверждают другие. Наша школа, это—подлинное детище октябрьской революции. Идеи, положенные в ее основу, родились и выковывались в процессе борьбы за укрепление власти пролетариата, за торжество социализма. И потому, кто хочет понять ее происхождение, вникнуть в ее сущность и оценить ее значение, должен проследить все этапы ее развития в условиях той великой революции, которой мы являемся современниками и участниками.

Позволю себе поэтому вкратце рассказать историю возникновения Народного комиссариата по просвещению, новых программ, проектов и планов, потому что эта история сама по себе очень поучительна и бросает надлежащий свет на происхождение социалистической школьной системы.

После октябрьского переворота большинство интеллигенции, можно сказать, вся ее масса, за исключением очень небольшой группы партийных работников-интеллигентов, находившейся в рядах пролетарских партий, вся эта масса оказалась либо по ту сторону баррикад с врагами пролетариата, либо представляла собою испуганную обывательскую толпу, которая была неспособна понять смысл грандиозного переворота, отошла в сторону и являлась пассивным объектом для всякого рода шишек, которые сыпались в изобилии на ее голову. В силу такого положения вещей уполномоченным пролетариата, т.-е., тем людям, которым было поручено организовать дело народного просвещения, приходилось очень трудно. Весь аппарат управления делом народного образования был разрушен в связи с саботажем, забастовками и проч., все это превратилось в груду обломков. Что же такое представляла эта группа лиц, какими средствами располагала, когда собралась у Чернышева моста в Петрограде для постановки всего дела просвещения в республике? Из этих лиц некоторые были педагогами, но не все, и перед ними встала такая грандиозная просветительная и педагогическая задача. Она была бы не по плечу не только такой небольшой группе интеллигентов, но и более значительному контингенту более квалифицированных лиц, и мы с ней не справились бы, если бы за нас не работала великая социалистическая революция. И этот процесс развития революции обеспечил нашу победу в этой области, как и в остальных. С другой стороны, то обстоятельство, что интеллигенция поставила нас в такое затруднительное положение перед неразрешимой задачей, в конечном счете послужило к огромному выигрышу в деле просвещения, потому что, благодаря отходу интеллигенции, благодаря тому, что мы не могли опираться на квалифицированные технические силы, пришлось задачу разрешать самим, поставить ее во весь рост и решать наиболее рациональным образом. Наше преимущество оказалось в том, что мы были вынуждены стихийно, против желания, отказаться от помощи квалифицированных педагогов, и мы отказались от их помощи и счастливо освободились от проклятого груза традиций, веры в авторитет, который они принесли бы с собой. Товарищи, работавшие в культурно-просветительной области на местах, очень хорошо знают это по своему опыту, мы наблюдаем это всюду и теперь.

По мере того, как все шире и шире к нам входит интеллигенция, мы видим,

*) Доклад, прочитанный на школьно-инструкторских курсах 10-го декабря 1918 года.

как она на ряду с полезным и ценным несет к нам свою интеллигентскую обывательскую психологию и до известной степени тормозит блестящий, стремительный ход революции. Сейчас это опасности не представляет, и мы сумеем с этим справиться при помощи определенной тактики, но в тот момент это отсутствие интеллигенции в большом количестве послужило к тому, что мы свою задачу стали разрешать радикальным образом.

Перейдем к тем основным идеям, которые руководили деятелями в области школы и были положены в основу школьной работы. Прежде всего вы знаете, что нам остался в наследие от радикальной интеллигенции целый ряд лозунгов, требований, которые мы, как преемники прежнего общественного развития, объективно были призваны осуществить. Какие лозунги социалистической и радикальной интеллигенцией и социалистическим движением вообще были выдвинуты в деле просвещения и образования, и в какой мере они были осуществлены? К числу демократических требований в области просвещения относится всеобщность обучения, в области школы—обязательность, затем светская школа и иногда совместное обучение. Рассмотрим эти требования единства школы, всеобщности ее, обязательности светской школы и совместного обучения. Вот что досталось в наследие от радикальной демократии и социалистической демократии вообще. Вы спросите, осуществила ли эта радикальная демократия где-нибудь свои требования? И почему не осуществила у нас? На причинах этого последнего обстоятельства мы остановимся позже. Требования всеобщего обязательного обучения единой школы в передовых демократических странах осуществлены. В Америке мы имем дело с единой школой, со всеобщим обязательным обучением, хотя не на всех ступенях. Лозунг светской школы осуществлен в передовых европейских странах, напр., во Франции. Совместное обучение со всей полнотой не проведено нигде, но с наибольшей последовательностью осуществлено в американских школах. Скажут, может быть, что основные требования реформы школьного дела были провозглашены буржуазной и социалистической демократией, и в этом отношении мы, представители коммунизма, ничего нового не изобрели. Однако это так только на поверхностный взгляд. В действительности дело обстоит не так. Если обратиться к истории развития нашей страны, мы констатируем, что буржуазная демократия давно потерпела полное банкротство и отказалась от своих радикальных требований. Припомним историю союза освобождения, который потом сложился в кадетскую партию; на истории этой партии можете увидеть самый последовательный ряд самых низких предательств и позорных отказов от всех демократических требований. Выдвинув вначале требования радикальной интеллигенции, эта партия их постепенно выбрасывала за борт, и к моменту февральской революции, которая должна была покончить со старым режимом, с феодальным строем, к этому моменту конституционно-демократическая партия вылилась в полумонархическую партию, и один ее лидер, Милюков, в момент переворота определенно высказался за конституционную монархию. Дело не в личных качествах лидеров, а в том, что русская либеральная буржуазия, не успев расцвесть, отцвела, что к моменту начала буржуазно-демократической революции постарели идеалы буржуазии. В этом ее печальная судьба отличается от судьбы буржуазии западной Европы, в особенности Франции. У французской буржуазии была своя революционная юность, эпоха великой французской революции, когда она, освобождая себя от гнета феодализма, стремясь создать условия для безграничного обогащения и промышленного развития, искренно могла думать, что является носительницей передовых идеалов человечества. И вы знаете, каким высоким подъемом отмечена эта эпоха. Тогда противоречия внутри нарождающегося буржуазного общества были очень слабо развиты, пролетариат не выдвигался еще как самостоятельная сила, и буржуазия могла искренно думать, что открывает новую эпоху развития человеческой свободы и процветания. По мере того, как выдвигался пролетариат, буржуазия делалась все более и более реакционной, отказывалась от основных лозунгов, провозглашенных великой французской революцией, кроме лозунга защиты частной собственности.

Что касается российской буржуазии, благодаря тем историческим условиям, в которых ей приходилось развиваться, она увяла, не успевши расцвесть, потому что к моменту большевистской революции выдвинулась другая мощная сила, которая в истории призвана быть могильщиком буржуазного строя. Передовой пролетариат, который воспользовался опытом Западной Европы, в момент уничтожения феодального строя и развития буржуазного общества выступил на арену истории самостоятельно, как отдельная партия, со своими лозунгами, нашел в себе достаточно силы и мужества, достаточно решимости и энергии, чтобы, несмотря на уговаривания бывших вождей, сбросить гнет феодализма и капитала, взять в свои руки огромные силы и средства, накопленные прежним строем, и направить и использовать их в интересах пролетариата. Мы констатировали отказ либеральной буржуазии от своих лозунгов, который объясняется вышеупомянутыми историческими причинами. Но еще более яркое и позорное предательство совершено теми партиями, которые шли во главе пролетариата.

Это эс-эры и эс-деки меньшевики, которые в момент крушения старого режима вместо того, чтобы во главе пролетариата пойти к осуществлению его требований, вели политику поддержки буржуазного строя, пытались уговорить пролетариат отказаться от осуществления своих целей и не выставлять решительных требований, грозили ему гибелью и помогали скверному реакционному делу, пытаясь затормозить развитие мировой революции. Конечно, развитие мировой революции задержать было нельзя. Великими потрясениями ее они были отброшены в сторону с клеймом социал-предательства, и пролетариат, во главе с единственно оставшейся ему верной группой вождей и имея во главе партию коммунистическую, пошел к осуществлению своей цели. Результат вам известен. Мы живем в самом вихре этих событий, и об этом не приходится говорить. Все предсказания, которые были выдвинуты вождями партии и главным образом В. И. Лениным, нашли себе блестящее подтверждение, и каждый этап развития приносит новые доказательства. Лозунги и радикальной демократии и социалистической демократии в момент переворота были ими забыты и преданы; единственно партии коммунистов пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть их воплощения в жизнь. В области просвещения эс-эры и эс-деки меньшевики, вкупе с педагогами и просветителями из кадетского лагеря на последнем VII съезде всерос. учит. союза в скрытой или явной форме отказались от требований интернационализма и требования светской школы, оставив „закон Божий“, как обязательный для школы предмет, от требования совместного обучения и всеобщего обучения тоже, потому что они везде говорят об обучении лишь на I-й ступени. И только подлинная пролетарская партия эти требования выставила, осуществила и проводит в настоящее время в жизнь.

Что означает требование единой школы, поскольку идет речь о переходе с одной ступени на другую? Это означает такое построение школьной работы, чтобы беспрепятственно совершался переход по мере возрастания ребенка с одной ступени на другую. Это единство может быть формальное и реальное. Формально оно выдвинуто радикальной демократией. В американских школах каждый средний ученик может пройти по всем ступеням, но это единство является там только правовым, т.-е., там отсутствуют формальные препятствия к переходу со ступени на ступень. В социалистическом обществе этот вопрос поставлен на более реальную почву. Тут вопрос идет о действительной возможности переходить на высшие ступени школы. Здесь то и кроется коренное различие в постановке вопроса о единой школе в буржуазном строе и в социалистическом. В первом случае наиболее способные из детей народа, пролетариата и крестьянства продвигаются по этим ступеням, потом превращаются в слуг буржуазии или сливаются и поглощаются буржуазным слоем. В условиях социалистического общества не отдельные единицы, вышедшие из пролетариата, поднимаются наверх, чтобы потом служить буржуазии. Вы знаете, что Эдиссон и другие вышли из рядов народа, но находятся сейчас в рядах его злейших эксплоататоров.

Буржуазная демократия сделала из единой школы насос, который выкачивает из народа наиболее талантливые элементы и переводит их в ряды буржуазии. Только в рамках социалистического строя единая школа приводит к общему повышению культурного уровня всего народа. Это принципиальное различие очень ярко выступает при таком сопоставлении. Не останавливаясь на этом дольше, я позволю себе лишь обратить ваше внимание на превосходную статью Паннекука „Единая школа и капитализм“, напечатанную в еженедельнике „Народное Просвещение“ № 13.

Лозунг обязательности обучения, выдвинутый передовой общественностью и в частности всероссийским учительским союзом, касался только I-ой ступени, а обязательность обучения до 17 лет и фактическая возможность для всех продолжать образование в университете осуществляется только пролетарской революцией. Не только особая смелость представителей партии пролетариата, комму-

нистов, привела к тому, что мы проводим это требование обязательного общеобразовательного обучения. Дело в том, что при самой пылкой фантазии и при самой большой смелости представители буржуазного общества не могли бы провести обязательного общеобразовательного обучения до 17 лет, потому что это дело требует таких колоссальных затрат, на которые они не пошли бы. Это служило бы подрывом их собственного существования. Во-первых, такой высокий уровень образованности масс—смертный приговор для буржуазного общества. Когда массы пролетариата и крестьянства достигнут высокой степени сознательности, образованности и умелости в достижении своих целей, они в кратчайший срок установят социалистический строй, чтобы освободиться от эксплоатации. Поэтому буржуазия не в состоянии дать общее образование всем; это вредит ее жизненным интересам. С другой стороны, она и материально не могла бы этого осуществить, потому что это означало бы подрыв ее существования. Нужно было бы деньги расходовать не на миллионную армию, а на народное образование. Только социалистический строй, у которого нет расделения на классы, заинтересован в том, чтобы все граждане получили максимум благ, какой при данном уровне развития производительных сил может быть достигнут.

Перейдем к принципу светской школы. Это требование было выдвинуто еще буржуазной демократией. Буржуазная демократия в борьбе с феодализмом, который опирался на церковь, на клерикалов, иногда довольно решительно выступала за светскую школу. Но буржуазия после того, как пережила свой героический период, вступила на путь соглашательства со всеми пережитками старого феодального строя, заключила тесный союз с духовенством, союз обоюдновыгодный, который давал социальные и экономические преимущества духовенству, а для другой стороны—религию, как орудие порабощения народа. Что это так, вы, как местные деятели, знаете превосходно, и знаете, вероятно, лучше меня. Народная школа давала жалкие начатки знаний, мало приложимых к жизни, которые быстро забывались, и значительная часть работы падала на забивание голов ненужными догматами религиозной метафизики с одной стороны, и всякого рода гипнозом, с другой, при помощи которого попы старались внушить народу покорность власти. Что касается средней школы, то там методы одурачивания были более тонкими, ум забивался и постепенно разрушался при помощи ненужных, мертвым языком изложенных формальных знаний, которые к жизни приложения не имели. Если мы будем переходить со ступени на ступень все выше и выше, то увидим, что методы, при помощи которых буржуазия старалась завоевать школу, приспособить ее к своим интересам, были все более и более тонкими. Если в народной школе поп внушал, что и царь, и богатство, и бедность—от Бога, то по мере того, как мы поднимаемся на высшую ступень, мы встречаемся с более утонченными средствами. Этот вопрос сам по себе интересный. Можно было бы показать, как наша „объективная наука" была проникнута буржуазным духом, направлена к поддержанию буржуазного строя. Но это не является темой нашей беседы в настоящий момент. Остановимся, главным образом, на лозунге светской школы. Существование двух различных, из разных начал исходящих систем воззрений в педагогическом отношении представляло сугубый вред школе. Если вы стараетесь внушить ребенку умение разбираться в окружающих явлениях, делать умозаключения и подниматься к высоким обобщениям, — религиозная метафизика действует иным путем. Она заставляет верить в то, что немыслимо и бессмысленно, и говорит: чем бессмысленнее, тем правдоподобнее с религиозной точки зрения. И чем парадоксальнее рассказываемые чудеса, тем сильнее они должны свидетельствовать о сверхъестественном могуществе высшего существа.

В то время, как школа должна была бы прививать научные знания и вырабатывать научные методы, религия догматически преподносила пищу, которая не усваивается умом. Наука отрицает всякий элемент чудесного. Религия им держится. Наука говорит, что все в природе развивается по определенным законам, существует причинность, обусловленность явлений, и мы путем умозаключений и исследований можем овладеть этими законами, понять и направить на изменение самой действительности, — религия говорит, что все может произойти по воле верховного существа, хотя бы это было вопреки всему реально существующему. Я спрашиваю вас, как деятелей народного образования, какой это должно оставлять след в душе ребенка? Натуры средние принимали это как факт, у них не могло сложиться цельного научного миросозерцания, и противоречия в их головах уживались рядом друг с другом. Разумеется, из них не могли образоваться творцы и пролагатели новых путей. Каждый человек гениален. сам по себе, и только проклятые условия буржуазного общества обращали людей в серое стадо, которое думало, что оно должно жить и нести на себе это проклятие, и не могло пойти тем самостоятельным путем к великим целям, стоящим перед человечеством, которые дали право наиболее смелым представителям его гордо именовать человеческий род царем природы. Это раздвоение само по себе представляет явление педагогически крайне вредным. Но кроме этого отсутствия возможности выработки единого миросозерцания, мы укажем на целый ряд других отрицательных сторон религии, с точки зрения развития личности и коллектива. В этической области религия имела целью дать сверхъестественную санкцию поступков человека. Человек должен любить ближнего, потому что это требуется Богом. Если не будет поступать, как предписывает религия, то будет соответствующим образом наказан в загробной жизни, а может быть и в этой. Здесь этические требования не вырастают непосредственно из условий человеческого общежития, а являются навязанными извне, и ценность их даже с этической точки зрения ничтожна. Если обратимся к области волевой, и здесь религия имела отрицательное значение. Ее объективная цель заключалась в том, чтобы ослаблять энергию масс, лишать их революционной активности. Если наличность социального неравенства в действительности всегда являлась стимулом к тому, чтобы толкать людей на борьбу за улучшение материального положения, а затем более сознательных к конечной цели—установлению социалистического строя, то религия, напротив, своими проповедями оправдывала неравенство, подавляла энергию угнетенных в их борьбе за достижение лучшего будущего. Она своими посулами наград в будущем мире представляла собой гашиш, опьяняющий напиток, который должен был служить утешением для огромных, недостаточно активных масс народа. Все равно как для народных масс водка являлась таким утешением, так огромные массы бедноты, теряющие детей, прежде—чем они доживут до зрелого возраста, погибающие от болезней и голода, сгибающиеся под тяжестью труда, утешение находили только в религии. Загробный мир был наградой за все бедствия жизни. Это принижало революционную энергию масс. Поэтому пролетариат, победив капитализм, в своих передовых элементах совершенно сознательно поставил требование освобождения школы от влияния религии, требование светской школы. И не только верхушка сознательного пролетариата, но и остальная масса инстинктивно чувствует правильность этого требования. Пролетарские элементы бессознательно, стихийно наталкиваются на антирелигиозные чувствования и отдают себе отчет, что религиозный элемент в школах вел к ослаблению классовой позиции пролетариата. В нашей стране, которая 300 лет находилась под игом самодержавия и не может похвастаться высокой культурностью, является чудом, чтобы такое „опасное" требование, как отделение церкви от государства и школы от церкви, прошло с такой необычайной легкостью. Это объясняется тем, что вся масса инстинктивно чувствует, что поповская проповедь служит во вред интересам пролетариата.

Обратимся к требованию совместного обучения. Об этом требовании не приходится много говорить. Ни в одном мыслящем человеке оно больших возражений не вызывало. Давно признано наблюдателями-психологами, что разделение школ на мужские и женские приводило к тому, что искусственно культивировались различные стороны того рода, который носит в зоологии название homo sapiens. Мужчины и женщины представляют собой один род и вид, и особенности полового различия не должны влиять на выработку основного типа, который называется человеком. Но в буржуазном обществе, где существовало систематическое насилие над женщиной, которая занимала подчиненное положение, полурабское, это подчиненное положение женщины приводило к тому, что она отставала в своем физическом и психическом развитии. В школах это разделение приводило к тому, что, с одной стороны, культивировалась грубость, физический и умственный атлетизм, а, с другой стороны, для девочек создавался культ умеренного умственного физического и волевого развития. Это поддерживало различие, которое существовало в обществе. Самые условия воспитания создавали то, что девочки не могли развиваться так, как мальчики, а потом говорили, что от природы у женщины не те качества, как у мужчины и она не может браться за мужскую работу. Теперь в самых темных головах этого предрассудка не осталось. Пролетариат, освободив себя, освободил и женщину. Это в высшей степени интересный вопрос, полно и ярко освещенный в книге Бебеля „Женщина и социализм", мысли которой рекомендую освежить в своей памяти. Совместное обуче-

ние, значит, вполне естественно диктовалось педагогикой и было проведено. Разногласие вызывалось только тем, следует ли вводить совместное обучение сразу для всех возрастных групп, или же его нужно проводить постепенно. Было 2 рода аргументов, но на них останавливаться не стоит. Скажу только, что самые осторожные люди в конце концов признали, что в условиях революционного перелома, который мы переживаем, эта постепенность лишена смысла и служила бы только оправданием умственной косности для отсталых элементов. Возражений теперь не встречается, и нареканий нет ни с чьей стороны. Не могу умолчать об одном факте из этой области. Группа курсисток во главе с ректором учреждения, гостеприимством которого мы сейчас пользуемся (хотя Платон и друг, но истина дороже), пришла к нам в Народный Комиссариат по Просвещению и доказывала, что, чтобы женщина могла выявить миру особенности своей природы, необходимы особые высшие женские учебные заведения; совместное обучение в высших женских учебных заведениях помешает развить женщине самостоятельность, они будут итти за мужчинами, и их развитие будет подавляться мужской психикой. Забавное зрелище, как политическая оппозиция заставляет иногда передовых представителей науки хвататься за допотопные аргументы. Впрочем, слабость их позиции ярко сказалась в том факте, что культивировать женскую самостоятельность и доказывать правильность этой мысли представительницы женской независимости пришли во главе с тремя профессорами мужчинами.

Я хотел бы остановить ваше внимание еще на одном вопросе, прежде чем мы перейдем к введению производительного труда в школу на принципах школьного самоуправления. Не буду останавливаться подробно на этой теме, так как уверен, что выступавшие перед вами лекторы исчерпали вопросы с большею компетентностью, чем мог бы сделать это я, потому что являются в этом вопросе лучшими специалистами. Я хочу только коснуться тех основных идей, которыми руководствовались мы при выработке проекта новой школьной системы, выделить ее коренную сущность. Возьмем, например, вопрос о школьном самоуправлении. Этот вопрос передовую педагогику занимал давно, и давно педагоги додумались до того, что для успешного развития детей им надо дать известную самостоятельность, возбудить их интерес путем вовлечения в общую работу. Вы, наверно, видели немало книжек, как надо строить детскую республику, на каких началах, и почему это ведет к лучшему развитию детей. Мы подходим к делу с другой стороны. Я нащупываю, в чем здесь различие нас, радикалов по существу, от эволюционистов и постепеновцев „передовой педагогики". Они подходят к этому вопросу с величайшей осторожностью, постепенностью, психологичностью, как выражаются, и в этой осторожности и постепенности отражают интересы того класса, которому они служат вольно или невольно. Если вы присмотритесь к прежней школе, вы увидите на многих ее чертах, что она отражает на себе общественную структуру. Да и всякий институт, всякое учреждение несет на себе печать того общественного строя, в недрах которого оно возникло и развивается. В особенности это сказывается на школе. Если проследить историю воспитания с древнейших времен, то неизбежно придем к выводу, что всякая школа во всякую эпоху отражала общественный строй и воспроизводила его. Если обратимся к нашей школе в условиях буржуазного обшества, можем сказать, что она отражала буржуазный общественный строй. И как в буржуазном обществе существовали господа и слуги, начальники и подчиненные, так и в школах были господа и слуги, при чем господами были учителя, а подчиненными были учащиеся, главной добродетелью которых было послушание. В школе было два лагеря: учащих и учащихся; учитель приказывает, ученик должен был слушаться. Это разделение было отражением и следствием разделения на два лагеря самого общества. Вместе с падением и уничтожением этого общественного порядка и созданием социалистического общества может осуществиться совершенно новая идея устройства школьной жизни. Правда, мы еще далеки до условий социалистического общества, поэтому наша школьная система, запечатленная в положении о Единой Трудовой Школе, является предвосхищением будущего социалистического строя, кристализованной и оформленной тенденцией общественного развития. К чему мы в конечном счете идем? К такому общественному строю, который будет однородным, несмотря на свою расчлененность, на существование большого количества органов, на сложную систему жизненной работы. Вы знаете, что для общества диференциация является признаком высоты развития. Это будущее социалистическое общество будет чрезвычайно диференцировано, но вместе с

тем в высшей степени однородно. В своей работе оно будет весьма диференцировано, т.-е., в нем будет глубокое разделение труда. На социалистической фабрике мы увидим организатора-инженера, управляющего всем сложным механизмом мастеров и десятников, техников и рабочих. Но это разделение труда сохраняется только на фабрике и исчезает, как только трудовой элемент фабрики покинул ее стены. Разделение труда не приводит к общественному неравенству. В обществе все становятся не только равноправными, т.-е., равными перед законом, но и действительно, социально и культурно, равными. Таково будущее общество. И в этой новой, создаваемой нами коммунистической школе мы должны сознательно осуществлять основное условие социального равенства. На работе, которая требует разделения труда, мы его проводим. Вне работы мы все являемся товарищами. И это надо осуществить как в отношении различных членов общества одинаковых возрастных групп, так и разных возрастных групп. Надо достичь, чтобы школа превратилась в дружную семью, но не патриархальную семью, где старший приказывает, а младшие слушаются. Нет, это будет товарищеская, трудовая, дружная семья. Тогда все трудные вопросы школьного самоуправления сразу разрешаются и упрощаются. Вот почему совершенно напрасны страхи, что дети, привлеченные к работе в школьных советах, захотят командовать педагогами. Только у очень бесталанных педагогов так может случиться. Когда дети будут вовлечены в общую работу, их присутствие во всех школьных органах станет необходимостью, они сами почувствуют при правильной постановке дела, в каких вопросах им следует участвовать, и естественно отойдут от тех вопросов, которые будут лежать вне поля их зрения и их интересов. Какой же плюс от этого вовлечения в школьную работу детей? Дети заинтересовываются работой, которая им преподносится, начинают жить этой работой, интересоваться непосредственно, и поэтому для них она перестает быть чем-то чуждым, со стороны данным, а является процессом развертывания их собственной жизни. Поэтому мы все больше отказываемся от выражения „школа" и говорим о детской коммуне, о свободной жизни ребенка, о подлинном детском царстве, где он чувствует себя свободным и удовлетворенным, где есть простор его кипучей энергии и пытливому уму. Могут возразить, нельзя же отказаться от обучения. Совершенно верно. Нужно учить, но нет необходимости придавать „учению" те застывшие формы, какие господствовали в старой школе. Одна из естественных потребностей, заложенных в природе развивающагося существа, это, во-первых, его безграничное развитие и, во-вторых, его духовное обогащение. Если нормального ребенка поставишь в надлежащие условия, он будет естественно развиваться, и мы будем видеть всестороннее развертывание личности, расширение умственного горизонта, усвоение необходимых знаний, методов и навыков, сообщить которые ставит себе задачей школа-учеба.

Перехожу к вопросу о производительном труде и коснусь наиболее принципиальной стороны. Тут опять-таки — два подхода. Первый подход дала „передовая" буржуазная педагогика, которая почувствовала и узнала недостатки прежней школы-учебы и понемногу, отражая потребности социальных низов, начинает выдвигать идею трудового начала, как метода преподавания. Эта буржуазная педагогика, поняв недостатки прежней школьной системы, пыталась исправить их робко, половинчатым путем, введением ручного труда и т. д., но, конечно, разрешить этой задачи не могла. И только пролетарский переворот ставит эту задачу на новый социальный фундамент. Тот производительный труд, который будет введен теперь, носит принципиально различный характер от прежнего „ручного труда". Этот подход в высшей степени упрощает разрешение вопроса. Посмотрите, как мучительно и бесплодно билась педагогика над решением вопроса о трудовом начале. Ребенка занимают вырезыванием из бумаги, наклеиванием, раскрашиванием. Все это называется производительным трудом. Трудно проникнуться значением этой работы. Нужно подходить с другого конца. Пусть для ребенка школа представляет свободное царство, в котором он живет и развивается, как будет развиваться будущее свободное социалистическое общество. В нем труд, настоящий труд, производящий ценности, будет необходимым условием общественного развития, как и для всякого общества. И новое социалистическое общество не откажется от производительного труда подростков. Все разговоры о том, чтобы детей до 17 лет совершенно изъять из промышленности, Маркс в своей критике Готской программы называет благочестивыми пожеланиями. Немыслимо крупное производство без участия подростков. Но в то время,

как в буржуазном обществе это участие вело к вырождению рабочего класса, в условиях социалистического общества оно поведет к наибольшему расцвету человеческой природы, потому что развиваться настоящий человек без производительного труда не может. Он не разовьется в подлинно творящую личность. Те, которые проходили наши прежние средние школы, которые готовили обычного типа интеллигентов, знают, что это отсутствие производительного труда создавало ряд тяжелых положений в жизни. Вся наша интеллигенция являлась мало приспособленной к жизни. Только при условии подлинного полезного труда и можно выработать активную личность, умеющую ставить задачи и осуществлять их. Вот какого характера производительный труд должен вводиться в школах. Я только скажу, какие могут быть сомнения относительно введения этого производительного труда. Могут сказать: мы впадем в утилитарность, дети будут заниматься производством ценностей, и не будет развиваться интерес к отвлеченным знаниям более высокого порядка стремления. Ничего подобного. Это зависит от того, как поставить дело. В ремесленных школах не будут развиваться интересы высшего порядка. Но социалистическая школа строится иначе. У нас производительный труд должен стать источником разнообразных и глубоких познаний. Но дети будут знать не с чужих слов, а из собственного своего опыта, на основании собственного труда. Всякий зрелый, мысливший и работавший знает, какую цену имеет выслушанное или прочитанное в книжке и какую цену имеет добытое своим трудом. О том, какое богатство знаний могут дать все начатки ремесл,—текстильного, слесарного, столярного и т. д., не приходится говорить. На деле, на живом опыте ребенок знакомится с сопротивлением материалов, их различными свойствами, начинает разбираться в различных породах дерева и понимать связь между строением и качеством древесины и условиями ее образования. Для сознательного педагога каждое такое практическое занятие дает неисчерпаемый источник для умственного обогащения учащихся. Работая над материалом, учащийся будет его изучать глубже и с большим интересом, чем на абстрактных уроках технологии и химии. Разумеется, этот новый метод получения знаний по своим результатам превзойдет все практиковавшиеся до сих пор способы. Методы лекционные, лабораторно-экспериментальные и экскурсионный утратят свое самодовлеющее значение и будут лишь необходимым дополнением к собственному методу познания—собственному производительному, творческому и исследовательскому труду. Но на ряду с этим техническим значением производительного труда, как основы политехнического образования, еще более глубокое значение имеет социально-воспитывающая роль организованного труда.

Таким образом, дело идет сейчас не о том или ином улучшенном педагогическом методе, а о коренном преобразовании всей образовательно - воспитательной работы.

Новые, невероятно выросшие потребности вызвали к жизни и новые силы к их удовлетворению.

Социалистический переворот освободил те стихии, которые преобразуют школу. В лице своих передовых и более активных элементов пролетариат возьмет под свой контроль школьное дело. Из рядов квалифицированных рабочих выйдут новые кадры школьных деятелей.

Наконец, с реальным проведением в жизнь всеобщности и обязательности обучения, в стены школы широким потоком устремятся новые слои молодого поколения, которые до сих пор оставались за дверями школы. Это новое школьное население и станет тем социальным базисом, на основе которого произойдет преображение школы из орудия порабощения в один из могучих факторов освобождения народа и социалистического перевоспитания общества.

В. Познер.

Задачи и методы современной педагогики.

Вступление.

Педагогика во все времена имела в сущности одну задачу: воспитание полезных граждан своего времени. Эта общая задача в каждую данную эпоху конкретизировалась и диференцировалась в зависимости от строения общества и от потребности и идеалов господствующего класса. Она была единой в первобытной индиференцированной родовой общине и сводилась к воспитанию хороших охотников, воинов, позже пастухов и земледельцев; при рабовладельческом строе единая цель диференцируется согласно диференциации общества: одна для властелинов, другая для воинов, третья для рабов; дальнейшее сословное расслоение и все изменения в структуре общества находят себе адекватное выражение в диференциации и в изменении целей и методов педагогики, пока начавшееся в наши дни собирание людей — уничтожение классов—не привело снова к установлению единой, но не первобытно простой, а сложной педагогической цели, соответствующей тем требованиям, которые предъявляет современное производство к производителям, а следовательно современное общество—к его членам. Поэтому, чтобы понять задачи современной педагогики, необходимо выявить те проблемы, которые стоят перед современным обществом, а чтобы наметить методы, которыми педагогика должна итти к расширению своих задач, необходимо обратиться к методам, которые применяются в других областях человеческой деятельности, ибо, как мы увидим дальше, в методах, применяемых в самых разнообразных областях труда, существует нечто общее. Таким образом, чтобы вскрыть здоровое ядро современной педагогики, чтобы очистить педагогические идеи от случайных наслоений, освободить прогрессивную педагогику от случайных попутчиков из другого лагеря, необходимо обратиться к выявлению тенденций современного производства, нужно постараться нащупать живой пульс современности. Вот почему настоящая статья, несмотря на свою чисто-педагогическую тему, так сильно заполнена анализом технических, социальных и идеологических итогов нашего времени. Если читатель-педагог, прочтя ее, почувствует прочную связь своей работы с грандиозным и мощным потоком жизни, если бьющий из этого потока радостный пафос наших дней окрасит, хотя бы отчасти, и его деятельность, тогда, я надеюсь, он не станет слишком строго и педантично судить о непропорциональности отдельных глав и, быть может, даже почувствует здесь пропорциональность самой жизни или, вернее, своеобразную пропорциональность ее.

1. Тенденция материальной техники.

Приблизительно с средины прошлого века начинается новая эпоха в развитии промышленности, характеризующаяся установлением небывало тесного контакта между техникой и наукой. Если в эпоху ремесленного производства первенствующее значение для промышленности имела сила и ловкость рабочего, правильные приемы, выработанные долгой практикой, ряд субъективных навыков, трудно представляемых другими лицами, специфическая ремесленная сноровка, грубая приблизительность, утончаемая развитием глазомера, догадкой и интуицией, то в эпоху капиталистического развития промышленности применение машин и централизация производства вызвали колоссальную рационализацию методов труда, заставили от примитивного эмпиризма, от приблизительной интуитивности, от привычных традиционных приемов перейти к рациональному строю,—продуманным, точно взвешенным, научно-установленным методам. Интенсивность труда колоссально возросла. Малейшая неточность, секундное промедление, потеря эрга энергии, миллиграмма материи при какой-либо операции, умножаемые на тысячи и десятки тысяч случаев повторения тех же процессов, дают колоссальные непроизводительные затраты в обстановке современного массового производства. Отсюда необходимость самой строгой и точной экономии, для соблюдения которой оказываются совсем недостаточными старые методы, способные дать первое приближение, но недостаточные для более тонкого усовершенствования орудий труда. Применение планомерных, сложно-организованных научных методов исследования и научных открытий к развитию материальной техники создало ту сложную могучую технику, которая является самым замечательным феноменом наших дней. В тех областях практической деятельности, приемы которых развивались веками и которые в последние годы стали завоевываться наукой, можно отметить резкий перелом линии развития от медленного совершенствования в течение донаучного периода к головокружительному подъему с момента оплодотворения практики наукой.

Одним из интереснейших примеров такого развития является развитие металлургии, для которой критической точкой явилось появление теории твердых растворов и методов металлографии. Особенно интересна история закалки стали. Закаливание стали известно со времен глубокой древности и велось до самого последнего времени чисто эмпирически, по рецептам, передававшимся из поколения в поколение, от мастера к мастеру, от завода к заводу, как тайна, которая еще в начале XIX века носила чисто

мистический характер, — говорит Агафонов [1]). Оно и понятно: не только не было тогда научного объяснения процесса закаливания стали, но даже химические различия железа и стали еще не были выяснены. Если не считать малоудачной попытки проникнуть в тайну закалки Базена и удачной, но не обоснованной и не разработанной догадки Ресмхора, начало научной металлографии следует вести от трудов Гиббса, Д. К. Чернова, Осмунда и др. во второй половине прошлого века. В результате поразительные практические достижения в области закалки стали и получения сплавов.

В области конструкции паровых машин колоссальное значение имели работы Майера, Гельмгольца, Карно и др. творцов современной термодинамики. Чем позже начала развиваться какая-либо отрасль техники, тем сильней применение в ней научных методов. Оно и понятно. Человечество, пользуясь примитивными практическими приемами, могло срывать верхушки природных богатств и использовать наиболее легко поддающиеся эксплоатации силы природы. Это было сделано в течение веков донаучного развития, и только усовершенствование методов борьбы с природой могло породить те виды эксплоатации природных богатств, которые по своей сложности не поддавались завоеванию старым оружием и требовали более тонких методов научного исследования. Поэтому область электротехники, химическая промышленность и друг. области техники могли развиться только на прочном научном базисе. В настоящее время научный метод делается обычным методом разрешения технических проблем: выработанные вековой практикой приемы и способы труда отбрасываются и заменяются новыми, более рациональными, и все новые и новые области человеческой деятельности освобождаются от креторных методов, чтобы перестроиться заново на точных научных основаниях.

Примеров того, как точные и научные методы реорганизуют разнообразные стороны человеческой деятельности, можно привести сколько угодно. Но, быть может, лучшим способом для того, чтобы ясно представить себе, до чего дошла научная современная индустрия и как далеко пошло применение научных методов в разрешении индустриальных задач, следует обратиться к данным, характеризующим организацию научно-индустриальной работы в передовых капиталистических странах [1]). В С. А. Соединенных Штатах исследовательские институты организуются, как правительственные учреждения, министерством земледелия, внутренних дел, ведомством общественной медицины и университетами. Кроме того существуют институты, организованные частными лицами.

Министерством земледелия привлечено к научным исследованиям 2000 лиц, организовано 52 сельскохозяйственных опытных станций, годичный бюджет которых превышает 5.000.000 долларов, 10 станций находятся в периоде организации. В ведении лесного отдела того же министерства находится 8 лесных опытных станций и лаборатория в Мадисхоне, на устройство которой затрачено 250.000 долларов при годичном бюджете в 210.000 долларов. Отдел рыболовства и рыбоводства имеет в своем распоряжении 40 рыбоводных станций и 95 подстанций, которые изучают изменение в количестве промысловых рыб и приходят на помощь убывающим видам путем охраны и искусственной разводки. В распоряжении бюро имеется сверх того 4 лаборатории.

В ведении министерства внутренних дел—палата мер и весов, в которой работает 300 ученых и техников, и горное бюро лаборатории. Палаты мер и весов занимают площадь в 16 акров, постройка и оборудование их обошлись в 425.000 долларов, ежегодный бюджет 625.000 долларов.

Горное бюро организовало исследовательский горный институт и, сверх того, организует 10 опытных станций.

При университетах организуются инженерные опытные станции, сотрудники которых освобождаются от преподавательской работы: их задачи чисто-исследовательские в области инженерного или рудного дела. Разрабатывается проект создания центрального национального университета в Вашингтоне, которому ставится задача установить связь между научной исследовательской работой и практическими запросами.

Большое количество исследовательских институтов организовано на частные средства, часть которых занята чисто-научными работами и часть научно-практическими (Рокфеллеровский институт научных исследований и Меллоновский институт: задача Меллоновского института разрешить путем исследования проблемы, поставленные промышленностью, и подготовить молодых людей к самостоятельным исследовательским работам того же характера). Интересна „система промышленного сотрудничества“, по которой работает институт. По этой системе отдельный фабрикант или промышленная компания, желая найти разрешение какой-либо практической проблемы, вносит институту определенную сумму на оплату работы ученого сотрудника на срок не менее одного года. Институт подыскивает соответственное лицо и предоставляет ему возможность заниматься в лаборатории, давая нужные аппараты и материалы, и пр. Получаемые результаты принадлежат лицу, внесшему пожертвование.

„Значительная часть исследовательской работы, имеющей отношение к промышленности, производится в Америке частными фирмами“. В 1915 году в Соед. Шт. было не менее 50 промышленных предприятий, которые устроили собственные исследовательские лаборатории и тратили на них не менее 100.000 долларов и до 300.000 долларов в год.

Перечислим некоторые из них:

1) Истмен-Кодек К°, известная фотографическая фирма, содержит исследовательскую лабораторию в Рочестере, затрачивая на нее ежегодно 100.000 долл. Это одна из наиболее тщательно поставленных исследовательских лабораторий.

2) Мульфорд К°. Эта фирма основана в 1894 году в Филадельфии и представляет прекрасную иллюстрацию того, что может быть достигнуто путем применения научных исследований к промышленности. В настоящее время эта фирма имеет капитал в 2.000.000 долл., оплачивает 1400 служащих, и ее научный штат состоит из 60 получивших высшее образование химиков, фармацевтов, бактериологов и врачей. Фирма производит лекарства, в частности, серумы, антитоксины и вакцины.

3) Национальное товарищество электрических фонарей. Это т-во имеет 20 филиальных отделов в различных штатах. Его исследовательские лаборатории, в которых работает до 200 специалистов, распадаются на 15 отделов, группирующихся около образцовой мастерской, в которой результаты исследований подвергаются проверке и, в случае успеха, передаются для дальнейшего фабричного производства. Научный персонал этих лабораторий поставляется почти исключительно университетами.

4) Всеобщая компания электричества. Эта фирма организовала исследовательскую лабораторию по химическому и физическому отделам еще в 1901 году, отпустив на оборудование 15.000 долл. при годичном бюджете 3000 долл. В настоящее время капитал, вложенный в устройство исследовательской лаборатории, достиг 500.000 долл., а годичные расходы 250 000 долл. Штат научных работников состоит из 200 чел.

5) Пенсильванская железнодорожная компания затратила 500.000 долларов на постройку исследовательских лабораторий и такую же сумму тратит ежегодно на их содержание.

Грандиозные размеры научно-практической работы как нельзя лучше свидетельствуют о том, насколько глубоко сложные научные методы проникают в область добывающей и обрабатывающей промышленности.

Но характерно еще и иное явление — рост индустриальной техники вширь индустриализации и, в связи с нею, рационализация самых разнообразных областей труда. Общая тенденция промышленности к централизации, вымирание мелкого производства и домашней промышленности постоянно сопровождаются этим процессом расширения научных методов. Во всех новых областях вытесняются первобытные кустарные приемы работы. Это завоевательное движение индустриальной техники идет всегда по линии вытеснения физического труда человека и замены его работой машины. Человек, как источник энергии, оказался негодным организмом, неспособным выдержать конкуренцию машины-двигателя: стоимость одного силочаса при механическом двигателе в 10 – 20 раз дешевле стоимости одного силочаса, развиваемого человеком. С другой стороны, как кинематический механизм, человек значительно уступает машинам-орудиям в быстроте, точности, однообразии и достижимой длительности и непрерывности движений. Если прибавить сюда весьма ограниченную способность человека производить одновременно несколько движений, благодаря малому количеству свободных конечностей и взаимной зависимости отдельных движений, если присовокупить сюда нецелесообразное устройство человеческого организма, состоящего из одних рычагов и лишенного колес, вследствие чего каждое движение человека есть поступательное и возвратное, что требует гораздо большей затраты энергии, чем непрерывное вращательное движение современных механизмов, построенных по ротационному принципу, — тогда станет ясна неизбежность замены человека, как

[1]) Агафонов, „Современная техника, итоги науки“, том III, изд. „Мир“.

[1]) Все данные относительно исследовательских институтов в Соед. Штат. и все относящиеся сюда цитаты взяты из статьи Н. А. Кольцова, помещенной в №№ 9—10 журнала „Природа“ за 1917 год.

кинематического механизма, машиной, все более и более совершенствующейся, благодаря применению сложных кинематических принципов. Работа человека все более и более ограничивается областью регулирования хода машины, т.-е. человек превращается в сложный биологический регулятор, и поскольку способность быстрого, глубокого и целесообразного приспособления к сложно меняющимся условиям среды в живых организмах вообще, а у человека в особенности, бесконечно развита,—гораздо сильней, чем в наилучших машинах-автоматах,—функция естественно принадлежит человеку по праву технической полезности: таким образом сила, ловкость и специальные сноровки рабочего теряют свое значение. Труд делается рациональным, основанным не столько на механических навыках, сколько на разумном сознательном отношении к явлениям регулируемой, управляемой, преобразуемой действительности. Общая тенденция материальной техники—рационализация—переносится от методов развития техники на материальное техническое оборудование и отсюда—на труд каждого индивида, втянутого в процесс индустриального производства. А так как втягивание в этот процесс распространяется вширь с быстротой и силой морского прилива, то это изменение быстро захватывает все области человеческой деятельности, в которых применяется физический труд.

2. Тенденция социально-экономической техники.

Общий тон рациональной внутренней организованности производства в рамках отдельного завода или картели, синдиката и других экономических объединений все сильней и сильней сказывается параллельно с анархией капиталистического строя в целом.

Чем рациональней, чем планомерней организуется жизнь в отдельных своих частях, тем резче и ярче выступает внутреннее противоречие между капиталистическим способом присвоения и общественным способом производства. Это противоречие порождает классовый антагонизм и классовую борьбу пролетариата и буржуазии во имя устранения социальных и экономических бедствий капиталистического строя.

Мы живем в эпоху, когда и в этой области социальной и экономической техники рационализм побеждает непокорную стихию экономических и социальных отношений. Разумное, целесообразное регулирование производства идет на смену естественной анархии, неся с собой торжество социальных идеалов над стихией социальных бедствий. Царство целесообразности и рационализма, царство свободы идет на смену царства слепой стихийной необходимости.

Интересно отметить и здесь, в борьбе человека с социально-экономической природой, то же торжество научных методов, как в борьбе с естественной природой.

Если все попытки человека воздействовать на социально-экономические отношения рассматривать с точки зрения продуктивности методов воздействия и под техническим коэффициентом полезного действия понимать отношение достигнутой доли ожидаемого эффекта к затратам, употребленным на его достижение, тогда в истории социальной борьбы придется указать период донаучного развития, характеризующийся малым коэффициентом полезного действия применявшихся в ту пору методов и второй период научной социально-экономической техники,—период быстрых и глубоких успехов. Так технически негодными были стихийно выросшие методы поломки машин, применявшиеся в самом начале развития капитализма, негодными были методы апелляции к верховной государственной власти—петиции рабочих корольков Англии, гапоновщина у нас; негодными были методы утопического социализма Сен-Симона, Фурье, Оуэна и пр., и пр. Все эти методы вырабатывались под влиянием интуиции, затемненной чувством голода, привычной покорности и раболепства или глубокого сострадания и симпатии,—словом, все это были приемы, рожденные грубым эмпиризмом без всякой опоры или с недостаточной опорой в понимании законов социально-экономического развития.

Нельзя, конечно, сказать, что все действия людей, направленные на преобразование социально-экономической действительности в донаучный период развития социальной техники, были обречены на неудачу. Наоборот: подобно тому, как в донаучный период материальная техника достигла больших, иной раз поразительных результатов, точно так же и регулирование общественной жизни все время сознательно производилось членами общества, но это была чрезвычайно ограниченная, узкая, слепая сознательность. Вырабатывались привычные методы управления там, где складывалась сколько-нибудь прочная формация—феодальное государство, цеховая корпорация,—изо дня в день эмпирически вырабатывались и назревали действия, диктуемые недальновидным сознанием и приводившие часто к неожиданным результатам. Словом, это была пора нерациональной интуитивной техники; и только середина и конец прошлого века ознаменовались, наконец, трудами Лассаля, Маркса и Энгельса, которыми был положен прочный научный фундамент в основу социально-экономической практики. Стихийные движения и утопические надежды уступили место рациональным методам борьбы за будущее путем целесообразного использования всех движущих сил общественной стихии. Таким образом и здесь произошло оплодотворение практики наукой и, быть может, самое замечательное и здоровое оплодотворение из всех когда либо наблюдавшихся на протяжении всего огромного фронта человеческой деятельности. В результате—поразительное развитие социального движения, удивительная дальновидность и уверенность в области социальной тактики, быстрый рост социальных движений.

Основной метод современной социальной техники — слияние отдельных индивидуальных воль в единую мощную коллективную волю на общем базисе материальной заинтересованности. Движущие силы, стимулирующие это слияние, были вскрыты Марксом и формулированы следующим образом: „С постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все преимущества процесса превращения, растет масса нищеты, подавления, угнетения, вырождения и эксплоатации, но также и возмущения со стороны рабочего класса, постоянно растущего и дисциплинируемого, объединяемого и организуемого самим механизмом капиталистического производственного процесса“ (Капитал, т. I). Выявление тенденции обобществления производства в рамках капиталистического хозяйства и открытие огромной растущей коллективной мощи пролетариата—могильщика и наследника капитализма—сразу указали на ту силу, которой суждено быть носителем социального прогресса, на естественный путь, ведущий от капитализма к коллективному, планомерно организованному социалистическому строю.

Все это помогло рабочему движению найти правильные пути и методы и в короткий срок создать могучую силу, потрясающую ныне основы буржуазного мира и уже закладывающую фундамент новому строю, предсказанному творцами научного социализма.

Во всех буквально областях общественно-реформационной работы марксистские методы дают поразительную уверенность и раскрывают широкие горизонты и верные пути,—пути приведения к величайшей в мире победе пролетариата.

Дальнейшее усовершенствование и утончение их—дело ближайшего будущего: можно уверенно констатировать, что социальная техника построена на надежном фундаменте. Но, конечно, знания одних социально-экономических законов еще недостаточно для рационального руководительства обществом: существует еще область социальной технологии, изучающей методы конкретной работы над преобразованием социальных масс,—преобразованием, пути которого установлены марксизмом. Социальная технология вполне аналогична материальной технологии, изучающей методы целесообразной обработки материи. В самом деле, если социальная техника намечает план организации профессиональных союзов, партийных организаций, забастовок, демонстраций, вооруженных выступлений и пр. технических приемов пролетариата, с одной стороны, и создание армии, парламента, школы, церкви и др. технических средств, применяемых буржуазией, с другой, остается еще целая пропасть проблем, возникающих в связи с воздействием на массы, которые должны выполнить все это. Сюда относятся вопросы агитации, внутренней дисциплины, выбор очередных лозунгов, вопросы ближайшей тактики—со стороны пролетариата и проблемы организации армии, народного образования, клерикализм, вовлечение вождей пролетариата в парламентскую игру и все методы культурного оглушения, опьянения и устремления рабочих масс—со стороны буржуазии,—все это проблемы социальной технологии.

Социальная технология, несмотря на богатство своих методов и сложность своих проблем, не в пример социальной технике, не нашла еще достаточно прочного фундамента, который она только пытается обрести в индивидуальной и социальной психологии.

Всякую социальную массу можно рассматривать как совершенно своеобразный организм, живущий согласно присущим ему законам. Достаточно указать на такие явления, как массовый энтузиазм, панику, массовую ярость, массовые галлюцинации, массовую нерешительность и массовую твердость, процессы объеди-

нения, роста и распада массы, чтобы понять, что здесь мы имели дело с действующим, развивающимся, болеющим и выздоравливающим или умирающим организмом. Критический анализ эмпирически выработанных методов воздействия на массы и исследование законов массовых движений есть научно практическая задача ближайшего будущего, разрешение которой поможет создать точные методы организации лечения социального организма и управления им. Применявшиеся на практике приёмы организации коллективов можно разделить на два типа: приемы насильственной и приемы добровольной организации. Примером первых являются методы палочной дисциплины, применявшиеся в старой армии, внутри заводской жизни, в старой школе и т. д. Сущность их чрезвычайно проста: отдельные индивиды насилием вынуждаются исполнять предписания чужой воли, т. е. механически производить действия, регулируемые извне руководителем данного коллектива. Таким образом коллектив уподобляется хорошо слаженной машине, легко и гибко управляемой, но теряет самые существенные особенности, самые ценные черты, свойственные живому организму вообще, а человеку в особенности, — способность к быстрому и целесообразному самоурегулированию.

Здесь мы имели пример того, как экстенсивные методы обработки расточительно, неэкономно растрачивают природные богатства. Общей тенденцией наших дней является переход к свободным организациям, как к технически более высокому типу коллектива. Прототипом их были рабочие организации, естественно слагавшиеся благодаря общности интересов для общей борьбы. Мы не будем здесь вдаваться в рассмотрение различных вариаций свободных организаций. Общим для всех является сознательная заинтересованность всех членов коллектива в том деле, вокруг которого коллектив сложен. Таким образом уже самый основной принцип организации является здесь чисто биологическим — сознательность. Сознательность может быть разного порядка. Для организации свободного коллектива необходима общая сознательность, сознательное отношение к общей задаче, но для достижения определенной цели коллектив должен произвести ряд частных действий. Сознательное отношение к частным действиям составляет то, что можно было бы назвать технической сознательностью коллектива. Но организм не живет чистой сознательностью, как ни один человек не бывает и не может быть лишен иррациональных моментов. Самое сознание вырастает над бездной подсознательной сферы. Точно также и всякий социальный организм функционирует согласно скрытым, еще не выявленным законам подсознательной жизни, поэтому задача организации свободного коллектива, т. е. коллектива, бережно относящегося к специфически человеческим свойствам, не исчерпывается методом развития общей и технической сознательности и требует, сверх того, применения целого ряда приемов, базирующихся на скрытых пока законах жизни социальных организмов. Эти методы еще не собраны, не систематизированы; все они еще находятся в гуще практической работы.

Быть может, когда скрытые законы будут открыты, и эмпирические методы получат научный базис, мы будем обладать целым ассортиментом световых, цветовых и звуковых эффектов, которые смогут остановить панику в горящем театре, внушить мужество дрогнувшим войскам, изменить направление потока избытка свободной энергии толпы, устремленного на разрушение, и заставить его производить созидательную работу и наоборот. Быть может, мы сможем установить длительный путь лечения разлагающейся армии или завода, страдающего от отсутствия дисциплины, и, если период взаимной борьбы отдельных человеческих масс не закончится в ближайшее время, социальная технология, быть может, создаст целесообразные методы разрушения враждебной массы путем рациональных приемов наведения мгновенной паники или длительного разложения, что сейчас уже достигается сложившимися полуэмпирическими или полукустарными методами.

Грандиозному размаху в социальной технике вполне отвечает размах экономической техники, преобразующей экономическую действительность.

Мы присутствуем в момент небывалого в мире развития планомерности и сознательности в экономических преобразованиях, небывалой широты и глубины хозяйственной пертурбации, планомерно и сознательно руководимых.

Современная экономическая техника может похвалиться своими успехами. Еще в рамках капиталистического строя ею созданы сложные и рациональные учреждения — акционерные компании, банки, синдикаты, картели и пр. могучие орудия организации промышленности. Если вспомнить грандиозную неудачу первой попытки создать нечто подобное учреждениям современной индустриальной экономики (банк Бонар Лоу) и сравнить эту попытку с последующими достижениями, то ясно станет, что и здесь применение достижений научной экономики к экономической практике дало те же результаты, что и в области материальной и социальной техники: те же быстрые успехи, тот же рост крупных и сложных рациональных организаций, — словом, та же картина победы организованности, рационализма над экономическим кустарничеством и примитивностью.

Но самым грандиозным делом, выпавшим на долю экономической техники, является, конечно, то полное переустройство всей хозяйственной организации, которая совершается сейчас. Эти задачи можно поставить в ряд разве что только с современными задачами социальной техники: на эти две отрасли пали самые трудные и самые большие задачи наших дней, и только прочный научный базис и широкое применение научных выводов и научных методов помогают им совершить грандиозную работу строительства жизни.

3. Тенденции идеологической техники.

Все области человеческой деятельности, направленные на целесообразные приспособления среды к потребностям общества, захвачены, как мы видим, одним общим течением, устремленным в сторону сближения науки и практики в смысле использования, с одной стороны, научных выводов, а с другой — научных методов. Поэтому развитие всех приемов, которыми движется вперед наука, представляет для практики двойной интерес: с одной стороны, от них зависит развитие науки, а следовательно богатство тех выводов, которые несут столь важную и ответственную роль в разрешении практических задач, а с другой — научные методы находят непосредственное применение в практических исследованиях, и их мощность предопределяет ценность возможных практических достижений.

Всю совокупность методов, которые употребляются для расширения сферы теоретических знаний, можно назвать техникой науки или, включая сюда все методы развития идеологии, идеологической техникой. В современном развитии не трудно заметить нечто общее в тенденциях материальной, социальной и экономической техники.

Прежде всего бросается в глаза огромное утончение и усложнение экспериментальной техники, вполне аналогичное усложнению и утончению приемов практической работы. Экспериментатор уже не ограничивается грубым изучением лежащих на поверхности свойств природы, а пытается проникнуть в тайны, скрытые от примитивного ремесленного эксперимента. Классические опыты Майкелсона и Марлея над исследованием влияния движения земли на наблюдаемую скорость распространения света, опыты Ландольта для определения уменьшения или приращения массы во время химических реакций, точность которых равнялась 1:1.000.000 взвешенных веществ, могут служить образцовыми примерами, характеризующими как сложность экспериментальных проблем, так и точность экспериментальных методов.

„Грядущие физические открытия кроются в 6-м десятичном знаке“, — говорит Майкелсон, и, конечно, только необычайное усложнение и утончение экспериментальных методов даст возможность проникнуть в тайну 6-го десятичного знака. Но самое утончение экспериментальной техники стало возможным благодаря необычайной точности, которой проникнута современная материально-практическая техника, с одной стороны, и благодаря развитию теоретического знания, с другой: она была бы абсолютно недостижима для человека, вооруженного только здравым смыслом, т.-е. тем приблизительным и грубым орудием, которым довольствовался ремесленник и ученый в эпоху ремесленного состояния науки. Не менее усложнены и утончены методы современной интеллектуальной ручной работы: общим правилом является здесь отход от наглядного представления, от интуиции к чистой абстракции и логизму; на тех головокружительных высотах, куда вступает современная наука в сфере тех сложных проблем, которые она пытается разрешить интуицией, как-то тяжело дышится и трудно живется.

Конкретное мышление очень рано отказывается служить при углублении и усложнении научных задач, хотя великолепно руководит первыми шагами. Чтобы ясно почувствовать этот недостаток конкретного мышления, достаточно попробовать разобраться в каком-нибудь сложном кинематическом механизме, т.-е. поставить себе задачу определить характер движения одной части механизма при определенном передвижении другой. То, что легко мгновенно схватывается интуицией как живой конкретный образ на простой модели, где обе части связаны очень ограниченным количеством передаточных частей, то оказывается абсо-

лютно недостаточным по отношению к сложному механизму: воображение устает волочить за собой длинную громоздкую цепь конкретных образов элементарных перемещений и бессильно вязнет в бесконечной путанице сложно-координированных движений. Но общий метод Рело дает возможность на основании легкого отвлеченного анализа точно предвидеть влияние и скорость загадочного перемещения. Ярким примером того, до чего доходит абстрактность научных построений, может служить знаменитая теория относительности и возникающая на основе ее новая механика. Да и в старой механике недаром создана вполне абстрактная аналитическая механика, позволяющая решать сложнейшие проблемы статики, кинематики и динамики. Новейшим отвлеченного мышления является современная математика, все более и более удаляющаяся от грубо-эмпирического „смотри" индусских математиков и столь же грубых и примитивных приемов египетских землемеров. От этих чисто интуитивных методов современная математика, пройдя через нечистый логизм Евклида, дошла до абсолютного логизма, столь ярко и плодотворно сказавшегося в современных работах по неевклидовым геометриям, анализу и обоснованию математики, в работах, в которых понадобилась полная стерильность от микробов интуиции.

Требования, предъявленные в некоторых вопросах математики к силе отвлеченного мышления, оказались настолько великими, что самый изощренный в отвлеченности мозг не в состоянии удовлетворить им. Пришлось создать сложное искусственное вспомогательное орудие—логистику, взамен старой аристотелевой логики, тончайший инструмент логического анализа, достойный века счетной машины, паровой турбины, авиационных моторов, гигроскопического компаса, ультра-микроскопа, интерферометра, спектроскопа и др. сложнейших и тончайших механизмов нашего века.

Обычно указывают, что применение интуиции является необходимым для научных открытий, и только в систематизации готового сырого материала науки логика вполне вступает в свои права. „Интуиции — свобода исканий, логике — полнота доказательства" [1]), говорит С. Богомолов. Бесспорно, мы не имеем логики открытий, о которой мечтали Раймонд Луллий и Лейбниц, но бесспорно и то, что, как ни велика роль интуиции в открытии новых фактов и соотношений, эта роль в современной науке существенно отлична от роли примитивной интуиции первобытного мышления.

Здесь неуместно вдаваться в рассмотрение сложного вопроса о соотношении интуиции и логики, да это и бесцельно для настоящей статьи. Здесь достаточно констатировать все большее развитие методов отвлеченного мышления и вполне определившуюся тенденцию к бесконечному усложнению идеологической техники, аналогичному общему усложнению техники социальной, экономической и материально-практической. В развитии современной науки следует особенно остановиться на чрезвычайно сильном течении в сторону систематизации науки, т.-е. в сторону планомерной рациональной организации ее, которая происходит одновременно с движением вперед, с завоеванием новых областей. В первом процессе, который особенно ярко проявляется в современных работах по обоснованию математики и в критическом пересмотре основ механики, нетрудно усмотреть нечто весьма сходное с процессом социальных и экономических преобразований, направленных в сторону планомерной и целесообразной организации общества. Такая систематизирующая работа, сопровождаемая выделением основных предпосылок и основных принципов, исследование научного базиса, так сказать, испытанием прочности различных частей науки выдвинуто как очередная проблема тем крупным сдвигом во всех областях знания, который в некоторых дисциплинах принял положительно катастрофический характер. Последние двадцать, тридцать лет ознаменовались крушением многих старых научных представлений, которых многолетняя привычка сделала как бы незыблемыми. Можно сказать, что если бы за то же время рухнуло столько прочных и надежных зданий, сколько общественных в науке гипотез и теорий разлетелось в прах,—это либо было бы приписано геологическому сдвигу земной коры, либо основы строительной техники были бы тщательно пересмотрены. В настоящее время во всех научных дисциплинах происходит подобный пересмотр основ, который стал абсолютно необходим для того, чтобы дать возможность науке проникнуть в новые области. Но как ни необходимы прочные основы и точная удобная система для развития знания, ошибочно было бы полагать, что движение науки вперед происходит путем естественного роста системы, как таковой. На этом пункте следует несколько задержаться, ибо непонимание процесса развития науки породило слишком много вредных педагогических иллюзий. Как происходит открытие? Ученый, работающий в какой-либо области науки, живет в своеобразной обстановке, насыщенной проблемами и фактами, характеризующими данное состояние науки. К его услугам техника науки, которая слагается из определенных методов экспериментирования, достигнутого уровня абстрактного мышления, целого арсенала понятий, законов, теорий, гипотез и предрассудков и некоторого устремления науки в каком-либо определенном направлении, где предшествующие работы открыли плодотворную ниву для приложения современных научных методов. Перед ним—ряд проблем, т.-е. фактов, еще не проанализированных, ряд зависимостей, закономерность которых еще не выявлена,—все это богатое наследство составляет естественную среду его бытия, как исследователя. Живя в этой среде, продолжая работу своих предшественников, несколько осложняя их, находя то твердыню известных уже результатов, то наблюдая неожиданное отклонение, прилагая известные уже методы к новым проблемам или усовершенствуя и эти методы, ученый либо ловит мелкую рыбешку в видах науки, либо, если его интеллектуальные данные достаточно богаты, подцепляет и крупных лососей [1]). Характерно во всем этом процессе, что ученый стоит перед какой-либо проблемой, выдвинутой другими или открытой им самим. В этом процессе все предшествующие завоевания науки создают только определенную обстановку жизни ученого и более или менее соответственные методы работы. Произведенные открытия либо естественно включаются в готовую систему науки, либо вносятся в нее как существенные дополнения или поправки, либо даже вовсе не укладываются в ней и требуют основательного пересмотра системы, как таковой. Во всяком случае, включение в научную систему новых открытий есть вторичный процесс. А для того, чтобы произвести эти открытия, система знания имеет вспомогательное значение: она выдвигает проблему и дает набор инструментов для ее разрешения. Необходимо, однако, оговориться, что здесь речь идет только о частичных, мало культурных силах, движущих науку; о силах внешних, определяющих основное направление научных исследований, речь будет впереди.

В последнее время в связи с повышенными требованиями, которые рационализируемая практика предъявляет к науке, наблюдается интересный процесс обобществления научного труда, весьма сходный с аналогичным процессом, получившим широчайшее распространение в производстве. В современных университетах и научных институтах, главным образом Германии и Америки, ведется работа над разрешением научных и научно-практических вопросов многочисленным кадром молодых заурядных научных работников под общим руководством какого-либо ученого. Но даже там, где нет такой коллективной организации научного труда, научная работа носит все же коллективный характер, поскольку работы разных ученых, расположенных иной раз в разных концах света, оказывают друг другу взаимную поддержку; на ряду с очень частыми параллелизмами здесь происходит обычно естественное разделение труда: одна и та же проблема подвергается всестороннему анализу разными учеными, и таким образом соединенные усилия территориально разобщенных исследователей проливают свет в темную область науки. Международные ученые ассоциации путем международных научных журналов и периодических съездов пытаются внести планомерность в этот стихийный коллективизм научного творчества. По сравнению с сравнительно недавним прошлым, когда разбросанные там и здесь одиночки-ученые, плохо связанные между собой и даже плохо осведомленные друг о друге, вели каждый за свой риск и страх исследования то в одной, то в другой области науки, неожиданно натыкаясь на блестящие открытия, „подобно детям, подбирающим на берегу то тут, то там небольшие камешки" [1]),— по сравнению с партизанскими усилиями прошлого научная работа наших дней является примером организованного движения вперед огромной армии, вооруженной сложными и могучими орудиями и с хорошо поставленной службой связи. Коллективная по существу, современная научная работа так относится к одиночным усилиям прошлого, как обобществленный индустриальный труд—к индивидуальному труду ремесленника. Грандиозный размах современной научной работы вполне соответствует колоссальному развитию работы современного производ-

[1]) Богомолов. „Вопросы обоснования геометрии", стр. 80.

[1]) Выражение У. Рамзая.

[1]) Изречение Ньютона.

ства. Сложные искусственные методы современной научной техники так относятся к примитивным приемам научных исследований прошлого, как сложная и могучая современная материальная социальная и экономическая техника относится к простой и слабосильной технике докапиталистической эпохи. Во всех областях человеческой деятельности произошел и происходит колоссальный рост продуктивности труда, величины и сложности достижения, покупаемых ценой необычайного усложнения методов труда. Эта основная тенденция современности красной нитью проходит через материальную, социальную, экономическую и идеологическую технику.

4. Наука и практика.

До сих пор мы рассматривали соотношение науки и практики с точки зрения влияния научных методов на усиление технических возможностей. Однако было бы глубоким заблуждением полагать, что техника только воспринимает дары науки, дабы сделать из них то или иное практическое употребление. Таково, правда, первое внешнее впечатление. Но более тщательный анализ обнаруживает сильный обратный ток, идущий от техники к науке и стимулирующий развитие последней в определенном направлении.

Влияние производственных отношений на идеологию достаточно ясно разоблачено целым рядом писателей-марксистов, и хотя тщательный анализ истории науки с марксистской точки зрения еще ждет своего исследователя, однако в грубых тонах общая картина зависимости развития науки от успехов промышленности слишком бросается в глаза. Глубокое прошлое характеризуется самостоятельным эмпирическим развитием техники. Дальнейший период есть период приложения результатов научных исследований к практике, при чем самое воздействие техники и стоящих перед нею проблем на науку имеет косвенный, скрытый характер. В наши дни намечается, как нечто совершенно новое, самостоятельное развитие прикладной науки, сознательно прилагающей все методы чисто научного исследования к разрешению чисто практических вопросов. Усложнение практических задач идет таким темпом, что технические проблемы перерастают те средства, которые дает в руки технике современная наука. Техника сама выдвигает новые научные проблемы и не только скрытыми подпочвенными путями регулирует работу науки, но властно требует разработки той или иной области, совершенно незатронутой или слабо разработанной теоретической наукой, и нередко сама берется за разрешение этой задачи. Особенно ярко выступает этот процесс в области социально-экономических проблем, ибо здесь в сущности только потребности практики заставляли подвергнуть научному анализу социальную, экономическую действительность. И попытки французских рационалистов XVIII века найти законы живого общества, и работы утопистов—Сен-Симона, Оуэна, и др., и, наконец, труды Маркса и Энгельса—все это была научная работа, толкаемая вплотную практическими мотивами. Другим примером научной активности практики могут служить сложные организационные задачи наших дней, которые заставляют взяться за научную разработку совершенно новой для науки области. Характерна в этом отношении борьба за научные методы организации промышленных предприятий, начатая Тейлором в Америке. В области организации заводских предприятий субъективные организационные способности и навыки—так называемый организаторский талант—до сих пор играют слишком выдающуюся роль. Можно научиться быть инженером, агрономом, врачом, но до сих пор не существует ни школы, ни методов воспитания организаторов. Подобно тому, как в доброе старое время хорошим мастером можно было стать только на работе, усваивая, перенимая и развивая на практике приемы мастера-учителя, точно так же только организационная практика помогает развитию организационных навыков. Никаких общих объективных организационных приемов, никаких исследований в области разрешения организационных проблем; удачи и неудачи практики—единственные учителя; талант организатора—единственный руководитель и залог успеха. Так было до последнего времени. Долгий тернистый путь практики выработал различные типы организаций, но критический анализ их, точный учет достоинств и недостатков не производится. А между тем развитие и централизация промышленности ставили все более и более сложные организационные проблемы. Нужда в организаторах не может быть удовлетворена экстенсивным, чисто практическим методом развития организационных сил. Словом, необходимость в научной разработке организационных проблем делается все более и более острой, и в настоящее время она частично удовлетворяется трудами целого ряда американских практиков-организаторов, суммирующих организационный опыт, обобщающих его и вырабатывающих рациональные методы разрешения организационных задач. Таким путем закладывается фундамент новой прикладной науки, которая, впрочем, уже сейчас дает положительные практические результаты. Переход от капиталистического к социалистическому хозяйству удесятеряет сложность организационных задач, и дальнейшая научная разработка организационных вопросов является более чем современной. Но не только в этих областях социальной, экономической и организационной практики наблюдается сильный ток, идущий от практики к теории,—и в материальной технике поток практического интереса все плотней и плотней подходит к теоретической науке и делается активным двигателем ее. Нарождается новый тип—ученого-практика, активного преобразователя жизни, проникнутого новым восторгом преобразования и новым пафосом рационального строительства.

Но современное производство не только смогло привлечь себе на службу современную науку: оно с успехом разрешило другую задачу—планомерную коллективизацию научно-практической работы, которую еще в сравнительно слабой степени культивирует чистая наука. Благодаря этому развитие научной техники происходит с удивительной быстротой.

Научно-практическое исследование, происходящее под живым напором практического интереса сравнительно спокойным теоретическим изучением, характеризуется некоторой грубостью применяемых методов и для начала довольствуется довольно приближенными результатами. Изучение человека как работающего механизма производилось целым рядом чистых ученых, в том числе Сеченовым, и за него же взялся недавно чистый практик Тейлор, поставивший себе весьма определенные утилитарные цели. Любопытно сравнить методы Сеченова и Тейлора. Тейлор наблюдает рабочих, таскающих свинцовые балки, и с хронометром в руках отмечает элементы времени, затраченные на каждую из дробных операций, производимых рабочим. Путем долгих проб он устанавливает, при какой нагрузке, при каком чередовании моментов работ и отдыха и при каком темпе работы получается максимальная производительность, и приблизительно, грубо решает практическую задачу, что позволяет увеличить производительность труда на 30—100%. Сеченов начинает свою работу с анализа костей, как рычагов, и сочленений, производит лабораторный анализ мышц, пускает в ход принципы механики, изучает работу сердца и органов дыхания, в результате кропотливой научной работы добирается до изучения работы человека на рукоятке без груза и работы при ходьбе без ноши, т.-е. практически почти бесполезных движений. Таким образом грубые эксперименты Тейлора оказываются практически несравненно более ценными, чем точные, тщательные, сложные научные методы Сеченова. Во всех прикладных дисциплинах количество приближенных групп эмпирически найденных законов несравненно больше, чем в теоретических науках; однако, было бы большой ошибкой заключить отсюда, что сложное теоретизирование есть жизненное занятие кабинетных людей, излишнее в практике. Грубые методы быстрее приводят к цели, но в конце концов с ростом интенсивности труда потребности в большей точности заставляют искать более верных, хотя и более сложных и долгих методов исследования; эмпирические формулы, рожденные ближайшим экспериментом, заменяются более точными теоретическими, имеющими длинную родословную и базирующимися на прочном научном фундаменте. Таким образом некоторая примитивизация научных методов, иногда наблюдаемая в прикладных дисциплинах, свидетельствует только о временном уклоне, но не изменяет общей линии развития от примитива к высшим теориям научной практической работы. Усложнение и утончение методов работы, как основная тенденция, в такой же мере проявляется в ненаучно практических исследованиях, как и в области идеологической техники.

5. Задачи современной педагогики.

Нам остается учесть выводы, полученные предыдущим анализом, и приложить их к разрешению того вопроса, который является для нас основным,—вопроса о задачах современной педагогики. Связь между педагогикой и тенденциями развития современного общества отчетливо устанавливается той основной задачей, которую должна разрешить педагогика,—помочь развитию общественного прогресса путем соответствующего воздействия на индивидов общества с целью развития тех способностей, тех сторон человеческой натуры, которые являются прогрессивными, и устранения реакционных атавистических наклонностей. Таким образом педагогика есть общая технология человека, как субъекта общественного прогресса. Говоря о проблемах социаль-

ной технологии, мы констатировали вполне определившуюся тенденцию современности к переходу от насильственных методов организации социальных коллективов к свободным нормам коллективов, спаянным общей и технической сознательностью. Организация таких коллективов ставит перед социальной технологией большую и ответственную задачу—необходимо пробудить общественную сознательность в широких массах и создать благоприятную почву для развития технической сознательности путем соответствующей подготовки каждого индивидуума.

Широкое обобществление научного и производственного труда, втягивание больших масс в научно-практическую работу для разрешения грандиозных технических проблем современности еще более усложняет эту задачу: необходимо не только подготовить индивидов, легко сознающих поставленные проблемы и целесообразность указанных путей, но умеющих в известных пределах вести самостоятельную творческую разработку практических вопросов путем приложения к ним научных методов. Таковы проблемы современной педагогики.

Мы можем сейчас суммировать результаты анализа тенденций современного индустриального, социального и идеологического прогресса. Прежде всего приходится констатировать общее движение в сторону рационализации жизни, которое идет вглубь, т.-е. к выработке все более и более рациональных методов, и вширь, т.-е. к захвату все большей части человеческой деятельности. Затем общее течение в сторону активизма, действия взамен пассивности, созерцания,—победа динамики над статикой, практики над самодовлеющей теорией. Далее развитие коллективизма и обобществление всех видов труда, в том числе и научного, и, наконец, победа универсализма над специализацией и синкретизмом.

Современная педагогика должна сделать отсюда такие выводы: человек будущего есть существо активное, действующее не инстинктивно и не интуитивно, не под влиянием механической памяти и сноровки, а сознательно, на основе часто долгого сложного анализа и синтеза многих обстоятельств, т.-е. под влиянием выбирающей деятельности мышления, деятельности тем более абстрактной, чем дальше дошел прогресс в данной области человеческой деятельности. Далее человек будущего, это—существо коллективистическое и творческое, т.-е. умеющее сопрягать свои усилия с усилиями других людей и призванное участвовать в творческой коллективной работе и, наконец, он—существо универсальное, т.-е. владеющее общими универсальными методами труда, а не специфической сноровкой в одной какой-либо определенной области. Задача педагогики представляется, таким образом, чрезвычайно сложной, но определяется она чрезвычайно просто: создать такого человека.

Прежде, чем приступить к вопросу о том, как это сделать, необходимо разделаться с одним весьма модным в настоящее время педагогическим недоразумением, которое пытается дискредитировать взгляд на педагогику, как на технологическую дисциплину: „Вся наша общая педагогика", говорит Шацкий, „построена на идее подготовки. А между тем передовыми мыслителями-педагогами всегда, кого из них ни возьмете, — Коменского, Руссо, Песталоцци, Гербарта, Фребеля, Толстого, Эллен Кей, Стенли Холла, Дьюи,—утверждалось нечто другое: *осуществление возможно полной детской жизни сейчас, без мысли о том, что даст будущее*". Не подготовка к будущей роли, не выработка определенного типа человека, а организация жизни детей в настоящем — такую задачу ставит Шацкий. В чем же тогда точка опоры этой искусственно обесцененной педагогики? В натуре ребенка в его естественных запросах, в законах его душевной жизни, отвечает Шацкий: молодые человеческие существа должны пройти весь цикл своего развития. И еще развивающаяся, делающая свои первые шаги экспериментальная педагогика ясно стала на этот путь: она намечает бесконечное число вопросов, намечает законы детского развития, тщательно стремясь определить границы возрастных ступеней ребенка. Как видите, все зиждется на уверенности, что существуют некая абсолютная имманентная природа ребенка и абсолютные имманентные законы развития его.

Но постоянные законы развития из постоянных условий могут создать только постоянные следствия, т.-е. и природа взрослого человека должна быть чем-то определенным, постоянным, зависящим только от того, в какой стадии развития находится данный субъект. Так именно и предполагали рационалисты XVIII века, пытавшиеся наметить идеальный, абсолютный, естественный строй, наиболее соответствующий абсолютной естественной природе человека. Не удивительно, что Руссо перенес эти идеи в педагогику, но странно видеть отражение их в педагогике XX века. Человек есть существо социальное, и природа его зависит от условий бытия и меняется при изменении социальной среды, приспособляясь к ней или к борьбе с ней. Но тогда либо предполагаемый либеральными педагогами естественный, независимый от среды путь к развитию ребенка в определенный момент обрывается, и начинается развитие человека под влиянием среды, что, конечно, абсурдно,—либо постоянная природа и постоянные законы развития ребенка есть иллюзия, и естественное воспитание проваливается в ту же яму, где 50 лет тому назад сгнило окончательно естественное государство, естественная религия и пр. заманчивые утопии буржуазных мыслителей. Мы полагаем, наоборот, что обстановка, в которой протекает жизнь ребенка, влияет на развитие его природы, и в этом влиянии видим точку опоры для разрешения педагогических задач: создавая соответствующую обстановку, помещая ребенка в ту или иную среду, мы можем косвенным образом воздействовать на его развитие; в осознании этого факта находится ключ к рациональной постановке современной педагогики.

6. Общие методы современной педагогики.

Необходимо прежде всего подчеркнуть *косвенный* метод педагогической работы. Подобно тому, как всякая работа в материальной технологии сплетается из ряда механических воздействий на материю и, пользуясь различными свойствами тел, добивается проявления тепловых, световых, электрических и других эффектов, подобно этому и в области общественной технологии только воздействием на бытие или, лучше сказать, на обстановку бытия порождаются те или иные эффекты в области духовной жизни общества. Этот факт давно нашел точное выражение в словах „бытие определяет сознание", которые являются основой всякой общественной технологии, в том числе и педагогики.

Таким образом педагогика может так формулировать основной метод своей работы: он заключается в рациональной организации воспитательной среды. Можно пойти дальше к конкретизации общего принципа педагогической работы: биотехнология учитывает биологические законы, подобно тому, как электротехника учитывает законы электрических явлений. Существует биологический закон: каждый биологический организм в известных пределах есть функция своей функции, это—закон широкого автоматического приспособления живых организмов. Отсюда вытекает функциональный метод педагогической работы: развитие природы человека в определенном направлении происходит в процессе выполнения определенных функций. Направление развития при этом определяется так: развитие происходит в сторону приспособления к выполнению данной функции. Итак, мы в праве утверждать: для развития определенных свойств человеческой природы и свойств, приспособляющих человека к определенным функциям, нужно заставить обрабатываемого субъекта проделать ряд действий, приближающихся к тем, для выполнения которых данный субъект приспособляется. Впрочем во всех областях человеческой деятельности методы труда обобщаются. Техническое оборудование освобождает работника от специфических, механических функций. Таким образом задача специального приспособления к определенному виду работы теряет свою остроту. Чтобы заставить человека выполнить ряд определенных действий, необходимо создать обстановку, вынуждающую эти действия производить: чтобы научить коллективно действовать, нужно поместить объекта воспитания в коллективно действующую среду; для развития духа практической рационализации поместить в обстановку, естественно рождающую таковую. Но какова должна быть воспитательная среда: естественной или искусственной, т. - е. должно ли воспользоваться существующими в обществе уголками или кучками подходящей среды, или в целях воспитания необходимо подвергнуть элементы среды той или иной предварительной обработке, чтобы приспособить ее для педагогических целей? Мы видели уже в предыдущем основную тенденцию современной, материальной, социальной и идеологической техники к рационализации методов труда и к захвату рациональными методами воздействия все большей и большей площади. Рациональная искусственная среда побеждает естественную. В области педагогики от полного отсутствия воспитания, от естественного роста в естественной среде человечество перешло к рационализации воспитательной работы и созданию искусственных уголков воспитания—школ. В последнее время в педагогике не умолкает призыв назад к природе, назад к естественной среде, ближе к подлинной жизни, к практическому воспитанию. В этом лозунге переплетается столько разнообразных течений, что его скорее можно назвать смесью

из дряхлых, поседевших, когда-то розовых и резвых идей эпохи сладких пейзанов с весьма прозаическими вожделениями добрых буржуа наших дней и подлинным голосом современной практики. Необходимо остеречься от вредных попутчиков, от внешне сходных, но по существу совершенно противоположных лозунгов индивидуалистического ремесленного практицизма и идиллической маниловщины прекраснодушных любителей природы и естественности. Совершенно бесспорно, что все усложняющиеся требования, предъявляемые к педагогике общим усложнением жизни, могут быть разрешены только сложными искусственными методами научной педагогики, т.-е. путем создания рациональной искусственной среды. Но если старая искусственность школы имела в виду вывести детей из области низкой практики для возвышающей душу теории, то естественно, что созданная ею среда совершенно не подходит для определившихся ныне педагогических задач. Педагогика вынуждена строить новую школу; эта работа находится еще в начальной стадии развития; воспитывающая среда создается путем первой культурной педагогической прививки к педагогически некультурной жизни. Путь создания школы есть путь постепенного педагогического культивирования педагогически несовершенной естественной, стихийной практики. Поэтому сейчас в наши дни лозунг от школы к жизни указывает на здоровое, но временное течение от абстрактной теории к практике, но мы знаем, что современная практика есть сложная научная практика; поэтому истинный путь школьной реформы определяется словами: от искусственной среды, питающей кабинетную теоретичность, к искусственной же среде, воспитывающей научный практицизм. Нужно упорно подчеркивать *научный практицизм*, проникнутый революционным пафосом грандиозного строительства, в противовес маленькому, домашнему практицизму, основанному на практических навыках ремесленного труда. Нужно всячески остерегаться внесения опасности идеалов семейной домовитости кухни и рукоделия в современную научно-практическую, широко обновленную школу. Итак, на вопрос: искусственная или естественная среда воспитания, мы отвечаем: сложная рационализированная, а следовательно искусственная среда. На вопрос, как она может быть создана, мы отвечаем: путем преобразования подходящих уголков естественной среды. Мы говорим—подходящих уголков, потому что среда каждой эпохи не есть нечто однородное. На ряду с зародышами будущего в настоящем всегда имеются остатки в прошлом. Рядом с заводом ютится ремесленник, рядом с Наркомпродом работает Сухаревка. Не трудно, однако, сразу наметить те уголки текущей жизни, которые являются подлинными центрами прогресса, в которых бьется живой пульс современности, откуда исходят могучие толчки революционного преобразования действительности и которые, как уголки конденсированной прогрессивной современности, являются могучими образцами педагогической среды. Такими уголками являются у нас заводы и фабрики.

В самом деле, здесь родился новый пафос современности—практический рационализм, коллективизм, здесь общественная и материальная механика нашла свой научный базис, здесь быстро концентрируется мощь, активность, побеждаются медленность, рассеянность, пассивность, отсюда начало организованности и коллективности с необычайной силой вступает в борьбу с элементами дезорганизации, сюда на службу спешит наука и искусство, здесь сходятся нити политической жизни. Здесь мозг и сердце современности, и здесь закладывается фундамент новой школы. Перейдем сейчас от общих педагогических вопросов к частной технологии воспитания.

7. Частные методы современной педагогики.

Группа детей, объединенная общей педагогической задачей, естественно слагается в коллектив, т. е. некий организм, живущий общей жизнью. Мы видели, что из двух типов коллектива—насильственно сложенного и свободно организующегося и развивающегося—первый является технически отсталым. Но если производственный коллектив, построенный на насилии, является нерациональным, то в организации, преследующей педагогические цели, он представляется сугубо хищническим, уничтожающим самое ценное для современности — черты воспитываемых индивидов. Мы видели, что организация свободных коллективов базируется на пробуждении общей технической сознательности составляющих его индивидов, но что этим не исчерпывается вся сложность проблемы. Детально методы организации таких коллективов еще не выработаны, научные основы их еще не заложены.

В области педагогики есть обоснование свободного воспитания, есть даже опыт свободного воспитания, но все же здесь

мы стоим еще перед проблемой, только частично эмпирически разрешенной, у нас нет точных методов ее разрешения, нет технологии свободного воспитания. Самым трудным моментом для педагога является начало работы, когда лицом к лицу сходятся дети самых разнообразных характеров, с самыми различными интересами, — иной раз без всяких сколько нибудь сильных устойчивых интересов, ничем не спаянные, просто собранные с очень смутным сознанием, для чего. Подобная аморфная масса представляет собой великолепную питательную среду для микробов разложения, но, с другой стороны, она является чрезвычайно податливым пластичным на первых порах материалом, легко поддающимся чужой воле. В этом двойная опасность, двойная трудность для педагога: с одной стороны, опасность разложения, с другой—опасность подавления воли детей, опасность насилия. Педагогу приходится чрезвычайно чутко и тонко работать, чтобы спаять бесформенную массу в свободный коллектив. Самым вредным в начале организации коллектива было бы стояние на месте: это способствует загниванию. Поэтому общим методом является метод динамический: необходимо создать какое-то движение, какую-то работу, чтобы на ней—на общей задаче—в процессе ее разрешения естественно оформился школьный коллектив. Не следует, однако, преувеличивать способности детей глубоко понимать широкие и общие задачи: здесь только речь идет о выявлении присущего им смутного сознания. Таким образом пробуждается общая сознательность, которая, однако, еще слишком мала: в ней нет элемента действия. Поэтому, не задерживаясь на этом, необходимо перейти к тому, как должен жить данный организм. Но не об общих регулирующих правилах и не об общем порядке должна итти речь, а только о самом необходимом для начала работы, и, как можно меньше задерживаясь на этом процессе пробуждения технической сознательности, необходимо перейти к существу самой работы, помня, что ее-то ждут дети, она и только она может создать свободный коллектив. Поэтому педагог должен прийти в школу с вполне ясным планом того, что и как он будет там делать, и этот план осуществлять. Так и педагогическая чуткость является надежным залогом того, что воля коллектива, поскольку она будет складываться, найдет полный простор для своего проявления и не потерпит ущерба от столкновения с волей педагога. Что касается усложненных форм внутренней организации,—они должны, конечно, складываться не в начале работы, а по мере ее развития, по мере возникновения действительной потребности в таковых

Таким образом ясно намечается концентричность в развитии школьного коллектива. Сперва быстрый переход от общей сознательности к технической и далее к работе, затем усложнение внутренней организации и в связи с этим дальнейшее развитие общей и технической сознательности и т. д. В начале неизбежно явное руководительство педагогов, затем, по мере роста коллектива, естественно сложится живое сотрудничество детей и руководителей. В этот момент можно констатировать зрелость школы, как социального организма. Тогда добрую половину трудностей педагогической работы можно считать преодоленной. Здоровый коллектив сложен, школа построена.

Мы рассматриваем школу как педагогическую прививку в естественной среде. Первоначальный грубый отбор мы уже произвели, когда нашли подходящими уголками рационально поставленные крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Но и в очерченных рамках должен быть произведен дальнейший отбор по такому принципу: чем сильнее в данной отрасли промышленности сказалась основная прогрессивная тенденция в современности—онаучение данной отрасли,—тем выше ее педагогическая ценность.

Далее, хотя научные методы давно переросли стадию специализации и являются все более и более общими, но эта тенденция еще не настолько сильно нашла конкретное воплощение в настоящий момент, чтобы любая научно практическая работа могла быть ключом к любой другой. Поэтому, чтобы подросток не оказался замкнутым в сферу слишком ограниченных специальных вопросов, необходимо наладить планомерный переход от одного производства к другому, с целью развития политехнизма. Таковы последовательные стадии все углубляющегося культивирования естественной среды. Конечно, ими вовсе не исчерпывается весь ход процесса целесообразного приспособления естественной обстановки к педагогическим требованиям, но попытка проникнуть в дальнейшее развитие этого процесса была бы сейчас праздным прожектерством.

Педагогическая обработка элементов среды имеет в виду достичь общей технической сознательности подростков, как членов данного производственного кол-

лектива. Каждое производство есть узловая точка, в которой сплетаются проблемы материальной, социальной экономической техники. Таким образом, атмосфера, в которой живет подросток, насыщена этими проблемами, подобно тому, как атмосфера, в которой работает ученый-теоретик, насыщена чисто научными задачами. И подобно тому, как ученый исходит из этих чисто научных задач, таким же точно образом проблемы из мира, окружающего подростка, должны стать исходным пунктом для его научно-практической работы. Таким образом, старый путь изучения готовой системы заменяется серьезной работой над научным разрешением выдвигаемых трудовой жизнью проблем. Конкретно это значит, что ребенок начинает не с изучения набора сложившихся понятий и законов, чтобы впоследствии применять их, а овладевает всем арсеналом научных методов в процессе работы над проблемами своего бытия. При этом в проблемах материальной техники найдут применение преимущественно методы физики, химии, механики, математики и естествоведения; в области социальной техники—методы социологии, истории, психологии; в вопросах экономической техники—методы *экономики и истории*. Правда, такая постановка педагогической работы требует разрешения целого ряда методических трудностей, разработка которых только еще начинается. До тех пор, пока она не будет завершена, пока точно и целесообразно методические приемы не расчистят дорогу, осуществление задач современной педагогики должно итти тернистым путем эмпирических массовых исканий. Эта массовая коллективная разработка сложнейшей проблемы отвечает обычному в наши дни методу широкой коллективизации научно практических работ. В результате ее мы будем иметь точную технологию воспитания, которая облегчит путь новых начинателей и поможет им достичь до более высоких вершин.

Мы видели, что научная система играет двоякую роль в развитии науки: она выдвигает проблемы и она дает методы для их решения. Первая функция системы для нас несущественна,—проблему выдвигает сама практика,—зато сложность научных методов заставляет создать искуственную учебную систему, облегчающую овладение ими. До сих пор в школе обычно учебная система служила для несколько иной цели: усвоение ее имело самодовлеющий интерес, и только побочным продуктом процесса усвоения должно было быть и отчасти было общее развитие интеллекта учащегося. Однако это развитие шло преимущественно в сторону умения понимать и усваивать чужие мысли, методы же самостоятельной работы, овладение методами науки для гибкого и умелого пользования ими совершенно оставались в тени. Таким образом школа не давала им методов приобретения знаний, ни тем более методов самостоятельной практической работы. С перемещением центра тяжести на этот последний пункт существенно меняется и самая конструкция учебной системы, как таковой: ее живое начало—всегда некая конкретная живая проблема. Эта проблема должна быть решена. Все остальное есть введение в решение. Это введение в решение есть более или менее длинный кусок научной системы. Естественно, что на первых порах, пока не создана методика школьной работы нового типа, этот кусок системы, приуроченный к определенной цели, будет внутренне мало отличаться от какого-либо отрывка старой учебной системы. Но нет никакого сомнения, что в будущем новая система потерпит глубокое внутреннее перерождение; произойдет, так сказать, молекулярное изменение ее структуры. Например, современная учебная система обычно заранее вводит ряд новых понятий и только впоследствии пускает эти понятия в оборот. Таким образом, каждое понятие рождается, так сказать, за полчаса до того, как оно понадобится. Эта чрезмерная предусмотрительность совершенно лишает учащихся сознания необходимости или полезности нового понятия.

Учащийся, например, великолепно усвоит, что такое ребра, грани, диагонали, двухгранные и трехгранные и пр. углы, но все эти понятия будут мертвым грузом до тех пор, пока они не пойдут в оборот и в процессе работы докажут свою полезность, помогая экономно выразить известные свойства куба или осознать, выявить то, что только смутно сознается или вовсе не сознается пока. Иной раз прибегают к выявлению новых понятий на простых примерах, настолько простых, что новые понятия там еще ничего нового дать не могут и не могут ничего упростить. Так понятие потенциальной и кинетической энергии уясняется на примере маятника, хотя для качественного описания движения маятника совершенно излишне вводить громоздкие и сложные вещи. Здесь ясно нет чувства гармонии между средствами и целью; все очень напоминает стрельбу из пушек по воробьям. Хуже всего, что такое построение лишает учащихся ощущения живой нужности каждого шага созданной науки, затемняет их общую техническую сознательность по отношению к ней и не развивает способности самостоятельно создавать нужные понятия, потому что путь естественного образования понятий совершенно искажается такой систематичностью. Новых понятий *можно создать* сколько угодно, но фактически *создаются* только те из них, которые действительно нужны, и только тогда, когда они нужны,т. е. когда они могут выполнить свою экономизирующую функцию. Конечно, новая система не должна пытаться уподобиться той пожарной команде, которая поспевала на пожар до начала, это, конечно, только один из примеров того, какому глубокому перерождению должна подвергнуться старая систематичность. Но этот пример чрезвычайно показателен, на нем можно уловить основной тон новой системы: *новая система есть система средств, приноровленных для решения той или иной живой задачи*. Когда круг решения задач достаточно широк, эти отдельные системы естественно складываются в систему методов, приспособленных для решения любой задачи данного типа. Во всяком случае, учащиеся выносят отсюда основное и самое важное — уменье искать научные методы и прилагать их. При этом совершенно не страшны все пробелы систематичности, тем более, что полнота и законченность какого бы то ни было знания есть только иллюзия самонадеянной ограниченности. На примере современного течения в сторону строгой систематизации наук мы показали, что эта систематизация толкается серьезной, резко сказавшейся в наши дни нуждой, а не абстрактным самодовлеющим увлечением систематичностью, как таковой. Верная в большом и малом общему правилу — не спешить на пожар за полчаса до начала, новая педагогика должна в вопросе систематизации занять вполне определенную позицию: не спешить с систематизацией, пока в ней нет ясно осознанной необходимости; для новой педагогики систематичность есть не начало, а венец работы.

О. Вольберг.

Организационная техника и машинизм.

(К вопросу о материале индустриального воспитания).

Habent sua fata libelli. Имеют свою судьбу и идеи. В известных условиях они быстро окостеневают. Там, где идея выросла не непосредственно из практической почвы, где она поддерживается действительностью лишь кружным, косвенным путем, живая основа ее быстро забывается, она легко оказывается предоставленной собственной инерции и подверженной опасности консервирования в самодовольно-самодовлеющей пустоте.

Октябрьская революция высоко вознесла лозунг политехнической школы. Техника и машинизм стали основой широко популярного понимания трудовой школы. Кое-где стали замечаться и перегибы одностороннего культа машинизма. В машине, в этом материальном орудии труда, увидели квинт-эссенцию современной трудовой культуры. Движимые не непосредственным практическим чутьем, а идеологическими достижениями, мы стали впадать подчас в фетишизм материального машинизма.

И непрактический подход сказывается не только в сектантском худосочии идеологии, но, что хуже всего, в практической беспочвенности тех форм, с которыми связывается идея. А между тем практическая неосуществимость данных определенных форм ее неизбежно опорочивает в глазах практических работников и самую идею и тем наносит ей чувствительный ущерб.

Индустриально-политехническая школа трактуется подчас до того заостренно в сторону машинизма, что в результате неизбежна практическая реакция против нее. Машинизм далек от того, чтобы быть реальной формулой русского хозяйства и даже одного только промышленного труда в стране (вспомнить хотя бы кустарные промыслы). Технические перспективы нашей действительности, в связи с мировым кризисом и экономической блокадой, таковы, что о существенном массовом прогрессе машинизма для ближайшего десятилетия не приходится говорить.

Какую же при таких условиях ценность имеет лозунг индустриально политехнической школы, заостренный на машинизме? Какую он имеет ценность для страны в ее целом, для сегодняшней хо-

зяйственной действительности ее? Массовый прогрес школы может вырасти только из прогресса массовой культуры современности. А если машинизм не есть реальная формула последней, в праве ли мы положить его в основу строительства школы? Нет, ибо наша школа есть школа жизни.

К счастью, односторонний машинизм не совпадает с индустриализмом, не покрывает его, и интенсивное развитие индустриализма возможно при одновременно задержанном развитии материальной техники. Вот почему перспективы индустриальной школы не связаны так тесно с перспективами прогрессирующего машинизма.

1. Организационная техника мануфактурного периода.

Мы знаем целые периоды в развитии народных хозяйств, которые отличаются от предшествующих не материальной, технической основой, а измененной организационной и экономической структурой. Такова, например, мануфактура, сменяющая цеховое ремесло.

С точки зрения самого *способа производства* мануфактура в начале своего развития едва ли отличается от цеховой ремесленной промышленности чем-либо иным, кроме большего количества рабочих, одновременно занятых одним и тем же капиталом. Мастерская цехового мастера лишь расширяет свои размеры. Разница вначале чисто количественная.

И, тем не менее, мы имеем дело с подлинной экономической революцией. Даже „*при неизменном способе труда* одновременное применение значительного числа рабочих вызывает *революцию* в объективных условиях производства труда“ [1]).

На той же материальной основе, с теми же неизмененными орудиями труда, без материально-технического прогреса кооперация и разделение труда создали в период мануфактуры новые *технические* возможности.

Кооперированный труд есть лишь более рационально организованный и именно общественно организованный труд. Повышенная продуктивность его связана не с изменением материальной техники (орудия труда, машины), а с развитием организационной техники, обобществлением труда (без обобществления орудий производства).

Эта более рациональная организация труда исторически шла разными путями и осуществлялась в разных видах.

Потребляя сообща и попеременно одни и те же средства производства, кооперация обеспечивает более интенсивное использование их. Постройки, в которых работает теперь большее число людей, склады, хранящие теперь большее количество сырого материала и готового продукта, инструменты, аппараты, служащие одновременно или попеременно многим,— все это создает ощутительную экономию без материально технических совершенствований. С другой стороны, там, где масштаб средств производства, потребляемых теперь сообща, должен возрасти, он при массовом, концентрированном, совместном производстве растет не пропорционально медленнее, нежели производимые продукты, олицетворяющие полезный эффект производства. Постройка мастерской на 20 человек совершенно очевидно стоит дешевле, чем постройка 10-ти мастерских на 2 человека каждая.

„Эта экономия в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. И этот характер средства производства приобретают лишь как общественные условия труда или условия общественного труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мастеров,—они приобретают этот характер даже в том случае, если многие рабочие объединены лишь пространственно, а не совместностью самого труда. Часть средств производства усваивает этот общественный характер даже раньше, чем он усваивается самим процессом труда“ („Капитал“, т. I, стр. 290).

Здесь экономия получается даже без общественной организации труда, без кооперирования, без планомерного, совместного участия многих в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда. Она получается в результате одного лишь пространственного сосредоточения.

Но организационная техника не ограничивается одним этим пространственным сосредоточением рабочих в одном и том же помещении. Она уже и в этот период находит более интенсивные, существеннее организующие формы. Сюда в первую очередь относится одновременное участие многих рук в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе, когда необходимо развить общественную силу, отличную от механической суммы сил отдельных рабочих, или необходимо не только повышение индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и создание новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.

Организационная техника комбинированного труда начинается с той простейшей формы совместного труда, когда дополняющие друг друга рабочие совершают одинаковую работу. И „хотя многие одновременно или совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного лица, как часть совокупного труда, может представлять различные фазы того процесса труда, который обрабатываемый предмет вследствие кооперации пробегает быстрее. Так, например, если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строящегося здания до его вершины, то каждый из них делает одно и то же, и, тем не менее, их отдельные операции представляют непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы ее, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым кирпич, пройдя через две дюжины рук коллективного рабочего, скорее доставляется на место, чем в том случае, если бы его переносили две руки единичного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них“.

Эта форма совместного труда, хотя и наиболее простая, тем не менее играет очень крупную роль и в наиболее развитых видах кооперации.

Начиная с комбинации дополняющих друг друга однородных работ, кооперация переходит к комбинированию разнородных элементов разложенного сложного труда. В результате „труд... разделяется. Вместо того, чтобы поручить одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, операции эти отделяются одна от другой, изолируются, располагаются в пространстве одна рядом с другой, причем каждая из них поручается отдельному ремесленнику и все вместе одновременно выполняются кооперующими работниками. Это случайное разделение повторяется, обнаруживает свои специфические преимущества и мало-по-малу окостеневает в виде системы разделения труда“ („Капитал“, т. I, стр. 302).

Это разделение труда, составляющее основу всего современного промышленного развития, создается двояким путем. „С одной стороны, оно исходит из комбинации разнородных самостоятельных ремесл, которые утрачивают свою самостоятельность, делаются односторонними в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы они могли стать пополняющими друг друга частичными операциями в процессе производства одного и того же товара [1]). С другой стороны, оно исходит из кооперации однородных ремесленников, разлагает данное индивидуальное ремесло на различные обособленные операции, изолирует эти последние и делает их односторонними в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы каждая из них могла стать исключительной функцией специализированного рабочего“. („Капитал“, т. I, стр. 303).

Новые организационные формы, не меняя материально технической основы труда, значительно увеличивают производительность его. Определенная роль принадлежит здесь, помимо разумности комбинации механических усилий, также и использованию психических моментов. „Помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц. Вследствие этого 12 лиц в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем 12 изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или 1 рабочий в течение 12 последовательных дней труда“ (стр. 291).

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней, комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения известного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее

[1]) *К. Маркс*, „Капитал“, т. I, М. 1909, стр. 289.

[1]) Карета, например, была первоначально продуктом совокупного труда большого числа независимых ремесленников: каретника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и т. д. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они совместно совершают свою работу.

воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их animal spirit, или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции начинают выполняться одновременно, или средства производства экономизируются благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации (стр. 294).

Кооперация, покоящаяся на разделении труда, или мануфактура, вначале представляет стихийное, естественно выросшее образование. Но как только она приобретает известную устойчивость и достаточную широту распространения, она становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства. История мануфактуры в собственном смысле этого слова показывает, каким образом характерное для нее разделение труда приобретает целесообразные формы, сначала чисто-эмпирически, как бы за спиною действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится закрепить раз найденные формы в виде традиции и, в отдельных случаях, упрочить их на целые века.

В XVII и XVIII вв. разделение труда и кооперация становятся не только сознательной, систематической формой хозяйства, но и руководящим принципом экономической теории (W. Petty, John Bellers, A. Yarranton, I. Vanderlint).

Бесспорно одно: „при неизменном способе труда" повышенная организационная техника, выразившаяся в кооперации и разделении труда, „вызвала революцию в объективных условиях процесса труда", значительно повысив производительность его.

2. Организационная работа развитого капитализма.

Мануфактура была новым экономическим образованием, но образованием преимущественно организационного, а не машинно-технического характера. В следующий период производительная сфера отдельных предприятий становится, наоборот, ареной не столько организационных нововведений, сколько ареной прогресса машинной техники, беспрерывно обновляющей технический остов предприятия. Весь XIX век характеризуется бешеным галопом технического обновления. Этот процесс получил яркое выражение в словах, сказанных на склоне XIX века американцем H. Emerson'ом. Он писал: „Не будет преувеличением сказать, что в течение 17 лет, с 1893 по 1910 год, все железные дороги с их полотном, рельсовыми путями, мостами, узловыми станциями, подвижным составом и тягой будут вновь перестроены; что трамвайные пути сделаются одинаковыми с паровыми железными дорогами по поверстной плате; что весь наш океанский флот будет вновь обновлен и что торговые и лучшие жилые части всех наших городов будут перестроены; наконец, что не менее важно, все механические мастерские будут переоборудованы, и все станки будут заменены новыми".

В этот период бешеного развития машинизма чисто-организационное творчество переходит из производственной сферы в внешне-экономическую область. Он происходит в сфере мобилизации и концентрации капитала и картельной организации целых отраслей промышленности.

Банки, которые собирают периодически превращающийся в бездеятельный капитал торгово-промышленной буржуазии, концентрируют его, распределяют и превращают из бездеятельного в функционирующий капитал, ускоряя общественный кругооборот его, а с другой стороны, собирают денежный доход всех других классов и предоставляют его, как денежный капитал, в распоряжение класса капиталистов,—представляют в этот период неиссякаемо активный центр организационного творчества.

Накопляя огромное количество средств, банки устраняют зависимость расширения предприятий от избытков собственных средств и делают возможным быстрые, при благоприятной конъюктуре прямо конвульсивные, расширения производства, ставя расширение его в зависимость только от одного условия: от технической рациональности его.

Аналогичную работу осуществляют интенсивно растущие акционерные общества, объединяющие капитал и в этом отношении выполняющие одинаковую с банками функцию.

Преодолевается граница, стоящая перед возрастанием частного производства, и

рост предприятия идет привлечением нового капитала независимо от величины прибыли, произведенной в самом этом предприятии.

В этих новых организационных формах идет освобождение промышленности от уз индивидуальной собственности и создается общественное распоряжение частными капиталами.

Идет широкое объединение капиталистических предприятий в картели и тресты, протекающее в самых разнообразных организационных формах, от простого преходящего соглашения до полного слияния в гигантские объединенные предприятия. Начинаясь с соглашения о нормировании продажных цен, оно идет к все более высоким организационным формам. Как только оказывается невозможным длительно урегулировать цены без урегулирования предложения (ибо только на основе урегулированного предложения и можно было бы удержать на рынке установленные цены), члены картели (следующий шаг) лишаются права самостоятельно производить продажу продукта, которая идет теперь исключительно через центральную продажную контору картели. В результате выпадает непосредственное отношение предприятия к своему клиенту; уничтожается коммерческая самостоятельность отдельного предприятия; последнее входит теперь в единое коммерческое целое — синдикат. На более высокой ступени картельной организации объединение обнимает всю экономическую и даже техническую сферу деятельности предприятия. Процесс этот идет безостановочно пока не достигает высших форм и не захватывает всех отраслей промышленности [1]).

„Для эпохи финансового капитала (последние десятилетия XIX века и первое десятилетие XX века) характерны: 1) срастание банкового и промышленного капитала в финансовый капитал; 2) стремительное сращивание между собой предприятий одной и той же отрасли промышленности (комбинации, синдикаты, тресты), а также разных отраслей, снабжающих друг друга средствами производства (вертикальное объединение); 3) замена единоличной собственности на средства производства коллективной собственностью групп финансовых капиталистов, ускоряемая превращением предприятий в акционерные; в тенденции — собственностью всего класса капиталистов; 4) вытеснение рыночного соперничества отдельных капиталистов борьбою синдикатов и трестов между собой и с внесиндикатскими фирмами; последствие—охват производства и рынка группами монополистов, регулирование ими производства, распределение рынков, установление ими синдикатских монопольных цен; 5) превращение государства из простого „ночного сторожа", охраняющего собственность отдельных капиталистов, помогающего им подавлять рабочих и держащего в своих руках вспомогательные учреждения, которые способствуют развитию капиталистического производства (центральный банк, жел. дороги, почта, телеграф и пр.), в непосредственно используемое финансовым капиталом орудие укрепления его силы внутри страны (банковая, жел.-дор. тарифная, рабочая политика) и международной борьбы за рынки и источники сырья (пошлины, вывозные премии, торговые договоры, концессии, захваты колоний и др. приемы империалистической политики).

Для государственного капитализма (появился с началом войны и достиг особенно высокого развития в Германии) характерны: 1) срастание государства и трестов, хозяйственной „командной власти" финансового капитала и политиче-

[1]) „В несколько упрощенном и схематизированном виде... последовательность в развитии договоров, лежащих в основе монополистических соглашений", приблизительно такова. „Прежде всего—самая слабая форма, своего рода предварительная ступень, картель, построенная на кондициях (ограничивающих известные формы конкуренции в сфере обращения и устанавливающих общие сроки и условия платежей). Далее следует совместное регулирование цен; но, чтобы удержать цены, необходимо соответственно фиксировать предложение. Следовательно, для того, чтобы регулирование цен не оказалось мимолетным и неустойчивым, требуется определение размеров производства. Всякие обходы договора вернее всего предотвращаются в том случае, если дело сбыта не оставляется за единичным предприятием, а возлагается на общий орган предприятий, на контору по продаже производимых ими продуктов. Тогда предприятие утрачивает свою коммерческую самостоятельность, непосредственность связей с клиентами. Соблюдение договора обеспечивается и в том случае, если прибыли достаются не прямо тому предприятию, в котором они произведены, а распределяются между всеми членами по наперед установленным нормам. Точно также совместно может производиться закупка сырого материала. В конце концов вмешательство может затронуть и техническую самостоятельность отдельного производства. Плохо оборудованные производства могут быть остановлены, известные производства могут быть оборудованы специально для выработки определенных продуктов, для чего условия в них особенно благоприятные: в техническом ли отношении, потому ли, что они находятся в выгодном положении по отношению к областям сбыта" (*Р. Гильфердинг*, „Финансовый капитал", 3-е изд., 1918 г., стр. 296, 298—9).

ской власти государства; не использование государственной „надстройки“ для укрепления хозяйственной мощи финансового капитала, а превращение ряда государственных органов в организующие и регулирующие хозяйство органы трестов; 2) появление принудительных государственных синдикатов и трестов и, след., завершение перехода собственности в классовую собственность капиталистов; 3) планомерное регулирование производства этими синдикатами и трестами; замена фактических рыночных монополий обязательными монополиями государства-треста; замена фактических монопольных цен обязательными твердыми ценами государства-треста; 4) организация и регулирование потребления путем карточной системы; 5) превращение рабочей силы в достояние государства банкиров и капиталистов путем трудовой повинности; 6) итог: отмирание капитализма, как товарного хозяйства, в котором приспособление производства к потреблению создается путем спроса и предложения на рынке и конкуренции независимых собственников, а рабочая сила составляет товар; тенденция к нарождению системы сознательно регулируемого производства, обращения и потребления“.

Мировая война, сконцентрировавшая в себе все разрушительные силы капитализма, привела к всеобщему материальному оскудению. Сужение хозяйственного базиса, той основы, на которой выросло общество, побуждает господствующие классы к активному организационному процессу. Государственный капитализм не создается за спиною капиталистов, будучи подготовлен самим ростом производства. Наоборот, последние вынуждены *строить* его, стремительно и сознательно перестраивать отношения производства. И перестраивать их в сторону создания централизованного, сознательно и планомерно руководимого (пока классом эксплоататоров) хозяйства. Чем обширнее разруха, тем энергичнее эта преобразующая общественные отношения работа.

В результате войны этот базис сузился настолько, что с известного момента общество для того, чтобы существовать, должно: 1) прекратив войну, положить предел дальнейшему сужению своей основы, 2) сломать все — крупные и мелкие—перегородки собственности и руководить производством, как технически - единым аппаратом, 3) направить этот аппарат на удовлетворение потребностей всех членов общества, без преимуществ и различий и 4) создать желанную власть, опирающуюся на миллионы, порожденную ими и развивающую их самодеятельность, несмотря на всю мощь этой власти.

Такую власть выдвигает социалистическая революция. Она осуществляет ту более глубокую перестройку общества, о которой только что упомянуто. Она *строит* социализм, ибо социализм создается путем строительства, *активного организационного процесса*—так же, как государственный капитализм. [1])

Эта величественнейшая организационно-строительская работа совершается на наших глазах.

3. Интенсификация внутри-заводской организации.

(*Элементы тэйлоризма.*)

В период, о котором только что шла речь, ареной чисто организационного строительства является не внутреннее строение предприятия, идущее по преимуществу путями усовершенствования технического оборудования, а сфера банковского капитала и картелированного промышленного капитала.

Только когда процесс экстенсивной организации целых отраслей промышленности близится к своему завершению и организация предприятий вовне достигает современного американского или германского уровня, прогресс организационной техники снова со всей энергией обращается внутрь самого предприятия.

В этот период (конец XIX века) односторонности машинизма и материально-технического прогресса утрачивают свое исчерпывающее господство [2]) и лозунгом

[1]) *Н. Осинский* „Строительство социализма“, 1918, стр. 12—17.

[2]) „До самого последнего времени принцип перенесения сноровки с человека на машину был почти единственным фактором в деле развития промышленности, и в истинной ценности подробного исследования всех элементов движений и работы еще в достаточной степени себе отчета не отдавали. Все внимание было обращено лишь на самую машину - орудие. При этом совершенно отсутствовало сознание, насколько важно связать усовершенствование машины с точным научным знанием всех принципов, всех условий ее обслуживания“. (*Л. Львенстерн*). В этой же связи Тэйлор пишет:

„Мы можем наблюдать исчезновение наших лесов и истощение нашей водяной силы; мы уже предвидим снесение почвы в океан и истощение запасов железа и угля, но постоянная потеря человеческой энергии вследствие неправильной постановки работы и малой ее продуктивности,— это менее заметно, менее осязаемо и потому сознается лишь смутно

дня становится интенсивный организационно-технический прогресс внутри заводского предприятия.

Это движение получило яркое выражение в тэйлоризме.

Спустя сто лет идея организации предприятия снова получает перевес над идеей технического оборудования его.

Тэйлор, один из наиболее энергичных пропагандистов научно организованного руководства предприятиями, пишет: „Нет сомнения, что если исполняемая работа вообще сложна, то хорошая организация при бедном оборудовании даст лучшие результаты, чем отличное оборудование при плохой организации“. И он прибавляет: „Недавно несколько финансистов спросили у одного очень успешно ведущего дело фабриканта, имеет ли большее значение тот или другой тип организации дела, если предприятие обладает надлежащим современным оборудованием. Он ответил им: „Если бы мне пришлось выбрать одно из двух,—отказаться от моей теперешней организации, или сжечь все оборудование, которое стоило мне миллионов, я предпочел бы последнее. Машины я мог бы сейчас же купить,—хоть в долг,—но навряд ли я восстановил бы мою теперешнюю организацию за целое поколение“. [1])

В этом смысле пропагандисты нового метода формулируют свой упрек традиции предшествующих десятилетий: почти все директора промышленных предприятий сознают пользу современного рационального оборудования завода и не жалеют на это денег. Но очень немногие из них согласятся, что хорошая организация, сколько бы она ни стоила, во многих случаях гораздо важнее оборудования“. [2])

В центр новой системы управления ставится расчетное бюро, представляющее централизованный мозг всего предприятия.

Еще до поступления какой-либо заготовки в мастерские заранее определяется весь путь, который она пройдет от одного станка к другому. Для каждой операции заранее составляется инструкция, подробно и точно определяющая, каким образом должна быть исполнена эта работа, и сколько времени она займет, с указанием № чертежа и всех требующихся для нее специальных инструментов и приспособлений. Специальный расчетный отдел ежедневно тщательно определяет урок каждому рабочему по крайней мере за день вперед и подробно излагает все предписания рабочим письменно. С другой стороны, чтобы возможно было назначить урок на следующий день и определить, насколько подвинулась за день работа на всем заводе, рабочие каждый день представляют в расчетный отдел письменные сведения с точным указанием исполненной работы.

Основной принцип этой высоко-интенсивной организации не в том, что она создает новую функцию. Она только организует то, что до сих пор делалось стихийно и эпизодически. Она сводит эту до сих пор распыленную по всему заводу функцию к одному месту, централизирует ее и передает специальному органу.

„Расчетный отдел только объединяет все расчеты и большую часть другой умственной работы введением нескольких служащих, приспособленных к этому делу и опытных, между тем как раньше вся эта работа исполнялась по большей части получающими высокую плату мастерами, вполне пригодными для своей специальной работы, но плохо приспособленными к расчетной работе конторского характера“. [1])

Расточение материальных богатств мы можем видеть и ощущать; но неумелость и непродуктивность рабочих, а также неправильная организация работ не оставляют никаких видимых и непосредственно ощутимых следов. Оценка этих явлений требует работы памяти и воображения. Наша ежедневная потеря в этой области гораздо больше, чем в области материальных благ...

Сто лет тому назад величайшим фактором в повышении производительности и в процветании цивилизованного мира была замена ручного труда машинным...

Научная организация приведет современем к тому же результату, к какому привело в свое время введение машинного производства“. („Научная основа организации промышл. предприятий“, стр, 1—2, 108).

[1]) *Ф. Тэйлор*, „Административно - техническая организация промышленных предприятий“. 3-е изд., 1919 г., стр. 55.

[2]) *Ф. Тэйлор*, ib., стр. 55.

[1]) *Ф. Тэйлор*, ib., стр. 58. В другом месте Тэйлор пишет: „Между этой системой управления и современной техникой на заводах есть полная аналогия. Техническая сторона дела сосредоточивается теперь главным образом в чертежных, современное управление - в расчетном отделе. Встарину технические отделы имели очень простой экономический вид, тогда как современные технические отделы с многочисленными чертежами, с тщательной разработкой каждой детали, с целым штатом чертежников, над которыми старый инженер посмеивается, считая их „непроизводительными“, кажутся сложными и очень дорого стоящими. По той же причине и современное управление с его изучением времени по секундам, с расчетными отделом, который тщательно учитывает ход каждой работы, с массой письменных распоряжений и явной канцелярщиной кажется только напрасной тратой денег. Обыкновенное управление, при котором ход работы определяется самими рабочими

За исключением исследования единиц времени и одной или двух незначительных обязанностей, все работы расчетного отдела, столь сложные на первый взгляд, исполнялись рабочими завода и при старом, казалось бы, простом типе управления с одним дешевым управляющим во главе. Однако в первом случае работа исполняется специально обученным штатом служащих, которые работают согласованно, подобно плавно действующему механизму, а во втором случае — гораздо большим числом людей, очень мало опытных и плохо приспособленных к такой работе, и притом каждый из них для исполнения этой работы отрывается от какого-либо другого дела, к которому он хорошо приготовлен. Стоимость производства понижается, благодаря возможно полному отделению работы по проектированию и организации от работы чисто исполнительной. [1])

при помощи одного или двух мастеров, кажется в высшей степени простым и экономичным. Однако у автора исчезли всякие сомнения относительно пользы чертежного отделения уже давно,—именно, когда он, будучи еще молодым инженером, увидел однажды в большом и хорошо устроенном заводе старой школы, как главный инженер вместе с заведующим механическим отделением, заведующим литейной и одним или двумя рабочими стоял с мелом и циркулем в руках над цилиндром строящейся машины и более часа рассуждал о надлежащих размерах и расположении болтов для прикрепления крышки цилиндра. Это было просто, но далеко не экономично. Около того же времени он окончательно убедился в необходимости и пользе расчетного отдела с его изучением единиц времени, с письменными инструкциями и отчетами. Не раз он видел, как рабочий останавливал станок и разыскивал мастера, чтобы спросить у него, что ему делать дальше, а затем бегал по всему заводу и искал новой работы или какого-либо нужного ему инструмента„.

..."Современная техника достигала уже таких успехов, что с достаточной уверенностью рассчитывает и выполняет механизмы и устройства, дающие наибольшую производительность при наименьшем весе и стоимости материала, тогда как прежняя техника в лучшем случае только приблизительно достигала этих результатов, и то после целого ряда неудач, требующих переделок и вызывающих большую потерю времени. Обыкновенная система управления вследствие отсутствия точных сведений и методов может только более или менее близко подойти к желательной цели,—высокой заработной плате при низкой стоимости производства,—и то только медленно, с упомянутой уже неуверенностью в результатах, с постоянным сопротивлением рабочих, а иногда даже и с забастовками. Современное же управление ведет к этой цели тоже, правда, на первых порах медленно, но зато прямо и уверенно шаг за шагом". (стр. 58—60).

[1]) *Ф. Тэйлор*, ib., стр. 100. „Почти все промышленники придерживаются мнения, что для экономии число занятых умственным трудом

Как высоко американцы расценивают перспективы повышения производительности труда в результате совокупного действия технического оборудования и научной организации производства (а главным образом последней) видно, хотя бы из речи H. Emerson'a в американской „Society of Mechanical Engineers". Emerson говорит: „Тщательное исследование, основанное на необычайно благоприятных условиях для наблюдения, убедило меня, что рациональная производительность мужского населения Соединенных Штатов в возрасте военной службы не превышает 5% производительности идеальной механической мастерской, спроектированной и оборудованной, например, г.г. Dodge & Day, организованной и управляемой S. Taylor'ом при работе по методам г. Gantt'a.

Величайшее скрытое богатство страны заключается не в ее природных богатствах, не в плодоносных полях или многочисленных железных дорогах, не в ее лесах и рудниках. Швейцария гориста,

(или, как их называют, непроизводительных работников) должно быть возможно малым по отношению к числу производительных (т. е. тех кто своим трудом принимает участие непосредственно в производстве изделий). Однако исследования самых успешных предприятий показывают, что правильнее как раз обратное мнение. Несколько лет тому назад автор произвел тщательное исследование отношения числа работников производительных к числу непроизводительных в трех самых больших и успешных компаниях в мире, которые были заняты в общем одинаковым производством. Одна из таких компаний находилась во Франции, другая—в Германии и третья — в Соединенных Штатах. Так как они в известной степени были конкурентами и были расположены в различных странах, то естественно, что ни одна из них не имела никакого соприкосновения с управлением другой. Во время своего исследования автор нашел, что управляющие никогда даже не трудились определить точное отношение количества „непроизводительных" работников на своих заводах к производительным. Таким образом, организация каждой компании развилась совершенно независимо одна от другой.

„Непроизводительными" работниками автор считает, например, следующих: всех главных служащих, заведующих отделениями, конторщиков, мастеров, сторожей, мальчиков, рассыльных, чертежников, служащих отдела продажи и т. п. Производительными же — только тех, которые действительно работают своими руками, непосредственно производя изделия. Оказалось, что на французском и немецком заводах на одного „непроизводительного" работника приходится от 6 до 7 производительных, а на американском около 7. Автор нашел, что на других заводах, занимающихся тем же производством, управление которых было заведомо плохое, на одного „непроизводительного" приходилось около 11 производительных". (100—101).

бесплодна, отрезана от моря, не имеет ни угля, ни руды, и все же, так как ее жители бережливы и умеренны, развиты, она сделалась одной из наиболее промышленных стран в мире. Новая Англия [1]) для Северной Америки то же, что Швейцария для Европы. Единственно благодаря разумной организации, а не природным богатствам, Пруссия возвысилась, как военная держава, и Германия заняла передовое место по росту флота".

В 1910 году в правительственной комиссии по организации транспорта в Соединенных Штатах Северной Америки было констатировано, что применение новых принципов ведения дела могло бы дать экономию в 1.000.000долларов *в день*.

И если таковы перспективы повышения производительности труда в Соединенных Штатах с их чрезвычайно высокой уже в настоящем культурой труда, то что говорить о России. Как безбрежен, в сущности, у нас путь организационного совершенствования!

4. Научно-организационные возможности примитивной техники.

Мы привыкли считать материально-техническую область (машинизм в частности), преимущественной, если не исключительной, сферой прикладного знания и научной методики труда. В области хозяйственно - практической деятельности машина до сих пор претендует на монопольное владение активной, воплощенной в живой работе наукой.

А между тем рядом с машиной в хозяйственно-практической работе есть и другая огромная область, ждущая реорганизации на научной основе, готовая впитать науку, дав в результате колоссальное повышение производительности труда. Речь идет о научной постановке организации, научной методике человеческого труда, отвлеченного от работы машины. Не в меньшей мере, нежели научно-техническое совершенствование орудий труда, необходима научная разработка каждого элемента работы, выработка строго определенных, рациональных правил для каждого трудового движения и установление наиболее целесообразных условий работы, долженствующих заменить примитивные, эмпирические методы (наощупь, на вкус, наугад), господствующие в современном трудовом быту и практике.

[1]) Шесть сев.-вост. штатов: Вермонт, Нью-Гемшир, Массачусетс, Мэн, Род-Айлэнд и Коннектикут.

В результате точного изучения и анализа всех употребительных методов работы вместе с тщательным изучением движений и элементов времени наука постепенно овладеет организационно-методической стороной всякого физического труда, как она овладела материально-технической стороной его.

Но для научного построения труда необходимо преобразовать большую часть той работы, которая теперь лежит на рабочих. Почти каждому элементу работы в мастерской должны предшествовать подготовительные исследования работы, которые должны обеспечить законченное-целесообразное выполнение трудовых заданий.

Ибо почти во всех механических искусствах научные законы, лежащие в основе каждого акта рабочего, настолько значительны и предъявляют настолько большие требования, что даже наиболее приспособленный к данной работе рабочий не подготовлен к полному овладению ими без руководства и помощи.

Накопленные продолжительным опытом знания, которыми владеют рабочие, должны быть собраны, сгруппированы и сведены к правилам, законам и формулам, получившим научное испытание.

Нас сейчас интересует, однако, не общее утверждение, что законченная организация и совершенная методика труда есть вообще строго *научная* задача, решение которой возможно единственно на основе точных наблюдений и выведенных из них законов. Нас интересует сейчас частный вопрос: несет ли отсталая, примитивная техника в себе возможности строго научной организации и, в связи с этим, возможности научно-организационного прогресса?

Ведь страна наша—страна мало развитой техники. Не только наше народное хозяйство в целом чрезвычайно бедно техническим оборудованием, но и наша молодая индустрия явно технически отстала, в связи с острой недостаточностью капиталов, которыми располагает страна.

По данным проф. Гольдштейна в сев.-американскую промышленность вложено 60 миллиардов рублей акционерного капитала, что на каждого рабочего дает свыше 10.000 рублей капитала; в России вложено 4 миллиарда, что на рабочего дает немногим больше 1.600 рублей. Неудивительно, что в Соединенных Штатах в связи с этим в промышленности работает 25 милл. лошадиных сил в механических двигателях, что равно 600 милл. человеческих сил, так что на каждую живую силу рабочего приходится около

100 человеческих сил в двигателях. У нас же работает всего 2,5 милл. лошадиных сил в двигателях, и на каждого рабочего приходится всего около 24 человеческих сил в двигателях.

Нам нужно, очевидно, в течение долгого периода интенсивно работать над доведением нашего оборудования до американского или западно-европейского уровня. Но эта задача в обстановке мирового материального оскудения и международной гражданской войны мало реальна. В этих условиях перед нами, как основная, встает задача доведения организации и методов труда до того научного уровня, который позволил бы с наивысшей интенсивностью использовать хотя бы и примитивное техническое оборудование, которым располагает народное хозяйство России.

Но возможно ли такое одностороннее научно-организационное развитие на узкой базе примитивной техники?

Развитие народных хозяйств не знает стереотипно повторяющихся путей. Оно не всегда шло и в одинаковом направлении. Западно-европейские страны пошли по пути капитало-интенсивного хозяйства. Восток (Китай, Ост-Индия) шли в течение всего своего прошлого по пути одностороннего трудо-интенсивного хозяйства. В послевоенной и революционной обстановке наших дней почти все страны стоят на перепутьи аналогичной дилеммы: интенсификация материальной техники или интенсификация организационной техники. Чем беднее страна, тем неизбежнее для нее пойти преимущественно путем организационно-технического прогресса. И это, конечно, в первую очередь относится к советской России.

Мы должны поэтому дать ответ, возможен-ли в обстановке примитивной техники, в условиях крайне слабо развитого машинизма интенсивный научно организационный прогресс.

Некоторые существенные элементы для ответа на этот вопрос могут быть подчеркнуты в практике тэйлоризма.

Тэйлор в итоге тридцатилетней работы своей группы пришел к твердому убеждению, что „основные принципы научного управления применимы к человеческой деятельности *всякого* рода, от *простейших индивидуальных работ* до деятельности крупнейших акционерных обществ, требующих наиболее организованного сотрудничества сотен и тысяч людей“ [1]).

[1]) *Ф. Тэйлор*, „Научные основы организации промышленных предприятий“, 2-е изд., 1916 г., стр. 3.

На основе многократно испытанной замены доморощенных, эмпирических методов ручного труда (т.-е. труда, который зависит от проворства и ловкости рук, но совершенно не зависит от работы станка) научно разработанными методами Тэйлор пришел к выводу, что „каждое простейшее движение рабочего может быть сведено к определенной закономерности“ (ib., стр. 49) и что „экономия времени на научно поставленной *ручной* работе иногда была больше экономии на машинной работе“ (ib., стр. 80).

Взять хотя бы переноску свинок чугуна. Она типичная для самых грубых и элементарных видов работы. Она выполняется рабочими, не имеющими никаких инструментов, кроме собственных рук.

Рабочий нагибается, поднимает свинку весом около 92 фунтов, переносит на несколько футов и опускает ее на землю или в кучу. Эта работа груба и элементарна; можно было бы научить выполнять ее умную гориллу и получить таким образом более производительного работника, чем человек. Однако изучение работы переноски чугунных свинок настолько сложно, что рабочий, вполне приспособленный к этой работе, не только не в состоянии понять ее научных оснований, но даже не может работать надлежащим образом без указаний другого, более образованного человека.

Когда Тэйлор приступил к введению научной системы в Bethlehem Steel C° [1]), одной из первых работ, подлежащих реорганизации, была переноска чугунных болванок.

По полю вдоль кучи чугуна проходила железнодорожная ветка; сбоку против вагона был устроен наклонный настил. Каждый рабочий нес по настилу болванку весом около 92 фунтов и опускал ее в вагон.

Артель нагружала в среднем около 12½ тонн в день на человека. Изучив дело, Тэйлор убедился, что первоклассный работник должен перенести не 12½ тонн., а от 47 до 48 тонн в день.

Раз получилась уверенность, что 47 тонн есть именно настоящий урок для первоклассного рабочего, задача руководителей при введении научной системы стала совершенно ясна.

Первым шагом был научный подбор рабочих. Поэтому было произведено тщательное наблюдение всех 75 рабочих в течение 3 или 4 дней, после чего были отобраны 4 человека, которые показались

[1]) Один из крупнейших сталелитейных заводов С.-Америки.

по физическим признакам способными вести нагрузку чугуна с производительностью 47 тонн в день.

Один из них приступил к работе и в течение дня, с правильными промежутками, получал приказания от руководителя, стоящего около него с часами в руках: подыми болванку и иди, теперь сядь и отдохни, теперь иди теперь отдохни и т. д. Он работал, когда ему говорили „работай“, и отдыхал, когда ему говорили „отдохни“. К половине шестого часа дня он нагрузил свои 47½ тонн в вагон. В течение трех лет, пока автор был в Bethlehem'е, этот рабочий выполнял свой урок.

Из всей артели в 75 человек только 1 на 8 оказался пригодным для переноски 47½ тонн в день. При самых лучших намерениях остальные были физически непригодны к такому темпу работы. Но этот восьмой ни в коем случае не превосходил остальных сотоварищей по артели, ему просто посчастливилось по своим физическим качествам подойти к типу вола.

Но тщательный подбор рабочих есть только один из элементов научной системы организации. Нужна еще научная разработка самой переноски чугуна.

Практически эта работа состояла в тяге или толкании, т. е. рабочий напрягал свою силу для поднятия или толкания предмета руками. Закономерность состоит в том, что для каждого данного усилия рабочий может быть под нагрузкой только определенный процент времени. Например, при переноске чугуна (каждая свинка весом в 92 анг. фунта) первоклассный рабочий должен быть под грузом только 43% рабочего дня. Остальные 57% должны обязательно уходить на отдых. Если груз легче, процент рабочего времени возрастает. Так, если рабочий переносит болванки весом в 46 фунтов, он может работать 58% рабочего времени, а отдых только 42%. Чем легче груз, тем дольше может работать человек [1]).

Когда рабочий переносит чугунные болванки весом в 92 анг. фунта, он утомляется при стоянии почти в такой же мере, как и при ходьбе: руки его находятся в одинаковом напряжении; человек же, стоящий с грузом неподвижно, не совершает никакой действительной работы; из этого следует, что между утомляемостью и совершенной работой, выраженной в фунто-футах, ни при какой работе не может быть постоянного соотношения. Ясно также, что при указанной работе руки рабочего нуждаются в полной свободе от груза (т. е. чтобы рабочий отдыхал) довольно часто. Пока рабочий находится под тяжестью, ткани мускулов его рук подвергаются утомлению, и для восстановления их энергии необходим частый отдых.

Если бы испытуемый рабочий был допущен к работе без руководства и указаний человека, знающего научные основания работы по переноске чугунных свинок, он, в погоне за высоким заработком, вероятно, переутомился бы уже к 11 или 12 часам дня. Он работал бы с таким упорством, что мускулы его рук не имели бы надлежащих периодов отдыха, абсолютно необходимых для восстановления их деятельности; он совершенно переутомился бы еще до наступления вечера. Если же над ним стоит человек, который знает указанную закономерность и управляет его работой изо дня в день, пока он не усвоит привычки отдыхать определенные промежутки времени, то он привыкнет работать определенным темпом весь день без излишнего утомления.

В дополнение Тэйлор сообщает следующее: 47 ½ тонн составляют 106.400 фунтов чугуна в день. Принимая вес свинки 92 фунта, получаем 1166 свинок в день.

42% рабочего дня (считая 10 часовой рабочий день, равный 600 минутам) дают 252 минуты.

252 минуты, деленные на 1156 дают 0,22 минуты на каждую свинку.

Рабочие ходят по ровному месту со средней скоростью 1 фут в 0,06 минуты. Среднее расстояние куч чугуна от вагона равнялось 36 футов. Многие рабочие, дойдя до наклонного помоста, взбегали на него с грузом. Сбросив груз, они опять сбегали по помосту. Так что, когда они приступали к фактической нагрузке, они двигались быстрее, чем показано. Отдых состоял в том, что рабочие сидели после нагрузки от 10 до 20 штук. Этот отдых прибавлялся к тому времени, которое уходило у них на возвращение от вагона к кучам (ib., стр 30–47).

Как в переноске чугуна, и во всякой другой простой работе есть огромное поле применения научного метода.

Это можно иллюстрировать на работе землекопов. Естественно, конечно, задаться вопросом, возможно ли применить к

[1]) Тэйлор не обосновывает этих чисел, они носят поэтому несколько произвольный характер. Надо вообще сказать, что Тэйлор сумел только выдвинуть задачу научной организации труда, но не законченно-научно решить ее в разрабатывавшихся им конкретных применениях.

копанию научный метод. А между тем научные основания этой работы совершенно элементарны и очевидны.

Первоклассному землекопу дается определенный груз для того, чтобы он развил максимальную дневную работу. Какова нагрузка лопаты? Произведет ли первоклассный рабочий в день больше работы с лопатой, подымающей груз в 5, 10, 15, 20, 25, 30 или 40 фунтов? Этот вопрос может быть разрешен только путем тщательно проделанных опытов. Выбрав двух или трех первоклассных землекопов, дают им повышенную плату за добросовестную работу, меняют последовательно нагрузку лопаты и тщательно наблюдают все условия работы в течение нескольких недель. Было найдено, что наибольшая дневная работа достигается при лопате, подымающей около 21 фунта; это значит, что рабочий перегрузит лопатой, подымающей 21 фунт, большее количество материала в день чем если бы он подымал зараз 24 или 18 фунтов. Само собой разумеется, ни один рабочий не может каждый раз подымать точно 21 фунт; тем не менее, хотя его нагрузка может колебаться в ту или иную сторону до 3 или 4 фунтов, он произведет наибольшую работу в день при средней норме 21 фунт.

На работах у Bethlehem Steel C° на основании этой закономерности рабочим не позволялось работать собственными лопатами; оказалось целесообразным снабдить их 8 — 10 сортами лопат в зависимости от рода обрабатываемого материала; тогда и рабочий мог поднимать в среднем 21 фунт, и лопаты были приспособлены ко всем требованиям, обнаружившимся впоследствии при научном изучении дела. Было выстроено большое здание, где были собраны не только лопаты, но и все остальные инструменты всякого рода, кирки, ломы и пр., тщательно продуманные и нормированные. Это дало возможность выдавать рабочему такие лопаты, с помощью которых он будет подымать 21 фунт соответствующего материала; маленькая лопата, например, для руды, наибольшая—для золы. Железная руда — один из самых тяжелых материалов, с которыми приходится иметь дело при работах этого рода, а скользящий с лопаты мелкий уголь — самый легкий. При наблюдении прежних работ в Bethlehem Steel C° оказалось, что когда рабочие работали своими собственными лопатами, они часто подымали на лопате около 30 фунтов железной руды, а затем переходили к мелкому углю, нагружая на ту же лопату меньше 4 фунтов. В первом случае они до того переутомлялись, что не в состоянии были выполнить дневной урок, во втором случае работа была так легка, что недостаточность ее бросалась в глаза.

Чтобы кратко осветить все остальные элементы, составляющие „науку копания", нужно сказать, что были проделаны тысячи наблюдений с секундомером в руках; наблюдалось время, идущее на работу у человека, снабженного подходящей лопатой: измеряли, с какой скоростью рабочие погружают лопату в кучу материала и затем вытаскивают полную лопату. Сначала наблюдения производились над погружением лопаты в кучу, когда она была непосредственно на земле, потом на деревянном настиле, и, наконец, на железном. Затем были сделаны точные наблюдения над временем, идущим на откидывание лопаты назад и на вскидывание груза с определенного горизонтального расстояния на известную высоту. Эти наблюдения времени были проделаны для различных комбинаций расстояния и высоты. Имея данные такого рода в связи с законом утомляемости при разгрузке чугуна, лицо, заведующее земляными работами, должно научить рабочих лучшему методу применения их силы для наибольшей производительности и точно установить для них такой дневной урок, при котором рабочий может быть уверен в максимально продуктивной работе.

В то время во дворе заводов Bethlehem Steel C° было около 600 рабочих, занятых разными земляными работами. Эти люди были рассыпаны по всему двору, площадью, приблизительно, около 2×1/2 мили. Для того, чтобы каждый рабочий мог получать инструкции и инструменты для каждой новой работы, пришлось ввести детально разработанную систему для ведения работ, вместо прежней системы, при которой все это передавалось артелям, работавшим под наблюдением нескольких старших. Когда рабочий приходит утром на работу, он вынимает из своего ящика со своим номером 2 листка бумаги с указанием инструментов, какие он должен взять из кладовой, и места, где он должен работать. Второй листок давал опись его работы за предыдущий день, т. е. указывал количество сделанной работы, сколько он заработал за предыдущий день и т. п.

Для общения с каждым рабочим в отдельности пришлось устроить специальное рабочее бюро для наблюдателя и его помощника, занятых этим делом. В этом бюро тщательно распределялась работа каждого рабочего, и последние переводились с места на место служащими, имеющими перед собой диаграммы. Для облегчения быстроты сношений введена система телефонов и посыльных. Этим путем были устранены все неравномерности в распределении рабочих по разным местам, а также уничтожены были перерывы работы.

Все это требует дружного сотрудничества администрации, целесообразной организации и системы. Новая организация состоит из группы людей, занятых изучением методов работы при помощи наблюдения времени; из другой группы людей—преимущественно искусных работников, действующих в качестве учителей и руководителей рабочих, и из третьей группы—служащих в магазине, снабжающих рабочих инструментами и хранящих все инструменты и приборы в порядке; наконец, последняя группа распределяет работы на будущее время, передвигает рабочих с места на место с наименьшей потерей времени, записывает заработок каждого рабочего и т. д. Это составляет простую иллюстрацию к тому, что такое дружное сотрудничество между администрацией и рабочими. Напрашивается сам собою вопрос: неужели такая разработанная организация оплачивает себя, неужели она не ложится бременем на бюджет? Лучший ответ на этот вопрос дает сравнение результатов трехлетней деятельности при новой системе с результатами прежнего типа организаций.

	Прежняя организ.	Новая организ.
Число дворовых рабочих.	400—600	140
Среднее количество тонн в день на человека.....	16	59
Средний заработок рабочего в день в долларах.	1,15	1,88
Средние издержки на обработку тонны (2.240 ф.).	0,072	0,033

В эту пониженную сумму 0,033 долл. входят также расходы на бюро и склад инструментов, на содержание всех наблюдателей, мастеров, ведущих записи наблюдений и пр. (ib., стр. 49—55).

Еще значительнее содержание и результаты научной разработки кладки кирпича.

Кладка кирпича—одна из самых старых работ. За сотни лет не сделано было почти ни одного улучшения в способах самой кладки и материалах, применяемых в этом деле. Несмотря на то, что этим делом занимались миллионы людей, все эти поколения не дали никаких усовершенствований. Повидимому, нельзя было ожидать большого успеха от научного анализа этой работы. Джильбрет, в молодости изучавший кладку кирпича, заинтересовался принципами научной организации и решил применить их к искусству кладки. Он произвел чрезвычайно интересный анализ всех движений каменщика и все ненужные движения одно за другим постепенно исключил, а медленные заменил быстрыми. Он исследовал каждое незначительное движение и все факторы, так или иначе влияющие на скорость работы и утомляемость каменщика.

Он точно установил положение, которое должна занимать каждая нога каменщика по отношению к стене, творилу и стопке кирпича и избавил его таким образом от лишнего хождения за кирпичом после каждой укладки. Он установил наилучшую глубину цементной ямы и высоту кирпичной стопки и построил леса со столом, на котором были расположены материалы так, чтобы человек, цемент и кирпич были в определенном положении друг к другу и к возводимой стене. Эти леса были устроены так, чтобы рабочие были избавлены от необходимости нагибаться и снова выпрямляться по мере роста стен за каждым кирпичом и за каждой порцией цемента. Сколько усилий было потрачено за столько лет, когда каменщик нагибал свое тело, скажем, весом в 150 фунтов и каждый раз подымал кирпич весом около 5 фунтов на высоту в 2 фута! И это делал каждый каменщик почти 1000 раз в день.

Кирпичи выгружались из вагона и складывались на деревянную раму так, чтобы рабочий мог вытащить любую штуку возможно скорее и удобнее. Перед тем, как положить эти кирпичи на раму, их сортируют, так что каменщик уже избавлен от необходимости осматривать каждый кирпич и проверять его размеры; этим он экономит время, которое у него ушло бы на то, чтобы прикинуть, какой стороной лучше положить кирпич в стену. В большинстве случаев он экономит еще и то время, которое у него ушло бы на вытаскивание кирпича из беспорядочной кучи, валяющейся на лесах. Эту „пачку" кирпича помощник ставит на определенное место лесов подле ящика с цементом.

Мы привыкли видеть, как каменщик, положив кирпич на приготовленное ме-

сто, постукивает по его поверхности ручкой лопатки для того, чтобы кирпич лежал прочнее. Джильбрет нашел, что при правильном растворении цемента кирпич должен укладываться под давлением собственного веса и руки в момент укладки. Он настаивает на том, чтобы обращалось внимание на приготовление раствора цемента и чтобы таким образом сберегалось время, уходящее на постукивание.

В своих наблюдениях над движениями, которые делает каменщик при нынешних условиях, Джильбрет дошел до того, что сумел свести все движения с 18 до 5 для каждой штуки кирпича, в одном случае даже к 2 движениям. Он изложил все детали анализа этой работы в главе „Изучение движений" его книги „Система кладки кирпича".

Анализ способов, которыми пользовался Джильбрет при сокращении движений каменщика с 18 до 5, показывает, что это улучшение сделано было тремя различными путями:

1. Он окончательно устранил несколько движений, которые прежние каменщики считали необходимыми, но которые после исследований оказались бесполезными.

2. Он ввел особый способ постройки лесов и полки для кирпича, благодаря которым при небольшой помощи дешевого подручного рабочего совершенно устраняется значительная часть утомительных работ и продолжительных движений, необходимых для каменщика, лишенного этих вспомогательных приспособлений.

3. Он учит каменщика делать простые движения обеими руками одновременно, тогда как прежде они сначала действовали правой рукой, а потом уже левой.

Джильбрет учит каменщиков брать кирпич левой рукой в тот же момент, когда правой он набирает лопатку цемента. Конечно, одновременная работа обеими руками сделалась возможной и вследствие введения глубокого ящика с цементом вместо прежнего широкого (в котором цемент лежал тонким слоем, так что приходилось делать один или два шага для того, чтобы его достать), а также благодаря расположению этого ящика и кирпича ближе друг к другу и на соответствующей высоте по отношению к лесам.

Эти три улучшения типичны для тех путей, которыми бесполезные движения могут быть устранены, а медленные заменены быстрыми; это могло быть достигнуто лишь после „научного изучения движений".

При кладке фабричной стены в 12 дюймов толщины из двух сортов кирпича он достиг—после того, как его каменщики наловчились в его новом методе,—производительности в 350 кирпичей на человека в час. Обычная скорость этой работы была при старых методах в тех местах 120 кирпичей на человека в час, а между тем в одном сев.-американском городе союз каменщиков ограничил производительность своих членов 275 кирпичами в день при работах для города и 375—при работах для частных владельцев (ib., стр. 60—64).

Результатами, которых достиг Джильбрет своим изучением движений и элементов времени при кладке кирпича, он убедительно демонстрировал возможность выработки более рациональных и целесообразных методов для всех ручных работ при условии предварительного изучения движений и элементов времени в каждом его ремесле.

Совершенно очевидно, что в каждом случае элементарной работы существует известная закономерность, и что, когда изучена закономерность в производстве работы и когда рабочий обучен работать, согласно с нею неизбежно замечательное повышение производительности труда.

Мы располагаем теперь некоторым материалом, чтобы дать ответ на поставленный вначале вопрос о возможности научной методики примитивного труда и научно-организованного развития на узкой базе примитивной техники.

5. Границы односторонне- и научно-организационного прогресса.

Выдвигая на очень видное место момент научно-организационного развития, необходимо одновременно указать и практические границы односторонне-гипертрофированного развития его.

Научная организация производительного труда может быть осуществлена лишь в процессе коренного изменения всего умственного склада тех десятков, сотен и тысяч лиц, которые участвуют в данном организованном труде. Она означает полное изменение всех исконных отношений и навыков и глубокую перемену в умственном строе рабочих и руководителей.

Вот почему вне всякого материально-технического скелета, вынуждающего к методическому и неотвратимому выполнению ее требований, научная организация не сможет стать *господствующим* явлением народного хозяйства.

Пока в строительстве общественной

жизни сознательно направляющая воля не завоюет значения всеопределяющего фактора, всякая система трудовых отношений для своего утверждения будет требовать материально-технического остова и без него не проникнет глубоко в поры действительности.

Чрезвычайно показательны в этом отношении судьбы организационно-технического развития мануфактуры, как ни далеко мы шагнули вперед в нашу эпоху сознательного социалистического строительства по сравнению с стихийно спорадическим ростом мануфактуры. О последней Маркс писал: „В собственно мануфактурный период, т.-е. в период, когда мануфактура была господствующей формой капиталистического способа производства, *полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия.* Хотя мануфактура создает на ряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и не обученных, число последних остается весьма ограниченным по сравнению с преобладающим значением первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов, и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплоатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция, вообще говоря, *терпит крушение, благодаря сопротивлению взрослых мужчин рабочих, привычкам которых она противоречит.* Хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для трудных детальных работ длинный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими *даже там, где он излишен.* Мы видим, напр.,—в Англии законы об ученичестве с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и уничтожаются лишь под натиском крупной промышленности. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры *и функционирующей в ней совокупный механизм лишен объективного скелета независимо от рабочих, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации* со стороны рабочих. „Такова слабость человеческой природы,—восклицает Ure,—что чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить его дисциплине и, следовательно, тем больший вред приносит он своими капризами совокупному механизму". Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих. И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей этой эпохи, для нас достаточно было бы того простого факта, что, начиная с XVI столетия и вплоть до возникновения крупной промышленности, капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий, что *мануфактуры не долговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой,* — уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки. „Порядок должен быть установлен во что бы то ни стало,—взывает в 1770 г. автор „Essay on Trade and Commerce". „Порядок",—подхватывает 66 лет спустя доктор Andrew Ure,—„порядок" отсутствовал в мануфактуре, основанной „на схоластической догме разделения труда", и „Аркрайт [1]) создал „порядок".

Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. *Как экономический куншток, возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности. Ее узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самою созданными потребностями производства.* [2])

Несмотря на все различие в эпохах, и в наше время слишком узкий технический базис может вступить на известной ступени в противоречие с односторонней гипертрофией научной организации и затормозить *законченное* развитие ее. Но эта граница во всяком случае лежит далеко впереди той ступени, на которой мы стоим сейчас.

Л. Шапиро.

---

[1]) *Аркрайт* изобрел в 1768 г. прядильную машину.

[2]) *К. Маркс.* „Капитал", т. I, гл. XII, 5, стр. 332/4.

ной коммуной, тогда вопрос регистрации этих явлений приобретет актуальное значение.

Иначе обстоит дело с регистрацией явлений, характеризующих непосредственную работу школы. Эта работа в тех или иных формах, с той или иной степенью успешности, идет беспрерывно каждый день. Время, когда не было в школе регистрации тех или иных явлений этой деятельности, когда не было отметок о пропусках учащихся, о том, что сделано за истекший день, какие и по каким причинам произошли изменения в личном составе клиентуры, является незаполнимым пробелом, имеющим глубоко отрицательные последствия для работы по дальнейшему направлению школьной политики, по изменению и исправлению тех или иных сторон школьной жизни.

Другой вопрос: каков должен быть объем тех задач, которые могут быть поставлены этой регистрации в тот или иной момент, в тех или иных условиях? Мы говорили выше, какие широкие перспективы открывает перед статистикой народного образования регистрация индивидуальных признаков каждого клиента, признаков, взятых в таком количестве, чтобы иметь самую всестороннюю оценку личного состава учащихся. Однако такая широкая постановка вопроса, как ни была заманчива, не всегда возможна и даже желательна. В частности в данный момент введение обширных форм регистрации никаких положительных результатов дать не может.

Чтобы установить регистрацию социального состава, физических и умственных свойств учащихся и тех изменений, которым они подвергаются под воздействием школы, если бы даже в настоящее время были с достаточной ясностью и бесспорностью установлены приемы регистрации этих признаков, необходимы следующие условия: высоко сознательное отношение к регистрации школьных работников, наличность в их распоряжении большого количества свободного времени, некоторая обеспеченность и, наконец, введение карточной системы, при которой только и возможна более или менее исчерпывающая индивидуальная регистрация. Этих условий в настоящее время не существует, и будут ли они в ближайшее время, неизвестно. Что касается введения карточной системы регистрации учащихся, то, как выше сказано, государственное совещание деятелей по статистике народного образования высказалось за применение ее в настоящее время. Однако дальнейшее рассмотрение вопроса в коллегии статистического Отдела Наркомпроса показало, что от этой мысли приходится отказаться. Для введения карточной системы в школах потребовалось бы сейчас такое количество бумаги (картонной), какого достать нельзя, и такой суммы денег, израсходование которой едва ли бы окупилось сейчас соответствующими результатами, т. к. при теперешней неурегулированности школьной жизни все эти дорого стоющие материалы могли бы быть использованы далеко неудовлетворительно. По этим соображениям статистический Отдел, принципиально признавая преимущества карточной регистрации, временно решил отказаться от введения карточной системы и вообще высказался за установление самых кратких форм регистрации, считаясь с объективными трудностями данного времени.

В настоящее время статистическим Отделом Наркомпроса окончательно выработаны формы школьной регистрации по списочной системе. Всего установлено 4 формы, а именно: 1) книга заявлений о приеме в школу, 2) журнал ежегодной записи учащихся, 3) журнал посещаемости школы и 4) классный журнал.

В книгу заявлений заносятся все вновь поступившие в школу в порядке поступления, при чем в книгу заносятся фамилия, имя и отчество ребенка, его пол, время рождения, местожительство, расстояние местожительства до школы, принят или нет и причины отказа в приеме. Книга заявлений не только дает количество принятых, но и количество заявивших о желании поступить в данную школу. Кроме того эта книга для принятых является основным документом, удостоверяющим, что они приписаны именно к этой школе.

Журнал ежегодной записи учащихся, который составляется ежегодно, дает уже распределение школьников по отделениям, а также и данные движения их за учебный год. Эти книги содержат графы: 1) № по порядку, 2) отделение или группа, 3) фамилия, имя и отчество ребенка, 4) время рождения, 5) пол, 6) местожительство, 7) расстояние местожительства от школы, 8) национальность, 9) род занятий родителей, 10) время поступления в школу, 11) если переведен из другой школы, то из какой, 12) который год учится в школе, 13) который год учится в отделении, 14) время выбытия, 15) причины выбытия.

Журнал посещения школы представляет список всех учащихся по отделениям (группам) с пустыми графами для всех учебных дней месяца, в которых за каждый день отмечается присутствие, отсутствие (манкировки) или выбытие учащегося. Затем идет итоговая графа: „всего пропущенных дней за месяц“ и графа „сколько дней и по какой причине пропущено“ (отмечаются преобладающие причины пропусков).

Все три приведенные формы имеют между собой, при специальности и самостоятельности задач каждой из этих форм в отдельности, то общее, что в них дается персональная регистрация учащихся по списочной системе, при чем не только количественный учет и распределение по отделениям, не только явления движения учащихся, манкировки и причины последних, но и данные, характеризующие половой, национальный, возрастный и отчасти социальный состав школьников.

Особняком стоит последняя, четвертая форма — классный журнал. Последний ведется по отделениям (группам), но, само собой разумеется, здесь уже нет места персональной регистрации. Журнал содержит следующие графы: 1) месяц и число, 2) часы занятий, 3) число учащихся на каждом уроке, 4) предметы занятий, 5) содержание занятий, 6) особые замечания о ведении занятий и методе их (наглядность преподавания, трудовые процессы, самостоятельные работы, экскурсии и т. п.), 7) примечания.

Необходимо отметить, что последняя форма как раз представляет наибольший простор самостоятельности школьному работнику, что и понятно, так как замкнуть регистрацию учебных процессов в определенные рамки сейчас, когда школа только что строится, совершенно не представляется ни возможным, ни желательным. Поэтому от сознательного отношения к вопросу о регистрации со стороны лиц, которые будут ее вести, здесь зависит все.

Поэтому, высказывая в заключение нашей статьи общее пожелание, чтобы регистрация в школах была поставлена на надлежащую высоту в смысле точного и неукоснительного заполнения тех форм, которые будут преподаны, мы считаем необходимым особо подчеркнуть необходимость наиболее внимательного и сознательного отношения к вопросу о заполнении классного журнала.

А. Кочетов.

О наиболее типичных педагогических ошибках при организации трудовой школы.

I.

Борьба за школу и культуру является во всяком случае не менее сильной и упорной, чем борьба за власть и экономические блага. Упорство этой борьбы вполне понятно: просвещенный народ — непобедимый хозяин своей судьбы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что проведение школьной реформы встречает столь ожесточенное сопротивление со стороны всех тех, кто тайно или явно является сторонником буржуазного режима.

Фактов, свидетельствующих о стремлении ряда учительских групп сохранить старую школу, можно привести очень много, начиная с диктанта и „столбиков“ в начальной школе и кончая древней словесностью, эвклидовой геометрией, старой историей и старым законоведением в школах II ступени. Это стремление не в малой степени сыграло роль в происшедшей школьной разрухе: исторический поток смывает все, что встречается ему на пути. Действительно, наиболее консервативная и упорная школа, бывшая гимназия, оказалась наиболее разрушенной даже теперь, еще до подлинного момента коренной реформы ее, каковая, по всей вероятности, будет наиболее резкой ломкой традиционных форм ее.

В эпоху революции чем более упорствует в своем консерватизме какое-нибудь учреждение, тем резче оно преобразовывается. Это вполне понятно, и больше чем наивна надежда некоторых педагогов сохранить старую школу неизменной до конца революции. Эта надежда основана на полном непонимании существа революции, которая всегда существует ровно столько времени, сколько требуется этого времени для уничтожения и смерти всего того старого, что вызвало и обусловливает революцию. Но педагогический консерватизм не только

наивен и утопичен в период революции: он еще и преступен с чисто педагогической точки зрения. Воспитание есть приспособление подрастающего индивидуума к обществу, но разве не преступление перед этим индивидуумом продолжать и при новых общественных условиях приспособлять его к старому, уже разрушенному, несуществующему обществу? Безумные педагоги воспитают поистине несчастных людей!

Педагогический консерватизм — не ошибка, но борьба за старую монархическую школу и за старую некультурность. Поэтому не о нем мы будем говорить в нашей статье, посвященной педагогическим *ошибкам*. Убеждать поборников школы Николая II почти бесполезно посредством журнальной статьи: их убедит более красноречивая сила—дальнейшее развитие исторических событий. Сопротивление их школьной реформе обратно пропорционально прогрессу политических событий.

И значительная часть учительства сознала, что необходимо сделать требованиям времени хотя бы минимум уступок. В первый год школьной реформы Всероссийский Учительский Союз вел пропаганду так называемой иллюстративной школы. Прошлый учебный сезон читалось много лекций и докладов о преподавании истории, математики, географии, литературы и т. п. по „трудовому методу". В результате этой пропаганды и всех этих лекций и докладов в голове у учительства получилась не малая каша. В самом деле — школьный строй оставался старым, с партами, уроками, прежними учебными предметами и т. п. Больше того: содержание каждого учебного предмета подвергалось изменениям далеко не принципиального характера — учебные программы только „латались". Изменялся лишь метод преподавания: на уроки были введены лепка, рисование, иногда стройка моделей,—словом, так называемый „активный метод".

Как боевые кони, носились всевозможные методисты по прошлогодним учительским курсам с своими „активными", „лабораторными", „иллюстрационными" методами. Принцип изучения учебных предметов посредством вещественного делания и изображения был доведен до абсурда. Учителя и ученики лепили и лепили, и то, что можно лепить, и то, что не надо лепить. В истекшем году масса школ, словно детский сад, выезжала на лепке и рисовании во исполнение пословицы „не с чего—так с бубен". К лепке и рисованию часто присоединялись школьные экскурсии, драматизация, детские спектакли, вечера. Ряд школ пережил какой-то запой ученическими вечерами с спектаклями, чаями, конфетами, танцами, флиртом и т. п. Лектора, учившие детской драматизации, были нарасхват. Нестройные пары учеников шатались по всем достопримечательностям города. И... все это не спасало от школьной разрухи и не создавало трудовой школы.

Во всем этом конечно, и тени трудовой школы нет. Рисовать и лепить исторические, литературные, географические или естественно-научные сцены вовсе не значит заниматься производительным трудом. Драматизация, спектакли, вечера и экскурсии также еще не труд. Это не значит, что мы должны вооружиться против изобразительных искусств. Мы вполне признаем большое педагогическое значение их. Но из того, что Иван хорош, еще не следует, что Иван есть Петр. И, конечно, изобразительные искусства—не производительный труд, а иллюстративная школа вовсе не трудовая школа.

А между тем сейчас сотни русских учителей, занимая детей рисованием, лепкой и драматизацией на учебные темы, глубоко убеждены в том, что строят трудовую школу. Больше того—и в печати не раз высказывалось мнение, что иллюстративная школа есть прямой подход к трудовой школе. Это мнение настолько нелепо, что опровергать его не нужно. Оно нуждается не в опровержении, но в обличении. Причина столь странного смешения ясна. В настоящее время трудно защищать старую школу Николая II. Необходим сдвиг, но желателен сдвиг минимальный. Иллюстративная школа и дает возможность такого минимального сдвига: немножко лепки, немножко рисования, немножко драматизации, немножко спектаклей и вечеров, и... старая школа сдобрена. Да, пожалуй, но слишком ясно, что „немножко рисования и лепки" еще не означает коренной школьной реформы, которая столь же необходима, как и общая реформа.

II.

От сопротивления или фальсификации трудовой школы обратимся к честным и усердным попыткам осуществления ее. Мы будем выступать в роли критиков, но, чтобы наша критика не действовала обескураживающе, сразу же учтем смягчающие обстоятельства.

Только вчера был у меня представитель одной из северных губерний: „Пожалуйста, приезжайте к нам на учительские курсы, а то наши учителя совершенно неосведомлены в вопросе о трудовой школе". Такая фраза произносится спустя 1½ года после реформы! И тем не менее представитель совершенно прав. Издательская деятельность центра по вопросам трудовой школы ничтожна. Провинция без книг бродит во тьме или изобретает собственную педагогику. Ясно и ребенку, что только тогда, когда педагоги будут знать, что им надо делать, они смогут делать. Нам нужны десятки новых книг о трудовой школе, иначе... как же обвинять учителя, что он не строит трудовой школы, если он еще почти ни одной конкретной строчки не читал о трудовой школе? Хуже того—попадающие в провинцию книжки часто только сбивают провинцию. Прошлое лето на провинцию лился дождь красных брошюрок „Трудовая Школа" Кершенштейнера, и почти на всех прошлогодних курсах я слышал возражения „по Кершенштейнеру". С осени и до сего дня льется потоп богатой и архибуржуазной „Новой школы в Бельгии" Фарна. Нет Дюи... нет Эртли... нет Зейделя...

Исходя из мысли, что на первое время хватит „Свободного Воспитания" и приложений к „Школе и Жизни", которые, наверное, имеются во многих городах, я принялся было во время учительских съездов рекомендовать искать их в библиотеках. Но здесь я сразу же наталкнулся на несогласованность библиотечной работы с общешкольной: „Сейчас у нас библиотеки закрыты... реорганизуются... централизуются... ремонтируются". И обычно эти закрытия библиотек, реорганизации и ремонты их приходятся на лето, т. - е. на время учительских съездов. И учительство сугубо сидит без книг. Но даже и без этого пользование библиотеками очень затруднено. Мы, теоретики, пишем о доступности книги, чтобы библиотека сама шла к читателю и т. д. А практика демонстрирует ряд препятствий и формальностей. Так, например, москвич не имеет права брать из библиотеки больше чем одну книгу научного содержания (вторая — больше двух нельзя—беллетристическая), иначе говоря, целый ряд научно-педагогических заданий, основанных на сличении первоисточников, невозможен. Больше того,– для пользования библиотекой, которая, по крайней мере, в моем районе, открыта „во избежание наплыва посетителей" для данной категории читателей далеко не каждый день (все читатели разбиты на категории, и есть такие, для которых библиотека открыта всего 3 дня в неделю), необходимо удостоверение от домового комитета. В результате, например, Сокольники, превратившиеся этим летом в педагогический городок, сидят за отсутствием домовых комитетов без книг, как значащиеся „за городской чертой". Вот и толкуйте после этого о широком знакомстве учительства с педагогической литературой и об „активных" подвижных районных библиотеках. Я мог бы привести из жизни провинции и похуже факты.

Помимо неосведомленности учителей, смягчающими обстоятельствами являются и неблагоприятные внешние условия. Не везде столь типичная для нашего времени забота о ребенке проявляется в одинаковой мере. Во многих деревнях и городах многие школы ютятся в прежних конурах, и по моим впечатлениям там, где реквизируемое здание отдается под просветительные цели, его обычно занимает детский сад или внешкольное учреждение, но не школа. Иногда здесь повинны инертность самих учителей и боязнь их озлобить против себя бывшего владельца этого здания. Но иногда — и не только в прифронтовой полосе—реквизируются и хорошие школьные здания, и школа кочует.

Конечно, играет роль и плохое питание школьников, и отсутствие топлива зимою. Имеет значение и отлив учителей во многих местах, каковой факт со всеми следствиями и выводами должен быть непременно учтен. Имеют значение и частые перетасовки учительства в некоторых местах, срывающие налаживающуюся работу... Словом, смягчающих обстоятельств имеется много. Но в данный момент я имею в виду лишь те промахи, которые делаются самими педагогами, честно и усердно приступившими к созданию трудовой школы,—промахи, совершаемые ими, так сказать, по внутренним причинам и даже при самых хороших условиях. Эти промахи опаснее всего: внешние условия изменяются и разнообразятся, а здесь — дело в самом человеке и в его неправильной педагогической позиции. Предупреждаю, что речь будет преимущественно о I ступени.

III.

У меня в письменном столе хранятся черновые нескольких школьных смет. Авторы их приходили в свое время ко мне за советами и указаниями, „не про-

пустили ли они чего-нибудь". Повидимому, эта мысль пуще всего беспокоила авторов. Все это — проекты множества мастерских при школе „с полным оборудованием", бесконечные списки множества книг и наглядных пособий. Когда я разговаривал с авторами этих смет, я испытывал всегда одно чувство—глубокое, исключительное чувство изумления. Разве они не знают, что сейчас период бескнижья? Разве не знают они, что, даже если им удастся для „своей" школы перехватить на рынке какую-либо книгу или учебное пособие, то тем самым целые уезды останутся без ничего? А оборудование мастерских—теперь, когда необходимые для хозяйства страны мастерские без инвентаря? Знают ли эти наивные люди, что в богатой Америке еще до войны начали находить неэкономным „великолепно оборудованные мастерские" при каждой отдельной школе?

Что это, утопия? Но такие утопии не только странны и несвоевременны,—они прямо вредны. Ведь этот эгоизм „своей школы" при бедности педагогического и технического рынка лишает, как сказано выше, уезды и губернии, быть может, единственного инвентаря и пособия. Разве не более своевременны районные объединения, районные мастерские и библиотеки? Соответствующие идеи уже выдвинуты. Но до чего эти идеи непопулярны в провинции! Когда говоришь с педагогом на эту тему, все время чувствуешь, как он отмахивается от нее, хотя ясно, что или этот путь, или тупик. Глубоко индивидуалистическая психология живет еще в нас, и поражаешься часто, до чего мы, педагоги, еще не коллективисты. Сплошь и рядом мы детски беспомощны в налаживании организации для коллектива. В такой работе мы уязвимее всего: „ничего не выйдет"—вот почти всегда первый ответ, за которым следует полная неопытность в коллективной работе. Этой работы учительская масса, привыкшая сидеть по „своим углам" и думать о „своих" школах, почти боится, и нужна еще большая пропаганда, лучше всего, действием, чтобы преодолеть соответствующее предубеждение. „Если у нас будут районные библиотеки, то мы совершенно останемся без книг", „Ну, вот еще, путаться с районной мастерской", — такие заявления лично я слышал десятками. И если действительно с подвижными и вообще районными учреждениями дело не ладится, это мгновенно истолковывается как торжество индивидуалистического принципа, забывая, что стараться наладить именно районное учреждение несравненно производительнее и целесообразнее.

Но наш педагог не только индивидуалист. Глядя на его проекты о *многочисленных* „трудовых процессах", я все думаю, не забывает ли он возраста своих учеников. Неужели в школе I ступени необходима такая масса ручных занятий? Я видал уже примеры, когда несчастные дети уже тонули в изобилии ремесл, а педагоги думали, что бы еще ввести. По-моему, для детей I ступени, кроме домашнего и земледельческого труда, уже плетение, шитье и отчасти господствующий местный промысел (напр., ткацкий или столярный) свободно могли бы составить тот максимум, который обладает огромными преимуществами: он технически для школы и психологически для детей легко осуществим. Но я видал не одну школу, которая в ожидании сомнительно-гигиеничной сапожной и переплетной мастерской сидела „пока"... без всякой мастерской или пыталась, конечно безрезультатно, провести ткацкий труд там, где население не ткет уже, т.-е. где проведение его наиболее затруднительно, хотя, принципиально говоря, вполне желательно. Словом, педагог, на мой взгляд, проявлял минимум организаторского чутья. На мой взгляд, вполне достаточное количество для детей ручных занятий можно организовать и в якутской тундре, но для этого надо *уметь* организовать и не пытаться в той же якутской области создавать апельсиновые рощи. По моим же наблюдениям, вопросы: „какие виды ручного труда для детей младшего возраста наиболее доступны? чем занимается окружающее население? какие мастерские в ваших условиях наиболее осуществимы?"—часто ставят педагогов втупик. „Вы говорите о трудовой школе, а как сейчас устраивать мастерские—разве это возможно?"—такой вопрос задается мне буквально на каждой лекции, при чем спрашивающий часто даже и не думает над тем, действительно ли культ мастерских так уже тесно связан с трудовой школой I ступени. Но разве трудовая школа не должна исходить из домашнего труда и из окружающего ребенка и близкого ему труда населения?

И, признаться, я немного начинаю побаиваться мастерских и трудовых процессов: как бы не сравнялись они в педагогическом отношении со старыми классами и учебными предметами. Как растения и насекомые обычно попадали в класс в засушенном виде, так, боюсь

я, и человеческий труд может засохнуть в школьной мастерской. Я видел уже эти мастерские, и моя тревога небезосновательна. Особенно смущает меня присоединившийся к этим мастерским какой-нибудь инспектор учительской семинарии, где „тоже проходился ручной труд", и еще более частые персонажи—бывший учитель ремесленных классов или бывший владелец ремесленной мастерской.

Ребенок режет, пилит, строгает изо дня в день или „три раза в неделю". Ни творчества, ни работы мысли. „Сделай то-то, сделай так-то". „Почему?" „Так лучше" или „после узнаешь". „Что вы делали, дети, этот час?" „Пилили и строгали". „Что?" Молчание. Словом, обычная картина ремесленной школы. Даже домашний труд и труд в природе не избегли этой чаши. Прежде были „арифметика" и „русский язык", сейчас—так и хочется написать: „практическая кулинария" и „практическое огородничество". Учителя этих предметов, механически перенесенных в общеобразовательную школу, ходят гоголями: они думают, что строят трудовую школу.

Я по природе своей—подозрительный человек, и особенно смущает меня, когда мой враг легко принимает мои предложения. Я недоумевал некоторое время, почему так сравнительно легко приняли старые педагоги ручной труд. Теперь я понял, в чем дело. Они широко развили ремесленную сторону труда и под сурдинку скрали социальную сторону его.

Простой неграмотный крестьянин, ворчащий на новую школу, что „дети и дома работают", несравненно ближе к истине, чем наши педагоги. Да, дети и дома работают, шьют, подметают, готовят, кустарничают, работают в огороде и поле. Ремесло и повседневная крестьянская работа почти с колыбели висят над ними, отупляющие, механические. Зачем же это вводить и в школу? И разве *этого* требует трудовая школа?

Нет, она не хочет воспитывать раба мастерской и беспросветного работника сельской нивы. Наши педагоги совершенно не понимают текущих задач народной школы. Народ из беспросветного труженика стал владыкою. Он развил огромную творческую и организаторскую работу. Ему нужны творцы и организаторы трудового общества. Дело не в том, чтобы в школе была практическая кулинария или столярная мастерская. Дело в том, чтобы школа стала детским трудовым *обществом*, а ребенок стал организатором и творцом этого общества. Конечно, дети должны уметь исполнять свои творческие задания и организационные планы. Дети должны владеть техникой исполнения.

Но это не первое и не первоначальное. Основное—совершенно другое. Вот если дети в процессе своей естественной общественной жизни приходят к огороду или мастерской, сами, при содействии взрослых, ставят и организуют свой труд,—вот тогда воспитываются творчество и мысль их. Когда я—исполнитель, я—почти машина. Я—творец, когда я замышляю, ставлю и организую работу. И именно организаторская работа наиболее социальная, пусть — и это даже лучше — она будет детской работой. Но дети ли создают и ставят свои мастерские и свои работы в них? Дети ли создают планы работ и организуют сотрудничество и разделение труда в своем маленьком трудовом обществе? Таковы ли работы, производимые детьми в мастерских, чтобы в этих работах могла проявиться инициатива и творчество ребенка? Социальный ли работник воспитывается? А ведь в этом *все*, ибо мы воспитываем не слуг капитализма, а творцов рабочего государства, социальных и социалистических деятелей.

Не мне бы писать против ручного труда и техники, так как еще до первой революции я боролся за место для них в общеобразовательной школе. Но сейчас уже вполне своевременно выступить против неправильностей мануализма и техницизма. Если сравнения выясняют что-либо, я бы сравнил эти течения с „экономизмом" в социализме (я бы выразился резче—при дифирамбах в честь техники того буржуазного общества, которое привело к экономической и социальной анархии). Как последний, они сильно затемняют сущность дела и могут привести не к тем результатам, а, например, к воспитанию „американиста". В трудовой школе труд — средство *социального* воспитания, а не только технического. Нужно выразиться еще определеннее: этот труд должен быть таков, чтобы он воспитывал творца, организатора и изобретателя для такого трудового общества, которое строит сам рабочий класс, т.-е. социалистического общества. Стоит так сформулировать задачу новой школы, чтобы понять, что суть ее—не мастерские и ремесла, а нечто большее. Тогда поймем мы и роль тех, кто из учителей ремесленных классов и из инженеров старой фабрики, ничмало не меняя старой своей психологии, шагнул прямо в местные строители тру-

довой школы. Поставьте пред ним социальные задачи трудовой школы, заговорите о воспитании творцов рабочего социалистического общества, и вы убедитесь, что предстоит еще немалый путь общественного перевоспитания самих педагогов.

IV.

Да, все вышесказанные ошибки я объясняю плохим социальным воспитанием самих педагогов, которые часто не отдают себе отчета в том, *когда* и *для чего* они воспитывают детей народа. Все время совершается в приведенных случаях одно и то же: воспитывается ремесленник и крестьянин буржуазного хозяйства, а не член социалистического общественного организма. И чтобы не запутаться в этом, мы должны строить трудовую школу не по Кершенштейнеру и даже не по-американски и должны выяснить, что пленяло в свое время Победоносцева в английских предшественниках так называемой „новой школы", и почему и он распинался за огород, кустарничество и мастерские. Как есть реакционный социализм, так есть в отличие от социалистической реакционная трудовая школа.

Педагог должен уметь разбираться в социальном вопросе, социальной педагогике и социальном воспитании. В тумане трудовой школы для него не должны быть все кошки серы. Он должен ориентироваться не на тусклое понятие „труд", „мастерская" и т. п., но на вполне отчетливое понятие „строитель рабочего социалистического общества". Далеко не всякий труд и не всякая мастерская педагогичны: иной труд и иная мастерская и вызвали рабочую революцию. Они же вызывают порою и детскую революцию. Весьма нередко я видел детей, удирающих из мастерских или с огорода, где в зной механически и усталые они ковыряли землю. Протест детской психологии—часто прекрасный компас для педагога.

Максимум недоразумений, однако, разыгрывается вокруг понятия „школа-коммуна". Дело в том, что понятие „коммуна"—двусмысленно: с одной стороны, социалистическая коммуна как ячейка нового общества; с другой стороны, средневековая коммуна как самодовлеющая замкнутая община натурального хозяйства. Ясно, что трудовая школа является коммуной в качестве прообраза социализирующегося, а не натурального общества. Но педагог с отсутствием у него социалистической подготовки с большою легкостью впал в ошибку. Он часто начинал строить школу-коммуну, как „закрытое" воспитательное учреждение, с самодовлеющим хозяйством — „собственными" мастерскими, „собственной" фермой, с абсолютным самообслуживанием и т. д. В итоге иногда получался своеобразный детский монастырь, на дверях которого — я видел собственными глазами—висели правила прежних закрытых учебных заведений—институтов, приютов и т. д. Наша же настоящая задача—не замыкать детей от жизни, но, наоборот, делать школу элементом окружающей общественной жизни; типичной чертой в настоящее время является именно широкая социализация ее.

В связи с этим во многих местах было своеобразно понято самообслуживание. Пропаганда самообслуживания имеет три очень важных задачи: 1) устранить в школе различие между слугами и маленькими господами, 2) воспитать самостоятельных людей, способных к самопомощи, 3) сделать начальной точкой трудового воспитания самый близкий для ребенка труд - домашний. Но у зачарованных идеей натуральной средневековой общины педагогов, легко догадаться, самообслуживание стало иным. Оно получило задание обходиться без общества, не нуждаться в обществе и не служить ему. На местах самообслуживание часто становилось единственной целью трудового воспитания. И так как это самообслуживание велось в рамках домашнего хозяйства, то на практике получалось излишне ретивое воспитание домашней хозяйки. „Что вы делали в школе?" — „Подметали полы, мыли уборную, носили дрова, стирали, чистили воблу и т. д."

„Я раньше много работала над своим развитием, но вышла замуж, занялась домашним хозяйством, пошли пеленки, кухни, и... все пропало", — вот биография многих женщин. Я боюсь, что эту биографию во многих местах стали проделывать дети. И население было право, говоря, что дети посылаются в школу для культурно развивающего их воспитания, но не для тяжелой отупляющей повседневной постылой работы. Необходимо не копирование убивающей всякое сознание работы „обабившейся" женщины, но рационализация и социализация этой работы. Ведь социализм для женщины тем и велик, что он освобождает ее из-под ярма ее ужасной домашней работы. И пред педагогами трудовой школы стоит задача воспитания людей, способных рационализировать и социализировать эту работу, способных сделать эту работу из механической и домашней культурным и социальным трудом. Да, домашняя работа, как культурный и социальный труд, и домашнее хозяйство, как теряющее специфические черты такового и сливающееся с социальным хозяйством,— вот подлинные задачи трудовой школы, как школы социалистической коммуны.

Неправильно понятое самообслуживание у неопытных педагогов осложнилось еще одним обстоятельством. Мальчики сплошь и рядом оказывали бурное сопротивление, и педагог шел по линии наименьшего сопротивления: вся тяжесть домашней работы в школе, как и в семье, ложилась на „послушных" девочек, и так получалась квинт-эссенция воспитания будущей рабыни семьи и мужа. На мой вопрос, что это такое, один школьный работник отвечал без страха и сомненья: „это—разделение труда".

В итоге получалась отупляющая бессодержательная жизнь. Чувствуя это, педагог иногда искал паллиатива. Таким паллиативом были „беседы" в связи с кухней, дровами и т. п. Таким образом, у педагога получилось своеобразное сочетание тяжелой и механической домашней работы с старой учительской болтовней на уроках. Правда, в этом отношении мы еще не дошли до немцев, которые местами уже перенесли в школьную кухню кафедру учителя. Однако в этом направлении мы уже много сделали: вечная тема учительских совещаний—о чем можно „поговорить" с детьми по поводу кухни, дров и т. п. И я видел учителей, до того донимавших детей обращением их внимания на поленья, что, право, на его вопрос: „Итак, дети, для чего еще нужны поленья?", я бы ответил: „Чтобы защищаться от таких учителей". Вакханалия же учительской болтовни на кухне общеизвестна:

„Я хочу заинтересовать детей их домашним бытом, чтобы они полюбили его и привязались к нему", пишет мне одна учительница. Нет, я не стал бы воспитывать домашних животных. Задача педагога—воспитать революционеров духа, людей глубоко неудовлетворенных прежней жизнью, рвущихся к новой жизни и притом знающих, где эта новая жизнь, и умеющих ее создавать. Мы должны воспитать людей, имеющих *революционный* интерес к окружающей жизни...

Я привел вышеперечисленные ошибки не для того, чтобы корить ими педагогов, создающих там, на местах, трудовую школу. Я прекрасно знаю, что их работа тяжела. Больше того, я глубоко уважаю и ценю их, проводящих новый принцип, несмотря ни на что. Я готов назвать их героями школы. Но я хочу избавить их от тех препятствий, которые они носят в самих себе. Правда, они и сейчас несравненно выше тех своих сотоварищей, которые путем саботажа безумно „сохраняют" старую школу, воспитавшую интеллигенцию, ничего не знающую и ничего не умеющую, бастовавшую в октябрьские дни самоспасения народа. Но им надо итти дальше, совершенствоваться.

И путь к этому совершенствованию, надеюсь, мною указан. Вышеперечисленные ошибки проистекают из одного и того же источника. Это источник—тот, что учитель еще не осознал текущего момента да, и вообще, всей сущности социализма. Основные понятия новой педагогики: „труд", „коммуна", „рабочая мастерская", „самообслуживание" понимаются им в мелко-буржуазном, а не в социалистическом духе. Не трудовая школа повинна в педагогических ошибках текущего времени, но то, что учитель еще не социалист, и все ошибки исчезнут только тогда, когда учитель станет вполне социалистом сердцем и умом.

V.

Но есть еще один источник ошибок. В минуты хандры я иногда даю себе слово ничего больше не писать по педагогике. Это намерение особенно усиливается, когда я вижу, как „точно" некоторые мои последователи проводят мои мысли в жизни. Приходит ко мне один инструктор и с гордостью показывает выработанное им на основании моей книжки „Трудовая школа" расписание занятий детей. „Это точная копия", говорит он. И бедняга не понимает, что в его проекте есть только одна, но роковая ошибка: расписание должно быть *следствием*, получающимся из *создаваемой детьми* при участии взрослых жизни.

„Как странно! Мы ввели игры, ручные занятия, одно интереснее другого, а дети не интересуются", жалуется мне один педагог. Да, он ввел все, что нужно в трудовой школе, но все это предлагал детям не во-время. Выражаясь резко, предо мною был Иванушка-дурачок, пляшущий на похоронах и плачущий на свадьбе. И для педагога есть только одно единственное средство не быть та-

ким Иванушкой - дурачком. Это средство исходит при воспитании ребенка из учета наличной детской психологии.

Старый педагог привык совершенно не считаться с ребенком, и временами кажется, что получаемые им инструкции о трудовой школе своеобразно им используются для „сохранения" этой своей позиции. Нужен огород — прекрасно: дети марш на огород и т. д. Учитель не понимает, что трудовая школа есть только вывод педагогической психологии, что она есть естественный путь воспитания ребенка.

Впрочем, лозунг „естественное воспитание" иными также своеобразно понят. Прихожу в школу. . Дети всецело предоставлены самим себе... Шум, грязь, драки... „Что это такое?"—„Это—естественное воспитание", с любезной улыбкой отвечает учитель. Он не понимает, что жить без взрослых для детей неестественно. Что это, саботаж или глупость?

Трудовая школа есть жизнь, совместная культурно-трудовая жизнь детей и взрослых. И именно взрослые являются проводниками культуры в детскую жизнь.

Но я все больше и больше убеждаюсь в том, что учитель часто из всех людей наименее годится для воспитания детей. Он привык учить, но он решительно ничего не понимает в воспитании. Живя в одной колонии, я имел много случаев лопнуть от злости. Вот пример. Я и два педагога сидим за обеденным столом с детьми. Дети „нудятся" в ожидании еды, пристают друг к другу, назревает драка, один ребенок сквернословит. Что же делают педагоги?—Расспрашивают меня, как, по мнению педагогики, лучше выяснять детям на кухне состав растения. Да, учитель до поразительности беспомощен в вопросах воспитания.

Первое воскресенье пригородной колонии. Приехали матери, простые неграмотные бабы. Их первые вопросы детям: „как здоровье? что ешь? где и как спишь? как себя чувствуешь? не скучаешь? кто твои товарищи?" Об этом спрашивают столь презираемые учителями матери. Но вот в комнате нашей лежат кипы врачебных обследований детей, и оказывается, ни один учитель „не успел" еще прочитать их. Спальни были теми комнатами, которые наиболее заброшены педагогами в педагогическом и гигиеническом отношении, и, несмотря на ежедневные тягучие педагогические собрания, педагоги еще ни разу не толковали о самочувствии детей.

О чем же говорилось там? — О плетении, о том, самим или не самим вынуть из запакованного ящика столярные принадлежности, о капусте на огороде и т. п. С удивительным искусством обратили учителя темы трудовой школы в старые учебные темы со всеми прелестями тонкой и сложной методологической казуистики. Методика „бесед" по вопросам связи практической кулинарии с ботаникой заняла в тысячу раз большее место, чем вопрос о поведении будущего строителя нового общества.

И в этих хитросплетениях методик учителя бьются, с наслаждением запутываются, размазывают свои мелкие „сложные вопросы" и до сих пор еще не успели привыкнуть к естественному, простому *человеческому* подходу к детям. До какой степени учитель еще не человек!

Почему же простая неграмотная баба побивает учителя „с многолетним опытом"? Потому что она подходит к ребенку естественно, без учительских вывертов. Но ее глаза расширяются при виде своего ребенка, она вся — внимание и любовь. И учитель должен поучиться у нее этому вниманию к ребенку. Вечный источник его неудач—невнимание к ребенку, полное отсутствие психологического понимания в самом житейском смысле этого слова.

И не только психологического! Мы знаем случаи, когда заставляли детей, никогда не занимавшихся трудом, изо дня в день мыть уборные, и только. Мы знаем случаи, когда надрывали сердце ребенка таскáнием тяжелых ведер или дров (24 раза на четвертый этаж—в результате тяжелое сердечное заболевание), когда заставляли детей часами полоть в разгар июльского зноя. Помимо того, что детям прививались вредные трудовые навыки (работа на огороде в зной полудня, самоличное таскание вместо передачи „цепью" и т. п.), конечно, проявлялось сказочное невнимание к здоровью ребенка. А игры с окоченевшими от снега пальцами, а пение с разгоряченным горлом на морозе?

Учитель не подготовлен? Нет, к тому, чтобы не делать подобных ужасов, подготовлен любой неграмотный человек. Здесь все дело в черством догматизме и в полном невнимании к переживаниям и здоровью ребенка. Временами же и саботаж „культурного" учителя на детской спине. Чтобы не делать всего этого, нет еще нужды изучать курсы гигиены трудовых процессов: достаточно быть просто внимательным к ребенку человеком.

Итак, ошибок много. Но корни этих ошибок ясны. Социалистическое воспитание самого учителя и развитие в нем внимания к ребенку—вот что необходимо для трудовой школы. Думаю, что моя статья ясно доказала, что подготовка учителя должна состоять прежде всего не в подготовке учителя (в традиционном смысле), но в воспитании человека, проникнутого социализмом и внимательно и естественно относящегося к детям. Ведь только такой человек в состоянии правильно организовать хорошую трудовую школу!

VI.

Итак, социализм и психологическое отношение к ребенку! Но нет ли противоречия между этими двумя девизами? В последний год не раз разгорался спор между педагогами-социалистами и педагогами, сторонниками воспитания, как естественного роста ребенка. Этот спор я считаю крайне вредным, сбивающим с толку практических работников на местах. Он в высшей степени характерен для социалистов, не знающих педагогики, и для педагогов, не знающих социализма.

Для нас должно быть аксиомой, что воспитание должно быть не обработкой, не отшлифованием, но внутренним стимулированием развития ребенка. Всякое иное воспитание будет только уродованием ребенка и организованным насилием над ним. Всякая идеология, провозглашающая неестественное воспитание ребенка, тем самым выдает свою непедагогичность. Естественное развитие ребенка есть не цель воспитания, но критерий его. Непонимание этого, вероятно, и является одним из источников пресловутого нелепого спора. Только то воспитание, которое не идет в разрез с природой человека, как биосоциального существа, допускается педагогикой. Всякое же иное воспитание — passe-partout для педагогов старого типа, веками привыкших уродовать ребенка во имя своих произвольных заданий. И особенно начало, исход воспитания должен быть естественным и полным внимания к природе ребенка.

Но только социалистическая педагогика может быть психологической педагогикой. Социалистическая педагогика воспитывает не рабочего—раба, но рабочего—творца и устроителя; она является культурой активности, деятельности, изобретательности и творчества; она настаивает на воспитании людей, которые бы умели сами ставить и совершенствовать свой труд. Но развитие активности, самодеятельности, изобретательности и творчества предполагает не неестественное воспитание, совершающееся по навязанному учительской властью плану.

И, далее, только социализм создает естественные, нормальные условия для развития человечества. Только при нем трудящийся—не слуга машины и не исполнитель чужого плана, но хозяин этой машины и создатель этого плана. Человек есть существо, управляющее машинами и изобретающее их, — вот новый взгляд на рабочего. Человек призван к сознательной организации общества, наиболее приспособленного к удовлетворению нужд развития человека,—вот наша формула.

Никакого противоречия между социализмом и природой человека нет, и не для какой полемики это противоречие не должно быть выдумываемо. Наоборот, существует глубокое противоречие между природой человека и буржуазным строем, уродующим человеческую личность, почему фактически и всякая буржуазная педагогика являлась насилием над естественным ростом ребенка,—я бы сказал, организованной порчей человека. И как буржуазное общество вызывало революции рабочего, так буржуазное воспитание вызывало протесты ребенка. Содержание же социалистической педагогики неразрывно связано с вопросом, как создать условия для естественного развития человеческой личности, человека как биосоциального существа. Социалистическое и естественное воспитание — синонимы. Трудовая школа, социалистически понимая, есть самая подходящая среда для детского развития, и смысл ее состоит в том, что она дает неизуродованных людей тому общественному строю, который, единственный из всех, нуждается только в неизуродованных людях.

П. Блонский.

Хроника.

I. В центре.

Отчет о деятельности Отдела Единой Трудовой Школы Народного Комиссариата по Просвещению

в период от 1-го декабря 1918 г. по 1-е апреля 1919 г.

(См. предыдущий отчет в №№ 8, 9, 10 Ежемесячника Народного Комиссариат по Просвещению).

Отдел Единой Трудовой Школы является сложным комплексом, состоящим из 12-ти органически связанных в своей деятельности подразделений (подотделов), дробящихся в свою очередь на более мелкие единицы.

За отчетный период Отдел распадается на 10 подотделов: однако сравнительно с предъидущим в самом подразделении происходят некоторые изменения: подотдел летней Трудовой Школы сливается с подотделом социального воспитания и окончательно складывается только намечавшийся в предшествующем школьно-санитарный подотдел. Таким образом при Отделе оказываются подотделы: всеобщего обучения, школьно-инструкторский, школьно-трудовой, наглядных пособий, школьно-библиотечный, личного состава, социального воспитания, сметно-финансовый, школьно-санитарный и секретариат; кроме того, при Отделе функционируют институт инструкторов физического труда и журнал „В Мастерской Природы".)

На 1-ое апреля в Отделе числится 414 сотрудников, расход на содержание которых за отчетные месяцы выражается в сумме 1.298.044 р. 34 коп.

Коллегия Отдела, состоящая из трех лиц, является центром, в котором сосредоточивается руководство деятельностью всех подотделов. Помимо того для осуществления постоянной тесной связи с московским Отделом народного образования организованы еженедельные заседания при участии его представителей, а для решения вопросов специально-педагогического характера устраивались соединенные заседания с Отделом реформы школы. Всего за отчетный период коллегия Отдела имела 114 заседаний, из которых: 13—организационных, 4—с московским Отделом народного образования, 8—с Отделом реформы школы.

По существу рассмотренные вопросы касаются: организации различных вспомогательных учреждений, имеющих то научно-методические, то учебно-вспомогательные, то административные цели: финансирования, снабжения, выработки норм прав и обязанностей школьных работников и учащихся, установления учебных и воспитательных принципов и мероприятий по их осуществлению; среди последних большое место уделяется за отчетный период летнему школьному семестру.

Перечень важнейших вопросов—приложение № 2.

I. Службой связи коллегии Отдела с подотделами является *секретариат*, состоящий из коллегии 5-ти столов (личного состава, хозяйственного стола, общ. регистратуры, стол исполнения, стол печати), составляющих общую канцелярию Отдела. За отчетный период зафиксировано входящих бумаг—5301 и исходящих—4911.

Из вопросов, поставленных на рассмотрение, внесено:

в коллегию Отдела единой школы	—	1,225
в Школьную Секцию Наркомпроса	—	15
в коллегию Наркомпроса	—	83

Из числа последних вопросов:

14	внесено в тот-же день,	
23	„ через день,	
26	„ спустя от 1—4 дней,	
10	„ „ 4—8 дней,	
9	„ более, чем через 8 дней.	

Секретариат обслуживает Отделы канцелярскими принадлежностями, распределив за 3 месяца 1919 года всего—5.507 предметов и 82 стопы бумаги и ведя периодический учет инвентарной наличности.

II. *Подотдел всеобщего обучения*, имея своим заданием учет школ I и II ступени, разработал данные провинциальных сметных предположений для выяснения поступательного движения школьного образования за время существования Советской Республики, для сопоставления с предшествующим периодом и для определения схематически необходимого числа школьных комплектов при осуществлении всеобщего обучения. Результаты этой работы опубликованы уже в статье „К вопросу о пересмотре школьных сетей", помещенной в Еженедельнике Нар. Ком. Просв. № 23—25. Кроме того подотделом разработан доклад „о задачах регистрации статистических данных школ I и II ст.", принятый съездом статистиков по нар. образ. и легший в основу при разработке съездом анкет. Проект расширяет рамки статистических заданий путем включения в учет внутренней жизни школы.

III. *Институт инструкторов физического труда*, существовавший при Отделе и в предыдущий отчетный период, но первоначально сосредоточивавший свое внимание главным образом на подготовке инструкторов по трудовым процессам, развил в ширь области своих заданий, усложнив в то же время и свою конструкцию созданием особой научной коллегии для разработки научно-методических вопросов. Центром деятельности остаются курсы по подготовке инструкторов трудовых процессов в трудовой школе отдельно для I и для II ступени.

Список методических работ, предложенных курсантам, и список работ, исполненных ими, обнаруживает усвоенный курсами трудовой метод в подходе к изучению как отдельных стихий природы, так и видов промышленности.

План и задачи курсов были определены еще в предшествующий отчетный период. Данный же отчет может выяснить самый ход работы. Фабрично-заводский пролетариат поставил главный контингент курсантов (96%), где преобладают люди среднего возраста (от 20 до 30 лет), семейные (86%), окончившие начальную школу (74%), на 50% принадлежавших к сочувствующим коммунистам; по специальностям они распределяются так: металлистов—70%; столяров—18% и текстильщиков—8%. Курсы функционировали с конца октября по февраль включительно; правда, что работа курсов прошла далеко не гладко.

Очень затянулся приезд съезда: приглашение было послано 5 /X; в октябре прибыло—73 чел., в ноябре прибыло 90 чел., в декабре прибыло 15 чел.

Таким образом фактическое открытие курсов 25 октября 18 г. состоялось далеко не в полном составе; к внешним неблагоприятным обстоятельствам надо отнести также те обычные при современном состоянии загруженния, какие встречались при оборудовании мастерских, добывании материала и т. д. Но помимо этого принцип самообслуживания, положенный в основу оборудования, долго не усваивался курсантами, принесшими с собою предрассудочные представления о превосходстве прежних приемов; резко нарушил предположения и недостаток педагогических сил,—не удалось набрать постоянный состав преподавателей, которые находились бы на курсах значительную часть дня, чтобы работать и внелекционные часы. Руководителям курсов все же удалось вовлечь курсантов в общую работу, и все достижения и в оборудовании мастерских, и в разработке методологических и педагогических вопросов выстраивались на самодеятельности курсантов. По окончании курсов из 170 курсантов большая часть (73%) отправилась в распоряжение местных Отнаробов, часть (10%) была назначена разъездными инструкторами Наркомпроса; часть оставлена при курсах (в показательной школе II ступени).

На курсах II ступени общее направление то же, что и на курсах первой ступени. Имея в виду дать руководителей организованного производительного труда в школе II ступени, курсы намерены были привлечь высоко квалифицированных рабочих с некоторым знакомством в области математики и черчения и при всей своей краткосрочности (6 месяцев) отказываясь от всесторонней подготовки, дать курсантам: 1) основные методы добывания знаний, 2) методы передачи своих практических знаний и навыков детям, и 3) методы включения трудовых процессов местного производства в общий образовательный материал трудовой школы. Работа на курсах, открывшихся с февраля, наладилась быстрее сравнительно с первыми курсами. Скорее съехались курсанты. Правда, что в смысле подготовки, состав их оказался очень пестрым; поэтому первый месяц занятий пришлось употребить на подготовительные работы по математике и русскому языку, прошедшие очень успешно. Очень оживленно идет тоже работа по пополнению мастерских, причем курсанты разделены на группы так, чтобы каждый независимо от своей специальности познакомился с тремя представленными на курсах производствами: слесарно-токарным, слесарно-кузнечным и прядильно-ткацким.

При курсах имеются две школы I ступени, в которых обучаются 350 детей. Из них первая трудовая школа действовала слабо в виду постоянных изменений в педаго-

гическом составе. Она является скорее типичной для настоящего момента, чем показательной: занятия ведутся по книжке; ручной труд выразился в плетении сумок, туфлей, клейке конвертов; введено самообслуживание; совершаются экскурсии, и за февраль месяц устраиваются спектакли. В феврале скарлатина вынудила распустить детей.

Более счастливой оказалась „опытная" школа (115 учеников): здесь не только в широких размерах введено самообслуживание, но и успешно идет работа в мастерских (картонажная и переплетная, швейная, ткацкая, слесарная, опытная кухня, лаборатория), и главное устанавливается связь между учебными предметами и трудовыми процессами.

Для обслуживания курсов и обоих школ действуют вечерние классы музыки и рисования, где уже исполнены и коллективные работы.

Наконец, поступивший в распоряжение Института участок земли в 4 десятины, бывш. садоводство Т-ва *Иммер*, представляет благоприятный материал, как разнообразием естественных (пруд, заболоченная часть места, парк, разнообразие рельефа), так и культурных данных: плодовый питомник, садовые кустарники, многолетки-цветы, маточные яблони. Все это предполагается использовать в целях агрикультурных и естественно-исторических.

Редакционно-издательская коллегия, существующая при институте, ставит своей целью:

1) научно-методическую разработку образовательного материала трудовой школы,

2) создание литературы, руководств и справочников по вопросам трудовой школы, и

3) знакомство с опытами трудовой школы Запада. В соответствии с этим разработаны 3 категории изданий. Целый ряд книг подготовляется к печати. Одна из книг II категории должна появиться в мае.

Суммируя все, можно сказать, что Институт инструкторов физического труда является тем центром, который питает методически учебную часть трудовой школы.

IV. *Подотдел личного состава* в соответствии с рассматриваемыми вопросами распался на 7 подразделений-секций: экономическая, правовая, союзов и коллективов, охраны труда, учета и распределения, агитац.-литер.-издательская и секретариат. Для учета и правильного распределения сил выработана была инструкция и проведена организация культурно-просветительной секции при Отделе рынка труда, выработан список должностей, регистрируемых секцией, и регистрационная карточка; разрешен вопрос учета специалистов по физическому воспитанию, учета мобилизации работников по просвещению; подотдел ведет деятельную переписку с местами по вопросу об учете и распределении педагогических сил; составлены инструкции к Положению об оплате труда школьных работников, о 5-тилетних прибавках перешедшим на ответственную службу в Наркомпрос или в Отд. нар. образования, о выдаче содержания военнопленным учителям; разработано временное Положение о выдаче ежемесячных пособий нетрудоспособным работникам по просвещению (утвержд. К. Н. К. 26/11—19 г.) Закончена ликвидация Всеросс. учит. союза. Составлено постановление о переводе в I кат. продовольственного пайка учащихся до 14-ти лет и свыше 14-ти лет тех школ, где введено трудовое начало.

V. *Журнал „В мастерской природы"* (Петроград, Пантелеймоновская, 27), возникший по инициативе Отдела, определяет свои задачи в связи с общим направлением Единой Трудовой Школы; воспитывает дух любознательности, возбуждает интерес к активному изучению природы, руководит научной самодеятельностью в этом направлении; таким образом он должен явиться необходимой принадлежностью школьной библиотеки в то время, когда новая школа бьется над заменой негодных учебников свежими книгами. Получивши в свое распоряжение кредиты в размере: на 18 г.—5,757,800 руб., и на 1-ое полугодие 1919 г.—1.200.000 руб., журнал сосредоточил вокруг себя ценный культурный материал. Была составлена редакционная библиотека (400 том.). В числе своих сотрудников и членов редакционной коллегии журнал имеет ряд популяризаторов естествознания, известных своей педагогической деятельностью, но заготовка статей (см. прилож. № 24) обгоняет и заготовку бумаги, и самое печатание. Книга 1-ая журнала, начатая набором в январе, закончена только в апреле; сброшюрована книга 2-я, закончены набором 3-я и 4-я, подготовляется 5-ая. Выпущены два первые номера с приложениями по 20.000 экземпляров каждый, из которых по 10,000 оставлено для Москвы, по 8.000 разошлись по провинциям.

VI. *Подотдел наглядных пособий* свою теоретическую деятельность по выработке типов наглядных пособий, соответствующих принципам новой школы, вел совместно с Отделом реформы школы, техническая же часть—снабжение школ наглядными пособиями—находится в ведении подотдела наглядных пособий, организованного при Отделе снабжения; названный подотдел снабжения сохраняет персональную связь с подотделом

[1]) (В настоящее время (июль 1919 года) адрес конторы: Петроград, просп. Володарского, д. 25, кв 1.

наглядных пособий, имея своим заведующим одного из членов коллегии последнего. За отчетный период разассигновано в Губотделы 50.000.000 рублей на наглядные пособия; из них 35½ миллионов—на оборудование школ I и II ступени, 6.000.000 на различные учреждения в центре (научные кабинеты, музеи, мастерская наглядных пособий, издательство и т. д.); 7½ миллионов—на содержание таких же учреждений в губернских и уездных центрах. Львиная доля работы пошла на организацию различных научных учреждений. Центральный физико-педагогический институт, организованный в предшествующий отчетный период, пополняется рядом физических приборов, пожертвованных проф. *Цингером* и реквизированных в мастерской бывш. *Шваbе* при Московском университете. Утверждено положение о центральном естественно-педагогическом институте, который не успел развернуть своей деятельности из-за отсутствия помещения; организованы музеи по психологии, по рисованию; в последнем имеются кустарные игрушки, образцы для рисования с натуры, собран материал для таблиц по искусству. Кроме того разработан ряд проектов и планов, частью уже утвержденных. Так, принят устав и утверждена смета центрального музея по естествознанию, выработан устав гуманитарно-педагогического института, разработано положение об естественно-историческом кабинете. Рассмотрен докл. о музее по изучению местной природы. Подотделом проведен ряд мер по изготовлению и концентрации наглядных пособий: оборудована центральная мастерская наглядных пособий со сметой в 100.000 руб.; сделан заказ Нижегородской мастерской на изготовление пособий из листьев, заменяющих цветную бумагу. Вырабатывая общий план национализации предприятий, изготовляющих наглядные пособия, подотдел успел уже национализировать следующие: „*Природа и Школа*", „*Сотрудник Школ*", *Мастерская*" (Мясницкая). Кроме того закончены курсы для учителей по технике изготовления наглядных пособий. Подотдел работает также по устройству уличных витрин,—поставлена витрина на Крымской площади с портретами писателей.

Летом 1919 года решено провести сбор естественно-исторического сырья. Для разработки этих вопросов создана была комиссия, выработавшая „проект сбора естественно-исторического сырья летом 1919 года"; составлены были отряды из специалистов для сбора материала, определена база (ст. Подосинки) и проведена смета на 110.000 руб. Организована экспедиция профессора Белоголового в Африку для сбора и доставки сырого материала для школ I ступени.

Экскурсионное бюро, продолжая свою деятельность по предварительному урегулированию экскурсий, разослало в губернские Отделы проект о проезде учащихся с образовательной целью и составило ряд маршрутов, по которым уже были проведены экскурсии. С Комземом выяснен вопрос об организации опытной показательной станции для детских экскурсий.

VII. *Сметно-финансовый подотдел* занялся собственной реорганизацией для устранения отмеченных в предыдущий период дефектов собственной структуры; в результате в деятельность подотдела внесена была большая планомерность, и рамки ее расширились.

Для упорядочения сметных представлений с мест выработаны и разосланы циркуляры: о включении в общегубернские сметы всех школ I и II ступени, переведших в ведение Нар. Ком. Просв., о составлении строительных смет, об общегубернских сметах на 1-е полугодие 1919 г.; составлена и разослана на места форма-смета.

Собственно работа по финансированию выразилась в составлении сметы на 1-й период 1919 года, утвержденной С. Н. К. в размере по § 7 Ед. Труд. Школы, 1.400.700.000 (сокращено против представлений на 2 миллиарда с небольшим); таким образом, расход на Единую Трудовую Школу сравнительно с 1-м полугодием 1917 года увеличился в 26,8 раза.

Сравнительная таблица расходов на Единую Трудовую Школу.

За время	1 полугод. 1917 г.	2 полугод. 1917 г.	1 полугод. 1918 г.	2 полугод. 1918 г.	1 полугод. 1919 г.
Сумма в рублях..	91.184.241	91.184.241	337.408.089	1.747 051.977	2.440.700.000
На число губ. и областей.....	101	101	79	32	31
%% отношение ..	100%	100%	370,5%	1919,8%	2682%
Во ск. раз. увел. расх. в сравн. с полугод. 1917 г.	1	1	в 3,7 раза	в 19,2 раза	в 26,8 раза

Отпущенный кредит распределяется по отдельным статьям следующим образом:

§ 7. Ст. 1-ая.	
а) Содержание школьных работников	700.000.000
б) Хозяйственные и канцелярские расх	142.000.000
	842.000.000
Ст. 2-ая.	
а) Содержание школьных работников	180.000.000
б) Хозяйственные и канцелярские расх	80.000.000
	260.000.000
Ст. 3-я.	
Пятилетние прибавки	63.000.000
Ст. 5-ая.	
Ведение трудовых процессов	200.000.000
Ст. 6-ая.	
Наглядные пособия	50.000.000
Ст. 7-ая.	
Мероприятия по социальному воспитанию детей	10.000.000
Ст. 8-ая.	
Организация центральной библиотеки по уездам	15.000.000
Ст. 10-ая.	
Путевые довольствия	700.000
Итого по § 7	1.400.700.000

Следовательно содержание школьных работников школ I и II ступени поглощает около 67% всей суммы, трудовые процессы и наглядные пособия—около 18%.

Работа подотдела по разассигнованию на 1 апреля 1919 г. может быть характеризована такой таблицей:

§§	Статьи.	По смете 1919 г.	Разассигновано за период 1919 г.	Остатки кредита.
3	Ст.—Издательство.	2.500.000 р.	312.900 — к.	2.187.100 — к.
7	„ 1. Школы I ст.	842.000.000 „	714.192.753 — „	127.807.247 — „
—	„ 2. „ II „	260.000.000 „	184.645.774 02 „	75.354.225 98 „
—	„ 3. Пятил. приб.	63.000.000 „	57.296.951 — „	5.703.049 — „
—	„ 5. Труд. процес.	200.000.000 „	127.552.522 — „	72.447.478 — „
—	„ 6. Наглядн. пос.	50.000.000 „	28.482.436 — „	21.517 564 — „
—	„ 7. Соц. воспит.	10.000.000 „	5.000.550 — „	4.999.450 — „
—	„ 8. Центр. библ.	15.000.000 „	9.928.179 85 „	5.071.820 15 „
—	„ 10 Путев. довольств.	700.000 „	125.946 92 „	574.053 08 „
	Итого по § 7	—	—	313.474.887 21

§§ статьи.	По смете 1919 г.	Разассигновано за период 1919 г.	Остатки кредита.
Ст. 1. Общедост. обуч.	1.000.000.000 —	687.793.305 —	312.206.694 68
„ 3. Подгот. инст.	20.000.000 —	2.798.383 —	17.201.617 —
„ 1. Присп. зданий	250.000.000 —	3 048.463 —	—
„ 2. Ремонт „	65.000.000 —	5.746.529 —	—
„ 3. Постр. „	85.000.000 —	1.313.576 —	—
По § 13 разассигн.		10.108.568 —	
§ Особо-последний	40.000.000 —	1.082.362 58	

Из них..... 100.000.000 — Совету защиты детей.

В виду недостаточности отпущенной суммы Отделом Единой Школы представлена дополнительная смета. Испрашивалось по дополнительной смете на 1 пол. 1919 г. по § 7—1.347.845.888 руб. 33 коп., отпущено Совнаркомом 21/VI с/г. 1.020.000.000 руб.; возбуждено ходатайство о сверхсметном ассигновании на уплату разницы школьным работникам за февраль—июнь 1919 года—1.013.530.805 руб. 14/VI с/г.; Междувед. Сов. смету в этой сумме утвердил; в счет этой сметы было отпущено на 30%-ную прибавку 213.376.560 руб.; в данный отчетный период закончено также разассигнование 15 губернских смет за 2-ю половину 1918 года.

VIII. *Подотдел социального воспитания*, слившись с подотделом летней трудовой школы, выделил три секции: а) показательных учреждений при центре; б) детских домов; в) клубов и площадок. Чтобы объединить воспитание детей пролетариата, подотдел выработал и провел по всем законодательным инстанциям проект о порядке передачи всех детских учреждений Ком. социального обеспечения в Наркомпрос; во исполнение утвержденного проекта, в феврале даны соответствующие распоряжения в провинцию. Имея в виду закончить означенный прием к 1-му января 1920 года, подотдел создает ряд показательных учебно-вспомогательных учреждений, вырабатывая их теоретическую основу на принципах обществ. воспитания и коммунистических начал.

К 1-му апреля 1919 года в Москве функционировали: дом-коллектор, как наблюдательно-распределительный пункт (проведено 200 детей), 2 детских дома-коммуны, 1 детский сад на 35 детей. Наконец, за данный период времени разработаны были теоретические и практические вопросы в связи с устройством летних колоний. Возлагая практическое осуществление их на местные органы, подотдел подготовляет отправку детей в колонии из собственных показательных учреждений.

IX. *Школьно - библиотечный подотдел* распадается на три секции:

1) библиотечную, 2) выставочную и 3) учетно - распределительную. Продолжая работу предыдущего периода, подотдел вошел в сношение с крупными издательствами Петрограда и выработал договор о достаточно большой партии книг. Функции снабжения должны сосредоточиться в организованном Отделом Единой Школы книжном подотделе при Отделе снабжения, которому передан и книжный склад бывшей Панафидиной в Лялином пер., чтобы там сосредоточить все книжное богатство, как в центральном распределительном пункте. В феврале подотделом были проведены курсы по библиотечному делу. 28-го января 1919 года разослан циркуляр о книгах, подлежащих изъятию из школьного обихода.

X. *Школьно-инструкторский подотдел* распадается на 4 секции: инструкторскую секцию, секцию курсов, информационное бюро и секцию по разработке материалов. Инструкторская секция состоит из педагогов-специалистов по трудовым процессам и гуманитарным наукам и располагает кадром разъездных инструкторов, с помощью которых и осуществляется живая связь с провинцией. За отчетный период командированные инструктора обследовали 33 губернские Отдела и 110 уездных Отделов народного образования. Для руководства деятельностью инструкторов составлен был план обследования школ с объяснительной запиской к нему и рядом инструкций. Помимо этого секция курсов ставит своей задачей и подготовку инструкторов на более и менее краткосрочных курсах. В период с 25-го ноября 1918 года по 4 января 1919 года были проведены инструкторские курсы, контингент которых составлялся из лиц, делегированных (173 из общего числа 186) Отнаробами; из них около 50% со специально педагогическим образованием, около 16%—с высшим, остальные — с низшим и средним; по характеру занятий 92 оказались учителями школ I ступени, 52 — II ступени и 19 — школьными инструкторами; по партийной принадлежности было: 11 коммунистов, 89 сочувствующих, 35 членов С. У. Ин., 3 левых с.-р., 2 с.-д. интернационалиста и 25 беспартийных. Занятия проходили оживленно. Правда, сокращение положенного срока курсов вызвало и сокращение практических работ; все же было проведено:

24 часа по аппликации, лепке и др.
54 „ „ переплетно-картонажн. делу,
56 „ „ сапожному делу.

Совершались экскурсии (всего—20), посещались показательные и опытные школы; на заключительных собраниях курсанты делились впечатлениями и определяли практическую ценность усвоенного материала, на специальных конференциях в присутствии лекторов прочитывались и обсуждались самостоятельные доклады курсантов на общественные педагогические темы.

Сумма, израсходованная на курсы—241.103 руб. 02 коп. распределялась по отдельным статьям в таком отношении:

Содержание курсантов	78%
Расходы по организации учебной части	11%
Хозяйственные расходы по организации общежития	9%
Канцелярские и другие расходы	2%

Ликвидировав означенные курсы, секция, учитывая условия, в которых проходит школьная революция и осуществляется строительство социалистической школы, выработала программу новых трехмесячных школьных инструкторских курсов, принятую коллегией Отдела Единой Школы 4 февраля 1919 г.

Имея в виду подготовить активных деятелей великой школьной реформы, сообщив им и все необходимые практические знания, и научно-теоретическую подготовку для их будущей деятельности, организаторы мыслили курсовую программу, состоящую из следующих циклов: научно-философского, общественно-политического, общественно-педагогического, по вопросам техники и организации машинного труда и по предметам профессионально-инструкторского значения. Весь этот обширный материал предполагалось разработать на основе самодеятельности и занятий лабораторного типа, широко использовав лаборатории, музеи, всякие опытные и показательные педагогические учреждения. Курсы рассчитаны были на 300 че-

ловек и предполагались к открытию 15-го апреля.

При Отделе постоянно накоплялся ценный материал, рисующий положение на местах и определенно обнаруживший свое историческое значение. Для правильной и систематической разработки его так, чтобы к осени 1919 года иметь полную картину положения на местах, могущую лечь в основу дальнейшей деятельности, подотделом создана была секция по разработке материала, которая, постепенно набирая сотрудников, приступила к учету, разбору и предварительной разработке материала, намечая план своих занятий и принимая меры к правильному поступлению сведений с мест. Некоторые работы заготовлены для печати.

Действовавшее при подотделе информационное бюро, имея в своем составе педагога-специалиста, помимо раздачи материалов по реформе школы, информирует периферию путем живых бесед с педагогами.

С декабря по февраль бюро разослало различных программ:

в Губотделы	7.469
„ уездные Отделы	45.695
„ разн. учрежд.	19.508
и дало разъяснений лично обращавшимся	514

XI. Школьно-санитарный подотдел, только что складывавшийся в предыдущий период, является органом связи Отдела с Наркомздравом, принимая участие в деятельности соответствующей междуведомственной комиссии по организации школьно-санитарного дела. Кроме того, подотдел работает в междуведомственной комиссии по закупке продуктов для детей-школьников Москвы и Петрограда, в комиссии по упразднению школьной прислуги в Совете защиты детей. Им разработаны и разосланы циркуляры о ремонте школ в связи с проведением санитарных мероприятий и три циркуляра в связи с борьбой с сыпным тифом. Своей главной работой подотдел считает смету для школ дефективных детей на 1-ое полугодие 1919 года, утвержденную Совнаркомом в размере 40.000.000 рублей.

XII. Школьно-трудовой подотдел в данный отчетный период работал над оборудованием школ всем необходимым для введения трудовых процессов. Организовав при Отделе снабжения особый подотдел снабжения инструментами и материалами для трудовых процессов, отчитывавшийся подотдел для регулирования работы на местах составил и разослал: инструкцию о порядке составления смет по оборудованию школ инвентарем и материалом для трудовых процессов на 1-ю половину 1919 года и циркуляр о порядке закупки инструментов и сырья.

Особой Комиссией по оборудованию школ составлены примерные списки на оборудование школ для изготовления изделий из кожи и тканей. Наконец, в ответ на поступивший запрос разослан циркуляр о выполнении работ технического характера в школах.

Непосредственно в деле снабжения подотдел выдал, начиная с 1 февраля, 194 разрешения делегатам с мест на право получения из Продрасмет инструментов и мануфактурных и переплетных материалов.

Согласно нижеследующей таблице, по губерниям были распределены различные металлы из районов петроградского, волжского и из ярославских центральных складов.

Таким образом Отдел Единой Школы за отчетный период развивал деятельность в двух направлениях: по финансированию и инструктированию при посредстве губернских и уездных Отделов народного образования

(Цифры в пудах).

НАИМЕНОВАНИЕ ГУБЕРНИЙ.	Чугун.	Железо сортовое.	Железо котельное.	Железо кровельн.	Проволока.	Свинец.	Цинк.	Медь.	ВСЕГО.
Владимирская	160	6.600	600	260	160	70	80	70	8.000
Вологодская	50	2.250	200	100	50	50	50	50	2.800
Воронежская	160	6.600	600	260	160	70	80	70	8.000
Вятская	200	8.200	750	350	200	100	100	100	10.000
Казанская	250	6.800	700	300	250	100	100	100	8.600
Калужская	120	5.500	450	200	120	70	70	70	6.600
Костромская	120	5.000	400	200	120	50	60	50	6.000
Курская	120	5.000	400	200	120	50	60	50	6.000
Могилевская	100	3.500	350	180	100	50	70	50	4.400
Московская	440	18.100	1650	750	440	200	220	200	22.000
Нижегородская	200	7.440	650	300	200	60	30	60	9.000
Новгородская	55	2.750	220	100	55	15	30	25	3.200
Олонецкая	60	3.310	300	120	60	50	50	50	4.000
Орловская	150	7.500	700	30	150	60	80	60	9.000
Пензенская	120	4.950	450	200	120	50	60	50	6.000
Пермская	140	6.710	600	250	140	50	60	50	8.000
Рязанская	150	6.630	600	260	150	70	70	70	8.000
Самарская	220	10.060	900	360	220	70	100	70	12.000
Саратовская	180	8.360	750	300	180	70	90	70	10.000
Симбирская	120	4.950	450	200	120	50	60	50	6.000
Смоленская	160	6.610	600	260	160	60	90	60	8.000
Тамбовская	200	8.340	750	300	200	60	90	60	10.000
Тверская	180	7.470	650	300	180	70	80	70	9.000
Тульская	160	6.620	600	250	160	70	70	70	8.000
Ярославская	120	4.350	450	200	120	50	60	50	6.000
Череповецкая	65	2.800	230	100	65	25	30	25	3.340
ВСЕГО									201.940 пуд.

школ республики и, во-вторых, по созданию методологических лабораторий, институтов, курсов и опытных школ.

Эти учреждения приобретают такую степень устойчивости, что в ближайшем периоде возможно будет их отделение от аппарата управления для самостоятельного существования под общим руководством Отдела. С другой стороны, значительно усиливается организационный аппарат Отдела, который даст ему возможность выполнить свою задачу: организовать трудовую школу при условиях необычайно интенсивного роста школ и громадного увеличения школьного населения.

В. Познер.

Деятельность Междуведомственной Комиссии по распределению книг.

25 сентября 1918 года Московским Советом Р. и К. Д. была произведена муниципализация книжной торговли в г. Москве. Не останавливаясь подробно на рассмотрении и детальной оценке этого акта, мы укажем вкратце, как отразилась эта муниципализация на снабженческой работе Народного Комиссариата по Просвещению и других центров.

Московский книжный рынок никогда не имел значения чисто местного; Москва имела в своем распоряжении почти 60% всей выходящей в России книги, являясь производителем книг в общегосударственном масштабе и через нее снабжалась книгой почти вся Россия. Поэтому ясно, что изъятие сразу из оборота огромного количества книг, происшедшее в результате муниципализации, если не совсем парализовало работу некоторых снабженческих центров, то в значительной степени эту работу подорвало.

С другой стороны, и Московский Совет, став юридическим владельцем огромного книжного богатства, несомненно не смог бы исполнять функций общегосударственного распределительного и распространительского органа, так как все-таки он по самому существу своему и формально является органом местного значения.

И вот для целесообразного и планомерного распределения книжных запасов, имеющих значение общегосударственное, но находящихся в обладании органа местной власти, по инициативе Московского Совета и по соглашению с Народным Комиссариатом по Просвещению и Центропечатью был образован в начале февраля с. г. специальный распределительный орган — Междуведомственная Комиссия по распределению книг.

Первоначально Междуведомственная Комиссия была образована в следующем составе: 4 представителя от Народного Комиссариата по Просвещению, 3 представителя от Московского Совета и 1 представитель от Центропечати. Позже состав этот путем кооптации пополнился представителями: одним от Бюро кооперативных объединений, одним от Совета рабочей кооперации, одним от Народного Комиссариата Земледелия, одним от Высшего Совета Народного Хозяйства и еще одним от Центропечати

Междуведомственная Комиссия для ускорения темпа своей работы и надлежащей ее специализации выделила из своего состава две малые комиссии: библиотечную, рассматривающую списки муниципализированных книг и выделяющую из этих списков книги, могущие итти только на пополнение общедоступных библиотек, так сказать, фонд специального назначения, и бюро, исполняющее работу технического характера, работу по конкретному распределению книг.

Междуведомственной Комиссией в результате ее работ установлен следующий план распределения книжных запасов, утвержденный пленумом Комиссии и имеющий обязательную силу.

Распространение книг осуществляется только следующими 5 центрами: Народным Комиссариатом по Просвещению, Контрагентством Центрального Исполнительного Комитета (Центропечатью), Центроскладом Мо-

ковского Совета Р. и К. депутатов, Бюро кооперативных объединений и Советом рабочей кооперации.

Все потребители книги в зависимости от принадлежности своей к той или иной категории прикрепляются к одному из этих пяти центров. Сущность прикрепления заключается в том, что с заказами и требованиями на книги потребитель может обращаться только в свой определенный ниже указываемый центр, и только этот центр может сообщить его заказу движение.

К Народному Комиссариату по Просвещению прикрепляются все Отделы народного образования, областные, губернские, уездные и волостные, а также все высшие учебные заведения и ученые учреждения. Все заказы, поступившие и поступающие от этих учреждений в какой-либо из четырех остальных распространительских центров, подлежат передаче для рассмотрения, санкции и исполнения в Народный Комиссариат по Просвещению.

К Центропечати прикрепляются все красноармейские организации, партийные организации, губернские, уездные и иные агентства Центропечати. Кроме того, на Центропечать возлагается также снабжение агитационно-пропагандистской литературой местных совдепов. Все заказы этих организаций, в какой бы иной распространительский центр они ни поступили, передаются в Центропечать.

Все кооперативы и кооперативные объединения прикрепляются к Бюро кооперативных объединений.

К Совету рабочей кооперации прикрепляются рабочие кооперативы; кроме того, им совместно с Центроскладом Московского Совета осуществляется снабжение литературой профессиональных союзов и их организаций.

К Центроскладу Московского Совета прикрепляются фабрично-заводские комитеты и культурно-просветительные организации. Кроме того, на него возлагается удовлетворение местной потребности в книге, а также комплектование библиотек народного образования по заказам, передаваемым для исполнения Народным Комиссариатом по Просвещению, по его указанию и под его руководством.

Для ускорения движения и исполнения заказов всем заказчикам следует предварительно точно уяснить себе, к какой категории потребителей книги они могут быть отнесены, и затем уже со своими требованиями и заказами обращаться прямо и непосредственно в свой центр.

Обращение с заказами не по принадлежности неизбежно вызовет переписку, пересылку заказов из одного центра в другой и излишнее хождение делегатов с мест из одного учреждения в другое. Установив точно и определенно, какими центрами какие именно потребители книги должны удовлетворяться, Междуведомственная Комиссия приступила к конкретному распределению наличных книжных запасов между указанными выше центрами по представленным всеми издательствами спискам своих остатков на определенное число.

Все книги каждого конкретного списка распределялись и распределяются между пятью распространительскими центрами в определенных процентных отношениях. Книги учебного характера, почти как правило поступали в распоряжение Народного Комиссариата по Просвещению в количестве 70% общего их числа. Из книг библиотечных, имеющих быть обращенными исключительно на пополнение библиотек, в распоряжение Наркомпроса отдавалось от 40—50% общего числа; книги, не представлявшие для Наркомпроса исключительного интереса, но в которых могла встретиться надобность и для него, распределялись между всеми 5-ю центрами поровну.

Литература агитационно-пропагандистская и политическая почти целиком передавалась Центропечати.

Литература кооперативная распределялась по преимуществу между Бюро кооперативных объединений и Советом рабочей кооперации.

Ряд изданий, имеющихся в больших количествах экземпляров, оставлен свободным, т.-е. отпуск изданий будет производиться самими издательствами с разрешения Междуведомственной Комиссии.

Все издательские остатки, распределенные Междуведомственной Комиссией между указанными выше 5 центрами, переходят в собственность этих центров. Распространительские центры оплачивают стоимость оставленных за ними в тех или иных количествах книг, и затем, или оставляют эти книги в издательских складах, или перевозят их на свои собственные склады. Но и в том, и в другом случае распоряжаться этими книгами издательства уже не могут. Всякий отпуск этих книг будет производиться только по приказам или нарядам тех центров, за которыми эти книги оставлены. Поэтому все заказы и требования, а также и деньги, переводимые в счет заказов, надо адресовать в один из этих центров по принадлежности.

Надо твердо помнить, что все 5 центров: Народный Комиссариат по Просвещению, Центропечать, Центральный книжный склад Московского Совета, Бюро кооперативных объединений, и Совет рабочей кооперации получили каждый свою долю изданий всех без исключения московских издательств, а потому и могут, понятно в пределах наличности, удовлетворять требования на все эти издания.

Поступившие в распоряжение Народного Комиссариата по Просвещению книги будут распределяться между Отделами народного образования Отдела снабжения Наркомпроса, и только книги, нужные исключительно для высшей школы — специальным снабженческим отделом Наркомпроса же — „Книжным центром“ (Москва, Моховая, 28).

Распределением наличных книжных запасов не исчерпывается, однако, работа Междуведомственной Комиссии. Все вновь выходящие издания попадают в распределение Комиссии.

Надо думать, что работа Комиссии будет продолжаться в этом же направлении до тех пор, пока она не будет заменена каким-либо специальным государственным органом.

Б. М.

2. Провинция.

О реформе школы в Нижегородской губернии.[1])

Имеющийся в нашем распоряжении материал дает нам некоторые сведения о положении школьного дела в Нижегородской губ. в период с мая 1918—го года до марта 1919 г. Здесь нам бросается в глаза прежде всего тяжелое финансовое состояние губернии.

Доклад инструктора Наркомпроса от июля 1918—го года отмечает повсюду полное отсутствие средств из местных источников и крайнюю необходимость отпуска общей суммы на нужды народного образования для всей губернии. В октябре и ноябре положение становится по инструкторским показаниям „угрожающим“: 24 учебных заведения в губернии не имеют средств ни на содержание личного состава, ни на хозяйственные расходы. Остальные учебные заведения получают только на жалованье для учителей. На содержание новых комплектов от казначейства не получается ничего. Помощь от Исполкомов—временная и частичная, и это в некоторых местах вместо введения всеобщего обязательного обучения может повести к закрытию даже и существующих уже школ. Жалобы на несвоевременное открытие и получение кредитов приходят из всех уездов. Так продолжается до января 1919 г., когда положение, как видно из отчетов Отнаробов, улучшается.

В связи с этим постепенно с января 19 г. налаживается и школьное дело.

Тяжелое финансовое положение крайне неблагоприятно отражалось на жизни школы до самого конца 18—го года.

За отсутствием средств во многих школах летом не было произведено ремонта, и школьные здания не удовлетворяли своему назначению: стены требовали подбивки, в окнах не было стекол. Школы не были обеспечены дровами и керосином. Во всех уездах ощущался недостаток в учебниках и учебных пособиях. Снабжение детей мануфактурой, кожаной и валеной обувью не было организовано.

Питание школьников не было налажено. Горячие завтраки не устраивались. Превращение прежней школы в Единую Трудовую Школу достигнуто лишь частично и далеко не везде. Совместное обучение не проводится. Трудовые процессы введены только в некоторых уездах, да и там за неимением денежных средств нельзя было достать в нужном количестве инструменты и сырье.

С улучшением финансового положения вследствие открытия кредитов является возможность с нового года приступить к более планомерному и своевременному удовлетворению школьных нужд. Производится ремонт школьных зданий. Достаются дрова, керосин, мел. Посылаются в центр делегаты для закупки книг, школьных пособий. Налаживается дело снабжения мануфактурой, валеной и кожаной обувью, галошами, при чем в некоторых уездах в первую очередь удовлетворяются дети красноармейцев и наиболее бедные из учащихся. Отчеты Отнаробов свидетельствуют об устройстве при школах горячих завтраков: так, например, в Васильсурском уезде заключен был договор с Упродкомом о доставке продуктов для питания школьников на сумму 1 мил. 200 тысяч руб. В связи с эпидемией тифа соответствующим подотделам поручается составить списки детей на добавочное питание. Устраивается амбулатория для школьников.

Улучшение финансового положения отражается и на проведении в жизнь школы трудового начала. Почти во всех уездах является возможность закупить нужные для этой

[1]) Этот и следующие два обзора принадлежат Секции по разработке материалов при Отделе единой школы.

цели инструменты и материалы. В заседании Нижегородского Отнабора 1 января 19 г. было принято предложение немедленно произвести на местах закупку столярных, слесарных и других инструментов. Получение кредитов дало возможность оказать поддержку мастерской по изготовлению диапозитивов и технологических коллекций в Нижнем-Новгороде. В Арзамасском уезде оказалось возможным закупить материал из дерева на 30 тысяч руб. В Княгининском уезде Отдел народного образования постановляет заказать нужные для трудовых процессов инструменты, приспособив для этой же цели купленную им мастерскую, как центральную в уезде. В некоторых уездах выносятся постановления о введении огородничества, садоводства, устройства пасек там, где есть земля, а где нет—предлагается немедленно произвести нарезку ее. Местами возникает возможность использовать для обработки земли сельскохозяйственные машины бывших крупных имений. Почти во всех уездах имеются реквизированные помещичьи и монастырские дома с садами, огородами, пасеками и землей, где можно было бы устроить показательные школы-коммуны. И, действительно, в этой области предпринят ряд начинаний: так, в селе Работках Макарьевского уезда организована школа-коммуна I и II ступени для бесприютных детей и детей павших и пострадавших воинов; в Нижнем-Новгороде организована первая нижегородская показательная школа-коммуна; в Лукояновском уезде вновь открытым школам, помещенным в имениях с полным хозяйством, стараются придать характер школ-коммун. Княгининский у. Отдел народного образования постановил просить губернский земский Отдел передать в его распоряжение имение в селе Ключицах для организации земледельческой коммуны совместно с опытной школой-коммуной II ступени. При этом Отд. нар. образ. поддерживают школы-коммуны деньжными средствами; в селе Работках школа-коммуна получает от Отдела 100.000 р. на общедоступность обучения, а первая Нижегородская показательная школа-коммуна—50 тысяч рублей.

Сравнительное рассмотрение школьной сети губерний приводит к заключению, что Нижегородская губерния является самой неблагоприятной в смысле отношения количества вновь открытых низших школ к числу уже имевшихся [1]). % их не достигает даже 2, % новых школ II ступени немного больше 5, и в этом случае Нижегородская губ. стоит лишь выше Тульской, где вновь открытых школ II ступени — 3%. Между тем, в других губерниях достигнуты в этом отношении гораздо большие результаты, особенно в Калужской губернии, где отмечается самый больший процент вновь открытых низших школ в Советской России (26%). Недостаточное количество низших школ в Нижегородской губернии повело к тому, что значительная часть детей вынуждена была очутиться вне стен школы. Так, в Нижегородском уезде из 17.000 детей осталось вне школы около 4-х тысяч; в Лукояновском уезде—около 10.000, а в Семеновском—72.000, в виду чего решено в этом последнем уезде открыть в 19 году до 100 новых комплектов. Принимаются меры в области реорганизации и расширения школьной сети и в других уездах. Княгининский Отдел нар. образ. предлагает заведывающему школьным подотделом разработать сеть вновь открываемых школ и комплектов по смете на 1919 г. и выяснить в губ. Отделе, возможно ли будет открыть их немедленно. Отделу государственных сооружений поручается составить смету на ремонт и достройку школ и начертить схему школьных построек всего уезда. Наконец, расширяются школьные помещения за счет учительских квартир и домов священников.

Проведение школьной реформы в значительной степени зависит от отношения к школе население. В этом смысле ряд фактов позволяет отметить, с одной стороны, упорство населения в делах веры, а с другой—стремление его к знанию. Проведение в жизнь декрета о светской школе, как видно из результатов анкет Нарк. мпроса, произведенных в 1918 г., вызывает среди населения недовольство, глухое брожение в целом ряде уездов (Ардатовском, Воскресенском, Балахнинском, Сергачском, Лукояновском, Арзамасском, Павловском). Особенно выделяется в этом отношении Макарьевский уезд, который издавна, по словам инструктора, был гнездом начетчиков. Здесь население, сначала охотно и могавшее школе материально, прекратило эту помощь после проведения светского начала; при этом число учащихся значительно уменьшилось, напр., в одной из школ из 140 человек осталось всего 50. В этом же уезде, а также и в других из упомянутых выше уездов было много приговоров об оставлении в школах икон и допущению в них преподавания Закона Божия. Такое заявление, подписанное 150 грамотными и 158 неграмотными гражданами, в ноябре 1918 г. было подано населением города Починок Лукояновского уезда, при чем комитет бедноты взял на себе расходы по преподаванию Закона Божия. В Княгининском уезде некоторые крестьянские общества заявили, что после проведения реформы они в школах не нуждаются. При этом в большинстве случаев крестьян раздражает вынос из школы икон, что они понимают не как результат провозглашения свободы совести, а как преследование. Упорство населения Княгининского уезда в этом отношении отмечается и в феврале 19 года. В виду этого уезд. Отдел нар. образ. постановляет уведомить граждан села Борнукова, что преподавание Закона Божия и церковно-славянского языка в стенах школы недопустимо. 12 февраля 19 г. тот же Отдел предлагает сдать ему все книги религиозного содержания, в том числе и евангелие. Однако, в остальном население охотно идет навстречу правительственным начинаниям. В отчетах уездных Отнаробов с января 19 г. отмечаются приговоры и ходатайства крестьянских обществ об открытии школ и библиотек. При этом показательно, что уезды, наиболее упорные в религиозном отношении, также отражают общую тягу к просвещению: так, в Макарьевском уезде установлен и вносится школьный налог в размере 5 р. 25 к. с человека. Княгининский уезд. Отдел Нар. Образ. свидетельствует, что население сознательно идет навстречу правительству в деле расширения школьной сети и осуществления всеобщего обучения; в Отдел поступают приговоры об открытии новых школ. Общества приняли на себя расходы по оборудованию школ в частных домах, их отоплению и ремонту. Некоторые селения, получив соответствующие разрешения от волостей, поставили у себя постройки из помещичьих домов и приспособили их под школы. Лукояновский уездный крестьянский съезд в январе 19 г. вынес резолюцию о том, чтобы всемерно поддерживать дело народного образования в уезде, поручать Комиссариату нар. образ. открывать при сельских и деревенских школах библиотеки для учеников и населения и открыть немедленно школы там, где их нет.

В особенно тяжелом положении находятся инородческие школы. Притти им на помощь трудно, так как русского языка инородцы не знают, своих культурных сил у них нет, самых школ мало; большей частью в них учат муллы (Васильсурский уезд). В Лукояновском уезде в 18—ти татарских селах 43.000 жителей; детей школьного возраста—6,065%; комплектов требуется не менее 54, между тем, их существует только 3 (по данным, относящимся к октябрю и ноябрю 1918 г.). Однако, в январе 19 г. положение улучшается: школы принимаются на содержание правительством, посылаются делегаты для закупки учебников для мусульманских школ.

Материал, относящийся к учительству Нижегородской губернии, позволяет прежде всего резко выделить три стадии в его отношении к советскому правительству и проводимой последним школьной реформе. Если в первой стадии, когда учителя в лице представителей всерос. учит. союза оттолкнули от себя предложение Народного Комиссариата по Просвещению о совместном сотрудничестве с ним, позицию их можно охарактеризовать, как враждебную, то во второй стадии учительство занимает положение пассивно выжидательное и, наконец, в третьей стадии можно констатировать готовность учительства к совместной работе с советской властью в деле народного просвещения.

Первоначальное враждебное настроение учительства выразилось в резолюциях съездов и ряде характерных фактов. Так, резолюцией учительского съезда Балахнинского уезда от 18—го мая 1918 г. отвергнут декрет о перевыборах учителей, при чем требование декрета об избрании учащих органами советской власти на основании письменного credo или даже без него признано было не отвечающим интересам школы и учительства. По мнению съезда дело назначения учителей должно быть всецело передано всерос. учит. союзу. Часть этого же съезда признала обязательным преподавание в школе Закона Божия. На Нижегородском учительском съезде 5—25 июля 1918 г. был принят тезис о необходимости вступления учителей в члены основной группы всерос. учит. союза. Там же прочитано было приветствие от московского совета всерос. учит. союза с лозунгом ограждения интересов школы от „разложения" и с оправданием позиции верхов всерос. учит. союза. Резолюция Лукояновского уездного крестьянского съезда от 18—го сентября 1918 года подчеркивает окружающий саботаж и трудность борьбы с ним. Характерным является, например, такой факт: на вопрос члена одной из комиссий: „У вас все еще висят боги?", со стороны учительницы последовал ответ: „Они нам не мешают". В октябре 1918 г. Отдел нар. обр. вторично извещает учительницу Бриляковской волости о том, что чтение молитв недопустимо в школе.

С течением времени настроение учительства меняется. Такой перелом намечается приблизительно к концу ноября. Относящиеся к этому времени протоколы Отнаробов свидетельствуют, что учительство никакого сопротивления проведению реформы не оказывает и вообще держит себя пассивно. Съезды все время стараются придерживаться деловой программы и всячески избегают высказываться по вопросу об отношении к советской власти. Наконец, в последнем периоде совместная работа учительства с центром налаживается. Делегатский съезд учащих в Нижнем-Новгороде постановил выйти из всерос. учит. союза. Аналогичные заявления получались также из всех уездов.

[1]) «Изв. Ц. И. К.» от 19/XI 1918 г.

В ноябре 1918 г. учительский съезд в Сергаче в энергичных выражениях приветствует советскую власть и проявляет готовность приступить к созданию новой школы. В Сормове (22 янв. 1919 г.) собрание учащих приветствует все мероприятия Нар. Комиссариата по Просвещению, и для продуктивной работы считает необходимым объединиться в союз учителей-интернационалистов, как единственно отвечающий задачам новой школы. Арзамасский совет по нар. обр. (1 февр. 1919 г.) констатирует, что саботаж со стороны учащих прекратился и что учительство хочет работать в новой школе. В Воскресенском уезде главными проводниками декретов Народного Комиссариата по Просвещению являются учителя.

Однако, здесь встречаются новые препятствия. Учительство не всегда стоит на высоте в отношении к своим обязанностям и особенно в смысле культурного уровня и специальной педагогической подготовки. По словам инструктора учительство чуждо населению, не умеет к нему подойти. Трудность питания в городах заставила многих уйти в провинцию, и в число учителей попало много таких, которые никогда не занимались педагогической деятельностью. В некоторых уездах Отнаробам приходится вмешиваться во внутреннюю жизнь учащих и ставить им на вид, что „дрязги и мелочи школьных работников пагубно отражаются на ходе работы школы". Коллегия Отнароба Бриляковской волости указывает на недопустимость обложения некоторыми учителями учащихся сбором натурой в виде хлеба, муки, картофеля.

Неподготовленность учительского персонала к проведению школьной реформы, новый состав учителей, стоящий часто по своему нравственному и культурному уровню ниже прежнего, все это ведет к тому, что в некоторых школах характер занятий изменился к худшему. Инструкторские доклады и другие материалы отмечают, что учительство повсюду нуждается в теоретических сведениях и практических указаниях по организации трудовой школы. Это зафиксировано и в резолюциях съездов. Так, резолюция Арзамасского уездного съезда по нар. образованию в январе 1919 г. указывает на „недостаточную подготовленность, отсутствие привычки у учителей к самостоятельной работе, что препятствует проведению новых начал". В Лукояновском и Васильсурском уездах 60 — 70% учительниц, окончивших епархиальные училища и гимназии; они, по словам инструктора, не ассимилируются с местным населением, и крестьянские приговоры сыплются на них, как из рога изобилия.

Часть учительства, сознавая свою неподготовленность к проведению новых начал в жизнь школы, стремится самостоятельно удовлетворить свои запросы в этом отношении. В своих докладах и рефератах учителя высказывают мысли о необходимости сближения школ с жизнью, придания ей утилитарного характера (вводя, напр., в курс занятий ознакомление с сельским хозяйством). В программы учительских съездов включается ряд вопросов, имеющих отношение к школьной реформе: о всеобщем обязательном обучении, о школьных коллективах и школьных съездах, об ученических организациях, о трудовых процессах, об устройстве летних учительских курсов.

Посещаемость педагогических курсов в Арзамасском уезде достигает 80%. Съезды учащих в Княгинине и Бутурлине по отчету Отнароба были для многих учащих „лучом света, обрисовывавшем контуры трудовой школы".

Расширение школьной сети резко выдвинуло вопрос о количестве учащих. Сведения с мест говорят о незамещенных учительских вакансиях. Часть прежнего педагогического персонала разбежалась из-за недостатка продовольствия. В городах и уездах не хватает школьных работников не только на вновь открытые комплекты, но даже и на существующие уже. Характерно, что эти сведения относятся к последнему времени. Мало учителей в Нижегородском уезде. В селе Сноведи Выксунского района по сведениям, относящимся к началу 19—го года, школы не открывались за отсутствием учительниц. Были случаи, когда вследствие недостатка учителей кандидатами на вакантные места вопреки декрету выставлялись священники.

Переходя к материалу, освещающему жизнь учащихся, мы можем отметить во многих уездах постепенное развитие ученических организаций. Таковы уезды: Ардатовский, Нижегородский, Арзамасский. Больше всего сведений имеется из последнего уезда, где, по свидетельству Отнароба от февраля 1919 г., среди учеников идет энергичная работа по организации новой школы, проходят собрания коллективов, выборы исполнительных органов. В уезде избран общешкольный комитет, который должен будет объединить работу всех школьных коллективов. Приступлено к реорганизации бюро труда и кассы взаимопомощи. При этом ученические организации получают от отделов нар. образования финансовую помощь: так, кружку юных эсперантистов открыт кредит до 5.000 руб.; ученической организации, стоящей на платформе советской власти — до 10.000 рублей; ученической организации Канавина — 25.000 р. для издания журнала „Весенний шум". Отчет губ. Отдела нар. обр. от февраля 1919 г. свидетельствует о том, что там, где удалось организовать коллективы и исполкомы ученических объединений, ясно обнаруживается серьезное отношение учащихся к школьным занятиям.

О реформе школы в Пензенской губернии.

Общие условия работы губ. Отд. нар. образования. Финансовые затруднения. Недостаток работников.

Пензенский губернский Отдел народного образования возник в средине февраля 1918 г., и на первых же порах заведующему Отделом пришлось столкнуться с целым рядом затруднений. Много времени потрачено было на приемку дел от старой инспекции и земства. Работа шла в тяжелых материальных условиях и при полном почти отсутствии компетентных лиц, так как всех ответственных работников отправляли в Военный Отдел в виду близости губернии к чехо-словацкому фронту. Приходилось проявлять личную инициативу, и только отчасти руководиться отрывочными газетными сведениями, доходившими из центра. Деньги высылались, по словам заведующего, „самыми микроскопическими дозами". В докладе о работе губернского Отдела, читанном в январе 19 г. на 4 губ. съезде советов, так характеризуется положение дела: „Аппарат управления поставлен на рельсы, но дает перебой из-за нерегулярного снабжения центром средствами. Вместо того, чтобы отпустить кредиты на все второе полугодие целиком, центр отпускает по частям — на месяц, на два, но не более, при чем за октябрь месяц отпустить средства совершенно забывает, что создает очень и очень сложные последствия". Одной из причин финансовых затруднений было, впрочем, неправильное составление смет. Вследствие отсутствия денежных средств и сил не было создано губернского совета народного образования. Работа затруднялась еще и отсутствием в Пензе городского Отдела народного образования. 5-го июля возник городской совет народного образования, в состав которого вошло 16 представителей от профессиональных союзов, 8 педагогов, 8 учащихся, 8 представителей от культурно просветительных обществ, 4 — от родителей и 4 — от губернского Отдела народного образования. Однако, вследствие оппозиции к советской власти, совет этот 16 сентября был распущен и заменен в октябре месяце прошлого года новым, в котором было 32 представителя от профессиональных союзов, 8 — от учителей, 6 — от учащихся, 3 — от культурно-просветительных обществ и 2 — от родителей. Этот совет работал уже в контакте с губернским отделом.

Взаимоотношения органов народного образования.

Больным вопросом был для Пензенской губернии вопрос о сфере компетенции и взаимоотношениях между губернским и уездными и волостными органами, ведающими делом народного образования. „Уезды жили самостоятельной жизнью, изредка получая от губернского Отдела те или другие „бумажки" (из отчета инструктора Нар. Ком. Просв.). Возникали конфликты между губернским Отделом и уездными Отнаробами. Так, напр., после упразднения должности директора губернский Отдел принял на себя заведывание высшими начальными училищами и „даже назначал учителей". „Уездные Отделы находили это неправильным и незаконным", и этот порядок был изменен в связи с постановлением первого съезда-совещания представителей уездных Отделов народного образования, созванного только 15-го ноября, после чего высшие начальные училища перешли в ведение уездных Отделов. На том же съезде по вопросу в взаимоотношениях и функциях Отделов народного образования была вынесена резолюция, согласно которой в ведении губернского Отдела должны находиться только учреждения общегубернского значения; ему же должно принадлежать координирование работы уездных Отделов, информирование их, инструктирование и контроль над их деятельностью. Остальная же работа распределяется между уездными и волостными Отнаробами, причем в круг обязанностей первых входит заведывание уездными школами, библиотеками, выборы и утверждение учащих, а волостные Отделы ведают материально-хозяйственной частью (ремонт школ, распределение учебных пособий, питание школьников и пр.), сами изыскивая для этого средства. Культурно-просветительная же работа ведется волостными Отделами по соглашению с уездными.

Школьное строительство. Школьные помещения. Отношение населения.

Отсутствие связи между губернским и уездными центрами выдвигало на видное место

вопрос об изыскании средств на нужды народного образования. В этом отношении население шло навстречу делу школьного строительства. Так, в Пензенском уезде в связи с прекращением земских сборов было издано постановление о закрытии школ вследствие безвыходного положения уезда, не получавшего, как и все другие уезды, никаких средств от губернии. В результате—„население собрало в 3 недели 75.000 руб.," которые были израсходованы на покупку учебников. (Протокол общегуб. съезда представителей Отделов народного образования 15—20/XI — 18 г.) В Саранском уезде для приобретения учебников был произведен удавшийся налог с населения в размере 1 рубля с человека. В Мокшанском уезде население само проявляет инициативу, беря на себя весь ремонт бывших помещичьих домов, отдаваемых по его приговору под школы; в том же уезде население само изготовляет классную мебель, а в 4 заявлениях, имеющихся в Мокшанском уезд. Отнаробе, крестьянские общества, прося о постройке новых школ, дают землю и принимают на себя доставку материалов по постройке и оборудованию их. Таким образом, является возможность открывать новые школы. В Пензенском уезде до октябрьской революции было 76 школ, к концу же 18 г. их насчитывается почти вдвое больше (140). В Саранском уезде под школы занимались лучшие помещения, а 10 апреля 19г. Саранский уезд. Отнароб постановил открыть в 16 школах по одному дополнительному комплекту. Наоборот, очень остро обстоит вопрос со школьными помещениями в Инсарском уезде где, как видно из доклада на общегубернском съезде от 15/XI—18 г., пришлось даже закрыть некоторые школы, не отвечавшие своему назначению в строительственном отношении, так как не было средств на ремонт школ. Плохо обстоит дело с отоплением и освещением. Так, даже в таком уезде, как Пензенский в декабре 18 г. в заседании исполкома выясняется, что во многих школах вследствие отсутствия дров дети болеют от холода, а многие не посещают занятий. В виду этого постановлено предложить Волостным Комитетам заготовить возможно скорее дрова для школ. В Мокшанском уезде ощущается недостаток керосина.

Общедоступность обучения. Учет детей. Питание.

Переходя к вопросу об общедоступности обучения, мы должны отметить деятельность пензенского уездного Отнароба. В сентябре 18 г. Отдел предлагает произвести во всех уездных школах учет детей от 8—13 лет, просит срочно представить планы школьных помещений, а в январе 19 г. предлагает немедленно произвести сбор с населения натурой на добавочное питание детей, вменяя в обязанность школьным советам использовать полученные от сбора продукты на устройство горячих завтраков. (Последнее распоряжение стоит очевидно в связи с постановлением общегубернского съезда от 15—20/XI, где было признано желательным немедленно ввести бесплатные горячие завтраки, изыскав на это средства через местные органы.) В Саранском уезде были введены горячие завтраки прежде всего в городских школах, а впоследствии предполагалось ввести их и в деревнях.

Работа подотделов статистики и снабжения.

Наконец, отметим, как важную для школьного строительства всей губернии работу подотделов статистики и снабжения при губ. Отнаробе, из которых первым к началу 19 г. составлены полные и точные списки школ I и II ступени по всей губернии, начаты подготовительные работы по составлению школьной сети, выработаны статистические бланки 4 образцов: 1) осенний и весенний — для школ I и II ступени, 2) личные карточки учащихся, 3) о школьном здании и 4) о положении учебно-воспитательного дела в губ. школах, а вторым была произведена работа по национализации книжных и писчебумажных магазинов, изъятию черносотенной литературы и т. п. Этот подотдел по характеристике, сделанной в докладе о работе губ. Отдела, прочитанном в январе 1919 г. на 4-м губ. съезде советов, явился „самым живым, самым творческим" из подотделов, несмотря на „кажущееся" отсутствие средств, которые были изысканы посредством „кредитования школами и учреждениями."

Реформа во внутренней жизни школы.

Теперь посмотрим, как происходила реорганизация внутренней жизни школы. В связи с этим в докладе на 4-м съезде советов отмечается ненормальное явление: „В школьном Отделе совершенно не видно творческой работы". „Даже самого обычного и простого информирования школ и уездов не предпринимается. Губ. Отдел в данном случае имеет вполне мужество это заявить открыто". „Школьный подотдел не смог приготовить во время даже сметы". Причиной этого видимо были дефекты в личном составе подотдела, в частности—недостаток работников и совмещение двух должностей в одном лице. Заведующий школьным подотделом в то же время руководил и работой Комиссариата по отделению церкви от государства, в виду чего в одном из заседаний коллегии губ. Отдела было постановлено освободить его от должности заведующего школьным подотделом.

Советская школа.

Что же было сделано в области реорганизации внутренней жизни школы?

Прежде всего коснемся вопроса об отделении школы от церкви. Проведение декрета о светской школе не прошло безболезненно. В Пензенском уезде были случаи, когда родители не пускали детей в школу. В Мокшанском уезде отмечались ходатайства со стороны населения о позволении учить детей Закону Божию, в связи с чем уездным Отделом предположено было выпустить брошюру, разъясняющую необходимость отделения школы от церкви. В Нижне-Ломовском уезде пришлось устроить целый ряд митингов, вследствие нежелания населения пускать детей в школу. То же самое наблюдалось и в Саранском уезде. В виду этого на общегуб. съезде 15—20 ноября было постановлено родителей, непускающих детей в школу, штрафовать до 10.000 руб., а все ходатайства о преподавании Закона Божия считать контр-революционными.

Школьное самоуправление.

Что касается школьного самоуправления, то по имеющимся сведениям в Пензенском уезде школьные советы к декабрю месяцу п. г. находятся еще в периоде организации; в Мокшанском уезде в городских школах действуют школьные советы, а в гимназии и в двух начальных училищах—и школьные коллективы. В сельских школах тоже начинает организовываться школьное самоуправление. В Инсарском уезде школьные советы видимо играли видную роль: здесь из состава школьного совета было выбрано 3 лица, которые несли всю работу уезда.

Новые предметы.

Переходя к вопросу о реорганизации в системе преподавания, мы должны отметить работу школьного совета мокшанской гимназии, который ввел еще осенью 18 г. для учеников 7 и 8-го классов новые предметы, а именно—историю социализма, политическую экономию, законоведение (куда входило преподавание Советской конституции и разъяснение важнейших декретов Советской власти), общую теорию эволюции, химию, физиологию, гигиену, черчение и высшую математику. В младших же классах гимназии было введено рукоделие, черчение, химия и физика.

В общегубернском масштабе выработка программы производилась коллегией Губотнароба, которым в 1919 г. была издана местная программа по рисованию в связи с историей искусств и по ручному труду.

Трудовое начало.

Трудовое начало начинает проводиться прежде всего в виде самообслуживания школ самими учащимися и учащими. В этом смысле издается в середине октября 1918 года пензенским уезд. Отнаробом постановление, в котором предлагается волостным отделам принять все меры к осуществлению самообслуживания в школах, при чем тяжелые работы должны исполнять сторожа. В январе 19 г. уезд. Отдел подтверждает свое постановление, расширяет его перечислением рода работ (уборка школьного помещения, чистка снега, изготовление мелких учеб. пособий, огородничество и садоводство и т. п.) и изменяет в том отношении, что с 1-го января 19 г. институт школьных сторожей упраздняется; для выполнения же тяжелых работ должны приниматься особые лица. Что касается других уездов, то следует отметить Мокшанский уезд, где осенью 18 г. были организованы школьными советами и школьными коллективами комиссий по проведению в школах трудового начала, а в младших классах гимназии введено было преподавание рукоделия, и Нижне-Ломовский уезд, где в апреле 19 г. в связи с ходатайствами школьных советов тоже образуются особые комиссии „в виду скорого окончания учебного года и начала по школам трудовых процессов" (Протокол заседания коллегии у. Отнароба от 17/IV—19 г. п.п. 2 и 7). В Краснослободском уезде еще в декабре 18 г. жители села Ефаева постановили отвести участки земли под огороды и сады.

Показательные школы.

Наконец, следует отметить принятое мокшанским уезд. исполкомом в конце 18 г. предложение о постройке образцовых школ I и II ступени в городе Мокшанске; затем—постановление общегубернского съезда 15—20 ноября об организации по уездам силами и средствами Губотнароба по одной показательной школе и выработанную Губотнаробом программу по ручному труду, куда входят плетение, работы из жести и железа, картонажные работы, вязанье, вышиванье, шитье и домоводство, починка платья и обуви, садоводство и огородничество, работы из дерева (багеты, выжиганье, столярные работы) и пр.

Эстетическое воспитание.

Что касается эстетического воспитания то по сведениям, относящимся к началу 19 г., подотделом искусств при пенз. губ. Отнаробе велась работа по инструктированию

преподавателей эстетического воспитания в школах, но и помимо деятельности подотдела искусств, организовавшегося поздно, пензенский уездный Отнароб проявляет инициативу в области эстетического воспитания и развития детского творчества. Так, в октябре 18 г. уезд. Отдел приступает к изданию детского журнала, для чего предлагает всем школам уезда присылать в Отдел самостоятельные произведения учеников (стихи, рассказы, рисунки). В феврале 19 г. у. Отдел просит присылать ему лучшие работы по рисованию с указанием сведений об авторе и его руководителе. Если в Пензе можно видеть благоприятные условия для эстетического воспитания, если там существует народная консерватория и художественное училище, в котором, как указывается в докладе на общегуб. съезде, „подобралась группа лиц", могущая осуществить принципы трудовой школы, то „в уездах, по словам докладчика, дело обстоит очень плохо". Однако, в Саранском уезде еще в 18 г. была открыта музыкальная школа и национализированы все музыкальные инструменты, а по имеющимся к концу апреля 19 г. сведениям там существует и художественная студия. Так протекала школьная реформа в Пензенской губернии.

Учительство. Подготовка учителей. Съезды. Курсы.

Реформа эта встречала на своем пути целый ряд препятствий, из которых на видное место нужно поставить неподготовленность педагогического персонала. В Пензенском уезде учительство, по словам доклада, сделанного на общегуб. съезде 15—20/XI—18 г., было приведено реформой в состояние „полной растерянности". Правда, в уезде каждый месяц созывались учительские съезды, на которых обсуждались вопросы и читались доклады о способах проведения в жизнь начал Единой Трудовой Школы, а летом 18 г. были устроены курсы по ручному труду. „Но эти курсы, по словам докладчика, не удовлетворили запросы учащих", а „на съезды не все могли являться за дальностью расстояния". В виду этого было решено прочитанные доклады печатать и рассылать, и „таким образом явилась нужда в педагогическом журнале". Насколько медленно усваивались учительством новые принципы характеризуется, между прочим, тем, что в феврале 19 г. учителя Пензенского уезда задают детям уроки на дом, на недопустимость чего указывает им уезд. Отнароб.

В Мокшанском уезде не было даже устроено курсов. В первый раз учительство съехалось здесь по инициативе инструктора Наркомпроса около средины октября. При этом учителя, особенно городские, проявили готовность к совместной работе с Советской властью и занялись выработкой программ и разработкой вопросов, связанных с трудовой школой. В октябре и ноябре уезд. Отдел несколько раз созывал собрания городских учителей, а во время зимних каникул предполагал созвать уездный съезд (осуществлено ли это предположение, мы не знаем). В Нижне-Ломовском уезде в августе 18 г. были организованы педагогические курсы. Плохо обстоит вопрос с подготовкой учителей в Инсарском уезде, где, как выяснилось на общегуб. съезде 15—20/XI, 40% учительского состава не имеет даже среднего образования, а только звание учителя. В связи с этим на съезде было вынесено постановление об организации при губ. Отделе инструкторских курсов для школьных работников.

Контроль над работой учителей.

Что касается отношения учащих к своим обязанностям, то здесь следует отметить постановление общегуб. съезда о контроле над их работой, согласно которому в волостях для отлучки из школы необходимо разрешение волостного Отдела, а отпуски по болезни даются только уездным Отнаробом, при чем виновные в самовольных отлучках „подвергаются штрафу в размере дневного заработка, а при повторении — ответственности как за саботаж". В январе 1919 г. пензенский уезд. Отдел просит всех учащих в возможно непродолжительном времени прислать краткие доклады об их работе с 1 сентября по 1 января, отмечая как положительные результаты, так и недостатки в условиях школьной работы. Наконец, следует отметить инициативу пензенского уезд. Отдела в вопросе о переводах учителей из других уездов. Принципиально постановив в виду сложности работы учащих и необходимости в постоянных работниках, знающих местные условия, отклонять прошения учителей других уездов о переводе их в пензенский уезд, пензенский уезд. Отнароб в январе 19 г. предлагает другим уезд. Отделам присоединиться к этому постановлению.

Политические и профессиональные организации учителей.

Политическая физиономия пензенского учительства в имеющихся у нас материалах обрисовывается недостаточно ясно. Однако, можно думать, что постепенно в учителях происходил поворот в сторону совместной работы с Советской властью. Так, в Пензенском уезде на августовском съезде учителя протестовали против постановления коллегии уезд. Отнароба об увольнении „магушек", однако, в сентябре они извиняются перед коллегией за резкость тона и говорят, что здесь была лишь защита своих товарищей по профессиональному союзу, а отнюдь не неповиновение существующей власти. Еще в сентябре 18 г. пензенское уездное учительство организовало на съезде профессиональный союз учителей, и, по словам инструктора Наркомпроса, „в громадном большинстве перешло на советскую платформу". При этом в резолюции, вынесенной на сентябрьском съезде, учительство „приветствует все начинания Комиссариата (Просвещения) в области школьных реформ", идеи которых оно „само уже вынашивало в своей душе" и заявляет, что „оно приложит все силы к проведению их в жизнь и будет усиленно работать над просвещением трудящихся масс" (протокол съезда от 19/IX—18 г.). Тем не менее по свидетельству того же инструктора в конце 18-го года в Пензенском уезде параллельно с „пензенским уезд. профес. союзом учителей" продолжает существовать и отделение „Всер. Учит. Союза". У нас нет сведений, характеризующих политические взгляды учащих других уездов за исключением Чембарского уезда, где по сведениям, относящимся к ноябрю 18 г., около 300 учителей числится в коммунистической партии. Тогда же, на ноябрьском общегубернском съезде заведующих отделами и подотделами нар. образования была признана „желательной и необходимой организация среди учащих (и учащихся) коммунистических групп". По данным, имеющимся к 1 февраля 19 г., в Мокшанском уезде существует с октября союз деятелей Единой Трудовой Школы, а в Городище—2 союза учащих с числом членов около 300 чел. Наконец, в Нижне-Ломовском уезде, как видно из протокола уезд. Отнароба от 17 апреля 19 г., существует союз деятелей по народному образованию.

Перевыборы.

Мало сведений, говорящих о перевыборах учителей. В Пензенском уезде перевыборы производились советами н. о., при чем „было лишь два случая забаллотирования" (отчет инструктора Наркомпроса). В Мокшанском уезде перевыборы производились в августе предварительно на волостных и сельских сходах, а потом уже утверждались или не утверждались Отделом. В Рузаевском уезде на перевыборах учителей, произведенных на октябрьском уездном съезде по нар. образованию, по отношению к одному из учителей было нарушено правило о закрытой баллотировке.

Материальное положение учительства.

Относительно материального положения учащих мы можем судить по некоторым фактам, отмеченным на общегуб. съезде в ноябре 18 г. в докладах с мест. В Чембарском уезде касса отдела нар. обр. была пуста, и „учителя голодали, не получая жалованья по нескольку месяцев". В Саранском уезде „небольшое вознаграждение за учительский труд" не давало „возможности подобрать учителей". В Пензенском уезде жалованье для учителей приходило из центра с запозданием, и в этих случаях выдавалось из местных средств, откуда были выданы им и 5—летние прибавки (из отчета инструктора Наркомпроса).

Учащиеся.

Что касается жизни учащихся, то уже в конце октября 18 г. в г. Пензе организовался коллектив учащихся-коммунистов и сочувствующих. Такой коллектив организован был и в г. Саранске. Были приняты коллегией губ. Отнароба меры к созданию таких объединений по всей губернии.

Таким образом, как на характеристическую особенность Пензенской губ., следует указать на самостоятельность в работе уездных Отделов нар. образования и трения между ними и губ. Отделом, о чем подробнее мы уже говорили выше.

3/VI—1919 г.

Положение школьной реформы в Самарской губернии.

Влияние военной обстановки на школьное дело.

В результате восстания чехо-словаков (весной 1918 г.) был захват Самарской губернии. Самара была освобождена советскими войсками только 7-го октября 1918 года, а некоторые уезды ее находились под властью белогвардейцев до конца 1918 года. Близость фронта сказывалась очень сильно на работе по реорганизации школы. Столкновение с военными властями из-за захвата последними школьных помещений приводило к острым конфликтам, прерывая ту спокойную обстановку, которая является гарантией для успешного проведения в жизнь реформы школы. Работа губернского Отдела началась при сравнительно благоприятных условиях. Так, в местной газете от 25-го октября

1918 года мы находим следующее распоряжение Ревкома: „в виду широкой постановки дела народного образования в текущем году" предоставить Отделу Народного Образования право „реквизиции всех помещений в городе, подходящих для школ". Однако уже 18-го декабря соединенному заседанию коллегий губернского, городского и уездного Отделов гор. Самары приходится констатировать факт, что в последнее время участились случаи столкновения с военными властями на почве занятия школьных зданий под военные нужды. Собрание постановило обратиться к губернскому Исполкому с ходатайством, чтобы последний предписал всем ведомствам, претендующим на школьные здания, считаться с постановлением центра по этому вопросу. Было высказано также пожелание об учреждении особой согласительной комиссии, для устранения возникающих конфликтов, в состав которой были бы включены представители заинтересованных ведомств.

Такое же положение наблюдалось и в уездах. Представители Отделов народного образования в последних сообщали, что школьные помещения нередко захватываются даже при наличии других свободных зданий. Иногда они занимаются просто под квартиры отдельных командиров частей или других должностных лиц. Считая подобное положение совершенно ненормальным и недопустимым, губернский Отдел обратился в Народный Комиссариат по Просвещению с соответственным ходатайством о том, чтобы о подобных явлениях было доведено до сведения Революционного Совета обороны. Положение признавалось губернским Отделом настолько серьезным, что в заседании 17-го января, в связи с полнейшею невозможностью оградить свои интересы он выносит постановление поставить перед Губисполкомом вопрос о своем дальнейшем существовании. Этот вопрос, как показывают последние известия, продолжает до сих пор оставаться неразрешенным. На одном из заседаний в марте снова приходится подымать его в связи с телеграммой Пугачевского Отдела о занятии школьных помещений красноармейцами. В сообщении, напечатанном в „Коммуне" 9-го мая 1919 года приводится факт о занятии в гор. Самаре здания, в котором помещались соединенные выпускные классы школ II ступени. Вследствие этого учащиеся, оканчивающие школу в настоящем году, не смогли закончить свой курс при нормальных условиях. Правда, губернский Отдел предложил учащимся составить группы для занятий садоводством и огородничеством на дачах вблизи Самары, но справедливо указывается в заметке, что „эти частичные мероприятия не решают вопроса".

Всеобщее обучение.

В области проведения всеобщего обучения были приняты следующие меры. Прежде всего была произведена перепись детей школьного возраста. Сначала это было сделано в городах, но предполагалось осуществить это и в самых уездах, однако, данные не дают возможности судить приведеноли в исполнение это намерение Отдела. 5 го декабря была произведена перепись всех детей, обучавшихся в этот день в школах. И тогда, сравнивая полученные цифры, можно было бы установить, насколько возможно будет в ближайшем будущем ввести всеобщее обучение. В нашем распоряжении не имеется данных переписи по всей губернии, однако, относительно Самары удалось установить, что положение таково, что через самое короткое время удастся ввести там всеобщее обязательное обучение. Параллельно с этой переписью шел учет педагогического персонала, могущего работать в новой школе и, наконец, были выделены особые комиссии для осмотра зданий, годных под школы.

Школьные здания. Школьное строительство.

В виду недостатка школьных помещений, удовлетворяющих тем требованиям, которые предъявляются к школьным зданиям, было высказано пожелание развить школьное строительство. С этой целью отдельными уездами были представлены проекты таких школьных построек, при чем были одобрены проекты, предложенные Бузулукским и Самарским уездами. Последний представил и соответствующую смету на подобные постройки, которая была передана губернским Отделом на рассмотрение технически-строительной комиссии, в которую вошли сведущие лица. По одобрительном заключении комиссии будет возбуждено перед центром соответствующее ходатайство. Коллегия Бугурусланского Отдела поручает школьному подотделу (в заседании 1-го апреля 1919 года) дать исчерпывающие данные о случаях крайней необходимости постройки школ, предполагая так или иначе урегулировать этот вопрос.

Оборудование школ.

Положение с оборудованием школ необходимыми пособиями: учебниками, книгами, наглядными пособиями и т. д., также не представляет чего-нибудь особенного в сравнении с положением в других губерниях Советской России: тот же недостаток в его

необходимого, и те же попытки разрешить этот вопрос по возможности безболезненнее. Вскоре после освобождения Самары была проведена национализация всех книг. После подсчета было постановлено распределить их между школами и библиотеками, при чем в первую очередь было решено удовлетворить наиболее отсталые в смысле просвещения масс уезды, каковыми являются Бугульминский, Бугурусланский и Мелекесский уезды. Частным лицам было постановлено продавать книги лишь в самых исключительных случаях. Были приняты также меры к закупке книг в центре. Следует упомянуть, что при оставлении Самары белыми большая часть буржуазии покинула город, оставшееся имущество было передано в ведение Губернского Отдела, который принял энергичные меры в этом направлении, и, например, одних только книг было конфисковано свыше 60,000 томов.

В декабре 1918 года коллегия Губотдела постановила возбудить ходатайство о том, чтобы одна из типографий города была передана Отделу для необходимых работ по печатанию материалов по Единой Трудовой Школе, учебников, тетрадей и других необходимых пособий, однако, не удалось установить результатов этого ходатайства Отдела.

Обращено внимание и на устройство библиотек при школах. Например, Пугачевский Отдел открыл в уезде 14 новых библиотек, и уже разослал первый комплект книг, главным образом по трудовой школе (сообщение от марта 1919 года). Для инструктирования мест о том, каким образом может быть создано школьное оборудование, организуется музей учебных пособий в Самаре, предполагается производить выработку на местах и установить между ними обмен результатами этого производства. (Доклад инструктора от апреля 1919 г.). В целях снабжения школ наглядными пособиями, Губотдел в декабре 1918 года издал постановление о том, что все частные лица и учреждения должны дать сведения об имеющихся у них наглядных пособиях. В январе 1919 года Губотдел ассигнует 100,000 рублей Мелекесскому Отделу на устройство мастерской наглядных пособий. Подобная же мастерская создается при педагогическом музее и в гор. Пугачеве. Часть необходимых пособий здесь (для преподавания физиологии, гигиены и т. д.) предполагается сделать при помощи фотографического аппарата, проекционного фонаря и т. д. Губернский Отдел еще в ноябре 1918 года высказался за необходимость устройства курсов по технике изготовления наглядных пособий и поручил комиссиям, выработавшим программы новой школы, выяснить какими коллекциями и наглядными пособиями должны быть обставлены уроки, и насколько возможно будет удовлетворить эту потребность местными средствами и силами учителя.

Для выработки мебели, которая соответствовала бы всем требованиям гигиены в школе, была образована при Губотделе специальная комиссия, в состав которой были приглашены и некоторые профессора местного университета (Нечаев, Гриневский), и было постановлено объявить конкурс на премию по выработке примерной мебели (декабрь 1918 года).

Наконец, в целях сосредоточения дела в одних руках в феврале 1919 года при губернском Отделе был образован подотдел снабжения, который и принял в свое ведение все дела в этой области.

Необходимо отметить, что Самарским Губотделом было выпущено 6 №№ газеты Отдела „*Серп и Молот*" (издание пришлось прекратить вследствие недостатка бумаги), был издан сборник „*Пролетариат и Просвещение*" с программами Единой Трудовой Школы и издан № 1 журнала „*Пролетариат и Просвещение*".

Снабжение и питание учащихся.

В целях снабжения учащихся всем необходимым Отнаробы предпринимали перед продовольственными организациями соответствующие шаги, и, например, Губотделом были получены: галоши, нитки, бязь и обувь, которые и были распределены по школам губернии (отчет инструктора от апреля 1919 г.).

Вопрос о положении питания школьников недостаточно вырисовывается по тем данным, которые имеются в нашем распоряжении. Положение Самарской губернии, которая в продовольственном отношении находится в благоприятных условиях, заставляет предполагать, что здесь этот вопрос не имеет той остроты, которая наблюдается в большинстве других губерний. Например, есть данные о положении этого дела в Пугачевском уезде. Там при школах города и уезда организованы столовые, при чем Отдел отпускает ежемесячно по 24 р. на учащегося (сведения от марта 1919 года). В городе уже имеется одна столовая, в которой отпускаются бесплатные обеды и ужины беднейшим учащимся. Принимаются меры к открытию еще целого ряда их. При школах же отпускаются холодные завтраки из колбасы и хлеба, а также кофе с молоком.

Таковы те внешние условия, в которых проходит преобразование школы. Теперь следует остановиться на работе Отделов по проведению в жизнь принципов новой школы и на том, что уже удалось осуществить из намеченной программы.

Деятельность губернского Отдела.

Губернский Отдел по народному образованию был образован вскоре после очищения Самары от чехо-словаков, однако, его работа развернулась далеко не сразу. В начале он состоял всего из заведующего и секретаря, и только с течением времени он стал функционировать более нормально. Работа, выпавшая на него, была грандиозна. Нужно было создавать заново аппарат в освобождаемых уездах, который мог бы проводить в жизнь реорганизацию школ. Для этого требовались опытные работники, так что губернскому Отделу приходилось уделять их из своих и без того небогатых сил. Помимо этого целый ряд условий (географическое положение, значение Самары, как культурного центра и т. д.) ставил Самарскую губернию в положение „более сведущего старшего товарища" (отчет инструктора) по отношению к более восточным областям. Опыт работы Самарского Отдела давал возможность избегать целого ряда ошибок для Уфы, Оренбурга. Инструктирование Отделов в этих губерниях выпадало на долю Самарского Отдела, с которыми они находились в самых оживленных сношениях.

Ход реформы.

В одном из первых своих заседаний, после освобождения Самары, Губотдел принял постановление, в связи с вопросом о реорганизации школы, об учреждении следующих комиссий: 1) по учету детей (от 4—17 лет), 2) по учету помещений для школ, 3) по учету культурных ценностей, 4) по учету культурных работников и 5) по учету учащих. В заседании 30-го октября он постановляет срочно затребовать от корпораций, стоящих во главе духовных учебных заведений, сведения о положении дел в них. Для популяризации идей трудовой школы был устроен целый ряд митингов под общим заглавием: „*Пролетариат и Просвещение*". В уездах по мере их освобождения также принимались меры для переустройства школы. Так, в заседании 18-го ноября, получив сообщение от Бугульминского Ревкома, Самарский губернский Отдел отмечает благоприятные условия для начала проведения реформы в этом уезде, обращается к уездному Отделу с предложением немедленно приступить к переустройству школы на новых началах и командирует туда своего представителя. Для выработки программ по отдельным предметам в новой школе были созданы комиссии, как в Самаре, так и в уездных городах, в состав которых были включены представители Отдела и местные преподаватели. Чтобы последние могли уделить возможно более времени для этой работы, было постановлено временно освободить их от занятий (в заседании губ. Отдела 21-го декабря), а затем „в виду необходимости мобилизовать все учительские силы для организации работы по проведению реформы школы" (прот. Губотдела от 27 декабря 1918 года) занятия были прерваны с 28 декабря, и в связи с этим перерыв был продлен до 1-го февраля. 5-го января, с целью познакомить учащих с идеями трудовой школы, состоялся губернский съезд, в котором, между прочим, участвовали и профессора Самарского университета.

Однако преобразование школ в Единую Трудовую Школу прошло далеко не сразу, и в отчете инструктора от апреля 19 г. отмечено, что в Самаре уже закончены переназначения учащих, перегруппировка учащихся по школам, при чем придерживались принципа районности школ, и преобразование школы должно закончиться в самом ближайшем времени. В том же докладе инструктор отмечает, что школьная работа в губернии производится весьма интенсивно, „идея трудовой школы на местах усваивается довольно легко, и в школу вводится все разнообразие трудовых процессов".

Трудовое начало.

Трудовое начало осуществляется повсюду, при чем самые процессы выражаются в различных формах. Например, в Бузулукском уезде введено роговое производство, специальное деревянно-гвоздичное и мелко-подельное из дерева, в Бугульминском уезде местами осуществлено ткацкое, гончарное, валяльное производство, местами—слесарное. В гор. Пугачеве учащиеся принимают участие в работах в типографии. В южных уездах трудовые процессы осуществляются в виде работ на полях, при чем при некоторых школах устраиваются огороды, и приступлено к заготовлению посадок, приобретаются огородные семена и другой необходимый инвентарь (свед. от марта 1919 года). В Ставропольском уезде по ходатайству Отдела введен добавочный час в неделю, для занятий в школах лепкой, рисованием, картонажем и т. д. В гор. Покровске, недавно преобразованном из Покровской слободы, устроена даже выставка работ учащихся, которые были размещены в трех больших комнатах. В первой комнате были выставлены изделия ручного труда, во второй—рисунки учащихся, литературные работы, лепка и в третьей помещался сельскохозяйственный Отдел, в котором были представлены рисунки и модели эволюции человеческого труда от каменного века и до современного хозяйства. По закрытии этой выставки ее предполагается превратить в школьный музей.

В целях самообслуживания в школах, Пугачевский Отдел сократил штат прислуги, оставив не более одного лица на 125 учащихся.

Недостаток материалов для трудовых процессов, играющий повюду большую роль, отражается и здесь на успешности работ. В заседании 11-го января губернский Отдел возбуждает соответствующее ходатайство перед С. Н. Х. о снабжении школ материалами для оборудования учебных мастерских при школах. Бугурусланский Отдел при распределении материалов на трудовые процессы полагает необходимым обратить особое внимание на те школы, „где допускают местные условия и заметно искреннее желание работать в новой школе" (прот. засед. Бугурусланского Отдела народного образования от 1-го апреля 1919 г.).

Преподавание конституции Р. С. Ф. С. Р.

Во всех школах губернии (в ноябре) введено изучение Советской конституции, при чем Отдел предложил вывесить текст ее на видных местах во всех классных помещениях и поручил преподавателям рисования исполнить текст конституции наиболее художественно, как полный, так и отдельные пункты ее, при чем признано особенно желательным привлечение к этой работе самих учащихся.

Школа-коммуна и школьная колония.

В гор. Покровске на лето образована школа-коммуна, которой предоставлено помещение в одном из бывших „барских" имений и школьная колония, в которой находится 200 человек учащихся школ I и II ступени. Земельный Отдел предоставил этой колонии и школе-коммуне до 40 десятин земли, весь необходимый инвентарь, в том числе две коровы, четыре лошади и четыре верблюда.

Из предоставленных 40 десятин земли весной уже удалось обработать 15 десятин.

Школа для дефективных детей.

Были приняты меры для учреждения школы для дефективных детей. 2-го ноября Губотнаробраз постановил образовать комиссию для обследования положения дефективных детей, в состав которой было решено включить, кроме представителей Отдела, также и представителей Отдела социального обеспечения и представителей комиссии школьной гигиены и физического воспитания. Согласно положению, выраженному Губотделом, был создан дом-распределитель, во главе которого был поставлен врачебно-педагогический персонал 31-го декабря 1918 года на совместном заседании коллегии Губотнаробраза и членов Отдела здравоохранения после всестороннего обсуждения этого вопроса было постановлено передать дом-распределитель, а также все дела секции воспитания дефективных детей, при которой он состоял, в ведение губернского Отдела здравоохранения.

Отрицательные стороны в жизни школы.

Однако школьная жизнь не везде шла нормально, при чем нередко виною этого являлись и сами учащиеся. В связи с этим стоит обращение Бугурусланского Отдела с призывом к учащимся к поднятию самодисциплины. Коллегия Пугачевского Отдела (на заседании 24 марта) констатировала факт разложения жизни в школах II ступени и в целях борьбы с этим вынесла следующее постановление: „всех переростков — учеников школ I и II ступени, начиная с 4-го года обучения, с разницей более одного года, немедленно распустить и предложить им посещать курсы для взрослых".

Отрицательные черты в жизни школы отмечают и „*Известия Совета*" от 14-го апреля 1919 года в гор. Самаре. Некоторые учащиеся отбили носы на памятниках Ленину, Либкнехту и Троцкому. По поводу бесплатных завтраков иногда раздаются возгласы по адресу советской власти: „все равно не задобрят". Считаясь с подобными фактами, губ. Отдел 20 марта постановил: „предоставить школьным советам право применять репрессивные меры по отношению к учащимся, вплоть до временного удаления их из школы, доводя о таких случаях до сведения губернского Отдела".

Учащиеся.

С другой стороны, повсюду в школах создается самоуправление учащихся. В Пугачевском уезде, например, выработана особая „Конституция С. Ф. С. Р. учащихся". На рождественских каникулах устраивалась для учащихся „красная елка", при чем на это губернским Отделом были ассигнованы специальные суммы.

Вследствие переходного времени, которое переживали некоторые отделы в связи с военными действиями, школьная жизнь не могла сразу войти так, как бы это следовало ожидать при нормальных условиях, и в некоторых местах население складывало вину за это на учащих. В одной из волостей Бугульминского уезда конфликт готов был принять очень острые формы: жители одной из деревень предполагали учинить над учителями насильственные деяния. Отделу при-

шлось вмешаться в это дело и разъяснить полную нелепость этих обвинений (сведения от ноября 1918 года).

Учащие.

Учительство в Самарской губернии пережило то же настроение, что и на большей территории советской России. После октябрьской революции учительство здесь заняло определенную выжидательную позицию. На оставшейся после занятия чехо-славаками части Самарской губернии это выжидательное настроение носило подчеркивающий характер. Несомненно, что часть учительства принимала участие в работах белогвардейцев во время захвата Самарской губернии. В связи с этим стоит и приказ Губотдела (после освобождения Самары), в коем предписывалось всем учащим, сделавшим какие-либо пожертвования в пользу „народной армии", „союза возрождения" и другим подобным организациям, внести штраф в десятикратном размере. Второй период начинается после очищения Самарской губернии советскими войсками (в октябре 1918 г.). В настроении учительства наступает перелом, готовность итти рука об руку с Отделами. И это настроение захватывает все больший круг лиц. Лучшие силы учительства были привлечены к работе по реорганизации школы, и они приняли самое живое участие в освобождении реформы, участвуя в предметных комиссиях, которые вырабатывали программы по отдельным предметам школ. Хотя нужно сказать, что военная обстановка сказывалась и в этой области. По свидетельству Пугачевского Отдела учителя, сочувствовавшие советской власти и с восторгом встречавшие Красную армию, были оторваны от своей работы мобилизацией. Работа в комиссиях, отмечает инструктор, вызвала большое оживление среди учительства, и Отделы принимали меры, чтобы поддержать это настроение, и вели среди него пропаганду в коммунистическом духе. Результаты такой политики сказались весьма благоприятно, и „намечаются крупные признаки будущего сдвига учительства в нашем направлении" (доклад инструктора от апреля). Резолюция губернского съезда (в январе 1919 г.), приветствовавшая III Интернационал, была встречена очень сочувственно съездом и принята единогласно, при 2-х воздержавшихся. Совещание союза учителей-интернационалистов, открывшееся после съезда, прошло при 200 участниках. В соответствии с таким настроением губернский Отдел в заседании 22-го февраля принял постановление после доклада о настроении учительства, что „в настоящее время единственным целесообразным отношением губернского Отдела к школьным работникам и может быть лишь самое широкое доверие в деле школьного строительства", а немного раньше этого он обратился к учащим с предложением проявить творческую самостоятельность при предстоящих занятиях, в духе положения о Единой Трудовой Школе.

Работа в новой школе, выпадавшая на учительство, требовала много напряжения. На учительство было возложено также участие в культурно-просветительной работе среди населения по устройству лекций, чтений, курсов для взрослых, в мобилизации грамотных, при чем было принято постановление, что ни один учащий не имеет права отказываться от этого. Желая, чтобы вся эта работа протекала при возможно благоприятной обстановке, Отделы принимали соответствующие меры. В заседании 2-го декабря губернский Отдел постановил обратиться ко всем комитетам бедноты, чтобы в помещениях, занимаемых учащими, не производилось никаких уплотнений и конфискаций имущества без ведома Отделов народного образования; было возбуждено ходатайство, чтобы учащие были освобождены от трудовой повинности по очистке улиц от снега. В заседании 15-го апреля губернский Отдел постановил возбудить ходатайство перед центром о бесплатных завтраках для учителей наравне с учащимися. Получив известие из Новоузенского уезда о том, что в одном из сел мобилизовали учащих, он обратился в губернский военный комиссариат, чтобы последний издал распоряжение уездным и волостным военным комиссариатам не призывать на военную службу учителей, взятых на учет, без соответственных приказов. В декабре губернский Отдел ассигновал 100.000 рублей на устройство детских праздников в губернии и обратился к школьным работникам с призывом использовать это время для бесед с населением и ознакомить его с мероприятиями советской власти в области народного просвещения.

Перевыборы учащих.

Исполняя декрет центра о перевыборах учащих, губернский Отдел в самом начале своей деятельности (в октябре 1918 года) предпринял соответствующие шаги в этом направлении. Однако полученные сообщения говорят, что в начале 1919 года этот декрет еще не был приведен в жизнь, что побудило Губотнаробраз затронуть этот вопрос в своем заседании (11 января), и было вынесено постановление предложить всем Отделам закончить перевыборы к 13 февраля. Однако в последних сообщениях ничего не говорится о том, проведен ли этот декрет в жизнь, или нет. Согласно распоряжению центра все священнослужители были удалены с учительских мест, при чем Отделы стоят настороже, чтобы они не были допущены вновь к преподавательской деятельности, и, напр., когда возник вопрос о предоставлении учительских мест муллам, муэдзинам и имамам, губернский Отдел решительно высказался против.

Недостаток учащих.

Пришлось столкнуться и с недостатком учащих. С целью заполнить вакантные учительские места Пугачевским Отделом, например, была произведена мобилизация среди сотрудников советских учреждений, и все лица с той или иной педагогической подготовкой были назначены школьными работниками.

Бугульминский Отдел возбудил ходатайство об увеличении числа своих представителей на губернских одногодичных курсах вследствие нужды в учительских силах, которая ощущается здесь очень сильно. В зависимости от этого и губернский Отдел издал постановление (в феврале 1919 г.), в связи со стремлением отдельных учителей уйти с работы, о мобилизации учительских сил, при чем было решено освобождать школьных работников лишь в самых исключительных случаях. Однако тут нельзя не отметить и некоторые отрицательные факты, вина которых лежит и на представителях учительства. Так, при обследовании положения школ в одном из районов Пугачевского уезда были отмечены такие факты, как оставление отдельными учащими своих мест без уведомления об этом Отделов и без получения от последних на это разрешения.

Подготовленность учащих.

Кроме увеличения числа учащих, было обращено внимание на подготовленность учащих. Пришлось констатировать факт, что большинство из педагогических учреждений, выпускающих учащих, стоят не на должной высоте.

Учительские семинарии.

Было отмечено, что большинство учительских семинарий влачат „жалкое существование" (прот. губернского Отдела 14 февраля), и губернским Отделом были приняты меры к поднятию их на должную высоту. Этому вопросу было посвящено специальное совещание, на котором присутствовали представители всех учительских семинарий губернии.

Педагогический институт.

Виленский учительский институт, находящийся в Самаре, был преобразован в Педагогический институт, при чем в настоящее время ведутся работы по реорганизации его в Институт народного просвещения, который должен будет выпускать работников не только по школьному делу, но и по дошкольному и внешкольному образованию.

Педагогические курсы.

С этой же целью в настоящее время функционируют одногодичные курсы для подготовки учителей в школы I ступени в губернском масштабе, открыты 3-месячные курсы по обучению учителей трудовым процессам и отправлены в центр на подобные же курсы по трудовым процессам отдельные представители. При этих курсах открыты показательные мастерские. Открываются краткосрочные курсы по различным отдельным предметам для пополнения научного багажа учительства. Предположены курсы по естествознанию, математике (сведения от марта—апреля 1919 г.). Летом открываются 6-недельные курсы для учащих губернии.

В этом же направлении идет работа и в уездах. Такие же курсы открываются в Пугачеве (одногодичные), Бугуруслане (летние повторные), Ставрополе (по рисованию, лепке и картонажу) и т. д. Предполагается в отдельных уездах периодически созывать съезды учащих, на которые будут командированы лектора.

Неудовлетворительность подготовки учащих-мусульман побудила, напр., Бугурусланский Отдел принять меры к открытию специальных курсов, и это предполагается осуществить летом. Такие же курсы открываются Пугачевским Отделом совместно с Новоузенским для учащих мусульман этих уездов.

Большим недостатком является отсутствие лекторов для педагогических курсов. В связи с этим местные педагогические курсы (в декабре—январе), прошедшие в Новоузенске, не дали особо положительных результатов.

Педагогическая библиотека.

В Самаре открыта центральная педагогическая библиотека. В ней собраны различные труды по педагогическим вопросам, которыми могут пользоваться учащие. Предполагается расширить ее в виде подвижных библиотек, чтобы этим самым дать возможность пользоваться ею учащим уездов.

Педагогический музей.

При педагогической библиотеке созидается педагогический музей. Такой музей уже существует в Пугачеве. При нем имеются лабора-

тории—химическая, физическая и естественно-историческая—и библиотека-читальня.

„Объединение учащих.

Перелом в настроении учительства способствовал увеличению числа членов образовавшихся союзов учителей-интернационалистов. Состоялось (в январе 1919 г.) и губернское совещание членов этих союзов, которое, как уже отмечалось, прошло с большим оживлением, при чем число участвовавших достигло 200 человек. В Новоузенском уезде по окончании педагогических курсов (в январе 1919 года) была созвана по инициативе учащих, участвовавших на них, партийная конференция, которая выделила из своей среды 10 членов для партийной работы в помощь уездному комитету. В Пугачевском уезде осенью состоялся учительский съезд, который объединил учительство в союз учителей-интернационалистов. Учащие в нем разбились на три фракции: 1) максималистов, 2) революционных коммунистов и 3) коммунистов. Главную массу составляли члены первых двух фракций. В феврале 1919 года фракция коммунистов, обсудив создавшееся в связи с его работой положение, постановила „отмежеваться от общей аполитичной и отчасти контр-революционной массы учительства, дабы не дать возможность этому учительству, находясь в союзе учителей-интернационалистов..., срывать подавляющим большинством все начинания учителей-коммунистов в области политического самосознания как в среде учащих, так и в среде учащихся". Фракция учителей-коммунистов порвала блок с максималистами и революционными коммунистами, вышла из союза учителей-интернационалистов и постановила создать ячейку „работников народного образования—коммунистов (большевиков)", при чем было решено теснее связаться на местах с ячейками коммунистов.

Наконец, последний доклад инструктора от апреля отмечает, что в Самаре создалось отделение *Союза работников народного просвещения и социалистической культуры.*

Июнь 1919 года.

Единая Трудовая Школа с точки зрения десяти провинциальных съездов.

(По данным Народного Комиссариата по Просвещению.)

Все десять съездов, о которых пойдет речь, происходили в январе текущего года. Это были: учительский съезд в Лыскове Нижегород. губ. 3—5 января, два съезда в Усмани Тамбовской губ.—учительский съезд 4-го января и другой — съезд волостных Отделов 9-го января, учительский съезд в Балашове Саратовской губ. 10-го января, съезд по народному образованию в Новосиле Тульской губ. 10—21 января, учительский съезд в Мещовске Калужской губ. 11-го января, учительский съезд в Ардатове Симбирской губ. 11-го января, съезд школьных работников в Мокшане Пензенской губ. 13-го января, учительский съезд в Вятке 16-го января и учительский съезд в Черни Тульской губ. 16, 17 и 18-го января.

Коренным и центральным вопросом всех перечисленных съездов,—вопросом, которым заняты все они без исключения, является вопрос об Единой Трудовой Школе. По этому поводу представляются доклады, происходят горячие споры, выносятся резолюции, но не все съезды относительно его стоят на одной и той же точке зрения, и нам придется отметить и указать разные взгляды съездов на вопрос об Единой Трудовой Школе. Рассуждает о смысле и значении Единой Трудовой Школы только один Чернский съезд; на этом именно съезде читался доклад тов. *Знаменской*, озаглавленный „Задачи Советской Единой Трудовой Школы и требования, предъявляемые ей жизнью". В докладе доказывается то, что до сих пор уже не раз доказывалось на других съездах, и о чем речь идет уже очень давно; тов. *Знаменская* говорит и о том, что „новая школа должна дать нам нового человека, с способностью мыслить, с умением воспринимать различные впечатления, рефлектировать на них, воспроизводить их воображением, находить в них сходство и различие, составлять общие понятия и, наконец, с способностью классифицировать и формулировать" и о том, что „задача школы развить и воспитать любовь к творчеству, и инициативу, и любовь к труду", и о том, что в противовес старой школе, которая „своими схоластическими приемами слишком долго сушила душу и ум ребенка", преподаватель новой школы ведет обучение наглядным способом и пользуется врожденными интересами ребенка, и о том, наконец, что, „помня слова Руссо: „в здоровом теле—здоровый дух", школа

новая идеальная школа, для полной гармонии личности ученика обставляет его нормальными гигиеническими условиями и тем еще более укрепляет духовный облик его".

Как видим, точка зрения Чернского съезда пока только, так сказать, теоретическая; о проведении в жизнь разговоров еще нет, хотя рядом с ней и здесь уже затрагиваются некоторые организационные вопросы. Совершенно иначе смотрят на дело другие съезды: они озабочены именно практической постановкой Единой Трудовой Школы. В этом отношении интересно обратить внимание на доклад тов. *В. В. Кокосова* „Строительство новой школы" на съезде в Лыскове. Докладчик в своем докладе утверждает, что строительство новой школы возможно только параллельно строительству новой жизни, и поскольку будет перестраиваться общественная социальная жизнь, постольку будет перестраиваться и школа на новых началах"; следовательно, „осуществление школы-коммуны неразрывно связано с созданием жизни коммуны". Из этого следует, что „необходимо самое широкое ознакомление масс с сущностью и задачами новой школы, необходимо самое широкое и планомерное внешкольное образование, вот что в тысяча первый раз приходится повторять, и учитель, желающий творить новую школу, должен всегда помнить, что без сознания населения эту школу не создать"; что же до учителей и учащихся, то первые должны учиться и учиться: „учиться знанию, учиться труду, творчеству, энергии", в последних же нужно развивать „дух самодеятельности, инициативы путем создания школьного коллектива, кружков и пр."

Итак, ясно, что тов. *Кокосов* очень занят строительством новой школы, но считает возможным осуществление ее не иначе, как при помощи внешкольного образования; только тогда, когда население будет сознавать и пользу и необходимость Единой Трудовой Школы, учащие будут достаточно обучены и труду, и творчеству, и энергии, а учащиеся будут достаточно самодеятельны, только тогда и мыслимо будет проведение в жизнь положения о Единой Трудовой Школе. Это—вторая точка зрения на новую школу. Третья точка зрения представлена Балашовским съездом и заключается в том, что Единая Трудовая Школа связывается с дошкольным воспитанием. Здесь тов. *В. Г. Зибольд* сделала доклад, озаглавленный „О дошкольном воспитании и о детском саде, как подготовительной ступени Единой Трудовой Школы". Указав на то, что взгляд Локка, будто „ребенок—чистая доска, на которой можно написать, что угодно, давно опровергнут", тов. *Зибольд* распространяется дальше о том, что „сущность Фребелевской системы воспитания заключается в самодеятельности и самоопределении ребенка", каковые проявляются во Фребелевском детском саду. Детский сад, по словам тов. *Зибольд*, „это—подготовительная ступень к той новой Единой Трудовой Школе, из которой выброшена вся эта ненужная голая учеба, в которой главное внимание обращено на развитие внешних чувств, и в которой трудовой принцип проходит через все предметы". „Труд физический и умственный должны быть тесно связаны между собой; начиная с детского сада, мы должны стремиться к гармоническому слиянию головного и ручного труда". „Дети детского сада изучают не книги, а окружающую их среду, жизнь, природу, приучаются наблюдать, думать, рассуждать, творить и работать. На этой же точке зрения стоит и съезд представителей волостных Отделов народного образования в Усмани, на котором тов. *Соболева* в своем докладе заявляет, что „трудовое воспитание должно производиться с раннего детства и имеет своим началом игру, игра же является для ребенка трудом". „Учреждениями, проводящими трудовое и общественное воспитание, являются: детские дома, детские площадки и детские сады". „Поэтому,—приходит к заключению съезд,—детский сад должен быть доступен для всех, и начинать Единую Трудовую Школу нужно с него".

Наконец, для участников других съездов существует еще четвертая точка зрения; эти для проведения в жизнь принципов Единой Трудовой Школы настаивают на устройстве специальных курсов, на увеличении количества инструкторов, на возможно частом созыве съездов и на выработке новых программ применительно к новой школе. Так на съезде в Мещовске, хотя тов. *Мартынов* и высказывается в том смысле, что „практические новые принципы обучения учительство может скорее осуществить путем активной работы над собой, само отыскивая пути реализации новых принципов, и что, по его мнению, надо, уча других, учиться самому", тем не менее тут же предлагается, чтобы „в целях реализации новых трудовых принципов обучения уездный Отдел по народному образованию озаботился организацией курсов трудовой школы и показательных трудовых школ, и вырабатываются по математике, по рисованию и лепке, по истории новые программы, которые применяются при преподавании в новой школе". Об увеличении количества инструкторов и съездов выносится резолюция на съезде в Ардатове, в которой, между прочим, говорится: „Принимая во внимание разнообразие и сложность работы во вновь реформированной школе и неподготовленность учительства к выполнению указанных работ, съезд просит Отдел образования увеличить кадр инструкторов

по школьному образованию, которые должны явиться старшими товарищами и руководителями учебно-воспитательного дела и устраивать курсы и экскурсии для учеников; кроме того, съезд считает необходимым устраивать периодические районные учительские съезды". Что касается до съезда в Вятке, то он, главным образом, выдвигает переработку программ по самым различным предметам, и на нем целый ряд докладов посвящены преподаванию математики в трудовой школе, физики, родиноведения, географии, грамматики и пения с музыкой. Сверх того, тов. *Двинянчиков* делает на вятском съезде доклад о кружке рассказчиков и при этом имеет в виду трудовую школу. По поводу этого доклада постановлено „создать в городе и на местах ячейки рассказчиков и организовать артистическое путешествие", иначе говоря, „кружок рассказчиков, которые сорганизуются в городе, должен сдзить с известным материалом в те волости, которые этого пожелают". На переработку программ надеется и мокшанский съезд; по крайней мере, в его работах читаем следующую резолюцию: „Заслушав программы, разработанные секциями, съезд учащихся считает возможным принять означенные программы, как примерные, и призывает товарищей приложить все силы к их проведению, обращая главное внимание на развитие самостоятельности учащихся и на приложение трудового метода". Съезд в Новосиле, как это мы можем заключить из доклада заведующего школьным подотделом тов. *Фурсова*, приводит в связь реализацию принципов Единой Трудовой Школы с курсами. „Мы,—говорит тов. *Фурсов*,—будем устраивать курсы, лекции, и всякий, желающий пополнить свои знания, сумеет это сделать".

Таким образом, несомненно, что все съезды сочувствуют новой школе, горячо ее приветствуют и готовы осуществить ее в жизнь; в этом случае не составляет исключения и учительский съезд в Усмани, на котором, когда председатель предложил высказаться, как проводятся принципы в трудовой школе, все собрание ответило молчанием (учителя здесь только не отличаются опытностью и творчеством); но в деле применения ее на практике они расходятся: для такого применения есть много различных путей и средств.

30 июня 1919 года.

Практика трудовой школы.

(Из записной книжки.)

I.

Под тяжелым впечатлением выехал я впервые на строительство трудовой школы в деревне.

— Организуйте школу как хотите; собирайтесь, обсуждайте и начинайте работать... Недостаток книг, учебников, парт,—все это пустяк, можно сжечь и то, что имеется налицо...—Так докладывал нам о результатах работ Всероссийского съезда по народному образованию (в августе 1918 года) наш делегат, побывавший на многих секциях съезда и все же вернувшийся с „пустыми руками". Раньше он хоть проповедывал, что учащиеся должны подметать улицу, чистить скотину, убирать дворы, топить печи и т. п., а тут даже и об этом замолчал. Получилось самое сумбурное представление о методах и задачах школы. У меня в запасе были лишь сведения, почерпнутые с разных курсов и съездов да из литературы о западной и американской школе. Всего этого, однако, казалось недостаточно.

Яснее идеал трудовой школы рисовался по лекциям Зеленко, которого я еще до войны слушал в первом вольном храме науки—московского университета Шанявского. Впрочем, по той же Москве, я знал постановку активной школы, потому что лучшие в этом отношении школы удалось тогда же осмотреть и, сколько было возможно, изучить.

Голова была полна принципами новой трудовой школы, а более или менее реальное представление имелось только о школе активной. Был еще большой опыт по старой школе—учёбы, из которой, как промелькнуло в газетах, Луначарский разрешал брать все, что есть лучшего, но, к сожалению, газеты не отражали всего, что происходило тогда в Наркомпросе. Посмотрев внимательно примерные программы, я направился в „апостольский путь" — шествовать и крестить в новую веру, в веру трудовой школы.

Первая моя встреча произошла с учителем, проработавшим 40 лет в деревне и сжившимся с нею всеми фибрами души. У него уже учились внуки первых аборигенов школы.

Встретил он меня полупочтительно и полунасмешливо:

— Ну, господин Школин, вы уже, видно, уволите меня,—я не гожусь ловить лягушек по программе и делать с ребятами такие вычисления, где плюс—минус стоят рядом.

— Этого не может быть,—отвечаю ему в тон.—На вас, именно только на вас, опытных педагогов, и возлагается надежда при постройке новой системы воспитания и образования...

— Чего же тут надеяться!—недоверчиво прервал он мою реплику. — Другую неделю читаю вот эти зелененькие примерные программы и никак не могу понять, как это я пойду с ребятами лягушек ловить. Нет, уж лучше увольте, лишь пенсию дайте, чтобы с голоду не подохнуть на старости лет.

— Ничего, еще поработаете.

— Как же работать, коли нужно лягушек ловить да разной там высшей математикой заниматься, а я и геометрию-то забыл! Вот если бы сад чистить меня заставили,—это я могу, или землю мерить,—у меня даже где-то от дедушки астролябия осталась, валяется.

— Вот таких-то педагогов и нужно теперь, которые умеют в саду да в огороде работать, к тому же и с практическим землемерием знакомы.

— Нет, нет, увольте.

Я прожил у этого ветерана три дня, объезжая школы в глухой волости. Возвращаясь каждый день ночевать к старику, мы долго беседовали с ним по вечерам и все, конечно, на тему трудовой школы. Он ни за что не хотел оставаться на службе, и не то шутя, не то серьезно просил уволить его. Все мои доводы были, повидимому, мало убедительны. Приходилось делать экскурсию в глубь его воспоминаний из эпохи старой школы.

— Прежде, чем дойти до нынешних новых принципов в деле воспитания и образования,—говорил я,—до новых планов и программы, русская школа, начиная со времени Корфа, пережила немало стадий в своем развитии. И если в старой буржуазной школе не все так плохо, чтобы из нее ничего нельзя было позаимствовать для новой школы, то тем более многое можно узнать от вас, старых тружеников на ниве народной, от тех, кто на своих плечах вынес ряд всевозможных натисков на „учёбу" со стороны начальников всех рангов, со стороны течений разных направлений. Помните, как требования на усиление преподавания того или другого предмета поочередно сыпались как из рога изобилия? Помните эти требования без предупреждений? В 1900 г. выше всех остальных предметов программы ставилось чтение и письмо; в 70 и 90 гг. — арифметика; в 90 гг.—садоводство и огородничество, а потом—сельское хозяйство и пение, затем перед русско-германской войной — гимнастика; в 80 и 900 годах—ремесла; во второй половине 90 года—пчеловодство, разновременно —история и география, и т. д.; еще раньше, в 70 гг., мы встречались с развитием аналитико синтетического метода, в 80 гг. жестоко требовалась безошибочная диктовка и устные пересказы.

„Вы, конечно, отлично знаете, что улучшенная постановка каждого из перечисленных предметов осуществлялась нами планомерно, вдумчиво. Когда надо было, по соображениям власти, усилить тот или другой предмет, мы ехали на курсы, не обращая внимания на свое грошовое материальное обеспечение, ехали на губернские и уездные курсы, ехали в Орел и другие города..."

Воспоминания о пережитом оживили старика, сочувствие ободряло его.

— Отбросьте от прежней постановки того или другого предмета тенденциозность, отбросьте преследование утилитарных целей, и вы получите кое-что близкое к тому, что требуется поставить теперь в школе. Едва ли кто будет утверждать, что поднятие учебных предметов проводилось в жизнь исключительно усиленной зубристикой, усиленными зуботычинами, потасовками детворы. По самому существу дела требовалось применение усовершенствованных методов, обоснованных на известных законах дидактики. Проведение через школу определенного предмета в расширенном и углубленном объеме осуществлялось не „сплеча", без предусмотрения тех или иных последствий в психике ребенка. Стараясь пропитать ребят известного рода познаниями, педагоги бывали вынуждены поставить натаскивание детей таким образом, чтобы сообщить им максимум знаний. Поэтому-то многие из нас инстинктивно применяли и лабораторные методы, и ручной труд, и беседы, и экскурсии, и многие другие приемы, о которых мы говорим теперь как о чем-то новом с целью всестороннего гармонического развития личности ребенка. Этого, конечно, не будет отрицать ни один из хороших старых работников. Соедините теперь воедино все пережитые учительством и школою полосы усиленного пропагандирования различных предметов училищной программы, и вы опять близко подойдете к тому, что требуется теперь для новой школы. Конечно, учительству необходимо познакомиться со всеми новейшими методиками, руководствами и учебниками, обновить даже и свои теоретические познания. Учительству должно быть представлено широкое право штудирования педагогических новинок. В этой литературе можно найти много ценного, а на основании новых научных данных учителя сумеют составить свои планы работ. Ссылка на то, что сейчас ничего нельзя найти на книжном рынке по интересующим нас вопросам, для меня неубедительна. Не надо надеяться, что кто-то пришлет, кто-то привезет нам литературу, кто-то позаботится о нас; нет, ни-

кто заботиться о нас со стороны не будет. Пусть поедет в столицу тот, кто больше других увлекается новою школою, кто больше и лучше знает Москву, у кого там есть знакомые в педагогическом мире, кто знает книжный рынок. По заказу же такие требования и всегда-то исполнялись весьма неполно.

„Другое возражение, и более основательное, кажется, заключается в том, что для проведения лабораторных методов необходимо иметь много всевозможных наглядных пособий, это правильно, но не совсем.

„Мы, старые учителя, знаем, что часто в сельской школе единственным наглядным пособием являлась классная доска. Ну, что же, а остальное школа постепенно создаст сама.

„Другим могучим фактором наглядности являются экскурсии, которыми мы занимались и двадцать и тридцать лет тому назад: всякая экскурсия дает богатый материал для работ „с наглядными пособиями".

„Нарком Луначарский так смотрит на нашу начальную школу, о которой исключительно мы только и ведем здесь речь:

„В первой стадии обучения помимо основ грамотности учащиеся получат начало общего образования посредством лекций,— так как учебники исключены, — также прогулок, экскурсий, осмотров различных достопримечательностей, производств и пр. Ребенку нужно сообщить не только теоретически знания, надо главным образом ознакомить его с живой действительностью и научить его жить в ней"...

В этой плоскости мы вели беседы по ночам, иногда вытаскивая на сцену запыленную алгебру или геометрию.

Закончив обследование школ волости и познакомившись со всеми учащими, как педагогами, я созвал их на волостной съезд для совместного обсуждения новых примерных программ. Съезд, если можно так назвать маленькое собрание сельских педагогов, продолжался несколько часов, посвященных взаимному выяснению, что именно можно провести теперь же из новой программы с применением трудовых процессов. Старик-учитель изредка вступал в товарищескую беседу на съезде, но каждый раз шел далеко впереди своих молодых коллег в смысле определения возможных достижений имеющимися в их распоряжении познаниями и средствами.

Я вернулся на ночлег утомленным, усталым, а старик мой — приподнятым, бодрым, веселым.

— Вот теперь и я наконец понял, что значат примерные программы, теперь и я буду продолжать работать, а то прислали их, ни слова не говоря, перепугали на-смерть, ты тут и думай...

Бодрость старика невольно передалась мне, и мы подружились совсем.

— Вы сколько лет учительствовали?—спросил он на прощанье перед сном.

— Двадцать три.

— Стало быть, пока вместе будем строить новую школу?

К характеристике этого типичного сельского педагога „доброго старого времени" стоило бы прибавить, что в его школе я отдыхал душой: блестящие успехи детей отлично гармонировали с принципами семейности школы; в течение долгих лет учительства его дети не знали ни наказаний, ни задавания уроков на дом. Учащиеся „ластились" к нему как к отцу, только „батей" не называли. В школе было чисто и уютно; она в изобилии была снабжена всяческими наглядными пособиями. Вместе с тем продолжительность „уроков" у него никогда не определялась часовой стрелкой, и в этом мне чудился один из подходов к трудовой школе, которая отожествляется с культурно-трудовой жизнью вне расписаний уроков и перемен.

— Всяких успехов, товарищи!—бросил я в темное пространство учительской квартиры, укладываясь спать после тяжелой нервной работы дня и съезда.

II.

Во время разъездов приходится встречаться с лицами, жаждущими информироваться по тем или другим вопросам народного образования. Новый строй еще недостаточно проник в толщу народную, и случалось, что люди и с образованием затруднялись разбираться во многих вопросах. Часто спрашивали — как поступить на должность школьного работника, какова служба в новой школе.

В одной деревушке я встретил девицу, окончившую гимназию и не сумевшую с осени получить заработка.

Разговорились.

— На учительское место теперь поступить проще, чем когда-либо, — говорю:— школы, новые группы открываются чуть не каждый день, а педагогического персонала недостаточно. Вот и идите работать в школе.

Девица в восторге от такой простоты получить учительское место среди учебного года. Спрашивает о новой постановке школы, о методах. Что можно, попутно рассказываю, объясняю. „А если хотите получить более определенный, более полный взгляд на трудовую школу, пожалуйте в воскресение на волостной съезд педагогов, — приглашаю,— „там мы будем рассматривать всю программу школ I ступени".

Моя молоденькая незнакомка с удовольствием приняла мое приглашение, обрадовалась возможности сразу встать в курс школы, познакомиться со взглядами ближайшего соработника сельских педагогов.

В воскресение собралась маленькая семья работников по просвещению волости. Педагогичка была тут же. Беседа затянулась до поздней ночи. Много вопросов, ребром стоявших пред сельскими культурными одиночками, было разрешено в педагогическом и методическом отношениях к общему удовольствию. Педагоги почувствовали себя бодрее, узнав, что примерные программы можно проводить не полностью во всем их объеме, а достаточно ограничиться лишь пределами возможности, тем более, что пока школа переживает переходный момент, учащим разрешается передвигать учебный материал из одного года обучения в другой. Последнее обстоятельство было особенно дорого для них, потому что нельзя же, напр., проводить физику в 4-ой группе, начиная с программы 4-го года обучения, если в предыдущие годы ни слова не говорилось об этом.

Беседа особенно оживилась за чаем, которым после, так сказать, официального заседания побаловал нас заведующий вол. Отделом народного образования.

Тут пришлось познакомить учащих с крайне левыми течениями педагогической мысли. Говорили о введении не только производительного труда в школе, но и самой школы в производительный труд.

— Долой учебники, парты, предметы, классы, уроки!

Товарищи удивленными глазами смотрели на меня.

Иные хохотали до упаду. Никак не могли многие переварить, как это сразу можно разрушить всю школу и создать на месте ее детский дом советов, классы заменить мастерскими, предметы — хозяйством и организованною жизнью детей, уроки же поставить как будто на последнее место, заменив их „институтом просвещения". Впрочем, заметно было, что каждое новое слово, приведенное мною со второго Всероссийского Съезда учителей-интернационалистов, жадно ловилось слушателями.

— Мы до этого не скоро еще дойдем; пожалуй, вовсе не доживем, — раздавались изредка голоса.—Но мы будем пока делать что можно, не забывая все же тех идейных требований, которые теперь к нам предъявляются,—уверяли другие.

Дальше я говорил о наших задачах. Рассказывал, что основная цель нашей работы заключается в том, чтобы быть живыми проводниками идей, стремлений и мероприятий по просвещению в трудовые массы; вести информационную, организационную и культурно-просветительную работу среди местного населения; проводить полностью реформу школы в духе принципов Единой Трудовой Школы, путем личного участия в работе. Школьному работнику надо иметь под руками все местные статистические данные, разработать школьную сеть волости, выработать побудительные меры к интенсивному посещению школ детьми, изыскивать средства к школьному строительству, бороться с народным невежеством не только при помощи школы, но и путем выступления на сходах, митингах, при помощи лекций, докладов, собеседований, дискуссий.

В этих выступлениях должны получить освещение текущие моменты жизни и вообще вся новая школьная политика.

Школьные работники для освежения своей подготовки должны сами итти на курсы, съезды, зарываться в новую литературу. Нужно всячески стараться полнее использовать уездных школьных инструкторов, потому что прошло то время, когда инспектор училищ являлся в школу как гром и молния: инструктор — только товарищ в буквальном смысле этого слова, он должен выяснить все возникающие на местах вопросы; а долго нет его—затребовать, не дожидаясь, когда уездный Отдел народного образования найдет нужным соблаговолить „разрешить" поездку инструктору по участку. Ведь теперь даны очень широкие полномочия школьным советам до разработки программ включительно; вот тут-то и может на каждом шагу потребоваться инструктор, не говоря уже о разрешении хозяйственно-административных вопросов.

Давно пора изгнать из школы старый догматический метод учёбы, заменив его эвристическим.

Нужно создать всевозможные ученические организации и отдать им школу в полное распоряжение; вызвать к жизни ряд научных, философских, эстетических и иных кружков. Но отдавая главное внимание организации и педагогическим вопросам школы, нельзя забывать политической атмосферы и наблюдать за соответствием этой атмосферы идеям новой школы. В преподавание необходимо ввести как предмет или иначе как-нибудь советскую конституцию, дав ей наглядное обоснование в самой организации жизни детей во главе с их Исполкомами. Устройство школьных митингов так же необходимо, как занятие „уроками"; митинги будут вестись по определенной программе, при чем, конечно, они не должны нарушать обычного течения школьных работ.

Нельзя, в конце концов, и самим учащим продолжать оставаться только „беспартийными", во что иные уже теперь не верят.

Работая таким образом, сельские педагоги накопят у себя много весьма интересно-

го материала, которым необходимо делиться на учительских собраниях, съездах, конференциях, чтобы по возможности устранить существующее ненормальное положение, когда на съездах сельских работников выступают с докладами только кабинетные работники в виде всевозможных заведываний отделами и подотделами, не знающие истинного положения дела на местах, в натуре.

Съезды должны держаться главным образом сообщениями и работами людей дела, а не отвлеченными мыслителями.

По тону возражений и замечаний я чувствовал, что постепенно доверие учительства склоняется в сторону Единой Трудовой Школы, что у них понемногу исчезает представление обо мне, как о былом инспекторе.

— А где же наша будущая коллега?— вспомнил кто-то о девице, заявившей мне свое желание учительствовать.

— Давно нет,—последовал ответ,—ушла.

Пользуясь моментом свободного обмена мнениями, она ушла (кто-то потом рассказал).

Если в новой школе волей или неволей приходится оставаться старым работником и возиться с детворой над устройством разных аквариумов и виварiумов, над обработкой садов и огородов, с трудовыми процессами на работах по родному языку да арифметике и т. п., новому-то человеку никогда и в ум не может прийти взять на себя такую обузу. Лучше без хлеба сидеть или строчить бумажки в канцелярии, чем ящики с песком да мельницы с ребятами строить.

— Руками и ногами замотала она, как послушала нашу беседу...

Увлекшись, оказывается, я и не заметил исчезновения своей молоденькой провелитки.

„Так кончился наш пир бедою".

Вместо привлечения нового лица в ряд работников по просвещению пришлось констатировать факт самого отрицательного отношения к школе.

Вот в этом и заключаются муки рождения новой трудовой школы. Очень трудно произвести сдвиг в сторону новой школы, когда видишь, что ей не сочувствуют, не понимают и не хотят понять ее идей и принципов. Было бы просто изолировать таких педагогов и работать только с теми, кто идет в ногу с новыми течениями в области педагогической мысли. Но тут приходится отметить другой не менее печальный факт: идеи трудовой школы, насчитывающие 150 лет, до сих пор были совершенно непопулярны среди широких учительских масс. Виновато в этом не одно учительство,—виноваты и учебные заведения, фабриковавшие педагогов, виноваты и администраторы, следившие за благонадежностью педагогов, уверенные, если сами что-нибудь знали в этом отношении, во вредности принципов школы даже лабораторных методов. По крайней мере, случалось лично наблюдать, когда бывший директор училищ весьма неодобрительно относился к посещениям педагогического факультета учителем, которого он раньше считал „порядочным".

Трудно работать в такой обстановке.

Нескоро еще идеи трудовой школы проникнут в глушь деревни, если к ним отрицательно относятся в городах, если и в городах их считают лишь благими порывами, если наши школьные инструкторы не будут оставаться всецело в сельских школах.

Средства пропаганды этих идей давным-давно всем известны: курсы—прежде всего. Устройства летних педагогических курсов ждет не дождется уездное учительство; к тому же курсы должны быть не только мастерскою хороших слов, а и применением их на деле, т.-е. в показательной школе на курсах.

III.

В сельских школах иногда приходилось констатировать не только отсутствие новых систем обучения, но и отсутствие элементарных методов дореформенной школы. Случалось знакомиться на уроках в школе не только с педагогом хотя бы „в футляре", а просто с каким-то недоразумением.

Идет „урок чтения". Ребенок читает статью. Прочитал.

— Расскажи.

Малый дуется, краснеет. Видно, что большей половины он совершенно не понял, а того, что осталось в голове, не может выразить словами, потому что никогда не учили его рассказыванию, никто не занимался развитием его речи. Статья бросается, и следующий карапуз с неменьшими потугами читает по книжке дальше. Повторяется тот же казус с рассказыванием.

Переходят к чтению следующей статьи. Так продолжается на протяжении всего урока, захватывающего до пяти статеек.

Изредка работник по просвещению пробует прервать чтение вопросом о значении того или другого слова в статье. Ученик молчит, спросивший начинает объяснять сам, а читающий, не слушая, продолжает плестись дальше, перебирая слова; его поправляют, а он и не слушает, не интересуется, точно отбывает тяжелую повинность.

Прибавьте к этому, что остальные дети не имеют возможности следить за чтением, так как не хватает книг на всех, или они не хотят, не умеют следить со стороны. Получается какой-то кавардак. Наблюдая за „педагогом", замечаешь, что изредка и в нем проявляется недовольство уроком, но

объясняется это только присутствием постороннего человека, при котором, пожалуй, хорошо бы провести чтение и более гладко.

Смущение, конечно, понятное, и кто из нас его не испытал.

Слушаешь такой урок и никак не можешь уловить цели чтения. Для чего это все делается? Даже старая школа, стремившаяся дать детям наибольшее количество знаний, не вела чтения по таким планам.

Вот тут и становишься втупик,—что делать с таким „педагогом"? Указывать на недостатки, которых не допускала старая школа, или говорить о лабораторных методах, или прямо переходить к выявлению взглядов на чтение сторонников идейной Единой Трудовой Школы?.. И то, и другое, и третье, будучи тесно связано с дидактикой, указывает на необходимость знакомства со многим, чего такому дидаскалу и во сне не снилось.

Иная картина представилась мне в другом месте.

Здесь дети читают „столбочки" из букваря. Попадается слово „верблюд". Учитель не может обойтись без лексического разбора.

— Что такое верблюд?

— Где водится?

— Полезен ли он или нет?

— Чем кормится? И т. д., и т. п.

Эти вопросы заводят детей далеко от предмета урока. На сцену выдвигается карта полушарий, показываются жаркие страны и все прочее. Прямой „урок" родного языка пропадает: он переходит в географию, в зоологию. Такой способ преподавания имеет своих сторонников в методической литературе и даже в педологии (Стенли Холл), но нельзя забывать, что мы имеем дело с детьми, которые пока еще читают только „столбочки", которые не имеют ни малейшего понятия о родной местности, для которых непреодолимые трудности представляет самый процесс буквослияния. Уверения, что такое ведение урока нарушает цельность его и не соответствует развитию детей, что переход из одного предмета в другой хотя и допускается примерными программами, но нельзя же нарушать законов дидактики, по которым возможен лишь постепенный переход от легкого к трудным, от неизвестного к менее известному,—оказываются малоубедительными для человека, пожелавшего щегольнуть своими знаниями. Тем не менее беседа на тему такого урока представляет много интересного, если человек приводит в защиту своего плана не одну лишь привычку, а хоть какие-нибудь педагогические обоснования. В этих случаях все зависит от педагогической подготовки работника: если он знаком с педагогическими и методическими течениями, то у него дело может быть поставлено хорошо, и с таким человеком можно вести разговор, спорить; хуже, если учащий не имеет педагогической подготовки, кроме практики, вернее—навыка. В последнем случае приходилось сталкиваться прямо с поразительными аномалиями. Кто из нас не знает тех анекдотов из жизни старой школы, когда дидаскал то и дело прерывает урок замечаниями по поводу дисциплины в классе! Получалось действительно нечто весьма курьезное.

Какую же нужно нарисовать картину, когда в крестьянской избе-школе одновременно занимаются с тремя группами детей по трем разным предметам: арифметике, письму и чтению. Вы назовете этот урок обстрелом детей перекрестным огнем, а между тем это — факт, таков реальная действительность, не желающая считаться ни с какими элементарными правилами педагогики или дидактики. Впрочем, расскажу по порядку, как дело было.

Малыши 1-ой группы писали под диктовку слова, вторая группа читала вслух, третья решала задачи. Дав слово для письма младшим, учитель начинал читать с „средними, старшие „взялись" за задачи. Педагог замечает, что девочка неправильно пишет слово, оставляет чтение, предоставляя читающему свободу читать сколько угодно, поправляет пишущего; в это время замечается ошибка в чтении.

— „Просит", а не „просить",—поправляет.

Я затрудняюсь понять, к кому относится эта поправка: к тому ли, кто пишет на доске слово „кусок", или к тому, кто читает статью.

— Что же нужно сделать, чтобы узнать, сколько получится, если сложить то, что он просит, и то, что он заплатил? — слышится вопрос, повидимому, в сторону девочки, решающей задачи.

А малыш все продолжает читать, искажая отдельные слова и цельные фразы.

— На точках останавливайся, — раздается предупреждение.

Мальчику уже надоело читать, он останавливается и обращается на заднюю парту, пока там решается задача.

— Вася, а ты выучил урок?—неожиданно задается вопрос в сторону карапуза лет 6—7, изображающего из себя в единственном числе четвертую группу учащихся.

Ребенок косо озирается по сторонам и пытается что-то рассказать про худые сапоги, которые препятствовали ему погрузиться в глубь книжной премудрости.

Раздается стук линейкой по парте,—призыв к порядку шалунов, которые, не поборов задачи, занялись беседой мирной меж собой на тему текущих событий в деревенской жизни.

— Решайте, решайте!—прерывается еще раз их идиллия окриком.

Так от предмета к предмету, от одной группы к другой, от одного ребенка к другому мечется педагог полтора часа, стараясь везде поспеть во-время, везде предупредить, везде наладить дело, всех „держать в руках".

У меня окончательно разболелась голова от перекрестного огня урока. Я вышел освежиться за дверь, а урок продолжался; точно одобренный, педагог все больше и громче начинал водворять „порядок", все шумнее становилось в классе.

По случаю непогоды мне было необходимо заночевать в этой школе. Целый вечер мы беседовали о новых течениях педагогической мысли. Оказалось, что кое-какие брошюрки по этим вопросам имеются в школе, но они были пока еще не разрезаны. Я старался убедить в неправильности „перекрестного огня", но никак не мог вызвать доверия к своим словам; в ответ слышалось, что так заниматься совсем нетрудно; единственно, чего мог добиться, так это согласия, что на другой день занятия буду я вести в школе. Против этого, конечно, не могло быть и возражений, потому что все же я— „начальник" в глазах сельского педагога и мне нельзя отказать в удовольствии поболтать с ребятами час-другой. План занятий был разработан сообща.

В первые два часа я провел со всеми группами общие уроки по краеведению и физике, чего до моего приезде в школе еще не преподавалось. Третий час занимался арифметикой с малышами, а остальные исполняли самостоятельную работу. Целью урока было показать, как можно ввести научный элемент даже в задачи для первой группы. Мои занятия „испортили" всю дисциплину и внесли если не дезорганизацию, то „октябрьскую революцию" в мировую жизнь школы. На арифметике дети побросали свои наружные места за партами, столпились вокруг меня, рассматривали картины птиц и животных, придумывали сами задачи и, блестя глазенками, с разинутыми иногда ртами, действительно работали. Картины, много лет лежавшие нетронутыми, были разобраны по рукам, некоторые даже запачканы. В искупление этой своей вины дети решили сами хоть на время развесить в классе картины.

— А где гвоздей взять?—спрашиваю.

— Мы завтра принесем все по гвоздю.

— Хорошо. Картины то новые, а вы будете прибивать их к стенам—испортите, порвете.

— Нет, мы к ним вешалки из ниток или еще из чего-нибудь поделаем. Ведь у картины и дырочки для этого есть. Вот и не порвем.

— Отлично.

Трудно было во время моих занятий поддерживать дисциплину в старших группах. Однако принцип социального обоснования дисциплины, хотя и в дозированном размере, был так или иначе воспринят детьми, и результаты самостоятельных работ все же можно было считать удовлетворительными, имея в виду неподготовленность детей к таким занятиям. Пока я проверял работы старших, в младшей группе дети копировали кому что нравится с картин.

По совести, конечно, в такой школе надо было пробыть не менее трех дней, чтобы самому кое-что показать на практике, демонстрировать. И мне было больно за сельские школы, когда потом, вернувшись в город, я узнал, что больше не придется ездить по школам, нужно будет сидеть в Отделе народного образования и что-то делать по части канцелярий, а в уезд отправляться только тогда, когда встретится неотложная надобность в посылке на место, может быть, совсем и не по педагогическим вопросам.

Перекрестный огонь в иной обстановке, в иных условиях пришлось видеть в другой школе-избе. Здесь занимался старик-учитель с молоденькой учительницей—первогодней. Поделив меж собой 27 детей трех групп, они одновременно вели с ними занятия. В классе стоял невообразимый гам с устанавливанием дисциплины, „успехов" никаких, о новых заданиях школы здесь можно было только разговаривать, информировать. Единственным выходом из этого положения было разделение занятий на две смены—до обеда и после обеда. Школа открыта в деревушке в полсотни дворов, поэтому детям ходить было недалеко. При этом удивительно, что оба педагога с удовольствием изъявляли желание заниматься в любую смену, но только вот до моего приезда и в голову никому не приходило об этом, как и о возможности открытия четвертой (старшей) группы учащихся из окончивших школу в предыдущие годы.

Впрочем, о четвертых группах, трудовых процессах, украшениях школьных помещений, учебниках, экскурсиях, детских журналах и спектаклях, самообслуживании, общественной работе, учащих „епархиалках", успехах, нормах учащихся, работе педагогов-новичков и многом др. весьма интересном материале в период строительства школы—до следующего раза.

И. К. Школин.

Типография Вильде Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общий отдел.

		Стр.
1. Ближайшие задачи занятий в трудовой школе	Н. Автухов	3
2. Осуществление трудовой школы в деревне	П. Блонский	8
3. Отделение церкви от государства и школы от церкви	Ф. Зиновский	14
4. Культурно-просветительная работа в Красной армии	К. Левин	21

II. Специальный отдел.

1. Развитие школьно-санитарного дела в России и его ближайшие перспективы.	А. Доримонтов	24
2. Лесная школа и школа на открытом воздухе	К. Радин и И. Майзель	32
3. О школьных инструкторах	Калинич	36
4. Задачи и характер школьно-инструкторского аппарата	М. Потемкин	38
5. Трудовые процессы в единой трудовой школе	Лапшин	41
6. Аккордная система преподавания в профессионально-технических учебных заведениях	В. Александров	46
7. Искусство и трудовая школа	В. Александров	49
8. Детская музыка	Н. Кочетов	52
9. О преподавании тонических искусств в школе и об организации народных хоров	И. Шумов	53
10. От настоящего в будущее, а потом уже в прошлое	А. Селенский	57

III. Библиография (под ред. Владиславлева).

1. Самоуправление учащихся и трудовая школа. Рецензии на книги:		
1. Н. Крупская—„Школьное самоуправление и школьная община". Изд. Горбунова-Посадова		63
2. Н. Ильина—„Самоуправление учащихся в трудовой школе". Изд. „Народный Учитель"		—
3. К. Спасской—„Самоуправление учащихся". Под ред. и с пред. Н. Рыбникова. Изд. „Задруга"	В. Шульгин	—
2. Искусство и трудовая школа. Рецензии на книги:		
1. В. Н. Шацкой—„Музыка в детском саду". Изд. Всер. Центр. Союза Потр. О-в. Н. Кирпичникова		64
2. Я. О. Кузнецова—„Учитесь петь". Изд. Тверского Госпред. Т-ва кооперат.		—
3. Я. О. Кузнецова—„Как организовать и вести народный хор". Изд. Союза просв. организ. Нижегород. края	А. Шеншин	—
3. Новые книги для детей и юношества. Рецензии на книги:		
1. Н. Альмединген—„Жизнь Алекс. Гамильтона"		65
2. Л. Андрусон—„Рассказы мальчика": 1) „Без предрассудков". 2) „Найденыш".		—
3. В. Зеленко—„Англия"		66
4. Н. Каринцев—„Сказания средних веков". Дворянин Готье Лоэнгрин		—
5. Н. Каринцев—„Сказания средних веков". Окассен и Николетт		—
6. Дж. Лондон—„Любовь к жизни". Сборн. рассказов		67
7. Г. Тумим—„Умелые руки". Сборник занятий и работ		—
8. Н. Клестов—„Времена года в русской поэзии". Сборник стихотворений.	З. Павлова-Сильванская	68
9. М. Горький—„Как я учился". Изд. „Культура и Свобода"	М. Свентицкая	69
4. Обзор журналов:		
1. „Революция и Просвещение". Двухнедельн. журнал, издав. Воронежск. Отд. нар. обр	З. Б.	—
2. „Школа, Знание и Хозяйство". Севский журнал работников мысли и знания.	И. К.	70
3. „В мастерской природы"	Н. З.	71

IV. Хроника.

1. „Что делает Советская власть для охраны здоровья детей"	Е. Радин	73
2. „Начало работ школьно-инструкторской коллегии на местах"	В. Вицкая	77
3. „Школьная реформа в Тверской губ.	В. Вицкая	79
4. „Отклики провинции на проект реформы школы II ступени"	В. Вицкая	92

V. Приложения из иностранной педагогической литературы.

1. Отто Рюлле—„Дитя пролетариата" (злой рок его происхождения). Перевод	С. Левитина	96
2. Из серии „Ты и твое дитя", изд. Отто Рюлле—„Дитя, задающее вопросы". Перев. под ред.	С. Левитина	102
3. Г. Мауренбрехер—„Дети, задающие вопросы"	Перевод М. Гаршиной.	104

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

№ 15.

МОСКВА. 1919 г. ОКТЯБРЬ.

Gift
Hon E F Ladd
Sept 12 1925

Тип. „Московское Издательство“, Остоженка, Савельевский пер., 13.

Общий отдел.

Ближайшие задачи занятий в трудовой школе.

I. *Задача статьи.* Моя задача в настоящей статье--отметить те *основные принципы*, которые должны быть выдвинуты на первый план при осуществлении организации занятий в трудовой школе в ближайший период и главным образом привести те *возражения и замечания*, которые делали по поводу их работники на местах, городские и сельские учителя.

Услышать в этом отношении *голос земли*, голос практических деятелей было бы очень интересно и полезно.

II. *Первое возражение.* „Позвольте, — говорили мне городские учителя, — о каких занятиях может быть речь, когда почти все здания школ заняты военным ведомством, когда для школ не заготовлено отопления, не налажен вопрос с освещением, нет продовольствия, не налажены мастерские и т. д., и т. д.“

Все эти *материальные затруднения* не должны останавливать теоретической и практической разработки вопроса, даже если согласиться со всею серьезностью их значения.

III. *Новая постановка вопроса.* Что же *нового* можно отметить в организации занятий трудовой школы в ближайшее время?

Это прежде всего *сезонный*, краткосрочный *характер заданий* для трудовой школы, который выдвигается в периодической печати.

Старая школа совершенно бездействовала в летний период и в остальные три времени года вела однообразные занятия, которые были известны под именем „зимних занятий“, вне всякой связи с жизнью природы и окружающего населения.

Новая школа в этом отношении ставит себе задачею тесную связь с жизнью природы и вообще окружающей жизнью, в которых в различные времена происходят серьезные видоизменения обстановки и деятельности, так что и школа, желающая быть жизненной, живой, должна переживать все эти видоизменения сезонов.

Если термин *„летняя школа“* завоевал себе уже прочное право гражданства, если каждому понятно, что жизнь школы в этот период должна носить специфический характер, что преобладающее место для развертывания ее деятельности—лоно природы, то то же должно быть и с *осенней, зимней и весенней школой.*

Если школа в летний сезон имела свой огород, опытное поле, то, естественно, в такой школе занятия в осенний период должны служить продолжением занятий летнего периода и состоять, в известной своей части, в сборе урожая и связанных с этим занятиях, помимо возможных и других видов занятий.

В этом сезонном характере заданий трудовой школы, кроме сопоставления школы в связь с окружающей жизнью, есть еще та *хорошая сторона*, что ставимая перед школой задача вследствие своей краткосрочности приобретает вид более *несложной, простой и определенной* задачи, а для практического осуществления эта сторона дела приобретает большое значение в смысле удобства и большой легкости осуществления.

IV. *Тактика Наркомпроса.* Кроме сезонного характера заданий для трудовой школы, как новое, можно указать намечаемое *изменение* самой тактики Наркомпроса в отношении его к трудовой школе.

В истекшем учебном году по многим причинам, из которых главными явились не вполне окрепшая организация центра

и слабая связь его с периферией, с провинцией. Нар. Ком. по Просвещению *мало вмешивался* во внутреннюю жизнь школы, давая только общие директивы и предоставляя местным органам управления и отдельным школьным коллективам намечать ближайшие задачи и план детального их осуществления.

Его *задача* была *другая*—задача агитационная, задача пропаганды самой идеи трудовой школы. Что агитация велась широко, это доказывают те 245 учительских съездов, которые зарегистрированы за 1918 год.

В этом невмешательстве была и хорошая сторона. Не связанный в своей повседневной, обыденной жизни мелочными предписаниями из центра, имея пред собой только общие указания, школьный работник, естественно, должен был или, вопреки этим основным указаниям, в корне изменяющим весь уклад школьной жизни, вести дело все-таки по-старому, или, детализируя общие директивы центра, *творить новую школу*, самостоятельно осуществлять идеи трудовой школы.

В этом отношении за многими школами надо признать *год серьезного опыта*, год напряженных исканий в области строительства трудовой школы.

В таком случае в дальнейшем со стороны Наркомпроса, как руководящего органа, странно было бы отказываться от *руководства* этим *опытом*, чтобы не дать ему расплыться, принять неопределенные формы и тем самым потерять свое значение в деле руководства будущим строительством.

V. *Задачи первой очереди*. Что же нужно взять из этого опыта и выдвинуть как *положение*, которое нужно выполнить *прежде всего*?

— Но, позвольте, — говорили мне учителя, — о каком опыте конкретном вы говорите? На основании каких данных вы делаете выводы?

Здесь имеется в виду тот *опыт*, который выявлялся на тех 245 учительских съездах, о которых было упомянуто выше; опыты, произведенные на местах, о которых говорят сообщения с мест в центр; наконец, опыт самого центра в школах и учебно-воспитательных учреждениях, находившихся в его непосредственном ведении.

Выводы делаются на основании той литературы, которая уже почти два года издается центральным Ком. по Просвещению в виде периодических изданий и многочисленных брошюр и книг.

Вот эти *основные положения первой очереди*, которые следует выдвинут одинаково для городской и сельской школы. Они вытекают из самого существа идеи трудовой школы. Это основные принципы „Положения о единой трудовой школе", которые необходимо осуществить немедленно, чтобы школа действительно носила характер трудовой школы.

Это, во-первых, то положение, что труд школьников не должен замыкаться в тесные рамки самообслуживания, а *привыкать к преобладающим* видам труда, промышленности и производства данной местности; во-вторых, — что *все виды труда школьников* должны *освещаться научным знанием*; в-третьих, — что на ряду с научными занятиями в школе должна вестись свободная клубная работа.

Остановимся на *первом положении*.

Значит ли оно, что самообслуживание исключается из программы трудовой школы или отодвигается на второе место? Вовсе нет. Но только нельзя, как это практиковалось во многих школах, ограничиваться одним самообслуживанием, которое замыкает интересы школьников в тесные рамки школы, а школа ведь должна примыкать к жизни, вернее, сама должна быть составною частью окружающей жизни. Даже практиковавшееся при многих школах преподавание отдельных видов ремесл мало сближало школу с жизнью, а к тому же не давало учащимся разнообразных навыков к труду и не удовлетворяло тому положению, что трудовая школа должна носить политехнический характер.

Что это значит, что *всякий труд* школьника должен *освещаться научным знанием*? Это вполне понятно, и тем не менее в очень редких случаях это положение применялось на деле в школах. Велось, допустим, самообслуживание: дети работали на кухне, приготовляли пищу, но при этом не было речи ни о видах тех продуктов, из которых приготовлялась пища, ни о химическом составе их, ни о способах обработки и т. д. При занятиях ремеслами тоже усваивался только самый процесс работы — техника, а она как раз и не имеет полной цены, так как задача трудовой школы не только дать учащимся ряд трудовых навыков в возможно более разнообразных видах труда, дать возможность усвоить основные приемы труда вообще, с тем, чтобы школьник мог потом справиться самостоятельно с любым видом труда, каким бы ни пришлось заниматься в жизни. Но задача трудовой школы также и в том, чтобы развить умственные, физические и нравственные способности учащихся, а это и легче и прочнее всего можно сделать через научное освещение производимых процессов: научные знания усваиваются прочнее, если усвоение их сопровождается работой рук. Еще Песталоцци выдвинул положение: „От рук к мозгу".

VI. *Ближайшие задачи в организации городской школы. Что* же *вытекает* из вышесказанных положений для *городской школы*? Какие изменения предлагается внести в ее программу на ближайшее время?

По отношению к городской школе, не отвергая самообслуживания, предлагается для расширения выводов труда школьников и связи школы с жизнью: 1) организация районных мастерских для нескольких школ, которые были бы возможно полно и политехнически обставлены; 2) организация работ школьников на фабриках и заводах; 3) участие школьников, главным образом 2-ой ступени, в муниципальных работах и 4) участие их в работах общественных учреждений.

Здесь необходимо сделать несколько *разъяснений* тех недоумений и вопросов, которые ставились работниками на местах при изложении этих задач.

— Лучше было бы, — говорили школьные работники городских школ, — организовать *мастерские* при каждой школе.

Какое можно привести возражение против районных мастерских для нескольких школ? Несомненное их преимущество, что они дают экономию помещения и возможность учащимся ознакомиться с разнообразными видами трудовых процессов. Против них можно привести то существенное возражение, что при занятиях в них несменно различных групп школьников каждая отдельная группа, особенно при малом количестве отведенного ей времени, как это практиковалось в районных мастерских г. Москвы, не имеет возможности сосредоточиться на своей работе, которую часто приходится бросать в разгар увлечения, уступая место другой очередной группе. Но ведь районные мастерские—компромисс. И если бы можно было при каждой школе организовать мастерские, политехнически обставленные, то это было бы несомненно лучше, но это при современных затруднительных, материальных условиях—только идеал.

Нечего бояться, что на первых порах школьники встретят не совсем дружелюбный прием взрослых рабочих *на фабриках и заводах*. Постепенно это урегулируется, и школьники завоюют расположение рабочих. Надо только, чтобы не было сепаратных выступлений отдельных школ и групп, без предварительных переговоров с администрацией фабрик и заводов.

Почему участие в *муниципальных работах* предлагается организовать для школьников 2-ой ступени? Значительная часть их, как в Москве, так и в других городах, служит, нуждаясь в заработке. Участие в муниципальных работах может быть оплачено, и таким образом учащиеся будут иметь возможность не отвлекаться от научных занятий в поисках заработка, а работать под руководством своих преподавателей на работах, сопровождаемых научным освещением. Надо только организовать эти занятия возможно разнообразнее, с большим количеством видов труда, чтобы дать возможность каждому выбрать себе работу *по вкусу*, и серьезно разработать вопрос об оплате этих работ учащихся, чтобы заинтересовать их и привлечь на эти работы из тех учреждений, где они служат, получая вознаграждение, часто очень незначительное.

— Но как организовать это участие школьников в муниципальных работах? Какие виды работ конкретно возможны?—спрашивали меня учителя.

На это я отвечал, что организация этих работ—дело местных органов управления, учительских и ученических коллективов и т. п. Для примера можно предложить следующее. Орган, заведующий делом народного образования данного района, входит в переговоры с соответствующими местными отделами управления, в ведении которых находятся те учреждения, в которых предполагается ввести работы учащихся, об условиях, на которых мог бы быть допущен труд учащихся по ремонту и устройству, например, водопровода, электрического освещения, в уборке садов и парков, в работах на фабриках и заводах, в работах общественных учреждений.

Не надо бояться того, что дело на первых порах пойдет не гладко, что школьники будут плохо работать, а то даже и мешать работе взрослых. Постепенно все это наладится. Ведь подобные работы практикуются в Америке, да и у нас кое-где практиковались и практикуются. Там, где труд школьников применялся, он получал наилучшие отзывы специалистов.

Относительно участия школьников в работах *общественных учреждений* не

надо себе дело представлять так, что они будут там работать все время. Это было бы и утомительно и не целесообразно. Работа эта должна вестись в виде посменных дежурств так, чтобы на каждого школьника приходилось одно дежурство в две-три недели.

— Но как же посылать школьников на работы в общественные учреждения, — спрашивали меня учителя в провинции, — если они чуть ли не ежедневно *меняют свои формы, преобразуются, реформируются?*

На это я задавал встречный вопрос: „Почему это так происходит?“

Очевидно, потому, что этого требует жизнь, что даже взрослые не могут наладить сразу свои учреждения (они не были бы жизненными, если бы не были подвижны, если бы отлились в раз навсегда застывшие формы), даже взрослые учатся на создании этих учреждений. Как же не учиться в них школьникам? Разве не поучительна встреча в учреждении городского школьника с деревенским мужиком, который не знает толком, куда ему следует обратиться со своей просьбой? Может быть, его придется направить в другое учреждение, а для этого надо знать функции этого учреждения.

VII. *Ближайшие задачи в организации сельской школы.* Что нового предполагается в организации занятий, согласно выдвинутым положениям, *в сельской школе?*

Советской властью относительно сельских школ были изданы этим летом *два декрета* (30 июля и 14 августа) об организации при них образцовых сельских хозяйств и использовании агрономических библиотек. К этому делу, кроме школьных работников сельских школ, привлекаются и местные силы Комиссариата земледелия: агрономы и преподаватели сельскохозяйственных школ. Хозяйства при школах и в советских имениях, на которых будут работать школьники, предположено сделать опорной базой в агитации местных агрономов среди окружающего населения за улучшенные способы ведения сельского хозяйства.

— Но, позвольте, — говорили мне учителя, — как же ставится сельской школе пропаганда улучшенных способов ведения хозяйства, если *учителя не подготовлены*; если они не только улучшенного, но даже простого крестьянского хозяйства часто не знают; если рядовой деревенский мальчик 10—12 лет оказывается часто гораздо более сведущим в этом, чем сельские учителя и учительницы, которые родились и жили до своего учительства в городе?

И тем не менее эту задачу надо поставить, эту работу надо начать. Пока учителя не будут обладать достаточными познаниями в этой области, *руководящая роль*, несомненно, будет принадлежать местным *агрономическим силам.*

— Их *мало*, — говорили учителя. — Их не хватает даже для того, чтобы обслужить советские хозяйства, а нельзя же в этих хозяйствах сосредоточить деятельность всех решительно школ данного района, так как радиус получится слишком неопределенный и в некоторых местах чрезвычайно большой.

Вот-то то наше и горе, что у нас нет сведущих людей в достаточном количестве, что *подготовка* их *не сделана раньше*; но из того, что это раньше не сделано, вовсе не следует, что и сейчас не следует того делать. Практика на местах покажет, как сгладить все эти временные шероховатости,—была бы охота работать.

Не надо представлять себе только дело так, что организация опытных хозяйств предполагается *сразу при всех школах.* Все это следует организовать постепенно, насколько позволят местные условия.

Но *с реформой* сельской школы *нельзя медлить*, так как наша сельская школа до сих пор давала населению слишком мало: навыки в чтении, письме и счете, при чем столь не прочные, что к зрелому возрасту большая часть усвоенных навыков забывалась, и в педагогической литературе все время дебатировался вопрос о рецидивах безграмотности среди населения. Школа сельская не давала того, что прежде всего следовало бы ожидать от нее в таком государстве, как Россия, где сельское хозяйство является преобладающим видом занятия большинства населения, не давала сельскохозяйственных знаний.

Потребность в этой реформе давно назрела.

Для сельской школы в области сельского хозяйства *осенние занятия* должны примыкать непосредственно к летним: если школа обрабатывала огород, опытное поле, то, естественно, осенью будет собирать плоды урожая. То же и для тех городских школ, у которых были в городе свои огороды, и для тех летних колоний, которые сумеют остаться на местах до сбора урожая.

VIII. *Клубная работа.* На ряду с научными занятиями, с занятиями физическим трудом предполагается одинаково для городских и сельских школ широкая *клубная работа*, во время которой выяснились бы ближайшие задачи и предстоящие работы, а также намечался бы план их осуществления. Эта работа сблизит учащихся и школьных работников, образует из среды их инициативное, рабочее, сплоченное ядро и даст полную возможность проявиться индивидуальным способностям учащихся.

— *Как организовать* эти клубы в городе, — спрашивали меня учителя: — для отдельной школы или для целого района? Не лучше ли привлечь в эти клубы и так называемых рабочих подростков?

Может ли быть на этот счет готовое решение? — Как лучше, покажет практика. Если объединение школьников в районных клубах с рабочими подростками пойдет успешно, то эту меру надо всячески приветствовать и поддерживать, так как существование параллельно двух типов школ (одного для рабочих подростков и другого для прочих детей) для детей одинакового возраста, хотя бы и разного уровня познаний, не оправдывается действительностью, когда все сословные перегородки сломаны. Что же касается неодинакового уровня познаний, то он быстро нивелируется путем временной организации параллельных групп и других мер, что можно было наблюдать при соединении в истекшем учебном году мужских и женских учебных заведений с разным уровнем познаний учащихся.

А *встреча детей труда с детьми* так называемой мелкой и крупной *буржуазии* весьма поучительна и желательна для обеих сторон, так как здесь произойдет их взаимное ознакомление, и в детях нетрудящихся физически классов возникнет уважение к рабочему подростку, когда они увидят, что в физических процессах он часто и ловчее и сообразительнее их. Дети более развитые умственно, которых, несомненно, окажется больше в зажиточных семьях (я говорю о развитии, а не о природных способностях), также вызовут к себе внимание со стороны рабочих подростков. Это общение может закончиться серьезной дружбой.

IX. *Подготовка школьных работников.* Что касается подготовки школьных работников, то в этом отношении предполагаются следующие возможности. Прежде о рекомендуются так называемые *самоучительские съезды, конференции, курсы* и т. п., на которых школьные работники 20—30 ближайших школ вырабатывали бы детальный план предстоящей работы, ранее представления его в район на утверждение. В отношении сельских учителей для приобретения ими сельскохозяйственных знаний предполагается, что эти учительские собрания порайонно будут происходить под руководством участковых местных агрономов. Затем предполагается, насколько позволят обстоятельства, использовать в последнем отношении *обычные учительские курсы*, и, наконец, создание *специальных инструкторских курсов* центральных в Москве и Петрограде и районных в 14 пунктах республики, через которые намечается постепенно провести всю учительскую массу, и *специально сельскохозяйственных курсов*, в возможно большем количестве на местах и в центрах, где только окажется возможным. Планы и сметы этих курсов Ком. Нар. Просв. уже разработаны. В частности, для проведения плана организации сельскохозяйственных работ осуществлен *ряд* районных *сельскохозяйственных съездов*, под руководством специалистов агрономов-инструкторов. Предполагается использовать для подготовки учителей все *сельскохозяйственные учебные заведения.* В распоряжение школьных работников на известных условиях предоставляются имеющиеся на местах *агрономические библиотеки.* В Ком. Нар. Просв. уже издано и издается много соответствующей *литературы.*

X. *Разработка программ.* — „Дайте нам детальную программу“, просили на местах учителя.

Эти просьбы напоминают *старое общеизвестное положение.* Моя задача была только указать те *вехи*, те *колеи*, по которым должно итти строительство новой школы в ближайший период. *Учитель* должен быть *творцом* новой школы, а выработать творца можно только путем упражнения в творчестве. Разве это было бы нормально, если бы кто-либо, даже авторитетное учреждение, а тем более отдельное лицо, создал бы детальный план и предложил бы местным работникам во всех мелочах ему следовать? Это было бы возвратом к старому, когда на каждый шаг учителя имелся определенный циркуляр.

XI. *Заявления с мест.* — „Заниматься чрезвычайно *трудно*,—говорили на местах учителя.—Школьные здания переполнены, занятия происходят в 2—3 смены. При этом условии все смены чувствуют себя временными гостями в здании и не заботятся о нем: здание приходит в запустение. Книг часто приходится при

разверстке по одному экземпляру на школу, учебные пособия и письменные принадлежности почти отсутствуют. На одного школьного работника попрежнему приходится сплошь и рядом по 2—3 отделения (возрастных групп), по 40—50 учащихся. Местные органы школьного управления часто очень невнимательны к нуждам школьных работников, и наши просьбы, проекты и планы бесследно гибнут в ворохах канцелярской переписки. Представители этих органов, особенно в волостях, стоят не на высоте своего призвания ни в отношении понимания задач трудовой школы, ни в отношении общего развития. Население не понимает и противится проведению некоторых принципов трудовой школы: дети, например, очень охотно по целым часам рисуют, а родители считают это пустым занятием. Последние с нетерпением ждут организации при школах мастерских, но это дело идет очень медленным темпом".

При всех этих заявлениях до известной степени упускается из виду, что мы переживаем время напряженной *борьбы за идеи социализма* с его врагами и что удовлетворение безусловно всех нужд просвещения иногда граничило бы с отказом от этой борьбы, что за последнее время, несмотря на войну, сделано в области народного просвещения неизмеримо больше, чем при царском правительстве в мирное время; забывается также и то, что принципы трудовой школы проводятся среди поразительного наследственного невежества, и что было бы удивительным обратное положение, если бы трудовая школа не встречала противодействия.

XII. *Осуществление реформы.* — „Была ли осуществлена реформа на местах в истекшем учебном году?" поставил вопрос один из представителей школьных работников на курсах, избранный ими в совет курсов, и ответил решительно: „*Нет.* Если устранены наказания и отсутствует задавание уроков на дом, то это еще не значит, что реформа проведена. *Дух* школы *и методы* преподавания остались *прежними*".

Если устранение многих материальных условий, связанных с помещением, со снабжением школы всем необходимым, зависит не от школьных работников, а от общих условий, то изменение самого „духа школы и методов преподавания" во многом зависит от них. *Изменение метода* даст прочную основу трудовой школе, которой затем не страшны будут никакие изменения политических судеб. А что изменение методов преподавания часто не требует особого оборудования, это можно доказать следующими примерами. Вместо того, чтобы читать о почве по книге, можно детей повести в школьный сад или близлежащую местность, вырыть яму и вести беседу о почве, имея ее перед глазами. Вместо того, чтобы читать с детьми по книге описание рельефа какой-либо страны, не лучше ли из земли или какого-либо другого материала, попутно с этим чтением, вести работу по созданию подобия этих рельефов. Эти примеры слишком просты, но тем не менее они не излишни, так как утверждение, что дух и методы в школах остались прежними, показывает, что даже эти приемы в них редко употребляются. Из этого не следует делать вывод, что трудовой метод состоит в доведении наглядности до высших возможных степеней. Но не надо забывать того основного положения трудовой школы, что в сопровождении работы рук научные знания, как это уже было сказано выше, усваиваются и проще и прочнее.

Н. Автухов.

Осуществление трудовой школы в деревне.

I.

Кажется, в сказках иногда дают поручения такого рода: „пойди туда—не знаю куда; принеси то—не знаю что". Не помню наверное, действительно ли существуют такие сказки, но в школьной провинциальной действительности дело обстоит так. Деревенский учитель стоит пред необходимостью осуществить трудовую школу, но что представляет собою эта школа, он, пожалуй, и до сих пор не знает. Книги о трудовой школе до него не доходят, и никакой педагогической литературы под рукою, кроме старых методик, нет. Во многих местах даже и краткосрочных курсов по трудовой школе не было, а там, где они были, они пропустили через себя лишь часть местного учительства, да, наконец, далеко не всегда они были удачными: то срывали их организационные и продовольственные неурядицы, то попадались неудачные лектора, лишь окончательно сбивавшие с

толку. В результате часто голое задание „твори", и местами учитель действительно... натворил.

Но и в тех случаях, когда учитель уже имеет представление о трудовой школе, ему бесконечно трудно осуществить ее. Школьное помещение — часто прежняя скверная хата, в тесноте которой задыхается учитель с 2—3 отделениями. Никаких наглядных пособий нет. Нет, кроме порванных старых хрестоматий, и книг для чтения детям. Говорить о мастерских можно только как о неосуществимом. Словом, какое-то абсолютное „ничего нет" витает пред учителем. Но из ничего и получается ничто.

Наконец надо учесть и психологию рядового учителя. В глазах Отдела он—бывший член ВУС'а. В глазах темной деревенской массы, натравливаемой священником и кулаками, он—проводник светской „большевистской" школы. Сам по себе он, часто молодая девушка, дочь сельской или уездной мелкой буржуазии, преисполнен обывательской психологии. В своем культурном одиночестве, вдали от стимулов центра, он склонен опускаться. Работа валится из рук. Замирает энергия. Нет воодушевления. Какая-то духовная апатия... Все по-старому, все по-старому!..

Когда присутствуешь на заседаниях столичных педагогических комиссий, то иногда просто только с любопытством смотришь на кого-нибудь, щеголяющего своей педагогической крайностью прожектера. Читается доклад с сложнейшими организационными заданиями. Слушаешь и думаешь: „Был ли автор хотя бы раз в современной провинциальной школе?" Здесь проекты, проекты, а там... почти ничто: я видал уезды, в которых сельская школа почти уже замерла, и учение ведется только на бумаге. Школьная разруха не только в городах—школа останавливается, а местами уже стала и в деревне: фактически занятий нет.

Когда всматриваешься в действительность и спрашиваешь, может ли учитель при таких условиях выбраться из тупика школьной разрухи и создать новую школу, то отвечаешь на этот вопрос отрицательно: только гений может преодолеть эти затруднения. Мы должны отказаться от всяких надежд на работу одиночки-учителя и возложить все наши надежды на коллективную работу. Таков основной тезис настоящей статьи.

II.

Нельзя проводить трудовую школу, не зная ее! Поэтому надо дать учителю возможность познакомиться с трудовой школой, на первых порах хотя бы по педагогической литературе. Как это сделать?

Прежняя литература по трудовой школе почти вся состоит из статей в „Свободном Воспитании" и приложений к журналу „Школа и Жизнь". Остальная литература, очень немногочисленная, сводится, поскольку речь идет о последних годах, к изданиям Наркомпроса. „Школа и Жизнь" часто выписывалась учительскими и земскими организациями. Нередко в провинции—и „Свободное Воспитание". Новые издания легко достать и сейчас. Словом, я хочу доказать, что почти в любом русском уезде *уже есть* почти вся литература по трудовой школе, и не в одном экземпляре. Только надо учесть и собрать ее.

У нас есть скверная привычка говорить „ничего нет" до поисков. У меня уже выработалась привычка на фразу: „у нас ничего нет" отвечать вопросом: „а что у вас есть?" Обычные ответы на этот вопрос: „не знаем" или „да мы не искали—все равно, нет". Словом, ответы типичных лодырей. На самом деле у людей на местах почти все есть, только они не искали и потому не нашли.

Из собранной литературы организуются районные библиотеки. В них имеются и рукописи. Вместо того, чтобы тратить уйму денег на бесплодные командировки в Москву, проще на эти деньги переписать и размножить самодельные сборники в 50—100 стр. из избранных статей по трудовой школе. Додумаются ли до этого провинциальные Обломовы?

Предложение устраивать районные библиотеки, по моим наблюдениям, не встречает сразу сочувствия. Хотя всякий понимает, что сейчас отдельная школьная библиотека — неосуществимая роскошь, отнимающая книгу у других школ, но... „при районной библиотеке мы вовсе останемся без книг". В самом деле, поездка в район за книгою стоит часто 2—3 тысячи за подводу, да и нужных книг не окажется, да, наконец, не только провинциалам, но и москвичам прекрасно известна скверная фигура библиотекаря-„начальника", уже сумевшего массой глупейших формальностей (представление паспорта и специальных удостоверений с места службы и от домового комитета; выдача только двух книг, и из них только одну научную; обмен непременно всех книг сразу, выдача только в определенные дни определенной категории читателей; необыкновенно частые закрытия по случаю ремонта, учета, реорганизации и т. п.)

затруднить абоненту всякий доступ к книге.

Поэтому учительство право в своей боязни районных библиотек. В одном уезде этим летом я застал 20 уже составленных библиотек и обрадовался. Но меня поспешили разочаровать: „Эти библиотеки мы сможем открыть только весною, да и то навряд ли".—„Почему?"—„Нет переплетов, а картона сейчас нигде не достать". Между тем в соседней же комнате свалены кучи старых учебников в еще сносных переплетах.

Районная библиотека должна быть либо подвижной, либо никакой. Она сама должна итти к читателю, и примерную организацию ее надо так и строить. Предположим, в ней—250 книг, а всего в районе—20 школ. Тогда, скажем, к каждому первому числу библиотекарь делает 20 наборов книг по 10 в каждом. В число этих 10 книг входят заказанные данною школою (школы имеют каталоги), а при отсутствии их, по усмотрению библиотекаря, сходные или вообще хорошие книги, но вообще не менее 10. Библиотекарь—организатор подбора книг и рекламист их. Далее он по определенному маршруту развозит сам их по школам в одну поездку, пользуясь ею же (или в другую поездку) для сбора прежде данных книг—иначе книги будут зачитываться, и библиотека рискует быть расхищенной. Скажу откровенно и правдиво: сейчас во многих местах происходит расхищение старых библиотек, и расхищенные книги я находил и в школах, что, пожалуй, лучше, чем находить их на рынке или в сараях, но все же не идеально.

Итак, учитель любого уезда может и сейчас получать ежемесячно по десятку книг о новой школе, если только этого захотят его товарищи и местный Отнаробраз, организовав ему районную подвижную библиотеку. Если же он сидит теперь без книг, пусть винит в этом не Москву, но своих товарищей и себя.

III.

Но иметь книги далеко еще не все: надо иметь охоту и возможность читать их. Большой предрассудок думать, что русский интеллигент, в частности учитель,—книжное существо. Мы поразительно мало читаем хороших книг и почти не можем читать серьезных книг, на десятой странице которых часто навсегда застреваем. Я видал ответственные комиссии, „решающие" вопрос „из своей головы" в комнате, стены которой уставлены никем непрочитанными книгами по данному вопросу. Для меня эта картина так обычна, что я называю ее „методом работы русского интеллигента". Он носит, а не читает книги.

Нужны стимулы к чтению. Одним из сильных таких стимулов являются курсы. Сейчас эти курсы в провинции проходят часто неудачно. Сплошь и рядом на них выступают люди, ничего общего с трудовой школой не имеющие и скорее полемизирующие с ней. Часто выступают и чересчур горячие приверженцы, уже прославившие себя доведением до абсурда принципа самообслуживания, трудовых „процессов", индустриализма и т. п. Но еще чаще выступают просто невежественные люди, читающие какую-то сплошную чепуху. Хороших сил—перечесть по пальцам, а остальные способны лишь на подпись своей фамилии под лекторским гонораром.

Поскольку я соприкасаюсь с учительством, постольку я встречаюсь со сплошной неудовлетворенностью подобными неудачными курсами. По-моему, выход один, который я и наблюдал в одной губернии. Там учительство одного из уездов, съехавшись на очередной съезд, выработало подробную программу тех вопросов, которые оно хотело себе выяснить. Эта программа была с ходоком послана в столицу для просмотра специалистами, которые указали и литературу. Тогда эти вопросы были разобраны местными школьными работниками, которые, снабженные указаниями и пособиями, были обязаны через известный нескоропалительный срок представить соответствующие доклады. Так состоялось два съезда курсов. Я бы прибавил только, что так данный район может проводить постоянно посредством периодических районных съездов самообразование учительства.

Жалкую картину сейчас представляют во многих местах эти районные съезды учительства, посвященные почти сплошь продовольственным и т. п. вопросам. Вопросы школы почти не затрогиваются. Это, даже с чисто профессиональной точки зрения, очень ошибочная тактика. Учитель никогда не улучшит своего материального положения, если будет непосредственно занят отстаиванием его. Его речи о жалком материальном положении учительства, конечно, будут вызывать аплодисменты у учительства, но общество [illegible] будет попрежнему равнодушно к судьбе учительства. *Общество только тогда станет заботиться об учителе, когда увидит в этом учителе хорошего воспитателя детей этого общества.* Поэтому, даже в интересах улучшения своего материального положения, учительство должно на своих районных собраниях выдвигать в первую очередь именно вопросы школы.

Учительство должно воспитать учителя, и именно районные собрания, хотя бы ежемесячные, являются прекрасным средством для этого. Эти собрания должны дать учителю педагогический интерес, охоту к книге и стремление к трудовой школе. С них учитель должен возвращаться с энтузиазмом и нравственной поддержкой. А сейчас — керосин... мануфактура... никто не съехался... обывательские разговоры... „реформатор", как насмешливо-бранная кличка... Вот „воспитание учителя"!..

Когда до войны я хотел следить за русской философской литературой, я брал лейпцигский „Философский Ежегодник" Руге. Летом 1918 года, когда в одном подмосковном городе мне жаловались на отсутствие книг по трудовой школе, я пошел с нытиками в соседнюю, через два дома, библиотеку, где были все книги, но „а мы этого не знали". Тем же летом на другом учительском съезде, когда меня, приезжего москвича, просили сказать, „есть ли где на земном шаре такие школы" (буквально!), мне пришлось ответить, что одна из лучших виденных мною где-либо школ как раз у них на расстоянии $1^1/_2$ верст. Особая примета русского общественного деятеля — незнание того, что у него под носом.

Одна из задач районных съездов—учет педагогической работы района. Так, например, могут быть внешне хорошо обставленные школы с учителями-лодырями, в то время как рядом в ужасной обстановке замирает работа прекрасного педагога. Далее кое-кто уже начал производить интересный опыт: необходимо поделиться, самому ободриться и других возбудить.

В провинции все ждут инструкторов и показательных школ, вероятно, с неба или после двухнедельных курсов. Но и в лучшем случае приезжий инструктор или организатор школы — чужеядное растение, и даже в случае удачи с его отъездом—а такие люди не засиживаются—все рушится. Не проще ли, учтя у себя в районе коллективную работу, наметить уже ставшие на новый путь школы (такие есть, по моим наблюдениям, в любом уезде, правда, в количестве 1—3), облегчить им всякую возможность дальнейшего развития и процветания,—словом, создать из них, если не претенциозные показательные, то во всяком случае лучшие школы, по которым могли бы равняться и другие школы, инструктируемые самым лучшим методом — наглядным? А сейчас—знаем ли мы лучшие школы нашего района, лелеем ли их, или... Нет, мы, педагоги, положительно хуже самых вялых обывателей.

IV.

Удивительно неприятно действуют жалобы на отношение населения, которое якобы против трудовой школы. Это лето, т.-е. через $2^1/_2$ года после провозглашения лозунга трудовой школы, я спрашивал в уездах, как обстоит дело с пропагандой новой школы среди населения, и везде, *без исключения*, один и тот же ответ: „никак". И после этого смеют жаловаться на индиферентизм населения! И после этого смеют жаловаться на бедность школы! Но здесь *местами* открываются вещи и похуже.

Вся деревня успела по всей России застроиться новыми домами, а школа почти везде—в прежней отвратительной хате. Почему?—Очень частые случаи: 1) местный кулак просит бешеные деньги за свой дом, который стоит у него пустым или *фиктивно недостроенным*, а учитель „не обостряет отношений", 2) есть полная возможность открыть прекрасную школу в соседней деревне за одну версту, каковая деревня, идя на все, умоляет об этом, но... учитель связан хозяйством или инертностью именно с данной деревней, а Отдел вторит учителю и отказывает деревне в школе, отстаивая курную избу.

Подозрительно отношусь я и к заявлениям об отказе крестьян школе в земле. Может быть, это—случайность, но всегда, *без исключения*, когда я говорил с крестьянами, они отвечали: „так ведь этою землею у нас пользуется учитель, а не школа". И это действительно было так там, где население отказывало. Да, много неожиданного открывается, когда окунешься в жизнь теперешней деревенской школы.

И разве против трудовой школы население? Нет, оно против разрухи школьной и полубездействующих теперь школ, где сейчас „нет никаких занятий". Оно против праздности детей, да, пожалуй, против эксцессов пресловутого самообслуживания.

Зато, каюсь, иногда внимательно слышу жалобы на бездействие Отделов. Об этом надо уже начать писать. Есть несколько типов плохих Отделов. Первый тип—это случайность, за три года еще не успевшая прочитать ни единой строчки о трудовой школе, кроме как „не надо

никаких книг" и „дети все должны делать сами", и ни разу из своего Отдела не выходящая никуда. Второй тип—канцелярская крыса, до самой поздней ночи пищущая „бумаги" и тем не менее, вернее благодаря этому, оставляющая учителей без пособий, жалованья (очень частое явление, когда учитель без жалованья, но барышни из Отдела себе всегда платят аккуратно) и запутывающая их энергию в тысячах формальностей. Третий тип—„заведующий школьным Отделом" по выбору учительства и обожаемый ими в том смысле, что „пока он—слава Богу, все как при Николае". Как ни странно, фраза „у нас Отдел—черносотенный" нередко слышится в провинции, когда речь идет об Наробразе. Поражает отсутствие рабочего элемента, словно царит убеждение, что Наробразы—интеллигентские учреждения. Конечно, многое объясняется теми тяжелыми условиями, в которых приходилось организовать работу Отделам, но многое—не все, и неудачные Отделы силой тормозят работу. Есть много славных, героических Отделов, но есть и плохие, ничего не делающие.

V.

Все вышенаписанное стремится убедить в том, что в порядке частной инициативы трудовая школа в деревне не может создаться, что общество и учительский коллектив должны создать предпосылки, необходимые для индивидуальной работы по трудовой школе. Эти предпосылки—организация районных подвижных библиотек и самообразование учителя, воодушевление, поддержка и толчок ему со стороны района; учет педагогического местного опыта и организация лучших местных школ с целью наглядного инструктирования, сносное помещение и земля, привлечение симпатий населения; отсутствие излишних формальностей и горячностей со стороны Отдела и полная активная поддержка, без увлечения „экономией", но не наивная доверчивость и угождение реакционным тенденциям.

Нельзя предъявлять требования к личности, не предъявив сперва требований к обществу. Учитель не осведомлен, слаб, пассивен, потому что таково его общество. Однако довольно говорить об этих „предпосылках". Обратимся к отдельной школе и спросим, как в условиях деревенского быта сделать школу трудовой, начиная с осени.

Пред осенью мы устраиваем собрание старших учеников, вообще не новичков. Три задания ставятся нами. Первое—легкий ремонт школы. Дети вместе с учителями организуют работы и достают инструменты (у родителей) и материалы. Одни—белильщики и маляры, другие чинят крышу, третьи приводят в порядок пол и окна, четвертые—мебель, пятые—печи, шестые занимаются слесарно-паяльным делом. К инструктированию привлекается население—родители. Какой образовательный материал можно при этом дать, см. мою „Трудовую Школу", ч. I и ст. С. Лапшина „Самообслуживание в трудовой школе" (ж. „Нар. Просвещ.", № 8). Второе задание—прием новичков (см. мою „Тр. Шк.", I). Третье задание—изготовление пособий (кассы с буквами для новичков, осенние листья в качестве материала для апликаций вместо цветной бумаги, изготовление чернил, суррогаты карандашей и т. п.).

Школа уже развернулась. Здесь прежде всего регулярная уборка помещения (не более 30 минут; мокрыми тряпками и с мокрой повязкой, закрывающей рот и нос; желательно при открытых окнах и по возможности не в согнутом положении). Далее носка воды (небольшими ведрами в обеих руках; без спешки, утомления и искривления туловища; носить не издали) и дров (небольшая охапка, передающаяся цепью детей). На все работы назначаются наряды накануне детьми же. Наконец украшение школьного помещения (апликация и бросовый материал), образование школьного музея родного края (экскурсии за коллекционированием растений, цветов, камней, насекомых и т. п.; также музей культуры местного края), приведение в порядок окрестности школы (земляные работы, борьба с пустырями, мощение, освещение и т. п.). В заключение—организация школьных вечеров для всего населения и участие в ликвидации безграмотности, налаживание ночевок для дальних учеников и т. п.

Все вышеуказанное возможно в любой школе и при любых условиях. Если этого пока нет, причина—нежелание или неумение учителя. Но можно итти дальше. Во-первых, передача детям всего школьного хозяйства (счетоводство, отчетность, деловая переписка). Во-вторых, кухня при школе, учителя, не есть „ваша собственная" кухня. Отсюда работы на кухне (только старшие ученики, при чем каждый из них не более 40 мин.; немного детей сразу, тем более, что и задание несложное—кипяток или какое-либо одно простое блюдо; об образовательной работе на кухне см. „Тр. Шк.", I ч.; кухня возможна и не в данном помещении). В приготовлении стола на каждого дежурного должно приходиться не более 15 минут, а в уборке и мойке—не более 25 минут. В общем, впрочем, вряд ли следует кухню сразу развертывать в большом масштабе, да в деревенской школе в этом нет и нужды.

VI.

Довольно о самообслуживании. Переходим к производительному труду, в тесном смысле слова. Весною, летом и осенью, конечно, возможны огородничество, полеводство и садоводство. Обыкновенно указывают, что летом родители берут детей на свои поля. Но, во-первых, во многих местах берут только старших детей, и, во-вторых, часто свое поле занимает не сплошь *все* лето. Но даже если бы так обстояло дело, то и тогда есть выход: школа до этих работ инструктирует детей для них, затем организует из этих работ школьную командировку на 1—1½ месяца с последующим отчетом. Наконец, опытное школьное поле занимает у каждого ребенка минимум времени, и крестьяне, по моим наблюдениям, на показательное поле идут сравнительно охотно. Образование, извлекаемое из этих работ, очевидно (см. мою „Тр. Шк.", ч. I).

Остается зима. Легче всего организовать здесь такие работы, как плетение разных вещей, прядение, тканье, шитье; кстати, три первых вида труда имеют огромнейшее воспитательное и образовательное значение (см. мою „Тр. Шк.", ч. I). Развернуть эти работы помешает размер помещения, но здесь и нет нужды, чтобы все делали одно и то же („группы"). Далее те из местных кустарных работ, которые практичны, развивают и не вредны. Наконец работы со снегом, когда он пластичен. При этом дети—не только „рабочие", но и организаторы своего коллективного труда. Заметим, что нельзя их одновременно занимать многими видами труда—ребенок разбрасывается.

В общем, ежедневно не более одного часа физического труда на ребенка (младшие и того меньше — 45 м.). Кроме того, ежедневно не менее 40—60 м. на воздухе, хотя бы в два приема (ссылка „на мороз" нелепа, так как наиболее частая температура в большинстве мест России свободно допускает это), ибо должны же мы понять, что испорченный комнатный воздух очень вреден для ребенка (это время идет на экскурсии „снег" и т. п.; об экскурсиях в деревне см. мою „Тр. Шк.", ч. I, § 18; снег—строительные работы: „бабы", дома, города, горы, пещеры, зимняя площадка; разделение труда—выламливание комов, доставка их, пилка снега проволокой или лопатой, лепка снежных кирпичей и утварь изо льда: необходимы рукавицы и теплая, но свободная одежда) [1]).

Наконец, зимою продолжаются работы по школьному музею: „Наш край зимою" с соответствующей выставкой. Кроме того, старшие дети выполняют ряд общественных работ, напр., культурно-просветительных (напр., в избе-читальне), статистических, по общественной санитарии и т. п.

Итак, мы видим, что трудовая школа в деревне вполне возможна и даже с избытком, потому что, еще раз повторяю, в обилии ремесл или в специальных мастерских для школы 1-ой ступени нет нужды.

И тем не менее еще не сейчас вполне осуществится трудовая школа, ибо, по моему глубочайшему убеждению, основное препятствие—не внешнее. Нет, в эпохи педагогического энтузиазма люди и с меньшими средствами делали несравненно больше. Не идя далеко за примером, укажем на польские школы после 1905 г. Основное препятствие—внутреннее. В учительстве нет еще перелома в пользу трудовой школы. Оно все еще в массе: либо „старый учитель", всей душой втянувшийся в обиход старой школы, и деревенский „хозяин" по своим социальным настроениям, либо гастролер, попавший в школу „до поры, до времени"—до выхода замуж, как дочь священника, бывшего урядника, лавочника, зажиточного крестьянина и т. п., или „в ожидании движении воды", как бывшая помещица, гувернантка, столичный человек, заехавший в деревню покормиться, и т. д.

Но состав учительства уже начинает меняться... Начинают изменяться и настроения его... Дело решит масса и ее социально-педагогическая физиономия, дело решит общая история всего общества.

И. Блонский.

---

[1]) См. Панченков: „Наблюдения над влиянием трудовых процессов по „самообслуживанию" на некоторые физиологические явления у детей в летних трудовых колониях", М., 1919, и ст. Русакова „Снег" в бюллетенях Наробраза Московского Совдепа, „Трудовая Школа", 1919, № 3.

провинция предъявляет спрос как на тех, так и на других. Школьные инструктора центра в настоящее время организуются в правильно сформированный коллектив.

Чрезвычайно трудный вопрос, где взять достаточно подготовленных инструкторов в условиях нашей действительности, может быть разрешен лишь путем отбора наиболее близко стоящих в нашей программе школьных работников.

Правда, не всегда с их стороны мы встречаем готовность принять на себя обязанности инструктора, но так или иначе на местах такой способ вербовки инструкторов благополучно разрешает вопрос, и инструкторские коллегии быстро формируются во всей территории Республики.

Конечно, при таком способе привлечения работников первый призыв школьных инструкторов может оказаться не вполне удовлетворительным, тем более, что в сознании педагогов весьма медленно укореняется идея социально-политической неизбежности создаваемой Советской властью трудовой школы. Но против этой опасности Наркомпрос принял уже свои меры. Для одной центральной части республики предполагается провести, помимо Москвы и Петербурга, десять районных краткосрочных курсов для школьных инструкторов. Курсы эти имеют целью подвести социально-политическое обоснование трудовой школы и наметить главные пути решения трудовых и научно-методических задач, стоящих перед ней. Если предполагаемые курсы состоятся, то в течение одного полугодия через них пройдет почти весь состав школьных инструкторов республики. Принимая во внимание, что окончательное решение школьной проблемы может притти лишь в процессе повседневной упорной творческой работы, стоящей перед нами еще впереди, нельзя не признать, что школьные инструктора подходят к делу в наиболее выгодный для них момент.

При создании института школьных инструкторов Наркомпросу и местным Отделам приходится считаться и бороться с одной чрезвычайно вредной традицией. Школьный инструктор на местах очень часто рассматривается, как инспектор народных училищ или окружной инспектор. Наркомпросу всячески приходится подчеркивать, что школьный инструктор не облечен никакими административными полномочиями, что он является организатором - советчиком, направляющим жизнь школы приемами коллегиальной работы.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что опасность перерождения инструктора в инспектора, особенно в условиях сельской жизни, вполне реальная опасность.

Все зависит от степени общих достижений в строительстве нового общества.

Приемы управления не приказом и циркуляром, а путем общественного воздействия на отдельных работников через многообразные их объединения развивается на почве городской индустриальной жизни.

Мы же видим, как трудно протекает процесс урбатуации и индустриализации деревни, противупоставляющей этим тенденциям трудно преодолимое упорство своей мелко-буржуазной стихии.

Социализм, выросший на городской почве, в деревне, мало способной к самоорганизации, легко приобретает черты приказного строя.

Вот почему надо принять меры к тому, чтобы сельская школа, сорганизовав свои элементы, находилась под постоянным влиянием городского индустриального строя. В частности по отношению к институту инструкторов эти соображения имеют практическое значение при решении вопроса о месте оседлости уездных инструкторов: погрузить ли их в сельскую стихию, прикрепив к своему инструкторскому району, или, извлекши их оттуда и поселив в городе, теснее связать с местным Отделом? Не решая этого вопроса в окончательной форме, надо признать, что инструктора первого призыва, находясь, так сказать, в положении испытуемых, как общее правило должны быть более тесно связаны с городом и своим Отделом.

В центре России, в этой социалистической метрополии федеративной советской республики, должны быть приняты все меры к тому, чтобы задача построения общества на социалистических началах была разрешена в возможно чистом виде. Школьная политика Наркомпроса всегда, даже при решении таких частных вопросов, как вопрос об инструкторской оседлости, должна иметь в виду это ответственное задание.

М. Потешкин.

Трудовые процессы в Единой Трудовой школе.

Введение.

Несмотря на обилие литературы по трудовым процессам, широкая масса как родителей, так и педагогов все еще не уяснила себе, что такое трудовые процессы, какие существуют формы их, значение их в школе и как их проводить в жизнь. Чем бы ни объяснять это, ясно одно, что надо еще и еще прилагать усилия к разъяснению этого вопроса, так как только тогда, когда широкая масса, а не отдельные индивидуумы, поймет это, она сможет понять и всю громадную пользу Единой Трудовой Школы.

Поэтому постараемся в самых ясных и конкретных положениях изложить сущность трудовых процессов и конкретно изобразить план проведения их в школу.

Что касается проведения в жизнь принципов трудовых процессов, то здесь важно сделать оговорку, что надо строго различать период пропаганды идей от периода конкретного воплощения в жизнь. Если при пропаганде не только возможно, но иногда необходимо сильным стремлением перевернуть сначала все старые понятия и условия, то при конкретизации идей приходится считаться с тем, что обыкновенный индивидуум, составляющий массу, не в силах построить новое здание из пепла, он может лишь, тщательно изучив новый метод, начать *изнутри* класть новую кладку стен нового здания и, только сделав это, сможет уничтожить старое здание.

Другое дело — руководители движения; те, наоборот, чем шире и последовательнее поймут новые принципы и воплотят свою работу в сети опытных учреждений и неуклонно будут толкать массу, тем больший получится эффект их работы.

Эту оговорку мы считаем необходимой, иначе произойдет то, что происходило всегда, когда ее не принимали в расчет, а именно приходилось отступать в исходное положение.

Перейдем теперь к разбору поставленных выше тем.

Что понимать под трудовыми процессами, их формами и значением их в школе.

Чтобы понять это, нужно сначала уяснить различие между старой школой и новой трудовой.

Кстати скажем здесь о досадном недоразумении с укоренившимся названием старой школы, а именно принято ее называть книжной, и это так усиленно ставят ей в вину, что некоторые, даже педагоги, полагают, что при воплощении трудовой школы в жизнь первым трудовым процессом будет сжигание школьниками книг. Но старая школа *вовсе не книжная, и это* наименование неверно, старая школа словесная, лекционная, но не книжная, и

книга всегда была и будет нужна, весь вопрос только в том, что нужна именно книга, а не специально составленный учебник, наоборот, нужно, чтобы в трудовой школе были настоящие хорошие книги и справочники.

Новая школа не должна быть искусственно построенным аппаратом, новая школа это,—жизнь, но жизнь, точно *связанная с возрастом и особенностями школьника*, искусственного в ней не должно быть ничего. Но, говоря, что школа не есть искусственно построенный аппарат, не должно, однако, забывать, что школа есть учреждение, задача которого—наилучшим способом дать возможность школьнику влить в свое я, в свою личность максимальное количество мировой энергии, но именно энергии.

Чтобы вполне ясно усвоить вышесказанное, остановимся немного на понятии „энергия“. Под этим термином в школе можно понимать способность ученика воплотить в свое сознание, сделать подвластным ему определенное количество знаний, и она будет выражаться в произведении количества знаний на степень претворения их в сознание ученика. Изобразим для наглядности количество энергии, уловленной учеником из мирового потока, в виде прямоугольника, у которого основание есть знания, а высота—степень усвоения их учеником. Посмотрим, что будет происходить от изменения размеров основания и высоты: если будем увеличивать основание, т.-е. знания, то получим старую школу, которая считала выгоднее увеличивать количество знаний и, строго установив одинаковый для всех максимальный объем, предоставляла каждому индивидууму, по мере его сил и способностей, усваивать их, и, как показал опыт, среднее усвоение было ничтожно, следовательно наш прямоугольник будет имет небольшую высоту, при большем основани. Теперь будем увеличивать высоту, т.-е. стараться, чтобы пронесс усвоения достиг максимума, а объем знаний предоставим индивидуальным способностям. Вот, такое решение вопроса и предлагается трудовой школой.

Нетрудно видеть, что ближе к жизни решение трудовой школы, так как мы уже живем в такое время, когда помимо того, что количество и объем знаний достигли неслыханно колоссальных размеров, но и каждую секунду количество это увеличивается все больше и больше. Посмотрим, как разрешает этот вопрос жизнь; для примера возьмем скрипачей. От всех играющих на скрипке требуется удовлетворительно играть простые вещи, но широкий репертуар—уже дело индивидуальных способностей, у многих он весьма невелик и прост, а у немногих—обширен и труден.

Трудовая школа, приняв это за свою основную аксиому, неминуемо должна была обратиться к новому методу усвоения знаний.

Как мы уже сказали, в старой школе усвоение знаний производилось лекционным способом, при котором все основывалось на памяти ученика; новая школа должна была прибегнуть к введению в школе трудовых процессов, как методу усвоения знаний.

Этот метод бесконечно лучше лекционного: прежде всего он позволяет школьнику работать научно, затем он автоматически исполняет контрольные функции и, наконец, использует все аппараты восприятия человеческого организма.

Что введение в школу трудовых процессов делает работу школьника научной, это ясно, так как только при этом мысль проверяется опытом и опыт направляется мыслью, с одной стороны, а с другой, только изучая самые обыкновенные явления, мы подготовляем почву для величайших открытий, и поэтому каждый ученик действительно становится научным работником. Кроме того, вводя этот метод, мы делаем совершенно ненужным контроль со стороны педагога, так как, ведя любой трудовой процесс, ученик неминуемо будет контролироваться самим процессом.

Это качество нового метода важно еще и потому, что таким образом усвоение будет действительно проверено фактически, и как ученик, так и учитель будут твердо знать результаты достигнутого, тогда как в старой школе, даже при самом строгом экзамене, не было все-таки твердой уверенности, знает или не знает ученик.

Что касается использования всех аппаратов восприятия, то, помимо чисто гигиенической стороны, это чрезвычайно важно и потому, что ученик действительно становится всесторонне развитой личностью.

Но какие же трудовые процессы могут быть допустимы в школе? На это может легко ответить всякий, вспомнив лишь основную аксиому трудовой школы, а именно, что новая школа, это—сама жизнь, значит, и трудовые процессы в школе будут те, из которых складывается вся деятельность человека от колыбели до конца его жизни.

Что же именно? Тут надо ответ разбить на несколько частей, по возрастным группам: 1) игра, 2) творческая работа и отчасти трудовая повинность и 3) отчасти творческая работа и трудовая повинность.

Таким образом каждой возрастной категории соответствует своя школа, т.-е. материал, подлежащий обработке ученика, и приемы обработки различны, тогда как старая школа этого не принимала в расчет и тем самым делала преступление. Возьмем для примера любой учебник старой школы и увидим, что его план, как для ребенка, так и для подростка и для взрослого, является одним и тем же: возрастная функциональная зависимость в нем не принята совершенно во внимание.

Принимая за основу функциональную зависимость планов школьных работ от возраста, мы делаем еще один чрезвычайно важный вывод, а именно разрушаем старые термины: „общеобразовательная школа, школа профессиональная, техническая“ и пр. и заменяем это единым термином „трудовая школа“.

В самом деле, если мы приняли, что школа должна строиться только в зависимости от возрастных стремлений школьника, то ясно, что в возрасте от 6—8 лет игра должна быть использована, как материал для формирования ребенка, и здесь нет никаких ни общеобразовательных, ни профессиональных школ, здесь есть только *школа ребенка*; также и подросток в трудовой школе не будет ни общеобразованным гимназистом, ни профессионалистом техником, нет, он будет тем, чем он может быть. Если он сможет усвоить много знаний—хорошо, но если и немного, то что же плохого: что мог, то и вместил, но вместил крепко, сделав из усвоенных знаний орудие для своей работы в жизни. Здесь возможен вопрос, а зачем же тогда школа, просто предоставить его самому себе. Вот в том-то и дело, если в старой школе нужны были учителя, то здесь нужны еще в большей мере. Несомненно, что легче передать определенный объем знаний ученику чисто автоматически, не интересуясь, насколько он усвоил их, насколько он претворил их в своем сознании и сделал их послушными себе, чем добиться, чтобы ученик хотя бы крупицу знаний слил со своим сознанием и чтобы он усвоил научное мышление. Опыт нам также показывает, что подготовить учителя трудовой школы—дело весьма трудное, и это есть один из камней преткновения к ее процветанию.

Вернемся к уничтожению понятию общеобразовательной и профессиональной школы. Что касается возраста 16 и 17 лет, то тут несомненно появляется определенное желание что-либо сделать в совершенстве, поэтому тут и материал школьной работы ученика будет сужен его субъективными способностями, но это значит, что тут место специально профессиональному образованию. Но это желание должна использовать трудовая же школа; рассматривая дальше этот вопрос, мы увидим, что там, где теперь специальные высшие училища, мы тоже должны иметь трудовую

школу, связанную с потребностями юноши и взрослого. Но напрасно думать, что это будет лишь перемена названий, нет, далеко нет, дело—в изменении всей сущности вещей. Возьмем для примера подготовку инженера. Разве в наших старых школах готовили инженеров, которых требовала жизнь? Известно всем, что нет, конечно, здесь говорится о массе, тогда как, применив трудовые принципы, мы бы дали инженера, нужного в жизни, и, однако, он отнюдь не был бы тем, что принято называть „узким специалистом". Для иллюстрации возмем подготовку инженера-расчетника, по заграничному калькулятора. Что бы ему дала школа, построенная на трудовых принципах? А вот что: небольшую практическую область и большие сведения по математическим и физическим дисциплинам, и инженер, прошедший через такую школу, был бы действительно инженером, и обыватель уже не сомневался бы в том, нужен инженер или нет, как это часто приходится слышать теперь. Теперь рассмотрим, какие именно трудовые процессы, подразделяемые нами на возрастные группы, надо понимать и какая существует зависимость между ними.

I. Игра.

Признается за общепризнанный факт, что в детском возрасте наиболее любимое занятие есть игра и что игра для ребенка есть необходимое занятие, без нее он не может обходиться; только какие-либо сильные внешние причины, а также усталость, голод и др. заставляют ребенка прекратить играть. Если это так, то это несомненно есть потребность, как и определяет игру Фребель: „Игра есть первое проявление потребности ребенка". В настоящее время можно считать, что взгляд на детскую игру, как на что-то пустое, оставлен, и признается, что игра есть один из видов трудовых процессов, а не забава. Но оставлен этот взгляд только специалистами, т. е педагогами, массы же все еще смотрят на игру именно как на пустое занятие, и взрослый, даже развитой человек, никогда не посмеющий помешать серьезному, по его мнению, занятию, например, еде, умыванию и т. п., мешает детям играть. А вместе с тем прошли уже тысячелетия, когда еще Платон обратил внимание человечества на серьезное значение игры ребенка; пример этот есть один из удачных для уяснения, насколько медленно человеческая масса усваивает даже самые элементарные научные понятия, и мы его подчеркиваем для того, чтобы воспользоваться им, как доказательством того, насколько необходимы трудовые процессы, так как при этом у всякого школьника вырабатывается научное мышление и таким образом человечество в ближайшее время может достигнуть весьма многого, что ему сейчас недоступно.

Но сказав, что игра есть потребность, мы не сказали ясно, какая именно потребность. Нетрудно видеть, что игра есть потребность ребенка в творчестве, этой величайшей потребности человека, благодаря которой он только и мог выйти из заколдованного круга всего живого мира.

Так определяет эту потребность большинство авторитетов детской жизни, да и простой самоанализ говорит тоже самое.

II. Творческая работа

Подросток, бросивший играть, сохраняет, однако, потребность творить, и эту потребность он всегда выявляет. Но у подростка детская игра заменяется работой. Обыкновенно принято видеть между игрой и работой пропасть, тогда как на самом деле это вполне родственные понятия, и определение работы, как принудительного занятия, неверно, так как, если это так, тогда все то, что взрослые делают не по принуждению, а свободно и с радостью, есть игра. При более внимательном разборе обнаруживается еще одно определение, а именно всякая игра интересует самим

своим процессом, а работа — результатом. Нетрудно видеть, что и это соображение неверно, ибо, как и в работе нас интересует процесс, так и в игре—результат.

Если внимательно присмотреться к игре, то заметим, что обыкновенно ребенок не интересуется, насколько обект его действия соответствует воплощаемому. В самом деле, ребенок из одного и того же деревянного кирпичика строит дом, вагон и пр.; то же самое и в любой игре царит символистика, т. е. условность, тогда как при работе это отпадает, и содержимое работы точно соответствует своему назначению. Но это не есть, повторяем, органическое различие между игрой и работой, это есть лишь особая форма работы, в которой найдем и интерес к процессу и интерес к результату, но материальное орудие игры или словесное содержание ее обволакивается детской фантазией—грезой. Определенно же связующим элементом игры с работой служит творчество. Это надо уяснить раз навсегда, и тогда не будут понимать игру, как антипод работе.

III. Трудовая повинность.

Наконец, есть вид человеческой деятельности, который действительно резко различается от игры и творческой работы, это—то, что понимают под принудительной работой. В принудительной работе нет самого главного, двух предыдущих форм трудовых процессов, это—творчества и интереса, так как ясно, что как только вносится принуждение, так сознание прекращает творить и участвует в процессе лишь пассивно, при чем принуждение здесь надо понимать в самом обширном смысле, а именно, как антипод „интересу".

Что это так, видно хотя бы из того, что самая тяжелая и неприятная работа делается индивидуумом по собственному желанию, делается им легко, свободно, но как только интерес пропадает к ней, так он же делает плохо.

Таким образом интерес к работе, даже самой тяжелой, делает ее легкой. Здесь уместна пословица: „своя ноша не тянет".

Одна из задач человечества есть необходимость сделать принудительную работу общественной трудовой повинностью, т. е. тем необходимым трудом, благодаря которому и возможно результат творческой работы распределять между всем обществом. Путей к этому три: один—внесение в человеческую массу сознания необходимости путем пропаганды, затем изобретателями техники принудительный труд механически сокращается, и, уничтожая его, наиболее резкий отличительный признак приближается к трудовой повинности, и, наконец, третий путь это—воспитание в школе взгляда на принудительный труд, как на общественную трудовую повинность, для чего необходимо всякий принудительный труд осмысливать как общественную ценность и, с другой стороны, делать из всех научных работников, чтобы наука пошла невиданными гигантскими шагами и техника могла сократить срок принудительной работы до минимума.

Все вышеизложенное мы считаем необходимым введением, изложив которое, перейдем к детальному рассмотрению форм трудовых процессов и к плану введения их в школу.

В виду достаточного, как мы уже говорили, уяснения педагогами значения игр и практической постановки их, на что затрачены целые века, громадные средства и работа великих умов, мы остановимся только на творческой работе и трудовой повинности. Но, конечно, здесь надо сказать, что наша попытка не может дать полного исчерпывающего материала по этим вопросам, так как тут тоже надо еще много времени и нужны еще свои „фребели", чтобы дать то, что дано в вопросе об играх, и чтобы процесс шел скорее, нужны академии, в которых уже квалифицированные специалисты могли бы выработать необходимый план работ и программы, конечно, не те учебные про-

граммы, которые существовали в словесной школе, а обыкновенные жизненные программы, без которых в современной жизни не делается ни одно дело. В виду важности этого вопроса и чтобы не смешивать со старыми программами, скажем так: нужны программы *для учителя*. И программы эти должны выпустить из трудовой школы не общеобразованного и не профессионала-ученика, а выпустить человека труда, т.-е. чтобы данное лицо, окончившее любой этап трудовой школы, давало человека сознательно относящегося к делу, за которое он берется.

Лапшин.

„Аккордная“ система преподавания

в профессионально-технических учебных заведениях.

Существующие способы преподавания в профессионально-технических учебных заведениях разных типов сводятся к: 1) лекциям, 2) упражнениям, 3) лабораторным занятиям, 4) мастерским и практическими работами, 5) летней практике.

То, что мы имеем под наименованием лекций, вылилось по большей части в совершенно недопустимые формы „чтения“ курса и „слушанья“ его с уснащением иногда экспериментами и диапозитивами, что сводило по большей части дело лишь к зрелищу без активного участия слушателей-зрителей, как бы талантлив лектор ни был. Немудрено поэтому, что там, где это являлось возможным, лекции не посещались, так как слушатели, ясно сознавая бесполезность траты времени подобного рода, обращались к книжке, которой, к слову сказать, теперь уже нет на рынке, и сдавали зачет по минимуму знаний, который требовался от них.

„Упражнения и лаборатории“ к курсу велись, правда, по определенным программам, но без всякой непосредственной связи с курсом, отставая от него зачастую на несколько месяцев, а иногда, что еще ненормальнее, предупреждая курс. Благодаря указанному обстоятельству руководительство в лабораториях и на упражнениях не могло вестись должным образом. Правда, лаборатории всегда были загружены до пределов, но не потому однако, что слушатели стремились туда из-за интереса работы, а лишь потому, в большинстве случаев, что неносещение лабораторий влекло за собой неполучение зачета. Правда, находилось иногда некоторое число слушателей, „подчитывавших“ к лабораториям курс, но при нерегулярном посещении лекций или значительном отставании курса от лабораторий подобное „подчитывание“, конечно, не могло давать должных результатов, а лишь расхолаживало слушателей, пытавшихся живое слово заменить мертвой книгой.

„Работы в мастерских“, если они не были связаны с известным минимумом и зачетом, также не вызывали живого интереса в слушателях, так как почти нигде освещения выполняемых в них работ с точки зрения курса не велось. Как яркий пример подобного рода постановки дела, могли служить в свое время мастерские очень большого профессионально-технического учебного заведения, где учеников во время занятий, при запертых на ключ дверях, было больше всего в уборных, а двери перед концом занятий испытывали такой натиск живой, молодой, неиспользованной силы, что выламывались. Лучше дело стало, когда был введен минимум работ и освобождение после выполнения его от занятий в мастерских, но лучше стало, конечно, лишь по видимости.

Не лучше дело обстояло и с летней практикой, которая, будучи неорганизованной и случайной, сводилась по большей части к более или менее удачному заработку.

Экскурсии были редки, неорганизованны и сводились к беглым, ничего не дающим осмотрам.

Нет сомнения, что **в новой профессионально-технической школе**, как школе жизни, не место схоластике и учебе. Эта школа властно должна потребовать работы всего коллектива. „Слушание“ и „чтение“ лекций безусловно должно быть вытеснено живою беседою лектора с аудиторией, который, вменяваясь своею мыслью в непроработанную и во многом спутанную гущу мыслей своих слушателей, вызывая их на живой обмен мнений и общую работу всем коллективом, в полном смысле слова ковал бы мысль, придавая ей после, быть может, тяжелой общей работы определенные, вполне законченные и ясные формы. Такая работа должна оставлять неизгладимый след в голове каждого из участников ее и не только запечетлевать воспринятое навсегда, но и будить новые, свежие, бодрые мысли, приучая к логическому, самостоятельному, активному мышлению. При этом ясно, что слово „слушатель“ при такой постановке дела должно быть вытеснено, как несоответствующее, неправильно характеризующее работу, и заменено каким-либо другим, более подходящим, хотя бы, на первый взгляд уже отжившим, но более соответствующим: „ученик“, или, что то же,—„студент“.

Подобного рода беседы—это есть лишь одна из форм преподавания. Естественно она влечет за собою эксперимент или опыт, как иллюстрацию, и упражнения в усвоенном при занятиях не только в лабораториях, но и в мастерских. Беседа,—это есть так сказать „дух“, а упражнения и работы—„плоть“ всякого изучения. И вот **воплощение духа и есть жизнь школы**. Плоть только тогда будет жива, когда будет одухотворена. Упражнения и практические работы только тогда приобретут смысл, когда будут тесно связаны с курсом и объединены в одно целое.

Такого объединения при существующей **лоскутной системе преподавания**, конечно, мыслить нельзя. Предметы расписания обычно группируются не так, как нужно в интересах дела, а как удобно преподавателям, занятым в других учебных заведениях или службой, не считаясь ни с трудностью, ни с загруженностью дня, ни с причудливостью смены впечатлений, ни с самыми элементарными доводами логики в смысле педагогики. Составители расписания ставят своею задачею лишь „уложить преподавателя“ и чтобы у него не было „окон“, т. е. пустых уроков, а до всего прочего им дела нет.

Вот в этом-то я и вижу основную и самую существенную ошибку в деле преподавания в профессионально-технических школах, как бы талантливы ни были отдельные их работники. Нарушение уже наладившейся работы мысли за время „чтения“ или беседы по одному предмету и рассеивание только что создавшегося впечатления **выступлением** другого лектора мешают сосредоточению и углублению в определенном направлении, утомляя мозг скорее, чем можно было бы думать. Такая смена разрозненных впечатлений чрезвычайно напоминает какие-нибудь „варьете“, уйдя откуда забываешь даже, что был там, тогда как цельная, хорошо срепетованная пьеса, не смотря на одни и те же действующие в ней лица, дает не скоро исчезающее впечатление. Поэтому, как бы хороши и идейны ни были преподаватели отдельных предметов в данной школе, им надо дать **„спайку“** и привести в естественную согласованность, хотя бы по группам родственных предметов, сорганизовав как бы „пачки“ их, представляющие нечто цельное и законченное, взаимно дополняющее друг друга.

Такая „пачка“ предметов вызовет известный **„аккорд“ знаний**, всесторонне освещающий всеми доступными способами современной педагогики известную

циалистической культуры. В состав коллегии предполагается включать кандидатов названного союза, избираемых Отделом. В обязанность членов ее входят участие в отдельных специальных работах по реформированию школы и улучшению в ней учебно-воспитательной стороны в зависимости от своей специальности, инструктирование организациями: экскурсионной, школьных огородов, детских колоний и площадок, групповых занятий и устройство кабинетов, мастерских при школах, школьных клубах, причем „для постоянной связи со школой, продолжения педагогического опыта, необходимо, чтобы все члены коллегии имели часть уроков и были представителями Отделов в школах и школьных советах".

О взаимоотношении коллегии и Отдела, прежде всего, нужно сказать, что инструкторская коллегия должна опираться в своей работе на доверие союза работников просвещения и социалистической культуры. Галичская инструкторская коллегия выражает пожелание, чтобы ее постановления и решения по вопросам учебно-воспитательной части школы, не противоречащие принципам декрета о Трудовой Школе, имели авторитет для заведывающего школьным п/отделом, причем о них коллегия его заблаговременно извещает.

Для полной согласованности работ коллегии и Отдела нар. образ. желательно, чтобы каждое положение Отдела или мероприятие проходило предварительно коллегию и лишь после одобрения последней принимало силу определенного декрета, рассылаемого по школам или публикуемого в газете во всеобщее сведение для руководства и исполнения.

В Костроме еще в мае 1919 года организовалась коллегия из 7-ми инструкторов, которая не только распределила все школы между собою порайонно, но и взяла на себя ряд обязанностей в городском Отделе, а именно заведывание школьным п/отделом, ведение экскурсиями, школьными огородами и колониями, физическим воспитанием, детскими площадками и т. д., то-есть, почти всеми основными вопросами школьного и дошкольного воспитания.

В виду этого деятельность коллегий—Горотдела и Инструкторской—сливается настолько, что их трудно разграничить. Результаты, достигнутые одной, могут быть приписываемы другой, но это не важно; важно, чтобы достижения в области трудовой школы действительно имелись и чтобы работа обеих коллегий протекала согласованно. Из протокола собрания Костромского горисполкома мы видим, что „школьно-инструкторская коллегия приступила уже к организации трудовых и лечебно-санитарных колоний и дач, школьных огородов, детских площадок, экскурсий и групповых занятий в течение летнего семестра". Весной, как видно из отчета, колонии принимаются, заготовляется инвентарь, продукты для питания, приглашаются руководители, самый план жизни в колониях уже определен. „Трудовики от 13-ти лет, работают посменно, слабые дети живут по 1 месяцу. Огородные работы ведутся в центральном школьном огороде, куда школы в последовательном порядке высылают 40 человек в 2 смены, по 20 человек в каждой, и в пришкольных огородах. Для инструктирования пришкольных огородов приглашен особый агроном". Инструкторская коллегия предполагает устроить особые беседы для руководительных площадок. „В пришкольном п/отделе открыто экскурсионное бюро, в состав которого вошли историки, физики, естественники и инженеры. Ведется научная работа. Экскурсии совершаются по строго определенному типу. В естественно-геологическом отношении исследуется город и его окрестности. Экскурсионное бюро организовало выставку экскурсионных принадлежностей и ознакомляет учащих с методами проведения экскурсии через бюро". Предполагается, чтобы районные инструктора просматривали протоколы школьно-педагогических советов, а также принимали к сведению и интересовались теми статистическими данными, какие сообщаются школами.

С севера (Архангельская губерния, Шенкурский уезд) инструктора пишут в августе месяце текущего года в Наркомпрос, что Трудовая Школа у них еще не введена, а потому они предполагают взяться за проведение ее в жизнь. Для этого инструкторская коллегия, состоящая из 3-х лиц, поделила 33 волости между своими членами и думает объехать по 2 раза в зиму приходящиеся на каждого инструктора 42 школы (как видим, это число превосходит установленную Наркомпросом норму в 30 школ). В виду отдаленности Шенкурского уезда от центра и близости фронта, там возможно за эту зиму выполнить лишь первоначальную организационную работу, включая сюда и пропаганду среди населения идей Трудовой Школы. Из Олонецкой губернии (Лодейнопольский уезд) имеем сведения от середины сентября текущего года, что инструкторская коллегия уже выработала конкретные меры в области перестройки школы на трудовом начале на ближайший период, а также и схему обследования школ инструкторами.

К числу конкретных мер по проведению в жизнь школьной реформы коллегия относит: помощь учащихся учителю в работе по школе — работы по библиотеке (выдача и получение книг и ведение записи), по подготовке опытов, по изготовлению тетрадей, — это касается самообслуживания. При проведении в жизнь трудовых процессов следует занять школьников устройством общественного сада или хотя бы сада при школе, построив в первую очередь живую изгородь из елок, устройством парников, гряд и осеннего посева моркови. Но кроме этого общеполезного труда должен одновременно применяться и труд декоративный: например, украшение классных помещений гирляндами из хвои, шишек, плакатами из цветов, травы и проч. При школах должны быть организованы *уголки природы* с моделями болота мохового, дерева с лишаями и наростами, *музеи народного края*, где должны быть собраны все относящиеся к данной местности картины, описания, модели сельскохозяйственных, рыболовных и охотничьих орудий, альбомы местных сказок, примет и пословиц. Так детально выработаны инструкторской коллегией конкретные указания по проведению в жизнь трудовых процессов, что хочется верить в полное осуществление принципов новой школы в текущем году и на далеком севере советской России.

В. Вицкая.

Школьная реформа в Тверской губернии.

Два фактора повлияли задерживающим образом на ход школьной реформы в Тверской губернии: большой недостаток учительского персонала и вообще работников по просвещению, а также затруднительное продовольствие и материальное положение в школах губернии.

Организация Отнаробов. Инструктор от Наркомпроса, производивший ревизию тверского Губотдела, сообщает, что до октября 1918 года Губотдел был неорганизован: во главе его стояло лицо, фактически не занимавшееся организацией Губотдела; до 18 июля в Губотделе, кроме бухгалтера, машинистки и регистратора никого не было; поэтому и творческой работы в нем не было заметно; с июля нужно было организовать все заново, но школьных работников было мало, так что до октября в Губотнаробе не могла сконструироваться даже коллегия. После вступления в должность энергичного лица (коммуниста) были организованы 8 подотделов: 1-й ступени Единой Школы, 2-й ступени Единой Школы, внешкольный, дошкольный, инструкторский, статистический, искусств и народных развлечений, издательский с книжным складом.

Недостаток работников отмечался также и в уездных Отнаробах. Так во главе тверского уотнароба стояло лицо, которое в то же время было заведующим отделом медицины и ветеринарии; Коллегии при отделе не было. Организация волостных Отделов этого уезда замедлялась отсутствием в уотнаробе инструкторского состава и вообще агитационных сил, которые могли бы оживить деятельность на местах. Заведующий тверским уотнаробом неоднократно обращался с просьбой к центру помочь тверскому уезду и людьми и деньгами.

В вышневолоцком уотнаробе много энергии и времени было потрачено на выборы и перевыборы своих отделов, что уничтожало преемственность работ, а часто, по замечанию инструкторов, приехавших из Москвы для ревизии, аннулировало и самые работы. В январе 1919 г. в этом отнаробе не было ни протоколов, ни журналов заседаний, никаких вообще письменных данных, которые могли бы иллюстрировать деятельность отнароба и только с января началась правильная организация отнароба; к этому же времени стали организовываться и волостные отнаробы; их деятельность вылилась главным образом в проведении трудовых процессов в школах путем образования мастерских и в работах по обеспечению школ дровами и проч.

В отчете о деятельности новоторжского уотнароба за период от февраля 1918 г. по июнь 1919 г. отмечается, что деятельность волостных отнаробов зависит в значительной степени от личности заведующего отделом.

Заведующий зубцовским уотнаробом отмечает, что работа в отнаробе имеет характер малой определенности, обусловливаемой недостатком соответствующих работников. На январском съезде волостных отнаробов этого уезда отмечено, что в волостях отсутствуют соответствующие работники по заведыванию волостными отнаробами.

На недостаток работников указывает также и осташковский отнароб.

Советы народного образования также страдают от отсутствия хороших работников (отчет кашинского отнароба, апрель 1919 г.).

К замене волостных отнаробов районными не по всем уездам отнеслись одинаково. В кашинском уезде из уотнарода был дан отзыв, одобряющий замену; были высказаны и мотивы этого одобрения:

„1) Волостные отнаробы сделали много для внешней технической стороны дела просвещения (подыскивание и ремонт помещений и т. д.), но, сконструированные путем выбора местными исполкомами, они составлены из лиц порою малограмотных и т. п., неспособных руководить на местах проведением идей трудовой школы; волостные отделы как бы изживаются в настоящий момент, когда налаживается уже чисто идейная педагогическая работа.

2) Некоторые волостные отделы имеют очень немного школ в своем ведении; уотнароб желал бы в новых районных отделах контролировать их состав и назначать руководителей — инструкторов из местных учительских сил".

Другие же уезды, наоборот, отрицательно отнеслись к замене; так весьегонский уотнароб считает невозможным выполнить организацию районных отделов за недостатком средств и вообще соединение нескольких волостных отделов в один районный признает нецелесообразным в виду налаженной работы в волостных отделах и знакомства их с нуждами мест. Кимрский уотнароб решил просить временно оставить волостные отнаробы в виду того, что реорганизация отделов во время учебного года сильно отзовется на деле образования, так как в волостных отделах работа налажена.

В вышневолоцком уезде нельзя было приступить к организации районных отнаробов потому, что не было средств расчитаться с волостными отнаробами; на содержание волостных отнаробов на первое полугодие 1919 г. испрашивалось 333.819 р. 41 к., а было получено лишь 43.936 р. 59 к.; полученной суммы не хватило на выдачу жалованья составу волостных отнаробов за январь и февраль; представители волостных отнаробов должны были ежедневно приходить в уотнароб за жалованьем, „при чем,—замечает заведующий уотнаробом,—невыдача жалованья тяжело отражается на самом деле; упала прежняя энергия, и лица, вначале горячо взявшиеся за дело народного образования в волостях, сейчас или уходят со своих мест, или ничего не делают, ссылаясь на невозможность служить без жалованья".

Несвоевременное и недостаточное снабжение деньгами из центра служит, по мнению заведующих уотнаробами, одним из главных препятствий к широкой и правильной работе. Например, в Вышневолоцком уезде финансовое дело рисуется так (сведения от мая 1919 г.) на первое полугодие 1919 г.:

	Испрашивалось.	Отпущено.
На содержание личного состава учащ. шк. I ст.	2.020.137 р.	1.002.903 р. 15 к.
Школьн. пособий и канц. принадлежности	86.400 —	38.400 — 00 —
На содержание личного состава учащ. шк. II ст.	333.170 —	245.625 — 00 —
На организац. общедоступн. образов. . . .	3.442.350 —	1.030.445 — 00 —
На организац. складов и маст. наглядн. пособ.	60.600 —	29.146 — 50 —
На трудовые процессы. . .	1.785.600 —	78.775 — 00 —

То же и в других уездах.

Уезды, не получавшие достаточно денег из центра, изыскивали средства из местных источников. В Корчевском уезде было высказано пожелание ввести школьный налог, при чем указывалось на пример Англии, где школы содержатся на частные средства; было предположено возложить на исполкомы взыскание с начисления тех сумм, которые не будут отпущены центром. Тверской уотнароб еще в октябре 1918 г. указывал, что почти все расходы по содержанию школ уездный исполком несет из своих средств, так как, хотя отнароб и ходатайствовал перед центром об отпуске средств на разные нужды народного образования, но отпущено ему было только на содержание учащих.

Хозяйственная жизнь школы. Финансовые затруднения отражались и на хозяйственной стороне школьной жизни. Так как в 1918 г. финансы губернии находились в плохом состоянии, то местные органы власти мало могли что-либо сделать для школьного строительства; в существующих школах производился только мелкий, неотложный ремонт, и в настоящее время мы почти из всех уездов имеем сведения, что школьные здания в большинстве страдают полной бесхозяйственностью в оборудовании и ниже всякой критики в санитарно-гигиеническом отношении (Кашинский уезд, апрель 19 г.). В Кимрском уезде даже пришлось за неимением денег на ремонт школ использовать деньги, ассигнованные на питание детей (сведения от мая 1919 г.). Из Осташковского уезда имеются сведения (от мая 1919 г.), что школьные занятия приходилось вести в две смены и при том в холодных и полуразвалившихся домах. Недостаток школьных помещений приводил также к тому, что в некоторых школах (Старицкий уезд, апрель 1919 г.) учащие могли вести занятия только через день. Такое состояние школ ставило перед отнаробами неотложную задачу постройки новых школьных зданий; отовсюду приходят известия, что уотнаробы составляют сметы на постройки и обращаются в центр с просьбой о кредите. Но не одно отсутствие денег тормазило школьное строительство, а также общая экономическая разруха; заведующий новоторжским уотнаробом пишет: „В настоящее время сооружение зданий сопряжено с большими трудностями, хотя у населения есть сильное стремление видеть школу в готовом здании и оно охотно идет на помощь, предлагая без всякой оплаты заготовить и подвести строительные материалы: лес, камень, кирпич и т. п., и делает денежные сборы в размере

до 100% общей стоимости. Но отсутствие нужного количества многих материалов, цемента, гвоздей, стекла и проч., дороговизна и отсутствие рабочих рук, недостаточное количество технического персонала, отсутствие средств не дают возможности отнаробу взяться за выполнение этой задачи в большом масштабе". Чтобы пополнить этот огромный недостаток школьных зданий, была широко использована реквизиция; лучшие дома в городах и по уездам дома в имениях были реквизированы под школы.

Заботы об отоплении школ были возложены на волостные исполкомы; в некоторых уездах они хорошо справились со своей задачей, и школы во-время были снабжены топливом (Тверской губ.), но в некоторых уездах (Осташковском, Кимрском, Новоторжском) было отмечено, что школы должны были закрываться из-за недостатка топлива. Отмечается повсюду недостаток в классной мебели; везде двухместная парта обслуживает 3 учеников; для новооткрывающихся школ отнаробы не могут посылать шкафов, столов, баков для питья воды—за неимением их. Особенно в сельских школах обстановка школы самая скудная: парты старого образца, классные доски, несколько карт, глобус,—вот и все достояние сельских школ (сведения от июня 1919 г.). Лучше снабжены школы I ст. в городе и все школы II ст. Из Осташковского уезда имеются сведения, что в некоторых волостях заметно стремление населения возможно лучше оборудовать школы, на что производятся довольно крупные затраты из местных средств.

С школьными пособиями дело обстояло также неудовлетворительно; из Осташковского уезда (в мае 1919 г.) пишут: „Письменных принадлежностей почти что не было, приходилось писать на разных лоскутках и обрывках". Повсюду ощущается большой недостаток в учебниках, учебных пособиях (картинах, физических приборах, реактивах и т. д.).

В благоприятном отношении в этом положении оказался только один Тверской уезд; там из запаса, сделанного раннее, удалось снабдить учебниками всех учащихся уезда (17.000 ч.), но и там ощущался недостаток в наглядных пособиях.

Осташковский уотнароб жаловался на губотнароб, что тот заключил такое условие с Москвой, чтобы там отпускали учебные пособия только ему, а он уже сам будет распределять по уездам; но губотнароб ничего не отпустил осташковскому уотнаробу (сведения от мая 1919 г.), и когда тот направился в Москву, то и там ему было отказано.

Школьная санитария. Повсеместно констатируется плохая организация санитарного дела. Многие школы находятся в санитарном отношении в самом неудовлетворительном положении (напр., в уездах Зубцовском, Кашинском, Осташковском и др.). В уездах свирепствовала эпидемия сыпного тифа, и некоторые школы были закрыты на 2—3 недели. Мероприятия школьно-санитарных подотделов при уотнаробах выражались в снабжении, где это оказалось возможным, школ аптечками первой помощи и в чтении школьными докторами популярных лекций по гигиене. В Осташковском уезде отмечена сильная заболеваемость детей оспой, при чем прививка оспы была произведена не везде, за отсутствием врача или фельдшера и за неимением детрита.

Горячие завтраки. Для проведения декрета о горячих завтраках при уотнаробах были образованы комиссии, которые выработали нормы питания и произвели подсчеты нужного количества продуктов для всех школ уезда. Но ассигновка из Наркомпроса запоздала и была получена только в начале декабря и далеко не в таком размере, какой требовался; кое-где по уездам происходили обложения контрибуцией имущего класса на фонд детского питания, но местных средств оказалось недостаточно, и поэтому осенью в наиболее благоприятное время отделы не имели возможности произвести заготовку продуктов, и нельзя было настаивать перед продовольственными органами об отпуске

хлеба для каждой школы. Первую полученную ассигновку пришлось использовать только для школ, поставленных в наиболее острое продовольственное положение.

Среди учебного года обнаружился по уездам недостаток продуктов питания. Так, в Новоторжском уезде была отпущена ассигновка, дающая возможность организовать питание во всех школах уезда, но не удалось достать откуда бы то ни было нормированные продукты; Отдел тогда предложил каждой школе самой покупать на местах ненормированные продукты и организовывать питание; в школах уезда в настоящее время закупают молоко, яйца и кормят детей. О недостатке продуктов поступили сведения из Корчевского, Зубцовского, Кашинского, Осташковского и др. уездов. Отмечается иногда также отсутствие приспособлений для приготовления горячих завтраков (котлов, самоваров и т. п.), так что полученные продукты в сыром виде выдавались школьникам на дом (одно из собраний учащихся школы I ступени в Кимрском уезде было посвящено выяснению вопроса, как разлавать селедки).

Школьные завтраки проведены почти во всех школах в городах, а в уездах только в некоторых школах (сведения из Весьегонского, Осташковского, Новоторжского); в Зубцовском уезде завтраки проведены только в школах II ступени. В Кашинском уезде горячие завтраки организованы силами самих учащихся; они самостоятельно закупали продукты, школьная продовольственная организация не в состоянии была удовлетворять школы за отсутствием продуктов. Продовольственные затруднения тяжело отражались на жизни школьников; заведующий осташковским отнаробом пишет (в мае 1919 г.): „Школьники в большинстве своем голодные, и даже за последнее время стало наблюдаться бросание школ в силу поисков хлеба: кто уезжает с родными на Украину, а кто просит милостыню". И кашинский отнароб замечает, что „благодаря отсутствию главных пищевых продуктов создалось беспокойное и нервное настроение как среди учащихся, так и среди учащих".

Продовольственный вопрос у учащих. О тяжелом продовольственном положении учащих говорилось с самого начала учебного года. На делегатском съезде учащих и представителей от родительских комитетов Корчевского уезда в октябре 1918 г. отмечалось плачевное положение учащих в области продовольствия, которое доходило до формеиного голодания; все хлопоты учащих не приводили ни к чему, и они стояли перед перспективой невозможности занятий на почве истощения. Учащие города находились в более худшем положении, чем учащие уезда, в смысле получения продуктов, и даже чем советские служащие, которые в городах получали пайки. Хлопоты учащих и были направлены к тому, чтобы их уравняли с городскими советскими служащими и учащими уезда. Уотнаробы обращались в отделы снабжения с просьбой о хлебном пайке для учащих и их семей.

Снабжение мануфактурой и обувью. Снабжение мануфактурой и обувью производится слабо за неимением соответствующего материала. В Весьегонском уезде на каждого школьника отпущено 36 руб. в полугодие на одежду и обувь.

В Новоторжском уезде удовлетворены 13—15% учащихся, наиболее бедных. В Осташковском уезде в городе все бедняки и средняки обуты и одеты; для удовлетворения уезда уотнароб обратился в упродком и тверской губотнароб; тверской губотнароб прислал (в мае 1919 г.) в Отдел для снабжения школьников и дошкольников—3 пары ботинок, 5 катушек ниток и для проведения трудовых процессов по рисованию 1/4 ф. красок.

Недостаток учителей. Материальное положение, в которое были поставлены учащие в Тверской губернии, не могло привлечь работников в школы; учителя получали 282 руб., и в связи с этим отмечался их огромный недостаток. Новоторжский отнароб отмечает,

что многих учителей вынуждает бросать школы продовольственный кризис и они убѣжают в более хлебные места. Многие городские учителя переходили в уезды, но убедившись, что и в уезде с продовольствием плохо, вовсе покидали службу; немало жертв унесли эпидемические заболевания; иногда в школах наблюдались такие случаи: учащий уходит, через неделю следует назначение нового, который через неделю или две приезжает, а часто отказывается; школа без учителя вынуждена оставаться часто месяц, а иногда и два. Когда в декабре жалованье было увеличено до 700 рублей, то в связи с этим увеличилось число учителей. В Зубцовском уезде до ноября учащих было 321, в марте 355, но и этого количества недостаточно; их не хватает на уезд приблизительно 100 человек; многие школы оказываются без учителей, а имеющимся учителям приходится заниматься с 50—60 учениками. Недостаток учителей,—замечает зубцовский отнарод,—не позволяет осуществить принцип всеобщего обязательного обучения. В Кашинском уезде 75% учителей взяты на военную службу. Заменить их является делом громадной трудности. Для школ г. Корчевы не хватает 50 преподавателей; это, по словам уотнароба, „создает положение полной безрезультатности работ по реформе школы". Огромный недостаток учительских сил констатируется также в Весьегонском и Осташковском уездах; уотнаробам приходилось применять меры к устранению этого недостатка. В г. Весьегонске решено способствовать открытию специального учебного заведения типа учительской семинарии. В г. Торжке открыты педагогические курсы: на эти курсы в первую очередь принимались беднейшие рабочие и крестьяне, так как определенного образовательного ценза при поступлении на курсы не требовалось; слушатели курсов получали пособие в 399 р. 50 к. в месяц.

В Краснохолмском уезде был образован кадр запасных учителей, при уотнаробе—7 и при каждом волостном—по 1; в промежутках между командировками запасные учителя принимали участие в работах отнаробов по проведению реформы школы.

Выборы учителей. Выборы и назначения учителей производились представителями от отнароба совместно с представителями от учащих и в некоторых уездах с представителями от организаций. Назначения производились по конкурсу педагогических стажей; принимались в первую очередь лица, имеющие рекомендации советских учреждений, а также населения и имеющие педагогическую практику; затем кандидаты, окончившие специальные педагогические заведения и, наконец, окончившие средне-учебные общеобразовательные заведения, причем в Тверском уезде кандидаткам, окончившим епархиальные училища, было отказано в назначении.

На съезде по просвещению в Зубцовском уезде в мае 1919 г. с участием учащих, населения и представителей от волостных отнаробов поднимался вопрос о том, кому контролировать деятельность педагогов; высказывались мнения, что контроль должен исходить от отнаробов, но тут же высказывались опасения, что волостные отнароб не могут контролировать педагогическую деятельность учителя, так как они сформированы из лиц, совсем незнакомых с педагогической деятельностью, но что, наоборот, контроль должен исходить из товарищеской среды.

Подготовленность учителей. В начале учебного года на делегатском съезде учащих и родительских комитетов в Корчевском уезде подчеркивалась отсталость и неспособность современного учителя в области задач, поставленных временем и революцией. Учащие,—говорилось там,—при вступлении в новую школу являются детьми и не имеют под собой твердой почвы. Но и в конце учебного года из многих уездов (Кашинского, Осташковского, Весьегонского, Зубцовского и др.) от марта—мая слышатся жалобы на незнание педагогического персонала и его неспособность ориентироваться и проводить новую трудовую

школу, вследствие чего школьное строительство в своей идейной части остается почти на точке замерзания. Сами учителя (на учительском съезде в марте 1919 г. в Весьегонском уезде) признавались, что „нельзя быть вожаком, когда с дорогой незнаком; мало мы подготовлены,—говорили они,—хотя также и мало имеется в нашем распоряжении средств и материала для проведения трудовых принципов".

Для подготовления учащих к проведению реформы отнаробы устраивали курсы и лекции. Тверской губотдел организовал в Твери одногодичные педагогические курсы.

Такие же курсы были открыты в г. Весьегонске, на них было 30 учеников. Кроме того в Твери были губотнаробом организованы краткосрочные курсы по методам проведения принципов Единой Трудовой Школы. В г. Осташкове уотнароб открыл зимой такие же краткосрочные курсы и представил смету в губотдел, но так как губотдел не отпустил денег, то курсы должны были закрыться. Краткосрочные курсы были открыты в г. Торжке на местные средства; новоторжский уотнароб решил через курсы провести всех учащих уезда. Были организованы краткосрочные курсы и в г. Кашине.

Вышневолоцкий отнароб считал, что успеху дела проведения в жизнь принципов Единой Трудовой Школы помогает частое общение учащих друг с другом для обмена мнений по педагогическим вопросам и совместной разработки вопросов по пересозданию школы; поэтому уотнароб несколько раз в месяц устраивал по всем волостям съезды; для разрешения возникающих вопросов туда командировались инструктора, которые давали объяснения и советы. Такие же съезды устраивал и зубцовский отнароб.

Кашинским уотнаробом закуплена на 100,000 рублей педагогическая литература по трудовой школе и распределена среди учащих. Уотнароб издает журнал, „Бюллетень по Народному Образованию" по общественно-педагогическим вопросам, с информационным отделом.

Учительство особенно настаивало на необходимости организовать примерную школу, пригласив опытных инструкторов; оно считало, что принципы трудовой школы освещены достаточно, что теперь особенно важно научиться их осуществлять практически.

В г. Осташкове и была организована небольшая школа (26 детей разных возрастов), в которой занятия поставлены совершенно на новых началах, по методу Блонского, без уроков, без разделения на отделения; эта школа организована как трудовая коммуна; она будет являться ядром будущей показательной школы 1 ступени.

Школа. Для проведения в жизнь принципа Единой Трудовой Школы Губотделом были приняты следующие меры. 1) Все бывшие средне-учебные заведения города были преобразованы в школы I и II ступени и размещены в различных зданиях. 2) Произведена перегруппировка учащихся для введения совместного обучения. 3) Все бывшие высшие начальные училища преобразованы в школу 2-й ступени или путем выделения отдельной школы 2-й ступени, или же, где это было возможно, путем слияния со старшими классами бывш. средне-учебных заведений. 4) Все низшие начальные училища города соответственно преобразованы в школу 1-й ступени, при чем вследствие недостатка классных помещений в зданиях бывших низших начальных училищ, все пятые классы (последние годы обучения на 1 ступени), включающие в себя учеников, окончивших в прошлом году курс низших начальных училищ, помещены в одном, реквизированном для этой цели отделом здании. 5) Повсеместно прекращено обучение Закона Божьего и латинского языка. 6) Приняты в ведение губотнароба все школы духовного ведомства; при проведении там принципа совместного обучения было обращено большое внимание на то, чтобы произошло полное смешение учащихся светских и духовных

школ. Тверской уезд в количественном отношении снабжен школами довольно удовлетворительно; школьный радиус нигде не превышает 3-х верст, за очень немногими исключениями. О достижении 3-х верстного радиуса сообщается и из Новоторжского уезда, но не все школы там с 5 годами обучения. На съезде по просвещению в г. Кашине в сентябре 1918 г. с представителями от учительства, отнаробов и населения высказывались пожелания населения, чтобы в школах было пятилетнее обучение, но там же указывалось, что нет помещений, пригодных для школы с пятью отделениями.

Обязательное обучение повсюду решено в принципе, но в жизнь еще не проведено. Новоторжский уотнароб в своем отчете от 1 июня 1919 г. заявляет, что он считает своевременным начать поход за обязательное посещение школы, так как посещаемость школы далеко не аккуратна; попутно он указывает и причины этого явления. „Некоторые родители вовсе не отправляют детей в школы (особенно девочек), хотя к этому есть полная возможность, а также если и отправляют, то поздно посылают в школу с осени и рано берут весною; деревня привыкла, как только стает снег (конец апреля), прекращать отпуски детей в школу; у взрослых начинаются работы в поле, а дети остаются дома в качестве нянек, пастухов, дровосеков, при чем в большинстве случаев семья может справиться и без услуг учащегося; часто родители посылают детей в школу только тогда, когда детям абсолютно нечего делать дома и их отправляют туда, чтобы дома не баловали и не мешались". Уотнароб приводит также в качестве причин низкой посещаемости школ— ужасающую бедность, осеннюю грязь, метели зимой, весенние разливы. Наибольшая посещаемость школ падает на ноябрь и декабрь, а с февраля начинается заметное понижение ее; а в виду того, что в настоящем году предполагается продолжение занятий в мае и июне, посещаемость школ упадет еще ниже. Уотнароб решил начать борьбу за посещаемость школы, при чем перед ним лежали два пути к этому: путь широкой агитации, который уже использован, и путь принуждения. Уотнароб выработал основные положения о проведении в жизнь закона об обязательности обучения; эти положения рассмотрены в уездном совете по народному образованию, утверждены исполкомом и посланы на утверждение губисполкома. К участию в борьбе за посещаемость школ привлекаются широкие слои трудящихся и все работники по просвещению, школьные, сельские, волостные и уездные отнаробы. На родителей, без уважительных причин не посылающих своих детей в школы, предположено налагать денежные взыскания.

Всеобщее обучение еще нигде не проведено; так имеются известия из Кашинского уезда, что там детей школьного возраста 35.869 челов., а обучаются 11.911 челов., т. е. только 33,2%.

Об организации школьных советов известно очень мало; в Новоторжском уезде они начали организовываться с ноября; в Осташковском — с января 1919; из Кимрского уезда от марта 1919 г. имеются сведения, что там идет организация школьных советов по школам уезда, и отмечается также, что организация их по городу правильно не осуществлена в виду того, что трудовое население слабо откликнулось на призыв отнароба итти в школьные советы.

Отнаробы издали распоряжение о прекращении повсеместно в школах обучения Закону Божию; было прекращено обучение и латинскому языку. Французский язык проходился только в тех школах, где того желали учащиеся; отнаробы рекомендовали занятия английским языком, и в некоторых школах г. Твери были приглашены преподаватели английского языка. Во многих школах введено рисование, пение, музыка. В г. Краснохолмске учащиеся II ст. пожелали обучаться выразительному и декламаторскому искусству; уотнароб пошел навстречу их желанию и во всех школах II ступени в городе решил ввести означенные предметы. В Корчевском уезде в школах преподается гигиена, советское законодательство и конституция. Ученические библиотеки при школах очень неудовлетворительны; книги плохие, и их мало, а спрос на них очень велик; новооткрытые школы остаются и вовсе без ученических библиотек; отнаробы принимают большое участие в их составлении и привлекают к этому и местное население.

В отчетах отнаробов отмечалось, что внутреннее содержание школы почти осталось прежним. Школа избавилась от религии, новая орфография упростила грамматику, но в общем большинство школ по-прежнему остается школами „чтения, письма и счета". Инструктор старицкого отнароба замечает по этому поводу: „Трудно сделать что-нибудь крупное и яркое при той обстановке, в какой живет в настоящее время наша школа; иногда просто затруднительно предъявить к учительнице повышенные требования, видя ту неподражаемую бедность, нищету и убожество, в которых ей приходится работать; напр., в одной из деревенских школ одна учительница занимается на две смены; нет решительно никаких пособий, нет книг ни для классного, ни для внеклассного чтения, даже букварей нет, пришлось занять их в соседней школе; в другой школе вместо книг какие-то грязно-бурые обрывки, собранные очевидно из соседних школ; нет бумаги, нет чернил; большинство детей пишут карандашом".

Трудовые процессы. Полная неподготовленность учительства явилась сильным тормазом в деле проведения трудовых процессов; для прежнего учительства организация трудовой школы явилась полной неожиданностью; у огромного большинства не было решительно никаких навыков и уменья организовать хоть какие-нибудь, даже самые простейшие виды труда; для многих осталась непонятна сама идея организации трудовой школы. В Весьегонском уезде благодаря деятельности некоторых волостных отнаробов налаживается работа по подготовке учителей к трудовой школе; учителя собираются вместе, представляют на эти собрания работы на темы о трудовых началах и намерены посещать уроки товарищей, чтобы коллективной работой ускорить проведение в жизнь трудовых начал. В Осташковском уезде инструктор, обучавшийся на московских курсах по подготовке инструкторов по трудовому началу, читал лекции для учащих города и уезда по трудовым процессам.

Первое введение трудового начала выразилось в участии учащихся в поддержании чистоты в школах, мытье полов, колке дров и пр.; там, где устроены горячие завтраки, ученики (не моложе 12 лет) принимают участие в приготовлении пищи, в ее правильном учете и распределении.

В школах начинает преподаваться лепка, вырезывание из дерева, плетение корзин, вышивание, выжигание. В некоторых школах II ступени с преобладающим женским элементом введено преподавание домоводства, с преобладающим мужским элементом—преподавание ручного труда в столярной или переплетной мастерской. Заботы отнароба были направлены на то, чтобы где только возможно устроить мастерские при школах; препятствием в этом служит недостаток инструментов; отмечено, что, напр., швейных машин нет, даже нитки можно достать с трудом. Уотнаробы предписывали волостным отнаробам изыскивать средства и пути к лучшей постановке мастерских. Имеются известия из разных уездов об открытии там мастерских при школах; в Кимрском уезде открыта переплетная мастерская; ремесленная школа там превращена в школу I ступени, при ней открыты мастерские: слесарно-механическая, сапожная, столярная, кузнечная. В Вышневолоцком уезде в школах изучается столярное, бондарное, кузнечное и слесарное дело, изготовляются примитивные физические приборы. В г. Вышнем Волочке устроена образцовая сапожная мастерская для школ города; к работе в ней проявили большой ин-

терес и учащие и учащиеся. В Новоторжском уезде для школ II ступени приспособлена слесарно-механическая мастерская; к работе в ней привлечены также и старшие учащиеся школ I ступени. В Весьегонском уезде получены средства на оборудование столярных мастерских при 5 школах, при одной еще гончарная мастерская. В Кашине бывшая ремесленная школа расформирована и преобразована в показательную мастерскую по трудовым процессам для школ города; там преподаются ремесла столярное и слесарное; в 3-х школах устроены свои столярные мастерские. Для девочек введены уроки шитья, кройки, пряденья льна и шерсти, башмачное дело. При этом учащиеся привлекались также к выполнению общественно-полезных трудовых процессов; так, из одной школы решено обратиться в больничный комитет с предложением отпускать в школьную швейную больничное белье для починки. Предметы, изготовленные в школьных мастерских, шли специально для нужд отнароба; в столярных мастерских приступили к устройству парт и стульев; мастерские (столярная и слесарная) обслуживают также нужды окружающего населения. В Кимрском уезде по инициативе школьного подотдела устроена при отделе выставка трудовых процессов, где собираются работы учеников города и уезда; выставка эта служит иллюстрацией к пройденному курсу. Новоторжский отнароб констатирует, что „школьных работников, знакомых с тем или иным видом производства, единицы; в тех школах, где функционируют в настоящее время мастерские, в большинстве случаев приглашены обыкновенные мастера,—сапожники, столяры, слесаря, вовсе неподготовленные к школьной работе; и физический труд не имеет никакого отношения ко всем остальным самостоятельным предметам и не получает того освещения светом знания, как это нужно".

Летняя школа. У отнаробов были проекты задержать детей летом как можно дольше при школах как в городах, так и в селах. Но во многих случаях родители требовали прекращения занятий как можно раньше, так как дети должны были им помогать в их полевых работах, за недостатком рабочих рук. Отнароб, идя навстречу такому недостатку рабочих рук, организовывали рабочие дружины из школьников (Кимрский уезд). Большим препятствием как к организации дружин, так и вообще летней школы служит продовольственный вопрос. Но кое-что удалось сделать. В Кимрском уезде школьные советы II ступ. ввели преподавание сельского хозяйства; зимой были лабораторные занятия, весной практические работы; также в Корчевском уезде организованы практические занятия для школ II ступени в огороде, саду и в поле. В Старицком уезде отнароб разрешил школьному совету школы II ступени организовать образцовое сельское хозяйство при школе и отпустил 30.000 руб. с тем, чтобы к работе по ведению сельского хозяйства широко были привлечены учащиеся.

По Положению о Единой Трудовой Школе каждой из городских школ должно быть отведено не менее 0,5 десятины, а каждой сельской школе—1 десятина. Из Новоторжского уезда имеются сведения, что не всем школам отведена земля, потому что не хватило технических сил; удалось обеспечить школы только некоторыми огородными семенами, из полевых же семян удалось получить только немного овса; живого инвентаря нет, а нанять лошадь стоит очень дорого (150 р. в день). Из Осташковского уезда пишут, что и там земельный отдел очень тормазил с отводом земли; отнароб несколько раз обращался к нему, но безуспешно, и городские школы принуждены работать на клочках земли в 15 сажен длины в 6 с. ширины, в 3 смены; городские учащиеся не очень охотно работают в огородах, хотя все же больше, чем в уездах, где учащиеся предпочитают работать на своих огородах; инструктора из отнароба ездили по школам и объясняли значение школьных огородов, и

многие школы после этого приступили к работам.

Школа-коммуна. Имеются известия о школах-коммунах из двух уездов: Вышневолоцкого и Новоторжского. В Вышневолоцком уезде со стороны учащих и учащихся было горячее сочувствие и желание создать школу-коммуну теперь же. Школьным подотделом были возбуждены перед земельным отделом ходатайства об отпуске имений под школы-коммуны, но в большинстве случаев эти ходатайства были отклонены; организации школ-коммун сильно препятствует и финансовая сторона; в настоящее время школа-коммуна открыта в имении Маслова, Песчаницкой волости при 12 учащихся; в имении Глубокое Яницкой волости приступлено к организации школы-коммуны, но работы еще не закончены (сведения от мая).

В Новоторжском уезде открыто 6 школ-коммун; школы открыты в бывших имениях, причем переданы не только все жилые помещения, службы и надворные постройки, но сравнительно большие участки земли и необходимое, хотя в некоторых школах недостаточное, количество живого и мертвого инвентаря; коммуны ведут самостоятельное хозяйство; уземотдел передал им весь хлеб, фураж, лошадей, коров, птиц и т. д. При всех этих школах организованы общежития, и более половины учащихся живут в них. В этих школах приходится думать не только об самообслуживании школы и общежития, но и ухаживать за скотом, учесть и целесообразно использовать все имеющиеся продукты и фураж, заканчивать работы по уборке хлеба (молотьба), вести подготовительные работы к весеннему сельскому периоду; устраивать парники, выращивать огородные семена и проч. А с наступлением весны им пришлось приняться и за самую обработку той земли, которая отведена под школы. При всех школах имеются огороды, земля под полевые культуры, при некоторых плодовые сады. При этих школах трудовое начало существует и организационно налаживается. Состав преподавательского персонала дает гарантию, что эти школы есть и останутся общеобразовательными; но самая обстановка в них заставляет получать знания через производительный труд. Хозяйственная жизнь школы будет поставлена в затруднительное положение на 2 летних месяца (июль, август), когда учащиеся будут отпущены на летние каникулы. Но в каждой школе находится известное количество коммунаров-учащихся, которые останутся и на лето; этим учащимся будет оказана посильная помощь, будет выдаваться бесплатно обувь и ткань на костюмы; кроме того будет обеспечена выдача продовольственного пайка из тех продуктов, которые будут добыты с обработанного участка. „Многого,—отмечает заведующий новоторжским отнаробом,—еще нет в этих школах, все те же недостатки посевного материала, и в особенности лошадей; но зато есть воля и уверенность. И хоть с трудом, но все затруднения преодолеваются, и трудовая жизнь школ-коммун ни на минуту не замирает".

Экскурсии. Школы, особенно весной, предпринимают целый ряд экскурсий; из уездов они направляются в города для осмотра фабрик, музеев, электрических и телефонных станций, типографий и т. п. Из Кимрского уезда даже была совершена экскурсия учащихся в Москву для ознакомления с ее художественными и историческими ценностями. По уездам несколько школ предпринимали совместные экскурсии для собирания гербария, коллекций бабочек и насекомых, материалов для корзин и других работ.

Организация учителей. В начале деятельности Советской власти тверское учительство в своем большинстве принадлежало к В. У. С. и было аполитично, так что пропаганды и агитации в революционном смысле в г. Твери совершено не было.

Но повсюду в России В. У. С. был закрыт; такова же была его участь и в Тверской губ.; так имеются сведения о его закрытии в Вышневолоцком уезде, Краснохолмском, Кашинском и других. В Кашин-

ском уезде по расформировании В. У. С., образовано профессиональное объединение, а в дальнейшем отделом намечено совместно с уездным комитетом партии коммунистов организовать партийное коммунистическое объединение учительства; по некоторым же работам шла организация учителей-интернационалистов. При тверском губ. отделе также был образован союз учителей-интернационалистов, зарегистрирован он в Вышнем Волочке; там между этим союзом и комитетом Р. К. П. установился тесный контакт; после этого,—читаем в отчете инструктора,—„союзу обеспечена материальная и нравственная поддержка и предоставлена широкая инициатива в области общественно-педагогической и чисто политической". В г. Весьегонске также образовался союз учителей-интернационалистов. Но повсюду отмечается его малолюдность. На ряду с привлечением учителей в С. У. Ин. идет привлечение их в ряды коммунистической партии. Союз учителей-интернационалистов после 2-го Всероссийского съезда реорганизован в Союз Работников по Просвещению и Социалистической Культуре. Этот союз ставит своей задачей объединение всех работников просвещения, участвующих в деле социалистического строительства. Начало его положено в марте 1919 г. В Новоторжском уезде зарегистрировано 115 человек его членами; в Весьегонском уезде—128 членов, причем в Исполнительный Комитет его вошли члены Исполкома союза учителей-интернационалистов, с добавлением двух членов. В г. Твери из 500 учителей в этот союз вступило 100 человек.

Отношение учительства к Советской власти. Отношение учительства к Советской власти было сначала открыто недоверчивое и кое-где недоброжелательное, так что губотнароб некоторых отдельных лиц педагогического персонала, находившихся у Советской власти на замечании, решил лишить права быть избираемыми на ответственные должности. И в уездах отмечалось это недоверчивое отношение к Советской власти.

Губотнароб, чтобы установить контакт с учительством и разбить это недоверчивое отношение, собирал учащих и беседовал с ними о делах школы; в результате этих бесед учительство приняло на себя секционные работы в отделе. А затем на одном из собраний тверское учительство вынесло резолюцию следующего содержания: „Мы, учителя г. Твери, заслушав доклад заведывающего губотнаробом и ознакомившись со всеми мероприятиями, которые проводятся в жизнь школы, выражаем этим начинаниям свое сочувствие и обещаем работать до конца, с целью проведения их в жизнь". Сдвинулось, по словам инструктора, передовое учительство, а большинство составляет пассивную часть, пошедшую пассивно на совместную работу с губотделом.

В Вышнем Волочке резко враждебное отношение к Советской власти сменилось на сочувственное, что вылилось в резолюциях, принятых после лекции приезжего из Наркомпроса инструктора. В Весьегонском уезде учительство на своем съезде в марте 1919 г. дало обещание итти навстречу всем начинаниям уотнароба так, чтобы учительство и отнароб представляли из себя дружную, товарищескую, трудовую семью.

Учащиеся. Имеются известия, что тверская учащаяся молодежь встретила с большим интересом школьную реформу, что выразилось в резолюции, принятой учащимися на лекции инструктора, приехавшего из центра; в этой резолюции учащиеся провозгласили полное единение с Советской властью и готовность работать с ней по проведению школьных реформ в жизнь. Тверской губотнароб с своей стороны пошел навстречу учащейся молодежи и, принимая во внимание общее тяжелое материальное положение, заставляющее учащихся служить, дал им возможность не прекращать учебных занятий и открыл Народный Университет с вечерними занятиями (школа грамоты, школа I и II ступени); кроме наук, проходимых обычно в школах, в нем читались лучшими местными преподавательскими силами лекции по бухгалтерии, сельскому хозяйству и социалистическому циклу наук.

По школам зарегистрированы школьные самоуправления учащихся; у них происходят собрания, где поднимаются вопросы дисциплины, постановки спектаклей, продовольственные и т. п. В Кашинском уезде существует организация учеников в виде ученических комитетов. Повсеместно отмечается падение дисциплины; так в Осташковском уезде ученики собираются в школу, но в классе не сидят, а проводят время в играх и гулянье; уотнаробу пришлось даже принять против них решительные меры, исключив из школы несколько человек, чтобы хотя бы этим повлиять на других учеников.

В Твери по инициативе самих учащихся открыт „клуб союза учащихся" с культурно-просветительной целью и с целью объединения всех учащихся.

В Вышнем Волочке также есть „клуб учащихся", но там главной его целью является развлечение.

В Осташкове был клуб, где происходило чтение рефератов, а также игра в шахматы, шашки и чтение газет; теперь клуб закрыт. Вся учащаяся молодежь II ступени в городе объединена в организацию, у ней есть значительный капитал, составленный из сборов за спектакли, которые часто ставятся организацией. В г. Кимрах учащиеся II ступени образовали несколько кружков: любителей музыки, изучающих печатание на пишущих машинах, любителей выжигания по дереву, рисования, театрального искусства, спорта, плетения сетей, шарфов и т. д.; школьные работники помогали учащимся в организации кружков.

Политическая организация учащихся в губернии слабая. Имеются сведения, что в Кашине есть немногочисленная организация коммунистической учащейся молодежи, которая работает в тесном контакте с местной организацией коммунистической молодежи и с комитетом Р. К. П. ведет агитацию среди учащихся города и волостей.

В г. Зубцове отдел организовал 4 ячейки коммунистов учащейся молодежи в 5 школах II ступени.

Население. Население в общем отнеслось недостаточно сочувственно к школьной реформе; наибольший протест, не прекращающийся и до настоящего времени (имеются о том сведения от 22 мая 1919 г.), вызвало отделение церкви от государства и вынесение икон из школ.

В Кимрском уезде школьные работники констатируют, что с изданием декрета количество учеников в школе значительно сократилось: в марте 1919 г. в этом же уезде в одной школе на собрании родителей учащихся было внесено предложение внести икону в школу на том основании, что в школе все православные, а в Старицком уезде на этой почве произошел крупный конфликт населения с учащими, и население насильно внесло икону в школу; отнароб счел виновной учительницу, доведшую дело до конфликта, и уволил ее.

Идея трудовой школы не только не всегда достаточно хорошо понималась населением, но зачастую и встречала с его стороны враждебное отношение к себе; среди населения существует мнение, что детей заставляют работать для учителя и что работа в поле вовсе ничего поучительного для детей дать не может: и на своей полосе,—так рассуждают родители,—дети могут научиться боронить, делать гряды и т. п.

Перед учителями встала задача широко популяризировать перед населением идею трудовой школы, для чего было введено обязательное демонстрирование преподавания трудового метода на глазах самих родителей, а также делались доклады о трудовой школе на заседаниях волостных советов по народному образованию; кроме того решено все школы, библиотеки и читальни снабдить литературой по организации трудовой школы-коммуны.

Секция по разработке материалов.

Отклики провинции на проекты реформы школы II ступени.

Прислушиваясь к вестям, идущим к нам с мест, мы заключаем, что в провинции чрезвычайно оживленно дебатируется вопрос о реформе школы II ступени. Из этих дебатов мы видим, что на местах чутко относятся к проектам и предположениям центра. Быстро подхватывают возникшую в Наркомпросе мысль, разрабатывая и видоизменяя ее согласно условиям данного географического и административного пункта. Правда, при этих видоизменениях встречаемся порой и с искажением, иногда довольно резким, первоначального проекта (перенос школ II ступени в фабрично-заводские центры видоизменяется в перенос их в села). Но нельзя отрицать, что в процессе реального строительства новой школы провинция развивает энергию и творческие способности, которые свидетельствуют, что призыв центра к созданию новой школы не остается без отклика на местах. Ознакамливаясь с теоретической работой, ведущейся во всех городах Советской России, выводим заключение, что с наибольшим оживлением местные работники по народному образованию дебатируют вопросы о пролетаризации школы II ступени, введении сельско-хозяйственных работ в деревенских школах, классовом воспитании, влиянии семьи на ребенка. Довольно полно и живо отражают волнующие провинцию вопросы протоколы симбирского съезда работников по народному образованию, бывшего в конце июля 1919 года. Заведывающий губотделом предлагает школы II ступени Симбирска и Сызрани перенести в фабрично-заводские районы целиком: учащихся, учителей и школьное имущество; взаимодействие учащихся разных классов выработает из них определенный тип людей. В виду бедности деревенского населения, школа должна целиком взять на себя содержание учащихся, а для того при ней необходимо устраивать интернаты, что является одновременно и средством более продуктивного проведения принципов коммунистического воспитания. „Школа должна быть рабоче-крестьянской,—говорится в докладе,—создание мастерских грубыми руками лучше, принимая во внимание, что эта школа в фабричных центрах будет и индустриальной трудовой школой; она будет и притягательным центром в области других школ". Автор доклада находит нужным создание демонстративных пролетарских учебных заведений в деревнях по образцу давших блестящие результаты симбирской и порецкой показательных школ имени КАРЛА МАРКСА. Во всех школах II ступени должно быть введено изучение программы Российской Коммунистической партии и Советской Конституции, преподавание социальных наук и военное обучение школьников. „Трудовые процессы должны быть совершаемы посредством устройства индустриальных общих мастерских и на фабриках". Инструкторам следует дать указания, чтобы они уменьшили влияние семьи на ребенка, так как семья в громадном большинстве ретроградна, и влияние семьи заменить влиянием благоприятной среды. Воспитание должно носить строго классовой характер. Заведывающий же школьным п/Отделом, указывая, что „необходимо открывать школы II ступени в первую очередь при фабриках и заводах, так как главное место в работе школы II ступени занимает фабричный труд, а на школу, как таковую, выпадает в сущности лишь работа внешкольного характера, заключающаяся в теоретизации трудовых функций учащихся и в идеологической помощи и руководстве по тем или иным интересующим их вопросам общекультурного характера", делает следующую оговорку: „Программа новой школы пока в центре подробно не разработана, и нам приходится сделать только первый шаг для осуществления постановлений съезда (московского)—именно открывать школы II ступени при фабриках и оставить в них пока систему предметную, соединяя ее, насколько сами сумеем, с производительным трудом; так как в Симбирской губернии фабрик и заводов имеется немного и нужда в школе II ступени большая, то само собою разумеется, что придется открывать школы в больших селах, хотя там в настоящее время и заводов не имеется. При школах I и II ступени в селах необходимо обратить внимание на сельско-хозяйственную работу и сделать ее основой преподавания".

Мысль заведывающего губотделом о показательных школах поддерживается одним из участником съезда, который находит, что в каждом уезде должно быть не менее пяти образцовых школ, а при них периодически устраиваться съезды учащих. Последние будут знакомиться на конкретном примере с живой работой, там же будут, при участии местных инструкторов, разрабатываться и теоретические вопросы. Не надо бояться, что учителя будут тогда копировать с модели: „творчество идет от конкретных стимулов, а не от отвлеченных положений". Но оппонент против классового воспитания: „маленькие дети—интернационалисты", с ранних лет не следует разграничивать детей пролетариев и детей буржуазии, но следует оградить и тех и других от влияния родителей. Раздается голос и против перенесения школы II ступени в фабричные места (голос идеолога деревенского быта). Это—худший исход, так как психика фабричных детей в корне разнится от психики детей крестьянских, получающих воспитание „с малых лет с отцом среди природы, на лугу или в лесу, за сохой, а фабричный ребенок невольно с пеленок поддается убийственному влиянию фабричной атмосферы". Не будет никакой пользы, если современную школу II ступени с настоящим составом педагогов перенести в фабрично-заводские места; уже если это делать, то ради достижения положительных результатов посылать надо в такие ответственные районы „специальный кадр учителей, знакомых со всеми укладами фабричной жизни, со всеми местными условиями, которые влияют на жизнь детей".

На новгородском губернском делегатском съезде учащих читался весьма обстоятельный доклад секции, работающей над вопросами реорганизации школы. Мы видим, что и новгородцев чрезвычайно волнует вопрос о взаимодействии семьи и школы. Признавая, что семья ни в пролетарских массах, ни в крестьянстве, ни у трудовой интеллигенции не выполняет своего назначения воспитания ребенка сообразно с требованиями жизни, секция все же полагает, что совершенно отрывать ребенка от семьи, как то делается в школах-коммунах, не следует, так как этим убивается „могучий фактор положительного воспитания: любовь родителей к ребенку", поэтому школы-коммуны, по мнению секции, следует устраивать только для детей, у которых родители или отсутствуют, или определенно вредно влияют на них; для детей же из нормальной семьи желателен тип школы *педагогической общины*, которая вместит в себя все институты трудовой школы и в то же время не лишит детей родительской любви и ласки. Как же осуществить новую школу? Надо выработать схематический образец ее *как для города, так и для деревни*, осуществляющий „основные начала реорганизации в примитивном виде, причем должны быть приняты во внимание самые неблагоприятные условия действительности, но нужно помнить, что вообще „никакие заранее установленные программы не могут служить обязательством для школы и учителя: они являются для них только образцами, руководствами и пособием". Ярославль, в лице районного съезда в конце августа текущего года, откликаясь на призыв центра о сельско-хозяйственных работах в деревенских школах текущей осенью, признает крайне необходимым насыщение деревни сельско-хозяйственными знаниями как школьным, так и внешкольным путем и высказывается за немедленное начало осенней кампании,

предоставляя уездам видоизменять программу работ, выработанную центром, согласно местным условиям. Съезд считает желательным немедленно открыть курсы при сельско-хозяйственных учебных заведениях, при советских хозяйствах, сельских школах, сельско-хозяйственных кооперативах, при каждой сельской школе организовать учебно-трудовые процессы. Но, отмечая позднее начало кампании, съезд не ждет от нее больших практических результатов, хотя считает ее полезной как подготовительный опыт будущих сельско-хозяйственных работ.

Но наиболее интересный материал имеем мы из Костромы. Там вырабатывается устав общества-сада при первой костромской трудовой школе-коммуне II ступени. Из объяснительной записки, которая предпосылается этому уставу, мы видим, что в основы этой школы кладутся следующие принципы: „трудовые процессы в школах II ступени никоим образом не должны стоять обособленно от дела школьной учебы; наоборот, в процессе своего выполнения все трудовые акты в школе должны самым тесным образом переплетать труд физический с трудом умственным и при идеальной постановке дела должны были бы *нанизать на себя все изучаемые в школе науки и искусства*, которые таким образом проходились бы трудовым путем и только для трудовых целей, причем следует развивать в учащихся общественно-организаторские навыки, приучать их работать в коллективах, а не одиночками.“ Чрезвычайно интересны и удачно выражены пункты 4, 5 и 6-ой объяснительной записки, которые мы и позволяем себе привести здесь: „Всякий труд в школе должен быть трудом общественно-полезным в самом непосредственном смысле этого слова, то-есть трудом, непосредственно рассчитанным на данную местность, на данный город или поселение и, прежде всего, на данный школьный район, связывая жизнь школы с жизнью окружающего ее населения тесной и трудовой связью.

При этом желательно, чтобы трудовые процессы, начатые учащимися одной школы, постепенно втягивали в себя учащихся других школ и само население, чтобы школа таким образом выполняла только часть общегородского или общеселенского дела. При выборе школою тех или иных трудовых процессов необходимо отдавать преимущество таким процессам, которые носят максимально длительный характер, расширяясь и углубляясь по мере своего выполнения и своими результатами *оставляя определенные культурные наслоения* в жизни школы, на почве которых создается строгая преемственность труда сменяющихся школьных поколений“.

На основании этих положений и строится предполагаемое общество города-сада, которое ставит своею целью ознакомить учащихся с историей происхождения и развития современного города и задачей создания города-сада. Ради достижения намеченной цели предполагается: изучать путем организации групповых занятий и экскурсий строительно жилищную политику современных городов. Но организаторы общества не ограничиваются теоретической разработкой поставленных себе задач, они предполагают и весьма практически взяться за осуществление силами учащихся улучшения условий жизни широких городских масс, имея перед собою идеал города-сада. Эта практическая работа должна выразиться в очистке и поливке улиц, в организации праздников древонасаждения, в распланировке земель внутри кварталов (для образования новых садов, аллей и проч.), в устройстве бесед, лекций и показательных занятий по садоводству и огородничеству. Не дожидаясь осуществления этих широких и сложных начинаний, общество ставит себе на ближайшее будущее весьма скромные и легко выполнимые цели, а именно: помочь городу в предположенных ими работах по устройству сада свободы, „взяв на себя часть работы по нивеллировке сада и некоторую долю земляных работ, посадку деревьев, проведение дорожек и постройку изгороди“. Чрезвычайно интересное начинание, которому нельзя не пожелать благоприятных условий для его осуществления. Ближайшее будущее покажет, как воплотится в жизнь выработанный костромским губотделом полезный и интересный проект.

В. Вицкая.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общий отдел.

		Стр.
1. Школьный вопрос в обстановке социальной революции	П. Лепешинский	3
2. Школа социального воспитания	В. Добровольский	17
3. Внешкольное образование и строительство новой школы	А. Узданский	19
4. Знание—основа творчества	Е. Петренко	21
5. Единый центр и основные принципы строительства профессионально-технического образования	Ольга Аникст	23

II. Специальный отдел.

1. Социально-политическая работа в школах-клубах подростков	Н. Крупская	28
2. Школа II-й ступени	Секция по разр. матер.	32
3. О школе II-й ступени в деревне	Г. Ульянов	38
4. Половое воспитание	П. Блонский	44
5. Эволюционная биология, ее задачи и методы в Единой Трудовой Школе	А. Яхонтов	53
6. Преподавание искусства в трудовой школе	Ник. Звенигородцев	62
7. Очерк сметно-финансовой культуры Отдела Снабжения Народного Комиссариата по Просвещению	Ив. Ливергант	69

III. Библиография.

1. Книги для чтения взрослых. Рецензии на книги: Д. Элькиной — „Книга для чтения в школах взрослых". М. 1919 г., Т. В. Леонтьева „Народное образование и социализм" (Краткий перечень избранной литературы за 1918—1919 г." Г. Москва Гос. Изд. 1919 г. В. И. Богданова)	В. Смушков и Ник. Сомов	77
2. Новая литература по вопросам религии. Рецензии на книги: К. Каутского, П. Лафарг, П. Лафарг, Кунова, П. Л. Лаврова, П. Лафарг, Ф. Ивлева, Р. Ю. Виппер, Н. М. Никольского, А. Ачкасова, К. Прамколини, А. Бебель, Свен, Н. Лукина, Каутского, Франц Лютгенау, М. Слепцова, Я. Бурова, М. Рейснера, С. Данилова, Калибан, И. Степанова, И. Степанова, Н. Бухарина, Элизе Реклю, И. Мост	Ник. Сомов	79
3. Обзор журналов. Рецензии на журналы: „Революция и просвещение, двухнед. ж., изд. Воронежским от. Нар. Обр.", „В мастерской природы". Попул. ест.-науч. ж., изд. от. ед. шк. Наркомп.	З. Б. и Н. З.	81
4. Новые книги для детей и юношества. Рецензии на книги: „Народно-школьная библиотека". Изд. книгоизд. писат. в Москве (рецензии на книги: Бунина Ив., Вересаева, Горького М., Додэ, Гонкур Эд., Данилина И., „Дорогие места", сборник ст. с иллюстрациями, Елпатьевского, Зайцева, Златовратского, Златовратского, Киплинг, Короленко, Короленко, Короленко, Конопницкая, Ожешко, Мопассан, Сенкевича, Серафимович, Сурикова, Серафимович, Телешов, Тимковский, Шмелев).	Павлова-Сильванская	83

IV. Хроника.

1. Отдел Охраны Здоровья детей бывш. Школьно-Санитарный Наркомздрав. За два года его работы	Е. Радин	89
2. Обзор положения дошкольного воспитания по данным отчета на 1-е октября 1918 г.	Е. Левицкая	92
3. Отчет о деятельности Отдела Снабжения	С. Н. Соколов	99
4. Краткий отчет о деятельности Отдела Высш. Учеби. Завед. за истекший год.	Дехтерев	105
5. Обзор деятельности Подотдела Художественной Промышленности Отдела Изобразительных Искусств Народного Комиссариата по Просвещению до 15 октября 1919 г.		109
6. За два года	И. К.	115
7. Народное образование в Советской Латвии	Эфферт	117

V. Иностранный отдел.

1. Социальная педагогика (пер. с английского Н. Снитко)	П. Радославлевича	122
2. Религия, наука и нравственность. Пер. с франц.	Кан.	128

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ.

Ноябрь—Декабрь.

№ 16—17.

Государственное Издательство.

Москва.—1920 года.

Gift
Hon E F Ladd
Sept 12 1925

Типография „Московское Издательство“, Остоженка, Савеловский пер., д. № 13.

Общий отдел.

Школьный вопрос в обстановке социалистической революции.

I.

Крушение основ капиталистического строя вплотную привело цивилизованную часть человечества к проблеме строительства социальной жизни на новых началах.

Мы еще не вышли из полосы гражданской войны. Пушки и пулеметы, бронированные поезда и танки, военные крейсера и аэропланы еще не сказали своего последнего слова. Тяжба между красным и черным Интернационалом еще не завершилась суровым приговором истории. Тем не менее для всякого вдумчивого наблюдателя современной действительности с каждым днем, с каждым часом становится все яснее и очевиднее, что, пустившись в открытое море социалистической революции, мы никогда уже не вернемся к тому берегу, от которого отчалили, и, под угрозою более или менее быстрого вырождения и вымирания, должны во что бы то ни стало держать курс на новую, обетованную землю.

Весь мир сейчас находится во власти захвативших его мощных стихий, ставших бесконечно сильнее всякой индивидуальной и даже классовой воли. Нет надобности, например, персонально обвинять кого-либо в том, что пять лет тому назад народы были поставлены друг против друга, как злейшие враги, у которых как будто бы не оставалось иного исхода в разрешении своих исторических споров, как только беспощаднейшее истребление друг друга по последнему слову военной техники. Если мы говорим, что виновником последней мировой войны является империализм капиталистических стран, то этим самым мы как раз и выражаем ту мысль, что в самой природе развития капитализма заключалось то имманентно присущее ему свойство, которое и привело человечество к мировой бойне, — к этой последней, можно сказать, форме конкуренции между стоящими друг против друга капиталистическими левиафанами. И далее затем, порожденная этой бойней стихия всеобщей разрухи, всеобщего разложения и всеобщего обнищания—со стихийной же силой толкнуло и продолжает толкать доведенные до отчаяния трудящиеся массы на путь революционной борьбы. В значительной мере стихийно же, в процессе этой борьбы, выбитые из своей вековой колеи трудовые классы нащупывают способы разрешения тех грозных проблем, которые поставлены сейчас историей перед ошеломленным человечеством.

Вот почему совершенно напрасно было бы обвинять „большевиков“ в том, что это они-де, такие сякие, выдумали свой проклятый „большевизм“, что если бы их не было, то не существовало бы также и острых форм революционной борьбы со всеми ее эксцессами, а, может быть, даже (как думают некоторые глубокомысленные политики) — при наличности свободной, беззапретной торговли — и „хлеб наш насущный“ аппетитно бы красовался на лотках базаров, не очень устрашая обывателя своей дороговизной. С таким же остроумием иной Кифа Мокиевич мог бы сказать: „О, если бы у меня не было проклятого желудка, требующего себе изо дня в день питательной снеди! Да я бы в таком случае все свои сундуки набил златом и серебром“. В том-то и вся история, что большевизм есть не что иное, как развертывающаяся во времени и пространстве картина социальной революции, а революция эта является не-

избежным последствием мировой разрухи, которая, в свою очередь, явилась в результате пятилетней бойни народов, при чем эта бойня порождена условиями развития капитализма, который и сам должен быть рассматриваем, как неизбежный этап в эволюции форм организации человеческого труда, и т. д., и т. д.

Мечтать о том, что завтра, мол, мы проснемся и с облегчением вздохнем — „ух, слава богу, большевизм рассеялся, как дым; это был лишь скверный, кошмарный сон“,—мечтать об этом было бы подстать лишь тому идеалисту, который охотно допускает, что весь так называемый реальный мир есть не что иное, как „идея“. Но кто не заражен предрассудками классовой буржуазной философии, кто просто смотрит на вещи с точки зрения реалистического отношения к окружающей действительности, тот не может не признать, что человечество *уже* стало под знак полного обновления всех основ своего социального бытия, что это обновление вторгнулось в нашу жизнь, как *неизбежный* исторический факт, обусловленный объективным ходом развития (а сейчас уже и разложения) капиталистических форм бытия, что лозунг—„назад к старому порядку!“ прежде всего утопичен, несбыточен и что грядущий социализм неотвратим и неизбежен, как неотвратимо и неизбежно наступление дня после ночи.

Но ведь это чистейшего вида фатализм,—скажет, пожалуй, иной читатель. Если ход исторических событий наперед предопределен, человеческая воля в полной мере детерминирована, и сознание людей представляет лишь идеологическое отображение того, что продиктовано человечеству объективными условиями бытия, то какая же роль в этой концепции отводится творческому гению человека?

Старый-старый вопрос, на который марксизмом давным-давно уже дан надлежащий ответ. Ну, да, человек, будучи объектом неизбежных исторических процессов, в то же время является и субъектом истории. Его сознание есть, конечно, производная условий бытия, но раз оно уже так или иначе выявилось, оно само становится одним из факторов этого бытия и способно бывает в известных рамках либо ускорить естественный ход исторических событий, либо несколько задержать его, в зависимости от степени согласованности или несогласованности тех или иных идеологических элементов жизни (классовой идеологии) с природою данных материальных условий развития человеческого общества.

И сейчас, и в переживаемый нами необычайно сложный, необычайно острый и критический момент истории сократить родовые муки человечества в процессе появления на свет нового мира социальных отношений, сыграть в данном случае роль искусной повивальной бабки может только революционный пролетариат, который лучше, чем какой бы то ни было другой из современных классов общества, способен охватить своим сознанием „неизбежное“, и силу разумного воздействия на природу вещей наилучшим образом сочетать с законами развития этого неизбежного.

Но для этой цели пролетариат вынужден с огромным напряжением своих духовных сил ежечасно и ежеминутно вырывать, так сказать, у загадочного сфинкса жизни прямые ответы на проклятые вопросы; он постоянно должен вносить в свои теоретические концепции подсказанные жизнью коррективы, должен с помощью своего социального опыта освобождать свою мысль от власти омертвевших, застывших доктрин и ежечасно, ежеминутно своим живым сознанием отображать всю совокупность, диалектических противоречий данного исторического момента.

К числу таких диалектических противоречий жизни, и притом самых существенных, принадлежит между прочим и тот факт, что история обрекла мир делать скачок из царства необходимости в царство свободы не в обстановке колоссального развития производительных сил человечества, а при наличности небывалой хозяйственной разрухи и всеобщего пауперизма.

Материальные предпосылки крупного индустриального производства, т.-е. та совокупность орудий производства, фабричных зданий, дорого стоющих оборудований транспорта и т. п., которая составляет так называемый постоянный капитал, лежащий в основе мощного развития производительных сил в современном обществе,—эти предпосылки если и не целиком уничтожены пятилетней мировой войной в странах, принимавших наиболее активное участие в этой войне, то, быть может, на большую половину по сравнению с тем, чем они были до 1914 г.

Оглядываясь, напр., кругом себя, мы и без статистических данных знаем, в каком состоянии находятся сейчас наши фабрики, заводы, рудники, железные дороги и т. д. Достаточно в виде иллюстрации привести хотя бы себе состояние нашего железнодорожного транспорта: рельсы расшатаны, ремонтные мастерские бездействуют, подвижной состав сведен до такого minimum'а, что тысячные толпы валяются на вокзалах зачастую по несколько дней в ожидании счастливой возможности продвинуться на буферах или на крышах вагонов из одного места в другое на сотню, другую верст; не даром же такие центры промышленной и политической жизни, как Петербург и Москва представляют картину хронической бесхлебицы в то время, как Поволжье и юг России имеют достаточные запасы хлеба, который, однако, остается очень далеким от рта пролетарских столиц вследствие трудностей транспорта.

Но если это так — и это несомненно так,—если в первые же дни нашей эмансипации от капиталистических форм эксплоатации труда нам приходится печально созерцать разбитое корыто нашей бывшей хозяйственной мощи над природой, то, спрашивается, не преждевременно ли мы сейчас говорим о переустройстве всей общественной структуры на началах социализма?

Год за годом моховое колесо капитализма со все ускоряющимся темпом создавало колоссальное развитие технических основ производства, и вот человечество вдруг оказывается отброшенным мировой катастрофой на многие десятки лет назад и принужденным строить свой новый мир производства на куче мусора с голыми руками. Уж не означает ли это обстоятельство, что и в области социальной организации труда история не только не выводит нас из круга капиталистических отношений, не только не приближает нас к заманчивой дали социализма, а даже наоборот — толкает человечество назад, к пережитым им уже примитивным формам бытия, к средневековому ремесленничеству в черте города и к натуральному типу хозяйства в деревне?

Такого рода вопрос нас, марксистов, не застигает врасплох. Мы совершенно определенно отвечаем на него: нет, возврат к старому невозможен. И этот ответ мы даем не только в силу того априорного взгляда, что история, мол, никогда не повторяется, и что жизнь диалектически развивается, не возвращаясь к своей исходной точке, а развертываясь спирально все в новых и новых плоскостях, но и по соображениям апостериорного характера.

Анализ тех данных, из которых складывается содержание текущего момента, заставляет думать, что капитализм сейчас менее всего способен вывести человечество из того тупика, в который оно было заведено неотвратимыми судьбами капиталистического развития. Из силы, организующей человеческий труд, капитализм превратился в стихию страшного разрушения тех форм организации, которые исторически выросли на почве того же самого капиталистического производства. Перед ним, перед реставрированным или уцелевшим еще от окончательного разложения капитализмом стоял бы ряд грозных проблем, которых он не в силах был бы разрешить.

И в самом деле, где тот источник благ, из которого он должен будет черпать широкой рукой, чтобы удовлетворить аппетиты многих тысяч или даже миллионов французских, английских и всяких иных рантье, ссудивших за последние 5 лет сотни миллиардов империалистическим прительствам в форме военных займов?

И не должен ли он будет при решении этого вопроса в конце концов оказаться банкротом своих обязательств, или попросту—аннулировать многомиллиардные, лежащие на государствах долги, как это делают большевики? Если же кто-нибудь думает, что капиталисты, снова прибравши к своим железным рукам рабочий класс и крестьянство, смогут переложить эту тяжелую ношу по ликвидации военных займов на плечи трудящихся масс, тот просто не дооценивает настоящей проблемы с точки зрения ее цифровых характеристик. Легко, напр., расчитать что для ежегодной уплаты процентов и частичного погашения стомиллиардного долга России (более близкого к довоенному курсу рубля, чем к нынешнему) потребовалась бы отдача алчному кредитору *всей* наличности продуктов нашего национального труда (а не только „избыточного“), что, конечно, приводит к абсурду.

С другой стороны, на счет каких рессуров капитализм, во избежание дальнейших революционных судорог голодной массы рабочих, доведет потребление этих последних хотя бы до того exitens-minimum'а, который имел место до войны?

Каким образом он парализует естественное экономическое последствие колоссальных выпусков денежных знаков, т.-е. того фактора, который вздувает рыночные цены более или менее одинаково на все роды товаров за исключением человеческой рабочей силы, цена на которую в таких случаях сильно отстает от цены на хлеб, на мясо, на одежду, на обувь и т. п.?

А самое главное—откуда капитализм найдет средства восстановить ту часть постоянного капитала, которая уничтожена в годы войны и всеобщей разрухи?

Могут сказать, что для этого-то и существует так называемый прибавочный труд и прибавочная стоимость. За счет этой последней и придется как-нибудь затыкать эти дыры.

Но в том-то и дело, что труд, возвращенный сейчас к примитивному состоянию техники, при наличности очень низкого строения капитала до такой степени непроизводителен, прибавочная часть так ничтожна, препятствия для организации этого труда на основе капиталистических способов эксплоатации его в такой мере велики, что если бы даже класс капиталистов самоотверженно отказался от своей доли личного потребления на несколько десятков лет впредь до лучших времен, и перешел вместе с массой рабочих на полуфунтовый паек и на суп, в котором сиротливо плавают кусочки воблы, то и в таком случае ему не удалось бы на протяжении ближайших десятилетий подвинуться в преодолении указанных трудностей даже на $^1/_{10}$ часть искомых результатов. А между тем история не дала бы ему ни одного дня, ни одного часа передышки. Социальные вихри не укротить уже заманчивыми песнями капиталистической сирены и вызванный к действию вулкан не потушить работой пожарной кишки. Вот почему, каковы бы ни были благочестивые пожелания идеологов старого порядка, как бы ни был сейчас „мирно“ настроен капиталистический удав, желающий спокойно переварить свою добычу (а нынешняя политика пресловутой „Лиги“ великолепно характеризует это „мирное“ настроение), все равно, капитализм может еще обнаруживать некоторые признаки жизни, как мародер, как грабитель, как пират, но не как строитель разрушенной им же самим храмины. Новые формы жизни могут выкристаллизоваться только на развалинах старого, капиталистического мира, только в процессе стихийного устремления трудящихся масс вперед. Капитализм пережил уже сам себя. Он издыхает, он агонизирует, а, следовательно, социализм неминуем, если только не предполагать, что человечество обречено на погибель в атмосфере производственной анархии, голода, болезней и перманентного кровопускания.

Но тут возникает сам собою вопрос: а как же большевизм-то сдвинет со своего пути этот самый Монблан диалектических противоречий жизни? Как он повысит органический состав оставленного ему в наследство капитала? Как подымет на должную высоту упавшую до минимума производительность человеческого труда? Как выйдет из того порочного круга, звеньями которого являются: возвращение народного хозяйства к условиям первобытной, до-индустриальной техники, весьма низкий уровень продуктивности труда, отрицательный знаменатель прогрессии в дальнейшем развитии производительных сил (особенно, если принять во внимание непрекращающиеся попытки империализма задушить ненавистный ему большевизм и вызываемую этим обстоятельством длительную перманентную гражданскую войну), еще большее обеднение каждой страны, усиление хозяйственной разрухи, и т. д., и т. д.?

Когда и при каких обстоятельствах наступит естественный предел этому движению ската вниз?

Когда и как большевизм сможет повернуть этот винт в обратную сторону?

Вопрос сложный, и ответ на него не может быть простым.

Намечается два способа задержания и преодоления той стихийной силы разрушения, которая угрожает человечеству полным его вырождением. Один способ—это интегральное строительство новой социальной структуры сверху — путем диктования массам из выявившихся центров политической и экономической жизни известных форм планомерного производства и потребления. Сюда относятся такие меры, как аннулирование прежних государственных долгов, национализация фабрик, заводов, банков, помещичьих имений и других хозяйственных благ страны, монополизация государством внешней и различных видов внутренней торговли и т. п.

Другой способ, или другой фактор, способствующий коренному преобразованию основ нашей жизни, это сумма тех непосредственных здоровых реакций со стороны живого общественного организма на разрушительные тенденции современного процесса социального разложения, из которых мало-по-малу сами собою складываются новые формы бытия.

Что касается первого фактора — интегрального строительства, то следует прежде всего отметить, что он является мощным орудием революционного преобразования основ общественной структуры в руках передовых слоев пролетариата, захватившего политическую власть в свои руки. Даже господствующие классы капиталистических государств под давлением силы исторически сложившихся обстоятельств последние годы стали широко практиковать приемы государственного социализма (в особенности Германия в разгар войны). Но само собой разумеется, что размах этой практики и весь ее характер были обусловлены ее буржуазным генезисом: этот социализм полицейского государства имел своей целью, по возможности, не затронуть основ буржуазного строя и лишь заштопать те страшные бреши в нем, которые пробивались неумолимым, беспощадным тараном исторической Немезиды. Другого сорта дело, если то же средство находится в руках пролетариата, который вовсе не заинтересован в том, чтобы заниматься штопаньем дыр и ослаблять возможные большие последствия работы этого мощного средства. Вот почему вопрос о том, кому история вручит руль от корабля, совершающего опасное плавание среди бурунов и рифов, — пролетариату ли с его ясно намеченным курсом на социалистический маяк, или капитализму, который в лучшем случае, нервно поворачивая руль то влево, то круто направо, быть может, отодвинет на некоторое время час катастрофы, а в худшем случае, в слепой и бешеной злобе сейчас же нанесет управляемое им судно на острую скалу,—этот вопрос может иметь только один ответ, а именно тот, который дает на него уже теперь сама жизнь.

Тем не менее для такой радикальной ломки старого обветшалого здания и для такого интегрального,—если не в мировом, то по крайней мере в общегосударственном масштабе—по новым, в высшей степени смелым архитектурным планам,—есть свои естественные пределы. Эти естественные пределы дают себя знать тем скорее, чем сильнее дезорганизовано хозяйство страны, чем больше ее вековая отсталость в хозяйственном и культурном отношении, чем сильнее выражен численный перевес мелкобуржуазных элементов над пролетарским слоем и чем большей опасности подвергается страна нападению со стороны окружающих ее хищников. Во всех этих отношениях наша Советская республика находится в менее благоприятном положении, чем государства Западной Европы, и поэтому у нас границы для социалистической творческо-созидательной работы пролетариата гораздо уже, чем в таких странах, как Германия, Англия, Соединенные Штаты, Франция или Япония. Чтобы, напр., оценить колоссальную силу сопротивления со стороны косной крестьянской и вообще мелкобуржуазной массы социалистической политике пролетариата, достаточно вспомнить хотя бы про то современное бытовое явление у нас, которое известно под именем мешечничества. Как ни огромны усилия нашего рабоче-крестьянского правительства установить твердые цены на предметы товарообмена, эти усилия все время наталкиваются на непреоборимую силу противодействия рыночных законов спроса и предложения.

Существование двух таких антагонистов, как, с одной стороны—нарождающийся социализм с его тенденцией охватить прежде всего область индустриального производства и подчинить систему распределения продуктов своим общегосударственным коммунистическим принципам, а с другой стороны—продолжающая еще жить по инерции система индивидуалистического крестьянского хозяйства с сопутствующими ей формами свободного товарообмена, это, так сказать, противоестественное сосуществование и является, собственно говоря, одним из главных источников глубоких диалектических противоречий современного момента.

Нужно, чтобы сила исторических обстоятельств (а в том числе и сознательная коммунистическая политика пролетариата) нанесла, наконец, решительный удар мелкобуржуазному укладу хозяйственной системы нашего Микулы Селяниновича, дабы, в конце концов, перед пролетариатом открылись широчайшие и даже безграничные перспективы для его интегральных методов в деле переустройства всех основ нашей жизни. А пока что может и должен сыграть огромную роль и другой фактор разложения нашего старого режима,—это именно та сумма непосредственных реакций на „ужасы жизни“ со стороны живого общественного организма, из которых сами собой складываются предпосылки новых форм бытия.

Если не все, то очень многие особенности в картине Советской политики сами собою выявились из идущих снизу, стихийно зародившихся диференциальных актов естественного приспособления населения к новым условиям жизни.

С этой точки зрения становится вполне понятным смысл и значение той тяги к различным формам кооперации и сожительства, которая наблюдается сейчас и в городе и в деревне, как распространенное бытовое явление. Даже такой факт, как всеобщее признание императивного принципа „становись в затылок“,—факт, наблюдаемый и у раздаточных пунктов, и у железнодорожных касс,

и даже у трамвайных остановок,—весьма показателен и симптоматичен. Всевозможные потребительные и производительные группировки и сплочения субъектов потребления или труда возникают повсеместно и ежечасно. Таким образом даже в самых глухих медвежьих углах, где революционный Sturm und Drang едва-едва лишь всколыхнул поверхность стоячего болота жизни, где принцип коллективизма и не встал еще во весь свой рост перед обывателем, как очередная проблема общественного бытия, даже в среде самых отсталых и наиболее индивидуалистически настроенных слоев крестьянства все чаще и чаще начинают находить себе место различные формы кооперации и содружества—артели, коммуны и т. п.

И эта именно стихийность наблюдаемого процесса, эта картина самопроизвольного зарождения там и сям, в растущей геометрической прогрессии, эмбриональных форм коллективизма, — пусть себе, даже не интегрального типа, пусть себе и упрощенных, примитивных, как раз свидетельствует о том, что „се грядет" социализм, что весна новой жизни вступает в свои права, что зеленая травка неудержимо выползает из-под земли на проталинах.

При расцвете капитализма все известные нам попытки диференциального строительства социализма снизу в лучшем случае представляли лишь акты утопического предвосхищения скрывающихся за завесой буржуазного уклада картин социалистического эдема (напр., опыт Оуэна), а в худшем — просто являлись грубой подделкой под социализм в целях завоевания симпатий мелкобуржуазной демократии и вовлечения ее в конечном счете в водоворот капиталистического развития (вспомним, напр., полосу, тесно связанную с именем Шульце-Делича). И представители научного социализма были совершенно правы, когда вскрывали утопический характер и мелкобуржуазную, очень часто анархического происхождения природу такого рода тенденций. Совершенно иное дело теперь, когда в вихре социальной революции трещат и ломаются все основы буржуазного строя. Если даже опыт оуэновской коммуны был фатально обречен на неудачу, будучи производим в обстановке мощно развертывавшегося капитализма, то теперь и самые плохенькие, самые примитивные коллективные объединения имеют шансы выжить и претвориться в высшие формы организации труда, потому что для этих ростков жизни почва уже подготовлена; и никакие силы, никакие вопли реакционных романтиков не в состоянии задержать начавшихся социальных вегетационных прогрессов. Таково веление истории.

И в самом деле, если нельзя сейчас рассчитывать на заметное повышение производительности труда вследствие очень низкого органического состава капитала, в котором его постоянная часть стала сравнительно ничтожной, то тем большее значение может иметь другой фактор повышения производительности труда — коллективизация рабочих сил. Правда, вследствие отсутствия в данный момент предпосылок для крупной индустриальной промышленности трудно собрать вокруг той или иной группы производственных процессов десятки тысяч рабочих на устройство какой-либо небольшой лесопилки или скромных размеров мыловаренного заводика, смолокурение или эксплоатация какой-нибудь сотни—другой десятин бывшей помещичьей экономии и тому подобное: все такие начинания без особых затруднений и сейчас могут стать во многих случаях объектом коллективно организованного труда. И пусть себе этот труд будет весьма примитивен, пусть он недалеко уйдет от способов кустарного производства, все же неопровержимая истина остается налицо: полсотни рабочих, сгруппированных около одного хозяйства, при прочих равных условиях произведут гораздо больше продуктов, чем те же 50 человек, распыленных по отдельным маленьким хозяйствам.

Есть и другие причины, обусловливающие историческую неизбежность коллективизма, хотя бы даже через посредство его переходных форм. К числу главнейших из этих причин следует отнести и то обстоятельство, что проблема *отчуждения* государством той или иной доли прибавочного продукта из сферы частнохозяйственного распоряжения в интересах всего данного общественного организма для целей хотя бы того же самого интегрального строительства новых социальных основ бытия, — эта проблема гораздо проще и легче разрешается в обстановке социализированного труда, хотя бы даже по типу артелей или примитивных деревенских коммун, чем тогда, когда государству приходится иметь дело с отдельными хозяйчиками мелкобуржуазного типа, всегда очень далекими от понимания общегосударственных задач и цепко держащимися за „свое добро".

Таким образом наблюдаемая у нас сейчас во многих местах тенденция к небольшим коллективным новообразованиям, при чем очень часто на почве мелкобуржуазных вожделений следует рассматривать, как историческую необходимость, как результат естественного приспособления голодной, обнищавшей среды к новым условиям существования. При этом не только нет никакой надобности механически искоренять такую якобы зловредную тенденцию к упрочению мелкобуржуазных форм социального уклада жизни, не только бесполезно поднимать крестовый поход против якобы угрожающего нашей революции торжества синдикалистских идей, но прямо-таки следует смотреть на это новое явление, как на очень временный, мимолетный, но все же положительный фактор социалистического строительства. Это вовсе не означает, что пролетариат должен перенести центр тяжести при выполнении своей исторической миссии на работу по организации мелких хозяйственных коллективов. Не упуская ни одного благоприятного случая скристаллизовать мелкобуржуазные элементы в такого рода первичные коллективные молекулы, он тем не менее все время будет своей экономической политикой интегрального свойства способствовать укорочению переходного периода, этого, так сказать, молекулярного коллективизма, и путем систематического нарушения его неустойчивого равновесия в сторону полной социализации труда и производства революционно ускорит таким образом темп естественного исторического процесса. Необходимо только, чтобы пролетариат поскорее уразумел это „знамение времени" и внес соответствующие коррективы в свои прежние концепции, поскольку эти концепции не предусматривали такого рода деталей переживаемого человечеством переходящего момента.

II.

Перейдем теперь к вопросу о школе. Прежде всего следует сказать, что школа сама по себе не принадлежит к числу факторов, определяющих бытие людей. Наоборот, она сама является производной материальных условий жизни общества, сама представляет надстройку на основе существующих производственных отношений. Поэтому всевозможные концепции, всевозможные построения, базирующиеся на идее переустройства всей структуры общественной жизни посредством школы, по самому своему существу утопичны и фальшивы. Школа—очень мощное орудие прогресса, но не исходная точка его.

Вслед за революцией в октябре 1917 г. то-есть, после того, как все общественно-политические и хозяйственные устои старого режима с его соглашательскими вариациями потерпели полный крах и были сметены революционным вихрем, школа в новой Советской России не могла не подпасть под знак столь же решительной революционной ломки. Прежняя школа автоматически, силою логики вещей перестала существовать в тот момент, когда старый принцип сословности и социальных привилегий уступил свое место новому принципу — равенства в правах и обязанностях в деле организации общественного труда и в деле распределения принадлежащих всему трудовому обществу благ. Прежние господствующие классы сошли со сцены, трудовые массы отвоевали себе право на свободное самоопределение и свободное выяснение своих творческих сил; по отношению же к школе это как раз и означало, что отныне она перестает быть служанкой у кучки паразитов и эксплоататоров, перестает быть, с одной стороны, фабрикой, заготовляющей кадры исполнительных чиновников для бюрократической машины (средняя и высшая школа), а с другой стороны, перестает быть школой затемнения сознания народных масс, школой искалечения молодого поколения из рабоче-крестьянской среды, которому она давала крупицы элементарной грамотности (в интересах удовлетворения спросу капитала на грамотного рабочего) под пахучим соусом из славянщины, поповщины, патриотического черносотенства и тому подобных ингредиентов „духовной пищи", преподносимой сотням тысяч питомцев земской или церковно-приходской школы. С конца 1917 г. школа ставит перед собой целью сделаться действительно народной, действительно равной для всех, действительно обслуживающей интересы целого, интересы всей трудовой массы, а не крошечной лишь кучки эксплоататоров.

Таким образом идея единой трудовой школы после октябрьской революции стала очередным лозунгом дня в Советской республике совершенно естественно, как логическое последствие захвата пролетариатом власти в свои руки. Ее не пришлось специально выдумывать, изобретать, бюрократически высиживать, — просто иначе и быть не могло. И в самом деле, какой же иной могла бы быть школа въ стране невиданных еще достижений и осуществлений конечной цели, которую ставит перед собою пролетариат, как не единой

трудовой школой, т.-е., такой, в которой нет места для разделения детей на эллинов и иудеев, на дворянских и кухаркиных сыновей, на малолетних рабов физическаго труда и на белоручек из привилегированных классов?

И это было так ясно для планеров нового строительства жизни, что наиболее вопиющие рудименты старой школьной системы стали подвергаться хирургическому отсечению в первые же недели после октябрьского переворота. Одним почерком пера было уничтожено вторжение церкви в школу (преподавание закона божия и всякий религиозный культ были объявлены недопустимыми в стенах школы), сделан свободным доступ в школу всем детям, уничтожены различные рогатки в форме отметок, дипломов и аттестатов, мешавшие свободному продвижению учащихся через все ступени школьной выучки, отменены наказания детей в школе, установлена бесплатность обучения, декретирован принцип совместнаго обучения детей обоего пола и т. д.

Вслед за этим понадобилось несколько месяцев лихорадочной работы в Народном Комиссариате по просвещенню, чтобы более или менее отчетливо выявить основные принципы новой школы. Организовался отдел реформы школы, заработали бесчисленные комиссии, и к осени 1918 г. появилось известное „Положение о Единой Трудовой школе", как резюмэ всех тех теоретических поисков, которыми характеризовалась работа отдела реформы на протяжении нескольких месяцев.

Нельзя, впрочем, сказать, что с выходом „Положения" все основные проблемы новой школы были разрешены вполне удовлетворительно и что для теоретической мысли, работавшей в этом направлении, путь был окончательно расчищен.

Некоторые вопросы и до сих пор еще продолжают быть предметом разногласія не только на местах, но даже и в центре, следы чего можно найти и на страницах издаваемого Народным Комиссариатом по просвещению еженедельника. К числу такихъ спорных вопросов принадлежит между прочим и вопрос о самообслуживании в школах. Вот, напр., что мы читаем в статье Н. Крупской „Соединение обучения с производительным трудом в единой трудовой школе" (см. Еженед. „Народн. Просв." № 321).

„Ребенку приходится возиться с курами. Что нужно давать в трудовой школе? Завести кур и заставить детей ухаживать за ними? Совсем нет. Надо воспользоваться той работой по уходу за курами, которую делают дети дома, и вложить в нее совершенно новое содержание. Тут будет и рисование кур, моделирование их, приготовление чучела, скелета и т. п.".

Автор статьи решительно высказывается против принципа „самообслуживанья" школы. „Соединение труда с обучением будет заключаться в том, что та работа, которая делается ребенком дома, будет осмыслена, сделана интересной, будет будить наблюдательность детей".

„Долой замкнутая школа (хотя бы она и называлась школой-коммуной) с душными школьными мастерскими",— звучит та же статья своим заключительным аккордом.

С другой стороны в статье В. Шульгина „Детская коммуна" (еженед. „Нар. Просв." № 23—25) проводится иная точка зрения. Исходя из того положения, что трудовая школа должна представлять собою не подготовку к жизни, а самую жизнь, — совместную жизнь учащихся и школьных работников, полную самодовлеющих интересов, автор статьи заключает: „Подобно тому, как в основе жизни лежит производительный труд, должен он быть положен и в основу школьной общины; и подобно тому, как в нормально организованном обществе интересы общества близки и понятны каждому члену общества, интересы школьной общины должны быть понятны и близки каждому члену школьной коммуны, а для этого они не должны быть навязаны, не должны приходить извне в виде тех или других „нарядов", но должны вырастать из потребностей этого коллектива".

Нельзя было бы сказать, что в основе этих двух взглядов лежит такое непримиримое противоречие, в силу которого невозможны были бы некоторые общие выводы, примиряющие обе точки зрения. Так, напр., оба автора склонны различать степень приложимости своих основных принципов к школам 1-й и 2-й ступени, отмечая то обстоятельство, что содержание школьной жизни и работ старших подростков не может вращаться исключительно в узком кругу интересов школьного обихода. „Несомненно, в зависимости от возраста, члены коллектива будут участвовать во все более усложняющихся процессах социальной трудовой жизни",— говорит т. Шульгин и далее прибавляет: „Необходимо выйти за пределы школы (во всяком случае, на второй ступени), необходимо организовать *жизнь* ребенка во всей ее широте".

Казалось бы таким образом, что оба автора, исходя из различных постулатов, приходят в конце концов если не к одним и тем же, то во всяком случае к очень близким между собой выводам.

Тем не менее в основе своей обе представленных здесь позиции далеко не идентичны и на практике могут стать исходными моментами двух различных линий школьной политики. В первом случае лозунг, определяющий роль школы, как придатка к окружающей жизни с ее хозяйственными интересами, может поставить перед школьным учительством задачу—приспособить школу к обслуживанию *домашнего* трудового обихода той среды, которая посылает своих детей в школу. Ребенок видит, как мать его практикует примитивные способы птицеводства, а отец делает ряд технических ошибок в своих агрикультурных работах. И вот, наученный книгой или подсказом учителя, он пытается рационализировать труд своей семейной (а не школьной) коммуны. Он весь полон интереса к результатам этих новшеств, он с нетерпением ждет, когда научное предсказание реализуется на его семейном столе лишней ковригой хлеба, лишним куском сала и супом с жирной курицей.

Совершенно другой уклон в школьном деле может дать другой лозунг: „школа - коммуна да будет первоисточников своих собственных, имманентно ей присущих трудовых интересов."

Прежде всего на практике это может означать, что школы станут обзаводиться своими собственными хозяйствами. Тогда поневоле центром внимания ребенка будет не огород или поле его семьи и не выводок цыплят в его родном доме, а школьный огород, школьное поле, школьное куроводство, школьное кролиководство. Очень вероятно, что этот шаг будет чреват своими дальнейшими последствиями. Обнаружится тенденция оторвать ребенка от его семьи, лишить эту последнюю своего маленького домашнего работника, быть может, даже поставить его во враждебные отношения к старому патриархальному укладу его родного гнезда. Весьма возможно, что между школой и окружающим ее миром крестьянских или мелкоремесленных интересов образуется пропасть, по крайней мере на известный период времени, пока эти диалектические противоречия жизни не разрешатся так или иначе.

И вот спрашивается, который же из этих лозунгов лучше выражает задачи нашей школьной реформы, который из них ближе подходит к благополучному разрешению проблемы о воспитании новой породы людей?

Мне представляется, что постановка этого вопроса не в связи с анализом переживаемого момента,—вне зависимости от окужающей революционной обстановки,—не приведет к достаточно содержательному ответу.

И в самом деле, перенесемся на одну минуту мыслью хотя бы на десяток или на полтора десятка лет назад. Крестьянское хозяйство и тогда уже представляло вымирающую экономическую форму, придушенную развитием капитализма в деревне. Крестьянин ценою сокращения своего личного потребления до мякинного режима, ценою 18-часового рабочего дня в страдную пору еще кое-как поддерживал это жалкое хозяйство in statu quo, но малейшая неудача мгновенно нарушала такое равновесие, и совершенно обездоленный вчерашний „сам себе хозяин" превращался в пролетария, продающего свое рабочее тело на рынке труда. Спасти крестьянское хозяйство от разложения в обстановке развивающегося капитализма было делом невозможным, но сделать этот процесс менее болезненным и облегчить положение крестьянства, научая его так или иначе более совершенным приемам аграрной техники, представляло задачу сравнительно достижимую. Такую именно задачу и ставили перед собой наши народники, насаждавшие в свое время земскую мелиорацию, дававшие крестьянству крохи агрикультурных знаний при помощи земских агрономов, опытных полей и т. п.

Вот если бы в то время возникла в деревне трудовая школа, поставившая себе целью учить и воспитывать молодое поколение в связи с делом улучшения крестьянского хозяйства, такая школа во всяком случае была бы нисколько не хуже других факторов культуртрегерского характера. Быть может, эта школа, не отвечая помещичьим интересам, не имела бы шансов завоевать себе право на существование в обстановке столыпинского режима, но если что-нибудь подобное и оказалось возможным, то от этого бы выиграли и производительность земледельческого труда в стране, и дело повышения культурного уровня трудящихся масс, и, в конечном счете, весь в целом процесс капиталистического развития в России.

Представим себе теперь на минутку то, что нас ожидает через 10—20 лет. Жизнь уже окончательно будет построена на началах коллективизма. Индивидуальное хозяйство или совершенно не бу-

дет иметь места, или будет встречаться в качестве раритета, в качестве любопытной реликвии прошлого. Какова будет школа в это время?

Рисовать картину будущего, скрытого еще завесой времени, дело довольно бесплодное. Школьные утопии, как и вообще все утопии, в лучшем случае могут лишь быть идеологическим отображением в увеличенном виде на экране белого полотна грядущей эпохи тех зачаточных форм новой культуры, реальные элементы которой имеются в данное время налицо. В этом смысле талантливо набросанная интересная утопия может иметь большое значение, как иллюстративное освещение тех интегральных задач, какие ставит перед собою тот или иной класс, та или иная общественная группа в своих новаторских устремлениях. Но было бы большой ошибкой практические лозунги дня непосредственно черпать из какой-нибудь картинки будущего. С такой, напр., точки зрения пришлось бы оценивать и созданную т. Н. А. Полянским схему школьной жизни (его так называемый „школьный городок"), имеющую несомненные черты утопического построения,—схему, в которой так красиво вырисовываются созданные силами самих школьников среди простора полей дома для производительных, образовательных, эстетических или спортивных целей, в которой так комфортабельно чувствуется в обстановке восьми домов с научными кабинетами (по числу главных потреблений теоретического и технического знания), в которой все стоящие сейчас перед нами трудные проблемы—об организации школьного сотрудничества, о самодеятельности школьных коллективов, о замене книги учебника полными библиотеками по всем областям науки, искусства и техники и т. д., и т. д.—разрешаются полно, просто и без всяких досадных оговорок и ссылок на затруднительные независящие обстоятельства (см. Еженед. „Нар. Просв." № 21, ст. Н. А. Полянского „Школьный городок").

Итак, школу будущего можно себе представить под формой того или иного утопического варианта (хотя бы, напр., по-Полянскому). Во всяком случае ясно одно, что в недалеком (а, может быть, и относительно отдаленном) будущем совершенно не будет никакой почвы для противопоставления школы и жизни: школа станет подлинной жизнью и вся жизнь будет школой.

Нужно ли будет тогда говорить о школе-коммуне? Скажутся ли какие-нибудь тенденции в то время к самодовлению школьных коллективов? Не зазвучит ли в обстановке универсального коллективизма странным анахронизмом речь о том, что у школы-коммуны есть свой собственный круг интересов как потребительного, так и производственного характера?

Не нужно быть пророком, чтобы на эти вопросы ответить вполне определенно: ни о какой школе-коммуне в будущем, при установившемся коммунистическом строе, не будет и речи, подобно тому, как странно было бы говорить о самостоятельной кубической сажени воздуха в надземной воздушной атмосфере.

Но совсем другое дело—сейчас, в переходный момент, на грани двух исторических эпох. Как в области строительства новых хозяйственных форм жизни на развалинах старого здания, и в просветительно-созидательной работе можно различать два метода: момент интегрального строительства сверху и момент дифференциально-молекулярных изменений форм культурной работы снизу.

С одной стороны, императивная школьная политика культурно-просветительного центра Советской работы, широко намечающая план совершенно новой постановки дела народного образования (тут и единая трудовая школа с ее общественно-полезным производительным трудом школьных коллективов, с ее отрицанием всех форм старой учебы и с ее курсом на социалистическую культуру, тут и высшая школа с открытыми настежь дверями для всех желающих туда войти, тут и дошкольное воспитание, претендующее на все возрастные группы детей до 8 лет, тут и смелые планы приблизить искусство к широким массам, тут и сеть изб-читален или даже народных домов по всем градам и весям в целях внедрения как обычной, так и политической грамотности среди взрослого населения и т. д., и т. д.).

С другой же стороны, само население в лице своих лучших, затронутых новыми веяниями представителей начинает уже жадно тянуться за орудиями знания. Все чаще и чаще наблюдаются случаи, когда даже крестьянство, или по крайней мере та его часть, которая уже попала в сферу коммунистической пропаганды, начинает искать точек приложения своих сил для созидательно-просветительной работы. И в Народном Комиссариате по просвещению нередко уже можно видеть ходатая нового типа: в больших корявых сапожищах и в деревенском зипуне доподлинный черноземный человек толкается по кабинетам заведующих с мандатом от своей волостной коммунистической ячейки, выхлопатывая для своего родного гнезда „показательную школу" применительно к местным оригинальным условиям жизни. Или, напр., смотришь,—на пустом еще вчера месте сегодня уже выросла изба-читальня, при чем местный, оторванный от сохи ходатай бьет-обивает пороги своего Отдела народного образования с жалобным воплем: „Пожертвуйте, товарищи, малую толику книг, пришлите газеток, дайте политической литературы". Из тех мест, где недавно еще зеленые банды, обласканные белогвардейщиной, вырезывали или расстреливали на захваченных врасплох пароходах евреев и коммунистов, осуществляя свою незатейливую программу „спасения России", ныне идут поразительные вести о том, что чуть показавшиеся и, казалось, окончательно растоптанные первые всходы коммунистической пропаганды каким-то чудесным образом уцелели, обещая великолепный урожай, и что в деревнях повсюду, как грибы растут кружки коммунистической молодежи...

Одним словом, молекулярная революционная работа в самой гуще жизни идет безостановочно, ускоряя при этом свой темп в геометрической прогрессии.

Может быть, такого рода картина наблюдается и не везде, но во всяком случае никто сейчас не станет уже отрицать, что из всех трещин старого, отмирающего общественного уклада показываются свежие ростки новой жизни.

И это—колоссальной важности факт, доказывающий, что пионеры строительства новых форм бытия имеют благодарную почву для осуществления своих созидательных планов. Сама жизнь, исторически подготовленная, приемлет „новые слова" и реагирует на их эксперименты положительными результатами.

И в то же время ясно вырисовывается другая сторона медали. Та же самая подоплека жизни не только многое приемлет, но пока что многое, очень даже многое и отрицает. Для широко задуманных интегральных архитектурных планов и начинаний она ставит резко очерченные границы. Далеко не все делается „по щучьему велению, по нашему хотению", так, как этого требует от хода событий наше субъективное нетерпение. Всеобщее обучение?—мы еще и наполовину его не осуществили. Трудовая школа?—в большинстве случаев это еще не подлинный лозунг жизни, а звук пустой. Высшая общедоступная школа?—в ней сидит студенчество старого типа и обучает эту мелкобуржуазную молодежь старого же типа профессура. Школьные библиотеки, школьные пособия, оборудования школьных мастерских?—о, как мало всего этого, совсем мало... Школьные работники?—и с этой стороны дело обстоит плохо и в количественном и в качественном отношениях.

Одним словом, и духовная и материальная нищета,—то же самое оскудение, которое выше было отмечено, как фактор, задерживающий процесс хозяйственного переустройства основ экономической жизни, и в этой области, и в деле просвещения служит огромным препятствием для достижения „наших конечных целей".

Зато тем более ценны все более и более умножающиеся факты жизни, которые дают право апостериорно утверждать то самое, что намечалось a priori революционной мыслью.

К числу именно таких факторов следует отнести сравнительно нередкие уже сейчас случаи создания действительно нового типа трудовых школ и при том обыкновенно с *интернатом*. Это последнее обстоятельство, т.-е. наличность в такого рода опытах—курса на „школьную коммуну"—весьма симптоматично и наводит на некоторые поучительные мысли. Очевидно, что там, где создается полный школьный мирок, охватывающий всю жизнь ребенка—и днем, и ночью,—и тогда, когда он работает, творит, и когда отдыхает и предается dolce far niente, и когда безмятежно спит,—там создаются какие-то благоприятные условия для реализации принципов трудовой школы в более или менее далеких от старой школьной рутины формах. Какое именно обстоятельство играет здесь самую существенную роль? тот ли факт, что ребенок почти в полной мере отрывается от своей семьи, чаще всего старозаветной и враждебно настроенной к новым песням жизни, то ли, что он длительно, без перерывов испытывает на себе благотворное влияние школы, то-ли, что, быть может, в школе с общежитием сама жизнь, постоянно угрожающая завтрашним днем, начинает весьма властно, диктовать и педагогам и школьникам свои трудовые задания, стимулировать их и беспощадно подстегивать их,—пока что трудно определенно сказать. Впрочем, более всего напрашивается предположение, что именно это последнее обстоятельство — „категорические императивы" самой жизни, необходимость приспособления к ее естественно выдвигаемым логикою вещей материальным пред-

посылкам бытия,—именно эти неотвратимые лозунги дня и имеют в данном случае первенствующее значение. Если это так,—а более всего шансов говорит как раз за эту гипотезу,—то в таком случае да здравствуют великие, чудодейственные школьные работники—голод и холод!

И в самом деле, уже a priori можно было бы сказать, что пропаганда трудовых начал в школе будет особенно действительной там, где она будет поддержана ее величеством Нуждой.

Судя же по тем описаниям случаев школьного пионерства, которые успели попасть в поле зрения пишущего эти строки, картина возникновения подлинных трудовых школ везде почти одна и та же. Жизнь *заставила* устроить при школе интернат (некуда девать бесприютных сирот—детей улицы, или невозможно отсылать ребят из соседних деревень в вечернюю пору по домам и т. д.). Вслед за этой предпосылкой в школьный мирок вторгается огромная вереница задач. *Нужно* очистить здание от мусора. Где-то дают провиант, *необходимо* немедленно его привести или притащить, иначе через несколько же часов даст себя знать мучительный голод. Без логова не очень-то приятно спать на голом полу: *нужно* устраивать постели. Рубашка грязна, и на теле завелись насекомые: *на очереди* стирка рубашки. Раздобылась школа мануфактурой — много радостей, но и много забот: *нужно* шить, шить и шить... Нет дров, школа замерзает—*все нужно бросать*, мобилизуй все силы на поиски топлива, и т. д., и т. д.

Скоро перед сознанием маленьких работников вырисовываются более сложные задачи, не укладывающиеся в рамки библейского изречения—„довлеет дневи злоба его". Чтобы обеспечить себе более сносное существование на следующую зиму, нужно взрастить собственные овощи, посеять на собственном школьном поле рожь, гречиху, просо... И это так ясно нашим маленьким робинзонам, что их вовсе не требуется убеждать в необходимости трудиться, дабы в поте лица своего есть хлеб свой.

А затем... затем на сцену выступают факты психологического перерождения детей. *Общественный* труд и *коммунальные* условия жизни делают свое большое воспитательное дело. Дети приучаются не только работать *сообща*, но и вообще жить *сообща*, решая коллективно все вопросы своего бытия. Власть большинства —путем поднятия рук—становится законом общежития. Коллектив становится строг к „преступникам" из своей среды и нередко требует удаления негодных членов коммуны, не слушая даже указаний педагогов на смягчающие вину обстоятельства.

Такова типичная обстановка первых подлинник зародышей трудовой школы. Все ли в этих эмбриональных формах школьно-трудовой жизни обстоит благополучно? О, нет, конечно, не все. Очень часто „самообслуживанье" превращается в недопустимую с точки зрения школьно-санитарных требований эксплоатацию нежного детского возраста в обстановке тяжелой и грязной работы, нередко увлеченные трудовыми задачами дня педагоги забывают заинтересовать детей радостями умственного творчества, своевременно давать им роздыхи, заполненные шумными играми, беготней, музыкой, пением и веселым звонким смехом,—и все же это „самообслуживанье" нельзя предавать педагогической анафеме. Оно, пресловутое это самообслуживанье, прежде всего есть факт жизни, навязанный нам логикой вещей; и чтобы изжить это „зло" необходимо иметь налицо совершенно иную обстановку общественного бытия: кругом возвышаются дымящиеся фабричные трубы, на общественных полях разъезжают колоссальные локомобили и „корабли со всех концов земли к богатым пристаням стремятся"... Всюду кипит коллективный труд... Никто не призывает: „бей коммуну, бей жидов и спасай Росссию"... Одним словом „благорастворение воздухов и изобилие плодов земных". А сейчас, при окружающих условиях необычайного пауперизма, среди населения, враждебно встречающего всякую попытку свержения фетишей и идолов векового экономического уклада, в атмосфере жестокой гражданской борьбы всякая, хотя бы и примитивная школа-коммуна или дом-коммуна представляет собою шаг вперед уже по одному тому, что это есть первый мощный удар по патриархальной индивидуалистической семье (вот почему лозунг Надежды Константиновны Крупской—трудовая школа для обслуживания *домашнего хозяйства семьи* школьника—нам кажется несколько идущим в разрез с задачами момента).

Мало этого, можно себе представить и такую интегральную задачу, в основу которой ляжет именно этот дифференциальный элемент—школа-коммуна.

Перед Народным Комиссариатом по просвещению сейчас стоит огромная, совершенно еще нерешенная проблема—социального обеспечения детей школьного возраста. Как же приступить к решению этой колоссальной проблемы? Выпустить достаточно большое количество денежных знаков? Но увы, чем более астрономическими становятся цифры, характеризующие работу машины, печатающей сторублевки и тысячерублевки, тем все меньше и меньше остается силы за этим когда-то магическим средством почерпать из общенационального запаса благ необходимую для нужд государства долю. И вот, быть может, поневоле придется делать ставку на детские общежития. Предположим, напр., у государства есть некоторый запас валенок, ботинок, мануфактуры, ваты. Если пустить этот запас в ход, то 30% детей будут обеспечены обувью и одеждой. Кого же в таком случае нужно обеспечивать в первую голову? Вот тут-то как раз и может подвернуться такая соблазнительная комбинация: дети, попадающие в школьные общежития (там, где население добросовестно приемлет политику Наркомпрода по части нормированных продуктов, или если даже не приемлет, но берет по крайней мере на себя обязательство снабжать свои школы-коммуны продуктами), эти дети будут обуты и одеты. Остальное же детское население, живущее в своих семьях, не получает ни обуви, ни одежды. И не нужно быть пророком, чтобы предвидеть при такой постановке вопроса спонтанейное массовое возникновение в деревнях, по инициативе самих же крестьян, школьных общежитий. Таким образом получился бы первый крупный шаг при разрешении задачи о социальном обеспечении детей.

Возьмем еще пример. В настоящее время многие наблюдатели констатируют тот факт, что очень часто подростки до 14 лет, снятые с работ на фабриках, не находя для себя в дальнейшем приюта и обеспечения, возвращаются в первобытное состояние, т.-е. снова идут на покинутое ими место за фабричным станком. В то же время наблюдается иногда (правда, еще изредка) и такое явление, что подростки успевают сорганизоваться и додумываются до сложной комбинации—фабрика-школа-коммуна. Детская фабрика-школа с общежитием — да ведь это, быть может, самое великолепное разрешение той проблемы, которая и до сих пор еще смущает работников в центре и на местах относительно того, что сделать с подростками, работающими на фабриках и заводах,—устраивать ли для них клубы полушкольного характера, посылать ли их в школы 2-й ступени, или просто рассовывать по их семьям, проводя их затем через различные способы внешкольной выучки.

Хотелось бы еще затронуть несколько интересных вопросов школьного строительства, ответы на которые даются самой жизнью, но разросшиеся размеры статьи ставят пределы этому желанию. Скажу еще только несколько слов по поводу так называемых теоретических занятий программного характера в школе 2-й ступени. Сейчас много говорится на ту тему, что школьная, мол, реформа пошатнула устои старой школы, бросила свет на максимальные задачи новой школы, но не указала конкретных форм перехода от старого к новому, оставила учительство без руководств по части благополучного прохождения реформы между сциллами старой школьной учебы и харибдами современного курса на производительный труд без программной теоретической выучки и заслужила таким образом справедливый упрек в очень энергичном разрушении при очень тихом темпе созидательной работы.

Не станем останавливаться на чисто обывательской привычке ламентировать по поводу того, что все, дескать, разрушено и ничего почти не создано. Такого рода ламентации покоятся на неуменьи обывателя разобраться в вопросе о том, что именно нужно отнести насчет исторически-стихийного процесса разрухи, и что представляет пример сознательного разрушения, вошедшего в революционную программу той общественной группы или того класса, который берет на себя весь одиум такого непочтительного отношения к старым устоям жизни. Остановимся лишь на той мысли вышеприведенного мнения, в силу которой перед школьными реформаторами ставится задача—изучить условия работы в переходный, промежуточный период, не ограничивать дела реформы выставлениями лишь педагогических максим и дать учительству скромную реальную задачу для сегоднешнего дня. В этом смысле в высокой степени был прав А. В. Луначарский, когда на одном из заседаний коллегии Наркомпроса ярко выразил эту мысль, сказавши, что „мы теперь обязаны быть оппортунистами".

Ну да, странно было бы не считаться „оппортунистически" с теми узкими рамками для школьного строительства, которые предоставлены нам сейчас историческим ходом вещей. Весь вопрос только в характере такого оппортунизма. Если это *стихийное* приспособление к особенностям данного момента, то такого рода ползучий реализм не достоин

был бы революционного пролетариата. Если же поставленный в качестве лозунга дня оппортунизм означает не что иное, как внимательное изучение тех реальных трудностей, которые стоят перед коммунистами на их пути, если он может уподобиться оппортунизму того лоцмана, который осторожно проводит судно, лавируя между рифами и бурунами, то да здравствует такого рода приспособление к обстоятельствам „применительно к подлости!"

Итак, в чем же дело? У учителей 2-й ступени нет примерных программ? Эти учителя отомстят за такие недочеты многочисленными случаями рецидива, возвращаясь к старому учебнику и старой учебе? Но ведь это же пустяки. Если какой-нибудь учитель хоть на один момент получил, уже выражаясь словами персонажа Глеба Успенского, „просияние мозгов", если ему удалось хоть чуть-чуть приблизиться к пониманию задач трудовой школы, в таком случае он никогда уж не станет рецедивистом по той простой причине, что он открыл уже, или почти открыл тот педагогический секрет, который делает его всю дальнейшую учительскую работу необычайно творчески-радостной и полной ежедневных изобретений по части подхода к уму и психике того, кого он взялся учить и воспитывать. Отведавши хоть раз этого нового сладкого, он никогда уж не вернется к прежнему горькому. И тут не то что примерная, а подлинная программа учения будет всплывать перед его глазами из потребностей минуты, как Венера из морской пены. Достаточно будет ему задать даже такой вопрос, придя „на урок" (напр., истории) в свой „класс": „Ну, товарищи, чем вы хотели бы сейчас заняться, что вас в данный момент интересует?", чтобы перед ним тут же посыпались десятки проектов „программ". „Побеседуем на тему о текущем моменте",—будет раздаваться справа. „Сравним теперешнюю революцию с великой французской революцией",—станут подсказывать слева. „Изучим кривую развития капитализма в России",—подадут реплику любители математических иллюстраций, а некоторые просто посоветуют: „Давайте почитаем коммунистический манифест". И если даже преподаватель, преследующий свою собственную цель систематизации своих занятий, бросит свой авторитет на чашку весов и во исполнение своего плана остановит свой выбор на каком-либо наиболее подходящем для него из предложенных номеров—„ну, давайте,—скажет,—всмотримся внимательно в причины, породившие эпоху великой французской революции",—то ведь все же это будет картина из новой школьной практики, а не из старой.

Несомненно одно: программы занятий будут созданы не Наркомпросом, не учеными комиссиями, работающими при Отделе единой трудовой школы, и даже не самим школьным работником, а той толпой объектов обучения, которые будут заполнять школы. Если у учащихся еще не пробужден интерес к подлинным знаниям, если их мелкобуржуазная природа не поддалась еще свежей струе новых веяний, если эти трупы еще не гальванизированы революционными вспышками жизни, то, наверно, история будет преподаваться по-Иловайскому, ученик будет зажаривать по учебнику, а учитель будет реагировать на „бойкие" ответы довольным хрюканьем. Если же учащиеся уже „попорчены" революционной бациллой, если в их среде есть значительный элемент пролетарской коммунистической молодежи, то ни один историк не отделается не только что Виппером, а и М. Н. Покровским, ни один математик не уйдет от вопросов по части применения математики решительно ко всем областям теоретических и прикладных, или даже просто житейских знаний, ни один естественник не спрячется под крышку научной классификации видов растений от настойчивых вопросов о том, что творится на школьном огороде.

На это могут сказать: да, но какие же имеются гарантии того, что молодежь сама собою оживет и предъявит требования к школе по части живой, а не мертвой воды?

Есть эти гарантии, есть, и даже легко себе представить, в каком направлении нужно было бы действовать, чтобы завершить задуманную революцию школы. Для этого следует обратить все внимание не на учительство, или во всяком случае не столько на учительство, сколько на самую молодежь, главным же образом, на ее наиболее жизнеспособные, наиболее свежие элементы. В этом смысле коммунистическому союзу молодежи, все более и более претендующему на интернациональный масштаб развития (и это не просто desiderata, а *уже* факт жизни), принадлежит огромная созидательная роль. Недавно в Москве Союз Ком. молодежи взялся провести кампанию приобщения учащихся в школах 2-й ступени к работам по обороне республики. И это не только хорошо, что он за это дело взялся, но и в высокой степени симптоматично. Именно ему, этому молодому славному детищу революции, быть может, и принадлежит провиденциальная роль быть подлинной революционной бациллой в нашей школе. Очень вероятно, что энергично сейчас насаждаемые Союзом коммунистические ячейки в школах быстро ликвидируют в этих последних мертвечину и старый дух. И если только предположить, что Союз молодежи со всей доступной ему энергией возьмет на себя задачу подсказать футлярным учителям самую настоящую программу работы и учения в школах, он великолепно разрешит эту задачу. Представим, напр., на минутку такой хотя бы себе прием. Верхи Союза дают лозунг „по армии": выявить все теоретические вопросы, которые особенно интересуют сейчас молодежь. Для этой цели предлагается устраивать анкеты, дискуссии, рефераты, записывать в тетрадке, всегда находящейся при юноше из союза, все вопросы, которые возникают у него в сознании в процессе работы, отмечать то, что кажется ненужным, мертвым и неинтересным на уроках, на лекциях, в литературе и т. д. и т. д. Представим себе еще, что таже самая молодая неиссякаемая энергия направлена на изучение всего полученного на протяжении 2-х—3-х месяцев огромного материала. Да ведь это будет в конце концов не только первоисточником для составления самых рациональных, самых жизненных „учебных программ", но и колоссальным революционным толчком для сознания всей остальной еще спящей, еще неодухотворенной массы молодежи. Ибо быть не может, чтобы такая работа мысли многих тысяч юношей и девушек не заразила остальных сверстников, не возбудила их живого интереса, не расшевелила их в такой мере, чтобы и их охватила горячка по отысканию чистых ключей, бьющих в недрах их психики под толщей унаследованных ими предрассудков. А уже если только мысль пробудится и у буржуазного худосочного отпрыска, то и школьному работнику ничего другого не останется, как только сделать возможный и более желательный для него выбор в альтернативе: либо итти в уровень с требованиями и запросами молодых умов, либо отказаться от учительской профессии.

Подведем теперь итоги сказанному.

Революционная стихия предопределила пути и школьной революции. Обогнать общую революционную волну школа не может, но и отстать от общего темпа развития мировых событий последних лет тоже не может под угрозой быть сметенной, скомканной и отброшенной в сторону первым же налетевшим на нее революционным шквалом. Поэтому одна из главных задач школьного пионера—внимательно изучать окружающие процессы, изменяющие социально-экономическую природу современного человечества, угадывать их ближайшее направление, находить объективные факторы влияния революционной обстановки на школьное дело и приспособлять свою школьную политику к данным такого изучения. В этом деле не нужно ни казенного оптимизма, ни обывательского пессимизма, а побольше чистейшего реализма. Все остальное приложится само собою.

П. Лепешинский.

Школа социального воспитания.

Трудовая школа—часть трудовой жизни, это бесспорно. Но может ли трудовая жизнь не быть коллективной. Обособленный индивидуальный труд человека есть такая же фикция, как и созданная капиталистическим строем фикция частного, „самостоятельного" хозяйства. Эволюция капитализма неизбежно ведет к сознательной и планомерной организации коллективного хозяйства. Коллективным становится труд, такой же характер приобретает и вся жизнь, так же должна быть построена и школа в социалистическом строе. Это значит, школьники должны участвовать в этой коллективной работе, и участвовать не стихийно (этого избежать все равно нельзя), но сознавая себя участником этой работы и приучаясь понимать, как отдельные элементы ее, так и всю организацию в целом. В какой форме это возможно для детей и подростков. Создание школьного коллектива для игр и школьных занятий так естественно в детском возрасте, что об этом говорить не приходится. Но необходимо и коллективное ведение школьного хозяйства, поскольку оно доступно детям, если мы не хотим, чтобы дети выросли барчатами, для которых все приготовлено и подано—кушайте на здоровье,—за которыми потом будет прибрано. Будучи привлечены к этой работе, дети поймут и оценят всякий человеческий труд и будут

бережно относиться к его результату: не будут ломать и портить вещей, сорить и грязнить помещений и т. д. Такое внимательное отношение к своему обычному повседневному поведению есть средство уменьшить непроизводительный труд людей, а, следовательно, должно быть развиваемо и укрепляемо в детях в самой сильной степени. Но этого мало; это еще не выводит ребенка за пределы его школы, небольшой ячейки, которая в его сознании может остаться изолированной от всего остального. Необходимо также привлечение детей и к общественным работам, напр. уборке снега, посильным огородным и садовым работам совместно с другими школами и с коллективом взрослых, как это организуется для игр и других развлечений. Таким образом будут развиты социальные инстинкты, глубоко заложенные в природе человека и лишь заглушенные сорными травами индивидуализма капиталистического строя.

Все это в такой же мере применимо и к подросткам, как и к детям. Организация школьного коллектива может иметь уже более серьезный характер, все поочереди могут нести общественные обязанности, быть ответственными за целость имущества, внешний и внутренний порядок в школе и т. д Не следует лишь увлекаться выборами „исполкомов", представительными учреждениями, заседаниями и прочим антуражем *показной* коллективной работы, на деле сводящейся и у взрослых к бесплодным разговорам и бумажной волоките. Очень важно, чтобы на общественной работе перебывали *все*. Эпизодическое участие подростков в широкой общественной работе, в роде полевых сезонных работ в деревне, или санитарно-гигиенических в городе является также чрезвычайно ценным элементом социального воспитания. Однако подросток может еще участвовать в общей работе и другим путем—постоянного несения какой-либо общественной обязанности, службы, приближаясь в этом отношении к взрослым и приобретая их права—известно, какое удовлетворение доставляет сознание общественной пользы и необходимости собственного индивидуального существования. Очень многие подростки—дети пролетариата—уже давно несут эти обязанности под гнетом экономической необходимости; сознание этой экономической необходимости—поддержка семьи, есть, конечно, одни из элементов социального воспитания, но с одной стороны он ограничивается тесным кругом семейного коллектива, который часто имеет лишь фиктивное существование, а „заработок" подростка оказывается лишь средством „самостоятельного" существования, т. е. элементом распада семьи, и таким образом социально-педагогическая ценность этого заработка сводится к нулю; с другой стороны, на подобие того, как рабочий прикован в мастерской к своему станку и видит и знает только *свое* дело, совершенно обыкновенно не представляя организации предприятия в целом и не понимая в этом целом своей роли, как его элемента, так и „общественная" служба обыкновенно приковывает чиновника к пишущей машине, к бухгалтерским книгам, к „входящим" и т. д., связь же его работы с работой других подобных чиновников, а тем более с целью всего учреждения в целом,—ускользает. Исключение составляют, конечно, ответственные работники, как и руководители промышленных предприятий, для которых постоянное осведомление обо всем ходе дела существенно необходимо для самой работы предприятия; но в таких должностях подростки, разумеется, состоять не могут.

Идеальная социалистическая фабрика мыслится нами в такой форме, что *всякий* работающий на нем знаком с ее организацией настолько, что мог бы быть членом управляющего коллектива. Идеальным общественным строем мы считаем такой, в котором каждый член общества был осведомлен в работе всех общественных учреждений, понимал бы их значение и, работая там в одном из них по своей специальности, мог бы в то же время осуществлять общественный контроль в той или иной форме, как член демократического общества. В таком строе подросток-школьник и без необходимости „заработка" являлся бы деятельным членом коллектива в качестве постоянного его сотрудника, это было бы его настоящей школой социального воспитания, собственно же школа, как более тесная организация образовательной работы, лишь освещала и осмысливала эту общественную работу, совершенствуя с одной стороны самого работника, вырабатывая из него цельную социальную личность, внося с другой стороны в самую работу более совершенные приемы, поднимая ее производительность и тем освобождая человека все больше и больше от общественно-необходимой доли труда и предоставляя ему возможность осуществлять свое настоящее призвание.

Но в условиях современной действительности постоянное участие подростка в общественной деятельности, подтягивая силы и оставляя весьма мало времени для собственно школьной работы, не дает взамен этого почти ничего в смысле социального воспитания, а потому вопрос об индустриальном труде подростков должен быть разрешен не в сторону всеобщей их индустриальной повинности, вовсе не вызываемой потребностями современного производства, а наоборот—освободить по возможности от вываривания в фабричном котле и тех, которые сейчас там находятся, и направить их в школу,—не словесную, оторванную от жизни, но трудовую и социалистическую. Нам так нужна *пролетарская интеллигенция*, что мы должны напрячь все усилия к ее образованию, а это можно сделать, производя отбор в среде пролетарских детей и давая возможность этим избранным возможность развить свои интеллектуальные силы, овладеть знанием, вырвав его из рук буржуазной интеллигенции, для плодотворного социалистического строительства.

Таким образом, пред нами две ближайшие задачи: 1) организовать школу для подростков, занятых в промышленных предприятиях и других общественных учреждениях, пока это диктуется условиями современной действительности, и 2) организовать школу производительного труда и социального воспитания, основанную на образовании школьного коллектива на началах самообслуживания и самоуправления и эпизодическом участии в таких работах, общественное значение которых видно непосредственно. Таковы ближайшие перспективы трудовой социалистической школы.

В. Добровольский.

Внешкольное образование и строительство новой школы.

Даже буржуазные круги (поскольку их мнение еще может находить себе в наши дни выражение) должны признать, что область, в которой Советская власть работает по мере своих сил и возможностей—это народное образование и что сделано в этой области чрезвычайно много.

И прежде всего, несомненно, вся сила направлена была на борьбу с невежеством и темнотой широких масс. Нет такого уголка, куда не проникла бы в той или иной форме просветительная деятельность.

Область раньше не только чуждая просвещению, но и глубоко враждебная ему—военное дело—теперь проникнуто духом просветительной деятельности. Всякая формируемая часть прежде всего занимается организацией культурно-просветительного кружка, при чем деятельность кружка понимается не в узком смысле одного распространения среди солдат грамотности, но возможно широкого при тяжелых условиях современности, и в частности условиях военного ведомства, — насаждения и укрепления культурных навыков, организуются лекции, беседы, ставятся пьесы.

Если взять область того же военного ведомства на фронте, то туда посылаются специальные поезда с литературой, посылаются специально подготовленные люди, инструктора, широко распространяющие все, что может быть доступно массе, в форме ли кинолент, выставок, наконец театральных пьес в постановке часто весьма талантливых артистов.

Не буду останавливаться на успехах внешкольного образования и широкого поистине *народного* просвещения, так как оно возникает не извне насаждения, а самобытности, и не народного в вульгарном смысле Просвещения, распространяемого через Пролеткульты и другие культурно-просветительные и профессиональные организации: их роль сможет оценить только история. Конечно, менее всего в этой области сделано в деревне.

Здесь наибольшим препятствием является косность масс, их темнота, предрассудки, нежелание итти навстречу, а главное, так сказать, трудность к ним доступна. Но и здесь культурно-просветительная работа сделала большие весьма существенные успехи. Прежде всего во многих деревнях есть фабрики и через них распространение внешкольного образования идет в первую очередь; далее—сплошь и рядом уже организуются самостоятельные центры культурно-просветительной жизни, и находит себе место культурно-просветительная деятельность. Конечно, деревня в этом отношении пока занимает еще последнее место,

нии должны бы работать и С. К. М. и клубы-школы подростков, где бы подростки могли бы получить и широкие теоретические обоснования предпринимаемой ими работы.

Все советские, а также партийные организации должны обсудить, где и как мог бы помочь общей работе коллективный труд подростков. Сейчас в советских учреждениях подростки употребляются только для посылок. Должность „мальчика“ способна приучить только к лодырничанью и ничего неделанью. Между тем, как есть масса работы, которую могли бы выполнять группы подростков. Нет. Не умеем мы еще организовывать жизнь, не умеем взять от нее все те возможности, которые она открывает.

В ходе работы у подростков будет возникать масса вопросов. Клуб — это его задача—должен дать подростку возможность найти эти ответы. Если эти вопросы касаются общественной жизни, то надо воспользоваться этим, чтобы научить подростка наблюдать эту общественную жизнь, наблюдать и оценивать ее и активно относиться к ней.

Как это сделать? Необходимо дать подростку теоретически обоснованное социалистическое мировоззрение. Было бы ошибкой думать, что подростки недоросли до этого, или еще хуже, что преподаванию социализма не место в школе-клубе для подростков, что там „сначала“ надо обучить их истории и литературе. Может быть, даже несомненно, преподавание социализма в школе подростков будет иное, чем для взрослых. Оно должно быть, конечно, очень популярно связано с изучением культуры, истории, географии и проч., но, тем не менее, оно должно проводиться. Подростку необходимо мировоззрение, и мировоззрение социалистическое.

А затем необходимо его укрепить, проработать. Надо, чтобы каждый жизненный факт, поразивший подростка, был поставлен в связь с социализмом, надо, чтобы подростку стала ясна эта связь. Необходимо приучить подростка и самого отыскивать эту связь. Таким образом, он сделается постепенно сознательным социалистом, в нем пробудится интерес к общественным наукам и к общественной жизни.

А затем нужно также, чтобы по отношению к каждому отрицательному явлению общественной жизни подростки сообща бы изыскивали меры к устранению его и определяли бы свою роль в этих мерах.

Я знаю, что такая работа до сих пор не велась в клубах для подростков, а если и велась, то в виде очень редких исключений. И методика такого преподавания еще мало разработана. Впрочем, тут и не нужно особой какой-нибудь методики, надо быть социалистом, уметь подходить к подросткам, будить их мысль, их интерес. Но это нужно при всякой работе с подростками.

Н. Крупская.

Школа II-ой ступени.

Научно-Методический Подотдел Отдела Единой Трудовой Школы разослал по губернским и уездным Отделам летом 1919 года анкету о состоянии школ II-ой ступени.

Сведения пока получены относительно 323 школ по 23 губерниям. Из этих сведений мы можем почерпнуть следующие данные: в ряде городов и уездов занятия в 1918—1919 учебном году начались со значительным опозданием: конец октября, ноябрь и декабрь, вследствие недостатка школьных работников, эпидемий, перегруппировки учащихся, отсутствия дров. Приблизительно в $^2/_3$ школ регулярные занятия за зиму 1918—19 г. наладились; в одной $^1/_3$—нет, главным образом, за отсутствием преподавателей, но кое-где и вследствие понижения работоспособности учащихся, продовольственного кризиса.

Процент непосещаемости школ довольно велик, нередко поднимается до 40, 50 и даже 70%, особенно весною, с началом сельско-хозяйственных работ, когда дети в деревнях восполняли недостаток рабочих рук: в школах с общежитием, естественно, непосещаемость не имела места; эпидемии, продовольственный кризис также влияли на повышение % отсутствий учащихся.

Относительно перехода учащихся к систематическим заработкам характерно положение в гор. Твери, где уже с начала учебного 1918—1919 года стало наблюдаться поступление учащихся на постоянную службу, затем, с ростом дороговизны и с все увеличивающимся спросом на работников в советских канцеляриях, росло и число учащихся, переходивших на постоянную службу; особенно заметно это явление в старших классах. Отмечаются и случаи поступления учащихся на полевые и огородные работы, а также на работы по сплаву и нагрузке дров.

В Твери для учащихся, занятых службой, были открыты особые „служебные отделения“, в каковых занятия начинались с 5-ти часов, но это явление исключительное. Обыкновенно же дети, поступившие на службу, переставали совершенно посещать школу.

В школах с исключительно крестьянским составом учащихся поступления на службу крайне редки. Продолжительность рабочего дня школьников II ступени колебалась от 3-х часов до 7-ми, в большинстве случаев равнялась 5-ти часам.

Непродуктивного использования учебного времени, вызванного отсутствием руководства со стороны школьных работников, или организованной учебно-воспитательной самодеятельности среди учащихся в общем не наблюдалось, но естественно, что даром пропадало время, когда школьные работники отсутствовали по болезни или когда занятия прекращались ради какой-либо хозяйственной работы, напр., пилки дров, также вследствие большого недостатка руководств и пособий. В Духовщинском уезде, Смоленской губернии, продуктивным занятиям мешало отсутствие дисциплины среди учащихся городских школ, их одностороннее увлечение спектаклями и собраниями, отсутствие авторитета педагогов в глазах учеников. В уездных школах, напротив, наблюдались дружные отношения учащих и учащихся: школьные работники, как старшие товарищи, руководили не только занятиями, но и воспитанием личности учащегося, в этом их поддерживали ученические организации; после установленных часов занятий время проходило в беседах, чтениях, репетициях, экскурсиях, прогулках и других разумных развлечениях.

Сказать, что преобладающим мотивом посещения школы является получение пищи—тоже нельзя, тем более, что в целом ряде школ выдача пищи даже не имела места, хотя в отдельных случаях можно констатировать небольшой контингент учащихся, являвшихся в школу исключительно для получения продовольствия. В Твери, напр.,—после прекращения весною 1919 года выдачи горячих завтраков и хлеба для школьников II ступени, произошло резкое падение посещаемости школ, но такие факты редки. Однако, дежурство учащихся на кухне, отлучки их в поисках за продовольствием, иногда за 30 верст, отвлекали детей от занятий.

Повсеместно организация новой школы тормозилась неподготовленностью педагогического персонала, несознательностью учащихся, неподготовленностью их к новому строю, пассивным сопротивлением среды, из которой они происходили, резким переходом от дисциплины показной к внутренней самодисциплине, переходным временем, переживаемым страной, голодом, недостатком обуви и одежды. Некоторые анкеты (кологривская) к числу препятствий относят также: „Разноместность коллектива, совместное обучение и не-

уравновешенность учащихся, отсутствие декретов о мерах воздействия в случаях рецидива проступков, сознание большой и нежелательной безнаказанности среди учащихся за совершаемое и полное игнорирование авторитета школьного Совета в некоторых крайне прискорбных вопросах внутренней жизни, громоздкость созыва коллектива и трудность достижения на нем согласия и единообразия". На постановку школьного дела влияли также неразработанность типа школ, а также отсутствие руководящих начал из центра. Одной „Декларации" и „Положения" слишком мало,—говорит одна из анкет,—да и те были получены с опозданием. Не было организовано ни курсов, ни лекций; не было (да и теперь нет) опытных школьных инструкторов, которые могли бы на местах давать конкретные указания к практическому осуществлению программы. Помимо указанного, дело создания Трудовой Школы тормозилось отсутствием наглядных пособий. Особенно плохо в этом отношении дело обстоит с уездными школами (полное отсутствие географических карт во II ступени, ни одного прибора для опытов физики, ни одной картинки и т. д.), что отнимает всякую возможность сколько-нибудь полного проведения программы Единой Трудовой Школы". Усиленных манкировок учащих нигде не замечалось; но в Твери в одной школе II ступени учащиеся стали в конце зимы вести более строгую регистрацию своих манкировок, а также начали отмечать и пропуски учащих, хотя результаты этой последней регистрации они не оглашали, но, по словам местного Отдела, все же это обстоятельство заставило подтянуться менее аккуратных школьных работников.

По вопросу о том, есть ли существенная разница в строении педагогической части новой школы по сравнению со старой, отчеты Отделов можно подразделить на 2 группы: большая часть (256 школ) отвечает, что в виду всех вышеизложенных препятствий в деле проведения новой школы такой разницы нет, другая группа ответов видит существенную разницу в пользу новой школы.

I. Обучение во всех школах стало совместным и светским, учебники, как книги для заучивания, подвергались изгнанию, задавание и спрашивание уроков не практиковалось с первых же дней существования Трудовой Школы. Но это, так сказать, лишь устранение былых отрицательных явлений.

II. *Положительными* достижениями нужно считать, что „самая программа изменилась соответственно заданиям новой школы развить личность учащегося во всех отношениях—умственном, нравственном, художественном и физическом". Соответственно с этим введено преподавание новых предметов — история культуры, беседы по политическим вопросам, лепка, рисование, музыка, работы в мастерских (переплетная, столярная, сапожная, плотничья, металлургическая и т. д.); вместе с тем изменился и самый метод преподавания, развитие самостоятельности учащегося: введение „бесед" вместо прежних „уроков" с зубреньями, отметками и т. п., стремление оживить эти беседы наглядными пособиями, опытами, чтобы заинтересовать учащихся, освещение материала соответственно новому строю жизни, без ненужных подробностей, мелких фактов и т. п.

В уездных школах с целью сознательного усвоения учащимися окружающего организовывались прогулки, во время которых природа служила объектом изучения, заменяя собою отсутствующие наглядные пособия. (Из анкеты Духовщинского уезда.)

Благоприятную перемену видит и одоевский уездный Совет: „Учебные планы по всем предметам выполнялись применительно к новым программам: педагоги стремились преподавать, сообразуясь с духом новой школы, а именно: каждое научное положение преподавалось не отвлеченно, а в связи с живой жизнью. Введены практические занятия по естествоведению, физике и математике; применялся лабораторный метод русского языка и истории (политическая экономия и социология); учащиеся обнаруживали значительную самостоятельность".

Интересен и ответ новоладожского уездного Отдела. Перечислив все недостатки в работе школ II ступени за истекший учебный год (неблагоприятные внешние условия: гражданская борьба, продовольственные затруднения, неподготовленность учащих, недостаток учебных пособий, неприспособленность школьных зданий), Отдел тем не менее может отметить, что и в минувшем учебном году школы не остались в старом виде и не замерли и не разложились, а наоборот, в них замечается некоторое, хотя и медленное поступательное движение перехода к новым началам Трудовой Школы, каковые выразились, по мнению Отдела, в следующем:

1) В истекшем учебном году учащиеся были привлечены к общественной школьной жизни, интересовались политикой, литературой и творчеством Советской власти, принимали живейшее и горячее участие в устройстве школьных и школьно-общественных праздников, концертов, литературных вечеров, спектаклей и проч., устройстве литературно-образовательных кружков, чтении классных рефератов на свободные темы.

2) Весною текущего года, по окончании учебных занятий на школьном земельном участке (при Старолад. школе) под руководством преподавателя устроен небольшой школьно-показательный огород, который в будущем, можно надеяться, будет иметь большое общественное значение.

3) В течение зимы на уроках рукоделия ученицы шили бесплатно белье и платья для детей, находящихся в Старолад. детской колонии.

Если проведение новых принципов в данной местности отмечалось, то его можно констатировать для всех школ данного пункта. Процесс методического перехода к правильно организованной Трудовой Школе наблюдается повсеместно медленный и слабый, впрочем некоторые Отделы именно внезапность перехода к новой школе считают главной причиной неудачи этого перехода.

Во всех школах II ступени, за незначительным исключением, организованы следующие виды производительного труда: слесарный, столярный, переплетный, рукоделие, сельско-хозяйственные работы, кузнечное и сапожное ремесло, при чем учащиеся чувствовали большую склонность к столярному труду.

В Твери учащиеся одной из школ образовали 5 групп, каждая из которых работала по 2 часа в неделю под руководством инструктора. Зимой ученицы 6-ти школ, в числе 280, посещали хорошо поставленную мастерскую при женской ремесленной школе, где обучались швейному и шляпному мастерству; работали ученицы в послеобеденное время ежедневно по 4 часа в день, будучи разбиты на группы так, чтобы каждая группа имела возможность быть в мастерской 2 раза в неделю.

К занятиям в школе в качестве инструкторов физического труда были привлечены квалифицированные работники, а в одной школе обучение учащихся в сапожно-починочной мастерской взял на себя знающий это мастерство учитель математики. Инструктора физического труда в одной из школ отмечают весьма значительный интерес среди учащихся к труду — „рабочее настроение". Учащиеся в таком большом числе изъявили желание работать, что не было возможности всех удовлетворить. Многие из них интересовались покупкой инструментов и руководств для домашней работы. Их рабочее настроение заразительно действовало и на других учащихся. Многие уехали на летние каникулы с твердым намерением осенью 1919 года заняться физическим трудом с большим стараннем. В целях лучшей организации дела в 5-ой школе была учреждена комиссия из обучавшихся в сапожной мастерской; в состав ее входил и ин-

структор; члены комиссии несли дежурство в мастерской, следили за целостью инструментов, их уборкой, участвовали в приобретении новых инструментов и материалов и т. д. Занимались дети пилкой и рубкой дров, приготовлением школьных огородов, работали по дереву и занимались в центральной портняжной мастерской. Заслуживают быть отмеченными попытки некоторых школ наладить с учащимися производство предметов для личного и домашнего обихода.

Связи между организуемым школами производительным трудом и местными кустарными промыслами, фабричными и заводскими предприятиями нигде не отмечается в виду остановки под влиянием хозяйственного кризиса, переживаемого страной, фабричных и заводских предприятий. В работе кустарей в текущем году также произошла остановка. По этой причине не могло быть попыток ввести учащихся для работы в хорошо оборудованные мастерские и фабрики.

Оживлению школы способствуют в корне измененные методы преподавания, ученические организации, к лучшему изменившиеся отношения между учащимися и учащими. В некоторых уездах (в Климовском) оживлению способствовала и широкая активность ячеек учащихся коммунистов. Учащиеся города и местечка вели просветительную работу в местных профессиональных союзах и в деревнях путем устройства спектаклей.

В громадном большинстве случаев констатируется полное равнодушие трудового населения к школьной жизни и отсутствие какого-либо его влияния на деятельность Советов, хотя меры к привлечению в школьные советы во многих местах приняты.

По вопросу об организованном участии учащихся в хозяйстве и в жизни школы ответы можно считать повсеместно утвердительными, разница только в степени интенсивности этой организаторской работы.

Вольные научные кружки имеются почти во всех школах, — это, главным образом, кружки литературные, истории, естествознания и эсперанто. Видной роли эти кружки в жизни школы не играют, так как они, по свидетельствам Отделов, оторваны от школьной жизни и интерес к ним со стороны учащихся слабоват, но в Твери кружки объединяли учащихся старшего возраста, способствовали повышению работоспособности школьников и интереса их к изучаемому предмету, а через них оказывали благотворное влияние и на многих из остальных учащихся, в кружки не вступавших.

По вопросу о влиянии на школу нового трудового элемента и оказания им оздоравливающего влияния на школу, большинство Отделов отвечает, что состав школьных коллективов изменился мало, так как учащиеся уездных и сельских школ всегда состояли почти исключительно из детей крестьянства и пролетариата.

Впрочем, в одной из анкет сообщается факт, когда на призыв к переноске парт, за которую взялись школьные работники, из учащихся откликнулись, главным образом, учепики бывшего высшего начального училища. „Точно учесть степень влияния трудового элемента на оздоровление школы, — говорит данная анкета, — пока не представляется возможным. Одно несомненно: сильное воздействие на оздоровление школы оказывает *сама новая трудовая жизнь*, постепенно приучающая всех, в том числе и учащихся, смотреть на труд, как на общую для всех граждан нашей республики обязанность".

Для облегчения доступа пролетарской и крестьянской молодежи в школы II ступени Отделами устраивались общежития с полным содержанием для учащихся (Тамбовская губ.), отменены безусловно какие-либо испытания для поступления в такие школы, по мере возможности учащиеся из пролетарских слоев снабжались обувью и одеждой, организовывались подготовительные группы для пролетарских детей с целью поднять уровень знаний до уровня школьников II ступени.

Клубов пролетарских подростков в 1918—19 году почти нигде не существовало, они начали организовываться только в конце этого учебного года и потому еще не могли оказать никакого влияния на школы II ступени.

По вопросу о том, какие меры считают Отделы необходимыми в отношении школы II ступени, интересны и характерны такие ответы:

Старая школа разрушена. Освежение идет медленно, но планомерно, по пути к законченным формам. Советская реформа школ требует, чтобы программа ее по некоторым предметам стала выше старших классов бывших средних учебных заведений, а между тем она (некоторые из 11 школ) не успела в истекшем учебном году дойти даже до уровня бывшего высшего начального училища. Главной причиной тому послужила неподготовленность педагогического персонала и бедность оборудования.

Необходимо хорошее оборудование мастерских, приспособление школьных помещений, устройство лабораторий и кабинетов по предметам учебного курса, снабжение школ пособиями, руководствами, письменными принадлежностями, материалами для производительного физического труда и специальные инструктора по трудовым процессам. Следовало бы наделить школы, по крайней мере сельские, землей, сельско-хозяйственными постройками с общежитием и хотя бы небольшим живым и мертвым инвентарем, чтобы школа стала школой-коммуной не только на словах, но и на деле. Нужно открывать трудовые школы-коммуны в составе I и II ступени хотя бы по одной школе на волость в бывших помещичьих имениях, постепенно снабжая их всякого рода орудиями, мастерскими, кабинетами и специалистами. Легче оборудовать одну многолюдную школу, чем несколько малолюдных. Такие школы, по мнению Отдела, могли бы послужить наглядным примером коммунальной жизни, а, может быть, и тем центром, вокруг которого, при умелом руководстве, все население слилось бы в одну общую коммуну. Работу истекшей зимой в школе II ступени Керенский Отдел Народного Образования считает с своей стороны не более как потерею дорогого времени. Неясное представление о задачах школы, неподготовленность учащих и неимение инструктора, — все это не привело к желательным результатам по проведению реформы Единой Трудовой Школы.

Новый учебный год в Керенском уезде, повидимому, не даст ничего нового, так как школьные работники, за отсутствием курсов, конференций и съездов, остаются с той же подготовкой и теми же взглядами и понятиями о новой школе. Есть индивидуальные единицы, стремящиеся к идеалу новой школы, но для них работа непосильна, а потому в 1919—1920 учебном году едва ли удастся проводить полностью задачи новой школы. Некомпетентность местного Отдела Народного Образования была также одной из причин слабой работы школ II ступени в новом направлении.

Бодрее смотрит на дело новоладожский Отдел народного образования.

В предстоящем учебном году предполагается провести в жизнь целый ряд мероприятий по осуществлению принципов трудовой школы в духе индустриально-политехнического образования, как-то: производством в широком масштабе учебных пособий (изделий из дерева и картона), переплетное мастерство, плетение корзин. Для развития трудовых процессов в области сельско-хозяйственного труда в школах будут организованы площадки, где бы учащиеся, прослушав цикл естественных сельско-хозяйственных наук в школе, могли бы перевести умственные процессы в трудовые и этим самым частично воплотить в жизнь идею Единой Трудовой Школы.

Кроме перечисленного, труд физический во всех его видах будет

применяться в повседневной жизни школы.

Методическая разработка учебного материала будет производиться соответственно идеям трудового начала школы, конечно, при условии наличия соответствующих пособий, материалов и инструментов, необходимых для этого.

Секция по разработке материалов.

О школе II ступени в деревне.

Вопрос о школе II ступени за последнее время стал одним из центральных вопросов просветительных учреждений Советской власти. Пережитое ею за минувший учебный год и неопределенность ее судеб в ближайшем будущем, естественно, привлекают к ней внимание как самих школьных работников, так и руководителей. Отдел Единой Трудовой Школы Народного Комиссариата по Просвещению предпринял даже специальную анкету о школе II ступени, а редакция еженедельника „Народное Просвещение" открыла на своих страницах дискуссию, поместив статью тов. Л. Шапиро—„Наш путь в вопросе второй ступени" [1]).

Каков же диагноз и каковы пути оздоровления, намечаемые на скорую руку нашими реформаторами школы? Диагноз, нужно сказать, довольно безотраден, а соответственно ему рекомендуются и меры лечения.

— „Что принес истекший год? — спрашивает тов. Л. Шапиро в названной статье относительно городской школы и отвечает:

— „Наши итоги плачевные. *Создать в пределах городской школы II ступени что-нибудь новое, крепкое, здоровое не удалось.* (Курсив мой). Наоборот, обозначались элементы глубокого разложения. Школа II ступени не создана, *нет и определенно обозначившегося зародыша ее.* (Курсив мой). За истекший год сформировались лишь некоторые элементы, которые войдут питающим составом в новую школу, когда сложится подлинный зародыш ее". „Перед глазами всей страны ясно обозначится массовый факт разложения школы II ступени", — продолжает он далее. Таково обобщение, к которому пришел один из деятелей Народного Комиссариата по Просвещению. Это обобщение страдает одним грехом: мы не видим в нем разграничения между городской и деревенской школой. Автор, повидимому, склонен „факт разложения" одинаково относить и к той и другой школе II ступени.

Еще смелее делает такого рода обобщение тов. С. Далин. „Перед нами стояло по-истине ужасное положение: анархия и хулиганство в школе, разросшееся до всероссийских размеров..." [1]). Не лестную аттестацию дает тов. М. Потемкин учащейся молодежи гор. Москвы.

„Не спаянное еще после осенней перегруппировки внутренними связями, — говорит он, — плохо ориентируясь в непривычной обстановке новой школы, подавленное, как и все, общим неустройством жизни, учащееся юношество обнаружило значительный упадок работоспособности, без различия по отношению к школе (процент не посещающих школы в среднем 28), крайнее увлечение всевозможными увеселениями (особенно танцами), наконец, явные признаки морального шатания" [2]).

Таковы отзывы наблюдателей нашей школьной жизни. Мои небольшие наблюдения в городских школах II ступени также совпадают с ними, с тою лишь оговоркой, что „факт разложения школы пропорционален размерам города". В маленьких городах хотя и болезненно шла жизнь школы, все-таки она двигалась вперед и кое-что давала своим питомцам; но она „не выдержала, — по выражению Л. Шапиро, — натиска времени, в крупных центрах совершенно рассыпавшаяся". Загляните в протоколы Школьных Советов, и вы увидите, как целые заседания уходили не на творческую, созидательную работу, а на бесконечные разбирательства всякого рода инцидентов и столкновений между преподавателями и учащимися. Немало ушло времени на подобные „разбирательства" и у Отделов Народного Образования, при чем — нечего греха таить — иногда их неумелое, не тактичное вмешательство вместо оздоровления подливало масло в огонь и приводило к обратным результатам... Со временем, беспристрастная история разберется в этой тяжелой драме русской школы, а пока мы ограничимся лишь констатированием печального факта развала городской школы II ступени.

[1]) См. „Народное Просвещение" № 37—38.

[1]) См. „Народное Просвещение" № 34: „Итоги I-го Всероссийского Съезда учащихся коммунистов" С. Далин.

[2]) „Народн. Просв." „Несколько итогов" М. Потемкина.

II.

Но если мы от больших центров будем спускаться к захолустным пунктам, то увидим, что этот процесс разложения теряет свои столь острые формы и почти совсем исчезает в деревне. Здесь не слышно о равнодушии молодежи к учению, об утомлении и потере работоспособности, о лени и распущенности. Напротив, сельские педагоги единодушно отмечают жадность молодежи к знанию, усердное посещение ею классов и самое внимательное отношение к своим обязанностям. Процент непосещаемости по общим отзывам редко превышает 3—5, да и это обусловливается больше внешними причинами, — отсутствие теплой одежды, домашние работы и проч., — чем психологическими. Мне пришлось видеть школы II ступени разных типов, начиная от школ, сохранивших еще старый уклад, и кончая совершенно порвавшими со старыми традициями. Но эта разница в характере школ не отражалась на отношении молодежи к занятиям. Как в тех, так и в других занятия шли с полной напряженностью и ни от одного из педагогов мне не пришлось слышать жалоб на „лодырничанье", увиливание от работы. Как на яркий пример такого *здорового* отношения учащихся к своему делу могу указать на одну из школ Саратовской губ. Эта школа в своем роде единственная из виденных мною сельских школ, куда также докатилась волна розни и *борьбы* между „отцами и детьми", между учителями и учениками. В момент моего приезда борьба была в полном разгаре. Раздор дошел до такой степени, что часть учащихся на общих собраниях выступала с беспощадной, непримиримой критикой некоторых преподавателей, отстаивая резолюцию об их удалении из школы. Но эта борьба не мешала юношам аккуратно посещать классы и внимательно слушать объяснения тех самых учителей, против которых они так резко агитировали на ученических собраниях. Только по сумрачным лицам, по их взглядам исподлобья на учителей во время уроков можно было догадываться, какие чувства переживаются ими... Однако, интерес к тому, что говорилось и делалось в классе, пересиливал враждебные чувства и помогал юнцам сохранять самообладание, чтобы работать наравне с остальными товарищами. Юноши с честью выдерживали тяжелое испытание...

Или, вот другая школа — в с. Шемышейке, Кузнецкого уезда той же Саратовской губ. По своему настроению она противоположна первой. Благодаря ли уменью и такту преподавателей, проникнутых, — кстати сказать, — общественно-педагогическим духом и искренним стремлением осуществить принципы трудовой школы-коммуны, или каким-либо другим причинам, но здесь о разладе между „отцами и детьми" не

слышно. Между учениками и учителями царит мир и „в человецех благоволение“. Вся атмосфера школы носит отпечаток своеобразной семейственности, дружбы и взаимной теплоты. Внешняя обстановка школы вполне гармонировала с настроением ее обитателей. Прекрасное кирпичное здание, просторные, чистые и теплые классы (что встречается редко), классные комнаты с крашеными полами. В классах много солнца. Из окон красивый вид на холмистые поля, лес и живописную реку Узу. По белым стенам классных комнат развешаны естественно-исторические картины; в одном, более просторном классе,—рояль, купленный по случаю в Саратове, а в переднем углу этого класса — красивый аншлаг с девизом: „Просвещение—залог свободы“. Учитель (из учительской семинарии) толково и деловито вел при мне урок арифметики, и весь класс дружно работал над разрешением сложной задачи.

Находясь в этой мирной обстановке, невольно забывал о великой драме, переживаемой русской школой, об общей разрухе, охватившей всю нашу жизнь. И... только разбитое звено в окне напоминало, что хозяйство школы и здесь не процветает... Об этом же говорили и жалобы преподавателей на отсутствие новых руководств, на недостаток учебных пособий и т. п. Ученикам приходится нередко покупать карандаши у спекулянтов, платя за дрянные, негодные карандаши по 3 рубля за штуку. Еще более ощутительна нужда в учителях. Школа ведется всего тремя педагогами; и, общая просьба их и представителей крестьянского общества, направленная ко мне при отъезде, это— отыскать в Москве достойных учителей и учительниц.

Между этими двумя, столь противоположными по своему настроению школами можно распределить все другие деревенские школы II ступени. Учащимися в них большею частью является молодежь обоего пола 15—18 лет, а в с. Синодском, Петровского уезда,— молодые крестьяне 20—30-летнего возраста, многие из которых люди семейные. Стремление к образованию у них столь серьезно, что они после дневного труда оставляют свои семьи и весь вечер отдают учебным занятиям.

И такое отношение к школе II ступени в селе наблюдается не только со стороны молодежи, а что еще достопримечательнее—со стороны взрослого населения. В глазах крестьян школа повышенного типа имеет такое значение, что они готовы на большие затраты, лишь бы иметь ее для своих детей. Вот, напр., что мы читаем в протоколе № 42 сельского схода упомянутого с. Синодского, Петровского у. „Имели суждения об открытии школы повышенного типа с отделениями сельско-хозяйственным, земледельческим и техническим, единогласно постановили: открыть таковую школу“. „А так как,— продолжает протокол,—подобную школу общество построить на свои средства вполне не может, а может дать вспоможение: 1) отводит 20 десятин земли, где найдут удобным технические соображения; 2) общество дает 1500 шт. 9-ти-арш. бревен, 4—$5^1/_2$ верш. толщины, с доставкой на место постройки, 500 бревен от 3 до 4 верш., 50 бревен 5—$6^1/_2$ верш. и 120 дубов 9 арш. длин., 4—5 верш. толщиной; 3) обязуется вырыть канаву для фундамента всей постройки; 4) доставить глины, воды и песку; 5) доставить нужное количество камня и т. д. Кровлю крыши и смазку потолка об-во берет на себя; кроме всего перечисленного, об-во дает единовременно деньгами 8.000 руб. и, кроме того, обязуется недостающие по постройке средства принять на себя“.

Мы видим, на какие серьезные жертвы готовы крестьяне ради школы с повышенным курсом, и делается все это совершенно добровольно, без чьего-либо давления и по собственной инициативе. Подобными фактами полна провинциальная жизнь. И, если по адресу школы I ступени нередко слышатся жалобы и недовольства на нищету и убожество даваемых ею знаний, то

школа II ступени, при надлежащей обстановке, избавлена от таких жалоб. Как молодежь, так и взрослое крестьянское население видят в ней такое образовательное учреждение, которое действительно способно дать серьезное умственное развитие, дать научную подготовку для практической жизни. И, в то же время, эта школа не отрывает молодежь от родной семьи, от обычной трудовой жизни.

Школа II ступени, это — предмет мечтаний всякого развитого крестьянина каждого мало-мальски культурного села. Может быть, многим покажется большою ересью против распространенного мнения, но я, на основании своих наблюдений, склонен думать, что не народному университету в обычном смысле слова принадлежит широкое будущее в деревне, а именно школе II ступени с ее серьезным научным курсом и, разумеется, при внимательно подобранном педагогическом персонале.

III.

Отсюда, конечно, нельзя делать вывода, что школа II ступени в деревне цветет и благоденствует. Ее путь и здесь в огромном большинстве случаев усыпан не розами. Ей также и здесь приходится преодолевать большие трудности и всевозможные препятствия. Но корень ее зол и невзгод кроется вовсе не в том, в чем невзгоды ее городской сестры. Страдает она не от внутренних причин, а чисто внешних, которые легко устранимы. Это—с одной стороны необеспеченность преподавательскими силами, с другой — общая хозяйственная экономическая скудость и разруха, недостаток в учебных пособиях, книгах и руководствах.

Жалобы такого рода раздаются буквально из всех углов деревенской России, но сама деревенская школа тут ни при чем. Снабжение школ учебными пособиями постановлено крайне неудовлетворительно. Напр., „Сызранский Уездный Отдел затребовал от учащих немедленно представить сведения[1]) о числе книг, письменных принадлежностей и вообще чего не хватает в школе. А смог выслать сущие пустяки. На 110 учеников Казаковской школы прислал 6 дюжин никуда негодных карандашей и 90 тетрадок, из коих многие в клетку и для письма не пригодны“,— пояснила мне заведующая школой.

Русско-Камигикирская школа Кузнецкого у. на 51 ученика получила 5 книг и т. д.

Не менее остро переживается школами II ступени и нужда в преподавательских силах. Вместо 6 преподавателей общеобразовательных предметов, как принято, напр., в Вольском у. Саратовской губ., для нормальных 4-х-годичных школ, обычно в наличности имеется не более трети и, в лучшем случае,—половина установленного штата. Школьным Советам приходится прибегать к самым разнообразным комбинациям, чтобы как-нибудь заполнить недостающие силы и заполнять зияющие дыры. Самый распространенный способ, это — совмещение в одном лице преподавания разных предметов. В одном случае физику преподает историчка, в другом, математик — рисование, ученый садовод — теорию словесности и т. д.

Виденная мною историчка вела урок физики по учебнику. Положила на кафедру перед собою учебник физики и передавала его содержание своими словами, ежеминутно заглядывая в книгу. Урок проходил вяло, скучно, и ученикам приходилось делать большие усилия, чтобы усвоить то, что говорилось учительницей. Таким же способом в другой школе велся урок словесности „ученым садоводом“. Разница была только в том, что этот был откровеннее. Он не прятал книгу, а просто читал по ней, поясняя малопонятные места.

Таковы условия жизни и деятельности школы II ступени в деревне. Условия эти тяжелы, но они имеют чисто внешний характер и для улуч-

[1]) Циркуляром от 12 декабря 1918 года.

шения их вовсе не требуется радикальных мер, новой ломки и новой перестройки. Недочеты и неудовлетворительное состояние деревенской школы II ступени нужно искать совершенно не в том, в чем заключается несчастие городской. С внешней стороны последняя находится бесконечно в лучших условиях: тут и полная обеспеченность педагогическими силами и учебными пособиями, хорошими помещениями и нередко прекрасно оборудованными мастерскими. А дело не клеится, оно ползет по всем швам, вполне оправдывая поговорку: „не красна изба углами"...

Следовательно, нет никакого основания смешивать обе эти школы, сваливать их в одну кучу и делать относительно их общее заключение. Переносить с больной головы на здоровую в данном случае не только несправедливо, но и глубоко вредно для дела просвещения трудовых масс.

Ни на одну минуту нельзя забывать и еще одной особенности сельской школы II ступени в сравнении с городской. В то время, как вторая представляет собою перерождение старой средней школы со всею ее порочной наследственностью, первая, наоборот,— явление в деревне совершенно новое. Правда, некоторый процент их преобразован из бывших высших начальных училищ, но, 1) последних было очень мало, 2) программа их была так ограничена и уродлива, что нельзя и сравнивать новую школу со старой [1]). Поэтому, не колеблясь, школу II ступени в деревне можно назвать детищем Октябрьской Революции, и детищем — нужно признать — наиболее удачливым, которому суждена великая будущность в деле просвещения трудовых масс.

IV.

Создатели новой высшей народной школы верно уловили запросы и потребности народного духа. В своем плане организации этой школы они чутко подметили, насколько необходима для нашей крестьянской молодежи положительная научная подготовка, положили в основу ее „изучение человеческой культуры в связи с природой" [2]). Чем выше поднимаемся мы по школьной лестнице, — говорится в Декларации Государственной Комиссии Просвещения, — тем больше рядом с этой энциклопедией занимают место предметы, т. е. систематическое изучение, под руководством специалистов, родного языка, математики, географии, истории и биологии в ее подразделениях, физики и химии, живых иностранных языков.

Крестьянская мысль до сих пор настолько пропитана мистицизмом и всяческой фантасмагорией, что требуется настойчивое и основательное проведение намеченной программы для оздоровления мозгов подрастающих поколений. Хотя крестьянин живет среди природы, ежедневно наблюдая ее явления, но у него нет к ней трезвого отношения. Как и во времена первобытные, у него нет умения анализировать, связывать между собою разнообразные явления природы. Они для него — не проявления известных, непреложных законов, а результат действий особой сверхъестественной силы. „Бог и чорт" — вот в его представлении действительные двигатели жизни. Под влиянием векового поповского гипноза, он подавлен „могуществом" первого. Благодетельные для себя явления природы он считает знаком милости божьей, а вредные — наказанием за грехи...

Присматриваясь к жизни деревенского человека, легко видеть, как она бессильно бьется в сетях мистики и метафизики. При всяком бедствии, при любом несчастьи, ум крестьянина направляется не на отыскание реальных причин, а ударяется в область фантазии и суеверия. В зависимости от такого направления ума, вместо разумной, действительной борьбы с житейскими невзгодами, он прибегает к нелепым, часто вредным мерам. При засухе наши крестьяне целыми селениями, во главе с попом, шествуют по полям с иконами и служат молебны о „ниспослании дождя", при падеже скота — зовут того же попа для окропления святой водой, при своих заболеваниях вместо врачебной помощи они опять спешат к сверхъестественной силе через попа или знахарку. Бедствия, приносимые для народной жизни таким миропониманием, не исчислимы. И, пока мы не извлечем крестьянскую мысль из этих дебрей тьмы и мистицизма, невозможно ждать рационального сельского хозяйства, здоровой нормальной жизни по указаниям гигиены и санитарии. Вот почему глубоко верно говорит тов. В. Познер: „Но коренным образом изменить всю систему народного хозяйства, создать новые устойчивые формы общественного уклада, заложить основания коммунистического о-ва он (пролетариат) будет в состоянии лишь тогда, когда всесторонне и полностью овладеет самым мощным оружием буржуазии — знанием" [1]).

Никто не станет оспаривать, что в этом „оружии" особенно нуждается наше трудовое крестьянство, лишенное в огромной своей массе даже простой грамотности. Борьба с крестьянским мистицизмом крайне трудна. Крестьянин живет постоянно во власти стихий; и, не зная законов, управляющих ими, невольно склонен удаляться „по ту сторону сознания". Грозные, непонятные для него явления природы придавливают его психику и держат ее в постоянном страхе и рабстве. В этом отношении крестьянин несомненно находится в более тяжелом положении, чем городской рабочий. Общие условия культурной, искусственной городской жизни, а, главное, — машина и всякие технические сооружения, при которых последнему приходится работать, незаметно для него самого высвобождают его мысль из-под гнета природы. Машина выпрямляет ум рабочего и делает его свободомыслящим, восприимчивым к положительному знанию. В этом различии объективных условий жизни рабочего и крестьянина и нужно искать причину, почему, даже в самых просвещенных странах, первый до сих пор в своей массе остается во власти клерикализма, а второй — уже далеко шагнул вперед. Отсюда же вытекает и тот практический вывод, что, в противоположность буржуазным правительствам, социалистическое должно особенное внимание уделять умственному развитию сельского населения.

До известной степени в Советской России так и делается. Тем не менее, нельзя не признать, что хотя в основу просветительной политики Советской власти положены широчайшие заботы о просвещении трудовых масс, но львиная доля этих забот направляется на удовлетворение духовных запросов городского рабочего населения. Школьная революция у нас совершается под флагом города, а не деревни. Последняя остается в тени. Этим и объясняется односторонность суждений некоторых деятелей просвещения, их склонность окрашивать одною краскою городскую и сельскую школу II ступени. Ошеломленные печальными итогами деятельности школы в городе, они, ничтоже сумняшеся, огульно эти итоги переносят и на школу в деревне и поют ей отходную. Не дав развернуться ей и в сотой доле, не обследовав ее жизнь и деятельность за минувшее время, они, с нетерпением юнцов, готовы ломать серьезно придуманный план организации высшего народного образования и заменить — на скорую руку — новыми проектами по городской мерке, не считаясь с различием условий существования деревенской и городской школы.

Правда, все это делается во имя Революции и Трудовой Школы, но, мне

---

[1]) По данным Отдела Единой Школы Н. К. П. к 1-му сентября 1917 г. высших начальных училищ в 211 уездах числилось всего 643, а школ II ступени в 1918—19 учебн. году числится 2632 (см. „Народное Просвещение" № 42—44).

[1]) См. Декларацию Государственной Комиссии по Просвещению об основных причинах Единой Трудовой Школы (Сборник декретов и пост. Рабоч.-Кр. Пр-ва по Народн. Образ., стр. 177).

[1]) „Народное Просвещение" № 39—41: „Пролетарская молодежь и школьная революция" В. Познер.

кажется, что и та и другая мало выиграют, если мы лишим народную школу ее живой силы—силы научного знания. Само собой разумеется, принципы трудового воспитания должны проводиться в новой школе во всей неуклонной последовательности,—в трудовом царстве не может быть белоручек,— но это не значит, что школу нужно превратить в ремесленную мастерскую. Нужно очень остерегаться того усердия, о котором говорит Н. Крупская: „Школу сплошь и рядом превращали в какую-то мастерскую, где неумеющие учителя обучали детей строгать, лепить и кроить". — „У нас,— приводит она далее отзыв знакомого матроса,—в школе перестали учить читать и писать, а все только горшки лепят" [1]).

Заботы о подготовке подрастающих поколений к производительному труду должны быть тесно связаны с основною задачей новой школы—с научным образованием. Недостаточность подготовки к индустриальному труду жизнь скоро пополнит без стараний государственной власти, приобщение к научному знанию может приостановиться, и юноша может на всю жизнь остаться с легковесным багажом. А мы, живые свидетели великих бедствий народных от великого народного невежества, постоянно должны помнить девиз, выставленный тов. В. Познером о „всестороннем и полном овладении самым могучим оружием буржуазии—знанием".

„Будем бороться за школу, которая, беря за исходный пункт производительный труд ребенка, сумеет осветить этот труд светом знания и приведет таким путем к пониманию явлений природы и жизни человечества" [1]).

Только при таком условии знание и труд сочетаются в тесный, неразрывный союз и наша деревенская школа — школа революции и нового строительства—будет служить, по выражению тов. Луначарского, „для жизни и народа".

Г. Ульянов.

16-го сентября 1919 г.

[1]) Н. Крупская: „Соединение обучения с производительным трудом в Единой Трудовой Школе", „Народное Просвещение" № 32.

Половое воспитание.

Невежество и ханжество—плохие воспитатели.

I.

Традиционная педагогика находится под сильным влиянием христианства. Последнее смотрит на ребенка, как на идеальное существо. С другой стороны, оно крайне высоко ценит целомудрие. Отсюда следует, что ребенок—невинное существо, совершенно чуждое половой жизни, и традиционная половая педагогика есть, собственно говоря, отсутствие половой педагогики.

Но, тем не менее, совершенно не видеть того, что есть, невозможно: наблюдатель детской жизни встречается с детской половой психологией, как с фактом. В этом случае аскету-педагогу остается одно из двух: или лицемерить и, вопреки очевидности, игнорировать факт или приходить в ужас от испорченности и страшных грехов „выродка"—ребенка. Разве только в вопросе о своих доходах люди лгут так неограниченно, как в половом вопросе, где ханжество и притворство свили себе самое прочное гнездо. С другой стороны, аскет-педагог часто из половой жизни ребенка создает трагедию, полную всяческих ужасов, и еще не так давно традиционная половая педагогика была почти сплошь педагогическим террором. Метод умалчивания и метод застращивания—самые обычные

[1]) Н. Крупская, там же.

методы традиционной аскетической педагогики.

Но не только аскетическое лицемерие и старые предрассудки мешают правильной постановке полового воспитания и правильному пониманию половой психологии ребенка. Даже в лучшем случае дело осложняется тем, что взрослый привык судить о ребенке по себе. Но психология ребенка своеобразна. Вот, встречаясь с совершенно своеобразными половыми переживаниями ребенка, взрослый зачастую не узнает их. Очень обычная картина, когда ребенок в присутствии воспитателя преисполнен этими переживаниями, а взрослый и не подозревает этого, потому что аналогичное по внешности поведение его, взрослого человека, не сексуально. Педагог сплошь и рядом сказочно невежествен в половом вопросе.

Совершенно очевидно, что лицемерие, невежество и застращивание — плохие воспитатели. Современное половое воспитание есть калечение ребенка в половом отношении. Душа ребенка, чуть ли не с самого момента рождения его, подвергается массе ранений, нередко очень опасных. Эта искалеченная душа пускается в современный мир, где проституция и порнография фигурируют на каждом шагу. Ребенок портится и грязнится. Это и есть традиционное половое воспитание.

Нельзя воспитывать ребенка, не зная его. Поэтому в этой статье сперва характеризуется половая жизнь ребенка, как она есть, а потом уже отсюда делаются соответствующие педагогические выводы. Но жизнь есть равнодействующая врожденности и среды. Поэтому первая часть статьи, трактующая о половой жизни, в свою очередь распадается на две части.

II.

Половая жизнь вовсе не связана так неразрывно с функцией размножения, как это обычно думают. „Ребенок с самого начала обладает сексуальными инстинктами; он приносит их на свет вместе с собою, и из этих инстинктов образуется благодаря весьма важному процессу развития, идущему через многие этапы, так называемое нормальное сексуальное чувство взрослого. Собственно говоря, вовсе не так трудно наблюдать проявления детского сексуального чувства, напротив, требуется известное искусство, чтобы просмотреть его и отрицать существование его". Мечников в свое время видел в этом несовпадении сексуальности и зрелости одну из дисгармоний природы.

Но, в сущности, здесь мы имеем дело не с дисгармонией природы, но с очень простым фактом: половая система функционирует не с момента своего окончательного созревания, а с момента своего начального возникновения, т. е. с момента рождения ребенка. Было бы странно предположить существование абсолютно инактивной системы, и отсутствие половой жизни у обладающего хотя бы еще несозревшей половой системой ребенка скорее следовало бы признать чудом. Правда, формы детской сексуальности, конечно, совершенно иные, чем у зрелого индивидиума.

Развитие полового чувства идет в направлении специализации эротически возбудимых частей тела. С возрастом половое чувство становится все более своеобразным и концентрируется в немногих областях тела. У ребенка же (и чем моложе ребенок, тем это ярче) половое чувство еще не вполне обособилось от общего кожного чувства и, поэтому, не сконцентрировано, но разлито по телу. Можно сказать, что половое чувство или, точнее, половое ощущение есть сила, которая постепенно убывает территориально и возрастает по силе. Ребенок есть существо, имеющее слабые сексуальные ощущения, но, с другой стороны, вследствие разлитости этих ощущений по телу, он весь сексуален. Так, например, взрослый на поглаживание различных частей своего тела реагирует, в половом отношении, то почти нейтрально, то очень сильно; ребенок же никогда не будет так энергично реагировать, но за то в несрав-

ние, в то время как безделье провоцирует на онанизм и разврат.

Труд—великий воспитатель, но нигде педагогическое значение труда не выступает с такой очевидностью, как в половом воспитании. Это прекрасно знала еще монашеская педагогика: когда монаху угрожала опасность „греха", на него налагали послушание, обычно заключавшееся в каком-нибудь труде. Не случайность, конечно, и тот факт, что трудящиеся классы обычно отличаются половою умеренностью. Дайте ребенку труд—и его половая нравственность возвысится.

Но одно предостережение необходимо—этот труд не должен быть истощающим. Истощение вновь подымает половое чувство, в чем могут убедить любые опыты над животными обоего пола, например, кроликами или собаками, помещенными в общую клетку и подвергнутых влиянию истощающего режима. Их половая жизнь так же обостряется, как обостряется она, например, у чахоточных людей. Оздоровляющее в половом отношение влияние имеет только укрепляющий труд.

Но и это не все. Необходимо, чтобы этот труд захватил ребенка, вполне завладел бы его личностью, короче говоря, чтобы этот труд был творческим. Связь между половою жизнью и творческой деятельностью уже давно подмечена многими исследователями: творческая энергия является как бы трансформацией половой энергии. Аскет боролся против половой энергии, уничтожая ее и, тем самым, воспитывал скопцов. Наш же метод—не уничтожение, но преобразование ее в более высокие формы, так сказать, наиболее целесообразное и полезное использование ее, тем самым создавая максимально потентные существа. Кто хотя бы немного знаком с психологией творчества, должен будет согласиться с нами, что нет более психологического и более действительного средства дать здоровое половое воспитание. Ребенок или юноша, захваченный укрепляющим и творческим трудом, в который он вкладывает всего себя, которым он всецело поглощен, такой ребенок или юноша не станут ни онанировать, ни увлекаться порнографией, ни похотливо льнуть ко всякой женщине. Моральная сопротивляемость его всяким половым соблазнам будет максимальной.

IX.

Я подчеркиваю, речь идет не об уничтожении половой энергии, но о преобразовании ее в высшую. Тем не менее „известная часть вытесненных эротических стремлений имеет право на прямое удовлетворение и должна найти его в жизни... Мы не должны возвышать себя до такой степени, чтобы не обращать никакого внимания на первоначальные животные инстинкты нашей природы... Насколько мало мы можем рассчитывать при наших машинах перевести более, чем одну часть теплоты, на полезную механическую работу, также мало должны мы стремиться к тому, чтобы всю массу сексуальной энергии перевести на другие, чуждые ей цели. Это не может удасться, и если слишком уже сильно подавлять сексуальное чувство, то придется считаться со всеми невзгодами „хищнического строительства". Человек есть сексуальное существо, и ему нет никаких оснований перестать быть таковым, поскольку в его сексуальном чувстве нет животных атавизмов.

Иначе смотрела на дело монашеская или стародевичья педагогика. Она не только внушала молодежи презрение и отвращение к акту зачатия и рождения, но ее шокировало все, хотя бы немного напоминающее половую любовь. Слово „любовь" было запретным даже в тех классах, все ученики которых уже испытали его. На уроках литературы пресловутая классная дама зорко, со всей чувствительностью тайной развратницы, следила за тем, чтобы учитель не касался романической стороны разбираемых произведений.

Это было не только отвратительным ханжеством. Это было заливанием грязью

родителей учащихся: ведь они же когда-то были влюблены друг в друга, ведь они же зачали и родили этих детей! Школа занималась, по-истине, грязным делом. И это в то время, как первая ранняя юношеская любовь воспевалась романтиками, как самое чистое и целомудренное!

Пишущий эти сроки также в свое время отдал дань этой любви. Если бы мне пришлось чертить линию моей половой испорченности, то максимум падения ее точно совпадает с эпохой этой любви. Мне казалось осквернением любимого человека иметь в голове даже тень чего-либо нечистого не только по отношению к нему, но и вообще. И это вполне понятно.

Идеализм юношеской любви, связанный с глубоким уважением к личности любимого человека, есть прекрасная школа полового воспитания. Не стародевичий страх пред любовью и не разобщение полов в их деловой жизни с тем, чтобы сближать их только на балах и в эротической атмосфере вечеринок, но совместная жизнь их дома и в школе, совместная работа и совместные трудовые и идеальные культурные переживания, вырабатывающие уважение к другому полу, как к человеку, и трезвое нормальное отношение к нему,—вот что педагогично.

Когда говорят в защиту раздельного обучения, мне вспоминается одна сценка из моей гимназической жизни, когда случайно по делу пришла в гимназию сестра одного товарища, и все старшие классы сбежались смотреть ее, и не было той гадости, которая бы не говорилась о ней, и гимназическое начальство удалило ее. Вот плоды „целомудренного" воспитания!

Но если ребенок и юноша привык в своей сверстнице видеть такого же человека, как он сам, если молодой человек относится с глубоким уважением к личности той, которую он любит, если он вносит в свою любовь весь свой идеализм, он не станет развратничать, потому что он знает, что тем самым он оскорбляет ту, которую он любит. Итак, творческий, здоровый труд, юношеский идеализм и деловое уважение к человеку—вот лучшие средства полового воспитания, и, говоря о последнем, надо говорить о воспитании всего этого.

П. Блонский.

Эволюционная биология, ее задачи и методы в Единой Трудовой Школе.

В воспоминаниях о Гете имеется характерный эпизод, относящийся к 1830 году и свидетельствующий о том, какое крупное значение придавал этот великий человек результатам известного спора между Э. Жофруа Сент-Илером, одним из предвозвестников эволюционного учения, и Кювье, сторонником постоянства видов: все политические новости того времени, включая начавшуюся во Франции революцию, в глазах Гете отходили на второй план перед интересовавшим его научным событием. Значение его было правильно оценено поэтом-мыслителем—июльская революция, как один из эпизодов политической истории, меркнет перед тем переворотом, который должно было произвести в миросозерцании человечества научное обоснование эволюционной идеи.

Этот переворот справедливо сравнивают с научною революцией, внесенною в свое время в мир учением Коперника и Галилея. Как три века назад была выведена из своего исключительного центрального положения земля и тем самым до безконечности раздвинулись пределы вселенной, так в XIX столетии лишился своего обособленного положения человек, приобщенный к общей жизни природы, которая и вы-

вела его „в люди" из глубоких низов органического существования.

Зародившись в биологии еще в XVIII столетии, идея эволюции впервые получила прочное научное обоснование в трудах Ламарка и затем, полвека спустя, окончательно восторжествовала в лице дарвинизма, который на долгое время стал синонимом учения о трансформизме живой природы. В дарвинизме эволюционная идея выразилась во всей своей полноте, приложив принцип причинности к вопросам, затрагивающим происхождение, психическую и социальную жизнь человечества; перекинувшись затем в другие области человеческого знания, эволюционное учение могло показать с полною научною убедительностью, что и в космическом масштабе и в области общественных и экономических отношений допустимы только причинные объяснения и что настоящее есть результат естественных и закономерных преобразований, которые не остановятся на нем и создадут из него будущее.

Однако, школьное естествоведение было мало повинно в распространении эволюционного учения, заимствовав из него только так наз. „биологический метод" и оставляя незатронутым основное ядро теории. Это замалчивание было вполне понятно в связи с общими условиями, в которых жила и работала старая школа; менее понятны и едва ли искренни уверения некоторых методистов-естественников, будто бы усвоение эволюционной теории вообще недоступно ученикам средней школы по их недостаточной философской подготовке. Новая трудовая школа свободна от необходимости поддерживать рутинные представления о незыблемости существующих условий и отношений, а биология является как раз тою областью, где эволюционная идея впервые вылилась в стройную научную систему и где убедительность факта не страдает от тех причин, которые мешают человеку объективно разобраться в явлениях общественной и экономической жизни. Отсюда в достаточной степени ясно, что новой школе неизбежно предстоит включить в круг своего ведения и освещение биологических явлений с точки зрения теории трансформизма и ознакомить своих учеников с тою руководящею идеей, которая с половины прошлого столетия легла в основу всех важнейших биологических исследований.

Какие же методы должна применить школа, приступая к выполнению этой задачи? Может ли школьный работник взять на себя роль упраздненного законоучителя и, взамен библейского повествования о шести днях творения и о создании человека из красной глины, выступить перед малышами с упрощенным применительно к детскому пониманию догматом о происхождении человека от обезьяны, или учителю, имеющему дело со старшими группами, достаточно по какому-нибудь случайному поводу изложить своими словами одну из популярных брошюр о дарвинизме? На оба вопроса приходится ответить отрицательно. Как видно из многочисленных примеров, приводимых американским педагогом Стэнли Холлом, в младшем возрасте детей занимают только предметы, а не их взаимоотношения; над причинными объяснениями они раздумывают недолго и, не имея силы сосредоточить на них свое внимание, легко удовлетворяются первым попавшимся толкованием и также легко ему изменяют [1]); таким образом навязывание школьнику теоретических построений в том возрасте, когда он вовсе не дорожит подобными причинными толкованиями, по меньшей мере бесцельно.

Что касается учащегося старшей группы, перед которым школьный работник будет излагать эволюционную теорию со ссылками на авторитет знаменитого английского ученого Дарвина, то он может и не принять в свое ми-

[1]) Стэнли Холл. Собрание статей по педологии и педагогике. Перев. с англ. М. 1912.
Стэнли Холл. Эволюция и воспитание чувства природы у детей. Перев. с англ. под ред. Л. Г. Оршанского. Изд. „Школа и Жизнь." П. 1914.

росозерцание навязываемого ему готового вывода; для того, чтобы понятие трансформизма было сознательно воспринято учеником, необходимо, чтобы оно не являлось внезапным откровением со стороны, а было бы результатом его активной работы, суммируя ряд наблюдений и опытов. Необходимо предоставить учащемуся самолично проделать тот путь, которым естествознание подошло к решению вопроса о происхождении видов и, так сказать, рекапитулировать главнейшие стадии познавания природы от примитивного наблюдения конкретных предметов до мутационной теории и возрожденного менделизма. Биогенетический принцип, перенесенный из эмбриологии в область психологии и педагогики [1]), дает нам метод для достижения наглядности или, правильнее, активности обучения, т.-е. как раз тех требований, которые выдвигаются и социальными задачами новой трудовой школы.

Изучению живой природы, в общем, мало посчастливилось в старой школе; школа либо отвергала его целиком, либо терпела его, как неизбежное зло, но отводила ему одно из последних мест в своих программах, либо, наконец, оказывала ему медвежью услугу, вводя его в свой курс и, вместе с тем, убивая своим увесистым учебником тот прирожденный живой интерес к природе, с которым ребенок являлся в школу. Избегая ошибок своей предшественницы, новая школа не должна упускать из вида, что развитие интеллекта школьника, подобно развитию морфологических признаков зародыша и психики ребенка дошкольного возраста, представляет собою естественный процесс, который в нормальных условиях должен протекать по тому же самому руслу, по которому шло историческое развитие культурного человечества; таким образом в своем восприятии природы школьник должен будет пройти ряд последовательных стадий, не представляющих, конечно, точной имитации определенных исторических моментов, а согласованных с современными достижениями того общественного организма, в недрах которого воспитывается будущий гражданин, так и в эмбриональном развитии мы не найдем полного и точного воспроизведения филогении вида, а будем встречаться с явлениями приспособительного — кеногенетического характера.

Не вдаваясь в детали генетической методики естествоведения — эта задача не настолько проста, чтобы решение ее могло быть представлено попутно, — позволю себе в общих чертах наметить тот маршрут, по которому школа могла бы привести своего питомца к последней по времени — „дарвиновской" — стадии биолога-трансформиста.

Попадая в школу маленьким дикарем, ребенок приносит с собой живой интерес к живой природе, с которою он уже имел случай вступить в общение в свои дошкольные годы. Он уже давно привык возиться с котенком и собакой, успел их себе подчинить и заставил признать свое господство. Он не прочь иногда произвести переполох в курятнике, где ему не удается добиться такой же интимной близости и потому приходится, потеряв терпение и надежду, приручить недогадливую птицу, перейти к первобытным методам охотника. Вне дома охотничий инстинкт делает из него птичьего врага, заставляет ловить решетом или даже собственными штанишками пескарей или, в худшем случае, проявляется в бесцельном истреблении многострадальных лягушек. Мир растений также не остается без внимания: прежде всего детей привлекают цветы, говорящие их эстетическому чувству, и даже на чахлых лужайках городских задворок ребенок стремится украсить себя венком из одуванчиков; затем, словно забывая о многовековом существовании возделываемых растений, дети открывают в зеленом царстве новые съедобные продукты, не входящие в канон пищевого режима взрослых, и

[1]) А. Ферьер. Биогенетический закон и воспитание („Педагогич. сборник" 1916, № 8); см. также цитированные работы Ст. Холла.

с большим удовольствием лакомятся свербигой, дягилем, стеблями первоцвета или весенними побегами полевого хвоща. Особая страсть к лукам и стрелам, к играм в индейцы и всякого рода робинзонадам ясно показывает генетическое значение детского интереса к природе, воскрешая перед ним одну из отдаленных стадий истории человечества.

Новая школа должна использовать все эти задатки в своих образовательных и воспитательных целях, следуя в своем методе естественным законам развития интеллекта и способности усвоения и не забывая о связи между познаванием природы и тем трудом, которым человечество веками создавало свою многостороннюю культуру. Ребенка, как и дикаря, интересуют прежде всего конкретные представители открывающегося перед ним животного мира, ум его еще мало подготовлен к абстракциям, и преподносить ему живую природу, логически расчлененную на систематические категории, на ряды морфологических и физиологических фактов или на общежития, значит, искажать или даже ставить на голову естественный порядок развития его интересов и душевных сил. А что обширные конкретные сведения об окружающей живой природе генетически предшествуют всякого рода обобщениям, это мы можем узнать от этнологов и лингвистов — у таких детей природы, как аборигены Тасмании или коародосы и бакаири из Центральной Бразилии, при существовании отдельных названий для каждого отдельного вида животных и растений, отсутствуют в языке такие родовые названия, как дерево или животное вообще, попугай или пальма [1]). Отдельные представители родной флоры и фауны изучаются на первых порах, как целые самостоятельные организмы, а не члены систематических или экологических категорий; это, конечно, не значит, что они должны трактоваться вне связи с окружающими условиями, которым соответствует их внешний облик и строение, — освещение их организации с точки зрения так назыв. „биологического“ метода расширит и осмыслит круг конкретных сведений, на которых школьному естествоведению предстоит базироваться в дальнейшем, и известные учебники Шмейля дадут богатый фактический материал, который школьный работник может извлечь оттуда для проработки на первой ступени обучения. Начавши с наблюдений над представителями комнатной или дворовой фауны и флоры, школа может затем использовать в своих целях охотничий инстинкт, направив его на поучительные наблюдения над жизнью в лесу, в поле или в пруде, на создание в классной или домашней обстановке живого уголка и, наконец, на разумное собирание материала для коллекций. В высшей степени драгоценно естественное для детей стремление к общению с природой и для привлечения их к настоящему производительному труду в огороде, в саду, на пчельнике и в других уголках школьного и общественного хозяйства, где, вместе с развитием трудовых навыков человека, вступившего в период земледельческого быта и превращающегося из раба природы в ее господина, будет расширяться и его кругозор.

Предметом наблюдения и изучения окажется при этом не только тот объект, к которому прилагается труд школьника, но и сам трудящийся субъект или, точнее, тот механизм человеческого тела, который производит работу и о совершенстве которого любили распространяться еще древние церковные писатели.

Здесь лежит та область, где метод натуралиста-биолога, подходящего к делу обучения как к одному из естественных процессов, встречается с социальными задачами новой школы, выдвигающей на первое место тесную связь обучения с производительным трудом. И если принципы трудовой школы находят себе поддержку и со стороны генетического метода, идущего от иной отправной точки (не от Маркса, а от Дарвина), и если в деталях он будет считаться с его указаниями, то тем лучше для принципа и тем меньше для него опасность вульганизироваться и потерпеть урок из-за неудачного выбора хотя бы жизненной, но слишком современной по своей сложности темы для трудовой студии.

Спорт в форме скаутизма также может сыграть немаловажную роль для поддержания живой связи с природою, но для этого он должен быть избавлен от того уклона в сторону милитаризации и бюрократизации подростков, который он обнаруживает у нас, — в стране, еще недавно насаждавшей „потешных“, а теперь длительно пребывающей на положении вооруженного военного лагеря. Скаутизм в духе Сентон-Томпсона (автора известной детской книги „Маленькие дикари или повесть о том, как два мальчика вели в лесу жизнь индейцев и чему они научились“ и серии рассказов из жизни животных Канады) более соответствовал бы и нашим географическим условиям и интересам трудового начала.

Для завершения курса естествоведения на первой ступени обучения школьнику может быть дан в руки определитель. Он сообщит учащемуся названия тех членов нашей фауны и флоры, которых он еще не умеет назвать по имени, хотя уже начинает узнавать в лицо, встречая их среди окружающей природы. Конечно, подыскивание названий и надписывание этикеток только на первых порах могут служить формальною целью этих упражнений: уменье пользоваться определителем и при его помощи узнавать растения или насекомых, ценно для школы как метод исследования, ведущий ученика через ознакомление с принципами систематики к ряду дальнейших биологических обобщений.

Старая гимназия обрывала свой курс природоведения, как только ученик переходил из младшего коридора в старший. Новая трудовая школа второй ступени принципиально отводит естествоведению видное место в цикле своих учебных предметов, но, поскольку речь идет о биологии, план и характер изучения ее в школе рисуется работникам просвещения в очень неясных очертаниях, и в их отношении к предмету при всем официальном к нему уважении сквозит некоторая неуверенность в его образовательном значении и в возможности провести курс в согласии с принципами трудовой школы. Школа второй ступени, принимая характер школы индустриальной, проявляет тенденцию держать подростка в атмосфере различного рода фабрично-заводских производств, составляющих основной нерв современной жизни, и не без натяжки находит в этой области точки соприкосновения с изучением науки о живой природе [1]). С другой стороны, и тот генетический принцип, который подсказывал нам метод обучения природоведению в дошкольном возрасте и в школе первой ступени, как будто бы должен говорить за ограничение нашего курса — дети природы, охотник, пастух и земледелец, в качестве строителей культуры, остались в далеком прошлом, железные законы экономического развития замыкают человечество в каменные ящики современного города, и здесь, в душной атмосфере мастерских фабрик, контор и канцелярий, человек может видеть живую природу только в виде чахлой герани на окошке и не менее чахлого собственного тела, которое со своими немощами и остается как-будто единственным объектом биологического изучения.

Что изучение физической природы человека должно занять одно из важнейших мест в курсе школы второй ступени — это, конечно, бесспорная истина, и ошибкою было бы только сведение его к экскурсам в область гигиены. Задача изучения человека гораздо шире и, прежде всего, заклю-

[1]) Проф. А. Л. Погодин. Язык, как творчество. Харьков. 1913 (стр. 224, 262, 270, 271).

[1]) П. Блонский. „Трудовая школа“, ч. 2-я. М. 1919.

чается в том, чтобы дать ему естественно-научное причинное объяснение, т.-е. указать человеку его место среди других живых существ, выяснить его происхождение и факторы его эволюционного развития; таким образом, будет создана основа для выработки продуманного, а не навязанного со стороны мировоззрения. Содержание понятия „город" не исчерпывается многоэтажным домом, фабрикою и канцелярией, — именно городская культура, а не патриархальный земледельческий быт, заменила прежнее нагромождение наблюдений, суеверий и беспочвенных домыслов стройным зданием современной науки о природе. И та часть человечества, которая трудилась над его созданием, будучи порождением городской культуры, не ограничивалась, однако, каменными стенами своего жилища и лаборатории — в садах Веймара и Иены, в кругосветном путешествии на корабле „Бигль", в тишине даунского поместья и среди тропических лесов Малайского архипелага создалась эволюционная биология, коренным образом перестроившая миропонимание культурного горожанина на переломе XIX века. Работа людей науки, вопрошающих о законах жизни живую природу — вот та сторона действительности, которая имеет право найти свое отображение в *политехнической* трудовой школе, и если условия фабрично-заводской промышленности, определяющие индустриальный характер новой школы, отдаляют учащегося от соприкосновения с настоящею загородной природой и с методами ее научного изучения, то это значит, что рамки, которыми готова ограничить себя трудовая школа, приходится признать слишком тесными.

Отдавая должное научной работе материалистов в деле строительства современной и будущей культуры, школа на второй ступени обучения могла бы провести учащегося через обе главнейшие стадии, которые прошла в своем развитии биологическая наука: 1) через стадию систематизации сведений об отдельных представителях флоры и фауны в связи с усовершенствованием методов наблюдения и исследования и 2) через последнюю по времени стадию широких биологических обобщений, опирающихся на фактический материал и устанавливающих причинную связь явлений; грубо схематизируя, мы можем назвать эти стадии „линеевской" и „дарвиновской".

„Линеевское" направление в школьном естествоведении настолько дискредитировано прежними методами преподавания, что уже самое упоминание о нем в программах и планах новой школы может показаться каким-то анахронизмом или недоразумением: уже в старой школе за последние 15—20 лет традиции Блюменбаха и Любена должны были уступить свое место так наз. биологическому методу, проводимому учебниками Шмейля и его многочисленных подражателей. Однако, при всех бесспорных заслугах этого метода, сумевшего оживить и осмыслить школьное природоведение, он еще не дает сам-по-себе завершенного естественно-научного миросозерцания, и конечная цель преподавания лежит дальше; мы не должны упускать из виду, что эволюционная идея только тогда получила в биологии прочный научный фундамент, когда она вылилась в форме учения „о происхождении *видов*" (заглавие основной книги Дарвина) и „о стремлении *разновидностей* к бесконечному удалению от основного типа" (заголовок мемуара Уоллеса). Таким образом, эмпирическое ознакомление с понятием вида и видовых признаков должно предшествовать дальнейшим теоретическим обобщениям, раз только школа желает придать им наукообразный характер; линеевскую стадию должны были пройти и творцы эволюционного учения и в этом заключается коренное различие между великими натуралистами XIX века и древними натурфилософами в роде Анаксимандра, Эмпедокла и Лукреция с их хотя и остроумными, но всегда беспочвенными спекуляциями.

Но, конечно, школа не должна забывать о служебной и подготовительной роли этой преходящей стадии — старый метод Любена, основанный на правильном принципе активной работы учащихся, не принес ничего кроме горьких разочарований именно потому, что видел конечную цель обучения в создании учащимися системы классификации (согласно линнеевскому тезису „methodus naturalis est ultima finis botanices") и заставляя школу расходовать всю свою энергию на преодоление этой задачи. Учащиеся могут познакомиться с общими методами систематики путем упражнений в практике определения; тот же самый определитель, который на первой ступени обучения давал только ярлычек с названием, в дальнейшем покажет подростку, что такое представляют собою на деле таксономические группы различных порядков, а выбор объектов для изучения будет зависить и от их диктатической ценности и от содержания трудовых процессов, определяющих направление школы того или иного типа.

Излюбленным объектом для линнеевских упражнений издавна служат представители растительного мира, и русская школа располагает целым рядом хороших определителей, начиная с маленьких книжек для первоначальных упражнений и кончая обширными руководствами, вполне пригодными для самостоятельного научного изучения русской флоры. Но если мир растений выдвигается школою отчасти из соображений вегетарианского свойства, то животное царство само влечет к себе своим движением и будит охотничьи инстинкты ученика; стремясь использовать эти охотничьи наклонности в своих образовательных целях, школа должна тщательно взвесить, окупится ли неизбежное при коллектировании уничтожение жизни и живого теми положительными достижениями, которые приобретет учащийся при изучении данной группы животных. Ясно, напр., что стрельба птиц и собирание птичьих шкурок и яиц должны быть безусловно отвергнуты школою; напротив, в лице насекомых мы имеем группу, дающую обильный и драгоценный материал для коллектирования, изучения и, как мы увидим далее, для проработки важнейших обобщений современной биологии и, в то же время, группу, насчитывающую в своем числе немало наших врагов и вредителей и уже по своей морфологической и психической отдаленности от нас не могущую вызвать чувства того живого сострадания, которое могло бы вмешаться в работу натуралиста-собирателя (к сожалению, наша популярно-научная литература очень бедна соответствующими руководствами, приспособленными к русской фауне, и лишь для одной наиболее заметной, но сравнительно немногочисленной по количеству видов группы — для дневных бабочек — можно рассчитывать на оригинальный распределитель, обещанный для новой школы одним из выдающихся специалистов).

С другой стороны, выбор объекта для изучения зависит от тех практических заданий, которые выдвигаются принципом трудовой школы и, будучи связаны с естественно-исторической работой, через упражнение с определителем приводят ученика в область философии природы. В одном случае это будет изучение сельско-хозяйственных вредителей в связи с мерами борьбы против них; в другом — биологический анализ воды для определения степени ее загрязненности, знакомящий ученика с усовершенствованными методами наблюдения (микроскоп), вводящий его в изучение низших организмов, выясняющий процесс самоочищения воды и круговорот органического вещества и приводящий к пониманию биологического способа очистки сточных вод. Требования гигиены и профиликтики, в свою очередь, поднимают целый ряд общебиологических вопросов, которые в некоторых случаях также могут быть предметом непосредственного лабораторного изучения в школьной обстановке.

В результате всех этих работ школа второй ступени даст ученику знакомство с основными методами естественно-научного исследования, собирающего фактический материал и строящего на нем теоретические объяснения. Прежде всего, исходя из учения организации, ученик научится осмысливать ее биологически, выясняя ее зависимость от условий существования. Это уже упоминавшийся выше биологический метод, который был извлечен школой из литературного наследия дарвинизма — при всей своей подозрительности и осторожности старая школа скоро поняла, что явления этого рода могут остаться и без дарвиновского объяснения, а при добром желании могут быть использованы даже в качестве контр-эволюционного аргумента.

В самом деле, взяв от Дарвина и Уоллеса только примеры удивительного соответствия между обликом и организацией животного или растения и теми условиями, в которых оно живет, школьная наука как-будто хочет сказать этим, что природа не потерпит никаких изменений установленного при сотворении мира целесообразного устройства и что всякое отклонение от созданного ею совершенства будет наказано смертью. Таким образом, школьный учебник, обогатившись фактическим содержанием, идейно остался в прежней плоскости ортодоксальных понятий, и в этом отношении профессор Шмейль только продолжает и последовательно проводит по всем ступеням органического мира ту цепь рассуждений, которую можно найти хотя бы у св. Григория Нисского в его размышлениях о совершенстве строения венца творения — человека. Основное же положение эволюционной теории — „стремление разновидностей безконечно удаляться от первоначального типа“, как в свое время определил его Уоллес, — оставалось в школе совершенно незатронутым, не говоря уже о тех конечных выводах из собственной теории, на которые Уоллес так и не мог решиться.

Избегая внушения учащимся туманных телеологических представлений, новая школа имеет возможность привести ученика к научному объяснению этой целесообразности, предоставив ему надлежащий материал для изучения факторов органической эволюции. Различие между признаками организации и признаками приспособления выясняется при упражнениях с определителями; гетевское учение о метаморфозе и клеточная теория обнаружит единство строения живых существ при всем их внешнем разнообразии, а наблюдения над жизнью растительных и животных сообществ приведут к установлению факта борьбы за существование с переживанием наиболее приспособленных. Для того, чтобы ученик окончательно вступил в „дарвиновскую“ стадию своего естественно-научного развития, остается сосредоточить его внимание на явлениях изменчивости и наследственности.

Что касается первых, то с ними учащийся начинает встречаться уже при первоначальных наблюдениях и работах над представителями растительного мира с их пластичностью под влиянием различных условий освещения, температуры, влажности и удобрения; далее, собирание растений и животных объектов и определение этих материалов ознакомит занимающегося с колебанием признаков у различных представителей одного и того же вида, а наблюдения над домашними животными и культурными растениями укажут на широкую амплитуду этих колебаний у видов, подвергавшихся воздействию сознательного отбора. Наконец, геологические экскурсии и добытые на них окаменелости и отпечатки введут учащегося в область палеонтологии, непреложно свидетельствующей о совершившихся превращениях животного и растительного мира.

„Необходимо начинать с опыта и через него восходить к общим принципам“, — это положение, высказанное еще Леонардо да-Винчи, справедливо не только по отношению к ученым, создающим науку и научные теории, но и к ученику, который должен воспринять итоги их работы. Опыт даст школе способ для преодоления тех огромных периодов времени, которых требует для создания новых форм учение Дарвина, и покажет значение внешних условий существования, которые не только видоизменяют облик живого существа, но могут отразиться и на его зародышевой плазме. За материалом приходится обратиться к представителям животного царства — у растений, по последним данным (Баур), не удалось установить передачи по наследству приобретенных признаков и свойств, хотя и здесь было бы очень поучительно посильное воспроизведение опытов Клебса и Лотелье или эксперименты с пузырчаткою по Л. Пельциху [1]).

Повсеместно могут быть изучены сезонные формы дафний и сезонный диморфизм у бабочек, приводящий к экспериментальному воспроизведению сезонных и климатических разновидностей (морф) и к созданию новых форм, нигде в природе не встречающихся или наблюдающихся крайне редко (повторение и продолжение известных опытов Штандфусса и Фишера).

Виды, дающие примеры сезонных изменений, не представляют редкости среди бабочек нашей фауны и, кроме классической Arachnia levana-prorsa, это явление может быть наблюдаемо у обыкновеннейшей брюквенницы Pieris napi-napaeae и друг. белянок, — капустницы (P. brassicae) и репницы (P. rapae), достаточно известных огородных вредителей; материалом для создания в искусственных условиях климатических морф и исключительно редких в природе отклонений служат такие обыкновенные виды, как крапивница и ее ближайшие родичи, а методика эксперимента крайне проста и вполне доступна летней школе [2]).

Для правильной оценки полученных изменений необходима наличность „глаза“, развитого предварительным собиранием и определением материала, почему линеевский период и должен служить преддверием к активному и сознательному усвоению эволюционного учения. Сумев оценить значение изменения морфологических признаков и пережив момент творчества необычных форм, вызываемых к жизни в результате произведенного им опыта, юный экспериментатор с большим интересом и с более зрелой критикой отнесется и к трудам работавших в области экспериментальной зоологии исследователей (Шманкевич, Каммерер, Тоуэр и др.), и к тем выводам и обобщениям, которые могут быть сделаны на их основании.

Что касается другого важнейшего фактора эволюции — действия естественного отбора, то для его иллюстрации новая школа, помимо прямого наследия Дарвина, могла бы использовать недавние работы русских ботаников, обнаруживших среди сорной флоры наших полей целый ряд новых видов, принадлежащих к родам Camelina, Spergula, Polygonum и Gagea и создавшихся благодаря деятельности человека в результате бессознательного отбора [1]).

Остается наметить дорогу, которою школа могла бы подойти к позднейшим дополнениям, внесенным в эволюционное учение теорией мутаций и возрожденным менделизмом. Единственный путь для проработки основ учения о наследственности — воспроизведение опытов Менделя и его продолжателей над скрещиванием различных рас культурных растений — слишком длинен, требует продолжительных кропотливых исследований и потому мало пригоден

---

[1]) „Природа“, 1914, № 2.

[2]) А. Яхонтов. Морфологические эксперименты с бабочками (Естествознание и География, 1909, № 10).

[1]) Н. В. Цингер. О засоряющих посевы льна видах Camelina и Spergula. (Труды Ботан. Муз. Ак. Н., 1909).

А. Стулов. О виде Polygonum, засоряющем посевы льна (Изв. Семенной Контр. Станции М. О. С. Х., т. I, в. 2, 1914; журнал „Природа“, 1916, № 11.

С. Нагибин. Gagea конопляников („Природа“, 1917, № 4).

для школы; приходится обратиться к более старым фактам полиморфизма, которые вовсе не ограничиваются малайскими Papilio Уоллеса и с которыми юный натуралист может познакомиться при изучении отечественных насекомых (напр., жуки-плавунцы Dytiscus circumflexus, бабочки - перламутряницы Argynnis paphia и виды желтянок Colias—резко ограниченные от типических форм разновидности, передающие свои признаки по наследству, могут служить наглядным примером мутаций, а отсутствие настоящих переходов между двумя или тремя совместно живущими формами одного и того же вида свидетельствует об альтернативном наследовании, составляющем одно из основных положений менделизма. Исходя из этих фактов, школа может вести ученика к ознакомлению (на этот раз хотя бы и книжному) с основами учения о наследственности и теми перспективами, которые открывает построенная на их основании евгеника или расовая гигиена.

Все эти наблюдения и эксперименты раскрывают перед учащимися естественную историю живого мира с ее морфологической и сравнительно-анатомической стороны; необходимо параллельно с этим осветить и единство жизненных явлений у самых разнообразных организмов с человеком включительно, изгоняя из области физиологии метафизические и виталистические представления. Легче сводится к физико-химическим процессам жизнь растения, трактуемая в духе классической книги проф. К. А. Тимирязева; злободневный продовольственный вопрос вызовет живой интерес к оценке пищевых веществ со стороны их калорийности и введет учащегося в физиологическое изучение человека-машины, а если упрощение методов внетканевой культуры (по Каррелю) позволит школе непосредственно подойти к процессу действительного раздробления организма на составляющие его клеточные элементы, продолжающие in vitro свою элементарную жизнь, то она должна окончательно победить метафизические призраки, стремящиеся отмежевать человека от остального мира и ограничить область его пытливых исканий объективной научной истины. Заканчивая здесь свою попытку наметить цели и средства преподавания биологии в школах первой и второй ступени, автор вполне сознает, что набросанная здесь в общих чертах схема может подвергнуться самой суровой критике и потребует в своих частностях различных изменений и поправок; детальная разработка методов, планов и примерных программ не может быть продуктом кабинетного творчества отдельного лица, а должна явиться первоочередною задачею организуемого при Отделе Единой Трудовой Школы научно - показательного учреждения—Естественно-Педагогического Института. Однако, при всех возможных переделках основная мысль этого очерка, вероятно, останется вне споров—биология в единой трудовой школе должна быть биологией эволюционной и должна изучаться путем активной проработки ее основных положений самими учащимися.

А. Яхонтов.

Преподавание искусства в трудовой школе.

Всякий, кто мало-мальски знаком с современным положением трудовой школы на местах, конечно, вполне отдает себе отчет в тех многочисленных затруднениях, с которыми ежечасно, ежеминутно приходится сталкиваться, которые приходится преодолевать, которые стихийно множатся и которые тем не менее необходимо преодолеть.

Я здесь не могу и не хочу говорить о затруднениях внешнего ряда, вызванных империалистической войной, революцией и войной гражданской, об отсутствии самых необходимых пособий, о недостаточном оборудовании школ и пр. и пр. затруднения возникают принципиального свойства, все еще слишком мало уяснен самый принцип трудовой школы, его следствия для постановки преподавания различных предметов. Как нужно преподавать?—этого не только не знают мало опытные и порой очень мало сведущие вообще школьные работники в глухих деревнях обширной России, находящиеся ныне на каком-то роковом распутьи, забывшие старое и не усвоившие нового, но на этот вопрос не дают однозначного ответа и сами руководители, призванные инструктировать, указывать, направлять работу. Это приходится признать и этому нечего удивляться. Повышенная оценка личного мнения и самоуверенность здесь совершенно неуместны. Никто не знает, никто не может предугадать конкретные черты, окончательные формы, в которые выльется в окончательном результате трудовая школа. В конце концов она создастся усилиями не отдельных лиц, а коллективной общей работой, рядом опытов, рядом частных неудач и рядом неожиданно верных решений. Можно и должно работать лишь в направлении окончательного торжества трудового принципа, все более и более уясняя себе и другим тот общий культурный перелом, который мы все переживаем, углубляя те начала, которые стали уже действенными и отметая старое, которое продолжает тяготеть над нами, даже когда мы не сознаем этого.

В особенности, как мне кажется, много смутного в постановке преподавания искусства в трудовой школе. Основной принцип в самых общих чертах представляется ясным. Искусство в трудовой школе должно занимать гораздо более почетное место, чем то было в школе старой. Искусство не является больше придатком, как предмет второстепенный, к предметам главным, к математике, русскому языку, истории. Трудовая школа есть школа, в которой развивается живое творчество учащегося и, конечно, в искусстве творчество выявляется особенно полно, поэтому ясно, что все приемы воспитания и образования должны теснейшим образом соединиться с творческими процессами. Если уже давно признавалось, что преподавание есть не только навык и знание, но также и некое искусство,—как известно Сократ сравнивал это искусство с искусством повивальной бабки,—то теперь утверждается мысль, что сам воспитанник, обучаясь, развиваясь, приобретая те или иные интеллектуальные и действенные навыки,—должен быть прежде всего творцом, искусником, искусно формирующим свою собственную личность, что только опираясь на это бессознательное, но все же присущее каждому ребенку бессознательное творчество, можно добиться какого-нибудь положительного результата. Из истории педагогики мы знаем, как различно наименовали это творящее начало в воспитаннике. Платон, называл его эросом, который стремит души ко всему великому, прекрасному и доброму, Песталоцци именовал его „природой“, которая естественным образом открывается в человеке на пути его развития от данного к заданному. В настоящее время это начало стало популярным под несколько неопределенным именем „самодеятельности“.

Но если все это можно считать установленным и признанным, то едвали вполне ясны и очевидны для слишком многих, даже непосредственно заинтересованных в деле—те следствия и выводы, которые необходимо сделать. Должно признать без всякого самообольщения, что само понятие, я сказал бы, даже слово „искусство“, является ныне в популярном и общем сознании наиболее смутным, наименее ясным. Как сквозь туман вспоминаются рассуждения тех или иных эстетиков, между собой несогласные и противоречивые. Кажется, нет ничего установленного и прочного в этой зыбкой области. Неоткуда ждать разъяснения школьному

ковский, Минский, Нижегородский, Орловский, Пензенский, Рязанский, Самарский, Саратовский, Симбирский, Тамбовский, Тверской, Тульский, Ярославский и Северо-Двинский.

Некоторые губернии еще не организовали у себя Подотделов Снабжения несмотря на постановление январского съезда Заведующих Губернскими Отделами Народного Образования, наши циркуляры и наши извещения в „Известиях"; некоторых представителей мы телеграфно вызывали за получением нарядов для своей губернии.

В этом полугодии Отд. Снабж. с согласия Наркома А. В. Луначарского в виду наступления сезона по заготовкам для школ и в виду невыясненности сметных назначений на 2-ое полугодие широко открыл кредит Губернским и Уездным Отделам Народного Образования при всяких у нас закупках.

Распределение всех наших запасов мы проводим по выработанному нами плану; предварительно мы запросили проект распределения книг от теоретических отделов, но проекта не получили: мы выработали на основании имевшихся у нас данных о числе школ, составили свой проект и предложили его на рассмотрение теоретических Отделов; проект не вызвал почти никаких замечаний и мы стали проводить его в жизнь. Согласно этому плану запаса Отд. Снабж. распределяют между губерн. в следующ. % % отношениях.

Архангельская, Астраханская, Виленская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Оренбургская, Уфимская, Уральская и Ярославская губ. (девять губерн.) . . . 1%

Витебская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Казанская, Калужская, Курская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Северо-Двинская губ.—21 губерния. 2%

Московская, Пермская, Саратовская, Петроградская губ.—4 губернии. 3%

Украинский Наркомпрос (десять губ.) 20%

Для удовлетворения губерний, как Гомельской, Царицынской и ряда других, вновь образовавшихся губерний и еще не представивших своих смет, а также для удовлетворения железно-дорожных Отделов Народного Образования, немцев Поволжья — Отдел Снабжения предполагает использовать остаток.

Мы ясно сознаем, что план нашего распределения грешит многими неточностями, но принять какой-нибудь другой порядок—помимо просто арифметического—в настоящее время не представляется возможным. В будущем, когда Отделу Снабжения удастся добиться, чтобы на местах были взяты на учет все имеющиеся библиотеки школ и других организаций, можно будет думать о более правильном распределении книг.

После распределения всех имеющихся в настоящее время остатков Отделу Снабжения будет легче и правильнее далее выполнять работу по распределению тех книг и изданий, которые начнут поступать к нему на склад от Государственного Издательства, от частных издательств и по заказам Отдела Снабжения. План распределения этих новых запасов и свои соображения в этом направлении должны своевременно представить Отделу Снабжения Теоретические Отделы Наркомпроса.

Выставка книг и розничная продажа по мандатам.

Для того, чтобы каждому делегату иметь ясное предетавление о книгах, имеющихся на складе Отдела Снабжения или в его ведении—при Отделе Снабжения организуется особая выставка книг, имеющихся в Отделе Снабжения и, если позволит место, книг, имеющихся вообще в настоящее время на рынке в более или менее значительных количествах. При этой выставке Отдел Снабжения предполагает поставить широкую Информационную часть, которая помогла бы делегатам провинции легче и лучше ориентироваться в практических снабженческих вопросах; словом, путем организации этой Информационной Части Отдел Снабжения надеется уменьшить излишнюю беготню делегатов по разным магазинам и учреждениям по закупке книг, пособий и пр.

Требования отдельных показательных учреждений Красноармейских школ и отдельных делегатов заставляют Отдел Снабжения открыть при этой выставке особый розничный магазин по мандатам, там, где будут находиться по возможности все ходовые имеющиеся в продаже книги, систематически подобранные по отдельным предметам; в этом же розничном магазине предполагается нами составлять уже готовые небольшие комплекты библиотечек для тех или других учреждений, делегатов и пр.

Ближайшие организационные задачи Отдела Снабжения.

Что касается книг специальных (для профессиональных школ), то Отдел Снабжения предполагает остатки этих книг распределить по плану Отдела реформы профессионального образования, о чем уже с ним ведутся переговоры.

При Отделе Снабжения предполагается также открыть сектор с книгами для Отдела национальных меньшинств, но это—вопрос будущего; пока в этом направлении Отделу Снабжения при посредстве Отд. нац. меньшинств удалось купить в Киеве книг на $^1/_2$ миллиона рублей на еврейском языке. План и самая конструкция Отдела Снабжения для обслуживания народностей, говорящих не на русском языке, будет выработан совместно с Отделом национальных меньшинств.

Практика жизни выдвигает еще один вопрос перед отделом Снабжения—это о периодических изданиях и о книгах, так называемых, сезонных: для экскурсий, летних колоний, а также по удовлетворению запросов с мест [1]).

После того, как будут налажены и поставлены на рельсы оптовая продажа, розничная выставка и комплектование небольших библиотек, я предполагаю перейти и к удовлетворению индивидуальных запросов и влить в него должную правильность, чтобы работа шла планомерно, не сумбурно, чтобы можно было за нее отвечать. Это вопрос ближайшего будущего, во всяком случае не отдаленный.

Одной из ближайших организационных задач Отдела Снабжения является по возможности слить свою деятельность в книжном деле прежде всего с деятельностью склада Литературно-Издательского Отдела. Эти две организации должны быть слиты; слияние диктуется, главным образом, экономией и общими задачами работы по распределению, уменьшением мест для закупки книг, сокращения расходов по упаковке, отправке и пр.

С. Н. Соколова.

Краткий отчет о деятельности Отдела высших учебных заведений за истекший год.

Два года отделяют нас от того исторического момента, когда российский пролетариат мощным и дружным ударом опрокинул временное правительство и взял руль государственного корабля в свои руки. Два года, полных тяже-

[1]) Эти запросы огромны, некоторые из них интересны и важны, это ясно чувствуется по письмам пробуждающихся к свету каких-то самородков, людей, тяготеющих нередко к какой-нибудь узкой специальной области знания; нам сейчас вспоминается один курьер при Совдепе, который с горящими глазами рассказывал о том, как над ним все смеялись, что он собирал птичьи яйца, что у него была большая коллекция яиц, и нужно было видеть слезу на лице этого взрослого человека, когда он говорил, что эта коллекция погибла. Этот „курьер" просил нас разрешить отпустить ему книгу проф. *Мензбира* по птицам, и неудовлетворение нами просьбы такого естествоиспытателя и любителя природы можно считать преступлением. И таких запросов у нас много. Ко всему этому нужно подойти умело и скоро, чтобы и подобные запросы не оставались без ответа и без удовлетворения.

лой борьбы с наседающим со всех сторон врагом и лихорадочной работы по коренному переустройству всех основ, на которых держался старый строй угнетения.

Одною из таких основ была школа вообще и высшая со всеми ее отличительными чертами и особенностями в частности. Насквозь пропитанная формализмом и казенщиной, возглавляемая чиновной профессурой с превалирующим значением не научного, а служебного стажа, мало приспособленная к формированию свежих научных сил и совершенно недоступная для широких народных масс — вот та высшая школа, которую Отдел высших учебных заведений получил в наследство от старого строя. Перед Отделом стояла громадная задача не только стереть „пыль веков" с высшей школы и влить в нее свежую струю воздуха, но и сделать ее достоянием победившего класса, т.-е. пролетариата и крестьянства.

Всякая коренная ломка, проводимая сверху, сопровождается временным понижением актуальности и продуктивности того института, который реформируется. То же произошло бы и с высшей школой, если бы Отдел высших учебных заведений сразу же решительно и радикально перестроил ее, сообразуясь только с идеальными требованиями и игнорируя то естественное сопротивление, которое свойственно всякому механизму, выведенному из налаженного состояния и поставленному на новые рельсы. Если бы Советская Республика не была осажденным со всех сторон военным лагерем, если бы она не нуждалась, и в силу военных обстоятельств, и вследствие полной хозяйственной разрухи, и в непрерывном притоке специалистов, если бы, наконец, она обладала достаточными научными силами, всецело проникнутыми сознанием неизбежности и исторической законченности пролетарской диктатуры, метод решительной ломки архаических форм высшей школы был бы возможен. Но так как ни первого, ни второго, ни третьего условия налицо не было, Отделу высших учебных заведений пришлось, чтобы не заставить Республику более остро переживать и без того весьма ощутительный недостаток специалистов, действовать осторожно, постоянно пытаясь найти общий язык с нынешними академическими деятелями, и только в тех случаях, когда этого не удавалось достигнуть, поступать со всею необходимою решительностью. Этим объясняется кажущийся, быть может, непонятным тот факт, что реформа высшей школы подвигается вперед медленнее, чем это признавалось бы желательным.

Первым крупным шагом Отдела высших учебных заведений после октябрьской революции была выработка проекта положения о российских университетах, решительно порывавшего с прошлым и открывавшего для высшей школы новые горизонты. Созванные дважды в прошлом году совещания деятелей высших учебных заведений для обсуждения этого проекта послужили пробным камнем для выяснения возможности совместной работы Отдела с организованной профессурой и студенчеством в целом. К сожалению, этот опыт оказался неудачным, и Отделу высших учебных заведений пришлось приступить к реформе высшей школы собственными силами, пользуясь помощью академических деятелей лишь спорадически и по принципу персональности.

Чтобы открыть двери высшей школы для широких народных масс, необходимо было бы не только формально разрешить этот вопрос, провозгласив соответствующий принцип, но и обставить дело высшего образования такими конкретными условиями, которые делали бы его действительно общедоступным. С этою целью издается декрет о праве каждого, независимо от гражданства и пола, поступать, по достижении шестнадцати лет в число слушателей любого высшего учебного заведения, по представлении лишь документов, удостоверяющих личность и возраст поступающего. Единственное

ограничение было введено только для приступающих к практическим занятиям в виде предварительного коллеквиума, имевшего целью удостовериться в подготовленности каждого данного слушателя к работам в лабораториях. Но и это ограничение вскоре было отменено. Однако, признание за каждым права поступления в высшую школу еще не гарантировало фактической возможности для трудового элемента получать высшее образование. Чтобы дать эту возможность, прежде всего обучение в высшей школе было объявлено бесплатным. Далее, так как подавляющее большинство трудящихся занято в утренние часы работою на фабриках, заводах или в разного рода учреждениях, было издано распоряжение о перенесении всех занятий в высших учебных заведениях на вечернее время; вместе с тем, высшим учебным заведениям вменялось в обязанность организовать занятия в несколько смен, чем могла бы быть значительно повышена пропускная способность школы. Наконец, для устранения последнего препятствия к широкому доступу в высшую школу трудящихся была разработана и проведена в жизнь система социального обеспечения учащихся.

Несмотря на принятые меры, состав студенчества в общем изменился мало. Ни рабочий, ни крестьянин в массе не пошли в высшую школу, так как она продолжала оставаться для них чуждой и психологически, и по методам преподавания, и по характеру коренного ядра студенчества. Тогда решено было изменить тактику завоевания высших учебных заведений для пролетариата и образовать в них особые ячейки из рабочих, путем учреждения так называемых рабочих факультетов на равных основаниях с остальными факультетами. Первый такой опыт был сделан в Институте Народного Хозяйства имени Карла Маркса. Удача этого опыта привела к открытию таких же факультетов в Московском Институте Инженеров Путей Сообщения и в Московском Университете, а в настоящее время Отделом высших учебных заведений издано распоряжение об организации рабочих факультетов при всех высших учебных заведениях Республики.

Параллельно отмеченной выше работе по обновлению кадров студенчества, Отдел высших учебных заведений провел ряд мер, имеющих целью освежить состав профессуры, а также изменить состав и конструкцию органов управления высшей школы.

Декретом от 1-го октября минувшего года упразднены ученые степени доктора, магистра и адъюнкта. Разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов отменено. Всем лицам, самостоятельно ведущим преподавание в высших учебных заведениях, присвоено одно общее звание профессора. Упразднено равным образом звание приват-доцентов, а также лаборантов, ассистентов, прозекторов и т. д., с присвоением всем этим лицам общего наименования преподавателей. Так уничтожены прежние иерархические градации, вносившие чиновничий дух в чужую ему академическую среду высшей школы. Далее, в видах омоложения преподавательского состава предложено всем профессорам и преподавателям высших учебных заведений, коим к 1-му октября 1918 г. закончится в общей сложности десять лет преподавательской деятельности в том высшем учебном заведении, где они состоят в звании профессора или преподавателя, или коим к упомянутому сроку исполнится пятнадцать лет учено-учебной службы, вообще, выйти из состава профессоров и преподавателей соответственно учебного заведения. Означенным лицам предоставлено право быть избранными вновь на освобожденные ими кафедры только по всероссийскому конкурсу.

Изложенным постановлением в жизнь высшей школы введено новое начало перевыборов лиц преподавательского состава. Непрерывный десятилетний стаж в одном учебном заведении или

пятнадцатилетний срок учено-учебной службы вообще являются предельными сроками, по истечении которых желающие продолжать службу в высших учебных заведениях должны подвергнуться всероссийскому конкурсу. Вместо прежней несменяемости профессоров и преподавателей устанавливаются периодические перевыборы.

Дальнейшим шагом в деле реформы высших учебных заведений является введение в состав советов высших учебных заведений, собраний факультетов, отделов, отделений и т. д. представителей студентов с решающим голосом по всем вопросам, подлежащим ведению этих учреждений.

В ряду мероприятий, имеющих своею целью общую реформу высшей школы, необходимо отметить еще постановление об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов. Означенным постановлением дипломы и свидетельства, соединенные с какими бы то ни было правами и преимуществами, упраздняются. Сессии государственных и полукурсовых испытаний, а также различного рода испытательные комиссии, наделенные определенными функциями и правами, отменяются. Взамен этого студентам предоставляется право, независимо от года поступления и времени пребывания в учебном заведении, проверять свои познания путем испытаний неофициального характера, по частному соглашению с профессором каждого предмета в отдельности.

Особо должно быть отмечено состоявшееся весною этого года упразднение юридических факультетов с их устарелыми и несоответствующими новому строю учебными планами, и учреждение вместо них факультетов общественных наук, преподавание в которых, как показывает самое название, посвящено общественным дисциплинам и построено на началах экономического и исторического материализма.

Истекшие два года ознаменовались открытием ряда новых учебных заведений и преобразованием тех из них, структура и характер которых были тесно связаны с отжившим строем. Открыты: Социалистическая Академия Общественных Наук, ныне преобразованная в научное учреждение, Московская Горная Академия, Иваново-Вознесенский Политехнический Институт, Саратовский Ветеринарный Институт, Казанский Политехнический Институт, Горецкий Сельско-Хозяйственный Институт, Борисоглебский Сельско-Хозяйственный Институт, Московский Ветеринарный Институт. Университеты: Воронежский, Нижегородский, Костромской, Смоленский, Тамбовский, Астраханский и Симбирский. Наконец, в самое последнее время Отделом высших учебных заведений проведен ряд мер по слиянию однотипных высших учебных заведений, функционирующих в одном городе.

В своей работе научно-учебного характера Отдел высших учебных заведений опирается на учрежденный при нем весною этого года Государственный Ученый Совет, состоящий, под председательством Народного Комиссара по Просвещению или его Заместителя, из десяти членов, из которых пять избраны В. Ц. И. К., а пять назначены Народным Комиссариатом по Просвещению.

В заключение несколько цифровых данных, характеризующих рост высшего образования в Республике за истекшие два года. По смете 1917 года на все высшие учебные заведения испрашивалось всего 14.339.155 руб. Уже в 1918 году на одно 1-е полугодие отпущена сумма в 16.705.700 р., которой, однако, оказалось далеко недостаточно, так как образовавшийся дефицит пришлось покрыть из кредита на 2-е полугодие. По смете 2-го полугодия 1918 года на высшее образование было отпущено 56.738.270 р., 1-го полугодия 1919 года—166.476.033 р., а на текущее полугодие испрашивается 400.000.000 руб. Достаточно сравнить общие цифры ассигнования за указанное время, чтобы увидеть, насколько, если даже учитывать падение ценности

денег, повысились расходы на высшее образование.

Независимо сего Отделом высших учебных заведений на социальное обеспечение учащихся в 1918 г. отпущено 25.000.000 р., которые были использованы на устройство, оборудование и содержание общежитий, чайных, столовых, на издание учебников, медицинскую помощь и другие виды социальной помощи студенчеству. В первой половине 1919 года на эту надобность отпущено 60.000.000 р., а на текущее полугодие испрашивается 120.182.760 рублей.

Учащихся во всех высших учебных заведениях Республики на 1-е января 1919 года числилось 157819 человек, из которых фактически занималось 55412 человек.

Армия профессоров и преподавателей в 1918—19 учебном году состояла из 5530 человек.

Дехтерев.

Обзор деятельности подотдела художественной промышленности Отдела Изобразит. Искусств Народного Комиссариата по Просвещению до 15 октября 1919 г.

Деятельность подотдела все расширяется, все ответственнее становится его задача, принимая характер первостепенной государственной важности.

Уже во второй половине прошлого века кустарные промыслы стали привлекать внимание общества. Земские, государственные учреждения и частные лица проявляют заботу о них. Принимаются меры к развитию промыслов, выразившиеся в открытии складов, школ, мастерских и пр., с открытием которых начинает проникать в кустарные промыслы художественное влияние.

Деятельность этих учреждений оказала, конечно, большую услугу нашей художественной промышленности, но она заключала в себе много отрицательных сторон, а главным образом отсутствие всякого плана при организации школ, мастерских и т. д. Каждое ведомство действовало по-своему, не считаясь с деятельностью других в той же области.

Есть места, где, несмотря на обширные кустарные промыслы, издавна существующие, совсем нет таких учреждений, и другие, где, напротив того, открыты однородные просветительные учреждения по одной специальности, разными ведомствами, из соревнования.

П/отдел должен развить художественные промыслы, внедрить искусство в жизнь страны, всесторонне улучшить достоинство русских изделий. Для этого необходимо пополнить кадр работников фабрично-заводских кустарей и ремесленников возможно выше подготовленнными квалифицированными работниками, готовыми для жизни и для творчества; труд такого сознательно относящегося к своему делу мастера может значительно удешевить производство повышением продуктивности работы. Война и последовавшие за ней события не могли не повлиять гибельно на жизнь нашей промышленности, и в данный момент сквозь неуравновешенность настоящего открывается широкий простор для работы в этой области.

Основная работа подотдела художественной промышленности—создание художественно-промышленных мастерских, школ, курсов, музеев, складов, выставок, специальных библиотек, выпуск изданий по разным отраслям художественной промышленности, обнародование конкурсов и устройство лекций и экскурсий.

Вся работа подотдела в центре и на местах тесно связана с фабрично-заводскими комитетами, профессиональными союзами, кустарными артелями и др. учреждениями. Цель учебной части мастерских—поднять уровень нашего художественно-промышленного образования, воспитать и дать ряд ответственных и ценных для художественной промышленности работников, которые вырабатывают всевозможные образцы изделий, отвечающих всем требованиям искусства,

в этой области, так как знакомство с отдельными предметами не дает полного представления о достижениях в области художественной промышленности.

Музеи.

Подотделом организован центральный музей современных изделий по худож. промышленности, главной целью которого является снабжение провинциальных отделений музея, открываемых при большинстве областных худож.-промышленных мастерских. Этот центральный музей должен служить постоянным фондом для пополнения и обогащения своих отделений. Музей состоит из трех отделений: I) эстетического воспитания, II) научно - показательного, III) дурного вкуса — вполне самостоятельных и связанных лишь чисто-внешним образом: общность помещения, администрации и друг. В музее отводится место вещам, не законченным по своей обработке, и вещам однородным, но в различной стадии исполнения для показания техники их производства, а также полному собранию рисунков данного производства, начиная с зарождения этого произведения у различных народов и в различных эпохах. Такая историческая монография поможет совершенствовать означенное производство с технической и особенно с художественной стороны, и найти согласованность характера искусства с приемами техники.

Издание трудов по художественной промышленности.

Подотдел приступил к изданию ряда выпусков как по отдельным специальностям, так и по общему обзору художественной промышленности. Издание монографий и энциклопедии по художественной промышленности восполнит пробелы, существующие в области литературы по нашей художественной промышленности. Эти отдельные выпуски дадут понятие о совершенствовании производств, их подробное описание, их историческое и географическое происхождение, а также осветят экономическую и техническую их стороны. Кроме того готовятся к печати: декларация по художественной промышленности и труды двух всероссийских съездов по художественной промышленности и бесед-дискуссий, состоявшихся параллельно второй осенней конференции.

Конференция по художественной промышленности.

Первая конференция заведующих всеми госуд. худож. - промышленными мастерскими, находящимися в ведении Подотдела, состоялась 26—28-го мая 1919 г. На этой конференции был рассмотрен и утвержден устав и положение худож.-промышленных мастерских, схема и план учебных занятий в них, и кроме того был вырешен ряд принципиальных вопросов, общих для всех мастерских.

Вторая всероссийская конференция работающих по художественной промышленности собрала гораздо большее количество членов, и работа ее дала богатые результаты для объединенной работы в области производственного труда. На одном из заседаний съезда присутствовал народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский, который и предложил издать *декларацию по художественной промышленности*.

Дискуссии.

Свои вечерние часы вторая всероссийская конференция отдавала культурной работе: Подотделом был организован цикл товарищеских бесед на тему — „Материал, его культура и его требования к художнику". Цель этих дискуссий — познакомить провинциальных представителей с современными достижениями и новыми течениями в художественной промышленности. На практике работа вышла из этих рамок и живо заинтересовала даже москвичей; на последней дискуссии они, расходясь, просили Подотдел развернуть

эту работу шире и организовать совместно с заинтересованными объединениями ряд подобных бесед. Т.т. специалисты (по ткачеству, печатному, деревообделочному делу, керамике, металлу, игрушке и др.) дали много ценных, ярких и интересных сообщений.

Художественно-промышленный Совет.

При Подотделе художественной промышленности учреждается особый художественно - промышленный Совет, в который входят представители от Всероссийского Ц. С.-Пр. Союза, от каждого производственного Союза, художественных союзов и представителей Отдела Изобразительных Искусств на паритетных основаниях.

Цель художественно - промышленного Совета — рассматривать все вопросы, касающие как художественно-промышленное образование, так и развитие и совершенствование всех достижений в области худож. промышленности.

Мобилизация художественных сил.

Для равномерного распределения художественных сил по всем нуждающимся в руководителях по художественной промышленности губерниям, городам и местечкам необходимо создать единый центр, который и занялся бы этим распределением. Для этого Подотделом собираются списки художников-специалистов по всем родам производств, которые, будучи прикомандированы к Отделу Изобразительных Искусств, могут быть командируемы для несения службы по своей специальности на определенный срок в определенное место.

Тесный контакт с другими учреждениями.

Вся работа Подотдела тесно связана, во избежание параллелизма, с объединениями и учреждениями, преследующими однородные достижения в области художественного образования и промышленности. Представители от Подотдела входят в следующие объединения:

1) в 1-е государственные мастерские, в которых подотделом реорганизуются производственные мастерские: ткацко-набивная, деревообделочная, металлическая, керамическая и художественного шитья; по каждой из специальностей созвана и работает комиссия по организации;

2) во Всероссийский Совет Профессиональных Союзов;

3) в Секцию Профессионального Образования при Губернском Отделе Народного Образования;

4) в Секцию Профессионального Образования при Народном Комиссариате по Просвещению;

5) в Музейный Отдел Народного Комиссариата по Просвещению;

6) в Губернский Совет Народного Хозяйства;

7) в Высший Совет Народного Хозяйства.

За два года.

(С 25-го октября 1917 г. по 25-е октября 1919 г. по данным Отдела Съездов Народного Комиссариата по Просвещению).

В деле народного образования за последние два года почти все, или очень многое обновилось, очень многое оживилось, и очень многое приняло неузнаваемый вид. Если два года тому назад многие учащие растерялись и оробели, другие испытывали недоумение, для чего и зачем необходимо действовать так, а не иначе, не знали даже, что именно надо делать, третьи, хотя и знали, но, встречая на каждом шагу препятствия со стороны осуществления намеченного дела, хотя бы в виде всяких материальных недостатков, в настоящее время ничего подобного нет: все и каждый учитель сознают свое положение, а равно и великое значение реформы школьного дела, и не только готовы вполне определенно приступить к реформе, но уже и приступили. В некоторых местах (напр., в Атлисской волости, в Нижнем Ломове, Пензенской

губ.) школьная работа настолько налажена, разумеется, при содействии учащихся, что большего не остается желать; достаточно сказать, что принцип самодеятельности учащихся проведен полностью, и самими детьми организован целый ряд комиссий (литературная, школьно-административная, организован детский сад, который дает хорошие результаты в деле поддержки товарищеской дисциплины); при школе самими детьми организовано „общество покровительства птиц и животных". Кроме того в целом ряде губерний и уездов устраиваются разнообразные курсы: и педагогические как долговременные и годичные, так и краткосрочные, и курсы единой трудовой школы, и курсы подготовки школьных работников, и курсы каких-либо отдельных предметов, следовательно, курсы социальные, и курсы по внешкольному образованию, и курсы по дошкольному воспитанию; в Весьегонске же Тверской губернии открыта учительская семинария, а в Темникове, Тамбовской губ., — социалистическая академия и две педагогические академии. Далее, в некоторых случаях вырабатываются программы по вновь вводимым в школу предметам, напр., по художественному развитию, по лепке, по физическому труду и проч., в других — перерабатываются на новых основаниях старые программы. В этом отношении особенно типичен Задонский съезд Воронежской губернии, где целыми комиссиями разработаны программы по многим предметам. Наконец, прежней материальной разрухи в школах более не существует, и положение их во всяком случае улучшилось, по крайней мере, значительная их часть не чувствует такого недостатка в учебниках, книгах, пособиях, бумаге, помещении, ремонте, чистоте, продовольствии и проч., несмотря на то, что книги, бумага, продовольствие повысились в цене в большом размере.

Следствием всего только что описанного является совершенно новая точка зрения на постановку Единой Трудовой Школы, в пользу которой начинается повсеместная деятельность: на Единую Трудовую Школу направляется внимание со всех сторон, уста и мысли всех заняты Единой Трудовой Школой, и нет почти ни одного съезда, на котором не делался бы доклад об Единой Трудовой Школе, или вопрос о ней не составлял бы предмета обсуждения. Осуществились слова одного съезда (Старый Оскол, Курской губ.), на котором было постановлено „всеми мерами стремиться к проведению в жизнь принципов по реформе школы, выработанных Государственной Комиссией по Просвещению"; Единая Трудовая Школа ранее характеризовалась, как такая, в которой должно быть „больше жизни, больше движения и труда" (Темников, Тамбовской губ.), в настоящее же время она называется „школой человечества" (Арзамас, Нижегородской губ.).

Внешкольное образование заняло через два года, с 25-го октября 1919 г., соответствующее ему положение, и не одним съездом признается, что оно „должно сыграть колоссальную роль в отстаивании завоевания социалистической революции", что „затраты на школьное образование без организации внешкольного образования мало продуктивны", и что „вопросы о внешкольном образовании должны стоять во главе государственного строительства". Этим и объясняется, почему библиотеки, народные дома, музеи, школы для взрослых, кинематографы и проч., хотя без системы и порядка, открываются и действуют теперь в гораздо большем количестве, о самом же внешкольном образовании можно сказать, что минувшие два года в значительной степени были годами внешкольного образования.

Наконец, на дошкольное воспитание, очень мало известное до октябрьского переворота, через два года после него установилась надлежащая точка зрения, и все учащие, твердо сознавая, что „детский сад" должен развить в детях любовь к труду, научить их принимать труд, как радость жизни, а не как „наказание Божие за грехи прародителей", — участвуют в работе по нем. Устройство „детского сада", яслей-приюта, площадки, дома ребенка и проч. является делом учащих, и на съездах делается в этом роде многое множество докладов, которые и обсуждаются с такой же тщательностью и добросовестностью, как и все остальные доклады: всем теперь вполне ясно, что „детский сад", равно и другие виды дошкольного воспитания, есть подготовительная ступень к той новой Единой Трудовой Школе, из которой выброшена голая учеба.

Несмотря, однако, на все вышесказанное, необходимо иметь в виду, что на съездах и до сих пор раздаются жалобы на малограмотность, а то и полную безграмотность населения, на низкий уровень просвещения в Российской республике, на материальную нужду школ и проч. в этом роде, но это убеждает нас в том, какая бездна работы предстоит в деле народного образования, это же побуждает нас принести пожелание учащим и всем школьным работникам не падать духом, а сохранить энергию, бодрость духа и пыл, чтобы довести начатое дело до конца.

И. К. (Казанский).

21-го октября 1919 г.

Народное образование в Советской Латвии.

Латвия уже с 15-го года принадлежит к числу прифронтовых областей. Уже летом 1915 г. южная часть Латвии — Курляндия была занята германскими войсками, и с этого времени фронт постепенно передвигался к северу. Летом 1917 г. пала Рига и весной 1918 г. была оккупирована остальная часть Латвии — Лифляндия и Латгалия (три уезда Витебской губ.: Двинский, Режицкий и Люцинский).

Если вследствие империалистической войны России пришлось пережить настоящую экономическую разруху, то тем более окраинам ее.

Из Риги — главного экономического и культурного центра Латвии — уже летом 1915 г. были эвакуированы почти все промышленные предприятия в глубь России. Как экономическая, так и культурная жизнь замерла. Как промышленный, так и сельско-хозяйственный пролетариат Латвии, составлявший до 1915 г. компактную массу, $^{9}/_{10}$ населения, был распылен и его сильная подпольная организация была в значительной степени разрушена. Страна была переполнена беженцами, нищими и вообще деклассированным слоем населения.

Вот в такой „мертвой стране" пролетариату Латвии пришлось возобновить свою деятельность после восстановления Советской власти в январе 1919 года. Стоит указать, что в Риге, этом сердце подпольной, революционной и красной Латвии, насчитывавшем еще в 1914 г. более 600.000 населения, при возобновлении Советской власти оказалось всего около 200.000 жителей и не оказалось ни одного сколько-нибудь значительного промышленного предприятия.

Но дело в том, что Латвию и после этого не минула судьба прифронтовой области. Либава и юго-восточный угол Курляндии так и не были заняты Советскими войсками; в марте уже большая часть Курляндии опять была занята белогвардейцами, все лучшие силы страны были опять оторваны совершенно от созидательной экономической и культурной работы и брошены на фронт, стоявший всего в нескольких верстах от Риги.

Советская Латвия оказалась в узком (120—200 верст шириной), длинном коридоре, окруженная с севера белой Эстонией, а с юга белой Литвой и бандами немецких баронов — кн. Ливена, фон-дер-Гольца и др. — в Курляндии.

Вот в таких условиях пришлось вести культурную работу в Советской

Латвии до занятия Риги белогвардейцами.

В мае с. г., после падения Риги и занятия Лифляндии, остались по сию сторону фронта только 4 уезда Латвии, так наз. Латгама, населенная латышами, говорящими на латгальском наречии (около $^1/_2$ мил. населения), с городами Двинском, Режицей. Я остановлюсь в первую очередь на деятельности по народному образованию в период до падения Риги, а потом и периоду после падения Риги.

1. Период до падения Риги (3 января по 22-е мая с. г.).

Я коснусь здесь практической и фактической стороны дела, т. к. принципиальная сторона ясна. Мы, в общем, руководствовались постановлениями Р. С. Ф. С. Р., изложенными до 25/XII 1918 г. Для краткости изложения я рассмотрю деятельность по той схеме, по какой она была установлена в Комиссариате Просвещения Латвии.

Дошкольное образование. До возобновления Советской власти кое-где в городах были жалкие детские приюты, учрежденные для сирот частными благотворительными обществами. Рабочая молодежь—особенно в Риге—при наличности промышленного застоя и продовольственного кризиса, сильно бедствовала. Правительством Ульмана в этой области никакие меры не были приняты.

Советская власть как в центре, так и в уездах немедленно приступила к организации детских домов. Так как совершенно не было работниц по дошкольному воспитанию, то в апреле были открыты курсы, на которые уездными отделами просвещения делегировались работницы. Курсанток было 150. Курсы к 22-му мая не были закончены.

Школьное дело. Ясно, что для осуществления идеи Единой Трудовой Школы требуется в первую голову материальное обеспечение молодого поколения, т.-е. открытие общежитий во всех школах. При той экономической разрухе и том остром продовольственном кризисе, которые имели тогда место, это не давалось легко. Все же во многих волостях общежития при школах были устроены, особенно в Вольмарском, Венденском и Маленском уездах. В Риге и в других городах давались в школах завтраки. Уже одно это способствовало огромному наплыву особенно пролетарской молодежи в школах, мало доступных ей раньше в виду материальной необеспеченности как родителей, так и самого подрастающего поколения. Так, до утверждения Советской власти (до января 1919 г.) Рига насчитывает еще 10.000 учеников, из которых добрую половину составляют воспитанники гимназий, реальных училищ и т. п., т.-е. буржуазная молодежь. В апреле с. г. в Риге насчитывается около 23.000 учащихся.

Нет сомнения, что с восстановлением промышленности и с улучшением продовольственного дела число это возросло бы и впредь, так что осенью с. г. едва ли оказался хоть 1% пролетариев школьного возраста, выброшенных на произвол судьбы, как это наблюдается теперь в Риге в очень обширных размерах.

В деле проведения в жизнь принципов Единой Трудовой Школы пришлось вскоре натолкнуться на недостатки подходящих школьных работников. Школьные работники не проявляли открытый саботаж, но скрытый саботаж был несомненен в определенных слоях учительства, особенно в Риге. Но большинство учителей, особенно в деревне, все же, видимо, желало работать, но не имело достаточного к тому уменья и подготовки. Чтобы пойти на помощь этому учительству, были уже в феврале организованы в Риге курсы инструкторов Единой Трудовой Школы, прошедшие с большим подъемом. Курсантов было около 80, из всех уездов Латвии. Но немногим из них было суждено поработать на своем поприще: большинство из них, по окончании курсов, было мобилизовано и отправлено на фронт.

Для пополнения кадра работников было приступлено к организации курсов для подготовки школьных работников из среды рабочей молодежи. Так как в мае остались не занятыми только 4 уезда, то эти курсы были устроены нынешним летом только в одном пункте—в г. Режице (см. ниже).

Для введения трудовых процессов в школе необходимо было позаботиться об учебных пособиях или орудиях производства, необходимых для обделки дерева, железа и т. п. в трудовых школах. Работа, начатая очень широко учрежденным для этого институтом учебных пособий, должна была прекратиться почти совершенно после падения Риги. Не удались также курсы для работников по изготовлению учебных пособий.

Было издано несколько томиков „Библиотеки Трудовой Школы“, 1 номер „Известий Института Учебных Пособий“ и 2 выпуска программы I и II ступени Единой Трудовой Школы.

В апреле было приступлено к реорганизации школ II ступени, ставя в основу классовый принцип. Более или менее осуществить это опять-таки удалось только осенью с. г. в 4-х оставшихся уездах.

Отделом высших школ Латвии в феврале было приступлено к реорганизации единственной высшей школы в крае — бывш. Рижского Политехнического Института. При Комиссариате Просвещения Латвии был создан Совет Высших Школ Латвии, в который вошли представители Комиссариатов: Земледелия, Промышленности, Сообщения, Сооружений, Здравоохранения. Студенты и профессора Института были уволены. Советом были выработаны „Положения о Высшей Школе Латвии“, и согласно этим Положениям было приступлено к реорганизации. Во главе школы был поставлен Совет из представителей факультетов, студенчества и 1 представителя Комиссариата Просвещения.

К 1-му марта были открыты 5 факультетов (сельско-хозяйственный, химический, механический, инженерный и архитектурный); было приступлено к открытию медицинского, экономического и педагогического факультетов. Преподаватели (профессора) были приняты Советом Высших Школ и утверждены Комиссаром Просвещения, руководствуясь, главным образом, научно-педагогическими способностями и политическими воззрениями. Слушателями Высшей Школы принимались все желающие, но слушатели не пользовались никакими льготами. Несмотря на это наплыв слушателей был громадный, поступило около 3000 слушателей (до реорганизации, при оккупации власти около 750 студентов). Обучение было бесплатное; занятия велись на 2 смены—утренние и вечерние.

Однако, и здесь убедились, как и на опыте со школой II ступени, что для продуктивной работы в школе должна быть принята в первую очередь только пролетарская молодежь, гарантируя ей все средства для существования. При факультетах должны были открываться подготовительные классы для рабочих, имеющих практические знания, но неимеющих еще достаточной теоретической подготовки для успешного прохождения курса в факультетах. Коренная реорганизация должна была состояться летом.

В ведении Совета Высших Школ при Комиссариате Просвещения были также все бывшие средние технические учебные заведения (техникум, с.-хоз. школа и курсы, мореходное училище).

В деле внешкольного образования было приступлено к организации сети внешкольных организаций. В уездах, более удаленных от фронта (напр., Маленском), были устроены рабочие клубы и союзы рабочей молодежи почти в каждой волости; они проявляли уже довольно интенсивную деятельность в своих студиях (особенно готовясь к празднику 1-го мая). Но и здесь сказывалось в сильной степени влияние

фронта (отправка всей активной молодежи на фронт).

Занятие Курляндии белогвардейцами в марте заставило отказаться также от открытия Пролетарского университета в Риге, организованного по типу Пролетарского университета в Москве. Поступило около 500 слушателей; лекторами и руководителями явились виднейшие теоретики К. П. Латвии.

Библиотечным Подотделом была организована Центральная библиотека Латвии, объединяющая в себе все исторические библиотеки края. Был также составлен библиотечный фонд для снабжения сети деревенских и городских библиотек книгами. В этот фонд поступили книги со всех национализированных книжных магазинов края.

Отдел Искусства Наркомпроса Латвии подразделялся на Подотделы: литературный, театральный и музыкальный и Подотдел Изобразительных Искусств. Он ведал, главным образом, центральными худож. учреждениями в Риге (театрами, музеями и т. п.).

В первом городском театре (бывш. немецком), наполовину сожженном отступающими белогвардейцами в январе с. г., был открыт первый рабочий театр и опера Советской Латвии. Как в этом театре, так и во 2-м рабочем театре давались часто бесплатные спектакли и симфонические концерты для членов производственных союзов.

Подотдел Изобразительных искусств ведал собиранием художественных принадлежностей и драгоценностей края; им же было приступлено к организации мастерской живописи и ваяния.

Музыкальным Подотделом были открыты курсы для работников в области музыки. Литературным Подотделом были подготовлены к изданию полное собрание сочинений И. Янсона-Брауна, литературный сборник „Слово“ и др.

Комиссариатом Просвещения издавался также журнал „Просвещение“.

2. Период после падения Риги.

После падения Риги в мае осталось 4 уезда, составлявших раньше часть Витебской губ. Это—самая отсталая в экономическом и культурном отношении часть Латвии, так. наз. Латгалия. Деятельность Наркомпроса естественно суживалась. Было обращено главное внимание на школьное и дошкольное дело, в последнее время—и на внешкольное дело.

Было немедленно же после установления фронта приступлено к подготовке школьных работников трудовой школы. Были устроены 2-хмесячные курсы в г. Режице, в которых принимали участие 270 курсантов, главным образом, из латгальской трудовой молодежи. После курсов все школьные работники были уволены, и по всем уездам состоялись выборы школьных работников, давшие все же недостаточное количество работников, так как на выборах многие из бывших школьных работников были устранены из-за недостаточного знакомства с принципами трудовой школы и неопределенности политических убеждений. После выборов по всем уездам были устроены 2-хнедельные курсы для выбранных школьных работников.

Для пополнения кадра школьных работников и работников детских домов, 20-го октября открыты в г. Режице годичные педагогические курсы. На курсы принималась почти исключительно только трудовая молодежь. Курсантов—100 человек.

Так как школьные здания очень тесны и неудобны для организации трудовых школ с общежитиями, то были приложены все усилия для устройства школ-общежитий в имениях. Этой осенью уже открываются в 70-ти имениях Латвии школы-общежития для детей пролетариев и беднейшего крестьянства. В остальных школах общежития устроить в этом году вряд ли удастся. Там придется ограничиться только завтраками.

Были реорганизованы также школы II ступени. В школах II ступени допущены почти исключительно только дети беднейшего крестьянства и пролетариата. Детей буржуазии пока пришлось отклонить, так как число школ II ступени было сокращено из-за недостатка подходящих школьных работников.

Литературным Подотделом издаются учебные пособия (азбука на латгальском наречии и др.) и литературный сборник. В области внешкольного образования было приступлено к организации изб-читален и клубов в имениях. В ноябре устраиваются курсы для работников по внешкольному образованию.

Открыто по несколько детских домов в уездах.

Э. Эфферт.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

„НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ".

Программа журнала:

Разработка и освещение вопросов воспитания и образования трудовых классов в связи с новыми условиями социально-политической жизни; разработка и пропаганда новых путей, форм и методов работы; ознакомление работников просвещения с новыми течениями в области педагогической мысли в России и за границей; ознакомление с деятельностью государственных и общественных учреждений по народному образованию.

Соответственно этому журнал (ежемесячник) „**Народное Просвещение**" заключает в себе следующие отделы:

I. **Общий отдел.**
II. **Специальный отдел.**
III. **Библиография.**
IV. **Действия и распоряжения правительства.**
V. **Хроника.**
VI. **Приложения из иностранной педагогической литературы.**
VII. **Объявления.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 год — 200 р., на 6 мес. — 100 р., на 3 мес. — 30 р.

Цена отдельного номера: в Москве . . . . . 20 р., в провинции и на железн. дорогах . . . . . 22 р.

Подписка на журнал: „**Народное Просвещение**" (ежемесячник) принимается: на местах — в почтовых отделениях, в центре — на Главном Почтамте, Москва, Мясницкая ул.

Требования на отдельные номера направлять по адресу: **Центропечать**, Тверская, 38.

К сведению авторов. Редакция просит авторов писать по новой орфографии, на одной стороне листа, на машине в двух экземплярах и, кроме этого, на материалах, посылаемых для ежемесячника, делать надпись: „Для ежемесячника". Редакция имеет право сократить рукописи по своему усмотрению.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Остоженка, 53, Народный Комиссариат по Просвещению, Главный корпус.

АДРЕС ЭКСПЕДИЦИИ: „Центропечать", Тверская, 38, кв. 273.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ

№№ 18–19–20

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТ 1921

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1920 1921

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ

№№ 18–19–20

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1920

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Общий отдел.

Стр.

1. **М. Покровский.**—Задачи высшей школы в настоящий момент (письмо съезду коммунистического студенчества) 3
2. **Д. Лазуркина.**—О новых задачах дошкольного воспитания и новых формах общественной жизни 9
3. **К. Левин.**—Подготовка работников просвещения (методы работ) 12

II. Специальный отдел.

1. **Р. Прушицкая.**—Развитие педагогической работы Дошкольного Отдела . . 22
2. **А. Кочетов.**—О задачах регистрации в учреждениях дошкольного воспитания. 25
3. **А. Баландер.**—Путь, по которому должны итти школьные амбулатории . . 31
4. **К. Студитский.**—Трудовые процессы в сельской школе 32
5. **Н. Автухов.**—К практике трудовой школы 40
6. **Г. Деев-Хомяковский.**—Трудовой год (работа с рабочими-подростками в 1918 — 1919 году) 43
7. **Н. Золотницкий.**—Практические прогулки с учениками:
   I. На торфяник 51
   II. На огороды 56
8. **В. Втулкин.**—К методике изучения животных в школах 1-й ступени . . . 60
9. **А. Яхонтов.**—Собирание насекомых и школьный музей эволюционной биологии. 64
10. **К. Левин.**—Пионеры социалистической школы (о работе Вятского Института народного образования) 70
11. **М. Николаевский.**—Конференция молодых учителей 74
12. **К. Капустин.**—К вопросу о социальном обеспечении учащихся в педагогических учебных заведениях 77

III. Библиография.

1. Издания Костромского I Рабочего Социалистическ. Клуба (рецензия на книги): *а*) Растопчиной, *б*) и *в*) В. Невского, *г*) Курсы для подготовки работников . . . . . *Вад. Смушков* . . 78
2. Что и как читать молодым коммунистам? (рецензия на книгу В. Невского) *Н. Крупская* . . 79
3. Трудовой принцип (рецензия на книги С. Сингалевича) . . *А. Вульфов* . . —
4. Записки о революции (реценз. на книгу Н. Суханова) . . . . *К. Л.* 80
5. Иллюстрированная карта Европейской России. М. Павлова . . . *А. Яхонтов.* 81
6. Льготные почтовые карточки (Издание Народн. Ком. Землед.) . . *С. Н. С.* . . 82
7. Новые книги для детей и юношества (рецензии на книги):
   I) Я. Мексина. II) Роберта Луи-Стивенсона (пер. с английск). *М. Свентицкая.* 83
8. „Родная природа" (рецензия на книгу А. Чеглока). *Е. Рейдемастер* . . . . —
9. Журналы по народному образованию . . . . . *З. Б.* . . . . . —

IV. Хроника.

1. Краткий отчет о деятельности Отдела Высших Учебных Заведений за истекшие два года. 84
2. Отчет Отдела Высших Учебных Заведений за 1918/19 год 87
3. Отчет о двухгодичной деятельности Научного Отдела Наркомпроса 97
4. Отчет Заведующего Отделом просвещения национальных меньшинств при Народном Комиссариате по Просвещению 105
5. Отчет о деятельности Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению 113
6. Летние колонии 1919 года . . . . . —
7. **Д. Аксентьевский.**—Из дневника школьного инструктора 118
8. **П. Блонский.**—Восемь месяцев одного педагогического опыта 121

Gift
Hon E F Ladd
Sept 12 1925

Гиз. № 633. Р. В. Ц. (Москва.) Напечатано 25.000 экз.
1-я Госуд. типография (бывш. Сытина), Москва, Пятницкая ул., 71.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

Задачи высшей школы в настоящий момент.

(Письмо съезду коммунистического студенчества.)

Дорогие товарищи!

Болезнь помешала мне быть на вашем съезде, к которому я давно готовился. Позвольте приветствовать вас этим письмом и вкратце изложить в нем то, что я сказал бы вам, если бы имел возможность выступить на съезде.

Товарищи, мы, может быть, пережили уже самый трагический период нашей революции, но несомненно, что мы только подходим к самому трудному. В России легко было повалить капитализм, пухлый и дрябльй, преждевременно истощенный от слишком быстрого роста, как наши купеческие династии, в третьем поколении дававшие обыкновенно сумасшедшего или вырожденца. Его главной бедой было то, что он не выработал своих приемов управления, цепляясь за остатки феодализма, казавшиеся ему удобными, он сбращался с пролетарием, как с крепостными, и воспитал в рабочих массах такую ненависть к себе, с какой могла бы сравниться лишь ненависть пугачевского крестьянина к его помещику. В своей лихорадочной, спешной и грубой работе «первоначального накопления», занятый 24 часа в сутки погоней за барышом, он не успел создать той грандиозной материальной культуры, тех чудес науки и искусства, которые на Западе околдовывают и рабочего, удерживая его руку от решительного удара. Как посягнуть на то, что кажется «вечным приобретением»? Но когда от всей буржуазной культуры рабочему доставалась только вонючая казарма с клопами, да жалкая начальная школа, где всего лучше учили закону божьему,—размах «мозолистой руки пролетария» ничто не удерживало.

Но западный буржуа в своей медленной и спорой работе создавал не только грандиозную культуру для себя—он творил промышленную технику, служившую уже безусловно всем, не исключая и рабочего; он заставлял развивать профессиональные навыки и рабочую дисциплину, которые обществу будущего понадобятся еще больше, чем старому буржуазному обществу. У нас и этого не было. Наша наскоро занятая, перехваченная в долг у соседа промышленная техника не выдержала экзамена уже империалистской войны: когда зимою 1914—1915 годов разразились снарядный и пороховой кризисы,—бросились к французам, никогда, между прочим, не шедшим в авангарде мировой техники; когда понадобилось создавать тяжелую артиллерию, ухватились за японцев; когда, в 1917 году, впервые дала себя почувствовать разруха транспорта,—валялись у ног Америки и от нее ждали спасения. Не создав своей промышленной техники, не создали и своего промышленно-технического образования. Когда говорят, что политика Народного Комиссариата по Просвещению разрушила нашу профессиональную школу, это—клевета почти ровно на девять десятых. Комиссариат не *создал* у нас профессионального образования и в первый год своего существования не уделил достаточного внимания этой своей задаче; это верно, и это, конечно, не может быть поставлено Комиссариату в заслугу. Но *разрушать* он не мог потому, что разрушать было нечего. За немногими исключениями, которые можно пересчитать по пальцам, у нас была или жалкая ремесленная школа, выпускавшая кое-как подученных мастеровых, или казенная высшая школа, выпускавшая людей с «ученым кантом», при чем более толковые из этих людей решались приниматься за практическую работу только пройдя основательный стаж на хорошем германском или американском заводе. Так как эта высшая школа осталась пока неприкосновенной, то оплакивать приходится лишь ремесленную школу. Конечно, и она лучше, чем совсем ничего, но она и не многим больше, чем совсем ничего.

Но—еще важнее—не создав профессиональных навыков и профессионального образования, русский капитализм не успел создать и *рабочей дисциплины*. Оперируя на три четверти средствами вне-экономического принуждения, он сквозь пальцы смотрел на то, что эксплоатируемый им рабочий работает из-под палки, скверно, как помещик крепостной эпохи старался не замечать плохой работы

барщинного мужика: при данных условиях она все-таки была самой выгодной для хозяина. А против конкуренции со стороны продуктов более высокого качества было классическое средство — таможенный барьер. Я никогда не забуду, как лет десять назад один крупнейший русский предприниматель признавался мне, что, собственно, он и его коллеги ничего не имеют против 8-ми или даже 7-часового рабочего дня: пусть только еще поднимут пошлины. Фабриканту вжен прежде всего барыш: производительность труда рабочего и доброкачественность продукта являются коэффициентами этого барыша при условиях свободной конкуренции. Но когда свободная конкуренция исключена, фабрикант фактически является монополистом, ему в высшей степени все равно, много ли продукта выбрасывается на рынок и какого качества этот продукт. Мало,— можно назначить цену подороже; плохо,—ничего, потребитель возьмет, другого не достанешь. Лет пятнадцать назад крупные московские машиностроительные заводы не выпускали ни одного двигателя, который в Западной Европе не признали бы бракованным. Конечно, кто мог, покупал заграничные, но брали и эти, и ничего: пароходы плавали, автомобили бегали, мельницы вертелись. Правда, аварий с ними случалось больше, чем с нормальными двигателями, и выработался даже особый тип, например, шоффера, умеющего ездить на плохой машине: тоже профессиональный навык своего рода...

Вероятно, ни один социалистический пролетариат в мире не получит более скудного наследства от своей буржуазии, чем какое русский пролетариат получил от своей. Никому не придется создавать социалистического хозяйства более на «сыром корню», чем нам. Единственной выгодой охарактеризованного порядка вещей было то, что у нас топору пролетарской революции было легче работать, и он сделал свою работу быстрее: у нас уже два года есть на лицо пролетарская власть, которую другие европейские страны еще рождают в тяжких муках. Но и у этого преимущества есть крупная оборотная сторона: *на первое время мы одни*, и не нужно создавать себе иллюзий, *мы останемся одни довольно долго*.

Иллюзии тут могут быть и имеются довольно двоякого рода. Во-первых, еще не изжиты окончательно, даже революционными кругами, надежды на остатки буржуазного хозяйства. Многим кажется, что стоит только «заключить мир», и Россия будет завалена превосходными заграничными товарами. Кто слышал доклады тов. Радека, тот знает, что относительно Германии, по крайней мере, этой иллюзии нет места: у ней у самой ничего нет. Едва ли у других буржуазных стран есть больше, чем нужно самим. Разложение буржуазного хозяйства на Западе напоминает те медленные воспалительные процессы с низкой температурой, которым всякий больной и всякий врач предпочтет хороший тиф. Снаружи как будто ничего не происходит, но сил у организма с каждым днем все меньше и меньше. Западный рабочий еще не всюду решается выходить с красным знаменем на улицу, но всюду он уже начинает неаккуратно ходить на фабрику, а придя туда— нехотя, спустя рукава, работает. По буржуазному выражению, он «ленится»; у нас было то же с марта до октября, только у нас и этот процесс тек скорее. Уже Керенскому Антанта доставляла бракованные орудия,—на это имеются документальные доказательства,— а Россия тогда кровно была еще нужна Антанте. Своим любимцам Юденичу и Деникину она доставляла, повидимому, тоже не вполне исправные танки, и совершенно несомненно доказано опять-таки документально, что по части снарядов, патронов и консервов ни Юденич, ни Деникин не получали во-время всего, что им нужно. Даже, значит, своих, и притом в небольшом, относительно, числе антантовская промышленность не могла обслуживать, как следует. Не наивно ли ожидать, что чужих, и в количестве во 100 раз большем, она сумеет обслуживать лучше? Мы получим от Антанты не очень много довольно плохого товара, вот все, на что можно, хладнокровно судя, рассчитывать. Это опять-таки лучше, нежели вовсе ничего, но это бесконечно меньше, чем нам нужно. Потому что, говоря о бестоварье, мы обыкновенно помним только наше городское бестоварье, а гораздо шире его бездонная пропасть, открывающаяся за пределами города.

Наши отношения к деревне и крестьянству до сих пор строились на основе чисто политической. Крестьянин понимает, что Советская власть, как бы неприятна она подчас ни была, является порукой, что в деревню не явится обратно барин, урядник и становой, розга и нагайка, и, понимая это, крестьянин стоит за эту власть грудью. Не нужно забывать, что Красная армия на 75—80% крестьянская. Но как раз теперь, когда задача Красной армии на девять десятых разрешена, политической связи становится мало. Как страховка против помещика, мы крестьянину становимся менее нужны, а переход к мирному положению напомнит о бестоварье острее, чем раньше. Быть может, в податливости Антанты не без надежды обойти нас с этого фланга и купить российского мужичка разными побрякушками, как Бэкер и Стэнли покупали этим дружбу и содействие негров Центральной Африки. Надежда, конечно, нелепая: мужичок потребует товаров неизмеримо больше, чем Антанта может дать, и притом отнюдь не побрякушки. Но тем хуже для нас: товары должны дать мы сами, мы, то-есть город и пролетариат. Антанта может нам дать, самое большее, кое-какие машины для этого из своего старого запаса, и то, если мы сумеем их выторговать, да кое-какие образчики.

Но, скажут нам, нет надобности доказывать нелепость надежды на богатую тетушку Антанту: только и в этих надеждах нет надобности. Конечно, буржуазная Антанта нам ничего не даст: но долго ли ей жить, богатой и скупой старухе? Как ни медленно развивается революционный процесс в Западной Европе, он все же идет вперед, а не назад, это несомненно. Завтра мы будем иметь перед собою огромный красный блок, от Атлантического океана до Тихого установится обмен социалистический, обмен в полумировом масштабе. Индустриально развитые советские республики дадут нам все необходимые фабрикаты, а мы им—сырье. Стоит ли кручиниться о бестоварье накануне торжества мировой революции?

Именно накануне этого торжества и по случаю этого торжества как раз и стоит. Эмпирический закон, проверенный уже на огромном количестве фактов, гласит, что тот упадок рабочей дисциплины, которым характеризуется первый, скрытый период социальной революции наших дней, продолжается еще некоторое время и в открытом периоде. Сколько именно времени, сказать трудно, ибо проследить процесс до конца мы могли до сих пор только на одной России, где трудовая дисциплина буржуазного общества, как мы видели, никогда не была прочно и глубоко вкоренена в привычки рабочего класса. Быть может, ее атрофия в странах, прошедших более длительную и более солидную буржуазную школу, будет не так резка и не так продолжительна. Надо на это надеяться, по крайней мере, ибо иначе переход к социалистическому хозяйству в мировом масштабе был бы связан с неизмеримыми трудностями. Но это все теоретические гадания: практически ясно одно: первые месяцы после решительной победы коммунизма на Западе не он нам должен будет оказывать услуги в экономическом отношении, а мы Западу. Как ни парадоксально положение, что Германия может когда-нибудь почувствовать нужду в русской обрабатывающей промышленности, но с этим парадоксом нужно примириться, как примирились мы уже с другими: с тем, например, что житница Европы, Россия, может, не вывозя никуда хлеба, попасть в число голодающих стран.

Итак, торжество мировой революции только усложнит наше *экономическое* положение, возложив, быть может, на плечи нашей слабой промышленности еще интернациональные задачи, а она не справляется и с национальными. Нам приходится еще раз, в другой только плоскости, совершить тот тур-де-форс, каким мы однажды уже удивили мир, когда, завзятые, в глазах буржуа, пасифисты, проповедники мира во что бы то ни стало, мы создали одну из сильнейших армий, какие видала Европа, перегнав если не императорскую Германию, как недавно можно было прочесть в одном апокрифическом известии, то, наверное, императорскую Россию 1915 года. Теперь нам, самой отсталой промышленно из больших капиталистических стран земного шара, придется создавать первое в мире социалистическое хозяйство почти исключительно своими силами.

Темп и приемы этой работы уже указаны последними решениями Совнаркома и В.Ц.И.К., образцом и в этом случае должна быть Красная армия, поскольку ее приемы приложимы к этой новой сфере, разумеется. У армии могут и должны быть взяты прежде всего *темп* ее работы и ее безусловная, недопускающая отказа *дисциплина*. О последней, пожалуй, и лишнее было бы говорить старым большевикам. Я живо помню, как летом 1906 года московский комитет партии объявил всеобщую забастовку на другой день после того, как вопрос был всесторонне обсужден в заседании комитета, и забастовка единогласно была признана неосуществимой. Вечером того же дня пришла директива Центрального Комитета, настаивавшего на забастовке, а на следующее утро она была объявлена и проведена с максимальным возможным подъемом и с гораздо меньшим неуспехом, чем опасался М.К. Полного торжества, по тогдашней конъюнктуре, вероятно, и Ц. К. не ждал. Тогдашним «штатским» большевикам не нужно было указывать на пример военных, быть может, теперь, при расширившемся в сотни раз членном составе партии, такое указание и не лишнее. Как бы то ни было, работать с чисто-военной быстротой нам нужно научиться, а в особенности научить свой аппарат. Нельзя составлять и переписывать чистоформальную бумагу неделями, как это, по грехам, бывает теперь, да и вообще нужно приучиться писать поменьше бумаг. Но рядом с этим у Красной армии необходимо взять и коренную предпосылку военного темпа работы. Когда-то, в дни нашей молодости, мы все читали в курсе гигиены Эрисмана, что определенному количеству работы, даваемой организму, должно соответствовать определенное количество пищи, вводимой в организм. Это элементарное правило стало, видимо, за-

бываться, и Красной армии принадлежит большая честь, не меньшая, чем честь побѣды над одним из трех Колчаков, по крайней мере, напомнить то, что когда-то знал всякий образованный человек. Красноармейский организм был первым органом Советской Республики, который стал принимать пищу в размере, соответствовавшем работе, выполнявшейся этим организмом. Нужно надеяться, что случай сделается типическим для всех видов работы, ведущейся «по-военному».

Какая роль в этом военно-хозяйственном строительстве должна принадлежать *высшей школе?* Теоретически дело ясно, как аксиома: современная промышленность немыслима без науки, а высшая школа является практически организующим центром этой последней. Этих положений не стоит не только доказывать, но даже иллюстрировать. Но вывод приходится делать не столько из них, сколько изо всего предыдущего изложения. Все мое длинное введение преследовало одну задачу: материалистически обосновать необходимость подчинения, в данный момент, и политической реорганизации высшей школы, и интересов «чистой», т.-е. неприкладной науки тем требованиям, какие нам ставит наше *экономическое* положение.

В тезисах, с которыми меня ознакомили, затронуты обе стороны: и политически-организационная, и научно-учебная. Обе их имела в виду вся деятельность Отдела В. У. З., подвергнутая такой суровой критике в тезисах. Критика эта, очень извиняюсь, меня нисколько не задевает и не трогает. И не трогает она меня потому, извиняюсь еще более, что в ней нет, пока что, ни *грана марксизма*. В чем обвиняют Отд. В. У. З,—в измене интересам пролетариат.? в нанесении вреда делу социалистической революции? Ничего подобного. Обвиняют в *непоследовательности*, в *компромиссности*,—в том, что выдвинутые предпосылки логически не развернуты до конца. Обвиняют в недостатке *радикализма*. Приемлю с огромным удовольствием. Никогда не считал упрямую «логичность» характеристической чертой марксиста, и теперь не считаю. Марксист знает одну логику,—логику фактов, и, подчиняясь этой железной логике, он должен быть готов изменять свою тактику каждые 24 часа. Он не смеет изменять одному—интересам пролетариата и революции, а со своими собственными, личными, субъективными взглядами он может вступать в конфликт хоть каждый день. Приведу один пример: один из тезисов требует закрытия факультетов общественных наук и филологических. Субъект вношения бы такое решение в высокой степени приветствовал. Действительно, от «наук», с позволения сказать, преподающихся в большинстве на этих факультетах, науке без кавычек ни тепло, ни холодно. Но научный сектор Н.К.П. на закрытие этих факультетов в полном объеме никогда не пойдет, я уверен, и будет прав. Потому что даже такая допотопная, казалось бы, наука, как филология, не только что полезна теперь, а прямо необходима. Без ориенталистов Советская Россия, в своей мировой политике опирающаяся на восточные, азиатские народы, национально заинтересованные в борьбе против европейского и американского империализма, обойтись ни в каком случае не может, и должна их размножать чуть ли не с таким же усердием, как инженеров-химиков или инженеров-электриков; да и филологи западные куда как не бесполезны,—это показала история разграничения Советской России с несоветской Украйной и наверное покажут еще ряд споров о границах—с Польшей, с Латвией и т. д. Если мы этих людей разгоним или даже только не позволим им иметь школу и учеников, мы совершим величайшую *практическую* глупость. И то же можно доказать относительно $^5/_6$ кафедр обоих «устаревших» факультетов. Не закрывать же их из-за $^1/_6$ кафедр, которые не только устарели, но и практически бесполезны. Несомненно, «компромиссное» решение—сохранить пока что и филологов, и «обществен.ников» диктуется, таким образом, объективными условиями момента, и потому для политика-марксиста—обязательно.

Отдел Высших Учебных Заведений с гордостью может сказать, что он все время оставался марксистским, т.-е. готовым на какие угодно *не принципиальные* компромиссы, требуемые условиями момента, и что ни в одном принципиальном компромиссе его никогда не найдут возможности упрекнуть. Не принципиальные, с точки зрения *политической*, разумеется—научной, теоретической принципиальности, вопроса о филологическом факультете я, конечно, не думаю отрицать. Но сейчас мы не ученые, а политики, мы еще не сделали революцию, мы ее только делаем, и ученым мы имеем право быть лишь настолько, насколько это нужно для торжества наших политических принципов. С этой точки зрения *только* мы должны предъявлять требования высшей школе—и мы имеем право ее разрушать лишь постольку, поскольку она стоит поперек дороги *этой* нашей задаче.

Задача распадается на две. Одна вытекает непосредственно из условий *настоящего* периода русской революции—зимы 1919—20 гг. Другая—из условий более общих, но определяющих все частные—из интересов всей революции в целом. Вторая половина задачи поставлена себе О. В. У. З. с самого начала и определяла до сих пор всю его деятельность, тут ему изменять нечего. Высшая школа должна быть *пролетарской*. Это значит, во-первых, что она должна существовать *для* пролетариата; что рабочему должно быть отведено в ней лучшее место, и что интересы рабочего класса она должна обслуживать в *первую* голову. Это значит, во-вторых, что органы пролетарской власти должны иметь полный и безусловный контроль над всем, что делается в стенах высшей школы, и что органы управления этой последней должны быть пропитаны рабочими элементами до пределов возможности.

Пролетаризация высшей школы в первом направлении, юридически, уже осуществлена декретом 6 августа 1918 года, практическому же осуществлению самого декрета положено начало *рабочими факультетами*, первый из которых открыт 31 января 1919 г. Теперь рабочие факультеты стали лозунгом, усвоенным даже буржуазной профессурой, которая, обыкновенно, знаменует свое полное подчинение Советской власти именно заявлением готовности открыть рабочий факультет. Так было недавно с Томским университетом. Насколько осуществима проводимая в тезисах идея замены младших курсов университета и специальной высшей школы вообще рабочими факультетами? Я думаю, что политически она сейчас не осуществима, если только мы не откажемся от того строгого и правильного понимания термина «рабочий факультет», какое господствует сейчас. Если это будет школа только для пролетариата,—преимущественно фабрично-заводского пролетариата,—замена младших курсов рабочими факультетами означала бы запрещение высшей школы для всей буржуазной молодежи, окончившей школу второй ступени. Имеем ли мы право выбросить в настоящее время за борт несколько десятков тысяч молодых людей, из которых в сравнительно короткое время можно сделать хороших техников? Никакого права, и нам просто не дадут этого сделать, если бы мы и захотели. Нужно поставить себе другую цель, более осуществимую: *амальгамирование* рабочих факультетов и младших курсов старого типа путем введения, с одной стороны, все большего и большего числа пролетариев из рабочих факультетов в младшие курсы, и путем обязательного фабричного стажа, хотя бы годичного, для кончивших вторую ступень,—с другой. Рабочие факультеты для не получивших среднего образования и младшие курсы для получивших таковое существовали бы при таком порядке некоторое время раздельно, зато не было бы перерыва на 3—4 года в притоке студентов старших курсов, перерыва, который неизбежно получится, если мы закроем высшую школу для буржуазной молодежи. Это гораздо лучше, чем открыть для этой молодежи рабочие факультеты (другой, возможный теоретически, выход), лишив последние самого ценного, что в них есть—их пролетарского характера.

Пролетаризация высшей школы снизу поставлена у нас, по-моему, на твердые рельсы, остается только, не сбиваясь, итти по раз избранному пути. Хуже, надо признаться, обстоит дело с пролетаризацией высшей школы *сверху*. Но, позвольте объяснить, почему хуже. Идея—ввести представителей рабочих организаций в органы, управляющие университетом, была выставлена Н. К. П. еще на первом совещании по высшей школе, в июле 1918 г. В наш план тогда входил «народный совет университета» из представителей местных советов рабочих депутатов, советов народного образования, профессиональн. союзов и т. д. Профессура была в особенности возмущена этой частью проекта—тем, что благородных и ученых господ хотят подчинить контролю каких-то мастеровых. От немедленной реализации этой идеи нас удержало тогда, однако, не профессорское негодование, а нечто совсем другое: опасение, что органы пролетарского контроля могут оказаться очень слабыми контролерами. Тогда, летом 1918 года, местные рабочие массы обнаруживают огромную и трогательную наивность в университетском вопросе. Каждый крупный рабочий центр хотел иметь свой университет, без разбора приглашая туда профессоров духовных академий, учителей гимназий, местных полу-кадетских журналистов,—словом, всякую публику, одинаково мало удовлетворяющую требованиям как настоящего научного, так и минимального политического ценза; через год наступило похмелье и ряд трагедий, с разгоном вновь образованных факультетов за явно «белогвардейское» направление, при чем и тут не обошлось без преувеличений, ибо белогвардейское направление устанавливалось нередко по двум—трем фразам частного разговора, свидетельствовавшим только, что данное лицо никогда не было не только коммунистом, но и социалистом, а всегда оставалось чистокровным буржуем, оставалось, конечно, и в тот момент, когда очарованные званием «профессора» пролетарии почтили его своим доверием. Все это заставило О. В. У. З. и тут пойти на компромисс, ограничившись подчинением высшей школы *контролю* местных исполкомов. Контроль этот может расширяться и приводить, естественно, к образованию новых органов, аналогичных тем, какие проектируются тезисами. Что к этим органам могут перейти и административные функции нынешних советов и правлений (при участии профессуры и студенчества)—это вопрос, заслуживающий обсуждения. Но в учено-учебных вопросах нет никакой надобности итти

дальше контроля, и собрание, состоящее из рабочих, со свойственным пролетариату здравым смыслом, отказалось бы составлять учебный план или программу отдельного курса. Это должно быть предоставлено соглашению преподавателей и слушателей: пролетарский орган должен только *знать, что* и *как* читается. Таков был бы нормальный и естественный ход дела при нормальном и естественном положении вещей. Но теперь положение особенное,—тут мы переходим ко второй из задач, стоящих перед высшей школой ныне, и *не* стоявшей еще перед нею осенью 1918 даже весною и летом 1919 года. Эта задача поэтому и не могла быть учтена тою политикой отдела, которая отразилась, в декрете 6 августа о создании раб. факультетов. Устраивая последние, мы старались, прежде всего, открыть пролетариату дорогу в высшую школу—задача поднятия промышленности подразумевалась при этом сама собой, но ей не придавалось того значения «крайней спешности» и пожарности», какое она получила сейчас. Те иллюзии на этот счет, которые можно назвать «буржуазными», как и те, которые могут быть охарактеризованы, как «революционные», существовали в январе 1919 г. во всей силе, и задачи постройки социалистического хозяйства едва ли многими рассматривалась, как дело сегодняшнего дня, а если кто это и сознавал, то даже и ему дело это рисовалось, как принадлежащее к «чужому ведомству», как дело Высовнархоза, куда Н'ркомпросу даже и невежливо соваться. Отсутствие ясного представления об этом чувствуется, к сожалению, и в тезисах, ибо в них незаметно сознания необходимости *сузиться ради бо́льшей силы удара* и *максимального ускорения получаемого эффекта*. В этом и заключается главное влияние второй, временной, задачи на первую, постоянную. Поясню примером. То, что мы выше говорили о необходимости «рабочего контроля» над высшей школой, осуществимо в обрисованной нами широкой форме при нормальных условиях, но в условиях настоящего момента может понадобиться контроль военного типа, т.-е. замена органов коллегиальных, понемногу создаваемых исполкомами и т. д., органом единоличным, создаваемым моментально и наделенным военными полномочиями—политическим комиссаром данной высшей школы. При чем, само собою разумеется, этот, поставленный *над* школой комиссар не может принадлежать к составу школы—не может быть ни профессором, ни студентом. Это будет, по всей вероятности, кто-нибудь из ответственных работников-коммунистов фронта.

С милитаризацией высшей школы связан целый ряд практических вопросов об отозвании из Красной армии мобилизованных студентов-специалистов, о введении красноармейского пайка для действительно занимающихся, и т. д. Первое уже начинается—студенты-горняки возвращаются в свои школы, но уже как мобилизованные, т.-е. подчиненные военной дисциплине. Последний вопрос важен и интересен тем, что разрубает поистине Гордиев узел «социального обеспечения и трудовой повинности студенчества». Так как большинство присутствующих, по всей вероятности, члены комиссий соц. обеспеч. или стоят к этим комиссиям очень близко, я не буду подробно касаться этого болезненного для нас всех пункта нашей общей работы. Напомню только, что без социального обеспечения в *натуре*, по условиям настоящей минуты, говорить об обеспечении значит сотрясать воздух, натуральное же обеспечение со введением пайка будет реализовано просто и быстро теми самыми органами, которые теперь питают фронт.

Я заканчиваю на этом свои наброски, очень извиняясь за их бессвязность, особенно в конце. Отчасти это объясняется тем, что, несмотря на сердитый тон тезисов по адресу О. В. У. З., между нами очень немного принципиальных разногласий. И пришлось оговаривать поэтому именно частности. Развивать же эти частности конкретно и подробно, в виде проектов—дело не съездов, а комиссий, которые иногда оставляются съездами для разработки принятых ими принципиальных решений. Участвовать в работах такой комиссии—насколько это возможно для человека, запертого в своей комнате,—я, конечно, не откажусь. Тогда наступит время и для «конкретности». Пока же позвольте свести все сказанное тоже к нескольким тезисам.

1) Наступает момент, когда реформа высшей школы становится делом не программы, а тактики, делом текущего момента.

2) Условия момента требуют участия высшей школы в создании основ социалистического хозяйства.

3) Условием разрешения этой задачи является *милитаризация* высшей школы.

4) Милитаризация, как средство, не должна закрывать от нас основной *цели* всей работы—*пролетаризации* высшей школы.

5) Но она должна обусловить организационные приемы и методы нашей работы—«мы должны стараться действовать с максимальной быстротой и энергией при минимальном отклонении в сторону от основных задач».

6) Мы должны, поэтому, отложить до лучших дней все *не абсолютно необходимое*, как-то: реформу преподавания общественных и гуманитарных наук и т. под.

7) Во всех случаях мы должны стремиться не к логической законченности наших построений и не к максимальному радикализму постановок вопросов, а исключительно к достижению определенных *реальных* последствий, ибо для революции одно *дело* важнее миллиона слов.

М. Покровский.

«О новых задачах дошкольного воспитания и новых формах общественной жизни».

Переживаемая нами стадия капитализма все больше и глубже захватывает в свой круговорот все стороны жизни, разрушая на своем пути все, что сохранилось, как пережиток от предшествующей эпохи. Промышленный строй с его применением машин нанес смертельный удар хозяйственной деятельности женщины в семье. Растущая дороговизна жизни потребовала добавочного труда матери, и усовершенствованная техника открыла широкую возможность применения женского труда. Все это разрушительным образом действовало на семью, и от семьи осталось только одно название,—семья стала фикцией. Женщину-мать можно видеть на фабрике у станка, на пашне, в конторе, исполняющей всевозможные общественные обязанности, и меньше всего в семье. Миллион детей предоставлены самим себе и улице. Самая неудовлетворительная гигиеническая обстановка, отсутствие мало-мальски сносной моральной среды, отсутствие какого бы ни было разумного влияния и ухода, полная беспризорность,—все это гибельным образом отражается на детях. С другой стороны, если считать, что семья должна воспитывать не человека-эгоиста, а гражданина в полном смысле этого слова, то она оказывается совершенно несостоятельной.

1. Отсутствие почти всякого изучения природы ребенка, малое к ней уважение, полное подчинение ребенка какой-нибудь системе, придуманной родителями для каких-либо практических целей,—часто коверкают жизнь ребенка, и обращают детство только в какой-то подготовительный период к школе.

2. Обращение внимания на развитие какой-нибудь стороны в ущерб другим, например, сведение воспитания к хорошему питанию, одежде, гигиеничности в ущерб всему остальному.

3. Семейный эгоизм и ограниченность общественного горизонта. Семья живет замкнуто, отчужденно от общественного организма, принимая весьма малое участие в общественной жизни. Все расценивается с точки зрения пользы для членов семьи. Такая узкая внеобщественная семья прививает детям самый жестокий и грубый эгоизм и сообщает крайнюю ограниченность детскому кругозору.

4. Учитывая, с одной стороны, ненормальные условия жизни миллионов детей, как продукт социально-экономических условий, с другой — несостоятельность современной семьи, как воспитательницы граждан коммунистического общества, государство неминуемо становится перед вопросом о самом широком общественном воспитании детей.

Задачи общественного воспитания находятся и всегда находились в самой тесной зависимости и строгом соответствии с экономическими и общественно-правовыми нормами.

Народы первобытной культуры, у которых охота и война составляли все содержание их жизни, задачей воспитания ставят приготовление хороших воинов и охотников. Ловкость и сила, навыки и познания в войне и охоте были главными моментами воспитания. Народы древнего Востока, в основе общественной организации которых лежало деление на касты, в основу воспитания клали сохранение каст и незыблемость разделяющих их граней. У спартанцев и римлян, где в основе государственной организации лежало военное могущество, — общественное воспитание касалось только детей полноправных граждан и имело целью подготовку воинов. И в новое время дело общественного воспитания, поскольку организация его зависела от государственной власти, всегда направлялось к охранению существующего экономического строя,—другими словами, к охране привилегированного положения государственного меньшинства.

Таким образом, во все предшествующие нашему периоды истории задача развития человека, как гармонической личности, совсем не ставилась во всей широте: человек-личность было пустым звуком. Только после октябрьского переворота государство ясно и определенно заявило, что дитя есть человек-личность. Только в новом грядущем строе может возникнуть необходимость в гармонически-развитых людях, в самом широком понимании этого слова; теперь лишь ставится впервые вопрос о человеке, как самоцели, как сущности. Для такого развития нужно для ребенка создать среду, дать ему возможность гармонически и духовно нормаль-

правильную помощь заболевшим детям, требующим диэтотерапии. Это достигается устройством при детских амбулаториях диэтических столовых.

Деятельность диэтических столовых неразрывно связана с детскими амбулаториями; посетителями диэтических столовых являются пациенты амбулаторий. В последних врач назначает больному ребенку индивидуальную диэту и выдает ему столовую карточку с 15 купонами на право посещения столовой в течение 15 дней; на карточке отмечается и род требуемой диэты (молочная, усиленная, вегетарианская и проч.). Спустя 15 дней, ребенок снова показывается врачу в амбулатории, подвергается повторному обследованию, и диэта или возобновляется или меняется в зависимости от показаний. Таким образом, посещающий диэтическую столовую ребенок находится под постоянным наблюдением врача амбулатории. В виду того, что диэтические столовые преследуют цель не подкармливания, а диэтотерапии, то число приемов пищи в них не должно ограничиваться одним только обедом, а состоять минимум из 2-х приемов: обеда и раннего ужина, или позднего завтрака и обеда; третий прием пищи (завтрак в первом случае и ужин во втором) может выдаваться на дом, хотя такой способ отпуска на дом менее желателен в виду отсутствия контроля над этим приемом пищи. Туберкулезным детям питание осуществляется детскими диспансерами. Там, где последние отсутствуют, эта помощь детям может быть оказана диэтической столовой с соблюдением необходимых условий, устраняющих возможность занесения туберкулезной инфекции другим пользующимся в ней детям.

Продолжительное пребывание детей в диэтических столовых в течение дня в виду промежутков между приемами пищи и оторванность больных детей от школы требуют организации при диэтической столовой клуба, в котором дети должны под руководством педагога проводить время, свободное от приемов пищи. Характер и программа занятий в клубе, как и сама диэта в столовой, должны быть строго индивидуализированы и разработаны педагогом совместно с врачом.

Вот та эволюция, которую проделала показательная школьная амбулатория Отдела Охраны Здоровья Детей Наркомздрава: из школьной амбулатории она превратилась в *детскую* с характером диспансера с *диэтической столовой и клубом*. По этому же пути сама жизнь толкает итти и те школьные амбулатории, которые в большом числе возникли на территории республики.

А. Бальмер.

Трудовые процессы в сельской школе.

Трудовые процессы в сельской школе.

Что такое трудовые процессы в школе? Вот вопрос, который до сих пор, после двух лет проведения в жизнь нашей школы трудового начала, стоит еще в тумане пред тем учительством, которое серьезно относится к своему делу, которое серьезно вдумывается в новую школу. Правда, большинство учащих сельской школы с легким сердцем и не задумываясь ответят вам, что такое трудовое начало в школе и в чем должны выражаться трудовые процессы.

— Введено ли в моей школе трудовое начало, спрашиваете вы,—давным-давно введено (ответит вам в большинстве сельская учительница), с тех пор введено, как только вышло распоряжение от начальства.

— В чем же, интересно, выражается трудовое начало в вашей школе?—продолжаете вы спрашивать.

— А вот прежде всего в самообслуживании детей. Дети у меня сами убирают класс, подметают пол, вытирают пыль и вообще следят за чистотой в классе...—А у меня так сами девочки и пол в классе моют,—скажет вам другая учительница,—а мальчики сами носят дрова в печь и сами топят ее...—Затем, скажут они вам,—у нас сами дети чистят картофель на кухне, сами подают на стол во время горячих завтраков, сами и убирают со стола. Кроме трудовых процессов по самообслуживанию дети занимаются лепкой из глины и клеят всевозможные корзиночки, домики и мельницы из цветной бумаги...—А у нас так недавно ввели даже плетение настоящих корзин из ивовых прутьев...—У нас картонажное ремесло введено и мы делаем настоящие коробочки, мы сами и книги переплетаем вот уже второй год, а соседний учитель ввел столярное и сапожное ремесла.

— Значит, дело по введению трудового начала в школах идет у вас успешно?

— Да как вам сказать... Уж очень тормозит делу разные нехватки: то одного материала нет, то другого, то уж очень в малом количестве. Да вот и сами-то мы мало подготовлены к этому. Другое ремесло и ввела бы, да не умею.

— Ну, а как дети относятся к этому трудовому началу?

— Ох! Дети с большой охотой выполняют все, что только ни введешь по самообслуживанию и с величайшим усердием занимаются всяким ручным трудом. Вот только их родители что-то косо посматривают на все наши нововведения. «Пустяками—говорят—разными стали заниматься в школах, а науку бросили». Некоторые даже своих детей перестали отпускать в школу.

Таковы, приблизительно, были у меня в прошлом году разговоры с учащими сельских школ! И, думал я, что же это за новая школа будет! Дети будут мыть полы, чистить картошку, а в некоторых школах в городе так сами дети даже дрова перевозили на себе (в саночках) из-за города для своей школы. И в лучшем случае, ведь, в новой школе при таком взгляде мы достигнем только того, что обратим нашу общеобразовательную школу в ремесленную. А ведь я себе мнил новую школу совсем не такой. Был я противником старой школы—учебы, «книжной» школы, но и эта новая школа вот в таком виде, в каком она представляется по рассказам учащих, тоже не то...

И решил я попробовать свои силы, попробовать провести в жизнь ту новую школу, какую подсказывает мне мое чутье, мой инстинкт, решил я уехать из города, выбрать место поглуше, чтобы там, в тиши, в спокое, провести новое дело. И вот я в деревне. Попадаю в школу под конец учебного года. Вследствие наступления весны, школьные занятия должны были перейти из школы в сад и огород. Но при школе ни сада, ни огорода не было. Я обратился к местным крестьянам с просьбой отвести хотя небольшой участок земли для школьного огорода.

Небольшой участок был отведен. Пока гряды копать было еще немного рано, то я решил воспользоваться вновь отведенным для школы участком земли и пройти с детьми землемерие. Предо мною лежала такого рода задача: поставить свои занятия так, чтобы научные познания дети приобретали не из книги только или устной беседы с учителем, а и из тех работ, которые они будут делать в школе своими руками, и, наоборот, вводить в школу только такой ручной труд, который бы был связан с изучением наук и который можно бы было всегда освещать научно. Случай был самый благоприятный для проведения в жизнь школы настоящих трудовых процессов,—тех, именно, трудовых процессов, которые бы вытеснили из школы «книжность», но и не вносили бы в нее характера бывших ремесленных школ.

Изучать то, что старая школа стала бы изучать книжным путем, при помощи учебника, картинок и т. д., мы начали чисто практически. Так, я вывел детей из класса на улицу и говорю им, что нам крестьяне дали участок земли для школы и вот мы должны отделить, отмежевать школьную землю от деревенской, при чем мною был поставлен вопрос, как это сделать. Разумеется, были такие предложения, как, например, поставить изгородь из жердей, частокола и т. д. Но как провести линии, по которым будет итти изгородь, и как соблюсти ту форму (с прямыми углами) отведенного участка, какая должна быть по договору с деревней? То, что предлагалось детьми для разрешения этих вопросов, или было неточно, что они и сами сознавали после нескольких со мной рассуждений, или было невозможно, как, например, протянуть по всей линии веревку, а веревки у нас не было и достать было негде. Тут мною и было сказано, что в науке существуют такие способы и приемы, при помощи которых все эти вопросы разрешаются и скоро и легко. И мы тут же приступили к изучению этих способов и приемов. Сделали несколько заостренных колышков, при помощи которых и начали провешивать прямую линию. Подыскивание колышков, их заострение, отыскивание места, куда нужно воткнуть колышки, и самое втыкание,—все это составляло самую живую и кипучую деятельность детей: они бегали, как муравьи, каждый стараясь выполнить свою работу. А наблюдение над тем, правильно ли идет прямая линия, строго велось более сознательным элементом детей. На их лицах было написано, что они не просто работают, а ведут «научную» работу, они сразу как будто бы выросли, стали большими, солидными и серьезными людьми.

Когда мы кончили провешивать прямую линию с одной стороны нашего участка, то тут же начали и рыть маленькую канавку по этой прямой линии, кидая землю в одну сторону, чтобы образовать этим маленький межничок, отделявший школьный участок земли от крестьянских владений.

Попутно с этими работами мною сообщалось детям о том, что такое межник, межевая яма, живое урочище и т. д., кто такие землемеры, зачем земля меряется и т. д., и т. д. И, таким образом, дети, копая своими руками маленькую канавку и делая межничок, в это же самое время приобретали новые познания: что такое межник, его значение, значение канавы на полях и лугах (помимо осушения местности), межевая яма, ее значение. Иногда свою беседу мне приходилось переносить в класс для того, чтобы на классной доске иллюстрировать свои сообщения.

Такая смена занятий то на школьном участке, то в классе замечательно освежала детей, а чередование умственных занятий с физической работой и приобретение научных познаний чрез самую работу руками усиливало внимание детей к новым познаниям и углубляло это внимание к изучаемому предмету.

Вот один ученик, копая канавку, говорит:

— А я видел в лесу большую канаву, должно быть, она также вырыта для отделения земли, там и яма есть и столб стоит.

— А у нас в прошлом году тоже мужики ходили в поле рыть канаву...—говорит другой мальчик.

— Ну,—перебивает его первый,—и сказал что! Ведь это, я думаю, рыли канаву-то так, без землемера...

— Там вода все стояла на полях,—говорит третий,—так вот ее и спускали канавой...

— А я и просек в лесу видел, это тоже, видно, одна земля отделяется от другой...

В таких разговорах протекала наша работа с канавкой.

Дальнейшая работа должна была заключаться в построении прямого угла на нашем участке при конце межника и провешивании прямой линии на следующей стороне участка. Но что такое прямой угол ученики совсем не знали, так как геометрия в школе не проходилась, а потому пришлось сообщить им те сведения по геометрии, где говорится об углах. Следовательно, наши занятия перешли опять в класс.

Хотя новые для учеников сведения по геометрии и были заимствованы из учебника старой школы, но заметно было, что отношение их к геометрическим познаниям было совсем иное, чем как бывало в старой школе. Здесь такие понятия, как прямая линия, угол, параллельные линии и т. д.—все это воспринималось детьми не как что-то сухое, безжизненное и подчас, бывало, казавшееся ученику старой школы что-то непонятное, ненужное, но как необходимое им для своих работ на земле, как научные познания, при помощи которых они будут работать на школьном участке; эти самые сухие знания по геометрии казались им чем-то жизненным, необходимым, сама жизнь как бы толкала их к изучению углов, перпендикуляров, параллельных линий и т. д.

Чисто книжные сообщения с чертежами на бумаге в тот же момент связывались и с пояснениями на огороде. И, таким образом, с теоретических занятий мы незаметно перешли к построению прямого угла на школьном участке. Здесь опять встречается затруднение: как же построить прямой угол на земле? Линейка и треугольник уже здесь неприменимы. Пришлось объяснить, что такое эккер и сейчас же приступить к работе этого инструмента. Общими усилиями (дети никогда не строгали) выстрогали составные части эккера и собрали его. Все это было для детей так ново, так интересно, а главное, одна уже мысль, что они сделали инструмент научный, весьма их радовала. Лица у всех были оживленные, светлые, радостные.

— Ваня, Ваня, смотри-ка, что получилось-то!.. Да и вертится!

— А как это называется-то, я забыл: э.. э.. эк...—говорит другой...

— Эккер!—подхватывает третий.

— А на улицу-то мы скоро пойдем? Интересно, как заработает наш эккер!

Вышли. Установили эккер и построили в конце нашего участка земли прямой угол.

— Вот так ловко!—замечает один ученик.— И как скоро-то! Теперь будем провешивать прямую линию?

— Да.

— Можно мне?

— А я колышки возьму.

— Я буду черту проводить...

И так предложения сыпались без конца.

Каждый выбрал себе определенную работу. И вот, кто с колышками идет, кто с лопатой, кто наводит прямую линию... Всем дело есть, все при живой работе.

Таким образом, закончили мы отмежовку школьного участка земли от крестьянских владений.

И на этой, как будто бы на первый взгляд и незначительной работе дети успели уже приобрести новые научные познания по землемерию и геометрии, тесно связав эти два предмета между собою и закрепив новые для них научные сведения практическим применением в жизни. Дальнейшая задача моего урока заключалась в том, чтобы изучение землемерия и геометрии слить дальше с арифметикой и черчением. Другими словами сказать, мне хотелось поставить свои занятия в новой школе так, чтобы научные предметы не изучались каждый в отдельности, как в старой школе, а имели бы между собою внутреннюю связь, разъясняя, освещая и дополняя друг друга. А потому дальнейшая работа моя предстояла в измерении нашего участка, составлении плана его в частности, в измерении площадей, занимаемых домом, предполагаемым садом, огородом, прохождении тут квадратных мер по арифметике, затем черчении плана и т. д., и т. д. Но наступала пора копать гряды и садить овощи, вследствие чего наш урок был прерван и оставлен до будущего года.

В это время получаю бумажку из уездного отд. нар. образования, что всем школам предлагается посадить по 12 мер картофеля, при чем семена мы, учащие, должны прежде всего постараться найти у местного населения.

Такое распоряжение невольно наводит меня на рассуждения. Ужели, думаю, весь наш участок засадить картофелем! Ужели все наши трудовые процессы в огороде должны выразиться только в посадке картофеля! Да и какой смысл показывать детям то, что они отлично уже знают. Местность здесь кругом

картофельная. Работа у крестьян почти всецело на картофельных полях. И дети крестьян с раннего детства видят, наблюдают и сами участвуют во всех работах по посадке и рытью картофеля. А насколько дети наблюдают окружающую их трудовую жизнь и с какого возраста, так в этом мне приходилось убеждаться не один раз, живя в деревне. Так, например, однажды иду полем, на поле работает женщина и около ее бегает сынишка лет 4—5. И слышу такой разговор:

— Мама! А эту полосу еще раз будут орать?

— Нет, она уже орана.

— А боронить два раза будут или один?.. А здесь что будем садить?.. и т. д.

И это спрашивает мальчик 4—5 лет! И после этого школа будет вводить у себя в широком масштабе такие трудовые процессы, как делание ямок, раскидывание по ним картошки, засыпка его, затем огребка и рытье, такие трудовые процессы, которые слишком знакомы деревенским детям. Ведь то, что обыденно, как говорится, навязло в зубах и что давно уже обратилось в чисто механическую работу у детей, не может быть интересным для них. Правда, можно культивировать этот труд. Но для этого нужно иметь разные сельско-хозяйственные приспособления, а у нас нет даже лопат своих и самому нужно иметь знания по культуре картофеля больше, чем у местных крестьян. Можно также поставить этот труд таким образом, что он будет связан с изучением естественной истории, но зачем тогда садить такое большое количество картофеля?

Целесообразнее будет наряду с посадкой картофеля посадить и другие овощи, но с таким расчетом, чтобы труд этот был посилен детям и большее количество времени оставалось бы на изучение во время работ естественной истории.

Все же не довольствуюсь своими соображениями, собираю школьный Совет, обсуждаю там этот вопрос, затем иду к местным крестьянам на деревенский сход и объявляю о распоряжении отд. нар. обр. с тою целью, с одной стороны, чтобы узнать мнение крестьянина на таковой труд в школе, а с другой стороны,—возможно ли получить у них семена.

И что же мне отвечает трудовой крестьянин. (на собрании было около 80 мужчин):

— Картофелю-то на семена нам не жаль, только дело-то пустое задумало ваше начальство. И что задумали наших детей обучать, как картошку садить! Да каждый наш мальчишка любого вашего профессора научит, как картошку-то садить. Нашли чему учить. Арифметикой-то бы больше занимались да чтением. А этому и мы сами не хуже обучим.

Я попытался было объяснить крестьянам, что картофель этот будет школьный и что дети зимой будут получать горячий завтрак в школе, который вводится по школам и который так необходим детскому возрасту. Но на это мужики только улыбнулись, считая такое нововведение уже как будто бы совсем несерьезным, при чем один из них и говорит мне:

— А ты, К. Л., о себе-то позаботься, ты-то что будешь есть зимой-то? Небось наши ребята наедятся, они сыты. И что нам ваши завтраки, мы обедом их дома-то накормим, так посытнее будет [1]). Да и не заботилось бы ваше начальство о наших детках, мы сами сумеем их накормить. Вот науке-то обучи их получше, а нам больше ничего и не надо... А что касается посадки картофеля на вашем огороде, так детишек своих мы все равно на-днях возьмем из школы, так как они нам нужны: кто за няньку дома останется, кто в поле поедет и будет садить свою картошку; будет и им вдоволь работки. Теперь начинается у нас рабочая пора, и мы до самой осени все в работе, и дома-то никого не застанешь.

И действительно, ученики один за другим стали книжки сдавать, оставляя ученье. И в школе в скором времени осталось 5—6 человек. Попробовал уговаривать сдающих книги учеников, но они и рады бы были остаться в школе, да дома не позволяют. Проверяю каждого ученика, правда ли он так необходим в семье, и убеждаюсь сам, что, действительно, каждый малыш дома необходим в это время: или он нянчится с ребенком, или он дом прибирает, заменяя собою мать, старшую сестру, тетку, которая идет в поле на работу, или он сам помогает в поле работать и тем самым ускоряет работу своей семьи.

И эта трудовая атмосфера, в которой растет и воспитывается крестьянский ребенок, еще того более убеждает меня в том, что вводить в сельскую школу то трудовое начало, о котором говорили мне, бывало учащие сельских школ, как-то: уборка классного помещения, чистка картошки на кухне и т. д., это значит ломиться в открытую дверь. Еще с раннего детства в трудовой крестьянской семье каждому ребенку такое трудовое начало прививает сама окружающая жизнь. Потому-то и дети так охотно берутся и выполняют все эти работы в школе, что они уже привыкли к ним и полюбили их еще у себя дома, в своей трудовой семье; потому-то и крестьянин смотрит на эти нововведения, как на пустяки какие-то, так как весь этот труд он считает самым обычным, повседневным своим трудом; а в школе—в школе другое дело: там науку проходят, там грамоте учат.

---

[1]) В школе учатся дети одной деревни, так что они в большую перемену ходят все домой на обед.

Все же кое-что я успел провести на своем огороде. Так, когда мы начали копать грядки под овощи, то этот трудовой процесс все время освящался наукой. Пусть ребенок не просто копает грядку (этому он и дома научится), а пусть он думает в этот момент о том: зачем он землю перекидывает, зачем ее рыхлит, зачем навоз туда кладет и что такое гниение, чему оно способствует.

Пусть он не просто думает, что делает грядку на огороде, или когда кладет навоз, так пусть не смотрит на этот процесс глазами крестьянина, что, мол, навоз это—удобрение для овощей, а он будет думать, что навоз кладется для того, чтобы в земле было гниение, а что такое гниение, горение—он знает; для гниения нужен кислород, последний есть в воздухе, следовательно, землю так нужно вскопать и взрыхлить, чтобы к навозу проник кислород; а гниение необходимо для образования углекислого газа, который способствует растворению в воде минеральных веществ, находящихся в почве и необходимых для жизни растений. И копание земли, таким образом, у него будет не просто приготовление земли на огороде, а как практическое применение в жизни тех научных познаний по физике и химии, которые он приобрел в школе, это с одной стороны. С другой стороны, это будет, как почва для научных исследований жизни растений. На вскопанных грядках ученик будет потом производить разные опыты в различной посадке одного и того же семечка, в различном уходе за ним и т. д. Будет следить за ходом развития того или другого растения; за его ростом, цветом и другими мельчайшими признаками той или иной обработки и ухода.

Благодаря такой постановке преподавания, благодаря таковым трудовым процессам и все эти кислороды, водороды, их соединения, разложения и т. д. будут в представлении ребенка рисоваться чем-то одушевленным, действующим в природе, как живые существа.

Одним словом, такие трудовые процессы в огороде и саду будут самой подходящей обстановкой для прохождения естественной истории и укрепления знаний по физике и химии. И неважно, если посажено детьми хотя бы даже микроскопически мало всяких овощей. Дело не в количестве посаженного, а в том, чтобы изучение жизни растений не носило книжного характера и было бы вынесено из стен школы—«учебы» на лоно природы, в сад и огород.

Потому-то меня так поразил впоследствии запрос уездного от. н. обр., в котором были, напр., такие вопросы:

«1) Какие и в каком количестве каждого сорта были получены овощи со школьного огорода.

«2) .... При чем отдел полагает, что в целях обеспечения школ семенным картофелем следует на будущий год оставить на семена от $^1/_3$ до $^1/_2$ получаемого урожая в зависимости от качества его».

Следовательно, если школа высадила 12 мер картофеля да урожай был сам-10, то на следующий год школа посадит уже 40 мер (5 четвертей).

Как будто бы школьный огород, это—сельско-хозяйственная ферма, откуда будут черпаться всю зиму продукты для горячих завтраков. Конечно, накормить детей,—это хорошо, но эксплоатировать их труд; отнимая у них то золотое время, когда они должны приобретать научные познания, для выполнения черной, ломовой работы, как посадка картофеля в большом количестве, его огребка 2 раза летом и рытье, для копки гряд под свеклу, морковь и др. овощи с целью большего производства овощей и т. д., и т. д., этому уже не место в новой школе. Мы должны беречь у детей не только каждый день, но и каждый час, чтобы последний не прошел в какой-нибудь однообразной и чисто-механической работе. Пусть уже лучше дети поиграют в свободный час между собою, чем убивать этот час на притупляющую скорее, а не развивающую работу.

Так закончились мои занятия, продолжавшиеся всего несколько недель. Но этот, хотя и маленький, опыт дал мне полное убеждение в том, что я стоял на правильном пути, что трудовые процессы в школе есть не всякий физический труд ученика и что термин «трудовая» школа дает не просто физическая работа учеников, а самое преподавание, которое в отличие от старого книжного преподавания должно проходить чрез физический труд учеников. Школа остается школой, но не фермой. Отсюда сияет свет науки вообще, а в частности и на сельское хозяйство.

Следовательно, трудовыми процессами в школе мы назовем, прежде всего, такой ручной труд, такую физическую работу, во время процесса которой дети или приобретают научные познания, или практически применяют уже полученные знания, или делают исследования в области наук.

С этими мыслями я начал и следующий учебный год. Итак, не мытье полов и чистка картофеля на кухне делают школу трудовою, а те физические работы, которые тесно связаны с изучением наук.

Но как быть по отношению ремесл? Ведь если держаться такого взгляда, который мною только что высказан, то многим ремеслам (чуть не всем) не будет места в новой школе. И действительно, если мы будем вводить в школу ремесла только как таковые, то наша общеобразовательная школа может принять характер бывших ремесленных школ. А я

опять повторяю, что школа должна остаться школою. И если она не должна быть фермою, то не должна быть и мастерской. Но если мы будем вводить в школу ремесла не для приготовления специалистов-ремесленников, а только как для приобретения практических жизненных навыков, то это будет совсем уж другая картина. Ведь жизнь человека мы должны изучать не с научной только стороны, но и со стороны практической.

Мало быть человеком только научно-образованным (в прежнем смысле этих слов), но нужно и жить уметь и понимать всю окружающую нас практически-трудовую жизнь человека.

Как сейчас помню, пришлось мне наблюдать одну молодую парочку (мужа и жену), устраивавших свой семейный очаг. Оба они образованные: он что-то вроде инженера, она кончила институт. Помимо службы они были богаты. Но при всем своем богатстве они часто сидели без обеда по целым неделям. Какая же причина того? Да у них часто менялась кухарка. И вот, когда последней не было, то они сидели без обеда. (Дело было в уездном городке, где не было общественной столовой.) Вот вам и научно-образованная женщина, а приготовить обеда себе совсем не умеет и в этом отношении совершенный младенец.

И не наблюдаем ли мы сейчас такие картины, как старые профессора со времени революции стали изучать новую науку: как согреть себе самовар и вычистить сапоги. Неестественно, в самом деле, постоянно витать в области мысли и не видеть и не знать окружающую нас повседневную действительность. Поэтому-то новая школа и стремится при помощи трудовых процессов привести всех учащихся к знанию и пониманию окружающей нас трудовой жизни, поэтому-то она ввела и такое трудовое начало, как работа на кухне, уборка помещения и т. д. Однако, не следует злоупотреблять подобными нововведениями.

Школьный работник, прежде чем начать работу в школе, должен осмотреться кругом, вникнуть в трудовую жизнь местного населения и тогда уже вводить в школу этого рода трудовое начало. Почему крестьянин против таких нововведений, как вообще физическая работа в школе. Да потому, что дети деревни с раннего детства живут в трудовых условиях жизни, принимая участие в ней вместе со взрослыми. И здесь школа будет лишь повторять то, что делается в семье, она будет прививать то, что уже привито детям в родном доме. Вводить поэтому такое трудовое начало среди крестьянских детей, живущих в условиях трудовой жизни, это значит ломиться в открытую дверь. Показывать в школе крестьянским детям, как затопить печь, сварить картошку, очистить ее и т. д., как подмыть пол в классе и т. п., это значит переливать из пустого в порожнее.

В то же время эта самая работа на кухне совершенно незнакома детям города,—тем детям, в семье которых обед готовит кухарка и кухня устроена отдельно от жилых комнат,—тем детям, которые или редко бывают на своей кухне, или и бывают, так только мимоходом. В этом-то школьные работники часто и грешат, что вносят в школу все нововведения по общему шаблону, не считаясь с окружающею их действительностью. То, что хорошо в городской школе, нередко бывает лишним в сельской школе, и наоборот. Бывает и так, что одни и те же трудовые процессы для одной сельской школы пригодны, но для другой неуместны. И это зависит от характера окружающей местности и занятий жителей. Правда, и в сельской школе такие трудовые процессы, как работа на кухне, были бы уместны, если бы возможно было культивировать этот труд и вести детей дальше того, что они знают в этой области. Но... нужно дождаться того времени, когда в наших школах будут образцово устроенные кухни, обилие съестных продуктов и т. д. Учить же кулинарному искусству тогда, когда соли нет, было бы безрассудно.

Какие же тогда, спросит меня сельский школьный работник, найдутся в сельской школе трудовые процессы, на которых бы дети приобретали практические жизненные навыки? Да сама жизнь укажет, что нужно ввести в данной школе и в данный момент. Тем-то новая школа и отличается от старой, что каждому школьному работнику приходится наблюдать окружающую школу жизнь и с нею связывать свои занятия, а не делать все по общему шаблону. Вот, например, на какие трудовые процессы наталкивала меня жизнь в моей школе. Так, помещение, где мы занимались, была простая крестьянская изба с русской печкой посредине. Помещение, как говорили мне ученики и предшественница учительница, было ужасно холодное: больше половины зимы совершенно невозможно было производить занятия. Ремонт здания был в прошлом году, но и тот не помог. Я осмотрел лом и заметил, что между фундаментом и самым зданием кругом всего дома сквозные щели на улицу. Собрал учеников, поговорил с ними о том, отчего вообще дом может быть холодным, поставил так дело, что сами дети отыскали причину холода в нашем помещении, и мы тут же приступили к устранению этой причины, а именно: принесли из лесу моху, проконопатили щели и тщательно устроили кругом всего дома завалину. Когда же пришло время вставлять зимние рамы в окна, то я тоже обратил

внимание детей, что рамы раньше вставлялись небрежно, при чем объяснил им, что тепло не пропускает из помещения на улицу не толщина двух стекол, а воздух, находящийся между зимней и летней рамами. А потому мы тщательно проконопатили все щели и заклеили как в зимних рамах, так равно и в летних. И в результате наших работ мы нынче сидим в тепле. Дети, мерзшие в прошлом году, ясно увидели, что значит приложить умеючи руки—и в одном и том же доме можно жить совершенно различно. А как часто приходится видеть крестьянина, страдающего от своей неумелости жить. Подобные практические навыки им прямо необходимо прививать и с раннего детства, именно со школы.

Или вот другой пример. Не было у нас вешалки в школе и детям некуда было вешать свое пальто. Столярные инструменты у нас были, и мы решили сделать вешалку сами. Работа закипела весьма дружно. Все ребятишки наперебой кричат:

— Я, я, я строгать!..

Когда же на верстаке двое начали строгать, другие беспрерывно подходят и говорят:

— К. Л., а мне что делать?.. У меня работы нет, дайте и мне что-нибудь! и т. д.

И таким образом вешалка была сделана. И надо было видеть, как дети радовались, когда приколачивали свою вешалку к стене и с каким наслаждением вешали они на другой день свои пальто, каждый на отведенный ему крючок, и как они отходили и любовались издали своей собственной работой,—чтобы сказать, нужна таковая работа в школе или нет, хороши эти трудовые процессы в школе или нет...

Правда, выходила не столярная работа, как бывает в мастерских, так как дети до сих пор не держали рубанка в руках, но ведь дело здесь, нам кажется, заключается не в чисто столярной работе, а в самопомощи и приобретении такого практического навыка в строгании, которое им будет необходимо в их обыденной крестьянской жизни.

Так, нам кажется, нужно вводить в школу и все вообще ремесла. Не громоздкие мастерские в школах нужно строить (им место там, где готовятся специалисты-ремесленники), а, дать детям возможность приобрести первоначальные приемы в каждом ремесле. Для таковой же цели не нужно обилие инструментов и всевозможные приспособления, а наоборот, должна играть большую роль изобретательность, приспособляемость и творчество детей; не важно, если есть нехватки в инструментах, так как эти самые нехватки развивают в детях большую изобретательность и приспособляемость, в чем особенно нуждается крестьянин, находясь далеко не в обеспеченных условиях жизни. Конечно, если бы у нас в школах были хорошо оборудованные мастерские и если бы каждый крестьянин имел возможность приобрести в любой момент все нужные ему инструменты, то как школа, так равно и вся наша страна пошла бы много дальше вперед в усовершенствовании всей жизни, но нужно считаться со временем и настоящим положением вещей и извлекать, нам кажется, нужно все, что возможно в данный момент, а не в будущее время: лучше синица в руки, чем журавль в небесах. Да ведь и задача школы заключается в развитии в детях изобретательности и творчества, а последние могут развиваться при любых обстоятельствах. И ко всему этому еще необходимо добавить, что в данный момент мы все равно не найдем такого громадного количества специалистов-учителей, чтобы обслужить все школы, а в то же время каждый из настоящих школьных работников в состоянии справиться с указанной мною работой, получив на курсах первоначальные навыки в каждом ремесле. Я знаю, многие из учащих скажут мне, что такая постановка дела, это—схватывание верхушек, и путного из этого ничего поэтому не выйдет; уж лучше основательно познакомиться с одним каким-нибудь ремеслом и основательно знакомить и детей с этим ремеслом. Но на это я скажу, что новая школа чрез такую постановку дела обратится просто в ремесленную школу, и то незавидную, так как немыслимо все школы оборудовать хотя бы даже так, как прежде были оборудованы ремесленные школы.

В новой же школе ремесла в данном случае являются только как средства, при помощи которых школа развивает в детях деловые качества, а при развитии последних она, главным образом, стремится к проявлению в детях инициативы, изобретательности и творчества. Не в меньшей, разумеется, мере она требует и от школьного работника творческой работы: не энциклопедически-специальных знаний требует она от школьного работника (что невозможно), а уменья приспособиться к данным условиям, к данному моменту и тесно связать свои занятия с жизнью местного трудового населения, вливая в самую гущу этой жизни свет науки и шаг за шагом совершенствуя ее в ее повседневщине. Для таковой же цели нужно быть не специалистом-ремесленником, а человеком жизни действительной и педагогом.

До сих пор я говорил о тех трудовых процессах, которые тесно связаны с изучением какой-либо науки, и о тех, при помощи которых дети приобретают практические жизненные навыки.

Но есть еще трудовые процессы в сельской школе, которые связаны с изучением заводско-промышленной стороны человеческой жизни. И старая ёще школа стремилась к изучению этой стороны жизни, устраивая всевозможные экскурсии на фабрики, заводы, в мастерские и т. д. и показывая учащимся самаю жизнь человека-работника в натуральном ее виде. Новая школа идет дальше. Она не довольствуется тем только, чтобы учащийся видел и наблюдал трудовую жизнь человека, но чтобы он и сам участвовал в этой жизни. Она стоит на той точке зрения, что мало только видеть и наблюдать, а нужно и руками самому поделать, чтобы иметь ясное и точное представление о виданном предмете.

Так говорят и сами дети. Как сейчас помню, один очень характерный в данном отношении случай из жизни наших дальних пешеходных экскурсий, которые я устраивал в продолжение 10 лет. Пришел я однажды с своими воспитанниками на стеклянный завод (в 1912 году). Кругом работа кипит. Я стал разговаривать с заведующим заводом и не прошло каких-нибудь 5—8 минут, как смотрю, моих экскурсантов около меня как не бывало. И что же! Все они уже на работе: кто тачку везет с бутылками, кто сидит около формы и зажимает в нее надутый стеклянный пузырь, кто и трубку держит во рту, силясь выдуть пузырь и т. д. Когда же мы ушли с завода, то дорогой один воспитанник и говорит мне:

—Вот теперь так я основательно познакомился с производством стекла, я все работы успел пройти от самого начала и до конца: и массу стеклянную составлял, и месил ее, и пузырь выдувал, много бутылок и перепортил, но все-таки добился своего, и около формы сидели тачку с бутылками возил в печь для обжигания. Уж этого производства не забуду до смерти.

Или когда шли лугами и видели, как косят косцы траву, то мало было детям только видеть, как трава валится под косой, а непременно дай им в руки косу, и они сами покосят, сами испытают эту работу. Когда ребенок видит какой-нибудь новый предмет, он непременно потянется потрогать его руками. Истины, конечно, все это старые, но проведение в жизнь этих истин еще ново до сих пор.

Совершенно случайно пришлось натолкнуться мне на мысль, нельзя ли некоторые экскурсии на фабрики и заводы заменить работами в школе. Когда мы читали о почве и стали говорить о том, что делается из глины и песку, и когда я стал рассказывать детям о кирпичном заводе, о гончарной мастерской, стеклянном заводе и т. п., как мои ученики, весьма внимательно слушавшие мои рассказы, заявляют мне: «Вот бы сходить на эти заводы и посмотреть, как все это делается». Но так как время было зимнее и кирпичный завод, находящийся от школы в 4 верстах, не работал, а гончарной мастерской и вовсе поблизости не было, то я предложил детям самим заняться деланием маленьких кирпичиков. Мое предложение было принято весьма радостно, и мы на другой же день достали несколько комочков глины, размочили ее, замесили, сделали маленькую форму для кирпича и приготовили несколько кирпичиков. Затем свои кирпичики положили на печь, где они сохли 5 суток. Спрашивается настоящий кирпич сушится от обжигания недели 2, но у детей не хватало терпения ждать такой срок, уже очень им хотелось видеть обожженный кирпичик. При чем некоторые из них заявили, что настоящий кирпич толстый, а поэтому он должен сохнуть дольше нашего маленького кирпичика. С этим, конечно, нельзя было не согласиться, и мы затопили нашу русскую печь, в которой кирпичики, как говорится, обожглись на славу. Радости детей не было конца,—так им нравилось дело рук своих.

После такого удачного опыта мы приступили и к устройству гончарной мастерской. Небольшая практика в столярном ремесле при делании вешалки нам уже пригодилась. Теперь дети не так неумело брались за рубанок и пилу, и по моим указаниям они скоро сделали гончарный станок. Столярная работа проходила у детей с таким же интересом к ремеслу, как и при делании вешалки, а мысль, что они делают целый станок, все время поднимала их настроение и без того бодрое, и они так увлекались работой, что уходили из школы тогда только, когда становилось совсем темно. Когда же станок был готов и когда они увидели вертящийся круг, то радость их была беспредельна.

Первый горшок пришлось сделать, конечно, самому, так как дети никогда не видывали, как делается глиняная посуда, а затем поочереди стали делать и все ученики. Каждый делал то, что рисуется в его воображении: чашку, блюдечко, горшок и т. д. Конечно, не у всех работа выходила удачною, но, ведь, опять замечу, дело здесь не в чисто гончарной работе, у нас не мастерская, выпускающая специалистов-гончаров, а в том, что дети через таковые трудовые процессы основательно познакомятся с гончарным ремеслом, так основательно, как—бывало—сказал мой воспитаник, уходя со стеклянного завода.

И таким образом этот маленький опыт показал мне, что замена некоторых экскурсий на заводы и в мастерские работами в школе вполне возможна. А если после этих школь-

ных работ сводить потом детей в настоящую мастерскую или завод, то и экскурсия такова будет иметь другой уже характер, чем было бывало, устраивались они в прежнее время. Приходилось мне пять лет тому назад устраивать и таковую экскурсию, т.-е. сначала ознакомить детей с ремеслом, а потом уже повести их в экскурсию в соответствующую мастерскую.

И результаты таковой экскурсии были несравненно поучительнее: тут и интерес у детей был гораздо больше, чем ко всякому другому и незнакомому ремеслу, и внимание ко всему окружающему сильнее; тут экскурсант смотрит на производство не глазами обыкновенного зрителя, а глазами мастера, желающего усовершенствоваться в своем ремесле.

И вот, подводя итоги своей работы, я прихожу к убеждению, что трудовые процессы, тесно связанные с изучением заводско-фабричных производств, составляют неотъемлемую часть программы новой трудовой школы и вполне возможны в любой школе, даже и в настоящий момент при всех наших недостатках в инструментах, материале и т. д.

Итак, трех родов, я бы сказал, должны быть введены в новую школу трудовые процессы. На первом плане должны быть трудовые процессы, тесно связанные с изучением наук. Затем должны быть трудовые процессы, развивающие в детях деловые качества, и, наконец, в третьих—трудовые процессы, чрез которые учащиеся знакомятся с заводско-фабричными производствами.

К. Студитский.

К практике трудовой школы.

1. В деревообделочной мастерской опытной школы.

Гудит электрический мотор.

15-летний Вася Бессонов—самый старший из школьников, умный, развитой, определенно занимающий общепризнанное положение лидера среди старшей группы, управляет машиной: держит регулятор, включает и выключает ток, подает в машину доски. Прочие учащиеся приносят ему и принимают из машины материалы.

Острая зубчатая лента пилки, как жало змеи, вонзается в толстую доску и мягко и гладко отрезает ее ровно настолько, насколько поставлен регулятор, насколько это нужно.

Затем доски переходят в другую машину, которая строгает и чистит их.

Шершавая грязная доска из машины выходит опрятной и блестящей, как стекло.

Опилки так и брызжут.

— Какая сила! — восклицает Гриша Хмелев, 14-летний, красивый курчавый мальчик, с умными светло-голубыми глазами.

Действие машины—особенно на мальчиков, поклонников физической силы — производит чарующее впечатление. Все дети, мальчики и девочки, с напряженным вниманием следят за каждым движением машины. Они чувствуют всем своим существом силу человеческого гения, изобревшего эти машины, каждый винтик, каждая гаечка которой так интересна, так привлекательна и полна значения на своем месте.

Работа идет без физического напряжения, гладко и легко.

Малышка, 13-летняя Женя Ягодкина, в отпиленном обрубке дерева считает рубцы и сообщает серьезно подруге результат своих наблюдений:

— Дереву 28 лет.

Этот секрет ей открыл руководитель работ, жизнерадостный молодой педагог, осмысливающий вместе с ребятами трудовые процессы.

Но вот в машине соскочил ремень. Вася Бессонов прилаживает его, однако не надолго—ремень снова соскакивает.

Тогда к машине подходит рабочий, заведующий мастерской, в серой засаленной куртке. В его опытных, мозолистых руках машина снова и режет, и гудит, и поет.

Тот наглядный факт, что машина, такая сложная, состоящая из бесчисленного количества частей, слушается необразованного рабочего, еще более говорит детям о силе человеческого ума.

2. Дрова.

Группка из 5 старших учащихся от 13 до 16 лет отправилась с руководителем на станцию железной дороги за дровами.

Утро было морозное. Декабрьский морозец пощипывал. Дети подняли воротники своих пальто, у кого воротники были, дули в кулаки, растирали уши и носы.

Рядом с руководителем шел Вася Бессонов, всегда во время экскурсий и прогулок шедший рядом с учителями, сидевший подле них на занятиях и засыпавший их вопросами. Руководитель обратил внимание на то, что ноги у этого мальчика окутаны в какие-то тряпки, видневшиеся из-под коротких дырявых полуботинок, втиснутые в такие же дырявые галоши.

— Почему у тебя ноги окутаны?—спросил руководитель.

— Да они у меня отморожены, — отвечал мальчик и, понизив голос, прибавил: — И руки, и уши, и нос отморожены.

— Где ж это тебе пришлось так их отморозить? — поспешил спросить руководитель, предполагая, что это произошло по какой-либо трагической случайности.

И тотчас после ответа он пожалел о том, что поставил такой вопрос.

— У мамы, дома, такая холодная квартира, — отвечал мальчик, нахмурив брови и, видимо, тяготясь тем, что ему приходится говорить об этом.

До самой станции он уже не проронил ни одного слова.

В конторе железной дороги смотритель из выписанных школе 10 саженей дров разрешил выдать только 4, сказав, что эти дрова надо взять сегодня, так как завтра их может не оказаться.

Приходилось брать частных извозчиков, чтобы взять дрова непременно в тот же день.

До школы от станции железной дороги было всего $^1/_4$ часа езды.

— Две тысячи рублей с подводы,—просил худощавый с золотыми зубами во рту подрядчик—возчик из купчиков.

— Да вы побойтесь бога,—усовещивал его руководитель.

— А почем хлеб?!—отвечал подрядчик.

Отпущенные дрова были 3-аршинные, сырые, тяжелые. Руководителю было ясно, что, если они и будут привезены на двор, то детям своими силами трудно будет перетаскать их в сарай.

— Мы бы дали вам и две тысячи рублей с подводы,—сказал руководитель,—если бы вы согласились сложить нам дрова в сарай, а то детям будет это непосильно.

— Ну, нет!—наотрез отказался подрядчик,—мы этим не занимаемся; рабочие вдвое дольше будут складывать дрова, чем повезут, за это время мы сделаем две ездки.

—А вы сходите к вокзалу, может быть, там найдете молодцов, которые вам сложат дрова,—прибавил он таким тоном, как будто делал снисхождение своим советом.

В это время к подрядчику подошел какой-то обыватель и предложил ему перевезти мебель. В виду того, что на бирже частных извозчиков больше не было, руководитель поспешил согласиться на предложенные подрядчиком спекулятивные условия.

Детей он просил следить за тем, как возчики будут накладывать дрова, и дал им рулетку измерить правильность кладки, а сам пошел к вокзалу искать народа для укладки дров в сарай.

Тут были дрожащие от холода, плохо закутанные в легкое платье прежние обитатели Хитровки. Голод и отсутствие вина выгнали их на заработки.

— Хлебом заплатишь—пойдем,—был одинаковый ответ всех их на предложение таскать дрова.

Возвратившись ни с чем на пути железной дороги, руководитель застал там такую сцену.

Мальчики с рулеткой в руках прикидывали, измеряя воза и так и сяк.

— Разве так мерят?!—говорил им возчик укоризненно, отнимая у них рулетку.

— Как смерить, чтобы вышло 4 сажени?—обратились дети в один голос к руководителю.

— А вы сообразите сами,— ответил он.

Начали соображать и измерять сообща с руководителем.

Получился практический урок арифметики на путях железной дороги.

Но пока они так высчитывали у последнего воза, извозчики с передними возами тронулись. Воза были далеко не полные. Пришлось руководителю бежать за ними, останавливать и спорить из-за каждого полена.

Приехав на место, возчики сбросили дрова с такой торопливостью, что один из них сломал впопыхах себе полок.

На дворе школы осталось свыше 80 тяжелых бревен.

Предстояла нелегкая задача перетащить их в сарай силами 12 старших учеников. (Остальные дети школы были еще слишком малы.) Оставить дрова на дворе — значило оставить их на разграбление.

Сначала попробовали переносить руками, но это было и неудобно, и тяжело; перекидывали, подымая бревна перпендикулярно или «на попа», как говорили дети, но это было еще тяжелее, требовало напряжения всех сил всей группы, хотя и нравилось детям.

Вася Бессонов с Карпушей Пудовым, родившимся и выросшим в деревне, а потому практичным, приловчились перекидывать бревна по проложенным в два ряда, в виде рельс, двум бревнам; дело пошло гораздо скорее и легче.

Женя Ягодкина, девочка с большими наклонностями к изобретательности, усовершенствовала это, приспособив веревку, которой они с Гришей Хмелевым зацепляли бревна за концы и тащили их волоком по проложенным поперек бревнам.

Не в таком ли направлении шел и человеческий гений, изобретая и бичеву бурлака, и рельсы железной дороги, усовершенствуя и культивируя свою жизнь?

Но на-ряду со светлыми сторонами надо отметить и темные пятна.

Мобилизованы были все силы: и учителя, и ученики, и дворник, и кухарка. Последняя

тотчас ушла под тем предлогом, что ей пора топить печи; дворник большую часть времени курил махорку, балагурил с мальчиками, говорил им исподтишка сальности и, перетащив 2 бревна, тоже собрался уходить.

Его остановил председатель школьного совета.

— Вы куда?

— Да, чай, я уморился.

— Но вы вернетесь работать?

— Как же! буду я надрываться!?—отвечал дворник угрюмо.—А не хотите—давайте расчет,—заключил он дерзко.

Приходилось мириться с этим, держаться за данный персонал, делавший хоть что-нибудь, чтобы не остаться совсем без людей.

Вся работа оставалась на детей. Сознавая, что это делается для них, дети работали безропотно целый день.

И в числе их таскали бревна и недавно болевший аппендицитом Вася Бессонов, и перенесшая прошлой зимой сыпной и возвратный тиф Женя Ягодкина.

Сознание этого томило душу, но сделать исключение этим детям нельзя было, так как и остальные работать не стали бы.

3. Задача жизни.

Местному совдепу потребовался обмер школы. Председатель школьного совета принес оттуда чистые бланки и просил детей заполнить их, предварительно измерив все помещение.

По данным этой анкеты требовалось показать длину, ширину, высоту, площадь и объем в аршинах и вершках всех занимаемых школою комнат.

Дети организовали предварительное собрание, разбились на группы, распределили между собой комнаты. Так как рулетка в школе была только одна, то дети наделали себе из бумаги и картона аршины, разделили их на вершки, вооружились для записи карандашами и бумагой и рассыпались по помещению школы.

За час все было обмерено.

По предварительному уговору, после обмера дети собрались опять все вместе для подсчета и подведения итогов.

Начался подсчет. Умножение, превращение; длинные ряды цифр. Головы и карандаши работали; губы шептали; наиболее увлекающиеся натуры считали вслух.

Все были заняты делом.

Несколько раз руководитель предлагал сделать перерыв, но дети просили дать им возможность кончить, и считали под-ряд 3 часа.

— Я подсчитал уже две комнаты,—заявил весело Вася Бессонов.

— А мы с Гришей три, — сказала Женя Ягодкина.

Никто из детей не бросил работы, пока не кончил.

4. Крольчата.

После занятий, в ожидании обеда, дети устроились перед топившейся печью и читали рассказ Чехова «Ванька».

В печи потрескивало и шипело.

Книга переходила из рук в руки.

Образ забитого Ваньки живо обрисовался в воображении детей. Они сидели не шелохнясь, жадно слушая, боясь проронить каждое слово.

Как вдруг в комнату вошел Гриша Хмелев, только что вернувшийся с поезда из колонии. Через плечо у него висели две корзины, завязанные сверху холстом.

— Крольчата приехали! — вскрикнули дети, повскакивали с мест (книга выпала из рук читавшего ее и упала на пол), сняли с плеч Гриши корзины, опустили их на пол, развязали и вытащили из них 8 маленьких мохнатых комочков.

Черные, серые, серебристые, белые с блестящими прозрачными черными, коричневыми, светло-розовыми глазками — эти живые, подвижные зверки сразу овладели целиком всем вниманием детей.

Дети брали их за хребты, целовали в мордочку и опускали на пол.

Женя Ягодкина взяла одного крольчонка за брюшко и посадила к себе на колени.

—Не бери за живот, переломаешь ребрышки, они у них слабые, — сказал ей Вася Бессонов, по инициативе которого было куплено первое гнездышко кроликов и привезено им в колонию.

Он был главным руководителем по уходу за кроликами; хотя дежурства несли все дети. К нему обращались за решением всех недоумений и споров. Он один из детей знал, что кормить кроликов можно сеном и что лучше подмешивать в корм селитру, чтобы мясо имело приятный вкус, а что от капустного корма оно имеет вкус неприятный, что взрослый кролик мясной породы весит до 20 фунтов, а серебристый меньше, но зато у него ценен пух, и что плодятся кролики несколько раз в год.

Все это он прочел в маленькой брошюрке, единственной, которую нашел в магазинах по данному вопросу.

Эти знания делали его авторитетом в глазах других детей.

Н. Автухов.

Трудовой год.

Работа с рабочими подростками в 1918—1919 году.

Вступление.

В мои задачи не входит охватить всю сложность работы, произведенной центральной секцией в 1918—19 году. Своим очерком я решил поделиться только о работе в районе, где мне выпало на долю провести истекший учебный год.

Нужно полагать, что однотипность работы была в целом московском масштабе, а потому и те наблюдения, те взгляды и мысли, которые у меня сложились за период работы, будут не лишены интереса и для работников в области построения школ-клубов для рабочих подростков и других районов.

Нужно заметить, что пережитое слишком чувствительно, так как весьма много пришлось положить энергии для того, чтобы создать в один год целую сеть учреждений, где бы рабочие подростки могли пополнить тот запас знаний, который они не могли получить за прежние годы.

Работа была настолько нервозна, настолько пришлось напрягать силы и энергию, что многие педагоги не выдержали и слегли на больничную койку. Возраст рабочего подростка настолько анархичен, что не укладывается ни в какие юридические рамки и, если принять во внимание его самостоятельную жизнь и распоряжение им денежными средствами, то станет понятно, почему так трудно, так тяжело было работать в школе-клубе.

Однако, несмотря на всю сложность психологического уклада подростка, на его типичность, разделявшуюся на бесконечное число единиц, все же в течение года, только по приблизительному подсчету, в этих новых культурных уголках училось около семи-восьми тысяч подростков.

И я, делясь об организации и жизни их в районе моей работы, подагаю, что мои товарищи по работе дадут соответствующие доклады для дальнейшего строительства школ-клубов.

Нужно при этом заметить, что школы-клубы, встреченные не совсем доброжелательно большинством педагогов, в настоящее время настолько завоевали себе права гражданства в школьно-педагогической жизни, что вполне имеют право на свое не только существование, но и широкое развитие.

I.

Работа по внешкольному образованию в Сущево-Марьинском районе мною начата в первой половине 1918 года.

Главная цель моей работы была направлена на организацию рабочих митингов и библиотек при *фабриках и заводах*. В конце октября 1918 года мне было предложено перейти на работу по организации рабочих подростков, открывая для них школы-клубы в Сущево-Марьинском районе.

Принимая во внимание всю *важность работы* по организации юношества, я охотно принял это предложение, имея в виду свой прежний опыт, работая в кружках подростков подписчиков журнала «Доброе Утро» и многих других.

В момент моего вступления в новую обязанность в районе была открыта всего одна вечерняя школа-клуб для рабочих подростков, в которую записалось до 150 человек с фабрики военно-артиллерийского завода мастерских при Бутырской тюрьме.

Дело было далеко не налажено в школе, так как совершенно отсутствовал педагогический персонал.

По проекту центральной секции в районе должны были открыться 8 школ-клубов.

Сознавая, что в деле организации подростков главную роль могут играть не учителя, а тем более первой ступени, отставшие по своему воспитанию от принципов трудовых школ, я с первых же дней привлек для этой работы более развитых и идейных рабочих.

Они-то оказали большую помощь Отделу Народного Просвещения в деле открытия школ-клубов, заменяя в них зачастую собой педагогов.

Для того, чтобы иметь опору и надежных по идее рабочих, я разослал всем фабрично-заводским комитетам района повестки, приглашая на собрание, при чем заранее в повестке мной была указана цель такового.

На собрании представителей были изложены цели и задачи школы-клуба, набросана приблизительная программа.

Некоторые представители сейчас же взяли на себя различные обязанности: одни из них изъявили желание работать по снятию подростков, другие взялись прочесть несколько докладов о кодексе труда и значении профессиональных союзов.

Это обстоятельство внесло живость и энергию в работу, и подростки, чувствуя себя не в среде только учителей, непонятных им по укладу жизни людей, вели себя на беседах и лекциях таких представителей удивительно хорошо. Да и самодисциплина у посетителей школ-клубов с первых же дней.

благодаря этому, была поставлена на надлежащую высоту. Не было заметно тех ненормальных выходок в виде битья стекол, и т. п., которые имели место позднее.

Когда силы были подготовлены, уже в первых числах ноября, было открыто почти одновременно еще три школы-клуба и один районный клуб при бывш. Марьино-Рощинском Народном Доме. Школы-клубы были открыты в следующих местах: школа № 2-й на Бахметьевской улице № 21, в районе местонахождения фабрик Зотова, Форнарин и Густав Лист, школа № 3-й в районе Марьино-Рощинско-Останкина, где имелось в виду обслуживать и организовать подростков мелкоремесленников и железных дорог Виндавской и Николаевской, школа-клуб № 4-й на Сущевской улице № 39, куда, главным образом, были направлены подростки при Двинских мастерских.

Всего к декабрю 1918 года во всех школах-клубах было записано подростков около 600 человек. Распределялись они таким образом:

В школе № 1—140—150 человек, в школе № 2—80—90 чел., в школе № 3-й—70—85, в школе № 4-й—160 человек. Позднее была открыта школа № 5-й при школе имени Сурикова для Миусского района, куда, главным образом, были направлены подростки с фабрики бывш. Кушнерева и мелкоремесленники. Записано было к концу декабря в школе 141 человек.

В районном клубе при Марьино-Рощинском Народном Доме записалось 168 человек.

Для более успешной пропаганды школ-клубов были организованы, помимо представителей фабрично-заводских комитетов, специальные комиссии из подростков, которые послали своих представителей вместе с педагогами по фабрикам и мелким предприятиям со следующим воззванием, выработанным коллективом подростков:

«Товарищи рабочие подростки!

«Великое дело делают наши братья взрослые, грудью защищая нашу свободу, наше социалистическое отечество там, на фронте. Но завоевание свободы — завоевание счастья всем трудящимся только тогда прочно и сильно, когда мы одновременно будем завоевывать знание, побеждая тьму и невежество. Только в знании—окончательный залог победы, только победой над тьмой и невежеством добудем мы счастливую жизнь для себя и своих братьев, только знанием победим мы проклятый капитал.

«Итак, товарищи, все в школу, все за книгу.

«Товарищи рабочие подростки, от вас самих зависит победа над капиталом. Вы наследники свободной жизни. Вы граждане мирового братства народов.

«Стремитесь запастись знанием. Помните, только знание побеждает тьму, победа над тьмой — победа над капиталом и капиталистами.

«Товарищи, если вас не отпускают хозяева, то шлите нам свои заявления.»

Такое воззвание, да еще разнесенное самими подростками, имело решающее значение для мелких ремесленников окраин района. Подростки, не отпускаемые ранее из предприятий мелких мастерских, стали появляться в школах-клубах. На тех же из хозяйчиков, которые не отпускали, стали поступать заявления от подростков.

В конце марта явилась насущная потребность открыть 6-ю школу-клуб в районе Старо-Екатерининской больницы для обслуживания ближайших фабрик и мелких мастерских. В школу было записано 48 человек. Предполагаемое открытие еще двух школ-клубов не могло осуществиться, вследствие близости лета и отсутствия идейных работников в этой области.

Таким образом, за период 1918—19 года было в школах-клубах организовано около 900 рабочих подростков, находящихся во всех концах района.

Отношение фабрично-заводских комитетов к организации школ-клубов рабочих подростков.

В начале организации подростков и перемены их часов занятий с 8-ми часов на 6 часов, казалось, пройдет безболезненно, и совершенно не предполагалось, чтобы со стороны фабрично-заводских комитетов мы встретили какое-либо препятствие. Однако дело пошло далеко не так, как это желалось. Многие фабрично-заводские комитеты упорно не хотели отпускать подростков, являющихся подручными тех или иных мастеров. При этом они указывали нам на то обстоятельство, что при отпуске на 2 часа ранее подростка поведет и к сокращению для мастера работы естественным путем.

Особенно упорствовали на этом парфюмерные и типографские фабрики, где на одного мастера приходится несколько подростков.

Дело дошло до того с фабрикой Форнарин, что последняя закрыла таковую на несколько дней, и об'явила всем подросткам двухнедельный расчет.

В типографских предприятиях стали подростков переводить на сдельную работу, и таким образом подкупали его оставаться эти два часа.

Мало этого, некоторые фабрично-заводские предприятия просто не стали подростка брать с биржи труда, если он был записан, как подросток, да и подростки 17 лет сами не записывались, как подростки, боясь меньшего оклада содержания.

Нельзя сказать, чтобы они все-таки не посещали школы-клуба.

Правда, они не ходили на методические занятия, но приходили, и очень даже охотно, на занятия клубного характера.

Были случаи, когда мелкоремесленные предприятия открывали целое гонение на подростков и упорно не хотели их отпускать в указанное время. И особенно в таких случаях оказалось трудно принудить отпускать из столовых и чайных советских учреждений. Заведывающие этого типа предприятий настолько оказались невежды, что были случаи жалоб на «непослушных» в отделы питания.

Во многом этот вопрос с фабрично-заводскими и мелкоремесленными предприятиями остался открытым и до настоящего момента.

Очевидно, в этой области осталось много недоговоренности, так как с призывом подростков во всевобуч их посещение в школы-клубы пало на 30, а местами на 40%.

Для того, чтобы как-нибудь уладить вопрос с отпусками, пришлось обратиться в районную инспекцию труда, с одной стороны, и влиять на фабрично-заводские комитеты—с другой. Для этого пришлось сделать около семи собраний при районе с представителями фабрично-заводских комитетов, представителями подростков и педагогов. Собрания возымели свое действие и большинство фабрик, как-то: Густав Лист, Зотов, Двинские мастерские, Военно-Артиллерийские заводы, Бутырские мастерские, стали отпускать своевременно подростков, за исключением фабрики бывш. типографии Кушнерева, которая и до настоящего времени упорно отказывается содействовать организации школы-клуба.

Еще хуже обстояло и обстоит дело с мелкоремесленными предприятиями. Последние не только не отпускали подростков своевременно, но и выгоняли их немедленно, как только узнавали, что подросток ходит в школу-клуб.

Для того, чтобы так или иначе провести меру о 6-часовом рабочем дне среди мелкоремесленных предприятий, пришлось опять прибегнуть к организации самих подростков. При клубе были избраны комиссии специального назначения. Выборные ходили по мастерским, где не отпускали подростка, составляли протокол и сообщали району.

На таких хозяйчиков пришлось воздействовать административным путем. При этом энергия и умение защищать свое право подростками выявились удивительно. Они сознавали важность школы-клуба и упорно хотели возможно большее число привлечь в его стены. Они уже не довольствовались ролью ученика, рядового школьника, им хотелось быть в роли организатора...

Злоупотребление подростков отпуском на 2 часа.

Первое время, когда мы организовали школы-клубы и объявили по фабрично-заводским предприятиям об отпуске подростков на 2 часа ранее, то мы говорили, что эти два часа они проводят в школе-клубе, т.-е. пополняют свой рабочий день этими двумя часами, с чем и согласились фабрично-заводские комитеты, отпуская подростков ранее.

Но с течением времени декрет о 6-часовом рабочем дне подростка стал толковаться в плоскости необязательности посещения его школы-клуба.

Такой оборот дела сразу повернул ход организации в противоположную сторону и в школах-клубах стало убывать подростков приблизительно на 25—30%, и тех, которых отпускали с фабрики в школы, стали встречать торгующими различными предметами на улицах.

Заволновались оставшиеся подростки и еще более подняли ропот фабрично-заводские комитеты, стали предъявлять претензии к школам-клубам вплоть до требования смены руководителей.

Таким образом получилась картина в школах-клубах следующего характера: если вначале посещало 90% из отпускаемых с фабрик, то к моменту перелома стало посещать 50—60%.

Невольно стал выдвигаться вопрос,—кто же виноват, что мы вместо науки стали из подростка вырабатывать мелкого спекулянта.

На сцену выплыл вопрос об обязательном посещении подростками школ-клубов.

Пришлось пересмотреть декрет с представителями заводских комитетов, инспекции труда и подростков. После долгих споров, наконец, абсолютное большинство высказалось за обязательное посещение подростками школы-клуба в течение этих двух часов.

Хотя это постановление, несмотря на авторитетное собрание, вынесшее его, все же не дало того, чтобы подростки посещали школы-клубы аккуратно: многие под различными предлогами стали систематически пропускать уроки, а спустя некоторое время и совершенно исчезали.

Ясно было, что таких подростков весьма трудно привлечь в школу-клуб. Были и такие случаи, когда подросток, опаздывая систематически, все же приходил к концу школьных методических предметов, предпочитая одни клубные занятия. Спорить и доказывать такому субъекту пользу грамоты не приходилось,—он с первого же раза заявлял, что не хочет учиться предметам школьного характера, так как это де и в школе надоело.

Таким образом, при 4-часовой системе в школе-клубе он был юридически прав перед заводским комитетом, ибо декретированные два часа были выполнены.

Но эти случаи были не весьма часты, большинство же ушедших явно оказалось в рядах торгующих уличных мальчиков. Кто виновен в этом, судить трудно.

По этому вопросу пришлось созвать несколько собраний, как педагогов, так и представителей фабрично-заводских комитетов. На собраниях был выработан план контроля фабрично-заводскими комитетами в виде проверочных талонов на каждый день. Такие талоны ввели всего две-три фабрики, остальные, несмотря на достигнутое соглашение, как-то уклончиво относились к этому. На вопрос—почему, они ответили, что декрет говорит только о работе подростков 6-ти часов и совершенно не обязывает заводско-фабричные комитеты контролировать их дальнейшее местонахождение.

Пришлось удерживать подростков только средствами заинтересованности его в школе-клубе.

Но при этом положение педагогического состава было невыносимо тяжелым, так как уже терялись всякие юридические рамки школ-клубов и открывалась вольная школа-клуб с текучим элементом.

Работа в школах-клубах.

В школьно-клубной работе нам пришлось столкнуться с тремя весьма существенными недостатками:

Первое,—это отсутствие вполне подготовленных идейных работников в этой области, второе—отсутствие пособий и третье—отсутствие специальных помещений для школ-клубов.

Пришлось все помещения приспосабливать заново и в большинстве случаев в помещениях школ первой ступени. На почве пользования пособиями, инвентарем и проч. начались столкновения педагогического персонала. Руководители первой ступени упорно не хотели считать, что к ним пришла такая же школа, но только иного типа и с новыми принципами. Они, запирая шкапы с пособиями и электрические лампочки, давали их только после настоятельного требования Отдела Народного Образования.

В подростках большинство из них увидало каких-то уличных, недисциплинированных мальчишек, способных украсть, разбить и т. п.

С этим явлением приходилось бороться при открытии каждой школы. И настолько комично было видеть такое явление: учителя утренней школы, где предполагалось открытие школы-клуба, приходили в Отдел и всячески доказывали неудобство их помещения, а когда это не помогало, так они просто просили не вселять им подростков — «иначе они все искарежат», подлинное их выражение.

Благодаря еще многим причинам в открытых семи школах-клубах, только в некоторых клубные занятия дали прочное начало, в остальных же преобладали методические школьные занятия, приближающиеся по своей программе к городским школам повышенного типа.

Программа школьных занятий была разделена на три, а в некоторых школах-клубах и на четыре группы.

Первая—малограмотных, вторая—более грамотных и третья—окончивших городское училище и несколько классов гимназии. Четвертая группа состояла из совершенно неграмотных, она выделялась в особый класс и с ней велись занятия по русскому языку и арифметике с первых шагов грамоты. Остальные же предметы, как по истории, естественным и географическим наукам они слушали вместе с учащимися первой группы.

В таких безграмотных группах было от 10 до 25 человек.

В остальных группах предметы распределялись сообразно познаниям учащихся. Больший интерес был проявлен подростками к истории и истории литературы: многие из них писали рефераты и изложения, хотя нужно заметить, что в некоторых школах-клубах настоятельно просили ученики проходить с ними грамматику, синтаксис и математику, начиная с простых дробей.

К концу зимнего периода многие подростки стали просить, чтобы им сделали проверочный зачет; а некоторые более развитые настаивали открыть для них специальную школу, где бы они могли готовиться на звание учителя.

Вопрос, поднятый подростками о специальном выделении особой группы, неоднократно дебатировался на районном собрании педагогов, и на одном из них было постановлено, чтобы такого типа школу-клуб открыть человек на 30—40 хорошо подготовленных рабочих подростков с определенно выработанной программой.

В задания этой школы-клуба входило — в течение года подготовить школьно-клубных работников. В программу занятий входили как школьно-методические занятия повышенного типа, так и клубные, при чем имелось в виду одновременно давать подросткам некоторые практические поручения в области организации подростков и поддержки имеющихся школ-клубов.

В клубных работах, в их всесторонних разветвлениях наибольший расцвет получил клуб имени Л. Н. Толстого, в котором вся работа разбилась на секции-студии. Таких секций получилось восемь: хоровая, драматическая, столярная, резьбы по дереву, музыкальная, литературно-общественная, кройки, шитья и вышивания, художественная.

В других школах-клубах образовалось не больше двух-трех секций. Это объясняется отсутствием руководителей, а главное отсутствием материалов для дальнейшего их развития.

Кроме того, как я уже говорил, помещения не дают возможности развернуть клубную работу, хотя отсутствие последней явно сказывается на всей организационной работе школы-клуба, а также и на самодеятельности подростков.

Если в школьно-методических занятиях подросткам представляется сторона только учебно-воспитательная, то в клубно-секционной все зависит и зависело от самодеятельности подростков. Здесь проявляется их самодисциплина, которая подогревается необходимостью одного перед другим серьезного отношения к данному предмету. Было замечено, что та секция процветала и сделала большие успехи, где было большее число активных подростков, спаянных единодушным отношением к своей секции.

Если в методических предметах все зависит от интереса к предмету и главное уменья заинтриговать подростка руководителем, то в клубной работе подросток сам имеет возможность своей любознательностью иметь давление на руководителя. Ориентация в клубных предметах необыкновенно быстро схватывается сообразительностью подростка. Так, я уже указывал, в предметах научно-методического характера самый большой процент падал на общественно-исторические предметы и такое явление подсказало нам, что подросток чутко прислушивается к переживаемому моменту и ищет объяснения к нему в происшедших событиях в прошлом.

Начав занятия в школах-клубах без какой-либо определенной программы, мы, подводя итог нашей работы к концу года, увидели, что цель и задачи подростка в своем большинстве разделились на три главные части. Первая из них — это быть политически грамотным и разбираться в вопросах дня, вторая—утилитарно-техническая, это подчинить или лучше приспособить предметы, познаваемые в школах-клубах, к добыче лишнего заработка, и третья — это быть грамотным вообще.

Говоря это, я основываюсь на тех типичных сторонах и психологическом укладе подростков, прошедших через школьно-клубные организации и уже многих из них приспособившихся к другой какой-либо работе, оплачиваемой дороже его прежнего заработка.

В предметах методических, благодаря сменяемости состава учеников да и учителей, приходилось быть очень гибким, но все же за зиму прошли по арифметике и математическим наукам вообще, начиная с простых чисел, если считать старшие группы, то до правил процентных вычислений, а в некоторых школах прошли алгебру до уравнений с двумя неизвестными. По истории у большинства школ-клубов не было систематических уроков, а были беседы, освещающие разные эпохи восстаний и борьбы трудящихся в разных странах с поработителями.

Конечно, далеко не были в совершенстве подобные исторические экскурсии, но все же они давали подростку глубже узнать исторические истины!

По истории литературы главное внимание было обращено на народное творчество и разбор тех эпических и типичных произведений, которые носили явно общественный характер; было также прочитано до 10 лекций и бесед, посвященных творчеству писателей из народа, как-то: Посошка, Цыганкова, Кольцова, Шевченко, Никитина, Сурикова, Максима Горького, Савихина, Разоренова и некоторых современных пролетарских поэтов.

По русскому языку не было достигнуто единодушия. Каждая школа проходила, сообразуясь с познаниями подростков, только к концу года можно было определенно подметить, что все уроки носили характер учебы. По заявлению руководителей это делалось по желанию самих учащихся. Когда пробовали отступить от этого, то многие подростки переставали посещать, меняя школы-клубы на школы грамоты для взрослых.

Несомненно, что школьно-клубные занятия дали бы результаты в несколько раз большие, если бы они происходили в специально оборудованных помещениях, снабженных в первую очередь предметами первой необходимости.

На очередь выдвигается вопрос о специально организованных домах рабочих подростков, но об этом в другой раз.

Что было сделано подростками в зимние месяцы.

Зимний период школ-клубов показал нам с точной очевидностью, что такого типа учебные учреждения необходимы так же, как необходимы и школы первой ступени. Если в последних дети приобретают первоначальные познания, то в школах-клубах подростки получают и познания, и разумный отдых. Но самое главное здесь они приобщаются к гражданственности, слушая политическую грамоту, и таким образом открытыми глазами смотрят на текущие вопросы жизни.

Для целей более объективного суждения о моменте в школе-клубе имени Толстого мне пришлось посвятить один день в неделю раз-

бору газетных статей, при этом подростки сами дали этому дню название, наименовав его «газетный день».

Газетный день отличался своеобразием от остальных дней тем, что он проходил в виде общего собрания, на котором прочитывался ряд статей сообща, затем задавались вопросы о прочитанном, и о слышанном и виденном за неделю.

Попутно разбирались программы политических партий, их отношений к трудящимся и общность работы.

Иногда подростки приносили свои статьи или рефераты. Правда, таких рефератов не так было много, но все же они давали возможность судить о настроении подростка, о его переживаниях и отношениях окружающей среды как к школе-клубу, так и к Советской власти.

Для того, чтобы развить солидарность среди подростков всего района и объединить, сплотить их теснее около школы-клуба, пришлось устроить ряд литературно-вокальных вечеров, куда приглашались подростки всего района.

Таких вечеров-митингов было устроено семь. Исполнителями в них являлись сами подростки, при чем каждый раз делалось вступительное слово или специально-присланными партийными ораторами, или одним из руководителей.

На некоторых выступали и сами подростки-клубисты из Союза Коммунистической Молодежи.

Такие объединенные вечера привлекли много в школы-клубы и неорганизованных подростков. Тип нового посетителя школы-клуба внес некоторый диссонанс, так как вновь прибывшие зачастую не подходили ни к одной из существовавших групп в школе-клубе, но все же то, что они появились среди организованных юных пролетариев — этим было достигнуто многое.

Кроме тех методических и политических познаний, каждая школа-клуб проявила себя и в области рукоделия. На Всероссийской выставке по экспонатам можно было убедиться, что школы-клубы в области трудовой школы достигли максимума своего назначения. Разнообразие экспонатов давало возможность видеть многогранность запросов подростка.

Здесь были работы с деревом, разные фигуры, лепка, шитье, художественные работы от разрисовки сценированных сказок до художественных плакатов на комедию «Бедность—не порок».

При взгляде на экспонаты трудно даже было сказать, чего определенного хочет подросток, какие запросы волнуют его больше всего. Одно было можно заключить, что он желает быть прежде всего человеком и сознательным гражданином.

Определить психологию подростка, его интуитивность в один год существования школ-клубов нам не удалось; одно лишь подмечено нами, что эта молодая сила нашла себе опору в эти тяжелые дни в школе-клубе и вполне осознала смысл принципа труда и науки: это уже многое.

Весенний период.

С говором ручьев было много надежд на школы-клубы. Первое—это хотелось отправить подростков в дальнюю колонию.

Отправка подростков в колонию и отправка их в южные губернии впервые выплыла среди школ-клубов. Необходимо было дать подростку ориентироваться в той местности, куда предполагали ехать, нужно было познакомить его с условиями быта и жизни населения. Кроме того, организационный вопрос сам по себе отнял много времени. Прежде всего необходимо было выяснить, что же будут представлять из себя эти дальние колонии.

Остановились на мысли, что это будут трудовые коммуны и являться образцом для южных жителей, но здесь же попутно встал вопрос с отпусками подростков заводско-фабричными предприятиями на все летние месяцы. Вопрос был весьма важным. Большинство предприятий наотрез отказалось отпустить их на все лето. Никакие компромиссы не были доказательны. Заводские комитеты даже без содержания не желали отпустить подростков. Вследствие этого мысль о массовой отправке подростков на полевые работы на юг отпала совершенно. Осталось подумать о тех, которые пожелали ехать во что бы то ни стало, хотя бы такой отъезд грозил им окончательным увольнением из предприятия.

Наконец, был намечен один из уездов Полтавской губернии, куда и стали готовиться те группы, которые туда предназначались.

Вместе с этим возник вопрос о рабочем дне в колонии. После целого ряда дебатов и рассуждений был положен в основу четырехчасовой рабочий день.

Так была закончена подготовка в дальние колонии. Она между тем внесла раскол в школу-клуб. Одни из подростков готовились к отъезду, другие остались на местах. Пришлось и руководителей, и без того незначительное число, также разбить на две группы.

Обстоятельства задержали отъезд подростков в дальнюю колонию до 1 мая, и это дало возможность с большей энергией подготовить школы-клубы к пролетарскому празднику первого мая.

Общий подъем и прекрасные весенние дни настолько влили много энергии в подростков, что они в нашем районе, без чьей-либо помощи, приготовили обширную площадь «Борьбы» для посадки деревьев первого мая. Кроме этого, явилась существенная необходимость загородных экскурсий.

Стены школы-клуба уже не удовлетворяли мятливый ум подростка. Посещаемость в % отношении пала на 25—30%. Нужно было найти способы и средства заинтересовать и привлечь подростка к новой деятельности. Для этого решено было заняться огородом, а там, где не имелось, уходить куда-либо из ближних садов и там заниматься беседами по огородничеству и садоводству и обратить бо́льшее внимание на естественные науки.

По воскресным дням стали отправляться в подмосковные местности на экскурсии. На загородных прогулках стали особенно выявляться индивидуальные наклонности подростков.

Одни из них живо интересовались полеводством и огородничеством, другие хотели ознакомиться с пчеловодством и садоводством. Немногие увлекались биологическими науками, но зато значительное большинство живо интересовалось зоологией и ботаникой.

В прогулках также сказался недостаток опытных руководителей. Сама жизнь перед педагогами выдвигала столько вопросов, что он зачастую не мог удовлетворить всех вопросов, которые возникали на этих прогулках.

Помимо ознакомления подростка с природой, помимо расширения его кругозора, экскурсии, в свою очередь, сблизили также еще более подростков и тех трений, которые были заметны между ними при первых попытках сближения, не стало существовать.

Эти весенние прогулки и экскурсии дали возможность подготовить их к ближним колониям.

Ближние колонии.

В начале июля, когда казалось, что подростки, оставшиеся в Москве (т.-е. за исключением 55 человек, выехавших в дальнюю колонию), не смогут использовать свой отпуск с целью побывать в колонии и более детально изучить природу, мне, по поручению центральной секции было предложено в трехдневный срок сорганизовать три группы колонистов человек на 160 для отправки в имение Архангельское и Усово с тем, чтобы там они помогали Врачебно-Санитарному Отделу убрать сенокос для советских экономий.

В такой короткий срок, казалось, невозможно было ничего сделать, но при энергичной поддержке самих подростков такая организация вполне удалась как нельзя лучше, если не принять во внимание почти совершенное отсутствие педагогического персонала. Нужно заметить, что последний в большинстве состоял и состоит из учителей школ первой ступени, что является существенным недостатком в нашей работе. И естественно, что они предпочли ехать лучше с более покойным элементом, чем подростки,—это со школами первой ступени. Пришлось наскоро создавать хоть какой-либо педагогический аппарат.

Положение было таково, что подросткам, получившим отпуска по декрету с 1 июля на один месяц, хотелось дать возможность провести это время в ближних колониях. Задумываться не приходилось. Пришлось поехать с весьма ограниченным числом учителей. На всех 160 человек поехало всего 6 основных учителей и три технических помощника.

Выехали все подростки с определенной целью,—помочь в уборке сена и, несмотря на заверения Врачебно-Санитарного Отдела о благоустройстве имений и помощи в устройстве колоний со стороны последнего, пришлось все организовать в колонии самим подросткам, начиная с починки плиты и кончая колкой дров и возкой воды.

При этом не могу не заметить, что со стороны Отдела нашего района была оказана весьма несущественная помощь, если не считать помощи в смысле добычи транспорта и некоторого инвентаря,—правда, на это было весьма много причин.

Но здесь помогла сорганизованность подростков, которые оказали весьма существенную помощь в устройстве и организации колониального хозяйства.

На четвертый и пятый день со дня заявления Врачебно-Санитарного Отдела центра подростки были уже на местах.

Благодаря тому, что ни помещения, ни печи, а также доставка дров и воды не была сорганизована своевременно, и все это пришлось подросткам возить на своих плечах, а также отсутствие кос и граблей, существенной помощи вначале не было оказано при уборке сенокоса, хотя все же подростки работали с неделю, помимо самообслуживания, по 4—6 часов на лугах.

Но насколько несущественна была помощь подростков вначале по уборке сена в экономии, настолько оказалась существенна впоследствии—при уборке хлебов крестьянами окружающих деревень.

Приезд в колонии и отношение крестьян.

Колониям подростков под Москвой выпал хороший экзамен в жизни, так как им с первых же дней пришлось вести борьбу не

только с неустройством помещения и техническими неудобствами, но и с окружающей крестьянской темнотой.

Нужно заметить, что крестьяне села как Архангельского, так и Усова и Петровского отнеслись крайне враждебно к подросткам. Они прежде всего постановили на сходах не давать молока, а сдавать таковое приезжающим скупщикам. Во-вторых, начали по вечерам безобразно кричать, подходя к помещениям колонии, или петь скабрезные песни.

Здесь необходимо отметить, что подростки выдержали экзамен полностью, они быстро сорганизовали различные комиссии по самообслуживанию. Появились печники, которые и исправили трубы и печи, кушанье пока готовилось на кострах; сорганизовали дровосеков и пильщиков, которые принялись добывать дрова. За водой установили очередь по алфавиту.

По отношению к выходкам крестьян был проявлен необыкновенный такт. В ответ на скабрезные песни не было пущено с их стороны бранных слов и насмешек, и это, очевидно, повело к быстрому сближению с крестьянской молодежью.

Мне лично пришлось делать несколько сельских сходов и разъяснять крестьянам значение трудовых колоний, а также пришлось доказывать бесполезность их вражды к нам.

Через дней 5—6 в ближайший праздник подростки сорганизовали спектакль, на который из сел пригласили не только молодежь, но и всех желающих. Спектакль прошел с большим оживлением на сделанной самими подростками и довольно приличной сцене. Крестьяне, особенно молодежь, восторженно приветствовали исполнителей.

С этого дня отношения стали улучшаться и улучшаться, и в конце колонии, когда подростки стали безвозмездно помогать в уборке хлебов крестьянам, они в свою очередь стали предлагать бесплатно огурцы, молодой картофель, а также стали советовать подросткам организовать свой огород для будущего года, при чем заявляли, что они помогут запахать под него землю теперь же.

Крестьянская молодежь в конце колониальной жизни настолько сблизилась с подростками, что стала выступать совместно на сцене.

День колониста.

День колониста начинался с 7 часов утра. Это вставали дежурные по доставке воды, колке дров, по кухне и коридорные. В 8 часов раздавался звонок, который будил всех остальных. В 9 часов пили кофе и получали завтрак. После чая шли заниматься по самообслуживанию до 1 часа.

Затем происходили групповые занятия и экскурсии в лес, луг или близлежащие имения. Групповые занятия имели вид бесед по различным вопросам. Главное внимание было обращено на естественные науки, частью велись беседы по луговодству и скотоводству, было посвящено несколько бесед лесоводству. Эти предметы необыкновенно интересовали детей. Общественные вопросы не так привлекали их внимание. Для этого пришлось использовать общие собрания, где на ряду с злободневными вопросами старались ввести и общественность.

Во время луговых работ подростки, после утреннего завтрака, шли на луг, и одни разбивали ряды уже скошенного сена, другие трясли уже скошенное ранее, или шли группами на деревню и оттуда направлялись жать или вязать снопы.

В два часа раздавался звонок на обед. До 6 часов был отдых. В пять с половиной часов пили кофе и занимались играми. В 9 часов—ужин и в одиннадцать—одиннадцать с половиной ложились спать.

В начале приезда, вследствие сложившихся обстоятельств, мы начали занятия по литературе и драматизации, так как за отсутствием достаточного количества педагогов с подростками в Архангельском, где помещалось 66 человек, занимался один, и в Усове занимались трое со 110 подростками.

Нужно заметить, что этим предметам мы и обязаны, главным образом, привлечением к себе деревенской молодежи, которая не совсем охотно посещала беседы по остальным предметам, казалось бы, близким и родным им по социальному их положению.

Для распределения занятий был сорганизован колониальный совет из всех педагогов и равного количества подростков.

Совет же и ведал всеми хозяйственными функциями, выделив хозяйственную комиссию.

Хозяйственная комиссия распределяла занятия колонистов по самообслуживанию, совет же распределял занятия вообще и назначал по-очереди лиц в Москву за доставкой продуктов.

В общем день проходил весьма оживленно и тени недовольства среди подростков совершенно не наблюдалось.

Все спорные вопросы выносились на общие собрания, которые происходили два раза в неделю обязательно.

Недостатки, о которых нужно помнить.

1. Отсутствие врачебной помощи и особенно медицинских принадлежностей первой необходимости крайне утомляли меня и других руководителей колонии.

Принимая во внимание различный возраст подростков (13—18. л.), их психологические особенности, а в связи с этим заболевания, нам приходилось не спать иногда ночами, бегая то к одним, то к другим подросткам, требующим скорой помощи.

Врач или фельдшер при колонии необходим.

2. Принимая во внимание необыкновенно большую потребность подростка заниматься среди природы изучением, а также в звездные ночи изучением неба, нужно брать самые лучшие пособия по данным вопросам в колонию.

Ничто так не воспитывает, как изучение природы.

3. Необходимо с ранней весны или еще лучше с осени намечать места для трудовых колоний, а особенно делать запасы орудий производства.

4. Имея в виду особенности возраста, типичность рабочего подростка, его субъективный взгляд на жизнь и окружающее, необходимо назначать не менее одного педагога на 10—15 человек подростков во время поездки в колонию.

5. Колонии нужно организовать вдали от железнодорожной станции, так как в противном случае никакая сила не удержит подростка в колонии в течение всего срока.

Я убедился на опыте, что даже в колонии за 10 верст от железной дороги и то тяга подростка в Москву необыкновенна, и особенно тогда, когда поспевают ягоды, грибы и т. п.

Заключение.

Проведенный год дал нам много возможностей строить новую школу так, чтобы не было вовсе или как можно было меньше ошибок.

В истекшем году мы зачастую идеализировали подростка, сравнивая его с ребенком, когда он был с жизнью и опытом взрослого человека.

Создавая новый тип школы, нужно иметь в виду, что имеем дело не с простым подростком дореволюционного времени, а с человеком, носящим в себе необыкновенно много самых разноречивых, полученных им за время революции и еще неукоренившихся определенных убеждений и впечатлений.

В нашу основную задачу должно войти следующее положение: это как можно меньше говорить ему о том, что даст школа-клуб, но стараться больше дать ему возможности получить то, о чем он меньше всего подразумевает. Опыт нам доказывает, что разочарование подростка бывает слишком велико, когда ему обещаешь и по той или иной случившейся причине выполнить данного обещания не сможешь.

Отличаясь необыкновенною гибкостью ума и заложенным от природы сарказмом, он тогда слишком недоверчив и на все слова и убеждения порой отвечает иронической улыбкой.

Жизнь и борьба за существование еще с самого раннего детства заставляют его всегда быть слишком осторожным к словам других.

Школы-клубы, начав свою работу без определенной программы, дав широкую возможность самодеятельности руководителей, в конце-концов сошлись на одной общей программе — это воспитание юношества в духе общественности и коммунальных начал. Необходимо только ввести эту программу в более или менее определенное русло, обосновать ее юридически и повести широкую агитацию среди населения за школы-клубы. Это дает возможность вновь вступившим педагогам уже не искать новых путей, а придерживаться заложенным годичным опытом принципам «Трудись и учись».

Г. Д. Деев-Хомяковский.

Практические прогулки с учениками.

1. На торфянник.

Сегодня мы пойдем с вами на болото и притом торфяное, которое считается обычно пригодно разве только для добывания торфа на топливо. Хочу вам показать, какое это золотое дно, что это за колоссальное богатство, которым, к прискорбью, мы не умеем пока пользоваться.

Но прежде всего ознакомимся: откуда могла взяться в болоте вся эта громадная пригодная для горения масса топлива.

Вот видите этот покрывающий его белый болотный мох или как его зовут научно — сфагнум? Он-то и является основанием всего, из него-то и состоит вся торфяная масса.

Сначала мох этот появляется где-нибудь на краю озера и так как отлично держится на воде, то мало-по-малу затягивает, как пленкой, всю поверхность. Тут к нему присоединяются водяные хвощи,—знаете те, похожие на елочку болотные, а отчасти и лесные растения, и разные осоки и другие болотные травы. Все они, более или менее, скрепляют своими корнями зыбкий моховой покров и, разрастаясь, образуют кочки.

Ходить по такому покрову еще опасно: того и гляди провалишься в так называемое «окошко», т.-е. место, где слой мха слишком тонок, чтобы выдержать тяжесть человека. Здесь почва под ногами так и уходит, и, попав в подобную трясину, выбраться крайне трудно.

3 лошадей. Все работы выполняются самими коммунарами, которых в настоящее время 71 человек. Предстоящим летом коммуна надеется осуществить довольно широкий план сельского хозяйства, разработанный опытными специалистами. Сколько юношеской творческой энергии и веры в свое дело увидел я среди молодых коммунистов. Вот где выковываются строители новой жизни, новой трудовой социалистической школы.

Такие коммуны необходимо создать возможно скорее всем педагогическим учебным заведениям и тогда вопрос о материальном существовании слушателей разрешится весьма просто.

В тех местностях, где нельзя организовать сельско-хозяйственных работ (а таких едва ли много найдется), необходимо устроить мастерские и заняться производством предметов, требующих незначительного технического оборудования. Внимательное изучение местных условий всегда подскажет, какое производство возможно и выгодно организовать в данной местности.

Но для правильного и успешного разрешения поставленной задачи необходим соответствующий подбор учащихся. Двери педагогических учебных заведений должны быть открыты исключительно для рабочих и крестьян, а не тех лодырей, которые спасаются на советских хлебах от военной службы и которым совершенно чужда трудовая социалистическая школа.

Только при этом условии возможно организовать производительный труд в педагогических учебных заведениях, а вместе с тем разрешить прокятый вопрос материального существования и проблему создания новых школьных работников для трудовой социалистической школы, ибо это даст возможность разрешить и другую трудную задачу соединения труда с наукой.

В условиях переживаемого момента иного разрешения поставленного вопроса нет и не может быть.

К. Капустин.

Библиография.

Издания Костромского 1 Рабочего Социалистического Клуба.

№ 1. **М. А. Растопчина.** Как устроить и вести рабочий социалистический клуб. 1918 г.

№ 2. **В. Невский.** Свободно-ботанические занятия с детьми. 1918 г.

№ 3. **В. Невский.** Практические занятия со взрослыми по общественным наукам. 1918 г. 1 р.

№ 5. **Курсы** для подготовки работников в рабочих и крестьянских клубах. 1919 г. 10 р.

Три книжки из серии по своей теме родственны и взаимно друг друга развивают и дополняют (№№ 1, 3 и 5). В основе их можно поставить очень ценную работу, представляющую собой богатый материал по ведению просветительной работы (№ 5). В книжке даются самые подробные программы отдельных предметов, прочитанных на курсах по подготовке работников клубного дела в Костроме, при чем программы эти настолько интересны и подробны, что должны явиться ценным справочником для внешкольника. Преподаватели курсов дали не только подробные конспекты лекций, но и материал для практических занятий, полные списки необходимой для слушателей литературы и т. д. Программа курсов настолько многогранна, что может быть полезна как материал не только для клубного работника, но и для библиотекаря и руководителя школ и для взрослых; так, в книжке дан каталог читальни, система классификации книг библиотеки и очень ценный список пособий для преподавателя в школе взрослых. Судя по программе, а также по тому, что практическая работа на курсах проводилась в связи с работой рабочих клубов, организованные курсы должны были дать квалифицированных работников, хорошо теоретически и практически подготовленных к делу. Самым тесным образом примыкает к рассмотренной книжке небольшая брошюрка Растопчиной, дающая полугодовой отчет о работе социалистического клуба или, вернее, не отчет, а обзор работы вообще и отдельных вопросов в частности. Т. Растопчина была лектором на курсах, которым посвящена первая книга, и конспект ее лекций органически связан и как будто вытекает из практической работы в клубе.

В третьей брошюре В. Невский ставит вопрос огромной важности—в чем должны состоять практические занятия по общественным вопросам в школе для взрослых. Достаточно ли тех форм, которые уже узаконены, или необходимо внести новые. И как новые т. Невский предлагает инсценировки отдельных моментов общественной жизни. Такие занятия т. Невским предлагались уже и раньше (В. Невский «Первый сборник статей по внешкольному образованию»), но теперь он самым подробным образом останавливается на возможности инсценировок и дает ряд образцов, чрезвычайно интересных по содержанию и по сумме тех вопросов, которые они затрагивают. Но как и при чтении сборника статей, так и теперь невольно возникает вопрос, насколько возможны эти инсценировки в массовом масштабе. Хорошо организованная, дающая определенные результаты инсценировка может быть проведена не везде и не перед всякой аудиторией. Массовый посетитель школы для взрослых останется к инсценировке совершенно равнодушен, и для него полезнее будут упражнения в написании счета, прошения и т. д., чем изображение суда или схода.

Несколько в стороне стоит последняя брошюра т. Невского о ботанических занятиях с детьми. Как и прочие издания социалистического клуба, она подходит к предмету вполне конкретно и разрешает поставленные вопросы практически. Автор отмечает, что на долю ботанических занятий отводится в детской школьной жизни слишком мало внимания, между тем как на эту сторону следует обратить особенное внимание, учитывая любовь детей к цветам и растениям. Нужно начинать приучать детей к природе, поручая им уход за цветами (поливка), попутно производя опыты и объясняя их. От комнатных растений можно перейти к саду и огороду, а затем к систематическим экскурсиям на лоно природы. Книжка снабжена богатым указателем литературы, значительно повышающим ее ценность.

Вад. Смушков.

В. Невский. Что и как читать молодым коммунистам? Изд. Костр. губ. Ком. Р. К. С. М. Кострома, 1919 г., ц. 10 р.

Книжка состоит из введения «Как читать?» и из рекомендательного списка «Что читать?».

Введение начинается странным параграфом «О вреде чтения». В этом параграфе взводится не мало поклепов на книгу. Чего стоит хотя бы следующий поклеп: «Книга породила нашу интеллигентскую дряблость и бесхарактерность, наше неумение работать, нашу любовь к пустопорожним разговорам, наше зеворотство и нашу прекраснодушную мечтательность».

Ну, разве книга в этом виновата?!

Не лучше ли заглянуть в историю нашей интеллигенции?

Автор взывает: «Ближе к жизни. Работайте, живите с людьми, ненавидьте и любите вместе с ними, изучайте в жизни их жизнь, а не по книжкам, не сдерживайте своих порывов, не ломайте себя, берите больше от жизни, ловите все ее миги, старайтесь *побывать во всех положениях и пережить все*» (стр. 13). Да...

«Работайте»—какую работу?

«Ненавидьте и любите вместе с ними» (с людьми)—что?

«Старайтесь побывать во всех положениях и пережить все».

Но в каких же положениях побывать?

Не во всех, конечно. Не в роли же продавца, модельщика и пр.

Вся эта тирада ни к чему.

Чтобы наслаждаться жизнью, надо уметь наблюдать ее во всей ее широте; для этого нужно иметь зоркий глаз, надо понимать, «что к чему»,—другими словами, надо иметь продуманное мировоззрение. Тогда только можно взять от жизни очень много. Чтобы иметь зоркий глаз, надо вооружиться не только собственным опытом, надо вооружиться опытом других людей. И книга дает ответы на выдвинутые жизнью вопросы, ежечасно выдвигаемые ею, они расширяют опыт читателя, толкают вперед его мысль. «Книга не вырабатывает миросозерцания, миросозерцание вырабатывает сама жизнь». Точно книга это что-то, не имеющее никакого отношения к жизни,—что-то, не порождающее новых мыслей...

В. Невский смотрит на книгу чересчур утилитарно: «К каждой книге, к каждому листу печатной бумаги подходите всегда и везде с точки зрения работы; и из каждой книги стремитесь извлечь максимум *практического* дела!» (стр. 9). Мы (коммунисты) читаем не для себя, а для других (стр. 10)...

И еще одна сторона весьма характерна для введения. «Ищите же работы прежде всего, а все остальное приложится вам»—такова первая заповедь Евангелия Нового мира» (стр. 8).

Приведу парочку цитат из статьи Льва Толстого: «Не-делание». В статье очень много, как всегда у Л. Толстого, очень верных положений, и рядом с ними очень много неверных. То, что он говорит о труде, чрезвычайно верно. По поводу обращения Золя к юношеству призывом трудиться Л. Толстой пишет: «Пусть каждый усердно работает. Но что? Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работает... фабрикант — из своего заведения, где тысячи людей губят свои жизни над работой зеркал, табаку, водки. Все эти люди работают, но разве можно поощрять их работу?

«Меня всегда уже давно поражало то удивительное, утвердившееся, особенно в Западной Европе, мнение, что труд есть что-то в роде добродетели». «Ведь только муравей в басне, как существо, лишенное разума и стремлений к добру, мог думать, что труд есть добродетель, и гордиться им».

«Труд так же мало может быть добродетелью, как питание. Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание, но никак не добродетель. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель. Значение, приписываемое труду в нашем обществе, могло возникнуть только как реакция против праздности, возведенной в признак благородства и до сих пор еще считающейся признаком достоинства в богатых и мало образованных классах». И далее Л. Толстой говорит, что менее всего можно возводить труд в добродетель в ложно организованном капиталистическом обществе. Конечно, коммунисты всегда призывают к труду сознательных членов общества, но не потому, что работа есть самое главное в жизни, а во имя строительства социалистического общества. Физический труд превращается в труд идейный, в труд коллективный, освещаемый светочем социалистического идеала.

Что касается главы «Что читать», то, в общем, она дает недурный подбор книг, главным образом, по общественным наукам.

Нужно только отметить, что подбор этот рассчитан отнюдь не на начинающего читателя.

Звездочками отмечены те книги, которые действительно надо прочесть в первую голову. Кое-что пропущено, напр., книжка Энгельса о жилищном вопросе; в педагогической части, например, не приведены работы буржуазных педагогов, вроде Кершенштейнера и Ферстера, нет Шаррельмана и Гансберга; нет Дьюи «Школа и общество», вообще нет книг, которые характеризовали бы современное педагогическое движение на Западе; нет Ромен-Роллана о театре, в истории литературы очень много общих обзоров, но нет ни Писарева, ни Белинского, ни Добролюбова. Это то, что бросилось в глаза при беглом обзоре. Но в общем и целом список очень хороший и дает богатый материал для чтения.

Н. Крупская.

С. П. Сингалевич. Трудовой принцип в школьном преподавании истории. Киз. 1918 г. 3 руб.

Может быть, когда будет окончательно установлена только еще намечаемая сейчас концепция трудовой школы, по существу устраняющая из школы преподавание истории—может быть тогда книжка Сингалевича окажется совсем устаревшей, как отражающая превойденную ступень в искании новых методов приобретения учащимися исторических познаний. Ведь если в школе все без изъятия будет сведено к производительному труду и освещению с различных точек зрения того конкретного трудового процесса, который выполняется детьми в каждое данное время, то почва для применения «трудовых методов преподавания» истории, как и всякой другой дисциплины, совершенно исчезнет. Но этого еще нет. Школьная жизнь еще не заполнена, и в предвидимое время

не может быть заполнена производительным трудом. А потому, чтобы не оставлять школьных работников в совершенно беспомощном положении, их необходимо вооружить сведениями о том, как возможно и в настоящее время вести школьную работу на основе трудовой самодеятельности учащихся. Для этой цели, в числе других пособий, может быть полезной и книжка Сингалевича. Если рекомендуемая в ней постановка преподавания истории теоретически и может считаться «пройденной ступенью», то на практике и до нее еще не дошли—если не везде, то в большинстве случаев. Книжка Сингалевича дает достаточно полное представление об обновленном, посредством проведения «трудового принципа», преподавании истории, которое должно найти место в качестве, если не обязательных, то факультативных занятий. Ценность работы Сингалевича в том, что он исходит из практического опыта, указывает приемы, испытанные хотя бы и в очень ограниченном масштабе (ибо более широкого применения в школе быть ранее не могло). Перед нами конкретизованное разумение данных живого школьного опыта, а не методических a priori. Вот почему, каково бы ни оказалось в будущем «последнее слово» школьной реформы, книжка Сингалевича в настоящее время безусловно заслуживает рекомендации и распространения.

А. Вульфов.

Ник. Суханов. Записки о революции. Книга первая. Изд. З. И. Гржебина. Сп.Б. 1919 г. Стр. 264. 20 руб.

Мартовский переворот — величайшая эпоха в истории человечества—до сих пор мало освещен его участниками и очевидцами. Между тем в ходе переворота остается до сих пор много сторон, совершенно неизвестных современникам.

Н. Н. Суханов своими записками внес очень ценный вклад в историю революции 1917 года. Если Н. Н. Суханов остановится только на первом томе и дальше не даст нам ни единой строки о мартовской революции, то историки будут ему признательны и за тот важный материал, который им опубликован в напечатанной книге.

Книга Суханова—не историческое изучение великих событий, а личные воспоминания человека, который принимал близкое участие в том, как именем революционного народа, но вопреки его воле, в первые дни революции велся позорный торг между социал-соглашателями и представителями помещиков и капиталистов, и как в результате этого торга появилось временное правительство Львова—Милюкова.

Российские граждане, вероятно, хорошо помнят, что какими-то неисповедимыми путями во главе временного революционного правительства очутились принципиальные враги революции, среди которых большинство даже не скрывало своих монархических симпатий, а некоторые открыто стояли за династию Романовых. Контр-революционеры и монархисты во главе первого революционного правительства — это такая нелепость, которую простому смертному постигнуть невозможно.

Какое же чудо эту нелепость сделало действительностью?

Ник. Суханов в своих записках дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. Он добросовестно и обстоятельно рассказывает о том, как люди, понаехавшие революцию, получили власть из рук социал-соглашателей, в то время стоявших во главе организационного центра революции.

Чем же руководились социал-соглашатели, вручая власть, более того—навязывая власть своим классовым врагам? Ник. Суханов говорит, что совершая этот акт, они заботились исключительно о том, чтобы обеспечить революции правильное развитие. Понять эту однозвучную мысль ни один здравомыслящий человек не сможет. Однако в истории русской революции был такой момент, когда фактические обладатели революционной власти с необыкновенной поспешностью вручили ее наиболее умным и организованным врагам революции.

27 февраля в первом заседании Петроградского Совета Рабочих Депутатов были избраны в исполнительный Комитет следующие лица: Керенский, Скобелев, Чхеидзе, Гвоздев, Гриневич-Шехтер, Панков, Соколов, Александрович-Дмитриевский, Беленин-Шляпников, Капелинский, Павлович-Красиков, Петров-Залунный, Стеклов-Нахамкес, Суханов-Гиммер, Шатров-Соколовский. К этим избранникам Совета 28 февраля присоединились представители партий: большевики Молотов-Скрябин и Сталин-Джугашвили, бундисты Эрлих и Рафес (через несколько дней его заменил «знаменитый» Либер), меньшевики Богданов и Базарский, трудовики Брамсон и Чайковский, эс.-эры Русанов и Зензинов, н.-с. Пешехонов и Чарнолуский, с.-д. «межрайонец» Юренев, от латышской с.-д. Стучка и Козловский. К этому составу 1 марта прибавились еще 9 человек от солдатской секции Совета.

Означенный состав Исполнительного Комитета 1 марта предрешил характер первого временного революционного правительства в России. Он довольно единодушно постановил отдать власть в руки буржуазии, не вмешиваясь даже в личный состав правительства. А в ночь с 1 на 2 марта состоялась и самая передача власти. Акт этой передачи совершали Чхеидзе, Стеклов и Суханов (автор рецензируемой нами книги). С предложением власти они отправились в Исполнительный Комитет Государственной Думы. Торг был коротким, так как и одавны спешили сбыть товар с рук, а покупатели только того и ждали, когда им вручат товар. Правда, Милюков немного поторговался, он попробовал отстоять монархию и династию Романовых, с царем Алексеем и регентом Михаилом, при чем представителей демократии он убеждал таким аргументом: предлагаемая им комбинация вовсе не опасна, так как «один—больной ребенок, а другой—совсем глупый человек». Впрочем, незначительные прения между представителями революционной демократии и контр-революционной буржуазии были быстро ликвидированы, и даже в заключение беседы Стеклов расцеловался с Милюковым. В результате появилось правительство Милюкова. Львова и К°.

Чем же руководился Исполнительный Комитет С. Р. Д., совершая подобный акт?

«Во избежание провала революции. — говорит Н. Суханов.—необходимо было, чтобы победивший народ передал власть в руки своих врагов, в руки цензовой буржуазии». Но эту передачу власти следовало совершить на определенных условиях, которые обезвредили бы государственную работу Милюкова и К°.

Как же этого хотели достигнуть Суханов, Стеклов и ду? Надо было сделать цензовую власть *ручной*, говорит Суханов, надо было *использовать* ее для целей демократии—словом, цензовую власть следовало поставить в такие условия, в которых она не задушила бы революцию, а помогала бы ее дальнейшему развитию.

Осуществить эту хитроумную комбинацию Исполнительный Комитет С. Р. Д предполагал на таких условиях, которые из сходной змеи должны были сделать крепкого голубя.

Революционная демократия, говорит Ник. Суханов, должна была вручить власть в руки своих врагов, так как без их участия она «не совладала бы с техникой управления в отчаянных условиях разрухи и не справилась бы с силами царизма, с силами самой буржуазии, обращенными целиком против нее».

Но, вручая буржуазии власть, предполагалось обеспечить демократии полнейшую свободу борьбы с этой властью.

Нет необходимости приводить все извилины и зигзаги аргументации Ник. Суханова и нет надобности доказывать всю несостоятельность этой аргументации.

Центр тяжести вопроса стоял в том, согласится ли буржуазия взять власть?

Ник. Суханов наивно верит, что надо было поставить такие осторожные условия буржуазии, которые оставляли бы ей надежду выиграть борьбу, т.-е. возможность для нее укрепить диктатуру капитала и задушить революцию. Такими условиями главари Исполнительного Комитета С. Р. Д. считали: *обеспечение полной политической свободы в стране, абсолютной свободы и агитации.* Вопросы *о земле* и *мире* сознательно обходились молчанием, — иначе буржуазия не пошла бы на соглашение и отказалась бы от власти. А так как эта перспектива повергала в ужас социал-соглашателей (стр. 180), то они с удивительным единодушием поспешили предать революцию, поставивши во главе временного правительства контр-революционеров. Ник. Суханов отмечает, что в Исполнительном Комитете С. Р. Д. в пользу демократического правительства тогда не было поднято ни одного голоса.

Записки Суханова обрываются четвертым днем революции, т.-е. днем 2 марта, когда был объявлен состав временного правительства.

Временное правительство свою работу начало с того, что, ни слова не сообщивши Исполнительному Комитету С. Р. Д., тайно от народа, послало во Псков к Николаю II делегацию для переговоров о сохранении не только монархии, но и династии Романовых.

Предательское поведение в дальнейшем этого «революционного» правительства известно каждому российскому гражданину уже не из книги Суханова, а из контр-революционной работы Милюкова с компанией.

Из книги Суханова мы взяли самое существенное—как социал-соглашатели приступили к ликвидации революции путем организации контр-революционного временного правительства.

Но удушение революции не удалось.

В конце концов революция не только смела контр-революцию с Милюковыми и Родзянками, но не менее безжалостно расправилась и с социал-соглашателями, сдавши их в политический архив, где они теперь предаются сладостным воспоминаниям о том, как они, вместе с буржуазией, хотели направить революцию в «демократическое» русло.

Впрочем, воспоминания социал-соглашателей, особенно такие правдивые и искренние, как записки Ник. Суханова, имеют не только историческое значение, — их политическая ценность также не подлежит никакому сомнению. Передовая, наиболее революционная, часть пролетариата пусть знакомится по таким вспоминаниям с тем, как совершаются чудовищные соглашения между правыми социалистами и буржуазией.

В этом отношении книга Ник. Суханова высоко интересна и поучительна.

К. Л.

Иллюстрированная карта Европейской России. Составила учит. Московск. Гор. нач. уч-ща *М. А. Павлова,* Под редакцией *А. С. Баркова* и *С. Г. Григорьева.* Изд. Т-ва **И. Н. Кушнерев** и К°. Москва (с «Указателем». VIII+20 стр. М. 1917 г.).

Несомненно, что составление детьми той иллюстрированной карты, которая послужила первообразом разбираемого издания и на которую составительница ссылается в предисловии к «*Указателю*», принесло в свое время огромную пользу ученикам *М. А. Павловой*, заставив их активно проработать сообщаемый учительницей географический материал, часть которого и была нанесена ими в виде самодельных иллюстраций на самодельную географическую карту. Что касается *печатной* иллюстрированной карты, которая появляется перед учениками в готовом, вполне законченном виде, то ее роль в классе представляется совершенно иною, и придавать ей характер воспроизведения детской карты (хотя бы и прокорректированной авторитетными педагогами-географами) едва ли было целесообразно.

Классное изучение иллюстрированной карты должно до некоторой степени заменить непосредственное ознакомление с географическими фактами, а эти последние, как известно, слагаются из элементов повторяющихся, которые, во-первых, образуют общий фон для той или другой области государства (например, хлебопашество—для всех черноземных губерний), а во-вторых, своими комбинациями создают характеристики для более дробных территорий и отдельных пунктов. Между тем, карта *М. А. Павловой* сознательно избегает повторения иллюстраций и символов (см стр. III предисловия) и дает учащимся своего рода стилизацию географических фактов, преувеличивая их значение для одних местностей и игнорируя их существование в других областях русской территории; таким образом, типические особенности различных частей пространства Европейской России остаются невыясненными для учащегося, а выделенные на карте отдельные эпизоды иногда лишь очень случайным образом приурочены к тому или иному топографическому пункту, как, например, березовая роща (№ 58) — к нынешней Череповецкой губернии, саранча (№ 270) — к дельте Дуная, пароходы и баржи — к Самарской луке (оставляя открытым вопрос, имеются ли подобные средства сообщения на Каме, Оке и верхнем плесе Волги).

Излишним усложнением задачи являются попытки представить на карте не только наличность в данной местности того или иного вида фабрично-заводской промышленности, но и технологические подробности самого хода производства; эти детали, загромождая и пестря карту, из-за слишком мелкого масштаба, все-таки не могут достигнуть своей цели и заменить технологических иллюстраций, вынесенных за рамки географической карты.

Очень случайный характер носит выбор культурно-исторических памятников, нанесенных на карту. Так, например, для Новгорода составительница считает более достопримечательным монумент 1000-летия России, а не его своеобразные древние храмы; в Центральном крае нанесено на карту такое ничтожное в художественном отношении сооружение, как Нижегородский обелиск в память Минина и Пожарского (№ 112), и нет намека на такую художественную ценность, как

(Л. Струниной), «Грамматика и история родного языка в новой школе» (Е. Истриной), «Синтаксис в школе» (М. Григорьева) «Программы и преподавание русского языка и литературы на I и II ступени» (В. Водарского). Кроме того, дан материал из практики преподавания родного языка (наблюдения, итоги работ), между прочим, приведены примерные уроки обучения грамматике взрослых (Г. Тумим, В. Флеров и О. Кайданова).

К прежнему списку провинциальных журналов по народному образованию прибавились следующие: *«Революция и просвещение»*, издав. Воронежским Губернским Отделом Народного Образования (выходит два раза в месяц, подп. плата 60 р. в год). Цель журнала—объединить работников по народному образованию общей идеей, полно ознакомить их как с деятельностью Губернск. Отд. Народ. Обр., так и с работой на местах, возбудить интерес в рядовом читателе к внутренней стороне журнала. В первых двух имеющихся у нас №№ преобладает материал по вопросам искусства: «Внешкольное музыкальное образование для взрослых» (П. Лучкина), «Творчество в студиях», «Русская песня и наши хоровые общества» (Г. Ш.), «Народные празднества» (Р. Ш.), «Изобразительные искусства в детском салу» (В. Сухова), «О театре» и пр. Статьи о школе и других видах внешкольного образования (за исключением статьи Смирнова «Задачи внешкольного образования № 2) отсутствуют.

В Казани издаются *«Бюллетени Губернского Отд. Народн. Образования»*, цель которых—всестороннее освещение вопросов строительства трудовой школы. (Вышло 6 №№, журнал высыл. наложенным платежом). Помещены статьи: «Общие задачи и схематич. план занятий в школе I ступени», «Практические вопросы организации трудовой школы» (А. Красновского), «К вопросу об изучении литературы», «О литературных интересах учащихся» (С. Абакумова), «Задачи трудовой школы в деле музыкального образования» (И. Морева) и др.

Черниговским Губерн. Отделом Народн. Образования издается двухнедельный журн. *«Просвещение»* (подп. плата на 1 мес.—7 р.). Нам удалось просмотреть лишь один № 10 (августовский), наполовину содержащий материал, непосредственно не связанный с вопросами народного образования: поэма Блока «Двенадцать», биография Жореса и пр., во втором отделе помещена статья «Об ученических организациях» и много места отведено хронике, главн. образом, I Всерос. Съезду по дошкольному воспитанию.

Вышел № 1 (апрельский) научно-педагогического и справочно-официального органа Минского Губер. Отд. Народн. Образ. *«Школа и культура Советской Белоруссии»*. Цель журнала—объединение всех многочисленных, но разрозненных работников, осведомление их о деятельности как центральных и местных органов Советской власти, так и различных общественных организаций на местах. В журнале три отдела: русский, белорусский и еврейский (каждый на своем языке). В первом отделе главное внимание обращено на местную работу (деятельность отделов губернского, городского и уездных, съезды, об учреждении Государственного университета в Минске, Белорусский Советский театр в Минске и пр.); есть несколько небольших статей общего характера: «На рубеже двух школ» (Ю. Иргера), «Общий план организации работ по внешкольному образованию» (Л. Б.), «Примерная программа народных университетов» (по лекциям, с указанием библиографии) (Т. Аврутиной) и пр. В Белорусском отделе всего две статьи: «Згукі сусьветнай вайны 1914—18 году у Беларусской паэзіи» (Ю. Ф—но) и «Беларускіе настаунікіе курсы у Менску». В еврейском отделе статьи: «Революция и народная культура на еврейской улице» (Г. Ботвинника), «Еврейский театр» (М. Годера), «Амбидекстральная культура» (д-ра Я. Лейбовича) и проч.

Из журналов, издающихся в уездах, имеем новый журнал *«Свобода, знание и труд»* — орган Орловского Уездного Отдела Народного Образования (вышло 6 №№). Центральное место в нем, повидимому, занимают вопросы школы: «Старая и новая школа» (Светозорова), «Новый путь для школы и учительства» (Н. Звонарева), «Школа и пролетарская революция» (С. Горового), «Задачи и методы классного чтения» (В. Преображенского), «Религия, церковь и школа» (Е. Сокола) (№ 1—4), «О трудовой школе» (А. Черкасова), «Сельское хозяйство и народные школы» (С. Головкина) и пр. В журнале есть отдел литературный (рассказы и стихи—местное творчество).

Белозерским Отделом Нар. Образ. выпущен журнал *«Культурник»* № 1 (цена отд. номера 12 р.), ставящий себе целью «обмен мыслями, знаниями и опытом как работников новой школы, так и деятелей внешкольного образования и дошкольного воспитания».

Журнал дает скудный материал—в виде оригинальных статей местных сил, преобладают перепечатки: напр., стат. А. Луначарского и др.; хроника заполнена журналами заседаний I Белозерского Съезда по внешкольному образованию.

Остается отметить еще несколько журналов, о которых нам пришлось узнать от представителей с мест, но которых пока, к сожалению, не удалось получить для просмотра:

«Народное Просвещение»—издан. Ярославского Губ. Отд. Народ. Образ. (ежемесячник) (вышло девять номеров).

«Известия Олонецкого Комисс. Просвещения». (Петрозаводск, 1918 г.).

«Железный Путь»—Орган. Главн. Культ.-Просв. Отд. Юго-Зап. ж. д. (Воронеж).

«Новое Знание» — журнал народного самовоспитания. Саратов. упр. Ряз.-Уральск. жел. дор., 1919 г. и, наконец, Украинские журналы и газеты.

«Народное Просвещение». — Еженед. журнал Украинск. Нар. Ком. Просв. (вышел № 1).

«Внешкольное Образование».—Еженед. газ. изд. Внешн. Отд. Укр. Н. К. (вышло 2—3 №№).

«Единая трудовая школа».—Еженед. газ. изд. Школ. Отд. Н. К. Пр. (вышло 3 №№).

З. Б.

ХРОНИКА.

Краткий отчет о деятельности Отдела Высших Учебных Заведений за истекшие два года.

Два года отделяют нас от того исторического момента, когда российский пролетариат мощным и дружным ударом опрокинул временное правительство и взял руль государственного корабля в свои руки. Два года полных тяжелой борьбы с наседающим со всех сторон врагом и лихорадочной работы по коренному переустройству всех основ, на которых держался старый строй угнетения.

Одною из таких основ была школа вообще и высшая со всеми ее отличительными чертами и особенностями—в частности. Насквозь пропитанная формализмом и кастовщиной, возглавляемая чиновной профессурой с превалирующим значением не научного, а служебного стажа, мало приспособленная к формированию свежих научных сил и совершенно недоступная для широких народных масс—вот та высшая школа, которую Отдел Высших Учебных Заведений получил в наследство от старого строя. Перед Отделом стояла громадная задача не только стереть «пыль веков» с высшей школы и влить в нее свежую струю воздуха, но и сделать ее достоянием победившего класса, т.-е. пролетариата и крестьянства.

Всякая коренная ломка, проводимая сверху, сопровождается временным понижением актуальности и продуктивности того института, который реформируется. То же произошло бы и с высшей школой, если бы Отдел Высших Учебных Заведений сразу же решительно и радикально перестроил ее, сообразуясь только с идеальными требованиями и игнорируя то естественное сопротивление, которое свойственно всякому механизму, выведенному из налаженного состояния и поставленному на новые рельсы. Если бы Советская Республика не была осажденным со всех сторон военным лагерем, если бы она не нуждалась, и в силу военных обстоятельств, и вследствие полной хозяйственной разрухи, в непрерывном притоке специалистов, если бы, наконец, она обладала достаточными научными силами, всецело проникнутыми сознанием неизбежности и исторической законности пролетарской диктатуры,—метод решительной ломки архаических форм высшей школы был бы возможен. Но так как ни первого, ни второго, ни третьего условий налицо не было, Отделу Высших Учебных Заведений пришлось, чтобы не заставить Республику более остро переживать и без того весьма ощутительный недостаток специалистов, действовать осторожно, постоянно пытаясь найти общий язык с нынешними академическими деятелями, и только в тех случаях, когда этого не удавалось достигнуть, поступать со всею необходимою решительностью. Этим объясняется кажущийся, быть может, непонятным тот факт, что реформа высшей школы подвигается вперед медленнее, чем это признавалось бы желательным.

Первым крупным шагом Отдела Высших Учебных Заведений после Октябрьской революции была выработка проекта Положения о российских университетах, решительно порывавшего с прошлым и открывавшего для

Высшей Школы новые горизонты. Созванные дважды в прошлом году совещания деятелей высших учебных заведений для обсуждения этого проекта послужили пробным камнем для выяснения возможности совместной работы Отдела с организованной профессурой и студенчеством в целом. К сожалению, этот опыт оказался неудачным, и Отделу Высших Учебных Заведений пришлось приступить к реформе высшей школы собственными силами, пользуясь помощью академических деятелей лишь спорадически и по принципу персональности.

Чтобы открыть двери высшей школы для широких народных масс, необходимо было не только формально разрешить этот вопрос, провозгласив соответствующий принцип, но и обставить дело высшего образования такими конкретными условиями, которые делали бы его действительно общедоступным. С этою целью издается декрет о праве каждого, независимо от гражданства и пола, поступать, по достижении шестнадцати лет, в число слушателей любого высшего учебного заведения, по представлении лишь документов, удостоверяющих личность и возраст поступающего. Единственное ограничение было введено только для приступающих к практическим занятиям в виде предварительного коллоквиума, имевшего целью удостовериться в подготовленности каждого данного слушателя к работам в лабораториях. Но и это ограничение вскоре было отменено. Однако, признание за каждым права поступления в высшую школу еще не гарантировало фактической возможности для трудового элемента получать высшее образование. Чтобы дать эту возможность, прежде всего обучение в высшей школе было объявлено бесплатным. Далее, так как подавляющее большинство трудящихся занято в утренние часы работою на фабриках, заводах или в разного рода учреждениях, было издано распоряжение о перенесении всех занятий в высших учебных заведениях на вечернее время; вместе с тем высшим учебным заведениям вменялось в обязанность организовать занятия в несколько смен, чем могла бы быть значительно повышена пропускная способность школы. Наконец, для устранения последнего препятствия к широкому доступу в высшую школу трудящихся была разработана и проведена в жизнь система социального обеспечения учащихся.

Несмотря на принятые меры, состав студенчества в общем изменился мало. Ни рабочий, ни крестьянин в массе не пошли в высшую школу, так как она продолжала оставаться для них чуждой и психологически, и по методам преподавания, и по характеру коренного ядра студенчества. Тогда решено

было изменить тактику завоевания высших учебных заведений для пролетариата и образовать в них особые ячейки из рабочих, путем учреждения так называемых рабочих факультетов на равных основаниях с остальными факультетами. Первый такой опыт был сделан в Институте Народного Хозяйства имени Карла Маркса. Удача этого опыта привела к открытию таких же факультетов в Московском институте Инженеров Путей Сообщения и в Московском университете, а в настоящее время Отделом Высших Учебных Заведений издано распоряжение об организации рабочих факультетов при всех высших учебных заведениях Республики.

Параллельно отмеченной выше работе по обновлению кадров студенчества, Отдел Высших Учебных Заведений провел ряд мер, имеющих целью освежить состав профессуры, а также изменить состав и конструкцию органов управления высшей школы.

Декретом от 1 октября минувшего года упразднены ученые степени доктора, магистра и адъюнкта. Разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов отменено. Всем лицам, самостоятельно ведущим преподавание в высших учебных заведениях, присвоено одно общее звание профессора. Упразднено равным образом звание приват-доцентов, а также лаборантов, ассистентов, прозекторов и т. д., с присвоением всем этим лицам общего наименования преподавателей. Так, уничтожены прежние иерархические градации, вносившие чиновничий дух в чуждую ему академическую среду высшей школы. Далее, в видах омоложения преподавательского состава предложено всем профессорам и преподавателям высших учебных заведений, коим к 1 октября 1918 г. закончится в общей сложности десять лет преподавательской деятельности в том высшем учебном заведении, где они состоят в звании профессора или преподавателя, или коим к упомянутому сроку исполнится пятнадцать лет учено-учебной службы вообще, выйти из состава профессоров и преподавателей соответственного учебного заведения. Означенным лицам предоставлено право быть избранными вновь на освобожденные ими кафедры только по всероссийскому конкурсу.

Изложенным постановлением в жизни высшей школы введено новое начало перевыборов лиц преподавательского состава. Непрерывный десятилетний стаж в одном учебном заведений или пятнадцатилетний срок учено-учебной службы вообще являются предельными сроками, по истечении которых желающие продолжать службу в высших учебных заведениях должны подвергнуться всероссийскому конкурсу. Вместо прежней несменяемости профессоров и преподавателей устанавливаются периодические перевыборы.

Дальнейшим шагом в деле реформы высших учебных заведений является введение в состав советов высших учебных заведений, собраний факультетов, отделов, отделений и т. д., представителей студентов с решающим голосом по всем вопросам, подлежащим ведению этих учреждений.

В ряду мероприятий, имеющих своею целью общую реформу высшей школы, необходимо отметить еще постановление об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов. Означенным постановлением дипломы и свидетельства, соединенные с какими бы то ни было правами и преимуществами, упраздняются. Сессии государственных и полукурсовых испытаний, а также различного рода испытательные комиссии, наделенные определенными функциями и правами, отменяются. Взамен этого студентам предоставлено право, независимо от года поступления и времени пребывания в учебном заведении, проверять свои познания путем испытаний неофициального характера, по частному соглашению с профессором каждого предмета в отдельности.

Особо должно быть отмечено состоявшееся весною этого года упразднение юридических факультетов с их устарелыми и несоответствующими новому строю учебными планами и учреждение, вместо них, факультетов общественных наук, преподавание в которых, как показывает самое название, посвящено общественным дисциплинам и построено на началах экономического и исторического материализма.

Истекшие два года ознаменовались открытием ряда новых учебных заведений и преобразованием тех из них, структура и характер которых были тесно связаны с отжившим строем. Открыты: Социалистическая Академия Общественных Наук, ныне преобразованная в научное учреждение, Московская Горная Академия, Иваново-Вознесенский Политехнический Институт, Саратовский Ветеринарный Институт, Казанский Политехнический Институт, Горецкий Сельско-Хозяйственный Институт, Борисоглебский Сельско-Хозяйственный Институт, Московский Ветеринарный Институт, Университеты Воронежский, Нижегородский, Костромской, Смоленский, Тамбовский, Астраханский и Симбирский. Наконец, в самое последнее время Отделом Высших Учебных Заведений проведен ряд мер по слиянию однотипных высших учебных заведений, функционирующих в одном городе.

В своей работе научно-учебного характера Отдел Высших Учебных Заведений опирается на учрежденный при нем весною этого года Государственный Ученый Совет, состоящий, под председательством Народного Комиссара по Просвещению или его заместителя, из десяти членов, из которых пять избраны В. Ц. И. К., а пять назначены Народным Комиссариатом по Просвещению.

В заключение несколько цифровых данных, характеризующих рост высшего образования в Республике за истекшие два года. По смете 1917 года на все высшие учебные заведения испрашивалось всего 14.339.155 рублей. Уже в 1918 году на одно 1-ое полугодие отпущена сумма в 16.705.700 рублей, которой, однако, оказалось далеко недостаточно, так что образовавшийся дефицит пришлось покрыть из кредита на 2 полугодие. По смете 2 полугодия 1918 года на высшее образование было отпущено 56.738.270 руб., 1 полугодия 1919 года—166.476.033 руб., а на текущее полугодие испрашивается 400.000.000 рублей; достаточно сравнить общие цифры ассигнований за указанное время, чтобы увидеть, насколько, если даже учитывать падение ценности денег, повысились расходы на высшее образование.

Независимо сего Отделом Высших Учебных Заведений на социальное обеспечение учащихся в 1918 году отпущено 25.000.000 руб., которые были использованы на устройство, оборудование и содержание общежитий, чайных, столовых, на издание учебников, медицинскую помощь и другие виды социальной помощи студенчеству. В первой половине 1919 года на эту надобность отпущено 60.000.000 рублей, а на текущее полугодие испрашивается 120.182.760 рублей.

Учащихся во всех высших учебных заведениях Республики на 1 января 1919 года числилось 157.819 человек, из которых фактически занималось 55.412 человек.

Армия профессоров и преподавателей в 1918/19 учебном году состояла из 5.530 человек.

Отчет Отдела Высших Учебных Заведений за 1918/19 г.

По отношению к высшей школе перед Нар. Ком. по Просв. стояла в высшей степени сложная и трудная задача. С одной стороны, при явно контр-революционном настроении подавляющего большинства мелко-буржуазной интеллигенции, решившейся прочно спаять свою судьбу с судьбами капитализма (а со времени войны — и империализма), жгучей необходимостью являлось создание новой, пролетарской интеллигенции—инженеров, учителей, врачей, вышедших из среды, не привыкшей гнушаться физическим трудом и смотреть на него сверху вниз. Но в то же время выработка этой новой интеллигенции требовала времени, меряющегося годами, а лихорадочно быстрая работа революционной самообороны и экономического строительства, работа, не терпевшая отсрочки ни на минуту, требовала все нового и нового притока квалифицированных специалистов—каковы бы ни были их классовое происхождение и политические симпатии. Положение осложнялось тем, что и непосредственно руководящий персонал для создания интеллигенции новой приходилось брать из той же мелко-буржуазной среды: пролетариат не мог иметь своей профессуры, а коммунистическая интеллигенция могла бы, самое большее, дать комплект преподавателей на о д и н факультет общественных наук; коммунисты физики, биологи или астрономы встречаются лишь в виде отдельных, единичных исключений, да и те, которых можно найти, на $^9/_{10}$ заняты ответственной политической или организационной работой, и заниматься преподавательской деятельностью не имеют времени.

Больше, чем в какой бы то ни было другой области, работа Наркомпроса по отношению к высшей школе должна была выражаться в медленном, осторожном нащупывании почвы и терпеливом отборе всего, сколько-нибудь пригодного, из огромной груды совершенно устаревшего материала. Пуще всего Отдел Высших Учебных Заведений должен был бояться судьбы, не редко, к сожалению, постигающей иные советские учреждения: наговорив множество трескучих архи-«революционных» фраз и написав дюжину соответствующих газетных статей, попросту оставить все, как было при буржуазном режиме. Отдел стремился к небольшим, хотя бы, но реальным шагам в направлении тех двух задач, какие охарактеризованы выше: создания новой интеллигенции и поддержания высшей школы в таком виде, который обеспечивал бы непрерывный приток специалистов, необходимых для советской работы.

Было бы ошибкой думать, что для разрешения этой последней, казалось бы, наиболее скромной задачи достаточно оставить высшую школу такой, какой она нам досталась в октябре 1917 г. Прежде всего, высшие учебные заведения были распределены по пространству России крайне неравномерно. Они скоплялись там, где скоплялась буржуазия: в столицах и старых административно-торговых центрах. Не только земледельческие губернии, но и вновь возникшие промышленные центры были снабжены ими крайне скудно. Ранее всего Советской власти пришлось исправлять исторически сложившиеся условия именно в этом отношении. Советская Республика

открыла новые университеты в Смоленске, Нижнем-Новгороде, Ярославле, Костроме, Тамбове, Воронеже, Самаре, Астрахани и Ташкенте; она нашла их, на пространстве своей настоящей территории, *пять* (в Петербурге, Москве, Казани, Саратове и Перми): она имеет теперь, считая Иркутск и Томск, *шестнадцать*. Притом советские университеты представляют собою более полный и более новый тип высшего учебного заведения, чем предшествующие. В этой новизне нет пока ничего коммунистического: мы просто взяли за образец самые прогрессивные из буржуазных университетов, университеты американские. Старейший из советских университетов, нижегородский (возникший 28 марта 1918 г.), представляет собою копию университета в Торонто (Канада). Особенность этого типа представляет соединение теоретических факультетов с практическими (в старом типе был только один практический медицинский факультет), университета *с политехникумом*. Это дает огромную экономию на персонале и учебно-вспомогательных учреждениях (лабораториях, физических кабинетах и т. п.): то и другое у политехникума и университета на $^2/_3$ может быть общим, тогда как при раздельном существовании они обзаводились бы тем и другим самостоятельно, непроизводительно расходуя силы и средства. В России пришлось обратить особое внимание на развитие высшего сел.-хоз. образования: у нас имеются теперь агрономические факультеты в Тамбове, Саратове, Астрахани, Самаре и Перми. В Казани открыт лесной факультет.

Этими особенностями нового типа университетов объясняется, отчасти, сравнительно небольшое количество вновь открытых Советской властью специальных высших учебных заведений: здесь приходится отметить Горную Академию в Москве, политехникумы в Иваново-Вознесенске и Казани и Сельско-Хозяйственный институт в Борисоглебске (С.-Хоз. институт в Воронеже октябрьская революция застала уже организующимся). Политехникум в Брянске, давно утвержденный Коллегией Нар. Ком. Пр., остается пока на бумаге: и здесь кстати напомнить о второй причине, затрудняющей возникновение школ этого рода. Почти невозможно, при данных условиях, добыть для них необходимое оборудование и учебный персонал. Может быть, самым рациональным было бы непосредственное соединение политехникумов (или, по крайней мере, упрощенного типа «техникумов») с крупными заводами. На эту сторону дела и обратит, надо надеяться, внимание Комитет профессионального образования, в ведение которого переданы теперь высшие технические учебные заведения.

Остается прибавить, чтобы исчерпать эту сторону дела, что Советская власть не только открывала новые университеты, но и закрывала старые в тех случаях, когда существование их, в новых условиях, было явно не рационально. Старый порядок вынуждал иногда открытие новых высших учебных заведений, параллельно с уже существующими, вовсе не потому, чтобы аудитории последних были переполнены. Недопущение женщин в университет создало по всей России сеть женских курсов, процентная норма для евреев была поводом возникновения психоневрологического института в Петербурге и т. д. При новом режиме все эти искусственно возникшие учреждения пожелали приобрести имя и права университетов. Это им и было первоначально дано, но очень скоро Советская власть должна была убедиться, что из трех, напр., петербургских университетов ни один не используется даже на 50%. Параллельное их существование становилось явной бессмыслицей—и, сохранив от отдельных столичных унив-ов то, что являлось в них индивидуально-ценным, в общем и целом их как в Москве, так и в Питере «уплотнили» в одно высшее учебное заведение—к крайнему неудовольствию профессуры, потерявшей богатейший источник совместительства, но к очевидной пользе для дела.

Тут приходится перейти к другому основному недостатку старой высшей школы—недостатку, который вызывал вмешательство Советской власти в жизнь этой школы даже в том случае, когда эта власть не желала творить ничего нового, а стремилась лишь сохранить старое. Разложение буржуазного строя началось еще до революции, а параллельно с ним дряхлел и буржуазный университет. Это нашло себе очень яркое выражение, например, в упадке научной производительности петербургского и московского университетов в последнее пятилетие (цифры приведены в ежемесячнике «Народное Просвещение», № 4—5, ст. 31, поэтому не будем их повторять здесь). Так было, когда экономическая разруха не достигла еще крайней степени остроты, когда профессора могли учить, а студенты учиться в относительно сытой и теплой обстановке. Когда же, благодаря контр-революционным восстаниям и блокаде Антанты, перед крупными городами Советской России встал призрак настоящих, подлинных голода и холода, у академической интеллигенции обоих поколений руки совсем опустились. Что касается студенчества, немногих цифр достаточно для иллюстрации факта: в Московском университете на историко-филологическом факультете в 1918/19 учебн. году *числилось* 3.568 слушателей, а *фактически занималось* по официальным данным (стремящимся, само собою разумеется, изобразить максимум благополучия), *сто семьдесят семь*; на факультете общественных наук того же ун-та соответствующие цифры будут 2.474 и 229. В институте Народн. Хозяйства им. К. Маркса (б. Моск. Коммерческий Институт—одно из самых свежих, наименее заеденных академической рутиной, высших учебных заведений буржуазной России) на экономическом отделении *числилось* 2.994 студента, а занималось 594, на коммерческо-техническом отделении считалось 1.054, а чем-нибудь проявили свою принадлежность к данной высшей школе 387, при чем, повторяем, условия для того, чтобы отнести студента к «действительно занимающимся», взяты самые льготные: сдал человек за весь учебный год один зачет—значит «занимался»; по старой оценке, конца XIX столетия, например, такой студент считался бы безнадежным лентяем. Студентов, занимающихся не в кавычках, в Институте имени Маркса специальная проверка установила всего 274. На московском фак-те общественных наук в разряд занимающихся попали и те студенты, которые, страха ради колчаковского и деникинского, спешили сдать «государственные» экзамены (официально, разумеется, отмененные, но под сурдинку производившиеся еще весьма недавно, по карочитому желанию молодых людей, мечтающих об адвокатской или чиновничьей карьере в «возрожденной» буржуазной России). Сколько-нибудь прилично дело обстояло, собственно, только на *медицинских* факультетах, где фактически—а не по отчетам только—работало, в Москве, от 10 до 15% списочного состава студентов, при чем желающих работать всегда было больше, чем числилось свободных мест в лабораториях и анатомическом театре. Каковое обстоятельство и вынудило не только сохранить медицинский факультет II Московского Госуд. Уни-та (б. женск. курсы), но и открыть параллельное отделение на м. ф. I Гос. Ун-та, ныне превратившееся в самостоятельную высшую медицинскую школу.

Что касается профессуры, учесть в ее среде «фактически занимающихся» неизмеримо труднее, чем в студенческой. «Ученые записки» высших уч. зав-й ныне, благодаря бумажно-типографскому кризису, почти не выходят. Целый ряд лабораторий не работает не по лености их руководителей и ассистирующего персонала, а за полным истощением необходимого материала. В биологических лабораториях Московского университета этот материал не обновлялся с начала империалистской войны, а то, что уцелело, померзло в прошлую зиму, когда в помещениях лабораторий было 2 градуса холода. При таких условиях приходится удивляться не тому, что ученых работ мало, а тому, что изредка появляются такие работы, и делаются открытия, иногда первостепенного значения (об этом подробнее будет сказано ниже, в отчете по научным учреждениям). Но есть области науки, где после революции научный материал не только не оскудел, а, напротив, стал неизмеримо богаче, нежели когда бы то ни было в предшествующее время. К таким областям относятся прежде всего общественные науки: грандиозный общественный эксперимент, происходящий у нас на глазах и оставляющий по своему следу груды документов, сам по себе должен был бы возбудить интерес юристов, экономистов и социологов. Если прибавить к этому, что революция все тайное сделала явным, что теперь более нет никаких «секретных» архивов, и перед русским историком лежат материалы для изучения ближайшего прошлого в таком изобилии и такой подлинности, о каких мы и мечтать не могли еще десяток лет назад, следовало бы, казалось, ожидать, что все имеющаяся в распоряжении научного отдела Государственного Издательства бумага и все предоставленные этому отделу типографские возможности будут использованы, хотя бы для опубликования вновь открытых материалов и сводок по ним—если не для монографических работ, требующих более углубленного исследования. Ничего подобного не произошло. Во вновь открытых архивах занимаются урывками, в промежутках политической работы, партийные литераторы, а не академические историки; когда же этим последним случается взяться за перо, из-под него выходит классическое исследование о хождении княгини Ольги в Царьград или об источниках такой-то главы Уложения Алексея Михайловича. Изменениями, происшедшими в строе русской промышленности в связи с войной и двумя революциями, интересуются германские ученые—а в России один-два человека, опять-таки из тех, кого старый режим никогда не пустил бы на университетскую кафедру. Таким образом, в той области, где нет внешних препятствий для работы, профессура обнаруживает то же анабиотическое состояние, в какое, гораздо более явно, давно уже впало некогда слушавшее ее студенчество.

Народный Ком. по Просв. давно уже употребляет все усилия, чтобы разбудить спящих. Он начал с самых мягких мер—созвал, в течение 1918 года, два совещания из деятелей высшей школы, с широким участием студенчества (подробный отчет о результатах первого из них, происходившего в июле, был дан на первом всероссийском съезде по просвещению, в авг.—сент. того же года). Помня, что мы имеем перед собою буржуазных ученых и буржуазную молодежь, мы не

предлагали ничего «коммунистического», наша программа была, признаемся откровенно, «учредиловской». Мы стремились возбудить активность учащих и учащихся высшей школы, устранив из последней все бюрократические навыки, на которые так горько жаловались лучшие академические деятели лучшей поры русских университетов — 40—60-х годов. Мы заклинали «духа уныния, любоначалия и празднословия» святыми, казалось бы, для российской академической среды именами Пирогова, Кавелина, Костомарова. Мы должны были убедиться, что если бы и сами эти гиганты буржуазной науки пришли в современные нам советы и факультеты, их не признала бы теперешняя профессура. В ответ на предложенную Комиссариатом демократизацию университетов, старейший из них, Московский, ответил заслуживающей бессмертия в академических летописях жалобой на то, что Советская власть хочет ввести в высшей школе... потогонную систему. Во всей реформе почтенные старцы науки увидали лишь одно: что их заставляют больше работать—и пришли в ужас. Ужас, лучше всего другого объясняющий нам скудость ученых работ, выходящих из теперешней академической мастерской.

Московский университет и на первом, и на втором (в сентябре) совещании «давал тон» и определял мнениями своих представителей, голосование большинства. Но справедливость требует сказать, что далеко не все присутствующие следовали указаниям его дирижерской палочки. Даже среди профессуры наметилось течение более «левое», готовое в ряде пунктов пойти навстречу предложениям Комиссариата; к этому течению принадлежали, главным образом, представители петроградских учебных заведений, особенно технических. Здесь чувствовалось, насколько потребности даже буржуазной науки переросли традиционные рамки бюрократического «ученого присутствия», свято оберегавшегося от всякого свежего дуновения до-февральской Россией, но оставленного в неприкосновенности и правительством Керенского. То, что дало небольшую группу среди профессуры, собрало среди студенчества уже значительное меньшинство. При желании Комиссариата заниматься демагогией, опираясь на эти два меньшинства, можно было бы, разумеется, попытаться провести, в значительно обрезанном виде, нашу «учредиловскую» платформу. Но она, во-первых, была для нас самих уже окончательным минимумом: урезывать было нечего. А во-вторых, тон и манера себя держать большинства совещаний не оставляли никакого сомнения, что в этой области пролетарская диктатура нужна отнюдь не менее, нежели во всех других областях советского строительства, и что никаким «учредиловским» компромиссам здесь места нет. Перед нами были штаб и кадры «ученой лейб-гвардии» старого режима, не дававшей пощады противнику, когда власть была в ее руках, и принимавшей за слабость и трусость малейшую готовность новой власти пойти ей навстречу и столковаться. Она уважала только силу, и ей только привыкла повиноваться—надо ей было показать, что сила перед нею есть, и что повиноваться ее заставят.

Декретом 6 августа 1918 г. (изданным, таким образом, до второго совещания, но когда ответы и заключения советов высш. учебн. завед. по первому совещанию уже были в руках Коллегии Н. К. П., так что иллюзиям места уже не оставалось) были разрушены два главных барьера, отделявших народную массу от университета: отменена *плата за ученье* и требование *диплома* от поступающих в высшую школу. Второе не шло далее того, что уже осуществлялось, частично, в неказенных университетах (напр., имени Шанявского, в Москве) и ранее; тем не менее, когда по декрету Советской власти все университеты сделались «шанявскими», те самые люди, которые создали этот последний университет, нашли целый ряд неудобств в «шанявских» порядках. Каждым уцелевшим обломком былой стены пользовались, чтобы начать строить новую баррикаду, и понадобилось ряд новых ударов кирки, чтобы окончательно очистить путь. Следуя традиции того же «Шанявского», Комиссариат сначала разрешил «собеседования» для определения степени подготовленности приступающих к «практическим занятиям»: собеседования сейчас же превратились в экзамены по программе средних учебных заведений, и разумную само по себе меру пришлось отменить, дабы отрезать всякую возможность злоупотреблений. С той же целью,—увеличить доступность высшей школы для масс,—было предписано открыть вечерние занятия, что позволяло бы посещать лекции рабочим и служащим, несвободным днем. Насколько целесообразна была мера, показывает тот факт, что когда нынешней (1919/20 г.) зимой пришлось ограничить вечерние занятия из-за отопительного и осветительного кризиса, в числе первых жалобщиков явилась именно профессура, не могущая теперь представить себе университет без вечерних лекций. Но полтора года назад введение этих последних Советской властью наткнулось на такой ожесточенный саботаж, что Отд. В. У. З. пришлось прибегнуть к мере, в высокой степени странной на первый взгляд: *запретить* вовсе чтение лекций *днем*. Только этот решительный шаг заставил профессуру сделать опыт—испробовать, действительно ли вечернее освещение непреодолимо мешает лектору читать, а студенту слушать... Не много времени оказалось нужно, повторяем, чтобы «невозможное» обратилось в привычку.

Но старая школа имела барьер не только при входе, а и при выходе. На пути к диплому, обеспечивавшему «карьеру», была оставлена еще более узкая калитка, нежели при входе в преддверие этой «карьеры». Сравнительно легко доставшийся диплом средней школы сменялся тут более трудным «государственным экзаменом». Казалось бы, против этого барьера должно было бы восстать, прежде всего, само студенчество: кому охота преодолевать лишнее и практически совершенно не нужное препятствие? Но барьер отделял от «черни», и обеспечивал, повторяем, «карьеру», упраздненную октябрьскою революцией, которую белогвардейская реакция могла благополучно воскресить. А так как верой в эту реакцию жила вся российская интеллигенция до осени прошлого (1919) года, то становится понятна та преданность буржуазного студенчества государственным экзаменам, о которой уже упоминалось выше. Пришлось прибегнуть к средствам революционной диктатуры и в этом случае: постановлением Коллегии Отд. В. У. З. от 27 ноября 1918 г., были категорически запрещены все и всякие официальные экзамены в высшей школе; допущена была лишь проверка усвоенного учащимися пройденных курсов неофициально, по добровольному соглашению с преподавателями. И этой скромной уступки было достаточно, чтобы государственные экзамены фактически продолжались до прошлого (1919) лета. Количество охотников подвергать себя нелепому самоистязанию стало убывать лишь с крушением белого фронта. Надежды на «карьеру» блекли все более и более. Однако, еще недавно заведующему Отд. В. У. З. пришлось отклонить просьбу одного молодого гражданина, во что бы то ни стало желавшего отэкзаменоваться и получить официальное в этом удостоверение. Само собою разумеется, что полную отмену всякого рода испытаний приходится рассматривать, как опять-таки меру временную: право врачебной или инженерской практики не может быть предоставлено людям, знания и умелость которых не удостоверены надлежащим способом. Выработкой этого способа и занят в настоящее время Г. У. С., надеющийся к будущему учебному году поставить на место старого «государственного экзамена» нечто более рациональное.

Профессорский саботаж, естественно, наводил на мысль об освежении личного состава высшей школы. К сожалению, по указанным уже в самом начале этого отчета причинам, это было всего труднее—и меры Н. К. П. в этом отношении следует признать наименее удачными. Нар. Ком. провел в С. Н. К. (декретом 19 окт. 1918 г.) перевыборы всей старой профессуры (всех, занимавших кафедру не менее 10 лет). Выборы, инструкцией, изданной в развитие декрета, были поставлены на широкую основу всероссийского конкурса, порядок которого был установлен согласно с пожеланиями самой профессуры, высказанными на втором совещании (сентября 1918) г. При этом были устранены все остатки ученого ценза и академической иерархии (ученые степени, разделение профессоров на «ординарных» и «экстраординарных» и т. п). Надежды возлагались на стоявшую до сих пор за цензом академическую молодежь, так называемых «младших преподавателей» (приват-доцентов ассистентов и т. п.), получивших, при небольшом преподавательском стаже, на выборах те же права, что и старшее поколение «хозяев кафедр». Надежды оправдались в минимальной степени: ученые адъютанты не решились восстать против своих генералов, и «хозяева кафедр» почти все остались на своих местах. Петроградская профессура, столь напугавшаяся нового декрета, что нашла нужным выхлопотать от Совпроса специальное для себя из этого декрета изъятие, вероятно, очень потом конфузилась этого испуга: и там, где декрет был осуществлен, фактическое положение почти не изменилось. Единственным реальным последствием декрета 10 октября осталось упразднение ученых степеней, что, конечно, само по себе является огромным шагом вперед в деле демократизации высшей школы.

Было ясно, что ожидать самооздоровления от одряхлевшего организма не приходится. Что старое нужно просто сломать, и на его место поставить новое. Коммунистическое студенчество, со свойственным юношеству оптимизмом, требовало ломки до самого фундамента и даже глубже. Университет, по его мысли, должен был быть превращен в трудовую школу 3 ступени, с совершенно новыми приемами преподавания, которые, нужно сказать, рисовались требовавшим «октябрьской революции» в университете не совсем ясно. Вторая из указанных в начале отчета задач — необходимость снабжать Республику специалистами— не позволяла О. В. У. З. пойти по этому пути; не трудно себе представить, какая катастрофа разразилась бы, если бы высшую школу, особенно специальную, постигла участь школ 2 ступени. Тут опять приходилось быть «минималистами», и ломать лишь те части старого здания, где ни о каком ремонте думать уже не приходилось. К таким частям, несомненно, принадлежали юридический и, на добрую долю, историко-филологический факультеты. Закрытие первого, собственно, запоздало: главную фабрику буржуазной идео-

логии нужно было ликвидировать одновременно с упразднением буржуазной прессы, еще зимою 1917/18 года. Но как ни само собою разумелся этот шаг, не нужно говорить, что и он встретил в Москве упорнейшее, хотя и пассивное, конечно, сопротивление. Правда, сопротивление относилось не столько к закрытию юридического факультета, сколько к *открытию* на его место факультета общественных наук. Наркомпрос и здесь применял средства максимально мягкие: он не хотел, чтобы хотя одна крупная *научная* сила, из имевшихся на упраздненном факультете, оказалась за бортом университетского преподавания. Только людей, приобретших себе значение исключительно, как идеологи буржуазного общества, или научно-бесполезных до очевидности, не приняли в состав нового факультета общественных наук. Но бывшие юристы непременно хотели войти в этот последний в полном составе. Мало того, они упорно не желали пустить к себе людей свежих, научно стоявших не ниже их самих, но не обладавших академическим цензом (к этому времени уже упраздненным формально советским декретом). По поводу работ тов. Стеклова, напр., пришлось выслушивать нечто вроде речей «официальных оппонентов» на докторском диспуте. В конце-концов, «ревнителям древнего благочестия» пришлось, конечно, отказаться и от того, и от другого: не все бывшие юристы вошли в состав факультета общественных наук — и корпорация последнего наполовину составилась из людей нецензовых, которым только революция могла открыть дорогу на кафедру. Но процесс образования нового факультета растянулся на целых четыре месяца: постановление о закрытии юридических факультетов появилось в декабре 1918 г., а московский факультет общественных наук был организован окончательно не раньше начала апреля 1919 г. В провинции дело прошло значительно проще и скорее.

Главною особенностью нового факультета является соединение общественных наук с историческими—две группы, до тех пор расколотые на два факультета: юридический и историко-филологический. Это давало решительный перевес на юридическом факультете дисциплинам абстрактным или, попросту говоря, метафизике над наукой, а на филологическом вырывало социологический базис из-под ног историка, облегчая последнему возможность, по выбору, или замыкаться в пределах самой узкой специальности, или поддерживать в себе и своих слушателях историко-идеалистические иллюзии. Для борьбы с историческим материализмом и то и другое было, конечно, очень удобно. Теперь, каждый историк, кончающий факультет общественных наук, обязательно должен прослушать курсы социологии, сравнит. этнологии, политической экономии, статистики и т. д. Дальнейшую борьбу с идеалистическими пережитками облегчат такие, вновь основанные в фак. обществ. наук кафедры, как история мировоззрений, история религии, история техники и т. п. Обломком старого до сих пор остаются философское, словесное и классическое отделения историко-филологического факультета в Москве и провинции, не введенные в рамки нового факультета намеренно, чтобы старое не задушило вовсе нового (и без того опасность не мала). В Питере не приняли этой меры предосторожности, что заставляет опасаться за участь всего преобразования. Но с отсечением наиболее свежей части филологического факультета, то, что осталось (в Москве и провинции), гриняло еще более архаический вид. Какими-то выходцами с того света глядят теперь все эти бесконечные курсы по теории познания (под разными наименованиями в Моск. у-те) римских «древностей», а особенно «упражнения по древним языкам» (в Москве на них было отведено 120 часов. В новых планах оставлено 24 часа—факультет долго отстаивал §6). Окончательная ликвидация этих остатков средневековья могла бы выразиться в создании лингвистического факультета (или лингв. отд. факульт. общ. наук) с живыми языками, как центром, вместо мертвых.

Вся эта ломка старого нисколько, разумеется, не отвлекала внимания О. В. У. З. от тех положительных задач, для которых ломка лишь расчищала путь. Поднять число специалистов, выпускаемых нашей школой, и поднять % вышедших из пролетарских и крестьянских слоев среди этих специалистов,— этих двух целей отдел не упускал из виду ни на минуту. Кроме особенностей высшей школы (старого типа, преградой на пути к обеим целям являлась общая экономическая разруха, особенно дающая себя чувствовать в 1919/20 году. Как раз для студентов тех специальных категорий, которым Наркомпрос должен был особенно сочувствовать и о которых он должен был усиленно заботиться, существование в условиях теперешней городской жизни становилось почти невозможным. Классические виды студенческого заработка, уроки и переписка, ходом событий были совершенно упразднены: кто теперь станет нанимать к детям «репетитора» и кому придет в голову переписывать от руки свою рукопись, когда ни одна типография не примет не ремингтонированного текста? К чести наиболее демократической части студенчества нужно сказать, что она не гнушалась и физическим трудом: в самом Отделе В. У. З. долго работали два студента-истопника. Но иные

служащие, занятые, самое большее, на 50% своего рабочего времени, недружелюбным оком смотрели на этих «конкурентов» не по работе, а по «месту», и, в конце-концов, ревностно поддерживаемые профессиональным союзом, вытеснили их из своей среды. По отношению к студенчеству, таким образом, революция дала парадоксальный результат, ухудшив положение его *беднейшей* части и дав возможность продолжить занятия как раз молодежи из буржуазных семей, сохранивших кое-какой достаток. Этот факт заслуживает быть отмеченным хотя бы потому, что им объясняется упорство белогвардейских настроений в студенческой массе. Убежищем для беднейших студентов послужили советские учреждения, но работа в них уже серьезно отвлекала от работы в университете, особенно первое время, пока Советская власть не настояла на вечерних лекциях (см. выше). Факт этот бросался в глаза с первого разу, и одновременно с изданием декрета 6 августа 1918 г. С. Н. К. постановил «предоставить в широком размере стипендии тем лицам из среды пролетариата и беднейшего крестьянства», которые поступали в высшую школу на основании этого декрета. Для этой цели во 2 полугодии 1918 г. было ассигновано 25 милл. рубл., в 1 полугодии 1919 г.—60 милл. рубл. и в 2 полугодии того же года 90 милл. Рост суммы, как видим, точно соответствовал росту тарифных ставок, отставая, к сожалению, как и эти последние, от роста цен на предметы первой необходимости.

Если в сентябре 1918 г. ежемесячная сумма «социального обеспечения» студента кое-как его обеспечивала *индивидуально*, то зимой 1919 г. обеспечение могло быть достигнуто лишь при строгом соблюдении *коллективной* формы—закупки всего необходимого на местах или получения из центральных распределительных органов по твердым или, во всяком случае, не сухаревским ценам, и выдачи продуктов натурой, в виде обедов, отопляемого помещения, одежды, обуви и т. д. Простое, при нормальном порядке, дело обращалось в сложнейшую хозяйственную операцию, к которой и студенчество, и О. В. У. З. были весьма мало подготовлены. По отношению к социальному обеспечению в этой единственно рациональной теперь форме кое-что могло *быстро* быть сделано лишь в производящих губерниях: раньше всего коллективное обеспечение стало фактом в Саратове, где студенческая столовая весной 1919 г. считалась лучшей в городе. В Москве лишь теперь, с образованием городского Совета по социальному обеспечению студенчества, централизовавшего дело закупок в одних руках, обеспечение натурой из пожелания начинают превращаться в реальный факт, и учащиеся из рядов пролетариата начинают получать действительную материальную поддержку от Советской власти. Денежное же обеспечение (1800—2200 р. по московским ставкам—приблизительно 18 руб. на до-военные цены), будучи ниже даже грошевых стипендий старого режима (от 25 до 40 руб.), опять-таки может иметь значение лишь для «отецких детей», хоть отчасти обеспеченных своей собственной семьей.

Не мало осложнялось и дело социального обеспечения теми трениями, которые, повидимому, неизбежны, раз речь идет о старой школе. Казалось бы, что социальное обеспечение, как оно ни было скудно, настолько в интересах студенческой массы, что тут, по крайней мере, ждать саботажа не приходилось. На первый взгляд так и было: первая «комиссия по социальному обеспечению», работавшая с сентября по декабрь 1918 г. и составившаяся преимущественно из того меньшинства студенческих представителей, которые на совещаниях по высшей школе пошли навстречу Советской власти, весьма быстро и аккуратно разассигновала 25 милл., отпущенных в ее распоряжение на осенний семестр 1918 г. Но достаточно было бросить взгляд на результаты ее работы, чтобы увидеть, что, при всей своей аккуратности и быстроте, она отнюдь не отвечала заданию, поставленному С. Н. К. и говорившему об оказании поддержки определенным *классам* в первую голову. Нужно было поставить вопрос на классовую почву—и для этого комиссии из членов бывших студенческих старостатов явно не годились. Для этих питомцев старой высшей школы не существовало классов — было «студенчество» — «однородное», т.-е. сплошь буржуазное: были органы студенческого самоуправления, избранные на основе всеобщей подачи голосов, что при ничтожном % студентов из рабочих и крестьян (не по паспорту, а по фактическому положению) могло дать опять-таки лишь буржуазное представительство. Выход был ясен, социальное обеспечение нужно было отдать в руки людей, понимающих классовую точку зрения или, откровеннее говоря, не стоящих на классовой точке зрения буржуазии. Такими в университетах были только студенты-коммунисты. Н. К. П. и были созданы при каждой высшей школе комиссии социального обеспечения, каждая из двух студентов-коммунистов, назначенных советскими органами, и одного представителя от студенчества, как целого. В центре, в качестве объединяющего эти комиссии органа, была создана «Всероссийская Коллегия по социальному обеспечению и трудовой повинности студенчества» под председательством заведующего Отделом В. У. З.

Такие решительные меры вызвали, как и надо было ожидать, взрыв ярости со стороны

организованного буржуазного студенчества (составляющего—мы говорим об организованном, а не о буржуазном студенчестве,—лишь ничтожное меньшинство общей студенческой массы). Его представители, «старостаты», хотя и избранные $^1/_{10}$ номинально числящихся в у-тах студентов, давно привыкли к мысли, что студенчество — это они, старостаты. Уже одна мысль о том, что будут какие-то независимые от них «представители» студенческой массы, должна была привести их в бешенство. А то, что большинство комиссий составят даже и не эти представители, а многие месяцы травимые, тысячу раз оплеванные, как «бандиты», «немецкие шпионы» и проч., и проч. коммунисты—это уже было для старостатов совершенно непереносимо. Был выпущен лозунг—представителей в комиссии не выбирать, и никакого дела с ними не иметь. На практике это привело к тому, что и третий член в комиссиях оказался, в большинстве случаев, коммунистом, но зато вся тройка, лишенная поддержки чуравшейся ее студенческой массы, лишь с крайней медленностью могла выполнять свою работу. Сметы на первое полугодие 1919 года были готовы только к маю—июню. А летом начались массовые мобилизации коммунистической молодежи, местами комячейки В. У. З. полностью отправились на фронт — не мудрено, что и полученные на местах уже суммы нередко оказались неизрасходованными, что и дало Н. К. Ф. повод урезать и без того скудные кредиты на второе полугодие. Цифровые данные приведены полностью в приложении—мы не будем их здесь повторять. Реальные размеры стипендий мы уже приводили выше. При самой строгой централизации заготовок (что достигается в городах с несколькими высшими учебными заведениями образованием «городских советов по социальному обеспечению и трудовой повинности студенчества» из представителей комиссий социального обеспечения всех высш. учебн. завед. данного города) кредиты их должны быть увеличены не меньше, чем в 5—6 раз, если мы хотим, чтобы соответствующие декреты Советской власти не остались пустым звуком.

Это относится к самому крупному и, насколько можно судить по первым шагам, самому удачному созданию этой власти—*рабочим факультетам*. Характерно, что в то время, как попытки исправить старую буржуазную школу дали результаты, близкие к нулю, первая же попытка совершенно порвать с традицией и создать нечто, безусловно новое, сразу нашла себе твердую почву. Идея рабочих факультетов вышла из второго совещания по высшей школе (сентябрь 1918 г.). После того, как пленум этого совещания закончил свою малопроизводительную работу, профессора высших технических школ были приглашены сстаться еще на несколько заседаний для решения вопросов, связанных с учебными заведениями именно этого типа. Характерно, что атмосфера сразу освежилась после ухода университетских профессоров и прения тотчас же приняли деловой характер. Профессорам техникам был между прочим поставлен вопрос: при каких условиях рабочие могли бы становиться студентами высших технических учебных заведений? Лишь ничтожное меньшинство присутствующих объявили это решительно невозможным. Огромное большинство охотно признало, что окончание курса общеобразовательной средней школы отнюдь не необходимо для прохождения школы технической. Что, напротив, поскольку прежние гимназисты приходили в эту последнюю плохими математиками, не умеющими ни чертить, ни рисовать, безо всяких навыков к работе в лаборатории и мастерской, они являлись плохими студентами-техниками, что, с другой стороны, множество «словесных» познаний, которыми обременена была память тех же гимназистов, не только не помогало, а, напротив, стесняло их. Наконец, на прямо поставленный вопрос: есть ли возможность подготовить рабочего к высшей технической школе непосредственно, не проводя его через среднюю школу даже упрощенного типа, целый ряд профессоров дал категорически положительный ответ, различно только определяя срок, необходимый для этого—два, три, иные говорили о 4 годах.

Пожелание представителей Н. К. П. видеть задачу разрешенной в течение одного года было признано неосуществимым почти единогласно. Сообразуясь со всеми этими заявлениями, Комиссариат и приступил к выработке программ подготовительных курсов для рабочих, желающих поступить в высшие учебные заведения, тогда же, осенью 1918 г. С образованием отдела профессионально-технического образования, задача эта была передана ему — как она была разрешена, ответ на этот вопрос найдет себе место в соответствующем отчете. Комиссариат, несомненно, сделал ошибку, не развив, параллельно с этим, широкой агитации среди пролетариата, по крайней мере, обеих столиц, за вступление рабочих в высшую школу. Эту ошибку отчасти исправило коммунистическое студенчество бывш. Коммерческого института в Москве (теперь Институт Народного Хозяйства имени К. Маркса). Пользуясь чрезвычайно выгодным положением этого учебного заведения, среди красного Замоскворечья, в самом пролетарском районе Москвы, студенты-коммунисты развили здесь интенсивную агитацию, в результате которой до 1000 молодых рабочих района записались в число студентов института. Это было слишком хорошо для скромных «подготовительных курсов», кроме того, студенты-коммунисты с верным чутьем поняли, что было бы мало тактично отделять какою-то перегородкой начинающих студентов рабочих от таких же студентов буржуа: что и те и другие должны быть *студентами на одинаковых правах*.

Так родилась идея рабочего факультета, первым образчиком которого и был рабочий факультет Института К. Маркса, открытый Наркомом А. В. Луначарским 31 января 1919 года. Несмотря на крайне тяжелое материальное положение и на мобилизацию, захватившую пролетарскую молодежь не меньше коммунистического студенчества, он провел первый свой курс вполне успешно. Указанные сейчас условия отразились, конечно, на устойчивости состава слушателей. Студентов, прослушавших все три триместра рабочего факультета, до сих пор состоявшихся, нашлось из 483 записавшихся всего 106 (40 на счетоводно-финансовом цикле, 34 на электро-техническом, 22 на металлообрабатывающем, 6 на сельско-хозяйственном и 4 на рабоче-промышленном). Кроме того, 251 человек занимались на подготовительных курсах, предназначенных для рабочих, не прошедших никакой школы (большинство студентов основного отдела Р. Ф. кончили городское училище). Факультет работает в тесной связи с профессиональными союзами, которые принимали деятельное участие и в его организации.

В январе же 1919 г. открылись и подготовительные курсы при 1 Московском Государственном университете. Менее выгодно расположенные (на Моховой, в центре городского района, где, кроме типографий, больших фабрик нет), они заключают в себе более мелко-буржуазных элементов, чем Замоскворецкие. С осени курсы переименованы в рабочий факультет. Занимается на них около 600 человек, из которых до 50 продвинулись за год уже настолько далеко, что могут слушать ряд курсов совместно со студентами младших семестров. Третий «рабочий факультет» в Москве существует при институте инженеров путей сообщения (на Бахметьевской); он самый малолюдный (до 150 фактически занимающихся) и дает еще третью любопытную социальную особенность: на нем много крестьян.

Если присоединить сюда курсы, состоящие не при высших учебных заведениях и заведуемые Секцией (ныне Главн. Комитетом) Проф.-Техн. Образования, где занимались 300—400 человек, то всех рабочих, пролетариев или полупролетариев и крестьян, готовящихся к высшей школе, в Москве насчитывается до полуторы тысяч человек. Это не много для города с полумиллионом взрослого пролетарского населения и дает повод говорить о «кустарности» предприятия или о его неудаче. Необходимо сказать два слова о причинах этого явления. Причины эти чисто материальные. Невыгодное мнение об интенсивности тяги московского пролетариата к науке сразу переменится в противоположное, когда мы вспомним, что социальное обеспечение для Москвы составляет максимум (еще не разрешенный пока Комтрудом)—4.800 р.; среднее, нормальное—2.200 р. А заработок квалифицированного рабочего в Москве,—7—8 тыс. рубл. в месяц. Бесплатное теоретическое, образование обходится московскому рабочему не дешевле 2.000 р. в месяц. Естественно, что только люди особенно интенсивной жажды знания, притом не связанные семьей, могут итти на такое самопожертвование. Только нормально-поставленное *натуральное* обеспечение, гарантирующее рабочему и студенту и теплый угол и сытость, если возможно, не только ему самому, но и его семье, может вывести рабочие факультеты из их «кустарного» существования.

Вот почему, не пугаясь «кустарности» московского опыта, О. В. У. З. постановлением от 15 сентября 1919 года сделал образование «рабочих факультетов» обязательным для всех учебных заведений, находящихся в его ведении. К сожалению, на местах, не всюду профсоюзы и комячейки достаточно отчетливо представляют себе все значение создания пролетарской интеллигенции для успеха революции и кое-где организация раб. фак-ов попадает в руки профессорских коллегий, которые, даже и не желая саботировать, просто по непониманию задачи учреждения, сводят его к банальным «научно-популярным» курсам. Но это — временно, как временны и материальные затруднения. С мест уже являются в Москву рабочие, увлеченные новой идеей, и скоро рабочие факультеты в провинции будут иметь под собою такую же твердую почву, какую они уже приобрели в Москве.

Настоящий отчет очень затянулся—между тем он далеко не исчерпал всей деятельности О. В. У. З. за два первые года его существования. Проведенные им преобразования коснулись и *организации* высших учебных заведений и *учебных их планов*. О последнем, впрочем, наиболее существенном уже сказано в связи с возникновением факультетов общественных наук. Первое, главным образом, стояло в связи с тою классовою позицией, которую Отделу пришлось занять не только в вопросе социального обеспечения. Саботаж старостатов дискредитировал вообще идею общестуденческого представительства — и постановление Коллегии Н. К. П. от 7 июня 1919 г. заменило в соответствующих коллекти-

ах представителей от «всех студентов» представителями партий, стоящих за Советскую власть (сомкнувшихся к этому времени в «социалистический союз пролетарской высшей школы»). Это, конечно, мера временная—и в настоящую минуту перед Коллегией Научного Сектора Н. К. П., как и перед Государственным Ученым Советом, стоит вопрос о выработке нового университетского устава, отвечающего общему строю Р. С. Ф. С. Р.

Г. У. С. предстоит, разумеется, заняться не только этим. Это учреждение, созданное в апреле 1919 г., вообще призвано разрешить ту задачу, которая оказалась не под силу «совещаниям» 1918 г. Но обстановка гражданской войны, крайняя неустойчивость того рабочего персонала, на который можно было бы опереться при практическом проведении реформы, главным образом, все того же, ежеминутно мобилизуемого во всех направлениях, коммунистического студенчества, заставляли откладывать эту основную задачу. В своих 18 заседаниях Г. У. С. (составившийся из 10 членов, 5 от Коллегии Н. К. П. и 5 от В. Ц. И. К., под председательством Наркома или его заместителя) занимался, благодаря этому, главным образом, второстепенными вопросами. Первой работой, которую ему пришлось выполнить, была организация факультетов общественных наук. Затем им выработаны правила контроля над занятиями студентов, получающих социальное обеспечение (Положение об учебной повинности учащихся в высших учебных заведениях утверждено Г. У. С. 7 мая 1919 г.), разработан план уплотнения высших учебных заведений (см. ниже), приняты правила о допущении к чтению лекций в высших учебных заведениях, имевшие особенно необходимыми в виду упразднения существовавшей раннее приват-доцентуры, наконец, решен ряд частных вопросов об открытии в различных высших учебных заведениях новых факультетов, отделений, кафедр и т. д.

Общее количество профессоров и преподавателей высших учебных заведений Р.С.Ф.С.Р. находящихся в ведении Отдела Высших Учебных Заведений Н. К. по Просвещению.

1. Московский I Госуд. Универс.	947
2. » II » » .	273
3. » III Университет имени А. Л. Шанявского	170
4. Петроградский Единый Госуд. Университет	303
5. Казанский Госуд. Университет.	247
6. Саратовский » »	200
7. Ярославский » »	40
8. Воронежский » »	118
9. Нижегородск. » »	200
10. Смоленский Госуд. Университет.	23
11. Костромской » »	20
12. Тамбовский » »	43
13. Астраханский » »	23
14. Самарский » »	132
15. Туркестанский в периоде организ.	
16. Орловский Госуд. Университет— в периоде организ.	
17. Симбирский Госуд. Университет— в периоде организ.	
18. Томский Госуд. Университет.— сведения не поступили.	
19. Московская Высшая Медицинская Школа	43
20. Петроградский Медицинский институт	164
21. Петроградская Медицинская Академия	184
22. Психо-Неврологический Институт	166
23. Московский Институт Нар. Хоз. имени К. Маркса	130
24. Петроградский Институт Народного Хозяйства	91
25. Петроградский Институт Истории Искусств	50
26. Петроградский Высший Географический Институт	48
27. Петроградский Педагогический Институт при I Петроградском Госуд. Университете	52
28. Московский Финансово-Экономический Институт	15
29. Саратовский Экономический Институт	25
30. Институт Живого Слова . . .	78
31. Петроградский Химико-Фармацевтический Институт	35
32. Московский Археологический Институт	62
33. Петроградский Археологический Институт	35
34. Казанский Северо-Восточный Арх. и Этнограф. Институт	28
35. Петроградский Ветеринарно-Зоотехнический Институт	7
36. Казанский Ветеринарный Институт	32
37. Саратовск. Ветеринарн. Институт.	19
38. Московск. Ветеринарн. Институт .	34
39. Пречистенские рабочие курсы .	63
40. Армянский Институт	13
	4.113

Сведения о количестве студентов, числящихся в учебных заведениях, подведомственных Отделу Высших Учебных Заведений на 1919/20 уч. год.

	Мужч.	Женщ.	Всего.
1. Моск. I Госуд. Университет	9164	3627	12791
медиков . . .	6618	6568	13186
2. Моск. II Госуд. Университет	145	3457	3602
3. Моск. III Ун. имени А. Л. Шанявского . .			1489
4. Моск. Высшая Медиц. Школа	310	459	769
5. Моск. Институт Народ. Хозяйства	2983	1020	4003
6. Моск. Ветерин. Инст.	48		48
7. Моск. Археологический Институт			304
8. Моск. Армянский Инст.	178	12	190
9. Моск. Финансово-Экономический Институт . .			
10. Моск. Пречистенские рабочие курсы.			
Итого по Москве . .	20454	15928	36382
11. Единый Петроградский Университет.	6164	6688	12852
12. Петрогр. Ветеринарный Зоотехнич. Институт .	40		40
13. Петрогр. Педагогическ. Институт	150	310	460
14. Петрогр. Медицинский Институт	908	4166	5074
15. Петрогр. Медицинская Академия	1687	292	1979
16. Казанский Университет медиков . .	1867	1925	3792
	1425	1950	3375
17. Казанский Ветеринарный Институт	509	5	514
18. Казанский Сев.-Вост. Институт	77	45	122
19. Саратовский Университ.	9040	7579	16619
20. » Ветеринарн. Институт	516	11	527
21. Самарский Университет медиков . .	1146	1676	2822
	682	1538	2220
22. Ярославский Универс.	1057	695	1752
23. Воронежский Универс. медиков . .	2875	1408	4283
	2137	2340	4477
24. Тамбовский Универс.	1574	1369	2943
25. Смоленский »	817	258	1075
26. Костромской »	927	638	1565
27. Симбирский »	133	48	181
28. Томский » медиков . .	914	1238	2152
	1044	1860	2904
29. Астраханский Универс.	250	1262	1512
30. Туркестанский »			
31. Нижегородский »			1837
32. Петроградский Психо-Неврологич. Институт.			1503
33. Орловский Университет			
34. Петрогр. Институт Нар. Хозяйства	1093	278	1371
35. Петрогр. Институт Истории Искусств			
36. Петрогр. Географическ. Институт	359	356	715
37. Петрогр. Химико-Фармацевт. Институт . . .			
38. Петрогр. Археологический Институт. . . .			137
39. Петрогр. Институт Живого Слова			
40. Саратовский Экономический Институт . . .	1099	335	1434
Итого в провинции .	40423	40132	80565
Всего в Москве и провинц.	60877	56060	116937

Отчет о двухгодичной деятельности Научного Отдела Наркомпроса.

Основным, могучим и всепреодолевающим рычагом и обосновывающей опорой социалистического государственного строительства, его прогрессирования и преуспеяния является наука, научное знание. Научное мировоззрение, глубоко проникнувшее в народные массы, является одним из фундаментальных и необходимых условий и орудий прочного, устойчивого и подлинного социализма.

На науку, взятую с ее гуманитарно-общественной стороны, выпадает высокая, неизмеримая задача радикального пересоздания, переустройства общества, самого его строя, структуры, на науку, взятую в естественно-исторической и политехнической части, ложится почетная и неоценимая задача преобразования, реформирования окружающей материальной среды, постановки ее на такую высоту, при которой достигались бы высшие стремления человеческого духа.

Отсюда смысл, значение, роль и функция Научного Отдела в стройной системе государственных учреждений и органов.

Основной и превалирующей задачей Научного Отдела является мобилизация и концентрация всех научных сил страны и всемерное содействие и способствование их пышному расцвету и развитию, возможному только при замене единичных усилий коллективным научным творчеством. Учет, систематический подсчет, организация и координация ученых учреждений и научных деятелей—вот то первое и необходимое, что нужно создать, для того, чтобы научные силы и ученые усилия не оставались рассыпанными, разрозненными, бредущими поровнь и в одиночку и потому не осуществляющими или плохо осуществляющими те высокие и важные задания и проблемы, которые на них возложены государством и обществом.

Последующей задачей, теснейшим образом, органически связанной с первой, является систематическая, планомерная организация научных исследований и живая и деятельная поддержка всех начинаний и предпринимаемых попыток, направленных к рациональной постановке изыскательского, ученого труда.

Приступая к выполнению первой своей задачи, мобилизации наук, Отдел обратился к Академии Наук с предложением взять на себя организацию специальной Комиссии—из представителей ученых учреждений и обществ—для изучения народного хозяйства России. Академия Наук выразила свое согласие, предоставив свои научные и организационные силы для научных работ, выдвигаемых требованиями жизни, и поручила состоящей при ней Комиссии по изучению естественных производительных сил страны составить записку с изложением того, к чему Академия могла бы приступить немедленно, развивая, расширяя и дополняя уже начатое Комиссией. В исполнение этого поручения Комиссия естественных производительных сил России признала необходимым расширение ряда уже ранее взятых на себя конкретных задач, путем более широкого изучения народно-хозяйственной жизни вообще и обследования разных отраслей нашего народного хозяйства в отдельности.

Кроме Академии Наук к содействию государственного строительства была привлечена и Главная Физическая Обсерватория, которой было предложено образовать комиссию для составления проекта организации аэронавигационной службы, для воздушной связи между городами Российской Республики. Главная Физическая Обсерватория образовала комиссию для составления проекта организации метеорологических и аэрологических наблюдений и предсказаний погоды для нужд проектируемой аэронавигационной службы.

Для государственного строительства в дальнейшем были привлечены Общество Научного Института в Москве, Ассоциация Положительных Наук и Книжная Палата в Петрограде и целый ряд других научных учреждений и ученых обществ.

Второй задачей Отдела, теснейшим образом примыкающей к первой, является планомерная организация коллективных научных исследований для вышеупомянутых целей и деятельная поддержка начинаний, направленных к рациональной постановке ученого, исследовательского труда, Отдел принимал участие в разработке проектов исследовательских институтов, обсуждал и проверял их сметы, собирая заключения и отзывы компетентных учреждений и сведущих лиц о предположенных начинаниях и содействовал их осуществлению. Таким путем были созданы Институт благородных металлов (платиновый), Институт Физико-Химических исследований и Керамический Институт при Академии Наук, Институт изучения мозга и психической деятельности человека, Институт питательных веществ при Высшем Совете Народного Хозяйства и находились в стадии разработки и организации Научный Химический Институт, Статистический Институт (преобразуемый из Петроградских Статистических Курсов), Институт Агрономических Наук (преобразуемый из Ученого Сельско-Хозяйственного Комитета при Народном Комиссариате Земледелия), Институт Промышленно-Географического изучения России, Физико-Технический Институт, Зоопсихологическая лаборатория в Москве и т. д.

I. Организация сближения науки и практики.

В целях приближения научного метода к разрешению вопросов рабочей практики, сближения науки и практики, а также сближения научных работников между собою и взаимного осведомления во избежание непроизводительного параллелизма в научной работе имеют быть созданы центральный научно-вспомогательный орган и справочное при нем бюро.

Положение о центральном научно-вспомогательном и справочном бюро при Народном Комиссариате по Просвещению было утверждено Коллегией Комиссариата 1 июля 1918 г.

Задачей Центрального Научно-Вспомогательного и Справочного Бюро является техническое сближение практических работников с наукой и научных деятелей между собою посредством широкого обслуживания, научно-вспомогательной справкой и научным посредничеством. Задача эта осуществляется отчасти непосредственно, на основе собранного самим бюро материала, отчасти посредственно, силами учреждений, вступивших в систему Коллективов, ведающих работу обслуживания научно-вспомогательной справкой и посредничеством.

Организация этого центрального научно-вспомогательного и справочного учреждений деятельно осуществлялась. Были созваны совещания из представителей ученого мира и сведущих лиц, наметивших план, конструкцию и техническую сторону деятельности центрального органа. Не дожидаясь законодательного акта об окончательном учреждении центрального справочного органа, Научный Отдел часть предстоящей ему работы распределил между учеными учреждениями, приступившими к выполнению некоторых функций будущего органа. Таким образом, центральное научно-вспомогательное и справочное бюро должно лишь свести в законченную систему уже ведущиеся разрозненные начинания и объединить известную сторону работы этих учреждений, подчинив ее единству своей специальной задачи и особенностям своего практического назначения.

II. Организация научного обслуживания центральных советских учреждений.

Вторым необходимым предварительным условием правильно поставленной мобилизации науки Отдел считает рациональную организацию научного-обслуживания центральных государственных учреждений. Существующие при центральных Советских учреждениях ученые Коллегии, Комиссии, Комитеты, Советы и т. п. коллективы работают по неодинаковым планам, разрозненно, несогласованно, иногда параллельно над теми же вопросами. Научное обслуживание высших учреждений Республики страдает поэтому существенными дефектами. В целях их устранения нужно было прежде всего ознакомиться с настоящей их организацией и деятельностью. Для этого Научный Отдел решил испросить разрешение произвести в первую очередь подробное обследование деятельности этих Коллегий.

III. Организация науки.

Наконец, весь этот ряд организационных работ должен завершиться организацией самой науки. Должен быть создан из рядов самих ученых и деятелей в области науки высший научный центр, объединяющий и направляющий научную работу в стране. До сих пор эту функцию лишь отчасти в ограниченных размерах и в тесных рамках замкнутого учреждения выполняла или, лучше говоря, должна была выполнять Академия Наук. Ныне предполагается раздвинуть эти рамки, устранить замкнутость и кастовый дух и воздвигнуть омоложенный, более жизненный, более деятельный, построенный на более демократических началах центр. Этого Научный Отдел предполагает достигнуть путем создания исчерпывающего ряда ассоциаций по отдельным отраслям наук (естественных и гуманитарных). Ассоциации учреждаются на имеющих быть созванными специальных всероссийских съездах деятелей и представителей разных наук и научных учреждений. Каждая данная ассоциация по своем конструировании избирает для своей отрасли знания Совет, возглавляющий эту ассоциацию, а объединенный орган всех Советов является всеобъемлющим, представительным и организационным центром, который, по первоначальной мысли Отдела, должен взять на себя в этой части функции Академии Наук.

С течением времени работы над осуществлением идеи об ассоциации ученых приняли несколько иное направление. В связи с представленным в Научный Отдел Академией Наук проектом Союза ученых, Отдел занялся детальной разработкой сети союзов ученых, которой должна покрыться вся Россия, и выяснением взаимных связей, более или менее тесных, между отдельными отраслями науки.

I. Научно-вспомогательная секция.

Научно-вспомогательная секция занималась, главным образом, организацией центрального научно-вспомогательного и справочного Бюро. Секция разрабатывала все проекты этого Бюро, составила подробный план его конструкции и набросала схему его задач и будущей деятельности. Затем секция созывала совещания, на которых устанавливалась программа работ нарождающегося центрального Бюро, рассылала циркуляры с изложением функций нового начинания и вела переговоры с теми учреждениями, которые взяли на себя сотрудничество с Центральным научно-вспомогательным и справочным Бюро.

Далее, Секция организовала совместно с Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины ряд совещаний по музейному делу с представителями главнейших музеев Москвы. Также организовалась совместно с Библиотечным Отделом и Отделом Высшей Школы совещание по университетским библиотекам. В контакте с Академией Наук всесторонне выяснился вопрос о деятельности Международного Союза Академии и Бюро Международной Библиографии.

Кроме всего этого, Секция еще заведывала закупкой книг за границей для правительственных установлений и раздачей полученных книг по Советским учреждениям. Заказы выполнялись при участии Российского Генерального Консульства в Берлине, через Общую Канцелярию Комиссариата.

Научно-Вспомогательная Секция заведывала также библиотекой Научного Отдела, ею составлен был инвентарь и велся карточный перекрестный каталог.

II. Историко-филологическая секция.

Через Историко-филологическую секцию проходили все дела исторических, филологических, литературных, библиографических обществ, музеев изящных искусств, публичных библиотек и т. п. учреждений и организаций. В секции рассматривались сметы, представлявшиеся соответствующими учреждениями и объединениями, решались вопросы об отпуске кредитов и субсидий, созывались совещания для решения и освещения более сложных вопросов, требующих содействия компетентных сведущих лиц.

III. Педагогическая секция.

Педагогическая секция своею целью ставила организацию научно-педагогических сил

страны с привлечением к общей работе по реформе учебных заведений Российской Республики всех квалифицированных школьных работников в широком масштабе. Научным Отделом были посланы во все научно-педагогические учреждения особые воззвания с призывом высказаться по затронутым в воззвании вопросам о плане организации распыленных по стране научно-педагогических сил.

Несколько позднее педагогическая секция сделала попытку мобилизовать опытно-педагогические силы, рассыпанные по педагогическим журналам, в редакции которых и было разослано особое воззвание.

Кроме таких попыток к осуществлению широких планов, Педагогическая секция вела и свою будничную работу. Был составлен указатель печатных трудов, выпущенных главнейшими научно-педагогическими учреждениями за последние 5—6 лет, целью которого было помочь Научному Отделу ориентироваться при распределении между лицами и учреждениями научно-педагогических заданий. Секция постоянно входила в сношения с тем или иным научно-педагогическим учреждением по различным возникавшим вопросам, давала отзывы на присылаемые проекты из других Отделов по вопросам педагогического, учебного, библиотечного и другого характера.

IV. Естественно-историческая и медицинская секция.

1. Первой задачей секции была регистрация и обследование научных обществ и учреждений.

Задача эта осложнялась тем, что в силу целого ряда обстоятельств многие общества за последний год прервали свою деятельность или чрезвычайно сократили ее, а также многие переменили адреса, так что никаких подходящих справочников, списков и т. п. под руками не было. Секцией составлен возможно подробный список научных учреждений Москвы, Петрограда и провинции, и разослана по этому списку анкета, долженствующая осветить их настоящее положение и деятельность. При составлении анкеты секция руководствовалась, главным образом, желанием выяснить неотложные нужды обществ с одной стороны и возможность использовать общества для более широкой просветительной работы с другой.

Анкета встретила со стороны различных обществ сочувственное отношение.

2. Другой большой важности задачей, взятой на себя естественно-исторической секцией, было принятие ряда мер по организации научно-издательского дела в виду небывалого кризиса в этой области. Было созвано совещание из представителей Научного Отдела, Научных обществ и издательств, на котором была организована соответственная комиссия, приступившая к работе.

3. По инициативе и при энергичном содействии естественно-исторической секции был поднят и освещен вопрос о дальнейшем существовании Московского Зоологического сада, находившегося в неимоверно запущенном состоянии и не могущего обеспечить зверей от вымирания с голода. Созванная Естественно-Исторической секцией Комиссия из представителей науки и лиц, работающих в саду, выяснила научное и просветительное значение сада. Научный Отдел высказался за национализацию сада, которая в настоящее время осуществлена.

Выработано Положение о I Государственном Московском Зоологическом саде, в задачи которого входит собирание систематических коллекций из интересных в научно-практическом отношении основных групп животных и птиц, всестороннее изучение имеющегося в распоряжении З. С. живого материала, охрана от вымирания диких животных и птиц, представляющих научный или научно-практический интерес, культурно-просветительная деятельность.

4. Возбуждено и проведено дело о национализации библиотеки и музея Хомякова, представляющих исключительно большую научную ценность.

5. Был поставлен и обсуждался на нескольких заседаниях из специалистов и представителей Естественно-Исторической секции вопрос об учреждении зоопсихологического института. Ввиду выяснившейся невозможности в настоящее время организовать институт в широком масштабе, вопрос пришлось отложить, несмотря на всю желательность учреждения института для зоопсихических исследований.

V. Физико-Математическая секция.

Главная работа Физико-Математической секции направлена была на подготовку к съезду по метеорологии и геофизике. Крайняя необходимость внести планомерность и согласованность в деятельность метеорологических сетей, принадлежащих отдельным ведомствам, чувствовалась уже давно, и чуть не каждое ведомство, независимо от других и часто без их ведома, вырабатывало план такого объединения метеорологических сетей. Только съезд представителей всех заинтересованных ведомств, учреждений и представителей науки может вынести решение о всероссийской организации работ по метеорологии и геофизике, достаточно авторитетное для всех.

В деле организации науки вопрос о съезде по метеорологии и геофизике является таким образом вопросом первоочередным и как таковой рассматривался Научным Отделом.

В виде материала к предстоящему съезду был детально разработан, при участии наиболее видных специалистов, проект организации всероссийского геофизического союза, который и должен взять на себя постоянное объединение и согласование всех работ по метеорологии и геофизике.

До созыва Геофизического Съезда были выработаны основные положения о Российском Геофизическом Совете, которые были закреплены особым декретом Совнаркома. Российский Геофизический Совет является высшим государственным установлением для общего руководства, объединения и направления работ по геофизике. В состав его входят все государственные геофизические организации всех ведомств, а именно: геофизические, метеорологические, магнитные, гидрологические, аэрологические и сейсмические институты, обсерватории и станции, а также подлежащие отделы физических институтов, геофизические учреждения, бюро, отделы и службы ведомств, соответствующие кафедры высших учебных заведений, геофизические секции, комиссии и комитеты научных учреждений.

Из отдельных учреждений особое внимание Научного Отдела было посвящено Аэродинамическому Институту в Кучине. Основатель Института Д. П. Рябушинский просил принять его в ведение Научного Отдела. В связи с этим возник вопрос о преобразовании Института в учреждение с более широкой программой работ, а с другой стороны необходимо было выработать проект управления Институтом на новых началах коллегиальности.

Этим вопросам был посвящен ряд совещаний при Научном Отделе. По своей государственной важности и неотложности подобным вопросу об объединении деятельности метеорологических сетей является вопрос об объединении и координировании геодезических и топографических работ различных ведомств. Поэтому Научный Отдел разработал подобный проект учреждения Центрального Астрономо-Геодезического Института.

Обширной организационной работы потребовало от Научного Отдела создание Российского Научно-Химического Института вместо предполагавшегося первоначально Института химически-чистых реактивов. В настоящее время организация Института закончена, и с осени его лаборатории могут приступить к работе.

Выработано положение о Российском Научно-Химическом Институте, который учреждается с целью развития химических знаний и распространения и применения их в промышленной жизни страны, для лучшего использования ее производительных сил. Институт состоит из пяти отделений: физической химии, неорганической химии, электрохимии, органической химии, биологической химии.

Важной ближайшей задачей Научного Отдела является разработка ряда мероприятий для проведения в жизнь в учреждениях, подведомственных Наркомпросу, декрета о введении метрической системы мер и весов. Для этого образована при Научном Отделе специальная Комиссия с представительством других заинтересованных Отделов Комиссариата, которая в ряде заседаний наметила программу работы по популяризации и пропаганде метрической системы среди широких кругов населения и по вопросу преподавания метрической системы в школе. В осуществление этой программы Комиссия выработала: а) проект обязательного постановления о преподавании метрической системы в школах различных типов; б) проект инструкции преподавателям о проведении в жизнь этого постановления; в) проект показательной витрины для популяризации метрической системы; г) Комиссия разослала запросы во все Отделы Наркомпроса об имевшихся предположениях в связи с проведением в жизнь метрической системы в подведомственных им учреждениях; д) Комиссия вошла в контакт с Метрической Комиссией Главной Палаты мер и весов и Центрколектом по вопросам популяризации метрической системы среди широких кругов населения.

Наконец, к числу важнейших вопросов, занимавших Научный Отдел, принадлежит вопрос об организации научного издательства.

Кризис, переживаемый современным научным издательским рынком, привел к тому, что большая часть научных изданий, необходимых для научной работы и больших научно-учебных курсов, сделалась библиографической редкостью, а на остальные цены вздуты до такой степени, что приобретение их совершенно не по средствам для большинства ученых и учащихся. Научный Отдел, желая прийти на помощь русской науке в этом отношении, предпринял обширную анкету среди ученых специалистов в различных областях знаний, с целью выяснить, в каких научных изданиях чувствуется потребность в первую очередь.

Ответы, явившиеся результатом анкеты, были систематизированы и представлены на обсуждение комиссии из специалистов по отдельным наукам.

Такие комиссии были образованы по всем отделам естествознания и закончили свою

работу, установив определенный план издательства в ближайшее время и наметив ответственных редакторов и издания первой очереди.

В исполнение этого плана Научным Отделом заключено 77 договоров с авторами и ответственными редакторами переводов всего на 2.292 $^1/_2$ печатных листа.

В настоящее время Научный Отдел приступает к изданию представленных уже работ.

Ряд вопросов меньшей важности был предметом текущей будничной работы Научного Отдела. Главным образом эта работа сосредоточивалась на рассмотрении смет различных научных обществ и учреждений в связи с ходатайством их о денежной субсидии.

Таким образом работа Научного Отдела по Физико-Математической секции сводилась к нижеследующему:

1) Издательская деятельность; заключено 77 договоров с авторами редакторами и переводчиками; число листов, предполагаемых к изданию, 2.292 $^1/_2$.

2) Отзывы по вопросам о создании в Республике высших ученых учреждений, как, напр., Российского Гидрологического И-та, Геодезического И-та, Химико-Фармацевтического И-та, И-та по холодительному делу и проч.

Разработано временное положение о Российском Гидрологическом И-те, который является центральным научным гидрологическим учреждением и имеет своим основным назначением всестороннее изучение вод России, разработку научных задач гидрологии и установление научных основ для рационального использования вод.

Российский Гидрологический И-т состоит из шести отделов: обще-научного, речного, озерного, подземных вод, морского, вспомогательных учреждений.

3) Разработка проектов по учреждению в Республике Высших Ученых Учреждений, как, напр., Российского Научно-Химического И-та и др.

4) Отзывы о проектах экспедиций с научными целями, напр., проф. Н. Н. Смирнова и др.

5) Представительство Научного Отдела в Ученых Комиссиях по просьбе заинтересованных учреждений, напр., в Комиссии по организации экспедиции для исследования радиоактивных руд (В. С. Н. Х.) и др.

6) Участие в Комиссиях: 1) Комиссия по переизданию «Основ Химии» Д. И. Менделеева, 2) Комиссия по организации Российского Научного-Химического И-та, 3) Междуведомственная Комиссия по введению метрической системы в России, 4) Комиссия по распределению металлов и инструментов.

7) Ряд заседаний в Научном Отделе по вопросу об изданиях научного и научно-учебного характера по физике, химии, чистой математике, астрономии, механике и пр.

О деятельности Естественно-Исторической секции за период март—октябрь 1919 г.

Основное положение, из которого исходила деятельность Естественно-Исторической и Медицинской секции, заключалось в создании величайшей важности содействия всестороннему изучению Российской Советской Республики в естественно-историческом отношении во-первых, необходимости всеми силами охватить в настоящее, трудное для науки время русскую науку во-вторых. С этой целью Естественно-Историческая секция способствовала отправке ряда ученых экспедиций в различные местности Российской Республики. Конечно, при этом приходилось руководствоваться не столько определенным планом, сколько наличностью ученых сил, готовых осуществить те или иные исследовательские задания. Экспедиции ставили себе цели: исследования как центральных районов, так и окраины; так, по рекомендации академика Е. П. Семенова Тянь-Шанского была отправлена экспедиция в Ходжент и Наманган с целями зоологическими, так как Туркестан, хотя в нем и работали Северцев, Зарудный и другие, все еще остается во многих отношениях неисследованным в смысле познания его фауны. Целый ряд экспедиций был отправлен под руководством известных ученых как в центральные, так и в южные и восточные губернии Европейской России для производства исследований зоологических, энтомологических, орнитологических и зоологических, ботанических. Некоторые из руководителей экспедиций намечали при этом помимо чисто-научных задач и задачи прикладного характера, как, напр., опыты по шелководству в Полтавской губ., борьбы с вредителями сельского хозяйства, обследование рыбных промыслов на р. Суре и т. д.

Имея в виду возможности таких же колоссально ценных находок ископаемых организмов, какая в свое время была сделана проф. Амалицким, Естественно-Историческая секция сочла необходимым снарядить экспедицию для раскопок на откосе в Нижнем-Новгороде и вблизи Ярославля, где были найдены представители многочисленных ископаемых растений.

Точно так же, как палеонтологические раскопки, Естественно-Историческая секция считала необходимым произвести, наконец, полное и тщательное обследование стоянок

палеолитического периода, открытых в свое время Мережковским в Северной части Крымского полуострова, но до сих пор не обследованных надлежащим образом. Между тем каждая находка палеолитической стоянки, и тем более палеолитического человека, имеет общеевропейское значение. В виду этого Естественно-Историческая секция и решила отправить в Северную часть Крыма экспедицию в составе палеоэтнолога и антрополога.

Помимо экспедиций Естественно-Историческая секция считала нужным в целях поддержания русской науки на должной высоте оказывать материальную и всяческую другую поддержку в настоящее время различным зарекомендовавшим себя ученым обществам, музеям, научным лабораториям и т. д., помня, что без высокого развития науки невозможно существование культурного государства. Естественно-Историческая секция считала необходимым оказывать всяческую поддержку и отдельным ученым, давая им возможность выполнить ведущиеся ими работы. Так, были отпущены средства: Обществу Испытателей Природы, О-ву Любителей Естествознания, Косинской Биологической станции, создана Старо-першинская биологическая станция, Биологическому Музею Кетса; были отпущены средства на сборы научного материала ряду ученых, некоторые получили командировки в другие города для производства там специальных исследований, как, напр., Румянцев в Киев в бактериологический И-т, и проф. Кроптовский, Суслов на Карадагскую станцию и т. д.

Имея в виду более планомерную работу в области всестороннего изучения России в антропологическом и этнографическом отношениях, Естественно-Историческая секция созывала ряд совещаний из представителей этих наук для разработки вопроса об учреждении Антрополого-Этнологического И-та с Этнологическим Бюро при нем, где сосредоточилась бы вся работа по обследованию обширной территории Республики с ее удивительно разнообразным и интересным населением.

Далее подробной и тщательной разработке подвергся вопрос об охране природы и устройстве заповедников. Вопрос этот, поднимавшийся не раз на ученых съездах и в Русск. Географическом О-ве и в Академии Наук, в настоящее время сосредоточен в Научном Отделе. Разработан и проведен через Коллегию и передается на утверждение Совета Народных Комиссаров проект Государственного К-та по охране природы, приняты меры к фактической охране некоторых местностей и т. д. Само собой понятно, что в настоящее время последнее очень затруднительно.

Наконец, Естественно-Исторической секции приходилось консультировать по различным вопросам, как по вопросу об уставе Лесного Общества, об издании географической энциклопедии Морведом; представительствовать от Научного Отдела в различных заседаниях, как, напр,, о реорганизации Политехнического Музея, об использовании с просветительными целями Немчиновского сада в Комиссии по сбору научного сырья для школ, по реорганизации Румянцевского Музея; осматривать учреждения, помещения, имеющие научное значение, о которых владельцы возбуждали ходатайство о взятии их под охрану, и т. д.

В конце отчетного периода поднят вопрос о научных музеях, состоялось несколько заседаний при участии компетентных и авторитетных специалистов, в результате которых выработано Положение о Коллегии по делам научных музеев, к компетенции которой отнесено согласование научной и культурно-просветительной деятельности музеев, разработка планов музейного строительства, восполнение пробелов музейного дела путем составления недостающих собраний, устройство выставок, создание новых музеев, создание и ведение всякого рода вспомогательных учреждений и предприятий, необходимых для удовлетворения нужд научных музеев, созыв всероссийских и местных съездов, деятелей научных музеев.

Все перечисленные проекты всесторонне рассматривались Естественно-Исторической секцией: a) с точки зрения их научной обоснованности, т.-е. поскольку данная экспедиция или учреждение станции, напр., диктуется интересами науки в ее современном положении; b) поскольку осуществление проекта подсказывается соображениями практического характера; c) поскольку выполнение того или иного начинания может быть поручено тому или иному лицу в зависимости от его научной компетенции, практического стажа и т. д.; d) поскольку технически тот или иной проект выполним в связи с современным положением хозяйственной и политической жизни страны. В связи с этим составляется отзыв Секции по делу, представленному далее на решение коллегии Научного Отдела или Научной секции.

VI. Гуманитарная секция.

Работа Гуманитарной секции охватывала целый ряд и текущих злободневных вопросов, вставших со всею повелительностью момента, и вопросов, имеющих постоянный, пребывающий характер. Академиком Лаппо-Данилевским было предложено организовать И-т Социальных наук, который стоял бы в тесной связи

с Академией Наук. В необходимости основания И-та он исходил из мысли, что вследствие войны и революции изучение социальных проблем приобретает невыразимую важность и неотложную срочность. В И-те, состоящем из ряда отделений под руководством специалистов, должны изучаться науки социальные и экономические, науки о государстве и о финансах, право, социология и т. п. И-т в то же время является объединяющим и координирующим центром для всех научных обществ, изучающих социальные науки. В тесной связи с указанным И-том намечалось учреждение Социо-библиологического И-та. В основание его клалась та мысль, что библиографическое учреждение по социальным вопросам только тогда будет отвечать требованиям и запросам всех тех как ученых специалистов, так и широких народных масс, если всякое выдающееся произведение по социологии будет находиться не только на страницах издаваемого этим учреждением каталога, но и на полках его читальни и, кроме того, сколько-нибудь крупное, действительно двигающее науку библиографическое предприятие могло быть создано только государством. Был поднят только вопрос о желательности возможно более скорого осуществления Исторического И-та в Москве. Желательность И-та истекает из современного состояния страны и современного состояния науки, которая решительно перешла на форму коллективной научной работы, обставленной и обеспеченной самым тщательным образом, неотложность его—из исключительно удачной для России конъюнктуры на наиболее крупном мировом книжном рынке, на немецком. И-т должен служить обеспечивающим средством для настоящей ученой работы, должен избавить изучающего от непроизводительного кочевничества за «книгой» по иным городам и странам, должен сделать историческую специальную работу доступной не только для лиц, связавших себя с университетской карьерой, но и для «частных» ученых, создавших крупные ученые ценности на Западе, а также и для великой массы учителей истории.

Рассматривался в Секции и вопрос об основании «Армянского-историко-литературного О-ва, вызываемого к жизни совершенно новой научной точкой зрения на изучение истории и литературы Армении. Труды прежних ученых были далеки не только от живого народа с окружающей его средой, с его культурными запросами и интересами, но также и от наиболее передовых научно-исторических методов, между тем как более или менее серьезное изучение Армении возможно лишь при условии постановки армяноведения на широкую базу общего кавказоведения. Круг научного исследования здесь захватывает не только архаическую Армению, но и новые и новейшие периоды жизни армянского народа, равно как и живую его современность.

Секция принимала участие также при обсуждении вопроса об основании Антрополого-Этнологического И-та, в части, касающейся ее компетенции, рассматривала вопрос о командировке Финна-Енотаевского для изучения экономического строя в европейские и внеевропейские страны, обсуждала вопрос о трудах Ашмарина по чувашскому языку, а также о введении азбуки у ингушей, направленной в Научной Отдел представителем Наркомнаца, представила подробный и обоснованный отзыв по созданию Биографического И-та, задачей которого должно было стать создание научного центра для систематического всестороннего изучения человеческих биографий и сохранения для последующих поколений описания жизни выдающихся деятелей прошлого и настоящего. Целый ряд научных дисциплин заинтересован в изучении человеческой личности, прежде всего общая психология, характерология, психология индивидуальных отличий, генетическая психология, этническая психология, прикладная психология творчества, сравнительная психология полов, психоанализ, затем история педагогики, история быта, культуры, торговли, техники, экономики, психопатологии и истории науки вообще. Биографический материал исследуется и обрабатывается при помощи намечающегося нового метода систематического изучения душевной жизни—биографического метода. Целостный, монолитный, внутренно единый мир человеческой личности ускользает от опытного, экспериментального изучения отдельных сторон и моментов душевной жизни. «Аромат индивидуальности», составляющий сердцевину и подлинный мир живой, творческой личности, тем самым улетучивается, рассеивается. Биографический метод, как психографический, является методом не генерализирующим, а индивидуализирующим, а только при посредстве такого метода и можно вскрыть и проанализировать неповторимую, цельную в себе, единственную в своем роде человеческую личность. При помощи такого дескриптивного метода получается «психологическая карточка», «психограмма», или своего рода психологическая фотография.

В самой непосредственной связи с этим стоял вопрос о поддержке монографического архива С. А. Венгерова, задачей которого являлось создание «Критико-Биографического словаря русских писателей и ученых». В архиве собран громадный рукописный и печатный материал, представляющий вполне законченный остов «Словаря русских писателей и ученых». Архив помимо своего прямого назначения имеет и вполне самостоятельное значение, как всякий другой архив, в котором исследователи могут находить нужные им материалы для самых разнообразных целей и прежде всего для целей монографических.

Подвергся рассмотрению в Гуманитарной секции и вопрос о неживом, искусственном международном языке и различных его формах, начиная с пресловутого эсперанто и кончая новейшими попытками в этом направлении.

Со всеми этими филологическими попытками приходится быть очень осторожными, так как творцы этих придумываемых языков смотрели на вопросы языка с отвлеченно-идеалистической точки зрения, а не историко-материалистической, не с точки зрения прикладного значения практической функции языка в обществе, как социально трудовой системе. Во всех искусственно создаваемых языках не учитывается развивающаяся параллельно с ростом интенсивности и сложности труда тенденция к сокращению звукового состава слов, особенно резко сказавшаяся в некоторых новых языках—английском, французском—и обострившаяся за время войны и революции.

Был также поставлен на-ряду с высокой и неотложной реформой введения нового правописания вопрос об общем шрифте для всех населяющих Р. С. Ф. С. Р. народов, о латинской транскрипции русского гражданского алфавита. В вопросе этом могут быть отмечены три стороны: научно-лингвистическая, общественно-государственная и технико-прикладная, и со всех точек зрения реформа алфавита должна быть признана очередной, неоткладываемой в дальний ящик.

Переходя к заключительной финансовой части Научного Отдела, этого живого нерва и движущей пружины всяких начинаний и проектирований, легче всего выяснить и демонстрировать прошлое, настоящее и будущее его, прибегнув к сравнению соответствующих сумм, отпущенных на содержание ученых учреждений и научных обществ и на производство научных работ и печатание трудов.

Беря суммарно средства, отпущенные на содержание научной деятельности в ее целом:

за первую половину

1918 г. в сумме Р. . . 8.562.900
1919 г. » Р. . . 39.000.000

получаем почти упятеренную цифру;

сравнивая отпущенные средства

за вторую половину

1918 г. » Р. . . 28.940.406

с суммами, ассигнованными

на вторую половину

1919 г. Р. . . 129.0000.000

получаем сумму, также приближающуюся и упятеренной, несмотря на то, что сама сумма за вторую пол. 1918 г. сравнительно с суммой за первую половину 1918 г. является более, чем утроенной.

Отчет Заведующего Отделом Просвещения Национальных Меньшинств при Народном Комиссариате по Просвещению.

Отдел Просвещения Национальных Меньшинств был организован при Народном Комиссариате по Просвещению 29 ноября 1918 г. в осуществление декрета «О национальных Школах».

В начале Отдел являлся Секретариатом национальностей при Наркомпросе, помогая Культурно-Просветительным Отделам национальностей, имевшимся в Народном Комиссариате по делам Национальностей, преимущественно в смысле финансирования.

Первым делом Отдела была организация аппарата на местах. Надо сказать, что до этого времени Народный Комиссариат не имел отделений на местах, естественно и его Культурно-Просветительные Отделы были совершенно оторваны от мест.

Отделом была выработана «Инструкция Организации Подотделов Просвещения Национальных Меньшинств», которая была принята Коллегией 24 января 1919 года.

Таким образом с начала текущего года Отдел, через своих разъездных инструкторов, организовал аппарат на местах и направлял культурно-просветительную работу преимущественно в трех направлениях—дошкольном, школьном (сюда же надо отвести подготовку учителей) и внешкольном.

Выступления Отдела на Съездах по Дошкольному Воспитанию и Внешкольному Образованию помогли преодолеть сопротивление среды на местах, и в настоящее время, на основании докладов инструкторов, прибывающих периодически с мест, и непосредственной переписки Отдела с местами, можно сказать, что всюду, где имеются Национальные Меньшинства, просветительное дело вырвано из рук духовенства и имущих классов, Учреждения включены в обще-государственную сеть и субсидируются и инспектируются Отделами Образования на местах через свои Подотделы Просвещения Национальных Меньшинств.

С согласия Коллегии Наркомпроса Отдел с 1 апреля с. г. принял все Национальные Культурно-Просветительные Отделы Наркомнаца к себе, в качестве своих Национальных Подотделов. Эти Подотделы сохранили свою структуру в том виде, в каком она находилась в Наркомнаце. Каждый из них представляет из себя миниатюрный Наркомпрос по своей конструкции.

С переходом Культурно-Просветительных Отделов стал общий вопрос об организации дела просвещения народов не-русского язы-

ка. По этому вопросу заведующим Отделом был сделан доклад на последнем заседании Большой Государственной Комиссии, и по докладу была открыта дискуссия на столбцах «Жизнь Национальностей». Доклад выдвигал своевременность созыва Съезда по просвещению народов не-русского языка для разрешения всех вопросов, связанных с организацией этого дела.

По техническим соображениям Съезд не мог быть созван. Однако в августе текущего года удалось созвать Совещание работников по Просвещению, на котором присутствовало свыше 180 делегатов. (Отчеты Совещания—«Жизнь Национальностей» №№ 32, 33, 34).

Комиссия, избранная коллегией Наркомпроса в составе одного представителя Коллегии Наркомпроса, одного—от Наркомнаца и двух—от Отдела Просвещения Национальных Меньшинств, выработала проект Положения об организации дела просвещения народов не-русского языка, который и был утвержден коллегией 30 сентября с. г.

Не могу привести цифровых данных в настоящем отчете, но, как выяснилось на Совещании, Отдел Просвещения Национальных Меньшинств за каких-нибудь пол-года сделал по Просвещению Национальностей во много раз больше, чем за все предшествующее время было сделано Наркомнацем. У некоторых народов на наших глазах возникли театр, письменность, Отделом Народного Образования открыто множество школ, особенно первой ступени, в которых больше всего нуждаются национальности, стоящие на невысоком культурном уровне.

И, наконец, Отдел сумел дать стройную организацию делу просвещения народов не русского языка, что является залогом успешности в будущем.

Отчет Театрального Отдела НКП.

Обращаясь в воззвании о Съезде по Рабоче-Крестьянскому театру к русским рабочим и крестьянам, Театральный Отдел Народного Комиссариата по Просвещению писал:

«Театр—народная радость и народное дело.

Совокупно всем сходом творится и переживается театральное действие,—сообща веселятся и печалятся все собравшиеся на зрелище, сообща задумываются над тем, какова жизнь, и над тем, как жить и строить жизнь.

Театр—сила, соединяющая людей в общении восторга и разумения, ликования и скорби, решимости и надежды.

Театр—сила, организующая народную душу, выковывающая и выражающая народную мысль и волю народную.

Театр—самовоспитание народное.

Революция любит театр, и в революционные времена он оживляется и расцветает. Пока театр служит забаве и прихоти богачей, он падает, потому что в развращенном обществе нет единодушия и единомыслия, нет объединяющего людей высокого порыва. Но всеобщее народное одушевление создает и высокий театр.

Революция нуждается в истинном Народном театре, и театр делается потребностью революционного народа. Перед рабочими и крестьянами история поставила огромную задачу пересоздания жизни на новых началах. Театр является могучим средством в деле осознания этой задачи, могучим орудием организации духовных сил в деле ее осуществления».

В словах воззвания выражена основная идея высокого действенного и всенародного значения искусства театра, как вообще в творческую и возродительную эпоху Революции; эта идея и положена в основу деятельности Театрального Отдела Комиссариата по Просвещению.

Работа Театрального Отдела ведется в двух направлениях: одной из своих основных задач считает ТЕО сохранение и раскрытие старых ценностей театра и академическую их разработку, другой—поддержание новых форм сценического действа, создание нового театра, в связи с перестройкой государственности и общественности на началах социализма.

ТЕО взял на себя «общее руководительство театральным делом в стране, в широком государственном масштабе» и «упорядочение художественно-профессиональной жизни в области театра».

Необходимость приобщения масс к крупнейшим достижениям искусства, идея театра, как могучего, организующего фактора, способствующего пересозданию и преобразованию жизни,—настойчиво требовали практического разрешения указанных выше задач.

Театральному Отделу пришлось приступить к деятельности на нерасчищенной почве; он не имел предшественников в своей работе.

Создание самого ТЕО, его построение при этих условиях жизни (ее новизны, крайней ответственности, большого количества важных принципиальных вопросов, настойчиво требовавших разрешения, необходимости упорядочить театральную жизнь) заняло первый долгий организационный период, в результате которого конструкция функций ТЕО определилась в следующих чертах:

ТЕО есть орган, с одной стороны, имеющий теоретические задания и разрабатывающий обще-эстетические вопросы, связанные с наукой о театре, исследующий связанные с театром вопросы в плане историческом, вырабатывающий нормальные репертуары для разного типа театров, подготовляющий мастеров театрального дела. Этими сторонами своей деятельности ТЕО является органом творчески зачинательным в деле создания нового театра.

С другой стороны, ТЕО есть орган, наблюдающий и контролирующий всю театральную жизнь Р. С. Ф. С. Р., способствующий всем начинаниям подлинного искусства и пробуждающий самодеятельность масс в деле творчества театра.

Теоретические задания ТЕО вызвали к жизни его секции научно-художественного характера, как-то: Историко-теоретическую, Педагогическую, Театрального образования и про, работающие в полном контакте друг с другом и координирующие свою деятельность через Научно-Художественную Коллегию.

Административные же задачи вызвали к жизни в настоящее время создание особого органа Центротеатра, получившего доминирующую и руководящую роль в деле управления театральной жизнью Р. С. Ф. С. Р. ТЕО же получил значение как исполнительного органа Центротеатра, так и творчески-зачинательного в деле создания нового театра; все вопросы художественного характера, встающие перед Центротеатром, идут на экспертизу Научно-Художественной Коллегии и соответствующих секций ТЕО.

Научно-Художественная Коллегия рассматривает все вопросы, выходящие из пределов ведения одной какой-либо секции, все начинания отдельных секций, поскольку они имеют идеологический характер и совершаются от имени всего Театрального Отдела в целом.

Из главнейших вопросов, рассмотренных Коллегией, следует отметить: произведенную по постановлению Центротеатра художественную экспертизу московских театров, проект школьного театра и положение детского школьного театра, проект Старинного театра и проект об Ассоциации московских театров для воссоздания спектаклей старинного театра, проект бюро театрального внешкольного просвещения и вопрос о предоставлении автономии московским театрам, расположении учреждаемым ТЕО школ и т. д., и т. д.

Таким образом, Научно-Художественная Коллегия выявляет политику Театрального Отдела и является его идеологическим центром.

Все крупные начинания секций, о которых говорится ниже, выполняются лишь по их рассмотрении и утверждении Коллегией.

Уяснение природы театра и исторического его развития, изучение вопросов репертуара, педагогического значения театра, воспитание новых актеров — встало перед ТЕО задачей, требовавшей конкретного, как практического, так и теоретического, разрешения.

К попыткам его и приступили секции ТЕО.

Основной задачей Историко-Теоретической секции явилось изучение и построение истории и теории театра; в основу же деятельности секции была положена идея театра, как искусства всенародного; эта идея и рассматривается секцией в плане историческом и теоретическом.

Для понимания настоящего театра необходимо детальное изучение его прошлого. Однако, построение истории театра возможно лишь при выяснении наличности материалов в этой области, поэтому одним из заданий секции явилась разработка и собирание материалов по истории театра, на что ранее не было обращено должного внимания.

На основании этих соображений и была выдвинута работа в области архивных и библиографических изысканий, которые должны составить картотеку и дать основу созиданию истории театра.

Работы эти велись и ведутся согласно подробным и научным инструкциям, специально для этого составленным.

Исследуются всевозможные архивы (как, напр., Иностранных дел, архив бывш. Министерства Двора, архив Опекунского Совета), в которых обнаружено значительное количество ценного материала, относящегося как к XVIII, так и к началу XIX в., и проливающих новый свет на начальные годы развития русского театра. Эти материалы описываются, из них составляются извлечения, некоторые дела копируются.

Задачей библиографических работ является составление библиографического указателя литературы по театру в самом широком смысле этого слова. Этот указатель должен помочь выяснить, в каком положении находится изучение истории театра и какими материалами можем мы располагать при ее построении. Во исполнение этой задачи составлено около 25 000 карточек и просмотрено более 30 журналов, в которых обнаружены чрезвычайно ценные статьи и материалы по истории и теории театра.

Музейная группа ставит себе целью создание национального государственного театрального музея и помощь организации отдельных театральных музеев, согласно выработанному Комиссией совместно с представителями Отдела по делам музеев положению о государственных театральных музеях, утвержденному Наркомом.

В ведении ТЕО находятся музей Бахрушина, представляющий чрезвычайно ценное собрание редких материалов по русскому и иностранному театру. Этот музей беспрерывно пополняется новыми приобретениями и служит основой созидающемуся государственному музею.

За последнее время приобретено собрание работ Врубеля, ряд эскизов Гончаровой, Юона, Арапова, Сгеллецкого, ряд ценных собраний книг, гравюр, рукописей, реликвий актеров и иных предметов музейных.

В ведении музейной комиссии находится и музей оп. Зимина, иллюстрирующий историю этого оперного дела, сыгравшего значительную роль в истории русской оперы.

Таким образом, секция всеми доступными способами собирает и изучает материал по истории театра.

Другой стороной работы секции является с одной стороны монографическое, академическое изучение театра, с другой — популяризация добытых академическим путем сведений.

С этой целью секция выработала детальный план издания ряда монографий и материалов по истории русского театра и поручила крупным русским ученым силам написать монографии по отдельным вопросам истории театра, допускающим по состоянию материала их научное исследование и представляющим и в настоящее время актуальный интерес (Крепостной театр, Русская театральная критика, Мочалов), приступила к изданию популярной серии брошюр, как рисующих общественную роль театра и изображающих театр в эпохи социальных переломов (серия «Театр-трибуна»; в эту серию входят брошюры о Шиллере, театре французской революции, социальные драмы Гауптмана), так и касающихся главнейших этапов истории русского и западного театра («Драма и комедия во Франции» Лавро, «Средневековый театр» М. Паушкина и т. д.).

Параллельно введется и изучение теории театра: Вяч. Иванову поручено написать книгу: «О Всенародном действе», издана книга Р. Ролана «Народный театр». Эти две книги, из которых вторая уже вышла из печати, дают теоретическое обоснование основным вопросам о взаимоотношениях народа и театра.

Главенствующее внимание секции сосредоточено на издании «Энциклопедии театра», имеющей целью в сжатом и доступном виде дать неподготовленному читателю основные сведения по истории, теории театра и технике сцены (первые два выпуска).

Все эти издания находятся на пути к осуществлению.

Кроме того, секция обратила внимание на библиотечную работу по театру, имеющую целью дать зрителю возможность удовлетворить возбуждаемый каждым спектаклем интерес к театру, автору виденной пьесы, эпохе, ей соответствующей, и пр.

Значение деятельности историко-теоретической секции заключается в том, что, выясняя историю театра, разрешая основные проблемы театра, она не только дает материал будущему историку русского театра, но, главным образом, объясняет настоящее театра и указывает пути, по которым он должен пойти в настоящий момент.

Несколько иной, менее академический характер носит Репертуарно-Художественный подотдел, заключающий в себе репертуарную, режиссерскую и декоративную секции.

Репертуарная секция имеет своей задачей разработку всякого рода вопросов, связанных с составлением драматического репертуара, желательного к постановке на сценах театров Р. С. Ф. С. Р.

Деятельность репертуарной секции имеет в настоящее время большое значение, так как характер театра в значительной мере определяется его репертуаром.

Так как новое поколение не успело еще создать своего нового театра, является необходимым искать в классическом репертуаре те образцы большого искусства, которые отвечают героическому характеру эпохи. По основным своим типам театр должен быть: а) театром трагедии и комедии, в) театром социальным и с) театром музыкальной драмы.

Основные три типа театра, отражая наиболее глубоко особенности революционной эпохи, допускают, однако, одновременное существование театра бытовой драмы и комедии и театра мелодрамы и легкой комедии, так как художественные сокровищницы прошлого имеют прекрасные образцы такого театра, могущие иметь выдающееся социально-воспитательное значение.

Согласно этим положениям и была направлена деятельность Репертуарной секции. Был составлен ряд списков пьес, рекомендуемых секцией, согласно выше намеченным рубрикам.

При составлении списков и выборе пьес, предназначенных секцией к изданию, секция, руководясь стремлением соблюсти художественные интересы и исключив всякую тенденцию, особое внимание обратила на создание революционного репертуара, созвучного эпохе, при чем революционность такого театра определяется не сюжетом, а духом и пафосом драматурга.

Секция приготовляет к изданию особые записки, посвящённые анализу всего мирового репертуара с точки зрения вышеизложенных принципов. Параллельно этой работе рассматривается и современный репертуар и репертуар отдельных авторов (Писемского, Потшера, Бомарше, Лангмана).

В виду отсутствия на книжном рынке насущно необходимых изданий для театра, репертуарная секция озабочена была изданием рекомендуемых пьес и заказала переводы ряда пьес, еще не изданных в России.

В печать сдано более 100 пьес как русского, так и иностранного репертуара. Видное место среди сданных пьес занимают как классические произведения героического характера, так и драмы, носящие отпечаток социальной борьбы («Свобода» Потшера, «Фуэнте Овехуна» Лопе де-Вега, «Зеленый попугай» Шницлера и т. д.).

Кроме того, секция рассматривает и дает письменные мотивированные отзывы о всех поступающих в ТЕО пьесах, предлагаемых их авторами к изданию; некоторые из них, признаваемые желательными к изданию, приобретаются ТЕО для напечатания.

Секция обратилась с особым воззванием, призывающим к творчеству инсценировок социальных романов и повестей; этот призыв уже дал некоторые желательные результаты; многие из поступивших инсценировок приняты к печати («Овод», «Три вора» и т. д.).

Для координирования своей деятельности с жизненными потребностями Р. С. Ф. С. Р. секция обследует данные всероссийской анкеты по вопросам Рабоче-Крестьянского театра.

О своей деятельности секция публикует периодические бюллетени.

В неразрывной связи с репертуарной работает недавно основанная режиссерская секция.

Ее целью является обслуживание запросов по специально режиссерской части из провинции, экспертиза театральных постановок и наблюдение за художественным ведением театрального дела, просмотр смет с точки зрения их соответствия художественным требованиям театра.

Секцией розданы заказы на режиссерские комментарии к пьесам. Главное внимание обращено на обслуживание народных кружков и народных театров. С этой целью группа молодых режиссеров работает для «Показательной студии», предназначенной для инструкторов народного и деревенского театров, доставляя материал в виде комментариев к планам преподавания и ведения в них дела; в этой области наиболее важной признана разработка методологии преподавания, импровизация и нескольких спектаклей, составленных из интермедий Руэда, Сервантеса, итальянской комедии масок и других аналогичных пьес тех эпох, когда народ принимал непосредственное участие в строительстве театра. Руководящей идеей в этой области служило с одной стороны желание ответить пробудившейся самодеятельности интересующейся театром народной массы, с другой — непосредственное использование могущих явиться из этой среды строителей нового театра. В основу положен не профессионализм театра вчерашнего дня и не утонченный разбор психологических нюансов, а материал для сценического действа. С этой целью заказаны: брошюры по методологии преподавания импровизации и приблизительный список тем для импровизаций и публичных выступлений указанного выше характера; заказаны переводы и полные монтировки пьес: трех интермедий Руэда, двух Сервантеса, трех комедий Мольера, масляничных шуток, трех пьес Ганса Закса.

Собран материал для указания пьес с социальным оттенком, с указанием степени трудности их сценического воплощения (принимается во внимание: число действующих лиц, декорации, характер постановки).

По всем вопросам режиссерско-художественного характера секция дает как письменную, так и устную консультацию.

Одновременно с изучением истории театра и с работой помощи созданию нового театра совершается деятельная работа по созданию нового актера, могущего принять активное участие в переустройстве старого театра: этим ведает секция театрального образования.

Свою задачу формулирует секция, как «создание образцовых государственных школ всех видов сценического искусства и реформу театрального образования».

Все существующие на территории Р. С. Ф. С. Р. школы сценического искусства подлежат обязательной регистрации в секции театрального образования. Все сметы, касающиеся студий и школ, восходят на заключение секции для контроля за правильной организацией школ и целесообразным распределением ассигнованных на театральное образование сумм.

Работы секции имеют исключительно важное значение, так как создание нового актера есть неотъемлемое условие преобразования театра. Все пути и доступные для этого способы должны быть использованы. В разрабатываемых секцией типах школ равное место отводится как теоретическому освещению основных проблем искусства и ознакомлению с ними учащихся, так и тщательному усвоению учащимися технических знаний, дающих актеру возможность легко и свободно владеть всеми выразительными средствами, находящимися в его распоряжении.

Секция выработала уже «Положение о государственной балетной школе» и приступила к фактической его реализации. В ведении секции находится 1-я показательная балетная школа Голейзовского. Разработан проект оперной государственной студии.

Идут интенсивные занятия по выработке «Системы драматического образования», в основу которой положено отделение школы от студии и следующая градация курсов: первоначальная драматическая школа — театральный университет - студия. Цель этой школы — создание прекрасного внутренно и духовно человека, проникнутого динамическим началом и потому способного действенно участвовать в создании театра будущего. Из драматических школ секция связана с «Школой при Государственном Показательном театре».

Совместно с представителями МУЗО и др. секцией ТЕО разработана и проводится в жизнь реорганизация Филармонии в Институт музыкальной драмы, имеющий целью «Синтез музыки и драмы», основанный на их внутреннем средстве, всестороннее проникновение драмы духом музыки и раскрытие присущих музыке энергий в многообразных формах действа.

В ведении секции находится «Государственный Институт Декламации»; в Петрограде ТЕО имело соответственное указанному институту учреждение—«Институт живого слова», имевший целью научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области живого слова и связанных с нею дисциплин, подготовку мастеров живого слова и распространение и популяризацию знаний и мастерства в области живого слова.

Другими петроградскими учебными заведениями, имевшими целью способствовать воспитанию нового актера, явились: 1) «Курсы мастерства сценических постановок», задачами которых было а) насаждение специальных знаний о театре, в) создание кадра инструкторов-руководителей театральных организаций и с) вовлечение в творческое мастерство новых сил из широких демократических масс, и 2) «Школа актерского мастерства».

Совместно с Педагогической секцией в Москве открыты «Инструкторские курсы по руководительству эстетическим воспитанием» и совместно с Подотделом Рабоче-Крестьянск. театра—«Инструкторские курсы по рабоче-крестьянскому театру».

Секцией ведутся подготовительные работы по созыву «Конференции по театральному образованию», на которой в равной мере должны быть представлены как учащие, так и учащиеся и которая должна будет всесторонне осветить и рассмотреть многочисленные и важные вопросы театрального образования.

Педагогическая секция, образовавшаяся из группы Школьного театра, при своих работах исходит из мысли, что детский театр есть творческая игра, способствующая развитию в ребенке эмоциональных и творческих способностей, главным образом, творческой фантазии; развитие творческой самостоятельности учащихся, воспитание через театр наблюдения и внимания, театр, как могучий стимул знания,—основные взгляды, руководящие секцией при ее деятельности.

Признавая таким образом огромное воспитательное значение школьного и детского театра, секция разрабатывает методологию школьной и внешкольной работы через театр, методологию драматической импровизации, но находит, однако, недопустимым и вредным участие детей в публичных спектаклях.

Для теоретической проповеди и широкой популяризации этих положений секция издает журнал «Вопросы детского и школьного театра», практическое же разрешение они находят в созданном секцией «Доме игры».

Секцией устроен ряд детских спектаклей, в которых секция пыталась проводить указанные принципы.

Для выяснения материала, которым можно располагать в настоящее время при устройстве детских спектаклей, составлена подробная библиография репертуара детских пьес.

Положено основание Музею детского театра, разделяющемуся на части экспериментальную — музей детского творчества, для чего собраны многочисленные детские рисунки по театру, показательную,—где собраны эскизы постановок детских пьес и наглядно показаны способы простейшего оборудования сцены, и, наконец, историческую, в которой сосредоточиваются все вещи, иллюстрирующие развитие и историю детского театра как на Западе, так и в России.

Собрана образцовая показательная библиотека детских пьес и книг, пригодных для драматизации и инсценировки, и образуется библиотека по теоретическим вопросам детского искусства и театра.

Для пополнения репертуара произведен конкурс детских пьес, либретто опер и объявлен другой такой же конкурс во всероссийском масштабе. В результате первого конкурса было премировано и приобретено секцией для издания пять детских пьес, имеющих художественно-воспитательное значение.

В связи с потребностью в опытных инструкторах и руководителях по детским празднествам и школьному театру возникла настоятельная потребность создать инструкторские курсы для деятелей детского театра: такого рода курсы были созданы, но носили по необходимости краткосрочный характер; в настоящее время открываются курсы руководителей по эстетическому воспитанию детей, которые должны иметь более продолжительный и фундаментальный характер.

Стремясь провести свои взгляды наиболее широко, секция приступила к выработке программы преподавания искусств в Единой Трудовой Школе, которая будет подвергнута обсуждению на созываемой по этому поводу конференции заинтересованных ведомств и организаций.

Для проведения фактического контроля над работой в области детского театра, как в центре, так и на местах, секция производит учет и регистрацию всех школьных спектаклей и празднеств.

Органом, имеющим целью непосредственное содействие развитию новой театральной культуры, как переходной к социалистической и созидаемой творческими силами рабочих и трудовых и крестьянских масс, является подотдел рабоче-крестьянского театра.

В своей деятельности подотдел опирается на специальные органы ТЕО, используя их теоретические труды и их технические и организационные средства согласно преследуемым им целям и вступая с ними в тесное творческое соприкосновение в тех их работах, которые помогут и должны непосредственно касаться рабоче-крестьянского театра.

Конкретно подотдел устанавливает, сохраняет и развивает организационную связь местных театральных учреждений и организаций по просв. (пролеткультов, профессиональных, красноармейских, советских и иных) с государственным театральным центром.

Подотдел обслуживает не профессиональные театры, но театральные организации, принадлежащие по своему социальному составу к числу рабочих и трудовых крестьянских, и всемерно удовлетворяет местные запросы по театру.

Подотделом выработаны правила взаимоотношений Отделов П. О. и театральных подотделов и даны губернским коллегиям руководящие сведения об их организации.

Одной из главных сторон деятельности Подотдела явилось финансирование местных пролетарских и крестьянских учреждений и начинаний; все поступающие по этому вопросу сметы поступают для рассмотрения в Подотдел, который и распределяет имеющиеся в его распоряжении суммы.

При Подотделе организован кадр разъездных инструкторов, для чего использованы инструкторские курсы секции фабрично-деревенских театров. Эти инструктора имеют целью способствовать самодеятельности мест путем дачи технических указаний.

В настоящее время организуются долгосрочные инструкторские курсы, которые должны будут выполнить указанную задачу в более обширных размерах.

Подотдел отвечает на письменные и устные запросы приезжающих с мест делегатов, дает им указания теоретического, идеологического и практического характера и снабжает их выработанным им и имеющимся в его распоряжении информационным материалом, каковы: списками пьес, книг, всевозможными инструкциями, выработанными при непосредственном и ближайшем участии Подотдела.

Необходимость координировать работу всех организаций, ведающих рабочими, крестьянскими и красноармейскими кружками, вызвала к жизни устройство Ассоциации по рабоче-крестьянскому театру.

Задачи Ассоциации формулированы в следующем виде:

1) разработка идеологических норм рабочего, крестьянского и красноармейского театра;

2) координация работ организаций, входящих в состав Ассоциации (при автономии их творческих и исполнительных органов);

3) материальная и организационная помощь организациям, входящим в состав Ассоциации;

4) содействие государственному театральному строительству в духе социалистического целого.

В настоящее время созывается I-й в России Съезд по рабоче-крестьянскому театру, на подготовку которого ушло много времени и труда: были разосланы инструктора, организовавшие на местах выборы на Съезд. Съезд и должен разрешить и вырешить многие из вопросов, волнующих и занимающих деятелей социалистического театра.

Этот Съезд, как и ранее бывшие совещания местных деятелей по рабоче-крестьянскому театру, должен послужить «взаимному ознакомлению центра и мест о положении и работе по рабоче-крестьянскому театру» и выработать административные и правовые меры, регулирующие всю жизнь рабоче-крестьянского театра.

К Съезду Подотделом и рядом секций ТЕО приготовлены доклады по основным вопросам теории и практики театра.

Секция по обследованию рабоче-крестьянского театра имеет своей задачей всестороннее обследование всех самостоятельных начинаний в области театра, возникающих среди широких демократических масс, главным образом, среди рабочих и крестьян.

Для осуществления этой задачи были составлены, розданы и разосланы опросные листы трех типов, предназначаемые—1) для отделов народного образования, 2) для культурно-просветительных кружков и 3) для отдельных посетителей рабочих и крестьянских спектаклей.

До сих пор секцией зарегистрировано до 3000 организаций, работающих в области театра.

Параллельно с регистрацией кружков секцией приступлено также к идеологической разработке полученных анкет. Составлена сводка ответов, касающихся репертуара кружков, социального состава их участников и условий, при которых протекает их работа.

Значительным источником сведений секции является также получаемый печатный материал, состоящий из заметок, статей, объявлений по вопросам рабоче-крестьянского театра.

Секция устанавливает непрерывную связь с крупными центрами и профессиональными учреждениями в Москве, располагающими интересующими секцию материалами.

Параллельно с работами Подотдела по рабоче-крестьянскому театру ведутся работы Театральной Коллегии национальных меньшинств, ставящей себе целью «создание условий для возникновения и процветания театра и драматургии в среде тех национальностей России, которые находились в угнетенном положении и своего театра не имели».

Для выполнения указанной цели, Коллегия вырабатывает репертуар для данных театров, обращается с воззваниями, касающимися их организации, и собирает материалы, имеющиеся в центре и на местах по данному вопросу.

Все сметы, касающиеся театров национальных меньшинств, идут через Коллегию, которая рассматривает их с точки зрения их целесообразности.

Просмотрены сметы для студий латышского, еврейского, белорусского, армянского, украинского, вотского и пр. театров.

Из указанных студий организована и приступила к работам армянская студия.

Органом статистического характера, ведающим, однако, не самостоятельным, но профессиональным театром, является Театроучет, собирающий статистический материал относительно всех театров Р. С. Ф. С. Р., их театрального имущества, а также всех сценических и театральных работников.

Для этой работы, имеющей чрезвычайно ценное и фундаментальное значение, для строительства нового театра, ТЕО воспользовался всеми имевшимися материалами справочно-статистического характера, собранными за несколько десятков лет Русским Театральным Обществом.

Разосланы анкеты по всей провинции с требованием необходимых сведений по указанным выше вопросам.

Производится регистрация всех лиц, обслуживающих театр в его целом. Отмечается приезд и выезд и перемещение всех сценических деятелей на территории Р. С. Ф. С. Р.

На Театроучет возложена вся мобилизационная работа, связанная с призывом на военную службу сценических и театральных работников и с освобождением от таковой всех незаменимых работников для сохранения в целости художественно-театральных коллективов.

Театроучет дает экспертизу по всем вопросам театральной практики, как-то: составе труппы, бюджете, целесообразности перестройки и переделки театральных зданий и помещений, содействует Политотделам в их работе по обслуживанию фронта отдельными спектаклями и концертами, выдает разрешения на организацию трупп, формируемых в бюро Р. Т. О., консультирует по конфликтным вопросам, возникающим у Отнаробразов со сценическими работниками.

Деятельность Театроучета, имея большое значение для выяснения театральной физиономии Р. С. Ф. С. Р., значительно затрудняется недоставлением нужных материалов из провинции; однако, можно сказать, что к настоящему моменту задачи, поставленные Театроучету, в основном достигнуты.

Большое значение для снабжения театральной провинции всеми необходимыми материалами имеет Подотдел театральной техники, имеющий непосредственной и главнейшей задачей помощь провинции и местным кружкам в получении грима, бутафории и пр.

Подотдел рассматривает требования на материалы как московских, так и провинциальных театров и удовлетворяет их по мере возможности, дает разъяснения по технике устройства и оборудования театров, вырабатывает и заключает договоры.

При Подотделе организуются костюмерные мастерские и мастерские париков, усов и бород.

Устраивается выставка, в наглядной форме указывающая способы устройства сцены и иллюстрирующая технику сцены.

Деятельность Подотдела имеет особое значение в настоящее время, так как при его посредстве распределяются между театрами те ограниченные материалы технического характера, которые имеются в распоряжении Республики.

Снабжение провинции литературой лежит на Центральном книжном складе, ведавшем ее распределением.

Здесь сосредоточиваются как издания ТЕО, так и вообще все выходящие в настоящее время издания по театру и драматургии.

При складе организована постоянная показательная книжная выставка и читальня, в составе которой находятся и многие издания, в настоящее время ставшие редкостью.

Издательское дело ТЕО находится в руках Издательского Подотдела и ведется под непосредственным руководством Редакционной Коллегии ТЕО и, в тесном контакте с Государственным Издательством, определяет порядок печатания поступающих из различных секций трудов и рукописей, предназначаемых для издания.

Для более плодотворной работы в области издательства Подотдел вошел в соглашение с рядом провинциальных типографий, в которых и печатается ныне ряд изданий ТЕО.

До настоящего времени Подотделу пришлось напечатать 30 пьес русского репертуара (пьесы: Пушкина, Островского, Гоголя, Чехова, Льва Толстого, Грибоедова, а также Сологуба, Романова и пр.), 15 пьес иностранного репертуара (пьесы Гейерманса, Гуцкова, Сервантеса и пр.), 6 изданий по детскому театру, около 10 изданий по истории и теории театра.

Информационное бюро ТЕО информирует о деятельности ТЕО московскую, петроградскую и провинциальную прессу, Наркомпрос и его отделы: пролеткульты, профессиональные и кооперативные организации, а также получает извне всю информацию о совершающейся как на территории Р. С. Ф. С. Р., так и за ее пределами деятельности в области искусства, литературы и театра.

С 1 февраля 1919 г. ТЕО издает свой печатный периодический орган «Вестник Театра» и «Вопросы Театра», из которых второй служит теоретическим вопросам.

Студия Кукольного театра, учрежденная ТЕО, имеет целью раскрытие возможностей, таящихся в этом виде театрального искусства; особое внимание привлекает работа студии в настоящий момент, так как, благодаря изготовлению ряда кукольных комедий-сатир (напр., «Война королей»), является возможность снабдить ими самую глухую провинцию.

Государственный Показательный театр находится в ведении ТЕО и носит характер как театра классического репертуара, так и театра исканий. В его репертуаре—Метерлинк, Шекспир, Клейст и др. авторы, представленные как вещами характера героического, так и высокой комедии.

Центротеатр.

Администрирование театральной жизни Р. С. Ф. С. Р. поручено особому, недавно возникшему органу — коллегии Центротеатра, отныне регулирующей все театральное дело Республики.

Государство, признавая высокое культурное значение театра, признает также необходимым сделать его общедоступным по ценам на места; при тех расходах, которые требуют театры, они неминуемо перестают быть, в случае установления доступных цен на места, доходными, и государство должно пойти навстречу театрам в формах необходимого субсидирования и в то же время обязано и имеет право проверять художественную работу театра через правительственных инструкторов и инспекторов.

Театральные здания и театральное имущество объявлено национальным, право пользования им передается тем художественным или культурно-просветительным коллективам, кои пользуются, в силу тех или иных причин, доверием государственной власти.

Декретом Центротеатра театры Республики разделяются на автономные и неавтономные, при чем все театры субсидируются государством, согласно представляемым сметам в размерах, давших им возможность правильно функционировать.

На Центротеатре лежит обязанность и право давать театрам известные указания репертуарного характера в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу, с соблюдением художественной ценности театра.

Таким образом создание достаточного инспекторско-инструкторского персонала, введение принципиального единства в театральную политику Отнаробразов на местах, субсидирование театров—первые задачи, стоящие перед Центротеатром, задачи, выполнение которых требует усиленного и упорного труда и достижение которых возможно, конечно, далеко не сразу.

В настоящее время при Центротеатре образована финансово-сметная комиссия, которая за время от октября до ноября имела 24 заседания, на которых были выработаны принципы, руководящие работой комиссии, и был просмотрен ряд смет театров.

Комиссия по расценке мест выработала поясной принцип оплаты мест в театрах.

Вырабатывается проект государственной театральной инспекции.

Решено принять меры борьбы с так называемой халтурой путем поднятия художественного уровня районных спектаклей.

Заслушан ряд докладов и приняты практические решения по вопросам о театре Музыкальной драмы, Петроградском театре «Эрмитажа», «Школьном» и пр.

При Центротеатре учреждена секция Цирка, имеющая по отношению к циркам функции, аналогичные Центротеатру, и стремящаяся упорядочить цирковую жизнь и поднять художественный уровень цирковых представлений. При секции находится комиссия по управлению государственными цирками, из которых один уже функционирует.

Все постановления Центротеатра выполняются управлением делами Центротеатра, являющимся связующим звеном Коллегии Центротеатра с внешними учреждениями.

Летние колонии 1919 года.

Сейчас не представляется еще возможным учесть опыт летних колоний истекшего года во всероссийском масштабе, но есть уже данные, позволяющие набросать картину колониальной жизни в ряде губерний Советской России. Прежде чем давать характеристику летней детской колониальной кампании, необходимо указать, что самые колонии надо подразделять на ближние и дальние. При подготовке колоний в ряде местностей (в частности и в Москве) существовало убеждение, что детей необходимо на лето посылать далеко в хлебородные южные или восточные губернии, что там только они смогут поправиться и отдышаться от тяжелых условий своей голодающей местности, устройство же колоний в ближайших деревнях и местечках, хотя бы со здоровым климатом, в виду тяжелых продовольственных условий центральных губерний, считалось нецелесообразным. Но жизнь показала, что этот взгляд был

«Нар. одное Просвещение» № 18—19—20 «Гиз.» № 685.

совершенно ошибочным. Трудно было предвидеть все препятствия—политические, военные, санитарные и междуведомственные, которые неизбежно встречались оторванным от своего корня колониям, и под давлением тяжелой цепи неудач большинству дальних колоний пришлось спешно и со страшными неудобствами покидать негостеприимный хлебородный край. Иллюстрируем сказанное несколькими примерами: 1) Отчет Иваново-Вознесенского Губсовзадета живо рисует, как с целью скорейшей отправки голодающих детей красной губернии посланы были квартирьеры в Харьков, Саратов и Казанскую губ., но на местах они столкнулись с полным отсутствием сумм и каких-либо инструкций. За тем и другим им пришлось ехать в Иваново-Вознесенск, что естественно страшно тормозило работу. «Испорченный транспорт, трудность сообщения,—пишет Иваново-Вознесенский Губсовзадет,—препятствия, чинимые различными организациями (напр., часть имений, предназначенных для детей Иваново-Вознесенской губернии, были заняты Главкосахаром, железнодорожными и военными организациями и т. д.), не понимавшими своих задач и назначения, окончательно развалили работу». Если к этим, так сказать, обыденным неприятностям прибавить такие катастрофические явления, как канонада наступающих деникинцев в Харьковской губ. и эпидемии сыпного и брюшного тифа в Саратовской, то станет понятным вывод Иваново-Вознесенского Губсовзадета. Опыт громко говорит, что при сложившихся политических обстоятельствах местные колонии являются наиболее целесообразными и вывозить детей в отдаленные губернии является рискованным предприятием». К этому же выводу пришла и Москва. В связи с резким ухудшением политического положения на Украйне Совет защиты детей в мае месяце предложил Москве вывезти в ближние колонии 15 тысяч детей. Вопрос о дальних колониях окончательно повис в воздухе, когда Наркомпуть отказал Сов. защиты детей в санитарных поездах для отправки детей. Удались лишь несколько дальних колоний из разных губерний в Симбирскую губ. Из-за продовольственной и транспортной разрухи Смоленской губ. не удалось также вывезти колонии в Гомельск. губ. Итак, отметив, что опыт дальних колоний нужно в 1919 году признать неудавшимся, обратимся к характеристике преимущественно ближних колоний, уделяя попутно внимание и редким дальним колониям.

Внешние условия. Продовольственное положение следует признать повсеместно удовлетворительным: правда, на первых порах встречались затруднения и неналаженность; так, в Иваново-Вознесенск. губ. бывали моменты, когда вставал вопрос о закрытии колоний из-за несвоевременной доставки продуктов. Питание в колониях в начале было минимальное, доходило до того, что дети в Кинешме «занимались сбором кусочков по деревням, дискредитируя колонии». Но даже и в этой губернии, несмотря на случайное и однообразное питание, вызывавшее неудовольствие детей, последние прибавили от 3 до 15 фунтов, в прочих же колониях, несмотря на трудности снабжения, питание, как показывает прилагаемая таблица № 2, было поставлено хорошо. Живую картинку борьбы с продовольственным кризисом рисует руководительница Новоторжской колонии в своем отчете: «Однажды у нас вышли все сухари,—пишет она,—оставались только крошки. Мы, руководители, очень заволновались: одни из нас побежали в Торжок, а двое, остававшиеся в колонии, придумывали, что можно приготовить ребятам из оставшихся крошек. Надумали замесить лепешки и вдруг почувствовали, что сделать это очень трудно, нет посуды, нет никаких приспособлений. Ребята дежурные видели, как мы волновались. Страшно было предложить им есть лепешки, испеченные прямо на поду. Подала я мысль, ребята ухватились за нее, быстро закипела работа. Принесли простую кадку, без дрожжей размочили крошки, вместо лопаты нашли доску; мальчики разминали в воде крошки, девочки валяли лепешки и готовили печку. Ребята нисколько не удивлялись примитивности приспособлений; чувствовали, что иначе нельзя. С какою радостью они хвастали первыми лепешками вернувшемуся из Торжка руководителю. А тут и мука подоспела»... В данном случае, как и в других аналогичных, продовольственный кризис колонии носил лишь характер веселого приключения.

Помещение. Мы имеем сведения далеко не о всех колониях по этому вопросу, но можем сказать, что приблизительно в 50% колоний помещения очень хороши: это бывшие имения или хорошие дачи, но эти хорошие помещения были часто плохо отремонтированы и еще чаще плохо оборудованы. «Помещения с совершенно голыми стенами, нарами и огромными столами и скамьями посредине комнаты производили слишком казарменный вид», жалуются представители Кимрского уезда. С другой стороны мы слышим, что в Новоторжском у., Тверской губ., дети совершенно не скучали по домашнему уюту, так как слишком хороша была обстановка и место, хороши были условия: просторные и светлые помещения, которые очень нравились ребятам, и они с удовольствием убирали и украшали их, как свои помещения. «Так как под колонию отведено было 5 домов, то дети сами выбирали себе комнаты и располагались, как им нравилось, в желанном составе. Руководительница колонии отмечает благотворное воспитательное влияние, какое оказывали на детей просторные светлые комнаты и подобранные по душе товарищи. Хорошими помещениями могли щегольнуть и многие колонии Московской губ. Но еще большее влияние оказывала на детей, само собою разумеется, *окружающая природа.* Это отражается в имеющихся у нас отчетах очень ясно. Красиво расположенные колонии, присутствие хвойного или лиственного леса, пруда, реки, холмов не только развивает художественное чутье, не только дает обильный материал для научно-образовательных бесед, но и определяет собою самостоятельную работу и даже строй жизни колонистов. Дети сами ставят в программу дня рыбную ловлю, гребной спорт, сбор орехов, малины, шишек и т. д. Интересно отметить, что, по отзыву кимрских руководителей дальней Симбирской колонии отлогие берега Волги производили мрачное, угнетающее впечатление на детей, вызывая в них грусть и уныние.

Вследствие переменной воды в этой колонии развились острые желудочно-кишечные заболевания, перешедшие затем в дизентерию, как среди детей, так и руководительского персонала. Для борьбы с этим злом у колонии не было необходимых средств на врача, ни медикаментов, ни дезинфекционных материалов. Невозможно было отделить больных от здоровых, доставить зараженным диэту. И только через месяц, когда все необходимое было с большим трудом добыто, заболевания прекратились.

Оборудование колоний. Надо различать оборудование колоний хозяйственным инвентарем и снабжение детей обувью и мануфактурой. Что касается последнего, то помимо общего недостатка одежды и обуви, вследствие хозяйственного кризиса страны, играли роль некоторые исключительные обстоятельства.—Ярославцы с прошлого года раздеты и разуты, так как потеряли все свои запасы во время пожара и мятежа. Кроме того, часть мануфактуры и обуви, отпущенные для дальних колоний, пропала при спешной эвакуации, а также была разобрана по домам неуехавшими детьми и не поступила в колонии. Это имело следствием неприятность среди детей. «Самые добросовестные и внимательные руководители не могли уберечь ребятишек от паразитов»,—пишут из Ив.-Возн. губ. Вообще же оборудование колоний стояло повсеместно очень низко. «Колонии снабжены инвентарем только самым минимальным»,—общая жалоба отчетов. Нет мыла, умывальников, посуды и т. д. Насколько тяжело это отражается на психике детей, красочно изображает доклад Свентицкой: «О детской колонии в Казанбурге». Недостаточное оборудование колонии было больным местом всех работников в продолжение всего лета.

Первых детей пришлось поместить почти в пустых комнатах дачи, и только постепенно, с большими затруднениями и крайней медленностью стало возможным снабжать их необходимой мебелью, посудою и материалами для работ, игр и занятий. Очень долго даже не было полного количества кроватей, и дети спали на полу или по-двое на одной постели; недоставало матрацов (долго не было соломы; в комратах все время не было ночных столиков); не было и табуреток, так что сидеть детям и их посетителям приходилось на постелях, а при раздевании на ночь снятое платье и белье класть на пустую постель или просто на пол; не было шкафов или комодов ни для чистого белья, ни для работ и материалов, не было даже папок, куда дети могли бы ставить и класть свои вещи; не было сундуков или ящиков для грязного белья, и оно валялось, где попало. Все это служило причиной постоянного беспорядка в комнатах, так как все, что ребенок собирал в поле и лесу, все, что ему по той или другой причине было дорого, он мог положить только на окнах или же на кровати и под кроватью. Далеко не у всех были сундучки и корзинки, но и там царил хаос, так как счастливые обладатели таких корзин хранили в них решительно все: чистое и грязное белье, книжки, какие-нибудь камешки, рисунки, остатки хлеба и кушаний и проч., и проч. Большой недостаток в посуде производил постоянно беспорядок в столовой. У каждого колониста должна была быть «своя» посуда, но у многих ее не было или было в недостаточном количестве,—и вот на обед, ужин и чай каждый тащил с собой свою тарелку, ложку и кружку или стремился как можно скорее захватить «казенную» (которой было чрезвычайно мало), ссорясь с соседями из-за каждой ложки или кружки. Отсутствие клеенок на столах,—а столы, к слову сказать, очень трудно было содержать в чистоте, так как они были большею частью старые или кое-как сколоченные из разных досок, с большими щелями и не стесанные,—придавало столовой крайне неприятный, неприятный вид. Недостаток в метлах, граблях, тачках, носилках и проч. мешал уборке сада, и вокруг дач копился разный мусор. Вследствие плохого состояния уборных, лесок, прилегающий к дачным участкам, обращался в обширную уборную. Все это, вместе взятое,

буквально приучало детей к неряшливости и беспорядку,—ведь «обстановка», в которой живет ребенок, одна из самых крупных факторов воспитания; а что можно было сделать при существующих условиях?

Взаимоотношение с другими *ведомствами* везде носит недружественный характер. Отчеты Отделов и инструкторов согласным хором жалуются на волокиту и всевозможные препятствия, чинимые различными Губпродкомами, Упродкомами, Райпродкомами, железнодорожными организациями (там, где приходилось иметь с ними дело при отправке детей в дальние колонии). Суммируя этот хор жалоб, можно сказать, что устроителям колоний приходилось быть «лабазниками, грузчиками, возчиками, нянь-ками, попрошайками по различным учреждениям». Помимо указанных учреждений колониям приходилось иметь довольно тесные сношения с Земотделами для приобретения коров, лошадей, предметов сельского хозяйства. «При колониях необходимо иметь,—пишет инструктор Тульской губ.,—лошадь, телегу и сбрую для поездок в город за продовольствием, врачом»... Земельный Отдел однако не удовлетворяет ходатайства ни в живом, ни в мертвом инвентаре.

Санитарное состояние колоний, благодаря бедности оборудования, не может считаться блестящим, но во всяком случае устроителями колоний было сделано все от них зависящее, чтобы поставить санитарное состояние колоний на должную высоту, приблизительно, в 25% колоний был приглашен особый врач или хотя бы фельдшер или сестра милосердия, устроена собственная аптека, отведена комната для заразных больных и пр. Из всех колоний, о которых имеем сведения (более 300), о тяжелых санитарных неурядицах повествует лишь одна Кимрская колония, расположенная в Симбирской губернии.

Переходя к *внутренней жизни колоний*, следует сказать, что чрезвычайно много зависит от состава руководителей, от их идейности, работоспособности, энергии, педагогического и хозяйственного опыта. С этой стороны не везде следует признать колониальный опыт удавшимся, хотя не следует оценивать и слишком низко достигнутые результаты. Конечно, благодаря новости идей трудовой школы и тяжелых хозяйственных условий, трудовые процессы в громадном большинстве случаев выразились лишь в *самообслуживании*. Ряд отчетов живо рисует, как дети с 7 часов утра отправлялись иногда за 1/4 версты на своей лошади, а там, где ее нет, то сами по 15—20 чел. впрягались в тележку с большой кадкой за водой для кухни и умыванья, как затем наполнялись привезенной водой чайники и умывальники, как весело проходило умыванье, при чем старшие дети помогали младшим товарищам в их утреннем туалете. Накачиванием и возкой воды, рубкой и пилкой дров заняты были по утрам мальчики, а девочки в это время заведывали кипячением воды, разрезыванием хлеба и раскладкой по порциям сахара или ландрина, сухарей или хлеба, масла, сыра. Все дети сообща после утреннего чая убирали столы, а затем свои комнаты и вещи, в кухню же отправлялись дежурные, которые под руководством приставленных на то педагогов или специально приглашенных хозяйственных заведующих приготовляли обед и ужин, последний часто из собранных самими же детьми продуктов: как-то грибов, ягод (Тверской губ.). Если приложить сюда стирку и уход за домашним скотом, то нужно признать, что самообслуживание проведено было в летних колониях полностью.

Трудовые процессы также нельзя признать неудавшимися. Но в особенности там, где преданным интересам детей педагогам удалось сорганизоваться и выхлопотать для своих ребят участки земли под огороды, сенокос и т. под. Прежде всего в виду повсеместного позднего выезда в колонии (средина лета), почти нигде не удалось наладить собственного огорода и сельско-хоз. работ, но, впрочем, в отношении трудовых процессов в летних колониях отсутствует единообразие, наоборот, нас поражает пестрота картины. На-ряду с частой трафаретной фразой: «трудовых процессов не было», мы встречаем и такие известия, что «дети работали у крестьян, возили в поле жнецов, молотили, таскали коноплю, убирали пшеницу: некоторые из них заработали пуда по 2—3 муки, которую потом отвезли домой». Это, конечно, не тот характер трудовых процессов, который стремится ввести трудовая школа, но это могло быть лучше, чем ничего, это носит несомненно американский характер.

Более близкое осуществление идей Трудовой Школы находим мы в Бологовской колонии. «В свободное от своих работ (т.-е. по самообслуживанию) время,—пишет руководительница этой колонии,—дети ходили полоть на огород соседнего советского имения, вместе с руководительницами, где попутно и в связи с работой велись беседы научного характера. Такие беседы велись и во время хождения в лес за грибами, ягодами, на сенокос, в поле—на жнитво». Ярославские колонии сумели провести у себя вязанье туфель из шпагата, плетенье корзин, кроме того, так как и здесь вследствие позднего выезда в колонии не удалось организовать самостоятельных сельско хоз. работ, то колонисты отправлялись на работы в огороды местных жителей. В Московской губ. в колониях при Николо-Угрешском монастыре, а также в Быкове и в Ильинском московский инструктор восторженно сообщает, что у детей масса работы: всевозможные рукоделия, лепка, рисование. «Кто-то из руководительниц,—пишет она,—умеет делать веревочную и брезентовую обувь, и порядочно уже сделано. Главное делают без колодок. Дети уже сами порядочно выучились, и я прямо-таки любовалась, попав к ним в мастерскую. У них только, к сожалению, остается бечевы 10 ф. и если не найдется еще, то работа станет. А между тем они могли бы наготовить обувь и в другие колонии». Это касается Николо-Угрешской колонии, а в Ильинском у детей тоже живая, деятельная жизнь. Тот же инструктор, слова которого приведены были выше, пишет: «Я застала девочек старшего возраста за шитьем белья детям младшего возраста. Из Наркомпроса дано что-то 50 арш. для белья, и так как это, конечно, очень мало, то хоть малышам, которые очень пачкаются, сделали немного белья. Но катушек нет, и на 18 девочек, которые шили, из рук в руки переходила одна катушка. Остальная детвора собирала по лесу еловые шишки для топки и уже сделали большой запас. Очень искусно девочки и мальчики плели из веревок сумки-филе. Малыши тоже кое-что делают по рисованию, плетению шнурочков, тесемочек»... Все это дает возможность инструктору сделать вывод, что «руководство, видимо, поставлено рационально и это отражается во всем».

Педагогическая и образовательная работа, по сознанию самих устроителей и руководителей летних колоний, была поставлена в 1919 году *слабо*: главная причина—перегруженность преподавателей хозяйственными и продовольственными заботами, кроме того, убеждение отделов и руководителей, что колонии должны служить целям детского летнего отдыха и поправления здоровья, а что образовательная роль их должна быть отведена на второй план, таково, наприм., положение дел в 88 колониях Симбирского Губотдела.

Но кое-где образовательная работа была интересно поставлена и удачно проведена.

Та же самая Бологовская детская колония, которая осуществляла трудовые процессы, сопровождавшиеся научными беседами, провела следующую образовательную работу. При хождении с детьми на сельско-хозяйственные работы или за сбором грибов и ягод проводились научные беседы на тему: растения, животные, птицы и пр. «Вообще вся образовательная работа,—пишет руководительница,—велась в форме наблюдений в природе, а потом бесед. Иллюстрировать же беседы ни красками, ни карандашами, ни вырезыванием из бумаги не приходилось за отсутствием материалов и инструментов. Руководительский же состав был подобран со специальным образованием в этом направлении». И только по причине бедности в учебных пособиях от колонии не осталось педагогического наследства в виде законченных показательных работ. Однако интересно отметить, что эта благополучная в образовательном отношении колония как раз была освобождена от ряда тяжелых хозяйственных забот: от стряпни, стирки и возки воды, хотя работать ей приходилось все же довольно много: главным образом по заготовке и возке дров.

Такие образовательные моменты, как экскурсии ближние и дальние, составление коллекций, гербариев, детские спектакли, встречаются, разумеется, почти повсеместно. Недурно, повидимому, была поставлена образовательная работа в Кимрской местной колонии. Там проводилось, помимо ботанических и зоологических экскурсий, еще пение, рисование (целые альбомы отосланы были в местный Отдел Народного Образования), чтение, научные беседы, свободное творчество, рукоделие и картонажные работы. Совершенно исключительно была поставлена образовательная воспитательная работа в Московской Опытной Школе I ступ. Александровской ж. д., открытой в марте 1919 г. Учащиеся в этой школе были в возрасте от 7 до 14 лет с крайне разнообразным развитием, при чем у многих проявлялись дурные наклонности. Однако педагоги сумели возбудить живейший интерес в детях к изучению окружающей их живой и мертвой природы. Разрешим себе привести две цитаты из объяснительной записки председательницы школьного совета данной школы Н. Половой.

Когда появились на усадьбе гнезда, очень заинтересовались птицами, захотели узнать о них, ежедневно наблюдали за гнездами, за выводами птенцов, и когда они вылетали, брали гнезда, которые и составили особую коллекцию. В это время построили для птиц большую клетку и поместили в нее галок и гнездо голубей; их выкормили и впоследствии они, совсем ручные, жили среди детей. Этот период жизни школы нашел свое художественное выражение: I класс сделал коллекцию «гнездо с яйцами», а II—аппликацию «ласточки» и нарисовал красками галок. Вместе с ним I класс записывал в элементарной форме свои наблюдения и пр.: о ласточках, гнезда которых были у нас на балконе, о том, как ястреб охотился за птицами, о нашем галчонке, о гнезде голубей. о маленьких

мухоловках. Второй класс основательно разрабатывал темы: ласточка, галка, жаворонок, стриж, дятел, сова.

Во время цветения липы дети заинтересовались пчелами, и мы начали ходить на пчельник, наблюдали за пчелами, разбирали улей, доставали мед. Достали вощины рабочих пчел, трутней, царицу и т. д., составили изо всего собранного материала коллекцию «жизнь пчел» и сделали модель пчельника.

Занятия по географии мы начали с исследования оврагов, которые пересекали нам ближайший лес и выходили своими устьями на реку-Москву.

Там мы могли наблюдать обнажения почвы и подпочвы, обнаженные корни деревьев; там мы видели, как лес выдерживает образование и рост оврагов, как от гниения листьев и хвои образуется слой почвы. Наблюдали, как на месте глубоких колей на дорогах зарождаются овраги, как легко образуются промоины на местах, где лес сведен и земля распахана. Во время сильного ливня в ближайшем овраге образовался бурный поток, который с шумом нес комки и камни, вырывая кусты. Дети после дождя, играя у шумящего ручья, видели, что вода в реке прибыла, что у устья ручья образовалась дельта, самое русло ручья изменилось, возникли новые островки, исчезли некоторые кусты и цветы, размыло берега; набрали камней, обточенных водой. Дети стремились загородить путь ручью, строили плотину; возникла мысль соорудить мельничное колесо,— и к общему восторгу на ручье с шумом завертелось деревянное колесо. Таким образом мы подошли к теме «работа воды» и познакомились с устройством мельничного колеса, что нам пригодилось позднее при осмотре водяной мельницы.

Самоуправление проводилось, повидимому, в лишь небольшом числе колоний, и вообще наши источники глухо говорят об этом предмете. Мы слышим, что в Ярославской губ. вечером после различных игр—футбола, крокета, хороводов и пр., когда начинается беседа с руководителями на разные темы, порожденные дневными впечатлениями, происходит и разбор различных дел и недоразумений органами колониального управления, состоящего из детей с участием одного из руководителей. В Тверской губ. дети вырабатывали сами правила по соблюдению порядка в колонии, уборке помещения, дежурства.

Удовольствия в летней колониальной жизни уделялось, как кажется, больше, чем достаточное внимание. Прогулки в лес за ягодами и грибами, катанье на лодках, рыбная ловля, сбор орехов, детские праздники, спектакли, пение и декламация, даже танцы и хороводы, устраиваются повсеместно. Об играх мы слышим фактов очень много: тут и крокет, и футбол, и мяч, и городки. Но дело не в том, что дети развлекаются повсюду, как того требует их возраст,—это только может радовать друга детей, а хуже то, что на развлечения отдается слишком много времени. Нам приходится слышать, что дети играют после утреннего чая и после обеда, после вечернего чая, после ужина, приходится сделать вывод, что играм и развлечениям детьми уделялось несоразмерно много времени в ущерб образовательным занятиям.

Из дневника школьного инструктора.

Осенью 1919 года мне пришлось провести целую неделю в с. Братковe Вологодского уезда, где организовалась школа второй ступени в бывшей помещичьей усадьбе. Усадьба в период революционной борьбы очень пострадала. Целый год в ней помещался волостной исполком, который пришлось выселять потом почти силой, чтобы очистить помещение для школы. Население настойчиво просило открыть школу II ступени, и школа была открыта. Первая неделя работы школы и освещается в помещаемом ниже дневнике:

Братовская школа 15 сентября 1919 г.

Сегодня—начало занятий. Уже 10 часов. Кое-кто появляется из учащихся. Расхаживают по комнатам и с любопытством все осматривают и трогают. Мальчики особой группой, девочки тоже. В $10^1/_2$ часов выхожу из своей комнаты, направляю девочек снять пальто в комнату Елизаветы Николаевны, мальчиков—в соседнюю. Раздеваются довольно тихо. Посматривают друг на друга—ведь так много незнакомых! Всего под конец дня собралось до 60 человек: 30—в I ступени и 30—во II ступени. В 11 час. всех зову на «общее собрание» в комнату № 1. Уселись. Смотрят. Говорю, что вот все это здание и те, что рядом, сад, поля,—все это передано вам крестьянским правительством. Управляйте сами и ведите все хозяйство по хорошему. Молчат. Посмеиваются. Малыши с любопытством смотрят на меня, на соседей, на все,—внимательно наблюдают за всем происходящим. Разговор возобновляется — о бумаге, книгах. Организуем кооператив, ибо я говорю, что ныне все учебные пособия и письменные принадлежности можно получать только через школьный кооператив. В прошлом году они существовали ведь у нас при всех школах в районе. Быстро выбирают председателя своего кооператива, казначея и приказчика. Кто-то говорит, что надо ведь записать. Все спохватились. Ведь раз общее собрание, то нужен председатель и секретарь. Разрешают благосклонно председательствовать мне. Секретарем выбирают Анну Пулькину, только что пришедшую с Чебсары вместе с двумя подругами. Сначала отнекивается, потом под давлением мнения собрания соглашается.

Далее идут выборы председателей групп. Групп 7, и семь председателей. В IV группе пока один учащийся. Он уже и выбирает себя председателем. Наконец все 7 председателей выбраны, это—Совет учащихся. Улыбаются все. Настроение весьма оживленное. Кто-то спрашивает,—а где мы будем жить и в какой комнате учиться? Тотчас же выбирается хозяйственная комиссия. Ей поручают осмотреть все здания, пронумеровать их и пронумеровать комнаты в главном здании, наметив тут же и комнату для общежития—мальчиков и девочек. За хозяйственной выбирается «садовая», «земельная» и «библиотечная». Каждой комиссии намечается работа и работа спешная.

Потом говорим «о рабочих дневниках групп». На сегодня работу в дневниках возлагают на председателей. За I группу неграмотных берется написать Анна Александровна. Она, по моей просьбе, целый день сегодня мне помогает. Говорим дальше об электрическом звонке и проч.

Потом решаем собрание кончить. Секретарь читает журнал, объявляется перерыв, и все расходятся на обед.

Тотчас после обеда председатели взялись составлять списки учащихся своих групп. Некоторые не справляются с делом. Приходится помогать. А комиссии работают тоже. Садовая спешит поделиться со мной результатами осмотра сада, библиотечная просит передать ключи от шкафов с книгами, хозяйственная бродит по комнатам, а земельная не знает, что делать, и, в конце-концов, отправляется искать парники. Помогаю сортировать книги, а потом с хозяйственной комиссией осматриваем главное здание и заходим в соседнее. Это последнее производит безотрадное впечатление: летом служило клозетом «белых», «зеленых» и «красных». Быстро поворачиваются многие и уходят, в особенности девочки. С 2 мальчиками мы, однако, храбро все осматриваем, даже залезаем на чердак. А дождь так и льет, настоящий осенний дождь.

Анна Александровна в это время беседует с I, II, III группами 1 ступени. Снабдила их книгами, рассказывали сказки и рассматривали картинки.

Комиссии все продолжают работать. Пишут доклады. Многие разбирают «Ниву». Наконец, около 3—4 часов старший председатель с его разрешения объявляет, что пора бы уже по домам. Постепенно все расходятся, остаются приезжие издалека, человек 6 девочек. Они на скорую руку организуют для себя общежитие в комнате Елизаветы Николаевны. Часть оставшихся после чаю продолжают разбирать библиотеку, делясь впечатлениями дня. Я собираюсь уходить в соседнюю деревню обедать и за продуктами.

Вот и кончен трудовой день. Признаться, я доволен прожитым. Дело наладится и пойдет по хорошему, лишь бы подобрались подходящие педагоги.

16 сентября 1919 г., вторник.

Кое-кого с утра не было, но настроение бодрое. С $10^1/_2$ час. было общее собрание. Выслушивали доклады комиссий, намечали экстренные работы. Решили очистить обе кухни и много других экстренных работ намечено. Хозяйственная комиссия приведет в порядок мебель. На II ступень возложена организация библиотеки-читальни. Земельная парники нашла и теперь знает, что сделать с ними. Доклады комиссий прошли оживленно. Потом шли рабочие дневники групп. Видимо еще не справляются с идеей их. Во многих одно лишь перечисление сделанного за день и никаких «лирических отступлений».

С 12 час. были научные занятия I, II, III и IV групп, занимались с Анной Александровной письмом и чтением, V группа писали сочинение на тему «как мы провели лето». С I и II беседовал я о научных предметах и кружках. Решили организовать пять-шесть кружков и наметили целый ряд рефератов. После обеда старшие группы выполняли работы. Мальчики чистили кухню № 2. Все было ужасно загажено. Работали энергично и быстро (в $^1/_2$ часа) справились. Я работал наряду с другими. Это, может быть, помогло. Девочки лишь начали работу, потом отказались: очень грязно. Завтра на общем собрании поднимаю вопрос. Видимо, сразу же идея самообслуживания подвергнется испытанию.

Потом V, I II разбирали библиотеку. Эта работа больше им нравится. Хорошие переплеты очень привлекают кое-кого, и видимо часть книг может даже исчезнуть. Но тут важнее организационный навык. В общежитиях прибывает число учащихся. Вечером в «клубе» ели брюкву. Нет керосину и ламп. С освещением, видимо, дело будет плохо обстоять. Завтра Мих. Марк. будет начинать ремонт мебели и кухонь. Чебсарские сегодня не были. Может-быть, дождь мешал, а может быть, ждут «настоящих занятий»—в классах и по книжкам.

17 сентября 1919 года.

Опять начали с собрания. Убеждаюсь, что так всегда и нужно. Присутствовала и Над.

Мих. Доклады комиссии выяснили, что в комиссиях мало людей—человека 2—3. Пришлось пополнить. Разговор на тему о том, что девочки не выполнили работу, приобрел характер увещания с моей стороны о задачах трудовой школы. Девочки совсем молчали. Несколько мальчиков изъявили желание помочь девочкам. Те все молчали. Над. Мих., наконец, тоже высказала желание помочь. Рабочие дневники ведутся, лишь в III группе I ступени какая-то заминка. Много мелких вопросов решили на собрании. Потом после перерыва направились три старших группы на работы: мальчики работать в парниках, девочки чистить главную кухню. Все справились с работами, хотя есть и группы, ничего не делающие. С усложнением и дифференциацией работы они, наверное исчезнут. Парники были в невозможном состоянии. Пришлось немало и мне покосить там, сражаться с крапивой и т. д., валы все сложили как следует. Битых стекол насбирали целый ящик и снесли хранить в кладовую. Оклали еще поленницу дров. Возились и работали часа 2. После обеда были научные занятия. Над. Мих. со II ступенью разбирали устный реферат «Татары». Я с пятой группой начинал геометрию с измерения высоты колокольни и ширины реки. Заинтересовались. Подошли к измерению углов. Завтра на эту тему и побеседуем. Анна Алекс. занималась с 4 группами. После научных занятий почти сразу все разбрелись. Часть перенесла книги сверху в библиотеку-читальню (журналы). Мих. Марк. уже приступил к работе. Разобрал сцену и меблирует библиотеку-читальню. Решили заниматься с 9 час. Новую комиссию избрали—«гигиеническую». Дали ей и работу—остричь длинноволосых и следить за одеждой. В общежитиях выбраны заведующие и введено самообслуживание. Поселилось уже около 20 чел. Придется разместить по новым комнатам. Вечером пошел в Ивановское.

18 сентября 1919 года, четверг.

Пришел в Братково уже в 1 ч. дня. Собрание было, как и раньше. Работа — убирали сцену (доски, декорации и пр.) в кухню № 2. Научные занятия идут. Только с пятой группой никто не занимался. Я пришел поздно и не смог заняться. Целый день мокнул под дождем, обходя соседние школы. Дело с библиотекой движется медленно, а учащиеся все прибывают. В I ст. уже более 30 человек. День хмурый, и работ на вольном воздухе не было.

Придется и сегодня отправиться в путешествие по школам вечером.

20 сентября 1919 года.

Рано утром вернулся из Нестерова пешком. По дороге осмотрел парники; уже все вычищено. Заметно, и что серьезно боролись с крапивой и с репейником. Иду в здание школы. Еще рано, только обитатели общежития кое-где сидят и читают. Больше (4—5) в библиотеке-читальне. Туда уже снесены все книги. Вхожу и предлагаю книги расклассифицировать по отделам. Охотно принимаются за работу, постепенно подходят и другие, работа кипит. Убеждаюсь, что хорошо пойдет уже и без моего присутствия. Иду вверх. Надежда Михайловна помогает общежиткам убраться. Екатерина Александровна уже приехала, следовательно сегодня занимается четверо.

К 10 час. многие уже пришли. Идем на общее собрание. Мест уже не хватает теперь,—так много уже понаехало отовсюду, в особенности из далеких волостей. И каждый день все поступают в особенности во II ступень.

На общем собрании — сначала доклады комиссий, недельные уже: перечисление сделанного. Председатели комиссий старательно читают «отчеты». Некоторые довольно толково написаны. Но ведь еще одна неделя занятий прошла только.

А что будет потом?..

В процессе обсуждения выясняются кое-какие вопросы неотложные. Избираем еще комиссию «контрольную». Надежда Михайловна хочет подарить школе корову, принимаем с аплодисментами в благодарность. Для земельной комиссии новое дело — позаботиться о сене. Председатель земельной комиссии Бартемьев — очень толковый: сам намечает очередные задачи и т. д. Других приходится еще слегка наталкивать, ибо сами не всегда видят, что надо делать. Кое-кто, уже критикует действия комиссий. Видимо постепенно осваиваются с работой коллектива. Далее слушаем рабочие дневники групп. Очень хорош дневник пятой группы, у некоторых все еще нет никаких «лирических отступлений». Попытки, однако, намечаются. С дневниками дело наладилось прочно, видимо.

Потом намечаем, каким группам какая работа должна быть на сегодня и какие научные занятия надо провести. Сразу же идем работать; малыши (I, II, III и IV групп) очищать сад от валежника, старшие—очищать около главного и соседних зданий. Работа подвигается быстро. Много затруднений создается отсутствием лопат и граблей, приходится и крапиву вырывать и камни и пр. обирать руками. Однако все работают с воодушевлением. Малыши носят сучки из сада «на дрова», как они выражаются. Тут же постепенно намечаются и новые работы: надо поправить забор у сада, поправить качель, вычистить пруд и насадить в него карасей и т. д.

Часа два работали. Целый гурьбой отправляемся мыть руки на пруд прямо. Нашли там печатку с гравировкой «Братково» (для масла). Обрадовались—хорошее предзнаменование: значит сами будем выделывать масло в будущем. Были кое-кто на работах и дезертиры-ленивцы. Только смотрели, но контрольная комиссия уже начинает действовать...

Потом обед. После обеда научные занятия. Я провел со второй ступенью беседу по математике. Позабыли много. Не знают уже, как решать уравнения с одним неизвестным первой степени. Пришлось объяснить. Беседа все время перебегала и на геометрию (многоугольники) и на арифметику (пропорции) и закончилась, в конце концов, теорией Канта-Лапласа. Все это продолжалось часа 2 или $1^3/_4$ час. Высидели. Понравилось, видимо.

На субботу решили—научных занятий хватит. Большинство отправилось по домам. Только комиссии кое-что экстренное делали, да очередные секретари срочно строчили рабочие дневники и отчеты комиссий. Библиотечная комиссия уже привела в порядок библиотеку. Уже много и читателей. Постепенно приводится в порядок мебель и все главное здание. Скоро пойдут работы и по устройству земельного участка. Да, действительно, «бытие организует сознание» и само определяется экономикой.

Неделя вся. Уезжаю в Вологду работать тоже над второй ступенью. Но там уже не то. Однако будем реформировать, хотя и станут Вологодские педагоги морщиться.

Инструктор *Д. Авксентьевский*

Восемь месяцев одного педагогического опыта.

Еще не так давно главную роль должен был играть педагог-теоретик. Нужно было выставить определенные педагогические лозунги, обосновать их, отмежеваться с полной ясностью от сходных по внешнему виду течений и с такой же ясностью определить конкретный характер новой школы.

Но только теория, только лозунги, естественно, встречают недоверие. Встают сомнения, насколько все это осуществимо, тем более, что неподготовленные адепты новой школы успели уже сделать многое для проваливания ее. Педагог-теоретик должен сейчас сам войти в педагогическую практику. Сейчас важнее всего описание уже сделанных педагогических опытов.

Настоящая статья представляет собою описание одного такого опыта — по подготовке деятелей социалистического трудового воспитания. Этот опыт был кратковремен и не закончен; тем не менее, я считаю результаты его настолько яркими и успешными, что не опубликовать их не могу.

I.

В конце октября 1919 г. мне было предложено заведывать подготовкой дошкольников и учителей I и II ступени в одном только что сорганизованном педагогическом московском учреждении. Первые полученные мною впечатления были так сильны, что я почти несколько недель повторял: теперь я понимаю, как получается школьная разруха. Та организация, которую я застал, была до крайности сложна: тут были и отделы—дошкольный и школьный, и подотделы—I и II ступени, и секции для II ступени—гуманитарная, физико-математическая и естественно-географическая — с подсекциями, и ряд всяческих комиссий, и всеобъединяющий научно-учебный коллектив, и президиум, и, как ни странно, и II—IV курсы, образованные из студентов ликвидированного учительского института. В результате, в учреждении, организуемом с весны, занятия начались лишь с 25 октября, шли крайне неправильно, при массе пустых часов, а на многих секциях и вовсе не начинались. Среди студентов—острая неудовлетворенность. Между секциями, отделами и н.-у. коллективом—трения. В общем, не текущая живая педагогическая работа, а бесконечные заседания, бесконечные пререкания.

Дошкольное отделение работало изолированно. Что же касается школьного отделения, то создавались списки предметов чуть ли не на 5 лет обычного учебного типа. Словом, я встретил до крайности непрактичную затею, притом старого типа. Правда, было среди преподавателей несколько приверженцев трудовой школы, но!—боги мои милые,—как вкривь и вкось толковали они ее, немилосердно путая и сбивая самые простые вопросы! В общем, было обыкновенное учебное заведение, а ясно, что в учебном заведении деятели трудовой школы не могут получить подготовку.

Предо мною стала вполне определенная задача: ликвидировать это непрактичное и педагогически неудачное предприятие, но ликвидировать безболезненно для студентов и так, чтобы с Рождества мои педагогические замыслы могли осуществиться.

В первую очередь я выдвинул идею объединения дошкольного и школьного отделения в один общий Отдел Социального Воспитания. Моя мысль такова: в педагогическом

деле преждевременная специализация очень вредна; из 17—18-летних девушек, в большинстве случаев почти без всяких данных сразу же записывающих себя в дошкольницы или учительницы, могут выйти лишь педагогические ремесленницы третьего сорта; разделять же сразу учителей I и II ступени и, в особенности, готовить сразу же предметных учителей значило, по моему мнению, не иметь никакого понятия о трудовой школе. Я представил себе дело совершенно иначе: курс трехлетний; первый год—пропедевтический—имеет целью воспитание личности будущего педагога, как человека; второй год—общепедагогический—пропускает всех студентов через все виды педагогической работы (дошкольный, школьный и клубно-колониальный триместры) с некоторым излишком времени для небольшой специализации; третий год—специальный, и даже очень.

Неожиданно удалось осуществить организацию Отдела Соц. Воспитания вполне безболезненно: на отделении II ступени пока работать начали лишь гуманитарная секция с многими курсами, параллельными с I ступенью, и потому, без всякой ломки, создалось единое школьное отделение; вычеркивая из расписания еще (несмотря на половину ноября) неначавшиеся курсы, удалось наполовину объединить школьников с дошкольниками. Лишаясь «пустых» часов и получая взамен реальные занятия, студенты испытывали удовлетворение. Кроме этого, ненормальность резкого обособления подготовки дошкольников и учителей I и II ступени чувствовалась самими студентами и до меня. Что же касается II—IV курсов б. учительского курса, то студенты таковых уже давно в тщетном ожидании занятий разбежались, и, констатировав это, я для небольшой группы оставшихся студентов старшего курса организовал т. н. ликвидационный курс.

Быстрый пуск в ход так долго неналаживавшейся неуклюжей учебной машины поднял дух студенчества. Оно почувствовало доверие ко мне, как к организатору, и, опираясь на это доверие, я решил создать в студентах подъем, порыв к новой жизни и новому воспитанию. Со второго же дня своего вступления в должность я стал собирать еженедельные конференции. На конференциях и на занятиях я знакомил студентов с трудовой школой, как со школой трудовой культурной жизни. Мы будем учить детей строить жизнь, но сами мы умеем строить свою жизнь? Призыв строить свою жизнь был воспринят молодежью с увлечением. При этом я нарочно ставил вопрос не идеально, а практически.

Как мы живем? Дошкольницы живут на отлете в —2°, без горячей воды, да и школьники живут не в равных условиях. Создается жилищная комиссия: дошкольницы были быстро перемещены, произведено справедливое уплотнение, найдены новые квартиры, уже никто не мерз. Как мы едим? Обеды ухудшаются и уменьшаются, на кухне воруют, дежурные неаккуратны. Создается столовая комиссия: обеды сразу стали лучше, для слабых введено добавочное питание, дежурных подчинили дисциплине. Забота о здоровье? Вводится медицинское переосвидетельствование, врач—член жилищной комиссии, слабые лучше едят и освобождаются от нарядов, чинятся ванны, и студенты ходят чистыми. Наконец, самый больной вопрос—наряды по самообслуживанию. Создается комиссия по трудовой повинности: она составляет общий список работоспособных студентов и ведет учет труда в целях равномерного распределения его,

Не забываются и духовные нужды. Организуется читальный зал и в нем вечерние чаепития. По субботам происходят вечеринки. Создается педагогический кружок имени. Песталоцци, куда приходят практические работники района. Наконец организовалось добывание билетов в театры.

Увлечение всем этим продолжалось до Рождества и скрашивало скудость учебных занятий, кое-как также налаженных. Студенчество получало огромный организационный опыт и вкус к трудовой школе. Видя буквально с каждой неделей, как улучшается их жизнь, студенты получили большое доверие ко мне. Их самодеятельность стала большой—еженедельные конференции, организационные и рабочие комиссии, наконец, в Совет О. С. В. вошло столько же студентов, сколько и профессоров, а при абсентеизме профессоров работали почти исключительно студенты. Однако эта самодеятельность не была абсолютной: конференции выносили только пожелания, совет был совещательным органом, и санкционировал все президиум из ответственных лиц учреждения.

Однако, нельзя сказать, чтобы все шло гладко. Студенты запутывались в комиссиях, тем более, что работала активно лишь небольшая часть их. Успех налаживания столовой был эффектен, но покупался огромным напряжением сил. Гигиена вступала в конфликт с невнимательностью занятого в стах местах врача и, главное, с некультурностью провинциала, неумеющего даже обращаться с уборной (приходилось и этому учить). Жилищная комиссия скоро впала в бездействие, и, подозреваю, одна из причин этого—нежелание некоторых влиятельных студентов поступиться своими жилищными преимуществами. С нарядами на работу происходила вечная неурядица по каким-то таинственным причинам. Вечеринки приобретали пошло-мещанский характер. Наконец, среди студентов стал пользоваться популярностью лозунг: «все для студентов», т.-е. стал развиваться т. н. студенческий профессионализм.

Наиболее впечатлительная часть студенчества отчасти обескураживалась неудачами. Я лично ждал их. Они были неизбежны и давали нужный нам вывод: если неумеющие строить свою жизнь не могут быть полезны детям в строительстве детской жизни, то пресловутое «умение строить жизнь» есть *результат* некоторого педагогического процесса, а не исходная точка его. Нельзя сразу, экспромптом суметь строить жизнь. Для этого необходим ряд знаний и умений, а главное—большой организационный опыт, который нами только начинает приобретаться. Словом: 1) это то, что нам должно дать наше учреждение, как конечный и основной результат, 2) студенты почувствовали свою общественную и индивидуальную невоспитанность, и тем легче стало им согласиться со мною, что, прежде чем думать о воспитании детей, им очень и очень нужно подумать о своем собственном воспитании. Тем самым оправдывалась моя идея первого года, как пропедевтического.

Если студенчество горячо приветствовало мои начинания, то нельзя этого же сказать о преподавателях. По моим впечатлениям, они были просто сбиты с толку. Для меня было не тайной недоброжелательное отношение большинства их ко мне, как идеологу известного течения. С другой стороны, и они, как либо «лектора учебных предметов», либо «путаники трудовой школы», не вызывали во мне особых восторгов. Мне только не хотелось конфликтов и скучных пререканий, тем более, что почти всякий из них чуть ли не считал своим долгом быть моим оппонентом. Жизнь дала прекрасный выход: все эти лектора и путаники оставлялись ею за штатом. На конференции они не ходили, в нашей организационной работе не участвовали, их занятия студентов не привлекали, в программе второго триместра их «предметов» не значилось. Они просто оказались ненужными для нас и тихо, незаметно отмерли.

II.

Так прошло два первых месяца (ноябрь—декабрь), и, после Рождества, все мы, как наэлектризованные, ждали «нового» года. До сих пор были ликвидация и прелюдия. Настоящее дело начиналось только теперь.

Как было сказано выше, я проектировал первый год сделать пропедевтическим. Пред нами—задача стать деятелями трудового социалистического воспитания. По моему мнению, старые педагоги органически не могут стать такими деятелями. Здесь дело не в лекциях о трудовой школе, не в ряде «новых» методик,—словом, не в «новосеминарской подготовке», но в перевоспитании всей личности будущего педагога. Я нарочно вычеркнул из программы первого года всякие педагогики и методики. Больше того: все время я изгонял из голов студентов мысль о том, что то или другое им нужно для воспитания детей. «Вам рано об этом еще думать,—пока воспитывайтесь сами». Как?—Как трудящиеся и социалисты. Труд—центральное содержание нашего воспитания. *К нему примыкает социализм.* С другой стороны, место педагогики замещает психология, и не детская, но общая: чтобы быть педагогом новой школы, надо быть прежде всего психологом, а для этого, задолго до педагогики, должна царить исключительно психология. Итак, трудовик, социалист и психолог—вот фундамент личности деятеля нового воспитания.

Второй триместр проходил при 36-недельных часах, т.-е. 6 часов в день. Это очень много, и студенты жаловались, что у них нет времени для самостоятельных занятий. Но я нарочно так поступил: для начала важно было, в противоположность пустому первому триместру, создать сознание полноты. Если раньше «нам ничего не давали», то теперь психологически было очень важно, что «мы получаем много».

Опишу, как мы давали студентам трудовое воспитание. Нам удалось пустить в ход еще с весны налаживаемые мастерские — сносную столярную на 10 человек и швейную—с 3-мя машинами. Во главе мастерских стояли квалифицированные ремесленники. Продолжительность занятий каждой группы 8 часов в неделю, всего 3 недели, т.-е., в общем счете, 24 часа (на практике выходило около 30 часов).

Я не сторонник учебных мастерских, и они достались мне в наследство, которым я не побрезгал. До меня проектировали, что они будут мастерскими для самообслуживания, куда будут приходить студенты делать простейшими инструментами нужное им в жизни. Мне такая затея казалась вздорной: 1) казался непрактичным и непедагогичным такой «анархизм»; 2) при такой постановке мастерская ничего не даст уже знающим, да и не знающим, как взяться, будет мало полезна,—разве укрепит в них плохие приемы работы, 3) простейшими инструментами может, по моему мнению, хорошо работать только мастер своего дела. Инструктора-ремесленники, за исключением швеи, присоединились ко мне, и студенты вошли в обычную учебную мастерскую.

Мастерские заняли 35—40 студентов, причем за триместр, по разным обстоятельствам, успели проработать только дважды: напр., после столярной студент переходил в слесар-

ную и наоборот (швейная комбинировалась иначе). Не касаясь судьбы остальных студентов, расскажу, что дали нам наши мастерские. Студенты восторженно приветствовали открытие мастерских и горячо принялись за работу. Но уже через неделю начались разочарования: инструктора ничего не объясняют («делай», а «почему так» не говорят), у них нет педагогического подхода (грубо бракуют мало-мальски не удовлетворяющее шаблону изделие). Через 2 недели студенты уже вошли и не хотели работать.

Параллельно с трудовыми занятиями студентов я вел особый курс «Трудовой педагогики». Первые главы этого курса: 1) типичные ошибки при осуществлении трудовой школы, 2) различные системы обучения р. труду—датская, шведская, русская и американская, 3) гигиена р. труда, 4) творчество (проектирование и искусство) и сознательность (расчет, рабочий журнал) в р. труде. Слышанное от меня еще больше разжигало студентов, и они категорически требовали инструкторов-педагогов. Зафиксировав недостатки инструкторов-ремесленников, мы пригласили в феврале педагогов в столярную и слесарную.

Инструктора-педагоги дали полное удовлетворение постановкой дела и отчетливостью преследуемых задач. В столярной мастерской (30 часов) давалось знание инструментов (назначения, устройства, сборки и разборки, употребления их), материала (породы деревьев, отличий древесины, свойств каждого дерева) и рабочих движений (р. позы, держание инструментов, объяснения нужных движений). Программа наметилась такая: 1) пиление вдоль и поперек, выстрагивание плоскостей, торцевание, срезывание стамеской, работа напилком (кухонная доска, вешалка, полки, линейка); 2) строгание, пиление, разметка, сверление отверстий, соединение на гвоздях и винтах (расправилка, рама, скамейка); 3) соединение на сквозной шип, разметка, расшиливание, долбление, пригонка (кронштейн, ящик, шкатулка). В слесарной же на простых предметах усвоивались резка и сгибание проволоки, сгибание полосового железа, соединение на заклепках, вырубка зубилом, отпуск и закалка стали, обделка железа в горячем виде, обделка листового железа, изделия из жести, пайка медью.

Как ни увлекались мои студенты педагогами-инструкторами, их увлечение к концу следующего месяца стало остывать. Как ни странно, они начали открывать достоинства в забракованных ремесленниках: «там чувствовался мастер своего дела, а здесь только учитель, у которого настоящему ремеслу не выучишься» Пресытлись они и «объяснениями»: в работе самое важное—как работать. Но сильнее всего студенты напали на меня: разве можно за 30 часов научиться ремеслу? Требовали прибавки часов.

Я только этого и ждал. Мигом в своей студии «Трудовая педагогика» я поставил тему: «цель школьных мастерских». Все единогласно ответили: научиться ремеслу. Я попросил студентов узнать у мастеров, сколько для этого нужно времени. Мастера дали два ответа. Первый, скорее вопрос, был непонятен: «а по какому цеху?»; второй обескураживал: «ежели вообще, так больше году, да и то неважно». Студенты растерялись. Пред ними стала выясняться природа ремесла, его трудность и крайняя специализация. Они стали понимать нелепость многоремесленничества в школе. «Зачем же тогда мастерские?» Кое-кто ответил: «для сближения с психологией трудящихся», но его оборвали: «8 недельных часов в маленькой учебной мастерской ничего для этого не дадут». Некоторые отвечали: «для связи образования с трудом». Однако, сейчас же установили, что хотя искусственно и Юпитера с грушами можно связать, но естественная связь науки и ремесла не велика, да и крайне своеобразна. В итоге в моей студии мы совместно проработали сравнительную оценку образовательной ценности разных видов ручного труда: для нас уже не все кошки ручного труда в сумерках нашего трудового невежества были одинаково серы.

Лиха беда начало. Критика мастерских шла во-всю. Студенты поняли, как трудна гигиена ручного труда, как трудно, почти немыслимо в наших условиях организовывать удовлетворительные мастерские, какой, наконец, худосочный цветок школьные мастерские. Мы не забраковали их окончательно, но мы осознали их скромную роль: дать общее знание инструментов и основных рабочих движений (а также отчасти свойств материала). Эта, по моему мнению, подлинная цель ручного труда в школе была принята нами после долгих опытов и блужданий только в марте. Но теперь мои студенты знали вздорность всех прочих заданий школьной мастерской. Также они поняли необходимость сотрудничества в мастерской педагога, мастера и врача. Наконец, они поняли, что возможны и нужны *лишь элементарные* школьные мастерские...

III.

Я начал свою работу под карканье воронов. Я не мог не иметь успеха. А задачи были очень трудны. Не поклонник мануализма, я должен был насадить индустриализм. Но как это сделать, раз самые простые мастерские так трудно устраивать? Я поступил просто: привлек к сотрудничеству заведующего профессиональным образованием города. Тем самым все профессиональные техникумы оказались к нашим услугам. Организационная проблема решилась быстро и просто.

Прекрасное ткацкое училище устроило для наших студентов текстильный техникум (всего 90—100 часов.) В размере 16 часов в неделю были организованы занятия в мастерских фабричного типа (4 ч.), практический курс анализа ткани (изготовление, строение, испытание ткани—всего 8 часов), демонстрационный курс обработки волокнистых материалов (2 ч.), экономические вопросы (2 ч.), экскурсии на хлопчатобумажную, шерстяную и шелковую фабрики и на производственную выставку В. С. Н. Х., и несколько лекций по истории стилей.

Я не стану приводить подробной программы текстильного техникума. Он вызвал всеобщее увлечение. Перед студентами открылись чудеса техники, многие из них впервые увидали фабрику. Много мнимых вопросов было снято. В то время, как работающие в мастерских тщетно пытались связать труд с наукой, в техникумах даже самый вопрос не мог встать: ведь техника и есть научный труд, знания по механике, химии, экономике сами шли в руки, все время испытывалась нужда в расширении своего математического и социального образования. Студентам, проработавшим последовательно на ручных и механических станках, не было уже нужды доказывать, работа на чем легче и поучительней. Там с нашими «ремесленниками» мы тщетно бились над гигиеной труда. Здесь же, когда я указывал сам на тесноту и темноту работы на фабричных станках, на пыль и грохот, я получал от самого последнего студента такие разъяснения, до которых никогда не мог бы додуматься ни один из оппонентов моего «индустриализма».

Студентам не нужно было уже доказывать педагогическое значение индустриально-трудовой школы. Они на собственной шкуре испытали самообслуживание и узнали, что домашний труд самый отсталый и наименее культурный и организованный, что педагогическое значение имеет лишь социализированный домашний труд общественного хозяйства, к чему у них лишь малая подготовка. Они прошли дебри учебной мастерской ручного труда. Теперь они узнали глубокую научность и социальность индустриального труда: наши «текстильщики» отличались своей дружностью и сплоченностью, с увлечением говорили о массе полученных новых знаний и, наконец, «теперь мы стали лучше, конкретнее понимать первый том Капитала Маркса».

Но лучше всего студенты выяснили проблемы трудового воспитания при занятиях швейным делом. Первоначально все дело сводилось к убогой швейной мастерской, где каждый шил, что хотел. Общий отзыв был единодушен: «швейная мастерская нам ничего не дает». Тогда мы откомандировали группу студентов в специальную швейную школу. Эта школа, должен сознаться, довела наших студентов до ожесточения: все время шили да шили. Они хотели прямо «забастовать», но я посоветовал им другое: составить характеристику профессиональной школы (эта школа была, по моему, типичная, по общему мнению, хорошая профессиональная школа). В конце-концов, мы стали втупик: ни учебная мастерская самообслуживания, имитирующая работу домашней швеи-одиночки, ни профессиональная швейная школа, по-нашему, не имеют педагогического общего значения. Где же выход? Я вновь напомнил студентам принцип индустриально-трудовой школы, не увлекающейся ни мануализмом, ни ремеслом, и после этого был организован для них «портновский техникум». Один талантливый лектор прочел краткий иллюстрированный курс истории одежды. После этого студенты (в этой группе были исключительно прошедшие текстильный техникум) совершили ряд экскурсий на крупные портновские фабрики, и конторы их, бывшие откровением для них, привыкших обычно до сих пор сочетать портновское производство исключительно с трудом швей-одиночек. Вторая половина техникума была уделена воспроизведению портновской фабрики, точное, принципов ее. Именно, была организована приемка и распределение заказа по принципу строжайшего разделения труда [1]). Затем каждый получил свою долю работы и выполнял ее в общем коллективе, при чем велся строжайший учет производительности труда в различных моментах его. Таким образом, помимо усвоения общей элементарной техники швейного дела, студенты узнали, что в крупном производстве огромную роль играют организация и разделение труда, проектирования и учет его и что здесь именно выступает коллективный труд. Они узнали также, что именно эти проблемы и суть по преимуществу педагогические проблемы.

На первых порах, кроме текстильного и портновского техникумов, нами организован был еще строительный техникум (90 ч.). Он распадался на 3 части: 1) архитектурно-строительная; 2) санитарно-жилищная (отопление, вентиляция, водопровод, канализация, освещение); 3) электричество в современном деле, при чем занятия по каждой части устраивались в особом техникуме под руко-

[1]) Предварительно была рассмотрена постройка вещи в целом, при чем были привлечены данные о пропорциях тела, принципах постройки костюма и сочетания частей его.

водством особых специалистов. Этот техникум, как и остальные, увлекал студентов, но, по моим наблюдениям, он дал им не очень много. Главную причину я вижу в том, что в то время, как во главе портновского техникума стоял прекрасный педагог, а руководители текстильного техникума усиленно инструктировались по части своих педагогических задач, здесь были архитектора и электротехники, далекие от педагогики и игрою внешних условий предоставленные самим себе. Вторая причина—там были экскурсии и, главное, работа на станках, приборах и машинах; здесь же—только лекции, и даже не было моделирования и почти не было экскурсий.

И, тем не менее, студенты увлекались. Они все время говорили: «Теперь у нас открылись глаза на окружающее, теперь мы многое можем объяснить нашим ученикам, тогда как раньше мы сами были слепыми». Очень интересно, что старые педагоги удивлялись, когда узнавали о занятиях наших студентов в техникумах: проблемы обработки тканей, одежды и жилища они считали «слишком специальными» и рекомендовали заменить технику физикой и химией.

IV.

Я думаю, читатель уже понял, как вышеупомянутым путем наши студенты и без специальной педагогики получали прекрасное введение в педагогику трудового воспитания и во все ее сложные вопросы.

Как же студенты проходили все это? Вместо курсовой у нас была групповая система. Студенты делились приблизительно так: 1) слесарная—10 чел.; 2) столярная—10 чел.; 3) 3 техникума—по 20 чел.; 4) механико-технологическая группа—20 чел. Всего 80 человек (у нас столько было студентов в начале), при чем техникумы брали в неделю в 2 раза больше времени, чем мастерские или мех.-технолог. группа. Окончивши одну группу, переходили в следующую (столярная—слесарная и обратно, текст.—портновский техник., мех.-тех.—строит. техникум в данный *триместр*). Расчет—за 1 год пройти всю эту пропедевтику трудового воспитания.

С трудом мы соединяли искусство, так, что работающие в текстильном и портновском техникуме проходили там «стили», а работающие в строительном техникуме—архитектуру. Что же касается остальных, то они изучали выразительную речь и художественное чтение (программа приблизительно такова: техника речи—дыхание, голос, произношение; музыка речи—м. природа отдельного слова, м. фразы, ритм, эмоционально-образное чтение; коллективное или хоровая декламация) и музыку (строение и материал м. речи, нотописание—все на основе собственного исполнения, прежде всего, голосом, иногда на инструменте—собственного сочинения и, особенно, слушания и анализа музыки). Временное сочетание в триместре искусства выразительной речи и музыки сделано нарочно. Основная задача—переживать только одно искусство целиком, и, в данном случае, музыку вместе с речью.

Еще два слова о мех.-технологической группе. Это, в сущности, два предмета (приблиз. по 24—30 ч. на каждый). Задача одного—введение в машиноведение (машина и работа ее, пар. котлы, машины и локомобили, двигатели внутреннего сгорания, гидравлические и ветряные), другого—ознакомление с основными способами технологической обработки (технологический процесс, подготовка материала, ведение основного процесса, регулировка, отделение продуктов, утилизация энергии и отбросов). Метод, к сожалению,—лекции, но за то экскурсии на механический и газовый заводы.

На летний триместр мы переехали в имение за 30 верст от Москвы. Так как в то время, когда я пишу эти строки, прошла лишь половина летнего триместра, то поэтому буду краток. Основы летнего триместра—физическое воспитание, агрономия и естествознание. Когда я приступал к организации, то и здесь вороны каркали, где я достану соответствующих руководителей. Я воспользовался своим обычным приемом,—обратился не к лицу, но к организации: в результате получены лица быстро и квалифицированные. Один—врач и спортсмен—вел общее руководство, врачебный контроль, теоретическое освещение и постановку практики физического воспитания. Последнее распадалось на—а) строевую гимнастику (с врачебно-педагогическим уклоном), б) спорт (легкая атлетика и плавание) и в) подвижные игры (отнюдь не «детские»,—читатель помнит, что я принципиально гнал из головы студентов эту заносчивую мысль о воспитательстве над другими: нет, наши студенты сами воспитывались на этом материале). Нечего говорить, как все это увлекало наших студентов, хотя и несколько отощавших.

Агрономия была поставлена очень своеобразно. В имении жила агрономша-интерн., руководившая повседневной работой и ведшая (в периоды затишья) занятия по агрономической ботанике. День в неделю сплошь отдавался приезжему агроному, который ставил общие задания на ближайшее время и освещал текущую работу с общей агрономической точки зрения. Как зимою мы от швеи и мастерской перешли к текстильному и портновскому производству, так и здесь мы стремились держать студентов в кругозоре всего хозяйства и, больше того, всего русского агрономического производства. После этого понятно, что мы, вопреки обычаю, не увлекались особенно огородом, но всячески вводили студентов в общий хозяйственный план и общую работу экономии (т. к., и по-моему, там гораздо больше педагогического материала).

Столь своеобразно было поставлено естествознание. Каждый участвовал в трех группах. Названия этих групп претенциозные: введение в живую природу, экспериментальная физиология, эволюционная биология. Но суть дела гораздо проще. В первой группе избирали для упражнений *в наблюдении* к.-л.часть [1]) (пригорок, опушку и т. д.) природы, т.-е. к.-н. кусок данной местности в ее конкретном целом. Во второй группе все дело было в упражнении слушателей в эксперименте, да умении владеть микроскопом и вскрытием. Наконец, в последней группе суть всего заключалась в том, чтобы студенты привыкли смотреть на природу с эволюционной точки зрения. Итак, эта «пропедевтика естествознания» состояла в раздельно-отчетливом усвоении трех вещей—наблюдении конкретной местности, экспериментировании и эволюционной точке зрения.

Ограниченные размеры статьи не дают возможности коснуться ряда еще очень интересных вопросов. Затрону лишь психологию и социализм.

Изучение психологии началось с того, что я назвал бы спортом. Сначала я в высшей степени активно вытравлял дискуссионным путем спиритуалистические и, вообще, метафизические предрассудки, внушая взгляд на педагогику, как на науку о поведении. Далее я упражнял в наблюдениях над поведением—мимика, пантомима, рабочие движения и т. п. Затем я внушал идею неслучайности психологических явлений (психоанализ). Наконец, я вытравлял индивидуализм, внушая взгляд на индивидуума, как на социальный продукт и занимаясь анализом классовой психологии. И только? О, если бы читатель знал, как глубоко вкоренены в публике неправильные взгляды. Например, преодолеть интеллигентскую индивидуалистическую идеологию удалось (?) только после очень и очень долгих споров. На все это (чисто аудиторные дискуссии) ушел весь второй триместр. Только после этого в читальном зале была выложена соответствующая литература, студенты разбились на группы и стали сами в группах прорабатывать мою «пропаганду». Эта самостоятельная работа их (совместные чтения, рефераты, дискуссии) оставила глубокий след, по их же словам, и в их миросозерцании и в их умении научно работать.

С социализмом у нас дело решительно не ладилось. Причины, по-моему, лежали и в преподавателях, и в постановке дела. Мы начали с таких курсов, как история культуры, политическая экономия, основы научного социализма, но преподавание этих курсов стояло в резкой противоположности с преподаванием остальных предметов: отвлеченное, догматическое, при полной пассивности слушателей. Правда, преподаватели пробовали иногда проводить «реферативную систему», но рефераты, плохие пересказы избранных глав той или иной книжки, вызывали только уныние. Я нашел такой подход к делу совершенно неживненным. Вместо такого «академического социализма» я ввел «общее введение в коммунистическое строительство», за которым должны непосредственно следовать «коммунистическое строительство в области народного просвещения», «к. стр. в деревне» и т. п. в различных областях жизни. В качестве преподавателя «общего введения» я пригласил видного политического деятеля. Картина изменилась: успех был огромный.

Мне кажется, к преподаванию социализма особенно относится борьба с абстрактностью и академизмом в преподавании. Оно должно исходить из гущи жгучих злободневных вопросов и толкать к социальной практике. Только в этом случае оно будет воспитывать и давать педагогическое удовлетворение.

Вышеописанный восьмимесячный педагогический эксперимент я считаю вполне удавшимся. Критерии удачи—то увлечение, с которым отдовались делу студенты, и те отзывы, которые давались преподавателями.

В чем же практически убедил меня опыт? В очень многом.

1. В то время, как страна кричит об отсутствии подготовленных работников новой социалистической трудовой школы, преподаватели обычно готовятся в традиционных институтах, курсах и т. п. ярко учебных заведениях, тогда как только в учреждениях самих, типа трудовой школы, может даться соответствующая подготовка.

2. Новая педагогика очень жизненна, и проведение ее в жизнь даст большой, я бы сказал, эффектный успех. Я вынес глубокое убеждение, что в будущем дело будет организовываться только так. В то же время я глубоко убедился в том, что педагогический консерватизм является внутренней причиной, одной из наиболее важных, школьной разрухи.

3. Трудовое воспитание должно исходить не из школьных мастерских и педагогически убогих трудовых процессов, но из производства и базироваться на научной технике и экономике.

[1]) Наконец, каждый студент в течение лета отдает 2 недели сплошь практике низшей геодезии. Во второй половине лета предполагается наблюдение погоды и неба.

4. Организатор педагогического учреждения не должен брать на себя сизифову работу создания чуть ли не всего мира в учреждении, но самым широчайшим образом пользоваться уже имеющимися в районе организациями, откомандировками труда студентов и т. д.

5. Будущие деятели трудовой школы должны предварительно сами на себе проработать весь материал ее.

6. Социалистическое воспитание должно исходить не из академического социализма, но из коммунистического строительства.

7. Студенты должны самым широким образом быть привлечены к строительству своей бытовой жизни, но это строительство непременно должно быть взято под самый внимательный контроль и рассматриваться исключительно с педагогической стороны, но отнюдь не со стороны автономии студенчества.

8. Научное образование студентов должно исходить из техники и социологии труда; по моему плану—физика начинается во 2-м году и исходит из механики, машиноведения и электротехники; химия начинается после общей и химической техники; математика (в огромном размере) после счетоводства и после того, как студенты ощутили связь ее с техникой. История—в связи с историей борьбы трудящихся. Словом, «учебные предметы» суть научные обобщения из фактов практической (производственной и социально-политической) жизни. Обычное преподавание «от принципов к фактам» вопиюще неправильно.

9. При пестрой подготовке студентов единственно возможная система не курсовая, а групповая: у нас малоподготовленные рабочие проходили математику и «чтение книг» и «писание» в особых группах, труд—в мастерских и некоторых техникумах, а коммунистическое строительство—вместе со всеми.

10. Только применение такой групповой системы делает практически возможным привлечение к педагогике рабоче-крестьянской массы, которая только одна и сможет осуществить новую школу.

П. Блонский.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ

№№ 21—22

АПРЕЛЬ МАЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ

№ 21—22

АПРЕЛЬ—МАЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. **А. Елизарова.** — Основы социального воспитания с точки зрения коммунизма 3
2. **П. Блонский.** — Марксизм, как метод решения педагогических проблем 8
3. **Н. Соколов.** — Две организационные формы школьного труда (из практики сельской трудовой школы) 10
4. **И. Киселов.** — О сельском хозяйстве в школе I ступени 14
5. **Изо Н. К. П.** — Современное значение художественной промышленности 18
6. **С. Ниринская.** — Детские площадки и детский клуб 24
7. **К. Львов.** — Иллюстративные вечера и значение их постановки в трудовых школах и на вечерних курсах 28
8. **А. Коленкин.** — Опыт организации длительной экскурсии в Москву школы II ступени . . 35
9. **А. Орлова.** Училища слепых детей до революции и теперь (перед необходимостью коренных реформ всего дела воспитания и обучения слепых детей Р. С. Ф. С. Р). 41
10. **А. Волковский.** — К вопросу о реформах педагогической самопомощи в школьном строительстве 44

Библиография.

Трудовая школа и вопросы педагогики:

1. **А. Калашников.** Проблемы индустриально-трудовой школы ближайшего будущего *М. Пистрак.* 56
2. **И. Хлебников.** — Творческая школа. *М. Пистрак* . . . . . —
3. **К. Корнилов.** — Психология пролетарского ребенка. *К. Левин.* 57
4. **С. А. Левитин.** — Интересные незнакомцы (дети и война). *М. Свентицкая.* . . . . . —
5. **С. Полтавский.** — Новому ребенку новая сказка. *Павлова-Сильванская* 58
6. Библиография журнальной литературы по вопросам внешкольного образования за послереволюционный период. *Ник. Сомов* 59

Русская история.

1. **М. Покровский.** — Русская история в самом сжатом очерке, часть I и II. От древнейших времен до второй половины XIV столетия. *К. Н.* 59
2. **М. Покровский.** — Очерк истории русской культуры. Часть I и II. *К. Н.* . . . . . —
3. **Вл. Волжанин.** — Русь. Начальный курс родной истории. *К. Н.* 60
4. **Е. Лазарев.** — Воспоминания об освобождении крестьян. *К. Н.* . . . . . —
5. **С. И Барыков.** — Под игом самодержавия. *К. Н.* 61

Естествознание и математика.

1. **А. Пинкевич.** — Лекция по методике школьного естествознания. *А. Яхонтов.* 61
2. **Д-р Остергаут.** — Жизнь растения в опытах. *А. Яхонтов* 62
3. **И. Никитинский.** — Родная природа. *С. Н. С.* . . . . . —
4. **Н. Каменщиков.** — Графическая таблица логарифмов. 63
5. **А. В. Васильев.** — Целое число. *И. Ч* . . . . . —

Хроника.

1. Работа Отдела подготовки учителей (с июня 1918 г. по январь 1921 года). 64
2. **В. Дюшен.** — Отчет о „Детском Городке“ им. III Интернационала 67
3. **М. Свентицкая.** — Дошкольники в „Детском Городке“ им. III Интернационала 71
4. **С. Н. Данилова.** — Несколько дней в Ефимовском детском доме 74
5. **Гендин.** — Из жизни колонии (летом 1920 г. в с. Кержемке, Арз. уез.) 77

Gift
Hon E F Ladd
Sept 12 1925

Гиз. № 1471. (Р. В. Ц. Москва). Напечатано 10.000 экз.
1-я Образц. типография М. С. Н. Х. Москва, Пятницкая, 71.

Основы социального воспитания с точки зрения коммунизма.

Неоднократно указывалось в литературе, что уже условия капиталистического хозяйства, втягивающие в работу вне дома не только отца, но и мать, требуют социального воспитания детей вместо прежнего индивидуального. Это требование еще более подчеркивается; становится еще более настоятельным при теперешней революционной ломке всех старых устоев и лихорадочном строительстве, которое захватывает как мужчину, так и женщину и делает фактически беспризорными детей даже вполне интеллигентных, даже стоящих на уровне требований современной педагогики родителей. Но если беспризорны и дети, имеющие родителей, то что же говорить о той массе сирот и полусирот, которая создана войнами, эпидемиями и общей разрухой, о массе детей наших красноармейцев, принужденных бороться на фронтах? Отсутствие или недостаточность социального воспитания для них влечет за собою массовую гибель детей,—нашего будущего, усиливающуюся заболеваемость и смертность их, одичание, детскую спекуляцию, так-называемую преступность и дефективность, которые являются настоящим бедствием современности.

Но кроме властно диктуемой жизнью необходимости социального воспитания, оно необходимо и при теоретическом подходе к вопросу с точки зрения идей коммунизма. Для нового строя нужны и новые люди, для продолжения и завершения нашего строительства нужны люди, с детства проникнутые светлыми принципами коммунизма. Если на всех нас, более или менее, висят цепями старые буржуазные привычки, в которых мы воспитались, то дети наши, возрастающие в новых условиях, могут и должны быть счастливее нас. Они должны быть воспитаны социально.

Что же такое социальное воспитание и каковы его основные принципы? Противополагаясь воспитанию индивидуальному, обособленному в каждой семье по своему, на свой образец — оно тем самым должно класть в основу уменье жить и творить коллективно. Если этого уменья была лишена предыдущая буржуазная эпоха во всех странах, то на Руси, с царящим в ней самодержавием, все жили как бы за перегородками. мысль каждого работала в одиночку, не исправляемая и не направляемая другими, принимала часто уродливые формы (типы Достоевского, Чехова); ценные свойства ума и воображения вместо того, чтобы претворяться в жизнь, выливались в оторванный от действия критицизм, в бесплодную фантастику. Эти типы изломанных людей, людей, являющихся в тягость и себе и другим, толпятся во всей нашей литературе вчерашнего дня и громко, для всех имеющих уши слышать, кричат против тех индивидуалистических предрассудков, что яко бы общественное воспитание подавит индивидуальность, выльется во что-то стадное. Когда мы имеем дело с массовыми уклонениями от нормального человека, то первая задача культуры и воспитания—бороться с нежизненным и больным,—выломав все перегородки, дать свежему ветру общественности провентилировать все эти затхлые углы. И лишь тот, кто не верит в прогресс человечества, может бояться, что разрушение этих перегородок, дававших иногда, на-ряду с массовыми уродствами, выдающихся гениев и сильных вождей, может повести к ослаблению идейных и волевых импульсов—инициативы.

Общественное воспитание должно сгладить углы, шероховатости, должно дать всем умение жить и творить в коллективе,—что так необходимо при современном выступлении коллектива на первый план,—а исключительные дарования и сильные личности выдвинутся и на этом фоне, он не сможет затушевать их. Конечно, мы не будем высказываться против необходимости индивидуального подхода, педагогической работы с каждой личностью. Поле для углубления педагогической работы громадное, но сначала, как при всяком новом строительстве, нам надо взять вширь, наметить все главные абрисы и вехи нашей работы. Таковыми являются коллективные навыки.

Для развития их дети должны с раннего детства воспитываться вместе, проявляться коллективно (в общих играх, работах, обязанностях по отношению к коллективу), творить коллективно, — в лепке, аппликации, в украшении комнат, выполнять каждому отдельную свободно выбранную им часть работы, с тем, чтобы соединение их дало коллективный труд. На место индивидуального соперничества должно встать коллективное: стремление со стороны каждого внести свою наивозможно лучшую часть в общую работу. Радостное сознание своего участия в общей работе заставляет каждого чувствовать себя

частицей этого коллектива, любить его, заботиться о его благе и достижениях больше, чем о личных. И к развитию этих чувств должны стремиться коммунистически настроенные воспитатели. В противоположность прежнему времени пусть детям доставляет радость соревнование не друг перед другом, а групповое,—то что их коммуна, их детский городок устроил наилучше свою жизнь, убрал всех красивее свой дом, дал лучший праздник, лучшую выставку работ или музей и т. д.

Конечно, научно подготовленные педагоги на всех стадиях развития ребенка для нас необходимым но, при недостатке их, руководство этими чувствами, внедрение их возможно и для не особенно опытного педагога, если он сам проникнут этими принципами, если он любит детей и любит свой коллектив. Эти коллективные работы, как будто бы мелочь на первый взгляд, развивают коллективное сознание в детях и незаметно приучают их к коллективной жизни и творчеству.

Второй основой социального воспитания является труд и трудовые навыки. Без труда, равно обязательного для каждого члена коммуны, не может быть коммуны, не может быть коммунизма. Каждый должен вносить свою посильную долю труда в общую жизнь. Коммуна не может терпеть паразитов. К этому надо привыкать также с детства, с раннего детства, ибо только то внедряется прочно и естественно, что внедряется с самого детства. Это должно быть посильно, незаметно и по возможности радостно, не обязательно с раннего детства.

— «Все то же пресловутое самообслуживанье», скажут нам.—«Да, и самообслуживанье также, ибо кто-нибудь и его должен проводить, а коммунизм не мирится с тем, чтобы одни делали для других более трудную и неприятную работу, тут могут приниматься в расчет лишь физические силы каждого. И поэтому на правильном пути стоит 4—5 летний ребенок, который не дает вам,—хотя бы ложился позже обыкновенного и был утомлен,—открыть его постельку, а заявляет: «я сам». И потом, старательно выполнив этот небольшой процесс, приглашает нас посмотреть, как он сделал «сам». Или другой такого же возраста, который, хоть и пыхтя, обходит обеденный стол; кладя подле каждого прибора порцию хлеба и решительно откажется от того, чтобы вы помогли ему. Они незаметно для себя привыкают быть не бесполезными трутнями в коммуне и проникаются справедливой гордостью, что они не таковы, а также ранней верой в свои силы. Все должно только быть посильно и в меру,—это забывают часто наши педагоги, вопящие против непедагогических приемов наших коммунистов не профессионалов и в то же время сводящие самообслуживание к тяжелой и неприятной работе, сваливаемой почти исключительно на детей и вредящей их неокрепшим силам. Мы видели немало уродливого применения самообслуживанья, но всякий принцип можно довести до абсурда, и из-за неправильного его применения нельзя отбрасывать самый принцип. Мы слышим теперь часто: нужно не самообслуживанье, а творческий труд. И то и другое нужно,—скажем мы,—ибо жизнь требует обоих видов труда, а воспитание нельзя отрывать от жизни. Нужно, чтобы для самих воспитателей труд не казался каторжным, чтобы проводился ими просто и естественно, и так же просто и охотно будут помогать им в меру своих сил и дети. И с этой стороны воспитатели из рабочего класса, воспитатели, свыкшиеся с трудом с детства, для нас просто неоценимы. А для воспитателей интеллигентов необходимо проходить некоторый курс домоводства, чтобы протренировать себя в этом направлении. Но мы видим, что, при недостатке научно-подготовленных педагогов, второй основной принцип социального воспитания может быть еще легче, чем первый, проводим воспитателями, хотя и не профессионалами, но искренними и убежденными коммунистами.

Труднее обстоит дело с третьим «китом», на котором держится социальное воспитание,—с детским самоуправлением. Надо больше уменья и педагогической чуткости для подхода к нему, но и в нем главное: признание личности ребенка, отсутствие стремления настоять во что бы то ни стало на своем авторитете, согнуть под него личность ребенка, всего того, на чем зиждилась старая педагогика. Поэтому всем педагогам старого типа детское самоуправление представляется nonsens'ом, анархией, отрицанием всякой педагогики. При таком убеждении они не могут, конечно, проводить его. И педагогам молодым, а также не профессионалам, оно понятнее и доступнее. Им не приходится ломать в себе старых, годами сложившихся и старой наукой вскормленных воззрений на непогрешимость воспитателя, на незыблемость его авторитета, на tabula rasa, представляемую из себя ребенком и т. д., и т. п.

Еще Писарев указывал, в разборе личности Молотова, на ту положительную сторону, которую имело отсутствие авторитета в его воспитании, отсутствие всякой ломки, сознание себя с детства полноправной личностью, смеющей высказывать свое мнение, с которым считаются. Мы, как коммунисты, должны прибавить к этому, что этой личности должно быть предоставлено с детства право влиять на окружающую его жизнь, строить ее сообразно своим взглядам и убеждениям; обязанность участвовать в этой коллективной работе. Только тогда воспитается с детства коммунист, сознающий свою ответственность за формы окружающего его строя и свою полноправную роль в нем. И поэтому нам необходимо проводить теперь же самоуправление в наших детских домах, несмотря на трудность и сложность этой задачи.

Как во всех сферах нашей работы нам приходится сейчас брать общие контуры,—«грубо ковать», как кузнец Некрасова, который «в чем погрешу и чего не доделаю, думал, исправят потом»,—но спешим ковать. И поэтому мы приветствуем проведение самоуправления в детских домах нашими рабочими-коммунистами, кучки протоколов детских собраний, привезенных нам из глухих углов,—Оренбурга, Бузулукского уезда Самарской губ. и т. п., как свидетельство того, что там идет та общая работа социального воспитания, которая необходима нам. Конечно, в нее надо влить много педагогических сил и уменья и к этому мы должны стремиться, но первым требованием, предъявляемым нами к нашим педагогам, должно быть признание ими основных принципов нашего социального воспитания и воля к проведению их.

Нашей очередной и первостепенной задачей должно быть открытие целой серии курсов для наших молодых коммунистов и коммунисток, желающих работать в качестве воспитателей. При этом прохождение теории должно все время чередоваться с практикой. Молодые курсанты, среди них воспитанники наших детских домов, на своем горбу узнавшие всю тяжесть сиротского воспитания в прежнее время, проходят первые краткосрочные курсы и отправляются в качестве помощников воспитателей на стаж в детские дома. Натолкнувшись там, на практике, на целый ряд вопросов, они приезжают на вторые, затем после нового стажа на третьи курсы, и т. д. Порою это могут быть эпизодические курсы: одни приезжают для более основательного изучения, скажем, рисования и методов преподавания его, другие—математики и т. д. Но чередование теоретического изучения с практикой необходимо как потому, что лишь при таком условии получатся неоторванные от жизни воспитатели, которых давало часто прежде длительное студенчество (а для нашего нового строительства именно необходима тесная и постоянная связь с жизнью), так и потому, что нам надо спешить строить и брать для этого всех наших молодых кузнецов, не дожидаясь, когда они смогут выйти все в инженеров. И поэтому, пока нами не создано новых педагогов-коммунистов и предстоит выбор между старыми рутинными воспитателями, людьми в футляре, и коммунистами, имеющими малую педагогическую подготовку, но стоящими на точке зрения наших основных требований от социального воспитания при искренней любви к детям, нам приходится, конечно, отдавать предпочтение последним. Конечно, существует целый ряд воспитателей не коммунистов, но далеких от всяких футляров, ищущих новых путей и отдающихся педагогической работе по призванию. С такими воспитателями нам очень желательно столковаться. Многие из них работают уже в наших детских домах и проводят прекрасно вышеуказанные принципы социального воспитания. Другие идут нам навстречу и во многом исправляют свои прежние подходы к воспитанию. Третья—более молодые, выражают желание прослушать то или другие наши курсы, чтобы, симпатизируя общим нашим задачам, усвоить лучше те или другие наши требования.

Контакт наш со всем, что есть живого и незастывшего в воспитательной среде прошлого, очень прост и естественен и осуществляется в жизни повсюду. Конечно, не мы будем отрицать значение как общего, так и специально педагогического образования, и мы приветствуем и будем приветствовать всех идейных педагогов, идущих работать на основе наших принципов. Мы понимаем вполне необходимость как углубленной педагогической работы с детьми, так и индивидуального подхода к каждому ребенку, но все это должно происходить лишь на общей канве тех основных принципов социального воспитания, которые мы наметили выше.

Переходя затем к проведению этих принципов на практике, нам приходится констатировать, что из двух существующих типов детских домов—раздельного по возрастам, или смешанного,—мы должны отдать предпочтение второму. Вполне планомерно эти принципы могут быть проведены в детских домах смешанного по возрасту или семейного типа. Прежде всего дома эти ближе к жизни, потому что в них нет того искусственного деления по возрастам, которого жизнь не знает. А воспитание не может быть социальным, если, в противоположность прошлому, не будет тесно связано с жизнью. Мы слышали много раз по поводу слова «семейное» то возражение, что семья при данном строе разрушается, а мы, видите-ли, хлопочем о восстановлении ее. Но это возражение это чисто, так сказать, словесное будет ясно для всякого, если заменить термин «семейное воспитание» термином «воспитание в смешанных по полу и возрасту детских коммунах».

Дело не в слове, слово «интернат» связано также с массой отжившего, но, возражая против разделенных по возрасту интернатов, мы говорим о нежизненности такого деления вообще, а не вспоминаем по этому поводу качества старых интернатов.

Но разберем проведение в жизнь каждого из указанных трех принципов порознь:

Трудовой принцип, несомненно, может быть проведен с полной планомерностью лишь в таких смешанных по возрасту детских коммунах. Старшие дети принимают в них естественно наибольшее после воспитателей участие во всех необходимых работах, средние тянутся за ними, младшие подражают средним. Образуется то участие в труде, соответственно незаметной по возрасту лестнице, которое наблюдается и в крестьянской семье, в древних коммунах и повсюду в жизни. И для ребенка каждого возраста яснее и понятнее и радостнее это участие, если он видит

перед собой всю эту лестницу. Если каждому лениво настроенному подростку будет совестно, что младшие по возрасту трудятся больше его, то и каждому малышу естественно больше хочется тянуться за старшими, незаметной лестницей превышающими его в силах, чем непосредственно за взрослыми, как это бывает в учреждениях дошкольного возраста. Незаметнее и естественнее, с меньшей затратой педагогических усилий достигается тут желательные результаты, трудовые навыки и сознание необходимости их с раннего детства.

Самоуправления и совсем нельзя иметь в детских домах дошкольного возраста, и недаром тов. Лазуркина на конференции работников просвещения и социалистической культуры заявила, что детское самоуправление—чрезвычайно трудная и сложная вещь. А мы бы сказали, что в учреждениях дошкольного возраста—даже и невозможная. Если старшим детям можно внушить, что коммуна «их» дом, что им самим поэтому надлежит организовать в ней всю жизнь, то дошкольникам, ясное дело, этого не внушить. Между тем в смешанной детской коммуне, где проводится самоуправление, младшие незаметно впитывают эти идеи и считаются уже с ними часто даже в дошкольном возрасте, как мне пришлось наблюдать в одной такой коммуне. Поскольку старшие серьезно и вдумчиво относятся к этой идее, как к одной из основ их общежития, постольку следующий за ними возраст—младшие школьники—втягиваются в нее, признают ее авторитет, хотя сами еще мало активно проявляются в этом смысле. Дошкольники, те, понятно, если являются иногда участниками, то часто пассивными, но и они, до большей степени, впитывают в себя эту идею и то, чего никак не могли бы растолковать им воспитатели, овладевает понемногу их сознанием. Эти навыки, как и трудовые, незаметно, самой жизнью впитываются детьми.

Мне пришлось этим летом присутствовать на детском собрании в одной такой коммуне смешанного типа,—в Нильцевской детской колонии, Московской губернии, для детей красноармейцев. Там было 63 человека детей от 4—5 до 14-летнего возраста; среди них от 10—15% детей интеллигентных родителей. На своих собраниях, в которых принимает участие весь школьный возраст, дети устанавливают общие правила и неуклонно проводят их в жизнь. Так, дети постановили с весны не ходить по одиночке на реку, не ходить на овраг, где водятся змеи,—и ни один из них не ходит туда. Старшие—от 10—14 лет—являются более активными членами собраний, выступают в качестве председателя, секретаря, оппонентов; младшие—школьники от 8—10 лет—больше прислушиваются, хотя вставляют и свои мнения, попросив для этого слова, вносят и свои вопросы; дошкольники призываются обычно лишь в случае уклонения их от общих правил и необходимости внушения. И надо видеть, как серьезно относятся они к этому внушению.

На том собрании, где я присутствовала, председательствовала 11-летняя девочка, дочь рабочего, круглая сирота. Эта девочка, по способностям ниже среднего, преимущественно перед другими, более старшими и способными детьми, выбирается председательницей. И надо сказать, что она идеальный председатель,—спокойный, ровный, беспристрастный, чрезвычайно строго и неуклонно проводящий свои обязанности. Секретарем был избран 14-летний мальчик, интеллигент (надо записывать, составлять протокол).

Порядок на собрании был прекрасный. Дети больше часу обсуждали свои вопросы, относясь к этому обсуждению как к серьезному, нужному «своему» делу. Маленькая председательница предлагала высказаться, давала слово, останавливая тех, кто пытался взять его вне очереди, формулировала резолюции собрания, раза два высказала порицание легкому нарушению порядка:—«Что за шептание такое?» «Товарищи, ведь у нас не игра, а собрание». Принимались эти замечания прекрасно: серьезно и сознательно. Воспитательница наравне с прочими участвовала в собрании и брала слово. Если иногда ее вовремя вносимое предложение сокращало бесплодно затягивавшиеся прения, то это выходило тактично и незаметно для детей. Случалось, что она оставалась и вменьшинстве.

Один из младших школьников хотел было возбудить вопрос «об Аркаше». Но в виду того, что собрание и без того затянулось, вопрос этот был отложен. Воспитательница рассказала мне, что мальчуган этот (8—9-ти лет) удивил ее, спросив недавно: Скоро ли будет собрание?—«А разве у тебя есть вопрос?»—Да.—«Какой же?—А я уж скажу на собрании.—«Верно об Аркаше?»—Да.—Воспитательница догадалась, что вопрос об Аркаше, потому что у этого мальчугана выходят частые конфликты с некиим Аркашей. Но характерно, что уже и этот возраст, в своих часто очень обостренных конфликтах, не обращается к авторитету воспитателей, а выжидает более авторитетного для себя детского собрания.

Дошкольники отсутствовали, конечно, на собрании. Но воспитательница рассказала мне об одном случае, когда двое дошкольников разрыли и разорили чью-то грядку (в колонии у каждой пары детей имелась своя грядка). Виновных позвали на собрание. И надо было видеть их серьезные рожицы.—«Ну, малыши»,—заявила та же председательница,—«вы должны говорить только одну правду».—Один из малышей попробовал было запираться, другой рассказал все на чистоту. Постановление собрания гласило: больше отнюдь не трогать чьих грядок, иначе у вас будут отобраны и ваши грядки.—Дошкольники ушли так же серьезно, как и явились, и больше подобного хулиганства не производили.

В одном из очагов для детей советских служащих в окрестностях Москвы нам пришлось наблюдать, что регулярность прихода детей по утрам в очаг, за которую некоторое время боролись безуспешно воспитательницы, была достигнута постановлением детского собрания, перед которым детям, а также и матерям, в случае если задержка происходила по их вине, и приходилось отчитываться.

Но, признавая необходимость самостоятельного обсуждения детьми всех близко касающихся их вопросов, мы все понимаем, конечно, и указывала уже на это ниже, что роль педагогов в таком детском самоуправлении не мала: как старшие товарищи, они незаметно руководят, незаметно направляют и поправляют детей. Громадное поле истинно педагогической работы раскрывается тут перед вдумчивыми и чуткими воспитателями. Характеры, индивидуальности детей выступают на таких собраниях выпуклее, чем где-либо. Незакостенелые в индивидуалистических навыках, дети легче настраиваются на коммунистический лад. А затем, как неоценено для складывающихся между воспитателями и детьми отношений то, что первые являются их старшими товарищами, подчиняющимися также вместе с ними воле коллектива, а не декретирующими то или другое. Недавно шестилетний ребенок мотивировал свое нежелание итти в один показательный Детский Сад тем, что там «все нельзя». Эдакое «все нельзя» со стороны воспитателей создает, как все мы помним по нашему детству, если не прямо враждебное отношение к «классу преподавателей», то во всяком случае, противопоставление себя им, как другому лагерю, создает известную стену, через которую чуткими воспитателям приходится пробивать бреши к детскому сердцу. При самоуправлении такая стена отнимается сразу: запрещает что-либо детям их коллектив, т.-е. они сами; несносный «класс» взрослых с их запретами уходит куда-то прочь и становится возможным вполне дружеское отношение к воспитателям.

И другая еще тягостная обуза спадает с плеч воспитателей, жалобы детей друг на друга и разбирательство этих жалоб. Как мы видели на «вопросе об Аркаше» дети на жалобы такие откладывают до собрания. Как это неоценено с точки зрения педагогики, поймет всякий чуткий воспитатель. Дети сами собой отвыкают от скверной привычки бегать к старшим жаловаться друг на друга, попутно они привыкают и к выдержке; приходится подождать собрания.

Из сказанного о двух основных принципах социального воспитания ясно уже, что и третий—уменье жить и творить в коллективе—достигается легче и полнее в коммуне смешанной по возрастам. Ибо, хотя опытные воспитатели проводят принцип коллективного творчества и в детских садах, но ясно, что там, где перед глазами нет картины того, чего достигают в этом отношении старшие, энергия в этом направлении будет слабее, темы—беднее, «как бедны игры детей»,—сказала одна воспитательница,—чуткий педагог, наблюдая маленьких дошкольников в яслях:—«это потому, что им некому подражать».—Общая картина возможных достижений туманнее и менее захватывающа. Одним словом будет наблюдаться то же, что и при рассмотрении проведения первых двух принципов: воспитателям придется тратить больше энергии на внедрение этих навыков, а прививаться они будут все же хуже, чем при сожительстве разных возрастов и свободном влиянии их друг на друга.

Нам делается всегда еще одно возражение. Дети должны быть разделяемы по возрастам, ибо иначе старший возраст подавляет младший. Творчество младших развивается естественнее, если они творят вполне самостоятельно.

Но ведь мы не говорим, что дети должны быть всегда вместе. При занятиях они должны группироваться, конечно, по возрастам,—старшие посещать школы, младшие—детские сады. Мы стоим за открытые двери детских домов, считаем более жизненным, чтобы они не были отделены китайской стеной от детей окрестного населения, чтобы встречались в школах, в клубах с другими детьми своего возраста.

Между педагогами детских домов, садов и школ должен быть также контакт,—регулярные собрания для обмена мнениями и данными опыта. Воспитатели детских домов могут проводить занятия в детских садах, школах и клубах данного детского городка (объединения детских домов со школами, садами и клубами для них)—или данного района. Если школ по близости нет и воспитатели при нуждены устраивать занятия с детьми дома, то опять-таки, конечно, будет деление по возрастам. Да и в тех домах, дети которых посещают вне лежащие школы, должны быть особые комнаты для занятий старшего и младшего возраста. Говоря о домах семейного типа, мы имеем в виду немногочисленные детские дома (40—50 чел.). При большем по необходимости количестве детей получатся, конечно, интернаты, в которых не может быть речи о семье и приходится часто проводить деление и по возрасту, и по полу. Но кроме общих дежурств и трудовых процессов, кроме общего для всех равно обязательного самоуправления, кроме организации общих празднеств и общих игр, декламации, или пения, дети сойдутся часто вместе для общих работ,—скажем, из принесенных из сада, разукрашенных всеми цветами осени сухих листьев,—при чем старшие будут выполнять более сложные, младшие более простые узоры и работы. Они сойдутся вместе, чтобы послушать музыку воспитательницы, ее рассказ или чтение,—(сказка Андерсена, например, может собрать детей разных возрастов:

одни поймут ее глубже, другие лишь внешнюю ее форму, но выслушают с интересом все).

Такие общие собрания детей иногда по вечерам, сплочая всю детскую коммуну, будут давать много каждому возрасту. Старших будут развлекать малыши, пробуждая в них попутно и альтруистические чувства; младшим полезно будет видеть перед собой достижения старших, их большую сознательность, большую выдержку.

Таким образом детский дом, давая простор стремлениям разных возрастов, не будет в то же время искусственно выделять эти возрасты, будет верным в миниатюре отражением жизни, где все возрасты живут вместе и влияют взаимно друг на друга, лишь с тем различием, что в детском доме чуткие педагоги будут следить, чтобы ни один из возрастов не являлся страдательным, чтобы каждый делал свои вклады по силам и получал по потребностям, как в большой, не перегруженной заботами, любящей семье.

А ведь такой семьей, в лучшем значении этого слова, должны быть как все наши коммуны,—и для детей, и для взрослых,—так и в большом масштабе коммуны разных народностей, так и общая международная братская коммуна в истинном свете, истинно понятого коммунистического учения.

А. Елизарова.

Марксизм, как метод решения педагогических проблем.

В педагогике еще до сих пор слишком много обывательщины и слишком мало научности. От подавляющего большинства педагогических рассуждений и проектов веет то бессодержательной и туманной риторикой, то безудержным и абстрактным прожектерством, то до крайности беспринципным и неустойчивым «здравым смыслом». Поражаешься, какое отсутствие определенного научного метода господствует в современной педагогике.

Но педагогика и не могла быть раньше наукой. Воспитание есть некоторый социальный процесс, и педагогика, как социальная наука, может только тогда стать наукой, когда она станет пользоваться тем методом, который, единственный, делает всякую общественную науку действительной наукой. Этот метод—марксистский. Только марксистский метод делает педагогику наукой, и только марксистская педагогика может быть свободна и от обывательской логики, и от утопических педагогических романов.

Предлагаемая бегло написанная статья имеет целью показать, как легко и вполне научно решаются основные, самые важные педагогические проблемы, раз мы приложим к ним марксистский метод.

I.

Маркс говорит: «Материалистическое учение о том, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания, и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств и другого воспитания,—забывает, что обстоятельства изменяются именно люди ми, и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно необходимо приводит поэтому к разделению общества на две части, из которых одна стоит *над* обществом (напр., у Р. Оуэна) («Третий тезис о Фейербахе»)». Под материалистами Маркс в данном случае подразумевает французских просветителей и материализм первой половины XIX в. Эти материалисты в социологии оставались и идеалистами: именно, они думали, что общество может быть изменено стоящими как бы вне общества воспитателями, т.-е., иными словами, что общество может быть переделано соответственно известным педагогическим идеям, в то время как Маркс указывает, что «воспитатель сам должен быть воспитан», т.-е. что и его сознание определяется его бытием.

Педагогика есть известного рода идеология. Как таковая, она не является решающим фактором в реформе общества, и воспитание вовсе не создает новых людей. Это не мешает помнить всем тем, кто утопически мечтает о том, что новая школа создаст новых людей, и в то же время приходит в отчаяние от того, что все еще нет ни новой школы, ни новых педагогов.

Когда придет новая школа? Ясно, только тогда, когда будут иметься для этого достаточные материальные предпосылки. Советская власть поступает вполне марксистски, ставя проблему школы после проблемы фронта и производства: при разрухе производства ничего, кроме разрухи школы, не может быть. Новая школа есть производная новых производственных отношений. Так было всегда, так будет и теперь.

Отовсюду слышатся жалобы, что в просвещении нет людей и что до сих пор мы еще не имеем новых учителей. Но это вполне естественно. Новый педагог — это прежде всего человек новой психологии и новой идеологии. Только марксист может быть педагогом-социалистической, т.-е. марксистской трудовой школы. Но сейчас странно было бы требовать, чтобы та мелкобуржуазная интеллигенция, из среды которой обычно вербуются педагоги, была уже марксистской. На фронте Красной армии и красного труда решается вопрос о новом учителе и новой школе.

II.

Но что такое новая педагогика? На практике она обычно мыслится, как «трудовая школа», сильно сдобренная «свободным воспитанием». Но марксисту-педагогу необходимо решительно отмежеваться от «трудовиков-педагогов» и «анархо-либералов» в педагогике.

Идеи свободного, так-называемого естественного воспитания связаны с именем Руссо и являются отражением в педагогической идеологии тех производственных отношений, которые в экономической идеологии проявились в учении физиократов и в знаменитом лозунге «laissez faire, laissez passer». Эта параллель ясно демонстрирует нам классовую подкладку «свободного воспитания», и, вполне очевидно, ни культ «природы», ни «laissez passer» не являются ни на одну иоту пролетарской идеологией.

Идеи свободного воспитания представляют собою типичный реакционный утопизм. Они исходят из существующей только в воображении педагогов-идеалистов идеальной и неизменной «природы» ребенка, которая-де определяет все бытие и развитие ребенка, игнорируя и плохую наследственность и плохую среду. Говорить о «свободном воспитании» дитяти улицы и больных родителей преступно.

«Ребенок учится исключительно на последствиях своих поступков»,—вот основная формула педагогического анархо-либерализма. Ясно, что так воспитанный ребенок может стать только очень расчетливым эгоистом и больше ничем. Руссо дал формулу воспитания «благоразумного эгоиста» Бентама, и не удивительно, но исторически неизбежно было, что именно идеолог буржуазной педагогики ультра-либерал Спенсер увлекся этой формулой естественного воспитания. Но очень удивительно, когда этой формуле следуют педагоги-социалисты.

Свободное воспитание, выражаясь словами Руссо, есть отрицательное воспитание, и свобода есть всегда «свобода от». В дни Николая II это была свобода от царского воспитания, и в этом революционное значение свободного воспитания. Но сейчас не есть ли это свобода от социалистического воспитания? Сейчас это лозунг, объединяющий реакционные слои педагогической массы, не желающие активно и определенно проводить педагогические идеи рабоче-крестьянской революции.

Анархизм не есть социализм, и в период диктатуры пролетариата анархизм особенно вредоносен. В период лозунгов организации производства и трудовой дисциплины педагогический анархизм, хотя бы и задрапированный дымкой коммунизма, например, в статьях Н. Полянского в еженедельнике «Нар. Просвещ.», совершенно несвоевременен и может работать только на школьную разруху...

Что касается трудовой школы, то этот педагогический лозунг нуждается в очень большем уяснении. Просто трудовая школа есть производная от просто трудового миросозерцания, и как не удовлетворит нас просто трудовая партия в политике, так точно не должна удовлетворять нас и расплывчатая народническая или прямо буржуазная трудовая школа в педагогике—трудовая школа Шацкого, Кершенштейнера и др. Необходимо столь туманное понятие, как «трудовая школа», специализировать. Это значит приписать к ней два прилагательных: индустриальная и коммунистическая. Иными словами, это школа коммунистического строительства и индустриализма, как «второй части» коммунистической программы, т.-е. школа строящегося коммунистического общества.

С этой точки зрения отпадают бесконечные разглагольствования о «трудовых процессах» абстрактной школьной мастерской, о самодовлеющем «самообслуживании» замкнутой школы—коммуны типа примитивного натурального хозяйства, и о «трудовом методе» преподавания учебных предметов. Для нас становится ясным, например, что столь пропагандируемые *школьные* мастерские могут играть лишь подсобную роль при коммунистическом воспитании, но не быть самоцелью, что дело не в трудовых процессах, но в технике XX века, каковая в ее самой развитой, т.-е. коммунистической, форме должна стать основой образования подрастающего поколения (притом—существеннейшая оговорка—не «голая техника», но как социальное явление).

Проще говоря, дело не в просто трудовой школе, но в марксистской трудовой школе.

III.

Последняя фраза достаточно разъясняет нам всю нелепость многочисленных программ истории, литературы, математики, географии и пр. и пр. наук по «трудовому методу». Я уже видел в Москве оду Державина «Бог», проходимую по трудовому методу, и читал немецкие программы закона божьего также по трудовому методу. Пожертвуем же трудовой метод трудовикам!

История в трудовой школе есть не корпение учеников над рисованием картинок к исторической книге, но абсолютно иное: марксистский метод познания социально-исторических фактов, каковой метод, ясно, доступен преимущественно производителям, тем, кто ориентируется в проблемах способа и организации производства. Труд в трудовой школе есть знакомство *с способами и организацией производства*, а не абсолютизация отвлеченного понятия «труд». Так, например, текст льняной «труд» в школе не есть запойное увлечение ткацкой мастерской, особенно для детей 10—15 лет, а способы и организация прядильно-ткаческого производства в различные моменты. Литература в трудовой школе—не рисование картинок к стихам, но марксистская интерпретация истории литературы и по-

вое литературное творчество новой, коммунистической эпохи. Математика—математическая подготовка квалифицированного рабочего пролетарского государства, а не методическая казуистика «трудового метода» преподавания математики. Центр же трудовой школы не «трудовиков», но социалистов-марксистов—коммунистическое строительство (его факты, основы и тактика) и «вторая часть программы».

Еще раз, *наша* трудовая школа, в отличие от трудовой школы трудовиков, народников, толстовцев, буржуазии,—марксистская школа [1]).

IV.

Марксизм—не только) социология с точки зрения способа производства и производственных отношений, но и диалектика. Научная педагогика должна усвоить диалектический метод.

Что это значит? В настоящей бегло пишущейся статье ограничусь одним примером: пресловутым спором между общим и профессиональным образованием.

Тезис — образование «человека вообще», антитезис—образование «специалиста». Под туманным понятием «человека вообще» гимназическая общеобразовательная школа подразумевала вполне реальную подготовку будущего организатора бюрократического государства. Большая ошибка была думать, что из подобной школы—гимназии—можно было создать трудовую школу: гимназия разрушается, несмотря на оставленную вывеску «трудовая школа II ступени». Конечно, политехническая школа есть не развитие («реформа») общеобразовательной гимназической школы, но предполагает уже отрицание последней.

Отрицание общеобразовательной гимназической школы — профессиональная техническая школа. Совершенно очевидно, что именно технические школы—Vorgeschichte политехнической школы. Чисто экономический взгляд на задачи школы—гораздо более реальный шаг к настоящей трудовой школе, нежели прежние «программы старой истории по трудовому методу».

Но профессия, как устойчивое самоопределение трудящегося, есть следствие разделения труда между людьми, и как раз машинное производство несет отмену профессии, перебрасывая разделение труда на машины. Стирая противоречия капиталистического хозяйства,—противоречия машинного производства и основанного на мануфактуре разделения труда,—развитое индустриальное коммунистическое общество есть эра политехнической трудовой школы, т.-е. общеобразовательной технической школы. И это—с итез. Но сейчас лишь переходная эра—диктатура пролетариата, и политехническая школа, с ее основным предметом—общей технологией, в тумане. Лишь постепенно технологические науки с «товароведческой» точки зрения будут переходить на точку зрения невырабатываемых продуктов, но самого способа производства их. И лишь постепенно после этого будет создаваться научная технология, как обобщения отдельных *способов* производства (а не теперешние либо «товароведения» коммерческих институтов, либо махистские «философии» техники Энгельмейера и Богданова). Научная общая технология предполагает широко обобщающий технологический ум и как предпосылки — высоко развитую технику и государство производителей.

Мы идем от тезиса через антитезис к синтезу. Но мы—диалектики и, как таковые, мы умеем и осмысливать педагогическую программу текущего дня, и видеть завтрашний день школы.

П. Блонский.

Две организационные формы школьного труда.

(Из практики сельской трудовой школы.)

Экономическая наука, определяя продуктивность труда присутствием наибольшего количества потребительных ценностей при наименьшей затрате рабочей силы, устанавливает зависимость такой продуктивности, с одной стороны, от средств производства, а с другой—от наиболее усовершенствованных форм общественного разделения труда.

С педагогической точки зрения, взгляд на продуктивность труда меняется постольку, поскольку меняются причины и цели труда. Трудовая школа, поставившая целью привить бациллу коммунистического труда нарождающемуся новому обществу и дать ему политехническое образование, может признать продуктивным такой труд, который: 1) при нормальной затрате сил работающих даст максимальное количество технических навыков, достаточных для того, чтобы сделать обладателя ими способным самостоятельно воспринимать новые для него виды производства и научно исследовать их; 2) воспитает и укрепит чувство влечения к коммунистическому строю. Если признать, что наисущественное педагогическое требование, предъявляемое этой точкой зрения к школьным работникам заключается в том, чтобы открыть то, что «в

[1]) Может быть, для некоторых будет неожиданностью, что «скромные» школьные методики насквозь проникнуты классовой идеологией. Так, например, современное школьное естествознание «без человека-производителя» и с культом «на лоне природы»—естествознание *«созерцателя деревенской природы»*, классовая подоплека какового легко расшифровываема.

значительной степени скрыто для многих деятелей науки» [1]), а именно связь умственного труда с физическим, то нельзя не признать и того, что данное требование, в свою очередь, взывает к тем формам организации труда, которые помогут открыть эту великую тайну.

Так как отрицать зависимость продуктивности труда от его форм не приходится, то педагог новой школы, уяснив себе неизбежность введения в трудовой школе общественно-необходимого труда, беря за основу труд, вытекающий из естественных потребностей школьной жизни, должен задуматься над теми формами труда, какие в осуществлении его намерений оказались бы наиболее отвечающими требованиям «педагогической продуктивности».

Во многих школах республики теперь уже можно встретить школьных работников, пытающихся проводить трудовое начало. Побуждаемые, в лучшем случае, «призванием» к трудовой школе (а в худшем, конечно, «усердными» инструкторами, или отнаробразами), они «втиснули» в школу уроки ручного труда, но это «начало»: если не следует воспрещать, то во всяком случае следует поставить на «путь приемлемости». Не лучше обстоит дело и на курсах по проведению трудовых процессов. Там так же, как и в «трудовых школах», господствующей формой проводимого общественно-полезного труда является форма, именуемая в политической экономии «суммой индивидуальных работников».

Почему данная форма, а не иная какая-нибудь, приобрела господствующее значение?

К сожалению, на данный вопрос затрудняются ответить более или менее верно и к школьные работники, так и курсовые руководители, с успехом проводящие эту форму труда. Как школьному работнику, мне тоже пришлось очень близко ознакомиться с упомянутой формой школьного труда, работая в одной из деревенских школ, и только гораздо позже ее изгнания из нашей школы удалось установить, что, прежде всего за ее укрепление в школе говорит ее индивидуалистический характер, господствующий в обстановке, окружающей школу.

В статье «Соединение обучения с производительным трудом в Ед. Труд. Школе» («Народное Просвещ.» № 32) автор, посылая читателя к «Эмилю» Руссо, как будто, старается уверить, что приобрести политехническое образование можно только в естественной обстановке того или иного ремесла, при обязательной наличности таких «естественных» прелестей, как «скудная пища», жесткие постели и прочее. Личное знакомство с «естественной» обстановкой, а также техникой существующих ныне мастерских, заставляет протестовать против метода, преддагаемого автором указанной статьи. Если же согласиться с автором, то придется оправдать введение в трудовую школу такой формы труда, от которой веет далеким средневековьем и которая хотя и не отвечает требованиям производительности и коллективистического воспитания, но зато уже является абсолютно-чистым видом той естественной обстановки, в которой живет ребенок вне школы.

Есть много оснований возражать против данной формы труда, как преимущественной, допуская ее в школе, как иллюстрацию при изучении производственных отношений ремесленно-городского строя. Наиболее существенными основаниями, побуждающими к изгнанию господства этой формы из школы, являются следующие два ее результата: 1) материально-педагогическая непродуктивность и 2) воспитание собственнических инстинктов у детей.

Начиная работу в новой трудовой школе, мне пришлось натолкнуться на ряд явлений, рельефно выявляющих отрицательные стороны той формы труда, о которой идет речь. Всякому сельскому школьному работнику известна та убийственная «естественная» обстановка, в которой принуждена работать деревенская школа, имеющая своими посетителями маленьких «мужичков-лаптичков», приносящих осенью и весной пуды грязи. Пыль, висящая ежедневно облаками над головами детей, побудила нас к некоторым мероприятиям, способствующим ее сокращению, и как два таких мероприятия перед нами стали две трудовых задачи: первая—изготовить соломенные «щитки» (половики) для вытирания ног у входа в школу, и вторая — наготовить мочальных швабр, которыми предполагалось заменить отсутствующие тряпки для вытирания пыли и употреблявшиеся до того веники и метлы. Эти работы мыслилось связать не только с преподаванием гигиены, но и с математикой, естествоведением и другими исследованиями, по возможности, и это стремление, отнявшее у меня, как у руководителя, все время подготовки, заставило приступить к работе, не обдумав достаточно организационной стороны дела. Приступив к работе и натолкнувшись на ряд дефектов, стало ясно всем, что от организационной стороны дела зависит, многое и что эта сторона может и должна быть направлена каким-то общим, более совершенным законом разделения труда, основанием которого будет коллективизм.

Прежде всего, скоро же после начала работы выяснилось, что 30% детей не в состоянии воспринять всю технику работы, а потому принуждены бездействовать, или в лучшем случае перерабатывать только половину материала (солома и бичева), а половину уничтожать бесплодно. Эти дети потеряли жизнерадостное настроение, охватившее их в самом

[1]) Кан. И. А. «Производительный труд в городской советской школе». Журнал «Нар. Просвещ.» № 6—7, стр. 39.

начале роботы, как только столкнулись с техническими трудностями, заставившими их отставать. Напрасны были мои убеждения, сводившиеся к тому, что от каждого требуется по способностям;—дети оставались недовольными и грустными. Особенно их недовольство материальной продуктивностью своей работы выявилось, когда работа была прервана до следующего дня и начались измерения, подсчет и записывание сделанного в трудовые карточки.

Были замечены и другие дефекты, вроде того, что отсутствовала симметричность в расположении работающих, что придавало хаотичный вид работе; или, например, во время работы там, где организационная сторона напряженно тянула внимание работающих к себе,—мои научно-образовательные беседы, указания, призывы к исследованиям и измерениям или оставались совершенно бесплодными, или достигали отрицательных результатов.

Но что особенно могло поразить и заставить убедиться в погрешности данной формы труда против коллективизма, так это следующее явление.

Работа «щитков» должна была продолжаться и на следующий день, что вызывалось, с одной стороны, невыполнением в первый день поставленной задачи в смысле количественном и технических навыков, с другой—невыполненностью образовательных заданий, которые могли быть связаны с данной работой. Приступив к разборке материала для того, чтобы продолжать работу, между детьми разразился спор, во время которого то и дело раздавались режущие слух возгласы: «это мой щиток», «я свой без тебя доделаю», «я свой щиток положу под своей партой» и т. п. Я старался уговорить детей, приводя самые святые доводы и примеры в пользу признания всех «щитков» общественною, школьной собственностью, но напрасно:—дети меня не понимали и мне скоро же стало ясно, что мои намерения тщетны. Я убедился в том, что можно уговорить детей отказаться в пользу ближнего от продукта своего труда, но нельзя заговорить их чувством индивидуальной собственности на продукты их индивидуального труда.

———

Собственнические инстинкты, воспитанные предшествовавшими 1917-му году веками, успешно господствуют и ныне, хотя бы в душах нашего многомиллионного крестьянства. Трудовая школа должна взять на себя доминирующую роль в борьбе с этим наследием капиталистического строя. Если нам говорят, что собственнические инстинкты отомрут вместе с отмиранием капиталистических форм производства, то тем более должна поспешить сельская трудовая школа на помощь крестьянину, не имеющему пока выхода из индивидуального хозяйства и обязательного при нем 18-тичасового рабочего дня. Распространяя лучшие формы коллективного труда, школа тем самым разовьет у широких слоев крестьянства организационно-трудовые навыки и поможет крестьянину расквитаться с первобытной техникой.

Какие же конкретные формы предполагает в себе коллективный труд в школе?

Полный и верный ответ на этот вопрос будет добыт в результате коллективного опыта зарождающихся трудовых школ. Те опыты, которые уже имеет за собой, и те, которые школа будет иметь в будущем, надо суммировать, суммировав, фильтровать и затем уже распространять по всей сети трудовых школ, как допустимый материал, материал, который не будет обязательным для школы, но, тем не менее, будируя инициативу школьных работников, поможет последним перейти от пассивного подражания к активному творчеству и предупредит возмущение тов. Блонского, выраженное в статье «Осуществление трудовой школы в деревне», где он говорит, что учитель, пользуясь *голым* заданием «твори»,—«местами действительно... натворил».

В дальнейшей части своей статьи я намерен изложить один из своих опытов, касающийся затронутой области школьной практики. Примитивность этого опыта мне самому ясна, и если бы он не был следствием моих исканий и не вытекал бы из самой школьной практики, представить его на суд я не решился бы, да к тому же данный опыт—первые шаги, которые должны были бы предшествовать тем безукоризненным формам организации труда, к которым стремлюсь не один я и которые будут даны не социалистической академией наук, не отдельными специалистами—«тейлорами», а совокупностью усилий всех работающих в данной области.

Убедившись в непригодности для трудовой школы формы труда, выражающейся в сумме индивидуальных работников и точно учтя технически-организационные недочеты ее, наш рабочий коллектив пришел к заключению, что здесь существенную помощь может оказать метод анализа-синтеза, что, дифференцировав тот или иной процесс на отдельные этапы, мы получим возможность, одновременно все участвуя в процессе, проходить погруппно этапы в порядке возрастающей трудности или в порядке развития процесса.

В осуществление этой мысли, вытекшая из потребностей школьной жизни следующая трудовая задача — приготовить пеньковой бичевы, предстояли: 1) работа шзабр и 2) витье гирлянд для украшения школьного здания, была направлена к форме, близкой по своей технически-организационной сущности к форме, называемой т. Богдановым «мануфактурной группой».

Постановка взятого трудового процесса предполагала достижение следующих технически-организационных и воспитательных целей:

1. Сделать возможным участие абсолютно всех работников-детей.
2. Поставить работу каждого в органическую зависимость от работ всех остальных участников, или той или иной группы их.
3. Предупредить «узкую специализацию».
4. Устранить притупляющую механичность.
5. Предупредить нерациональное расходование детских сил, рабочего времени, места и материалов, подлежащих переработке.
6. Сократить потребность в орудиях производства (ножи и крючки).
7. Предупредить зависимость успешного течения процесса от меня, как от руководителя или организатора.
8. Добиться, чтобы дети без уговоров признали готовый продукт «нашим», не деля его на «твой», «мой» и «его».

Прежде всего взятый процесс требовал, в отличие от предыдущего, «орудий производства»; понадобились деревянные крючки. К нашему счастью и здесь оказалось возможным обойтись без поездки в Англию или Америку.

Экспедиция в кусты, расположенные в 50-ти саженях от школы, дала возможность в 5 минут вырезать каждому по одному крючку [1], и препятствие таким образом было устранено, а форма и размер крючка [2] дали возможность попутно, наглядно ознакомиться с острым углом, отвесной и ее основанием и их геометрическим взаимоотношением, необходимым для совершенного вида данного «инструмента». Когда материал переработки (пенька) был отвешан и доставлен, группа в 30 человек должна была приступить к работе.

Сообразно делению процесса на 4 составных момента (этапа), данная группа составила 4 следующих категории работников:

1. «Заготовщики» или «жменщики» [3]—работники, разбирающие пеньку на равные, тоненькие пучки («жменьки») и раскладывающие эти пучки по партам или столам (при общем количестве работающих в 30 человек, на первое отделение потребуется, приблизительно, 10 человек).

2. «Крючечники»—работники, занятые ссучиванием и наматыванием на крючки разложенных заготовщиками «жменек» пеньки (приблизительно 10 человек на отделение).

3. «Витовщики»—работники, занятые свиванием с каждых двух крючков в одну бичеву ссученого волокна (приблизительно 5 человек на отделение).

4. «Обделочники»—работники, занятые приведением выработанного продукта в совершенный, годный для употребления, вид, а именно: обпаливают, вытягивают, измеряют и сматывают бичевку (приблизительно 5 человек на отделение).

Начинается процесс вступлением в первое отделение 10-ти работников, которые, проработав 10 минут [1], переходят в отделение крючечников, а их место в заготовительном отделении занимает новая группа в 10 человек.

По истечении 2-го десятиминутного периода работы, из состава 2-го отделения выделяется группа в 5 человек в 3-е отделение («витовщики»), на их место заступают 5 человек из 1-го отделения, а на место последних в процесс вступают 5 человек новых работников.

Чрез 30 минут происходит следующая перегруппировка: работавшие в 3-м отделении перешли в 4-е, из состава работников 2-го отделения 5 человек вступили в 3-е, 2-е пополнилось из состава 1-го, а 1-е—из состава «резерва», и таким образом процесс прошел первую стадию развития, и теперь путем той же системы перегруппировок может начать 2-й круг движения в нем работников. Если же ограничиться одним оборотом [2], то чрез 40 или 50 минут (т.-е. в следующий день) должна начаться постепенная ликвидация процесса, заключающаяся в том, что выбывает из процесса группа в 5 человек, работавшая в 4-м отделении, происходит соответствующая перегруппировка, и группа заготовщиков сокращается наполовину, и сокращая заготовку, тем самым сокращает процесс.

Чрез следующие десять минут выбывает из процесса (из 4-й категории) вторая группа в 5 человек, происходит перегруппировка, в результате которой заготовительное отделение совершенно ликвидируется. В таком порядке протекает дальнейшая ликвидация процесса. Такая форма организации коллективного труда имеет в виду, что в момент зарождения («зачала») того или иного процесса группа, не занятая в нем до времени, ведет работу по ликвидации предыдущего процесса, и наоборот,—в момент ликвидации группы, выбывающие из процесса, не остаются праздными до полной ликвидации оставленного ими позади процесса, а зачинают новый процесс.

Таким путем поставленные цели были достигнуты вполне. Указанные по адресу «суммы индивидуальных работников» недочеты, при соблюдении последней формы, не были мною замечены, и это настолько удовлетворило нас, что

---

[1] При индивидуальной работе веревок требуется на каждого работника по 2 крючка; при коллективной—эта потребность сокращается в 3 раза.

[2] Форма ∠; размер на возраст от 10—14 лет. 15 сантиметров—длина основания, 5 сантиметров—длина отвесной стороны.

[3] Подобные названия возникли произвольно и большею частью их происхождение обязано изобретательности самих детей.

[1] Этот и последующие сроки работы в том или ином отделении взяты в приблизительной точности, так как абсолютная точность в действительной обстановке не имеет места да и значения. Важно, чтобы эти сроки не были большими.

[2] Количество оборотов зависит от задач, связанных с процессом.

все последующие работы (а их была беспрерывная цепь) мы старались организовывать «по фабричному», имея в виду эту форму, как переходную к новой и лучшей. Проводя по ней свои работы (как в классном помещении, так и на школьном участке), мы всегда стремились отыскать и учесть все ее недочеты.

Присутствие недочетов дало нам право надеяться на то, что мы также благополучно расквитаемся с ними, как благополучно расквитались с предыдущей, предполагавшей и у нас господствовать, формой труда.

Главное же, что говорило за вновь введенную форму труда, так это довольство детей, вызванное сознанием, что в нашем труде есть нечто новое, интересное.

Однажды в школу, когда у нас шла «горячая» работа, заявилась группа местных крестьян, среди которых мне приходилось не раз агитировать за переход от индивидуального хозяйства к коллективному, и которые видели в последнем много организационно-технических неудобств. Внимательно проследив, как, начатая в одном углу классной комнаты, швабра выпила готовой в другом, противоположном, эти крестьяне сказали мне: «Вот теперь и мы понимаем-что вы давеча доказывали нам. Штука хорошая, да умственность нужна. Вот, ежели, даст бог, ребятишки подрастут,—нам старикам легче будет по-новому начать жить». Это признание целесообразности школьного труда было для меня лучшею наградою за мои усилия по пропаганде идеи трудовой школы.

Характерно, что достаточно было распространиться по школьному району, что в школе работают «по-новому» («тут же веревку и то, слышь, плятут по-хвабричному»), как разговор о том, что «в школе учат тому, чему ребята научатся лучше дома»,—прекратился, а когда мною было проведено несколько бесед с крестьянами о новой школе, то разговор принял выгодное для школы направление [1]).

Новые работы давали все новые и новые результаты, количественная и качественная стороны которых окончательно убедили в преимуществе этой второй формы коллективного труда пред формой, предшествовавшей ей.

Н. Соколов.

О сельском хозяйстве в школе I-й ступени [2]).

На долю сельско-хозяйственной секции выпала самая трудная задача—высказаться о преподавании и ведении сельского хозяйства в школе 1-й ступени. Трудность эта заключается, с одной стороны, в новизне этого дела для большинства школьных работников, с другой — в неподготовленности членов секции по столь важному, специальному и весьма обширному вопросу, как сельское хозяйство, в виду чего секция просит отнестись к докладу снисходительно, а также внимательно прослушать его, дабы внести в него изменения и указать пути школьным работникам к скорейшему разрешению важного вопроса в школьной жизни, в ведении сельского хозяйства, как предмета преподавания в школе 1-й ступени.

Вопрос о возможности преподавания сельского хозяйства в начальной школе, как особого предмета, вызывает и всегда вызывал много споров.

Все возражения против введения сельского хозяйства в круг учебных предметов сводятся к следующему: во-первых, говорят, что школа и так перегружена громадным учебным материалом и нельзя внести нового предмета, каким является сельское хозяйство, без ущерба важнейшим другим предметам. Во-вторых, часто указывают на неподготовленность школьных работников к преподаванию специального предмета, как сельское хозяйство, ибо учителя—не агрономы.

Все эти возражения основаны на недоразумении.

Бесспорно, школа первой ступени не может выпускать техников по сельскому хозяйству и не должна ставить себе этих задач.

В школе первой ступени сельское хозяйство должно носить характер не специального, а общеобразовательного предмета.

Чтоб ответить противникам введения сельского хозяйства, как особого предмета, в программу школы первой ступени, спросим их: в чем заключается основная задача общеначального образования? Думаем, ответ будет таков: «Усвоить окружающую обстановку, осмыслить обыденные явления жизни и указать пути для разумной и лучшей жизни». А если так, то нельзя игнорировать вопрос сельского хозяйства, так как 80% нашего населения занимается земледелием, и это занятие заполняет всю их жизнь.

Нормальная школа не должна удаляться от жизни, а итти навстречу ей и, следовательно, тогда наша школа 1-й ступени будет вполне пригодна для народа, когда в ней будут прививаться здравые понятия с важнейшим вопросом сельского хозяйства.

Так как Россия, по преимуществу, страна земледельческая, то преподавание сельского хозяйства в школе 1-й ступени должно завоевать первенствующее положение. Без этого школьное образование будет очень далеким от окружающей нас действительности.

Нет ничего удивительного, что до сих пор учащийся, по выходе из школы 1-й ступени, быстро забывает все пройденное по родным предметам и, не находя практического применения приобретенным в школе знаниям, скоро разучивается писать и читать.

Последнее явление, к сожалению, весьма частое и общеизвестное в деревне. Оно достаточно показывает на несостоятельность нашей сельской школы.

По мнению секции, основные понятия по сельскому хозяйству могут проводиться двояким способом: в существующих курсах арифметики и русского языка.

Для такой цели необходимо подбирать задачи и статьи из сельско-хозяйственного быта.

При настоящих условиях, конечно, книжного материала по этому вопросу найти очень трудно, но выход есть.

Школьному работнику необходимо заглянуть на несколько часов в советское хозяйство, раскрыть конторские книги совхоза, подобрать цифры современных цен на продукты сельского хозяйства, переработать добытый материал в задачки,—и сельско-хозяйственная арифметика создана.

Несколько труднее обстоит вопрос с родным языком. Но и тут выход есть. Тот книжный скромный материал, который школьный работник найдет в родном языке по сельскому хозяйству, можно всегда расширить, прослушав месячные сельско-хозяйственные курсы. Конечно, секция надеется, что в существующих курсах арифметики и родного языка ими будут сделаны соответствующие дополнения в программах по сельскому хозяйству, или же должен быть введен особый курс по сельскому хозяйству. Более простой способ—это составление особого учебника по сельскому хозяйству, который можно было бы ввести в употребление без коренного изменения существующих программ.

Уроки по сельскому хозяйству на первое время можно было бы устраивать для двух групп вместе, и желательно было бы приглашать на эти уроки наиболее толковых и грамотных местных крестьян.

Нельзя не считаться, конечно, с неподготовленностью школьного работника вести уроки по сельскому хозяйству, отсутствием учебников и пособий, препятствующим немедленному введению нового предмета в школу.

Весьма современным было бы составление такого руководства по сельскому хозяйству, которое отвечало бы настоящим запросам школьных работников и школьников.

Руководство это должно быть таково: чтобы им мог пользоваться всякий школьный работник с обычной педагогической подготовкой, и материал в нем должен быть подобран такой, чтобы им можно было пользоваться без устройства специальной школьной лаборатории.

По мнению секции, при двухлетнем прохождении курса по сельскому хозяйству, руководство должно состоять из двух отдельных книжек-частей.

Общая первая часть может быть составлена из следующих уроков: 1) Сельское хозяйство и школа. 2) Почва, растения, животные. 3) Вода и почва. 4) Вода и растения. 5) Зола растений. 6) Питательные и волокнистые вещества в растениях. 7) Корни и их работа. 8) Листья и их работа. 9) Перегной почвы. 10) Как растения растут. 11) Как растения цветут. 12) Семена. 13) Сорные травы. 14) Болезни растений. 15) Вредные насекомые. 16) Питание животных. 17) Размножение и разведение животных. 18) Болезни животных. Во вторую более специальную часть должны войти следующие отделы: 1) Хлеб и травы России. 2) Обработка почвы. 3) Севооборот. 4) Сад. 5) Огород. 6) Лошадь в хозяйстве. 7) Корова и молочное хозяйство. 8) Свиноводство. 9) Овцы и козы. 10) Домашние птицы. 11) Пчелы. 12) Счетоводство в сельском хозяйстве. 13) Сельско-хозяйственные артели и коммуна. 14) Сельско-хозяйственные общества, опытные учреждения и сельско-хозяйственные школы.

Школа первой ступени, разумеется, не может выучить детей сельскому хозяйству так, как выучивает она их чтению и письму или как выучивает ремеслам ремесленная школа, но во всяком случае школа должна дать живой материал для возбуждения самодеятельности и наблюдательности школьников. Школа приучит детей к сознательному отношению к самым обыденным явлениям сельско-хозяйственной жизни и вместе с тем воспитает в них любовь и уважение к сельской жизни и к сельскому труду, даст толчок к применению улучшенных способов ведения сельского хозяйства, чем и поднимет благосостояние молодой республики.

Без сомнения, преподавание должно внести живую связь школы с жизнью, и школьный работник с успехом сделает эту связь более интересной и для населения и для школы.

На уроках сельского хозяйства школьный работник должен вызывать и поддерживать непрерывный интерес и любознательность учащихся при изучении имеющегося материала и установления новых для них понятий.

Школьным работникам открывается широкий простор брать для уроков материал, наиболее соответствующий интересам местного хозяйства и местного населения. В этих целях секция находит необходимое составление коллекции местных хлебов, семян, растений, сорных трав, вредителей полей и садов, почвы и минералов. Стены школ необходимо украсить такими поучи-

---

[1]) С октября 1918 года по март 1919 года Новоприсельская школа Духовщинского уезда (о которой говорится) и ее работники содержались на средства местного бедного населения.

[2]) Доклад принят на Чакинских педагогических самокурсах Тамбовского уезда в июле 1920 г.

тельными коллекциями, собранными самими же школьниками. Сколько осмысленности внесет осуществление этой программы в преподавание естествоведения в школе 1-й ступени.

Таковы общие соображения, которые должны лечь в основу преподавания сельского хозяйства в школе 1-й ступени нашей тамбовской степной деревни.

При том напряжении народных сил, которое неизбежно должно наступить после экономических потрясений, технические знания должны влиться в народную массу широкой волной всевозможными способами, через все перегородки и заторы, иначе немыслимо экономическое возрождение России. Таким образом преподавание сельского хозяйства в школе не только целесообразно, но и необходимо.

Теперь несколько слов о том, как использовать отведенные школам земли с наименьшей затратой детской силы, но с наибольшей производительностью труда и наибольшим умственным развитием школьников.

Всем нам хорошо известно, что одним из важнейших факторов нормального воспитания детей является близость к природе и основательное знакомство с ней. Достигается это, с одной стороны, прогулками, экскурсиями, играми на воздухе, а с другой — работой детей в саду, огороде и поле, где дети сами на вспаханной земле вскапывают гряды, ухаживают за ними и попутно знакомятся с условиями — и роста, и особенностями каждого из них. Работа детей в поле, саду и огороде возбуждает сознательное отношение к труду, как необходимому и радостному элементу в жизни. Для достижения этих целей и вообще проведения сельско-хозяйственных трудовых процессов, отведенные при школах участки земли секция предполагает использовать так:

Под полевой участок отвести половину всей земли и вести на этом участке пятипольный севооборот со следующими чередованиями растений: 1) Пар. 2) Озимь. 3) Пропашное. 4) Яровое. 5) Выводной травяной клин.

Пять полевых участков, как показательные образцы, должны быть использованы следующим образом:

1. Под культуру пара отводится пятая часть полевого участка, половина этого участка отрезается под ранний апрельский пар и другая половина—под поздний крестьянский пар.

2. Пропашного отводится тоже пятая часть участка. Половина его используется на улучшенные сорта картофеля.

3. Под яровое отрезается пятая часть полевого участка, половина которого вспахивается весной, а другая половина—осенью.

4. Под травяной участок отводится тоже пятая часть всего участка, половина его засевается люцерном, а вторая половина—костром или клевером. Под овощный огород секция рекомендует отрезать четвертую часть всего земельного участка, выделив из него небольшую площадь под семенной огород. Огороды так же, как и поля, должны преследовать не одну только хозяйственную выгоду, но и учебно-показательную сторону.

Под сад и питомник отвести тоже 4-ю часть всего участка. Для семенного огорода необходимо в текущем году заготовить маточный материал (с детского огорода при Чакинской школе 1 ст.).

Схема распределения культур на участке:

Травяной клин.	Пропашное.	Яровое.	Озимь.	Пар.
Огород.		Сад.		
Семенной огород.		Пасека.	Посев медоносн. трав.	

Приведенный план значительно облегчает возделывание пришкольного участка земли, чем обычная сплошная обработка огорода без плана. Для того, чтобы отведенные школам земли не пустовали, необходимо войти в сношение с волисполкомом о приспособлении одной из лошадей граждан исключительно для школьных полевых и огородных работ, освободив эту лошадь на весенние и летние сезоны от гужевой повинности. Желательно было бы этот вопрос провести через уисполком в обязательном порядке для крестьян.

О способах охранения школьных огородов секция постановила: немедленно окопать огороды, просить губнарообраз о бесплатном отпуске живой изгороди. Ходатайствовать перед унарообразом о получении для этой цели колючей проволоки.

О привлечении детей на школьный огород говорить не приходится, так как это всецело зависит от школьного работника, который должен завоевать любовь и уважение не только школьников, но и окружающего его населения. Секция все-таки, считаясь с действительностью, рекомендует школьным работникам устроить и содержать учебно-показательный огород в таком виде, чтобы он был пригоден для практики учащихся.

Обучать садоводству и огородничеству следует не только школьников, но и окончивших школу 1 ступени, и вообще всех желающих. Нужно раздавать бесплатно работавшим детям, в виде поощрения за их труд, часть выращенных в огороде, саду и поле овощей, ягод, плодов, семян, прививок и пр.

Кроме того секция полагает, что учащиеся в школе не могут быть *принуждаемы* к работам в школьном саду и огороде. Работы эти должны быть соразмерены с силами учащихся и сопровождаться объяснениями школьного работника. Школьные работники не должны смотреть на

детей, как на рабочую силу. Им надлежит знакомить учащихся с такими приемами и работами, знание которых может быть приобретено только наглядным путем и практикой.

В помощь школьному работнику для привлечения детей к сельско-хозяйственной работе, составлению планов огорода, работ на огороде, собиранию для музея сельско-хозяйственных культур и т. д., должна быть теперь же создана самоуправляющаяся детская организация (сельско-хозяйственная секция) в каждой школе.

Чтоб расширить сельско-хозяйственные знания у школьников, необходимо устраивать сельско-хозяйственные экскурсии в близ лежащие совхозы, сельско-хозяйственные училища и опытные поля. Целью экскурсии следует брать между прочим посещение молочной фермы или образцового племенного двора. Следует, чтоб ученики также ознакомились с произведениями полеводства и фруктовых садов, посещая образцовый фруктовый сад, огород и опытное поле.

В течение экскурсии школьный работник и школьники собирают образцовые культуры для пополнения музея, коллекций.

Секция также считает необходимым устраивать осенью выставки выращенных продуктов. На выставку приглашаются в качестве экспертов лучшие в деревне землеробы, которые и присуждают премии за наиболее ценные экспонаты.

Заканчивая свой доклад, секция предлагает следующую программу с распределением материала по ученическим группам или годам обучения в школе 1 ст.

Программа преподавания сельского хозяйства.

I группа.

1. Школьный сад. Ряд обходов сада, сопровождаемых демонстрированием и поименованием главнейших овощей, в которых цветов, плодовых деревьев, вредных трав и т. д.

Наиболее интересные подробности о них, привлечение детей, по мере возможности, к участию в более легких работах: полотье, прореживание, пересадки и поливка.

2. Краткие уроки на темы: А. Садовые инструменты: лопаты, мотыги, грабли, шнур, колотушка, лейка. Б. Растения: капуста, бобы и горох, яблоня и груша, вишня и слива, земляника, морковь и петрушка, картофель, табак, лук и горей. В. Животные: гусеница и бабочка, снимание гусеницы, майский жук, летучая мышь, крот, еж, ласточка, синица и малиновка, жаворонки, зяблики (обратите внимание на пользу насекомоядных).

Примечание. При описании животных обращается внимание только на наиболее видные и характерные особенности их, при чем обязательно сообщается ряд интересных подробностей о нравах их и пользе, ими приносимой, с указанием на существующую между теми и другими связь.

Для II группы.

1. Школьный сад. А. Подготовительные сведения.

Демонстрация прорастания (бобы, хлебные зерна).

2. Изучение на растениях главнейших органов их: корень, стебель, лист, цветок и плод.

3. Стволы плодовых деревьев: строение, производительность древесины и плоды. Б. Начальные сведения по древонасаждению: а) черенки, заготовка черенков, цветов для выращивания их учащимися в горшках дома и в школе; б) отводки; в) древесный питомник для прививки; выбор семян и дичков, уход за ними, подготовка почвы, удобрение пасек; уход за плодовыми растениями; способы прививки.

4. Способ высадки растений из питомника и посадки их.

5. Производство с участием учащихся весенних и летних подрезок яблонь.

6. Ознакомление с насекомыми, наиболее вредящими плодовым деревьям, средства к их уничтожению, удаление гусениц, окуривание, насекомоядные животные и проч.

Для III группы.

1. Начальные сведения по огородничеству. Демонстрация наиболее важных работ необходимого количества овощей в главных фазах их развития. Простые, ясные и точные объяснения в связи с наиболее полезными для данной местности сведениями. Привлечение к участию самих детей, заставив их вырастить какие-либо овощи.

2. Выборы семенных растений, уход за ними; сбор и сохранение семян.

3. Демонстрация и описание ядовитых растений, чаще встречающихся в данной местности и ее окрестностях.

4. Животные.

А. Подготовительные сведения.

1) Наиболее характерные особенности домашних животных, птиц.

2) Простейшее объяснение пищеварения, кровообращения и дыхания млекопитающихся.

Б. Специальные сведения об отдельных домашних животных.

1) Корова, овца, лошадь, свинья (существенные особенности их организации и их образа жизни, уход за ними).

2. Курица. Особенности ее организации, качества хорошей наседки и уход за нею, доставляемые продукты.

5. Чтение с объяснением, диктовка и задачи на вопросы курса.

„Нар. Просв." № 21—22. „Гиз." № 1471.

Для IV группы.

I отд. Самые элементарные сведения по опытной физике, необходимые для понимания уроков по земледелию.

1. Общее свойство тел, делимость, порозность, сжимаемость и эластичность.
2. Сообщающиеся сосуды. Уровень воды.
3. Воздух и атмосфера, состав и главные части, атмосферные давления, барометр, нагнетательный насос. Ветер.
4. Вода. Состав. Роль ее в жизни растений.
5. Демонстрация и объяснение некоторых явлений капиллярности.
6. Теплота, ее влияние на растения и на животных. Расширение тел. Термометр.
7. Метеорологические явления, поскольку они касаются агрономии. Тучи, дождь, туман, роса, иней, снег, град.
8. Свет. Его влияние на жизнь растений.

II отд. Сведения по земледелию.

1. Пахотный слой подпочвы.
2. Главные виды почв и их существенные особенности.
3. Вспашка. Условия и значения хорошей вспашки. Боронование и укатывание.
4. Унаваживание. Его роль. Фермерский навоз. Значение его, обращение с ним и его употребление. Утилизация навозной жижи. Простейшие сведения о наиболее употребительных дополнительных удобрениях.
5. Выбор семян. Посев в разброс, рядовой посев, посев при помощи машины.
6. Уход за растениями во время их роста, пропалывание, прореживание, двоение, окучивание, значение этих работ.
7. Сбор главнейших продуктов: сена, хлеба, корни, их клубни, их сохранение.

Для V группы.

Специальное изучение отдельных домашних животных.

1. Качество хорошей рабочей лошади и хорошей молочной коровы.
2. Практические советы по кормлению и уходу за домашними животными.

Сведения по древонасаждению и садоводству.

1. Функция корней, стебля и листьев.
2. Практическое изучение наиболее важных прививок.
3. Формирование деревьев в виде веретен, пирамид и крон.
4. Подрезка деревьев в школьном саду.
5. Выбор деревьев для фруктового сада. Уход за ними.
6. Огород. Устройство огорода, последовательное чередование культур, практическое изучение возделывания и сохранения каких-либо овощей, напр.: моркови, бобов, капусты, картофеля.
7. Пчеловодство.
1. О коллективах (артели, коммуны, совхозы).
2. Цели создания коллективов, совхозов Советской властью.
3. Преимущество коммунального пользования землей перед единоличным.
4. О создании всевозможных производительных коллективов, применительных к местным условиям.

В заключение доклада полагаем, что программа может считаться пройденной только тогда, когда крестьянский мальчик, прошедший сельское хозяйство в школе 1 ступени, поймет, что человеческий ум и человеческая изобретательность пользуется самыми обыкновенными предметами в природе для своей творческой деятельности, и что в природе и в окружающем хозяйстве нет ничего ненужного, лишнего. Все служит человеку, все покорно его труду, нужно только уметь пользоваться окружающим.

Организатор курсов школьный инструктор
И. Киселев.

Современное значение художественной промышленности.

Все, что производит человек, он старается украсить. Нет почти вещи, выходящей из рук человеческих, на которой не было бы следов такого старания. Предметы и вещи, предназначенные для удовлетворения как самых простых, чисто материальных потребностей, так тем более предметы, отвечающие иным более высоким запросам, всегда заключают в себе не только то, что совершенно необходимо для их полезной и практической цели, но и что-нибудь, какую-нибудь подробность, делающие вещи эти приятными для глаза, т.-е. их украшающие. Можно смело утверждать, что стремление сделать всякие вообще полезные вещи возможно более красивыми совершенно неразрывно связано с задачами самого их производства. Художественность в промысле, красота в вещах человеческого производства не есть что-то новое и выдуманное, а отвечают естественной и всегда присущей человеку потребности.

Однако, и более того: производство и промысел—с одной стороны, художественные задания и искусство—с другой, в прошлой жизни человечества были всегда слиты и почти неразделны, а понятие так-называемого чистого искусства, оторванного от практически полезной вещи, являлось лишь как следствие культурного развития человечества последних столетий и покоится на том экономическом строе и на тех производственных отношениях, которыми характеризуются эти ближайшие к нам столетия.

Действительно, если самым беглым образом взглянуть на историю искусства с точки зрения связи его с промыслом, то нельзя не видеть, что и древнее искусство и искусство средних веков и эпохи возрождения, вплоть до конца XVII века и работ мастеров голландской и фламандской школы, не знает так-называемого чистого искусства в современном смысле этих слов. Конечно, это не умаляет значения тех бессмертных созданий великих художников этих эпох, которыми в праве гордиться человечество, но художник тех времен приурочивал обыкновенно свой эстетический замысел к иной не прямо художественной цели, связывал свою работу с предметом, служащим для удовлетворения не одной эстетической потребности. В сущности художник шел за производством и за промыслом своего времени, входил в него, его одухотворял и обогащал красотою.

Такое утверждение может казаться парадоксальным лишь потому, что мы привыкли рассматривать производство и промысел, как деятельность, имеющую целью удовлетворять, главным образом, если не исключительно, потребностям чисто материального характера. Между тем в рассматриваемые нами эпохи производство направлялось, во-первых, на произведение орудий всякого рода, предметов домашнего и общественного обихода, зданий всякого рода и пр. и, во-вторых,—и это всего важнее в рассматриваемом отношении,—на создание предметов нужных для *религиозного культа*. И художники украшали первое и вносили прекрасное во второе, воплощая религиозную мысль в художественные образы. Но как бы ни смотреть на интерес религиозный, он не совпадает прямо с чистым художественным интересом. Если в настоящее время существуют промышленные мастерские иконописи и их причисляют, разумеется, не к разряду чистого, а прикладного искусства, то нет оснований считать произведения Беллины, Перуджино и Рафаэля, написанные для храма и только для храма, искусством чистым в теперешнем смысле, а не прикладным.

Дело в том, что украшения какого-либо предмета промышленного производства могут быть столь художественны, столь прекрасны, что эти украшения подавляют значение и назначение того предмета, которого они имели целью лишь украсить, так что для последующих поколений переживает только эта красота, а самый предмет является как случайное добавление. То, что здесь было связано с промыслом, отпало и умерло. Так, любуясь прекрасными формами греческой амфоры и росписью на ней, мы, конечно, и не думаем, что эта практически теперь бесполезная вещь была сделана для чисто практической цели, сохранения в ней всяких жидкостей. Равным образом украшения, сделанные Рафаэлем (знаменитые лоджи и стансы в Ватикане) в хоромах Папы Льва X, имеют такое художественное значение, что практические потребности этих хором, как помещение для приема, совершенно забываются и отходят на задний план и мы любуемся созданием Рафаэля, как чистым искусством. В производствах для целей религиозного культа в особенности легко и естественно такое забвение. Изображение священных животных древности, статуи богов и мифологических сюжетов, предназначенных для поклонения и для помещения в храмах, рассматриваются нами безотносительно к практической промышленной цели этих предметов и кажутся созданиями не прикладного, а чистого искусства; между тем как и они также суть произведения художественного промысла. В производствах же для целей именно христианского культа, где самый сюжет мог сам по себе эстетически вдохновлять художника и действительно его вдохновлял, практические цели поклонения и религиозного почитания остаются в памяти лишь тогда, когда эти произведения еще ныне остаются в храмах. В галлереях же и в музеях они просто картины чистого искусства. И все же их источник—художественная промышленность, а не чистое искусство. Кажущимся исключением здесь являются портреты и статуи, изображающие частных лиц. Здесь как будто само художественное создание и есть его цель. Но производство портретов по заказу есть своего рода промысел, и если мы любуемся замечательными портретами великих мастеров, где промышленный элемент потерял всякое значение, то нельзя же забывать, какое громадное количество художников-портретистов удовлетворяли в своих портретах той самой потребности, которая теперь удовлетворяется фотографией, т.-е. были простым промышленным производством изображений по заказу.

Конечно, нельзя утверждать, чтобы в рассматриваемый период времени не было вовсе произведений искусства, не связанных с промыслом. Такие произведения, разумеется, были, были и художники, стоявшие вне общего течения. Но общее движение художественных замыслов и общий уклон деятельности работников красоты находились в сфере производственной и не отделялись от него.

Совсем другое видим мы с конца XVII века, в школах голландской и фламандской и до наших дней. От вещей полезных центр тяжести художественного дела переносится на полотно и на не имеющий практической полезности мрамор. Сами сюжеты картин уже не только и не главным образом религиозные, а бытовые, картина передает настроение художника, дости-

Пр. и Соц. Культ), как производственные организации, непосредственно заинтересованные в повышении педагогической и гражданской сознательности и активность своих членов. На ответственности Профсоюза лежит энергичная пропаганда, идеи педагогической самопомощи, особенно самокурсов.

69. Большая организационная работа выпадает на долю губ. и уездн. О. Н. О., *школьно-инструкторского аппарата*, педагогических учреждений разного типа (И. Н. О. и др.).

70. Инициатива указанных организаций, учреждений и институтов должна тесно слетаться с самодеятельностью и инициативой шк. работников.

Только при таком условии различные формы переподготовки учительства будут жизненны и целесообразны.

71. Организацию переподготовки имеющегося в настоящее время кадра шк. работников следует считать очередной производственной задачей *государственного* значения и к реализации ее во всероссийском масштабе следует приступить безотлагательно.

А. Н. Волковский.

Москва.

Библиография.

А. Г. Калашников. Проблема индустриально-трудовой школы ближайшего будущего. Изд. Московского Отдела Народного Образования (из серии «Библиотека Трудовой Школы» № 3). М. 1919 г. 68 стр. 12 р.

Автор является представителем, если можно так назвать, «индустриального» понимания социалистической трудовой школы.

Сущность этого течения сводится к следующему: производство настоящего времени не может обойтись без труда подростков. Никакими законами нельзя заставить промышленность даже при социалистическом строе (а тем более сейчас—при полной разрухе промышленности) отказаться от труда несовершеннолетних. Но если при капиталистическом производстве труд малолетних был проклятием строя эксплоататоров, то при социалистическом он разовьется в свою полную противоположность, т.-е. станет исходным пунктом подготовки новых людей свободного труда. И это потому, что труд выйдет из «царства необходимости» и войдет в «царство свободы». Труд станет другим, свободным, творческим и будет самым-верным педагогическим средством. Отсюда основная задача социалистической школы—правильная организация труда подростков в индустрии в целях образовательных, в целях подготовки человека свободного труда.

Автор сам, правда, не выдвигает на первую очередь этой социологической стороны новой школы, но она определенно чувствуется на всем протяжении книжки.

На протяжении 4-х лекций (книжка—конспект лекций, читанных автором на учительских курсах) автор затрагивает 3 основных темы: 1) идеология индустриальной школы, 2) метод трудовой школы, 3) общий организационный план школы ближайшего будущего.

В первой части автор педагогически и социологически обосновывает изложенную выше точку зрения «индустриального течения», во второй—дает основы «трудовой педагогики», в третьей—пытается наметить план построения школы самого ближайшего времени, школу переходного тип. Интересна вторая часть—метод трудовой школы. Здесь автор, критикуя среду старой школы, выдвигает новый трудовой метод, не имеющий ничего общего со старым «систематическим изложением» и дающим основы истинно-научного подхода к разрешению жизненно-возникающих проблем. Трудовой метод есть дальнейшее развитие методов активного восприятия и биогенетического. О нем много писалось в последнее время. Но его еще необходимо испытать на деле, и на основании опыта конкретизировать. Трудовая методика—дело будущего, когда можно будет перейти от общих мест к проработке наличного опыта трудовой школы.

В третьей части автор пытается набросать схему школы II ступени ближайшего будущего. Он ведет школьника в 1-м и 2-м году школы через ремесленный труд к экскурсиям на фабрики и заводы на 3-м и 4-м году школы, стремясь, во-первых, построить все образование на производительном труде в мастерских и на вопросах современной индустрии; во-вторых, научить подростка подходить к жизни с технической научной стороны.

Трудно судить, насколько автор правильно подошел к разрешению задачи по тому одному хотя бы, что все изглагается им слишком теоретически и ни в какой мере не является подкрепленным опытом. Навряд ли поэтому можно думать, что школа автора сможет быть осуществлена в жизни.

Нам кажется, во-первых, что в лучшем случае тип индустриальной школы мог бы осуществиться только в центрах крупной промышленности, а таких центров у нас очень мало, так что проблема индустриальной школы есть проблема частная, а не общероссийская, а во-вторых, так как такого «лучшего случая» нет в наличности, надо поставить ряд опытных школ индустриального типа уже по получении и учете опыта (если промышленность к этому времени станет на ноги) строить индустриальную школу, как основную для индустриальных центров.

М. Пистрак.

И. Хлебников. «Творческая Школа». (Опыт создания Единой Творческой Школы в г. Белозерске, Череповецкой губ.). Вып. I. Статьи, заметки. Белозерск. Изд. Белозерского Отдела Народного Образования. 1919 г. 52 стр. 20 р.

Содержание небольшой книжечки—отдельные наброски и статьи по поводу создания трудовой школы в Белозерске и вообще школьной реформы; затронуты, напр., темы: «Сущность школьной реформы», «Самодеятельность учащихся», «Школьное правление», «Школьная работа I ступени» (примерные программы) и др.

Бодростью и верой веет от этой книжки,—верой в «педагогическую» возможность и необходимость создания новой трудовой школы. Я подчеркиваю слово «педагогическую», так как автор подходит к вопросу не с социально-исторической стороны, а исключительно с педагогической, понимая трудовую школу не как школу производительного труда, а как школу-творческую. Автор несколько раз подчеркивает слово «творческая школа» и эти же слова ставит заглавием своей книжки. В этом чисто педагогическом подходе недостаток книжки, но в то же время, пожалуй, и ее достоинство.

Недостаток—так как нельзя смотреть на трудовую школу, провозглашенную октябрьской революцией только как на наилучший тип школы с педагогической точки зрения—вне зависимости от исторических условий. Октябрьский переворот выдвинул идею трудовой школы, вернее—школы производительного труда, как историческую неизбежность. Автор этого не учитывает и сбивается поэтому на понятие творческой школы,—понятие, значительно более узкое, чем «трудовая школа».

Но в этом и достоинство книжки, так как современному педагогу довольно таки далекому от «политики» важнее дать указания на педагогические преимущества трудовой школы. А с этой задачей автор справляется довольно успешно, поскольку форма беглых заметок и статей это позволяет. Кроме того, в настоящее время, когда создание настоящей социалистической трудовой школы идеального типа невозможно, и приходится строить школу переходного типа—идея «творческой» школы будет близко подходить к возможной к осуществлению школе.

Автор дает кой-какие практические указания организационного характера, хотя и не подтвержденные опытом («Централизация в новой школе», «Школьное правление»). Имеются и попытки набросать примерные планы работ (математика и русский язык на I ступени). Эти планы не сопровождаются методическими объяснениями и недостаточно глубоко продуманы. Что они дали на опыте—об этом автор обещает рассказать во II и III выпусках.

Книжка, несомненно, представляет интерес. Свою пользу в смысле пробуждения мысли педагога она дает безусловно, тем более, что автор заражает своим непосредственным энтузиазмом. Но для настоящего момента, когда пропаганда идеи новой школы должна вестись уже не словами, а делом, реальной работой, когда необходимо выявлять на свет уже накопившийся опыт, достижения и промахи, успехи и поражения.—для этого момента важнее темы, намеченные автором для следующих выпусков («История реформы школы в Белозерске» и «За четыре месяца»).

Надеемся, что они свет увидят в скором времени.

М. Пистрак.

К. Н. Корнилов. Психология пролетарского ребенка. Изд. Сибирского Отдела Народного Образования. Омск. 1920 г.

До самого последнего времени исследования о детях отличались крайней односторонностью. Они имели своим объектом преимущественно детей командующих классов. Дети пролетариата в этих исследованиях обычно игнорировались.

В своей брошюре К. Н. Корнилов использовал работу итальянской исследовательницы Ломброзо, швейцарца Чуди и группы московских учительниц. Внимательное, серьезное и любовное изучение душевной жизни пролетарского ребенка приводит к марксистской аксиоме: психика ребенка формируется теми социально-экономическими условиями, в которых протекает его жизнь. Суровая трудовая жизнь пролетариата,—жизнь тяжелая во всех отношениях, даже в самых передовых странах,—выковывает своеобразный уклад детской психики. Тягостная материальная обстановка семейной жизни рабочих уродует не только тело, но и душу пролетарских детей. Недостаточное питание, скверные жилищные условия, тяжелый физический труд, отсутствие почти всяких радостей—вот жизнь пролетарского ребенка,—не жизнь, а детская каторга. На вопрос—«какое мое наивысшее желание»,—дети рабочих отвечают, что они хотели бы иметь «маленький дом», «иметь свою кровать, чтобы никто не мешал ночью», они мечтают о сытости, об одежде, об обуви, о дровах и угле («чтобы зимой в комнате было тепло») и т. п. Многие пролетарские дети мечтают о накоплении сбережений на время старости и болезней, а также для обеспечения родителей. Буржуазный идеолог истолковал бы это стремление пролетарских детей к материальным благам, как тяготенье к буржуазному укладу жизни. Но дети сами поясняют, зачем им нужны эти блага. Оказывается, что классовая пролетарская ненависть к буржуазии, к угнетению, к эксплоатации сильна не только во взрослом рабочем,—ею горит он уже в детском возрасте. Дети в материальных благах видят средство избавиться от унижения и зависимости, средство быть свободным, «не итти в услужение к чужим людям» и т. п.

Много пролетарских детей гибнет и физически и морально. Но надо удивляться тому, что среди них не пропал бесследно идеализм, возвышенные стремления, порыв к подвигу во имя помощи страдающим и обездоленным. «Мое наивысшее желание,—пишут пролетарские дети,—помогать бедным и больным», или—«дать хлеб каждому ребенку, который его не имеет», «вырвать бедных детей из нужды» и т. д.—сотни детских ответов в этом роде.

Таким образом социально-экономическая обстановка неизбежно воспитывает в пролетарском ребенке социалиста.

Эту мысль К. Н. Корнилов убедительно доказывает в своей брошюре.

Брошюра написана вполне популярно и ее следует рекомендовать, как материал для агитации и пропаганды идей о спасении пролетарских детей от разлагающего влияния обстановки, в которой они живут. Пролетарские дети—единственные подлинные творцы будущего социалистического общества. И чем больше будет уделено забот их воспитанию, тем скорее, тем легче будет осуществить социализм.

К. Левин.

С. А. Левитин. Интересные незнакомцы. (Дети и война). Госуд. Издат. Москва. 1919 г. 106 стр. 20 р.

Содержание. От автора. Предисловие. М. Горького.—Интересные незнакомцы: Письма детей к солдатам. Письма солдат к детям. Сочинения детей, посвященные войне. Рисунки детей.

Приложения. По поводу анкеты. Анкета. Поучительные факты. Открытое письмо к родителям и педагогам.

Книжка С. А. Левитина заслуживает самого серьезного внимания, как один из документов того огромного влияния, какое произвела на детей война.

Можно ли пройти мимо этого вопроса. Можно ли не интересоваться отражением исторических событий на психике детей. Ведь дети—наше будущее...

Вот как говорит об этом в своем предисловии к книжке М. Горький: «Дети—это завтрашние судьи наши, это критики наших воззрений, деяний; это люди, которые идут в мир на великую работу строительства новых форм жизни. Все преступления, вольные и невольные, все ошибки наши и заблуждения, предрассудки, созданные нами, и наша глупость,—все, что оставим мы за собою на земле, все это тяжким гнетом ляжет на тела и души детей».

Мы очень плохо знаем детей, мы плохо понимаем их, и все, что знакомит нас с детскими переживаниями, с этим особым миром детской души, крайне важно и крайне нужно для всех «взрослых»,—будь то воспитатели, родители, учителя, все, кто так или иначе соприкасается с детьми (а кто же с ними не соприкасается?).

Война кончилась. Наша жизнь, участниками которой являются и дети, вступила в новую фазу существования: значит ли это, что книжка С. А. Левитина «устарела». Конечно, нет, потому что те факты и

наблюдения, которые составляют ее содержание, отнюдь не потеряли интереса в психологическом отношении, тем более, что и сейчас идет война, хотя и другого порядка. К сожалению, материал, собранный С. А. Левитиным, взят только из *одной* крестьянской школы Тульской губ. (села Сухановки), но в этом не приходится винить автора: на его призыв, обращенный ко *всем* педагогам и родителям, почти никто не отозвался.

Такова наша инертность, наше пассивное отношение к общественности.

А сколько интересного и важного могли бы дать городские учебные заведения, низшие, средние, высшие, клубы для детей и подростков, лазареты и другие общественные организации.

Какие же выводы можно сделать на основании материалов, собранных в Сухановке. Постараемся формулировать их кратко.

Война и все жизненные явления, вызванные этой войной, внесли в жизнь детей *новые интересы* и дали исход «воле к действию», которой так богаты дети. Они открыли детям доступ в «настоящую» жизнь и дали им возможность принять посильное участие в *общественной* работе, которая расширила и углубила их душевный мир.

Это—с одной стороны.

С другой—война и все, что с ней было связано, содействовало развитию в детях самых нежелательных чувств и стремлений: жестокости, ненависти к противникам без всякого разбора, шовинизма и проч.,—чувств, которые немало способствовали общему огрублению души и неправильно слагающемуся мировоззрению.

Но... сухановские дети только крохотный кусочек нашей родины, и делать какие бы то ни было серьезные выводы на основании их переживаний,—невозможно.

Сейчас Россия переживает крупнейшие исторические события, которые, конечно, глубоко и ярко отражаются в переживаниях наших детей и подростков. Подметить их, собрать ценнейший материал для изучения детской психологии в связи с общественной жизнью—необходимо, и делать это надо, не откладывая, везде и всюду. Может быть, такой материал кое-где уже есть, надо его собрать и сделать общественным достоянием путем печати (детские организации, их уставы и деятельность, протоколы детских собраний, работы, в связи с переживаемым временем, детские журналы, сочинения, письма, рисунки и проч. и проч.). В Москве было открытое собрание в Политехническом Музее по вопросу «Революция и дети»; была и выставка на ту же тему,—где этот материал? Почему не все знакомы с ним? Ведь этот материал может осветить многое, может дать важные указания для педагогической и общественной работы в данное время.

Разбираемая книга явилась результатом «открытого письма к родителям и педагогам»; не следует ли повторить это обращение с просьбой собирать и направлять в определенное место материал, иллюстрирующий влияние революции и переживаний данного времени на детскую психику?

Чем скорее это было бы сделано, тем лучше.

М. Свентицкая.

С. Полтавский. «Новому ребенку новая сказка». Этюд для родителей и воспитателей. 111 стр. Изд. Сарат. Губернск. Агентства Центропечати. Саратов. 1919 г.

Небольшая книжечка интересна, главным образом, как голос провинции. Силою вещей в настоящее время разные концы земли русской так разобщены, что этот голос редко доходит до центра, и нам кажется порой, что там, на окраинах, мысль совсем замерла.

Автор поднимает старый вопрос о сказке для детей. Главные положения, развиваемые им в его книжечке, следующие:

1) Сказка нужна для детей, она близка, доступна им, увлекает их гораздо больше всякого рассказа; в доказательство этого автор приводит случай с мальчиком, который очень рано начал курить; уговоры бросить курение не помогали, но когда отец рассказал ему сказку о курившем мальчике и о последствиях этого, сын разразился рыданиями и... бросил курить; другой случай с двумя девочками: они очень равнодушно выслушали рассказ о превращениях капли воды, но были в восторге от того же рассказа в форме сказки: «Две снежинки».

2) Народная русская сказка не нужна для современных детей и даже вредна им: «она наполняет ум ребенка бесплодным фантазерством, которое подчас жестоко ломает детскую душу» (стр. 17); все образы сказки—колдуны, русалки, ковер-самолет и т. д. совершенно чужды ему; эта сказка совсем не дает знания подлинной жизни; из народных сказок можно оставить только сказки о животных, да еще о морозе, ветре и т. п.

3) Настоящая, хорошая сказка, нужная современному ребенку, должна связывать фантазию «ребенка с окружающей его реальной жизнью» (стр. 19); автор рекомендует сказки-импровизации на самые разнообразные темы — научные, общественные, моральные, социальные и т. д.; в конце книги приложены 3 его такие сказки: «Две снежинки», «О Хехексе и Плаксе», «О том, как родилась на земле несправедливость». Образцом таких сказок он считает «Сказки природы» Эвальда.

4) Сказку не следует давать читать детям или читать им, ее следует им рассказывать («перенесение сказки со страниц книги в живую человеческую речь»—стр. 45); сказка в книжке «представляет собою вечно неизменное сочетание слов; повторение ее быстро теряет для ребенка свою привлекательность» (?!); сказка-импровизация при пересказывании всегда дает новые слова, подробности, и такую разнообразную сказку ребенок будет слушать бесчисленное количество раз (стр. 47).

Что сказать обо всем этом? Может быть, это и правильно, что следовало бы детям связывать фантазию сказки с современной жизнью, но такие сказки ни в каком случае не открытие автора; они существовали и будут существовать; таковы ведь очень многие из писателей сказок—О. Уайльд, О. Шрейнер (трансваальская писательница), в очень многих сказках даже старик Андерсен и т. д. и т. д. Пусть найдется автор, который сумеет так же талантливо превратить в сказку все самые жгучие современные вопросы,—мы будем очень рады этому.

Однако на-ряду со сказками такого рода все же должна остаться для детей и народная сказка, легенда, эпос,—остаться еще на многие годы. Пусть образы ее далеки от нашей современности, но они близки детям, стоящим в духовном отношении несравненно ближе к тем людям, которые создавали эти сказки, чем к нам; кроме того, почти все моральные, очень многие общественные понятия в сказках остаются вечными как для наших дней, так и для будущего (воспитатель, без сомнения, вправе делает отбор); наконец, в этих сказках так неизмеримо много красоты, поэзии (и в форме и в содержании), как едва ли в какой индивидуальной сказке, а тем более в таких сочиненных, надуманных сказках, как примерные сказки Эвальда. Отнимать народную сказку от детей было бы преступлением.

Что лучше рассказывать сказку, а не читать ее—с этим вполне можно согласиться; но это тоже не ново: ведь, все «кружки рассказчиков» (а они даже у нас, в России, существуют уже не один год и непрерывно множатся) оттого и взялись за рассказывание сказки. Рассказывание имеет громадное значение и громадные преимущества, но на-ряду с этим нельзя отрицать ни чтения сказок вслух, ни чтения самими детьми сказок — и то и другое может тоже увлечь детей, и слушать любимую сказку много раз в чтении и перечитывать ее сам ребенок будет с неменьшим наслаждением, чем слушать ее в рассказе,—в этом автор глубоко неправ.

Итак, книжка не дает ничего особенно нового и в отдельных положениях не всегда можно согласиться с автором. Она, однако, будет интересна специалистам, так как затрагивает очень важный и не вполне освещенный вопрос.

З. Паевлова-Сильванская.

Библиография журнальной литературы по вопросам внешкольного образования за послереволюционный период (1917—1919 г.г.) Москва. 1920 г. 30 стр.

Среди русского пролетариата социалистические идеи получили чрезвычайно широкое распространение и уже служат ему путеводным маяком. В близком будущем, с фактическим осуществлением социальных начал, этим идеям предстоит не только еще большее теоретическое распространение, но и роль творческого фактора в предстоящей стране огромной созидательной практической работы. Отрицая самые устои капиталистического общества, стремясь перестроить его на основах обобществления земли и средств производства, они, разумеется, должны затрагивать все без исключения стороны государственного и общественного быта.

Не могут они не касаться и вопросов образования.

Что сделано в этой последней области, вернее говоря, в сфере внешкольного образования, свидетельствуют материалы библиографического подотдела внешкольного отдела Н. К. П. В интересах многочисленных работников по внешкольному образованию, вышеназванный подотдел сделал выборку всех наиболее ценных статей из имеющейся у него журнальной литературы и издал перечень их в предлагаемом указателе.

Для указателя взяты были статьи из 66 журналов и размещены по следующим рубрикам: 1) Народное образование и социализм. Строительство пролетарской культуры. 2) Общие вопросы внешкольного образования. 3) Библиотечное и книжное дело. 4) Школы и курсы для взрослых. 5) Клубы. Народные дома. 6) Народные университеты (лекционное дело). 7) Вопросы искусства (ст. общего характера). 8) Театр. Кинематограф. 9) Музыка, пение, изобразительные искусства. 10) Выставки и музеи. 11) Экскурсии.

Рассматривая статейный материал с количественной стороны по отдельным рубрикам, видно, что главное внимание в журнальной прессе уделено было театру. Таким образом последняя форма внешкольного образования в пережитый период войны и разрухи являлась наиболее подходящей и отвечающей настроению народных масс.

Ник. Сомов.

М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II. От древнейших времен до второй половины XIX столетия. Государственное Издательство. Москва 1920. Стр. 224. Цена 69 руб.

Новая работа М. Н. Покровского является популярным обобщением его трудов по русской истории. Она «обращается к тому же читателю, что и «Азбука коммунизма» тов. Бухарина». Но было бы большой ошибкой думать, что новая работа М. Н. Покровского окажется полезной только сознательным рабочим. Научные достоинства «Русской истории в самом сжатом очерке» настолько огромны, что она должна сделаться обязательным руководством для учащихся и слушателей решительно всех тех учебных заведений, где дается политическое воспитание. Партийные школы, школы 2-й ступени, педагогические курсы, всевозможные полит.-просвет. курсы, школы-клубы для рабочей молодежи, рабочие факультеты должны приобрести эту книгу М. Н. Покровского в таком количестве, чтобы каждый учащийся, каждый слушатель мог иметь ее в личном пользовании. Более того—ни один преподаватель русской истории перечисленных учебных заведений отныне не может обойтись без нее,—настолько важна она, как руководство в отношении научного метода и в отношении содержания.

В новой книге М. Н. Покровского со свойственной автору силой и смелостью истолкованы наиболее важные эпохи русской истории в свете марксистского метода, которым автор владеет в таком совершенстве.

В смысле чистоты метода книга М. Н. Покровского—единственная на русском языке.

Литературные достоинства новой работы М. Н. Покровского поражают читателя теми особенностями, которые вообще свойственны автору: необыкновенно глубокие и сжатые характеристики исторических, явлений и лиц, блестящее остроумие и изумительная лаконичность.

Настоящая книга заканчивается народнической революцией.

Пожелаем, чтобы в ближайшем будущем автор выпустил в свет и 3-ю часть «Русской Истории в самом сжатом очерке», в которой будет дано марксистское истолкование событий русской истории конца XIX-го и начала XX-го веков.

К. Н.

М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского). «Русская история с древнейших времен». Изд. 3-ье т-ва «Мир», М. 1920 г. 4 тома (первое изд. в 5 т.).

М. Н. Покровский. «Очерк истории русской культуры». Части I и II. Изд. 3-е т-ва «Мир». Москва.

Теперь уже никто не сомневается в том, что «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского—труд огромный, исключительной важности в научном изучении истории России. «Русская история с древнейших времен» от начала до конца—оригинальное и единственное в своем роде исследование; в ней впервые дано цельное обобщение истории России с материалистической точки зрения, впервые изучение русской истории твердо поставлено на научную основу.

М. Н. Покровский, завершивши пятитомную работу по истории России, не почил на лаврах, не остановился в работе исследования русской истории при свете марксистского метода. Вслед за «Русской историей с древнейших времен» он приступил к истории русской культуры и уже успел выпустить в свет две части новой работы под названием «Очерк истории русской культуры».

Было бы заблуждением думать, что эта новая работа М. Н. Покровского является компиляцией «Русской истории с древнейших времен» или конспективным ее изложением. М. Н. Покровский и в «Очерке истории русской культуры» дал совершенно самостоятельное исследование, по своему научному значению не менее ценное, как и «Русская история с древнейших времен».

«Очерк истории русской культуры»—законченная, полная цельная картина экономического, политического, религиозного и идеологического развития России. В первой части «Очерка» дана история хозяйства России в связи с историей возникновения и развития общественных классов и сделан обзор

развития права и учреждений. Во второй части «Очерка» дана эволюция религиозных представлений русского народа и анализ политических идеологий. В третьей части автор обещает остановить главное внимание на общественной стороне русской поэзии и русского искусства.

В своей новой работе М. Н. Покровский с таким же успехом, как и в предыдущем своем труде, приложил общенаучный метод к изучению исторических явлений и доказал, что «научное понимание истории есть ее материалистическое понимание», что история — наука, что «история культуры есть одна из естественных наук». Обладая редким даром исследования, М. Н. Покровский в своей новой работе показал, что для изучения истории вполне открыты главные средства научного познания: *непосредственное наблюдение и опыт*.

Можно без преувеличения сказать, что своей новой работой М. Н. Покровский в истолковании исторических явлений нанес смертельный удар идеалистической точке зрения, которая преобладала до сих пор как в элементарных учебниках и пособиях, так и в самых солидных исследованиях. Оперируя приемами и способами точного исследования, М. Н. Покровский устанавливает совершенно новые точки зрения на все стороны культурного развития России. В короткой заметке нет никакой возможности подробно остановиться на этой самой важной стороне нового труда М. Н. Покровского. Довольно будет, если укажем на то, что в экономическом развитии России М. Н. Покровский устанавливает три стадии: первобытное коллективное хозяйство (племенное или семейное), ремесленное хозяйство и хозяйство капиталистическое. Все прежние схемы (периоды охоты, скотоводства, земледелия и т. д.) в корне разрушаются М. Н. Покровским.

Обладая в совершенстве способностью научного исследования, М. Н. Покровский с легкостью и успехом проделывает ту же разрушительную работу в отношении идеалистических теорий в области права, религии и идеологии, но опираясь на новые факты и на строго объективные научные методы исследования, он и здесь дает истолкования и построения материалистического характера.

Для лиц, только что приступающих к изучению истории культуры, очень ценно является библиография «Очерка». В ней дана оценка наиболее важных книг. Благодаря этой оценке, читатель, при пользовании указанными в библиографии пособиями, будет сразу же поставлен на твердую почву.

С огромным нетерпением мы ждем выхода в свет третьей части «Очерка истории русской культуры», где автор обещает дать эстетическое отражение общественных отношений в русской поэзии и в русском искусстве. В области истолкования фактов литературы и искусства накопилось слишком много идеалистических предрассудков, и мы верим, что М. Н. Покровский сумеет очистить поэзию и искусство от этих пережитков прошлого.

К. Н.

Вл. Волжанин. «Русь». Начальный курс родной истории. Издательство О. В. Богдановой. Ч. I. Петроград. 1919 г. 120 стр.

В предисловии к учебнику Вл. Волжанин говорит, что «в начальном курсе образность в передаче родной старины необходима, но еще недостаточна,— здесь нужна также и народность в освещении. Русская школа жестоко наказана за небрежение к национальным устоям своего бытия» и т. д. Словом—в 1919 году Вл. Волжанин решил конкурировать с Иловайским. И в первой части своего учебника это дело он выполнил настолько успешно, что Ученый Комитет М. Н. П. усиленно рекомендовал бы его учебник и Вл. Волжанин пожал бы обильную жатву... Но— увы!—нет больше Ученого Комитета. И прекрасно изданная книжка его, очевидно, будет обращена в бумажную массу, а дальнейшие части учебника, конечно, останутся в портфеле автора.

Надо только удивляться, какими неисповедимыми путями могла появиться на свет божий в красном Петрограде в 1919 г. книжка Вл. Волжанина, ибо ей совсем не место в Советской России.

К. Н.

Е. Лазарев. «Воспоминания об освобождении крестьян». Изд. «Сеятель». М. 1918 г. 91 стр.

Автор начинает свою книгу таким признанием: «Для людей, меня знающих давно, не секрет, что я отличаюсь баснословным беспамятством. Имена самых близких мне людей или только что произнесенные имена быстро улетучиваются из моей памяти. Переданные по телефону имя, отчество и фамилия мне редко удается донести в целости до соседней комнаты».

При таких условиях, казалось бы, весьма рискованно писать воспоминания о событиях, происходивших более 50 лет тому назад. Но оказывается — память гр. Лазарева обладает особыми свойствами. Дело доходит до того, что гр. Лазарев «помнит» не только обстановку, но и момент своего рождения. Жаль, что гр. Лазарев, вероятно, из скромности не сообщает нам своих воспоминаний о тех моментах, кои он провел в утробе матери. Во всяком случае, это был бы драгоценный материал для изучающих психологию детского возраста.

Свои воспоминания гр. Лазарев начинает «прямо с давно прошедших времен» и с места в карьер сообщает очень ценный материал для людей, ничего и никогда не слыхавших о русской деревне. Автор повествует в эпическом тоне: «Истинно русская черная изба иконописных веков была снабжена крупными, толстыми и жирными «черными» тараканами, тогда как в белой избе водились преимущественно привезенные из чужих земель, вместе с белыми трубами, тонкие, поджарые и рыжие тараканы, которых и называли в отличие от истинно-русских—пруссаками». В другом месте книги (стр. 29) гр. Лазарев еще раз обращается к теме о «жирных черных тараканах-русаках» и «сухопарых рыжих пруссаках, которые плодились и размножались, как песок морской» и которые стали потом вытеснять «русаков». Какой богатый материал для энтомологов, для биологов (подумайте—песок морской может плодиться и размножаться...), для теоретиков национализма и для патриотов своего отечества!

В книжке много содержится автобиографического материала. Трудно удержаться и не привести хотя бы небольшую цитату из начала автобиографии гр. Лазарева, дабы иметь определенное суждение о его мемуарах.

«Я помню, что я родился в барской бане на полке, на том самом полке, где впоследствии мне столько раз приходилось мыться с своей матерью. Я помню, что эту баню одна добрая фея, пожелавшая быть моей крестной матерью, велела протопить с нарочитой целью—дать мне возможность в надлежащем тепле и с надлежащим комфортом провести первый день моего рождения. И, действительно, в этих видах лучшего, более уютного и более укромного уголка, по тем временам, нельзя было найти во всей окрестности. Я, как сейчас, вижу свежую солому, разостланную на полке и покрытую какими-то самотканными одеяниями, — постель, на которой я впервые увидел божий свет» и т. д.

Спрашивается—зачем это все написано и напечатано? И кому все это нужно?

О самом освобождении крестьян автор говорит мало.

«Философия истории» у гр. Лазарева более, чем примитивная. Он уверяет, что «исторический акт 19 февраля... был и останется навсегда величайшим социальным переворотом на Руси, таившим в себе акт 17 октября, как и все другие, имеющие последовать, акты».

Однако о «последующих актах» гр. Лазарев отзывается далеко неодинаково. Вот какой дифирамб поет он Учредительному Собранию: «Для устройства нового государства, для обеспечения судьбы всех будущих поколений русского народа было избрано Учредительное Собрание из излюбленных людей. Свет русской свободы озарил весь мир и преисполнил радостью народы всего света. Русский народ впервые получил подлинную волю и подлинную землю... Без Учредительного Собрания во время революции всякий, самый многочисленный народ, превращается в пыль и ничтожество».

Далее несколько комплиментов по адресу Советской власти.

«Учредительное Собрание,—новый хозяин русской земли, представляющее свободную волю народную, *по воле злых духов разогнано*». Так и напечатано: «по воле злых духов».

Пояснений к этим докладам не приходится делать. Но что это за «Сеятель», который сеет такой мусор? Не говоря о тенденциях, воспоминания гр. Лазарева представляют такую бессодержательную дребедень, на которую эсеровскому издательству вряд ли стоило затрачивать бумагу.

К. Н.

С. И. Барыков. «Под игом самодержавия». Изд. «Сеятель». М. 1918 г. 120 стр.

Автор в популярной форме стремится рассказать историю самодержавия в России. Обильным количеством фактов старается он иллюстрировать насилия, которые творились царями над русским народом.

Книжка написана приторным языком, подделкой под простонародную речь. Главным недостатком книжки является совершенно неправильное истолкование природы самодержавия. Автор не подозревает того, что самодержавие — орудие политического и социального господства дворянства.

В книжке много и фактических недочетов. Так, напр., говорится, что после смерти Годунова «настали на Руси тяжелые годы, наступило так называемое смутное время». Автор наивно уверяет, что «смутное время» произошло оттого, что «царский престол стал переходить из рук в руки», только ленивый не захватывал его. В книжке нет даже и отдаленного намека на то, что «смутное время» — это крестьянская революция. Не лучше обстоит дело у автора и с объяснением конца «смуты»: «Так как старый царский род прекратился, самозванцы и боярские ставленники всем надоели страшно, а землю русскую смутами разорили вовсе, то решили, наконец, выбрать себе нового царя всем Земским Собором, всей землей»... О том, кто и как победил, кто и как собрал Земский Собор для выборов нового царя, — об этом ни звука.

Автор в трех местах уверяет, что Павел I — сын Екатерины II и Петра III... Первая Дума была разогнана за то, что хотела передать «частно-владельческие земли недостаточным крестьянам»... Комично звучит в 1918 году уверение, что уплата одних процентов по иностранным займам обходится русскому народу в $2^1/_2$ миллиарда ежегодно.

Принимая во внимание перечисленные недочеты, книжку Барыкова нельзя признать вкладом в популярную литературу по русской истории.

К. Н.

Е. Сельский. «По пути к свободе». 1918 г.

Автор просто и литературно излагает, не всегда, однако, с требуемой глубиной, учения русской социалистической мысли XIX—XX вв. Обнаруживая в педагогической части работы достаточную объективность в изложении противоположных, несходных, борющихся направлений, автор при оценке современности впадает в довольно резкий субъективизм. Все же, при бедности популярных общих очерков на данную тему, брошюра заслуживает известного внимания, тем более, что указанные погрешности автора против объективизма исправлены событиями конца 1917 г. и последующими.

А. К.

А. П. Пинкевич. «Лекции по методике школьного естествознания». Лекции, читанные на августовских областных учительских курсах 1918 г. в Петербурге. Изд. «Отдела подготовки учителей Ком. Нар. Просв., союза коммун. сев. области». П. 1919 г. 152 стр.

Прочитанный автором курс составился из шестнадцати лекций, содержание которых в общих чертах сводится к следующим темам:

Задачи курса. Естествознание и естественно-научный метод.

Детская психология и роль естествознания в школе. Естествознание, как учебный предмет, естественно-научный метод в школе; типы уроков, практические указания для учителя. Экскурсии. Распределение материала, ход преподавания. Внешкольные занятия. Очерк истории, методики, естествознания. В приложениях—оборудование «Кабинета природоведения» в начальной школе, указатель литературы для учителя, образцовый урок и примерная программа курса естествоведения.

«Лекции по методике школьного естествознания» во многом повторяют более пространное руководство того же автора «Методика начального курса естествоведения» (природоведения) изд-ва «Жизнь и знание», 1917 г. Эта полезная книга достаточно известна в педагогических кругах и в течение короткого промежутка времени выдержала три издания, главным достоинством ее является тщательная разработка практических указаний и внимание, уделяемое вопросам преподавания естествоведения в начальной школе, а основным недостатком — излишняя догматичность, с которого автор высказывает то или иное свое положение.

Революция, разделяющая время появления той и другой книги, не могла не отразиться на содержании «Лекций», но переработать свой курс настолько, чтобы он стал подлинной методикой естествоведения для трудовой школы, автору не удалось. Конечно, принципы трудовой школы, связывающей обучение с жизнью, не могут пугать преподавателя естествоведения, и в новых требованиях он легко может уловить знакомые ему ноты; однако, было бы слишком поспешным устанавливать полное тожество между лабораторным методом школьного естествоведения и трудовым методом новой школы, как это делает автор в своей 5 лекции. Мысль о тесной органической связи обучения с производительным трудом остается чуждой автору и, напр., на стр. 84—85 «Лекций» он высказывает свой отрицательный взгляд на введение в школу изучения сельского хозяйства.

Тем не менее, если и с появлением «Лекций» А. П. Пинкевича методика естествоведения для русской трудовой школы все еще остается ненаписанной, то все же преподавание, приводимое по эвристическому методу, который пропагандирует автор, с широким использованием активности самих учащихся, должно дать школе переходного времени наиболее правильный подход к новым требованиям, выдвигаемым положением о единой трудовой школе, и его методы представляют собою чрезвычайно ценный материал, которым не вправе пренебрегать новая школа. Поэтому «Лекции» А. П. Пинкевича

являются чрезвычайно ценным руководством для школьного работника, имеющего дело со школою I ступени; много полезного извлечет из них и преподаватель школы II ступени, если только он не имел случая ознакомиться с более обстоятельной «методикой» в издании 1917 года. Следует отметить, что лекции А. П. Пинкевича изложены чрезвычайно ясно и доступно, сохранив и в печатном виде характер живой устной речи, и заключают много полезных практических указаний для школьного работника вместе с исчерпывающим списком литературы.

А. Яхонтов.

Д-р Остергаут. «Жизнь растения в опытах». Пер. с 7 англ. издан. Е. Р. Гюббенет и В. А. Бриллиант, под ред. А. А. Рихтера. С 252 рис. в тексте. Изд. А. Ф. Девриена. Петроград, 1917 г., стр IV—476.

Книга состоит из десяти отдельных глав, рассматривающих жизнь растения с самых разнообразных сторон, начиная от «первых шагов пробуждения семени» (гл. I) и кончая «образованием новых растительных видов» (гл. X). От всех прочих руководств, появившихся на русском языке под сходными заголовками, книга Остергаута отличается совершенно оригинальным планом. Характерно, что сам автор в предисловии отмечает, что при проработке материала «не важно, придерживается ли работающий порядка изложения книги или выбирает опыты по своему вкусу, перескакивая с одной главы на другую».

Большинство школьных руководств, трактующих о жизни растений, представляют собою более или менее урезанные и упрощенные повторения университетских учебников, и описываемые в них опыты достаточно примелькались каждому преподавателю-естественнику еще с университетской скамьи. Книга проф. Остергаута носит иной характер: в ней учитель встретит достаточно материала, над которым ему придется задуматься, так как готовых ответов из университетского курса он в своей памяти может и не найти. Автор поэтому вполне прав, предназначая свою книгу «одинаково и для учителя и для ученика» — оба они будут поставлены ею в положение научных исследователей, доходящих до познания законов и явлений эвристическим методом. Книга проф. Остергаута ни в коей мере не является книгою для чтения, подобно многочисленным популяризациям на ту же тему; еще в меньшей степени она похожа на учебник, предназначенный для заучивания излагаемых в нем научных истин, так как автор все время имеет в виду активную проработку ботанического материала с растительными объектами в руках и с простейшими, часто своеобразно импровизированными приборами, в состав которых входят и обломки старого зонтика (стр. 13) и плоскогубцы в сочетании с пружинным безменом (стр. 50) и тот же безмен с машинкою для выжимания плодов (стр. 55), и потому ставит перед занимающимся целый ряд вопросов и задач, воздерживаясь от подсказывания на них готовых ответов.

Помимо обычных в подобного рода руководствах чисто физиологических вопросов, книга проф. Остергаута уделяет достаточно внимания и изучению почвы и методам ее обработки; таким образом, она перекидывает мост от чистой ботаники к агрономии и указывает дорогу к ознакомлению с тою наукой, которая обязана своим происхождением в значительной степени русской почве и русским ученым, оставаясь, однако, вне круга ведения общеобразовательной школы. Ценною особенностью «Жизни растения», как школьного руководства, являются также новые для школы элементы экспериментальной морфологии, как, напр., получение кактусообразных побегов картофеля (стр. 346—348) и листоносных побегов дрока (стр. 362), представления такой возможности «лепить органические формы» (выражение покойного К. Н. Тимирязева) мы должны признать важным дидактическим средством при проработке биологии с эволюционной точки зрения. Большой интерес представляют и приводимые автором факты из области американской агрономии, выясняющие значение отбора, в три года превращающего озимую пшеницу в яровую и обратно (стр. 375).

Некоторые частные замечания, которые может вызвать книга Остергаута, сводятся к следующему. Приводя факт пышного развития цветов у альпийских растений, автор не дает ни толкования этого обстоятельства, ни наводящих указаний для его разъяснения. В главе X («Образования новых растительных видов») автор, говоря об изменчивости и образовании гибридов, приводит результаты опытов, полученные Бербанком и *ни одним словом* не упоминает о тесно связанных с гибридацией менделевских законах наследственности, которые составляют содержание создавшейся за последние десятилетия новой научной дисциплины-генетики. Персональные сведения о крупных ученых, работавших над разрешением затрагиваемых в книге вопросов, слишком недостаточны, так что, напр., в главе IX (О процессах гниения и брожения и о болезненных микроорганизмах) имя Пастера можно уловить только в названии пастеровского раствора, рецепт которого приводится автором; в главе X (Об образовании видов) слишком кратко упоминание о работах Дарвина, имя которого для читателя решительно заслоняется именем Бербанка. Некоторые объекты для опытов и наблюдений, рекомендуемые автором, недоступны для нашей школы; таковы, напр., кокосовый орех (стр. 57—60) и тюльпановое дерево (стр. 223). Некоторые из иллюстраций, не в пример прежним изданиям фирмы Девриена, вышли слишком мутно и неразборчиво.

В общем книга проф. Остергаута, вполне соответствуя духу новой трудовой школы, может быть рекомендована для школ 2-й ступени в качестве превосходного руководства для проработки основных вопросов ботаники (хотя и не исчерпывает предмета в его целом).

А. Яхонтов.

И. И. Никитинский. «Родная Природа». Первая книга по природоведению в начальной школе. Изд. «Начатки знаний», 56 стр., цена 6 руб. 50 к.

В нашем распоряжении был ряд различных курсов природоведения, составленных применительно к официальным программам. Среди этих книг были очень интересные и хорошие книги, но все они были учебниками в той школе, в которой так широко применялось задавание уроков на дом даже и по природоведению. Мы решительные противники всех этих «курсов природоведения» в новой трудовой школе и прежде всего вот почему. Все эти курсы приноровлены к определенной программе; программа же всегда сковывает творческую работу учителя, она ведет по тем путям и мысли ученика, по которым не всегда хочет итти эта упрямая молодая ищущая мысль ребенка: идет в классе изучение по книге гранита, а мысли ученика в это время заняты происходящим за стенами школы явлением грозы; мысль ученика пытается разрешить вопрос, почему муха ползет на стенку, а учитель рассказывает (без микроскопа), что растение построено из клеточек и т. д. и т. д. Внедрение в головы учеников вопросов прежней официальной программы результата большого за собой не имело, что было осознано значительной массой учительства прежней средней школы, которое все больше и больше стало переходить на путь так называемых «практических занятий». Прохождение курсов природоведения при практических занятиях, вернее практические занятия по природоведению в самой школе давали больший результат, и проходили такие занятия с большим интересом и увлечением.

Поэтому мы являемся сторонниками и теперь различных практических занятий по естествоведению в школе I ступени.

К изложению вопросов, затрагиваемых «курсом природоведения», подходит и указанная книжечка Никинского «Родная природа». Автор разгруппировал ряд вопросов и тем по следующим отделам: I) Дома и в огороде. II) В поле и на лугу. III) В лесу. IV) На речке. Самая группировка вопросов по указанным четырем отделам совершенно случайна. Если же мы перечислим статьи хотя бы I отдела: (Кошки и котята. Пегашка. Курица и цыплята. Утки. Гуси и канарейки. Как воробьи воспитывают детей. Как мы развели садик. Прорастание семян. Цветок мака. Крапива и крапивные черви. Как пауки строят сети.), то нам еще резче бросится случайность в подборе материала. Самое изложение всех этих статеек не может вызвать у ученика большей интерес, чем страницы из любого курса природоведения. Статьи не ярки, не изложены красивым художественным языком и совершенно не занимательны, мало они дают и материала, развивающего ум ученика. Например, в статье «Пегашка» на III+2 стр. рассказывается тяжелым и сухим языком такой материал, который знаком всякому школьнику; во всей статье дается полностью только одно наблюдение об «участии языка при перекладывании травы на зубы». Таковы в общем и все остальные статьи. Встречаются в них и такие фразы, которые следует подправить: напр., «из них один сивый селезень — это как бы в роде петуха»(!). Неверного и укоренившегося термина называть гусениц червями следует положительно избегать и вводить точное название, упоминая, быть может, о «червях» только в сноске.

В статье «Верба» совсем нет ни слова о пестике вербы; в статье «Комар» сказано: «разведутся личинки и куколки и тут» (в кадке), а откуда, так и не выяснено и т. д. и т. д. Рисунки в книге небрежны и плохи (стр. 19, 24, 33 и т. д.). Словом, «Родная природа» совсем не на высоте современных требований, предъявляемых к учебнику со стороны новой трудовой школы. Нам положительно жаль в настоящее время бумаги, которая затрачена на эту «новую книжку по природоведению» в то время, когда есть много отдельных интересных брошюр разных авторов, завоевавших себе известность и заслуживающих самого широкого распространения, но почему-то до сих пор не переизданных (напр. Рубакина, Чеглока, Лункевича, Кайгородова и пр.). На переиздание указанных брошюр необходимо обратить особенное внимание. Государственное Издательство должно воздерживаться выдавать разрешение на бумагу для печатания разных «новых книг» без утверждения их соответствующими теоретическими отделами.

С. Н. С.

Н. Каменщиков. «Графическая таблица логарифмов». Классное пособие для трудовой школы. Москва. Изд. К-та памяти В. М. Бонч-Бруевич.

Таблица состоит из 9 строк, в каждой рядом 2 линейки — черная, на которой помещены числа, и красная — с логарифмами. Числа даны от 1 до 1000. Числа можно отсчитать с точностью до 0.25. Логарифмы даются точно до 2-х знаков для чисел от 1 до 400 и до 3-х знаков для чисел от 400 до 1000, 3-й и 4-й знак можно приблизительно отсчитать на глаз.

Достоинство таблицы — весьма легкий способ отыскания логарифма и № тезиса и большая наглядность ее. Удобство пользования против неграфических таблиц несомненное. Точность для практических расчетов вполне достаточная.

Недостаток таблицы—неудовлетворительность объяснения способа пользования, там нет указаний на точность и порядок ошибок. Кроме того, нетрудно было бы дать точный 3-й знак для логарифмов чисел от 300 до 400.

Несмотря на некоторые недочеты, таблица может быть смело рекомендована для школ. Она принесет несомненную пользу.

А. В. Васильев. «Целое число». Исторический очерк с 24 портретами и рисунками в тексте и отдельной таблицей. Изд. Научного Книгоиздательства. П. 1919 г. Ц. 80 р.

Книга содержит историю развития основного понятия математики — *о целом числе*, начиная *от возникновения примитивных* числовых понятий у первобытного человека и кончая современными выводами высшей теории чисел. В блестящем изложении автор прослеживает тезис понятия о целом положительном числе и эволюции его у народов древнего Востока, у греков, индусов, арабов, в эпоху возрождения наук и искусств в Европе, затем рассматривает результаты работ крупнейших представителей науки теории чисел: Ферма, Эйлера, Лагранжа, Летандра и Гаусса и заканчивает изложением основных идей современной высшей арифметики, каковы понятия о классах чисел, числовых функциях, алгебраических числах. При этом изложение везде отличается строгою научностью, но в то же время и достаточною простотой. Книга содержит много биографических сведений о выдающихся ученых, работавших в области теории чисел, и их портреты. Вторая половина книги написана очень сжато, и автор просит смотреть на нее скорее, как на программу нового сочинения, которое должно полное изобразить развитие теории чисел после Гаусса.

И. Ч.

ХРОНИКА.

Работа отдела подготовки учителей Н. К. П.

(С июня 1918 г. по январь 1921 г.).

Отдел подготовки учителей в своей работе неизменно руководился принципом: создание нового учителя—могучий фактор в построении трудовой социалистической школы. Социалистическая школа станет фактом только при одном условии, если для нее будут подготовлены учителя-социалисты.

При достижении этой цели отдел подготовки учителей встретился с огромными на первых порах, казалось, непреодолимыми трудностями. Саботаж верхов русского учительства после октябрьской революции привел к тому, что до лета 1918 года в области подготовки новых учителей Наркомпросу ничего не удалось сде-

лать. Наиболее квалифицированные педагоги уклонились от работы в Н. К. П. Благодаря этому отдел подготовки учителей оставался в одинаковой мере как без идейного руководства, так и без квалифицированных сил, при помощи которых можно было бы осуществить революционные идеи в сфере подготовки социалистического учительства.

Творческая работа в отделе подготовки учителей началась летом 1918 г., когда педагогический саботаж несколько пошел на убыль. Основные черты этой работы заключались в обновлении существующих педагогических учебных заведений. Почти все учительские институты были преобразованы в высшие педагогические институты для подготовки школьных работников для 2-й ступени единой трудовой школы. Учительские семинарии было решено оставить только на один год. Им дан был временный устав, соответствующий духу советской республики. Уставы, учебные планы и программы педагогических институтов и учительских семинарий были в августе 1918 года подвергнуты обсуждению на всероссийском совещании деятелей по подготовке учителей. В курс семинарий введены социология, политическая экономия, история социализма, советская конституция, основы единой трудовой школы. Педагогический персонал пришлось обновить путем перевыборов.

Для ознакомления учительства с основами новой школы и для поднятия его культурного уровня летом 1918 года удалось устроить более 100 краткосрочных педагогических курсов. Летом 1919 года таких курсов было организовано более 200, летом 1920 г. — до 300. Взамен закрывшихся педагогических классов женских учебных заведений, по предложению отдела, на местах было открыто в течение 1918—1919 гг. 145 годичных педагогических курсов.

В 1919 г. был сделан отделом новый, весьма важный шаг в организации педагогических учебных заведений. Все учительские семинарии с осени 1919 года прекратили самостоятельное существование. Большинство семинарий преобразовались в 3-годичные педагогические курсы, куда дети и подростки совсем не принимаются. Трехгодичные курсы (как и годичные) временные учреждения. Они, ввиду недостатка высоко квалифицированных педагогических сил, будут существовать до тех пор, пока их не удастся всюду заменить типом нового педагогического учебного заведения, которое обслуживало бы все отрасли просвещения. В 1919 г. отдел уже приступил к созданию этого нового типа высшего педагогического учебного заведения под названием — институт народного образования. Нормальный институт народного образования должен иметь четыре отдела: дошкольный, школьный, внешкольный и трудовой. В столицах и крупных провинциальных центрах высшие педагогические учебные заведения одновременно с подготовкой дошкольников, школьных работников и внешкольников, приступили также к подготовке учителей иностранных языков и работников по эстетическому и физическому воспитанию и по обучению и воспитанию дефективных детей (физических и умственно отсталых). Таким образом, под одной крышей будут готовиться работники для всех отраслей просвещения. Уставы, программы и учебные планы, а также и методы работ в педагогических учебных заведениях были в августе 1919 г. одобрены всероссийским совещанием по реформе педагогических учебных заведений.

Одновременно с перечисленными мерами приступлено также и к подготовке профессоров для педагогических учебных заведений. В 1919 г. при двух высших педагогических учебных заведениях уже оставлена значительная группа студентов, которые готовятся к преподавательской работе в институтах народного образования и на педагогических курсах.

Общее количество педагогических учебных заведений к 1 января 1921 г. в Советской России представляется в следующих цифрах: высших педагогических учебных заведений — 58 (в их числе 2-е курсов иностранных языков и 1 курсы по подготовке работников с дефективными), трехлетних педагогических курсов—176, годичных педагогических курсов—89.

Учащихся в педагогических учебных заведениях более 30.000 человек. Кроме того, при всех 3-годичных курсах и при всех институтах народного образования существуют подготовительные группы для рабоче-крестьянской молодежи. Количество учащихся в этих группах в данный момент достигает до 10.000 человек.

В текущем году выпущено на практическую работу 5.000 человек. Малое количество окончивших педагогические учебные заведения объясняется тем, что около $^1/_2$ заведений не имели последнего курса. Регулярные выпуски начнутся не ранее 1921 г.

Количество краткосрочных педагогических курсов летом 1920 г. достигло 300. Правда, летние краткосрочные курсы в огромном большинстве случаев руководились не советскими деятелями. Часто на них не было советских лекторов по социально-историческим дисциплинам и по вопросам единой трудовой школы, социального воспитания и методам работ в новой школе. Крайне необходимо организовать учет и распределение руководителей краткосрочными педагогическими курсами. В число руководителей по социально-историческим дисциплинам и по вопросам строительства новой школы следует приглашать только последователей трудовой школы и сторонников советской власти.

Рост дела подготовки учителей с особой наглядностью можно проследить по движениям

сметы отдела. В 1917 году в России на подготовку учителей было истрачено всего лишь 476.000 р. В 1918 году по этой статье было ассигновано до 30.000.000 р., в 1919 г.—532 миллионов рублей и в 1920 году ассигновано 1.500.000.000 р., из них 130 миллионов на трудовые процессы.

Таким образом, количественная сторона дела подготовки школьных работников сильно возросла за последний год. Однако педагогические учебные заведения, при настоящих условиях, дают слишком ничтожное количество школьных работников. Они не удовлетворяют и $^1/_{10}$ доли реальной потребности в них. Во всяком случае осуществление идеи всеобщего обучения хотя бы только для детей школьного возраста в данный момент невозможно только потому, что для этого нет и неоткуда взять необходимого числа учителей. И отделу подготовки учителей придется беспрерывно изыскивать новые меры и средства к самому интенсивному поднятию количественной стороны дела подготовки учителей.

Но в подготовке школьных работников, наряду с количественной стороной, не менее остро стоит и качественная сторона. До сих пор учителя готовились классным и аудиторным способом. Школьная практика в этой подготовке играла жалкую, порой комическую роль. В огромном большинстве случаев будущий учитель в педагогическом учебном заведении совсем не прорабатывал того материала, с которым ему потом приходилось орудовать в школе. И почти все учителя фактически были или самоучками или копировали тех плохих учителей, школьную работу которых им приходилось видеть.

Для поднятия качественной стороны подготовки работников для трудовой социалистической школы отдел проводил в жизнь ряд мер, которые по существу сводятся к новым методам работы по подготовке учителей.

Классный и лекционный методы в постижении всех научных дисциплин решительно отвергаются и заменяются активностью студентов, их сближением с жизнью, производством и природой. Система всякой науки постигается в семинариях, студиях, лабораториях, в саду, в лесу, в мастерской, на фабрике и заводе и более всего в самой жизни, в сфере практического приложения науки и жизни.

Школьному делу будущий учитель должен обучаться не в опытной школе (при педагогическом учебном заведении), как это было до сих пор, а непосредственно в живой реальной повседневной школьной жизни и школьной работе. Подход к школьной работе начинается на 1-м курсе. Затем совершается переход к самостоятельным занятиям в школе, последний год обучения должен сводиться по преимуществу к самостоятельной практической работе в школах данного города или данной местности. В течение практического года студенты должны собираться на конференции. На этих конференциях они путем коллективной работы выясняют недостатки и положительные достижения своей работы. Конференции проходят при участии руководителей педагогических учебных заведений. В своей школьной практике студент обязан на деле проработать весь тот материал, который потом ему в качестве самостоятельного и ответственного работника придется проработать с детьми в школе. Ознакомление студентов с внешкольными и дошкольными учреждениями обязательно.

Однако подготовка нового учителя не может ограничиваться только научно-педагогической стороной и школьной практикой. Трудовая социалистическая школа должна готовить гармонически развитую личность для трудового социалистического общества, в котором каждый член является участником производительного труда. Из этого следует, что в социалистической школе учителям-белоручкам не место. В новой школе каждый учитель должен быть активным участником в общественно-необходимом производительном труде. Поэтому каждый школьный работник должен в совершенстве постигнуть одно или несколько технических знаний. Вопрос — какое знание, решается местными условиями и индивидуальными склонностями. Но усвоение технических знаний отнюдь не должно носить ремесленного характера. Всякий трудовой процесс должен быть органически связан с наукой. При работе в саду, огороде, лесу, на ферме—изучается биология. В мастерской, на фабрике и заводе происходит углубление познаний по механике, физике, химии и т. д.

Эти методы работы по подготовке учителей для новой школы отдел подготовки учителей решил сделать обязательными для всех педагогических учебных заведений. Для этой цели вменяется в обязанность перейти от пассивного усвоения научных дисциплин к активной работе над ними. Практическая работа опытных школ переносится во все культурно-просветительные учреждения данной местности. Организация трудовых процессов (на земле, в мастерской, а где можно—на фабрике и заводе) при всех педагогических учебных заведениях обязательна. Без производительного труда не может открыться ни одно новое педагогическое учебное заведение.

Перечисленных выше факторов все-таки недостаточно для создания нового учителя. Будущие учителя для трудовой социалистической школы должны вербоваться из лиц с определенной классовой подготовкой или с вполне сложившимся социалистическим мировоззрением. В настоящее время почти при всех педагогических учебных заведениях открылись подготовительные группы для рабоче-крестьянской молодежи, желающей отдать свои силы делу просвещения.

Но социалистическое воспитание этих будущих учителей должно совершаться не путем гипноза или формального задалбливания социалистической догмы, а при помощи активной проработки студентами основ научного социализма. Незыблемость социалистической доктрины настолько бесспорна, что активное постижение ее явится лучшим способом сделать студента сознательным социалистом и столь же сознательным строителем социалистического общества.

Отдел подготовки учителей принимал все меры к тому, чтобы, на основе изложенных методов подготовки учителей, создать новую породу учителей-социалистов, без которой немыслимо строительство социалистической школы.

Но правильной работе отдела беспрерывно мешали общие условия, в которых находится Советская Россия. Прежде всего—дело с финансированием педагогических учебных заведений обстоит крайне неблагополучно.

Система полугодовых смет, главное же их несвоевременное происхождение в междуведомственном совещании не дают возможности планомерно вести оборудование учебных заведений, закупать дрова и т. д. К тому же и финансовый аппарат (финансовый отдел Н. К. П. и Наркомфин) кредиты переводят на места с страшным запозданием, а порой и совсем их не переводят. На местах же, когда уже кредиты получены, часто эти кредиты расходуются по другому назначению. Ко всему этому надо добавить, что местный контроль нередко задерживает выдачу жалованья по новым ставкам и отказывает в уплате за сверхурочную работу. Все это, взятое вместе, приводит к тому, что глухие углы остаются по $^1/_2$ года без всяких кредитов, а преподаватели остаются крайне необеспеченными. При таких условиях преподаватели живут в долг или питаются посторонними заработками, а текущие нужды учебных заведений местными исполкомами удовлетворяются из других источников (напр., из продовольственных сумм).

Обеспечение учебных заведений помещениями, топливом, продовольствием и учебными пособиями во многих местах было трагическим и нередко приводило к приостановке учебных занятий. Особенно тяжелым было положение учебных заведений в прифронтовой полосе. Мобилизации студентов гибельно отражались на работе педагогических учебных заведений.

Отдел работал без всяких директив от соответствующих отделов Н. К. П. Инструкторский аппарат при отделе (за отсутствием пайков) так и не удалось поставить. Беспрерывно ощущался недостаток в квалифицированных организаторах и руководителях пед. уч. зав. Работать приходилось, опираясь на отделы народн. образ. и на силы местных работников.

Но при всех этих неимоверно тяжелых условиях более половины педагогических учебных заведений ведут работу вполне удовлетворительно. Это подтверждают делегаты с мест, представители отделов народного образования, отчеты учебных заведений и отчеты инструкторов отдела подготовки учителей. Заслуживает особого внимания то, что, при небывалой хозяйственной разрухе, около половины педагогических учебных заведений сумели поставить трудовые процессы на земле и в мастерских. Огороды и фермы оказывали значительную поддержку учащимся, без них более половины учебных заведений, несомненно, прекратили бы существование, так как социальное обеспечение учащихся слишком ничтожно по своим размерам.

В данный момент (1 декабря 1920 г.) отдел занят вопросом о подготовке профессоров для педагогических учебных заведений и поднятием культурно-педагогического уровня преподавателей существующих педагогических учебных заведений.

Первый вопрос разрешен пока частично—при петроградских институтах, по мысли отдела, приступлено к подготовке профессоров для педагогических учебных заведений. В Москве эту подготовку до сих пор не удалось наладить.

Второй вопрос разрешен учреждением постоянных научно-педагогических курсов, куда вызываются с мест преподаватели педагогических учебных заведений для 3—4-месячной работы.

Кроме этих важных задач отдел разработал проект организации 3-го (практического) года обучения на постоянных педагогических курсах. Составлен проект института школьных практикантов. Готов также проект института уполномоченных для регулярного и планомерного инструктирования и обследования педагогических учебных заведений. Разрабатываются программы для 3-летних педагогических курсов (часть их уже готова). Изготовлены проекты о массовой подготовке красного учительства для ликвидации безграмотности и о педагогическом самообразовании учительства. Продолжалась работа по развертыванию институтов народного образования (открываются при них в разных городах дошкольные и внешкольные факультеты, организуются трудовые процессы на земле и в мастерских и т. д.). С чувством удовлетворения следует отметить, что к 1 янв. 1921 г. в 23 инст. народн. образ. была уже организована длительная подготовка дошкольных работников и в 20 институтах—длительная подготовка внешкольных работников.

Отдел подготовки учителей не склонен преувеличивать значения той работы, которую он совершил. Эта работа носит характер переходной меры, вернее—она является подготовительной мерой, приступом к новой и коренной перестройке всей системы существующей подготовки школьных работников. В этом направлении сделан лишь первый шаг. Но подлинное социалистическое творчество в этой области все еще впереди.

P. S. В январе 1921 г. все дело подготовки работников социалистического строительства передано Главпрофобру. Туда же перешла и подготовка педагогов.

До перехода в Главпрофобр в основе подготовки работников просвещения лежали *наука, педагогика, педагогическая практика* к—где возможно—трудовые процессы на земле и в мастерских. Главпрофобр в центре подготовки педагогов решил поставить *индустриализм*. Как эта трудная задача будет разрешена, покажет время. Надо верить, что выполнение этой задачи начнется не разрушением созданного отделом подгот. учит., а постепенным приспособлением существующих педагог. учебн. завед. к новым программным требованиям. Педагогическая школа перешла в Главпрофобр на полном ходу,—неразрушенной. И было бы гибельным для дела просвещения, если бы Главпрофобр начал реформу педагогич. уч. зав. с их разрушения. В данный момент слишком ничтожны реальные возможности для немедленного массового превращения педагогических учебных заведений в педагогические техникумы, которые должны готовить технически образованных педагогов.

Кир. Левин.

Отчет „о Детском городке им. III Интернационала".

С 20 сентября 1919 г. по 20 сентября 1920 г.

Зародился этот городок в декабре месяце 1918 года в подотдела социального воспитания отдела единой школы Наркомпроса. Заведывавшая тогда этим подотделом, тов. Бибаноза, решила осуществить следующий план социального воспитания: брать беспризорных детей в возрасте от 3-х—17-ти лет, обследовать их в научно-наблюдательном распределительном пункте «Коллекторе» с медицинской, педагогической и психологической точек зрения и, соответственно полученным данным, выделять их в детские дома по 24 человека (8 дошкольников, 8 школьников и 8 подростков).

Первоначально предполагалось создать 6 таких домов, но, позднее, под давлением социальной необеспеченности детей, подотдел создал 10 таких детских домов. Все эти дома объединялись коллектором, который являлся центром всяческого снабжения: так, в коллекторе была центральная кухня, обслуживавшая все 10 детских домов, центральная прачечная, склад, канцелярия, при коллекторе же был и лазарет для детей данных детских домов.

Как педагоги, так и дети были тесно связаны с коллектором потому, что в детские дома выделялись не только обследованные дети, но с ними переходила туда и группа педагогов (4 чел.), наблюдавшая данных детей в коллекторе, а в коллектор поступали новые дети, и штат педагогов пополнялся новыми работниками.

В сентябре 1919 года, когда я впервые познакомилась с этими учреждениями, дело обстояло так: в коллекторе, рассчитанном на 100 чел. детей, было 120 чел. в возрасте от 3—17 л. Все они помещались в большом трехэтажном здании, где один этаж был отведен под общую столовую и классы для ручного труда, второй—под спальни, в третьем помещались классы, психологический кабинет, лаборатория и несколько комнат служащего персонала. Все дети, таким образом, сталкивались между собою и во время занятий, и во время еды, одни мешали другим, и было крайне трудно наладить хотя бы какую-нибудь педагогическую работу. Главную дезорганизацию вносили подростки, которые, не будучи заняты надлежащим образом, делали совершенно невозможной работу коллектора, расхищали вещи, продавали их на рынках, ругались, обижали младших и т. п.

Педагоги коллектора работали с детьми по 4 ч. в день, после чего 2 часа писали детские дневники (индивидуальные и групповые), затем уходили по домам, так что каждые 4 часа в группе детей сменялись педагоги. При таком распорядке дежурств и при том условии, что на одного педагога приходится группа детей в 15 ч., в коллекторе было 24 педагога и ни один из них не нес на себе ответственности за всю группу. Один педагог не знал ничего о том, что делал предыдущий, велись, правда, дневники, но, вероятно, их некогда было читать, по крайней мере записи работников, следовавших один за другим, не носили никакой преемственности.

Кроме педагогов было еще большое число технических служащих, так как педагоги и дети не несли никакой работы по самообслуживанию. Центральная кухня, обслуживавшая все детские дома и коллектор, была абсолютно не на высоте: во-первых, в ней были хищения, во-вторых, все приготовлялось крайне невкусно и грязно, в-третьих, тут не могло быть и речи о каком бы то ни было детском питании—это была советская столовая, и только.

В сентябре 1919 года подотделом ведала уже не т. Бибанова, ее сменила т. Смирницкая, которую вскоре заменила т. А. Г. Познер, но и та и другая были перегружены работой подотдела и партийными обязанностями и не могли всецело посвятить себя работе в этих детских учреждениях, кроме того обе они были врачами и не могли бы наладить педагогическую работу. Нехватало у них также времени и на то, чтобы наладить хозяйственный аппарат, так что дети не были обеспечены ни топливом, ни одеждой, ни мылом, все было в грязи, а дети были покрыты насекомыми. Паровое отопление нигде не действовало, были поставлены печурки,